

572

РУССКАЯ СТАРИНА

"RUSSKAIA STARINA" //

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

" $\frac{6}{1872}$ " //

1855

34

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1872 г.

ТОМЪ VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая ул., д. № 49—2).

1872.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ третій.

І Ю Л Ъ.

1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки партизана Демиса Давыдова : воспоминанія о польской войнѣ 1831 года . . .	1	IV. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Историческіе рассказы и анекдоты, записанные П. Ф. Карабановымъ (87).
II. Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ на Кавказѣ въ 1826—1827 гг.: донесенія и письма. Сообщ. П. И. Вроня	39	2. Распоряженіе имп. Павла объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и о замѣнѣ ихъ другими. Сообщ. Г. К. Рѣшинскій (98).
III. Записки И. П. Липранди : Мнѣніе по такъ-называемому «Дѣлу Петрашевскаго». Сообщ. И. П. Липранди	70	V. Библиографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ).

ПРЕДЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова** 1738—1794 гг. томъ третій, части XVII и XVIII, письма 175—183: Бытъ русскаго дворянства 1774—1775 гг.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1872 г. Цѣна съ доставкой въ Петербургѣ и Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города **восемь руб.**

Вслѣдствіе многочисленныхъ требованій, „Русской Старины“ 1872 г. осталось немного экземпляровъ, печатается второе изданіе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1872.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го юля.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Дневныя морскія записки, веденныя на корабль «Уриль», во время плаванія его въ Средиземное море, съ эскадрою, подъ начальствомъ вице-адмирала Селявина состоящею. Г. М. Медвильова. Спб., 1872 г., in 8, VIII, IV и 234 стр. Съ гравированнымъ въ Англіи портретомъ автора. Часть первая.

Эти записки были представлены дочерью автора, гравией Александрой Григорьевной Шереметевой въ учебное отдѣленіе морского техническаго комитета. Иданная часть первая ихъ часть обнимаетъ эпоху отъ назначенія и приготовления эскадры и отплытія ея изъ Кронштадта 10 сентября 1805 г., до прекращенія военныхъ иротивъ французовъ дѣйствій, вслѣдствіе полученнаго извѣстія о Тильзитскомъ мирѣ. Записки покойнаго Григорія Михайловича Мельникова неключительно морского содержания — далеко не такъ занимательны и разнообразны, какъ «Письма морскаго офицера» (Вроцкаго).

Изъ записокъ этихъ узнаемъ впервые, напр.: что 1) по маломѣлію на эскадрѣ (состоявшей изъ 5 кораблей и 1 транспортнаго фрегата), медицинскихъ чиновъ развѣщено было по судамъ въ Портсмутѣ 6 лекарей и 8 подлекарей, нанятыхъ въ Англію, и 2) что въ октябрѣ мѣсяцѣ 1805 г. барометръ, даже въ англійскомъ шлотѣ, былъ еще большою рѣдкостью: «22 числа — свазано въ запискахъ — отъ нашего флагмана отданъ былъ слѣдующій приказъ: «когда на англійскомъ адмиральскомъ кораблѣ (въ Портсмутѣ), поднятъ будетъ бѣлый флагъ съ синими пайнами и сверху оного синій вымпелъ, то значить, что опасно взлѣзть гребнымъ судамъ по здѣшнему рейду». Черезъ сіе давалось знать, что вскорѣ послѣдуетъ буря, которую уповательно заблаговременно показывалъ барометръ, на означенномъ адмиральскомъ кораблѣ находящійся».

Акты, собранныя Кавказскою археографическою комиссіею. Твельскъ. Тип. Гл. Упр. in magno folio. Томъ I (1866, X и 816 стр.); Т. II (1868, VI и 1238 стр.); Т. III (1869, VI и 760 стр.); Т. IV (1870, III и 1015 стр.). Цѣна каждому тому 30 рублей.

Кавказская археографическая комиссія основана въ апрѣлѣ 1864 года, по мысли и предложенію статсъ-секретаря А. П. Илюкова и при высочайшемъ покровительствіи августѣйшаго наместника Кавказскаго, великаго князя Михаила Николаевича, выражающаго полнѣйшее сочувствіе этому учрежденію. Разбору комиссіи подлежатъ четыре архива: архивъ главнаго управленія, Ставропольскій, Георгіевскій и Киз-

лярскій: «последній, по свидѣтельству комиссіи, едва-ли не самый интересный изъ Кавказа: въ продолженіе 50-ти лѣтъ, до устройства Моздокской линіи, Кизляръ былъ, такъ сказать, столицею, а потому все наши сношенія съ горами и съ Грузіей, подготовившія дальнѣйшее развитіе правительственной дѣятельности, могутъ быть объяснены и выведены наружу только разслѣдованіемъ Кизлярскаго архива».

Но прежде чѣмъ почтенная комиссія дойдетъ до втораго архива, ей предстоитъ довольно труда въ архивѣ главнаго управленія. Архивъ этотъ содержитъ въ себѣ 128,000 объемистыхъ двѣхъ и 877 переплетенныхъ томовъ. Комиссія дѣлитъ архивъ главнаго управленія на три періода: 1-й отъ 1801 до 1816, т.-е. до вступленія генерала Ермолова въ управленіе Грузіею; 2-й обнимаетъ все время управленія А. П. Ермолова; затѣмъ начинается 3-й періодъ — до настоящаго времени.

Первый томъ, изъ вышедшихъ томовъ актовъ, состоитъ изъ двухъ частей: въ первую вошли такъ-называемые гуджары или жалованныя грамоты на грузинскомъ языкѣ царей и другихъ владѣтельныхъ особъ Грузіи, а также фирматы персидскихъ шаховъ и другіе документы на языкахъ: арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ; вторая часть этого тома обнимаетъ акты, относящіеся ко второй половинѣ XVIII столѣтія и за время управленія Кююринга до смѣны его кн. Циціановымъ, въ концѣ 1802 года. Къ первому тому приложены портретъ Кююринга и карта Кавказа, съ показаніемъ его политическаго состоянія до 1801 года. Второю томъ — время управленія князя Павла Дмитриевича Циціанова (1802—1806); къ этому тому приложены три портрета: послѣдняго Грузинскаго царя Георгія XII, царевича Давида и кн. Циціанова. Третьимъ томъ — время управленія генералъ-фельдмаршала графа Ивана Васильевича Гудовича (1806—1809); къ третьему тому приложено шесть портретовъ: царя Ираклія II, царевича Іоанна, царицы Дарин, царевича Вахтанга, католикаса Автомія II и гр. Гудовича, и шесть со снимками съ печатей и факсимиле нѣкоторыхъ членовъ грузинскаго царскаго дома и главныхъ дѣятелей первой эпохи водворенія на Кавказѣ русскаго владычества. Четвертымъ томъ — время управленія А. П. Тормасова (1809—1811); къ четвертому тому приложено пять портретовъ: царевичей Баграта, Геймураза, Паризоза и супруги послѣдняго царевича Анны и Тормасова.

Отсюда видно, что система изданія актовъ, принята кавказскою археографическою комиссіею, — хронологическая: время управленія каждаго главнокомандующаго

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

Воспоминанія о польской войнѣ 1831 года.

Читатели „Русской Старины“, безъ сомнѣнія, оживили въ своей памяти рыцарскій обликъ личности партизана Давыдова, по прочтеніи мастерски набросаннаго его сыномъ біографическаго очерка (см. въ „Русской Старинѣ“, т. V, стр. 624 — 639). Нынѣ предлагаемъ „Записки“ партизана о польской кампаніи 1831 г. Этотъ историческій памятникъ созданъ бойкимъ, даровитымъ перомъ поэта и партизана въ 1836 г., слѣдовательно, по самымъ живымъ воспоминаніямъ о событіяхъ, въ которыхъ онъ, либо принималъ непосредственное участіе, либо слышалъ о нихъ, какъ говорится, изъ первыхъ рукъ. Наблюдатель глубоко просвѣщенный, воинъ — безъ упрека, представитель бойцовъ славной памяти двѣнадцатаго года — Денисъ Давыдовъ — внесъ въ печатаемыя нынѣ „Записки“ много мѣткихъ замѣчаній, полезныхъ даже теперь; — сорокъ лѣтъ спустя, послѣ того какъ были набросаны его замѣтки, онѣ не утратили своей свѣжести и интереса. Что касается до описанія событій, то оно отличается присущимъ таланту Давыдова свойствами: живостью разсказа, образностью выраженій, и тѣмъ увлеченіемъ, которое водило его къ побѣдамъ и окрыляло его своеобразною музою.

„Воспоминанія о польской войнѣ 1831 г.“ издавна извѣстны любителямъ новѣйшей отечественной исторіи по многимъ спискамъ. Они долго ходили по рукамъ, и нѣсколько списковъ перебивало и въ нашемъ собраніи рукописей. Лучшій изъ нихъ, къ сожалѣнію, не сохранился, подаренъ намъ уважаемымъ Петромъ Павловичемъ Зуеву, которому перешелъ отъ брата Д. П. Зуева, а къ тому, въ свою очередь, поступилъ отъ подпоручика корпуса путей сообщенія Чивцева († 1843 г.). Этотъ молодой человекъ былъ, если не ошибаемся, племянникомъ Д. В. Давыдова, и изъ кабинета дяди получилъ полный списокъ его записокъ, до восемнадцати небольшихъ градей. Весь этотъ манускриптъ разстратился у генералъ-лейтенанта

Серг. Гавр. Веселитскаго; уцѣлѣла лишь тетрадь въ 26 полулистовъ мелкаго, убористаго письма, находящаяся въ нашемъ распоряженіи.

Затѣмъ основнымъ спискомъ при изданіи мы приняли рукопись, сообщенную сыномъ партизана, Василиемъ Денисовичемъ Давыдовымъ. Списокъ этотъ, какъ свидѣтельствуесть сообщившій его, снятъ съ подлинной рукописи автора.

Для удобства чтенія—мы раздѣлили весь рассказъ на главы. Въ концѣ записокъ приведены варианты изъ прочихъ списковъ и дополненія В. Д. Давыдова къ біографическому очерку, помѣщенному въ „Русской Старинѣ“, т. V, стр. 624.

Паденіемъ Наполеона закончилась великая эпоха войнъ, справедливо названная эпопеей военнаго искусства. Каждое государство, участвовавшее въ низверженіи завоевателя, требовало себѣ вознагражденія за убытки, понесенные въ теченіе тягостной и продолжительной войны. Порфира исполна была разорвана на части; Англія, Австрія, Пруссія, Швеція и прочія союзныя государства были вознаграждены расширеніемъ границъ своихъ на счетъ владѣній Наполеона и его союзниковъ.

На долю главной виновницы сего чуднаго переворота—Россіи досталось герцогство Варшавское, обмѣненное отъ герцогства Познанскаго, доставшагося Пруссіи, Краковской области, признанной независимою, и округъ въ Галиціи, вошедшій въ составъ австрійскихъ владѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху вещественнаго и нравственнаго могущества Россіи, когда еще не остылъ пепель Москвы, курившійся на жертвенникѣ оленчества и щтыки 200,000 испытаннаго русскаго войска, предводимаго опытными и искусными генералами, оверкали на поляхъ Франціи, она могла приобрести несравненно болѣе того, что она получила; не взирая на хвастовство французовъ, Франція, сознавала себя гораздо болѣе побѣжденной, чѣмъ Наполеонъ и Германія, утомленная своими собственными побѣдами.

Но великодушный государь нашъ удовольствовался лишь приобритеніемъ для Россіи полного права гражданства въ Европѣ, участія въ совѣщаніяхъ европейскихъ государствъ между собою и чугуннаго шара на кровавыхъ баллотировкахъ спорныхъ мѣ-

ній, совѣщателей: Александръ I, ограничившись присоединеніемъ къ Россіи царства польскаго, ономъ въвелъ здѣсь, въ видѣ опыта, тотъ родъ управленій, коимъ духъ вознѣвъ носкъ паденія Наполеона (отъ насъ) себя надеждой, слѣдуя по противоположной стезѣ, превозвелъ славу падшаго соперника. Раздѣлъ Польши былъ окончательнѣе ирригинальнѣе утверждёнъ: 21-го апрѣля (9-го мая) 1815-мъ торжественнымъ актомъ, подписаннымъ уполномоченными трёхъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи. Вотъ статья трактата, относящаяся къ Россіи, и царству польскому, помѣщенная въ договорѣ съ Пруссіей: «Статья 5-ая. Герцогство Варшавское, за исключеніемъ гдѣхъ частей оного, о оныхъ упомянуто въ предъидущихъ статьяхъ и трактатѣ, заключеннаго подписанномъ между его величествомъ императоромъ имперорскійскимъ и его величествомъ королемъ прусскимъ, онавѣргда при соединеніи въ имперію россійскую; это условіе, весьма ясное, не требуетъ ктому никакихъ комментариевъ. Высочія договаривающіяся державы, какъ будто, недостаточно, употребивши на счетъ выраженія, опредѣляющаго по оному значенію, ирригинальнѣе царства польскаго Россіи, присовокупили къ слову навсегда, на вѣчныя времена. Слѣдъ благодарности его величества императора будетъ зависѣть распространеніе управленій, дарованныхъ царству польскому, въ польско-россійскія губерніи и присоединенію сихъ послѣднихъ къ царству. Приведеніе въ исполненіе сего послѣдняго условія предоставляется, какъ выше видѣли, единой волѣ императора, но дарованіе ирригинальному царству, особаго управленія требуется весьма ясно иъ полезнѣе. Хотя наше государство, сообразно съ существующимъ порядкомъ и обычаемъ, должно присоединить къ прочимъ своимъ титуламъ титулъ: царя (короля) польскаго, но покуда, находящіяся въ подданствѣ высочихъ договаривающихся сторонъ, будутъ имѣть народныхъ представителей и національныя государственныя учрежденія, о томъ снѣтъ, о тѣмъ родомъ политическаго существованія, который, на взглядъ изъ правительства будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу соиздѣній. Спрашивается: какой образъ политическаго существованія, можетъ быть признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для области, поступающей на вѣчныя времена въ составъ владѣній великаго государства? Тотъ же, кою духъ наиболѣе согласуется съ духомъ политическаго суп-

ществованія государства, къ коему область присоединяется, или тотъ, который рѣшительно противоположенъ учрежденіямъ, исхони въ этомъ государствѣ существующимъ. Безъ сомнѣнія, первый. Разсуждать иначе значило бы руководствоваться одностороннимъ взглядомъ, метафизическими отвлеченностями, а не благоразуміемъ, требующимъ не разрозненія, а напротивъ, приведенія духа учреждений областей многосложнаго государства къ общему знаменателю, безъ чего невозможно единство, которое одно составляетъ силу государства. Итакъ, сія 5-я статья договора состоитъ, сама по себѣ, изъ двухъ отдѣловъ, изъ коихъ послѣдній совершенно противорѣчитъ первому,—это было вѣроятно включено въ означенные договоры не безъ задней мысли.

По подписаніи договора между Россіей и Пруссіей былъ заключенъ подобный же съ Австріей. Они были внесены въ акты вѣнскаго конгресса уполномоченными всѣхъ великихъ державъ. На основаніи этого нашъ государь, вооруженный правами, торжественно признанными всей Европой, приступилъ къ дѣлу.

Во-1-хъ, его величество принялъ царство польское въ потомственное и вѣчное владѣніе.

Во-2-хъ, онъ не счелъ нужнымъ распространить дарованный имъ этому царству образъ правленія на польско-россійскія губерніи и присоединить ихъ къ нему.

Въ-3-хъ, онъ принялъ титулъ царя польскаго, присвокупивъ его къ прочимъ имъ носимымъ достоинствамъ.

Въ-4-хъ, его величество уклонился, подъ разными предлогами, отъ введенія въ присоединенное царство представительнаго образа правленія, какъ чрезмѣрно отличающагося отъ учреждений, исхони въ Россіи существующихъ. Онъ ограничился лишь дарованіемъ ему отдѣльнаго и особаго управленія, подобно тому, какое существовало уже въ Финляндіи.

Вотъ на какомъ основаніи Александръ I принялъ царство польское, права на котораго онъ передалъ своему законному наслѣднику.

II.

Наполеонъ сказалъ однажды: «Европа занималась чтеніемъ исторіи французской революціи, но я положилъ замѣтку и закрылъ книгу. Наступитъ время, когда замѣтка выпадетъ и Европа вновь обратится къ чтенію закрытой мною книги». Пророчество

великаго человѣка сбылось: замѣтка выпала и все ринулось на поприще возникшихъ преній и переворотовъ. Самые владыки Европы не могли не подчиниться влиянію этого всеобщаго движенія умовъ; почти въ одно время были дарованы хартии: Людовикомъ XVIII—Франціи, Вильгельмомъ—Нидерландамъ, Александромъ—Польшѣ. Книга революціи раскрылась и съ тѣмъ вмѣстѣ военное ремесло уступило права свои на всеобщее вниманіе гражданскому началу, которое въ теченіе 15-ти лѣтъ, скромно довольствуясь неизвѣстностью, вдругъ воспрянуло. Явились адвокаты, журналисты, разнаго рода витія, молодые люди, незнакомые съ военной службой, либо жалко въ ней служившіе отъ недостатка въ дарованіяхъ къ подобному роду занятій, кои скрывались до сего времени въ глубинѣ общества. Они заняли мѣста полководцевъ — этихъ кумировъ устарѣвшаго богослуженія, капиталистовъ — монеты, курсъ которой упалъ столь значительно. Громъ оружія былъ захвненъ напряженіемъ гортаней и скрипомъ перьевъ. Великія побоища были забыты, пренія же палаты депутатовъ приковали къ себѣ всеобщее вниманіе. Грустно было нашему воинственному, но невѣжественному поволѣнію, быть вынужденнымъ отстраниться, для того, чтобы дать мѣсто лицамъ, кои, выдвинувъ свои вещественныя и словесныя батареи, стали оглашать своими звуками несравненно большее пространство. Многіе убѣждены, что усилія ратоборцевъ настоящей эпохи клонятся лишь къ пользѣ общей, къ доставленію человѣчеству наибольшей суммы благосостоянія, свободы и просвѣщенія. Нисколько! не всѣ и далеко не всѣ движимы столь высокою любовью къ человѣчеству. И тогда, и нынѣ на человѣчество смотрѣли, какъ на собраніе цифръ, которыми рѣшались и рѣшаются задачи личныхъ честолюбій и корыстолюбій; и тогда, и нынѣ лишь жажда къ приобрѣтенію личной извѣстности или достоянія побуждаетъ многихъ къ неутомимой дѣятельности, посвященной, по ихъ мнѣнію, одному благу человѣчества. Причина всего кроется лишь въ всепоглощающемъ я; войны всѣхъ эпохъ происходили большею частію лишь отъ этого. Различіе заключается лишь въ образѣ битвы, оружіи и въ способахъ ими дѣйствовать. Вмѣсто Массенъ, Даву, эрцъ-герцоговъ Карловъ, Кутузовыхъ, Барклаевъ, Багратионовъ — мы видимъ Одильоновъ, О'Конелей, Могеновъ и Лелевелей.

Самый Наполеонъ, этотъ очаровательный и исполненный

повсюду исполнить, былъ замѣненъ 90-ти-лѣтнимъ дитятей Лифантомы въ маскардонскъ плащъ поцѣскаго президента; битвы разбиты; гротическаго, баснословнаго уступили мѣста свои овалкамъ черни въ локмотьяхъ; фразы Шомки и фразамъ аббата Ламене, поспоремы многими группами, вѣе вѣе неопытными (но ильбѣ благоосложня, истинная свобода народовъ (а нисколько не разумѣю подѣ этимъ именемъ анархическое состояніе) въ войнѣ находятся въ настоящее время въ вторыхъ государствахъ) должны, по видимому, вѣчно оставаться расщепленными на прѣдѣль между двумя разбойниками: честолюбивымъ военнымъ и честолюбивымъ гражданскимъ, никогда не обнаруживающими ни малѣйшаго раскаянія. Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключенія; и эти исключенія въ напѣмъ вполнѣ меркантильномъ вѣкѣ и олимпикомъ рѣдкѣ, чтобы оказать на большинство умѣнь и увѣселившихся общимъ погрозомъ идей, едва замѣтное вліяніе. Намъ живущимъ въ этомъ эгоистическомъ вѣкѣ, нельзя не привѣтствовать отъ души это радостное, хотя и смѣшное рѣдкое появленіе изъ фантасма личностей, любвеобильныхъ не столько на словахъ, сколько на дѣлѣ.

Я можетъ быть ошибаюсь, но тѣмъ же менѣе убѣжденъ, въ томъ, что не желудкамъ нашего нравственно-хилого вѣка переваривать такую пищу, какъ свобода, на это потребны желудки древнихъ грековъ и римлянъ, которые могли себѣ безпрѣдно насыщаться и пресыщаться ею. Ихъ матушка природа принимала съ пользою благодать, ниспосылаемую божіимъ Провидѣніемъ народамъ, исполненнымъ любви и самоотверженія и твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Но мы, проникнутые космополитизмомъ, именуемымъ любовью къ человечеству, какъ будто бы: люблю всѣхъ: не означаетъ никого не люблю, кромѣ самого себя; мы, бездушные и жалкіе скептики, безпомощно заглядывающіе все святое; мы, чальме, гнѣимъ и вѣднѣ прозаическіе — мы не должны дерзавъ мыслить о свободѣ. Нѣтъ, надо стерѣа; и стараться: едва таясь достойными этой небесной манны, и лишь тогда она сама собой низойдетъ въ намъ съ неба; но пока восплаещающее а будетъ единымъ кумиромъ, и единымъ рыцаремъ всей нашей дѣятельности, всѣ наши усилія и стремленія будутъ тщетны. Надѣе удѣль: до того времени (одина: либо — рабство) либо — анархія, судья: римлянъ и грековъ послѣ ихъ паденія съ высоты добродѣтели и любви

въ отечествѣ въ то преступное, нравственно преступное, въ то угонченное себялюбіе, въ томъ имъ нигдѣ такъ погрязли. Свѣтъ еще въ нашей памяти французская революція, июльскій переворотъ и митеза царства польскаго; — все это, по мнѣнію тогдашнихъ говорунцовъ, было совершенно лишнее для блага общаго; не могутъ назвать мнѣ хотя одну личность изъ числа многихъ великихъ, такъ сказать, среди другихъ кровавыхъ событій, для котораго общее благо стоило бы выше собственного къ обществу, вы не назовете ни одной. У каждаго, какъ у лициды Крылова «рыльце въ пуху». Винимъ въ Тьера, село панемириста французской революціи, и мы увидимъ проклятое и, весьма явующее какъ бы противъ воли автора, надъ самыми патристическими побужденіями и порывами людей; имъ продаваемыхъ. Послушаемъ Лафайета и его сообщивковъ, возбуждившихъ, при помощи огромныхъ капиталовъ, июльскій переворотъ; о чемъ говорятъ они? предпріятіе ихъ увѣнчалось успѣхомъ, о чемъ же имъ вздыхать? оны вѣды удался для всѣхъ ироничъ, но не исключительно для тѣхъ, кои волновали умы для удовлетворенія, собственного честолюбія.

Послушаемъ Солтыка, превозносящаго героизмъ и самоотверженіе поляковъ во время послѣдняго митеза; а мы убѣдимся, что присяки членовъ народнаго правленія приготовили для Польши тотъ рядъ бедствій, кои она испытала и которыя были лишь послѣдствіемъ стремленія каждаго — извлечь изъ всего наибольшую выгоду, нимало не заботясь о прочемъ. Вѣрте послѣ этого забвенію личныхъ выгодъ для общаго блага этихъ Брутовъ и Лякурговъ нашего вѣка; съ откликомъ на носу и въ батистовыхъ рубашкахъ, и улови въ вѣтъ убѣжденій. Денежная выгода и коммерческій расчетъ — вотъ убѣжденія нашего вѣка. Грустно становится мнѣ при мысли, что въ нашъ вѣкъ, богатый открытіями всякаго рода, просвѣщеніе, — этотъ великій двигатель человечества по стезѣ усовершенствованій, допустило его пасть столь низко на этой нравственной лѣстницѣ!

Уже, на второмъ сеймѣ¹⁾, открывшемся въ 1820 году, въ

1) На этомъ сеймѣ десаревичъ, избранный депутатомъ отъ Праги; держалъ рѣчь; въ которой польскіе депутаты заставили молчать прилежнаго па сеймъ генералъ-адъютанта Чернышева. Генералъ-контролеръ парляна Оксодовъ, деловѣкъ видный замѣчательный по своимъ необыкновеннымъ способностямъ и

Варшавѣ, обнаружилась стремленія нѣкоторыхъ лицъ къ приобретению личной извѣстности выходками, лишенными даже приличія. Члены сейма не столько занимались сужденіями о предметахъ, представленныхъ имъ правительствомъ, сколько предавались буйнымъ противъ него возгласамъ; они находили, что введенныя нашимъ правительствомъ учрежденія были еще слишкомъ тягостны для развитія благосостоянія страны; они забыли, что для Польши самостоятельность есть дѣло весьма трудное и доселѣ невозможное; до сего времени, едва лишь Польша была предоставлена самой себѣ, какъ она накликала на себя рядъ бѣдствій и вмѣшательство сильныхъ сосѣдей становилось необходимымъ.

Духъ своеволія, вспыхнувъ въ этой несчастной странѣ, могъ легко распространиться въ областяхъ, смежныхъ съ нею. Императоръ Александръ, опасаясь гибельныхъ послѣдствій подобнаго порядка вещей, повелѣлъ производить пренія безъ свидѣтелей и безъ обнародованія ихъ. Такимъ образомъ, пренія членовъ сейма сдѣлались недоступными для любопытствующихъ; путь къ удовлетворенію славолобія пресѣкся для многихъ и не представлялось болѣе для закоренѣлыхъ враговъ Россіи возможности къ возбужденію противъ нея возстанія.

Вотъ, по моему мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ усиленія ненависти къ Россіи всего польскаго шляхетства; къ этому надо присовокупить и то, что новыя учрежденія царства не были введены и въ польско-россійскія губерніи, слѣдовательно надежда на возстановленіе польскаго государства въ полномъ его составѣ исчезла навсегда. Но въ то самое время, какъ мы явно подавали новые поводы къ усиленію ненависти, питаемой къ намъ во всѣ времена поляками, мы приступали къ образованію польской арміи и тѣмъ давали имъ средства къ явному противъ насъ возмущенію.

свѣдѣніямъ, сказали собравшимся депутатамъ: «Такъ какъ вамъ невозможно избрѣсти лести, которую бы императоръ всероссійскій не выслушалъ уже, я совѣтую вамъ сказать его величеству: мы, государь, ни полной завѣсности, ни полной самостоятельности одинаково сносить не умѣемъ». Государь, увидавъ, какіе беспорядки возникли во время преній сейма, лишилъ поляковъ конституціи, данной имъ въ 1815 г., объявивъ, что они «еще не умѣютъ пользоваться свободой». Околовъ связалъ однажды А. П. Ермолову: «Государь сдѣлалъ большую ошибку, дозволивъ полякамъ собираться на сеймъ; это слово, напоминая имъ билое, въ состояніи свести съума не одну голову».

Д. Д.

Попеченіями россійскаго правительства земледѣліе, промышленность, торговля царства были приведены въ цвѣтущее состояніе. Въ первые годы владычества Россіи надъ этимъ царствомъ, изнуренномъ войнами, контрибуціями всякаго рода, всѣ расходы были приняты Россіею на свой счетъ, доходы же его были обращены лишь на удовлетвореніе потребностей царства. По распоряженію нашего правительства выданы были ссуды для торговыхъ операцій; изъ кредитной кассы было роздано отъ 72 до 106 милліоновъ рублей въ видахъ поощренія земледѣлія; пошлина съ ввозимыхъ въ Россію польскихъ суконъ была уменьшена до одного процента, отъ чего таможня потеряла въ теченіи 15-ти лѣтъ до 60 милліоновъ рублей. Польскимъ войскамъ было назначено жалованье, значительно превосходящее окладъ, опредѣленный россійскимъ; оружіе всякаго рода, порохъ и заряды были высылаемы съ изобиліемъ изъ Россіи; крѣпости были улучшены по новѣйшимъ системамъ; крѣпость Замостье, столь много впоследствии намъ вредившая, была возобновлена и значительно усилена. Русскій корпусъ, расположенный близъ границъ царства, получилъ особое образованіе; всѣ, служившіе въ немъ русскіе, были переведены въ коренные россійскіе корпуса, расположенные въ нѣдрахъ имперіи, выбранные изъ нихъ уроженцы польско-россійскихъ губерній поступили въ составъ этого корпуса, наименованнаго Литовскимъ, коему были назначены постоянныя квартиры на самой границѣ царства. Назначенный восьмилѣтній срокъ для службы рядовымъ польской арміи послужилъ прекраснымъ средствомъ къ постепенному ознакомленію всей націи съ военнымъ ремесломъ; при первомъ востребованіи уволенныхъ отъ службы, польская армія могла быть весьма легко удвоена и утроена безъ малѣйшей потери времени на обученіе вновь поступающихъ рекрутовъ. Наконецъ алчность поляковъ къ почестямъ и наградамъ была вполне удовлетворена неисчислимыми щедротами его величества, ежегодно осыпавшими своимъ милостіями поляковъ, коихъ ревность къ службѣ была засвидѣтельствована цесаревичемъ.

Такъ поступалъ Александръ I относительно поляковъ! Дѣйствія этого великодушнаго, но слишкомъ недовѣрчиваго монарха не приносили и не могли принести желанныхъ результатовъ. Его либеральныя воззрѣнія, значительно измѣнившіяся чрезъ нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе пагубнаго вліянія Меттерниха, руково-

дали его въ отношеши поляковъ (фабушденія оного монарха) надѣявшись и въсегда прискрѣтити и снискати существующую между Россією и Польшою вражду, стоили намъ дорого. Отроче только не произвело дѣйствій, противныхъ тому, чего ожидали; но доставило, напротивъ, полякамъ громадное средство къ возстанію и продолжительной борьбѣ съ Россією, о конкъ они не смѣли бы и помышлять.

Такимъ образомъ Польша, иречтая мятежомъ, зародившимъ въ ней Александръ I въ минуту несчастной либеральной склонности его, нетерпѣливо ожидала срока своего разрѣшенія. Великій князь Константинъ Павловичъ послужилъ ей въ этомъ случаѣ ненамѣренно.

Надлежало впоследствии обнаружить великія усилія для того, чтобы сокрушить оружіемъ возстаніе, которому дали полную свободу развиться до большихъ размѣровъ; къ тому же, рядъ бѣдъ стѣной разразился въ то время надъ дорогимъ отечествомъ нашимъ: холера, свирѣпствовавшая по всей Россіи; мятежь, вспыхнувшій въ военныхъ поселеніяхъ; смертоносная болѣзнь, проявившаяся въ войскахъ, возвращающихся съ Дуная, а главное — гибельная система отталкивать людей, способныхъ, безкорыстныхъ, постоянно предпочитая имъ личности ничтожныя, бездарныя, корыстолюбныя, кои могли быть лишь слѣпыми исполнителями....

Итакъ, зарадышы и вавговора въ царствѣ польскомъ можно отнести къ концу того года, въ который были прекращены публичныя пренія въ палатахъ; оскорбленные тѣмъ поляки скрывали свои замыслы: подъ личиною преданности къ нашему правительству; предъ котарымъ они, можно сваять, пресмыкались съ полнымъ забрѣіемъ собственного достоинства. Нельзя позабыть, до какой степени оврагительнаго раболѣпства докочна во дни безмятежія большая часть дворяновъ, относительно цесаревича (Константина Павловича); впоследствии эти, выдвинутый мятежомъ, личности незамедлили оворблять его высочествомъ дѣломъ и словомъ. Въ вообще, но въ особенности вавдывавшие какими-либо важными военными управленіями, старались, наперекоръ собственнаго нерасположенія въ фронтовой службѣ, обнаруживать безграничное къ ней рвеніе; они не щадили средствъ, чтобы угодить маѣйшимъ капризамъ своегоравнаго цесаревича; которую благосклонность и довѣріе они домогались приобрести. Они успѣли

ископывать и действовать чрезъ него разными улучшениями въ выходы въ минь имѣ частяхъ, и тѣмъ прѣготовили себѣ способы къ будущей борьбѣ съ Россіею. Они, подѣ предлогомъ негодности оружія, испросили чрезъ него присылку изъ Россіи новаго, и тогда было доставлено нѣсколько десятковъ тысячъ ружей, это минимнегодное оружіе было ими задержано и впоследствии употреблено противъ насъ. До насъ самое порядкомъ относительно душекъ, пороха, зарядовъ и прочихъ предметовъ.

Польски испросили также позволеніе обнести Варшаву глубокимъ ровомъ и высокою насыпью, подѣ тѣмъ предлогомъ, чтобы затруднить ввозъ контрабанды; наконецъ, за нѣсколько времени до возстанія они просили о возведеніи крѣпости въ Тирасполь, наскротивъ самаго Бреста-Литовскаго, но на это, къ счастью, не послѣдовало согласія егѣ величества. Хотя все это происходило лишь въ царствѣ, но вѣтви заговора простирались далѣе. Шляхетство польско-російскихъ губерній вполне сочувствовало всему тому, что дѣлалось въ Варшавѣ, и можно достоверно сказать, что все шляхетство отъ береговъ Вислы до береговъ Днѣпра волновалось.

III.

Чтобы болѣе видѣть цѣль мятежниковъ, я выписываю изъ сочиненія Солтыка описаніе предначертаній заговорщиковъ за два мѣсяца до открытія возстанія:

«Въ исходе сентября 1830 года, т. е. въ поморнѣ сентября по нашему счисленію, главнѣе члены патриотическаго общества, образовавъ въ Варшавѣ дѣло общества; для было представлено для плаща. Станитель маршало требовать идеального возстанія въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ. Изъ этого горнило жарка должно бы разлитися по всему древнему польскому государству, съ такою быстротою, чтобы извѣстіе о томъ могло достигнуть чрезъ соседнихъ государствъ, не ранѣе какъ за двое мѣсяцевъ сужоу дозанія нашихъ войскамъ похитившихъ имъ у насъ областей. Оны хотѣли, чтобы мы воспользовались выгодами, которыя могли представить намъ быстрота и внезапность дѣйствій. Окромя труда была накоманы жившимъ милостивыми какъ будто барды тою, чтобы содѣйствовать нашему возстанію, которое, по силѣ и общирности сподѣ, не имѣло ничего равнаго въ вѣтвонскихъ исторіи. Армія дварская, состоящая изъ 60,000 чел., была разделена слѣдующимъ образомъ: одна часть въ Варшавѣ, другая на берегу Вислы, а кавалерія находилась на границѣ Познанскаго Герцогства; остающаяся треть на правомъ берегу Вислы съ кавалеріей, которой кантонирь-квартиры проегирались отъ Сандома до Завосля, касаясьъ російскихъ границъ по Бугу. Большая часть арміи въ Варшавѣ, другая часть въ Брестѣ-Литовскомъ, третья часть въ Могилѣ. Я буду вездѣ руководствоваться нашими вѣдомостями, которыя до днѣ»

офицеровъ вышесказанныхъ войскъ, принадлежа патриотическому обществу, любилъ безъ сомнѣнія свое отечество. Одна русская гвардейская дивизія, состоящая въ 7,000 чел. при 24-хъ орудіяхъ, находилась въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ. Эта дивизія, будучи, такъ сказать, окружена нашею арміею, не можетъ оказать сильнаго сопротивленія, тѣмъ болѣе, что всѣ солдаты были уроженцами похищенныхъ у насъ губерній, а слѣдовательно они болѣе склонны присоединиться къ намъ, чѣмъ дѣйствовать противъ насъ. Размѣщеніе нашихъ войскъ таково, что возстаніе въ Варшавѣ должно было возбудить подобное во всей арміи, не позже какъ чрезъ двое сутокъ; наши войска, расположенныя на правомъ и лѣвомъ берегахъ Вислы, имѣли потому возможность достигнуть въ нѣсколько дней границъ царства и легко проникнуть прямо въ области, къ намъ прилегающія. Россія не только снабдила насъ оружіемъ, зарядами и пушками, но, сверхъ того, расположеніемъ своихъ войскъ значительно уменьшила затрудненія для наступательнаго движенія нашей арміи. Въ самомъ дѣлѣ, корпусъ, называемый «литовскимъ», состоящій изъ 40,000 челов., при 120 орудіяхъ, былъ разбѣянъ на пространствѣ отъ Дубны до Вильны на разстояніи 100 польскихъ миль (700 верстъ); будучи исключительно составленъ изъ уроженцевъ польско-россійскихъ губерній, онъ необходимо долженъ пристать къ намъ. Треть офицеровъ корпуса уже въ сношеніи съ членами патриотическаго общества, а генералы не могутъ сосредоточить ни на одномъ пунктѣ достаточныхъ силъ для отраженія нашего нападенія. Безъ всякаго сомнѣнія наши войска, въ соединеніи съ литовскимъ корпусомъ, будутъ въ состояніи предпринять нападенія на Кіевъ, Бобруйскъ, Динабургъ и Ригу. Успѣхъ при этомъ тѣмъ менѣе сомнителенъ, что можно легко достигнуть его съ помощью окрестныхъ жителей до появленія въ тѣхъ краяхъ нашихъ войскъ. Въ Галиціи обстоятельства еще болѣе благоприятствуютъ нашему дѣлу: тамъ не болѣе 18,000 солдатъ, которые, будучи всѣ уроженцами польскими, занимаютъ эту область; 30,000 человекъ распушено по домамъ съ полной аммуниціей, хотя у нихъ отобрано оружіе, но оно хранится въ штабныхъ цейгаузахъ. Ни одинъ изъ нихъ не успѣетъ прибыть къ своему мѣсту до занятія нашими этой области, ибо войска наши, квартируя въ окрестностяхъ Радома и Конска, отстоятъ не далѣе трехъ усиленныхъ переходовъ отъ австрійской Галиціи. Всѣ войска края поспѣшатъ пристать къ намъ и составятъ кадры нашей арміи, а жители, увлеченные всеобщимъ движеніемъ, будутъ дѣйствовать по усмотрѣнію патриотовъ. Познанъ была справедливо и искони почитаема горниломъ пламеннѣйшаго патриотизма, и потому все ея народонаселеніе возстаетъ разомъ. При появленіи въ ней нашихъ воиновъ 30,000 пѣшихъ и конныхъ, исправно вооруженныхъ ландверовъ, отлично знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, умножатъ наши ряды. Число войскъ, составляющихъ прусскіе гарнизоны, не превышало 15,000 человекъ. Такъ какъ Познанская крѣпость едва вооружена, то эти войска могутъ лишь соединиться за Одеромъ. Она снабжена огромнымъ арсеналомъ и гарнизономъ въ 15,000 чел., весьма мало бдительнымъ, что весьма часто бываетъ въ мирное время; этою крѣпостью можно овладѣть врасплохъ».

Изложивъ всѣ способы, коими могли располагать наши и непріятельскія войска, авторъ изложилъ средства для приведенія въ исполненіе своего предначертанія. По его мнѣнію, надлежало взбунтовать въ трое сутокъ всю польскую армію, учредить диктаторство, захватить цесаревича и главныхъ генераловъ, обезоружить русскую гвардейскую дивизію, опредѣлить 2,000 офицеровъ въ каютениръ-квартиры войскъ для образованія рекрутовъ и кадровъ для 2-й арміи, ко-

армія не должна была быть слабѣе 30,000 чел.; она должна была состоять изъ 20,000 солдатъ, вышедшихъ въ отставку и 10,000 волонтеровъ высшихъ сословій; они хотѣли двинуть немедленно отрядъ изъ 2,000 человекъ черезъ Брестъ и Дубно на Волынь, другой такой же силы черезъ Бѣлостокъ и Вишну—и 3-й, въ 5,000 человекъ черезъ Новомысты, Тарновъ, въ Галицію. Этотъ отрядъ долженъ былъ пресѣчь путь, идущій изъ Лемберга въ Вѣну; 2,000 человекъ краковскихъ волонтеровъ должны были двинуться для того, чтобы поставить австрійскія пушки между двухъ огней. Наконецъ они хотѣли направить 5,000 человекъ въ Познань для содѣйствія жителямъ къ возстанію и занятію крѣпости въ Глогау, отстоящей отъ границъ герцогства недалѣе 20 миль. Вотъ первоначальныя мѣры, кои имѣлъ въ виду сочинитель этого предположенія. По его мнѣнію, все это могло совершиться въ 10 или 12 дней, и тогда возстаніе могло охватить уже всю Галицію, Познань, Волынь и часть Литвы.

—Число войскъ, коими наше отечество будетъ въ состояніи располагать, возмещается до 180,000 человекъ при 276 орудіяхъ, а именно:

1-я армія, имѣя вся подъ ружьемъ изъ	30,000 чел.	при 96 оруд.
Резервная, образуемая на Вислѣ	30,000	> > 60 >
Эти орудія поступаютъ изъ арсеналовъ и послѣ		
обезоруженной русской гвардейской дивизіи.		
Литовскій пѣхотный корпусъ	40,000	> > 120 >
Польскія войска, входящія въ составъ австрійской		
арміи, расположенная въ Галиціи, не считая милиціи	48,000	> > — >
Ландверы познанскіе	30,000	> > — >
Волонтеры краковскіе	2,000	> > — >

Итого 180,000 чел. при 276 оруд.

—По изгнаніи чужеземцевъ изъ столь обильнаго государства, можно будетъ приступить къ набору 200,000 рекрутовъ и 50,000 лошадей. Для вооруженія этой огромной массы войскъ послужатъ ружья, коими мы овладѣемъ при влѣтѣи Велички, Глогау, Динабурга, Бобруйска, Риги и Кіева, гдѣ по крайней мѣрѣ большая часть сдѣлается неизменною нашею добычей; расширеніе нашихъ границъ, соседства и дружба съ Венгерією и Силезією, и удобства выгрузки оружія на берега Литвы, могутъ также значительно тому содѣйствовать.

—Благоприятное стеченіе обстоятельствъ обѣщаетъ намъ полный успѣхъ, надо однако умѣть этимъ воспользоваться.

—Слѣдуя вышеизложенному предначертанію, мы можемъ быть вынуждены вести въ одно время войну съ Россією, Пруссією и Австрійей; но принимая въ уваженіе военное положеніе этихъ трехъ державъ и политическія обстоятельства Европы, намъ нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ нашего предпріятія. Если мы не станемъ считать литовскій корпусъ, Россія въ теченіе двухъ мѣсяцевъ можетъ выставить противу насъ лишь 80,000 челов.; главная причина тому слѣдующая: разстройство и убыль полковъ, возвращающихся изъ Турціи. На возстаніе наше не замедлитъ откликнуться Курляндія и Бѣлоруссія. Австрія и Пруссія, имѣя въ настоящее время мало войска подъ ружьемъ, еще въ ожиданіи вслѣдствіе іюльскаго переворота. Мертвая Италия, Сѣверная и Средняя Германія начинаютъ волноваться; дворянство венгерское многиѣ намъ сочувствуетъ; католическое населеніе Пруссіи таготится ягомъ лютеранъ, и вообще вся земля стонетъ отъ владычества чужеземныхъ обладателей. При такомъ всеобщемъ возстаніи Франція не останется, безъ сомнѣнія, равно-

дѣломъ британцевъ; обратившись къ истинной и естественной любви политическаго общества, либо британцы, вопреки трактату 1815 года, дѣйствовать наступательно, и тогда 250,000-ная армія, усиленная волонтерами Германіи и Італіи, можетъ войти въ Польшу, разбить ея знамена на границахъ Польшы; либо избравъ политичку, менѣе великодушную; менѣе достойную для высокой французской націи; они по крайней мѣрѣ попытаются признать независимость Польши. Опираясь тогда на правъ, воспрещающіе вступаться вооруженною рукою въ дѣла постороннихъ державъ, она не допуститъ австрійцевъ и пруссаковъ протнзяться нашему вверженію; привудитъ ихъ, такимъ образомъ, соблюдать строгій нейтралитетъ.

Авторъ находитъ, что нарушение трактата 1815 г. возбужденіемъ Польши противъ Россіи, есть дѣло вполне законное. Не довольствуясь тѣмъ, онъ требуетъ отъ Франціи подобнаго же нарушения признаніемъ независимости Польши, и все это для каковой цѣли? Для защиты этой страны противъ Россіи, которая будтѣ бы нарушила этотъ трактатъ. Онъ также требуетъ, чтобы Франція, опираясь на правъ, воспрещающіе вступаться вооруженной рукою въ дѣла постороннихъ державъ, не дозволяла бы Австріи и Пруссіи потупить мителъ въ польскихъ областяхъ, имъ принадлежащихъ въ силу прежнихъ трактатовъ и окончательно признанныхъ ихъ собственностью трактатомъ 1815 года. Онъ настаиваетъ на необходимости вмѣшательства Франціи вооруженною рукою въ спорныя дѣла государствъ, вовсе для нея постороннихъ.

«Въ первомъ случаѣ, продолжаетъ Солткъ, Пруссія и Австрія, опирающіяся въ противоположную сторону силами Франціи, могутъ лишь выставить слабыя силы противъ насъ, и мы можемъ двинуть значительныя силы противъ Россіи. Во второмъ случаѣ — вся польская армія движется противъ русской, значительной ейступающей въ силъ, которую слѣдуетъ лишь несколько разъ побѣдить...

«Большая часть членовъ общества, будучи вполне согласна относительно возбужденія къ возстанію жителей Польши и польско-росейскихъ губерній, возражала однако противъ остаткаго части плана. Войскъ не безсмысленно, говорили они, что страсти нашего общества никогда не провинца правильными образомъ въ Познани и Галиціи; кога патриотизмъ жителей этихъ областей не подвизаетъ сомнѣнію, но возможноли корутишься въ томъ, что при первомъ приближеніи нашихъ войскъ они тотчасъ встанутъ? Войска, занимающія ихъ, могутъ ли быть легко слѣдованы или присоединены къ нашей арміи? Имши силы достаточны для нанесенія сильнаго удара русскимъ, повернъ новодѣ жителей Литвы, Подолья, Волыни, Бѣлорусіи, Украйны и въ особенности при единномъ силъ съ липовскими корпусомъ, и при нападкѣ въ Цеваніи и Паллицѣ и при паденіи ни имъ рѣбхъ прокъ, державъ, выдержимъ ли мы ихъ удары? Не пошаркнемъ ли мы, да надеждамъ всебиточной усмѣхемъ, прирѣ сомнѣвающимъ? Оставивъ въ походѣ Австрію и Пруссію, займѣемъ ли мы право надѣяться, что обѣ эти державы останутся лишь равнодушными зрителями дѣламъ возстанія, которое можетъ свѣтлы для насъ (дѣлающую польскъ) либо ослабляющія

Россіи, въслѣдствіе войны ужасной и кровопролитной, либо раздробленіе этой державы на части. Та или другая будетъ весьма выгодна для государства, справедливо опасавшихся ранннго или поздннго вторженія Россіи въ ихъ владѣнія. Намъ не слѣдуетъ надѣяться, что Австрія и Пруссія, предугадывая, что послѣ возрожденія нашего, мы будемъ въ состояніи исторгнуть у нихъ силу области, коими они незаконно владѣютъ, не отказались бы заблаговременно отъ нихъ, дабы добровольнымъ пожертвованіемъ затруднить Россію и тѣмъ оторвать себя отъ известной алчности ея въ завоеваніяхъ. Это предположеніе, тѣмъ правдоподобнѣе, что уже въ 1815-году Австрія и Пруссія не отказались отъ своего участка, если только Россія и Пруссія послѣдуютъ ея примѣру. Впрочемъ, если бы обѣ эти державы и не отказались добровольно отъ своихъ участковъ, какъ то должна бы имъ вынудить здравая политика, въ такомъ случаѣ: кто намъ доумицаетъ, пачеши пораженіе опаснѣйшему врагу нашему, обратиться на Австрію и Пруссію и отобрать у нихъ все насильно ими похищенное. Возможно ли тогда не разсчитывать на помощь Франціи, избравшіе порывы которой возбуждять во всехъ европейскихъ народахъ сильное сочувствіе.

«На это авторъ 1-го предположенія возражалъ: «развѣ возстаніе, какое я требую, не сблизитъ насъ съ Венгріей и Германіей? Въ случаѣ войны съ Россією, Австрія и Пруссія лишатъ насъ, безъ сомнѣнія, огромныхъ средствъ, нынѣ сосредоточенныхъ въ Валидіи и Познани. Не грѣшно ли намъ будетъ оставить, въ рукахъ естественныхъ, но доселѣ тайныхъ, враговъ нашихъ, большія средства, коими мы могли бы легко воспользоваться. Дай Богъ, чтобы это пренебреженіе не повлекло бы за собою нашей гибели: тогда будетъ поздно обращаться къ друзьямъ нашимъ, когда уже помощь ихъ будетъ для насъ совершенно необходима».

Не видя на эту выгоду, рѣшено было ограничиться возстаніемъ въ царствѣ польскомъ и польско-россійскихъ губерніяхъ. Между тѣмъ патриотическое общество, испуганное рѣшительными дѣйствіями нашего правительства, послѣ событія 14-го декабря, требовало немедленнаго приступленія къ дѣлу. Въслѣдствіе этого образовались два новыя тайныя общества: одно военное, другое гражданское; предметъ воихъ состоялъ въ скорѣйшемъ возбужденіи дѣла возстанія, и потому было рѣшено:

40 рѣшительныхъ и вооруженныхъ юношей, въ плащахъ, явившись по одиночкѣ на Саксонской площади до развода, должны были скрыться въ толпѣ народа до прибытія цесаревича, котораго имъ надлежало отчаясь убить. Это должно было служить сигналомъ для 50-ти подпрапорщиковъ въ нападенію на русскихъ генераловъ и двѣсти ихъ въ штыкъ. Войска, собранная для развода на площади, должны были провозгласить независимость Польши, немедленно устремиться въ казармы, занимаемыя русскими войсками и обезоружить ихъ. Для того, чтобы поддержать это движеніе, было назначено нѣсколько сотенъ учениковъ изъ

военныхъ училищъ, студентовъ и саперный баталіонъ, на коемъ основалась главная надежда заговорщиковъ. По словамъ Солтыка, усердіе и преданность къ пользамъ Россіи русской гвардейской дивизіи, силою въ 7,000 чел., составленной изъ уроженцевъ польско-россійскихъ губерній, были такъ же весьма сомнительны.

8-е октября было назначено днемъ возстанія въ Варшавѣ по той причинѣ, что 7 и 8 были днями, въ которыхъ польскіе гвардейскіе гренадеры должны были содержать караулы. Порядокъ гарнизонной службы, введенной цесаревичемъ, былъ слѣдующій: эта обязанность должна была быть исполняема въ теченіе двухъ дней сряду русскими, а въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней—поляками. Въ теченіе этого времени было взято подъ стражу нѣсколько молодыхъ людей; цесаревичъ сталъ, безъ всякаго намѣренія, измѣнять довольно часто порядокъ очередей по гарнизонной службѣ и рѣже присутствовать на разводахъ. Это побудило мятежниковъ отложить возстаніе до 29-го ноября.

Въ это время заговорщики, не желая терять времени, послали въ разныя воеводства для возбужденія возстанія между гражданами и войсками, и приведенія всего въ надлежащую готовность ¹⁾. Звѣрковскаго, Солтыка и другихъ важнѣйшихъ членовъ общества. Но въ половинѣ ноября стали распространяться слѣдующіе слухи: будто бы русское правительство высылаетъ въ Бельгію особую армію, которой приказано на походѣ обезоружить польскую; австрійцы выводятъ изъ Галиціи польскія войска въ Венгрію и замѣняютъ ихъ тамъ венгерскими; они свозятъ всѣ ружья и сабли польской милиціи въ крѣпости Моравіи, и наконецъ 30,000 прусскій ландверъ, выведенный также изъ Познани, размѣщенъ по крѣпостямъ Силезіи, гдѣ ему надлежитъ нести гарнизонную службу.

IV.

Итакъ, 17-го ноября, въ 7 часовъ вечера, покушенія нѣсколькихъ польскихъ подпрапорщиковъ убить цесаревича, въ Бельведерскомъ дворцѣ его, послужили сигналомъ къ всеобщему мятежу. Цесаревичъ, чудесно спасшійся, выступилъ въ ту же ночь съ

¹⁾ Невольно спросишь: что же дѣлала въ это время варшавская тайная полиція, которая, по мнѣнію самого Солтыка, стояла правительству около 3,600 руб. въ сутки.

русскими и нѣкоторыми оставшимися вѣрными польскими войсками въ деревню Виржбу, по дорогѣ въ Гуры и находящуюся въ трехъ верстахъ отъ заставы; здѣсь собралось до 8,000 чел. при 28-ми орудіяхъ.

Между тѣмъ въ бушевавшей Варшавѣ сатурналии и неистовства всякаго рода возрастали; вооруженное шляхетство и бездомная сволочь рыскали по городу. Буйная молодежь, махая саблями и осыпая ругательствами русскихъ, скакала по улицамъ; словомъ, наглость и самонадѣянность, столь свойственная полякамъ въ минуты успѣха, проявились здѣсь въ полномъ блескѣ. Но такъ какъ надлежало положить предѣлъ безначалію, Совѣтъ правленія, установленный еще въ 1815 г., принялъ въ ту же ночь бразды правленія; президентомъ его былъ—Соболевскій, а членами—Мостовскій, Грабовскій, Раутенштраухъ, Козецкій, Фредро и князь Любецкій. Это было предпріятіе весьма отважное со стороны Совѣта, обязаннаго своимъ значеніемъ той власти, противъ которой возбуждено было возстаніе. Члены Совѣта, обнаружившіе здѣсь нѣкоторую ловкость и смѣлость, имѣли вѣроятно въ виду удержать за собою преимущества, сопряженные съ званіями, ими до сего времени носимыми. Они избрали еще новыхъ членовъ изъ лицъ, наиболѣе любимыхъ мятежниками, такъ, на примѣръ: Чарторижскаго, князя Михаила Радзивилла, Кохановскаго, генерала Паца, Нѣмцевича и Хлопицкаго. Этотъ послѣдній предвидѣлъ лучше другихъ гибельныя послѣдствія мятежа, и не желая стать во главѣ правленія, какъ того всѣ желали, скрывался въ продолженіе нѣкотораго времени въ городѣ и его окрестностяхъ. Совѣтъ, предписавъ образованіе національной гвардіи, назначилъ генерала Паца (съ оговоркой, до прибытія Хлопицкаго) начальникомъ польскихъ войскъ, коихъ число не превосходило въ то время 4,500 человекъ, ибо нѣкоторые еще колебались приступить къ бунтовщикамъ, другіе же послѣдовали за цесаревичемъ.

Все сказанное Солтыкомъ явно опровергаетъ мнѣніе автора вышепредставленнаго предначертанія, который былъ, повидимому, твердо убѣжденъ въ томъ, что при первомъ извѣстіи о возстаніи Варшавы всѣ войска и сословія всего древняго польскаго государства не замедлятъ тотчасъ пристать къ мятежникамъ. Какъ велико было разочарованіе его и всѣхъ, подобныхъ ему мечтате-

лей, когда въ самой Варшавѣ—этомъ гнѣздилищѣ вражды противъ Россіи, вмѣсто 10,000 чел., на которые рассчитывали, по словамъ Солтыка, явилось лишь 4,500 человекъ! Чего же должно было ожидать отъ войскъ и жителей, расположенныхъ внѣ Варшавы! Возможно ли было послѣ того полякамъ вступить въ одно время въ Галицію, Познань, Литву, Волынь и овладѣть въ теченіе нѣсколькихъ дней крѣпостями: Кіевомъ, Бобруйскомъ, Динабургомъ, Ригой и Глогау? Такъ всегда неограниченныя желанія легкомысленной толпы рождаютъ въ ней необъятные замыслы, далеко не соответствующіе средствамъ, коими они могутъ располагать. Это еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, какъ легко было нашимъ войскамъ, вступивъ на слѣдующій день обратно въ Варшаву, потушить мятежъ въ самомъ его зародышѣ. Предложеніе о томъ было отвергнуто лишь вслѣдствіе воспоминанія о событіяхъ 1794 г. Войска Игельстрема понесли тогда жестокое поражение не по причинѣ пребыванія своего посреди возмущившагося города, но потому, что они, будучи разсыяны въ немъ, и вовсе не готовы къ принятію боя, нашлись вынужденными пробиваться малыми частями сквозь огромныя толпы войска и вооруженныхъ жителей. Ничего подобнаго не могло здѣсь случиться, если бы войска наши рѣшились вступить въ городъ, чрезъ Мокотовскую заставу, 18-го поутру, одною колонною. Независимо отъ нашего матеріальнаго превосходства въ силахъ надъ мятежниками, смѣлость и рѣшительность съ нашей стороны могли дать важныя результаты. Если бы даже это предпріятіе и неудалось, то мы могли, очистивъ еще разъ городъ, вступить уже не чрезъ Мокотовскую заставу, а чрезъ Вислу въ Прагу, слѣдуя самымъ естественнымъ, прямымъ и удобнымъ путемъ сообщенія съ Россією, что одно представляло огромныя выгоды. Ясно было, что одно шляхетство и городская сволочь изъ тунеядцевъ желали возстанія, но многочислѣннѣйшій классъ народонаселенія, состоящій изъ хлѣбопашцевъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, слабо поддавался внушеніямъ заговорщиковъ. Не смотря на вліяніе генераловъ и офицеровъ, принадлежавшихъ къ патріотическому обществу, солдаты послѣднихъ трехъ классовъ весьма нерѣшительно и неохотно представляли къ мятежникамъ. Вообще нерѣшительность и малая надежда на успѣхъ были замѣтны у самихъ заговорщиковъ; хотя послѣдовало тайное приказаніе нѣкоторымъ полковымъ команди-

рамъ польскихъ войскъ, причастныхъ къ бунту, аттавовать въ рас-
плюхъ русскую гвардейскую артиллерію, квартировавшую въ Скер-
невицахъ, но такъ какъ никто не рѣшился привести это въ ис-
полненіе, артиллерія благополучно соединилась съ цесаревичемъ
въ Виржбѣ.

Хлопицкій, бывшій весьма честнымъ, но бѣднымъ человѣ-
комъ, удостоился чести командовать французскими войсками во
время Наполеона, возведшаго его въ званіе барона имперіи, что
доставляло ему 6,000 франковъ ежегоднаго содержанія.

Ермоловъ, вернувшись изъ Варшавы въ Петербургъ, въ
1821 году, сказалъ государю: «Я вполне удивляюсь, какъ могли
выпустить въ отставку Хлопицкаго».

На что его величество отвѣчалъ: «Я вынужденъ былъ уволить
его потому, что онъ позволялъ себѣ явно насмѣхаться надъ нѣ-
которыми подробностями нашей фронтовой службы».

Въ самомъ началѣ возстанія Хлопицкій, явившись къ цеса-
ревичу, вызывался занять гвардейскимъ полкомъ арсеналъ, напол-
ненный оружіемъ, и недопустить мятежниковъ овладѣть имъ; но
его высочество не рѣшился воспользоваться этимъ предложеніемъ.
Впослѣдствіи императоръ Николай имѣлъ одно время въ виду
наказать его ссылкой, но когда ему объяснили, что мы обязаны
Хлопицкому тѣмъ, что мятежь не охватила Литвы, онъ назна-
чилъ ему пожизненный пенсіонъ.

Хлопицкій, явившись 19-го ноября, нашелся вынужденнымъ
принять на себя, послѣ продолжительныхъ отговорокъ, званіе
главнокомандующаго всѣми польскими войсками. Возникшій между
тѣмъ вполне явобинскій клубъ, подъ предсѣдательствомъ профес-
сора Лелевеля, увлекалъ чернь и буйную молодежь дѣйствовать
наперекоръ Совѣта, имѣвшаго въ виду дать всему дѣлу нѣкото-
рый правильный порядокъ. Вынужденный уступить требованіямъ
большинства, Совѣтъ исключилъ изъ своего состава Соболевскаго,
Грабовскаго, Раугенштрауха, Кавецкаго и Фредро, почитавшимися
слишкомъ умѣренными, и замѣнилъ ихъ Дембовскимъ, Остров-
скимъ, Молоховскимъ и Лелеведемъ, который, въ свою оче-
редь, уступилъ свое мѣсто въ клубѣ Брониковскому. Вслѣд-
ствіе объявленнаго цесаревичемъ желанія видѣться съ нѣкоторыми
членами Совѣта для узнанія истинныхъ требованій націи, кои онъ
желалъ по возможности удовлетворить, присланы были въ Вирж-

бу: Чарторижскій, Любецкій, Островскій и Лелевель; имъ было предписано требовать прежде всего возвращенія царству конституціи, дарованной ему въ 1815 году, и присоединенія къ нему польско-россійскихъ губерній. Сверхъ того имъ было поручено вывѣдать, косвенными путями, о истинныхъ намѣреніяхъ цесаревича, у котораго надлежало также исторгнуть рѣшительный отвѣтъ о назначеніи литовскаго корпуса: предписано ли ему вступить въ царство или нѣтъ? Послѣ пяти-часовой конференціи цесаревичъ, принявшій весьма благосклонно депутатовъ, вручилъ имъ слѣдующее письменное объявленіе:

«1) Его высочество объявляетъ, что, не имѣя намѣренія атаковать городъ войсками, находящимся подъ его начальствомъ. онъ, въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій, обязуется извѣстить о томъ правительство въ 48 часовъ.

«2) Его высочество принимаетъ на себя ходатайство у престола его величества императора и короля о милосердномъ забвеніи всего прошлаго.

«3) Его высочество объявляетъ, что онъ не давалъ повелѣнія литовскому корпусу вступить въ царство польское.

«4) Плѣнные будутъ освобождены».

Черезъ три дня Варшава представляла совершенно иной видъ. Совѣтъ правленія палъ и былъ замѣненъ вполнѣ мятежными временнымъ правленіемъ; избраны были членами Совѣта: Чарторижскій, Лелевель, Островскій, Кохановскій, Паць, Дембовскій и Нѣмцевичъ. Сеймъ долженъ былъ быть собранъ къ 6-му декабря; полки Шембека и Скржинецкаго вступили въ городъ, гдѣ буйство клубовъ и черни достигло высшей степени. Сверхъ того было послано приказаніе Гельгуду, въ Радомъ, и Круковецкому, въ Гаву, о направленіи ввѣренныхъ имъ войскъ къ Варшавѣ, для того, чтобы угрожать этимъ движеніемъ единственному пути отступленія цесаревича на Гуры и Пулаву. Это послѣднее обстоятельство побудило его высочество, оставивъ лѣвый берегъ Вислы, направить свой путь къ границѣ имперіи. Цесаревичъ почелъ нужнымъ переслать во временное правленіе другое объявленіе:

«Дозволяю польскимъ войскамъ, оставшимся мнѣ до сей минуты вѣрными, присоединиться къ своимъ.

«Я выступаю съ императорскими войсками и удаляюсь отъ

столицы. Я надѣюсь на великодушіе польской націи, и увѣренъ, что мои войска не будутъ во время движенія ихъ къ границамъ тревожимы. Я ввѣряю покровительству націи охраненіе зданій, собственность разныхъ лицъ и особъ».

По мнѣнію нѣкоторыхъ, цесаревичъ послалъ приказаніе русскимъ войскамъ, занимавшимъ Модлинъ, очистить эту крѣпость, которую мятежники успѣли занять. Не опровергая этихъ слуховъ, я однако не могу поручиться за ихъ достовѣрность. Того же числа, то-есть 29-го ноября, цесаревичъ, успокоенный циркулярнымъ приказаніемъ Хлопицкаго, запрещавшаго полякамъ тревожить наши войска во время ихъ движенія къ границамъ имперіи, выступилъ изъ Виржбы на Гуры.

Между тѣмъ во всѣхъ частяхъ правленія царствовалъ величайшій беспорядокъ; въ Варшавѣ же происходили неистовства всякаго рода. Хлопицкій, почитая необходимымъ положить предѣлъ безначалію, убѣдилъ 23-го числа временное правительство облечь его диктаторскою властью. Это было утверждено сеймомъ 8-го декабря при кликахъ черни, которымъ Хлопицкій едва внималъ. Новое правительство было учреждено на слѣдующихъ основаніяхъ: Диктаторъ, Надзирательная коммиссія, избираемая изъ членовъ сейма и имѣвшая право лишать, по своему усмотрѣнію, диктатора власти, и министры, отвѣтственные предъ сеймомъ.

Хлопицкій умѣлъ уладить дѣло такимъ образомъ, что надзирательная коммиссія находилась вполнѣ подъ его вліяніемъ, ибо значительнѣйшіе члены ея были имъ включены въ какую-то національную коммиссію, которая была ему непосредственно подчинена. Хлопицкій, вступивъ въ свои права, отправилъ въ Петербургъ князя Любецкаго и Езерскаго съ всеподданнѣйшимъ доносеніемъ о прекращеніи имъ безначалія и всеподданнѣйшей просьбой возвратить царству конституцію 1815 года и даровать подобную же польско-россійскимъ губерніямъ. Хлопицкій выразилъ при этомъ собственныя чувства преданности, питаемыя имъ къ особѣ его величества. Отправивъ ихъ въ Петербургъ, онъ строго запретилъ, подъ опасеніемъ лишенія жизни, важнѣйшимъ мятежникамъ, вызвавшимся, подобно Солтыку, истребить войска цесаревича, либо захватить его самого въ плѣнъ, либо предпринимать что-либо противу нашихъ войскъ. Приказавъ закрыть всѣ клубы,

возникшіе въ Варшавѣ, онъ сталъ строго наблюдать за тайными обществами и свопищами всякаго рода. Онъ говорилъ явно всѣмъ, что, дѣйствуя лишь какъ вѣрнопопавшій короля своего (императора Николая), онъ продолжаетъ совершать акты именемъ его величества. Замѣчательно то, что во время диктаторства Хлопицкаго, имя нашего государя не преставало гремѣть въ храмахъ во время богослуженія. Онъ послалъ адъютанта своего, графа Замойскаго, въ команду литовскаго корпуса барону Розену съ объявленіемъ, что по случаю отъѣзда депутатовъ въ Петербургъ и въ надеждѣ умиротворить край безъ пролитія крови, онъ требуетъ, чтобы не было предпринято съ его стороны какихъ-либо военныхъ дѣйствій; въ противномъ случаѣ Розенъ долженъ будетъ отвѣчать самому государю за пролитіе единой капли крови до полученія высочайшаго на то повелѣнія.

Не взирая на предложеніе, сдѣланное ему княземъ Любецкимъ до отъѣзда сего послѣдняго изъ Варшавы, о распространеніи возстанія въ польско-россійскихъ губерніяхъ и мнѣнія Солтыка и Кидцаго, вызывавшихся привести это въ исполненіе, Хлопицкій, несогласившись съ нимъ, объявилъ даже прибывшимъ депутатамъ Волыни, Литвы и Подолія, что у него нѣтъ ни одного патрона къ ихъ услугамъ. Было очевидно, что диктаторъ, ожидавшій со стороны Россіи единства въ усиліяхъ, видѣвшій во всемъ царствѣ полное развитіе анархіи и ненадѣявшійся на счастливый исходъ возстанія, думалъ спасти свое отечество не прибѣгая къ оружію, а стараясь до полного подчиненія Польши Россіею привести ее предварительно въ совершенную отъ себя зависимость. Не взирая на эти явныя намѣренія Хлопицкаго, онъ не упалъ однако во мнѣніи своихъ соотчичей. Поляки, понимая по-своему характеръ Хлопицкаго, не могли допустить, чтобы этотъ человекъ былъ способенъ заглушать въ себѣ голосъ честолюбія и мщенія послѣ предсудительнаго и оскорбительнаго въ себѣ невниманія цесаревича и ряда личныхъ неудовольствій, испытанныхъ имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; большинство, мечтавшее лишь о войнѣ, полагало всѣ свои надежды на одного Хлопицкаго. За недостаткомъ лучшихъ генераловъ всѣ превозносили военные дарованія Хлопицкаго, неимѣвшаго однако случая командовать большими массами войскъ. Какъ бы то ни было, но въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Хло-

лицій, не имѣя соперниковъ, былъ потому человекомъ необходимымъ, котораго поддерживали даже тѣ, противъ желанія которыхъ онъ явно дѣйствовалъ. Однако благоразуміе требовало, чтобы онъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки лицамъ, управлявшимъ общественнымъ мнѣніемъ, безъ чего ему было невозможно достигнуть избранной цѣли. Занявшись устройствомъ арміи, онъ отправилъ двухъ региментаржей или главныхъ наборщиковъ и учителей ополченія: одного—Солтыча, въ воеводства, лежащія на правомъ берегу Вислы, а другого—Малаховскаго, въ воеводства лѣваго берега. Поручивъ Чарторижскому вступить въ письменныя сношенія съ Австріей, онъ отправилъ Валевскаго въ Парижъ, Віалопольскаго—въ Лондонъ, Мостовскаго—въ Берлинъ. Всѣ мѣры, принимаемыя региментаржами, не только не встрѣчали одобренія и поощренія со стороны диктатора, но онъ явно стремился затруднить приведеніе ихъ въ исполненіе. Наставленія дипломатическимъ агентамъ заключались лишь въ томъ, чтобы склонить дворы къ посредничеству между Польшей и Россіей, исходатайствованію у нашего государя возвращенія царству конституціи 1815 года и дарованію подобныхъ учрежденій польско-россійскимъ губерніямъ; въ нихъ не было упомянуто объ отторженіи этого царства и польско-россійскихъ губерній отъ Россіи. Диктаторъ, будучи глубоко убѣжденъ, что не въ самостоятельности Польши заключался залогъ ея благоденствія, но въ покровительствѣ Россіи этому царству, удовольствовался столь умеренными требованіями.

V.

Между тѣмъ цесаревичъ отступалъ благополучно на Гуры и Пулаву; но здѣсь одна польская артиллерійская рота, неизвѣщенная еще о томъ, что Хлопицкій строго запретилъ беспокоить наши войска, приготовилась, вмѣстѣ съ жителями мѣстечка, преградить намъ переправу чрезъ Вислу. Но, въ нашему благополучію, повелѣніе Хлопицкаго пришло еще во-время, и потому эта рота, двинувшись въ Варшаву, не помѣшала нашимъ вступить въ Пулаву. Это приказаніе было сообщено ротѣ генераломъ Вейсфлюкомъ, квартировавшимъ съ однимъ изъ уланскихъ полковъ своей бригады въ Люблинѣ. Прибывъ въ Пулаву, цесаревичъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ престарѣлую княгиню Чарторижскую, называемую имъ «Бабой-Дгой».

Хотя сынъ этой главнѣйшей виновницы возстаній поляковъ противъ Россіи въ теченіе цѣлыхъ 60-ти лѣтъ, носилъ еще званіе члена россійскаго государственнаго совѣта, но онъ былъ уже членомъ вновь учрежденной комиссіи въ Варшавѣ.

Цесаревичъ, на котораго, какъ и на всѣхъ русскихъ, явно сыпались вездѣ страшныя ругательства, не могъ не замѣтить, что шапки и шляпы всей дворни княгини и вообще всѣхъ пулавскихъ жителей были украшены національными кокардами; выступивъ изъ Пулавы, онъ двинулся на Куровъ-Мареушевъ и Каменку, съ намѣреніемъ миновать Люблинъ, занятый однимъ польскимъ уланскимъ полкомъ. Войска наши слѣдовали до самаго Любартова, по крайне дурнымъ проселочнымъ дорогамъ, совершенно испортившимся вслѣдствіе продолжительной дурной погоды; главная забота цесаревича состояла въ томъ, чтобы избѣжать встрѣчи съ польскими войсками, коихъ невозможно было опасаться: во-1-хъ, вслѣдствіе приказанія, отданнаго Хлопицкимъ; и во-2-хъ, по причинѣ значительнаго превосходства нашего корпуса надъ разбросанными, небольшими отрядами мятежниковъ. Цесаревичъ хотѣлъ двинуться изъ Любартова, чрезъ Коцкъ, на Брестское шоссе, около Біялы, но такъ какъ по слухамъ Біяла была уже занята нѣсколькими мятежниками, присланными сюда изъ Варшавы для наблюденія за литовскимъ корпусомъ, сосредоточеннымъ между Брестомъ и Бѣлостокомъ, то цесаревичъ предпочелъ, пробравшись вправо, на Влодаву, вступить въ границы нашей имперіи, гдѣ и расположился въ окрестностяхъ Ружанъ и Слонима, позади литовскаго корпуса.

Въ этомъ быстромъ и вмѣстѣ чрезмѣрно осторожномъ отступленіи видна господствующая мысль цесаревича: избѣгать, по возможности, встрѣчи съ мятежными войсками; онъ, вѣроятно не желая подавать повода къ рѣшительному разрыву съ царствомъ, думалъ, что пока между нашими и польскими войсками еще не воспослѣдовало кровавой встрѣчи, всегда было возможно приступить къ возобновенію мирныхъ переговоровъ, не унижая тѣмъ величія Россіи; если бы даже и нельзя было избѣжать стычки, онъ имѣлъ въ виду не допускать большого кровопролитія, что могло лишь ожесточить другъ противъ друга оба сражавшіеся народа. Такова была, повидимому, мысль цесаревича, которой онъ, можно сказать, остался вполнѣ вѣренъ во все продолженіе

войны. Малѣйшая капля крови, пролитая войсками цесаревича въ битвѣ съ поляками, могла отдалить на самое неопредѣленное время умиротвореніе страны: съ одной стороны исчезла бы навсегда возможность выдти съ честью изъ дѣла, предпринятаго весьма легкомысленно; съ другой—великодушное забвеніе о прошломъ становилось невозможнымъ, но надлежало, напротивъ, прибѣгнуть къ силѣ оружія для усмиренія возникшаго мятежа. Вообще всѣ дѣйствія цесаревича въ эту эпоху столь таинственны, что значительное большинство его подчиненныхъ, никогда ему ни въ чемъ не сочувствовавшее, явно обвиняло его Хотя я глубоко убѣжденъ, что русский великій князь не могъ забыть обязанностей своихъ относительно своего государя и отечества, но я долженъ съ прискорбіемъ сказать, что поведеніе цесаревича подало поводъ къ нареканіямъ страшнымъ и неотразимымъ. Этотъ своенравный, но не мужественный человѣкъ, не привыкшій съ самаго дѣтства своего обуздывать порывовъ своего крутого и своевольнаго характера, требовавшій отъ всѣхъ лишь безусловнаго исполненія малѣйшихъ своихъ прихотей, былъ вынужденъ терпѣливо выслушивать надменные и дерзкія требованія лицъ, незадолго предъ тѣмъ распростертыхъ у его ногъ. Онъ дѣлалъ все это, имѣя вѣроятно въ виду лишь пользу Россіи, которой онъ не могъ не любить. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаю я, но не такъ думали о томъ поляки. И подлинно, уваженіе, оказываемое цесаревичемъ крамольному совѣту во время официальныхъ съ нимъ сношеній, по истинѣ непостижимо; онъ, казалось, весьма охотно признавалъ законность мятежнаго правительства, и тѣмъ поощрялъ европейскіе дворы къ провозглашенію независимости Польши. Цесаревичъ, постоянно взискательный и мало привѣтливый съ своими подчиненными, совершенно измѣнился въ отношеніи къ полякамъ. Вниманіе и ласковое обращеніе его съ поляками, осмѣлившимися утруждать его предложеніями, вполне оскорбительными для чести русскаго имени, возбудило во всѣхъ русскихъ всеобщее негодованіе. Не разъ на вопросы командировъ польскихъ полковъ, еще оставшихся вѣрными намъ: «куда прикажетъ имъ идти его высочество?» онъ отвѣчалъ: «повинуйтесь уже не мнѣ, а вашему новому правительству».

Цесаревичъ, никогда не принадлежавшій къ числу безстрашныхъ

героевъ, въ чемъ я не разъ имѣлъ случай лично убѣждаться, страстно любилъ военную службу; но для лицъ, неодаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заключалось лишь въ несносно-педаггическомъ, убивающемъ всякую умственную дѣятельность, парадированіи. Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равенія шеренгъ и выдѣлываніе ружейныхъ приемовъ, коимъ щеголяютъ всѣ наши фронтвые генералы и офицеры, признающіе уставъ верховъ непогрѣшительности, служить для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ, поэтическихъ наслажденій¹⁾. Ряды арміи постепенно наполняются потому лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе частями, что приноситъ этимъ личностямъ значительныя незаконныя матеріальныя выгоды..... Этотъ порядокъ вещей получить, въ сожалѣнію, полную силу и развитіе..... не щадятъ ни усилій, ни средствъ для приведенія этой отрасли военнаго искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равенія шеренгъ, выдѣлыванія темповъ, наша армія, безспорно, превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку? Эти бездарные невѣжды, истые любители изящной ремешковой службы, полагаютъ въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтвыя свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на марсовомъ полѣ. Прослуживъ не одну кампанію, и сознавая по опыту пользу строевого образованія солдатъ, я никогда не позволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этого одного не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ пользу системы, основанной лишь на обремененіи и притупленіи способностей изложеніемъ неимовернаго количества мелочей, не столько поясняющихъ, сколько крайне затемняющихъ дѣло. Я полагаю, что над-

¹⁾ Просимъ не забывать, что все здѣсь сказанное относится къ давнему времени, почти сорокъ лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время, въ виду извѣстныхъ реформъ по военному вѣдомству, подобные укоры не могутъ уже имѣть мѣста.
Ред.

лежитъ весьма остерегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ не стѣснить частныхъ начальниковъ, отъ большаго или меньшаго умственнаго развитія которыхъ должно вполнѣ зависетьъ приложеніе къ дѣлу изложенныхъ въ уставѣ правилъ. Наложать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственности—это верхъ безсмыслія. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самымъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончателно изгонять отовсюду способныхъ и просвѣщенныхъ людей, кои, либо удалятся со служебнаго поприща, либо, убитые безсмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремятся, не понимая истинныхъ требованій вѣка; какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены на гибельное развитіе системы, которая, если продлится, надолго лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Но дай Боже убѣдиться намъ на опытъ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха! Мысль, что цѣлое поколѣніе воспитывается въ подобныхъ идеяхъ—ужасна; это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ татарскому игу. Мнѣ, уже состарившемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, не удастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ лишь окружено толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усиліе этихъ лицъ, недопускать до него справедливыя требованія вѣка, могутъ лишь свергнуть государство въ рядъ страшныхъ золь¹⁾.

Войска польскія, не умѣя объяснить себѣ поведеніе цесаревича, которое они приписывали не желанію рѣшить вопросъ миролюбивымъ путемъ, но лишь чувству робости, потеряли къ нему всякое довѣріе; съ утратой довѣрія—исчезло всякое къ нему повиновеніе.

Меня увѣряли очевидцы, какъ поляки, такъ и русскіе, проживавшіе въ то время въ Варшавѣ, что послѣ выступленія на-

¹⁾ Эти вѣщія слова доблестнаго воина сказаны за двадцать лѣтъ до Севастопольскаго разгрома, пробудившаго Россію.

шихъ войскъ въ Виржбу, 17-го ноября можно было потушить народное волненіе въ самомъ городѣ; на другой день утромъ съ шестью баталіонами, къ вечеру того же дня—десятью баталіонами, но на слѣдующій день и 26,000 человекъ были бы уже недостаточны, тѣмъ болѣе, что въ городъ уже вступили нѣсколько мятежныхъ польскихъ полковъ, шляхетство и разная буйная сволочь, и тогда уже характеръ возстанія ясно обозначился. Это было весьма правдоподобно, ибо, какъ мы выше видѣли, Варшава заключала въ себѣ, еще 18-го ноября утромъ, не болѣе 4,500 чел. войска. Поляки утверждали, что оффиціальнѣйшій характеръ сношеній цесаревича съ временнымъ правительствомъ придалъ ему видъ законности, а изъявленное его высочествомъ полное согласіе на статьи, поднесенныя ему этимъ правительствомъ, равносильно торжественному признанію независимости царства польскаго. Они еще болѣе выводили подобное заключеніе изъ слѣдующаго: извѣстно, что цесаревичъ приказалъ нѣкоторымъ полковымъ командирамъ польскихъ войскъ (въ числѣ коихъ находился командиръ полка Кржинецкій и Гельгудъ, командовавшій одной пѣхотной бригадой): повиноваться уже не ему, а народному правленію; это приказаніе было вѣроятно дано его высочествомъ изъ опасенія измѣны сихъ полковъ и собственнаго плѣна. Какъ бы то ни было, но эти полки превзошли, напротивъ, всѣ прочіе въ ненависти къ русскимъ и въ стараніи раздуть по возможности пламя бунта. Присоединеніе этихъ полковъ къ войскамъ цесаревича могло возродить въ царствѣ новую Вандею; многія изъ лицъ, еще колебавшихся принять явное участіе въ возстаніи, отъ недостатка ли смѣлости, отъ убѣжденія ли, что 4,000,000-ое народонаселеніе не въ состояніи бороться съ 54-хъ-милліоннымъ, или отъ справедливаго опасенія, что благоденствіе края, доселѣ ограждаемое законами, будетъ замѣнено всеобщимъ разореніемъ вслѣдствіе буйнаго своевоія, не затруднились бы, можетъ быть, пристать къ намъ. Хотя эти лица, увидавъ, напротивъ, что цесаревичъ дозволилъ польскимъ войскамъ присоединиться къ мятежникамъ, и опасались висѣлицы, выставленной Лелевелемъ и ксендзомъ Пулавскимъ, и хотя они оплакивали измѣненіе стараго порядка, но они не могли не объявить своихъ сочувствій къ народному дѣлу. Я предоставляю моимъ читателямъ выводить изъ всего сказаннаго свои собственныя заключенія; что же касается

лично меня, то я, какъ исключительно военный человекъ, не могу не надивиться слѣдующему обстоятельству: пренебреженію цесаревича захватить Замостьскую и Модлинскую крѣпости, которыя онъ бы могъ удержать за собой до прибытія нашихъ главныхъ силъ. Въ Модлинѣ находился малочисленный и неготовый къ оборонѣ гарнизонъ, коего часть, услыхавъ о возстаніи столицы, еще недоумѣвала на что рѣшиться, но большая его часть ничего еще о томъ не знала. Какъ много выиграли бы наши военныя дѣйствія въ самомъ началѣ войны, если бы наши главные силы нашли эти крѣпости занятыми своими. Да не подумаютъ, что войскамъ, оставленнымъ въ этихъ крѣпостяхъ, предстояла какая-либо опасность со стороны противной арміи: Модлинъ былъ сильно укрѣпленъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ. Что касается до обороны крѣпости, послѣ овладѣнія ею, то это не могло представлять намъ большихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что въ польской арміи не было ни одного осаднаго орудія; если бы она имѣла у себя нѣсколько такихъ осадныхъ парковъ, то и въ такомъ случаѣ она не рѣшилась бы отдалиться отъ Варшавы, куда ежеминутно ожидали прибытія нашей главной арміи. Диктатору пришлось бы потому ограничиться одной блокадой, которая, какъ извѣстно, зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ: осаждающіе, при первомъ извѣстіи о приближеніи нашей арміи, поспѣшили бы отступить въ Варшавѣ. Надо присовокупить, что цесаревичъ, отступая на Гүры и Пулаву, могъ тѣмъ легче занять Замостье. Чтобы захватить Модлинъ ему надлежало, оставивъ Пулаву, слѣдовать почти мимо Прагскаго предмѣстья, откуда поляки, собравшіеся въ Варшавѣ, могли атаковать его; это могло подать поводъ къ битвѣ, чего цесаревичъ тщательно и явно избѣгалъ. Во всякомъ случаѣ ему надлежало достигнуть поспѣшнѣе Брестскаго шоссе, и тогда Модлинъ могъ бы быть легко занятъ нашими войсками. Сношенія цесаревича съ народнымъ правленіемъ приняли бы совершенно иной характеръ. Удержавъ за собой Модлинъ, мы могли господствовать надъ обоими берегами, что значительно облегчило бы нашей главной арміи атаку Варшавы, обнесенной лишь небольшимъ валомъ. Въ случаѣ, если бы мятежники рѣшились отдалиться отъ Праги, неимѣвшей еще предмостнаго укрѣпленія, мы могли бы дѣйствовать противъ нихъ съ фланга, съ тыла или наперерѣзъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ поля-

ки не замедлили бы изъяснить полную покорность. Занятіе нашими Замостья, не представляя для насъ тѣхъ же выгодъ, значительно способствовало бы успѣху войны. Это охранило бы Волынскую, Подольскую и Кіевскую губерніи отъ вторженія поляковъ и исчезли бы выгоды, доставляемыя имъ этою крѣпостью, которая находилась на прамѣйшемъ сообщеніи съ Галиціею, откуда поляки въ теченіе войны получали за деньги порохъ, оружіе и свѣстные припасы. Обмундированные, вооруженные и обученные военному ремеслу выходцы галиційскіе, соединившись со многими бѣглецами изъ Волыни, Подоли и Кіевской губерніи, отправлялись вдоль австрійской Галиціи, къ Завихвосту; перейдя здѣсь Вислу, они слѣдовали лѣвымъ ея берегомъ въ Варшаву. Обладаніе сей крѣпостью избавило бы насъ отъ необходимости ослабить нашу армію, которой во все время войны угрожали съ лѣваго фланга и почти съ тыла сперва Дверницкій, потомъ Хржановскій, находившіеся близъ Замостья; мы нашлись впоследствии вынужденными обезпечить свой лѣвый флангъ корпусами Крейца и Ридигера. Когда уже было явно, что Варшаву невозможно было усмирить 19-го поутру, мы могли выступить изъ Вирибы и, слѣдуя быстро сквозъ разбѣянные малочисленные мятежные отряды, достигнуть Замостья, отстоящаго отъ Варшавы въ 260 верстахъ, не болѣе какъ въ 8 дней. Если ореолъ власти, озарившій цесаревича, померкъ уже въ самой Варшавѣ, то онъ былъ еще въ полномъ блескѣ въ отдаленныхъ краяхъ царства; внезапное прибытіе цесаревича съ войсками къ малосильному и ни о чемъ еще неизвѣщенному гарнизону, привывшему трепетать при одномъ словѣ его высочества, возымѣло бы на него сильное дѣйствіе, и, безъ сомнѣнія, ворота крѣпости тотчасъ бы растворились предъ нами. Мы, во всякомъ случаѣ, рисковали не многимъ; если бы намъ это предпріятіе не удалось, мы, подвергшись нѣсколькимъ выстрѣламъ изъ крѣпости, и пройдя съ небольшимъ милою, могли вступить въ свои предѣлы, но уже не въ Влодавѣ, а въ Устилугѣ. Въ началѣ декабря литовскій корпусъ, въ соединеніи съ войсками цесаревича и въ ожиданіи прибытія главной арміи находился бы уже на нашей границѣ. Надо сознаться, что цесаревичъ и его окружающіе совершенно растеряли головы.

Здѣсь представляется вопросъ: надлежало ли ожидать прибытія главной арміи или, соединившись съ литовскимъ корпу-

сомъ, что составило бы около 50,000 человекъ, тотчасъ открытъ военныя дѣйствія противъ 30,000 польской арміи, еще не приведенной въ надлежащій порядокъ. Если бы въ литовскомъ корпусѣ офицеры и нижніе чины были коренные русскіе, тогда, безъ сомнѣнія, надлежало воспользоваться превосходствомъ нашихъ силъ надъ непріятелемъ, коего силы, будучи разсѣяны, не могли выдержать нашихъ ударовъ. На литовскій корпусъ, сформированный большею частью изъ уроженцевъ польско-россійскихъ губерній, невозможно было полагаться въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ успѣхъ и неудача много зависѣли отъ перваго удара. Хотя отсрочка въ дѣйствіяхъ представляла много выгодъ полякамъ, способствуя полному развитію ихъ средствъ, но при взаимной неготовности обѣихъ враждующихъ сторонъ, она позволяла намъ одержать съ большею вѣроятностью рѣшительные успѣхи надъ непріятелемъ. Средства, коими могли располагать поляки, возрасли бы, безъ сомнѣнія, въ теченіе первыхъ трѣхъ мѣсяцевъ, но не дабы, напротивъ, средства Россіи были, можно сказать, неистощимы. Основываясь на этомъ, было рѣшено съ нашей стороны отложить наступленіе до прибытія главной арміи.

Мы еще болѣе убѣдились въ пользѣ отсрочки изъ слѣдующаго: непостоянство поляковъ, коихъ увлеченіе и пылъ могли охладѣть; несогласія и споры, а можетъ быть и междоусобныя брани могли возникнуть среди многочисленнаго сборища людей, гдѣ господствовалъ духъ своеволія, столь враждебный мудрому единодержавію, умѣряемому лишь совѣтомъ свѣдущихъ, даровитыхъ и испытанныхъ мужей; лишь подобное единодержавіе было въ состояніи направить ихъ частныя усилія къ одной общей цѣли.

Теперь возникаетъ другаго рода вопросъ: если литовскому корпусу и войскамъ, приведеннымъ цесаревичемъ, надлежало воздержаться до прибытія главныхъ нашихъ силъ отъ наступленія, слѣдовало ли полякамъ до этого времени приблизиться къ мѣсту расположенія литовскаго корпуса. Хлопицкій воздержался отъ этого не потому, что польза этого движенія ускользнула отъ его проницательности, но потому лишь, что онъ ожидалъ спасенія Польши, легкомысленно начавшей кровавую борьбу съ Россіею, не отъ битвъ, но отъ мирныхъ переговоровъ. Я только этимъ объясняю себѣ пренебреженіе Хлопицкаго къ подобнаго рода дѣйствіямъ. Но неужели онъ надѣялся на успѣшныи исходъ пере-

говоровъ, начатыхъ Любецкимъ и Озерскимъ? Опѣняя по достоинству патриотизмъ Хлопицкаго, пожертвовавшаго своимъ честолюбіемъ высокому чувству истинной любви къ отечеству и клятвѣ, имъ уже произнесенной, я невольно вопрошаю себя: неужели надѣялся онъ, въ награду за обузданіе безначалія въ Варшавѣ, несогласіе на распространеніе мятежа въ польско-россійскихъ губерніяхъ, что нашъ государь изъявитъ свое согласіе на предложенія, присланныя ему чрезъ депутатовъ? Эти предложенія, украшенныя выраженіями, исполненными вѣрнопопданнѣйшихъ чувствъ, были въ сущности таковы, что руссій государь не могъ принять ихъ. Пятилѣтнее царствованіе императора Николая, обнаружившаго замѣчательную настойчивость, должно было открыть глаза Хлопицкому. Притомъ требованія его различествовали отъ требованій мятежниковъ лишь тѣмъ, что онѣ были облечены въ формы болѣе мягкія, тогда какъ требованія этихъ послѣднихъ были объявлены нагло и съ оружіемъ въ рукахъ. Въ сущности, требованія ихъ были однѣ и тѣ же, а потому уступка съ нашей стороны обличила бы въ насъ слабость и робость, коихъ мы въ себѣ нисколько не сознавали. Послѣ этого заблужденіе Хлопицкаго; пренебрежнаго принять мѣры къ скорѣйшему приготовленію себя для продолжительной борьбы на жизнь и смерть, и замедляемому развитію всѣхъ необходимыхъ для того средствъ, въ надеждѣ на заключеніе выгоднаго съ Россією мира, непростительно. Жребій былъ брошенъ, и потому Хлопицкому надо было избрать одно изъ двухъ: либо не принимать на себя званія диктатора, и не вступая въ сношенія съ мятежниками, уклониться отъ участія въ возстаніи; либо принять это званіе съ явнымъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ вести борьбу съ Россією до полного изнеможенія силъ. Это было бы по крайней мѣрѣ вполне согласно съ логикой; первая система могла возбудить противъ него ненависть и негодованіе поляковъ и подвергнуть его большой опасности; вторая же—должна была навлечь на него полное неблаговоленіе нашего государя. Но дѣлать было нечего; онъ долженъ былъ, принявъ на себя званіе диктатора, дѣйствовать рѣшительно въ пользу избравшихъ его, и не вѣрить въ возможность возстановленія мира въ самомъ разгарѣ войны, тѣмъ болѣе, что поляки, въ самомъ пылу справедливаго гнѣва государя, осмѣливались требовать, чтобы онъ пожертвовалъ для нихъ достоинствомъ и честью

своей имперіи. Едва ли самъ Хлопицкій въ минуты, когда онъ не увлекался несбыточными фантазіями, не отчаявался въ успѣхѣ начатаго дѣла. Итакъ, если Хлопицкій рѣшился захватить диктаторскую власть у временнаго правительства, то онъ долженъ былъ не замедлять и затруднять развитіе боевыхъ средствъ своего отечества, но, напротивъ, не щадить усилій для успѣшнѣйшаго и скорѣйшаго вооруженія и образованія наибольшаго количества войскъ, что нисколько не помѣшало бы ему продолжать начатые мирные переговоры. Этому могло значительно содѣйствовать движеніе польской арміи къ нашей границѣ; она этимъ могла усилиться вслѣдствіе побѣговъ, которые не могли не оказаться въ корпусѣ, состоявшемъ изъ ихъ соотечественниковъ. Такимъ образомъ, силы мятежниковъ при самомъ началѣ возстанія могли, независимо отъ резервовъ и поголовнаго ополченія, возрасти до 80,000 человѣкъ. Конечно, это предпріятіе могло не имѣть никакого успѣха, ибо въ теченіе войны литовскій корпусъ не измѣнялъ Россіи, но при всемъ томъ духъ этого корпуса былъ весьма ненадеженъ. Если этотъ корпусъ остался вѣрнымъ единожды принесенной имъ присягѣ, то это можетъ быть произошло отъ того, что онъ вошелъ въ общій составъ нашей арміи; этого бы не случилось, если бы онъ оставался въ одиночествѣ, порознь отъ нашей арміи, тѣмъ болѣе, что самъ Солтыкъ утверждаетъ, что третья часть офицеровъ принадлежала къ варшавскому патриотическому обществу. Это еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, что Хлопицкому надлежало, двинувъ свою армію къ нашимъ границамъ, приказать немедленно своимъ офицерамъ и солдатамъ войти въ тайныя сношенія съ чинами литовскаго корпуса, который, безъ всякаго сомнѣнія, присоединился бы къ своимъ соотечественникамъ; онъ могъ бы, такимъ образомъ, появившись съ 80,000-ною арміею въ Бѣлоруссію, возбудить противъ насъ Литву, гдѣ онъ присоединилъ бы къ себѣ все мѣстное ополченіе. Примѣру Литвы послѣдовали бы Волынь, Подолія и Украина, обнаженные отъ нашихъ войскъ. Если бы оно не и сдилось, онъ не подвергся бы ни малѣйшей опасности; мы въ то время не могли еще ни угрожать его тылу, ни наступать на него спереди, тѣмъ болѣе, что литовскому корпусу было строго воспрещено до сосредоточенія всѣхъ нашихъ силъ на границѣ Польши предпринимать малѣйшее наступленіе впередъ. Въмѣсто всего этого, какой имѣли результатъ

благочестивыя побужденія Хлопицкаго? Миръ несостоялся и не могъ состояться, а когда надо было прибѣгнуть къ оружію, поляки не располагали для продолженія войны тѣмъ количествомъ войскъ, какимъ они могли обладать; вмѣсто того, чтобы поддержать свои усилія присоединеніемъ литовскаго корпуса, возбужденіемъ къ возстанію Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и Украйны, поляки были принуждены принять наши удары на свой щитъ, не будучи поддержаны жителями польско-россійскихъ губерній и имѣя уже противъ себя литовскій корпусъ.

VI.

Мы пришли теперь къ любопытному событію—къ паденію диктатора Хлопицкаго; хотя диктаторство его продолжалось около 40 дней, но оно имѣло рѣшительное вліяніе на весь характеръ военныхъ дѣйствій. Въ теченіе 42-хъ-дневнаго владычества своего, Хлопицкій былъ кумиромъ арміи и всего народонаселенія царства, но принятія имъ строгія мѣры для прекращенія безначалія, явное его противодѣйствіе увеличенію военныхъ силъ и стремленіе къ прекращенію возникшаго между Россією и Польшей разрыва, не прибѣгая къ оружію, возстановили противъ него всѣ буйныя головы шляхетства, членовъ закрытыхъ имъ якобинскихъ клубовъ и тайныхъ обществъ, требовавшихъ рѣшительной независимости Польши. Но эта ненависть къ Хлопицкому, кипѣвшая пока втайнѣ, не смѣла еще нигдѣ явно обнаружиться. Но вскорѣ накопившаяся гроза разразилась. Коммиссія, учрежденная для составленія манифеста, поднесла его на утвержденіе надзирательной коммиссіи; хотя эта послѣдняя коммиссія и утвердила его, но Хлопицкій возсталъ противъ нѣкоторыхъ выраженій, которыя показались ему слишкомъ возмутительны, и строго запретилъ обнародовать столь непристойный актъ. Не взирая на запрещеніе, этотъ манифестъ, не скрѣпленный подписью Хлопицкаго, былъ тайно отлитографированъ и разосланъ по всему царству. Это обстоятельство усилило вражду между диктаторомъ и якобинцами, которые стали разглашать, что онъ измѣнникъ; а это, въ свою очередь, побудило Хлопицкаго увеличить національную стражу для подавленія недовольныхъ, если бы они вздумали явно возстать противъ правительства.

Къ этому времени, т.-е. 3-го января 1831 г. прибылъ изъ

С.-Петербургъ, посланный туда курьеромъ, подполковникъ Величинскій, привезшій, между прочимъ, извѣстіе о движеніи нашей арміи къ границамъ царства и слѣдовательно о неизбежности войны. Онъ также привезъ отъ статсъ-секретаря польскихъ дѣлъ графа Грабовскаго официальное письмо на имя Хлопицкаго, коему были объявлены высочайшее благоволеніе за изъявленные имъ върноподданническія чувства и настоятельное требованіе о буквальный исполненіи всѣхъ статей прокламаціи, обнародованной его величествомъ царству польскому 6-го декабря. Диктаторъ, послѣшно собравъ всѣхъ членовъ національной комиссіи, передалъ полученныя бумаги на ихъ обсужденіе. По мнѣнію меньшинства, надо было продолжать начатыя переговоры, и пользуясь тѣмъ, вознаградить потерянное время послѣшнимъ приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ силъ до открытія военныхъ дѣйствій; большинство же требовало, чтобы немедленно аттавовали литовскій корпусъ до прибытія русской арміи. Хлопицкій приказалъ созвать сеймъ въ 7-му января; хотя власть его видимо поколебалась, но враги его, не удовольствовавшись тѣмъ, рѣшились нанести ему окончательный ударъ. Тотчасъ послѣ удаленія членовъ національной комиссіи явились къ Хлопицкому члены надзирательной комиссіи, подъ предводительствомъ президента сената и маршала сейма. Хлопицкій, хладнокровно изложивъ имъ весь ходъ дѣлъ, указалъ на необходимость единства въ усиліяхъ, которое не могло имѣть мѣста при великомъ разногласіи въ мнѣніяхъ. Представивъ имъ несоразмѣрность матеріальныхъ средствъ Польши относительно силъ, коими могла располагать Россія, онъ предложилъ принять безусловно всѣ статьи, изложенныя въ вышесказанной прокламаціи его величества; это возбудило общее негодованіе всѣхъ членовъ, которые осыпали упреками Хлопицкаго, сказавшаго имъ съ твердостью: «Если ваша совѣсть дозволяетъ вамъ разрывать узы клятвъ, данныхъ вами законному государю, я васъ съ тѣмъ поздравляю; я не измѣню своихъ правилъ, и все, что я дѣлаю здѣсь, я дѣйствую лишь именемъ царя моего Николая». Хлопицкій подписалъ, такимъ образомъ, приговоръ своей власти; члены комиссіи послѣшили объявить ему, что онъ уже болѣе не диктаторъ. Въ отвѣтъ на это Хлопицкій закричалъ въ изступленіи: «Я самъ слагаю съ себя диктаторство и обвиняю всѣхъ васъ въ якобинствѣ, въ воз-

бужденіи народа и войска къ безначалію, и чрезъ это въ вовлеченіи отечества въ неминуемую гибель».

Когда умы нѣсколько успокоились, Чарторижскій сдѣлалъ Хлопицкому слѣдующее предложеніе, облеченное въ весьма ласковыя формы: «Мы надѣемся, генераль, что вы, по крайней мѣрѣ, не откажетесь принять на себя командованіе арміей».

— «Ни за что, гнѣвно закричалъ Хлопицкій: будь я шельма, если приму какое-либо начальство, но какъ вѣрный сынъ отечества, я готовъ жертвовать жизнью на полѣ брани!»

Тѣмъ заключилось диктаторство мужественнаго Хлопицкаго, доказавшаго любовь свою къ отечеству своею сорокалѣтнею боевою службою и ранами, полученными на поляхъ чести. На концѣ своего поприща, Хлопицкій, будучи временною глагою Польши, и желая спасти свое отечество отъ угрожавшихъ ему бѣдствій, избралъ цѣль мечтательную, которая не могла спасти поляковъ. Этотъ патріотъ, при всемъ желаніи блага своей родинѣ, причинилъ дѣлу, ему ввѣренному, едва ли не болѣе зла, чѣмъ самый коренной россіянинъ, которому было бы поручено потушить возникшій противъ Россіи мятежъ. Онъ принесъ за то нашему дѣлу едва ли не болшую пользу, чѣмъ самъ Дибичъ во все время начальствованія его арміею. Это фактъ неопровержимый. При всемъ томъ никто не смѣлъ подозрѣвать его въ измѣнѣ; хотя Хлопицкій былъ лишень диктаторской власти, но, будучи убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, онъ ходилъ по городу въ партикулярномъ платьѣ и круглой шляпѣ, смѣло и бодро. Чернь и войска смотрѣли съ благоговѣніемъ на сѣдины сего маститаго воина, не разъ отличавшагося подвигами мужества; почитая себя вполне правымъ, онъ, можно сказать, заблуждался. Умственные способности его далеко не соответствовали возвышенности его чувствъ.

Послѣ его паденія государь не переставалъ напоминать возмутителямъ о забытомъ ими долгѣ, но въ отвѣтъ на это пламя мятежа и вражды къ Россіи все болѣе и болѣе распространялось по царству.

Независимо отъ отлично обученной 30,000-й арміи, рядовые, получившіе отставки лишь за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, и множество волонтеровъ, возвысили численность арміи, которая усилилась до 80,000 чел.; кромѣ того, образовалась 9,000-ная резервная армія; многіе магнаты и помѣщики, въ числѣ коихъ нахо-

дѣлись въ окрестностяхъ Остроленки — Харадецкій, Сѣдлеца — Кучинскій и Кушель, Ломжи — Уланъ, Люблина — Яросовскій, Варшавы — Замоискій, возбуждая крестьянъ своихъ къ возстанію, вооружали на свое иждивеніе эскадроны, баталіоны, отряды, исключительно предназначенные для партизанскаго рода службы.

Одно Августовское воеводство выставило въ теченіе 10 дней 5,000 вооруженныхъ всадниковъ, Варшава—1 полкъ пѣхоты и 1 полкъ кавалеріи ¹⁾, и т. д.; буйная молодежь Познани и Галиціи, оставивъ дома родителей, университеты и ремесла, коими она занималась, спѣшила въ Варшаву. Въ теченіе 15-ти-лѣтняго владычества Россіи арсеналы царства были снабжены оружіемъ, изготовленнымъ на російскихъ оружейныхъ заводахъ; народное правленіе приказало спѣшить выдѣлкой оружія на литейныхъ и оружейныхъ заводахъ Варшавы, Кракова и окрестностей Кельца, возвести прагское предмостное укрѣпленіе, усилить оборону Модлена и Замостья, и окружить Варшаву внѣшними укрѣпленіями. Пороховой заводъ въ Краковѣ былъ увеличенъ, и устроенъ новый въ Маримонтѣ. Магнаты, шляхетство и духовенство внесли 120 милліоновъ ²⁾ руб.; наконецъ новое правительство стало возбуждать нравственныя силы поляковъ разными ложными обнародованіями о помощи Франціи и Англіи и о скоромъ прибытіи союзныхъ флотовъ и армій на театръ военныхъ дѣйствій. Поляки вѣрили всему этому, не понимая, что Англія никогда не станетъ проливать крови своей въ порывѣ политической чувствительности и что для Франціи, какъ въ то время выразился Себастьяни, нужны были 20-ти-лѣтній рядъ военныхъ чудесъ и Наполеонъ, чтобы проложить себѣ путь черезъ Германію въ Польшу. Франція ограничилась высылкой графа Монтебелло, сына славнаго маршала Ланна, и полковника Ромарино. Я почитаю излишнимъ упоминать здѣсь о Лангермонѣ, Стюартѣ, Галлуа и другихъ безконечно малыхъ.

Первая забота сейма, открывшагося 7-го января, состояла въ томъ, чтобы избрать главнокомандующаго. Недостатокъ въ способныхъ генералахъ былъ столь великъ, что сеймъ внесъ въ число кандидатовъ нѣсколько молодыхъ штабъ-офицеровъ. Генералъ Вейссенгофъ былъ человекъ лишенный опытности и дарованія; полковникъ Шембекъ, пользовавшійся покровительствомъ яко-

¹⁾ Смори Солтыка.

Д. Д.

²⁾ Смори Солтыка.

Д. Д.

бинцевъ, былъ человѣкъ умный, но не умѣвшій распоряжаться большими массами войскъ; генералъ Круковецкій, истинный представитель характера польской націи—дерзкій, хвастливый и надменный, но хитрый и искательный, когда того требовали обстоятельства, желалъ провозгласить себя диктаторомъ, но онъ былъ неспособенъ ни къ военному, ни къ гражданскому дѣлу. Генералъ Паць ¹⁾, также любимый явобинцами, человѣкъ красивой наружности, отличался ограниченнымъ умомъ, нерѣшительностью и весьма небольшими свѣдѣніями. Въ числѣ кандидатовъ находились: кн. Михаилъ Радзивиллъ и Скрженецкій. Князь Радзивиллъ былъ избранъ восемью голосами главнокомандующимъ; при избраніи своемъ онъ объявилъ, что готовъ передать власть и званіе тому изъ генераловъ, который въ теченіе войны окажется достойнѣйшимъ; наибольшее число голосовъ послѣ него получилъ—Паць. Выборъ Радзивилла, бывшаго уже полковникомъ въ 1807 году во время осады Данцига, и съ того времени неслыхавшаго боевого выстрѣла, удивилъ многихъ, но онъ объясняется слѣдующимъ образомъ: этотъ Радзивиллъ былъ роднымъ братомъ кн. Антонія Радзивилла, родственника королевы прусской и бывшаго въ то время намѣстникомъ Познанскимъ. Хлопицкій, еще до избранія Радзивилла, сказалъ членамъ сейма, что безъ сомнѣнія кн. Антоній, по дружбѣ своей къ брату, не откажется помогать ему. Итакъ, избраніемъ Радзивилла члены сейма думали, сдѣлавъ угодное королю прусскому, привлечь къ себѣ, если не Пруссію, то намѣстника ²⁾ познанскаго, близкаго и единокровнаго имъ сосѣда.

Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ ошиблись они и въ томъ, и въ другомъ предположеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ У Паца былъ богатый домъ въ Вильнѣ, на которомъ была сдѣлана слѣдующая надпись. «Палацо варто (достоинъ) Паца, Паць варто Палацо».

Д. Д.

²⁾ Я самъ видѣлъ въ 1807 г. кн. Антонія Радзивилла въ пашей главной квартирѣ; онъ былъ тогда преданъ дѣлу, за которое стояли Пруссія и Россія противъ Наполеона, у котораго, въ числѣ польскихъ войскъ, служилъ въ то время кн. Михаилъ, о коемъ идетъ здѣсь рѣчь.

Д. Д.

ЕРМОЛОВЪ, ДИБИЧЪ И ПАСКЕВИЧЪ.

1826—1827.

VI¹⁾.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

12-го октября. Болѣе 12-ти дней, какъ я велѣлъ выдать деньги генералу Мадатову для покупки 200 скотинъ; онъ меня увѣрялъ, что ихъ нельзя достать ближе какъ за 60 верстъ, и которые мнѣ не доставлены до сихъ поръ. Между тѣмъ какъ нечаяннымъ образомъ я послалъ ширванскаго пѣхотнаго полка съ маіоромъ Юдинымъ партію казаковъ, которая открыла, не болѣе какъ въ 15 верстахъ отъ лагеря, до 25 тысячъ овецъ и до двухъ тысячъ рогатаго скота; я тотчасъ послалъ купить столько, что могъ давать по фунту въ день мяса людямъ, убавивъ фунтъ хлѣба. Такимъ образомъ, въ продолженіи всего времени, я уже не нуждался въ скотинѣ, а посланный отъ князя Мадатова для покупки онаго возвратился назадъ, послѣ 15 дней, пригнавъ только сто штукъ скота и сказавши мнѣ, что болѣе не могъ найти. Хотя продовольствіе нѣсколько и поправилось, но все я не имѣлъ онаго въ мукѣ и на 4 дня. Я уговорилъ переводчика Корганова ѣхать въ дальшія деревни, дабы огласить армянскихъ жителей продать продовольствіе.

14-го октября. Коргановъ возвратился съ весьма хорошимъ извѣстіемъ, что онъ уговорилъ жителей раздѣлиться съ нуждающимися русскими войсками, и что закупилъ около 600 четвертей, также и нужное количество соли. Они съ удивленіемъ отвѣчали, что они не знали, что русскіе нуждаются, иначе бы они послѣднее отдали. Я получилъ также рапортъ отъ моихъ адъютантовъ и квартирмейстерскихъ офицеровъ, что они остановлены въ Тифлисѣ генералъ-лейтенантомъ Вельяминовымъ.

15-го октября. Посланный къ аванпостамъ персидскимъ тата-

¹⁾ См. «Русскую Старину», т. V, стр. 706—726.

ринъ проѣхалъ мимо моихъ въ сторонѣ моего лагеря въ Шушу, гдѣ князь Мадатовъ тогда находился; о чемъ постороннимъ образомъ узнавъ, вытребовалъ его къ себѣ. Онъ сначала отвѣчалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ никакого порученія отъ Аббасъ-Мирзы, у котораго въ лагерѣ нѣсколько дней былъ, и хотя я страдалъ, что если онъ не скажетъ правду, а я послѣ узнаю, то сковавъ его пошлю въ Тифлисъ, но онъ остался въ запертѣ, да на другой день, видно побоясь моихъ угрозъ, пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что Аббасъ-Мирза поручилъ ему словесно сказать, что онъ хотѣлъ бы раздѣльнѣе сдѣлать. И это писалъ къ генералу Ермолову, говоря что онъ вѣроятно это знаетъ, ибо князь Мадатовъ держалъ его болѣе 4-хъ дней въ Шушѣ, также жаловался на таковыя поступки его и на дурное управленіе.

21-го октября. Наконецъ, весь мой штабъ пріѣхалъ; они уведомили меня, что хотя другіе чиновники и были посылаемы въ отрядъ генерала Ермолова, расположенный на Гассан-су, они же остановлены были въ Тифлисѣ подъ предлогомъ невѣрности дорогъ. Генераль Ермоловъ также отвѣчалъ въ письмѣ, что посылаетъ мнѣ мой штабъ, но что прежде не могъ сего сдѣлать, потому что сообщенія были весьма затруднительны, хотя я въ продолженіе всего времени получалъ письма и пакеты.

26-го октября. Въ походѣ моемъ чрезъ Араксъ и обратно ничего замѣчательнаго не случилось, выключая что я замѣтилъ, что войска наши не привыкли драться въ горахъ.

2-го ноября. Я получилъ отъ генераль-лейтенанта Вельяминова рапортъ, что по моимъ представленіямъ генераль Ермоловъ приказалъ ему послать провіантъ и повозокъ, и что онъ отправляетъ 62 пароволовыхъ подводы и 248 четвертей на нихъ положенной муки—говоря, что болѣе не могъ собрать. Это ровно на три дня продовольствія на войска. Какая малость, это на смѣхъ сдѣлано, чтобы остановить совершенно мои предпріятія. Можно ли думать, чтобы нельзя болѣе достать повозокъ въ Грузіи и то небольшихъ арбъ сей земли, которыя поднимаютъ до 8 четвертей въ четыре вола, а маленькія повозки, которыя совершенно никуда негодны, что я знаю по Молдавіи, и которые генераль Ермоловъ возобновилъ здѣсь — я теперь узналъ, что болѣе 1000 арбъ весьма легко можно купить въ Грузіи.

Я, боясь наскучить повтореніями объ одномъ и томъ же предметѣ, многое не помѣстилъ здѣсь. Словомъ, недоброе желаніе къ общему благу я встрѣчалъ на каждомъ шагѣ. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

VII.

Паскевичъ — Дибичу.

(буквально).

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ. Я получилъ письмо вашего высокопревосходительства отъ 25-го числа октября; будучи на походѣ отъ Куръ когда разпущены были войски: и также предположеніе на шестъ кампаній; и записки полковника Друзиля. Не отвечалъ ибо ехалъ въ Тифлисъ, гдѣ тотъ часъ занялся соображеніемъ всехъ бумагъ и свѣденій которыхъ я здѣлалъ въ продолженіи кампаніи. Я не могъ прежде писать ибо письма и донесенія были отдаваемы въ Шуше и Тифлисе; гдѣ я весьма подозрѣвалъ чтобы не были въ скрыты: при томъ-же я немогъ еще верныхъ свѣденій: получилъ при томъ же въ конце моего пребыванія въ Лагере, письма Аббасъ-Мирзы получилъ три дни тому назадъ. Я здѣсь все подозреваю после манеры съ которымъ со мною обходились. Я былъ окруженъ шпионами: нерасположеніе главнаго начальника разпространилось на его подчиненныхъ. По приездѣ моемъ въ Отрядъ, я увидѣлъ, что я окруженъ людьми преданными генералу Ермолову, и что онѣ не съ охотою будутъ мои приказанія исполнять; но я ихъ заставилъ.

Болѣе всехъ Лживѣе и обманчивѣе это генераль-лейтенантъ князь Мадатовъ; я увѣренъ, что продовольствіе я могъ лучше имѣть если бы усилія употребилъ: но всегда мешалъ. При томъ же онъ весьма дурной Управляющій: и въ распоряженіяхъ своихъ способностей не имѣеть, а только храбрый Гусарь. Онъ ненавидимъ въ Провинціи; онѣ вообще ему приписываютъ удаленіе Хановъ, самыми непростительными средствами. Прочтите Урлуханова показанія: я со многими говорилъ онѣ подтверждаютъ. Я писалъ къ генералу Ермолову, что онѣ неспособенъ, Ермоловъ отвѣчалъ, что никто не знаетъ такъ хорошо этого края какъ онѣ: и не только не хотѣлъ объ немъ объяснить: но разпустивши мой отрядъ его назначилъ командиромъ и къ войскамъ оставшимся прибавилъ другіе. Генераль-майоръ Вельяминовъ его поддерживалъ онѣ всѣ другъ друга поддерживаютъ: и ничего нѣтъ труднѣе какъ узнать истинну. Въ продолженіи Кампаніи я не могъ получить довольное число повозокъ, отчего дальше не пошелъ: въ прочемъ все ястно объяснилъ въ рапорте моемъ Государю Императору. Прошу Вашего Высокопревосходительства: не взять въ дурное, что есть нѣкоторые противурѣчія между моимъ поведеніемъ съ нѣкоторыми людьми, и что послѣ я про нихъ говорю, но это отъ того, что я объ нихъ не зналъ и послѣ уже получилъ объ нихъ свѣденія. Я боюсь что урокъ нынѣшней кампаніи о системѣ раздроб-

леній не остался и на будущего: по крайней мере я не вижу приказаній озборе войскъ по полкамъ или артиллерійскимъ ротамъ: но вместо того все по прежнему остается, и вместо того чтобы при разпущеніи моего отряда соединить елико возможно полкъ въ полку: онъ оставилъ съ трехъ полковъ по баталіонамъ, а на двѣ роты оныхъ полковъ и 1 бат. Херсонскаго отпустилъ на квартиры, также и съ артиллерією здѣлалъ; вместо того чтобы оставить цѣлую батарею 12 орудій онъ оставилъ по два и по четыре орудія другихъ ротъ; когда же оныя успѣютъ получить Амуніцію въ которой онѣ до того нуждаются, что совершенно въ самомъ дурномъ положеніи находятся; вообразите компанія начнется; а имъ должно будетъ двигаться безъ сапогъ, рубашекъ и шинели, у многихъ четвертый годъ донашиваютъ. Я предписалъ начальникамъ имъ доставить: но какъ прежде не подумало, что это нужно будетъ.

По всѣмъ симъ причинамъ ваше высокопревосходительство видите, что мнѣ нельзя остаться съ генераломъ Ермоловымъ. Я и такъ здѣлался болѣзнь будучи безпрестанно имъ огорчаемъ. Но и для самой пользы службы мнѣ нельзя остаться: онъ будетъ мешать всемъ моимъ операціямъ, подвозу жизненныхъ припасовъ во время не будетъ, какъ то было нынѣшней Компаніи; отъ чего всѣ военныя дѣйствія могутъ остановиться. Уловки ухищренія меня приведутъ въ положеніе, что я не въ состояніи буду дѣйствовать; для пользы самой службы я не могу здѣсь остаться; закливаю вашего высокопревосходительства пользою службы Государя Императора меня отъ сюда вызвать. Какъ Ермоловъ можетъ терпѣть кого при себѣ которой ему мѣшаетъ; онъ лутчи всѣ нарушить. Государь Императоръ найдетъ другаго который угодитъ Генералу Ермолову: но я не могу; я думаю, что самое лутшее средство меня взять отъ сюда, ибо онъ совершенно объявилъ противу меня; и даже въ Самыхъ реляціяхъ хотеть затмить мое имя; не упоминаетъ его; я имѣю дѣло съ самымъ злымъ и хитрымъ человѣкомъ. Не думайте чтобы я игралъ комедію: кто здѣсь останется будетъ въ весьма трудныхъ обстоятельствахъ: нужда въ провіантѣ будетъ велика; оной уже въ здорожалъ въ двое: ячменю болѣе 10,000 четвертей нѣтъ во всей Грузіи. Это мѣсячная пропорція только для 8,000 лошадей, словомъ ничего не приготовлено; а лето должно ужасать всякаго кто въ этомъ краю будетъ. Мы теряемъ золотое время; и по отношеніи Аббасъ-Мирзе ко мнѣ; доказываетъ что онъ не хотеть съ Ермоловымъ имѣть дѣла: это большой знакъ его желанія къ миру. Но это все потеряно нашимъ недѣйствіемъ.

Примите увереніе и проч. Иванъ Паскевичъ.

Декабря 11 дня, 1826 года.

Тифлисъ.

VIII.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ. Я имѣлъ честь писать къ вашему высокопревосходительству съ адъютантомъ моимъ поручикомъ Оперманъ, о моемъ здѣсь положеніи; вчера я отправилъ черезъ почту донесеніе мое государю императору обо всемъ, что только до моего свѣдѣнія дошло о положеніи здѣшнихъ дѣлъ.

Изъ рапорта моего ваше высокопревосходительство усмотрѣть можете, какъ здѣсь дѣла идутъ; и что командованіе здѣсь такъ раздѣлено, что многіе указываютъ: но никто не отвѣчаетъ.

О себѣ имѣю честь сказать, что остаться мнѣ здѣсь, вмѣстѣ съ генераломъ Ермоловымъ, для самой службы вредно, ибо я увѣренъ, что всѣ средства будутъ употреблены для остановки во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ. Ваше высокопревосходительство сами знаете, что можно ли служить съ начальникомъ, который всякимъ случаемъ пользуется, чтобы сдѣлать неприятное подчиненному. Одно его удерживаетъ отъ прямыхъ неприятностей, это то, что я имѣю счастье репортовать государю императору. Съ истиннымъ и проч. Иванъ Паскевичъ.

Декабря 21 дня, 1826 года.

Тифлисъ.

IX.

Ермоловъ—Дибичу.

Милостивый государь баронъ Иванъ Ивановичъ. Въ короткихъ словахъ дамъ себя выразумѣть вашему высокопревосходительству: радъ душевно, что вы ѣдете сюда и знаю сколько облегчены будутъ мои дѣйствія. Имѣю честь быть, и проч. Алексѣй Ермоловъ.

Февраля 19 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

X.

Паскевичъ—императору Николаю.

Всемилоостивѣйшій Государь! Ваше императорское величество изъ приложенной при семъ записки изволите усмотрѣть дознанное мною въ первый день моего пребыванія въ Тифлисъ; чувствуя всю важность возложеннаго на меня препорученія я не ускорю рѣшительный шагъ безъ точнаго убѣжденія, не останавливая ходъ мѣръ, могущихъ служить приготовленіемъ къ будущимъ дѣйствіямъ.

Я надѣюсь, что возможно будетъ занять еще въ мартѣ мѣсяцѣ окружности Эривана достаточнымъ авангардомъ и тѣмъ спасти тамошнихъ армянъ и способнъ къ продовольствію; что въ первыхъ числахъ апрѣля могутъ начаться дѣйствія со стороны Карабаха и

движеніе главныхъ силъ на поддержаніе авангарда и для совершеннаго занятія ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго; а если въ ономъ найдется нѣсколько способовъ, то полагаю возможнымъ еще до знойнаго времени овладѣть Марантомъ, гдѣ равно какъ въ Хоѣ находится много армянъ — а можетъ и Тавризомъ. Если показываемая генераломъ Ермоловымъ довѣренность имѣетъ малѣйшее основаніе, то можетъ быть будетъ полезно для службы, чтобы я остался до начатія кампаніи; въ такомъ случаѣ, на который не смѣю еще надѣяться, полезно будетъ, чтобы первый блистательный успѣхъ далъ бы ему съ званіемъ главнокомандующаго (не прибавлю великія преимущества положенія большой дѣйствующей арміи до точнаго исполненія всего предписаннаго), нѣкоторое поощреніе. Если-же онъ нынѣ старается только обманывать, то сіе вѣрно откроется весьма скоро передъ откровенностію моихъ поступковъ.

Армянскій архимандритъ Нарзесъ принялъ высочайшій рескриптъ съ глубочайшею благодарностію, рескриптъ будетъ читанъ въ церквахъ и публикованъ на армянскомъ языкѣ; онъ ручается за вѣрность и усердіе армянскаго народа, и надѣется при благовременномъ вторженіи въ Эриванское ханство найти у тамошнихъ армянъ еще довольно запасовъ, въ чемъ и я увѣренъ.

Посланцу персидскому, пріѣхавшему сюда съ письмомъ министра ихъ иностранныхъ дѣлъ, къ графу Нессельроду, и увѣряющаго насъ, что уполномоченъ на заключеніе перемирія, полагалъ я неловкимъ отказать въ свиданіи, которое онъ просилъ. Онъ началъ говорить о истинномъ желаніи шаха заключить миръ — я ему отвѣчалъ въ увѣренности моей, что ваше величество всегда готовы согласиться на условія отвѣчающимъ наглому нарушенію мира обезпеченіемъ нашихъ границъ отъ побочныхъ дѣйствій съ должнымъ вознагражденіемъ за понесенные убытки.

Когда онъ старался оправдать ихъ дѣйствія поступками нашихъ пограничныхъ начальниковъ, по словамъ письма Аббасъ-Мирзы, при начатіи войны, то я увѣрялъ его, что конечно ваше величество не изволите даже принимать предположеніе о мирѣ, когда онъ не признаетъ совершенную вину Персіи въ наглому нарушеніи онаго; что, впрочемъ, письменныя сношенія по сему предмету не должны остановить ходъ военныхъ дѣйствій, и что перемиріе заключать я не въ правѣ, развѣ дадутъ въ залогъ искренняго желанія къ миру, и въ основаніе онаго, крѣпости и пространство земли, которое почту нужнымъ потребовать. Онъ сказалъ, что на сіе не имѣетъ уполномочія, а я ему повторилъ, что послѣ того не о чемъ и говорить. Симъ кончилось и свиданіе наше, которое, впрочемъ, можетъ быть будетъ еще имѣть послѣд-

ствія, судя по безпрестаннымъ увѣреніямъ его въ миролюбивыхъ видахъ шаха и о согласіи посланца, что уполномоченные могли бы трактовать и о лучшемъ устройствѣ границъ, и о могущихъ быть претензіяхъ за убытки.

Замѣчанія мои отъ Ставрополя я сегодня не успѣлъ привести въ порядокъ для представленія ихъ вашему императорскому величеству, но могу сказать, что вообще состояніе кабардинскаго пѣхотнаго полка, владикавказскаго гарнизона и въ особенности линейныхъ казачьихъ полковъ весьма удовлетворительно, а духъ войскъ и усердіе ихъ отвѣчаютъ совершенно желанію вашего величества. Съ экстрапочтою, которая отправится въ четвергъ 24-го февраля, буду имѣть счастье представить продолженіе моихъ донесеній, ибо онѣ здѣсь въ совершенной независимости, а конвертъ вложу на имя князя Александра Николаевича Голицина. Простите государь ошибку, вкравшуюся въ послѣдней запискѣ моей: при Ставрополѣ, гдѣ я командующаго 22-й артиллерійской бригадою называлъ Ладыжинскимъ, когда фамилія его Радожицкой. Съ вѣрноподданнѣйшею преданностью, и проч. Иванъ Паскевичъ.

Февраля 21 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

XI¹⁾.

Дибичъ — императору Николаю.

Послѣ довольно труднаго переѣзда чрезъ кавказскія горы я шпіхалъ сюда, въ Тифлисъ, вчерашняго числа въ два часа пополудни. Генераль Ермоловъ, въ отвѣтъ на письмо мое изъ Владикавказа, прислалъ мнѣ при семъ письмо въ Анапуръ; вскорѣ послѣ онаго шпі-

¹⁾ Важность и интересъ настоящихъ документовъ какъ для исторіи Россіи въ царствованіе имп. Николая Павловича, такъ въ особенности для исторіи Кавказа и жизнеописанія трехъ видныхъ дѣятелей того времени (Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ) — несомнѣнны. Для полноты укажемъ, что донесенія Ермолова, за эти годы тревогъ и оскорбленій для него, помѣщены въ II части Приложеній къ его запискамъ, помѣщеннымъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи 1867 г., кн. IV, стр. 250 — 358. Паскевичъ отправленъ къ Ермолову 11 авг. 1826 г. О пріѣздѣ его Ермоловъ доносилъ государю 4 сентября 1826 г.; Дибичъ явился въ Тифлисъ 22 февраля 1827 г. съ обширными полномочіями, посредникомъ между Ермоловымъ и Паскевичемъ, но явнымъ недоброжелателемъ первого: съ 25 февраля начинается сообщеніе ему обширныхъ письменныхъ объясненій со стороны Ермолова относительно плановъ войны, заготовки запасовъ и проч. Они напечатаны въ «Чтеніяхъ» 1867 г., гдѣ помѣщены и письма императора Николая къ Ермолову съ 16 декабря 1825 г., по февраль 1827 г. Увольненіе Ермолова послѣдовало 29 марта 1827 г.—оно было объявлено Дибичемъ.

ѣхалъ и адъютантъ его штабъ-ротмистръ Талызинъ, тотъ самый, который былъ въ Москвѣ, съ экипажемъ своего генерала. Я пріѣхалъ прямо къ нему на квартиру, находящуюся ближе моей у вѣзда, и былъ встрѣченъ имъ дружески съ увѣреніемъ въ совершенной своей откровенности и съ требованіемъ таковой же отъ меня. Онъ притомъ изъяснялся, что онъ не знаетъ, почему полагаютъ меня съ нимъ непріятелями, ибо мы нигдѣ не встрѣчались въ короткихъ сношеніяхъ и не могли имѣть къ тому причинъ; но что онъ увѣренъ въ моей справедливости и желалъ бы имѣть меня своимъ судьей даже и тогда, когда бы я не былъ начальникомъ главнаго штаба. Я со своей стороны увѣрилъ его, что и я столько же не постигаю, почему бы могли считать насъ непріятелями, и что руководствуясь всегда по службѣ одною лишь справедливою и откровенною, а съ сими же правилами буду дѣйствовать въ дѣлѣ порученномъ мнѣ высочайшею волею. Послѣ сихъ первыхъ объясненій я объявилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ главныя причины, по коимъ ваше величество должны по прежнимъ дѣйствіямъ сомнѣваться, чтобы успѣхи могли быть столь быстры и рѣшительны, какъ сего требуетъ воля ваша и важность общихъ дѣлъ. На сіе генералъ Ермоловъ отвѣчалъ, что онъ признаетъ себя нынѣ виновнымъ, что послѣ елизаветпольскаго сраженія не рѣшился идти къ Таврису; но не видя въ персидскихъ войскахъ весьма значительной потери ни въ людяхъ, ни въ артиллеріи, онъ не могъ полагать, чтобы ихъ разстройство было столь велико и ожидалъ, что Шахъ подкрѣпитъ на Аракѣ Аббасъ-Мирзу, и посему не считалъ выгоднымъ переправиться чрезъ Араксъ до прибытія новыхъ подкрѣпленій, не усмиривъ прежде Ширвана, Цеки и Чарцовъ. На счетъ же приуготовленія продовольствія, нашелъ онъ большія затрудненія въ совершенномъ разстройствѣ Карабаха и Ширвана, и что по сему и по недостатку подножнаго корма для кавалеріи въ зимнее время, не могъ рѣшиться на зимнюю кампанію, когда уже удостовѣрился въ совершенномъ разстройствѣ Персіи; но признается, что онъ ошибся въ первоначальныхъ сужденіяхъ своихъ о состояніи персидской арміи; что онъ къ первымъ числамъ апрѣля надѣется имѣть на два мѣсяца провіанта и достаточные способы къ подвозу (о чемъ покажетъ мнѣ подробныя вѣдомости, какъ и вообще о всѣхъ своихъ приуготовленіяхъ и распоряженіяхъ); что къ тому же времени подвинетъ передовыя войска къ границамъ, поддерживая ихъ главными силами; и что онъ ручается головою, что сходно повелѣніямъ вашего величества займетъ все пространство ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго до Аракса прежде знойнаго времени; регулярную же кавалерію, по невозможности имѣть въ здѣшнемъ краѣ овса и даже ячменя, пола-

гасть держать болѣе въ резервѣ и придвинуть оную только въ маѣ мѣсяцѣ, когда уже наступитъ хорошее травяное продовольствіе. Я ему представилъ, что по позднему сбору войскъ непріятель не только соберетъ больше силъ, но, что всего важнѣе, разоритъ всѣ способы, находящіеся до сихъ поръ въ селеніяхъ армянскихъ и прочихъ Эриванскаго ханства; что посему я полагаю бы занять сардарство Эриванское хотя частію войскъ, съ открытіемъ травы которая вѣроятно покажется даже въ первыхъ числахъ марта (ибо здѣсь до сихъ поръ ни малѣйшей нѣтъ еще зелени при весьма жаркихъ дняхъ); и что я не предложилъ бы таковой мѣры частнаго дѣйствія противъ другаго непріятели, но что опыты всѣхъ кампаній противъ персіянъ и въ особенности послѣдней, должны насъ вести къ заключенію, что опасаться намъ должно не отъ ихъ оружія, но отъ голода. Генераль Ермоловъ на сіе согласился, но просилъ меня обо всемъ рѣшительно условиться, когда мнѣ покажетъ всѣ средства, какія онъ имѣетъ и полагаетъ имѣть.

Говоря на счетъ сношеній съ генераломъ Паскевичемъ, генераль Ермоловъ старался отклонить сей предметъ, но наконецъ говорилъ, что Паскевичъ кажется ему характера не довольно твердаго и подъ вліяніемъ другихъ, ибо не всегда ровно съ нимъ обходятся; что онъ, какъ полагаетъ г. Ермоловъ, надѣялся послѣ него командовать; но онъ, г. Ермоловъ, привыкнувъ исполнять высочайшую волю, не могъ рѣшиться при пріѣздѣ г. Паскевича сказаться больнымъ, какъ бы можетъ быть сдѣлали на его мѣстѣ другіе; что послѣ генераль Паскевичъ сталъ требовать отъ него всѣ бумаги и приказы, которые онъ отдаетъ, и отвергнувъ предложеніе его, чтобы сообщать оныя отъ дежурства Ермолова дежурному штабъ-офицеру Паскевича; и что онъ, Ермоловъ, не почелъ себя въ обязанности давать ему отчетъ въ бумагахъ по управительной части. Я ему на сіе сказалъ, что ваше величество зная г. Паскевича еще болѣе, нежели мнѣ онъ извѣстенъ, изволили препоручить мнѣ ручаться за него, что при деликатномъ обхожденіи онъ будетъ вѣрнѣйшимъ помощникомъ. Генераль Ермоловъ отвѣчалъ, что онъ повторяетъ, что радъ моему пріѣзду, надѣясь, что я разграничу отношенія долженствующія быть между ними съ учрежденіемъ новыхъ штабовъ, и увѣренъ, что устрою такъ, что будетъ безобидно для званія его.

Послѣ сего предварительнаго съ генераломъ Ермоловымъ (разговора), отправился я въ свою квартиру, гдѣ нашелъ караулъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка въ отличномъ порядкѣ; тутъ же были Иванъ Федоровичъ Паскевичъ и весь генералитетъ съ штабъ и оберъ-офицерами здѣшняго гарнизона. Послѣ первыхъ привѣтствій съ собранными

офицерами, въ войхъ я нашель, сколько по виду судить можно, лица довольныя и совершенное приличіе, отпустивъ ихъ и потомъ прочихъ собравшихся, остался наединѣ съ генераломъ Паскевичемъ. Объявивъ ему прероученное вашимъ величествомъ, что онъ принялъ съ известными вамъ чувствами, онъ повторилъ мнѣ, при вопросѣ о полученіи послѣдняго моего письма, о невозможности ему служить съ генераломъ Ермоловымъ; что повторя при дружескихъ моихъ вопросахъ о дѣйствительности всѣхъ причинъ, сначала ими огорчился, но потомъ съ благородностію уважилъ мои резоны, оставаясь однакоже непоколебимымъ и увѣряя меня, что я точно чрезъ недѣлю раздѣлю непремѣнно его мнѣніе на счетъ фальшивости генерала Ермолова и неспособности, которую онъ показывалъ и показываетъ какъ при военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и при управленіи войсками и въ краѣ здѣшнемъ.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й говорилъ мнѣ въ томъ же смыслѣ, однакожь полагаетъ, что генераль Ермоловъ теперь можетъ дѣйствовать по предписанному плану, но что общее мнѣніе противъ его никакъ не позволяетъ оставить его начальникомъ здѣшняго края.

Флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій, неоправдывая бездѣйствія генерала Ермолова послѣ Елисаветпольскаго дѣла, увѣряетъ, что онъ убѣжденъ, что примиреніе между генералами Ермоловымъ и Паскевичемъ невозможно; но что въ семъ не причиною вражда перваго противъ послѣдняго, но болѣе чрезвычайная чувствительность генерала Паскевича и хитрое дѣйствіе одного поручика изъ армянъ, служащаго у г. Паскевича переводчикомъ, по личной враждѣ сего армянина къ генераль-лейтенанту князю Мадатову. Я спрашивалъ у князя Долгорукаго (который отдаетъ полную справедливость достоинствамъ генерала Паскевича и, какъ мнѣ казалось, судить о вещахъ безпристрастно) о злоупотребленіяхъ здѣшняго края. Онъ полагаетъ ихъ существующими, но увеличенными; также спрашивалъ насчетъ неосторожныхъ разговоровъ генерала Ермолова, о коихъ бывали слухи. О семъ послѣднемъ онъ рѣшительно увѣряетъ, что не только таковыхъ никогда не слыхалъ, но напротивъ замѣтилъ, что генераль Ермоловъ старается рассказывать доходящіе здѣсь часто изъ Санктпетербурга выгодные слухи и анекдоты.

Флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фридрихсъ находится еще въ Баку, но я надѣюсь, что онъ въ скоромъ времени воротится по окончаніи слѣдствія, въ которомъ онъ полковника Розена нашель совершенно невиннымъ.

Я нынѣ еще не могу насчетъ здѣшнихъ дѣлъ никакого сдѣлать заключенія; но соберу со всевозможною поспѣшностію и точностію

всѣ сдѣланныя къ симъ предметамъ, касающіяся отъ лицъ, нѣсколько довѣріе заслуживающихъ по военной и гражданской части; съ тѣмъ вмѣстѣ всякій день буду работать съ генераломъ Ермоловымъ, дабы удостовѣриться какъ въ способахъ заготовленій всякаго рода, такъ и въ собственныхъ его видахъ и распоряженіяхъ, и надѣюсь чрезъ недѣлю, а можетъ быть и скорѣе, нѣсколько рѣшительнѣе донести вашему императорскому величеству; когда же получу точное убѣжденіе съ какой бы то стороны ни было, неумедлю дѣйствовать по точной силѣ данной мнѣ инструкции, съ тѣмъ прибавленіемъ, въ случаѣ удаленія генерала Ермолова, которое ваше величество изволили мнѣ предоставить по письму генерала графа Толстаго, полученному мною сего числа отъ 8-го февраля. Генераль-адъютантъ Дибичъ.

Февраля 21 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

ХІІ.

Дибичъ — императору Николаю.

Всемилоствѣннѣйшій Государь! Не желая пропустить нынѣшнюю экстра-почту имѣю счастье представить вашему императорскому величеству при семъ замѣчанія мои по дорогѣ изъ Ставрополя сюда.

Здѣшнія обстоятельства для меня до сего времени не довольно ясны, чтобы сдѣлать рѣшительное заключеніе.

Нельзя не признаться, что генераль Ермоловъ сдѣлалъ въ прошедшую кампанію ошибки весьма значительныя, но до сего времени никакъ не могу еще увѣриться, чтобы онѣ были умышлены.

Онъ показываетъ желаніе дѣйствовать въ будущей кампаніи усердно по данному плану, но я столько же не смѣю еще удостовѣриться въ истинѣ сихъ увѣреній послѣ всего того, что мнѣ говорилъ генераль Паскевичъ.

Когда по подробнымъ вѣдомостямъ всѣхъ заготовленій всякаго рода и способовъ перевоза, кои генераль Ермоловъ мнѣ обѣщаетъ завтра и по повѣрѣхъ оныхъ, могу удостовѣриться въ истинѣ или не въ истинѣ всего того, что онъ мнѣ объяснилъ на словахъ, тогда только могу я сдѣлать рѣшительное заключеніе о дѣйствіяхъ его по военной части; но труднѣе будетъ раскрыть всю истину по внутреннему устройству войскъ и еще болѣе по управленію здѣшняго края.

Нѣтъ нивѣкаго сомнѣнія, что строгое обхожденіе генерала Ермолова съ здѣшними грузинами и армянами, и въ особенности съ дворянствомъ, возстановило многихъ противъ его, тоже какъ и въ мусульманскихъ провинціяхъ прогнаніе хановъ и строгость противъ бековъ; но вопросъ: не имѣетъ ли сіе выгоднаго вліянія на состояніе

нижняго работающаго класса, весьма различно разрѣшается лицами здѣшними, смотря по тому къ какой они принадлежатъ партіи.

Удержаніе низкихъ цѣнъ на продукты для пользы казны равномерно возстановило противъ него голосъ помѣщиковъ и купцовъ, и иногда кажется были приняты мѣры слишкомъ своевольныя, но всегда въ пользу казны.

Прежняя строгость его (о жестокостяхъ до сего времени не могъ еще получить ни одного доказаннаго примѣра) имѣла безъ сомнѣнія хорошее вліаніе на скорое покореніе взбунтовавшихся, и дѣйствуетъ и теперь съ пользою на умы безпокойныхъ.

Гораздо непростительнѣе снисхожденіе генерала Ермолова противъ лицъ, управляющихъ разными гражданскими дѣлами, которое по многимъ имѣющимся у меня свѣдѣніямъ оказывается весьма неограниченно.

Равномерно заслуживаетъ строгое порицаніе послабленіе его по экономической части полковъ и по употребленію въ работу нижнихъ воинскихъ чиновъ, хотя нельзя сказать, чтобы примѣтно было малѣйшее дурное вліаніе на дисциплину и на духъ войскъ, которыя, по всему что я до сего времени видѣлъ, кажутся ни мало не упущенными (я тутъ не говорю о фронтовой и гарнизонной службѣ, которыя конечно требуютъ прилежное занятіе).

Собравъ важнѣйшія изъ подобныхъ свѣдѣній съ нѣкоторыми доказательствами, я объяснюсь объ ономъ съ генераломъ Ермоловымъ со всею откровенностію, руководствуясь моею инструкціею.

Необыкновенно сухое время даетъ здѣсь нѣкоторое опасеніе на счетъ будущей жатвы и въ особенности подножнаго корма; дай Богъ, чтобы послѣ перемѣны луны ицѣлось бы нѣсколько дней теплаго дождя; до сего времени нѣтъ ни малѣйшей травки. Съ вѣрноподданнической преданностію, и проч. Иванъ Дибичъ.

Февраля 23 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

ХІІІ.

Всемиловѣйшій Государь. Ваше императорское величество изъ приложенной при семъ записки въ подробности изволите усмотрѣть мнѣніе мое насчетъ положенія здѣшняго края и причины, по которымъ я остановился рѣшиться на перемѣну въ здѣшнемъ главномъ начальствѣ. Я считаю долгомъ повторить здѣсь, что медленность въ исполненіи здѣсь происходящая, по истинному моему убѣжденію, не отъ дурной воли, но отъ привычки къ особенному ходу дѣлъ, равно какъ нѣкоторое фальшивое понятіе о силѣ непріятеля, основанное на излишней осторожности при дѣйствіяхъ, не обѣщаетъ мнѣ навѣрно

весьма дѣятельную и рѣшительную кампанію, равно какъ внутреннее убѣжденіе о способностяхъ генерала Ермолова, но что по тому же убѣжденію и по принятымъ и принимающимся мѣрамъ и имѣющимся средствамъ я навѣрно надѣюсь, что займетъ до жаркаго времени пространства до Аракса и съ начала осени овладѣетъ Таврисомъ. Генераль же Ермоловъ мнѣ сказалъ, что за сіе ручается головою.

Упомянутая медленность и значительныя упущенія и послабленіе во гражданской части, о коихъ буду имѣть счастье донести вашему императорскому величеству, когда соберу и слышу всѣ свѣдѣнія и обясясь объ оныхъ съ генераломъ Ермоловымъ, были бы достаточными поводами принять рѣшеніе и пользоваться разговоромъ генерала Ермолова о положеніи своемъ, дабы объявить ему увольненіе; но меня удержало, сверхъ причинъ въ запискѣ представленныхъ, также собственное сомнѣніе въ выборѣ замѣняющаго.

Интриги и духъ партій въ здѣшнемъ краю между жителями, особенно армянскими, превышаетъ прежнее ожиданіе мое. Перемѣна въ начальникѣ отеростъ имъ полную надежду, ибо тѣ самыя причины, кои служатъ основаніемъ разныхъ злоупотребленій отъ властолюбія генерала Ермолова и неограниченное законнымъ ходомъ послабленіе противъ чиновниковъ русскихъ, удержали тѣмъ вмѣстѣ всѣхъ здѣшнихъ въ повиновеніи и страхѣ.

Генераль Паскевичъ съ характеромъ благороднымъ, но чрезвычайно чувствительнымъ, соединяетъ недовѣрчивость страстную съ большимъ довѣріемъ къ тѣмъ, кои представляются ему водимыми подобными собственнымъ его благородными чувствами. Съ симъ характеромъ, по мнѣнію моему, можетъ подвергаться дѣйствіямъ сихъ интригъ, кои завалятъ его доносами и дѣлами тѣмъ болѣе, что нынѣшнее положеніе обратило на него взоры всѣхъ справедливыхъ и несправедливыхъ неприятелей генерала Ермолова, и что онъ никогда не управлялъ гражданской частію. По военной части имѣетъ онъ качества отличныя, и хотя еще никогда не командовалъ отдѣльно большими силами, но я полагаю, что въ семъ отношеніи, особливо при одержанныхъ имъ въ семъ краю выгодахъ, онъ исполнитъ по желанію вашего величества, если только предубѣжденіе его противъ всѣхъ тѣхъ, кои служили ближе у генерала Ермолова, не можетъ имѣть вредное вліяніе и на военное управленіе.

Ваше императорское величество, зная гораздо ближе меня генерала Паскевича, лучше изволите рѣшить о справедливости опасеній моихъ, равно и о томъ, свойственна ли будетъ ему, какъ главному начальнику, та же предпримчивость, которая его отличала и отличаетъ подъ начальствомъ другихъ.

Генераль-фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ нашель бы въ краѣ, ему совершенно неизвѣстномъ, по управленію гражданскому подобныя затрудненія, какъ и генераль Паскевичъ, и имѣлъ бы еще ту же невыгоду въ отношеніи военныхъ здѣшнихъ дѣйствій.

Впрочемъ я увѣренъ, что генераль Паскевичъ,—хотя ему назначеніе другаго начальника будетъ чувствительно, ибо онъ полагалъ себя, по прежде данному ему препорученію, заступающимъ мѣсто Ермолова, но будетъ служить съ усердіемъ подъ командою графа Витгенштейна; желательно только, чтобы сношенія генераловъ Паскевича и Киселева не могли бы вредить доброму согласію.

По всѣмъ симъ уваженіямъ, всемилостивѣйшій государь, не рѣшился я и не считалъ себя въ правѣ рѣшиться перемѣнить посредственное положеніе дѣлъ безъ вѣрной надежды лучшаго.

При семъ осмѣливаюсь доложить, что въ случаѣ, когда ваше императорское величество, по вашему благоусмотрѣнію всего вышеописаннаго, нашли бы нужнымъ назначить вмѣсто генерала Ермолова сюда генераль-фельдмаршала графа Витгенштейна, то, по мнѣнію моему, во избѣжаніе неудобствъ по гражданской части, назначеніе особеннаго главноуправляющаго Грузією подъ главнымъ начальствомъ его могло бы быть весьма полезно, когда выборъ будетъ изъ сенаторовъ самыхъ твердыхъ и справедливыхъ.

Генералу Паскевичу можно бы въ такомъ случаѣ предложить остаться командиромъ корпуса; но я повторяю опасенія мои насчетъ сношеній съ генераломъ Киселевымъ.

Если напротивъ вашему величеству угодно будетъ, въ случаѣ удаленія генерала Ермолова, оставить здѣсь генерала Паскевича главнымъ начальникомъ, то подобное же отдѣльное назначеніе главноуправляющаго Грузією подъ начальствомъ корпуснаго командира не могло бы быть соотвѣтственно важности перваго званія, и нужно будетъ тогда назначить сюда губернатора весьма отличнаго.

Предавая все сіе, основанное на истинномъ убѣжденіи моемъ, на высочайшее благоусмотрѣніе, имѣю счастье присовокупить, что сходно съ повелѣніемъ вашего императорскаго величества оставаясь здѣсь въ ожиданіи рѣшенія высочайшаго и до смотровъ войскъ, хотя частію при будущемъ ихъ сборѣ, не упущу устроить все къ возможно лучшему ходу дѣлъ сколько моихъ силъ станетъ. Между тѣмъ въ продолженіи нѣкотораго времени надѣюсь донести вашему императорскому величеству, какой ходъ пріймутъ дѣла послѣ объясненій моихъ съ генераломъ Ермоловымъ, ибо если бы я замѣтилъ въ оныхъ противъ выпѣшняго убѣжденія моего дурное направленіе, то ни мало не остановлюсь исполнить по высочайше мнѣ ввѣренному полномочію

съ принятіемъ въ такомъ случаѣ, до высочайшаго разрѣшенія, управленія дѣлъ, почему и осмѣливаюсь просить въ случаѣ, что ваше величество по сему письму изволите оставить здѣсь генерала Ермолова, не объявить еще сію монаршую волю до полученія втораго донесенія моего, въ которомъ надѣюсь представить также болѣе подробностей о состояніи гражданскихъ дѣлъ.

Позвольте, всемилостивѣйшій государь, подвергать всемилостивѣйшему снисхожденію затруднительное мое положеніе въ краѣ мнѣ вовсе неизвѣстномъ, по которому я не могъ исполнить высочайшее мнѣ вѣренное препорученіе такъ, какъ сего истинно желаю. Съ глубочайшею вѣрнопоподаннѣйшею преданностію имѣю счастье пребывать, вѣрнопоподанный Иванъ Дибичъ.

Февраля 28 дня 1727 года.

Тифлисъ.

XIV.

Дибичъ — императору Николаю.

Я уже въ прежнихъ донесеніяхъ моихъ докладывалъ вашему императорскому величеству о содержаніи объясненій моихъ съ генераломъ Ермоловымъ, о признаніи его въ ошибкахъ, имъ сдѣланныхъ, особливо въ мнѣніи его о силахъ непріятеля и о распространеніи бунта между горскими народами, равномѣрно о сказанномъ мнѣ генераль-адъютантами Паскевичемъ и Бенкендорфомъ. Стараясь, во все время пребыванія моего здѣсь, доходить до истины, сколько возможно съ должнымъ наружнымъ уваженіемъ къ главному начальству, а до сего времени сохраняю убѣжденіе, что по военной части ошибки и значительныя упущенія генерала Ермолова происходили сначала отъ неточныхъ свѣдѣній о силѣ и свойствахъ непріятеля, а потомъ отъ излишней боязни распространенія бунта въ горскихъ народахъ; и что неустройства и безпорядки по хозяйственной части войскъ происходили частью отъ послабленія по сей важной части, увеличивающагося оттого, что инспекторскіе смотры были сдѣланы, по разсѣянному положенію полковъ, однимъ бригаднымъ командиромъ, и то конечно не съ должною строгостію; частію же сіи неустройства были послѣдствіемъ безпрестаннаго употребленія войскъ на работы для разныхъ строеній по частямъ и безъ должнаго надзора, выступленія части оныхъ прямо съ работъ, въ походъ противъ непріятеля. Сей же образъ занятія войскъ увеличилъ еще существующее, и то уже по фронтовой части, на которую, однако-жь, съ прибытія генерала Паскевича, обращается примѣтнымъ образомъ болѣе вниманія. Упущенія же дисциплины я нигдѣ не замѣтилъ. Объяснивъ обо всемъ

ономъ генералу Ермолову со всею откровенностію, я не могъ замѣтить ни въ чемъ, съ его стороны, упорства или нежеланія выполнить въ точности волю вашего императорскаго величества. При объясненіи о томъ, что отказался впоследствии сообщить всѣ свѣдѣнія генералу Паскевичу, онъ отвѣчалъ мнѣ, что слова рескрипта вашего величества, „что генераль Паскевичъ донесетъ вамъ“, что онъ ему сообщить, служили ему руководствомъ объяснить ему о всемъ случающемся, но не полагалъ, что въ семъ заключается приказаніе сообщать ему о всѣхъ предположеніяхъ своихъ, и требовать его совѣта. Онъ впрочемъ отдавалъ справедливость способности и добрымъ намѣреніямъ генерала Паскевича; но убѣжденъ, что сей генераль, получивъ подозрѣніе на поступки его, никогда не можетъ быть съ нимъ въ прежнемъ отношеніи.

Увѣривъ въ тщетности убѣжденій моихъ по сему предмету, осталось мнѣ еще рассмотретьъ мѣры, принятія для будущей кампаніи. Я потребовалъ, какъ главное основаніе оныхъ, подробный отчетъ о способахъ продовольствія и перевозки. Какъ въ Карабахской и Ширванской провинціяхъ хлѣбъ доставляется большею частью отъ жителей, то получилъ до сего времени достаточныя свѣдѣнія по одной Грузіи. Они показываютъ, что генераль Ермоловъ съ возвращенія въ Тифлисъ обратилъ на сей предметъ прилежное вниманіе, сколько обстоятельства и хлѣбородіе здѣшняго края сіе позволяетъ. Въ магазинахъ, въ Грузіи, находится и доставляется до 80 т. четвертей провіанта, изъ коихъ до 50 т. находится и доставится въ продолженіе марта и апрѣля въ три главные магазина праваго фланга: Шулавери, Лори и Тифлисъ: что составитъ 5-ти-мѣсячное продовольствіе войскъ, въ сей странѣ дѣйствующихъ; въ фуражѣ, напротивъ, есть чувствительный недостатокъ, ибо запасъ для праваго фланга не превышаетъ 16 т. четвертей ячменя, но способы здѣшняго края не могутъ снабжать достаточнымъ количествомъ, и необходимость принуждаетъ довольствоваться, большею частію, подножнымъ кормомъ. Я предложилъ употребить, по примѣру линейныхъ вазачихъ полковъ, вмѣсто ячменя просо, коего можно достать здѣсь еще отъ 8 до 10 т. четвертей. О семъ положено сдѣлать предварительную пробу. Впрочемъ, регулярная кавалерія теперь исправно продовольствуется, а до наступленія изобильнаго подножнаго корма полагается оставить такую въ резервѣ, по невѣроятности встрѣчи значительныхъ непріятельскихъ силъ съ Аракса. Равномѣрно склонилъ я генерала Ермолова отмѣнить предположеніе, доставить большую часть ожидаемаго изъ Астрахани провіанта и овса на Шундруховскую пристань, откуда перевозъ по линіи и чрезъ кавказскія горы чрезвычайно за-

трудителенъ и дорогъ, а положено бѣдшую часть онаго обратить въ Баку, какъ пунктъ, ближайшій къ лѣтнимъ нашимъ квартирамъ, между Шушею и Нахичеваномъ, и къ будущимъ дѣйствіямъ на Таврисъ. Равно дано приказаніе о всевозможномъ стараніи перемолоть пшеницу въ муку и перелечь муку въ сухари. О семъ послѣднемъ я объявлю высочайшую волю и въ Астрахань. Для перевозки продовольственныхъ потребностей заготовлено до 2,000 арбъ, изъ коихъ каждая поднимаетъ до 50 пудъ; волю къ онымъ будутъ куплены съ наступленіемъ подножнаго корма. Въ Карабахѣ устроится подвижной магазинъ изъ 400 верблюдовъ. Запасы артиллерійскіе весьма достаточны даже для дѣятельнѣйшей кампаніи. Комиссаріатскія вещи доставляются изъ Ставрополя; но объ оныхъ ожидаю еще отъ генералъ-лейтенанта Эммануэля подробнѣйшаго донесенія.

Соображая все сіе съ даннымъ мнѣ отъ вашего императорскаго величества наставленіемъ, я обратился къ генералу Ермолову вторично со всѣми замѣчаніями, какъ по прежнему, такъ и по нынѣшнему состоянію дѣлъ. Онъ принялъ, сколько я примѣтить могъ, съ полною готовностію исполнить высочайшую волю; почему мы положили общее предначертаніе дѣйствій военной кампаніи, которое генералъ Ермоловъ, съ симъ же фельдъегеремъ, представляетъ вашему императорскому величеству. Если по оному довольно позднее начатіе кампаніи (по причинѣ не показывающагося до сего времени подножнаго корму), не позволитъ идти до Тавриса, то генералъ Ермоловъ предполагаетъ начать осеннюю кампанію съ сентября, наступленіемъ всѣми силами отъ Нахичевана прямо на Таврисъ, и надѣюсь, что взятіе сего города покоритъ намъ весь Аджарбежанъ, и тѣмъ принудятъ персіане къ миру.

При разговорахъ о всѣхъ сихъ предположеніяхъ, и при настаиваніи, чтобы генералъ Ермоловъ объяснилъ со всею откровенностію, увѣренъ-ли онъ, что точно оныя исполнить, я ему, между прочимъ, говорилъ о дошедшихъ до меня слухахъ, что онъ, жалуясь на затруднительное свое положеніе, говорилъ, что чувствуетъ себя менѣе противъ прежняго способнымъ; при чемъ я присовокупилъ, что дѣло сіе слишкомъ важно, что онъ и я, отвѣчаемъ вашему величеству, если приметъ онъ дѣло, коего не чувствуетъ себя въ состояніи выполнить съ тою благородною увѣренностію въ себя, которая единственно можетъ служить основаніемъ военныхъ успѣховъ. Онъ мнѣ на сіе отвѣчалъ, что чувствуетъ себя еще при прежнихъ своихъ силахъ и способности, но признается, что мыслитъ, что онъ лишился высочайшей довѣренности—приводитъ его иногда въ нерѣшимость, и что чувствуетъ, что присутствіе генерала Паскевича, унижая его въ

глазахъ подчиненныхъ, ослабляетъ духъ и способности его. Я ему на сіе сказалъ, что удивляюсь, почему онъ, если полагалъ себя подвергнутымъ высочайшей недовѣрчивости, не адресовался къ вамъ, всемилостивѣйшій государь, съ вѣрноподданническою довѣренностію. Касательно же генерала Паскевича, я повторилъ ему убѣжденіе мое, что существующее несогласіе никогда бы не могло имѣть мѣста, если бы онъ былъ противъ него откровеннымъ. Генераль Ермоловъ отвѣчалъ, что положеніе съ самаго начала было такое, что подчиненные должны были видѣть генерала Паскевича наставникомъ его, и что при нынѣшнемъ положеніи онъ увѣренъ, что совмѣстное служеніе ихъ можетъ быть только вредно, коль скоро взгляду я изъ Грузіи; что онъ повинется высочайшей волѣ, будетъ служить съ генераломъ Паскевичемъ и даже подъ начальствомъ его, когда указано будетъ, но считаетъ долгомъ объяснить, что сіе отнимаетъ у него духъ и способности; что онъ предвидитъ самыя вредныя послѣдствія, когда я отлучусь отсюда, и что онъ не смѣетъ просить увольненія во время войны, но полагаетъ, таковое полезнѣйшимъ, и подвергаясь оному съ вѣрноподданническою покорностію, надѣется доказать истинныя чувства свои и въ покорной гражданской жизни, о чемъ и просилъ меня довести до высочайшаго свѣдѣнія.

По сему объясненію я не полагалъ себя вправѣ принять окончательное рѣшеніе по слѣдующимъ причинамъ:

1) По смыслу данной мнѣ инструкціи, отрѣшеніе генерала Ермолова должно было послѣдовать отъ меня по совершенномъ увѣреніи въ неспособность или въ дурной волѣ его, и хотя я съ откровенностію доношу вашему императорскому величеству, что я не увѣренъ, чтобы генераль Ермоловъ обѣщалъ блистательный успѣхъ, но полагаю, что выполнить предначертанный планъ; и сколь ни значительны ошибки его по военной части, и вѣроятно большія упущенія по гражданской, но не менѣе того, имя его страшно для горскихъ народовъ, что въ нынѣшнее время, мнѣ кажется, столько же уважительно, какъ и 10-ти-лѣтнее сношеніе съ разными особами въ Персіи.

2) Генераль Ермоловъ, по настоятельному моему вопросу, не чувствуетъ ли онъ и безъ того, можетъ быть, нѣкоторое уменьшеніе силъ въ исполненіи своихъ обязанностей, повторилъ мнѣ, что онъ единственно пораженъ мыслию недовѣрчивости къ нему вашего величества, и увѣренъ, что присутствіе генерала Паскевича вредно для службы. Сіе родило во мнѣ опасеніе, чтобы удаленіе генерала Ермолова не могло быть выставлено въ видѣ, противномъ правиламъ службы, ибо секретная инструкція моя остается не всегда секретною, когда, напротивъ того, причина, по которой генераль Ермоловъ про-

силъ удаленія, сдѣлалась бы со временемъ извѣстна. Посему рѣшился я сказать генералу Ермолову, что повторяю удивленіе мое, что онъ подобныя убѣжденія свои не представляетъ вашему императорскому величеству, когда вы изволили удостоивать его неоднократно своими рескриптами, что, впрочемъ, я донесу обо всемъ вашему величеству; что вмѣстѣ съ нимъ буду заниматься всѣми приготовлениями, надѣясь на совершенную откровенность нашихъ сношеній; и что я долженъ требовать, чтобы онъ непремѣнно сообщалъ генералу Паскевичу, какъ назначенному вашимъ величествомъ подъ имя командовать корпусомъ, по первоначальному, нынѣ прерванному повелѣнію, о всякомъ распоряженіи, о которомъ для скорѣйшаго исполненія нужно дать прямое приказаніе. Генераль Ермоловъ сказалъ, что сіе въ точности исполнить; повторялъ, что не опасается никакого неприличія, пока я здѣсь, и объявилъ мнѣ, что напишетъ письмо вашему величеству съ объясненіемъ своихъ чувствъ, не касаясь однако генерала Паскевича.

Что касается до сего генерала, то я долженъ отдать совершенную справедливость насчетъ откровенности и справедливости его видовъ; и хотя не могу раздѣлить мнѣніе его о причинахъ дѣйствій генерала Ермолова, кои онъ полагаетъ зловредными и упрямыми, но весьма понимаю, что въ положеніи генерала Паскевича оныя могли ему представиться въ такомъ видѣ. Генераль Паскевичъ неоднократно мнѣ повторялъ и просилъ довести до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, что онъ никакъ не можетъ служить вмѣстѣ съ генераломъ Ермоловымъ и просить рѣшительно удалить его, когда я отъѣду, и сей генераль останется командующимъ.

Представляя обо всемъ ономъ на высочайшее вашего императорскаго величества благоразрѣшеніе, повторяю, что въ ожиданіи оного я буду наблюдать за всѣми главными распоряженіями, до будущей кампаніи касающимися, и между тѣмъ буду также стараться болѣе и болѣе узнать положеніе здѣшняго края, о которомъ, къ сожалѣнію, всякой день получаю весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія. Генераль-адъютантъ Дибичъ.

Въ Тифлисѣ.

Февраля 28-го дня 1827 года.

XV.

Паскевичъ — императору Николаю.

Его императорскому величеству генераль-адъютанта Паскевича рапортъ. Имѣю счастье всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству поданные мною генераль-адъютанту Дибичу

записки о двухъ вопросахъ, сдѣланныхъ вашимъ императорскимъ величествомъ, черезъ меня, генералу-отъ-инфантеріи Ермолову, его отвѣтъ, и то, что я впоследствии открылъ. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

Февраля 28 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

О 42-й егерскомъ полку, полковникъ Реуттъ, и отчего Шуша не снабжена припасами?

(Объясненія Ермолова). 42-й егерскій полкъ расположенъ былъ на границѣ въ Карабагѣ, три роты влѣво, въ горахъ, для прикрытія въ горахъ кочевыхъ народовъ; ему предписано было отходить по узнаніи силъ, которыя противъ его идутъ: полковникъ Реуттъ, вмѣсто того, чтобы собрать весь полкъ вмѣстѣ, не далъ приказанія; отчего три роты были окружены не только взбунтовавшимися карабахскими татарами, по подстреканію ихъ хана, пріѣхавшаго изъ Персіи, но съ нимъ пришло и нѣсколько персидской конницы; баталіонный же командиръ, которому было приказано присоединиться къ полку, обманутый ложными извѣстіями о малочисленности непріятеля, пошелъ впередъ атаковать и опрокинулъ ихъ, чѣмъ потерялъ два дня; потомъ непріятель получилъ подкрѣпленіе, они дрались съ неимоверною храбростію, отбили первыя атаки; но наконецъ персіане получили еще нѣсколько въ подкрѣпленіе: были окружены и сдались, будучи сутки безъ воды, потому что баталіонный командиръ не рѣшился бросить два орудія. Есть слухи, что бывшая съ нимъ татарская конница во время дѣйствія ему измѣнила и обратилась на насъ. Подполковникъ Назимовъ командовалъ сими ротами.

(Замѣчанія Паскевича). 1) 42-й егерскій полкъ, долженствующій быть непременно расположеннымъ въ самой крѣпости Шушѣ, находился Карабахской провинціи, въ Чинахчи. Причиною сему имѣніе генераль-лейтенанта князя Мадатова, ибо стоявшіе тамъ солдаты строили ему домъ, и посему въ семь мѣстѣ поставлены.

2) Полковнику Реутту не дано было настоящихъ приказаній отходить; но сказано было такимъ образомъ, что во всякомъ случаѣ отвѣтственность должна была пасть на Реутта.

3) Баталіонному командиру присоединиться къ полку не отдано было сначала рѣшительнаго приказанія, но когда подполковникъ Назимовъ получилъ приказаніе отступить, то ему бросить орудія не сказано было, хотя и знали, что по той дорогѣ нельзя провезти артиллеріи; штабъ-офицеръ, не смѣя оставить тѣ орудія, былъ чрезъ то въ горахъ отрѣзанъ.

Отчего крѣпость Шуша не была снабжена провіантомъ?

(Объясненія Ермолова). Крѣпость Шуша никогда не входила въ операціонный планъ, она всегда была оставлена, ее не считали постомъ, въ которомъ держаться должно. 42-й егерскій полкъ поставленъ былъ болѣе для содержанія въ повиновеніи тотъ край, и для своего продовольствія. Если бы и входило въ расчетъ сію крѣпость держать, то и тогда бы трудно ее снабжать запаснымъ провіантомъ, ибо въ семь краю зерно болѣе года не держится.

Полковникъ Реуттъ, по общему соображенію генерала Ермолова, долженъ былъ отступить, но никакъ не входитъ въ сію крѣпость; онъ потерялъ нѣсколько дней, узнавая о числѣ непріятеля. Сіе обстоятельство заставляеть генерала Ермолова, вопреки его желанія, дѣлать въ нынѣшнее время экспедицію, дабы дать помощь оной крѣпости.

(Замѣчанія Паскевича). 1) Крѣпость Шуша всегда составляла важный пунктъ для военныхъ операцій, и если взять съ самыхъ временъ отдаленныхъ, то она служила оплотомъ Карабага, и нѣсколько разъ персидскіе шахи сею крѣпостію остановлены были, во время браней ихъ съ ханомъ; она также соединяла бы много удобствъ если бы только сдѣланы были три дороги: къ Елисаветополу, къ Араксу и къ Герюсамъ, и когда бы возстановили развалившіяся стѣны, то крѣпость сія была бы одна изъ непреодолимыхъ пунктовъ. 10-ть лѣтъ мира достаточно для сего было, но генераль Ермоловъ теперь только посылалъ начальника корпуснаго штаба для снятія плана сей крѣпости.

2) Хлѣбъ въ зернѣ весьма бы легко было сохранить: ибо въ амахъ лежитъ оный два года, а въ магазинахъ 10-ть лѣтъ.

3) Полковникъ Реуттъ, вступленіемъ въ Шушинскую крѣпость, хорошо сдѣлалъ, но если бы рѣшился отступать, какъ ему отъ генерала Ермолова наконецъ предписано было, то пострадалъ бы совершенно. Генераль Ермоловъ не зналъ числа войскъ непріятельскихъ, хотя и было наше посольство въ Персіи; навѣстно также, что тамъ легко имѣть можно шпионовъ, но генераль Ермоловъ, имѣя ихъ на каждомъ шагу въ городѣ Тифлисѣ, не заблагоразсудилъ имѣть въ Таврисѣ и Тегеранѣ. Какое дурное послѣдствіе было бы, если-бъ непріятель занялъ Шушу.

4) Настоящей причины, отчего полковникъ Реуттъ не нашелъ магазиновъ, генераль Ермоловъ не хотѣлъ объяснить государю императору по слѣдующимъ обстоятельствамъ: генераль-лейтенантъ князь Мадатовъ, взявшійся продовольствовать полкъ въ 1825 году, доставляя провіантъ въ полковую штабъ-квартиру, въ Чинахчи, и полу-

чившій впередъ деньги, не выставилъ оный и въ 1826 году, отчего полковникъ Реуттъ принужденъ былъ для продовольствія полка перевезти шупинскій магазинъ въ Чинахчи. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

Какимъ образомъ сдался каспійскій баталіонъ въ Ленкоранѣ, и какъ ввѣрили команду пограничной крѣпости ненадежному офицеру, майору Ильинскому? и государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ отдать его подъ судъ.

(Объясненія Ермолова). О каспійскомъ баталіонѣ вѣрнаго извѣстія нѣтъ: оный, какъ думаетъ генераль Ермоловъ, перевезенъ на островъ Сарру, находящійся въ весьма близкомъ разстояніи отъ Ленкорана, а оттуда въ Баку; военныя суда всегда у острова Сарру находятся; изъ Астрахани есть извѣстія, что оный постъ увеличенъ судами.

Крѣпости въ Ленкоранѣ не существовало, а ретраншементъ былъ разрушенъ наводненіемъ, такъ что не только укрѣпленія снесены, но и самыя солдатскіе дома. По представленію генерала Ермолова солдаты были вознаграждены, за потерю ихъ вещей, покойнымъ государемъ императоромъ.

Проходъ въ Ленкорану со стороны Персіи невозможенъ; майоръ Ильинскій потерялъ нѣсколько постовъ, будучи атакованъ тамошними возмущившимися жителями, которыхъ ханъ талышинскій вбунтовалъ. Майоръ Ильинскій ошибся въ томъ, что ему бы собрать вѣстѣ баталіонъ и держаться до приходу судовъ, ибо въ ретраншементѣ онъ не могъ долго быть.

Майоръ Ильинскій казался весьма хорошій офицеръ. Онъ служилъ въ гвардіи и съ большимъ состояніемъ пріѣхалъ сюда, чтобы здѣсь служить.

(Замѣчанія Паскевича). Грузинскаго гренадерскаго полка майоръ Ильинскій назначенъ былъ телавскимъ окружнымъ начальникомъ, гдѣ онъ дѣлалъ разные поборы; наконецъ поступила жалоба отъ жителей Велискихъ, что они черезъ переводчика Энаголопова отдали ему, Ильинскому, за спорную землю въ лихву 1,000 рублей серебромъ, въ чемъ онъ при генераль-отъ-инфантеріи Ермоловѣ изобличенъ самимъ тѣмъ переводчикомъ; деньги сіи, по привезанію генерала Ермолова, возвращены жителямъ, и онъ, Ильинскій, смѣненъ, а чрезъ нѣкоторое время ввѣренъ ему каспійскій морской баталіонъ, и сдѣланъ начальникомъ талышинскаго ханства, гдѣ онъ, подобными поступками, довелъ хана талышинскаго до того, что тотъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, бѣжалъ въ Персію и потомъ первый началъ возмущеніе. Отецъ его, Мустафа и самъ онъ, въ 1812 году, укрѣпясь отъ персіанъ

въ горахъ, ѣли лошадей и верблюдовъ, но не сдались персіянамъ; потому были они выручены генераломъ Котляревскимъ. Сіе служитъ доказательствомъ тогдашней ихъ приверженности.

Майоръ Ильинскій, хотя государь императоръ высочайше повелѣлъ отдать его подъ судъ и о таковой его императорскаго величества волѣ объявлено мною генералу Ермолову, и по сіе время не отданъ. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

XVI.

Ермоловъ — императору Николаю.

Его императорскому величеству командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса генерала-отъ-инфантеріи Ермолова рапортъ. По соображеніи мѣстныхъ способовъ и обстоятельствъ, вмѣстѣ съ начальникомъ главнаго штаба вашего императорскаго величества господиномъ генераль-адъютантомъ барономъ Дибичемъ, составленное общее предположеніе дѣйствій имѣю счастье всеподданнѣйше представить на высочайшее вашего императорскаго величества усмотрѣніе.

При первой возможности прохода горъ, отдѣляющихъ Эриванское ханство отъ Грузіи, полагаю, 5-го числа апрѣля, занять передовымъ отрядомъ войскъ армянской Эчмадзинской монастырь и начать устройство онаго, какъ главнаго этапнаго пункта до взятія Эривана. Отрядъ сей будетъ состоять изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 12-ти орудій артиллеріи и части казаковъ.

По возможности имѣть подножный кормъ; полагаю, что между 10-мъ и 15-мъ чиселъ апрѣля войска главнаго корпуса соберутся въ Шурагели. Отрядъ лѣваго фланга въ Карабагѣ соберется къ Ахуглану въ первыхъ числахъ апрѣля.

2-ая уланская дивизія и нижегородскій драгунскій полкъ остаются въ нынѣшнемъ ихъ расположеніи и соберутся, когда будетъ достаточный подножный кормъ.

О нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ казначействѣ, послѣдовавшихъ по утвержденію г-на начальника главнаго штаба вашего императорскаго величества, буду имѣть счастье всеподданнѣйше донести.

Продовольствіе для главнаго отряда будетъ доставляться изъ лорійскаго магазина на подводахъ и вьючныхъ быкахъ, въ Грузіи собираемыхъ, и къ 1 числу апрѣля составитъ $\frac{1}{4}$ подвижного казеннаго транспорта.

Отрядъ лѣваго фланга, собравшійся у Ахуглана, избираетъ удобнѣйшую, чрезъ Араксъ, переправу на пространство между Худаперии-

скимъ мостомъ и Асландуземъ; по усмотрѣнію начальствующаго онымъ, переходитъ весь или посылаетъ авангардъ по направленію къ Агару, дабы узнать, сколько возможно, о силѣ и намѣреніяхъ персіянь и о способахъ продовольствія того края. Войска должны отдаляться отъ Аракса на такое разстояніе, чтобы обратная ихъ переправа не была подвержена опасности и продовольствіе было вѣрно. Однѣ обстоятельства особенно выгодныя и непредвидѣнныя, какъ-то внутреннія безпокойства, явное неповиновеніе и благонадежныя представленія начальствующихъ провинціями, могутъ рѣшить дальнѣйшее наступленіе на Агаръ и до Тавриза. Продовольствіе отряда будетъ производиться изъ шушинскаго и ахугланскаго магазиновъ посредствомъ небольшого подержнаго магазина. Всѣ способы отъ земли за Араксомъ, кои можно достать безъ разоренія жителей, реквизиціею или покупкою, будутъ собираемы въ укрѣпленіе, устроенное при переправѣ на лѣвомъ берегу Аракса.

Если непріятель между Тавризомъ и Араксомъ будетъ имѣть значительныя силы, тогда отрядъ лѣваго фланга устроитъ только мостовое укрѣпленіе на Араксѣ и посылаетъ за рѣку одни легкіе отряды, дабы безпокоить непріятели и отвлечь вниманіе его отъ стороны Нахичевана.

Если бы часть непріятельскихъ войскъ хотѣла перейти Араксъ, тогда атаковать и разбить ихъ. Если же бы, противъ всякой вѣроятности, главныя непріятельскія силы переправились черезъ Араксъ, то отрядъ лѣваго фланга, подкрѣпленный 1-й бригадой 2-й уланской дивизіи, довольно усилится, чтобы удержаться между Шушею и Елисаветполемъ до рѣшительнаго дѣйствія главныхъ силъ въ тылъ непріятели.

Главныя силы, при первой возможности подножнаго корма, переходятъ границу въ двухъ колоннахъ по Талынской дорогѣ и черезъ Башабаранъ, и при благополучной дорогѣ могутъ быть подъ Эриваномъ около 5-го мая. При сей крѣпости, въ командѣ генераль-лейтенанта Красовскаго, останется 8-мъ баталіоновъ 20-й пѣхотной дивизіи, піонеры, 20-й артиллерійской бригады рота батарейная № 1-го, и всѣ единороги прочихъ батарейныхъ ротъ и нужное число казаковъ. Небольшой изъ сихъ же войскъ отрядъ останется въ Талыни для прикрытія транспортовъ хлѣба и обезпеченія подвоза онаго изъ Карса, гдѣ можно надѣяться произвести покупку.

Главныя силы, не останавливаясь, продолжаютъ быстро маршъ къ Нахичевану, куда могутъ прибыть въ концѣ мая, и если что не воспрепятствуетъ, не болѣе какъ въ 30-ть дней отъ перехода черезъ границу. 2-я бригада 2-й уланской дивизіи, нижегородскій драгунскій

полкъ и конно-артиллерійская рота № 13-й слѣдуютъ сему движенію, когда достаточно будетъ травяного продовольствія. 1-я же бригада 2-й уланской дивизіи слѣдуетъ чрезъ Карабагъ къ Нахичевану, единственно въ томъ случаѣ, когда предпринято будетъ движеніе на Тавризъ.

Если непріятель находится будетъ прямо противъ отряда лѣваго фланга не въ томъ положеніи, чтобы можно было ожидать наступленія главныхъ силъ его на Карабагъ, то оставляя для прикрытія оного 42-й егерской полкъ, часть казаковъ и всю иррегулярную конницу, прочія войска, состоящія изъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи, 41-го егерскаго полка, 8-ми орудій и полка казаковъ, идутъ чрезъ Герюсы и Карабагу къ Нахичевану, рассчитывая прибытіе туда въ одно время съ авангардомъ главныхъ силъ, но отнюдь не прежде. По соединеніи въ Нахичеванѣ, тотчасъ приступлено будетъ къ изысканію и собранію всѣхъ способовъ для устроенія переправы чрезъ Араксъ.

Главныя силы, дошедши до Нахичевана, смотря по удобности времени, буде зной еще не слишкомъ великъ, подножный кормъ достаточно и продовольствіе можетъ быть исправнымъ, идутъ на Тавризъ, которымъ овладѣвъ и расположа въ немъ сильный гарнизонъ, прочія войска располагаютъ въ мѣстахъ, менѣе подверженныхъ зною и для продовольствія удобнѣйшихъ.

Но если, напротивъ, знойное время, точное извѣстіе о недостаткѣ подножнаго корма и продовольствія могли бы движеніе на Тавризъ сдѣлать неудобнымъ, то главныя силы, учредивъ тотчасъ укрѣпленные посты на Араксѣ и занявъ достаточно Нахичеванъ, расположатся въ горахъ между Нахичеваномъ и Шушею, а отрядъ лѣваго фланга, или въ Агарѣ, буде оный до того занятъ будетъ, или же на лѣвомъ флангѣ главныхъ силъ на лѣвомъ же берегу Аракса, смотря по обстоятельствамъ. Генераль-отъ-инфантеріи Ермоловъ.

28 февраля 1827 года.

Тифлисъ.

XVII.

Ермоловъ—Потанову.

Командира кавказскаго отдѣльнаго корпуса въ Тифлисѣ, 3-го марта 1827 г. № 1,579. Дежурному генералу главнаго штаба его императорскаго величества господину генераль-адъютанту и кавалеру Потанову. Имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству всеподданнѣйшее мое письмо на имя государя императора; покорнѣйше прошу представить оное его императорскому величеству, по полученіи почтить меня увѣдомленіемъ. Генераль-отъ-инфантеріи Ермоловъ.

XVIII.

Ермоловъ—императору Николаю.

Ваше императорское величество. Не имѣвъ счастья заслужить довѣренность вашего императорскаго величества, долженъ я чувствовать, сколько можетъ беспокоить ваше величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены чело-вѣку, не имѣющему ни довольно способности, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности вашего императорскаго величества поставилъ и меня въ положеніе чрезвычайно затруднительное. Не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя охлаждается той мыслию, что не буду я умѣть исполнить волю вашу, всемилостивѣйшій государь!

Въ семъ положеніи, не вида возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю однако же просить объ увольненіи меня отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ не почитаю непреодолимыми; но устранивъ всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣйше осмѣливаюсь представить вашему императорскому величеству мѣру сію, какъ согласную съ пользою общемою, которая всегда была главною цѣлію моихъ дѣйствій. Вашего императорскаго величества вѣрноподанный генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ.

3 марта 1827 года.

Тифлисъ.

XIX.

Дивичъ—императору Николаю.

Всемилолюбивѣйшій государь. Изъ приложенной при семъ записки ваше императорское величество изволите усмотрѣть послѣднія объясненія мои съ генераломъ Ермоловымъ; онѣ не могутъ служить ни къ какой перемѣнѣ мнѣнія моего, представленнаго вашему величеству 28-го февраля чрезъ фельдъегера Иностранцева.

Я въ самомъ непродолжительномъ времени надѣюсь представить вашему императорскому величеству, чрезъ нарочнаго, соображенія мои о предположеніи для дѣйствій послѣ овладѣнія края до Аракса и также на тотъ случай, если послѣ взятія Тавриса персіане не согласились бы на предполагаемыя вашимъ величествомъ условія. Я сіе соображеніе буду имѣть счастье представить съ мнѣніемъ генерала Ермолова по тому же предмету. Съ тѣмъ же нарочнымъ надѣюсь пред-

ставить вашему императорскому величеству хотя частію отвѣты генерала Ермолова на отданныя ему сегодня записки.

Прибытіе флигель-адъютанта Адлерберга дастъ мнѣ, наконецъ, по военной части помощника вѣрнаго и совершенно безпристрастнаго, въ чемъ до сего времени имѣлъ я истинную надобность. Съ истинною и проч. вѣрнопоходанный Иванъ Дибичъ.

5 марта 1827 года.

Тифлисъ.

XX.

Дибичъ — императору Николаю.

Послѣ отправленія донесенія моего отъ 28-го февраля, погода продолжается здѣсь все сухая и надежда на скорое появленіе подожнаго корма достаточнаго, дѣлается, можетъ быть, еще до начала будущаго мѣсяца сомнительною; впрочемъ и теперь небо обложено облаками и погода теплая.

Изъ послѣдняго письма моего къ графу Толстому, ваше императорское величество изволили увидѣть, что я при отправленіи послѣдней экстра-почты сомнѣвался въ томъ, что генераль Ермоловъ отправилъ письмо къ вашему величеству и что въ семъ подозрѣвалъ явное нечистосердечіе. Онъ мнѣ послѣ сказалъ, что отправилъ письмо по той же почтѣ, вложивъ оное въ конвертъ на имя дежурнаго генерала.

При объясненіи по сему случаю, онъ повторилъ, что ни ему съ генераломъ Паскевичемъ, ни генералу Паскевичу съ нимъ служить нельзя. Объясненіе касалось вновь до причинъ неудовольствія между ими. Я просилъ его сказать мнѣ откровенно, въ чемъ считаетъ себя виновнымъ и правымъ, и еще разъ повторилъ ему пункты, по которымъ генераль Паскевичъ полагалъ лично недоброжелательство къ нему генерала Ермолова, не касаясь до военныхъ дѣйствій. Генераль Ермоловъ хотя принялъ сіе съ примѣтнымъ огорченіемъ, не менѣе того просилъ о продолженіи объясненій и далъ мнѣ слѣдующіе отвѣты:

1) Что удержаніе дежурнаго штабъ-офицера и адъютантовъ генерала Паскевича въ Тифлисъ, которое онъ полагаетъ личною и на мѣреніемъ лишить его всякаго вѣрнаго помощника, было простое послѣдствіе затрудненія въ конвоѣ, которое въ то время, по употребленіи всѣхъ войскъ и по общему бунту татарскихъ дистанцій, было столь велико, что даже адъютантъ генераль-лейтенанта князя Мадатова, посланный съ извѣстіемъ о елисаветпольскомъ сраженіи, не могъ проѣхать прямою дорогою, а въ сопровожденіи одного только

мусульманскаго чиновника проѣхалъ чрезъ горы проселочными до-рогами.

2) Что недостаткомъ въ продовольствіи послѣ елисаветпольскаго дѣла былъ послѣдствіемъ разграбленія всего Карабага при нашествіи персіанъ; что все количество, доставленное мимо князя Мадатова армянскимъ переводчикомъ, простиралось только до 70-ти четвертей, и что впрочемъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе генералу Мадатову по представленію генерала Паскевича; но увѣренъ въ невозможности тогда устроить исправное продовольствіе.

3) Что не призвалъ онъ генерала Паскевича въ Ширванъ потому, что сей генералъ никогда не показывалъ ему подобнаго желанія, а напротивъ того, просился уже прежде за болѣзнію въ Тифлисъ, почему онъ рѣшился дать ему сіе позволеніе и временно распустить отрядъ, будучи увѣренъ съ своей стороны, что нельзя дѣйствовать большими силами за Араксъ, во-первыхъ, покорить прежде мусульманскія провинціи и горскіе народы; во-вторыхъ, по невозможности, по тѣмъ же причинамъ, имѣть тогда достаточнаго продовольствія для столь рѣшительнаго наступленія въ провинціи, уже разоренныя двукратнымъ проходомъ непріятельской арміи, чрезъ которыя, сверхъ того, пролегаютъ самыя затруднительныя и для артиллеріи почти непроходимыя дороги; и въ-третьихъ, что продовольствіе подножнымъ кормомъ въ зимнее время возможно только весьма въ малыхъ мѣстахъ, и то съ совершеннымъ изнуреніемъ лошадей.

4) Экспедицію на Муганскую степь не полагалъ онъ никогда важнымъ военнымъ дѣйствіемъ, въ каковомъ видѣ представлялъ объ оной и вашему императорскому величеству; и посему никакъ не полагалъ, чтобы таковое препорученіе, князю Мадатову сдѣланное, могло казаться для генерала Паскевича непріятнымъ.

5) На счетъ несообщенія всѣхъ бумагъ генералу Паскевичу повторилъ, что сначала приказано имъ было сообщать ему всѣ бумаги, до военной части касающіяся; но что онъ не считалъ себя въ обязанности доставлять ему такія бумаги, кои касались до распоряженій по ввѣренному ему краю, каковаго мнѣнія своего не перемѣнилъ и тогда, когда генералъ Паскевичъ требовалъ оныхъ для составленія своихъ донесеній вашему величеству, будучи увѣренъ, что пока ваше величество оставляете его главнымъ начальникомъ, то конечно требуете сихъ донесеній отъ него, и не изволите препоручать требовать таковыя отъ него официально подчиненному, хотя весьма разумѣть, что при нѣкоторой недовѣрчивости могутъ доставляться таковыя довѣренною особою секретно. Генералъ Ермоловъ при семъ послѣднемъ объясненіи былъ чрезвычайно тронутъ, и прибавилъ, что уже

доходили до свѣдѣнія его открыто отзывъ противъ него генерала Паскевича, хотя онъ долженъ былъ почитать въ немъ непосредственнаго своего начальника, пока его не перемѣнитъ высочайшая воля его императорскаго величества. Наибольше же огорчилъ его отзывъ генерала Паскевича противъ генераль-лейтенанта Эристова и нѣсколькихъ полковыхъ командировъ, что хотя по беспорядкамъ, найденнымъ имъ въ обмундированіи полковъ (въ коихъ генераль Ермоловъ увѣренъ, что подробное изслѣдованіе откроетъ только нѣкоторое упущеніе по части комиссаріата и послѣдствія чрезвычайнаго и совершенно неожиданнаго сбора войскъ при вторженіи непріятеля), слѣдовало бы предать ихъ суду, но что онъ представляетъ вашему величеству о прощеніи ихъ; каковымъ отзывомъ генераль Паскевичъ, по мнѣнію его, явно показалъ, что уже не считаетъ генерала Ермолова ихъ начальникомъ, ибо въ противномъ случаѣ такое представленіе должно бы идти чрезъ него.

Я о семъ говорилъ съ генераломъ Паскевичемъ, который мнѣ сказалъ, что подобныя слова онъ сказалъ нѣкоторымъ полковымъ командирамъ гораздо позже, что впрочемъ, видя беспорядки, могъ легко сіе сказать въ огорченіи, въ чемъ и я согласенъ. На другой же день подалъ мнѣ генераль Паскевичъ записку, прилагаемую при семъ въ оригиналѣ. Представляя таковую вашему императорскому величеству, я съ моей стороны остаюсь при мнѣніи моемъ, что всякій инспекторъ имѣетъ право сказать подчиненному, что онъ о беспорядкахъ представить вашему императорскому величеству, но что лучше бы было не говорить, что представить о прощеніи, хотя весьма понимаю, что подобныя слова были сказаны совершенно не въ томъ видѣ, чтобы тѣмъ увѣрить въ ничтожествѣ нынѣшняго начальства.

Послѣ послѣдняго моего донесенія ходъ дѣлъ продолжается здѣсь попрежнему. Генераль Ермоловъ показываетъ совершенную готовность исполнить въ точности волю вашего императорскаго величества. Позднее явленіе подножнаго корма внушаетъ ему нѣсколько опасенія, но онъ надѣется навѣрное, что сіе не можетъ перемѣнить предначертаннаго плана, въ которомъ онъ сіе также принималъ въ соображеніе.

По собраніи свѣдѣній о нѣсколькихъ довольно важныхъ злоупотребленіяхъ, въ коихъ винятъ здѣшнее начальство въ явномъ ослабленіи противъ подчиненныхъ, я, составивъ краткую записку о таковыхъ, сегодня отдалъ оную генералу Ермолову, послѣ обыкновенныхъ соглашеній по военной части, прося его при первомъ свиданіи объясниться объ оныхъ. При семъ говорилъ ему о слухѣ, дошедшемъ до меня, что будто генераль-майоръ Вельяминовъ, въ экспедиціи

въ Имеретин, выдержалъ казачьяго офицера, связаннаго, на солнцѣ такъ, что сей умеръ послѣ отъ горячки, и что дѣло сіе было утаено. Генераль Ермоловъ, принявъ сіе съ негодованіемъ, сказалъ, что ни малѣйшее, даже подобное, никогда не доходило до свѣдѣнія его, и просилъ меня подробнѣе узнать о времени и о постѣ, гдѣ говорятъ, что сіе случилось; я полагая подобное изслѣдованіе совершенно нужнымъ, приступлю къ оному и постараюсь открыть истину, еще во время пребыванія моего здѣсь.

Вслѣдъ за симъ я отдалъ генералу Ермолову мое официальное увѣдомленіе о высочайшемъ выговорѣ за безчеловѣчное наказаніе татарина, объявля ему словесно содержаніе онаго; онъ мнѣ отвѣчалъ: „Я принимаю высочайшую волю съ покорностью и чувствую себя виновнымъ, но былъ увлеченъ злодѣйствомъ преступника“ (здѣсь говорятъ про него точно ужасы, что будто умерщвлялъ самымъ звѣрскимъ образомъ беременныхъ жепщинъ, и тому подобное); я ему сказалъ, что никакія звѣрства не могутъ оправдать наказаніе равно неистовое; онъ съ симъ согласился, и прибавилъ, что сей случай одинъ, и что хотя его винять въ злодѣйствѣ и варварствѣ, но что можно взять справку по дѣламъ и сравнить число вообще смертныхъ казней во время управленія генерала Торماسова и его. Я постараюсь собрать подобныя свѣдѣнія.

По мѣрѣ какъ получу объясненія отъ генерала Ермолова на записку мою, буду имѣть счастье доносить объ оныхъ вашему императорскому величеству, и частью уже чрезъ фельдъегера, котораго надѣюсь отправить въ самомъ непродолжительномъ времени.

Войска занимаются здѣсь тщательно обмундированіемъ.

По возможности ускоряется перемолъ пшеницы въ муку и перепеченіе муки въ сухари, особливо по магазинамъ въ Лорахъ и Шулаверахъ. Надѣюсь, что по сей важной части прибытіе интенданта Жуковскаго, который уже 26-го февраля проѣхалъ Черкасскъ, принесетъ ощутительную пользу.

Набѣги персіянь на нижнемъ Араксѣ малозначительны; о большихъ сборахъ ихъ еще нѣтъ никакого извѣстія.

Равномѣрно не подтверждаются до сего времени слухи о военныхъ приуготовленіяхъ турокъ противъ персіянь. Генераль-адъютантъ Дибичъ.

Апрѣля 5 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XXI.

Паскевичъ — Дявичу.

Генераль Ермоловъ упрекаетъ меня, что я говорилъ полковникамъ, государю напишу. Это слово заставило все дѣлать. Ваше высокопревосходительство.

1. Одѣвающуюся, (?)
2. люди удовлетворены,
3. нѣсколько выучены,

все это приписать надобно этому магическому слову.

Слово: къ Ермолову напишу, не имѣло бы никакого смысла, и значенія, заставило бы ихъ смѣяться, ибо генераль Ермоловъ:

1. Опустилъ оную армию;
2. Недопуски были большіе;
3. Позволилъ ходить въ лохмотьяхъ;

то какимъ образомъ можно было мнѣ грозить тѣмъ человѣкомъ, который всѣмъ безпорядкамъ причиною.

Надобно было выше власти генерала Ермолова, которая бы заставила все это сдѣлать.

Я думалъ, что я имѣлъ эту власть, не написать, но сказать на словахъ; слова, которыя сдѣлали важнѣйшую услугу, ибо армія готова будетъ къ походу. Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

Марта 4 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ И. П. ЛИПРАНДИ.

Отъ редакціи. Представляя отрывокъ изъ записокъ г. Липранди, мы просимъ читателей не забывать, что «Русская Старина» есть не болѣе какъ сборникъ, котораго задача сохранить на своихъ страницахъ документы, имѣющіе значеніе въ новѣйшей исторіи русскаго государства или общества, или характеризующіе тѣхъ или другихъ общественныхъ дѣятелей. Такъ-называемое «Дѣло Петрашевскаго» — независимо отъ вопроса: имѣло-ли оно, по своей сущности, какое-либо значеніе — по времени своего возникновенія и по глубокому слѣду, имъ оставленному въ мѣропріятіяхъ правительства съ 1848 по 1855 годъ, имѣетъ очень важное значеніе. «Мнѣніе» г. Липранди, по собственному его изъясненію, дало этому дѣлу трагическій исходъ, и слѣдственно было исходною точкою многихъ, весьма памятныхъ распоряженій въ области народнаго просвѣщенія, относительно университетовъ, гимназій, также военно-учебныхъ заведеній, по цензурѣ и т. д. Отсюда повятно, что «Мнѣніе» г. Липранди есть уже историческій документъ, котораго не обойдетъ будущій историкъ Россіи — и мы не можемъ не быть признательными г. Липранди за его сообщеніе.

Замѣчанія, помѣщенные въ «Мнѣніи» г. Липранди, написаны не теперь, а были включены въ оное при представленіи въ августѣ 1849 г. Ред.

Собраніе свѣдѣній о Петрашевскомъ, по высочайшему повелѣнію, началось въ мартѣ 1848 года. Министру внутреннихъ дѣлъ (такъ какъ онъ первый доставилъ извѣстный литографированный листокъ, розданный въ дворянскихъ собраніяхъ нѣкоторымъ членамъ), приказано было по этому случаю снестись съ шефомъ жандармовъ, для надлежащаго разъясненія содержанія и смысла литографированной рѣчи. Вслѣдствіе чего, по обоюдному ихъ согласію, собраніе этихъ свѣдѣній было возложено на меня, и послѣдній присовокупилъ: «чтобы мои не знали во избѣжаніе столкновенія»¹⁾. Я согласился на при-

¹⁾ Это желаніе графа А. Ф. Орлова ставило меня въ крайне-неловкое положеніе въ отношеніи къ Л. В. Дубельту: съ нимъ мы были съ 1812 г. соштанниками 6-го корпуса Доктурова, я, въ должности оберъ-квартирмейстера, а онъ — старшаго адъютанта, избраннаго начальникомъ штаба Ф. Ф. Монахиннымъ (смертельно раненымъ при Бородинѣ), для занятія подъ его глазами относительно распоряженія движенія — гдѣ долженъ былъ неотмѣнно находиться и я. Съ тѣхъ поръ мы сохранили взаимное дружеское расположеніе. Находясь же въ Петер-

вліе этого порученія, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы все то, что будетъ мною собираемо, я представлялъ записки министру внутреннихъ дѣлъ, какъ въ существѣ министру полиціи государства, и въ вѣдѣніи котораго я служилъ; такъ это и продолжалось во все время, т.-е., до 20 апрѣля 1849 г., когда приказано было мнѣ передать все дѣло Л. В. Дубельту съ четырьмя именными списками лицъ, богѣе или менѣе принадлежавшихъ къ обществу, съ отиѣтками противъ каждаго степени ихъ участія и пр., для произведенія, по усмотрѣнію шефа жандармовъ, одновременнаго ареста, безъ всякаго уже съ моей стороны участія.

Арестъ произведенъ былъ въ 6 часовъ утра, 23-го апрѣля, двадцати съ тѣмъ-то лицъ. Найденныя при этомъ нѣкоторыя бумаги вызвали учрежденіе двухъ комиссій: одна, слѣдственная, подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. Набокова; члены оной: князь П. П. Гагаринъ, князь В. А. Долгоруковъ, Я. И. Ростовцовъ и Л. В. Дубельтъ. Другая комиссія, также въ вѣрности, для разбора громаднаго количества бумагъ (и частію книгъ), взятыхъ у арестованныхъ лицъ, и отобранія для препровожденія въ слѣдственную комиссію тѣхъ изъ оныхъ, которыя богѣе или менѣе относились къ разсматриваемому дѣлу. Комиссія эта находилась подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя А. Ѳ. Голицына; членами были служащіе въ III отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцелярш тайный совѣтникъ А. А. Сагынскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ А. К. Гедерштернъ. Отъ министерства же внут-

бурга съ 1840 года, старинная связь еще болѣе укрѣпилась; сверхъ того въ то самое время, когда послѣдовало рѣшеніе о собраніи свѣдѣній о Петрашевскомъ, года два предъ тѣмъ, и особенно въ то самое время, а иногда и по два раза въ день видѣлся съ Л. В. въ III отдѣленіи, гдѣ, по высочайшему повелѣнію, содержались нѣсколько австрійскихъ раскольниковъ и на меня возложены вопросы ихъ и слѣдствіе. Къ этому должно присоединить еще и то, что въ разныхъ слѣдственныхъ комиссіяхъ подъ моимъ предсѣдательствомъ, находились у Мена востоянно два-три жандармскихъ штабъ-офицеровъ, проводившихъ очень часто цѣлый день. И при такой-то обстановкѣ я долженъ былъ сдерживать себя не разъ въ разговорѣ по подобнымъ дѣламъ. Вечеромъ, 20 апрѣля 1849 года, когда графъ, пригласивъ меня и Л. В. къ себѣ, передалъ высочайшую волю о прекращеніи мною дальнѣйшаго веденія дѣла, и о передачѣ его въ III отдѣленіе, для разсмотрѣнія и дальнѣйшаго распорядженія, а Л. В. Дубельту для немедленнаго исполненія и пр., послѣдній былъ пораженъ какъ громомъ: во-первыхъ, что графъ таилъ болѣе года предметъ, прямо принадлежащій III отдѣленію (здѣсь, по стекшимся обстоятельствамъ, графъ остался во всемъ безупречнымъ), а во-вторыхъ, что я, по испытанной 37-лѣтней взаимной дружбѣ, не сообщилъ ему своего порученія. Въ каретѣ я ему объяснилъ, какъ это все случилось, и онъ созналъ, что въ такихъ обстоятельствахъ поступилъ бы точно также, если бы ему объявилъ такое молчаніе мой прямой начальникъ. Къ пяти часамъ утра, все дѣло съ поясненіями было мною передано, и раннимъ утромъ, 23 апрѣля, въ одно время, послѣдовалъ арестъ. Это столкновеніе отнюдь не ослабило нашихъ взаимныхъ отношеній (несмотря на то, что были лица, искавшія пропустить между нами черную кошку), что свидѣлствуется значительнымъ числомъ писемъ, въ особенности же изъ его деревни, когда онъ оставилъ занимавшееся имъ мѣсто, — особенно замѣчательными и пр. И. Л.

ренникъ дѣлъ — я. И такъ какъ для обширной канцелярскаго переписки не было никого, то князь А. Ѳ. поручилъ мнѣ частнымъ образомъ просить у Л. А. Перовскаго двухъ чиновниковъ, которыхъ сей послѣдній тотчасъ и приказалъ мнѣ, изъ числа находившихся при моихъ занятіяхъ, избрать двухъ; вслѣдствіе чего я и назначилъ надворнаго совѣтника И. П. Юрасова и коллежскаго ассессора П. Н. Ильющенко; сверхъ того г. министръ, узнавъ, что двѣ комнаты, назначенныя для комиссіи, были совершенно пусты, приказалъ отправить всю необходимую мебель и двухъ унтеръ-офицеровъ, болѣе надежныхъ изъ находившихся при разныхъ слѣдственныхъ и другихъ комиссіяхъ, бывшихъ въ то время подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Предъ окончаніемъ разбора взятыхъ бумагъ, предсѣдатель слѣдственной комиссіи ген.-ад. Набоковъ, съ разрѣшенія Л. А. Перовскаго, пригласилъ меня въ комиссію, гдѣ князь П. П. Гагаринъ сообщилъ мнѣ, что производство слѣдствія почти окончено, но для заключенія онаго комиссіа признала не лишнимъ узнать мой взглядъ на сущность этого дѣла, какъ лица, имѣвшаго оное въ продолженіе болѣе года подъ своимъ руководствомъ и проч., и проч. Я отвѣчалъ, что готовъ исполнить желаніе комиссіи, но какъ не будучи членомъ оной, мечтаю себя не въ правѣ сдѣлать это безъ разрѣшенія прямого моего начальника, министра внутреннихъ дѣлъ, что не всѣми однакоже членами было признано основательнымъ, однакоже послѣдовало о томъ отношеніе къ Л. А. Перовскому. Написанное мнѣ предствлено было мною моему начальнику, который и отправилъ оное чрезъ военнаго министра въ помянутую комиссію. Въ мнѣніи моемъ я вынужденъ былъ включить нѣкоторые какъ бы отвѣты на сдѣланные мнѣ однимъ изъ членовъ замѣчанія относительно составленія заговоровъ и проч.

И. Л.

10 марта 1872.

Мнѣніе, представленное д. с. с. И. П. Липранди по требованію высочайше учрежденной комиссіи надъ злоумышленниками.

17 августа 1849 г.

....За симъ, по поводу упомянутому мною при поясненіи на донесеніе подъ № 15¹⁾, считаю долгомъ войти въ нѣкоторыя подробности касательно моего взгляда на дѣло, въ продолженіе года находившееся подъ моимъ направленіемъ. Взглядъ этотъ, по новости для меня подобныхъ дѣлъ, могъ быть не вполне вѣренъ; но будучи убѣжденъ въ его справедливости, я естественно основывалъ на немъ, всѣ

¹⁾ Ни одно изъ лицъ, арестованныхъ по указаніямъ въ моихъ донесеніяхъ, не было мнѣ лично извѣстно, ни прежде, ни послѣ, до сихъ поръ; если я и былъ чиновникомъ министерства полиціи, и сверхъ того уполномоченный шефомъ жандармовъ, но сознаюсь откровенно, что находилъ предсудительнымъ включать то, что въ бесѣдахъ съ нѣкоторыми я могъ прозрѣвать. Другой можетъ быть и исполнилъ бы это, но для меня не было силъ, которая могла бы покорить мои убѣжденія. Я не былъ подготовленъ къ подобнымъ дѣйствіямъ...

И. Л.

них дѣйствій, почему и вмѣняю себя въ обязанность почтительнѣйше изложить теперь общее мое мнѣніе о сказанномъ дѣлѣ, съ нѣкоторою подробностію.

Во все то время, какъ я занимался наблюденіемъ по этому дѣлу, тѣмъ болѣе проникалъ я въ его подробности, тѣмъ болѣе казалось мнѣ, что оно никакъ не могло ограничиваться тѣми только данными, которыя представлялись здѣсь въ Петербургѣ, въ томъ кругѣ людей и дѣйствій, которые были непосредственно слѣдимы и наблюдаемы мною ¹⁾, ибо:

1) Я никакъ не могъ остаться при мысли, чтобы злоумышленное общество, даже и здѣсь, состояло изъ тѣхъ только людей, которыхъ

¹⁾ Здѣсь прежде всего полагаю необходимымъ объяснить, что не я открылъ, а еще менѣе, какъ молва говорить, донесъ о существованіи розыскиваемого общества... Это происходило слѣдующимъ образомъ: въ началѣ марта 1848 года разнесся слухъ, что Петрашевскій роздалъ многимъ какую-то литографированную записку вреднаго, или по крайней мѣрѣ сомнительнаго содержанія. Получивъ приказаніе его сіятельства министра внутреннихъ дѣлъ — стараться достать экземпляръ этой записки, я не встрѣтилъ къ тому большого затрудненія, такъ какъ записка эта была роздана на выборахъ многимъ дворянамъ. Содержаніе записки не могло не обратить вниманія г. министра, и она тотчасъ же была препровождена къ его сіятельству шефу жандармовъ, который равно мѣрно усмотрѣлъ важность ея содержанія и оба они замѣтили, что это должно быть плодомъ тайнаго, обдуманнаго предначертанія. Тогда только, около 10 марта, по взаимному соглашенію ихъ сіятельствъ (гр. Л. А. Перовскаго и гр. А. Ф. Орлова), возложено было на меня собрать свѣдѣнія о Петрашевскомъ. И тутъ я не встрѣтилъ ни малѣйшаго препятствія, ибо оказалось, что всѣ благомыслящіе знали Петрашевскаго за вольнодумца въ полномъ значеніи этого слова, рассказывали о немъ множество анекдотовъ и, между прочимъ, указывали на изданную имъ, подъ именемъ Кирилова, книгу (Карланный Словарь иностранныхъ словъ, входящихъ въ составъ русскаго языка. С.-Петербургъ, 1846 года и проч., и проч., первый выпускъ былъ въ 1845 году до буквы М, а второй, болѣе замѣчательный дерзостью, въ 1846 году до буквы О включительно), книгу, которая, по напечатаніи и выпускѣ въ продажу, отобрана была изъ лавокъ, подъ рукою, по распоряженію цензурнаго комитета, замѣтившаго всю преступность ея содержанія и направленія, при чемъ издатель остался безъ всякаго за то преслѣдованія, не спрошено было даже и о лицахъ, доставлявшихъ статьи, отличающіяся такими дерзостями, какія у насъ едва-ли когда бывали не только въ печати, но и въ рукописяхъ, пускаемыхъ въ общее употребленіе и т. д. Не трудно было также узнать, что у него, въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, бывають постоянныя, по пятницамъ, собранія, на которыхъ, по выраженію простолюдиновъ, онъ пишетъ новыя законы. Тогда уже я образовалъ настоящее наблюденіе за этими собраніями, и мнѣ приказано было непремѣнно проникнуть въ нихъ путемъ введенія какаго-либо благонадежнаго лица. Кто обращался съ подобными дѣлами, тотъ знаетъ съ какими затрудненіями это послѣднее со-

агентъ мой видѣлъ и слушалъ въ собраніяхъ Петрашевскаго въ послѣднія шесть пятницъ. Это казалось мнѣ невозможнымъ уже потому одному, что въ тѣхъ собраніяхъ каждый разъ являлись новыя лица и притомъ изъ разговоровъ ихъ было видно, что съ ними въ большей или меньшей привосновенности находились разные люди, которыхъ въ эти шесть пятницъ на лицо не было. Сколько же еще могло быть и такихъ, о которыхъ въ присутствіи агента не было случая упоминать? Притомъ агентъ доводилъ до свѣдѣнія о таковыхъ собраніяхъ, бывавшихъ у Плещеева, у Нагорнаго или Европеуса, у Кузмина и Бѣлецкаго и т. д. Кто независимо лицъ, видѣнныхъ агентомъ, на послѣднихъ шести собраніяхъ Петрашевскаго, бывалъ и на помянутыхъ сборищахъ—неизвѣстно, но нельзя было не заключать, что тутъ бывали и другіе, въ чемъ я тѣмъ болѣе убѣждался, что на собраніи, напимѣръ, у Бѣлецкаго агентъ мой самъ видѣлъ множество новыхъ лицъ разныхъ состояній и вѣдомствъ, которыхъ онъ у Петрашевскаго не встрѣчалъ. Это мое заключеніе согласуется совершенно и съ наставленіемъ Петрашевскаго агенту, какимъ образомъ должно составлять таковыя собранія. По вскрытіи же бумагъ у арестованныхъ лицъ, обстоятельство это, по мнѣнію моему, не подлежало уже никакому сомнѣнію. Въ бумагахъ этихъ, сколько я помню, значится, что таковыя собранія были у Палѣма, Дурова и Щелкова (жившихъ вмѣстѣ) и у Монбеле.

прижено. Тутъ недостаточно было ввести въ собраніе челоуѣка только благнамѣреннаго; агентъ этотъ долженъ былъ сверхъ того стоять въ уровень въ познаніяхъ съ тѣми лицами, въ кругъ которыхъ онъ долженъ былъ вступить, имѣть въ этой новой роли своей путеводителя болѣе опытнаго и наконецъ стать выше предразсудка, который въ молвѣ столь несправедливо и потому безнаказанно пятнаетъ ненавистнымъ именемъ доносчиковъ даже такихъ людей, которые, жертвуя собою въ подобныхъ дѣлахъ, даютъ возможность правительству предупреждать тѣ безпорядки, которые могли-бы послѣдовать при большей зрѣлости подобныхъ зловредныхъ обществъ. Такіе агенты за деньги не отыскиваются. Но я былъ столь счастливъ, что наконецъ вполне успѣлъ въ этомъ, и такимъ образомъ устроилъ постоянныя наблюденія, о которыхъ почти ежедневно, а въ послѣднее время и по нѣскольку разъ въ день доносилось, что продолжалось до 23 апр. 1849 г. Изъ сего можно усмотрѣть, что не я отерпѣлъ и не я донесъ, а мнѣ указанъ былъ предметъ, который я долженъ былъ только разузнать ближе. Не знаю, успѣлъ-ли я оправдать довѣренность помянутыхъ двухъ сановниковъ, но, по крайней мѣрѣ, я не могу себя упрекнуть въ томъ, чтобы я упустилъ что-либо изъ виду въ этомъ, для меня вовсе новомъ, порученіи первой государственной важности, требовавшей вмѣстѣ съ тѣмъ особеннаго сохранения тайны, которая въ продолженіе болѣе года и была непроницаемою, несмотря на огромную переписку, которую я долженъ былъ вести независимо словесныхъ сношеній съ множествомъ разныхъ лицъ.

И. Л.

Этотъ послѣдній обратилъ даже на себя вниманіе своего начальства, принявшаго впрочемъ оныя только за литературныя; но предметы, вошедшіе въ составъ преній на вечерахъ этихъ, какъ значитса о томъ изъ отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ Монбеле, едва-ли могутъ относиться прямо къ литературѣ, а дневникъ его и другія рукописи, сколько мнѣ казалось, ясно обнаруживали организованное общество пропаганды ¹⁾. Что открылось въ комиссіи по сему предмету и какое поясненіе, чистосердечное или уклончивое, могли дать ей арестованныя лица, мнѣ неизвѣстно, и я говорю здѣсь только о томъ, что для меня не тайна.

2) Въ то же время обозначилось, что люди, принадлежащіе къ наблюдаемому обществу, находились внѣ столицы, въ разныхъ провинціяхъ, и объ нихъ здѣшніе сочлены ясно говорили, что имъ поручено вездѣ стараться сѣять идеи, составляющія основу ихъ ученія, приобрѣтать обществу соумышленниковъ и сотрудниковъ и такимъ образомъ готовить повсюду умы къ общему возстанію. Бумаги арестованныхъ лицъ обнаружили, что подобными миссіонерами были: въ Тамбовѣ — Кузминъ, въ Москвѣ — Плещеевъ, въ Ростовѣ — Кайдановъ, въ Сибири — Черносивитовъ, въ Ревелѣ — Тимковскій и проч. ²⁾. Такъ какъ общество существуетъ уже съ 1842 года, то мнѣ весьма естественно было предполагать, что подоб-

¹⁾ Здѣсь не упоминаю уже о какихъ-то женскихъ литературныхъ обществахъ, конхъ слѣды найдены въ бумагахъ Серебрякова; о двухъ кругахъ, образованныхъ въ Ревелѣ Тимковскимъ, о найденныхъ у разныхъ лицъ рѣчахъ, читанныхъ, или только приготовленныхъ къ чтенію на собраніяхъ и наконецъ о литературномъ обществѣ «Пропаганда», упоминавшемся не разъ Петрашевскимъ, о таковыхъ же обществахъ, упоминавшихся Катеневымъ и Толстовымъ и проч. Все это я полагалъ себя обязаннымъ не упустать изъ виду вполнѣдствіи, на первый же разъ главное мое вниманіе было сосредоточено на обществѣ Петрашевскаго. 23 апр. арестовано было 33 человѣка (независимо другихъ 5), которыхъ агентъ мой лично самъ видѣлъ на этихъ собраніяхъ (Виттъ—учитель технологическаго института, избѣгъ этой участи). Въ донесеніяхъ же моихъ упоминается свыше ста человѣкъ, которые, по моему тогдашнему мнѣнію, болѣе или менѣе должны были сочувствовать помянутому обществу. Но степень ихъ участія въ его намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ не могла быть мною опредѣлена за скоростію послѣдовавшаго ареста. Впрочемъ, если можно было и тогда вникнуть въ тайны этого общества и, такъ сказать, ощупью достигнуть до нѣкоторыхъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ дѣлу, то въ настоящее время по имѣющимся фактамъ,—почерпнутымъ изъ бумагъ арестованныхъ лицъ, равно какъ изъ допросовъ, уликъ, очныхъ ставокъ и т. п., конечно дѣло это развернется въ самой удовлетворительной степени.

И. Л.

²⁾ Тоже можно сказать, кажется, объ Арестовѣ — въ Костромѣ.

И. Л.

ныя миссиі ведутся издавна и потому идеи могли быть уже посѣяны и принести болѣе или менѣе плоды въ разныхъ мѣстахъ государства. Послѣдствія, казалось, оправдали это мое предположеніе: въ письмахъ изъ Ростова, Кайдановъ говоритъ о своей паствѣ, для которой онъ переводитъ на русскій языкъ сочиненія Видермана о социализмѣ, на томъ основаніи: „чтобы доставить возможность прочесть его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка“, онъ выписываетъ и читаетъ: Консидерана, Фурриэ, Прудона, Люи-Блана, С-нъ Симона, Кабэ, журналъ Фаланжъ, *La guerre des Passions, Les trois nuits internes* и т. п.; говорить, что „онъ совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурриэ, вовсе не считая себя обязаннымъ свято вѣрить à toutes les extravagances de notre Maître и проч.; благодарить (присылающихъ ему въ Ростовъ помянутыя книги) за насыщеніе хлѣбомъ духовнымъ его и всей здѣшней (Ростовской) небольшой паствы и пр.“. Паства эта, незнающая иностранныхъ языковъ, въ такомъ городѣ какъ Ростовъ, конечно должна была состоять изъ мѣстныхъ городскихъ обывателей средняго класса: уѣздныхъ чиновниковъ, а также и самыхъ купцовъ, мѣщанъ и т. п. Какой ядъ долженъ былъ разливаться отъ такой закваски въ городѣ, куда на ярмарку стекаются со всѣхъ оконечностей государства? и какъ послѣ того я не могъ не подумать, что и въ другихъ мѣстахъ, особенно такихъ, гдѣ полупросвѣщеніе болѣе распространено и гдѣ знаніе иностранныхъ языковъ сильнѣе, чѣмъ въ уѣздномъ городѣ, не завелись уже подобныя паствы? ¹⁾.

3) Самая сущность общества уполномочивала меня къ заключенію, что оно необходимо должно имѣть обширныя и далеко пущенныя отрасли. По всему, что узнавалъ я, нельзя было, по моему мнѣнію, не видѣть, что это вовсе не какой-нибудь мелкій заговоръ, образовавшійся въ нѣсколькихъ разгоряченныхъ головахъ, съ опредѣленною мыслию исполненія какого-нибудь преступнаго дѣянія, въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. Нѣкоторые изъ открытыхъ соучастниковъ, казалось мнѣ, могли быть точно заговорщиками въ изъясненномъ выше смыслѣ этого слова: у нихъ видны намѣренія дѣйствовать рѣшительно, не страшась никакого злодѣянія, лишь бы только оно могло привести къ желаемой ими цѣли. Но не всѣ были таковы. Наибольшая часть членовъ предполагали идти медленно, по

¹⁾ Вообще всѣ письма Кайданова изъ Ростова казались мнѣ особенно замѣчательными по тому рвенію, которое онъ выказывалъ къ изученію «Апостоловъ и нѣмѣцкой западной пропаганды» и по тому восторгу, въ который онъ приходилъ отъ одного чтенія оныхъ.

вѣрнѣе, и именно путемъ пропаганды, дѣйствующей на массы. Съ этой цѣлью, въ собраніяхъ происходили разсужденія о томъ, какъ возбуждать во всѣхъ классахъ народа негодованіе противъ правительства, какъ вооружать крестьянъ противъ помѣщиковъ, чиновниковъ противъ начальниковъ, какъ пользоваться фанатизмомъ раскольниковъ, а въ прочихъ сословіяхъ подрывать и разрушать всякія религіозныя чувства, которыя они сами изъ себя уже совершенно изгнали, проповѣдуя, что религія препятствуетъ развитію человѣческаго ума, а потому и счастья ¹⁾; тутъ же было разсуждаемо о частныхъ особыхъ мѣрахъ: какъ дѣйствовать на Кавказѣ, въ Сибири, въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Польшѣ, въ Малороссіи (гдѣ умы предполагались находящимися уже въ броженіи отъ сѣмянъ, брошенныхъ сочиненіями Шевченки и т. д.). Изъ всего этого я извлекъ убѣжденіе, что тутъ былъ не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько всеобъемлющій планъ общаго движенія, переворота и разрушенія. Для приведенія въ дѣйствіе этого плана очевидно нужны были пружины, расположенныя повсемѣстно, и я имѣлъ всѣ причины предполагать, что эти пружины уже устроиваются, а можетъ быть отчасти и устроены. Такъ, на примѣръ, для того, чтобъ пустить въ ходъ зажигательное истолкованіе десяти заповѣдей, назначенное, очевидно, для возмущенія простонародія ²⁾, необходимо было не только разослать эти заповѣди, но имѣть вездѣ людей, которые бы могли словесно разъяснять

¹⁾ Такъ французскіе энциклопедисты XVIII в., ослабивъ религіозныя чувства въ народѣ, приготовили революцію 1789 года. Если приготовленіе этого страшнаго переворота требовало тогда довольно долгаго времени, то единственно потому, что просвѣщеніе, или, правильнѣе сказать, грамотность не была еще достаточно распространена во Франціи. Германія же, на примѣръ, не требовала уже такого промежутка времени отъ появленія подобныхъ проповѣдниковъ до безумства, въ которое она впадала въ прошломъ 1848 году. Въ настоящемъ случаѣ, казалось мнѣ, важно, что какъ тамъ, такъ и здѣсь злоумышленныя поджигатели мятежей видимо принимали за основаніе успѣха своихъ замысловъ разрушеніе религіозныхъ чувствъ, которыя одни еще въ силахъ бороться съ нечеловѣчными, чудовищными порожденіями нивѣстившихъ зловредныхъ идей. Рѣчи: Петрашевскаго, Тола, Бѣлецкаго, Ястржембскаго и т. п.; рукописи Катенева (одна изъ таковыхъ найдена была также у кого-то изъ арестованныхъ членовъ Петрашевскаго общества); мнѣніе и возгласы Петра Григорьевича Шапошникова, Толстова и другихъ—все это служило въ моихъ глазахъ явнымъ доказательствомъ ихъ взаимнаго соглашенія въ этомъ главномъ началѣ ихъ предначертаній. И. Л.

²⁾ Средства, употребляемыя обществомъ для распространенія своихъ идей, замѣчательны: члены онаго вступали въ разговоръ съ легковыми извозчиками во время переѣздовъ и усиливались направить ихъ и ожесточить противу

ихъ (обстоятельство не разъ упоминавшееся въ дописаніяхъ моихъ) и тѣмъ подстрекать массы въ волненію ¹⁾).

4) Съ симъ вмѣстѣ, въ весьма естественной связи казался мнѣ и самый составъ общества, сколько я имѣлъ его подъ своими глазами.

помѣщиковъ и высшаго правительства. Таковыя свѣдѣнія получены изъ двухъ совершенно противоположныхъ источниковъ, которые, назависимо многихъ другихъ подобныхъ же данныхъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію.

И. Д.

¹⁾ Слѣдя за этимъ дѣломъ, я не могъ не принимать въ соображеніе и того, что съ нѣкотораго времени начали находить въ разныхъ губерніяхъ разбрасываемыя вреднаго содержанія записки, что между народомъ проявляются разные толки, конечно не безъ цѣли распускаемые, что поступали даже доносы и о разныхъ зловерныхъ затѣяхъ и заговорахъ (изъ коихъ одинъ, по моему мнѣнію, совпадалъ съ дѣломъ, которое я имѣлъ тогда въ рукахъ). Конечно, при первомъ взглядѣ, доносы эти могли казаться и незаслуживающими особеннаго вниманія; не менѣе того я думалъ, что они не могли же породиться сами собою (и это я въ правѣ былъ основывать на развитіи настоящаго дѣла, къ чему послужила, вначалѣ, едва-ли многими замѣченная причина). Впрочемъ, въ послѣднее время нападали и на нѣсколько, въ полномъ уже смыслѣ, неблагонамѣренныхъ людей, пскавшихъ распространить безпорядковъ, которые и были за то подвергнуты справедливой карѣ. Въ Вильнѣ же, Минскѣ и Лидѣ открытъ уже настоящій заговоръ, имѣющій связь, по сознанію нѣкоторыхъ лицъ, съ заграничными злоумышленниками, и въ этомъ заговорѣ участвуютъ: дворяне, мѣщане, ремесленники, солдаты, преимущественно же учителя, студенты и ученики разныхъ званій, изъ которыхъ множество подвергнуто аресту—и слѣдствіе дѣятельно продолжается, и т. п. Въ особенности поражаело меня тогда, какъ и теперь поражаетъ, что здѣсь и въ другихъ городахъ молодежь и даже учащіяся въ школахъ позволяютъ себѣ разсуждать слишкомъ дерзко о предметахъ, вовсе до нихъ не относящихся и проч. Наконецъ, не могъ я не принять въ соображеніе и той ужасающей прогрессіи, въ какой въ послѣдніе годы представляется возрастающимъ число преступныхъ посягательствъ на власти въ народѣ, а также и число народныхъ бѣдствій, производящихъ въ массѣ безпокойства и волненія. Такъ, наприм.: случаевъ убійства помѣщиковъ своими крестьянами въ 1846 году было 12, а въ 1848—18. Случаевъ неповиновенія крестьянъ массами въ 1846 году было 27, а въ 1848—45 (изъ нихъ въ казенныхъ селеніяхъ въ первый годъ только 2, а въ послѣдній 4); одинаково замѣчательно также и изумительное ежегодное увеличеніе прогрессіи наказываемыхъ здѣсь въ столицѣ, въ сѣзжихъ домахъ: за грубость, буйство, неповиновеніе и т. п. дворовыхъ людей, посмѣявшихся ихъ господами. Наконецъ: пожаровъ въ 1846 году въ городахъ было 92, въ селеніяхъ 6,496, а 1848 году въ городахъ 199, въ селеніяхъ 10,312; обнаруженныхъ поджоговъ въ селеніяхъ въ 1846 году было 84, а въ 1848—102. (Обстоятельство это невольно напоминаетъ пренія въ обществѣ Петрашевскаго, о необходимости распространенія пауперизма и о средствахъ достигать того). Такое необыкновенное усиленіе несчастій было причиною особеннаго волненія въ народѣ, для успокоенія котораго отъ разныхъ властей были посланы довѣренные люди. А какими послѣдствіями можетъ

Безъ сомнѣнiя не для чего иного, какъ съ цѣлю произвести всеобщее повсемѣстное движенiе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомствъ и званiй по службѣ, но и неслужащiе изъ всѣхъ сословiй: дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенные заговоры бывають большею частью изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенiю. Напримѣръ, въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и при томъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ — рядомъ находятся некончившiе курсъ студенты, мелкiе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующiе табакомъ. Очевидно, казалось мнѣ, что сѣтъ была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселенiе и, слѣдовательно, чтобъ дѣйствовать не на одномъ мѣстѣ, а повсюду¹⁾.

5) Весьма важнымъ обстоятельствомъ казалось мнѣ и то, что главному роль въ этомъ обществѣ играли наставники и воспитатели юношества, которыхъ, по испытанiю въ образѣ мыслей и въ правилахъ, старалось помѣщать повсюду. Тутъ цѣль, имѣвшаяся въ виду и послѣдствiя, какiя отъ того ожидались, слишкомъ очевидны, такъ что нѣтъ нужды о томъ распространяться: одинъ такой учитель ежегодно могъ приготовить въ своихъ идеяхъ десятки, сотни молодыхъ людей, которые послѣ разсыпались во всѣ концы государства. До какой степени можетъ простираться дѣйствительный успѣхъ этого, по истинѣ, адскаго плана, я не имѣлъ ни времени, ни способвъ дознать положительно, сколько важность дѣла того требовала, но, признаюсь, одинъ только видъ такихъ задачъ, какъ, наприм., о Римской республикѣ и объ Александрѣ Невскомъ, которыя наставникъ имѣлъ духъ не только назначить воспитаннику,

сопровождаться подобное волненiе массъ, обнаружилось въ предпрошломъ году почти поголовнымъ движенiемъ всей Витебской губ. къ Петербургу, оставленнымъ уже на половинѣ пути подъ Порховымъ при посредствѣ благовременнаго и рѣшительнаго дѣйствiя вооруженной силы, — обстоятельство, показывающее вмѣстѣ, какъ легко производить подобныя увлеченiя въ толпахъ, ибо въ то же самое время такiя движенiя обнаружались еще въ трехъ губернiяхъ: Воронежской, Курской и Саратовской. Все это, я думалъ, не могло происходить безъ двигателя, достигающаго, хотя и различными путями, но до одной цѣли, до одного результата — безпорядка, анархiи.

И. Л.

¹⁾ Впослѣдствiи, какъ я слышалъ, открыто комиссiею, что была заготовлена и тайная типографiя, долженствовавшая скоро начать работу и дѣйствовать, конечно, для удобства распространенiя идей, а можетъ быть уже и для печатанiя воззванiй.

И. Л.

но и потомъ возвратить съ торжественнымъ одобреніемъ. Одинъ, говорю, видъ такихъ задачъ приводитъ въ невольное содроганіе, когда подумаешь, къ чему это вело и чѣмъ, рано или поздно, должно было кончиться ¹⁾.

Наконецъ 6) Довольно было видѣть то убѣжденіе, тотъ жаръ и, можно сказать, фанатизмъ, которымъ это общество одушевлялось въ своихъ замыслахъ. Заговорщики, руководствуемые какою-нибудь частною идеею или страстью, напримѣръ: мщеніемъ, жорыстью, неудовлетвореннымъ честолюбіемъ и т. п., менѣе опасны: они не такъ легко могутъ сообщать другимъ свои преступныя чувства и увлекать ихъ въ слѣдъ за собою. Въ настоящемъ дѣлѣ, конечно, я видѣлъ и такихъ, но въ большинствѣ молодыхъ людей, очевидно, какое-то радикальное ожесточеніе противъ существующаго порядка вещей, безъ всякихъ личныхъ причинъ, единственно по увлеченію мечтательными утопіями, которыя господствуютъ въ Западной Европѣ и до сихъ поръ безпрепятственно проникали къ намъ путемъ литературы и даже самаго училищнаго преподаванія ²⁾.

¹⁾ Подобными фактами объясняются многіе и разные безпорядки, возникшіе въ послѣдніе 10 лѣтъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ между учениками всѣхъ состояній и всѣхъ сословій. Спрашивается однако невольно: что же имъ было дѣлать, когда нормальное умственное ихъ положеніе такъ готовится? Предметъ этотъ, какъ я смѣю думать, и до сихъ поръ весьма важенъ и требовалъ бы полнаго и совершенно-безпристрастнаго обслѣдованія и изложенія, чтобы показать высшему правительству настоящее положеніе этого обстоятельства и дать ему возможность, если еще есть время, излечить эту язву, заразившую въ корнѣ всѣ отрасли нашего училищнаго преподаванія, какъ о томъ будетъ сказано ниже нѣсколько подробнѣе. И. Л.

²⁾ Въ бумагахъ у нѣкоторыхъ лицъ найдено было нѣсколько лекцій и даже цѣлыя литографированные курсы. На меня было возложено пробѣжать нѣсколько таковыхъ, что я слегка и сдѣлалъ, представивъ замѣчанія моему статсъ-секретарю князю Александру Федоровичу Голицыну отъ 17 мая, 17, 18 и 19 іюня. Нынѣ считаю нужнымъ сказать объ этихъ курсахъ вообще, что они представлялись мнѣ наполненными самыхъ вредныхъ, въ моемъ понятіи, правилъ, которыя какъ бы съ умысломъ разбросаны по всему ихъ тексту, иногда отъ лица самого сочинителя, а чаще въ видѣ цитатъ изъ другихъ сочиненій; правилъ, развивающихъ идеи, которыя гораздо полезнѣе было бы вовсе не знать молодымъ людямъ, пока головы ихъ не сформировались. Всего-же хуже, что правила эти, кстати и не кстати приложенныя, оставляются большею частію безъ всякой оговорки преподавателемъ и если иногда и встрѣчаются таковыя, то они такъ слабы, такъ ничтожны (а иногда и двусмысленны), что никакъ не могутъ изгладить первоначальнаго впечатлѣнія, сдѣланнаго съ тою рѣзкостію, съ какою они большею частію высказываются. Такимъ щитомъ, думаю я, можно, пожалуй, прикрываться отъ тѣхъ, которые или не понимаютъ, или не хотятъ понимать сущности дѣла, но ученикъ, съ жадностію слушающій преподавателя, легко проникаетъ за эту слишкомъ

Слѣло предаваясь этимъ утопіямъ, они воображаютъ себя призванными переродить всю общественную жизнь, передѣлать все челоѣчество—и готовы быть апостолами и мучениками этого несчастнаго самообольщенія. Отъ такихъ людей можно всего ожидать. Они

прозрачную завѣсу.—Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ рассмотрѣнных мною курсовъ (найденныхъ въ бумагахъ Бѣлецкаго) находятся слѣдующіе отзывы о республиканскомъ правленіи: «...При всѣхъ своихъ недостаткахъ и несовершенствахъ (а объ нихъ ни слова) республика имѣетъ то особенное свойство что, несмотря на отсутствіе силы, управляющей въ одномъ недѣлимомъ лицѣ,—она обладаетъ великою нравственною силою, потому что въ ней всякій гражданинъ имѣетъ право участвовать въ государственномъ управленіи и слѣдовательно долженъ получить образованіе, достойное этого участія. Отъ того республиканское правленіе въ особенности пробуждаетъ страсть къ дѣламъ политическимъ и къ ораторству; здѣсь каждый желаетъ быть первымъ и стремится отличиться чѣмъ-нибудь. Самыя даже безпрерывныя возмущенія и междоусобныя войны, неразлучныя съ этимъ образомъ правленія, споспѣшествуютъ быстрому развитію духа». Вслѣдъ затѣмъ преподаватель укрѣпляетъ это примѣрами слѣдующимъ образомъ: «Это объясняетъ, какимъ образомъ въ небольшихъ греческихъ республикахъ искусства и науки могли достигнуть столь высокой степени совершенства, какъ мы ихъ получили и т. д.»—Въ другомъ подобномъ литографированномъ курсѣ (въ бумагахъ Филипова) авторъ, говоря, какъ республиканское правленіе изъ Соединенныхъ Штатовъ перешло во Францію, вдаетъ въ слѣдующія предсказанія: «Это распространеніе европейскаго духа еще продолжается и вѣроятно прекратится уже тогда, когда просвѣщеніе разольется по всему міру и такимъ образомъ соединитъ всѣ части въ одну великую государственную систему»; а далѣе, говоря о XVIII столѣтіи называетъ его, по преимуществу, временемъ революціонернымъ, потому что въ этотъ вѣкъ религія потеряла свое значеніе, что образовались республики, и выводитъ изъ того заключеніе, что «государственная система, основанная на политическомъ эгоизмѣ, не можетъ быть твердою, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ все полагается на войско, не прочно потому, что разъ войско разбито—все пропало и т. д.»—Вслѣдъ за такими блестящими и заманчивыми изображеніями преподаватель, для огражденія себя, можетъ, пожалуй, сказать, что «у насъ правленіе не республиканское, а монархическое» и при томъ прибавитъ нѣсколько сухихъ и официальныхъ фразъ о пользѣ монархій (чего впрочемъ я не встрѣтилъ) и т. п.—Снисходительное училищное начальство будетъ тѣмъ довольно и не привяжется къ преподаванію; но изъ учениковъ, конечно, большая часть или всѣ невольно спросятъ себя: да отчего же у насъ монархія, а не такая прекрасная и заманчивая вещь какъ республика?! Такая мысль тѣмъ естественнѣе можетъ пробудиться въ слушающихъ, когда исторія революціоннаго времени оканчивается, напримѣръ, слѣдующею вызывательною фразою: «Еще не настало время, въ которое возможно бы было дать совершенно чистое и неспринужденное сужденіе о тѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ, коими ни одинъ еще періодъ всемірной исторіи не былъ такъ богатъ»—и затѣмъ предоставляется каждому произнести самому свое сужденіе!

не останутся ни на чемъ, не затруднятся ничѣмъ, ибо, по ихъ понятіямъ, они дѣйствуютъ не для себя, а для блага всего рода человѣческаго, не для настоящей только минуты, а для вѣчности.

На сихъ главныхъ основаніяхъ, подкрѣпляемыхъ множествомъ част-

Приведу другой примѣръ: въ лекціяхъ, найденныхъ у Пальма, замѣчательныхъ уже тѣмъ, что въ нихъ, подъ придуманнымъ заглавіемъ «законовѣдніе», излагается Естественное право, встрѣчаются слѣдующія мѣста: «Самое главное свойство человѣка есть то, что онъ лицо, т.-е., существо, одаренное разумомъ и свободою.—Это свойство дѣлаетъ человѣка дѣлю для самого себя, и ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ разсматривать его, какъ средство, какъ цѣль. Личность есть сознаніе самого себя, какъ существа свободно разумнаго; изъ понятія личности проистекаетъ понятіе права: я могу дѣлать все, что мнѣ угодно, потому что всякое дѣло мое будетъ слѣдствіемъ моей разумности. Равенство людей есть слѣдствіе единства человѣческаго рода. Существуетъ одна только природа человѣческая, слѣдовательно во всѣхъ людяхъ природа одна и та же.—Это единство человѣческой природы служить источникомъ равенства людей между собою». Приводя затѣмъ много мѣсто изъ Аристотеля, въ которомъ доказывается, что равенства никакъ быть не можетъ, сочинитель лекцій, вмѣсто того, чтобы поддержать это ученіе древняго мудреца, столь важное для охраненія общественнаго порядка,—рѣшительно опровергаетъ его такъ: «Но это совершенно несправедливо потому, что природа человѣческая не такъ различна, какъ душа и тѣло.—Мы сказали, что люди по природѣ всѣ равны, а слѣдовательно и рабства быть не должно.—Несправедливость рабства можно доказать и исторически, потому что съ постепеннымъ образованіемъ людей рабство болѣе и болѣе исчезаетъ».—Затѣмъ, продолжая разсуждать въ подобномъ духѣ о причинахъ неравенства людей, присовокупляетъ: «Третья причина неравенства людей есть феодальное и крѣпостное владѣніе: то и другое не имѣетъ нравственной необходимости и было слѣдствіемъ случайныхъ обстоятельствъ». Наконецъ вотъ и статья самого Законовѣднія: «Когда законы наказываютъ преступника, то этимъ не лишаютъ его общественнаго уваженія». По такимъ образчикамъ можно судить объ общемъ духѣ преподаванія. Могутъ сказать, что я разсуждаю слишкомъ пристрастно, но таково мое убѣжденіе. — Кому говорить съ каедръ, когда онъ еще не въ силахъ разсуждать самъ собою, что «равенство есть слѣдствіе единства человѣческой природы, а природа во всѣхъ людяхъ одна, что то и то не имѣетъ нравственной необходимости», а это то и то существуетъ у насъ и имѣетъ законную силу; что «лицо можетъ дѣлать все, что ему угодно и ни въ какомъ случаѣ не должно позволять разсматривать себя какъ средство; что законное наказаніе преступника не лишаетъ его общественнаго уваженія и т. д.», тому не дико будетъ многослѣствіемъ чтеніе каковаго-либо Фуриэ или Прудона, не трудно будетъ усвоить себѣ социализмъ, коммунизмъ, а тамъ дальше и дальше. — Разительное доказательство тому представляется въ вышеупомянутомъ мною словарѣ Кириллова, гдѣ издатель имѣлъ дерзость напечатать, между безчисленнымъ множествомъ наполненныхъ ядомъ социализма, коммунизма и прочихъ современныхъ безумствъ, слѣдующія небывалыя на русскомъ языкѣ строки (на стр. 294) «Ученіе Христово въ первобытной чистотѣ своей нанесло сильный ударъ все-

ных наблюдений и соображений, которые здѣсь не мѣсто излагать подробно, я постепенно дошелъ до убѣжденія, что въ дѣлѣ этомъ скрывается зло великой важности, угрожающее кореннымъ потрясеніемъ общественному и государственному порядку ¹⁾. Съ тѣмъ вмѣстѣ я чувствовалъ, что у меня въ рукахъ находятся только нѣкоторыя нити этого зла, и по этимъ-то нитямъ я полагалъ необходимымъ слѣдить тщательно во всѣ стороны, по всѣмъ ихъ направленіямъ и отраслямъ. Ободренный успѣхомъ первоначальныхъ дѣйствій и открытій, сдѣланныхъ мною безъ всякихъ официальныхъ средствъ и пособій (къ чему впрочемъ и родъ службы моей не вполне меня обязывалъ, но я имѣлъ на то разрѣшенія шефа жандармовъ и министра внутреннихъ дѣлъ ²⁾), я не сомнѣвался и въ дальнѣйшей полной благоуспѣшности дѣйствій по этому важному предмету, ведя оныя по предвѣченному мною плану, а именно:

возможнымъ поіямъ и прорипателямъ, изблочило ихъ хищничество, коварство и деспотизмъ и въ противоположность тому, являя примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя основнымъ догматомъ милосердіе, а цѣлію водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности (подчеркнутыя слова въ подлинникѣ напечатаны курсивнымъ шрифтомъ)—съ каждымъ днемъ привлекало къ себѣ новыхъ сподвижниковъ. Какъ ни прекрасно начало сего учения, но оно еще не получило нормальнаго развитія... Что на это сказало бы самое хладнокровное безпристрастіе? Вообще, по моему понятію, всѣ эти курсы безъ изыатія требуютъ строгаго пересмотра людьми, не только благонастроенными, но и специальными, понимающими дѣло. — Это тѣмъ болѣе необходимо, что все сказанное выше совершенно согласуется съ предположеніями Петрашевскаго, Толстова, Блѣдскаго, Толя, Ястржембскаго и другихъ дѣйствовать чрезъ учителей на юношество.—Трое изъ упомянутыхъ выше сами уже были учителями въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, военныхъ и гражданскихъ, и хвастали въ успѣхъ своей пропаганды, а Петрашевскій и Толстовъ искали быть тѣмъ же, какъ видно изъ донесеній, сдѣланныхъ еще прежде разбора сказанныхъ курсовъ и самаго разсмотрѣнія бумагъ, вполне подтвердившихъ это предположеніе.

И. Л.

¹⁾ Можетъ быть мнѣ, повторяю, какъ новому и неопытному въ подобныхъ изслѣдованіяхъ, сущность этого дѣла казалась болѣе важною, чѣмъ она показалась бы для тѣхъ, которые чаще имѣютъ возможность изучать подобныя дѣла. Но таковъ мой образъ мыслей и таково мое внутреннее убѣженіе, вслѣдствіе котораго я не могъ позволить себѣ разсматривать это обстоятельство легче и свисходительнѣе того, какъ разсматривалъ. — Совѣсть и долгъ службы мнѣ того не позволили, а сверхъ того, я и самъ отецъ трехъ сыновей.

И. Л.

²⁾ Впрочемъ, едва-ли не эта самая неофициальность и была главною причиною, что глубокая тайна была сохранена въ продолженіе столь долгаго времени, чего при официальномъ дѣйствіи, какъ бы оно секретно ни производилось, соблюсти было бы невозможно, въ особенности, когда размѣръ собирания свѣдѣній обнималъ такъ много лицъ.

И. Л.

1. Я предполагал слѣдить за всѣми сношеніями здѣшнихъ членовъ по разнымъ мѣстамъ государства, въ особенности же за тѣми, которыя производятся чрезъ живыхъ эмиссаровъ, отправляющихся отсюда подъ разными предлогами въ разные города и губерніи.

2. Необходимымъ казалось мнѣ вникнуть точнѣе и обстоятельнѣе въ то вліяніе, которое пропаганда эта имѣетъ на разные классы общества, въ особенности же на воспитаніе юношества, заготовляющее въ молодомъ поколѣніи сѣмена столь опасной будущности.

3. Равнымъ образомъ, я полагалъ необходимо нужнымъ разузнать и разъяснить въ возможной точности, въ какой связи эта пропаганда состоитъ съ нашей литературой и вообще системою просвѣщенія, нынѣ у насъ существующею; при чемъ намѣреніе мое было стараться проникнуть не только въ настоящее положеніе этой губельной язвы умовъ, но и въ тѣ причины, которыя содѣйствовали ея происхожденію у насъ и столь могущественному усилению и распространенію ¹⁾).

4. Не бесполезнымъ казалось мнѣ обратить тщательное вниманіе на то, какія мѣста на службѣ и какое положеніе въ обществѣ занимаютъ пропагандисты: ибо симъ только могла быть опредѣлена съ достаточною вѣрностью степень ихъ силы въ настоящемъ времени,

¹⁾ Въ этомъ отношеніи между прочимъ весьма примѣчательно, что всевозможныя зловредныя сочиненія нынѣшней западной пропаганды продавались у насъ въ книжныхъ лавкахъ безнаказанно и разсылались по всему пространству государства. — Случай доставилъ мнѣ поводъ учредить наблюденіе за однимъ только книгопродавцемъ (Лури), и у него найдено 2,500 томовъ подобныхъ книгъ, и гдѣ? просто на полкахъ въ магазинѣ! Изъ корреспонденціи же его и изъ конторскихъ книгъ, взятыхъ за десять лѣтъ, видно, что всѣ эти запрещенныя книги требовались и разсылались въ знатномъ количествѣ по всему пространству государства. И это только отъ одного книгопродавца, а сколько ихъ и гораздо значительнѣйшихъ въ одномъ С.-Петербургѣ? Изъ полученныхъ официальныхъ свѣдѣній отъ губернаторовъ видно, что запрещенныя книги въ провинцію высылались прямо по почтѣ: изъ Риги и Дерпта. Сдѣланный тамъ обыскъ у книгопродавцевъ равномѣрно открылъ знатное же количество таковыхъ книгъ въ ихъ магазинахъ. Утвердительно можно сказать, что едва ли не каждый изъ этихъ торговцевъ промышляетъ этимъ ядомъ, чему цензура, при существующихъ постановленіяхъ, не вправе противодействовать. — Это одно обстоятельство, по практическому моему понятію, было достаточнымъ къ убѣжденію меня въ послѣдствіяхъ, которыхъ должно ожидать отъ подобныхъ обольстительныхъ учений, кружащихъ головы многихъ даже положительныхъ людей, но къ несчастію подчинившихся безотчетному фанатизму, что будто бы невозможно противустать духу времени, плодъ, въ моемъ, можетъ быть и должномъ мнѣніи, малодушія, которое было единственнымъ поводомъ всѣхъ послѣднихъ безпорядковъ въ Европѣ. И. Д.

равно какъ и степень вреда, приготовленнаго ими на предбудущее время ¹⁾.

5. Съ симъ вмѣстѣ я имѣлъ въ виду собрать опытные свѣдѣнія и о томъ, какое противудіе можно противопоставить этому губительному злу, чтобы парализировать его разрушительныя дѣйствія.

¹⁾ Изъ бывшихъ въ Европѣ опытовъ я составилъ себѣ понятіе, что вслѣдствіе заговоръ рождается въ головѣ одного или весьма немногихъ главныхъ зачинщиковъ. Они въ свои тайны посвящаютъ тоже весьма немногихъ. — Но для приведенія въ дѣйствіе своихъ преступныхъ замысловъ, сами заговорщики всегда безсильны: имъ нужна физическая сила, которая одна рѣшаетъ успѣхъ въ открытомъ противоборствѣ съ правительствомъ. — При этомъ главные двигатели заговора имѣютъ правиломъ, сами оставаясь невидимыми, искать разными путями и всегда пропагандою возбуждать всѣ классы къ негодванію на правительство, на существующій порядокъ вещей, на лица, въ которыхъ они думаютъ видѣть себѣ преграду; и такимъ образомъ, слѣдуя методически этому плану, выжидаютъ удобнаго случая, чтобы произвести безпорядокъ, къ которому сами явно приступаютъ не прежде, какъ увидятъ, что онъ принимаетъ характеръ серьезный, согласно съ тою степенью, которую тщеславіе ихъ себѣ предначертало. — Впрочемъ и въ этомъ случаѣ осторожность ихъ простирается до того, что, начиная вмѣшиваться въ дѣло, они прикрываютъ въ началѣ дѣйствія своего стремленіемъ ввести, будто бы, порядокъ въ происшедшей анархіи, ими же подъ рукою произведенной и раздуваемой: такимъ образомъ, вступивъ на поприще, измѣряютъ средства и силы свои и тогда уже явно обнаруживаютъ себя, когда находятъ шансы къ противоборству съ законнымъ правительствомъ. — Итакъ, сами заговорщики не производятъ гласнаго всеобщаго безпорядка, а имъ нужна подготовленная, какъ сказано, разными путями физическая сила, которую составляетъ низшій классъ, въ большихъ городахъ, или вообще чернь; эти массы негодяевъ вездѣ одинаковы и всегда болѣе или менѣе готовы къ произведенію буйства съ цѣлію грабежа, наживы, личнаго мщенія и даже съ одною мыслию воспользоваться и насладиться, хотя минутнымъ только безначаліемъ. — По припятію въ Европѣ какому-то, для меня рѣшительно непонятному правилу, настоящіе двигатели этихъ массъ, если они сами не захвачены на самомъ мѣстѣ кровопролитія, остаются ненаказанными, хотя они и были главнымъ орудіемъ безпорядка, совершеннаго массами. — Ихъ извиняютъ тѣмъ, что они завлекали другихъ — сами бывъ увлечены ложными убѣжденіями, фанатизмомъ молодости, страстями, обстоятельствами жизни и т. п. Но если это такъ, то какимъ же образомъ отнять возможность къ посѣванію въ массахъ вредныхъ сѣмянъ, которыя рано или поздно, но неотмѣнно должны дать плодъ и произвести безпорядокъ? Я всегда думалъ и теперь увѣренъ, что разговять всѣми мѣрами скопляющуюся грозу, прежде чѣмъ она успѣетъ разразиться, есть единственное средство отвратить пагубныя ея послѣдствія. — Этому-то убѣженію слѣдуя, я почиталъ себя въ обязанности слѣдить всѣ нити порученнаго моему наблюденію дѣла, какъ бы они при первомъ взглядѣ ни представлялись ничтожными и незаслуживающими вниманія, ибо только эти нити, взятая всѣ вмѣстѣ, по моему мнѣнію, могли довести, если не до самаго источника зла, то, по крайней мѣрѣ, близко къ оному. И. Д.

За двадцать или за десять лѣтъ, можно бы было удовольствоваться тѣмъ, чтобы, напавши на корень зла, подрѣзать его, и тѣмъ все бы затушилось, уничтожилось. Теперь, какъ видно, корень этотъ разросся крѣпко, ядъ, можно сказать, разлился всюду и напиталъ собою весь воздухъ общественной жизни, или вѣрнѣе сказать то, что составляетъ наше общественное образованіе. Нынѣ корень зла состоитъ въ идеяхъ, и я полагаю, что съ идеями должно бороться не иначе, какъ также идеями, противопоставляя мечтамъ истинныя и здравыя о вещахъ понятія, изгоняя ложное просвѣщеніе — просвѣщеніемъ настоящимъ, преобразуя училищное преподаваніе и самую литературу въ орудіе, разбивающее и уничтожающее въ прахъ гибельныя мечты нынѣшняго вольномыслія, или лучше сказать, сумасбродства ¹⁾. Для этой борьбы, которую я считалъ и считаю единственнымъ спасительнымъ средствомъ, мнѣ казалось неизбѣжно нужнымъ извлечь изъ самаго опыта вѣрныя и положительныя указанія, какъ вести ее съ успѣхомъ, и я поставлялъ себѣ въ обязанность искать этихъ указаній во всѣхъ представлявшихся мнѣ фактахъ.

Симъ имѣю честь заключить изложеніе моего общаго мнѣнія о разсматриваемомъ дѣлѣ, которое я счелъ долгомъ высказать со всею искренностію и откровенностію, на основаніи убѣжденія, почерпнутаго мною изъ самаго дѣла и его развитія, когда оно было еще въ моихъ рукахъ, и это убѣжденіе такъ во мнѣ твердо, что я до сихъ поръ не имѣю причины отъ него отказываться.

И. П. Липранди.

17 августа 1849 года.

¹⁾ Въ этихъ случаяхъ я полагаю, что казнь за политическія преступленія оставляетъ всегда неблагопріятное впечатлѣніе въ народѣ. — Далѣе я молчу.

И. Л.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей
П. Ф. Карабановымъ.

VIII ¹⁾.

Царствование императора Павла I.

1796—1801.

145.

Гвардіи капитанъ Степанъ Петровичъ Митусовъ присланъ былъ въ Москву съ увѣдомленіемъ о восшествіи на престолъ императора Павла I: главнокомандующій Мих. Мих. Измайловъ, угощая его и поднимая задравный кубокъ, закричалъ хору пѣвчихъ: „Славься снѣтъ Екатерина“ (слова изъ польскаго, любимаго публикою), и, опамятовавшись, приведенъ былъ въ такое замѣшательство, что не зналъ, чѣмъ кончить, и могъ ожидать дурныхъ послѣдствій.

146.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины духовникъ ея величества, отецъ Савва, также избранъ былъ въ духовники къ ея псалмодисту; онъ безъ намѣренія на исповѣди дерзнулъ спросить у его высочества: „не имѣеть ли чего на душѣ противъ государыни-матери?“ Коль скоро императрица скончалась, новый государь даетъ повелѣніе: отца Савву, подъ строгимъ присмотромъ, отвезти въ Невскій монастырь; наряжаютъ судъ и по пунктамъ, писаннымъ рукою Павла, его допрашиваютъ: не имѣлъ ли онъ тайнаго повелѣнія отъ

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696; изд. 1872 г., т. V, стр. 129—147; 457—468; 670—680; 767—772.

покойной государыни на исповѣди узнать о намѣреніяхъ великаго князя и не думалъ ли, что онъ о чемъ-нибудь проговорится? Духовникъ оправданъ, а между тѣмъ избранъ другой; государь въ недоумѣніи приказываетъ Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину: „Что мнѣ дѣлать! уговори Савву проситься въ отставку; жалую ему шеститысячный пенсіонъ по смерти.“

Отъ графа Мусина-Пушкина.

147.

Синодскій оберъ-прокуроръ Алексѣй Михайловичъ Мусинъ-Пушкинъ докладываетъ императору Павлу въ первый день восшествія его на престоль: „Не благоудно ли будетъ его величеству пожаловать въ присутствіе св. синода“.—„А зачѣмъ? спрашиваетъ монархъ: что мнѣ дѣлать тамъ?“—Пушкинъ отвѣтствуетъ: „Государь! вы изволите быть въ сенатѣ, а синодъ есть мѣсто равнаго достоинства“.—„Дѣлайте, что хотите, довершилъ императоръ: моя власть исполнительная“.—Образецъ разсужденія отъ французскихъ революціонныхъ правилъ; тогда въ Парижѣ безпрестанно твердили объ исполнительной власти.

Отъ него же.

148.

Лейбъ-гвардіи измайловскаго полка маіоръ Федоръ Яковлевичъ Олсуфьевъ, по отношеніямъ своимъ въ двоюродной сестрѣ, дѣвицѣ Софіи Алексѣевнѣ Еропкиной, распорядился 18-ти-тысячной ея суммой, отдавая въ проценты и не заплатя умереть. Сестра и наследница его, Анна Яковлевна Талызина, не имѣя удостовѣрительныхъ актовъ, платитъ оную отказалась. Еропкина слезами и жалобами, что лишилась пропитанія, приводитъ всѣхъ въ сожалѣніе. Сіе сдѣлалось извѣстнымъ императрицѣ и наследнику, всегда къ нему благоволившимъ. Начинается процессъ въ совѣстномъ судѣ; Еропкина избрала въ посредники графа Александра Романовича Воронцова, который совѣстнаго судью, графа Андрея Петровича Шувалова, склонилъ на ея сторону, но по голосу въ пользу Талызиной, дѣло это чрезъ Ермолова поступило къ Екатеринѣ, найдено сомнительнымъ и до кончины ея оставалось нерѣшеннымъ. Императоръ Павелъ I, на другой день вступленія на престоль, потребовалъ дѣло на ревизію; не нарушая правосудія и не обличая дѣвицу Еропкину во лжи, рѣшилъ истинно по-царски, повелѣлъ отыскиваемую сумму выдать изъ кабинета.

Отъ него же.

149.

Павель I, возлагая на оберъ-церемоніймейстера Петра Степановича Валуева ¹⁾ орденъ св. Александра Невскаго, сказалъ: „За погребеніе моей дочери (Ольги Павловны) вы получили Анну; за погребеніе моей матери ²⁾ надѣваю Александра—не мнѣ награждать васъ Андреемъ“.

Отъ Петра Степановича Валуева.

150.

На третій день кончины императрицы Екатерины, сенаторъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ позванъ былъ въ кабинетъ къ Павлу I, который, осыпавъ его похвалами, сказалъ: „Опредѣляю васъ директоромъ канцеляріи государственнаго совѣта, которому въ присутственные дни приказано у меня обѣдать, и вамъ позволяется“.

На завтра въ данномъ указѣ, по недоброжелательству Дмитрія Прокофьевича Трошинскаго, должность его объяснена двусмысленно, да и предсѣдатель, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, приказалъ ему заготовить журналъ и заняться мелочами, неприличными сенаторскому званію.—Державинъ, почувствовавъ, что назначается не въ директоры, а въ настоящіе секретари, просилъ позволенія войти въ кабинетъ.

— „Что вамъ надобно?“ спросилъ государь.

— „Осмѣливаюсь просить инструкціи на мою должность“, отвѣчалъ Державинъ.

— „Какая вамъ инструкція, подите вонъ, разсердился Павель I. и отворя за нимъ дверь; закричалъ: онъ не хочетъ служить мнѣ—не пускать его во дворецъ“; потомъ остановя, довершилъ: „поѣзжайте въ сенатъ и смирно тамъ сидите, и оттуда прикажу выгнать!“—Скоро Державинъ написалъ оду, которая императору понравилась и его съ нимъ помирила.

Отъ гр. Мусина-Пушкина.

151.

Павель I, самолично съ оберъ-церемоніймейстеромъ, Петромъ Степановичемъ Валуевымъ, составлялъ церемоніаль перенесенія Петра III во дворецъ и общаго съ Екатериною II погребенія; онъ собственною рукою назначалъ чиновниковъ къ несенію императорскихъ регалій, при чемъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-

¹⁾ 5 декабря.

²⁾ Уволенъ въ 1800 г., принятъ на службу 7 апр. 1801 г., ум. въ 1814 году.

Чесменской написать къ коронѣ Петра III (жестокое, но правдивое наказаніе). Черезъ повѣстку изъ печальной комиссіи, избранныя особы приглашаются къ принятію повелѣній; Орловъ приѣзжаетъ въ полпьяна, шумить, полагая, что Валуевъ самовольно дѣлалъ росписаніе, бранитъ его, за слабостью въ ногахъ рѣшительно отказывается.

Вѣроятно, что раздосадованный Валуевъ съ намѣреніемъ умолчать о семъ событіи, чтобъ чувствительнѣе наказать Орлова при собравшейся публикѣ. По прибытіи всего двора въ Невскую Лавру для поднятія гроба Петра III, государь тотчасъ увидѣвъ, что къ принятію короны подходитъ другой чиновникъ, спросилъ у Валуева: „Для чего не Орловъ?“ тутъ же находившійся. Ему докладываютъ, что Орловъ за слабостью отказался. Императоръ съ негодованіемъ выхвативъ подушку у чиновника державшаго оную, толкнулъ ею Валуева и громко сказалъ: „Ему нести въ наказаніе!“—Орловъ, принимая корону запнулся, и, съ помощію ассистентовъ, едва возмогъ донести до дворца.—Взаимная ихъ ненависть, т.-е. Орлова съ Валуевымъ, продолжалась въ царствованіе Александра Павловича.

Изустно отъ Петра Степановича Валуева.

152.

Небогатый дворянинъ Артемій Васильевичъ Путиловъ, умершій генераль-лейтенантомъ, имѣлъ значительный процессъ въ землѣ, заселенной казеннаго вѣдомства крестьянами и не мыслилъ о полезномъ окончаніи.—Павель, по воспріятіи престола, занялся разбирательствомъ сего продолжительнаго процесса и оправдалъ Путилова. На другой день, призвавъ его къ себѣ, объявилъ, что спорную землю возвращаетъ ему по праву закона, а триста душъ, поселенныхъ на ней крестьянъ, жадуеъ ему за понесенные убытки.

153.

Генераль-отъ-инфантеріи Николай Дмитріевичъ Дурново безпорочно служилъ Екатеринѣ и снискалъ ея довѣренность. По дошедшимъ извѣстіямъ о восшествіи на престолъ Павла Петровича поѣхалъ въ Петербургъ; государь, выхваляя его честность, дозволилъ свободный входъ и приказалъ безъ доклада у него обѣдать. Въ послѣдовавшее время Дурново, сидя за столомъ противъ императора, который не могъ съ нимъ наговориться довольно, за десертомъ скаталъ изъ хлѣба два шарика и отдавая, съ лѣвой стороны сидѣвшей, Марьѣ Савишнѣ Перекусихиной, что-то прошепталъ. Дурново

не могъ себѣ представить, чтобы отъ сихъ шариковъ зависѣла его участь, но тотчасъ замѣтилъ, что государь началъ коситься, отворачиваться и пересталъ говорить, потомъ вскорѣ приказалъ проситься въ отставку.

Извѣстно отъ Мих. Дмитр. Дурново.

154.

При отъѣздѣ изъ Москвы императора Павла, дѣлается доносъ на одного заслуженнаго и надменнаго чиновника, отъ его слуги, въ неблагопристойномъ дѣлѣ; государь чрезъ Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго препровождаетъ сію бумагу къ военному губернатору Ивану Петровичу Архарову ¹⁾ съ повелѣніемъ напомнить въ слѣдующее утро, и увидя Архарова, говоритъ: „Дѣло мерзкое, избавьте меня отъ разбирательства, подъ видомъ, что уѣзжаю; зная вашу вѣрность и полагаясь на совѣсть вашу, повелѣваю, по отъѣздѣ, рассмотреть и рѣшить моимъ именемъ; ежели будетъ надобность, можете объявить мой именной указъ, какой заблагорассудите, хоть въ ссылку сослать“.

Чиновникъ сдѣлалъ признаніе, слуга получилъ отпускную, а монархъ въ рескриптѣ объявилъ благоволеніе.

Извѣстно отъ Ив. Петровича Архарова, бывшаго тогда военнымъ губернаторомъ.

155.

Императоръ для коронаціи приѣзжаетъ въ Москву и на другой же день съ поспѣшностью осматриваетъ въ Кремлѣ достойное любопытства. Тайный совѣтникъ Петръ Никитичъ Кожинъ ²⁾, человекъ отъ природы грубый и дерзкій, какъ начальникъ мастерской и оружейной палаты, долженъ былъ слѣдовать за государемъ и рассказывать. Возлѣ теремовъ, наравнѣ съ кровлей, находился круглый столбъ; лѣстница такъ крута, что входить опасно. Павелъ съ великою скоростію поднимаетъ ногу на лѣстницу, а Кожинъ кричитъ: „Постой, государь!“ Императоръ отскакиваетъ, а тотъ продолжаетъ: „Побереги голову, у тебя одна и намъ дорога“³⁾. Сія слова сильно подействовали; Кожинъ награжденъ чиномъ, орденомъ св. Анны, деревнями, подарками и пенсіономъ. Тогда одно слово могло возвести на верхъ счастья или погубить на вѣкъ. Валуевъ ³⁾ нашелъ средство управить его въ отставку.

Отъ И. П. Архарова.

¹⁾ Иванъ Петровичъ Архаровъ ум. въ февралѣ 1815 г. генераломъ-отъ-инфантеріи.

²⁾ Дѣйств. тайн. совѣтн. при отставкѣ, 25 февр. 1801 г.

³⁾ Валуевъ уже былъ въ отставкѣ, когда Кожинъ оставилъ службу. Фед.

156.

Павелъ I, вскорѣ послѣ коронаціи, прибывъ въ Воскресенскій монастырь, обнаружилъ великое уваженіе къ памяти Никона патріарха. Посѣщая всѣ достопримѣчательныя мѣста, со всею императорскою фамиліею былъ въ Никоновой пустынѣ, все разсматривалъ съ любопытствомъ, исполненнымъ истиннаго благочестія, и потомъ сѣлъ на каменной его постелѣ и поцѣловавъ камень, служившій ему вмѣсто подушки, сказалъ: „Такъ-то святой старецъ нашъ покоился; почтимъ теперь его память“.

157.

Павелъ I поручилъ вице-канцлеру, князю Александру Борисовичу Куракину, по какому-то происшествію имѣть переговоры съ пребывающимъ въ Петербургѣ датскимъ посланникомъ, и наскоро привести оныя къ концу. Куракинъ, по извѣстнымъ причинамъ, не могъ скоро удовлетворить ожиданіямъ пылаго государя, который адъютанту своему повелѣваетъ ѣхать къ нему и публично императорскимъ словомъ объявить, что онъ по датскому дѣлу настоящая (баба).

Посланный при входѣ къ князю, сидѣвшему за туалетомъ, окруженному множествомъ подначальныхъ, говоритъ: „Государь императоръ повелѣтъ соизволилъ, словомъ его величества, публично объявить вашему сіятельству, что вы по датскому дѣлу настоящая (баба)“. Куракинъ, вставши принять повелѣніе, подхватилъ: „Довершайте“, и услышавши послѣднее, опустился въ кресла: „Боже мой! за что такой гнѣвъ отъ всемилостивѣйшаго государя и отца!“ Нѣсколько разъ приподнимаясь повторялъ сказанное адъютантомъ, и отъ огорченія сдѣлался боленъ.

Отъ графа Мусина-Пушкина.

158.

Одинъ сочинитель музыки, при дедикаціи оной (т.-е. посвященіи), князю Александру Борисовичу Куракину, пропустилъ орденъ Датскаго Слона; для Куракина сего было довольно, чтобъ сказать: „какой дуракъ!“ и отослать безъ вниманія.

159.

На маневрахъ Павелъ I послалъ ординарца своего Рибоньера къ главному начальнику Андрею Семеновичу Кологривову съ

приказаніями. Рибопьеръ ¹⁾, не вразумясь, отбѣжавъ остановился въ размышленіи и не зналъ, что дѣлать? Государь настаиваетъ его и спрашиваетъ: „Исполнилъ ли повелѣнное?“ — „Я убитъ съ батарею, по моей неосторожности“, отвѣчалъ Рибопьеръ. — „Ступай за фронтъ, впередъ наука!“ довершилъ императоръ.

160.

По доносу графа Михаила Петровича Румянцова ²⁾ Павлу I, что у Суворова собирается много военныхъ чиновниковъ, повелѣно ему ѣхать въ деревню. Рекомендованный Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ въ приставы, Юрій Алексѣевичъ Николевъ, по приѣздѣ туда, занимая весь домъ, стѣснилъ великаго полководца въ одну комнату и обращался съ нимъ съ неприличною грубостью. Суворовъ, сердясь, говаривалъ: „Отецъ твой былъ шпионъ, доносишь, пьяница“, избличая тѣмъ его качества. „Вы браните меня, пожалуйте императору“, приставалъ опрометчивый. — „Нѣтъ, помилуй Богъ, ты добрый человекъ“, отвѣчалъ изгнанникъ. Когда сей великій мужъ вызванъ былъ въ Петербургъ, государь, обнимая его сказалъ: „Что тебѣ надобно, проси у меня“. — „Николева сына пожалуй въ офицера гвардіи“, было его требованіе.

Отъ Егора Ворисовича Фукса.

161.

Суворовъ, изгнанный въ Новгородскую деревню, много претѣрпѣлъ подъ строгимъ надзоромъ Николева, а когда по перемѣнившимся обстоятельствамъ вызванъ былъ въ столицу, то сей по оплошности захотѣлъ его увидѣть. При встрѣчѣ Суворовъ закричалъ: „Помилуй Богъ! Первый мой благодѣтель! Тришка (камердинеръ), сажай выше всѣхъ“. Тришка, поставивъ стулъ на диванъ, насильно втащилъ на оный глупаго гостя. Сія сцена кончилась всеобщимъ громкимъ смѣхомъ.

Отъ него же.

162.

Когда Павелъ I, отпуская Суворова командовать австрійскою арміею, возлагалъ на него мальтійскій крестъ; великій полководецъ, падая къ монаршимъ ногамъ, сказалъ: „Господи, спаси царя“. — А

¹⁾ Иванъ Александровичъ Рибопьеръ, будучи корнетомъ конной гвардіи, явился на службу 9-го сентября 1798 г.; флигель-адъютантомъ назначенъ 6-го февраля 1799 г., а чрезъ 7 дней (14 февраля 1799 г.), назначенъ дѣйствительнымъ камергеромъ.

²⁾ Графъ Михаилъ Петровичъ Румянцовъ, впоследствии дѣйств. тайн. совѣтн. и оберъ-шенкъ.

государь промолвилъ: „Иди спасать царей!...“ Множество придворныхъ бросились поднимать старика, который вслѣдствіи перевернулся на одной ногѣ, сказавши: „Эхъ взяли! самъ всталъ“.

Отъ него же.

163.

Суворовъ въ Вѣнѣ, приглашая на обѣдъ принцевъ и первѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, удивилъ всѣхъ остроумными разсужденіями; потомъ, обратясь къ Фуксу, сказалъ русскимъ, для прочихъ непонятнымъ, языкомъ: „Егоръ Борисовичъ! ѣдалъ ли въ харчевнѣ соленую рыбу?“

Отъ него же.

164.

Генераль-отъ-инфантеріи Александръ Михайловичъ Римской-Корсаковъ¹⁾, въ пріятельскомъ кругу сравнивалъ себя съ знаменитымъ Тюреномъ. Начальникъ его, Суворовъ, услышавъ сіе, при первой встрѣчѣ, сказалъ: „Ты русскій Тюревъ! такъ ли другіе понимаютъ?“

165.

При началѣ царствованія Павла I, великій Суворовъ былъ изгнанъ и заключенъ въ деревнѣ, въ среднѣ царствованія возвеличенъ, а подъ конецъ снова впалъ въ немилость. Въ жестокою послѣднюю болѣзнь его въ Петербургѣ, 6-го мая 1800 года, императоръ не удостоилъ его посѣщенія, да и при погребеніи; 9-го мая, не оказана подобающая ему полная воинская почестъ. Государь самъ-другъ верхомъ выѣхалъ смотрѣть печальную процессію и сказалъ по-латыни: „sic transit gloria mundi“ (такъ проходитъ слава міра сего).

166.

Александръ Александровичъ Чирковъ, при Павлѣ I изъ офицеровъ гвардіи, отставленный генераломъ-отъ-инфантеріи 1800 г., въ разговорахъ сказалъ графу Ивану Андреевичу Остерману: „Въ нашихъ чинахъ“. — „Нѣтъ, возразилъ канцлеръ, не въ нашихъ чинахъ, а въ вашихъ“.

167.

Смоленскій военный губернаторъ генераль-отъ-инфантеріи Михаилъ Михайловичъ Философовъ²⁾, находясь въ отпѣнной ми-

¹⁾ Род. 13-го августа 1753 г., ум. 13-го мая 1840 г.

²⁾ Род. 1732 г., генераль-отъ-инфантеріи 25-го декабря 1796 г., ум. 27-го сентября 1811 г.

лости у императора Павла I, просилъ позволенія двухъ изъ военной службы выключенныхъ помѣстить въ статскую, во вѣренной ему губерніи. Государь, разсердясь, изорвалъ въ клочки поднесенную записку, а Философовъ, имѣвшій позволеніе, сидя съ нимъ разговаривать, сказалъ: „Такъ и мнѣ пожалуйте отставку; можно ли, государь, служить съ честью, когда всѣ достойные люди помѣщены вашимъ величествомъ въ военную службу, а изъ великаго числа выключенныхъ ни одинъ не можетъ быть полезенъ отечеству?“—„Ты дѣло говоришь, простить ихъ“, сказалъ императоръ. На другой же день всѣмъ выключеннымъ объявлено общее прощеніе ¹⁾. Случай, подавшій возможность составиться въ Петербургѣ обществу недовольныхъ.

168.

Бѣжавшій изъ одного полка рекрутъ былъ пойманъ и въ сдѣланномъ ему допросѣ объявилъ себя принадлежавшимъ ярославскому губернатору, князю Михаилу Николаевичу Голицыну ²⁾; сдѣланная справка подтвердила, что крестьянинъ сего имени и отчества, дѣйствительно находился въ бѣгахъ. Приговоръ суда утверждаетъ сего за помѣщикомъ, который приказалъ отдать его въ зачетъ за рекрута. Что же изъ того послѣдовало? Новобранца, по привлекательной наружности, какъ-будто нарочно опять препровождаютъ въ тотъ же полкъ; все происшествіе становится извѣстнымъ императору Павлу, который въ гнѣвѣ сказалъ генераль-прокурору Оболянинову ³⁾: „Голицына отправить въ слѣдъ за Сибирскимъ ⁴⁾“. (Сей несчастный князь, бывъ генераль-провіантмейстеромъ, обще съ товарищемъ Турчаниновымъ подверглись гнѣву и только-что пѣшкомъ отправлены были въ Сибирь).

Оболяниновъ спасъ Голицына, доложивъ императору: „Вамъ не слѣдуетъ брать его на вашу отвѣтственность, а прикажите нарядить слѣдствіе“, которымъ кн. Голицынъ былъ оправданъ.

169.

При Павлѣ I, многимъ военнымъ особамъ навсегда позволено было послѣ вахтъ-парада, переобувшись въ башмаки, приѣзжать во дво-

¹⁾ Указы сенату отъ 1-го ноября 1800 г. (Полн. Собр. Зак. № 16,625 и 16,626).

²⁾ Род. 19-го іюня 1756 г., ум. 1827 г.

³⁾ Генераль-прокуроръ со 2-го февраля 1800 г. по 16-е марта 1801 г.

⁴⁾ Князь Василій Ѳеодоровичъ Сибирскій, генераль-крюкъ-коммиссаръ, генераль-отъ-инфантеріи (съ 29-го октября 1799 г.), сосланъ въ Сибирь въ апрѣлѣ 1800 г.; приказано возвратитъ его 16-го февраля 1801 г., но прибылъ изъ Сибири только по смерти Павла, и 20-го апрѣля принятъ на службу съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

речь въ обѣду, только потребно было въ извѣстный часъ записываться у гофъ-фурьера. Они собирались подлѣ государева кабинета; за четверть часа до обѣда выходилъ гофъ-фурьеръ освѣдомиться для донесенія императору, потомъ отворенными дверями всѣ они, чрезъ кабинетъ, проходили въ столовую комнату. Въ одинъ изъ такихъ дней на вахтъ-парадѣ, фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, подойдя къ государю, сказалъ, что „погода хороша, но очень холодна“. Императоръ, вмѣсто отвѣта, поднявъ голову, показалъ видъ неудовольствія.

Репнинъ поступилъ неосторожно тѣмъ, что поѣхалъ во дворецъ обѣдать; когда растворили двери, князь по чину первый подходитъ, а гофъ-фурьеръ останавливаетъ: „вамъ не можно!“ — „Что такое?“ спросилъ фельдмаршалъ. — „Васъ пускать не приказано“. — Старикъ затрясся, поблѣднѣлъ и уѣхалъ.

Отъ графа Мусина-Пушкина, тутъ бывшаго.

170.

Въ строгое царствованіе Павла I, когда указомъ азартныя игры были прекращены повсемѣстно, графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ, его любимецъ, на балѣ въ его присутствіи съѣлъ играть въ настоящій банкъ, условясь изъясняться: „моя—твоя, твоя—моя“. Павелъ съ любопытствомъ подошелъ къ столу, и засмѣявшись сказалъ: „Играть позволяется“. Дерзновенная шутка, можетъ быть для пробы употребленная.

171.

Гвардіи офицеръ Вульфъ попросился въ отставку. Павелъ I лично спросилъ его о причинахъ, и находя оныя недостаточными, вынудилъ его сказать, что поступаетъ такъ утверждаясь на правѣ вольности, дарованномъ родителемъ его російскому дворянству. „Хорошо, отвѣчалъ Павелъ, твоего не отниму, да и моего не дамъ (мундира)“. Съ сего времени началась отставка безъ мундировъ.

172.

Въ царствованіе Павла I, одинъ офицеръ донесъ на своего товарища въ дѣланіи фальшивой ассигнаціи. Приговоръ былъ изготовленъ судомъ и поднесенъ императору на утверженіе.

Прежде утверженія сего государь приказалъ развѣдать обстоятельнѣе, какъ это случилось, въ какихъ связяхъ находились до того доносчикъ и обвиняемый, и въ какихъ они лѣтахъ? По вѣрной справкѣ оказалось, что одинъ былъ очень молодой человѣкъ, который изъ ре-

бической шутки взялъ доскутобъ цвѣтной бумаги и нарисовалъ на немъ ассигнацію, а другой былъ его старшій лѣтами товарищъ и почитался его другомъ.

Императоръ, уважая нравственное чувство, для котораго верховная власть можетъ дѣлать отступленіе, далъ слѣдующее рѣшеніе: „Доносчика, какъ измѣнника въ дружбѣ, отрѣшить отъ службы и никуда не опредѣлять, а обвиняемаго, какъ неопытнаго въ дружбѣ и въ службѣ, посадить на три дня подъ арестъ“.

173.

Предъ кончиною Павла Петровича, художникъ Саундерсъ выгравировалъ весьма сходственный портретъ его, и желалъ поднести, но не зналъ, какъ на то рѣшиться; онъ просилъ оберъ-камергера Нарышкина ¹⁾, жившаго при государѣ въ Михайловскомъ замкѣ, быть его предстателемъ. Портретъ кладется на столъ въ томъ намѣреніи, что государь, войдя въ Нарышкину, тотчасъ его увидитъ. „Къ сіявію моей короны звѣзды не нужны; глупая мысль“, сказалъ императоръ. Портретъ не понравился и художникъ разсудилъ не выпускать въ публику; оттого портретъ этотъ весьма рѣдокъ.

174.

Кто-то сказалъ о казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ, что это кладовая, наполненная драгоценными вещами, безъ вкуса и порядка разставленными. Соборъ строенъ Воронихинимъ, крѣпостнымъ человекомъ графа Александра Сергѣевича Строганова, а планъ будто бы украденъ у одного итальянскаго архитектора, и Воронихинъ, получа свободу, скоро выведенъ въ чины. Смотрѣніе и расходы милліоновъ поручены были графу Строганову, собственнымъ имѣніемъ управлять неспособному; сооруженіе поручено человеку, ничего не строившему.

Именнымъ указомъ извѣстный архитекторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Старовъ былъ подчиненъ Воронихину и вскорѣ умеръ отъ огорченія.

Державинъ сказалъ: „выговорите: коллонада, эхо повторить: не надо“.

Андрей Никифор. Воронихинъ р. 1760 г., ум. 21 февр. 1814 года.

Строеніе Казанскаго собора возложено на него 22 ноября 1800 г., по представленному имъ плану. Освященіе Собора происходило 15 сентября 1811 года, при чемъ Воронихинъ, бывший тогда надворнымъ совѣтникомъ, получилъ орденъ св. Анны 2-й степеніи (26 сентября 1811 года).

Отпускная выдана была Воронихину графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ 25 іюня 1786 года.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, оберъ-гофмаршалъ (оберъ-камергеромъ назначенъ только 15 сент. 1801 г.), род. 14 апр. 1760 г., ум. 21 янв. 1826 г.

Распоряженіе императора Павла объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими.

№ 940. Палаты суда и расправы второму департаменту, предложеніе.

По словесному мнѣ призыванію, его превосходительствомъ господиномъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ Дмитріемъ Прокофьевичемъ Трощинскимъ и его сіятельствомъ господиномъ тайнымъ совѣтникомъ сенаторомъ и кавалеромъ князь Павломъ Петровичемъ Щербатовымъ „о неупотребленіи словъ въ донесеніяхъ къ государю императору“, препровождаю при семъ во 2-й департаментъ регистръ, въ должному наблюденію.

Губернскій прокуроръ Александръ Зузинъ.

№ 146, апрѣля 18-го дня 1800 года З. подъ № 446 С. 19 апрѣля.

Регистръ словъ для замѣны.

Не употреблять:	Писать:
Обозрѣть	Осмотрѣть.
Выполнить	Исполнить.
Степень	Классъ.
Пособіе	Вспоможеніе.
Стража	Карауль.
Отрядъ	Деташаментъ или команда.
Общество	Собраніе.
Гражданинъ	Купецъ или мѣщанинъ.
Именитый гражданинъ	Именитый купецъ или мѣщанинъ.

1800 года апрѣля 19 дня по слушаніи сего предложенія въ палатѣ, приказал: оное предложеніе имѣть впредь для вѣдома и надлежащаго по немъ исполненія. Подлинной за подписаніемъ господъ присутствующихъ и за скрѣпою секретаря.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. III, (стр. 531 — 532) мы напечатали со списка, сохранившагося въ бумагахъ С. Н. Глинки, высочайшее повелѣніе 1797 г. объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими. Нынѣ Г. К. Рѣпинскій весьма обязательно сообщилъ намъ подлинное исполненіе одного изъ повелѣній императора Павла, именно по тому же предмету улучшенія русскаго языка. Повелѣніе это относится къ 1800 году, въ немъ нѣкоторыя слова вторично изгоняются изъ русскаго языка. Ред.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

1) Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ, въ особенности казенныя учрежденія, выписавъ «Русскую Старину», до сихъ поръ не послали слѣдующихъ денегъ. Редакція долгомъ считаетъ увѣдомить, что если подписныя деньги не будутъ доставлены до 15-го іюля сего года, то съ 1-го августа прекратится таковымъ лицамъ дальнѣйшая высылка книгъ нашего изданія.

2) Весьма многія казенныя и общественныя учрежденія, выписывая «Русскую Старину» и присылая деньги, просятъ доставлять имъ по почтѣ квитанціи; считаемъ необходимымъ напомнить, что квитанціи высылаются въ томъ только случаѣ, если отъ подписчика доставлена почтовая марка.

3) При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, по почтовымъ правиламъ,—слѣдуетъ вносить—64 к., при перемѣнѣ же иногороднаго на городской — 50 к.

4) Покорнѣйше просимъ извѣщать конторы наши о неполученіи какой-либо книги «Русской Старины» — непременно въ теченіи того же мѣсяца, въ которому относится книга и никакъ не позже слѣдующаго мѣсяца, только въ такомъ случаѣ возможна справка и удовлетвореніе жалобы.

5) Небольшое количество оставшихся отъ подписки экземпляровъ «Русской Старины» 1871 г. въ 12-ти книгахъ, съ приложеніями: записокъ, портретовъ, рисунка памятника и снимковъ съ писемъ,—продается въ Спб.: въ Редакціи «Русской Старины» и въ магазинѣ Базунова, а въ Москвѣ—въ магазинѣ Соловьева. Цѣна восемь руб. съ пересылкой.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ, сочиненіе капитана **Джона Перри**, переводъ съ англійскаго кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ **М. И. Сомовскаго**. Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва, 1872 г., въ 8-ю д., 200 стр.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Это полный, безъ пропусковъ, переводъ сочиненія извѣстнаго инженера Перри, выписаннаго изъ Англій Великимъ въ 1698 г. и пробывшаго въ Московскомъ государствѣ до 1715 г. Въ книгѣ заключается много подробностей о состояніи Россіи въ 1698—1715 гг. Переводъ исполненъ съ англійскаго языка, съ весьма рѣдкимъ Лондонскаго изданія 1716 г.

II. Записки **А. Т. Болотова**. 1738—1771 гг., два тома. Спб., 1870—1871 гг., стр. 1002 и 1120, въ два столбца, съ рисунками въ текстѣ—Болотова, и съ портретомъ его, гравированными академикомъ **Л. А. Сѣряковымъ**. (Приложеніе къ «Русск. Стар.» 1870 и 1871 гг.).

Цѣна, въ отд. изданіи, за оба тома 6 руб.

III. Записки кн. **Якова Петровича Шаховскаго**, полицій-мейстера—при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генераль-кригсъ-коммисара, затѣмъ генераль-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы, и сенатора при Екатеринѣ II. 1705—1777 гг., Спб. въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. 50 коп.

IV. Записки **Гавріила Ивановича Добрынина**. 1752—1823 гг., три части. Изданіе второе, значительно исправленное и вывѣренное по подлинной рукописи Добрынина. Спб., 1872 г., въ 8-ю д., 380 стр.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

оставляет отдельную часть или томъ; иметь явны въ каждой части распределены по группамъ: гражданская часть, армия, военная; — затѣмъ по отдельнымъ странамъ: Эмеретія, Мингрея, Гурия, Абхазія; Закавказская мусульманская провинція и владѣнія, и т. д. Къ началу каждаго тома приложенъ выходящій хронологический указатель, а въ концѣ — алфавитный указатель (общій и для лицъ, и для мѣстъ).

Но, отдавая полную справедливость энергичной дѣятельности комиссiи, въ лицѣ счастливаго префекта г. А. П. Берге (двухразовая вышедшіе четыре громады тома къ обыкновенному формату, выходящъ на пять дѣятельности вомъ 16 томахъ), прекрасному шрифту, легкой печати, бумагѣ и хромолитографiи, — мы должны сдѣлать слѣдующія замечанія: 1) Форматъ по истинѣ ужасенъ, и потому рѣшительно неудобенъ: длина — 19 вершк., ширина — 7, толщина отъ 2 до 2½ п. 2) Цѣна пропорціональна формату: за четыре тома 120 р.; между тѣмъ, въ настоящее время, цѣна не должна бы превышать 32—40 р. При такихъ, весьма значимыхъ, по неудобству, обстоятельствахъ, столь почтенные и хорошіе труды Кавказской археографической комиссiи будутъ обречены на постоянное лежаніе въ книжныхъ складахъ: историковъ и вообще ученыхъ (людей, какъ известно, лѣнотавыхъ), устранивъ и форматъ, и цѣна; наконецъ, забудутъ помнить и то, что археографическія изданія, выходящія въ продажу по дешевой цѣнѣ, долгу меньше дежидна, потому что тогда ихъ больше раскупаютъ. 3) Желательно видѣть при каждомъ томѣ обстоятельное введеніе, въ которомъ было бы систематически разсказано содержаніе авторовъ, вошедшихъ въ томъ, съ необходимыми поясненіями и дополненіями: прекрасный образецъ подобнаго введенія предлагаетъ Киевская археографическая комиссiя, въ каждомъ изданіи ея томъ. 4) Каждый изъ занимающихся отечественною исторіею былъ бы весьма признателенъ Кавказской комиссiи, если бы она приложила указатель, не съ однимъ голымъ цвѣромъ, а описательный, если бы мѣста отдѣла отъ лицъ, или бы позволила указателю предметами и реченіями, которыхъ столь много разсѣяно въ первыхъ четырехъ томахъ, если бы въ текстѣ встрѣчались необходимыя построчныя поясненія; но исполненіе подобнаго желанія (пунктъ 3 и 4) — для Кавказской комиссiи должно имѣть только одно мѣсто, если подобныя труды не задержатъ выхода томовъ авторовъ; въ противномъ случаѣ, предпочтительнѣе какъ можно скорее и болѣе печатать, предложивъ слѣдующимъ издателямъ соотвѣтныя надлежачія разъясненія и свѣдѣніи описательные указатели. Но что

легко теперь же исполнить въ слѣдующихъ томахъ — это то, чтобъ на верху каждой страницы или на поляхъ — было бы изложеніе, въ нѣсколькихъ словахъ, содержанія страницы, что необходимо для облегченія справокъ.

Надѣемся, что уважаемая Кавказская комиссiя не поступитъ на насъ за наши замечанія, вызванныя искреннимъ желаніемъ преуспѣнія ея солиднымъ и важнымъ трудомъ. Во всякомъ случаѣ и въ настоящемъ своемъ видѣ это изданіе послужитъ прочнымъ основаніемъ мѣстной исторической науки и важнѣе современниками, такъ и потомствомъ — будетъ причтено къ числу важнейшихъ и славныхъ дѣланій по управленію Кавказомъ августѣйшаго намѣстника этого края и его ближайшаго сотрудника барона А. П. Николая.

Брошюры, изданныя къ юбилею Петра Великаго. Двухтомитная годовщина рожденія гениальнаго преобразователя ознаменовалась, между прочимъ, изданіемъ многихъ брошюръ и книгъ, изъ которыхъ остановимся пока на слѣдующихъ:

Первое мѣсто принадлежитъ рѣчи нашего почтеннаго академика Я. К. Грота, прочтенной въ торжественномъ собраніи Императорской академіи наукъ (31 мая) и напечатанной подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Петръ Великій — какъ просвѣтителъ Россіи». Эта академическая рѣчь, посвященная доказательству того положенія, что Петръ, творецъ академіи, былъ неотомимымъ поборникомъ высшихъ интересовъ человечества, что онъ положилъ начало просвѣщенію своей могущественной націи и ввелъ ее въ кругъ дѣятельныхъ членовъ образованнаго міра, — эта рѣчь отличается задушевностью, живостью разсказа и легкостью изложенія.

Рѣчь, читанная въ томъ же академическомъ засѣданіи К. С. Веселовскимъ, касается Петра — «какъ учредителя академіи».

Биографическій очеркъ Петра Великаго (книжка въ 160 стр., цѣна 80 коп.), составленный П. Н. Петровымъ, любопытенъ и съ пользою можетъ быть прочтенъ. Къ очерку приложена портретъ съ оригинала, писаннаго Карломъ Мооромъ, по гравюрѣ Якова Хубера.

И. Божеряновъ издалъ «Очеркъ развитія искусствъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго»; Николай Куріиловъ — «Исторію медицины (въ?) Россіи въ царствованіе Петра Великаго».

Тотъ же юбилей породилъ и спекуляторскія изданія, къ которымъ должна быть отнесена книжка г. Вл. Сорокина («Разсказы о Петрѣ Великомъ»). Въ книжкѣ этой замѣтно желаніе поддѣлаться подъ народную рѣчь; портретъ Петра, приложенный къ ней — изъ плохихъ.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г. третій годъ изданія.
ВЪЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложения, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой г. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамилии и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ, и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Лисицына и въ д. Трута, кв. № 12.

Въ послѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ Болотова, поч. лейбъ-хир. Д. К. Тарасова, академика А. Л. Витберга, Лагарпа, М. А. Бестужева, и архивныя кн. Голицына-Кутузова, кн. Муравинныхъ, гр. Станельберговъ, кн. Щербатова, свѣдл. кн. А. А. Италійскаго графа Суворова-Рымнинскаго, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералисимуса кн. Суворова, свѣдл. кн. П. М. Волконскаго, Шишкова, Бахтина, — записки: гр. Ф. П. Толстаго, адмир. Нолзанова, И. И. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волконскаго, (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевскаго, кн. Барилай-де-Толли, кн. А. А. Шаховскаго, партизана Дениса Давыдова, И. Н. Скобелева, В. К. Нюхельбенера (1831—1841 гг.); генерала Фельнера, ак. жин. А. В. Стулина (1775—1861 г.), бывш. попеч. Д. П. Руничка; секретныя вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790 — 1794 гг.; дневникъ вкаера 1818 г. въ Россіи; записки А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; Н. Ф. Опочинина (до 1831 г.); записки Н. В. Веригина и др. Дѣло Вольнскаго; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пикара (1782 г.); письма Екатерины II; письма императоровъ: Павла I, Александра I, цесар. Константина; императр. Елизаветы Алексѣевны; Кулибина; гр. Аракчеева, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова; мѣлкія гр. Н. С. Мордвинова, письма графа Толя (1831 г.); 60 писемъ митроп. Евгенія Болховитнова; ненаданныя бумаги А. С. Грибоѣдова; Н. Н. Батюшкова (болѣе 80 писемъ), Г. С. Батенкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Рылѣва, Пушкина, статьи В. Н. Каразина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. И. Щебальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣльева и Н. С. Тихонова; Г. Н. Геннади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Наронова, М. Н. Лонгинова, проф. Брикнера, Н. П. Дурова. Сообщ.: К. С. Сербиновича, кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, Н. И. Панова, Н. Н. Селифонтова, Ф. Н. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, Н. П. Нолзанова, Н. Ф. Крузе, гр. Э. Н. Чапскаго, А. П. Чеботарева, Г. К. Рѣтискаго; И. П. Липранди, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ф. А. Бюлера, М. Ф. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ и Археографическаго Коммиссіи —

Михаилъ Ивановичъ Семеvскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ третій.

АВГУСТЪ.

1872 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки поч. лейбъ-хирурга Д. И. Тарасова Гл. XV—XVIII. 1824—1825 гг. (окончаніе). Сообщ. А. Д. Тарасовъ.	99	III. Смерть А. С. Грибоѣдова, подробности трагической его кончины, (1829 г.). Сообщ. А. Верже.	163
II. Приложение къ запискамъ Д. И. Тарасова: 1) Александръ I въ Орлѣ (1823). Сообщ. В. Н. Д—въ. — 2) Александръ I въ Бостромской губерніи. Сообщ. М. Рангъ. — 3) Маршалокъ Пулковскій: два письма его къ князю Голицыну-Кутузову-Смоленскому. — Сообщ. В. И. Васильевъ. — 4) Исторія боѣвни и послѣднія минуты имп. Александра I. Сообщ. Н. П. Дуровъ	144	IV. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) «Майоръ», стихи П. А. Федотова, (203). 2) Замѣтка объ академикѣ Витбергѣ Н. В. Верга, (222). 3) О. С. Чернышевъ, авторъ «Солдатской Сказки», (223). 4) Стихотвореніе М. А. Максимовича, (224).	
		V. Библиографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ). Объявленіе.	

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1788—1794 гг. томъ третій, части XVIII и XIX, письма 184—192: Бытъ русскаго дворянства 1776—1777 гг.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1872 г. Цѣна съ доставкой въ Петербургъ и Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города восемь руб.

Вслѣдствіе многочисленныхъ требованій „Русской Старины“ 1872 г. — первая двѣ книги напечатаны и рассылаются подписчикамъ во второмъ изданіи.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1872.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. Москва, 1872 г. Томы I и II, стр. 420 и 406; въ 8 д. л. Изданіе Николая и Дмитрія Востряковыхъ, подъ редакціею Г. В. Есинова. Двухсотлѣтній юбилей дня рожденія Петра Великаго оставитъ слѣдъ въ русской исторической литературѣ; среди множества брошюръ и книжонокъ, спекулятивного свойства, вышло нѣсколько капитальныхъ трудовъ о Петрѣ Великомъ и его времени. Съ наибольшимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы тѣ, которые представляютъ сырой матеріалъ; какъ ни много писано о Петрѣ, а все-таки сырого, подлиннаго, архивнаго матеріала о немъ и его времени, сравнительно, очень и очень еще мало напечатано. Вотъ почему большое спасибо надо сказать Г. В. Есинову, съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ разобравшему въ Москвѣ архивъ дворцоваго вѣдомства и нѣкоторые другіе архивы. Результаты своихъ розысканій онъ представилъ нынѣ въ двухъ обширныхъ томахъ. Матеріала для чтенія книги эти не даютъ; но исследователямъ и писателямъ о эпохѣ великаго преобразователя Россіи — книги эти являются источникомъ весьма богатымъ. Въ первомъ томѣ приведены выписки: изъ столбцовъ дворцовыхъ приказовъ 1672—1701 гг., изъ крохальныхъ книгъ (1672—1692 гг.) и обширныя выписки изъ книгъ приходорасходныхъ казеннаго приказа и мастерскихъ палатъ и проч. Всѣ эти документы, при всей своей сухости и мелочныхъ подробностяхъ, ставятъ лицомъ къ лицу съ дворцовымъ хозяйствомъ эпохи дѣтства Петра, а слѣдовательно со всею обстановкою домашняго царскаго быта въ концѣ XVII столѣтія. Во второмъ томѣ помѣщены приходорасходныя книги Петра I-го, веденныя его кабинетными подъячими за время съ 1716 по 1723 гг., и расходы императрицы Екаторины I, 1721—1723 гг.; половину книги занимаютъ данныя для знакомства съ дѣятельностью московскихъ приказовъ: большого дворца, разряднаго, казанскаго дворца и большой казны. Въ отдѣлѣ «Сибирь» вошло нѣсколько отдѣльныхъ любопытныхъ бумагъ, какъ, напр., перечень дворовъ въ Москвѣ 1701 г., опись шведскимъ знаменамъ 1709 г., о сокольникахъ и ястребникахъ, о птицахъ семеновскаго потѣшнаго двора 1722 г. и проч. Изъ приведенной въ этомъ отдѣлѣ «Записки о вѣзосѣ вещей въ хоромы царицы Настасьи Кирилловны» 1672 г. Г. В. Есиновъ выводитъ заключеніе, что Петръ Великій родился не въ одномъ изъ подмосковныхъ селъ, а въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Обращаемъ вниманіе гг. издателей, какъ на образчикъ, на обширныя, старательно

составленные алеавитные указатели: 1) личныхъ именъ и 2) приказамъ, учрежденіямъ, церквамъ и проч. Тотъ и другой указатели являются необходимыми ключемъ къ тѣмъ мелочнымъ, и между тѣмъ для исследователя иногда весьма важнымъ фактамъ, которые разсыпаны въ обихихъ книгахъ. Жаль только, что нѣтъ подробнаго оглавленія и что сверху страницъ или на поляхъ — нѣтъ заголовковъ, которые также облегчили бы справки. При обихихъ книгахъ снимки съ рукописей и рисунковъ, очень хорошо исполненные.

Принимая во вниманіе, что такой трудъ, какъ настоящій сборникъ архивныхъ выписокъ, можетъ разойтись только въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, что слѣдовательно работа по составленію его далеко не окупится, нельзя не признать его вкладомъ вполне безкорыстнымъ въ нашу историческую литературу; тѣмъ-то болѣе надо быть признательнымъ г. Есинову и гг. Востряковымъ, первому за собраніе, а послѣднимъ за напечатаніе столь полезныхъ матеріаловъ. Все изданіе гг. Востряковы пожертвовали (1,000 экз.) на составленіе отъ продажи его капитала, который будетъ обращенъ на расходъ по печатанію документовъ дворцовыхъ архивовъ. Пожелаемъ, чтобы примѣръ почтенныхъ издателей вызвалъ поощреніе на пожертвованія съ подобными же научными цѣлями.

Сочиненія и переписка Кондрата Федорича Рыльева. Изданіе его дочери, подъ редакціею П. А. Ефремова. Спб., 1872 г. въ 8 д. л., стран. X и 382. Цѣна 2 руб.

Красивый, компактно-изданный томикъ, вмѣщающій въ себя все, сколько-нибудь замѣчательныя сочиненія поэта, славнаго дарованіемъ и патриотизмомъ. Нѣкогда запрещенный плодъ — сочиненія Рыльева, къ чести нашего времени, нынѣ могутъ занять мѣсто въ библиотекѣ каждаго любителя русской словесности, притомъ въ изданіи, составленномъ весьма обстоятельно, съ тѣмъ умѣньемъ и любовью къ дѣлу, — съ какими вообще относился г. Ефремовъ къ собраніямъ сочиненій русскихъ писателей, редакцію которыхъ онъ принимаетъ на себя.

Послѣ обстоятельной, хотя и краткой біографической замѣтки о Рылѣевѣ, въ книгѣ помѣщены «Думы». Изъ 27-ми здѣсь напечатанныхъ «Думъ», девятнадцать были уже помѣщены на страницахъ «Русской Старины», при чемъ многія изъ нихъ явились въ нашемъ изданіи впервые, либо напечатанныя съ подлинныхъ рукописей автора представили существенныя варьянты противъ изданія 1825 года. Послѣ «Думъ» въ изданіи дочери поэта напечатана известная всей Россіи по-

ВОСПОМИНАНІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(Записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова).

1792 — 1866.

Некрологъ: Александръ Дмитріевичъ Тарасовъ. † 8 марта 1872 г.

Приступая къ продолженію изданія Воспоминаній почетнаго лейбъ-хирурга Дмитрія Клементьевича Тарасова († 1866 г.), долгомъ считаю считать словомъ скорби и сожалѣнія преждевременную кончину единственнаго сына его, сообщившаго „Русской Старинѣ“ эти любопытныя записки.

Помощникъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, камергеръ А. Д. Тарасовъ род. въ 1839 г. и по окончаніи курса въ императорскомъ Александровскомъ лицей, началъ службу въ 1859 г. сначала въ канцеляріи кавказскаго и сибирскаго комитетовъ, а съ 1862 г. въ государственной канцеляріи. Кратковременная жизнь А. Д. Тарасова поучительна въ томъ отношеніи, что она, какъ нельзя яснѣе, свидѣтельствуетъ о непрочности земнаго счастья. Человѣкъ, вполне достаточный, молодой, образованный, Тарасовъ съ счастливою наружностью соединялъ прекрасное сердце. Александръ Дмитріевичъ женился на княжнѣ Маріи Николаевнѣ Барятинской, дѣвушкѣ замѣчательной красоты и исполненной пріятливости и ума. Молодая чета была вполне счастлива; самая нѣжная любовь соединяла обоихъ супруговъ и чувства Александра Дмитріевича къ женѣ уступало лишь одному: благоговѣйной любви къ достойнѣйшей матери и къ памяти покойнаго родителя. Трудно представить себѣ человѣка, который бы исполненъ былъ такого глубокаго чувства къ отцу, уже разлученному съ нимъ смертью; не было высшаго удовольствія для Александра Дмитріевича, какъ перечитывать его записки, въ кругу родныхъ, бѣгъ.... Многіе пріятные вечера провелъ пишущій эти строки астлиной семьѣ своего друга, слушая чтеніе Ал. Дм. „Воспоминаній“ его родителя.

Но вотъ, въ мартѣ 1871 г. молодую чету поразили первый ударъ: умеръ одинъ изъ трехъ ихъ малютокъ; они уѣхали въ деревню, радушно приглашая насъ къ себѣ; осенью А. Д. привезъ молодую свою красавицу-жену, уже страдавшую недугомъ, мысль объ опасности была однако далеко. Онъ отвезъ ее въ По, и тамъ скоротечная злая чахотка сразила красавицу. Отчаяніе Александра Дмитриевича было неизобразимое; чтобъ не разставаться съ прахомъ жены, онъ поручилъ лучшимъ врачамъ набальзамировать ея тѣло; въ крышку гроба, надъ прекраснымъ лицомъ покойной, вставлено было стекло... Самъ мужъ отвезъ прахъ супруги въ свою рязанскую деревню; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ежедневно посѣщалъ онъ могилу жены, служились панихиды... Молитвы и слезы не дали утѣшенія. Съ трудомъ удалось убитой горемъ матери отвлечь сына въ Петербургъ въ надеждѣ, что жизнь среди столичныхъ развлеченій разсѣетъ несчастнаго. Тщетная надежда! Среди живыхъ онъ уже не былъ жилецъ этого міра; имя жены не сходило съ его устъ, прелестный образъ ея былъ напечатлѣнъ въ его сердцѣ... Разсудокъ несчастнаго сталъ помрачаться...

Въ концѣ января текущаго года недугъ сразилъ его окончательно: молодому человѣку слышался голосъ его жены, она его звала къ себѣ... казалось, что его не хотятъ пустить къ ней... то, вдругъ вспоминалъ онъ бальзамированіе тѣла жены, и предавался сильнѣйшимъ припадкамъ душевной болѣзни.

8-го марта 1872 г. — А. Д. Тарасова не стало...

Миръ праху твоему! Ты умѣлъ любить глубоко, искренно; ты былъ любимъ; слѣдовательно, ты извѣдалъ высшее счастье, какое только представляетъ жизнь человѣческая.

Ред.

XIV ¹⁾.

По окончаніи маневровъ гвардейскаго корпуса подъ Краснымъ-Селомъ, въ началѣ августа, разнесся при дворѣ слухъ, что здоровье императрицы Елизаветы Алексѣевны, замѣтно ослабѣвающее, требуетъ путешествія и продолжительнаго пребыванія въ благопріятномъ климатѣ южнаго края. Слухъ этотъ наконецъ уже не составлялъ секрета при дворѣ. Но довольно долго не былъ разрѣшенъ вопросъ: отправится ли императрица за границу — въ чужіе края, или въ южную часть Россіи, и въ какое именно мѣсто? Гг. лейбъ-медики назначили для пребыванія ея величества южный берегъ Крыма, на берегу Чернаго моря. Императоръ медлил и долго

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1871 г. Т. IV, стр.: 223—261; 597—645; изд. 1872 г. т. V, стр. 355—388.

не рѣшался изъявить свое соизволеніе на такое назначеніе. Наконецъ, его величество самъ назначилъ мѣстомъ пребыванія императрицы Таганрогъ, на берегу Азовскаго моря, и первому изъ лейбъ-медиковъ, баронету Вилліе, предварительно объявилъ о томъ, который, по соображеніи обстоятельствъ и условий, напелъ этотъ выборъ мѣста благопріятнымъ для восстановленія здоровья императрицы. Между тѣмъ прочіе лейбъ-медики: Штоффрегень и Рюль, а особенно вдовствующая императрица Марія Феодоровна, были противнаго мнѣнія, и предпочитали Таганрогу Крымъ.

На такое рѣшеніе императора, поддерживаемое г. Вилліе, противная сторона представляла много возраженій, изъ коихъ нѣкоторыя казались основательными и, повидимому, заслуживали уваженіе. И дѣйствительно, уединенное и степное положеніе Таганрога, удаленное отъ сообщенія съ столицами, незначительное населеніе его, состоящее преимущественно изъ грековъ, а особенно перенесеніе торговаго порта изъ Таганрога въ Керчь, отнимали у него самыя важныя преимущества. Между тѣмъ извѣстно, что въ Крыму, на южномъ берегу, климатъ и природа равняются, по географическому положенію, средней Италіи, дачи или мызы нѣкоторыхъ вельможъ устроены великолѣпно и со всѣми удобствами для жизни, зима бываетъ едва чувствительна и растительность роскошна и великолѣпна. Всѣ эти данныя довольно долго колебали вопросъ о мѣстопребываніи императрицы. Наконецъ сама императрица Елизавета Алексѣевна приняла на себя положить конецъ всѣмъ преніямъ, и объявила императору, что рѣшается предпринять путешествіе не иначе, какъ въ Таганрогъ, который она, по внутреннему убѣжденію, предпочитаетъ Крыму. Такимъ образомъ прекратились всѣ споры, и дано повелѣніе готовить все къ путешествію въ Таганрогъ.

Государь приказалъ приготовить все нужное для путешествія двумъ свитамъ: одной для императора, а другой для императрицы, и первая должна предшествовать второй.

Приготовленія въ это путешествіе сопровождались какимъ-то особеннымъ чувствомъ равнодушія. Никто не зналъ на сколько времени императрица отправляется въ Таганрогъ, постоянно ли съ нею останется императоръ тамъ, или предприметъ отсюда путешествіе въ другія страны Россіи, и какое мы тамъ найдемъ общество.....

Въ самомъ же государѣ замѣтно было особенное желаніе озаботиться положеніемъ здоровья императрицы и провести съ нею нѣкоторое время для того, чтобъ все ее окружающее могло благоприятствовать восстановленію ея здоровья, и чтобъ она находилась внѣ всякихъ придворныхъ этикетовъ, столь обременительныхъ для ея положенія.

Государь выѣхалъ изъ Царскаго - Села въ концѣ августа, а нѣсколькими днями позже назначенъ выѣздъ императрицы, такъ чтобъ она прибыла въ Таганрогъ, по крайней мѣрѣ, недѣлю позже императора. Свитую императора управлялъ баронъ Дибичъ, а императрицы князь Волконской.

Выѣздъ императора изъ Петербурга сопровождался обстоятельствами, которые какъ по себѣ, такъ особенно впоследствии оказались весьма знаменательными. Въ день выѣзда, проѣзжая съ Каменнаго острова, чрезъ Троицкой, на Невѣ, мостъ, онъ приказалъ кучеру, Ильѣ Байкову, остановиться среди моста. Несмотря на то, что онъ заѣзжалъ въ Петропавловскую крѣпость, поклониться прахамъ своего родителя, бабки и предковъ, привставъ въ коляскѣ, помолился крѣпостному собору св. Петра и Павла и разсматривая видъ съ Невы къ Зимнему дворцу и биржѣ, сказалъ: «Какой прекрасной видъ и какое великолѣпіе зданій!» Замѣтно было, что эти слова онъ произнесъ съ какимъ-то глубокимъ чувствомъ успокоительнаго удовольствія и скрытаго предчувствія!....

Отсюда его величество отправился въ Казанскій соборъ и въ Александроневскую лавру, поклониться святымъ иконамъ и св. мощамъ Александра Невскаго, и получить благословеніе отъ митрополита на предпринимаемое имъ путешествіе. Въ лаврѣ его величество пожелалъ видѣть схимника, который своею строгою, благочестивою жизнію и рѣшительнымъ отчужденіемъ отъ свѣта заслужилъ всеобщее уваженіе и довѣренность. Пробывъ полчаса у него одинъ, при отъѣздѣ изъ лавры, приказалъ князю А. Н. Голицыну сдѣлать приношеніе святынь Невской обители, состоящее изъ восковыхъ свѣчей, деревяннаго масла и ладону.

Изъ Невской лавры его величество отправился прямо въ свое Царское-Село, чтобъ на-завтра предпринять путешествіе въ Таганрогъ. При выѣздѣ изъ своей столицы, государь, остановясь у

триумфальныхъ воротъ, посмотрѣлъ на Петербургъ, помолился св. храмамъ и поѣхалъ далѣе ¹⁾).

Августа 22-го, государь, въ 8 часовъ утра, выѣхалъ изъ Царскаго по бѣлорусскому тракту, съ котораго на границѣ Псковской губерніи путешествіе направлено было чрезъ городъ Торопецъ и другіе уѣздные города, на тульскій трактъ. Его величеству угодно было миновать Москву, чтобъ избѣжать обременительныхъ церемоній и представленій. Въ это путешествіе нигдѣ не было ни военныхъ смотровъ, ни парадовъ, ни маневровъ. На всѣхъ ночлегахъ, его величество заботливо осматривалъ всѣ удобства помѣщенія; и это дѣлалъ для того, что государыня императрица слѣдовала за нимъ въ Таганрогъ, по тому же тракту и тѣ же самыя имѣла ночлеги, если только положеніе ея здоровья не измѣнитъ этого порядка въ путешествіи.

4-го сентября, государь благополучно прибылъ въ Таганрогъ вечеромъ, и остановился въ приготовленномъ заблаговременно для помѣщенія ихъ величествъ домѣ. Домъ этотъ, принадлежавшій прежде частному человѣку, каменный, въ одинъ этажъ, съ подвальнымъ этажемъ для службъ, расположенъ на площади, предъ крѣпостію или землянымъ укрѣпленіемъ и гаванью, основанными еще при Петрѣ I, и составлялъ самое скромное помѣщеніе. Половина императрицы состояла изъ 8-ми небольшихъ комнатъ, въ коихъ, при ея величествѣ, помѣщались еще двѣ камеръ-фрейлины: Валуева и княжна Волконская. Въ срединѣ дома большой сквозной залъ, назначенный для приѣма и большой столовой. При отдѣленіи императрицы, въ особой комнатѣ, помѣщена была походная церковь. Половину императора составляли двѣ комнаты, съ другой стороны приѣмнаго зала; въ одной, довольно пространной, угловой, расположенъ былъ кабинетъ его величества, которая была вмѣстѣ и его спальнею, а другая—была туалетная или уборная, гдѣ государь одѣвался, въ одно окно на дворъ, очень небольшая, полукруглая. При этихъ двухъ комнатахъ былъ корридоръ съ просвѣтомъ изъ туалетной, для дежурнаго камердинера, а гардеробная была внизу, въ подвальномъ

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія получены отъ кучера императора, Ильи Иванова Байкова и рейткнехта Потапова, бывшихъ тогда при его величествѣ. Первый около 1830 года умеръ отъ паралича, а послѣдній служилъ потомъ камердинеромъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

этажѣ. При домѣ довольно обширный дворъ и небольшой садъ, съ плодовыми деревьями, забытый, но въ прибытію императора приведенный въ возможный порядокъ. Изъ комнатъ императрицы былъ въ него выходъ. Домъ меблированъ самымъ простымъ, но приличнымъ образомъ, безъ всякой роскоши и богатства, столь необходимыхъ для чертоговъ царскихъ.

11-го сентября прибыла въ Таганрогъ императрица Елизавета Алексѣевна со своею свитою, коею начальствовалъ князь П. М. Волконскій. Для встрѣчи ея императоръ выѣзжалъ на 1-ю отъ Таганрога станцію, и въ дормезѣ съ нею вмѣстѣ, въ 7 часовъ вечера, прибылъ въ Таганрогъ, въ Варвадіевскій монастырь, гдѣ ожидало ихъ величества все таганрогское духовенство и почти все населеніе города. По выслушаніи благодарственнаго молебствія о благополучномъ прибытіи императрицы, ихъ величества прибыли въ вышеописанный ихъ дворецъ, при коемъ былъ почетный большой караулъ отъ донского войска, подъ командою полковника Николаева. Комендантомъ же императорской квартиры назначенъ былъ лейбъ-гвардіи московскаго полка полковникъ Фридрихсъ. На это время гарнизонъ таганрогскій составлялъ наилучшій полкъ донскихъ казаковъ, командуемый тѣмъ же полковникомъ Николаевымъ.

Замѣчательно, что императрица, которой слабое здоровье едва позволяло въ Петербургѣ сдѣлать самое малое движеніе отъ изнуренія силъ, по прибытіи въ Таганрогъ, довольно бодро сама, безъ помощи, вышла изъ дормеза и вошла въ церковь подъ руку съ императоромъ.

Свиту императрицы, кромѣ князя Волконскаго, составляли: камеръ-фрейлины княжна Волконская (родная сестра князя) и Валюева; статсъ-секретарь Лонгиновъ, лейбъ-медикъ Штоффрегенъ, докторъ Рейнгольдъ и гофъ-медикъ Доббертъ, а также аптекарь придворный Проттъ.

Вообще же соображая, весь таганрогскій императорскій дворъ, по скромности и простотѣ своей, представлялъ не болѣе, какъ благоустроенное хозяйство, или усадьбу зажиточнаго провинціального помѣщика.

Съ прибытіемъ императорской фамилии, весь Таганрогъ ожилъ; многіе помѣщики пріѣхали изъ Екатеринославля, Харькова, а особенно много прибыло донцовъ, какъ служащихъ, такъ

и ветерановъ, оставившихъ уже военное поприще, украшенныхъ сѣдинами и знаками отличія за ихъ военныя заслуги во время послѣднихъ войнъ. Прибылъ также и донской наказной атаманъ генералъ Власовъ, съ своимъ штабомъ, для представленія его величеству. Государь необыкновенно милостиво принималъ донцовъ, коиъ оказывалъ особенное монаршее вниманіе, называя ихъ тагарогскою своею гвардіею.

Въ концѣ сентября государь предпринялъ путешествіе въ землю донскихъ казаковъ—въ Новочеркасскъ, для обозрѣнія этой донской столицы, недавно основанной ихъ храбрымъ атаманомъ графомъ Платовымъ.

Особенно его величеству желательно было удостовѣриться на мѣстѣ въ пользѣ преобразования донского края, которое произведено высочайше учрежденнымъ комитетомъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Чернышева, коему и повелѣно было къ тому времени прибыть изъ С.-Петербурга въ Новочеркасскъ, и ожидать пріѣзда государя.

Для встрѣчи его величества у Новочеркаска собранъ былъ значительный отрядъ казаковъ, который ожидалъ государя на обширномъ полѣ, верстахъ въ двухъ отъ Новочеркаска. Очень любопытно было въ этомъ храбромъ войскѣ видѣть многихъ генераловъ—въ орденахъ, лентахъ—съ бородами. Государь, въ верстахъ трехъ отъ Новочеркаска, на мѣстѣ графа Платова, переодѣлся, и потомъ, сѣвъ на коня, поѣхалъ съ своею свитою къ ожидавшимъ его донцамъ. Съ неизъяснимымъ восторгомъ донцы встрѣтили своего государя. Атаманъ Власовъ, подѣхавъ къ его величеству, представилъ рапортъ о состояніи войска и благосостояніи края. Государь, поздоровавъ съ войскомъ, слѣдовалъ въ городъ среди многочисленнаго стеченія народа. Вечеру весь городъ былъ иллюминированъ.

Замѣчательно мѣстоположеніе Новочеркаска. Графъ Платовъ раскинулъ донскую столицу на высокомъ обширномъ холму, и притомъ съ такимъ просторомъ, что, стоя на одной сторонѣ городской площади, едва видишь дома на другой, противоположной сторонѣ, и самыя улицы необыкновенно широки. Императоръ, осмотрѣвъ городъ, отозвался: «По всему видно, что покойный атаманъ Платовъ любилъ жить просторно».

На другой день донцы давали императору великолѣпный балъ.

Его величество, замѣтивъ, что многія донскія дамы были не въ національномъ донскомъ нарядѣ, а въ платьяхъ и костюмахъ нѣмецкихъ или французскихъ, приказалъ барону Дибичу купить дорогихъ шелковыхъ и парчевыхъ матерій для подарка донскимъ дамамъ съ тѣмъ, чтобъ онѣ непременно носили свое національное платье, т.-е. кабележи и казацкіе головные уборы.

Въ Новочеркасѣ государь пробылъ три дня и пребываніемъ своимъ остался очень доволенъ. Только мѣстоположеніе города несовсѣмъ понравилось его величеству, что и дѣйствительно справедливо. Ибо столь возвышенное положеніе города подвергаетъ его почти постояннымъ вѣтрамъ; въ самомъ городѣ нѣтъ воды и невозможно получить ее изъ колодезевъ. А хотя подлѣ города протекаетъ рѣчка, но она такъ незначительна, что весною пересыхаетъ.

Изъ Новочеркасска государь отправился въ Аксайскую станицу, расположенную на берегу Дона. Любуясь положеніемъ Аксая, государь отозвался: «Вотъ бы самое лучшее мѣсто для Новочеркасска, и жаль, что эта мысль не пришла въ голову графу Платову!» Аксайская станица занимаетъ самое выгодное и прекрасное мѣстоположеніе на возвышенномъ правомъ берегу величественнаго Дона, окруженное обширною плодородною долиною, со всѣми удобствами для жизни. Въ Аксаѣ императоръ обѣдалъ; обѣдъ состоялъ почти исключительно изъ произведеній Дона, а именно: изъ стерляжей богатѣйшей ухи, свѣжей зернистой икры и разныхъ другихъ лучшихъ рыбъ Дона. Къ столу приглашены были: генералъ-адъютантъ Чернышевъ, атаманъ Власовъ и нѣсколько заслуженныхъ генераловъ войска донского.

Изъ Аксая государь отправился въ Нахичевань—греческую колонію, поселившуюся здѣсь во времена императрицы Екатерины II, гдѣ имѣлъ и ночлегъ. Въ этой колоніи живутъ большею частію зажиточные греки, занимающіеся коммерціею и выдѣлываніемъ разныхъ водокъ. Торгъ они ведутъ черезъ городъ Ростовъ-на-Дону, который отстоитъ отъ Нахичевани только на двѣ версты. Между Нахичеванью и Ростовомъ, на половинѣ разстоянія, находится Дмитріевская крѣпость, въ коей расположенъ баталіонъ военныхъ кантонистовъ и небольшой военный госпиталь. Государь посѣтилъ эти учрежденія, которыми остался доволенъ.

На другой день императоръ, выѣхавъ изъ Нахичевани, посѣ-

тилъ городъ Ростовъ; былъ въ соборной церкви, осмотрѣлъ торговую пристань и гарнизонную команду, потомъ отправился по тракту въ Таганрогъ. На берегу одного гирла Дона, при самомъ впаденіи онаго въ Азовское море, на хуторѣ (одного) отставнаго заслуженнаго донскаго полковника, назначенъ былъ обѣдъ. Его величеству угодно было видѣть, какъ донцы занимаются рыбною ловлею. Хозяинъ хутора, у коего производится значительная рыбная ловля, приказалъ рабочимъ своимъ закинуть большой неводъ, и притомъ доложилъ его величеству, что онъ надѣется изъ этой тони приготовить осетровую икру, которая будетъ немедленно представлена къ столу. Государь, принявъ предложеніе хозяина, приказалъ метръ-дотелю Миллеру не подавать кушанья, пока не будетъ приготовлена обѣщанная икра. (Его величество особенно любилъ эту икру, такъ что она доставлялась даже на конгрессы въ Австрію и Италію чрезъ фельдъегерей для собственнаго стола). Во все время тони государь, изъ любопытства, стоялъ на берегу и дождался, когда будутъ вытаскивать тоню. Когда концы или крылья большого невода приблизились къ берегу и рабочіе начали вытягивать его (на берегъ), то на пространствѣ воды, охваченной неводомъ, замѣтно было особенное движеніе, производимое большими рыбами. Когда же неводъ довольно близко притянуть былъ къ берегу, хозяинъ приказалъ нѣсколькимъ работникамъ идти въ воду и изъ захваченной неводомъ рыбы выбрать матерого осетра; ловкіе рабочіе довольно скоро нашли икрагого осетра, и захвативъ багромъ, вытащили на берегъ. Въ присутствіи государя осетръ этотъ былъ выпотрошенъ, вынута изъ него икра, которая болѣе 10-ти минутъ особымъ механизмомъ была очищена, просолена и представлена его величеству. Государь, отвѣдавъ, нашелъ икру превосходнаго качества, которая и была подана къ обѣду. Замѣчательно, что въ эту тоню, кромѣ мелкихъ разныхъ рыбъ, поймано осетровъ и севрюгъ до 150 штукъ. Удивительное рыбное богатство! Государь въ продолженіе обѣда былъ очень веселъ, очень лестно отзывался о Донскомъ краѣ и вообще о донцахъ и отблагодарилъ хозяина за гостепрѣимство.

Въ 7 часовъ вечера государь благополучно прибылъ въ Таганрогъ и былъ встрѣченъ императрицею, коей здоровье очевидно улучшалось. Несмотря на наступившій октябрь, погода стояла самая благопріятная; императоръ съ императрицею ежедневно

передъ обѣдомъ прогуливались пѣшкомъ, а послѣ обѣда въ коляскѣ. Мѣстомъ прогулки былъ загородный садъ, расположенный на самомъ берегу Азовскаго моря, изъ котораго видъ на море представлялъ очаровательную картину.

Императрица очень любила небольшой садъ при домѣ, въ коемъ помѣщались ихъ величества, въ которой они часто выходили съ своими фрейлянами и любовались фазанами, которые были доставлены изъ Черноморіи главнымъ врачомъ Дмитріевскаго военнаго госпиталя Корниловичемъ, по порученію лейбъ-медика Вилліе.

Въ Таганрогѣ государь оказывалъ особенное вниманіе къ донскому войску. Генераль-адъютанту Чернышеву позволено было изъ Новочеркасска прибыть съ молодою своею супругою въ Таганрогъ. (Онъ только что въ августѣ женился въ третій разъ на внучѣ князя Буракина, дочери графа Зотова, весьма хорошо образованной и высокыхъ достоинствъ). Цѣль приглашенія ген. Чернышева въ Таганрогъ наиболѣе заключалась въ томъ, что государю угодно было окончателно заняться благоустройствомъ Донскаго края, коимъ занимался особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Чернышева. Донское войско, содержавшее въ Таганрогѣ корпусъ и составлявшее гарнизонъ онаго, императоръ, какъ выше сказано, всегда называлъ своею таганрогскою гвардіею, а меня штабъ-докторомъ этой гвардіи, такъ что, когда донскіе генералы приглашались къ высочайшему столу, то всегда приглашался и я, подъ названіемъ штабъ-доктора Донскаго войска ¹⁾.

Такое вниманіе къ донскому войску и нѣкоторыя другія обстоятельства возбуждали предположеніе, что государь императоръ располагался на долгое время пребываніе въ Таганрогѣ, который правился и императрицѣ. Здѣсь они вели тихую и уединенную жизнь, свободную отъ всѣхъ придворныхъ этикетовъ; по всему было видно, что государь остальную часть жизни своей, при великихъ своихъ государственныхъ занятіяхъ, расположенъ былъ посвятить семейной и спокойной жизни; ибо высокое свое призваніе онъ вполнѣ уже оправдалъ своими славными дѣлами, по-

¹⁾ Между тѣмъ, какъ я, находясь при баронетѣ Вилліе и въ свѣтъ государя слишкомъ 6-ть лѣтъ, былъ не болѣе какъ баталіонный лекаръ л.-гв. преображенскаго полка, по милости шотландскаго эгоизма моего ближайшаго начальника, которымъ овладѣла мысль, что государь, на мѣсто его, оставить при себѣ меня, и это я замѣчалъ изъ отношеній его ко мнѣ. Т.

ставившими его на самую высокую степень земного величія и всеобщаго въ Европѣ уваженія и признательности. Единственною его заботою въ Таганрогѣ было возстановленіе здоровья императрицы и предупрежденіе всѣхъ ея желаній, чтобъ пребываніе ея тамъ сдѣлать возможно пріятнѣйшимъ. Во время загородныхъ ихъ прогулокъ, императрицѣ особенно понравилось одно мѣстоположеніе на берегу моря близъ карантинна. Государь немедленно повелѣлъ расположить на этомъ мѣстѣ садъ, самъ начертилъ планъ оному и приказалъ князю Волконскому вытребовать изъ Ропши садовника Грея, которому по пути въ Таганрогу повелѣно было сдѣлать нѣкоторыя геогностическія наблюденія, какъ образованному садовнику и ботанику. Всѣ свитскіе, радуясь такой семейной жизни государя съ императрицею, называли ихъ, между собою, молодыми супругами.

Многіе изъ знатныхъ особъ, военныхъ и гражданскихъ, стали пріѣзжать въ Таганрогъ. Между ними замѣчательнъ былъ графъ М. С. Воронцовъ, прибывшій изъ Одессы, съ донесеніемъ его величеству о благосостояніи ввѣреннаго ему обширнаго Новороссійскаго края. Онъ упросилъ государя посѣтить Крымъ, который подъ управленіемъ графа Воронцова въ короткое время достигъ до замѣчательнаго благоустройства, какъ въ отношеніи къ населенію, такъ и промышленности, особливо винодѣлія и садоводства. Императоръ принялъ это предложеніе.

Здѣсь замѣтить слѣдуетъ, что какъ всегда, такъ особенно въ послѣдніе годы, государь имѣлъ особенное расположеніе и охоту къ путешествіямъ, которыя предпринимались всегда съ важною патриотическою цѣлью, которая состояла преимущественно въ обозрѣніи отдаленныхъ краевъ обширнѣйшей его имперіи, въ повѣрѣ порядка государственнаго управленія въ дальнихъ его подраздѣленіяхъ, въ узнаніи быта и благосостоянія жителей и разныхъ отраслей промышленности и видовъ хозяйства ихъ.

Такимъ образомъ, кромѣ путешествія въ Крымъ, предположены были путешествія въ Грузію, Астрахань и въ Сибирь, даже до Иркутска. Необходимыми для этихъ путешествій топографическими соображеніями специально уже занимались трое опытныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, которые на сей конецъ и были вызваны барономъ Дибичемъ въ Таганрогъ и постоянно работали подъ его надзоромъ.

XV.

17-го октября назначенъ былъ выѣздъ въ Крымъ. Въ это путешествіе его величеству угодно было обозрѣть въ Таврической губерніи поселеніе нагайцевъ въ ихъ степяхъ, городъ Бердянскъ, гдѣ предполагалось устроить торговую гавань, и находящіяся тамъ разныя колоніи иностранцевъ.

По выѣздѣ изъ Таганрога, государь первый ночлегъ имѣлъ въ городѣ Мариуполѣ, расположенномъ на берегу Азовскаго моря, гдѣ существуетъ незначительная торговая пристань. Населенная нагайцами страна представляетъ большею частію степь дикую, мало обработанную. Но нѣмецкая колонія менонитовъ, расположенная по рѣчкѣ Молочной, обратила на себя особенное вниманіе его величества своимъ благоустройствомъ и богатствомъ произведеній. Занявъ первоначально необитаемую дикую степь, трудолюбивые и досужіе нѣмцы въ короткое время преобразовали этотъ край въ лучшую населенную провинцію. Здѣсь нельзя не удивиться дѣятельности, трудолюбію и мастерству нользоваться мѣстностію и качествомъ почвы. Колонія раздѣлена на нѣсколько отдѣльныхъ поселковъ, недалеко одинъ отъ другого отстоящихъ. Всѣ дома и усадьбы въ каждомъ поселѣ устроены совершенно однообразно по предначертанному съ большимъ благоразуміемъ плану. Вездѣ и во всемъ наблюдается примѣрный порядокъ и чистота. Всѣ поля обработаны съ необыкновенною тщательностію и раздѣлены прекрасными аллеями. Колонисты поля свои засѣваютъ преимущественно пшеницею, а равно и другими хлѣбами для собственнаго употребленія, но въ меньшемъ размѣрѣ. Сверхъ того, они занимаются шелководствомъ, которое у нихъ введено недавно съ успѣхомъ, и принимаетъ значительное развитіе. Но всего замѣчательнѣе ихъ плантаціи лѣса и садовъ, которые разведены при каждомъ поселѣ, что придаетъ всей колоніи видъ обширнаго парка. Плодородіе превосходной почвы, большое скотоводство и разныя отрасли промышленности, въ непродолжительное время обогатили эту колонію, такъ что она приобрѣла первенство надъ всѣми прочими въ тамошнемъ краѣ колоніями. Должно притомъ замѣтить, что менониты отличаются строгою нравственностію и безусловнымъ повиновеніемъ своимъ старшинамъ и высшему начальству.

При колоніи устроены общественныя заведенія, которыя содержатся въ большомъ порядкѣ, какъ-то: каменный, очень красивый востель, больница и училище. Императоръ остался чрезвычайно доволенъ колоніями менонитовъ. Она по рѣчкѣ называется тоже Молочною.

Еврейская колонія, для коей отведено большое пространство земли, находится въ самомъ, можно сказать, ничтожномъ состояніи. По причинѣ отвращенія евреевъ къ осѣдой сельской жизни и земледѣлію, они всемірно удаляются отъ таковаго образа жизни. Два только еврейскія семейства водворились въ колоніи и живутъ въ бѣдномъ положеніи.

Въ Таврической губерніи, на берегу Азовскаго моря, поселены сосланные туда правительствомъ духоборцы, за ихъ вредный расколъ. Они всѣ изъ Архангельской и отчасти Олонецкой губерніи, сосланы сюда въ царствованіе императрицы Екаторины II; земля, данная имъ для поселенія, чрезвычайно плодородна, которую они застѣваютъ преимущественно пшеницею и содержатъ обширное скотоводство хорошей черкасской породы. Деревни ихъ и самые дома удерживаютъ ихъ первоначальный бытъ сѣвера. Всѣ духоборцы вообще, какъ мужчины такъ и женщины, отличаются высокимъ ростомъ, дородностію и крѣпостію силъ. Въ расколѣ своемъ они доселѣ остаются непреклонными; впрочемъ, правительству и начальствамъ покорны, и во всѣхъ общественныхъ повинностяхъ всегда исправны.

23-го октября государь прибылъ на ночлегъ въ Симферополь—столицу Крыма. Его величество остановился въ домѣ, занимаемомъ генералъ-лейтенантомъ Удомомъ, начальникомъ округа внутренней стражи.

Въ теченіе двухъ дней пребыванія въ Симферополѣ государь занимался смотромъ войскъ, военнаго госпиталя, богоугодныхъ и учебныхъ заведеній. На третій день государь съ свитою отправился верхомъ на татарскихъ лошадяхъ, особенно приученныхъ къ ѣздѣ по горамъ, для обозрѣнія южнаго берега Крыма, въ сопровожденіи графа Воронцова. Обѣдъ назначенъ былъ въ Алушкѣ—имѣніи, принадлежащемъ графу Воронцову. Вся дорога на южный берегъ идетъ по неприступнымъ, большею частію, горамъ, и на каждомъ шагу представляются взору самые очаровательные виды и ландшафты. Путешествіемъ государь былъ чрезвычайно

доволенъ и весель; по прибытіи въ Алушву, сойдя съ лошади, свазалъ свитѣ: «Послѣ такого пріятнаго путешествія, господа, можно покушать съ хорошимъ аппетитомъ».

Обѣдъ былъ приготовленъ поваромъ графа Воронцова; ибо кухня съ метръ-дотелемъ Миллеромъ, всѣ экипажи и канцелярія барона Дибича были отправлены изъ Симферополя чрезъ Бахчисарай въ Байдарскую долину, гдѣ они должны дожидаться прибытія туда императора. Обѣдъ приготовленъ былъ во вкусѣ императора, самымъ, впрочемъ, изысканнымъ образомъ. Но особенно замѣчательнъ былъ десертъ при этомъ обѣдѣ; столъ, на коемъ былъ накрытъ обѣдъ, былъ круглый, соответственной величины; на срединѣ стола возвышалась большая пирамида, составленная изъ всѣхъ фруктовъ, какіе только производитъ богатый Крымъ. Отъ основанія до вершины пирамида эта, съ особеннымъ искусствомъ, составлена была такъ, что наилучшіе и самые деликатные фрукты составляли бока этого построенія—лакомаго и привлекательнаго. Императору чрезвычайно понравилась эта пирамида, и онъ долго любовался ею. Вина за столомъ исключительно были крымскія, полученныя изъ бордоскихъ и эпернейскихъ лозъ, и нимало неуступали въ достоинствѣ своемъ французскимъ винамъ.

27-го октября государь прибылъ въ Байдарскую долину, гдѣ въ одномъ татарскомъ селеніи, въ домѣ татарскаго старшины, приготовленъ былъ обѣдъ; но его величество приказалъ Миллеру съ обѣдомъ прямо ѣхать въ Севастополь и ожидать его къ обѣду тамъ; изъ Байдарской долины отправился въ Балаклаву, для осмотра находящагося тамъ греческаго легіона. По выѣздѣ изъ Балаклавы, приближаясь къ Севастополю, государю угодно было всю свою свиту, кромѣ фельдъегеря Годафроя, отпустить въ Севастополь, не исключая даже и барона Дибича, который долженъ былъ пересѣсть въ запасную коляску съ полковникомъ Соломою; а самъ, совершенно одинъ, въ сопровожденіи только одного татарина, державшаго для него верховую лошадь, отправился безъ шинели, въ мундирѣ, въ Георгіевскій монастырь, расположенный на высокой обрывистой скалѣ, возвышающейся на самомъ берегу Чернаго моря. Это было уже въ 6-ть часовъ пополудни.

День этотъ былъ теплый и прекрасный, но къ вечеру подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ съ моря и стало чувствительно холодно.

Прибывшая въ Севастополь свита въ квартиру его величества, приготовленную въ комендантскомъ домѣ, ожидала прибытія государя. Метръ-дотель Миллеръ съ безпокойствомъ ожидалъ его величество къ обѣду, который былъ приготовленъ къ 4-мъ часамъ. Наступила темнота почти осязаемая, холодный вѣтеръ усиливался съ порывами; но государь не возвращался. Всѣ ожидающіе его мѣстные начальники, а равно и свитскіе начали безпокоиться, не зная чему приписать такое замедленіе прибытія императора. Георгиевскій монастырь находился отъ Севастополя въ верстахъ 6 или 7. Адмиралъ Грейгъ приказалъ полиціймейстеру поспѣшить съ факелами на встрѣчу государю, чтобъ освѣтить ему дорогу, которая въ этомъ мѣстѣ довольно гориста.

Наконецъ, ровно въ 8 часовъ прибылъ государь. Принявъ адмирала Грейга и коменданта, въ залѣ, отправился прямо въ кабинетъ, приказавъ поскорѣе подать ему чаю, отъ обѣда же отказался, и это было тѣмъ необыкновеннѣе, что прежде никогда въ путешествіи этого не случалось, и государь въ дорогѣ всегда имѣлъ хорошій аппетитъ и любилъ подчивать другихъ.

На другой день, 28-го октября, императоръ всталъ довольно рано и въ кабинетѣ принялъ барона Дибича, а послѣ адмирала Грейга. Въ 11 часовъ было общее представленіе всѣхъ морскихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, и мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ 12 часовъ его величество присутствовалъ при спускѣ на воду небольшого морскаго судна «Воробей»; послѣ того осматривалъ во всей подробности всѣ укрѣпленія, устроенныя на берегу моря, при входѣ въ бухту. Въ присутствіи его производилась съ батареей стрѣльба раскаленными ядрами.

Послѣ укрѣпленій государь осмотрѣлъ ордонансъ-гаузъ; по выходѣ изъ онаго, на площади передъ гаубтвахтою, неожиданно, явился передъ государемъ арестантъ изъ морскихъ офицеровъ и съ замѣтнымъ раздраженіемъ началъ объяснять свое дѣло. Государь не могъ скрыть своего негодованія на такую дерзость, которая явно выражалась на лицѣ арестанта, и приказалъ произвести строгое изслѣдованіе этому происшествію.

Потомъ былъ подробный осмотръ флота, стоявшаго въ бухтѣ. Государь особенно занимался осмотромъ линейнаго корабля «Францъ I» о 120-ти пушкахъ, которымъ преимущественно былъ доволенъ. Послѣ флота государь посѣтилъ морской госпиталь и морскія казармы.

Въ послѣднихъ обратило вниманіе его величества размѣщеніе наръ для матросовъ, въ два яруса, одинъ надъ другимъ. Адмиралъ Грейгъ старался доказать пользу такого размѣщенія и выгоду въ хозяйственномъ отношеніи, представивъ его величеству, что англійское адмиралтейство отдало преимущество такого рода морскимъ казармамъ. На это государь сдѣлалъ весьма справедливое и основательное замѣчаніе: «Очевидно, здѣсь выигрывается выгода въ размѣщеніи большого числа людей, но не страдаетъ ли при этомъ здоровье людей, отъ недостатка воздуха въ казармахъ, необходимаго для дыханія». На это адмиралъ не нашелъ возраженія, и замѣчаніе императора осталось въ полной своей силѣ.

Въ этотъ день былъ большой обѣдъ у императора, къ которому были приглашены всѣ генералы и штабъ-офицеры, сухопутные и морскіе и мѣстные гражданскіе высшіе чины. Лейбъ-медикъ Вилліе, по случаю поздняго возвращенія, наканунѣ, императора изъ Георгіевскаго монастыря, спросилъ его величество о положеніи его здоровья, и получилъ самый удовлетворительный отвѣтъ, и въ наружности его не было замѣтно никакой неблагоприятной перемены.

На другой день государь осматривалъ городъ и замѣчательныя окрестности онаго, сохранившіе нѣкоторые остатки, и памятники древности, и въ 12-ть часовъ утра, 29-го октября, переправился чрезъ бухту и отправился по тракту въ Бахчисарай, нѣкогда столицу крымскихъ хановъ, куда и прибылъ въ 4 часа къ обѣду.

Въ Бахчисарай императоръ остановился въ ханскомъ дворцѣ, который сохраненъ вполне и содержится точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при ханахъ, кромѣ принадлежностей надворныхъ, которыя, какъ видно, съ самаго покоренія Крыма не восстанавливаются и не поддерживаются. Самый знаменитый фонтанъ, такъ знаменито воспѣтый Пушкинымъ, остается безъ возобновленія. Онъ устроенъ внутри серала и окруженъ обветшалыми диванами.

Но главная мечеть, турецкія бани и мраморный древній колодезь поддерживаются въ возможной исправности. Татарскій муфти предложилъ государю посѣтить мечеть, гдѣ будетъ совершаться молитва о его здравіи, и обрядъ ихъ обрѣзанія и брака. Государь принялъ такое предложеніе. Собственно въ мечети государь

не былъ, но былъ на скрытыхъ хорахъ мечети, гдѣ никѣмъ изъ молящихся дервишей не могъ быть видимъ. Въ это время при государѣ и я находился, и чрезвычайно былъ удивленъ молитвоприношеніемъ этихъ турецкихъ монаховъ. Обрядъ ихъ состоялъ въ томъ, что они, среди мечети, въ числѣ человекъ 50-ти, стали въ кругъ и начали съ замѣтнымъ усиленіемъ кланяться очень скоро и низко, производя при этомъ очень дружно и въ тактъ восклицанія, очень похожія на хрюканье свиней, и это продолжали до тѣхъ поръ, пока отъ усталости начали нѣкоторые изъ нихъ падать въ обморокъ. Каждою упавшаго немедленно относили въ сторону, и старшій изъ дервишей нагибался надъ нимъ и, казалось, что-то шепталъ ему на ухо. Прочіе дервиши продолжали свое хрюканье, и когда нѣсколько ихъ попадало, тогда эта молитва и кончилась. Послѣ, изъ любопытства, я былъ въ мечети во время ихъ обыкновеннаго служенія, на что получилъ позволеніе отъ главнаго ихъ муллы, но съ тѣмъ, чтобъ я входя въ мечеть надѣлъ даннаго мнѣ прислужникомъ туфли.

Вечеромъ императоръ, въ сопровожденіи нашего генерала изъ татаръ, командующаго крымскими казаками, въ частномъ домѣ присутствовалъ на обрядѣ обрѣзанія и брака; изъ свиты же при императорѣ никого не было, татары никого не приглашали.

Въ Бахчисараѣ императоръ, призвавъ меня въ кабинетъ, приказалъ, чтобъ я приготовилъ ему изъ рису то самое питье, какое онъ пилъ въ 1824 году, въ январѣ, во время своей горячки съ рожеею на ногѣ. Я немедленно выполнилъ это повелѣніе и въ то же время счелъ нужнымъ увѣдомить о томъ баронета Вилліе, присокупивъ, что у государя разстроены желудокъ. Впрочемъ, онъ ни мнѣ, ни Вилліе не жаловался на какое-либо разстройство въ своемъ здоровьи, однако-жъ кушалъ въ этотъ день одинъ перловый свой супъ и котлету.

31-го октября поутру, въ сопровожденіи своей свиты и старѣйшихъ магометанъ Бахчисарая, государь отправился верхомъ въ Чуфутъ-Кале, для осмотра этого замѣчательнаго селенія караймовъ, которые просили императора осчастливить ихъ своимъ монаршимъ посѣщеніемъ. Государь казался быть совершенно здоровымъ, былъ веселъ и ко всѣмъ обращался съ обычною своею благосклонностію. Чуфутъ-Кале отстоитъ отъ Бахчисарая верстахъ въ 5-ти или 6-ти, расположенъ въ самой глубинѣ бахчиса-

райскаго ущелья, на неприступной, высокой и обрывистой скалѣ, такъ что нельзя не удивляться, почему караймы избрали для своего жилища такое неприступное и удаленное отъ всѣхъ почти сообщеній мѣсто, гдѣ нѣтъ даже воды, которая доставляется на скалу изъ ущелья, изъ источника ослиами, нарочито приученными къ тому и безъ проводниковъ.

Ущелье между Бахчисараемъ и Чуфуть-Кале населяютъ большею частію цыганы, ведущіе жизнь полу-осѣдную, и придаютъ грустную картину этому уединенному мѣсту. Напротивъ того, селеніе караймовъ составляютъ люди коммерческіе, богатые, живущіе въ красивыхъ домахъ восточной архитектуры. Всѣ жители, кромѣ женщинъ, которыя живутъ въ сераляхъ, вышли на встрѣчу императору и приняли его съ неописаннымъ восторгомъ. Государь входилъ въ ихъ синагогу, помѣщаемую въ великолѣпномъ каменномъ зданіи, въ коемъ при синагогѣ находится училище. Потомъ его величество посѣтилъ начальника караймовъ, у коего была приготовлена великолѣпная закуска изъ всѣхъ богатыхъ сластей востока. Хозяинъ, вопреки закону караймовъ, представлялъ государю свое семейство, т.-е. своихъ женъ съ дѣтьми, живущими въ отдѣльномъ сералѣ. Нѣкоторыя изъ женъ очень красивы, но чрезвычайно блѣдны; при нихъ нѣсколько маленькихъ дѣтей. Весь этотъ гаремъ былъ одѣтъ очень богато въ восточномъ вкусѣ.

Вблизи этого караймскаго селенія находится обширное древнее кладбище караймовъ, на коемъ много замѣчательныхъ мраморныхъ памятниковъ, и которое содержится у нихъ въ большомъ уваженіи.

На обратномъ пути, въ ущельи, государь посѣтилъ Успенскій монастырь, который чуднымъ образомъ помѣщается въ висячей скалѣ, повидимому, совсѣмъ готовой ринуться въ ущелье. Императоръ и мы всѣ, свитскіе, за нимъ, по высѣченной въ самой скалѣ узкой лѣстницѣ, не безъ страха, вошли въ эту уединенную святыню. Государя встрѣтили два инока и повели прямо въ церковь; его величество приложился къ св. иконѣ Божіей Матери, и потомъ осмотрѣлъ вельи, похожія болѣе на пещеры. Нельзя не удивляться этой обители, которая съ усиленнымъ трудомъ и самоотверженіемъ высѣчена въ мѣловой скалѣ, на высотѣ сажень 20-ти отъ подошвы ущелья, отдѣлившейся вверху отъ горнаго хребта на значительное разстояніе. Въ монастырѣ помѣ-

наются два отшельника - монаха; всё принадлежности обители и самая церковная утварь крайне бѣдны.

По возвращеніи въ Бахчисарай, государь отобѣдалъ и отпра-вился по направленію въ Евпаторію, куда и прибылъ на ночлегъ. Я прѣхалъ на ночлегъ уже за полночь; версть за 12-ть, не доѣзжая до Евпаторіи, ощущается невыносимый сѣрный запахъ, наноси-мый вѣтромъ съ минеральныхъ гръзей, сласныхъ, коихъ цѣли-тельная сила въ разныхъ болѣзняхъ извѣстна во всей Россіи.

Евпаторія — уѣздный городъ Таврической губерніи, рас-положенъ на отлогомъ берегу Чернаго моря, имѣетъ торговую гавань, карантинную заставу и населенъ преимущественно ка-раидами, производящими значительную торговлю. Замѣчательное зданіе города составляетъ великолѣпная мечеть. Впослѣдствіи тамъ устроенъ артезіанскій колодезь, который даетъ чистую прѣсную воду въ обильномъ количествѣ, и есть единственный во всей Россіи, успѣшно оконченный.

2-го ноября, выѣхавъ изъ Евпаторіи, государь имѣлъ ночлегъ въ Перекопѣ. На другой день, рано поутру, выѣхавъ изъ Пере-копа, въ селеніи Знаменскомъ осматривалъ квартировавшую тамъ артиллерійскую бригаду, а потомъ бригадный лазаретъ, въ коемъ особенно былъ доволенъ пищею и преимущественно овсянымъ супомъ для больныхъ, котораго довольно покушалъ и за кото-рый приказалъ барону Дибичу выдать повару 25 руб. ассигнаціями.

Въ этотъ день обѣдъ былъ въ большомъ селеніи Таврической губерніи. Императоръ, съ самаго Бахчисарая, гдѣ онъ приказалъ приготовить для него питье, казался совершенно здоровымъ, и ни мнѣ, ни баронету Вилліе нимало не жаловался на свое здо-ровье. Здѣсь, во время обѣда, вдругъ онъ началъ разговоръ о крымскихъ госпиталяхъ и сталъ распространяться о тамошнихъ лихорадкахъ, и въ особенности о хинной соли (sulphas chinini), коей дѣйствіе выхвалялъ противъ этихъ болѣзней, но сожалѣлъ, что вкусъ этого врачебнаго средства долженъ быть очень непри-ятенъ. Баронетъ Вилліе, въ защиту этого лекарства, доложилъ государю, что вкусъ его вовсе непротивенъ, но только горекъ. Государь, какъ-бы не повѣривши ему, тотчасъ приказалъ мнѣ подать его величеству хинную соль изъ дорожной аптеки. Я немедленно представилъ баночку, содержащую эту соль. Государь самъ ее попробовалъ на языкъ, и поморщившись, сдѣлалъ гри-

масу, сказавъ мнѣ: «Вы съ Яковомъ Васильевичемъ не любите лагомить своихъ пациентовъ вкусными снадобьями». Потомъ, отдавая мнѣ банку, спросилъ: «А какъ вы даете это средство?» Я отвѣчалъ: «Даютъ его больнымъ въ видѣ порошка, пилюль и въ растворѣ». — «Спасибо за угощеніе, извольте положить его въ свое мѣсто», сказалъ мнѣ государь.

Послѣ обѣда, на дорогѣ, встрѣтилъ государя фельдъегерь Масковъ, съ депешами изъ С.-Петербурга и Таганрога отъ императрицы. Масковъ подалъ депешу государю на послѣдней станціи отъ города Орѣхова, отстоящей отъ него верстахъ въ 25-ти или 30-ти.

Принявъ депешу государь приказалъ Маскову ѣхать за нимъ, тотчасъ сѣлъ въ коляску съ барономъ Дибичемъ и поѣхалъ на полныхъ рыскахъ къ рѣчкѣ, чрезъ которую былъ большой мостъ, на который дорога съ крутого берега поворачивается довольно круто. Государь и запасная коляска, въ коей сидѣли полковникъ Соломва и фельдъегерь Годафроя, проѣхали черезъ мостъ благополучно и поднимались шагомъ на противоположный крутой берегъ. Въ это время Масковъ тотчасъ сѣлъ на курьерскую тройку въ моихъ глазахъ, и сказалъ: «пошолъ!» Горячая тройка подхватила съ мѣста и понесла къ мосту вслѣдъ за государемъ; но при поворотѣ на мостъ, кучеръ, не управивъ, попалъ на кочку изъ отвердѣвшей глины. Телѣга на всемъ быстромъ стремленіи сильно ударилась о кочку, такъ что Маскова очень высоко выбросило вверхъ, и онъ ударился о твердую дорогу тычкомъ головою — и остался на мѣстѣ безъ движенія. Этотъ моментъ паденія увидѣлъ государь съ противоположнаго берега, ахнулъ и тотчасъ послалъ г. Годафроя съ приказаніемъ ко мнѣ, чтобъ я немедленно подалъ врачебное пособіе упавшему, и по приѣздѣ въ городъ Орѣховъ лично доложилъ его величеству о положеніи Маскова.

Я поспѣшилъ на мѣсто приключенія и нашелъ Маскова уже безъ дыханія, распростертымъ на землѣ; изъ носу и ушей у него текла кровь, пульсу не было, глаза стоячіе съ расширенною зеницею, дыханія не было, оставалось только едва замѣтное, рѣдкое волнообразное движеніе въ сердцѣ. Исслѣдовавъ бездыханное тѣло Маскова, я нашелъ, что онъ, при вертикальномъ паденіи головою, получилъ сильное сотрясеніе мозга съ трещиною на основаніи черепа.

Немедленно я приказалъ земскому исправнику принять трупъ Маскова и похоронить его приличнымъ образомъ, на что выдалъ ему сто рублей ассигнаціями. Находящіяся же при немъ всѣ бумаги и вещи въ чемоданѣ предоставилъ принять находившемуся въ свитѣ въ одной со мною коляскѣ майору фельдъегерскаго корпуса Михайлову.

По причинѣ плохихъ лошадей, станцію до города Орѣхова я ѣхалъ очень долго, такъ что не могъ туда приѣхать прежде полночи. Баронъ Дибичъ послалъ ко мнѣ на встрѣчу фельдъегеря съ приказаніемъ, чтобъ я по приѣздѣ тотчасъ явился къ нему. Ожидавшій меня баронъ Дибичъ, встрѣтилъ меня съ встревоженнымъ видомъ и съ вопросомъ: «Отчего вы такъ долго неприѣзжали и что Масковъ?» На первое я обвинялъ лошадей, которые были очень плохи и слабы, а на послѣднее; что Маскова я нашелъ на мѣстѣ паденія безъ дыханія и не было никакого средства спасти его; онъ умеръ отъ сильнаго сотрясенія мозга съ переломомъ черепа на основаніи его.

Изъявивъ знакъ глубокаго сожалѣнія, баронъ Дибичъ тревожно приказалъ мнѣ тотчасъ доложить лично о томъ императору, который, несмотря на позднее время, съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія о положеніи Маскова.

По докладѣ камердинеромъ, я вошелъ въ почивальню государя; его величество сидѣлъ противъ камина въ кабинетной шинели въ рукава, и читалъ бумаги. Я замѣтилъ, что онъ имѣлъ спокойный видъ и старался согрѣться у горящаго камина. Онъ тотчасъ, при переступленіи моею черезъ порогъ, спросилъ меня отрывисто:

— «Въ какомъ положеніи Масковъ?»

— Онъ при паденіи получилъ смертельный ударъ въ голову, съ сильнымъ сотрясеніемъ мозга и большою трещиною въ самомъ основаніи черепа; я нашелъ его на мѣстѣ уже безъ дыханія и всякое врачебное пособіе оказалось тщетнымъ.

Выслушавъ такое мое донесеніе, государь всталъ съ мѣста, сплеснулъ руками и въ слезахъ сказалъ: «Какое несчастіе! очень жаль этого человѣка!..» Потомъ, оборотясь къ столу, позвонилъ въ колокольчикъ, а я вышелъ. При этомъ я не могъ не замѣтить въ государѣ необыкновеннаго выраженія въ чертахъ его лица, хорошо изученнаго мною въ продолженіе многихъ лѣтъ; оно пред-

ставляло что-то тревожное и вмѣстѣ болѣзненное, выражающее чувство лихорадочнаго озноба.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить слѣдующее обстоятельство, которое, по важности своей, не могло не имѣть сильнаго вліянія на моральное положеніе императора. Екатеринославскій епископъ и гражданскій губернаторъ имѣли личную горячую ссору по какому-то дѣлу, и эта ссора или споръ простерся даже до личной расправы. Получивъ о семъ донесеніе, императоръ былъ очень огорченъ такимъ оскорбительнымъ для сана ихъ поступкомъ, и не приказывая этому происшествію давать огласки, намѣренъ былъ лично ихъ разобрать. На сей конецъ оба они были вызваны въ городъ Орѣховъ. На другой день государь далъ имъ обоимъ отдѣльно аудіенцію, и, съ свойственною ему деликатностію, очень строго далъ каждому изъ нихъ почувствовать всю неблаговидность поступка ихъ, какъ главныхъ представителей власти въ Екатеринославской губерніи. Очевидно, что его величество не могъ этого сдѣлать равнодушно, по крайней мѣрѣ безъ сильнаго внутренняго потрясенія.

XVI.

4-го ноября государь, заѣхавъ въ Орѣховѣ въ церковь и приложась во св. кресту, отправился по направленію въ Мариуполь, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Прибывъ на ночлегъ въ 7 часовъ вечера, императоръ часу въ 10-мъ потребовалъ къ себѣ баронета Вилліе, которой нашелъ его величество въ полномъ развитіи лихорадочнаго сильнаго пароксизма. Вилліе былъ крайне встревоженъ положеніемъ государя, казался потерявшимъ свое практическое присутствіе духа и наконецъ рѣшился дать государю стаканъ крѣпкаго пуншу съ ромомъ, уложилъ его въ постель и накрылъ, сколько можно, теплѣе. Это усилило только безпокойство императора и онъ немного заснулъ лишь къ утру. Вилліе предлагалъ остаться въ Мариуполѣ, но государь не согласился на это, ибо отъ Мариуполя до Таганрога только 90 верстъ и его величество спѣшилъ для свиданія съ императрицею, ожидавшею его прибытія въ назначенное время, т.-е. 5-го ноября — такъ было назначено по маршруту.

5-го ноября, послѣ сильнаго пароксизма, поутру государь чувствовалъ утомленіе и слабость. Часу въ 10-мъ утра, въ закрытой коляскѣ съ медвѣжьей полостью, въ теплой шинели, отпра-

вился изъ Мариуполя и прибылъ въ Таганрогъ, въ 8-мъ часу вечера, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидала его императрица.

6-го ноября, въ 7 часовъ утра, лейбъ-медикъ Вилліе нашелъ государя въ довольно спокойномъ положеніи и безъ лихорадки, только языкъ покрытъ былъ бѣловатою слизью и непріятный вкусъ во рту. Назначивъ умѣренную діету, прописалъ обыкновенныя, нерѣдко государемъ принимаемыя, пилюли изъ 6-ти гранъ сладкой ртути (Salomel) и полдрахмы корня ялаппа. Лекарство это оказало свое дѣйствіе, и весь день государь провелъ въ кабинетѣ довольно сповойно, но ничего не кушалъ, ибо не чувствовалъ никакого аппетита.

Въ ночи на 7 ноября государь имѣлъ сильный лихорадочный пароксизмъ и совсѣмъ не спалъ. Лейбъ-медикъ былъ очень опечаленъ положеніемъ императора и назначилъ ему микстуру слабительную (Infusum Sennae Salinum) три раза въ день по унцу. День прошелъ безъ лихорадки и государь чувствовалъ себя довольно изрядно, а въ ночи на 8 ноября даже спалъ сповойно часа 4. Поутру баронетъ Вилліе нашелъ императора въ удовлетворительномъ положеніи, такъ что возвратился отъ своего больного не только спокойнымъ, но даже веселымъ, и сказалъ мнѣ, что положеніемъ императора онъ совершенно доволенъ.

Здѣсь должно замѣтить, что означенныя пилюли и микстура были главными лекарствами баронета Вилліе, которыми ему многократно удавалось помогать своему августѣйшему паціенту, не прибѣгая къ другимъ средствамъ, которыя были не нужны при мужественномъ и сильномъ тѣлосложеніи государя.

Въ ночи на 9 ноября государь имѣлъ сильный лихорадочный пароксизмъ и вовсе не спалъ. Такое теченіе болѣзни государя стало беспокоить императрицу, и ея величество прислала своего лейбъ-медика г. Штоффрегена въ консультанты къ баронету Вилліе.

9-го ноября, прибѣжавшій изъ Петербурга курьеръ привезъ извѣстіе, что въ имѣніи графа Аракчеева, Грузинѣ, случилось важное происшествіе. Дворовые люди графа зарѣзали завѣдывавшую его хозяйствомъ и пользовавшуюся особенною его довѣренностію женщину, Настасью, столь извѣстную въ свое время. Убіеніе это такъ поразило гр. Аракчеева, что онъ заболѣлъ и отказался прибыть, по повелѣнію государя, въ Таганрогъ, куда его величество вызывалъ его для занятія съ нимъ дѣлами особенной важ-

ности. Это обстоятельство опечалило государя, какъ по случившемуся у графа такому происшествію, такъ и потому, что присутствіе графа въ Таганрогѣ было необходимо нужно для императора, такъ что, несмотря на уклоненіе графа, его величество приказалъ баронету Вилліе написать въ нему, чтобъ онъ поспѣшилъ приѣздомъ въ Таганрогъ. Письмо это писалъ я, которое, по своему содержанію, очень замѣчательно. Въ немъ изложено было участіе, принимаемое государемъ въ грустномъ положеніи графа, и что въ Таганрогѣ, гдѣ для него былъ приготовленъ наилучшій домъ, со всѣмъ комфортомъ, онъ найдетъ благосклонный и дружескій пріемъ, и глубокая грусть его можетъ здѣсь разсѣяться. Несмотря на все это, графъ Аракчеевъ не приѣзжалъ въ Таганрогъ. Такой поступокъ графа, имѣвшій видъ ослушанія, унижилъ его въ общемъ и самого государя императора мнѣніи ¹⁾).

Весь день 9-го ноября государь провелъ безпокойно. Употребляемыя имъ лекарства наскучили ему; не принося ожидаемой пользы. Ночь на 10-го ноября государь провелъ почти безъ сна, жалуясь на безпокойство и головную боль. Замѣтитъ должно, что императоръ все это время не переставалъ заниматься дѣлами, и хотя не выходилъ изъ кабинета, по всегда былъ въ сюртукѣ и проводилъ свободное время съ императрицею, которую положеніе его начало очень тревожить.

Съ 10-го на 11-е ноября въ ночи, отъ генерала Ротта, командовавшаго тогда пѣхотнымъ корпусомъ, прибылъ съ секретнымъ донесеніемъ офицеръ Шервудъ, котораго государь принялъ секретно въ кабинетѣ, полчаса говорилъ съ нимъ, и тотчасъ же приказалъ ему выѣхать изъ Таганрога, и притомъ такъ, чтобъ никто не могъ узнать о его приѣздѣ въ Таганрогъ.

Въ ту же ночь государь потребовалъ къ себѣ полковника Николаева, командовавшаго отрядомъ донскихъ казаковъ при квартирѣ его величества, и коменданта города Таганрога, полковника гвардіи Фридрица, и давъ имъ важное секретное повелѣніе, приказалъ тотчасъ же немедленно выѣхать изъ Таганрога, такъ чтобъ никто не замѣтилъ ихъ выѣзда. Этого отправленія и даннаго высочайшаго повелѣнія не зналъ даже и начальникъ штаба его величества баронъ Дибичъ.

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. IV (стр. 262—294), подлинное дѣло объ убійствѣ любовницы гр. Аракчеева—Настасьи Шумской. Ред.

12-го ноября, поутру, у государя былъ пароксизмъ, за коимъ послѣдовала слабость, на которую его величество особенно жаловался. По случаю приостановленія желудочнаго испражненія, баронетъ Вилліе и Штоффрегенъ назначили промывательное, которое и было поставлено штабъ-лекаремъ Рейнгольдомъ, состоявшимъ тогда при Штоффрегенѣ, врачомъ свиты ея величества императрицы. Это средство не принесло ожидаемой пользы, и замѣчено, что государь колебался въ довѣренности къ даваемымъ ему лекарствамъ.

13-го ноября, часу во 2-мъ пополудни, государь занимался какимъ-то важнымъ дѣломъ. Вдругъ нашло густое облако и произвело такой сумракъ, что государь потребовалъ огня. Камердинеръ Анисимовъ зажегъ двѣ свѣчи и поставилъ въ кабинетѣ предъ государемъ. Спустя полчаса, туча прошла и горизонтъ сталъ ясенъ попрежнему, но свѣчи оставались предъ государемъ незагашеными. Анисимовъ, вошедъ зачѣмъ-то въ кабинетъ и видя предъ государемъ горящія свѣчи, остановился, ожидая отъ него приказанія погасить свѣчи.

— Чего ты хочешь, Геогоровичъ? (такъ обыкновенно звали онъ Анисимова) спросилъ государь.

— Не хорошо, государь, что предъ вами днемъ горятъ свѣчи, отвѣчала Анисимовъ.

— А что-жь за бѣда: развѣ по-твоему это что-нибудь значить недоброе?

— По нашему предъ живымъ человѣкомъ, среди бѣлаго дня, свѣчей не ставятъ, сказалъ Геогоровичъ.

— Это пустой предразсудокъ, безъ всякаго основанія, сказалъ государь; ну, пожалуй, возьми прочь свѣчи для твоего успокоенія.

Анисимовъ, загасивъ и принявъ свѣчи, вышелъ изъ кабинета. Это обстоятельство, которому послѣ придавали особое значеніе, слово въ слово передалъ мнѣ самъ Анисимовъ, старшій камердинеръ императора.

Въ ходѣ болѣзни и положеніи императора доселѣ не было ничего благопріятнаго. Характеръ лихорадки началъ измѣняться, и изъ перемежающейся она перешла въ непрерывную. 14-го ноября государь всталъ поутру въ обыкновенное свое время, въ 7-мъ часу, и тотчасъ приказалъ подать себѣ бриться. Только-что

началь онъ, ва уборнымъ своимъ столомъ, брить бороду, на подбородкѣ отъ трясенія руки сдѣлалъ порѣзъ, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ съ нимъ сильный обморокъ, такъ что онъ не могъ удержаться на стулѣ; камердинеръ не успѣлъ его поддержать и государь упалъ на полъ. Это произвело большую тревогу во дворцѣ. Баронетъ Вилліе совсѣмъ потерялся, г. Штоффрегенъ началъ государю растирать голову и виски одеколономъ. На эту тревогу пришла императрица, и государя уложили въ кровать въ бѣломъ шлафрокѣ. Ея величество чрезвычайно была опечалена положеніемъ своего супруга, и просила лейбъ-медиковъ принять дѣятельнѣйшія, извѣстныя имъ мѣры противъ усилившейся болѣзни императора.

Съ этого момента уже было видно, что болѣзнь императора приняла опасное направленіе. Онъ болѣе уже не могъ вставать съ постели. Изъ уборной перевели его на большой диванъ въ кабинетъ.

Въ 9-ть часовъ вечера его величество потребовалъ меня къ себѣ. Надобно здѣсь замѣтить, что я во время болѣзни императора во дворцѣ до того не бывалъ, а о положеніи его величества всѣ подробности зналъ, частію отъ баронета Вилліе (нежелавшему, какъ казалось, допустить меня въ почивальню государя), а частію отъ лейбъ-медика Штоффрегена. Меня нашли тогда у барона Дибича, бывшаго тогда не совсѣмъ здоровымъ.

По докладу императору, я тотчасъ былъ позванъ въ кабинетъ. Его величество былъ въ большемъ жару и безпокоенъ. Увидѣвъ меня, сказалъ:

— Вотъ, любезный Тарасовъ, какъ я разболѣлся, останься при мнѣ, Якову Васильевичу одному трудно, онъ устаеетъ и ему по временамъ нужно успокоиться; посмотри мой пульсъ.

При самомъ моемъ входѣ, взглянувъ на государя, я былъ пораженъ его положеніемъ, и какое-то безсознательное предчувствіе произвело рѣшительный приговоръ въ душѣ моей, что императоръ не выздоровѣетъ и мы должны его лишиться. Это несчастное предчувствіе я секретно сообщилъ г. Рейнгольду, который видѣлъ его 12-го ноября, и вполне раздѣлилъ со мною такое предсказаніе.

Въ 12-мъ часу вечера императрица вошла къ императору, весьма смущенною, усиливаясь въ виду государя казаться спокой-

ною. Сѣвъ подлѣ больного, на томъ же диванѣ; она начала разговоръ убѣжденіемъ, чтобъ государь аккуратно принималъ назначенныя ему докторами лекарства. Далѣе она сказала по-французски больному:

— «Я намѣрена предложить тебѣ свое лекарство, которое всѣмъ приносить пользу».

— Хорошо, говори, сказалъ государь.

Императрица продолжала: «Я болѣе всѣхъ знаю, что ты великій христіанинъ и строгій наблюдатель всѣхъ правилъ нашей православной церкви; совѣтую тебѣ прибѣгнуть къ врачеванію духовному, оно всѣмъ приносить пользу и дастъ благопріятный оборотъ въ тяжкихъ нашихъ недугахъ».

— Кто тебѣ сказалъ, что я въ такомъ положеніи, что уже необходимо для меня это лекарство?

— «Твой лейбъ-медикъ, Вилліе», отвѣчала императрица.

Тотчасъ Вилліе былъ позванъ.

Императоръ повелительно спросилъ его: «Ты думаешь, что болѣзнь моя уже такъ зашла далеко?»

Вилліе, до крайности смущенный такимъ вопросомъ, рѣшился положительно объявить императору, что онъ не можетъ скрывать того, что онъ находится въ опасномъ положеніи.

Государь, съ совершенно спокойнымъ духомъ, сказалъ императрицѣ: «Благодарю тебя, другъ мой, прикажи—я готовъ».

Тотчасъ былъ позванъ соборный протоіерей Алексѣй Ѳедотовъ; но императоръ, по выходѣ императрицы, вскорѣ забылся и заснулъ, что, однако-жъ, не было настоящій сонъ, но сонливость (sopor). Въ такомъ положеніи государь оставался до 5-ти часовъ утра. Я всю эту ночь просидѣлъ подлѣ больного, и наблюдая за положеніемъ его, замѣтилъ, что императоръ, просыпаясь по временамъ, читалъ молитвы и псалмы св. Давида, не открывая глазъ.

Въ 5^{1/2} часовъ утра, 15-го ноября, императоръ, открывъ глаза и увидѣвъ меня, спросилъ: «Здѣсь ли священникъ?» Я тотчасъ сказалъ о семъ барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Вилліе, проводившимъ всю ночь въ приѣмномъ залѣ подлѣ кабинета. Князь Волконскій доложилъ о семъ императрицѣ, которая успѣшила прибыть къ государю. Всѣ вошли въ кабинетъ и стали при входѣ у дверей.

Немедленно введенъ былъ протоіерей Фодотовъ. Императоръ, приподнявшись на лѣвый локоть, привѣтствовалъ пастыря и просилъ его благословить; получивъ благословеніе, поцѣловалъ руку священника. Потомъ твердымъ голосомъ сказалъ ему: «Я хочу исповѣдаться и приобщиться св. Таинъ, — прошу исповѣдать меня, не какъ императора, но какъ простаго мірянина, — извольте начинать, я готовъ приступить къ св. Таинству».

Императрица и всѣ предстоявшіе удалились. Исповѣдь и св. причащеніе продолжались часть съ четвертью. Послѣ вошли въ государю и всѣ прочіе, и поздравляли его величество съ принятіемъ св. Таинъ. Императрица поцѣловала государя въ лобъ и руку.

Государь казался ободреннымъ и спокойно разговаривалъ. Потомъ обратился къ врачамъ, сказалъ:

— «Теперь, господа, ваше дѣло; употребите ваши средства, какія вы находите для меня нужными».

Лихорадочное состояніе постепенно усиливалось, припадки показывали, очевидно, поражение мозга. Немедленно мною поставлено было за уши и къ затылку 30-ть пиявицъ, на голову положены холодныя примочки и назначены лейбъ-медиками внутреннія средства. Къ вечеру положеніе императора казалось нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ припадки не ожесточались.

16-го ноября. Ночь провелъ государь безпокойно, сна совсѣмъ не было, но была сонливость. Сильный жаръ, кожа сухая. Среди дня государь разговаривалъ съ императрицею, но прерывисто и голосомъ слабымъ.

17-го ноября. Ночь государь провелъ нѣсколько спокойнѣе; жаръ былъ менѣе сильный, пульсъ до 100 удареній. Поставленная на затылокъ испанская мушка хорошо подѣйствовала. День начался прекраснымъ утромъ, солнце свѣтило во всемъ блескѣ, коего лучи падали прямо на окна кабинета государя. Его величество, приказавъ поднять оконныя шторы, любовался свѣтомъ солнца, которое онъ вообще всегда очень любилъ, и сказалъ: «Какой прекрасный день и какъ благотворны лучи солнца!» Нѣкоторые и другіе признаки подавали поводъ полагать, что положеніе государя подаетъ нѣкоторую надежду на благопріятный оборотъ болѣзни, достигшей, впрочемъ, высшей степени своего развитія....

Такого содержанія былъ на этотъ день бюллетень, ежедневно отправляемый въ Петербургъ. Но къ вечеру положеніе государя

сдѣлалось снова хуже, всѣ припадки ожесточились, признаки угнетенія мозга были очень очевидны и погасили всякую надежду на благоприятный исходъ болѣзни.

18-го ноября. Ночь всю провелъ государь въ забытїи и безпамятствѣ; только по временамъ открывалъ глаза, когда императрица, сидя подлѣ него, говорила съ нимъ, и по временамъ, обращаясь взоромъ на св. распятіе, крестился и читалъ молитвы. Это распятіе было на золотомъ медальонѣ, висѣвшемъ надъ диваномъ, на коемъ лежалъ больной. Святыня эта, какъ родительское его благословеніе, всегда и вездѣ сопровождала его величество и свято была имъ хранима. Несмотря на забывчивость и безпамятство отъ усиливающагося угнетенія мозга, всегда, когда приходила императрица, государь чувствовалъ ея присутствіе, бралъ ея руку и держалъ надъ своимъ сердцемъ. Къ вечеру государь началъ очевидно слабѣть. Когда я давалъ ему пить съ ложки, то замѣтилъ, что онъ начиналъ глотать медленно и несвободно. Я не замедилъ объявить объ этомъ. Князь Волконскій тотчасъ доложилъ императрицѣ, которая въ 10-ть часовъ вечера пришла въ кабинетъ и сѣла подлѣ умирающаго на стулѣ, постоянно своею лѣвою держа его правую руку. По временамъ она плакала. Я во всю ночь безотходно, позади императрицы, стоялъ у ногъ государя. Питье онъ проглатывалъ съ большимъ трудомъ; въ 4-мъ часу за полночь, дыханіе замѣтно стало медленнѣе, но спокойно и безъ страданій.

Всѣ свитскіе и придворные стояли въ опочивальнѣ во всю ночь и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно.

Наступило 19-е ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобъ получить вѣсть о положеніи императора.

Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и св. распятіе. Послѣдніе взоры его столь были умилительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, пронизанны были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земного, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе стано-

вилось все рѣже и тише. Наконецъ, въ десять часовъ и сорокъ семь минутъ утра незабвенный и великій монархъ мирно и покойно испустилъ послѣдній вздохъ, и благочестивая великая душа его возлетѣла на небо! Нашъ Ангелъ въ небесахъ!!!....

Государыня императрица, неотлучно сидѣвшая при августѣйшемъ своемъ умирающемъ, ровно 12-ть часовъ, встала съ своего мѣста въ этотъ торжественно-ужасный моментъ, помолилась на колѣняхъ св. распятію, висѣвшему на стѣнѣ предъ усопшимъ, потомъ перекрестила императора, поцѣловала его нѣжно, еще перекрестила его, закрыла вѣки глазъ его; сложивши свой платокъ, подвязала ему подбородокъ, наконецъ опять на колѣняхъ помолилась св. распятію, низко поклонившись усопшему, и, отерши свои слезы, вышла изъ кабинета въ свои комнаты. Князь Волконскій хотѣлъ-было слѣдовать за нею, но императрица, оборотясь къ нему, сказала: «Останьтесь князь, здѣсь; ваше присутствіе здѣсь теперь необходимо нужно».

XVII.

Нельзя описать того горестнаго положенія, въ которое повергнуты были всѣ присутствовавшіе при кончинѣ Александра Благословеннаго. Присутствовавшіе были: князь Волконскій, баронъ Дибичъ, генералъ-адъютантъ Чернышевъ, статсъ-секретарь Лонгиновъ; лейбъ-медики: баронетъ Вилліе, Штоффригенъ, я и докторъ Рейнгольдъ. Бывшій при князѣ Волконскомъ живописецъ изъ этой печальной сцены составилъ картину, которая довольно вѣрно представляетъ кончину великаго изъ монарховъ этого времени.

Удивительны и непостижимы судьбы Провидѣнія Всевышняго! Великій монархъ, обладатель 50-ти милліоновъ, отлученный отъ родственнаго своего круга попеченіемъ о возстановленіи здоровья августѣйшей своей супруги, умираетъ въ отдаленномъ отъ столицъ и уединенномъ городѣ, не въ великолѣпномъ дворцѣ, а въ частномъ, самомъ скромномъ домѣ, безъ всякаго великолѣпія.

Всѣ присутствовавшіе, по выходѣ императрицы, въ безпрепятственныхъ рыданіяхъ, простились съ усопшимъ императоромъ, и удалились изъ кабинета его величества.

Князь Волконскій и баронъ Дибичъ тотчасъ приказали чиновнику Пѣтухову, при себѣ, опечатать всѣ бумаги и портфели

въ кабинетѣ императора и составить подробную всему опись. Это немедленно и выполнено съ наивозможною аккуратностію.

Въ тотъ же день, 19-го ноября, въ 10-ть часовъ вечера у барона Дибича былъ чрезвычайный комитетъ, который составляли: князь Волконскій, баронъ Дибичъ, генераль-адъютантъ Чернышевъ, статсъ-секретарь Лонгиновъ, духовникъ протоіерей Алексѣй Федотовъ, лейбъ-медикъ Вилліе и я. Комитету этому предложено составить государственный актъ о воичинѣ императора Александра I. Актъ этотъ немедленно былъ составленъ, а тутъ же переписалъ его набѣло, и всѣ члены, а равно и я, его подписали. Въ актѣ этомъ, между прочимъ, изображено: «Императоръ Александръ I, 19-го ноября 1825 года, въ 10-ть часовъ и 47 минутъ, въ городѣ Таганрогѣ, скончался отъ горячки съ воспаленіемъ мозга» ¹⁾.

Тѣло скончавшагося императора помѣщено было тутъ же въ кабинетѣ на столѣ, окружено подсвѣчниками съ горящими свѣчами и начато священниками чтеніе св. евангелія. Въ 7 часовъ вечера была совершена первая панихида соборнѣ; въ послѣдующее время панихиды надъ тѣломъ императора были постоянно въ 11-ть часовъ утра и въ 7-мъ вечера.

Предстояла необходимость бальзамированія тѣла императора. Князь Волконскій эту печальную операцію возлагалъ на меня; но я, изъ сыновнаго чувства и благоговѣнія къ императору, не могъ принять на себя такой обязанности. Тогда составленъ былъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Чернышева, изъ врачей: Рейнгольда, Добберта, Лакиера (таганрогскаго городского лекаря), штабъ-лекаря Васильева (состоявшаго при казацкомъ гарнизонѣ) и придворнаго аптекаря Протта.

Предъ бальзамированіемъ, которое предписано было совершить въ продолженіе только одной ночи, произведено было вскрытіе тѣла по установленному судебному порядку, и составленъ актъ. При вскрытіи найденъ въ мозгѣ воспалительный процессъ и значительное выпотѣніе сувровицы, коей въ боковыхъ желудкахъ мозга найдено до трехъ унцовъ. Редакція этого акта составлена мною, и черновой хранится между моими бумагами; но я его не подписывалъ.

¹⁾ Актъ этотъ хранится въ государственномъ архивѣ вмѣстѣ съ документами императорской фамиліи російской имперіи.

Вслѣдъ за сѣмъ немедленно приступлено было къ бальзамированію, которое, несмотря на всѣ встрѣченныя затрудненія въ отысканіи въ столь короткое время всѣхъ потребныхъ къ тому веществъ и составовъ, произведено было въ назначенное время и вполне удачно, такъ что, по прибытіи печальной церемоніи 8-го марта 1826 года въ Царское-Село, несмотря на разстояніе почти 2,000 верстъ и продолжительность шестива печальной церемоніи, тѣло императора и форма лица были совершенно сохранены. Сердце императора помѣщено было въ серебряный, густо вызолоченный сосудъ, а внутренности въ особый кивотъ, или ящикъ, и герметически закупорены.

По совершеніи бальзамированія, тѣло императора одѣто было въ парадный общій генеральскій мундиръ со всѣми принадлежностями, кромѣ Андреевской ленты и шпаги. По положеніи тѣла въ гробъ, возложена была на голову императора корона. Гробъ былъ поставленъ на катафалкъ въ приѣмномъ залѣ, который былъ весь обитъ трауромъ и убранъ всѣми императорскими принадлежностями и доспѣхами.

Въ день кончины государя, ввечеру императрица выѣхала изъ дворца въ домъ генерала Бабкова, съ своими фрейлинами, Валуевою и княжною Волконскою.

По отдаленности Таганрога отъ столицъ, всѣ потребности и вещи для печальной церемоніи надобно было выписывать или изъ Москвы, или Петербурга; это требовало значительнаго времени. Между тѣмъ вытребованы изъ Петербурга два генераль-адъютанта и 8 флигель-адъютантовъ для дежурства при гробѣ императора.

2-го декабря была церемоніальная печальная процессія для выноса тѣла императора въ Варваціевскій соборъ, гдѣ оно въ парадномъ гробѣ поставлено было на великолѣпный катафалкъ подъ багдахиномъ, увѣнчаннымъ императорскою короною. Въ соборѣ было ежедневно архіерейское служеніе, и поутру и ввечеру панихиды. Для сего былъ вызванъ изъ Еватеринославля епархіальный архіерей, и, замѣчательно, тотъ самый, которому, незадолго передъ тѣмъ, въ городѣ Орѣховѣ покойный императоръ, за поступокъ съ губернаторомъ, лично сдѣлалъ строгое замѣчаніе, какъ выше о семъ было сказано.

Для императрицы всегда служились панихиды надъ тѣломъ государя особенно. Нельзя не упомянуть здѣсь о томъ, что им-

императрица, при потерѣ августѣйшаго супруга, сохранила замѣчательное присутствіе духа, не показывая ни малѣйшей слабости, свойственной ей полу. при такомъ ужасномъ для нея ударѣ. Она въ день кончины императора написала императрицѣ Маріи Федоровнѣ письмо, которое должно считаться историческимъ, оно начиналось такъ: «Notre Avege est au ciel, et Moi, je végette encore sur la terre» и проч.

На третій день по кончинѣ императора, въ соборной церкви была присяга цесаревичу Константину Павловичу, которому въ тотъ же день былъ отправленъ курьеръ въ Варшаву съ рапортомъ отъ начальника главнаго штаба барона Дибича, о состояніи всей арміи и о другихъ управленіяхъ и частяхъ военнаго вѣдомства. На пакетахъ было надписано: «Его императорскому величеству государю Константину I». Курьеромъ былъ посланъ капитанъ фельдъегерскаго корпуса Веймаръ, который однако-жъ возвратился вскорѣ назадъ со всѣми денегами, которыхъ цесаревичъ не принялъ, а самого Веймара приказалъ тотчасъ ночью же выпроводить изъ Варшавы, не дозволивъ ему даже отдохнуть и строго запретивъ, чтобъ онъ ни съ кѣмъ не смѣлъ видѣться въ Варшавѣ.

Въ главномъ штабѣ дѣлались распоряженія о выводѣ войскъ на трактъ, по коему должна слѣдовать печальная процессія съ тѣломъ императора изъ Таганрога до С.-Петербурга. На разстояніи почти двухъ тысячъ верстъ, надобно было расположить кавалерію и пѣхоты до 200,000. Кавалерія обыкновенно составляла эскортъ впереди и позади колесницы, а на ночлегахъ при церквахъ въ караулѣ всегда и вездѣ была пѣхота. Главнымъ военнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ, составлявшихъ эскортъ, назначенъ былъ войска донскаго генераль-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ. При колесницѣ (при гробѣ) во все время шествія дежурили генераль-адъютантъ и два флигель-адъютанта.

Предъ выступленіемъ изъ Таганрога печальной процессіи, императрица Елизавета Алексѣевна призвала меня, и прощаясь изволила мнѣ повелѣть:

— «Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору, и потому я никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла его и проводить гробъ его до самой могилы».

Получивъ повелѣніе ея величества, я поцѣловаль ея руку, откланялся и вышелъ. Спустя нѣсколько минутъ императрица, призвавъ меня опять къ себѣ, изволила мнѣ пожаловать бриллантовый траурный перстень, сказавъ:

— «Вотъ вамъ отъ меня на память службы при императорѣ!»

22-го декабря 1825 года, по совершеніи въ Варваціевскомъ соборѣ архіереемъ литургіи и панихиды, съ значительнымъ казачьимъ эскортомъ, печальная процессія выступила изъ Таганрога. Жители города и окрестностей въ большихъ массахъ сопровождали постоянно гробъ императора, и не было никого, кто бы не оплакивалъ Благословеннаго монарха. Сопровожденіе гроба массою жителей постоянно продолжалось во все путешествіе печальной церемоніи до самаго Петербурга.

Лейбъ-медикъ Вилліе поснѣшилъ уѣхать изъ Таганрога впередъ печальной церемоніи, и прибывши въ Петербургъ, немедленно уволилъ меня отъ управленія его канцеляріею, назначивъ главнымъ врачомъ артиллерійскаго военнаго госпиталя въ Петербургѣ. Это назначеніе, о коемъ я получилъ извѣстіе на дорогѣ въ Харьковѣ, при моемъ грустномъ въ то время положеніи, меня очень опечалило. Оно видимо показывало недоброжелательство начальника, которому я вѣрно, усердно и съ преданностію служилъ семь лѣтъ, и не заслужилъ даже того, чтобъ дожидаться моего возвращенія въ Петербургъ и спросить меня о желаніи поступить на такое мѣсто. Главная цѣль его была та, чтобъ заблаговременно удалить меня отъ двора, при коемъ я уже пользовался вниманіемъ и извѣстностію, и особенно, какъ для меня было очень понятно впоследствии, потому, что при покойномъ императорѣ, въ послѣдніе дни его болѣзни, я находился безотходно и ухаживалъ за нимъ, какъ самая усердная сердобольная. Это было замѣчено не только всѣми придворными и высшими особами, но и самою императрицею Елизаветою Алексѣевною, которая писала о томъ и въ Петербургъ ¹⁾.

Шествіе печальной церемоніи, по выступленіи изъ Таганрога, продолжалось благополучно, по составленному барономъ Дибичемъ плану. Начальствующій надъ церемоніею и войсками, состав-

¹⁾ Эта одна черта г. Вилліе уже показываетъ, въ какой степени онъ былъ злоистъ, неблагодаренъ къ своимъ заслугамъ, а притомъ большой трусъ.

лицами эскадръ гроба, графъ Орловъ-Денисовъ наблюдалъ вездѣ строгій порядокъ и военную дисциплину. Всѣ ночлеги были въ селахъ, или городахъ, такъ что гробъ всегда ночевалъ въ церквяхъ, въ которыя онъ былъ вносимъ и выносимъ 10-ю сильными донскими казаками, для поставленія на парадную колесницу подъ великолѣпный балдахинъ, увѣнчанный императорскою короною. Во время всего шествія ежедневно обѣдни и панихиды при гробѣ служили епархіальные архіереи. На всемъ пути, даже въ степныхъ мѣстахъ, стекались жители большими массами, чтобъ оплакать своего Незабвеннаго монарха. Но въ городахъ, особенно губернскихъ, это стеченіе народа простиралось до немовѣрно обширныхъ размѣровъ и представляло самыя удивительныя и трогательныя сцены уваженія и благоговѣнія къ покойному императору.

Встрѣчи печальной церемоніи въ губернскихъ городахъ были описываемы, чрезвычайно трогательно и увлекательно, состоявшимъ при графѣ Орловѣ-Денисовѣ, адъютантомъ-ротмистромъ Эпидифоромъ Антиоховичемъ Зуровымъ ¹⁾. Описанія эти помещались въ донесеніяхъ начальнику главнаго штаба барону Дибичу, и доводились до высочайшаго свѣдѣнія.

Кромѣ личнаго повелѣнія, даннаго мнѣ императрицею въ Таганрогѣ, я имѣлъ особенное предписаніе отъ графа Орлова-Денисова о возможномъ попеченіи за цѣлостію тѣла императора во время всего шествія. Съ этою цѣлію я представилъ графу, что для удостовѣренія о положеніи тѣла императора необходимо по временамъ вскрывать гробъ и осматривать тѣло. Таковыя осмотры, при особомъ комитетѣ въ присутствіи графа, производились секретно въ полночь пять разъ, и каждый разъ, по осмотрѣ, я представлялъ донесеніе графу о положеніи тѣла. Для ежедневнаго же наблюденія, въ гробѣ было сдѣлано отверстіе въ видѣ клапана, чрезъ которое всегда можно было удостовѣриться о цѣлости тѣла. Когда же морозъ понижался до двухъ или трехъ

¹⁾ Описанія эти открыли г. Зурову весьма лестный карьеръ службы; по призыву печальной церемоніи въ Петербургъ, баронъ Дибичъ, по рекомендаціи графа, взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Впослѣдствіи онъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты, за отличіе въ полковники, генералъ-майоры. Наконецъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Тулѣ и Новгородѣ, нѣзъ коего поступилъ въ сенаторы.

градусовъ по реомюру; тогда подъ гробомъ постоянно держались ящики со льдомъ, нашатыремъ и поваренною солью, для поддержанія холода.

Замѣтить слѣдуетъ, что насчетъ кончины императора въ то время носились въ народѣ и распространялись людьми неблагонамѣренными разные негѣные слухи, которые доходили до графа Орлова-Денисова; но графъ всегда умѣлъ предупреждать ихъ своими благоразумными распоряженіями. Такъ, предъ въѣдомъ въ Тулу, на встрѣчу печальной процессіи вышли въ большой массѣ оружейники и просили позволенія отпречь лошадей и везти колесницу до города на разстояніи пяти верстѣ. Графъ Орловъ согласился на усиленныя просьбы оружейниковъ, но въ то же время приказалъ усилить эскортъ съ заряженными ружьями ¹⁾. Впрочемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, здѣсь, кромѣ усердія и общаго благоговѣнія къ праху монарха, ничего другого въ народѣ не было. Все населеніе Тулы и всѣхъ окрестныхъ городовъ показало единодушное сочувствіе въ потерѣ государя.

По случаю бывшаго, 14-го декабря 1825 года, въ С.-Петербургѣ возмущенія въ день присяги императору Николаю Павловичу, до графа Орлова-Денисова изъ Москвы дошли слухи о замыслахъ людей неблагонамѣренныхъ, которые они будто намѣрены привести въ дѣйствіе при вступленіи печальной церемоніи въ Москву. Графъ счелъ нужнымъ предупредить о семъ московскаго военнаго генераль-губернатора князя Голицына съ тѣмъ, не признаетъ ли онъ нужнымъ принять надлежащія мѣры къ предупрежденію могущаго произойти безпорядка.

Отъ самой Тулы военный эскортъ былъ усиленъ и шелъ постоянно съ заряженными ружьями. Не доходя до Москвы 12-ть верстѣ, печальная процессія имѣла ночлегъ въ селѣ Коломенскомъ, гдѣ гробъ поставленъ былъ въ церкви стараго дворца. На встрѣчу процессіи въ село Коломенское выѣхали изъ Москвы всѣ начальственные лица, военные и гражданскія. При встрѣчѣ

¹⁾ Слухи эти были различныя: 1) Одни утверждали, что въ гробу, вмѣсто тѣла императора, лежитъ кукла. 2) Другіе, что государь въ Таганрогѣ скончался насильственной смертію; и 3) наконецъ, что гробъ везутъ пустой, а императоръ будто бы скрылся и отправился въ Америку, и еще другія подобныя негѣности, легко въ то время могущія произвести безпокойства и безпорядокъ въ народѣ.

сцена была самая трогательная; плачь и вопль былъ всеобщій. Для встрѣчи гроба выѣзжалъ изъ Москвы самъ митрополитъ Филаретъ, и совершилъ панихиду при гробѣ соборнѣ.

На другой день, въ 11-ть часовъ утра, назначено было парадное вступленіе печальной церемоніи въ Москву. На разстояніи версты отъ подольской заставы, по обѣимъ сторонамъ, выставлены были пѣхота и кавалерія (всѣ съ заряженными ружьями). Еще въ Коломенскомъ гробъ поставленъ былъ на парадную колесницу, въ Москвѣ приготовленную. Здѣсь прежнихъ лошадей замѣнили 8-ю придворными лошадьми цугомъ, въ сбруѣ съ глубокимъ трауромъ; дорожную прислугу замѣнила прислуга придворная. При этомъ случилось замѣчательное, хотя не такъ важное происшествіе. По смѣнѣ въ колесницѣ лошадей, лейбъ-кучеръ покойнаго императора Илья Байковъ поспѣшилъ и на новой парадной колесницѣ занять свое мѣсто на козлахъ; назначенный въ Москвѣ парадный въ траурѣ лейбъ-кучеръ подходитъ къ нему и проситъ его уступить мѣсто; Илья Байковъ положительно и настойчиво отказывается ему въ требованіи. На этотъ споръ подходитъ утерь-шталмейстеръ и приказываетъ Байкову оставить мѣсто; Байковъ не повинуется приказанію. Наконецъ это упорство Байкова доведено было до свѣдѣнія самого князя Голицына, который приказалъ было удалить Байкова силою, сказавъ ему, что онъ съ бородою не можетъ быть въ этой церемоніи. На это Байковъ, въ чувствѣ преданности къ императору, отвѣчалъ: «Я возилъ императора слишкомъ 30-ть лѣтъ, и хочу служить ему до его могилы, а если теперь мѣшаетъ только моя борода, то прикажите сейчасъ ее сбрить».

Князь Голицынъ, тронутый такою преданностію, приказалъ оставить Байкова на козлахъ ¹⁾.

Вступленіе печальной церемоніи въ Москву совершилось въ должномъ порядкѣ. Шествіе продолжалось въ Кремль, и гробъ поставленъ былъ на катафалкѣ въ Архангельскомъ соборѣ, среди гробницъ царей русскихъ.

Стеченіе народа въ Кремль для поклоненія гробу императора было неизмѣрно большое. Въ теченіе 6-ти дней пребыванія въ Москвѣ тѣла императора, полиціею были приняты самыя дѣя-

¹⁾ Въ нашемъ собраніи портретовъ русскихъ людей есть довольно хорошо сдѣланный портретъ этого кучера Илья Байкова (литографія). Ред.

тельные и строгія мѣры, а равно и со стороны военной, въ предупрежденію беспорядка и смуты. Во всю ночь ходили военные патрули по всей столицѣ, и въ 8 часовъ вечера всѣ ворота домовъ были заперты, и никто, безъ особенной причины и позволенія полиціи, не долженъ былъ выходить изъ дому.

Въ день выступленія изъ Москвы печальной процессіи, митрополитъ Филаретъ сопровождалъ гробъ за тверскую заставу до петровскаго дворца, гдѣ онъ совершилъ, со всѣмъ московскимъ духовенствомъ, послѣднюю литію. При полученіи отъ него прощальнаго благословенія, онъ мнѣ благосклонно замѣтилъ, что я не посѣтилъ его въ Москвѣ особенно; ибо ему нужно было побесѣдовать со мною о многомъ, и особенно насчетъ его здоровья, которое по временамъ у него тогда разстраивалось.

На другой день, по выступленіи изъ Москвы, въ 12 часовъ ночи, еще была, установленнымъ прежде порядкомъ, осмотрѣна гробница и тѣло императора, которое было найдено въ совершенной цѣлости и никакихъ признаковъ порчи и разложенія не замѣчено.

По Тверской губерніи шествіе печальной церемоніи продолжалось установленнымъ порядкомъ и благополучно. На границѣ Новгородской губерніи, на встрѣчу печальной церемоніи, по обыновенію, выѣхалъ епархіальный архіерей, и при немъ извѣстный въ то время архимандритъ Фотій. Тутъ же въ вортѣжу присоединился графъ Аракчеевъ, который своимъ рыданіемъ и слезами выказалъ все свое чувство столь важной для него потери.

Въ городѣ Валдаѣ, по распоряженію графа Аракчеева, въ церкви для гроба былъ устроенъ катафалкъ, замѣчательный не столько по великолѣпію, сколько по значенію частей, его составлявшихъ. Тутъ устроено было такъ, что гробъ обвужали, очень прилично, Софія (мудрость), Вѣра, Надежда и Любовь, съ приличными по мѣстамъ надписями. На ночлегахъ, по ночамъ, евангеліе при гробѣ императора большею частію читалъ архимандритъ Фотій.

Въ Новгородѣ встрѣча печальной процессіи была чрезвычайно многоядна. Гробъ поставленъ былъ въ крѣпости, въ софійскомъ соборѣ. Здѣсь графъ Орловъ-Девисовъ отъ начальствующаго въ Петербургѣ надъ печальною процессіею князя Куравина получилъ предварительное отношеніе, содержащее въ себѣ всѣ прино-

товленія въ Петербургѣ для встрѣчи и принятія печальной процессіи. Отъ меня было потребовано подробное и самое обстоятельное донесеніе о положеніи и цѣлости тѣла императора. На этотъ конецъ я просилъ графа Орлова, по выступленіи изъ Новгорода, произвести послѣднее до Петербурга освидѣтельствованіе тѣла. Что и произведено было на второмъ переходѣ отъ Новгорода, въ присутствіи графа Аравчеева, подписавшаго вмѣстѣ съ прочими актъ освидѣтельствованія, которое и отправлено было къ князю Куракину въ Петербургъ.

8-го марта 1826 года, въ 5 часовъ пополудни печальная процессія приблизилась къ Царскому Селу; не доходя по ижорскому шоссе версты двѣ до колоніи, она встрѣчена была всѣми жителями Царскаго-Села съ духовенствомъ и крестьянами царскосельскаго дворцоваго вѣдомства, и здѣсь остановилась, ожидая императора. День былъ солнечный и довольно теплый, такъ что на шоссе таялъ снѣгъ и была грязь. Императоръ не замедлил выѣхать на встрѣчу съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ и всѣми первыми чинами двора. Сошедъ съ коляски, императоръ, приближаясь къ колесницѣ, поклонился въ землю, потомъ, взошедъ на колесницу, упалъ на гробъ и залился слезами; съ другой стороны колесницы тоже сдѣлалъ Михаилъ Павловичъ. По совершеніи литіи, шествіе двинулось къ Царскому-Селу; императоръ съ братомъ въ траурныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ слѣдовали непосредственно за колесницею пѣшкомъ до дворцовой церкви, въ которую внесень былъ гробъ и поставлень на великолѣпный катафалкъ подъ балдахномъ.

Вся императорская фамилія въ то время была въ Царскомъ-Селѣ. Князья Куракинъ и Голицынъ немедленно подозвали меня и спрашивали подробно обо всемъ, относящемся болѣзни и кончины императора, шествія печальной процессіи и цѣлости тѣла въ гробъ. Князь Голицынъ, послѣ отозвавъ меня въ сторону и раздѣляя со мною слезы, съ особеннымъ участіемъ сказалъ мнѣ, что императоръ очень хорошо знаетъ о моей службѣ при его августѣйшемъ братѣ, и что я могу надѣяться на особенную монаршую милость; при семъ упомянулъ о званіи лейбъ-медика при дворѣ, котораго я могу ожидать. Въ смущеніи и тревогѣ я отблагодарилъ князя за его вниманіе къ моему положенію. Въ тотъ же вечеръ пригласила меня къ себѣ г-жа Питтъ, англичанка

высокаго образованія, находившаяся тогда при дворѣ въ качествѣ собесѣдницы при императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, и пользовавшаяся особеннымъ уваженіемъ покойнаго императора. Я нашелъ г-жу Питтъ больною; она изнурила меня вопросами, относящимися до покойнаго императора, такъ что насилу я могъ съ трудомъ удовлетворять имъ¹⁾.

На другой день, 9-го марта, лейбъ-медикъ Рюль прислалъ мнѣ объявить, что меня желаетъ видѣть вдовствующая императрица Марія Ѳедоровна, и повелѣла ему представить меня ея величеству, въ 12-ть часовъ. Она занимала тогда въ старомъ дворцѣ половину въ бель-этажѣ, подлѣ церкви, съ кою ея комнаты имѣли сообщеніе.

И. Ѳ. Рюль доложилъ обо мнѣ государынѣ, и вышелъ отъ нея, сказалъ мнѣ, что она меня ожидаетъ. Вошедши въ приемную, я увидѣлъ государыню, стоящую у камина. Протянувъ мнѣ руку, которую я почтительно поцѣловалъ, она мнѣ сказала:

— «Благодарю васъ, любезный Тарасовъ, за (всю) преданность и попеченіе о нашемъ покойномъ императорѣ, который при жизни всегда былъ доволенъ вашею службою».

Въ это самое время входитъ къ матери императоръ. Я отступилъ въ сторону. Императрица, подавъ ему руку, сказала:

— «Вотъ тотъ Тарасовъ, который столько преданъ нашему покойному государю и такъ хорошо служилъ ему».

Императоръ въ слезахъ сказалъ: «Я все это хорошо знаю,—и потомъ обратясь ко мнѣ, продолжалъ: благодарю тебя, и службу твою при императорѣ я никогда не забуду». При этомъ его величество подалъ мнѣ свою руку, которую я поцѣловалъ, и откланявшись ихъ величествамъ, вышелъ, заливаясь слезами отъ такой сцены.

10-го марта отъ князя Голицына я получилъ приказаніе поспѣшнѣе явиться къ нему. Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня:

— «Можно ли отереть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?»

Я отвѣчалъ утвердительно и увѣрилъ его, что гѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть от-

¹⁾ Собраніе собственноручныхъ писемъ императрицы Елизаветы Алексѣевны съ госпожею Питтъ будутъ напечатаны въ «Русской Старинѣ». Ред.

крыть даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобъ въ 12-ть часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловѣ-Денисовѣ, со всею аккуратностію открылъ гробъ и приготовить все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая была тогда беременна, родственно проститься съ покойникомъ.

Въ 11^{1/2} часовъ вечера священники и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ внѣ оной поставлены были часовые; остались въ ней: князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытіи гроба, я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ специй, пережѣнилъ на рукахъ императора (бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько измѣнили цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ и не было нисколько признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобъ мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполне выразить оную.

По выходѣ императорской фамиліи, я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ, и снявъ корону, закрылъ гробъ по прежнему. Дежурные всѣ и караулъ снова были введены въ церковь ко гробу, и началось чтеніе евангелія.

11-го марта ¹⁾ печальная процессія выступила изъ Царскаго-Села, въ сопровожденіи войскъ гвардейскаго корпуса, до Чесмы, куда процессія прибыла въ 8-мъ часовъ вечера. Гробъ былъ поставленъ въ церковь чесменскаго дворца. Въ 12-мъ часу вечера, въ присутствіи князей Куракина и Голицына, при подобающемъ церковномъ обрядѣ, тѣло императора, по моему указанію, изъ прежняго деревяннаго гроба, въ свинцовомъ гробѣ переложено въ новый бронзовый великолѣпный гробъ; ковчегъ съ внутренностями былъ помѣщенъ въ гробъ, въ ногахъ, а ваза съ серд-

¹⁾ Замѣчательно, что этотъ день былъ днемъ восшествія на престолъ покойнаго императора Александра I.

цемъ у самага тѣла съ лѣвой стороны груди. Прежній же гробъ тутъ же былъ разобранъ и распиленъ, и со всѣми принадлежностями въ кускахъ помѣщенъ былъ въ новый. Всѣ церковныя распоряженія о перемѣщеніи тѣла въ новый гробъ поручены были таганрогскому духовнику Ѳедотову и мнѣ.

Въ чесменскій дворецъ предварительно были вывезены всѣ императорскія и княжескія короны, скипетръ, держава и всѣ регалии на тотъ конецъ, чтобы печальная процессія петербургская начала свое шествіе отъ самой Чесмы. Для чего была приготовлена великолѣпная колесница, весь придворный кортежъ, весь гвардейскій корпусъ, всѣ власти военныя и гражданскія и всѣ сословія жителей столицы, такъ что полный церемоніаль шествія церемоніи былъ расположенъ отъ Чесмы до Казанскаго собора.

12-го марта, въ 11 часовъ утра, по данному сигналу, процессія начала свое шествіе, и въ 3 часа пополудни прибыла къ Казанскому собору, гдѣ былъ устроенъ великолѣпнѣйшій катафалкъ, на коемъ и былъ поставленъ гробъ императора.

Въ Казанскомъ соборѣ гробъ стоялъ 7 дней, въ теченіе коихъ всѣ жители столицы приходили отдать послѣдній долгъ обожаемому своему монарху. Доложено было императору объ открытіи гроба для жителей столицы, но его величество не изъявилъ на то своего согласія, и, кажется, единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло-каштановый, что произошло отъ покрытія онаго въ Таганрогѣ уксусо-древесною кислотою, которая, впрочемъ, нимало не измѣнила чертъ лица.

19-го марта, съ таковою же церемоніею, тѣло перевезено было въ Петропавловскую крѣпость и поставлено на катафалкъ въ соборной церкви. Шествіе печальной церемоніи изъ Казанскаго собора проходило чрезъ Неву по новому мосту, который былъ устроенъ по повелѣнію покойнаго императора и чрезъ который онъ первый переѣхалъ въ гробъ.

22-го марта происходило отпѣваніе покойнаго императора. Всѣ жители столицы и войска окружали крѣпость. Не было ни одного, кто бы не проливалъ самыхъ сердечныхъ слезъ по Незабвенномъ монархѣ! Во 2-мъ часу пополудни залпы артиллеріи и батальныя выстрѣлы съ крѣпостныхъ орудій и всѣхъ войскъ,

въ строю бывшихъ, возвѣстили міру, что великій изъ монарховъ снишелъ въ землю на вѣчное упокоеніе.

Въ приготовленномъ изъ цоколя склепѣ былъ поставленъ мѣдный ковчегъ, въ коемъ и былъ помѣщенъ гробъ императора. Ковчегъ этотъ замкнутъ 4-ю замками, и потомъ задѣланъ сводъ склепа.

XVIII.

Съ погребеніемъ императора служебное мое поприще при дворѣ кончилось. Баронетъ Вилліе употребилъ всѣ свои средства, чтобъ я не былъ оставленъ при дворѣ—въ званіи придворнаго врача, и на запросъ князя Голицына, управлявшаго тогда придворною частію, о пожалованіи мени въ лейбъ-медикъ или лейбъ-хирурги, отвѣчалъ положительно, что я покойнымъ императоромъ награжденъ столько, что всякая награда была бы выше моихъ заслугъ¹⁾. Итакъ, высокія предположенія о наградѣ мена за службу при императорѣ окончились тѣмъ, что отобрали отъ мена придворный экипажъ, коимъ я пользовался два года въ двѣ лошади, и замѣнь онаго назначена мнѣ изъ императорскаго кабинета пенсія по 1,500 р. асс. въ годъ, сверхъ получаемаго на службѣ содержанія. Слѣдовательно, по вліянію баронета Вилліе, я не получилъ ничего по смерти государя, тогда какъ ему назначена пенсія по 7,000 р. асс. въ годъ за службу при покойномъ императорѣ. Обстоятельство это въ тогдашнее время всѣми было замѣчено, и многіе принимали во мнѣ участіе. Баронъ Дибичъ, князь Голицынъ и генераль-адъютантъ Чернышевъ, ободряя мена, увѣряли, что я буду награжденъ впоследствии и совѣтовали продолжать службу безъ ропота.

Выше было упомянуто о скороспѣшномъ баронетомъ Вилліе назначеніи мена главнымъ врачомъ въ артиллерійскій госпиталь. Обезкураженный такимъ печальнымъ результатомъ службы моей при баронетѣ Вилліе, и особенно при покойномъ императорѣ, при коемъ, въ послѣднее время, по большей части я исправлялъ

¹⁾ Изъ этого можно судить, до какой степени былъ несправедливъ такой отзывъ моего начальника, которому съ самоотверженіемъ служилъ семь лѣтъ, спасъ ему жизнь въ Новомиргородѣ въ 1823 году, и даже въ Таганрогѣ спасъ его отъ бѣды, удержавъ его настоятельно отъ выѣзда оттуда предъ кончиною императора, котораго онъ рѣшился было оставить на рукахъ лейбъ-медика Штоффрегена, предвидя исходъ бѣгъни своего больного. Т.

всѣ обязанности лейбъ-медика, я долженъ былъ стать въ обыкновенную колею труженнической военно-медицинской службы, не имѣя въ виду ничего лестнаго для себя, кромѣ самыхъ тяжелыхъ трудовъ по госпиталю, въ коемъ помѣщалось до 1,000 больныхъ.

Отъ редакціи. На этомъ мы прекращаемъ печатаніе „Воспоминаній Тарасова“, такъ какъ далѣе онѣ, не представляя общаго интереса, заключаютъ въ себѣ подробности служебнаго и домашняго быта автора. Изъ его разсказа, между прочимъ, видно, что въ 1827 г. Тарасовъ былъ вызванъ барономъ Дибичемъ на Кавказъ; здѣсь генераль Паскевичъ предлагалъ Тарасову мѣсто штабъ-доктора отдѣльнаго кавказскаго корпуса; но тотъ не принялъ этого предложенія, между прочимъ, какъ объясняетъ въ „Запискахъ“: „въ виду особеннаго рода обхожденія генерала Паскевича съ подчиненными“. Между тѣмъ, нерасположеніе къ Тарасову Вилліе было такъ велико, что первый, по совѣту Дибича, принимавшаго въ немъ участіе, перешелъ изъ военнаго вѣдомства, т.-е. изъ-подъ начальства Вилліе въ гражданское, и въ концѣ 1827 г. занялъ постъ генераль-штабъ-лекаря по гражданской части. Въ 1829 г. Тарасовъ пожалованъ „за службу при императорѣ Александрѣ I“ званіемъ лейбъ-хирурга, не въ примѣръ другимъ. За труды по прекращенію холеры въ 1831 г. Д. К. Тарасовъ произведенъ въ статскіе совѣтники. Состояніе его росло, и въ 1834 г. онъ считалъ капиталъ свой до 150 т. руб. ассигн., кромѣ вещей золотыхъ и серебряныхъ, приобрѣтенныхъ практикою. Вслѣдствіи это состояніе значительно увеличилось выгоднымъ помѣщеніемъ капитала у извѣстнаго откупщика Рюмина, взявшаго его въ залого по откупамъ. 6-го августа 1836 г. Тарасову ввѣрено управленіе военно-медицинскимъ департаментомъ; до того времени званіе директора этого департамента носилъ баронетъ Вилліе, получившій полное по оному содержаніе, но не знавшій даже гдѣ находится его департаментъ. 11 іюня 1837 г. Д. К. женился на достойнѣйшей, образованной и добрѣйшей сердцемъ, дѣвицѣ Елизаветѣ Платоновнѣ Граматиной. „Ангельскій характеръ, скромныя манеры, образованіе и высокія нравственныя достоинства ея видимо ручались за счастливую нашу будущность“. Д. К. Тарасовъ въ трогательныхъ выраженіяхъ отзывается о жизни въ супружествѣ съ Елизаветой Платоновной. „Е. П. своею супружескою нѣжностью,—пишетъ Д. К.,—ангельскою добротою и благоразумнымъ принаровленіемъ къ моему характеру, доставила мнѣ наслажденіе жизни и утѣшеніе въ трудностяхъ моей служебной обязанности“.

6-го сентября 1846 г. Тарасовъ, по прошенію, уволенъ отъ управленія военно-медицинскимъ департаментомъ; съ назначеніемъ непремѣннымъ членомъ медицинскаго ученаго комитета, а затѣмъ — членомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Вислѣдствіи Тарасовъ былъ предсѣдателемъ медико-филантропическаго комитета.

„Непредвидѣнная кончина императора Николая, — пишетъ, между прочимъ, — Тарасовъ, имѣла на меня самое горестное вліяніе. Я его зналъ очень близко.... По восшествіи на престолъ онъ сдѣлался замѣчательнымъ монархомъ, одареннымъ необыкновенною силою воли, твердостью характера и добротой души высокой, благородной и, если можно сказать, рыцарской. Продолжительное его царствованіе могло бы быть однимъ изъ блистательнѣйшихъ въ свѣтѣ, если бы онъ имѣлъ соотвѣтственныхъ ему помощниковъ — государственныхъ людей съ талантами, опытныхъ и патриотовъ. Въ выборѣ ихъ онъ былъ скоръ, а потому не всегда счастливъ“.

Воспоминанія Д. К. Тарасова останавливаются на 1856 г.; затѣмъ въ собственноручной рукописи его автобіографіи помѣщены воспоминанія объ умершихъ его дѣтяхъ — Николаѣ и Надеждѣ и замѣтки о своемъ супружествѣ съ Е. П. Граматиной, о которой онъ говоритъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

20-го апрѣля 1866 г. петербургскими врачами былъ отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей медицинской службы доктора, тайнаго совѣтника Д. К. Тарасова (описаніе праздника юбилея помѣщено въ № 20 „Медицинскаго Вѣстника“ 1866 г.). При милостивомъ рескриптѣ юбиляръ получилъ орденъ Владиміра 2-й степени, а собравшіеся представители всего русскаго медицинскаго сословія въ рѣчахъ и привѣтахъ выразили большое сочувствіе къ виновнику торжества. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Д. К. Тарасовъ скончался. Ред.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Александръ I въ Орлѣ.

1823.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1871 г. (т. IV, стр. 610—611) въ „Воспоминаніяхъ лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова“ напечатано, что во время трехдневнаго пребыванія императора Александра I въ Орлѣ въ 1823 году, губернаторомъ въ этомъ городѣ былъ дѣйств. ст. совѣтникъ „Солнцевъ, замѣчательный своею оытностью и порядительностью“.

Былъ ли въ это время Солнцевъ губернаторомъ въ какой-нибудь другой губерніи, мнѣ неизвѣстно, но что онъ не былъ губернаторомъ въ Орлѣ во время пребыванія императора въ этомъ городѣ въ 1823 году, это доказывается несомнѣнно формулярнымъ о службѣ спискомъ тайнаго совѣтника Николая Ивановича Шредера. Изъ этого списка видно, что весь 1823-й годъ орловскимъ гражданскимъ губернаторомъ былъ именно Н. И. Шредеръ, состоявшій тогда въ чинѣ дѣйств. ст. совѣтника.

Подтверженіе этого, если бы такое было нужно, можно найти въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1824 г., издававшихся П. Свиньинымъ. Въ № 45 этого журнала за январь 1824 года помѣщены „Нѣкоторыя свѣдѣнія о путешествіи его императорскаго величества въ 1823 году совершенномъ“. Изъ этихъ „свѣдѣній“ оказывается, что Александръ I прибылъ въ Орелъ въ 12-мъ часу пополудни 3-го сентября, а выѣхалъ изъ Орла въ 8 часовъ утра 7-го сентября. Останавливался государь въ домѣ губернатора, гдѣ ему и поданъ былъ отъ д. с. с. Шредера рапортъ о благосостояніи губерніи, какъ только императоръ прибылъ на приготовленную ему въ этомъ домѣ квартиру. У слагбаума же города Александръ I былъ встрѣченъ однимъ полиціймейстеромъ города.

Покойный Н. И. Шредеръ не разъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ пребываніи императора въ Орлѣ, при чемъ сообщалъ много подробностей, касавшихся лично его самого. Такъ, напримѣръ, онъ рассказывалъ, что во все время пребыванія императора въ Орлѣ, онъ въ теченіе трехъ сутокъ слишкомъ не снималъ мундира и даже ботфорты (которые тогда носили и гражданскіе чиновники первыхъ пяти классовъ, кажется), въ которыхъ всѣ три ночи спалъ, сидя въ креслахъ. По отъѣздѣ государя ботфорты снять обыкновеннымъ способомъ уже не было возможности: ихъ пришлось разрѣзать.

Н. И. Шредеръ былъ очень обласканъ императоромъ и получилъ за вполне исправное состояніе губерніи и города Орла награду, по тогдашнему времени, чрезвычайно рѣдкую. Будучи всего одинъ годъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени, дававшійся тогда сплошь и рядомъ лишь тайнымъ совѣтникамъ, или уже заслуженнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ.

Независимо отъ этой награды, государь вспомнилъ о Н. И. Шредерѣ полгода спустя, какъ о дѣльномъ и распорядительномъ губернаторѣ, назначивъ его губернаторомъ въ Рязанскую губернію, для устройства этой губерніи, управленіе которою, повидимому, было запущено. Это подтверждается опять формулярнымъ о службѣ Н. И. Шредера спискомъ.

По поводу губернаторства Н. И. Шредера въ Рязани, мнѣ припоминается одна его, не лишенная остроумія, выходка.

Рязанская губернія была въ числѣ пяти губерній, составлявшихъ генераль-губернаторство генерала Балашева, съ которымъ Н. И. Шредеръ былъ не въ ладахъ и который, по словамъ Н. И. Шредера, частенько надоедалъ ему разными запросами. При одномъ изъ личныхъ свиданій, Н. И. Шредеръ, по поводу именно этихъ запросовъ, сказалъ генераль-губернатору Балашеву: „Знаете ли вы, ваше высокопревосходительство, что мы съ вами дѣлаемъ? Я вяжу чулокъ, а вы у меня безпрестанно спрашиваете, сколько я рядовъ связалъ“.

Эта острота и вообще нелады Н. И. Шредера съ генераль-губернаторомъ Балашевымъ стоили ему, однако, дорого. Въ 1826 году онъ лишился губернаторства и только въ 1831 году вновь былъ назначенъ губернаторомъ въ Витебскъ, гдѣ и оставался до 1836 года, когда окончательно вышелъ въ отставку, бывъ уже на службѣ тайнымъ совѣтникомъ.

В. Н. Л.—въ.

II.

Александръ I въ Костромской губерніи.

1824.

Осенью 1824 года, въ октябрѣ, императоръ Александръ проѣзжалъ Костромской губерніей, изъ Витки, въ Петербургъ. Съ нимъ были Дибичъ, Соломка и лейбъ-медикъ Вилліе. До Витки ѣхали на колесахъ, но тамъ внезапно выпалъ большой снѣгъ; Костромской губерніей ѣхали на саняхъ. Недоѣзжая до Кологрива, государю былъ приготовленъ ночлегъ на станціи Ильинскомъ, въ Ветлужскомъ уѣздѣ, въ имѣніи г-жи Патерсонъ, въ 18-ти верстахъ отъ ея усадьбы Любово, въ которой она жила. Тогда костромскимъ губернаторомъ

былъ генералъ Баумгартенъ, Карлъ Ивановичъ, а губернскимъ предводителемъ Сергій Федоровичъ Куріановъ; они были въ Костромѣ, а на станціи Ильинскомъ находились для встрѣчи государя: велужскій предводитель Михаилъ Ивановичъ Верховскій, и исправникъ, братъ его, Владиміръ Ивановичъ Верховскій. Изъ усадьбы г-жи Патерсонъ были привезены ковры, зеркала, канделябры, разная мебель; сама же Евгенія Акимовна Патерсонъ, урожденная Львова, женщина чрезвычайно гордая, обидѣвшись тѣмъ, что предводитель не ее пригласилъ принимать государя, съ другими дамами, на станціи, а выписалъ свою жену, Ольгу Карловну, гостившую въ то время у кого-то въ Макарьевѣ, и поэтому не захотѣла вовсе туда ѣхать, и отпустила въ своемъ экипажѣ горничныхъ, поглядѣть государя. Горничныя, между прочимъ, зашли въ ту избу, гдѣ кушала государевъ кучеръ, Илья Ивановичъ, и чтобы посмотрѣть его, забрались на полаты. Повуда онѣ тамъ сидѣли, вошелъ въ избу исправникъ Верховскій и сказалъ, что государь завтрашній день будетъ кушать у Василія Васильевича Патерсона. Услышавъ это, горничныя святились съ полатей, побѣжали къ своему экипажу и во весь духъ погнались домой, рассказать барынѣ. Барыня не повѣрила и сказала: „это опять штуки Верховскаго, насмѣхъ мнѣ выдумываетъ“. Но слѣдомъ за горничными приѣхалъ лейбъ-медикъ Вилліе.

Патерсонъ воспитывался вмѣстѣ въ дѣтствѣ съ Вилліе и приходился ему какъ-то роднею; они были очень дружны и приѣхали въ Россію вмѣстѣ, на одномъ кораблѣ, потомъ разстались и Вилліе потерялъ Патерсона изъ виду. Государь, отдыхая на станціи, замѣтилъ довольно изящное ея убранство и спросилъ случайно, кто приготовилъ это для него, и въ чьемъ онѣ имѣніи. Вилліе пошелъ спросить объ этомъ мѣстныхъ власти и узналъ такимъ образомъ, что находится въ 18-ти верстахъ отъ своего школьнаго товарища и родственника; докладывая объ этомъ государю, онъ попросилъ позволенія съѣздить къ нему. Государь, отпуская его, вдругъ спросилъ: „а не хочешь ли твой другъ Патерсонъ, чтобы и у него завтра обѣдалъ?“

Вилліе поспѣшилъ съ этой новостью въ Дюково. Г-жа Патерсонъ не знала Вилліе и не понимала по-англійски; мужъ познакомилъ ихъ, и Вилліе по-русски объяснилъ ей, какого гостя они будутъ принимать. Она, конечно, отвѣчала, что это величайшее счастье, но что она боится не сумѣть сдѣлать достойный приѣмъ, и освѣдомилась, какой долженъ быть столъ. „Если хотите походный, отвѣчалъ Вилліе, такъ семь блюдъ; а если парадный, такъ сколько только вамъ возможно; обѣдъ въ 6 часовъ“. Она рѣшила, что будетъ парадный. Патерсоны были люди богатые и тутъ, конечно, сдѣлали все, чтобы не

ударить лицомъ въ грязь. На другой день государева кухня и 6 человекъ поваровъ приѣхали заранѣе; густыя толпы народа собрались по дорогѣ около усадьбы. Отданъ былъ приказъ, чтобы полиціи не было и признаковъ, чтобы никакое чиновное лицо не сопровождало государя. Наконецъ, махальные, разставленные по дорогѣ, дали знать, что государь ѣдетъ. Онъ сидѣлъ съ Дибичемъ; сани не ѣхали, а лѣгли. Когда экипажъ остановился у крыльца, некому было отстегнуть полость. Патерсонъ стоялъ на крыльцѣ съ Вилліе и съ сыномъ Дмитріемъ, мальчикомъ 13-ти лѣтъ; г-жа Патерсонъ, одѣтая вся въ бѣломъ, стояла въ сѣняхъ съ хлѣбомъ и солью. Патерсонъ, всю жизнь свою говорившій чрезвычайно плохо по-русски и всѣхъ называвшій „мой батюшкинъ“ вскричалъ: „постой, постой, мой батюшкинъ!“ сбѣжалъ съ крыльца, отмахнулъ полость и въ то же мгновеніе сбѣжалъ опять, помня, что не приказано никому быть около царскаго экипажа. Вошедши въ сѣни, государь принялъ отъ хозяйки хлѣбъ-соль и поцѣловалъ у нея руку. Затѣмъ сѣли за столъ: государь, хозяйка, Дибичъ и Соломка; хозяйка съ Вилліе обѣдалъ въ другой комнатѣ. Обѣдъ состоялъ изъ 24 блюдъ, между ними 6 десертныхъ; государю очень понравилось варенье изъ поленики; послѣ обѣда Вилліе поднесъ ему двѣ большія банки этого варенья и сказалъ: „Вотъ, ваше величество, хозяйка проситъ принять на дорогу варенье, которое вы изволили похвалить“. Государь поблагодарилъ, поцѣловалъ у хозяйки руку и въ размѣнъ предложилъ десятокъ ананасовъ, изъ тѣхъ, которые были ему поднесены въ Вяткѣ купцами. За обѣдомъ государь спросилъ хозяйку: „Не родня ли былъ ея отецъ нашему воспитателю Лаврову?“— „Родной дядя ему, ваше величество“. „А, очень радъ, позвольте же мнѣ поцѣловать вашу руку“, сказалъ государь. Г-жа Патерсонъ считала, что въ продолженіе своего посѣщенія императоръ поцѣловалъ у нея руку семь разъ. Мужа ея онъ спросилъ, почему онъ никогда не вступалъ въ русскую службу для приобрѣтенія дворянскаго достоинства? и замѣтилъ, что это имѣетъ неудобство въ отношеніи воспитанія дѣтей, но тотчасъ же прибавилъ: „Я вамъ устрою это, и обратясь къ Вилліе сказалъ: запиши имя и фамилію и напоминай мнѣ при случаѣ“. И дѣйствительно, Дмитрій Патерсонъ былъ впоследствии принятъ въ дворянскій пансіонъ при московскомъ университетѣ. При отъѣздѣ, государь подарилъ хозяйкѣ брилліантовый фермуаръ, который она никогда не надѣвала, а пожертвовала на образъ казанской Божіей Матери въ своемъ приходѣ, такъ-называемомъ Село-Богородицы, гдѣ фермуаръ и по сіе время находится. Изъ Дюкова императоръ поѣхалъ въ Кологривъ, гдѣ останавливался въ домѣ городничаго Баева. По преданію, государю

должно было ѣхать оттуда въ Кострому, и его ждали; между прочимъ, онъ обѣщалъ одному помѣщику, Бестужеву, имѣть у него обѣденный столъ въ селѣ его, Парфентьевѣ, на пути изъ Кологрива въ Кострому; но вдругъ почему-то маршрутъ измѣнился, и государь поѣхалъ чрезъ Вологодскую губернію, на Тотьму.

Разсказъ этотъ записанъ, отъ слова до слова, со словъ дочери Патерсона, Екатерины Васильевны Ж., бывшей въ то время девятилѣтнимъ ребенкомъ.

Сообщ. М. Рангъ.

III.

Маршалокъ Пусловскій.

„Въ Русской Старинѣ“ (изданія 1872 г. томъ V, стр. 381), въ запискахъ лейбъ-медика Тарасова: „Воспоминанія моей жизни“, сообщено было нѣсколько свѣдѣній о Пусловскомъ. Въ свѣдѣніяхъ этихъ г. Осипъ Пржецлавскій нашелъ нѣкоторыя неточности, и исправивъ ихъ, прибавилъ нѣкоторыя черты для характеристики личности Пусловскаго (т. V, „Русск. Стар.“ 1872 г., стр. 684). При всемъ томъ, нельзя не сознаться, личность Пусловскаго остается все-таки недостаточно обрисованною. Поэтому считаемъ не лишнимъ представить самому Пусловскому обрисовать себя. Вотъ его собственноручныя письма къ генералъ-фельдмаршалу князю Кутузову-Смоленскому.

Вадимъ Васильевъ.

I. Ваша свѣтлость! Обитатели Европы, желающіе общаго блага и спокойствія, не могутъ какъ просить Всевышняго, дабы сохранялъ здоровье и жизнь вашей свѣтлости, нужныя для увѣччанія дѣла, видимо благословеннаго. Не буду считать милостей, Литвѣ изъявленныхъ, но скажу, что она счастлива и чувствовать будетъ, что должна сіе особѣ вашей свѣтлости. Я былъ бы нечувствителенъ и не заслуживалъ бы на будущую милость вашу, если бы таилъ предъ обществомъ отеческое, вашей свѣтлости, литовскихъ жителей покровительство. Я, съ дѣтми моими, будемъ молить за здоровье нашего благодѣтеля. Нынѣ же осмѣливаюсь просить принять лекарство, которое да подерѣпитъ его въ трудахъ: вино старое венгерское, какаго въ Калишѣ и другихъ мѣстахъ достать не можно, будетъ полезнѣе всякихъ хинъ и другихъ аптекарскихъ лекарствъ. Примите изъясненіе благодарности, съ которою навсегда слуга вѣрной, В. Пусловскій.

Бутылокъ 24 при семъ препровождаю.

(Письмо относится къ февралю и марту 1813 г.).

II. Ваша свѣтлость! Въ Варшавѣ наполь я тотъ самой духъ, которой во всѣхъ отъ Польши войсками російскими занятыхъ про-

винціяхъ расходится. Всѣ желаютъ миру и чтобы не быть раздѣлены, но принадлежать одному, Европѣ извѣстному, великодушному государю Александру. Легко сему вѣрить можно, ибо тяжкіе налоги и ненатуральное напряженіе силъ видимо истощаютъ край, а къ сему-жъ скажу: чиежъ сердце нечувствуетъ милостивое государя обращеніе! Никто не сомнѣвается, что мудрыя распоряженія войскъ, вашей свѣтлости повѣренныхъ, вскорѣ загремятъ на берегахъ Рейна. Если доносить, что есть классы дамъ, лишнее говорящихъ; то можетъ быть та только, которая видитъ, что ихъ любовники могутъ лишиться мѣстъ, дающихъ имъ пропитаніе. Не принадлежать къ сей классѣ имѣющія чувствіе и разумъ; затѣмъ надѣюсь, что сіе не сдѣлаетъ никакого вліянія на начальникахъ, установленныхъ по довѣрію его императорскаго величества и вашей свѣтлостию. Всѣ же важнѣйшія особы дѣлаютъ желанія наши. Сіе мое донесеніе есть столь истинно, сколь дѣйствительно почтеніе и преданность, съ которою имѣю честь быть и проч. В. Пусловскій.

23-го марта 1813 года.

Съ Варшавы.

P. S. Не смѣлъ бы я утруждать правительство о помощи, но нѣсколько тысячъ душъ, лишенныхъ скота и насеня, побуждаютъ меня къ сему. Вашей свѣтлости извѣстно, сколь я усерденъ былъ служить во всѣхъ правительства требованіяхъ. Помощь, въ заимообразъ денегъ его императорскимъ величествомъ назначенная, чѣмъ скорѣе мнѣ доставлена будетъ, тѣмъ поспѣшиѣ поставитъ меня въ возможности подкрѣпить крестьянъ моихъ и быть готову на услуги правительства.

Сообщ. В. И. Васильевъ.

IV.

Исторія болѣзни и послѣднихъ минутъ императора Александра Навловича, основанная на достовѣрнѣйшихъ свѣдѣніяхъ.

(Переводъ съ французской рукописи).

Путешествіе въ Крымъ, имѣвшее такіа роковыя послѣдствія для августѣйшаго путешественника, началось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; вначалѣ государь былъ имъ доволенъ, какъ нельзя болѣе. Отъ выѣхалъ изъ Таганрога 20-го октября въ 8 часовъ утра, погода стояла великолѣпная, дожди, длившіеся передъ тѣмъ нѣсколько дней сряду, къ этому дню кончились, туманъ разсѣялся, и верстъ за 100 отъ города дорога оказалась не только сухой, но даже пыльной. По приѣздѣ въ Крымъ, 25-го и 26-го октября государь осматривалъ южный берегъ его; живописная мѣстность приводила его въ восторгъ, въ особенности радовало его приобрѣтеніе Оріанды; онъ рѣшалъ по-

строить на этомъ мѣстѣ дворецъ по проекту архитектора Эльсона, съ утвержденія императрицы, для которой предназначалось это владѣніе. 27-го октября государь выѣхалъ изъ Алупки, простившись съ княземъ Воронцовымъ на три недѣли, по прошествіи которыхъ они должны были встрѣтиться въ Таганрогѣ. Проѣздомъ чрезъ Балаклаву государь закусывалъ у Ревельотти, потому что повара и прислуга его были далеко. Вечеромъ, въ тотъ же день, оставивъ свиту на большой дорогѣ, онъ отправился одинъ, верхомъ, осматривать монастырь св. Георгія, не дозволивъ никому сопровождать себя; онъ рѣшительно отказался отъ бурки, которую ему предлагали, несмотря на то, что погода измѣнилась; подулъ пронзительный вѣтеръ, поднялась роса и въ воздухѣ чувствовалась холодная сырость; переища эта была тѣмъ ощутительнѣе, что утро было жаркое и государь провелъ весь день въ дорогѣ подъ южнымъ палащимъ солнцемъ; ко всему этому надо прибавить, что по дорогѣ въ монастырь приходится спускаться въ пропасти, и выѣзжая изъ нихъ, взбираться на горы. Во время этой несчастной поѣздки государь простудился — этимъ началась болѣзнь, которая, развиваясь болѣе и болѣе, свела его наконецъ въ могилу. Приѣхавъ къ ночи въ Севастополь, государь остановился въ этомъ городѣ ночевать. На другой день, 28-го октября, осматривая городъ, онъ заходилъ въ жилища и неотстроенныя еще казармы и госпитали: въ первыхъ была нестерпимая духота, въ недостроенныхъ зданіяхъ безъ оконныхъ переплетовъ его, при входѣ, охватывало сквознымъ вѣтромъ; наконецъ, къ доверщенію всего этого государь, вышедъ изъ душевной казармы, сѣлъ въ лодку, какъ былъ, въ одномъ мундирѣ, не соглашаясь ни за что надѣть шинель, и поѣхалъ осматривать военный корабль. По возвращеніи на берегъ онъ завтракалъ вмѣстѣ съ адмираломъ Грейгомъ на открытомъ воздухѣ, въ палатѣ. Послѣ обѣда онъ осматривалъ другія части города. На другой день, 29-го октября, онъ посѣтилъ арсеналы, порты и другія сооруженія. Въ эти дни простудное состояніе его сказалось сильнымъ насморкомъ, но онъ все-таки не хотѣлъ лечиться; болѣзнь при такихъ условіяхъ свободно развивалась, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не берегъ себя. Проѣздомъ чрезъ Бахчисарай онъ былъ въ особенности неостороженъ: остановившись въ этомъ городѣ, онъ, чувствуя уже себя не совсѣмъ здоровымъ, поѣхалъ верхомъ, по обыкновенію, легко одѣтый, осматривалъ городскія окрестности и объѣхалъ весь городъ. 1-го ноября въ Козловѣ, 2-го въ Перекопѣ онъ уже чувствовалъ себя нехорошо. 3-го ноября въ Орѣховѣ ему сдѣлалось хуже, погода стояла ненастная; но онъ, не обращая на это вниманія, вышелъ на встрѣчу епископу екатеринославскому, который приѣхалъ въ Орѣховъ нарочно для того, чтобы видѣть

его. 4-го ноября онъ велѣлъ пригласить къ столу казачьихъ офицеровъ, бывшихъ въ дорогѣ. Весь этотъ день онъ чувствовалъ ознобъ и по приѣздѣ въ Мариуполь вечеромъ приготовилъ себѣ самъ стаканъ легкаго пуншу, положивъ всего три чайныя ложки рому на стаканъ горячей воды, и увѣряя, что это для него будетъ достаточно. Когда ему подбили шинель мѣхомъ, онъ на другой день казалось согрѣлся немного. 5-го ноября государь выѣхалъ изъ Мариуполя и приѣхалъ въ тотъ же день въ Таганрогъ, чувствуя все еще лихорадочную дрожь. Въ 6^{1/2} часовъ вечера онъ былъ уже дома во дворцѣ и, по обыкновенію, ничего не кушая и выпивъ только 2 раза зеленаго чаю, легъ спать. Я видѣлъ его на другой день, въ 10 часовъ утра, когда онъ выходилъ изъ покоевъ императрицы, возвращаясь на свою половину; мнѣ показалось, что лицо его горѣло и завѣтрѣло съ дороги. Я еще ничего не зналъ о болѣзни государя, но вскорѣ ея величество сказала мнѣ, что онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ и замѣчаетъ признаки крымской лихорадки. Въ этотъ день онъ цѣлое утро занимался дѣлами, окруженный кѣсами бумагъ, занимавшихъ весь письменный столъ его. Окончивъ дѣла, онъ съ императрицей вдвоємъ отправился къ столу, но ничего почти не кушалъ. Во время нашего обѣда дежурный камердинеръ принесъ записку г-ну Вилліе ¹⁾, изъ которой мы узнали, что государь легъ отдохнуть, чувствуя лихорадочное состояніе въ сильной степени; г-нъ Вилліе тотчасъ отправился къ нему и возвратился къ концу обѣда недовольный состояніемъ, въ которомъ онъ нашелъ государя; государь, согласился однако принять легкое слабительное въ пилюляхъ. 7-го ноября я узналъ отъ ея величества, что государю стало легче, но въ тотъ же день вечеромъ повторились пароксизмы лихорадки. Государь приписывалъ усиленіе болѣзни лекарствамъ и не хотѣлъ болѣе о нихъ слышать; ночь онъ провелъ безпокойно, такъ что 8-го ноября былъ съ утра приглашенъ Штоффрегень ²⁾. День этотъ былъ воскресный и праздничный, государь захотѣлъ непремѣнно быть у обѣдни и оба врача, при содѣйствіи императрицы, едва уговорили его остаться дома. Вечеромъ изъ Таганрога былъ отправленъ курьеръ въ С.-Петербургъ, онъ отвезъ послѣднее письмо государя; официальные бумаги, отправленные съ нимъ, всѣ были помѣчены, по приказанію государя, 9-мъ ноября. На

¹⁾ Лейбъ-медикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронетъ Яковъ Васильевичъ Вилліе, докторъ при государѣ, сопровождавшій его во время путешествія въ Крымъ; онъ былъ потомъ докторомъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ началѣ его царствованія.

Н. Д.

²⁾ Лейбъ-медикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кондратій Штоффрегень, докторъ при государынѣ.

Н. Д.

другой день утромъ здоровье государя какъ будто поправилось, хотя лекарства не подѣйствовали, какъ того ожидали доктора; когда къ вечеру лихорадочное состояніе его усилилось, мы поняли, что онъ боленъ не простудою съ легкими лихорадочными припадками, какъ ему до сихъ поръ казалось, но что въ болѣзни его замѣчаются уже признаки сильно развившейся перемежающейся желчной лихорадки. Ночью государь чувствовалъ себя худо, утромъ 10-го ноября ему опять стало легче. Разговаривая въ этотъ день съ докторомъ онъ замѣтилъ ему, между прочимъ, что при обсужденіи его болѣзни слѣдуетъ принимать въ соображеніе сильное нервное раздраженіе, которое онъ чувствуетъ, и что при такомъ состояніи лекарства разстраиваютъ и безъ того уже слабыя нервы его; эти слова навели насъ на мысль, что государь въ теченіе послѣдняго времени занимался вѣроятно какими-либо неприятными дѣлами, сильно его встревожившими. 11-го ноября я узналъ, что государь поутру чувствовалъ себя лучше, хотя ночью (съ 10-го на 11-е число) лихорадочные пароксизмы усилились. Онъ все еще думалъ, что у него крымская лихорадка, хотя по всему видно было, что болѣзнь его становится серьезной. 12-го ноября, въ теченіе дня государь чувствовалъ себя хорошо, но къ вечеру лихорадочные пароксизмы возвратились съ новою силою и на этотъ разъ были до того мучительны, что въ насъ впервые зародилось предчувствіе той опасности, въ которой находился больной. 13-го ноября утромъ государь почувствовалъ облегченіе послѣ того, какъ лекарство, данное ему въ пилюляхъ, подѣйствовало и выгнало много желчи, но онъ по прежнему, не довѣряя медицинской помощи, отвергнулъ предложеніе докторовъ пустить ему кровь. Къ вечеру онъ впалъ въ полное забытiе, трудное и прерывающееся дыханіе его и сильныя судороги, сопровождавшія потерю сознанія, убѣждали въ необходимости болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, но государь отвергалъ ихъ настойчиво; послѣ этого тяжелаго вечера онъ провелъ самую безпокойную ночь, наши опасенія усиливались при столь очевидномъ и быстромъ развитіи болѣзни. На другой день, 14-го ноября, доктора рѣшительно потеряли голову; страхъ и печаль овладѣли всѣми, когда государь отвергнулъ всѣ, безъ исключенія, медицинскія пособія, которыя были ему предложены. Мы всѣ слышали трогательныя просьбы и неотступные доводы императрицы: она такъ краснорѣчиво убѣждала его, въ словахъ ея звучало столько высокаго религіознаго чувства, но всѣ усилія ея были тщетны; она не могла уговорить его, чтобы онъ дозволилъ поставить шпалки къ головѣ и принялъ наконецъ энергическія мѣры, необходимыя теперь, когда болѣзнь начинаетъ принимать болѣе серьезный характеръ. Мы всѣ горько плакали при видѣ тщетныхъ усилій императрицы, когда на

всѣ доводы своей августѣйшей супруги государь отвѣчалъ одно: что онъ уже испыталъ бесполезность лекарствъ, которые раздражаютъ только нервы его и потому скорѣе способствуютъ развитію болѣзни, чѣмъ облегчаютъ ее. Когда государыня пробовала дѣйствовать на религіозныя чувства его, онъ отвѣчалъ ей: что съ полною вѣрою, искренностью которой выдержала столько испытаній предъ Богомъ, онъ надѣется на свою крѣпкую натуру, которою онъ надѣленъ отъ Всевышняго. Послѣ всего этого у докторовъ опустели руки, Вилліе шакаль вмѣстѣ съ нами въ сосѣдней комнатѣ. Къ вечеру сонъ государя обратился вновь въ тревожное забытье, часто прерывавшееся. Докторъ Рейнгольдъ, находившійся при немъ ночью съ 13-го на 14-е ноября, сообщилъ мнѣ на другой день, что онъ, входя въ комнату больного, замѣтилъ признаки пораженія мозга и что болѣзнь приняла такой плохой оборотъ, что уже нѣтъ надежды на выздоровленіе. Въ теченіе всего этого дня государь лежалъ съ полнѣйшей потерей сознанія, къ вечеру пароксизмы лихорадки были столь сильны, что императрица рѣшилась приготовить его къ исполненію христіанскихъ обязанностей; онъ съ радостью согласился на это, и 15-го числа былъ призванъ соборный священникъ Фодотовъ, у котораго императоръ къ этотъ день исповѣдался и приобщился. Онъ приступилъ къ Таинству съ особенно трогательнымъ благоговѣніемъ. Священникъ говорилъ ему, что религія наша не дозволяетъ пренебрегать своимъ здоровьемъ и подвергать этимъ опасности жизнь, дарованную намъ Богомъ; слова духовника подѣйствовали на государя и онъ обѣщалъ подчиниться совѣтамъ врачей. Я узналъ обо всемъ этомъ на другой день, какъ только проснулся и тотчасъ послѣдшилъ во дворецъ; тамъ ставили уже больному 30-ть пиявокъ къ головѣ; хотя это средство и подѣйствовало замѣтно на состояніе больного, но оно было употреблено слишкомъ поздно для того, чтобы ожидать отъ него полнаго успѣха. Князю Волконскому сдѣлалось при этомъ дурно, онъ совершенно упалъ духомъ и обезсилѣлъ подавленный горемъ. Штофрегенъ говорилъ, что только крѣпкая натура императора могла вынести пароксизмы этого утра, когда онъ ожидалъ съ минуты на минуту, что все будетъ кончено. Днемъ императоръ почувствовалъ минутное облегченіе, и обратившись къ императрицѣ, не покидавшей его въ эти дни, предлагалъ ей прогуляться и подышать свѣжимъ воздухомъ: онъ понималъ конечно настоящую причину ея отказа, когда она отговаривалась худой погодой, которая не была вовсе такъ дурна. Послѣ этого минутнаго облегченія онъ снова впалъ въ забытье съ полною потерей сознанія; когда ему поставили горчичники къ обѣимъ рукамъ, онъ на время пришелъ въ себя и съ горечью жаловался

на боль, которую онъ отъ нихъ чувствовалъ: „не мучьте меня“, говорилъ онъ окружающимъ. Желаніе его было исполнено; онъ тотчасъ послѣ этого потерялъ сознаніе и впалъ въ состояніе, близкое къ летаргіи; дыханіе его было тяжело, синеватая, мертвенная блѣдность покрыла лицо его, не утратившее еще того симпатичнаго добраго выраженія, въ которомъ такъ ясно отражалась свѣтлая душа его. Послѣ полуночи ему какъ-будто стало легче, но между 3-мъ и 4-мъ часомъ ночи вновь возвратились сильнѣйшіе пароксизмы лихорадки и продолжались на слѣдующій день, 16-го ноября, сопровождаемыя всѣми признаками близкой кончины и съ усиленіемъ болѣзни, силы больного замѣтно уже стали упадать. Въ теченіе всего этого дня государь былъ лишенъ всякаго сознанія до такой степени, что не чувствовалъ даже въ теченіе 10-ти часовъ горчичниковъ, приложенныхъ къ ногамъ, и только къ вечеру сталъ жаловаться на боль отъ нихъ. Мы думали, что нѣкоторыя части головы его, особенно глаза и языкъ были парализованы, но къ 11-ти часамъ онъ пришелъ въ чувство, узналъ императрицу, улыбнулся ей, сказалъ нѣсколько словъ и съ выраженіемъ трогательнаго чувства пожалъ и поцѣловалъ ея руки, потомъ спросилъ лимоннаго мороженаго, которое ему тотчасъ приготовили; послѣ этого онъ впалъ въ забытѣе, за которымъ по обыкновенію послѣдовали на слѣдующее утро усиленные пароксизмы лихорадки. 17-го ноября утромъ ему приложили мушки къ затылку, онъ нѣкоторое время не чувствовалъ ихъ, но потомъ послышались стоны его и жалобы на боль; нѣсколько разъ въ теченіе этого дня онъ узнавалъ еще императрицу, пожималъ ей руки, говорилъ даже съ ней слабымъ и прерывающимся голосомъ. День былъ ясный, солнечный и государь, замѣтивъ это, вдругъ восселинулся: „какая славная погода!“ и такимъ же почти твердымъ голосомъ, какимъ онъ говорилъ здоровый, хотя при этомъ страданія продолжались; ему тяжело было малѣйшее движеніе, и промываніе ранъ отъ мушекъ мучило его, все-таки этотъ обманчивый признакъ облегченія болѣзни вызвалъ въ насъ вновь надежды, но не надолго: государь оживился не болѣе какъ на 2 часа. Къ вечеру болѣзнь, по всѣмъ признакамъ, начала усиливаться, и надо было наконецъ объявить императрицѣ, что всѣ медицинскія средства истощены. По временамъ замѣтны были мѣстные судороги, и мы ждали съ минуты на минуту, что все будетъ кончено. Около часа ночи забытѣе, въ которомъ находился государь, стало покойнѣе; на 18-е ноября усиленіе лихорадки опять встревожило всѣхъ, тѣмъ болѣе, что силы государя безнадежно упали. Священникъ ожидалъ уже во дворцѣ, когда его позовутъ читать послѣднія молитвы; но часы пробили 9-ть, и государь обратилъ на нихъ глаза, еще

полные жизни. Когда вслѣдъ за этимъ онъ увидѣлъ дорогую и милую ему императрицу, онъ хотѣлъ говорить, но, увы! не могъ сказать ей привѣтливаго слова; онъ лишился уже языка и лишь по движенію губъ его можно было отчасти угадывать его желанія, онъ могъ только улыбнуться ей, пожать и поцѣловать ея руки. Къ вечеру онъ не въ состояніи былъ проглотить пищу; при видѣ конвульсій въ разныхъ частяхъ головы, особенно въ глазахъ, чувствовалась приближающаяся съ каждой минутой кончина этого привлекательнаго человѣка, столь дорогаго для всей Россіи; дыханіе его обратилось наконецъ въ глухое хрипѣніе, слышались плачь и стоны во дворцѣ, но спустя нѣсколько времени больной сталъ покойнѣе, черты лица его приняли обычное выраженіе, только ротъ оставался открытымъ; онъ узналъ еще императрицу и обратился къ ней съ обычною нѣжностью. Осматриваясь, онъ замѣтилъ доктора Добберта, котораго не привыкъ видѣть около себя, взглядъ его выразилъ удивленіе и любопытство; онъ хотѣлъ конечно спросить, зачѣмъ онъ тутъ, но не могъ и тотчасъ же закрылъ глаза. Въ насъ снова проснулась надежда. Анисимовъ, камердинеръ императора, выразился при этомъ весьма характерно: онъ увѣрялъ, что государь „отбаливается и будетъ здоровъ“, но надеждамъ нашимъ не суждено было оправдаться. Такъ какъ государь не могъ ничего проглотить, то ему поставили клистиръ изъ бульона, сваренаго на смоленской крупѣ. Больной на нѣсколько часовъ успокоился и потерялъ сознаніе; забытье длилось не долго, съ наступленіемъ полуночи возобновились пароксизмы лихорадки. Въ четвергъ, 19-го ноября, день принесшій намъ и всей Россіи столько горя, что онъ не скоро изгладится изъ памяти народной, пароксизмы закончились долгою агоніей, тяжелое дыханіе его сопровождалось стонами, въ которыхъ слышалось страданіе, и икотой, предвѣстницей смерти. Дыханіе его становилось съ каждымъ разомъ короче и разъ 5-ть останавливалось вовсе; наконецъ, въ 10³/₄ часовъ императоръ скончался въ присутствіи императрицы. Ее оставили одну съ умирающимъ супругомъ, она молилась во все время агоніи и оставалась еще съ полчаса передъ бездыханнымъ трупомъ, закрыла глаза покойному и подвязала ему подбородокъ. Можно-ли было ожидать, чтобы слабая натура государыни, пораженная болѣе, чѣмъ неизлечимымъ недугомъ, вынесетъ столько нечеловѣческихъ усилій, если бы она не вмѣщала такой великой, твердой, сильной души? Кто бы подумалъ, что она, вопреки общаго порядка вещей, съ ея слабымъ и разстроеннымъ организмомъ, переживетъ человѣка сильнаго, крѣпкаго и здороваго, который природную крѣпость своего организма поддерживалъ строгою и воздержною жизнію. Два часа спустя, эта необыкновенная жен-

щина присутствовала уже на панихидѣ; тяжело было видѣть слезы ея, но твердая и бодрая наружность ея внушала невольное уваженіе. Чуждаясь мелкихъ заботъ житейскихъ, она, не развлекаемая ими, оставалась одна въ теченіе цѣлаго дня съ своимъ горемъ, и это не помѣшало ей вечеромъ звиться передъ нами снова на панихидѣ, по прежнему бодрой и твердой въ несчастіи ея, и тоже на другой день, утромъ и вечеромъ. 20-го ноября она согласилась наконецъ на просьбы князя Волконскаго и переехала въ домъ Шахматовыхъ на время вскрытія умершаго и приготовленій къ парадному выставленію тѣла. Она рѣшилась говѣть въ это время въ часовнѣ, которая на слѣдующій же день была устроена въ покояхъ ея. Каждый день въ 5^{1/2} часовъ вечера она заходила во дворецъ взглянуть на покойнаго супруга своего. Мы имѣемъ основательный поводъ опасаться за физическія силы императрицы, душевныя же силы ея не падаютъ и стоятъ на той же нравственной высотѣ, достойной почтительнаго удивленія.

Вскрытіе производилось 20-го ноября вечеромъ и ночью. Тѣло покойнаго императора сохранило свои атлетическія формы. Въ задней части головы, какъ того и ожидали доктора, оказалось около полустакана воды; мозгъ съ лѣвой стороны почернѣлъ въ томъ мѣстѣ, на которое государь указывалъ, жалуясь на мучительную головную боль, и артерія около лѣваго виска перепуталась съ другою жилою до того, что казалась связанной съ нею вмѣстѣ. Сердце, въ отношеніи другихъ органовъ, было мало, и его нашли окруженнымъ небольшимъ количествомъ воды, которая могла образоваться еще до болѣзни; предположеніе это оправдывается тѣмъ, что императоръ, еще до болѣзни, жаловался на біеніе сердца. Печень не представляла никакихъ особенностей, она была только слишкомъ открыта и испускала много желчи, несмотря на сильное изверженіе желчи въ продолженіе 15-го и 16-го ноября, послѣ приема лекарствъ. Хрящи между крестцовыми позвонками окостенѣли такъ, что между этими позвонками не видно было хряща и позвоночный столбъ въ этомъ мѣстѣ казался состоять изъ однихъ костей. Остальные внутренніе органы найдены были въ нормальномъ состояніи.

Я передаю факты, которые происходили на моихъ глазахъ и тѣ подробности, которыя были рассказаны мнѣ объ этомъ роковомъ событіи, лишившимъ отечество величайшаго изъ монарховъ и подданныхъ попечительнаго отца. Не думая отдавать отчета о всѣхъ подробностяхъ этого общественнаго горя, я отмѣтилъ лишь важнѣйшіе факты. Записка моя составлена не для печати, а единственно для меня самого и друзей моихъ; къ тому же, доктора вели бюллетень болѣзни, который долженъ быть признанъ за единственный официаль-

ный и легальный источникъ при разъясненіи хода болѣзни императора и переходовъ ея отъ перемежающейся лихорадки въ желчную, нервную, и наконецъ въ тифъ. Болѣзнь развивалась съ такой быстротой, что 10-ти или 12-ти дней достаточно было для того, чтобы разбить крѣпкое сложеніе императора, при которомъ можно было надѣяться, что онъ проживетъ вдвое долѣе.

Заканчивая эту печальную картину, я долженъ засвидѣтельствовать здѣсь два факта, которые доказываютъ, что государь имѣлъ предчувствіе смерти. Извѣстно, что онъ, предпринимая путешествіе, считалъ непремѣннымъ долгомъ отстоять службу въ казанскомъ соборѣ, въ Петербургѣ, передъ дорогою; отъѣзжая въ послѣднее путешествіе, онъ, по обыкновенію, отстоялъ обѣдню въ соборѣ наканунѣ, но на этотъ разъ, онъ ночью отдалъ приказаніе, чтобы къ 3 часамъ утра были готовы дрожки и велѣлъ везти себя на Каменный островъ, откуда онъ приказалъ ѣхать въ Невскій монастырь. Это поразило кура его, Илью¹⁾, потому что ничего подобнаго не случалось прежде. Государь оставался въ монастырѣ около 2-хъ часовъ и вышелъ оттуда сильно растроганный; послѣ этого онъ тотчасъ же выѣхалъ изъ столицы, въ которую ему не суждено было уже возвращаться. Однажды, во время бытности его въ Таганрогѣ, онъ занимался дѣлами; вдругъ, между 4 и 5 часами темная туча заволочла небо такъ, что онъ долженъ былъ потребовать свѣчей; только что зажжены свѣчи были поданы, какъ небо прояснилось и солнце показалось внощь, тогда камердинеръ возвратился въ кабинетъ и спросилъ, не прикажутъ ли ему убрать свѣчи. Императоръ взглянулъ на него и сказалъ „Да! ты правъ; если кто съ улицы увидитъ въ комнатѣ днемъ зажженные свѣчи подумаетъ, что здѣсь покойникъ; мнѣ тоже это пришло въ голову. Возьми ихъ“. На другой день, по возвращеніи изъ Крыма, 6-го ноября, чувствуя себя дурно, государь напомнилъ тому же камердинеру этотъ случай, прибавивъ, что его опасенія могутъ на этотъ разъ осуществиться, потому что онъ чувствуетъ себя серьезно больнымъ²⁾.

¹⁾ Илья Байковъ, кучеръ, сопровождавшій вездѣ государя; онъ же отвозилъ и тѣло его въ печальной церемоніи.

Н. Д.

²⁾ Эти два анекдота рассказаны, съ нѣкоторыми незначительными отличіями, при всѣхъ болѣе подробныхъ описаніяхъ кончины государя. Въ брошюрахъ, издаваемыхъ у насъ въ Россіи, первый рассказъ: о посѣщеніи императоромъ несклаго монастыря, обставленъ большими подробностями; въ нихъ описывается посѣщеніе императоромъ схимника, жившаго въ монастырѣ; переданы разговоръ ихъ, тяжело подѣйствовавшій на него напоминаніемъ о смерти и другими подробностями. (См. Послѣдніе дни жизни незабвеннаго монарха государя императора Александра I, съ изображеніемъ Таганрога и плана дворца, гвд. Ивана Зайкина. «Спб. 1827 г., на 55 стр., въ 8°; переводъ этого сочи-

Слава покойнаго государя будетъ долго жить въ исторіи, Россія сохранитъ навсегда въ памяти его добродѣтели и благодѣянія и Господь вознаградитъ его за нихъ въ будущей жизни.

Примѣчаніе. Самыя подробныя печатныя свѣдѣнія о болѣзни и кончинѣ императора Александра, изданныя у насъ въ Россіи, можно найти въ перечисленныхъ выше трехъ брошюрахъ (см. примѣч. 4). Всѣ эти описанія имѣютъ болѣе или менѣе оффиціально-риторическій колоритъ; видно, что составители приготовляли ихъ для печати и считали долгомъ выражаться высокимъ слогомъ, приличнымъ событію. Мы считаемъ излишнимъ много распространяться о нихъ, потому что они доступны всякому; замѣтимъ только для тѣхъ, кого это интересуетъ, что письма о кончинѣ государя, напечатанныя въ первой изъ поименованныхъ выше брошюръ (Послѣдніе дни жизни незабвеннаго монарха и т. д.), изданной въ Петербургѣ въ 1827 году, принадлежать: камеръ-гофъ-фурьеру Данилѣ Бабкину (2-е и 4-е письма, подписанныя буквами Д. Б.) и адмиральшѣ Бачмановой (1-е и 3-е письмо); въ моей библіотекѣ имѣются копии съ писемъ разныхъ лицъ о кончинѣ Александра Павловича, и между прочими копии съ писемъ, напечатанныхъ въ этой брошюрѣ съ полными подписями авторовъ ¹⁾.

ненія, съ пропускомъ приложенныхъ къ нему писемъ разныхъ лицъ о кончинѣ государя, изданъ подъ заглавіемъ: «*Taganrog ou les derniers jours d'Alexandre I Empereur de Russie, traduit du russe S. P. B. 1834 г., на 35 стр., въ 8°*» («*Таганрогъ или подробное описаніе болѣзни и кончины императора Александра Перваго, составленное Николаемъ Данилевскимъ, М. 1828 г., на VI, 85 и 2 нен. стр. съ 2 картинами, портретомъ и плащомъ*»). Н. Д.

¹⁾ Между ненапечатанными здѣсь письмами, изъ имѣющихся у меня, наиболѣе интересно письмо князя Волконскаго графу Милорадовичу; вотъ оно:

«19-го ноября 1825 г., 10 часовъ утра. Послѣ труднаго дня, т.-е. 16-го числа, въ продолженіе коего его величество оставался безъ всякаго движенія, оказывалъ существованіе свое только тяжелымъ дыханіемъ, за нѣсколько времени до разсвѣта онъ заснулъ и проспалъ до 8 часовъ утра; пробудившись, онъ открылъ глаза и произнесъ довольно внятнымъ голосомъ: «*Comme il fait beau!*» Взглянувъ на окно, которое освѣщалось солнечными лучами, спросилъ государыню, поцѣловалъ ея руку, сказавъ: «*Я думаю, вы устали*»; потребовалъ бульону и лимонаду. Видя, въ какомъ положеніи его величество, у всѣхъ на сердцѣ стало весело, все оживилось и приняло другой видъ, полагая, что искра надежды еще не угасла къ спасенію жизни драгоцѣннѣйшаго для Россіи государя; того же утра всѣ спѣшили въ церковь, дома остались пусты, всѣ лавки заперли (кромѣ?) базара съ съѣстными припасами и нужнаго числа людей, прочіе же стекались на молебствіе о здравіи его величества. Я поѣхалъ туда же. Нѣтъ словъ описать картину, которой былъ я свидѣтелемъ: на колѣнахъ, съ благоговѣйными чувствами въ душѣ, всѣ граждане плакали и самъ священникъ неоднократно останавливался при чтеніи молитвъ, не могши продолжать оныхъ за слезами. Мертвая тишина царствовала во всемъ храмѣ и наруша-

Въ иностранной литературѣ того времени неожиданная смерть императора возбудила толки и догадки, самыя невѣроятныя; такъ, напримеръ, въ одномъ изъ №№ „Morning Post“ говорится, что государь, самъ того не подозрѣвая, былъ окруженъ заговорщиками, которые такъ ловко скрывали свои намѣренія, что онъ довѣрялся имъ вполнѣ; они, будто-бы, имѣя въ виду отвлечь всякія подозрѣнія, были особенно предупредительны, устраивали для него празднества, на которыхъ государь веселился отъ души, и что однажды, по возвращеніи его изъ Крыма, они устроили прогулку по морю, во время которой государь былъ окруженъ только лицами, принимавшими участіе въ разговорѣ, и когда лодка отъѣхала подалѣе отъ берега, заговорщики рѣшились дѣйствовать по заранѣе обдуманному плану и лишили его

дыхъ вздохами: казалось, что дѣти одного семейства оплакиваютъ добродушнаго отца своего. Но Богомъ не услышаны наши теплыя молитвы, хотя того же утра около 12 часовъ возвратился..... изъ дворца въ хорошемъ расположеніи духа, обрадовавъ меня присылкою вѣсти, что государю гораздо легче, иванскія мушкетеры подѣйствовали и желудокъ очистился, и полагали, что того дня былъ переломъ болѣзни, послѣ коего надлежитъ ожидать радостнѣйшихъ послѣдствій. Но, увы! наши желанія не исполняются; вчера его величество дошелъ до такой неимовѣрной слабости, что не имѣлъ силы проглотить лекарства, всегда почти въ безпамятствѣ и доктора поддерживаютъ его существованіе безпрестаннымъ бульенами и клистирами: вотъ до какого несчастія мы дожили!

«О состояніи здоровья ея величества не имѣю ничего хорошаго вамъ сказать; душевныя ея страданія видитъ одинъ Богъ, на котораго все упованіе ваше возлагаемъ.»

«2-я часть пополудни—Россія осиротѣла; въ 1/11-го часа не стало государя. Оплакивайте потерю добрѣйшаго отца отечества. Государыня находилась при кончинѣ его величества до послѣдней минуты, сама закрыла глаза, сомкнула губы, приняла послѣдній его вздохъ..... слезы мѣшаютъ продолжать, прощайте!»
(Получено 27-го ноября въ 10 часовъ утра).

Жители столицы узнали также 27-го ноября о кончинѣ императора; ихъ оновѣстили объ этомъ повѣсткою за подписью Спб. оберъ-полиціймейстера Шудьгина 1-го, напечатанной на четвертушкѣ сѣрой бумаги, слѣдующаго содержания:

«Всевышнему Господу Богу угодно было отозвать къ себѣ обожаемаго нами монарха! Его императорскому величеству государю императору Константину Павловичу учинена присяга его высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, государственнымъ совѣтомъ, святѣйшимъ синодомъ и войскомъ.»

«По приказанію его сіятельства г-на санктпетербургскаго военнаго генералъ-губернатора, я извѣщаю о семъ всѣхъ жителей столицы, дабы они, послѣдую долгу своему, обратились во храмы Божіи и тамъ, передъ престоломъ Всевышняго, учинили таковую же присягу на вѣрность подданства государю императору Константину Павловичу установленнымъ порядкомъ.»

Ноября 27-го дня, 1825 года).

жизни, объявивъ по возвращеніи о скоропостижной смерти государя, и будто бы этимъ путемъ имъ удалось скрыть свое преступленіе (см. *Vie privée, politique et militaire d'Alexandre Paulowitz premier du nom., etc., par. Cousin d'Avalon. Paris. 1826, въ 8°, стр. 174—177*).

Къ той же категоріи относится разсказъ Фридриха Файо (Frédéric Fayot): „Императоръ, разсказываетъ онъ, проѣзжалъ по южному берегу Крыма и простуда, перешедшая впоследствии въ лихорадку, заставила его остановиться у Воронцова. Шотландецъ Вилліе, докторъ при особѣ его величества, предложилъ ему лекарство, но государь почувствовалъ себя хуже и приказалъ тотчасъ же собираться обратно въ Таганрогъ. Я видѣлъ его по приѣздѣ: онъ сидѣлъ въ каретѣ, закутанный въ сѣрую шинель, на лицѣ его выражалось уныніе и страданіе. По неожиданному возвращенію императора узнали о его болѣзни. Сперва скрывали опасность, но кажется можно сказать утвердительно, что она съ самаго начала имѣла серьезный характеръ; императоръ, говорятъ, сразу почувствовалъ ужасныя подозрѣнія и отказывался положительно отъ предлагаемыхъ ему лекарствъ; несмотря на просьбы императрицы, онъ постоянно отстранялъ медицинскую помощь. Разъ только въ теченіе всей болѣзни удалось уговорить его и онъ дозволилъ поставить себѣ нѣсколько цѣявокъ. Болѣзнь быстро усиливалась, и когда не было уже надежды на выздоровленіе, Вилліе составилъ бюллетень болѣзни, который былъ тотчасъ же отправленъ въ Петербургъ; все описываемое нами произошло въ теченіе какихъ-нибудь 4 или 5 дней. Слухъ о болѣзни императора быстро распространился по городу, и когда всѣ узнали объ опасности, народъ тѣснился у дворца, ожидая извѣстій о здоровьѣ государя. Императоръ все еще отказывался отъ всякихъ лекарствъ и мучился жестоко. Намъ сказали однажды, что онъ прогналъ Вилліе изъ своей комнаты. Во все время болѣзни онъ просилъ постоянно холодной воды у камердинера: „она успокоиваетъ меня, говорилъ онъ, а ихъ лекарства жгли мнѣ внутри“. Когда страданія его поутихли, онъ написалъ письмо и запечаталъ его, свѣча оставалась зажженной и онъ сказалъ своему камердинеру: „Погаси ее, другъ мой; увидавъ ее въ окно, можно подумать, что кто-нибудь изъ насъ умеръ“. Вилліе всѣми силами старался отстранить консилиумъ съ другими докторами, одинъ только Штоффрегенъ былъ допущенъ всего одинъ разъ, и то только послѣ многократныхъ и настойчивыхъ просьбъ императрицы. Болѣзнь императора продолжалась около 11-ти дней. Молодой французъ, докторъ, хорошо знающій свое дѣло, былъ тогда въ Таганрогѣ; онъ просилъ позволенія принять участіе въ консультаціи, но ему было отказано; я встрѣтилъ его наканунѣ смерти государя: онъ таинственно сообщилъ

мнѣ объ опасности, въ которой государь находился и предсказалъ исходъ болѣзни его: „императоръ погибъ“, сказалъ онъ мнѣ въ заключеніе, и дѣйствительно государь скончался на другой день; нѣкоторые утверждаютъ, что смерть его послѣдовала наканунѣ официально объявленнаго дня.... Вилліе выказывалъ страшное отчаяніе по смерти государя, онъ заперся въ своихъ комнатахъ и держалъ себя такъ, какъ человѣкъ, потерявшій съ горя рассудокъ; его нѣкоторое время дѣйствительно считали сумасшедшимъ. Недальновидные думали, что онъ погибнетъ и ожидали, что придворная карьера его кончена; но лишь только были получены первыя свѣдѣнія изъ Петербурга, Вилліе выѣхалъ изъ Таганрога, чтобы представиться новому государю и сохранить все, чего успѣлъ достигнуть долголѣтними интригами и успѣхами при дворѣ; онъ получилъ еще новое отличіе: его назначили первымъ медикомъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ“ (см. *Les souverains de l'Europe*, б. ozn. врем. и мѣста изд. въ 8^о, стр. 204—207).

Этотъ рассказъ, какъ видно, послужилъ поводомъ къ самой черной клеветѣ на Вилліе, но предлагаемые документы опровергаютъ окончательно и тѣ шаткіе доводы, на которыхъ авторъ основываетъ свои подозрѣнія.

Существуетъ еще одинъ рассказъ объ этомъ событіи. Шуазель-Гуфье, рожденная графиня Тизенгаузенъ, въ своихъ мемуарахъ (*Mémoires de la comtesse Choiseul-Gouffier, née comtesse Tisenhausen etc.*) объясняетъ кончину императора, какъ слѣдствіе огорченія его, когда онъ узналъ о заговорѣ декабристовъ; она говоритъ, будто-бы извѣстіе объ этомъ заговорѣ сильно подѣйствовало на государя, что онъ нарочно удалился изъ столицы для того, чтобы обсудить это дѣло на свободѣ, вдали отъ двора и вліяній высокопоставленныхъ лицъ; будто бы во время болѣзни у него вырвались слова, которыя объяснили окружающимъ тревожившія его мысли; государь сказалъ будто-бы: „чудовища! неблагодарные! я хотѣлъ только счастья ихъ“. Она приписываетъ этому огорченію болѣзнь и самую смерть государя.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что здѣсь преувеличено значеніе открытія заговора въ болѣзни государя, но можно кажется безошибочно сказать, что оно имѣло вліяніе на развитіе того нервнаго раздраженія, о которомъ говорилъ государь докторамъ и которое внушило ему пагубное убѣжденіе, что болѣзнь его главнымъ образомъ нравственная, и потому медицинскія пособія, раздражая его больные нервы, скорѣе вредны для него, чѣмъ полезны.

Таганрогъ славится въ народѣ здоровымъ воздухомъ, несмотря на нѣкоторыя рѣзкія особенности климата, состоящія въ чрезвычайно измѣнчивой температурѣ воздуха, въ значительной разности темпе-

ратуръ по временамъ года и въ силѣ вѣтровъ. По увѣренію мѣстныхъ врачей, нѣкоторыя хроническія болѣзни, не очень застарѣлыя, излечиваются здѣсь сами собой безъ медицинской помощи. Народная молва, разславившая этотъ городъ, побудила вѣроятно императора избрать его для переселенія выздоравливавшей императрицы и поселиться въ немъ самому. Городскіе старожилы и лица, сопровождавшія государя, рассказываютъ, какъ хлопоталъ онъ, чтобы устроить для императрицы небольшой одноэтажный домъ, принадлежавшій градоначальнику П. А. Шапкову, съ какимъ предупредительнымъ вниманіемъ онъ самъ разставлялъ въ немъ мебель, вбивалъ гвозди для картинъ и т. п. Поселившись въ городѣ, государь во время прогулокъ заходилъ на базаръ, прицѣняясь къ жизненнымъ потребностямъ, дѣлалъ закупки, удивляясь дешевизнѣ всего. Любимая прогулка его была по Петровской улицѣ въ городской садъ, который, по его повелѣнію, распространенъ; кромѣ того, государь назначилъ особую сумму въ 11,500 руб. ассигнаціями на постройку садовыхъ службъ. До сихъ поръ городскіе жители указываютъ каменную скамейку за садомъ, на которой государь любилъ отдыхать послѣ прогулки. („Медиико-топографическое описаніе таганрогскаго градоначальства“, соч. лекаря П. Работина. Спб., 1868 г., стр. 15—17).

Н. П. Дуровъ.

СМЕРТЬ А. С. ГРИБОЃДОВА.

Подробности трагической кончины безсмертнаго творца «Горе отъ Ума» до сихъ поръ весьма мало извѣстны; поэтому читатели «Русской Старины» — не безъ интереса прочтутъ обязательно доставленную намъ предсѣдателемъ кавказской археографической комиссiи А. Берже постоянную статью; она вся состоитъ изъ документовъ, именно изъ нотъ, депешъ и донесенiй высшихъ правительственныхъ лицъ Россiи, Персiи и Англiи объ этомъ роковомъ событiи — и всѣ эти важные материалы впервые являются въ печати. Ред.

Туркменчайскiй трактатъ, заключенный съ Персiею, положили конецъ непрiязненнымъ отношенiямъ между нами и этою державой, ознаменовавшимъ первое двадцатипятилѣтiе русскаго владычества въ Закавказьѣ. Вслѣдъ за восстановленiемъ дружественныхъ сношенiй нашихъ, императоръ Николай, указомъ правительствующему сенату отъ 25 апрѣля 1828 года, учредилъ постъ полномочнаго министра при тегеранскомъ дворѣ и генеральнаго консула въ Тавризѣ. Въ званiе министра былъ тогда же назначенъ ст. сов. Грибоѣдовъ, а консуломъ Н. С. Амбургеръ: оба они были уже болѣе или менѣе близко знакомы съ Персiею. Въ июнѣ того же года Грибоѣдовъ оставилъ Петербургъ. На пути чрезъ Тифлисъ, онъ женился на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе, а 30 января слѣдующаго 1829 года сдѣлался жертвою неожиданной катастрофы, разразившейся надъ нашимъ посольствомъ въ Тегеранѣ: почти въ цѣломъ составѣ оно было умерщвлено разъяренною толпою персидской столицы. Столь неслыханное происшествiе не могло не нанести сильнаго удара достоинству Россiи, въ отношенiи которой такъ явно были нарушены международныя права; но помимо политическаго значенiя событiе это должно было невыразимо тяжело отозваться и среди всего образованнаго русскаго общества, которое въ лицѣ Грибоѣдова безвозвратно утратило творца безсмертной комедiи, служащей лучшимъ украшенiемъ и родной литературы и родной сцены. Вотъ почему извѣ-

стіе о трагической его смерти произвело у насъ самое грустное и тяжелое впечатлѣніе. Между тѣмъ фактъ этотъ и по сію пору остается не вполне разъясненнымъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происшествіяхъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ событія 30 января 1829 г., заключаются въ сдѣланныхъ Ев. Серчевскимъ извлеченіяхъ изъ „Сѣверной Пчелы“ (1829 г., № 34), прибавленіяхъ къ „Сыну Отечества“ и „Сѣверному Архиву“ (1830 г., IX т., № 1) и въ переведенномъ имъ же изъ *Nouvelles annales des voyages* (XII ann. 1830, t. 48, de la collection et 18 de la 2 série, pag. 337—367) разсказѣ персіянина, помѣщенномъ въ изданіи сочиненій Грибовдова. Разсказъ персіянина не лишень интереса, но, къ сожалѣнію, переведень крайне небрежно, въ особенности же искажены имена собственныя. Всѣ другія попавшіяся мнѣ свѣдѣнія сводятся къ стереотипной фразѣ: „Грибовдовъ погибъ жертвой неистовства тегеранской черни“, а подробности о его смерти и вовсе проходятся молчаніемъ. Официальныхъ свѣдѣній относительно даннаго событія, сколько мнѣ извѣстно, въ нашей печати до сихъ поръ не появлялось. А это, по моему мнѣнію, составляетъ довольно важный пробѣлъ въ нашей литературѣ, тѣмъ болѣе важный, что онъ непосредственно касается такой личности, какъ Грибовдовъ. Восполненіе этого-то пробѣла служить цѣлью настоящей статьи. Я обращаю въ ней прежде всего вниманіе на правительственные документы, а затѣмъ сообщу и тѣ данныя, которыя успѣлъ собрать въ Грузіи, равно и въ самой Персіи, гдѣ я провель 1853—1855 годы. Но пользуясь источниками отечественными, въ видахъ всесторонняго разъясненія истины, не могу не послѣдовать извѣстному изреченію: „*audiat et altera pars*“, къ чему побуждаетъ меня еще и то важное обстоятельство, что занимающее насъ событіе совершилось на почвѣ Персіи. Итакъ, начнемъ съ источниковъ персидскихъ.

Лучшимъ и болѣе достовѣрнымъ источникомъ въ этомъ случаѣ можетъ послужить исторія Персіи, извѣстная подъ именемъ Роузет-уссефа ¹⁾ (садъ удовольствія), составленная Ризою-Кули, по повелѣнію нынѣ царствующаго Наср-эддин-шаха. Риза-Кули описываетъ дѣло такимъ образомъ: „Было условлено, чтобы заключенный между обѣими державами (туркменчайскій) трактатъ былъ переданъ черезъ довѣренныхъ посланниковъ двумъ государямъ: Фетх-Али-шаху и великому императору Николаю. На сей конецъ выборъ со стороны російскаго правительства палъ на генерала Грибовдова, племянника,

¹⁾ Подъ этимъ названіемъ извѣстна исторія Персіи, написанная Мирхондомъ, а Риза-Кули есть только ея продолжатель.

но сестрѣ, ген.-фельдм. Паскевича, главнокомандовавшаго въ Грузіи и на Кавказѣ, съ наименованіемъ его полномочнымъ министромъ ишоваго російскаго двора. Министръ этотъ принималъ участіе въ войнѣ (съ Персіей) и находился при заключеніи трактата. До прибытія въ Тегеранъ онъ ѣздилъ въ Петербургъ по вопросу о дополнительныхъ статьяхъ трактата и тамъ получилъ настоящее назначеніе, съ порученіемъ доставить императорскіе подарки, состоявшіе въ хрустальномъ канделябрѣ и разной посудѣ изъ яшмы. По прибытіи Грибовѣдова изъ Петербурга въ Тифлисъ, наслѣдный принцъ (Аббас-Мирза) назначилъ къ нему михмандаромъ ¹⁾ Назаръ-Али-хана, Алишара Урмійскаго, который и сопровождалъ его оттуда до Тавриза съ большими почестями. Тамъ онъ имѣлъ аудіенцію у наслѣднаго принца, прожилъ въ этомъ городѣ съ мѣсяцъ, назначилъ консула и секретаря, и, не испросивъ согласія у персидскаго правительства, отправилъ также консула въ Гилянъ, послѣ чего, въ сопровожденіи михмандаря, выѣхалъ въ Тегеранъ. Подъѣзжая къ столицѣ 5 реджеба 1244 (1828) года, онъ былъ встрѣченъ Мирза-Мухаммед-Али-ханомъ Кашанскимъ, визиремъ принца Зилли-султана ²⁾ и Мухаммед-Вели-ханомъ Авшаромъ Касумлинскимъ, посланнымъ къ нему на встрѣчу по повелѣнію шаха. Въ сопровожденіи названныхъ сановниковъ, онъ въѣхалъ въ городъ и остановился въ домѣ, отведенномъ ему близъ Шах-Абдул-азимскихъ воротъ. Нѣсколько времени спустя къ нему явились, по приказанію шаха, съ визитомъ: министръ иностранныхъ дѣлъ Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ Ширазскій, Алах-Кули-ханъ Каджаръ и Мирза-Фезл-Уллахъ-Мустоуфи. Послѣ обычнаго привѣтствія они выразили ему радость по случаю согласія и дружбы, установившихся между обѣими державами. Спустя два три дня Грибовѣдовъ, согласно этикету, соблюдаемому при представленіи шаху турецкихъ и европейскихъ посланниковъ, былъ введенъ къ его величеству; при чемъ до вступленія въ аудіенц-залу его пригласили на нѣсколько минутъ въ кешикъ-ханэ ³⁾, со всею при этомъ възлывностью и приличіемъ. Но обрядъ этотъ разсердилъ Грибовѣдова,

¹⁾ Чиновникъ, посылаемый на границу государства для встрѣчи чужестранныхъ посланниковъ и другихъ членовъ дипломатическаго корпуса и для сопровожденія ихъ въ Тегеранъ или другой городъ Персіи. Обязанность его состоятъ въ наблюденіи за ихъ безопасностью и въ доставленіи имъ всевозможныхъ облегченій въ дорогѣ.

А. В.

²⁾ Т.-е. «тѣнъ шаха», титулъ Али-шаха, сына Фетх-Али-шаха. Онъ при отцѣ былъ губернаторомъ Тегерана, а при Мамед-шахѣ бѣжалъ изъ Персіи.

А. В.

³⁾ Палатка тѣлохранителей.

А. В.

который, приписавъ его непочтительности къ сану посланника, сталъ выражаться дерзко и высокомерно.

„Я — составитель настоящей книги, хотя и находился тогда въ Фарсѣ и не былъ свидѣтелемъ этихъ происшествій, но слышалъ и читалъ въ разныхъ рукописяхъ, что Грибовдовъ, увлекшись успѣхами русскаго оружія въ Азербейджанѣ, началъ держать себя непомерно гордо и неблагопристойно обращаться съ шахомъ, превышающимъ достоинствами китайскаго хавана и владѣтелей туркестанскихъ. Благоразумные и проницательные люди объясняли ему, что счастье измѣняетъ нерѣдко и царямъ, при чемъ указывали на неудачи Петра Великаго противъ турокъ и Карла XII, и что въ виду этого именно обстоятельства посланникамъ подобаетъ сохранять къ вѣнценосцамъ вѣжливость и почтительность. Но совѣты не принимались и Грибовдовъ не перемѣнилъ поведенія; вельможи же молчали и его дерзости скрывали отъ шаха. Я слышалъ, что онъ однажды, идя къ его величеству, не снялъ галошъ даже на томъ священномъ мѣстѣ, на которомъ совершается лобзаніе великихъ царей, забывъ, что въ коранѣ говорится Моусею: „скинь сандалии, ибо ты въ священномъ мѣстѣ ¹⁾“.

„Въ переговорахъ Грибовдовъ также былъ дерзокъ. Несмотря на все это, шахъ, превышающій достоинствомъ Афрасіаба ²⁾, а мудростью Пирана ³⁾, не переставалъ обходиться съ нимъ крото и благосклонно. Сановники нѣсколько разъ и наединѣ высказывали Грибовдову, что его обхожденіе съ шахомъ неприлично; но все было тщетно. Шахъ же, во вниманіе къ тому, что онъ министръ русскаго императора и принималъ участіе въ заключеніи трактата; что онъ гость высокаго двора и наконецъ въ виду изреченія пророка: „читите вашихъ гостей, хотя бы они были и гяуры“, не обращалъ вниманія на предосудительное поведеніе Грибовдова.

„Спустя нѣсколько дней случилось, что одинъ изъ евнуховъ шахскаго гарема, Якубъ, задолжавшій казнѣ знатную сумму, желая избавиться требованій правительства и основываясь на XIII ст. мирнаго трактата (туркменчайскаго), по смыслу которой всѣ плѣнные должны быть возвращены, отдался подъ покровительство русскаго посольства. Названный Якубъ, изъ эриванскихъ армянъ, былъ взятъ въ плѣнъ персіянами. Считая себя, на основаніи приведенной статьи,

¹⁾ Гл. XX, ст. 12. Это мѣсто въ коранѣ заимствовано изъ 2-й книги Моисея Исходъ, глава III ст. 5.

А. В.

Царь Турана.

А. В.

²⁾ Визирь Афрасіаба, прославившійся своею мудростью.

А. В.

свободнымъ, онъ началъ сообщать министру имена грузинскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ; изъ послѣднихъ многія состояли въ замужествѣ за разными лицами и имѣли дѣтей. Несмотря на это, равно и на то, что возвращеніе ихъ не только было трудно, но по правиламъ ислама даже позорно, нѣкоторыя жены были выданы Грибоѣдову. Въ числѣ прочихъ онъ задержалъ двухъ грузинокъ, перешедшихъ въ мусульманство и жившихъ въ домѣ Аллах-Яр-хана Асиф-уд-доуля ¹⁾, которыя, не желая возвратиться къ христіанству, подали въ этомъ смыслѣ жалобу тегеранскимъ улемамъ. Но не ограничиваясь этими (женщинами), Грибоѣдовъ посылалъ Якуба съ своими людьми въ разные дома отыскивать плѣнницъ и забирать ихъ силою. Такая мѣра возбудила въ народѣ сильное волненіе. Улемы же и муджетехиды ²⁾, къ которымъ безпрестанно поступали жалобы, видя равнодушіе правительства къ дѣйствіямъ Грибоѣдова, заподозрили шаха въ потворствѣ. Тогда у нихъ и у казиевъ, шейховъ и сендовъ ³⁾ заговорило чувство религіозной ревности, и было положено идти противъ министра. Они послали сказать ему, что если они и не имѣютъ права вмѣшиваться въ мирныя соглашенія обоихъ правительствъ, то обязаны нарушить молчаніе, когда дѣло касается основныхъ началъ шаріата; основы же ислама поколеблены, коль скоро результатъ трактата состоитъ въ томъ, чтобы плѣнныя въ Грузіи женщины были силою отбираемы у мусульманъ. „Мы, говорили они, какъ представители нашей религіи, согласно ея велѣніямъ, не можемъ оставаться равнодушными къ мѣрѣ, которая впоследствии повлечетъ за собою народное возстаніе“. Когда посланные явились къ Грибоѣдову съ подобными доводами, онъ вспыхнулъ, и осыпавъ ихъ бранью и угрозами, отпустилъ, не давъ удовлетворительнаго отвѣта.

Послѣ того улемы и сенды собрались въ Тегеранской соборной мечети, гдѣ къ нимъ присоединился муджетехидъ Хаджи-Мирза-Месихъ, и съ общаго согласія рѣшили возстать противъ министра. Къ нимъ примкнула большая часть городского населенія и скоро толпа

¹⁾ Аллах-Яр-ханъ, одинъ изъ первостепенныхъ хановъ Юхарн-баша, — колѣна каджарскаго племени, къ которому принадлежатъ нынѣ царствующая въ Персіи династія, ведущая свой родъ отъ ашага-баша, другого колѣна того же племени. Онъ былъ родной дядя (по матери) Мамед-шаха, сына Аббас-Мирзы и преемника Фетх-Али-шаха.

А. В.

²⁾ Высшее духовное лицо въ шитской іерархіи.

А. В.

³⁾ Казій — судья; шейхъ — старецъ, лицо, пользующееся уваженіемъ по своимъ лѣтамъ и образу жизни, староста при мечети; сендъ — потомокъ Мухаммеда.

А. В.

недовольныхъ, увеличившаяся прибывавшими изъ окрестностей поселянами, достигла нѣсколькихъ тысячъ, такъ что дальнѣйшій ходъ дѣла былъ уже внѣ власти правительства и улемовъ. Первому трудно было бороться противъ 100 т. сборища, которое, постоянно усиливаясь, приняло грозный видъ и, наконецъ, хлынувъ къ дому Грибоѣдова, окружило его. Принцы и другіе вельможи, посланные шахомъ, чтобы уговорить толпу не предпринимать ничего опаснаго, возвратились безъ успѣха; она рѣшительно объявила, что если правительство станетъ ей препятствовать, она обратится противъ самого шаха. Между тѣмъ, посланникъ со всей миссіей, въ числѣ около 200 чел., заперся и взялся за оружіе; нѣкоторые же взобрались на крышу и начали стрѣлять, при чемъ убили изъ толпы 14-ти-лѣтняго мальчика. Увидя это, народъ съ оружіемъ въ рукахъ осадилъ посольскій домъ. Тогда Грибоѣдовъ приказалъ Якубу выйти къ толпѣ, которая тутъ же его изрубила и отрубила ему голову. Затѣмъ высланы были двѣ грузинки: ихъ тотчасъ же возвратили въ гаремъ. Изъ мусульманъ было убито 80 чел. Когда же нѣкоторые изъ толпы бросились на крышу посольскаго дома, принцъ Зили-султанъ и др., снова обратились къ народу съ увѣщаніемъ, но все было тщетно. Грибоѣдовъ, съ 37-ю товарищами, былъ убитъ, а домъ разграбленъ и разрушенъ; толпа же разошлась въ разныя стороны и никто не зналъ, откуда она взялась и куда скрылась; изъ зачинщиковъ же и убійцъ никто не былъ открытъ. Секретарь Мальцовъ, при самомъ началѣ дѣла, скрылся у одного мусульманина и спасся. Онъ былъ призванъ къ шаху и осыпанъ его милостями.

„Правительство начало размышлять объ этой страшной катастрофѣ, при чемъ распорядилось о преданіи землѣ убиенныхъ на кладбищѣ тегеранскихъ церквей, а секретаря Мальцова, въ сопровожденіи Назар-Али-хана Авшара и съ почестями, отправило въ Тавризъ. Тамъ онъ лично подтвердилъ наслѣдному принцу (Аббас-Мирзѣ) всѣ ошибки Грибоѣдова“.

Такъ повѣствуетъ объ умерщвленіи нашего посольства персидскій историкъ. Не вдаваясь въ критическую оцѣнку подробностей, заключающихся въ приведенномъ отрывкѣ, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ прямой нашей задачи, замѣтимъ лишь, что, судя по сущности разсказа, причины постигшаго нашу миссію несчастія сводятся:

во-1-хъ, къ отсутствію въ Грибоѣдовѣ знакомства съ требуемымъ этикетомъ и незнанію имъ мѣстныхъ обычаевъ;

во-2-хъ, къ участію, принятому въ свнухѣ Якубѣ, и

въ-3-хъ, къ укрывательству у себя женщинъ.

Послѣднія два обвиненія, о которыхъ будетъ сказано ниже, сра-

ведины. Что же касается перваго, то оно вполне опровергается сколько личными качествами Александра Сергѣевича, столько же и тѣмъ близкимъ знакомствомъ его съ языкомъ, нравами и обычаями Персін, изученію которыхъ онъ посвятилъ многіе годы. Но безпристрастное изображеніе событій настолько же мыслимо въ каждомъ персидскомъ повѣствователѣ, сколько всѣмъ вообще персіанамъ присуще самохвалство и хвастовство,—врожденные качества этой націи.

Обратимся къ нашимъ документамъ.

Умерщвление русскаго посольства совершилось, какъ извѣстно, 30-го января 1829 года. Кромѣ Александра Сергѣевича, въ числѣ убитыхъ были: 2-й секретарь, протоколистъ Аделунгъ, шт.-кап. Шах-Назаровъ, канцеляристъ кн. Кобуловъ, переводчикъ кн. Соломонъ Меликовъ, ординаторъ эриванскаго госпиталя Мальмбергъ, грузинъ Ростомъ, Дадаш-бекъ, камердинеръ Александръ Дмитриевъ, новаръ Яковъ Захаровъ и пр., всего съ казаками 37 человекъ. Спасся только 1-й секретарь, тит. сов. Мальцовъ.

Извѣстіе о злополучной участи русскаго миссіи быстро распространилось по Персін, откуда слухи не замедлили проникнуть и въ Закавказье. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ они принимались недовѣрчиво, какъ вымыселъ, или вѣрнѣе сплетня, столько свойственная увлекающемуся воображенію восточнаго человека. Такъ военно-пограничный начальникъ въ Кахетин генераль-майоръ Раевскій, отъ 26-го февраля, доносилъ командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса гр. Паскевичу:

„Честь имѣю донести вашему сіятельству, что въ Дагестанѣ распространились слухи о разрывѣ Персін съ Россіей и о умерщвленіи нашего посланника въ Тегеранѣ. Я еще не знаю, если сіи извѣстія нечаянно распространились, или намѣреніемъ распущены муллами и хаджіями¹⁾. Я обратилъ всѣ свои старанія, чтобы уничтожить сіи ложные слухи предъ выступленіемъ нашихъ войскъ за границу, и дабы они не препятствовали набору лезгинскаго ополченія“.

Въ другихъ же мѣстахъ слухи передавались въ преувеличенномъ видѣ: „Изъ-заграницы“, доносилъ графу Паскевичу управляющій Карабагомъ майоръ Калачевскій: „безпрестанно привозятся свѣдѣнія, что полномочный нашъ министръ при дворѣ персидскомъ казненъ, по приказанію шаха“.

Въ такомъ видѣ слухи доходили и до Тифлиса. Первое, болѣе подробное и обстоятельное донесеніе о событіяхъ 30 января графъ Паскевичъ получилъ отъ нашего генеральнаго консула Амбургера, который отъ 8 февраля писалъ:

¹⁾ Хаджи — мусульманнъ, совершившій путешествіе въ Мекку. А. В.

„Сегодняшняго утра прибылъ сюда человекъ Мирза-Муса-хана, который привезъ извѣстія изъ Тегерана о случившемся тамъ ужасномъ происшествіи. Кажется, что духовенство тегеранское было главною причиною возмущенія, содѣлавшаго нашего министра жертвою ожесточенной черни, ибо въ главной мечети провозглашали сборъ правовѣрныхъ. Злополучный Александръ Сергѣевичъ сдѣлался жертвою своей храбрости. Услышавъ шумъ, выбѣжалъ съ обнаженною саблею въ рукѣ, и въ то самое мгновеніе былъ пораженъ брошеннымъ камнемъ. Онъ палъ отъ удара, ворвавшаяся толпа совершила его ужасную участь! Покой душѣ его! Всѣ люди тутъ бросились къ нему и всѣ пали жертвою остревѣлой черни.

„Все имущество ограблено кровопійцами, и домъ, данный министру шахомъ, совершенно разрушенъ ¹⁾).

„Самъ шахъ заперся въ аркъ и окружился своимъ войскомъ. Чернь дѣлалъ день носилась по городу и еще не извѣстно, какія другія неистовства произвела. Али-шахъ только съ величайшимъ усиленіемъ могъ пробиться до дома министра; нѣсколько феррашей и насакчѣвъ ²⁾ его при семъ были убиты. Отъ Мальцова все еще нѣтъ сообщеній и до полученія оныхъ, какъ происходящихъ отъ очевидца, невозможно ручаться за справедливость получаемыхъ извѣстій. Наибѣ-султанъ ³⁾ въ отчаяніи; при первомъ послѣ сего немовѣрнаго злодѣяства свиданіи со мною, сказалъ онъ мнѣ: „Не знаю, какая злополучная судьба преслѣдуетъ меня! Только что успѣлъ я чрезвычайными стараніями и жертвами возстановить дружбу между Россією и Персією, сіе ужасное смертоубійство, Иранъ навсегда запятнавшее, разрушаетъ то, чего съ такимъ трудомъ достигъ. Да будетъ проклятъ Иранъ и самовольные жители его! клянусь тѣмъ Богомъ, въ котораго мы оба вѣруемъ, ибо Онъ единъ, что я былъ бы радъ замѣнить пролитую кровь кровью моихъ женъ и дѣтей. Что мнѣ сказать про шаха? продолжалъ онъ; бранить его не смѣю, молчать же о его слабости не могу. И это шахъ? не выходитъ изъ своего гарема и не думаетъ о приведеніи въ послушаніе и въ порядокъ своихъ подданныхъ! и не знаю, куда мнѣ дѣться отъ стыда“.

„Каймакамъ ⁴⁾ также глубоко чувствуетъ ужасъ происшедшаго. Онъ самъ вызвался съ Мамед-Мирзою ѣхать въ Тифлисъ, говоря, что

¹⁾ Въ бытность мою, въ 1853 г., въ Тегеранѣ, въ домѣ, гдѣ жилъ Грибоводовъ, помѣщалась верблюжья артиллерія. А. В.

²⁾ Ферраши — ставщики палатокъ, шахская стража; насакчи — стража, предшествующая шаху во время выходовъ его изъ дворца. А. В.

³⁾ Наслѣдникъ престола. А. В.

⁴⁾ Мирза Безюргъ. А. В.

оба они готовы смыть своею кровью пятно, сдѣланное Персіи сими неновѣрными влодѣяніемъ. Онъ показывалъ мнѣ письма, въ которыхъ Аббас-Мирза пишетъ въ Али-шаху, чтобы онъ немедленно наставлялъ у шаха приказать схватить главныхъ зачинщиковъ и прислать ихъ въ Тифлисъ.

„Я настаивалъ, чтобы тѣла министра и чиновниковъ, падшихъ жертвою кровешійцъ, были высланы въ Тифлисъ; и о семъ было писано въ Тегеранъ..

„Супругу министра я успѣлъ уговорить, не открывая ей о несчастной участи ея супруга, слѣдовать въ Тифлисъ, къ чему не мало способствовало полученное ею письмо отъ своей родительницы, которая ее приглашаетъ къ себѣ“.

Одновременно съ донесеніемъ Амбургера, графъ Паскевичъ получилъ изъ Тавриза письмо отъ Макдональда, англійскаго посла въ Персію, помѣченное тѣмъ же числомъ, слѣдующаго содержанія:

(Переводъ). „Изъ полученнаго мною вчера отъ его королевскаго вѣщества (Аббас-Мирзы) письма, съ коего у сего прилагается копія, я впервые извѣстился объ ужасахъ въ Тегеранѣ и имѣю честь выразить вамъ мое глубокое и искреннее соболѣзнованіе, по случаю этой неслышанной катастрофы, событія обильнаго несчастіями, свергнушаго въ глубокую скорбь нѣсколько уважаемыхъ семействъ и лишившаго его императорскаго величества слуги даровитаго, ревностнаго и достойнаго, а ваше превосходительство, а равно и меня, любимаго и уважаемаго друга.

„По случаю отдаленности мѣста и за неполученіемъ до нынѣ подробныхъ свѣдѣній, я не могу представить другихъ разъясненій обстоятельствъ, вызвавшихъ такое ужасное нарушеніе народнаго права, кромѣ полученныхъ уже вами или имѣющихъ получиться отъ г. Амбургера и отъ его превосходительства каймакама, немедленно отпра-

(Подлинникъ). La copie de la lettre ci-jointe que j'ai reçue hier de S. A. R. de Perse m'a appris pour la première fois les horreurs qui ont eu lieu à Téhéran, et j'ai l'honneur de Vous offrir l'assurance de ma condoléance profonde et sincère sur cette catastrophe inouïe; événement fertile en malheur public autant que privé qui a plongé dans la plus profonde douleur plusieurs familles aimables, enlevé à Sa Majesté Impériale un serviteur habile, zélé et distingué, et privé V. E. non moins que moi d'un ami à la fois chéri, estimé et affectionné.

A cette distance de la scène et avec l'information peu détaillé que jusqu'à présent je possède, il m'est impossible de fournir d'autres éclaircissements sur les circonstances qui ont produit cette infraction atroce du droit des gens, outre ceux que Vous avez déjà reçus ou que Vous devrez recevoir de M. Am-bourger et S. E. le Kaïm-makam qui doit partir incessamment pour Tiflis. Mais tout obscurément que la chose se présente à moi, je n'hésite guère à déclarer

ляющагося въ Тифлисѣ. Но какъ неясно ни представлялось бы мнѣ дѣло это, я, не колеблясь, выскажу мнѣніе свое, основанное на знаніи шахскаго права и на результатахъ моихъ разслѣдованій о поводахъ къ этому грустному событію, что ни шахъ и никто изъ его министровъ непричастны дѣлу, которое всецѣло должно быть приписано свирѣной и внезапной вспышкѣ народнаго неистовства, которое правительство не могло во-время утушить, дабы предупредить преступленіе, которое навсегда и неизгладимо обезчестило національный духъ и доказало несостоятельность ихъ правительства.

„Что касается Аббас-Мирзы, то я не допускаю, что его кто-либо могъ заподозрить, не исключая и тѣхъ, которые составили себѣ о немъ самое дурное мнѣніе. Разстояніе между Тавризомъ и Тегераномъ, его скорбь и изумленіе, его поспѣшность при отправленіи въ качествѣ депутатовъ, старшаго его сына и каймакама, для представленія вашему августѣйшему монарху всевозможныхъ удовольвореній, суть сильныя и неотразимыя доказательства полной его невинности. Но какъ г. Амбургеръ безъ сомнѣнія уже довелъ до вашего свѣдѣнія, еще задолго до полученія настоящаго письма, обо всѣхъ подробностяхъ этого грустнаго событія, то, по моему мнѣнію, было бы бесполезно и я переступилъ бы границы усердія, если бы болѣе останавливался на предметѣ, къ которому никто не можетъ отнестись безъ омерзѣнія и ужаса.

mon opinion fondée sur ma connaissance du caractère du Schah et sur les résultats des recherches que j'ai faites sur l'origine de cet événement malheureux, que ni Sa Majesté—ni aucuns de ses ministres peut être avec raison accusé d'avoir participé à un fait, que l'on doit entièrement attribuer à une effervescence féroce et subite de la phrénésie populaire et que le gouvernement ne pouvait dompter assez-tôt pour empêcher la consommation d'un crime qui restera toujours une tâche ineffaçable sur le caractère national et une preuve de l'inefficacité pitoyable de leur gouvernement.

Quant à s. a. r. Abbas-Mirza je ne crois pas que des soupçons puissent s'attacher à lui, même de la part de ceux qui ont la plus mauvaise opinion de lui. La distance entre Tebriz et Téhéran, sa douleur et consternation, sa promptitude à députer son fils ainé et son ministre le Kalim-makam pour offrir à Votre Auguste Souverain tout expiation et réparation qu'il peut donner, sont des témoignages à la fois forts et irrécusables de son innocence entière. Mais comme M. Ambourger aura sans doute, longtems avant que cette lettre pourra Vous atteindre, porté à la connaissance de V. E. tous les détails de cet événement fâcheux, il serait à mon avis inutile et l'on pourrait même me trouver officieux si je m'arrêtai plus à un sujet que personne ne peut contempler sans éprouver en même tems l'horreur et l'épouvante.

La pauvre madame Griboyédof, ignorante encore le malheur irréparable qu'elle vient d'essayer dans la perte du mari le plus aimable et affectionné, est

„Бѣдная г-жа Грибоѣдова, невѣдающая еще о невознаградимомъ несчастіи, которое она понесла съ потерей мужа, имѣетъ пребываніе у насъ, гдѣ, какъ ваше превосходительство, такъ и скорбящіе родители ея могутъ быть увѣрены, не оставятъ приложить всѣ заботы и все вниманіе до устройства будущаго ея положенія.

„Если я буду такъ счастливъ, что успѣю убѣдить ее отправиться вмѣстѣ съ г. Амбургеромъ въ Тифлисъ (что въ ея положеніи есть самое спасительное средство, какое она можетъ избрать), то въ предупрежденіе всякой случайности въ теперешнемъ ея положеніи, не оставлю поручить одному изъ состоящихъ при мнѣ медиковъ имѣть за нею неослабное наблюденіе до сдачи ея на руки роднымъ или тѣмъ, кому будетъ поручено озаботиться о доставленіи ея къ нимъ.

„Чтобы открыто и разительнѣе выразить ужасъ и безграничную печаль мою по случаю означенной катастрофы, я изъяснилъ членамъ моей миссии и всѣмъ пребывающимъ нынѣ въ Персіи великобританскимъ подданнымъ мое желаніе, дабы они наложили на себя трауръ на два мѣсяца. Затѣмъ я счелъ долгомъ открыто и формально протестовать противъ поступка, одинаково враждебнаго интересамъ всякой цивилизованной націи.

„Испытывая нѣкоторое опасеніе относительно безопасности г. Мальцова, я намѣренъ отправить капитана Макдональда въ Тегеранъ, дабы избавить г. Мальцова отъ всякой могущей ему приключиться обиды

à présent domiciliée chez nous, où V. E. et ses parents affligés peuvent s'assurer que tout soin et attention lui seront prêtés jusqu'à ce que l'on aura arrangé sa destination future.

Si nous sommes assez heureux pour pouvoir la décidée à se rendre avec m-r Ambourger à Tiflis (ce qui serait dans les circonstances de sa position malheureuse la mesure la plus salubre qu'elle puisse adopter) je tâcherai pour prévenir tout accident incident à son état actuel de la faire soigner par un des médecins attachés à cette Mission, jusqu'à ce qu'elle sera remise entre les mains de sa famille ou des personnes auxquelles ils confieront le soin de la conduire chez eux.

Pour marquer de la manière la plus publique et la plus frappante mon horreur et regret sans bornes de cette catastrophe épouvantable, j'ai annoncé aux membres de cette Mission, aussi bien qu'à tout sujet Britannique qui se trouve actuellement en Perse, mon désir qu'ils portent le deuil pendant deux mois. Ensuite je l'ai cru de mon devoir de faire une protestation solennelle et formelle contre un acte qui est également hostile aux intérêts de toute nation civilisée.

Comme j'éprouve des craintes un peu vives pour le salut de m-r Maltzof, j'ai l'intention d'expédier m-r le capitaine Macdonald en poste à Téhéran pour délivrer m-r Maltzof du risque d'insulte ou de molestation ultérieure et pour le reconduire à Tébriz. Cette mesure j'espère sera agréé de V. E. Elle n'a été acceptée qu'avec le consentement et le concours de m-r Ambourger.

или дальнѣйшаго оскорбленія и сопровождать его въ Тавризъ. Мѣра эта, я надѣюсь, будетъ одобрена вашимъ превосходительствомъ; она принята съ согласія и при содѣйствіи г. Амбургера.“

Но всѣ эти извѣстія исходили изъ источниковъ персидскихъ и потому ихъ надо было принимать съ большою осторожностью. Ближе всего должны были разъяснить происшествіе показанія Мальцова, но онъ могъ представить ихъ только по прибытіи въ Нахичевань, откуда отъ 18-го марта и доносилъ гр. Паскевичу:

„Наконецъ, достигъ я до границы нашей и могу имѣть честь довести вашему сіятельству объ участи російскаго посольства, при персидскомъ дворѣ находившагося. Доселѣ не имѣлъ я никакой возможности исполнить сію обязанность, ибо въ Тегеранѣ былъ содержимъ, въ продолженіе 3-хъ недѣль, подъ карауломъ и потомъ съ коннымъ конвоемъ провожаемъ до самой границы; я не имѣлъ при себѣ цифири и слѣдовательно не могъ ввѣрить бумагъ своихъ какому-нибудь персидскому курьеру.

„Въ Тегеранѣ посланникъ нашъ былъ принятъ съ такими почестями, которыхъ никогда не оказывали въ Персіи ни одному европейцу. Послѣ первой аудіенціи у шаха, при которой соблюдены были всѣ постановленія существующаго церемоніала и великолѣпныхъ угощеній, дѣланныхъ намъ, по приказанію шаха, тамошними вельможами, посланникъ имѣлъ приватную аудіенцію у его высочества. Шахъ обошелся съ нимъ весьма ласково; говорилъ ему: „Вы мой эминъ, мой визирь, всѣ визири мои ваши слуги; во всѣхъ дѣлахъ вашихъ адресуйтеся прямо къ шаху, шахъ вамъ ни въ чемъ не откажетъ“, и много подобныхъ вѣжливостей, на которыя персіяне щедры въ обратной пропорціи скудости своей на все прочее.

„Все, что посланникъ требовалъ, было безъ отлагательства исполнено, а именно: послѣдовалъ строжайшій фирманъ на имя Яхья-Мирзы, воспрещающій въ Рештѣ всѣ притѣсенія, дѣлаемые тамъ нашимъ промышленникамъ, о которыхъ ваше сіятельство изволили писать къ посланнику, и таковой же на имя казвинскаго шахзаде¹⁾, повелѣвающій ему освободить всѣхъ плѣнныхъ, находящихся въ домѣ бывшаго сердаря эриванскаго Хусейн-хана. Шахъ прислалъ посланнику подарки и орденъ Льва и Солнца 1-й степени, а прочимъ чиновникамъ тотъ же орденъ 2-й и 3-й степени. Грибовдовъ собирался ѣхать въ Тавризъ, а для сношеній съ министерствомъ шаха и для представленія его высочеству подарковъ отъ нашего двора оставялъ меня въ Тегеранѣ; онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у шаха; лошади и катера были готовы къ

¹⁾ Принцъ крови.

отъѣзду, какъ вдругъ неожиданный случай далъ дѣламъ нашимъ совсѣмъ иной оборотъ и посѣлалъ сѣмь бѣдственнаго раздора съ персидскимъ правительствомъ.

„Нѣкто Ходжа-Мирза-Якубъ, служившій болѣе 15-ти лѣтъ при гаремѣ шахскомъ, пришелъ вечеромъ къ посланнику и объявилъ ему желаніе возвратиться въ Эривань ¹⁾, свое отечество. Грибоѣдовъ сказалъ ему, что ночью прибѣжища себѣ ищутъ только воры, что министръ русскаго императора оказываетъ покровительство свое гласно, на основаніи трактата, и что тѣ, которые имѣютъ до него дѣло, должны прибѣгать къ нему явно, днемъ, а не ночью. Мирза-Якубъ былъ отосланъ съ феррашами въ домъ свой, съ увѣреніемъ, что персіане не осмѣлятся сдѣлать ему ни малѣйшаго оскорбленія.

„На другой день онъ опять пришелъ къ посланнику съ тою же просьбою; посланникъ уговаривалъ его остаться въ Тегеранѣ, представлялъ ему, что онъ здѣсь знатный человѣкъ, занимаетъ второе мѣсто въ эндерунѣ ²⁾ шахскомъ, между тѣмъ какъ у насъ онъ совершенно ничего значить не можетъ и т. п.; но усмотрѣвъ твердое нахѣреніе Мирзы-Якуба ѣхать въ Эривань, онъ принялъ его въ домъ миссіи, дабы вывезти съ собою въ Тавризь, а оттуда, на основаніи трактата, отправить въ Эривань. Грибоѣдовъ послалъ человѣка взять оставшееся въ домѣ Мирзы-Якуба имущество, но когда вещи были уже навьючены, пришли ферраши Манучехр-хана ³⁾, которые увели катеровъ и въюки Мирзы-Якуба къ своему господину.

„Шахъ разгнѣвался; весь дворъ возопилъ, какъ будто бы случилось величайшее народное бѣдствіе. Въ день двадцать разъ приходили посланцы отъ шаха съ самыми нелѣпыми представленіями; они говорили, что ходжа (евнухъ) то же, что жена шахская, и что слѣдовательно посланникъ отнялъ жену у шаха изъ его эндеруна. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что Мирза-Якубъ, на основаніи трактата, теперь русскій подданный, и что посланникъ русскій не имѣетъ права выдать его, ни отказать ему въ своемъ покровительствѣ. Персіане, увидѣвъ, что они ничего не возьмутъ убѣдительною своею логикою, прибѣгли къ другому средству; они взвели огромныя денежныя требованія на Мирзу-Якуба и сказали, что онъ обворовалъ казну шаха и потому отпущенъ быть не можетъ. Для приведенія въ ясность сего дѣла,

¹⁾ Якубъ — житель г. Эривани, изъ фамиліи Маркарьянъ. А. В.

²⁾ Внутренніе покои у мусульманъ. А. В.

³⁾ Изъ тифлисскихъ армянъ, изъ фамиліи Ениколоповыхъ, въ послѣдствіи правитель Испагани. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ персіанцами при Эривани, во время управленія Закавказьемъ кн. Циціанова, привезенъ въ Персію и оскорбленъ въ Тавризь. А. В.

Грибовъдовъ отправилъ его вмѣстѣ съ переводчикомъ Шах-Назаровымъ къ Манучехр-хану. Комната была наполнена ходжами, которые ругали Мирзу-Якуба и плевали ему въ лицо. „Точно, я виноватъ, говорилъ Мирза-Якубъ Манучехр-хану: виноватъ, что первый отхожу отъ шаха; но ты самъ скоро за мною послѣдуешь“. Такимъ образомъ, въ этотъ разъ, кромѣ ругательства, ничего не послѣдовало.

„Шаху угодно было, чтобы духовный судъ разобралъ дѣло; посланникъ на это согласился и отправилъ меня, чтобы я протестовалъ въ случаѣ противузаконнаго рѣшенія. Съ Мирзой-Якубомъ и переводчикомъ приѣхалъ я въ домъ шаро (духовнаго суда) и объявилъ Манучехр-хану, что буде кто-либо позволить себѣ по прежнему какое-нибудь ругательство въ моемъ присутствіи, то я этого не стерплю, кончу переговоры, уведу съ собою Мирзу-Якуба и они болѣе его никогда не увидятъ; что я, съ своей стороны, ручаюсь ему, что Мирза-Якубъ также не скажетъ никому обиднаго слова.— „Мирза-Якубъ долженъ казначею шахскому нѣсколько тысячъ тумановъ, сказалъ мнѣ Манучехр-ханъ: неужели теперь эти деньги должны пропасть?“ Я отвѣчалъ ему, что Мирза-Якубъ объявилъ посланнику, что онъ никому не долженъ здѣсь гроша, и что слѣдовательно должно представить законные документы, и буде есть дѣйствительные векселя, т.-е. засвидѣтельствованные въ свое время у хакима, онъ принужденъ будетъ удовлетворить Зураб-хана.— „Такихъ документовъ нѣтъ, но есть росписки, свидѣтели“.— На основаніи трактата, сказалъ я, извѣстно вашему высокостепенству, что такіа росписки и словесныя показанія, буде самъ должникъ не признаетъ ихъ справедливыми, въ денежныхъ дѣлахъ не имѣютъ никакой силы; точно, Мирза-Якубъ получалъ деньги отъ Зураб-хана, но онъ былъ казначеемъ въ эндерунѣ и имѣлъ отъ шаха различныя порученія, на каковыя и издерживалъ получаемыя деньги. Онъ говоритъ, что можетъ это доказать имѣвшимися въ его домѣ бумагами и росписками; но ваше высокостепенство послали людей своихъ, которые силою проникли въ его домъ, когда онъ уже находился подъ покровительствомъ нашей миссіи, которые унесли вещи, увели катеровъ и лошадей его, а можетъ быть и выкрали означенныя бумаги; вамъ слѣдовало описать вещи и бумаги въ присутствіи русскаго чиновника, а не насильственно и самовольно захватить все, что попало, и слѣдовательно вся отвѣтственность за нарушеніе правъ русскаго подданнаго падаетъ на васъ; какимъ образомъ судъ можетъ приступить къ справедливому рѣшенію, когда Зураб-ханъ имѣетъ при себѣ документы, между тѣмъ, какъ бумаги Мирзы-Якуба у него отобраны и можетъ быть теперь уже уничтожены?— „Хорошо, сказалъ Манучехр-ханъ: но въ трактатѣ вовсе нѣтъ того, что вы говорите“.—

Въ отвѣтъ ему, я приказалъ переводчику прочесть нѣкоторыя отиѣченныя мною статьи коммерческой конвенціи, и всѣ присутствовавшіе по выслушаніи оныхъ остолбенѣли отъ удивленія.—„Если такъ, сказалъ Манучехр-ханъ, то духовнаго суда по этому дѣлу быть не можетъ; пусть все останется какъ есть“.

„На другой день посланникъ былъ у шаха и согласился на предложеніе его высочества разобрать дѣло Мирзы-Якуба съ муэтемедомъ ¹⁾ и Мирза-Абуль-Хасан-ханомъ; но сіе совѣщаніе отлагалось со дня на день, до тѣхъ поръ, пока смерть посланника и Мирзы-Якуба сдѣлали оное невозможнымъ.

„Между тѣмъ, посланникъ прилагалъ неусыпное стараніе объ освобожденіи находившихся въ Тегеранѣ плѣнныхъ. Двѣ женщины, плѣнныя армянки, были приведены къ нему отъ Аллах-Яр-хана. Грибовъ допросилъ ихъ въ моемъ присутствіи, и когда онѣ объявили желаніе ѣхать въ свое отечество, то онъ оставилъ ихъ въ домѣ миссіи, дабы потомъ отправить по принадлежности.

„Впрочемъ, это обстоятельство такъ маловажно, что объ ономъ распространяться нечего. Съ персидскимъ министерствомъ объ этихъ женщинахъ не было говорено ни слова, и только послѣ убіенія посланника начали о нихъ толковать. Я это представилъ въ Тавризъ каймакаму, утверждавшему, что женщины были главною причиною убіенія посланника.—„Ваше высочество, сказалъ я ему, имѣете въ рукахъ своихъ всю переписку посланника съ тегеранскимъ министерствомъ; тамъ много говорено о Ходжа-Мирзѣ-Якубѣ, но есть-ли хотя одно слово о женщинахъ?“—„Точно, о женщинахъ нигдѣ не упоминается, но онѣ были удержаны вами насильственно противъ своей воли“.—Смѣю увѣрить васъ, отвѣчалъ я ему, что при мнѣ объявили онѣ посланнику желаніе возвратиться въ свое отечество, а лучшимъ доказательствомъ, что посланникъ никогда насильно не бралъ тѣхъ, которыя не имѣли желанія отсюда ѣхать, можетъ служить происшествіе, извѣстное вамъ, которому весь Казвинъ былъ свидѣтелемъ. Тамъ находились въ домѣ одного сеида двѣ женщины, изъ коихъ одна армянка, а другая—нѣмка, изъ прилежащихъ къ Тифлису колоній. Онѣ были приведены къ посланнику, и когда объявили, что желаютъ остаться въ Казвинѣ, то немедленно же были отпущены къ сеиду.

„Между тѣмъ дошло до свѣдѣнія муджтехида Мирзы-Месиха, что Мирза-Якубъ ругаетъ мусульманскую вѣру. „Какъ? говорилъ муджте-

¹⁾ Собственно муэтемед-иддоуз, т.-е. опора правительства,—титулъ Манучехр-хана.
А. В.

хидь, — этотъ человекъ 20-ть лѣтъ былъ въ нашей вѣрѣ, читалъ наши книги и теперь поѣдетъ въ Россію, наругается надъ нашею вѣрою; онъ измѣнникъ, невѣрный и повиненъ смерти!“ Также о женщинахъ доложили ему, что ихъ насильно удерживаютъ въ нашемъ домѣ и принуждаютъ будто-бы отступиться отъ мусульманской вѣры.

„Мирза-Месихъ отправилъ ахундовъ къ Шахзадѣ-Зилли-султану; они сказали ему: „Не мы писали мирный договоръ съ Россіею, и не потерпимъ, чтобы русскіе разрушали нашу вѣру; доложите шаху, чтобы намъ непременно возвратили плѣнныхъ“. Зилли-султанъ просилъ ихъ повременить, обѣщалъ обо всемъ донести шаху. Ахунды пошли домой и дорогой говорили народу: „запирайте завтра базаръ и собирайтесь въ мечети; тамъ услышите наше слово!“

„Наступило роковое 30-е число января. Базаръ былъ запертъ, съ самаго утра народъ собирался въ мечети. „Идите въ домъ русскаго посланника, отбирайте плѣнныхъ, убейте Мирзу-Якуба и Рустема!“ — грузина, находившагося въ услуженіи у посланника. Тысячи народа съ обнаженными кинжалами вторгнулись въ нашъ домъ и выдали камень. Я видѣлъ, какъ въ это время пробѣжалъ чрезъ дворъ коллежскій ассесоръ князь Соломонъ Меликовъ, посланный къ Грибоводову дядею его Манучехр-ханомъ; народъ кидалъ въ него камнями и вслѣдъ за нимъ помчался на второй и третій дворъ, гдѣ находились плѣнные и посланникъ. Всѣ крыши были уставлены свирѣбствующей чернью, которая лютыми криками изъясляла радость и торжество свое. Караульные сарбазы (солдаты) наши не имѣли при себѣ зарядовъ, бросились за ружьями своими, которыя были складены на чердакѣ и уже растащены народомъ. Съ часъ казаки наши отстрѣливались, тутъ повсемѣстно началось кровопролитіе. Посланникъ, полагая сперва, что народъ желаетъ только отобрать плѣнныхъ, велѣлъ тремъ казакамъ, стоявшимъ у него на часахъ, выстрѣлить холостыми зарядами, и тогда только приказалъ заряжать pistols нулями, когда увидѣлъ, что на дворѣ начали рѣзать людей нашихъ. Около 15-ти человекъ изъ чиновниковъ и прислуги собрались въ комнатѣ посланника и мужественно защищались у дверей. Пытавшіеся вторгнуться силою были изрублены шашками, но въ это самое время запылалъ потолокъ комнаты, служившей послѣднимъ убѣжищемъ русскимъ: всѣ находившіеся тамъ были убиты низверженными сверху камнями, ружейными выстрѣлами и кинжалными ударами ворвавшейся въ комнату черни. Начался грабежъ: я видѣлъ, какъ персіане выносили на дворъ добычу и съ крикомъ и дракою дѣлили ону между собою. Деньги, бумаги, журналы миссіи, — все было разграб-

лено (я полагаю, что бумаги находятся въ рукахъ у персидскаго министерства).

Въ это время пришелъ присланный отъ шаха майоръ Хади-бекъ съ сотнею сарбазовъ, но у сего вспомогательнаго войска не было патроновъ; оно имѣло приказаніе противъ вооруженной свирѣдствующей черни употреблять одно краснорѣчіе, а не штыки, и потому было словеснымъ свидѣтелемъ неистовствъ. Также присланъ былъ визирь Мирза-Мамед-Али-ханъ и серкенгъ (полковникъ). Увидѣвъ серкенга, съ которымъ я былъ довольно коротко знакомъ, я просилъ его къ себѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что посланникъ и всѣ чиновники миссіи убиты; что онъ не понимаетъ, какъ могъ я спастись, приставилъ къ конвѣтѣ мой караулъ и обѣщался вечеромъ посѣтить меня. За часъ до заложенія солнца, когда въ разоренномъ домѣ нашемъ оставались одни только сарбазы, пришелъ шахскій чиновникъ, который четвергъ стѣнамъ прочелъ громогласно фирманъ, повелѣвающій народу, подъ опасеніемъ шахскаго гнѣва, удалиться спокойно изъ нашего дома и воздержаться отъ всякаго безчинства.

Въ 9-ть часовъ вечера пришелъ серкенгъ съ вооруженными гулмами, нарядилъ меня и людей моихъ въ сарбазскія платья и повелъ во дворецъ Зили-султана.

Всего убито въ сей ужасный день 37 человекъ нашихъ и 19 темерайскихъ жителей“.

Изъ донесенія Мальцова оказывается, что причиною убіенія Грибовѣдова послужили евнухъ Мирза-Якубъ и двѣ женщины изъ гарема Алах-Яр-хана, въ чемъ показанія его въ общихъ чертахъ совершенно согласны съ рассказомъ персидскаго историка. Но что же вынудило Грибовѣдова такъ горячо за нихъ вступить? Руководствовался ли онъ въ этомъ случаѣ исключительно статьею турменчайскаго трактата, безъ какаго-либо иного побужденія, или же здѣсь была замѣшана и посторонняя интрига? Вотъ, по моему мнѣнію, тѣ вопросы, разрѣшеніемъ коихъ могутъ объясниться дѣйствія нашего министра, колебшійся за собою избіеніе всей нашей миссіи. Постараюсь отвѣтить на нихъ, руководствуясь данными и сообщеніями, такъ сказать, непосредственнаго мѣстнаго изыскателя, предположившаго себѣ цѣлью всестороннее разъясненіе занимающаго насъ событія и обстоятельствъ, предшествовавшихъ ему и за нимъ послѣдовавшихъ.

Грибовѣдовъ на пути въ Персію, какъ извѣстно, остановился въ Тифлисѣ. Здѣсь онъ принялъ къ себѣ на службу нѣсколько туземцевъ, изъ армянъ и грузинъ, людей неблагонадежныхъ, чуждыхъ всякаго образованія, и вдобавокъ, весьма сомнительной нравственности. Въ этомъ отношеніи изъ среды ихъ особенно выдѣлялись лично

сти Дадаш-бека и Рустем-бека. Тутъ невольно напрашивается возраженіе, что Грибоѡдову, обладавшему столь глубокимъ знаніемъ чело-вѣческаго сердца, людскихъ страстей и пороковъ, никто не мѣшалъ быть осмотнительнѣе въ выборѣ чиновниковъ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ данномъ положеніи Грибоѡдову выбирать было не изъ кого, а познаніе людей съ ихъ характеромъ и наклонностями достигается долгимъ непосредственнымъ наблюденіемъ той среды, изъ которой они вышли. А тифлисская общественная среда, особливо не аристократическая, Грибоѡдову мало была извѣстна; притомъ же на него могли повліять рекомендаціи и указанія новой родни, которую онъ приобрѣлъ вслѣдствіе своей, только что совершившейся женитьбы. Итакъ, чего же можно было ожидать отъ соприкосновенія подобныхъ упомянутыхъ личностей съ народомъ, съ которымъ мы только что успѣли покончить наши расчеты, достигнувъ необыкновенно блестящихъ въ нашу пользу результатовъ, и который ни по правамъ и обычаямъ, ни по вѣрѣ, — словомъ, ни съ какой стороны намъ не могъ симпатизировать? Недружелюбное настроеніе персіянъ противъ посольства обнаружилось еще во время слѣдованія его изъ Тавриза въ Тегеранъ. Обязанные нести всѣ расходы по переѣзду и продовольствію нашей миссіи, сельскіе жители нерѣдко подвергались со стороны вышепоименованныхъ закавказскихъ туземцевъ, а главнымъ образомъ со стороны Рустем-бека всевозможнымъ поборамъ и другимъ притѣсненіямъ, которыя въ Кавказѣ, по случаю попытки освободить изъ неволи увезенную изъ Эривани нѣмку, жену какого-то сейды, едва не имѣли трагическаго исхода. Съ прибытіемъ въ Тегеранъ они еще болѣе начали буйствовать, такъ что нерѣдко въ пьяномъ видѣ, съ обнаженнымъ оружіемъ и съ криками ходили по улицамъ, предаваясь открытому разврату, что само собою противорѣчило основнымъ правиламъ шаріата, задѣвая и безъ того возбужденную щекотливость жителей столицы. Чапа терпѣнія персіянъ должна была переполниться, когда названныя лица, въ своемъ неразумномъ ослѣпленіи, успѣли склонить Грибоѡдова дѣйствовать по ихъ видамъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ родственницъ и друзей, плѣненныхъ персіянами при нашествіи Ага-Мамед-хана на Тифлисъ (1795 г.) и въ послѣдующихъ войнахъ Россіи съ Персіей за обладаніе Закавказьемъ. Высказываясь такимъ образомъ, я, само собою разумѣется, далеже отъ мысли объяснять дѣйствія Грибоѡдова въ этомъ случаѣ исключительно вліяніемъ однихъ только лицъ, взятыхъ имъ на службу изъ закавказскихъ уроженцевъ, что было бы недостойно нашего посланника;—нѣтъ, онъ въ своемъ образѣ дѣйствій руководствовался точнымъ смысломъ туркменчайскаго трактата, считая себя внѣ всякой

опасности. Дѣло только въ томъ, что подчинивъ себя вліянію людей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, и дѣйствуя въ ихъ родственныхъ интересахъ, онъ зашелъ слишкомъ далеко, простирая иногда свое покровительство на тѣхъ изъ плѣнницъ, которыя находились въ гаремахъ лицъ, слишкомъ значительныхъ и вліятельныхъ. И вотъ въ этомъ-то именно увлеченіи и заключается главная ошибка Грибова!

Принятіе подъ покровительство Мирзы-Якуба вооружило противъ Грибова самого шаха и всю придворную партію. Да и могло ли быть иначе? Мирза-Якубъ занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ должность казначея и главнаго евнуха въ шахскомъ гаремѣ, зналъ всѣ его тайны и семейную жизнь шаха, и съ измѣною его все, чѣмъ такъ дорожитъ нравовѣрный, должно было получить огласку, что дѣйствительно и случилось. Едва только народъ узналъ, что Мирза-Якубъ ушелъ изъ шахскаго гарема и находится у русскихъ, какъ громко началъ заявлять о своемъ неудовольствіи. Когда же Грибовъ укрылъ у себя двухъ женщинъ изъ гарема Аллах-Яр-хана, вражда народная достигла крайняго ожесточенія и Аллах-Яр-хану, какъ человѣку, въ душѣ ненавидѣвшему шаха и Аббасъ-Мирзу и желавшему, во что бы то ни стало, вовлечь Персію въ новую войну съ Россіей, оставалось только воспользоваться представившимся ему удобнымъ случаемъ.

Относительно участія Фетх-Али-шаха въ дѣлѣ убіенія нашего посольства можно почти съ достовѣрностію сказать, что онъ не только въ немъ не участвовалъ, но и не предвидѣлъ такого рокового исхода. Одно не подлежитъ сомнѣнію: шахъ могъ желать убіенія только Мирзы-Якуба, въ чемъ его нельзя безусловно и обвинять, но указаннымъ уже соображеніямъ. Если же онъ не предупредилъ несчастной катастрофы и все ограничилось однимъ лишь пассивнымъ сопротивленіемъ персидскаго караула мятежникамъ, то это объясняется очень просто: вліяніе шаха было совершенно парализовано неожиданностью вспыхнувшаго народнаго мятежа, мгновенно возбужденнаго внушеніями фанатическаго духовенства. Всякая попытка его сдержать силою волненіе народа угрожала бы опасностію собственной его жизни. Въ этомъ случаѣ дѣйствительное вліяніе могла оказать только одна личность—муджехидъ тегеранскій, мулла Месихъ¹⁾, но какъ отъявленный изувѣръ и врагъ христіанъ, а въ особенности русскихъ, онъ поддѣл

¹⁾ Мулла Месихъ вскорѣ послѣ описываемой катастрофы вынужденъ былъ оставить Тегеранъ.

въ огонь масла и однимъ сигналомъ „джехадъ“¹⁾ погубилъ небольшую нашу колонію.

Что до наследника престола, Аббас-Мирзы, то обстоятельства дѣла заставляютъ признаться, что онъ не только не участвовалъ въ этомъ гнусномъ дѣлѣ, но напротивъ того, содѣйствовалъ къ спасенію Мальцова, единственнаго члена нашей миссіи, избѣгшаго смерти..... „Изъ всѣхъ бумагъ видно, писалъ гр. Паскевичъ къ гр. Нессельроде, отъ 29-го марта: что Аббас-Мирза, дабы не увеличить произведеннаго въ Тегеранѣ злодѣянія умерщвленіемъ Мальцова, къ чему нерасидное правительство, по предположенію его, было уже склонно, въ отчаяніи отъ таковаго преступленія, далъ совѣтъ сохранить жизнь его“. Къ тому же, Аббас-Мирза, какъ свидѣтельствовалъ Мальцовъ, находился въ явной немилости у шаха, который считалъ его измѣнникомъ своего отечества. А при такихъ обстоятельствахъ онъ не могъ не желать мира съ Россіей; ибо зная, что безъ покровительства императора ему никогда не удалось бы вступить на шахскій престолъ.

Но пусть лучше говорятъ документы: мы приводимъ вѣдѣе за семь точные переводы съ фирмана Фетх-Али-шаха къ Аббас-Мирзѣ и съ писемъ сего послѣдняго къ императору Николаю и къ графамъ Нессельроде и Паскевичу²⁾.

Фирманъ Фетх-Али-шаха на имя наследника престола Аббас-Мирзы:

„Не знаете, какъ и описать превратности свѣта! Аллахъ, Аллахъ, какія случаются происшествія! По прибытіи російскаго полномочнаго министра Грибовдова въ Тегеранъ мы приняли его, какъ посредника для укрѣпленія дружбы между двумя великими державами. Ему были оказаны должныя почести и ласки, пріемъ сдѣланъ благосклонный, мы осыпали его разнаго рода милостями и удостоили разрѣшеніемъ возвратиться. Но онъ остался здѣсь еще на нѣкоторое время, и вотъ съ нимъ случилось столь неожиданное и постыдное происшествіе, какого по сіе время не было ни видано, ни слышано въ Персіи. И могли ли мы предвидѣть, чтобы тегеранцы рѣшились на это? Мирза-Якубъ, по прибытіи къ посланнику, былъ отправленъ къ эшик-агаси-баши (оберъ-церемоніймейстеру) съ переводчикомъ Мирза-Нариманомъ для

¹⁾ Слово арабское, въ переводѣ: священная война, война противъ невірныхъ.
А. В.

²⁾ Фирманъ и письма мы воспроизводимъ по старымъ ихъ переводамъ на русскій языкъ, позволяя себѣ сдѣлать лишь нѣкоторыя исправленія въ слогѣ переводовъ, а подлинныхъ текстовъ мы, къ сожалѣнію, не имѣли подъ рукою.
А. В.

объявленія, что его берутъ съ собою. Нѣкоторые изъ товарищей Мирзы-Якуба по службѣ доложили намъ, что онъ, какъ завѣдывавшій казначействомъ, состоитъ казначѣ должнымъ, по крайней мѣрѣ, 40 или 50 т. тумановъ¹⁾, и что потому необходимо удержатъ его до окончанія счетовъ, а потомъ уже поручить его посланнику. Но изъ уваженія къ Грибовдову приказали не задерживать Якуба и отправить его обратно, дабы счеты были приведены въ извѣстность съ вѣдома посланника.

„Наконецъ было рѣшено разобрать дѣло Мирза-Якуба въ судѣ, куда онъ и явился на другой день съ людьми посланника и гдѣ началъ ругать законъ и вѣру мусульманскую. Ругательства его сильно огорчили чернь и почетныхъ людей и всѣ подняли ропотъ; но вида наши милости и наше расположеніе къ посланнику, замолчали. Въ это время посланникъ началъ требовать двухъ мушскихъ куртинокъ, издавна находившихся въ плѣну и которыхъ онъ называлъ каралисскими уроженцами. Когда же хозяинъ тѣхъ плѣнницъ сталъ доказывать, что онѣ каралисскими жительницами не были, тогда мы, единственно въ угоду посланнику, велѣли отвезти ихъ къ нему для личнаго разбирательства. Грибовдовъ, убѣдившись, что онѣ не русскія подданныя, тѣмъ не менѣе удержалъ ихъ, при чемъ не обратилъ никакого вниманія на то, что онѣ нѣсколько лѣтъ какъ мусульманки и что одна изъ нихъ была даже беременна. Вопль упомянутыхъ женщинъ и нежеланіе ихъ остаться въ домѣ посланника взволновали городскихъ жителей, но они, изъ опасенія быть наказаны, ни на что не отважились. Въ тотъ же самый день люди посланника обругали какого-то сеида на базарѣ, а ночью затащили къ себѣ женщину. На слѣдующее утро жители, презирая жизнь, бросились къ посольскому дому съ цѣлю выручить удерживаемыхъ въ немъ женщинъ, но люди посланника и караулъ оказали сопротивленіе, при чемъ 4 или 5 человекъ изъ толпы убили и нѣсколько переранили. Увидя убитыхъ, народъ, не обращая уже ни на что вниманія, ни даже на увѣщанія духовныхъ, бросился къ дому посланника и началъ бросать въ него палками и камнями, при чемъ участвовали даже дѣти. Стоявшіе въ караулѣ сарбазы открыли въ это время перестрѣлку и убили нѣсколько человекъ; со стороны посланника также нѣкоторые поплатились жизнью, и въ числѣ ихъ Мирза-Судейманъ, племянникъ эшик-агаси-баши, который былъ посланъ къ министру съ порученіями. Какъ только донесли о семъ бунтѣ, сыновья Зилли-султана и начальникъ караула, съ дворцовой стражей,

¹⁾ Туманъ = 3 р. с., а въ то время слишкомъ 4 р. с.

тогдашья были отправлены для его прекращенія. Но народъ до такой степени былъ ожесточенъ, что ничего нельзя было сдѣлать; понесли даже самого Зилли-султана. Людямъ его и сарбазамъ удалось спасти, и то съ большимъ трудомъ, одного только перваго секретаря министра съ 6-ю человѣками. Мы удивляемся, какъ могло случиться такое происшествіе, когда не оставили приложить все стараніе къ сохраненію взаимной дружбы. Подобнаго происшествія въ нашемъ государствѣ никогда не бывало. Когда намъ приходилось слышать, что въ томъ или другомъ государствѣ взбунтовался народъ, что такого-то министра смѣнили, что въ государственныхъ дѣлахъ случились перемѣны, то мы удивлялись и говорили: „Какъ при такихъ случаяхъ могъ удержаться порядокъ въ государственныхъ дѣлахъ“. Въ то время, когда Хаджи-Халиль-ханъ, нашъ посланникъ, былъ убитъ такимъ же образомъ въ Индіи, мы не хотѣли вѣрить, чтобы это было сдѣлано народомъ; но когда убѣдились въ добромъ расположеніи англійскаго правительства, то узнали, что это произошло не намѣренно, а случайно.

„Мы не можемъ описать печали и того неудовольствія, какое намъ причинило это происшествіе; да и къ чему ихъ описывать? Мы лучше васъ умѣемъ цѣнить дружбу двухъ государствъ, и болѣе тѣмъ вы онечалены, ибо происшествіе это опозорило Персію, хотя не только ни одинъ благоразумный не припишетъ его благоразумному, но даже безумный безумному; но мы тѣмъ не менѣе сочли нужнымъ сообщить вамъ обо всемъ происшедшемъ. Объясните все это подробно Амбургеру. Мы не различаемъ двухъ державъ (Россію и Персію) и для насъ все одно—случилось ли описанное несчаствіе въ Петербургѣ или въ Тегеранѣ; пусть представляютъ себѣ, что оно случилось въ Петербургѣ и пусть объясняютъ, что сдѣлали бы намъ, дабы мы, согласно съ правилами и обычаями обѣихъ державъ, учинили должное наказаніе и распоряженіе. Конечно, мы употребимъ все усиліе къ упроченію дружбы и союза между обѣими державами и смоемъ позоръ, нанесенный нашему правительству. Всѣ убитые съ должною почестью преданы землѣ. Мы утѣшаемъ перваго секретаря; виновниковъ же не замедлимъ наказать. Для окончанія этого дѣла мы ожидаемъ отъ васъ извѣстій, согласныхъ съ мнѣніемъ Амбургера. Старшаго секретаря, какъ очевидца и могущаго рассказать все какъ было, мы черезъ два дня отправимъ къ гр. Паскевичу вмѣстѣ съ Назар-Алиханомъ.

„Для уничтоженія и заглаженія сего посрамленія мы ожидаемъ вашего совѣта“.

Письмо Аббас-Мирзы къ государю императору:

„Возславъ прежде всего хвалу Всевышнему, коему извѣстны всѣ тайны и принадлежитъ весь міръ, во власти котораго простить всѣ грѣхи и ниспослать могущество государямъ; затѣмъ, изъявивъ покорность нашу его отличными святымъ, направляющимъ на истинный путь, и пророкамъ, вѣдающимъ божественныя тайны и ходатайствующимъ за насъ въ день общаго воздаянія, доношу вашему императорскому величеству, лишающему и дарующему, подобно Дарію, царства, одаренному похвальными качествами, достойнѣйшему, извѣстному добротой и милосердіемъ во всемъ мірѣ, любезнѣйшему дядѣ моему и самодержцу всея Россіи, что хотя стыдъ, коимъ по измѣнчивости судьбы покрыла себя, выше всякаго описанія, Персія, но я полагаюсь на милость и великодушіе вашего императорскаго величества.

„Въ прошломъ году Персія, душою и сердцемъ, купила дружбу высокой россійской державы: она не пощадилась въ семь случаевъ ни трудовъ, ни достоянія, доколѣ по милости Аллаха и по великодушію вашего императорскаго величества не приобрѣла себѣ того, чего столь сильно желала.

„Въ нынѣшнемъ же году я намѣревался для укрѣпленія этой дружбы и по нѣкоторымъ другимъ дѣламъ отправиться въ путь, чтобы удостоиться свиданія съ вашимъ императорскимъ величествомъ. Между тѣмъ, съ россійскимъ полномочнымъ министромъ случилось такое происшествіе, какого въ Персіи никогда не бывало и котораго предупредить не представлялось возможности. Творецъ міра, вѣдающій всякую тайну, свидѣтель, что я предпочелъ бы скорѣе погибнуть со всѣми братьями и сыновьями, чѣмъ видѣть на Персіи такое безславіе. Всѣ вельможи и знатныя особы персидскаго двора, вслѣдствіе такого несчастнаго событія, наложили на себя нынѣ трауръ; его высочество шахъ находится въ великой горести. Не подлежитъ сомнѣнію, что Персія не желаетъ лишиться всѣхъ понесенныхъ ею въ прошломъ году безпокойствъ, трудовъ и убытковъ. Я самъ, желая ѣхать для свиданія съ вашимъ императорскимъ величествомъ, никогда не соглашусь отправиться въ настоящемъ положеніи; народъ же персидскій, какъ вельможи, такъ и чернь, неоднократно испытывалъ горечь вражды и сладость дружбы съ Россією, и потому быть не можетъ, чтобы онъ пожелалъ промѣнять хорошее на худое, тишину на безпокойство. Клянусь всемогущимъ Творцемъ и вѣнцами всеавгустѣйшихъ государей, что это гнусное и постыдное происшествіе имѣло источникомъ возмущеніе простаго народа. Въ городахъ, чуждыхъ порядку и благоустройства, подобныя возмущенія невѣжественной черни, особенно же въ Константинополѣ, столицѣ Турціи,

случаются весьма часто, но до минувшаго года въ персидскихъ городахъ этого никогда не бывало. Когда же по причинѣ прошлогодней войны нашей съ Россіей невозможно было заниматься другими дѣлами, въ нѣкоторыхъ городахъ Персіи произошли подобныя безпорядки и возмущенія, за которые правительству нельзя было учинить взысканіе; по поводу же настоящаго случая въ Тегеранѣ оно приложить всевозможное стараніе для наказанія бунтовщиковъ и зачинщиковъ. А я потому единственно желалъ имѣть свиданіе съ вашимъ императорскимъ величествомъ, дабы съ помощью Аллаха укрѣпить между двумя державами сердечное единодушіе и расположеніе, и чтобы, благодаря высокимъ качествамъ вашего императорскаго величества, снова разцвѣло все потерявшее разстройство чрезъ вражду съ Россіей; внослѣдствіи же милостію Аллаха, чрезъ вниманіе вашего императорскаго величества, въ Персіи прекратятся всѣ безпорядки. Лучшее средство для поправленія нынѣ случившагося событія,—это предоставить его вполне благоугодному распоряженію вашего императорскаго величества. Въ заключеніе дерзаю просить ваше императорское величество удостоить меня высочайшимъ вашимъ на этотъ счетъ повелѣніемъ, чтобы Персія смыла съ себя позоръ; а что до меня, то я поспѣшу предстать предъ ваше императорское величество“.

Письмо Аббас-Мирзы къ графу Нессельроде:

„Аллахъ и тѣ, кои здѣсь были, вѣдаютъ, какіе труды перенесли мы въ эти два мѣсяца для заключенія мира между двумя державами. Мы не имѣемъ нужды описывать ихъ, ибо они, конечно, уже извѣстны во всей подробности вашему сіятельству и донесены его императорскому величеству. Мы надѣялись въ началѣ текущаго года удостоиться узрѣть государя императора и загладить приличными извиненіями прежнюю вину, но его императорское величество изволилъ отправиться въ путь. Потомъ, когда по возвращеніи его въ столицу, мы съ величайшимъ удовольствіемъ начали готовиться въ дорогу, за два дня до отправленія получаемъ извѣстіе изъ Петербурга, чтобы отложили на время поѣздку; но, вслѣдъ за тѣмъ, по опредѣленію небесъ, случилась несчастная смерть російскаго полномочнаго министра, противъ воли и желанія Персіи, которую это происшествіе крайне огорчило, такъ какъ подобнаго въ ней никогда не случалось. Но по безпредѣльной благодати Всевышняго, по высокому духу двухъ государей, по благонамѣренности чиновниковъ обѣихъ державъ и по требованію существующей между ними дружбы, мы вполне надѣемся и твердо увѣрены, что печальное событіе будетъ предано забвенію по чувству пріязни Россіи къ Персіи, которая послѣ всѣхъ понесен-

никъ ея потерь для пріобрѣтенія той дружбы, не пожелала бы, чтобъ труды и издержки ея оказались напрасными, и что она всецѣло должна быть признана непричастною гнусному поступку, нанесшему ей вѣчное безславіе. Равнымъ образомъ очевидно, что всеобщее возмущеніе и стеченіе народа въ Тегеранѣ, несмотря на существующій въ душѣ каждаго страхъ жестокаго наказанія, не были безъ причины. Впрочемъ, какъ объ этомъ, такъ и о поступкахъ народа, собравшагося около министровъ, будетъ впоследствии сообщено вашему сіятельству, но за всѣмъ тѣмъ, мы, кромѣ извиненія, ничего лучшаго представить не можемъ*.

Письмо Аббас-Мирзы къ графу Паскевичу:

„Удивляясь превратности настоящаго свѣта, и будучи покрытъ стыдомъ по случаю несчастнаго происшествія (съ Грибовдовымъ), не знаю, какъ его описать и какимъ образомъ открыть съ вашимъ сіятельствомъ двери разъясненій; г. Амбургеръ, видѣвши наше положеніе, конечно, донесетъ вашему сіятельству, какъ велико наше прискорбіе. Мы предпочли бы лучше со всѣми братьями и сыновьями смерть, лишь бы только на Персіи не лежало это вѣчное безславіе; ваше сіятельство сами можете судить, что никто этого не ожидалъ и что не было возможности предпринять что-либо заблаговременно. Происшествіе это случилось вдругъ, отъ необузданности народа, а безчестіе остается за нами, и потому всѣ чиновники нашего двора и управляющіе дѣлами здѣшняго края наложили на себя трауръ. Самъ шахиншахъ чрезмѣрно опечаленъ. Нынѣ, въ день 17-го шаабана, я получилъ отъ его высочества шаха фирманъ, коимъ повелѣваетъ мнѣ просить у вашего сіятельства инструкціи, какимъ образомъ увѣдомить объ этомъ происшествіи государя императора, почему и отправляемъ къ вамъ высокостепеннаго Мирза-Масуда, которому мы предписали переговорить о семъ съ вашимъ сіятельствомъ. Если вы заблагоразсудите, то отправьте его курьеромъ съ моимъ письмомъ къ государю императору; а равно и съ извинительнымъ письмомъ шаха, которое вслѣдъ за симъ къ вамъ будетъ доставлено съ особымъ чиновникомъ и съ секретаремъ министерства г. Мальцовымъ. Однимъ словомъ, повелѣніе шаха состоитъ въ томъ, что его высочество ни за что не измѣнитъ дружбѣ великаго російскаго двора съ дворомъ персидскимъ, купленной сердцемъ и душой, и что Тегеранъ и Петербургъ онъ считаетъ за одно и то же. Если бы подобное происшествіе случилось въ Петербургѣ, то, конечно, министры російскаго двора сдѣлали бы должное распоряженіе и дали бы необходимыя наставленія; а потому мы просимъ сообщить ихъ, дабы мы совершенно согласно съ тѣми наставленіями могли приступить къ наказанію виновниковъ

происшествия и къ испрошенію извиненія, и тѣмъ избавить Персію отъ бремени лежащаго на ней позора“.

Между тѣмъ, еще за мѣсяцъ до полученія приведеннаго выше донесенія Мальцова, графъ Паскевичъ, отъ 20-го февраля, писалъ графу Нессельроде:

„Съ истиннымъ живѣйшимъ прискорбіемъ послѣшая препроводить при семъ полученную мною отъ генеральнаго консула нашего въ Персіи, надворнаго совѣтника Амбургера, на имя вашего сіятельства депешу подъ открытою печатью, въ коей описывается вѣроломное убійство въ Тегеранѣ полномочнаго посланника нашего, статскаго совѣтника Грибоѣдова и всей его свиты, исключая секретаря Мальцова и съ нимъ еще двухъ человѣкъ, спасшихся отъ неистовства злодѣевъ.

„Обязанностію поставляю приложить при семъ также (въ переводѣ) выписку изъ письма къ Аббас-Мирзѣ брата его Зилли-султана, генераль-губернатора тегеранскаго, въ которомъ ужасное происшествіе, въ Тегеранѣ случившееся, описывается почти въ томъ же видѣ, какъ и въ депешѣ Амбургера¹⁾.

„Поелику всѣ извѣстія объ убійствѣ посланника нашего, не исключая и депеши г. Амбургера, основаны на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ персіянами, коихъ нельзя отнюдь принять за достовѣрныя, то и должно ожидать дальнѣйшихъ вѣрныхъ увѣдомленій о семъ печальномъ случаѣ; въ особенности же все происшествіе объяснить могутъ показанія Мальцова, который одинъ изъ всѣхъ чиновниковъ, бывшихъ при посольствѣ, остался живъ. За всѣмъ тѣмъ, зная характеръ персіанъ, я позволю себѣ нѣкоторыя предположенія о причинахъ столь вѣроломнаго поступка и неслыханнаго нарушенія правъ народныхъ.

„Усомниться можно, чтобы причины сіи были точно таковы, какъ онѣ изложены въ депешѣ Амбургера и письмѣ Зилли-султана, и вѣроятно многія обстоятельства представляются персіянами не въ томъ видѣ, для собственнаго ихъ оправданія; въ особенности въ письмѣ Зилли-султана, повторяемыя обвиненія противу Мирзы-Яхьи или Якуба, служившаго прежде при шахѣ, а потомъ прибѣгшаго подъ покровительство посланника нашего, заставляютъ предполагать, что все сіе происшествіе было предуготовлено прежде, и какъ начало самаго возмущенія, коего Грибоѣдовъ сдѣлался жертвою, произошло отъ Аллах-Яр-хана, который былъ главною пружиною предшествовавшей войны и признается всегда явнымъ непріателемъ Аббас-Мирзы и

¹⁾ По этой-то причинѣ мы считаемъ излишнимъ привести здѣсь эту выписку.
А. В.

сильнѣйшею опорю враждующихъ къ нему братьевъ, то съ нѣкоторою правдоподобностію заключать должно, что сіе горестное событіе было обдуманнѣмъ послѣдствіемъ самаго вѣроломнаго коварства и что поводомъ къ тому есть намѣреніе вовлечь опять шаха и Аббас-Мирзу въ войну съ нами, на тотъ конецъ, дабы истребить совершенно династію каджаровъ, или же отдалить отъ наслѣдства персидскаго престола Аббас-Мирзу въ пользу кого-либо изъ его братьевъ, партія коихъ, какъ выше сказано, подрѣпляется Аллах-Яр-ханомъ.

На счетъ причины убійства Грибовьдова я спрашивалъ муджтехидъ Ага-Мир-Фетта, коему извѣстны всѣ дѣла и интриги двора персидскаго; онъ полагаетъ, что оно учинено съ умысломъ, дабы показать народу, что правительство персидское не такъ боится русскихъ, какъ полагаютъ.

Если полагаться на персидскія извѣстія, то Фетх-Али-шахъ не только не участвовалъ, но и не предвидѣлъ возмущенія, противъ Грибовьдова случившагося, ибо онъ самъ лично приѣхалъ для укрощенія онаго вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, генераль-губернаторомъ тегеранскимъ; въ подтвержденіе сей мысли можетъ служить и то, что изъ числа сарбазовъ, находившихся въ караулѣ при посланникѣ нашемъ, 4 человѣка убито, его защищая, и 30 человѣкъ ранено изъ войскъ Зилли-султана.

Аббас-Мирза, сколько можно судить по его поступкамъ и въ особенности по письму ваймакама къ Мирзѣ-Салеху¹⁾, въ коемъ живо описываетъ, сколько онъ былъ пораженъ извѣстіемъ о смерти Грибовьдова, повидимому, вовсе не причастенъ сему гнусному злодѣянію, тѣмъ болѣе, что не далѣе, какъ за десять дней утверждено имъ разграниченіе по новому трактату и весьма недавно прислано въ Аббас-Абадъ 8 т. тумановъ, въ счетъ 8 курура²⁾.

При неизвѣстности настоящихъ обстоятельствъ, выводя разныя заключенія, можно предполагать, что англичане не вовсе были чужды участія въ возмущеніи, вспыхнувшемъ въ Тегеранѣ, хотя, можетъ быть, они не предвидѣли пагубныхъ послѣдствій онаго (ибо они неравнодушно смотрѣли на перевѣсъ нашего министерства въ Персіи и на уничтоженіе собственнаго ихъ вліянія); доказательство неискренности ихъ къ намъ я нахожу въ рапортѣ ко мнѣ бывшаго при разграниченіи комиссаромъ полковника Рененкампа, который, между прочимъ, меня увѣдомилъ, что послѣ уже подписанія акта о границахъ персидскимъ комиссаромъ Мирзою-Максудомъ, сей послѣдній по-

¹⁾ Чиновникъ особыхъ порученій при Аббас-Мирзѣ и одинъ изъ первыхъ персиянъ, получившихъ образованіе въ Парижѣ. А. Б.

²⁾ Куруръ = 2,000,000 руб. сер. А. Б.

лучилъ копию съ туркменчайскаго трактата, за подписью англійскаго министра Макдональда, въ которомъ съ умисломъ границы показаны были неправильно и названія написаны невѣрно; но разграниченіе, какъ выше сказано, было тогда подписано и потому проискій г. англійскаго посланника остались тщетными.

„Впрочемъ, въ какомъ бы видѣ ни были представлены причины убійства посланника нашего въ Персіи и обстоятельства, оное сопровождавшія, достоинство россійской имперіи требуетъ разительнаго удовлетворенія за столь звѣрскій поступокъ и неслыханное нарушеніе правъ народныхъ. Но при настоящей войнѣ съ Турціею и при тѣхъ значительныхъ силахъ, которыя собираетъ она въ Азіи, дабы остановить и даже уничтожить успѣхи наши, въ прошлую кампанію приобретенныя, при нынѣшнемъ числѣ войскъ, за Кавказомъ находящихся, совершенно невозможно начинать новую войну съ Персіею“.

Предположеніе графа Паскевича объ участіи англичанъ въ событіяхъ 30-го января не лишено основанія.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы переступили за главный хребетъ Кавказа, англійская политика, всемѣрно сохраняя въ интересахъ индійской компаніи доброе согласіе съ Персіею, изъ-подъ руки старалась поддерживать неприязненное настроеніе этой державы въ Россіи. Въ 20-хъ же годахъ, быстро развившаяся транзитная европейская торговля чрезъ наши закавказскія владѣнія съ Персіею до того встревожила сен-джемскій кабинетъ, что онъ, для окончательнаго уничтоженія ея однимъ разомъ, вовлекъ Персію въ открытую войну съ нами. Вынужденное блистательными успѣхами нашего оружія на крайне невыгодный миръ, персидское правительство видимо стало охладѣвать въ своимъ коварнымъ друзьямъ, которые, въ свою очередь, не будучи въ состояніи равнодушно глядѣть на рѣшительный перевѣсъ нашего вліянія, должны были быть замѣшаны, хотя косвенно и непримѣтно, въ событіяхъ 30-го января.

Чтобы этотъ выводъ не показался голословнымъ, не могу не привести здѣсь разсказа, слышаннаго мною отъ генерала Арцруни, старожилы и хорошаго знатока Персіи, состоявшаго въ чинѣ поручика лейбъ-гвардіи уланскаго полка при генераль-адъютантѣ князь Ник. Анд. Долгоруковѣ, преемникѣ Грибощдова.

Прибывъ въ Персію и остановившись въ Тавриздѣ, кн. Долгоруковъ рѣшительно объявилъ, что въ Тегеранѣ, гдѣ убитъ его предшественникъ, онъ не поѣдетъ, а пусть Фетх-Али-шахъ назначить ему по усмотрѣнію другое мѣсто въ государствѣ, гдѣ онъ и не замедлитъ ему представиться. Шахъ въ то время отправлялся въ Ширазъ, откуда и общалъ сообщить о мѣстѣ аудіенціи. По прошествіи нѣво-

того времени, кн. Долгоруковъ получилъ приглашеніе прибыть въ Исфаганъ ¹⁾, куда онъ немедленно и выѣхалъ, въ сопровожденіи Мамед-Хусейн-хана, адъютанта Аббас-Мирзы, назначеннаго къ нему въ качествѣ михмандара. Во время этого переѣзда, генералу Арцруни случилось какъ-то разговориться съ Мамед-Хусейн-ханомъ.

— Скажите, ханъ, началъ онъ: изъ-за чего затѣяли вы войну съ Россіей, войну, не обѣщавшую вамъ ничего, кромѣ новыхъ и невозвратныхъ потерь?

— „Аллахъ, Аллахъ! отвѣчалъ михмандаръ: стѣбитъ-ли объ этомъ говорить: развѣ не извѣстно цѣлому міру, что мы были вовлечены въ нее происками англичанъ?“

— Но какъ же вы, спросилъ снова генералъ Арцруни: могли рѣшиться на такой ни съ чѣмъ несообразный поступокъ, какъ истребленіе русскаго посольства?

— „По этому предмету, возразилъ ханъ, я расскажу вамъ слѣдующее:

„Однажды чертова жена съ своимъ ребенкомъ сидѣла неподалеку отъ большой дороги, въ кустахъ. Вдругъ они завидѣли идущаго по направленію къ нимъ крестьянина съ тяжелою ношею на спинѣ. Поровнявшись съ мѣстомъ, гдѣ сидѣли черти, онъ спотыкнулся о случившійся на дорогѣ большой камень и упалъ; а когда приподнялся, съ сердцемъ произнесъ: „будь ты, чортъ, проклятъ!“ Слова эти были услышаны чертенкомъ, который тутъ же, обратясь къ матери, сказалъ:— „Какъ люди несправедливы: они бранятъ насъ тамъ, гдѣ насъ нѣтъ; мы такъ далеки отъ камня, а все-же виноваты.“—Тс, молчи, отвѣчала мать, хотя мы и далеки, но хвостъ мой спрятанъ тамъ, подъ камнемъ....“

— „Такъ, заключилъ Мамед-Хусейн-ханъ, было и въ дѣлѣ Грибовдова: англичане хотя и жили въ Тавризѣ, но хвостъ ихъ все же былъ скрытъ въ русской миссіи, въ Тегеранѣ.“

Вообще нужно замѣтить, что предположеніе о поддержкѣ англичанами нерасположенія персіянъ къ русскимъ было въ то время значительно распространено въ Персіи и подтверждалось нѣкоторыми, весьма убѣдительными фактами: „Мнѣніе основательныхъ людей въ Персіи, писалъ, въ февралѣ 1829 года, майоръ Калачевскій къ военно-окружному начальнику нашихъ закавказскихъ мусульманскихъ провинцій, генералъ-майору князю Абхазову: есть то, что происшествіе сіе случилось отъ сыновей шаха (не безъ участія англичанъ) и что первые домогаются расторгнуть покровительство им-

¹⁾ Несмотря на это, аудіенція имѣла мѣсто въ Хамаданѣ.

ператора нашего въ Аббас-Мирзѣ, который, по ихъ мнѣнію, съ тѣмъ домогается отправиться въ С.-Петербургъ, чтобы испросить войска для уничтоженія не только ихъ, но и самого шаха“.

4-го іюня того же года Мальцовъ доносилъ графу Паскевичу изъ Тавриза:

„ Я достоверно узналъ, что по прибытіи сюда тѣла покойнаго нашего посланника, никто изъ англичанъ не выѣхалъ ему на встрѣчу. По ихъ настоянію тѣла не ввезли въ городъ Тавризъ, а поставили въ маленькой загородной армянской церкви, которой также никто изъ англичанъ не посѣтилъ. Отъ Наиб-султана не было оказано тѣлу покойнаго Грибоѣдова никакихъ почестей, даже не былъ приставленъ почетный караулъ. Аббас-Мирза такъ поступилъ въ угодность Макдональду; признаюсь, что я такой низости никогда не предполагалъ въ англійскомъ посланникѣ; неужели и въ этомъ находить онъ пользу для ость-индской компаніи, чтобы мстить чело-вѣку даже послѣ его смерти“.

Но какъ бы враждебно ни относилась англійская политика къ возраставшему вліянію нашему въ Персіи, нельзя отрицать, что англичане не могли предвидѣть всѣхъ пагубныхъ послѣдствій тегеранскаго возмущенія. Пріютъ, данный у себя Макдональдомъ супругѣ Александра Сергѣевича и принятое въ ней участіе, фактъ не слишкомъ-то убѣдительный: это была простая вѣжливость европейца и притомъ дипломата, обусловливаемая положеніемъ женщины въ семьѣ цивилизованныхъ націй, соблюденіе весьма понятнаго приличія къ супругѣ своего собрата по званію и дѣятельности. Болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ неожиданности для самихъ англичанъ умерщвленія нашего министра можетъ служить помѣщаемое здѣсь письмо Макдональда къ министру иностранныхъ дѣлъ Мирзѣ-Абуль-Хасан-хану, изъ Тавриза, отъ 21-го февраля:

„Съ чрезвычайнымъ ужасомъ и неудовольствіемъ нижеподписавшійся получилъ отъ его королевскаго высочества Аббас-Мирзы официальное извѣщеніе объ убійствѣ россійской миссіи въ Тегеранѣ. Исторія народовъ не представляетъ подобнаго случая; самыя варварскія правительства, о которыхъ есть только свѣдѣнія, признаютъ необходимость какъ въ мирное, такъ и въ военное время уважать и покровительствовать посылаемыхъ отъ государствъ представителей, и не стануть оправдывать нарушенія сего постоянного и непрѣмннаго правила. Въ особенности отнести сіе должно къ настоящему случаю, происшедшему посреди совершенно мирныхъ расположеній, въ столицѣ самого государя, который изъ дворца своего могъ слышать шумъ, смятеніе и вопли жертвъ; но, несмотря на то, миссія дру-

жественной націи погибла въ присутствіи всѣхъ тѣхъ властей, которыя, по праву народному и по закону гостепріимства, обязаны были защищать ее.

„Если всякая довѣренность разрушается, то напрасно было бы думать, что представитель какой-либо націи могъ быть безопасенъ въ Персіи: или правительство персидское не хочетъ, или не въ состояніи оказывать ему своего покровительства. Когда даже оно не имѣетъ вниманія къ собственной славѣ и существованію (*reputation of existence*), при всемъ томъ оно обязано пещись о предохраненіи своего достоинства отъ нареканій, каковыми нынѣ подверглось. Недовольно того, что правительство должно сдѣлать полное и совершенное удовлетвореніе; кромѣ того, нужно, чтобы были выданы зачинщики и участники убійства и чтобы ни званіе, ни постороннее предстательство, ни приводимые предлоги не укрывали ихъ отъ заслуженнаго наказанія. Малѣйшая въ семъ предметѣ нерѣшительность со стороны правительства сочтена будетъ наклонностью защитить ихъ, и если оно не докажетъ совершенно неприкосновенности своей къ учиненному преступленію, то навлечетъ себѣ не только вражду со стороны Россіи, но и отъ всѣхъ образованныхъ государствъ.

„Посему нижеподписавшійся проситъ персидскихъ министровъ и особенно ваше превосходительство доставить ему по вышеозначенному обстоятельству подробнѣйшее объясненіе для представленія британскому правительству, которое сообразно съ тѣмъ сдѣлаетъ положеніе насчетъ продолженія настоящихъ сношеній своихъ съ тегеранскимъ дворомъ. Нижеподписавшійся искренно желаетъ и надѣется, что въ полномъ и удовлетворительномъ объясненіи насчетъ неприкосновенности правительства не будетъ предстоять затрудненія, хотя съ неудовольствіемъ и сожалѣніемъ замѣчаетъ, что не принято еще никакихъ мѣръ къ наказанію виновныхъ или къ арестованію ихъ.

„Капитанъ Макдональдъ, который вручить вамъ сію ноту, отправленъ въ Тегеранъ для принатія тѣхъ доказательствъ (*documents*), которыя представитъ персидское правительство. Нижеподписавшійся надѣется, что оныя не подадутъ ему повода къ прерванію сношеній своихъ съ министрами его шахскаго величества“.

Но какое же впечатлѣніе произвели событія 30 января на нашъ дворъ, и какъ Россія думала разсчитаться за смерть своего представителя? На это мы отвѣтимъ словами графа Нессельроде, который отъ 16-го марта писалъ въ графу Паскевичу слѣдующее:

„Ужасное происшествіе въ Тегеранѣ поразило насъ до высочайшей степени. Отношенія вашего сіятельства ко мнѣ по сему пред-

мету государь императоръ изволилъ читать съ чувствомъ живѣйшаго прискорбія о бѣдственной участи, столь внезапно постигшей министра нашего въ Персіи и всю почти его свиту, содѣлавшихся жертвою неистовства тамошней черни.

„Достоинству Россіи нанесенъ ударъ сильный; онъ долженъ быть торжественно заглаженъ явнымъ признаніемъ верховной персидской власти въ совершенной ея невинности по означенному случаю.

„При семъ горестномъ событіи его величеству отрадна была бы увѣренность, что шахъ персидскій и наследникъ престола чужды гнусному и безчеловѣчному умыслу, и что сіе происшествіе должно приписать опрометчивымъ порывамъ усердія покойнаго Грибоѣдова, несообразавшаго поведеніе свое съ грубыми обычаями и понятіями черни тегеранской, а съ другой стороны, извѣстному фанатизму и необузданности сей самой черни, которая одна вынудила шаха и въ 1826 г. начать съ нами войну.

„Сопротивленіе мятежникамъ, сдѣланное персидскимъ карауломъ, бывшимъ уминистра Грибоѣдова; немалое число людей изъ сего караула и изъ войскъ, присланныхъ отъ двора, погибшихъ отъ народнаго возмущенія; письмо тегеранскаго губернатора къ Аббас-Мирзѣ, наконецъ поведеніе сего послѣдняго, наложившаго у себя общій трауръ по сему несчастному случаю, служатъ, повидимому, достаточнымъ доказательствомъ, что дворъ персидскій не питалъ никакихъ противъ насъ враждебныхъ замысловъ. Опасеніе однако мщенія Россіи можетъ заставить оный приготовиться къ брани и взять коварнымъ внушеніемъ недоброжелателей кадjarской династіи. Принимая все сіе въ соображеніе, его императорское величество соизволилъ въ полной мѣрѣ одобрить мнѣнія ваши и данныя Амбургеру наставленія.

„При настоящемъ положеніи дѣлъ нельзя не ограничиться казнію главныхъ виновниковъ возмущенія и приѣздомъ сюда Аббас-Мирзы или сына его съ письмомъ къ государю императору отъ шаха, въ коемъ бы объяснена была невинность персидскаго правительства въ гибели нашей миссіи и послѣдовавшее наказаніе за то преступниковъ.

„Если бы отъ персіянъ, при полученіи вашимъ сіятельствомъ сего отношенія моего, не былъ еще сдѣланъ рѣшительный шагъ касательно отправленія сюда кого-либо изъ принцевъ крови, то его императорскому величеству угодно, чтобы вы отозвались къ Аббас-Мирзѣ, что по самымъ сильнымъ доводамъ, вами изъясненнымъ высочайшему двору, сколь далеко персидское правительство отъ малѣйшаго участія въ злодѣяніи, свершившемся въ Тегеранѣ, и во вниманіи къ вашему предствательству государь императоръ соизволяетъ удовольствоваться

толко приѣздомъ сюда Аббас-Мирзы или сына его, съ письмомъ отъ шаха, какъ выше уже сказано, дабы въ глазахъ Европы и всей Россіи оправдать персидскій дворъ. Коль скоро кто-либо изъ сихъ особъ ярибудеть къ вамъ, то его величеству благоугодно, дабы послѣднѣе былъ отправленъ въ С.-Петербургъ самымъ приличнымъ образомъ; между тѣмъ, вы пришлете сюда расторопнѣйшаго курьера съ предварительнымъ о томъ увѣдомленіемъ и съ нимъ же извѣстите губернаторовъ по сему тракту о приуготовленіи нужнаго числа лошадей для посольства.

„Отсрочку платежа 9 и 10 курура ¹⁾ государь императоръ совершенно предоставляетъ благоразумію вашему“.

Но не такъ думали въ Персіи. Амбургеръ еще отъ 4-го апрѣля доносилъ гр. Паскевичу:

„..... Увѣряютъ, что шахъ писалъ Аббас-Мирзѣ, что онъ достоверно узналъ, что государь императоръ не оставитъ смерть своего министра безъ наказанія и что Россія, будучи занята войною съ турками, можетъ быть, теперь не обратитъ вниманія на Персію, но что по окончаніи мира надобно ожидать войны.“

„Также пишутъ, что значительное число ружей въ дорогѣ изъ восточной Индіи“.

Въ такомъ же смыслѣ писалъ къ нему, двумя мѣсяцами позже, и Мальцовъ:

„..... Надежда возвратитъ при теперешней войнѣ нашей съ турками, потерянные въ прошлую кампанію провинціи, Эриванскую и Нахичеванскую, побуждаетъ шаха къ враждебнымъ противъ насъ замысламъ. Онъ полагаетъ, что мы, по окончаніи войны съ турками, или завладѣемъ Азербейджаномъ, или будемъ требовать съ него, сверхъ двухъ послѣднихъ куруръ, штрафъ за кровь Грибоводова, и потому рассчитываетъ, что ему выгоднѣе теперь, соединившись съ турками, дать два курура войскамъ и отнять у насъ потерянные провинціи. Онъ приказывалъ неоднократно Аббас-Мирзѣ напасть на пограничныя наши области и угрожалъ, въ случаѣ неповиновенія, лишить его Азербейджана.....“

И дѣйствительно, персіане продолжали собирать войска и соединили весьма значительныя силы въ Тавризѣ. „Къ войнѣ, писалъ отъ 23-го марта гр. Паскевичъ въ Петербургъ: дѣлаются всѣ приготвленія и я долженъ теперь же принять всѣ предосторожности, дабы сколько можно удержать персіанъ съ самаго начала отъ разоренія сосѣдственныхъ съ ними нашихъ провинцій; но главныя силы свои я

¹⁾ Два курура равны 4,000,000 руб. сер.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, Т. VI. 1872 Г. АВГУСТЪ.

непремѣнно долженъ имѣть на турецкой границѣ, ибо турки не замедлятъ открыть кампанію и собираютъ весьма большое число войскъ со всѣхъ провинцій, и потому я въ необходимости нахожусь повторить, ваше сіятельство, что я не могу ручаться за совершенную безопасность вѣрренныхъ мнѣ областей до присылки просимыхъ мною подкрѣпленій, которыя во всякомъ случаѣ признаю я необходимыми.

„..... Словомъ, опасенія насчетъ явнаго разрыва съ Персією возрастаютъ и ни за что нельзя ручаться“.

Но начать войну съ Персією было не въ видахъ Россіи. Къ тому же и самыя обстоятельства при тогдашней войнѣ съ Турціей, и ненадежное положеніе нашихъ Закавказскихъ владѣній, какъ это видно изъ помѣщаемаго здѣсь отношенія гр. Паскевича къ гр. Нессельроде, отъ 30-го марта, были далеко не въ нашу пользу:

„По всѣмъ соображеніямъ, хотя шаху персидскому и были извѣстны приуготовленія къ возмущенію, жертвою коего содѣлался полномочный министръ нашъ въ Тегеранѣ, но что цѣль возмущенія сего состояла не въ томъ, чтобы учинить неслыханное надъ Грибоѣдовымъ злодѣяніе, а послѣдовало оно собственно для истребленія Мирзы-Ягуба, который, находясь при шахѣ евнухомъ весьма долго, зналъ всѣ его тайны и всѣ происшествія его гарема.“

„Извѣстно мнѣ, что достоинство Россіи требуетъ возмездія за убійство нашего посланника и что явное нарушеніе правъ народныхъ не можетъ быть оставлено безъ удовлетворенія; но зная совершенно положеніе наше и обстоятельства здѣшняго края, считаю себя обязаннымъ объяснить слѣдующее:

„Если поступокъ шаха признанъ будетъ неизвиняемымъ никакими оправданіями, и если онъ представленъ будетъ таковымъ предъ лицомъ всей Европы, то необходимо должно, дабы правитель Персіи собственно въ своемъ лицѣ былъ наказанъ за неслыханное злодѣяніе, надъ посланникомъ нашимъ совершенное, и для сего должно будетъ объявить ему войну непримиримую. Но при теперешней войнѣ съ турками предпринять оную съ надеждою успѣха нѣтъ никакой возможности. Для нанесенія шаху персидскому рѣшительнаго удара надобно вторгнуться въ его владѣніе и не только занять Азербейджанъ, но даже перейти Кафлан-кухъ; но какіе способы мы для сего имѣемъ?“

„Войскъ, находящихся въ семъ краѣ, недостаточно даже для веденія оборонительной войны съ обѣими державами и просимыя мною подкрѣпленія не прежде могутъ придти, какъ къ исходу сентября. Начавъ наступательную войну съ Персією, надобно везти съ собою огромные запасы провіанта, артиллерійскихъ зарядовъ и проч. въ сердце самой Персіи; но здѣшній край съ 1826 г. находится въ во-

енномъ положеніи и потому всѣ способы снабженія войскъ и въ особенности транспортировки истощены совершенно до того, что и при теперешней войнѣ съ турками съ большими усиліями едва могу поднять всѣ тягости, нужныя мнѣ для наступательныхъ движеній.

„Если же, начавъ теперь же военныя дѣйствія противъ персіянъ, вести оныя оборонительно до окончанія войны турецкой, то симъ мы дадимъ имъ наилучшее средство приготовиться къ отчаянному сопротивленію; вторженіе наше въ Персію при наступательныхъ дѣйствіяхъ усилитъ внутренніе раздоры партій, что дознано прошедшею войною, но оборонительная война соединитъ всѣ партіи противъ общаго непріятеля, противъ коего ихъ будетъ подстрекать и собственная защита и дѣйствіе фанатизма, имѣющаго неограниченное вліяніе на народъ персидскій. Тогда война сдѣлается нескончаемою и будетъ продолжаться безъ всякой цѣли, между же тѣмъ провинціи наши будутъ разорены совершенно и собственными поставками для войскъ, и набѣгами непріятельскими.

„Итакъ, разсматривая положеніе наше съ сей точки, представляется вопросъ: не признается ли возможнымъ принять тѣ извиненія, которыя персидскій шахъ насчетъ убійства посланника нашего принести намѣренъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бунтъ въ Тегеранѣ былъ начатъ не противъ посланника, но собственно для того, дабы исторгнуть отъ него внуха шахскаго, удержать коего при себѣ или истребить вовсе шахъ имѣлъ весьма важныя причины; опасіе всего доводить персіянъ до совершеннаго отчаянія. Словомъ, настоящія обстоятельства по дѣламъ Персіи требуютъ самыхъ внимательныхъ соображеній и отъ разрѣшенія вопроса: война или миръ съ сею державою? зависитъ безопасность Закавказскихъ нашихъ провинцій. Не долженъ я умолчать также, что при войнѣ съ Персіею нельзя никакъ ручаться, чтобы не возобновились тѣ же бунты и смятенія, которыя происходили въ 1826 г. во всѣхъ почти областяхъ нашихъ, и теперь уже по первому извѣстію о вооруженіяхъ персіянъ горцы оказываютъ непослушаніе. На сей разъ персіяне, конечно, не пощадятъ ни усилія, ни денегъ для возбужденія мятежниковъ, и если бунтъ возникнетъ и разольется даже въ Дагестанѣ, то имѣя двухъ непріятелей на границахъ и повсемѣстно враговъ внутреннихъ, съ трудностію можно будетъ намъ удержаться по полуденную сторону Кавказа, ибо если придутъ секурсы и число войскъ увеличится, то при общемъ бунтѣ неминуемо послѣдуетъ голодъ и прокормить ихъ будетъ нечѣмъ. Словомъ, въ семъ враѣ вести войну съ Турціею и Персіею въ одно время невозможно.

„О семъ я прошу покорнѣйше ваше сіятельство довести до свѣдѣнія его императорскаго величества“.

Но еще за четыре дня до отправленія этой бумаги въ Петербургъ, гр. Нессельроде въ двухъ письмахъ, отъ 26-го марта, писалъ:

Въ первомъ. „Не взирая на безпкойные слухи, доходящіе къ вамъ непрерывно изъ Персіи, государю императору пріятно еще вѣрить, что ни Фетх-Али-шахъ, ни Аббас-Мирза не причастны злодѣйскому умерщвленію нашего министра въ Тегеранѣ. Если правительство персидское доселѣ приступаетъ съ какою-то нерѣшимостью къ мѣрамъ удовлетворенія, то сіе должно приписать боренію и проискамъ партій, раздражающихъ и дворъ, и государство персидское, и замедляющихъ стремленіе шаха и наслѣдника укрѣпить узы дружества съ Россією. Турецкія козни, можетъ быть, также замѣшаны въ семъ дѣлѣ. Между тѣмъ пересылки Аббас-Мирзы съ Эрверумомъ и воинскія приготовленія, замѣтныя въ пограничныхъ намъ персидскихъ областяхъ, кажется, можно скорѣе отнести къ страху нашего мщенія за убійство посланника, нежели къ наступательнымъ замысламъ противъ насъ со стороны персіанъ.“

„Итакъ, вѣрнѣйшее средство удержать сей народъ въ мирѣ есть показать немедленно и ясно, что мы нетокмо далеки отъ мести, но твердо увѣрены въ невинности персидскаго правительства и готовы принять его торжественное оправданіе. Потому его величество вполнѣ соизволяетъ, чтобы Мирза-Масудъ ¹⁾, если пожелаетъ сюда ѣхать, былъ съ приличіемъ безъ задержанія отправленъ, какъ равно и принцъ, когда таковой прибудетъ къ вамъ, дабы явиться сюда для объясненія (ибо приѣздомъ одного сановника, какого бы достоинства онъ ни былъ, нашъ дворъ не можетъ себя признать удовлетвореннымъ). Ваше сіятельство справедливо разсуждаете, что во всякомъ случаѣ мы чрезъ то выиграемъ время и приобрѣтемъ себѣ заложника.....“

„Въ заключеніе необходимымъ нахожу я присовокупить, что несмотря на всѣ старанія наши сохранить тишину въ Персіи, враждебная намъ партія легко можетъ, при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ, восторжествовать и ввергнуть Персію въ бездну междоусобій, которыхъ сѣмена тамъ давно зрѣютъ. Братья наслѣднаго принца могутъ овладѣть слабымъ умомъ шаха и не только пресѣчь Аббас-Мирзѣ путь къ престолу персидскому, но и повуситься на жизнь его. Въ такомъ случаѣ государю императору угодно, чтобы вы предложили у себя приѣзжиге сему принцу, ибо не предстоить ни малѣйшаго сомнѣнія, что самъ шахъ душевно будетъ радоваться

¹⁾ Мирза-Масудъ — секретарь и переводчикъ Аббас-Мирзы.

всему тому, что будет клониться въ спасенію преимущественно предъ всѣми любимого имъ сына.

Во второмъ: „...Поведеніе Аббас-Мирзы, объясненія его и са- мого шаха должны, кажется, служить достаточнымъ доказательствомъ, что дворъ персидскій не принималъ участія въ злодѣяніи тегеран- скомъ; но сія самія объясненія заставляютъ заключать, что оное зло- дѣяніе учинено не случайно, по буйству черни, но есть послѣдствіе злобы и мести Аллах-Яр-хана и партіи ищущихъ гибели наследника престола и отца его. Опасность, грозящая Персіи, была крайне при- скорбна его императорскому величеству, ибо хотя съ вѣроятіемъ не должно теперь ожидать разрыва съ персидскимъ дворомъ, опасаться можемъ однако войны, могущей возродиться отъ междоусобныхъ раз- доровъ въ томъ государствѣ, коими руководствуютъ лица, намъ враж- дебныя, и сія война озаботитъ насъ много по послѣдствіямъ своимъ, которыя, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе могутъ содѣлаться для насъ за- труднительными. Чтобъ избѣгнуть такового положенія, должно желать, дабы Аббас-Мирза успѣлъ ниспровергнуть замыслы враговъ своихъ и восторжествовать надъ ними.

„Для достиженія однако сей спасительной цѣли достаточны ли будутъ однѣ у сего принца имѣющіяся силы? И въ противномъ слу- чаѣ, не требуютъ ли собственныя наши выгоды дать ему подкрѣпле- ніе, буде средства ваши представляютъ къ тому возможность?

„Государь императоръ мысль сію ввѣряетъ совершенно соображе- нію вашему, уполномочивая васъ рѣшиться на то, что по мѣстнымъ обстоятельствамъ покажется вамъ выгоднѣйшимъ для дѣлъ нашихъ. Чтобъ не останавливать долѣе отправленіе экстра-почты, я долженъ ограничиться тѣмъ, что выше изложено; съ отѣзжающимъ же на дняхъ генералъ-майоромъ княземъ Долгоруковымъ, который по высочай- шей волѣ ѣдетъ къ вамъ для употребленія или при Аббас-Мирзѣ или индѣ, по вашему усмотрѣнію, я буду имѣть честь пространнѣе вамъ писать по разнымъ статьямъ сегодня мною полученныхъ депешъ вашихъ.

„Въ заключеніе остается мнѣ еще по повелѣнію государя импе- ратора сообщить вашему сіятельству, что по предмету доставленія вамъ нужнаго подкрѣпленія учинены уже должныя распоряженія“.

Но дѣло до войны, какъ извѣстно, не дошло и смерть Грибоѣ- дова осталась не отищенною. Все ограничилось приѣздомъ принца Хозрев-Мирзы, сына наследника персидскаго престола, въ Петербургъ, гдѣ онъ отъ лица шаха просилъ императора предать вѣчному заб- венію событія 30-го января¹⁾.

¹⁾ Весьма интересно было бы знать, почему первоначальное предположеніе Аббас-Мирзы, ѣхать самому въ Петербургъ, равно какъ и позднѣйшее на-

На другой или на третій день послѣ умерщвленія русскаго посольства, изуродованные трупы убитыхъ были вывезены за городскую стѣну, брошены тамъ въ одну кучу и засыпаны землей. Все это, конечно, не могло сопровождаться никакимъ религіознымъ обрядомъ. Спустя немного времени, тѣло Александра Сергѣевича было открыто, положено въ простой гробъ и чрезъ Тавризь отправлено въ Тифлисъ.

„Узнавъ, доносили изъ Нахичевани, отъ 16-го апрѣля 1829 года, Амбургеръ графу Паскевичу: что на дняхъ привезутъ сюда тѣло покойнаго нашего министра, безъ всякаго приличія сану его, а почель своею обязанностью приготовить здѣсь гробъ, балдахинъ и всѣ потребности для приличнаго сопровожденія тѣла его въ Тифлисъ. Я полагаю, что распоряженіе мое необходимо и надѣюсь, что ваше сіятельство одобрите оное. Что же касается до издержекъ на всѣ приготовления, то я употребляю потребное число денегъ изъ суммы, присланной мнѣ вашимъ сіятельствомъ. Я почитаю своею обязанностью довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что генераль-майоръ Мерлини всегда способствовалъ мнѣ во всемъ, какъ равно исправляющіе должность бригаднаго адъютанта Павлоцкій и Грековъ, которые взялись съ охотою исполнить подробности сей порученности“.

30-го апрѣля, покойника привезли въ Гергеры, гдѣ гробъ его видѣлъ А. С. Пушкинъ, упоминающій объ этомъ въ своемъ „Путешествіи въ Арзерумъ“; а 4-го мая Амбургеръ писалъ гр. Паскевичу:

„1-го мая, которое всегда приноситъ съ собою радость и веселіе, было для насъ днемъ грусти и печали. Въ этотъ день, наконецъ, тѣло покойнаго нашего полномочнаго министра въ Персіи было переправлено чрезъ Араксъ. Генераль-майоръ Мерлини, полковникъ Эсанханъ и многіе чиновники поѣхали на встрѣчу онаго; впередъ былъ посланъ изъ Аббас-Абада священникъ, одинъ баталіонъ тифлисскаго пѣхотнаго полка, съ 2-мя полевыми орудіями, какъ и здѣсь приготовленный балдахинъ.

„Когда встрѣтили мы тѣло, баталіонъ выстроился въ два ряда. Гробъ, содержащій бранные останки покойнаго Грибовдова, находился въ тахтиреванѣ, сопровождаемомъ 50-ю конными, подъ начальствомъ Кеиб-Али-султана, который остановился посрединѣ. Когда вынули гробъ изъ тахтиревана и увѣрились сколько возможно, что онъ содержитъ тѣло покойнаго министра, отдали ему воинскую честь и отпѣли вѣчную память, послѣ чего положили его въ гробъ, здѣсь приготовленный, и поставили на дроги подъ балдахинъ. Скомандовали

мѣреніе отправить старшаго сына своего Мажед-Мирзу съ каймакѣмомъ въ Тифлисъ — было оставлено?

А. В.

„на погребеніе“, и тихо и величественно началось траурное шествіе при звуках печальной музыки.

„Дроги, везомыя шестью лошадями, накрытыя черными траурными поповами и ведомыя людьми въ траурныхъ мантияхъ и шляпахъ, которыхъ было кромя сихъ 12-ть человекъ, шедшіе съ факелами по обѣ стороны гроба, багдакинъ хорошо убранный—все это произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе, даже на персіанъ. Кромя священника русскаго, выѣхало на встрѣчу покойному все духовенство армянское, вождь начальствомъ архіерея Парсеха, что еще болѣе придавало величія печальному шествію. Такимъ образомъ достигли Аланджи-чая, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ.

„2-го числа мая шествіе продолжалось. Когда достигли Нахичеванчайскаго моста, сдѣлали привалъ, люди одѣлись и духовенство облеклось въ ризы; русскій священникъ отслужилъ панихиду и отпѣлъ вѣчную память,—и шествіе продолжалось. Когда начинали приближаться къ городу, то вышли на встрѣчу генераль-майоръ Мерлинн, полковникъ Эксап-ханъ, подполковникъ Аргутинскій, майоръ Носковъ, я и переводчикъ Ваценко и всѣ военные и статскіе чиновники, которые находились въ Нахичевани и всѣ уже слѣдовали за гробомъ до церкви. Здѣсь офицеры сняли гробъ съ дрогъ и внесли въ церковь, откуда по отслуженіи панихиды и отпѣтіи вѣчной памяти всѣ удалились.

„Народу было неизмовѣрное множество; мужчины, женщины и дѣти, всѣ, кажется, принимали живѣйшее участіе въ злополучной участи покойнаго и нерѣдко слышны были между ними громкія рыданія. Женщины до самаго вечера не отходили отъ церкви; только надобно замѣтить, что это по большей части были армяне и таковое участіе, конечно, дѣлаетъ честь сему народу.

„На другое утро, 3-го мая, всѣ, которые участвовали прошедшаго дня въ церемоніи, опять собрались въ церковь, отслужили обѣдню, послѣ которой архіерей армянскій Парсехъ говорилъ рѣчь; по окончаніи оной отслужилъ панихиду и отпѣлъ вѣчную память. Тутъ офицеры тифлискаго пѣхотнаго полка поперебѣнно со всѣми присутствующими вынесли гробъ, пронесли оный посреди въ двухъ рядахъ выстроеннаго войска, которое отдало воинскую честь, и поставили на дроги и шествіе опять тихо подвигалось впередъ. Стеченіе народа было еще болѣе, нежели 2-го числа; трудно было вѣрить, что Нахичеванъ содержитъ въ себѣ такое огромное народонаселеніе.

„Всѣ находившіеся въ церкви, генералы, штабъ- и оберъ-офицеры провожали покойнаго до второго источника по эриванской дорогѣ. Здѣсь сняли гробъ съ дрогъ, войско сформировало каре вокругъ

онаго и священникъ русскій отслужилъ панихиду и отгѣли вѣчную память; послѣ чего мы всѣ простились съ покойнымъ, прикладываясь ко кресту на гробѣ его. Исполнивъ такимъ образомъ послѣдній долгъ и отдавъ послѣднюю честь покойному, всѣ возвратились въ городъ.

„Пріятно и трогательно было видѣть живое участіе, которое всѣ принимали въ несчастной кончинѣ покойнаго Грибоѣдова, и это ясно доказываетъ, что это хотя только одинъ разъ съ нимъ повстрѣтился, уже не могъ забыть его.

„Долго еще толпы народа съ печальными лицами стояли на высотахъ, окружающихъ городъ, и весьма медленно разсыпались.

„Съ сожалѣніемъ долженъ я упомянуть, что при открытіи гроба тѣло покойнаго Александра Сергѣевича не имѣло почти никакихъ признаковъ прежняго своего изображенія; оно, повидимому, было ужасно изрублено и закидано камнями и перешло въ сильное глѣніе, а потому и законопатели гробъ и залили нефтью.

„Тѣло препровождается отсюда чрезъ Эчміадзинъ на Гумри и такъ далѣе, съ командою, слѣдующею въ Джелал-Оглу, и прапорщикъ тифлискаго пѣхотнаго полка Макаровъ провожаетъ оное до Тифлиса.

„Большое утѣшеніе, что послѣднее желаніе Грибоѣдова исполнилось, а именно, чтобы тѣло его не оставалось въ Персіи“.

Желаніе Грибоѣдова, не разъ высказанное имъ жень, чтобы, въ случаѣ смерти, останки его были вывезены изъ Персіи и преданы землѣ въ церкви св. Давида, — „этой поэтической“, по собственному его выраженію, „принадлежности Тифлиса“, было исполнено. Графъ Паскевичъ, изъ лагеря близъ Ахалкалакской крѣпости, отъ 21-го мая, писалъ къ экзарху Грузіи митрополиту Іовѣ:

„Покойный министръ нашъ въ Персіи, статскій совѣтникъ Грибоѣдовъ при жизни изъявлялъ желаніе быть погребеннымъ въ Тифлисѣ, въ церкви св. Давида.

„Тѣло статскаго совѣтника Грибоѣдова везется въ Тифлисъ. Желая исполнить волю покойнаго министра, я обращаюсь къ вашему высокопреосвященству съ покорнѣйшею просьбою разрѣшить погребеніе тѣла въ церкви св. Давида и о томъ увѣдомить тифлискаго военнаго губернатора, которому нынѣ же, согласно съ симъ, дано мною предписаніе“¹⁾.

На препровожденіе тѣла Грибоѣдова изъ Тегерана въ Тифлисъ и на погребеніе его при церкви св. Давида, по распоряженію графа Паскевича, было израсходовано 210 червонцевъ и 2,366 руб. 90 коп. сер. Сумма эта, по высочайшему повелѣнію, была принята на счетъ

¹⁾ Грибоѣдовъ преданъ землѣ 18-го іюля 1829 года.

государственнаго казначейства (письмо графа Канкринна къ графу Паскевичу, отъ 27-го февраля 1830 г.).

Что касается до труновъ остальныхъ членовъ посольства, сдѣлавшихся жертвами событія 30-го января, то они оставались за городскою чертою до 1836 года. Въ этомъ же году, полномочный министръ нашъ графъ Симоничъ, изъ Фируз-Кухъ, отъ 3-го августа, писалъ къ главнокомандовавшему на Кавказѣ, барону Розену, слѣдующее:

(Переводъ). „Съ тѣхъ поръ, какъ я съ товарищами живу въ Тегеранѣ, мы неоднократно вспоминали съ грустью, что останки нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ, павшихъ жертвою страшнаго покушенія 1829 г., находятся сложенными подъ земляною грудю внѣ города, вблизи большой дороги, которою мы, къ несчастію, часто должны были проѣзжать. Я имѣлъ еще въ прошедшемъ году мысль распорядиться о перенесеніи ихъ въ болѣе приличное мѣсто, но рядъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ воспрепятствовалъ ея осуществленію. Въ нынѣшнемъ году я былъ болѣе счастливъ и предположеніе мое исполнилось прежде чѣмъ я присоединился къ свитѣ шаха. Заручившись добрымъ расположеніемъ знатнѣйшаго городского духовенства, а въ особенности дружбою Имама-джум'э¹⁾, мнѣ было легко, при посредничествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, испросить разрѣшеніе его высочества шаха. Имамъ-джум'э, которому я сообщилъ о своемъ намѣреніи, одобрилъ и похвалилъ его. Затѣмъ, по принятіи должныхъ мѣръ, вечеромъ 12-го числа текущаго мѣсяца, баронъ Боде отправился на мѣсто, гдѣ все было приготовлено для отрытія останковъ несчастныхъ жертвъ. При этомъ, для поддержанія должнаго по-

(Подлинникъ). Depuis que nous habitons Téhéran mes camarades et moi, nous songions avec douleur que les restes de nos malheureux compatriotes, victimes de l'affreux attentat de 1829 se trouvaient amoncelés sous un tas de terre hors de la ville, près d'une grande route que par malheur nous étions obligés de traverser souvent. L'année passée j'avais déjà eu l'idée de les faire transporter dans un lieu plus convenable, mais une suite de circonstances imprévues en empêchèrent l'exécution. Cette année j'ai été plus heureux et mon projet a pu être rempli avant mon départ pour rejoindre le Roi. Etant assuré de la bienveillance des principaux membres du clergé de la capitale, surtout de l'amitié de l'Imam-djourné, j'obtins facilement par l'entremise du ministre des affaires étrangères l'autorisation de S. M. le Schah. L'Imam-djourné auquel je fis part ensuite de mon intention, approuva cette action comme une oeuvre méritoire. En conséquence après avoir pris les mesures nécessaires le 12 de ce mois

¹⁾ Имамъ-джум'э — вѣстѣ съ тѣмъ и муджетехидъ, отличающійся отъ послѣдняго только тѣмъ, что чаетъ по пятницамъ молитву въ главной мечети и провозноситъ хутба, т.-е. хвалу Богу, пророку, шаху и проч. А. В.

рядка, присутствовали со стороны Имама-джум'э два санда, а со стороны беглербега 6-ть феррашей, но въ толпѣ зрителей не только не проявилось никакого волненія, но даже не замѣчено и малѣйшаго неудовольствія. Армянскій священникъ, въ полномъ облаченіи, читалъ молитвы во все время производства работъ. Останки на 10-ти дорогахъ были перевезены въ городъ и сложены въ заранѣе приготовленный склепъ. По отслуженіи панихиды, при которой находились оба санда, около 11-ти часовъ ночи, всѣ разошлись.

„Не могу не замѣтить при этомъ, что персіяне, допустивъ перенесеніе тѣлъ въ городъ, побѣдили предрасудокъ, котораго настойчиво придерживаются. Я самъ удивляюсь, не встрѣтивъ въ настоящемъ случаѣ и малѣйшаго затрудненія. Армянская церковь, въ которой сложены останки, находится около воротъ Шах-Абдул-Азима и вблизи мѣста ужаснаго событія“.

Въ продолженіе всего пребыванія Грибовдова въ Тегеранѣ супруга его оставалась въ Тавризѣ. Сначала отъ нея скрывали злополучную кончину ея мужа, тѣмъ болѣе, что она въ ту пору находилась въ интересномъ положеніи и столь неожиданное извѣстіе могло поразить ее какъ громомъ, и имѣть весьма пагубныя для нея послѣдствія.... „Удерживая Нину Александровну, писалъ Амбургеръ графу Паскевичу, отъ 10-го февраля 1829 г.: въ настоящемъ ея невѣдѣніи о ея несчастіи, я съ помощію супруги англійскаго посланника уговорилъ ее ѣхать въ Тифлисъ. Англійскій докторъ, г. Кормиѣ, ее сопровождаетъ и я считаю обязанностью слѣдовать съ нею, о чемъ она меня просила, до нашей границы, гдѣ, я надѣюсь, она встрѣтитъ отца своего, котораго я предупредилъ“.

Кромѣ молодой жены, изъ ближайшихъ родственниковъ Грибовдовъ оставилъ послѣ себя мать, Анастасію Федоровну, которая въ то

au soir, le Baron de Bode alla sur les lieux où tout était préparé pour l'exhumation des corps de ces malheureux victimes. Deux seids de la part de l'Imam-djourné et six ferraches du Beglerbeg assistaient pour contenir la populace en cas de besoin, mais aucune marque non seulement de fermentation, mais même d'improbation n'a été remarquée parmi les nombreux spectateurs. Un prêtre arménien en habits sacerdotaux récitait des prières pendant qu'on y travaillait. Dix corbillards d'ossemens furent transportés en ville et déposés dans un caveau qui avait été préparé d'avance. Après un service funèbre auquel les deux seids assistèrent, on se retira à 11 heures du soir. Il faut que je fasse remarquer à V. E. que dans cette circonstance les Persans ont passé par dessus d'un préjugé auquel ils tiennent beaucoup, en laissant transporter des corps morts dans la ville Je suis moi même étonné de n'avoir pas rencontré sur ce point la moindre difficulté. L'Église arménienne où ces restes sont déposés se trouve près de la porte de Schah-Abdoul-Azim et non loin du théâtre de l'horrible événement.

время проживала въ Москвѣ. Не говоря уже о той невознаградимой потерѣ, какую обѣ онѣ понесли въ нѣжно любимомъ и выше всего дорогомъ для нихъ человѣкѣ, положеніе ихъ было тѣмъ болѣе грустно, что Грибоѣдовъ не оставилъ послѣ себя никакого состоянія, а то немногое, что онъ имѣлъ при себѣ, было разграблено и расхищено въ Тегеранѣ. Но въ судьбѣ молодой вдовы принялъ теплое участіе императоръ Николай. Вслѣдъ за полученіемъ въ Петербургѣ извѣстія объ убійствѣ Грибоѣдова, графъ Нессельроде, отъ 6-го апрѣля, писалъ къ графу Паскевичу: „Государь императоръ, сохраняя глубокое чувство сожалѣнія о преждевременной и бѣдственной смерти министра нашего въ Персіи, Грибоѣдова, изволилъ принимать тѣмъ живѣйшее участіе въ судьбѣ его вдовы, столь рано и столь ужаснымъ образомъ лишенной своего супруга. Побуждаемый такими милосердными чувствами, его императорское величество желалъ бы найти средство облегчить горестную участь г-жи Грибоѣдовой, сколько сіе возможно.

„Непрекѣннымъ долгомъ поставляя увѣдомить ваше сіятельство о семъ великодушномъ намѣреніи государя императора, обращаюсь къ вамъ съ покорѣйшею просьбою почтить меня извѣщеніемъ о томъ, какія монаршія щедроты находили бы вы приличными настоящему положенію г-жи Грибоѣдовой“.

Сообщеніе это вызвало со стороны графа Паскевича отвѣтъ, отъ 15-го мая, слѣдующаго содержанія:

„Ваше сіятельство увѣдомить меня изволили, что его императорскому величеству благоугодно знать мнѣніе мое, касательно вознагражденія женѣ бывшаго посланника нашего при персидскомъ дворѣ, статскаго совѣтника Грибоѣдова за имущество его, разграбленное въ Тегеранѣ при его убійствѣ.

„Вмѣстѣ съ отношеніемъ вашимъ по сему предмету, получилъ я письмо отъ московскаго губернскаго предводителя дворянства. Изъ онаго вы усмотрѣть изволите, что мать Грибоѣдова, употребивъ большую часть имущества на воспитаніе единственнаго сына, дабы сдѣлать его полезнымъ для службы, впала въ неоплатные долги и разстроила до того состояніе свое, что въ послѣдніе годы покойный удѣлялъ ей часть своего жалованья. Со смертью его лишилась и сей малой помощи; при болѣзни и старости, она остается безъ всякихъ средствъ къ содержанію.

„Жена Грибоѣдова находится въ положеніи, не менѣе плачевномъ. Получивъ пагубное извѣстіе о его смерти, она разрыдалась прежде времени младенцомъ, который жилъ только нѣсколько часовъ. Такимъ образомъ, потерявъ все и не имѣя никакого средства, она должна испытывать всѣ нужды, съ бѣдностью сопряженныя.

„Движимая собственность Грибоѣдова, наличныя деньги и банкoвые билеты разграблены въ Тегеранѣ; все, въ чемъ состояло имущество покойнаго, составляло около 60 т. руб. асс. Четвертая часть сего имѣнія принадлежала бы по закону вдовѣ его, а остальные три части сестрѣ Грибоѣдова, ближайшей по немъ наслѣдницѣ.

„Во исполненіе вышеизъясненнаго высочайшаго соизволенія, увѣдомляя о семъ ваше сіятельство, по милосердому вниманію всемилостивѣйшимъ государемъ въ память покойнаго Грибоѣдова оказываемому, и по заслугамъ его, которыя въ полной мѣрѣ вамъ извѣстны, осмѣливаюсь думать, что справедливо бы было, сверхъ удовлетворенія наслѣдниковъ Грибоѣдова за помянутое имущество, въ Тегеранѣ неистовою чернью расхищенное, оказать особенное пособіе двумъ ближайшимъ по родству къ покойному лицамъ—вдовѣ его и матери, въ крайнемъ положеніи находящимся, назначивъ первой изъ нихъ пожизненный пенсіонъ въ 1,000 черв. въ годъ, что составитъ 6-ю часть жалованья, получаемаго ею мужемъ; послѣдней же для заплаты хотя нѣкоторой части долговъ и во уваженіе того, что изъ предполагаемаго вознагражденія наслѣдникамъ Грибоѣдова за разграбленное его имущество по закону она не можетъ воспользоваться никакою частію, одновременно 30 т. асс.

„Всемилоствѣйшее возрѣніе его императорскаго величества на судьбу родственниковъ статскаго совѣтника Грибоѣдова и собственное выше благорасположеніе, коимъ пользовался всегда покойный, обнадеживаютъ меня, что вы не откажете благосклоннымъ содѣйствіемъ вашимъ въ облегченію участи жены его и матери, въ самомъ горестномъ состояніи остающихся“.

Ходатайство гр. Паскевича было не безуспѣшное: въ январѣ слѣдующаго 1830 года получено увѣдомленіе гр. Нессельроде о назначеніи вдовѣ и матери Грибоѣдова, каждой по 5,000 руб. асс. ежегодно пенсіи и, сверхъ того, одновременно по 30 т. руб. асс. Спустя почти двадцать лѣтъ, а именно въ августѣ 1849 года, пенсія Нины Александровны, благодаря ходатайству тогдашняго намѣстника кавказскаго кн. М. С. Воронцова, была увеличена 570 р. 50 к., такъ что она съ этого времени вмѣсто 5,000 руб. асс. получала 2,000 р. сер. (письмо гр. Вронченко къ кн. Воронцову, отъ 19-го августа 1849 г.).

Нина Александровна, вѣрная первой любви и драгоцѣнной памяти перваго своего супруга, осталась вдовою до самой смерти, послѣдовавшей лѣтомъ 1857 года. Она скончалась отъ холеры и погребена при церквѣ св. Давида, рядомъ съ мужемъ.

Выше мы упомянули, что изъ всѣхъ членовъ нашего посольства удалось спастись одному только Мальцову, состоявшему при Грибоѣдовѣ въ качествѣ перваго секретаря. Для полноты разсказа считаемъ не лишнимъ прибавить нѣсколько словъ, какъ онъ могъ избѣжать неминуемой смерти въ описанномъ поголовномъ избіеніи посольства.

Будучи еще молодыхъ лѣтъ и одаренъ весьма счастливыми способностями, Мальцовъ познакомился въ Тегеранѣ съ нѣкимъ ханомъ, жившимъ въ смежности съ домомъ, который занималъ Грибоѣдовъ и часто его навѣщавшимъ. Рассказываютъ, что ханъ этотъ до того полюбилъ и привязался къ Мальцову, что предупрежденный объ опасности, угрожавшей русскому посольству, рѣшился спасти своего пріятеля. Въ этихъ видахъ ему удалось уговорить Мальцова, въ самый день убіенія Грибоѣдова, перелѣзть черезъ крышу и укрыться въ его домѣ. Предложеніе было принято и Мальцовъ избѣгъ роковой участи.

Фетх-Али-шахъ думалъ-было удержать Мальцова въ Тегеранѣ и просить государя назначить его полномочнымъ министромъ, „по англійскій посланникъ,—писалъ Аббас-Мирза къ Мирза-Салеху: и Амбургеръ предпочли лучше его не удерживать, почему и просилъ я шаха оказать ему всѣ почести и отправить сюда“ (въ Тавризъ).

По прибытіи въ Тифлисъ, Мальцовъ до окончанія войны нашей съ Турціей былъ оставленъ въ распоряженіи гр. Паскевича (письмо гр. Нессельроде, отъ 23-го апрѣля 1829 года). Когда же Амбургеръ, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ, вызванныхъ его болѣзнию, былъ уволенъ къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, для пользованія, ему было поручено исправленіе должности генеральнаго консула въ Тавризѣ, гдѣ онъ и оставался до возвращенія Амбургера въ концѣ марта 1830 года. Затѣмъ Мальцовъ навсегда оставилъ Персію, и уѣхавъ въ Петербургъ, продолжалъ службу при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Ад. Верже.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

МАЙОРЪ.

Стихотвореніе П. А. Оедотова.

1849.

Въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1872 г., т. V, стр. 727—757) напечатана нѣкогда весьма распространенная въ русскомъ обществѣ поэтическая шутка знаменитаго художника и писателя Оедотова: „Майоръ“. Напечатали мы ее по нѣсколькимъ спискамъ, но тогда же заявили, что въ нихъ есть нѣкоторые пропуски. Вслѣдъ затѣмъ нѣсколько лицъ изъ почтенныхъ нашихъ сотрудниковъ и читателей сообщили поправки, дополненія и варианты къ „Майору“, а именно: Н. В. Бергъ, И. О. Горбуновъ, Г. А. Думшинъ, П. А. Ефремовъ и г. Ибердусовъ.

„.... Прочитавши „Майора“ въ 5-й кн. „Рус. Стар.“, писать къ намъ извѣстный артистъ И. О. Горбуновъ: я, къ сожалѣнію, не нашелъ многихъ стиховъ, которые читалъ въ подлинной рукописи покойнаго художника. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, когда была въ Москвѣ выставка картинъ Оедотова, о поэмѣ его „Майоръ“ много говорили. Какъ-то разъ вечеромъ я пришелъ къ своему наставнику, нынѣ извѣстному и талантливому писателю Н. В. Бергу и засталъ у него двухъ-трехъ друзей, которымъ онъ читалъ „Майора“ по подлинной рукописи Оедотова. Я попросилъ позволенія списать эту шутку-поэму, и списалъ два экземпляра: одинъ для себя, а другой для Н. В. Берга. Мой экземпляръ остался у меня только въ памяти, а у Н. В., вѣроятно, онъ дѣлъ въ рукописи....“

Пользуясь указаніемъ И. О. Горбунова, сообщившаго съ своей стороны нѣкоторыя дополненія къ „Майору“, мы обратились къ Н. В. Бергу, который отозвался слѣдующимъ письмомъ:

„У меня, дѣйствительно, былъ очень вѣрный списокъ „Женитьба

Майора — Федотова, гдѣ было внесено, съ его собственныхъ словъ, все то, что онъ, читая считалъ почему-то нужнымъ пропускать. Помню, что мнѣ стоило большихъ хлопотъ упросить его прочесть мнѣ нѣсколько разъ эти пропускаемые отрывки. Онъ все чего-то боялся. Такое было время. Но гдѣ этотъ списокъ — не знаю... Кажется, еще что-то есть Федотовское. По крайней мѣрѣ помню, что онъ намъ читывалъ еще исторію какого-то „Тито“, читалъ свои басни и пѣлъ пѣсню „объ егеряхъ“.....“

Въ библиотекѣ П. А. Ефремова нашлось заграничное изданіе „Майора“ ¹⁾, а г. Думшинъ доставилъ намъ очень хорошей списокъ этого стихотворенія. Такимъ образомъ мы восстанавливаемъ пропуски нашего изданія и приводимъ болѣе существенные варианты.

Авторъ, какъ извѣстно, начинаетъ свое предисловіе извиненіемъ предъ читателемъ, что онъ не цеховой писатель и потому проситъ снисхожденія.

(Къ стр. 734, строка 15 сверху):

Меня судьба, отецъ, да мать
 Назначили маршировать,
 Ходить въ парады, на ученья,
 Или подъ часъ въ кровавый бой
 За славою, честью на убой.
 Но какъ отъ русскаго штыка
 Дыра довольно глубока,
 Враги всѣ наши присмирѣли;
 Ругая насъ издалека,
 Тревожить явно ужъ не смѣли,
 То я спокойно десять лѣтъ
 Безъ пуль, картечь и разныхъ бѣдъ,
 Возился съ службой гарнизонной;
 Вотъ доводъ, кажется, резонный
 Что не могу я быть поэтъ....

(см. далѣе въ «Рус. Стар.», стр. 734).

Рассказавъ далѣе о всѣхъ тревогахъ полковой жизни, поэтъ говорить:

(къ стр. 735-й, строка 5-я)

Нѣтъ, некогда мечтать у насъ!
 Солдаты весь вѣкъ, какъ подъ обухомъ,
 Тревоги жди пугливымъ ухомъ,
 Поэты-жъ всѣ любятъ покой,
 А ужъ у насъ покой какой!

(см. далѣе въ «Рус. Стар.» стр. 735).

¹⁾ «Поправка обстоятельствъ или женитба майора». Изданіе Юрія Приваловскаго. Лейпцигъ, 1857 г., въ малую 8 д., 38 стр.

Не красива жизнь офицеровъ, женившихся на бѣдныхъ:

(къ стр. 736-й, строка 14-я снизу)

Вѣкъ съ плачемъ объ пустой сумѣ,
Съ роптаньемъ и сказать ужасно:
На добродѣтель ропшутъ гласно!
(См. далѣе въ «Рус. Стар.», стр. 736-я).

Не отрадное дѣло бракъ по любви, да безъ денегъ—это ядъ,
тѣмъ болѣе опасный—разсуждаетъ майоръ:

(къ стр. 737-й, строка 3-я сверху)

Что онъ на вкусъ такой прекрасный!
Лизнешь—не хочется отстать,
Коварна брачная кровать!
А полюбить, да не жениться,
Такъ право лучше утопиться,
Да и топилися не разъ,
Вѣдь есть же Лизинъ прудъ у насъ ¹⁾.
Когда-же съ жизнью жаль разстаться,
Душой и тѣломъ вѣкъ больной
Ты будешь по-свѣту шататься
Вездѣ разсѣянный, шальной,
И стало быть всегда смѣшной,
Ну вотъ влюбленныхъ перспектива!
Нѣтъ, эта дѣль не такъ красива,
Чтобы любовь боготворить,
Намъ съ нею каши не сварить.

Теперь мы примемъ за славу,
Необходимую приправу
Поэзіи. Но славѣ пиръ
Даетъ война, а тутъ былъ миръ.
Съ трубою, съ крыльями кумиръ
Не принимаетъ привошенья
Отъ тѣхъ, кто знаетъ лишь ученья,
Парады, лагерь, караулъ;
Кровавый любить онъ разгулъ.
Поэзію онъ въ уши трубитъ
Лишь тѣмъ, кто больше губить, рубить,
Кто кровь людскую льетъ рѣкой.
Я-жь десять лѣтъ моей рукой
Махалъ на вольномъ только шагѣ,
Другой ей не было отваги.

¹⁾ Извѣстный прудъ, подь Москвой, у Спмонова монастыря; въ немъ Карамзинъ утопилъ героиню извѣстной своей повѣсти: «Бѣдная Лиза». Къ этому же пруду сдѣлана слѣдующая «надпись»:

Здѣсь утопилась Лиза, Эрастова невѣста.
Топитесь дѣвушки, для всѣхъ достанетъ мѣста.

И мой смиренный, кроткій мечъ
 Не зналъ кровавыхъ, грозныхъ стѣчь;
 Тупой родясь, умереть не точень,
 Въ крови предъ славой непорочень,
 Служилъ онъ мнѣ лишь какъ косарь
 Щепать лучины подъ алтарь.
 А груди тѣлѣ, а крови рѣки
 Принести ей въ даръ — знать въ томъ ужъ вѣкъ;
 Ошибкой родился мой мечъ!
 И такъ о славѣ кончимъ рѣчь!

Ну вотъ и все, чѣмъ стихъ поэта
 Пытался отъ начала свѣта.
 Еще пересчитаемъ вновь:
 Природа, слава и любовь.
 Иное нѣчто кровь мутило,
 Да не до рифмъ тогда намъ было,
 Мутило съ желчью пополамъ;
 Иное-жъ вовсе чуждо намъ.
 На чемъ-же тутъ душѣ развиться?
 Воображенью порѣзвиться?
 Пускай разсудитъ цѣлый свѣтъ—
 Поэзинъ тутъ пищи нѣтъ!
 Гдѣ-жъ было мнѣ практиковаться
 И чистоты въ стихахъ набраться
 Такой, чтобъ критикъ злой иной
 Не отыскалъ стишковъ больной.
 Не придирайтесь, Бога ради,
 Пока стихи еще въ тетради,
 Пока не сжались подъ станокъ;
 Я самъ къ печатнымъ очень строгъ.
 Въ печать не хѣзу—знакъ смиренья,
 Не правда-ль? стѣбитъ снисхожденья:
 И потому: мое почтенье ¹⁾!

А вотъ какъ разсуждаетъ майоръ о приближеніи командира на
 смотру:

(къ стр. 739-я, строка 10-я)

На смотру, глядишь, бѣда!...
 Чуть начальникъ впереди
 Покажись, стѣснить въ груди
 И какъ иглами уколетъ,
 Весь вздрогнешь, по тѣлу холодъ
 И мурашки пробѣгутъ;

¹⁾ Вмѣсто послѣднихъ двадцати трехъ стиховъ, въ «Рус. Ст.» (стр. 737—738) приведено девяносто строкъ по другимъ спискамъ; очевидно, что Федотовъ много передѣлывалъ, и то дополнял, то значительно сокращалъ свое произведеніе.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Дополненіе къ актамъ историческимъ. Томъ XII-й. Изданіе Императорской археографической комиссіи. Спб., въ листъ. 1872 г.

Въ двѣнадцатомъ томѣ дополненій къ актамъ историческимъ напечатано 272 документа, относящіяся къ царствованію Іоанна и Петра Алексѣевичей и къ единоподержавію Петра Великаго (съ 1684 по 1700 г.). Преобразовательная дѣятельность монарха, положившаго основный камень величія Россіи, видна и изъ напечатанныхъ актовъ, которые показываютъ, какъ онъ стремился поставить Россію во всёхъ отношеніяхъ въ уровень съ Западною Европою, съ одной стороны, приглашая къ намъ изъ Голландіи, Пруссіи и Швейцїи, а также изъ славянскихъ земель и Венеціи свѣдущихъ артиллеристовъ, инженеровъ и кораблестроителей, съ другой — посылая русскихъ для ученія за границу. Такъ въ 1697 году былъ посланъ Петромъ въ славянскія земли и Венецію дворянинъ Островскій «для науки морскихъ художествъ и воинскихъ дѣлъ», и въ томъ же году мы встрѣчаемъ за границею 20 человекъ архангельскихъ и холмогорскихъ посадскихъ людей, жившихъ тамъ «для ученія морскаго хода». Лучшимъ свидѣтельствомъ тому, какъ въ то время кипѣла дѣятельность въ государственномъ строѣ, служить одотъ, созданный изъ ничего и болѣею частью на средства частныхъ лицъ: именитый человекъ Григорій Строгановъ долженъ былъ построить три корабля; образованная «кумпанства» обязывалась выстроить на срокъ известное число судовъ. Вообще кораблестроеніе было близко сердцу юнаго государя, что между прочимъ доказываетъ изданнымъ имъ въ 1699 году указомъ о запрещеніи впредь строить струги, коломенки, шузки и другія суда и о замятїи ихъ шмаками и башкилерми, «потому что они будутъ въ кледи противъ прѣвннихъ судовъ прибыльнѣе вдвое».

Для исторіи Донскаго края и донскихъ казаковъ изданный томъ представляетъ много любопытныхъ данныхъ. Но особенно важны весьма подробныя свѣдѣнія о распространеніи раскола по рѣкѣ Дону и его притокамъ. Въ началѣ 1688 года 6-тъ главныхъ распространителей раскола (кромя Кузьмы Косога, называвшаго себя папою) и 12-тъ ихъ пособниковъ привезены съ Дона въ Москву, гдѣ надъ ними было произведено слѣдствіе. Одному изъ нихъ, раскопу Самойлѣ, между прочимъ, вѣнчено въ преступленіе толкованіе въ библіи «орла». Описанное въ 3-й книгѣ Ездры видѣніе орла истолковано Самойломъ въ примѣненіе къ царямъ Алексѣю Михайловичу, Θεодору, Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и къ царевнѣ Софіи и дало

ему поводъ проповѣдывать, что кончина міра будто бы послѣдуетъ «на осьмой тысячѣ». Въ маѣ того же года расколочители понесли достойное наказаніе «за противность свѣтой церкви, за выскребаніе на святыхъ иконахъ, за толкованіе въ библіи орла, за непрстойныя слова про ихъ великихъ государей, за возмущеніе народа къ воровству и походу на Волгу и подѣ Москву, и за поношеніе и укоризну святѣйшаго патріарха». Впрочемъ, многіе изъ приверженцевъ «старой вѣры» избѣжали преслѣдованія и наказанія, удалясь на рѣку Куму и къ янскимъ казакамъ, своимъ единомышленникамъ.

Исторія Сибири, для которой изданіи археографической комиссіи вообще представляютъ весьма богатый источникъ, приобрѣла въ XII-мъ томѣ дополненій новые и не безинтересныя матеріалы, касающіяся распространенія русскихъ владѣній въ этомъ краѣ, походовъ нашихъ войскъ на тунгузовъ, столкновенія съ китайцами по поводу ваятїи ими Албазина и злоупотребленій воеводъ, широко пользовавшихся отдаленностію своею отъ правительственнаго центра. Кромѣ всего вышеназваннаго изданный томъ даетъ немаловажныя свѣдѣнія для исторіи городовъ, епархій и монастырей, а также для финансоваго управленія, торговли и промышленности.

XII-й томъ «Дополненій къ актамъ» — изданъ подѣ наблюденіемъ члена археогр. комиссіи А. И. Тимоѣева, — редактора весьма опытнаго, поэтому настоящій трудъ, во всёхъ его подробностяхъ безукоризненъ.

Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Исслѣдованіе В. Ключевскаго. М. 1871 (8^о. III, 465 и VII). Цѣна 2 р.

В. С. Иконниковъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напечаталъ въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» цѣлое исслѣдованіе, въ которомъ, между прочимъ, разбиралъ участіе монастырей въ колонизаціи сѣверо-восточной Руси, находя при этомъ древнерусскія житія источникомъ самымъ обильнымъ и свѣжимъ. Г. же Ключевскій увѣряетъ, что «чѣмъ болѣе входилъ онъ въ изучаемый матеріалъ, тѣмъ яснѣе становилась для него два вывода: во-первыхъ, этотъ источникъ далеко не такъ свѣжъ и обилеенъ, какъ о немъ думаютъ во-вторыхъ, его небогатымъ историческимъ содержаніемъ нельзя воспользоваться безъ особаго предварительнаго изученія его въ полномъ объемѣ». Какъ извѣстно, на эту тему господинъ Ключевскій помѣстилъ нѣсколько статей въ «Православномъ Обзорнѣи» противъ исслѣдованія господина Иконникова, такъ что между ними завязалась весьма оживленная полемика. Полемика, честная и добросовѣстная, какую мы ви-

ВОСПОМИНАНІЯ ЕВРОПЕУСА

о службѣ въ военномъ поселеніи и объ отношеніяхъ къ графу Аракчееву.

Въ изданныхъ М. И. Семевскимъ книгахъ: 1) «Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г.» (Спб., изд. 1870 г.), и 2) «Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія 1816—1831 гг.» (Спб., 1871 г.)¹⁾, была упомянута моя фамилія, въ первой—сыномъ командира короля прусскаго полка Чевакинскимъ, а во второй—старшимъ священникомъ того же полка П. В. Войновымъ. Это подало и мнѣ мысль сообщить мало кому извѣстныя черты характера графа Аракчеева, относящіяся лично ко мнѣ или занимаемой мною должности и могущія служить дополненіемъ будущей біографіи столь сильнаго государственнаго дѣятеля, равно и дополнить пропущенныя факты о бунтѣ военныхъ поселянъ короля прусскаго полка. Разсказъ мой не вымышленъ, а основанъ на фактѣ и документѣ. Для объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ не лишнимъ полагаю сообщить, что по опредѣленіи меня въ 1820 году въ гренадерскій корпусъ, прикомандированъ я былъ къ госпиталю графа Аракчеева полка, оттуда назначенъ объѣзднымъ врачомъ поселеннаго баталіона короля прусскаго полка, а впослѣдствіи и старшимъ лекаремъ полка.

Зъ бытность мою объѣзднымъ врачомъ, я имѣлъ возможность ознакомиться не только съ бытомъ поселянъ, ихъ семейными отленіями, нуждами, но и съ тяжелыми работами, какъ самыхъ поселянъ, равно резервныхъ войскъ, назначенныхъ для обработки

¹⁾ Первая изъ этихъ книгъ распродана до послѣдняго экземпляра, вторая—малая въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

полей. Работы сіи были столь обременительны для солдатъ, помѣщенныхъ въ сырыхъ мазанкахъ и непривыкшихъ къ рубѣ лѣса, осушкѣ болотъ, выворачиванію пней и камней до глубокой осени, что, несмотря на сытную пищу и графскую чарку воды, больныхъ было много, большая часть страдала лихорадками, поносомъ, цынгою, водяною и куриною слѣпотою. Смертность была значительна. Солдаты хотя и роптали, но съ работъ возвращались съ пѣснями и бубнами въ угожденіе начальству; за то ночью раздавались по всему лагерю стоны и оханье, ибо, по неимѣнію печей въ мазанкахъ, солдатамъ негдѣ было грѣться, тѣмъ менѣе сушить обувь и платье. Мнѣ помнится, что между офицерами ходили стихи подъ заглавіемъ: Политическая Сибирь или работа за гривну, а о женщинахъ-поселянкахъ сказано было: и за цѣну разврата покупали себѣ соль.

Обязанность моя, какъ объѣзднаго врача, состояла въ ежедневномъ осмотрѣ всѣхъ жителей округа, помѣщенныхъ въ болѣе 300 связяхъ, на разстояніи 30-ти верстъ. Что обязанность сія была не легка, пойметъ каждый, кому бы пришлось, несмотря ни на какую погоду, вязнуть нѣсколько разъ въ грязи, ибо шоссированныхъ дорогъ тогда еще не было, нѣсколько десятковъ разъ подниматься въ мезонины для осмотра заболѣвшихъ нижнихъ чиновъ или кантонистовъ и не быть увѣреннымъ, что тебя и ночью могутъ потребовать къ внезапно заболѣвшимъ или родильницамъ. Для этой цѣли находилась безотлучно пара лошадей при объѣздномъ врачѣ.

Не знаю, по какой причинѣ графъ особенно полюбилъ короля прусскаго полкъ и по недѣлямъ проживалъ въ любимой, для него передѣланной связи 3-й поселенной роты у Лажитовскаго моста, выстроеннаго производителемъ работъ Алексѣемъ Федоровичемъ Львовымъ, впоследствии директоромъ придворной пѣвческой капеллы. Здѣсь онъ разговаривалъ съ бабами, слушалъ ихъ сплетни, заходилъ къ поселянкамъ во время отсутствія хозяевъ. Возвращаясь разъ осенью изъ бывшихъ саперныхъ ротъ, близъ мызы графа Сперанскаго, мимо связи, я взглянулъ по обыкновенію на окна и увидѣлъ, что графъ не только машетъ мнѣ рукою, но и стучитъ въ оконную раму. Я подумалъ: бѣда, вѣроятно какой-нибудь недосмотръ съ моей стороны, или со стороны фельдшера; я оробѣлъ и нельзя было не испугаться при тогдашнихъ стро-

стяхъ, но дѣлать было нечего, нужно было явиться. Очистивъ свою обувь отъ грязи, я вошелъ по заднему крыльцу въ приемную залу. Не прошло нѣсколько минутъ, какъ въ приемную вошелъ дежурный адъютантъ и спросилъ: «Что мнѣ угодно?» Когда я рассказалъ въ чемъ дѣло, онъ тотчасъ доложилъ обо мнѣ графу, и возвратившись сказалъ: «графъ приказалъ вамъ ждать». Адъютантъ, замѣтивъ мое разстроенное лицо, спросилъ:

— «Все-ли у васъ въ порядкѣ, ибо графъ прогуливался еще рано утромъ и вѣроятно заходилъ въ нѣкоторыя связи, гдѣ вы можете не были и больнымъ не было дано помощи?»

Но каково-же было мое удивленіе, когда дверь кабинета отворилась и графъ, съ довольно веселымъ видомъ, кланяясь мнѣ оттуда, сказалъ:

— «Я, братецъ ты мой, былъ сегодня у тебя, желалъ съ тобою поближе познакомиться, но жаль, что не засталъ тебя дома.

Славу Богу, подумалъ я, а то быть бы на гауптвахтѣ.

— «Я слышалъ, что ты поселянъ бережешь и о нихъ заботишься; служи, какъ ты служилъ и я тебя не забуду. Прощай!»

Графъ исполнилъ свое обѣщаніе, ибо къ новому году я награжденъ былъ брилліантовымъ перстнемъ. Возвратившись съ облегченнымъ сердцемъ домой, встрѣтилъ меня деньщикъ и передалъ, что послѣ моего отъѣзда, т.-е. около 6-ти часовъ пополудни зашелъ нивѣмъ незамѣченный графъ и спросилъ:

— «Дома ли лекарь?»

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство; ибо баринъ мой давно уже уѣхалъ и ранѣе сумерекъ не возвратится.

— «Ты, братецъ, врешь, вѣроятно твой баринъ и дома не ночевалъ, а у кого-нибудь въ карты играетъ!»

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, барину некуда въ карты играть.

Получивъ такой отвѣтъ, онъ спросилъ:

— «А что у васъ тамъ въ мезонинѣ?»

— Аптека.

— «Веди меня туда!» и заставъ тамъ засаленнаго аптекарскаго ученика за работою, спросилъ обо мнѣ, и получивъ подобный же отвѣтъ сказалъ: «какъ же ты, братецъ, лжешь, когда деньщикъ мнѣ передалъ, что лекарь и дома не ночевалъ!»

— Деньщикъ не правъ, ваше сіятельство, ибо лекарь уже давно

уѣхалъ и по его рецепту я приготавливаю лекарство въ 91 №, — былъ отвѣтъ засаленнаго фельдшера.

Графъ вообще не любилъ щеголей; полагая, что подобные люди плохіе работники и занимаются болѣе своею персоною, нежели дѣломъ. Поблагодаривъ деньщика за найденный уже такъ рано порядокъ въ комнатахъ, отправился дальше, не заходя въ другую половину связи, гдѣ жилъ священникъ Воиновъ, не желая беспокоить семейнаго человѣка такъ рано.

Нѣсколько времени спустя, пришлось мнѣ посѣтить одну больную поселянку, которая меня спросила:

— «Помните-ли, ваше благородіе, когда вы, съ недѣлю тому назадъ, проѣзжали здѣсь мимо, взглянули на окно и я вамъ кланялась?»

— (Очень хорошо помню, но что же?)

— «А болѣе ничего, что въ это время стоялъ графъ за моей спиной и спросилъ: кому я такъ низко кланялась? «Нашему лекару, ваше сіятельство. Дай Богъ ему добраго здоровья, онъ насъ лечитъ и бережетъ!»

Этотъ маловажный случай былъ причиною посѣщенія графомъ моей квартиры и послужилъ мнѣ рекомендаціей, ибо не прошло и двухъ лѣтъ, какъ я назначенъ былъ старшимъ лекаремъ короля прусскаго полка.

Графъ былъ, несмотря на его многосложныя обязанности, сопряженныя съ необыкновенною дѣятельностью и бессонными ночами, страстно мелочень не только по службѣ, но и въ домашнемъ быту; онъ имѣлъ подробную опись вещамъ каждаго изъ его людей, начиная съ камердинера и кончая поваренкомъ или конокомъ. По этимъ спискамъ повѣрялъ онъ каждый годъ все имущество, при: кое-что передѣлать, починить или вовсе уничтожить. Мелочность эта по службѣ была даже несносна; такъ при устройствѣ госпиталя короля прусскаго полка, который долженъ былъ быть образцовымъ, графъ самъ показывалъ какъ поставить кровати, куда скамейки, гдѣ долженъ быть ординаторскій столикъ съ чернильницею и даже какого формата должно быть перо, т.-е. безъ бородки, въ видѣ римскаго *Salamus*. Хотя графъ и былъ увѣренъ, что его приказанія исполнялись съ точностью, но тѣмъ не менѣе хотѣлъ самъ во всемъ удостовѣриться, и зайдя нѣсколько дней спустя въ палату съ полковникомъ Чевакинскимъ, замѣтилъ

на подставкѣ для чернильницы брошенное испугавшимся фельдшеромъ перо съ бородкою; призвавъ къ столу полковника и меня, онъ сдѣлалъ намъ замѣчанія, а фельдшеру приказалъ дать пять розогъ.

Отъ пронизательнаго взгляда графа не ускользали и безпорядки въ квартирахъ чиновниковъ. Такъ однажды, подходя къ дверямъ квартиры смотрителя Фарафонтьева, почувствовавъ что-то мягкое подъ ногой, приказалъ дежурному унтеръ-офицеру поднять матъ передъ дверями, и найдя подъ нимъ соръ и пыль, нахмурилъ брови; призвавъ къ себѣ г-жу Фарафонтьеву, сдѣлалъ ей родъ выговора, въ надеждѣ, что подобныхъ ужасныхъ безпорядковъ впредь не найдетъ. Еще примѣръ мелочности: какъ-то разъ получилъ я, по приказанію графа, выговоръ отъ дежурнаго штабъ-офицера за то, что мой суточный рапортъ подписанъ былъ не четкою рукою.

Вотъ какими мелочами занимался государственный человѣкъ, но онъ хотѣлъ показать, что его хватить на все, и не мудрено, что графъ мучился тоскою и біеніемъ сердца: болѣе 4—5 часовъ онъ не спалъ. Къ такой же дѣятельности приучилъ онъ и начальника штаба, генерала Клейнмихеля, котораго онъ иногда такъ обременялъ работами, что ему часто вовсе не удавалось ложиться спать, а наклонившись къ пюпитру могъ только вздремнуть. Чѣмъ же наградилъ онъ Петра Андреевича за такую дѣятельность? У графа обѣдали ровно въ часъ и за нѣсколько минутъ до обѣда собирались всѣ въ приемную, въ томъ числѣ и Клейнмихель; но каково же было его удивленіе, когда подошедшій къ нему камердинеръ объявилъ, что «для вашего превосходительства сегодня прибора нѣтъ», и сконфуженный начальникъ штаба принужденъ былъ послать за молокомъ и кускомъ хлѣба. Эту исторію передалъ мнѣ слуга, завѣдывавшій назначеннымъ для Клейнмихеля флигелемъ, въ которомъ и я впоследствии останавливался.

Графъ любилъ блеснуть и показать все въ лучшемъ видѣ, обманывалъ посѣтителей, обманывалъ и государя, но не сердился, ежели кто ухитрился и его обмануть. Такъ, однажды при посѣщеніи госпиталя онъ сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ за то, что много лежащихъ, и надѣется, что при будущемъ посѣщеніи столько трудныхъ больныхъ не найдетъ. Что было дѣлать? надобно было его обмануть, и это было не трудно, такъ какъ графъ уже послѣ

развода въ манежѣ заходилъ въ госпиталь. За полчаса до его прихода, надобно было больныхъ, могущихъ стоять, помѣстить на скамейкахъ между выздоравливающими. Графъ, поздоровавшись, окинулъ взглядомъ всю палату, и увидя только 3-хъ или 4-хъ лежащихъ, сказалъ: «Благодарю, теперь у васъ мало лежащихъ», а полковникъ Чевакинскій, посѣтившій еще утромъ госпиталь и увидѣвъ довольно много трудныхъ, усмѣхнулся при выходѣ графа изъ палаты, ибо понялъ въ чемъ дѣло. Но что послѣ подобныхъ осмотровъ число трудныхъ усиливалось, графъ и знать не хотѣлъ, а показать въ суточныхъ рапортахъ было рисковано.

Къ людямъ, въ которыхъ графъ нуждался, былъ онъ необыкновенно вѣжливъ и снисходителенъ, не только съ инженерами, архитекторами, механиками, но и съ простымъ мужикомъ-подрядчикомъ ходилъ подъ руку, выслушивалъ ихъ совѣты, хотя и торговался, но все-таки предоставлялъ имъ значительныя выгоды. При посѣщеніи графомъ только-что отстроеннаго лѣсопильно-мукомольнаго завода на рѣкѣ Волчаковѣ, жаловался ему, какъ надобно было полагать, начальникъ онаго инженеръ-майоръ Шахардинъ, любимецъ графа, на механика-машиниста англичанина Глина. Послѣ подробнаго осмотра завода, приказано было Глину явиться въ такъ-называемый государевъ домъ, выстроенный на высовомъ курганѣ, въ $\frac{1}{4}$ версты отъ завода. Глинъ явился, засталъ у графа Шахардина. Графъ встрѣтилъ Глина сурово, сдѣлалъ ему строгое замѣчаніе, что онъ къ начальству непочтителенъ и съ полезными людьми ужиться не можетъ, и грозилъ ему даже гауптвахтою.

— «На гауптвахту не хочу, у меня въ Петербургѣ удобная квартира, а въ Лондонѣ домъ! отвѣчалъ Глинъ. У вашего же Шахардина языкъ воловочий (т.-е. болтунъ и сплетникъ), а голова вотъ что!» ударилъ пальцемъ по столу и вышелъ.

Графъ, чувствуя, что онъ безъ Глина обойтись не можетъ, звалъ его вторично къ себѣ, извинялся, что погорячился и просилъ его остаться; но гордый англичанинъ не долго служилъ и возвратился въ Англію.

Изъ Новгорода ѣздилъ я нерѣдко въ Грузино, не оттого, чтобы графъ не имѣлъ полной довѣренности къ состоящему при немъ врачу, его же имени полка, Степану Петровичу Орлову, но оттого, что графъ началъ сомнѣваться въ искренней къ нему пре-

данности Орлова, подозрѣвая его въ интимныхъ сношеніяхъ съ племянницею Настасьи Федоровны, Татьяною Борисовною, не смотря на то, что Орловъ имѣлъ молодую, красивую и пріятную жену; но графъ вѣрилъ сплетнямъ людей, нелюбившихъ Орлова за его аккуратность и строгость, какъ дворовымъ, такъ и крестьянамъ графскаго имѣнія. Всѣ эти дразги кончились однако же тѣмъ, что ни въ чемъ невиновную, скромную и тихую Татьяну Борисовну отправили въ новгородскій свято-духовъ монастырь, къ игуменѣ Максимилѣ Петровнѣ Шишкиной, будто для обученія рукодѣлію, а меня просилъ не оставить ее, въ случаѣ надобности. Послѣ же смерти графа наша плѣнница вышла замужъ за поручика Андреева, боровичскаго помѣщика.

Ежели графу необходимо было остаться на нѣсколько дней въ штабѣ короля прусскаго полка, то онъ возилъ съ собою и флигель-адъютанта М. Шумскаго, а меня просилъ заниматься съ нимъ шведскимъ разговорнымъ языкомъ, ибо состоящій при немъ учитель шведскаго языка А. Вульффертъ возвратился въ Финляндію. Какую графъ имѣлъ цѣль, не понимаю, но полагаю, что онъ желалъ приготовить Шумскаго къ одной изъ административныхъ должностей въ Финляндіи. Шумскій, какъ извѣстно, спился, отправленъ былъ на Кавказъ, и вышедши въ отставку, шлялся по новгородскимъ монастырямъ; былъ на Валаамѣ и въ Соловецкомъ монастырѣ, пробовалъ заняться частно въ одномъ изъ новгородскихъ присутственныхъ мѣстъ, кажется, въ казенной палатѣ, но не могъ, ибо сдѣлался совершеннымъ идіотомъ, забылъ все, даже французскій языкъ, а объ другихъ и говорить нечего. Графомъ назначено было ему 1,200 руб. ассигнаціями, и ежели бы не эта пагубная его страсть, то онъ все-таки могъ бы кое-какъ существовать. Куда онъ впослѣдствіи времени дѣвался, не знаю, но вѣроятно давно уже умеръ. Какъ-то разъ вечеромъ зашелъ графъ въ госпиталь въ то время, когда я занимался съ Шумскимъ. Я долженъ былъ встрѣтить и провожать графа; но каково же было мое удивленіе, когда я, возвратившись, нашелъ Шумскаго пьянымъ, ибо, видя мой шкафъ незапертымъ, онъ воспользовался случаемъ и выпилъ почти полбутылки рому. Насилу дотащилъ я его съ деньщикомъ на другую половину графскаго флигеля, приказавъ его раздѣть и уложить; явиться же къ утреннему чаю онъ не могъ и приказалъ

доложить графу, что бывши вчера у меня сильно угорѣлъ. Графъ повѣрилъ, но при выѣздѣ изъ штаба сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе.

По выступленіи короля прусскаго полка противъ польскихъ мятежниковъ, просилъ меня нашъ бригадный командиръ, генераль фонъ-Фрикенъ, посѣщать его жену Анну Григорьевну, оставшуюся съ дѣтьми въ Собачьихъ-горбахъ (бригадная квартира, въ 3-хъ верстахъ отъ штаба короля прусскаго полка) и не оставить ихъ въ случаѣ надобности. При посѣщеніи г-жи Фрикенъ, познакомилась и моя жена съ его сіятельствомъ, тѣмъ охотнѣе, что Алексѣй Андреевичъ былъ въ женскомъ обществѣ необыкновенно вѣжливъ, предупредителенъ и всегда въ хорошемъ расположеніи духа. Замѣтивъ мою жену въ интересномъ положеніи, онъ предлагалъ Аннѣ Григорьевнѣ быть съ нимъ воспріемниками будущаго ребенка, а женѣ приѣхать съ Анною Григорьевною погостить въ Грузино. Графъ исполнилъ свое обѣщаніе и былъ воспріемникомъ моей дочери съ Анной Григорьевной, въ честь которой и графини Орловой, у которой я былъ врачомъ, наречена Анной.

Устройство военныхъ поселеній обратило на себя вниманіе иностранныхъ державъ. Ежегодно, особенно лѣтомъ, приѣзжали акредитованныя лица; присутствовали, какъ водилось, сперва на парадѣ, потомъ возили ихъ повсюду, показывали церковь, манежъ, юнкерскую шволу, госпиталь, ферму, офицерскія флигеля и общую для нихъ столовую. Въ 1830-мъ году удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ наслѣдный принцъ шведскій Оскаръ, впоследствии король Карлъ XIV, въ сопровожденіи графа Вреде, адъютанта и доктора. Генераль Клейнмихель водилъ ихъ повсюду, показалъ, между прочимъ, и госпиталь. Графъ Вреде и адъютантъ, замѣтивъ въ корридорахъ красной мѣди особеннаго устройства рукомойники, начали между собою споръ. Адъютантъ утверждалъ, что это русскія чайныя машины, т.-е. самовары, а графъ Вреде— что это рукомойники. Я, шедшій рядомъ, сказалъ адъютанту по-шведски, что это дѣйствительно рукомойники. Принцъ, услыжавъ незнакомый ему голосъ, говорившій по-шведски, спросилъ: «кто это говоритъ по нашему?» Графъ показалъ на меня и принцъ просилъ меня подойти къ нему поближе и спросилъ откуда я, и гдѣ воспитывался?

— Я изъ Финляндіи, ваше высочество, воспитывался перво-

начально въ абоскомъ университетѣ и кончилъ въ с.-петербургской медико-хирургической академіи.

— «Очень радъ съ вами познакомиться, тѣмъ болѣе, чтоя бывшій унсалъскій студентъ и мы съ вами сосали одно и то же молоко!» (такъ какъ абоскій университетъ тогда еще пользовался матрикулами шведскихъ университетовъ, изданныхъ въ 1655 году, въ царствованіе Карла-Густава); просилъ меня проводить повсюду, любопытствовалъ о житьѣ-бытьѣ поселянъ, но я счелъ благоразумнѣе держать языкъ за зубами, или выставить все въ лучшемъ видѣ, или дать двусмысленные отвѣты. Принцу понравились свѣтложелтые полы въ палатахъ и онъ просилъ меня приказать, къ возвратному его пути изъ Новгорода и Юрьева монастыря, приготовить образцовую дощечку, окрашенную краскою и мастикою, ибо онъ желалъ имѣть у себя въ больницахъ такіе-же полы. Изъ госпиталя отправился принцъ въ церковь, юнкерскую школу, присутствовалъ при гимнастическихъ занятіяхъ и плаваніи юнкеровъ, а доктору совѣтовалъ сдѣлать мнѣ визитъ и провести у меня время за вечернимъ чаемъ. Докторъ былъ веселаго характера, любилъ музыку—и вечеръ прошелъ незамѣтнымъ образомъ. На другое утро отправился принцъ съ генераломъ Клейнмихелемъ и со всею свитою въ Новгородъ, а на третій день возвратился въ штабъ короля прусскаго полка, зашелъ опять въ госпиталь любоваться полами; рапорта вторично отъ меня не принялъ, приготовленную дощечку просилъ передать доктору, а послѣ обѣденнаго стола отправился обратно въ Петербургъ.

Во время бунта военныхъ поселянъ австрійскаго и короля прусскаго полковъ, графъ находился въ Грузинѣ, но узнавъ, что нѣсколько троекъ назначены для поимки его, ускакалъ въ Тихвинъ, а не въ Новгородъ, какъ сказано въ брошюрѣ «Графъ Аракчеевъ», ибо по шоссе онъ проѣхать не могъ, такъ какъ тамъ поставлены были поселянами пикеты; по усмиреніи же мятежа, т.-е. скоро послѣ проѣзда государя, возвратился въ Новгородъ и остановился на Софійской сторонѣ, въ гостинницѣ купца Морошкина. Поговаривали, будто-бы губернаторъ А. У. Денферъ, узнавъ о приѣздѣ графа, послалъ къ нему полиціймейстера съ просьбою о выѣздѣ изъ города, такъ какъ присутствіе его сіятельства могло быть опаснымъ для жителей, безъ того уже боявшихся нападенія со стороны поселянъ. Можете себѣ представить гнѣвъ и злость

графа, которому, несмотря на то, что онъ уже не былъ въ силѣ, все еще по старой привычкѣ кланялись и работѣнствовали. Графъ отправилъ тотчасъ эстафету въ Петербургъ; ему разрѣшено было остаться въ Новгородѣ, а губернатору выставили его опрометчивость на видѣ. Во время своего пребыванія въ Новгородѣ, графъ ни къ кому не ѣздилъ и никого не принималъ; заѣзжалъ иногда ко мнѣ по вечерамъ и любилъ играть въ бостонъ по грошу. Хотя графъ и былъ увѣренъ въ своей безопасности въ Новгородѣ, но тѣмъ не менѣе опасался за свою шкатулку, которую передалъ мнѣ и просилъ хранить въ безопасномъ мѣстѣ. Спрятавъ шкатулку подъ кровать, я очень обрадовался, когда графъ, нѣсколько дней спустя, самъ приѣхалъ за шкатулкой, причинявшей намъ много бессонныхъ ночей. Не хорошо быть богатымъ, но еще хуже хранить чужое, можетъ быть милліонное богатство. Не помню долго-ли графъ прожилъ въ Новгородѣ, но помню, что разъ вечеромъ, выходя отъ меня, задѣлъ воротникомъ шинели за какой-то почти незамѣтный гвоздь въ дверяхъ, разсердился и сказалъ:

— «Вотъ какія у тебя неисправности; эту шинель снялъ со своихъ плечъ покойный государь на полѣ сраженія въ 1812 году и подарилъ мнѣ, и эту драгоценность пришлось мнѣ разорвать у тебя. Прощай, никогда болѣе къ тебѣ не приѣду».

И дѣйствительно не былъ, но предъ своимъ отъѣздомъ звалъ меня и жену на прощальный обѣдъ, былъ веселъ и любезенъ и просилъ меня, въ случаѣ надобности, приѣхать въ Грузино.

По усмирени бунта въ Старой-Русѣ, возвратился въ Новгородъ генералъ Эйлеръ, въ сопровожденіи резервнаго баталіона карабинернаго полка, для начальствованія надъ войсками. Нѣсколько дней спустя, явился при мнѣ къ графу адъютантъ генерала Эйлера, штабсъ-капитанъ П. Н. Манеюшевъ съ докладомъ: когда его сіятельству угодно будетъ принять начальствующаго надъ войсками.

— «Благодарите вашего генерала за оказанную мнѣ честь, но съ моей стороны было бы непрослительно отрывать вашего генерала отъ столь важныхъ государственныхъ дѣлъ. Честь имѣю кланяться!» и ушелъ въ свой кабинетъ, а адъютанту пришлось передать саркастическій отвѣтъ графа Эйлера.

Генералъ фонъ-Фрикенъ, возвратившись изъ польскаго похода, остался по прежнему въ хорошихъ и даже дружескихъ отноше-

ніяхъ къ графу. Возвратившись какъ-то разъ изъ Грузина, онъ передалъ мнѣ желаніе графа, чтобъ я оставилъ службу и переѣхалъ къ нему, предлагая мнѣ 2,500 руб. ассигнаціями, безъ прислуги, кромѣ одной кухарки. Федоръ Карловичъ хотя и зналъ, что я на этихъ условіяхъ у графа останусь несогласенъ, тѣмъ болѣе, что при феодалномъ управленіи въ Грузинѣ за чертою селенія ничего не дозволялось покупать, но тѣмъ не менѣе передалъ мнѣ желаніе графа. Я просилъ генерала Фривена поблагодарить графа за оказанную мнѣ честь и передать, что я на этихъ условіяхъ у него останусь не могу, что вѣроятно онъ и исполнилъ. Но, несмотря на сіе, приѣхалъ ко мнѣ, нѣсколько дней спустя, домашній докторъ графа г. Орловъ, мой сослуживецъ въ графскомъ полку. Первое его привѣтствіе было:

— «Поздравляю тебя, ты назначенъ состоять при графѣ, а мнѣ предписано принять отъ тебя госпиталь. Вотъ тебѣ предписаніе медицинскаго департамента съ приложеніемъ высочайшаго приказа; распорядись какъ знаешь».

— Я въ Грузино не поѣду, былъ мой отвѣтъ, ибо ты хорошо знаешь, какое тамъ житіе и какъ неделикатно графъ обращается съ врачемъ; приѣзжай завтра въ госпиталь и вручи мнѣ бумаги въ конторѣ.

— «Прощай, братъ, завтра увидимся!» былъ отвѣтъ Степана Петровича.

Я не зналъ, что и начать, но подумавъ немного, поѣхалъ, хотя уже довольно поздно, къ генераль-лейтенанту Данилову и рассказавъ въ чемъ дѣло, просилъ его превосходительство уволить меня хотя на 4 дня въ Петербургъ; на что онъ и согласился, хотя былъ вполне увѣренъ, что всѣ мои хлопоты отдѣлаться отъ графа ни къ чему не поведутъ, тѣмъ болѣе, что высочайшій приказъ уже состоялся, а между тѣмъ приказалъ меня снабдить билетомъ. Прибывъ на другой день въ контору госпиталя, я засталъ тамъ г. Орлова, который мнѣ и вручилъ вышеозначенные документы при своемъ отношеніи, на которое я увѣдомилъ, что я еще вчера уволенъ генераль-лейтенантомъ Даниловымъ въ С.-Петербургъ на 4 дня и до моего возвращенія приказалъ приготовить все необходимое для сдачи госпиталя, и передавъ свою должность, отправился въ Грузино, куда прибылъ около 6-ти часовъ пополудни и остановился въ домѣ для приѣзжаю-

щихъ, въ такъ-называемой гостинницѣ. Съ полчаса спустя, пришелъ грузинскій полиціймейстеръ, г. Макаріусъ, котораго я просилъ доложить графу о моемъ приѣздѣ и назначить, когда его сіятельству угодно будетъ меня принять. Г. Макаріусъ возвратился скоро и передалъ мнѣ желаніе графа видѣть меня теперь же, такъ какъ чай уже поданъ. Одѣвшись противъ обыкновеннаго въ мундиръ, я засталъ графа за чайнымъ столомъ; увидѣвъ меня въ полной формѣ, онъ спросилъ:

— «Что это у тебя, братецъ, новый мундиръ, что-ли, что приѣхалъ въ мундиръ?»

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, но бывъ назначенъ состоять при особѣ вашей, долгомъ счелъ явиться; при чемъ я сообщилъ ему переданное мнѣ предписаніе медицинскаго департамента и высочайшій приказъ.

— Не думалъ я, чтобы государь такъ скоро исполнилъ мою просьбу. Спасибо Якову Васильевичу Вилліе за его дружбу ко мнѣ, больному старику. Вы уже совсѣмъ изъ Новгорода?

— Никакъ нѣтъ, и ежели ваше сіятельство позволите, то мнѣ нужно бы предварительно побывать въ Петербургѣ по нѣкоторымъ домашнимъ обстоятельствамъ.

— «Хорошо, но пожалуйста поторопись, ибо Орловъ отъ меня уже отчисленъ».

— Слушаю, ваше сіятельство; но позвольте мнѣ доложить, что на условіяхъ, переданныхъ мнѣ генераломъ Фрикеномъ, я у васъ служить не могу. Вы дадите мнѣ 2,500 руб. асс. и квартиру, но это для меня недостаточно, такъ какъ всѣ припасы у васъ въ Грузинѣ дороже. Я имѣю теперь уже двоихъ дѣтей и содержу двухъ старухъ, такъ что изъ опредѣленнаго вашимъ сіятельствомъ жалованья я ничего отложить не могу, и совѣсть попрекала бы меня въ томъ, что я, въ угожденіе вашему сіятельству, жертвую благосостояніемъ своего семейства. Прибавьте мнѣ 500 рублей— и я готовъ остаться у васъ до гробовой доски, побережь васъ, сколько хватитъ знанія и опытности, готовъ пользоваться и крестьянъ вашихъ по деревнямъ, какъ мой предмѣстникъ.

— «Ты, братъ, въ Новгородѣ избалованъ, сказалъ графъ: впрочемъ, здѣсь разсуждать нечего, у тебя высочайшій приказъ, и это свято».

— Я это очень хорошо понимаю, былъ мой отвѣтъ: но ка-

бая вашему сіятельству охота имѣть при себѣ врача, которому вы довѣряете свою жизнь, противъ его воли и желанія. Я обязанъ у васъ служить, но 1-го сентября подамъ въ отставку и все-таки вашему сіятельству придется искать себѣ другого врача.

Графъ, повидимому, разстроился, нахмурилъ брови и сказалъ:

— «Пора спать, скоро 10-ть часовъ. Утро вечера мудренѣе, ступай въ свой флигель и явись къ утреннему чаю, т.-е. къ 6-ти часамъ, тогда потолкуемъ!» и пожелавъ доброй ночи ушелъ.

Не спавши почти всю ночь, я долженъ былъ явиться къ графу къ 6-ти часамъ и засталъ его за столомъ съ чайникомъ въ рукѣ, ибо послѣ трагической смерти Настасьи Федоровны онъ рѣдко кому довѣрялъ приготовить чаю, развѣ только приѣзжимъ дамамъ или Татьянѣ Борисовнѣ, которой онъ вполне вѣрилъ. Походивши по комнатѣ съ четверть часа, и посматривая на меня какою-то насмѣшливою и язвительною улыбкою, спросилъ:

— «Хорошо-ли я обдумалъ вчерашній разговоръ?»

— Какъ-же, ваше сіятельство, но, къ сожалѣнію, я долженъ вамъ объявить, что, несмотря на ваше ко мнѣ благодѣяніе и ласки, я у васъ долѣе сентября остаться не могу. Извините мой дерзкій отзывъ, но я говорю отъ души, какъ отецъ семейства.

Графъ перемѣнился въ лицѣ, ибо онъ дѣйствительно былъ тронутъ моимъ отвѣтомъ.

— «Не ожидалъ я этого отъ тебя, любезный бумъ, сказала графъ, началъ ходить по комнатѣ, и послѣ нѣкотораго раздумья спросилъ: кто-же назначенъ на ваше мѣсто въ Новгородъ?»

— Г. Орловъ! былъ мой отвѣтъ.

— «Какой Орловъ?»

— Вашъ бывший врачъ, Степанъ Петровичъ.

— «Гм! Гм! Гдѣ-же въ настоящее время вашъ госпиталь?»

— Въ порожнихъ строеніяхъ бывшей фабрики.

— «Какъ? Слѣдовательно стѣна объ стѣну съ Духовымъ монастыремъ?»

— Точно такъ.

Графъ, подумавъ недолго, проговорилъ вполголоса: «этому не бывать!»

— «Знаете-ли вы, за что я просилъ удалить отъ себя Орлова?»

— Слыхалъ кое-что, но мнѣ что-то не вѣрится.

— «Но это такъ, и потому я отправилъ Татьяну въ Духовъ

монастырь, а теперь предстоитъ имъ опять случай видѣться и возобновить прежнія отношенія; но этому никогда не бывать. Я хотѣлъ ихъ разлучить, но ваше начальство соединило ихъ опять. Шутить что-ли надо мною, старикомъ, хотѣли?»

Графъ, повидимому, былъ вполне увѣренъ, что всѣ грузинскія сплетни должны быть извѣстны и медицинскому департаменту, который, чуждый всѣмъ грузинскимъ происшествіямъ, назначилъ Орлова въ Новгородъ, а меня въ Грузино.

— Позвольте мнѣ теперь отправиться, ибо я уволенъ только на четыре дня и г. Орловъ ждетъ меня въ Новгородъ?

— «Подождите немного, зайдите въ церковь или въ бібліотеку, гдѣ найдете разныя новыя модели и рисунки».

Я зашелъ въ церковь, гдѣ подъ бюстомъ императора Павла сторожъ показалъ мнѣ будущую могилу графа, а подлѣ ея и могилу зарѣзанной Настасьи Ѳедоровны. Полъ въ церкви чугунный, составленный изъ ромбидовъ. Сторожъ замѣтивъ, что я обратилъ вниманіе на желтое колечко, прикрѣпленное къ одному ромбиду, предложилъ мнѣ поднять оный. Подъ ромбидомъ, на вызолоченной дощечкѣ, надъ могилою Настасьи Ѳедоровны, была надпись: здѣсь погребенъ 25-ти-лѣтній мой другъ, Настасья Ѳедоровна, убиенная своими людьми въ сентябрѣ 1825 года. Графъ заходилъ каждое утро въ церковь, поклониться праху 25-ти-лѣтнему своему другу и возобновлялъ увядшіе цвѣты свѣжими. Въ день смерти Настасьи Ѳедоровны, графъ былъ въ округѣ короля прусскаго полка и тотчасъ послѣ обѣда намѣревался отправиться по другимъ округамъ, но прискакавшій грузинскій голова объявилъ о случившемся главному доктору военныхъ поселенъ К. Х. Долеру, другу графа, который подъ видомъ внезапной болѣзни Настасьи Ѳедоровны насилу могъ уговорить графа возвратиться въ Грузино. Недоѣзжая нѣсколько верстъ, объявили графу о случившемся несчастіи. Графъ остолбенѣлъ, но черезъ нѣсколько минутъ началъ рыдать, рвать на себѣ волосы, бросился безъ фуражки изъ кареты, такъ что Долеръ и лакей насилу могли его удержать. Что было въ Грузино, не знаю.

Вышедши изъ церкви, я зашелъ къ графу, который вручилъ мнѣ письмо къ Якову Васильевичу и просилъ передать свой поклонъ. Я отправился тотчасъ же и на другой день явился въ ме-

дѣлннскій департаментъ, къ дежурному генералу и въ департаментъ военныхъ поселеній. Отовсюду одинъ вопросъ:

— «Вы изъ Грузино?»

— Точно такъ.

— «Хорошо, что исполнили такъ скоро волю государя».

Около двухъ часовъ явился къ Якову Васильевичу Вилліе. Тотъ же вопросъ:

— «Вы уже совсѣмъ переѣхали?»

— Никакъ нѣтъ.

— «Пожалуйста поторопитесь, ибо вы знаете, что графъ безъ врача долго оставаться не можетъ».

— Графъ просилъ передать вашему превосходительству свой дружескій поклонъ и вручить это письмо.

Яковъ Васильевичъ прочелъ письмо, взялъ свое увеличительное стекло, прочелъ вторично и задумался.

— «Вы увѣрили меня, что графъ здоровъ, но мнѣ кажется, что онъ съума сошелъ?»

— Не думаю, былъ мой отвѣтъ, ибо при моемъ выѣздѣ, вчера вечеромъ, я ничего особеннаго не замѣтилъ.

— «Знаете-ли вы содержаніе этого письма?»

— Никакъ нѣтъ.

— «Графъ проситъ меня объ одной милости у государя: оставить васъ на прежнемъ мѣстѣ въ Новгородѣ, обѣщая уже болѣе не беспокоить государя о назначеніи ему врача. Скажите, пожалуйста, что за причина столь быстраго и крутого поворота? Можетъ быть вы сами умоляли графа остаться въ Новгородѣ?»

— Я и подумать не смѣлъ,—и рассказалъ подробно всю исторію съ Татьяною Борисовною, прибавивъ, что болѣе всего разсердило графа вѣроятно то, что Орловъ, вопреки его предположеніямъ, назначенъ въ Новгородъ, а не въ Сибирь или на Кавказъ. За обѣдомъ Вилліе рассказалъ всю эту исторію своимъ знакомымъ, которые отъ души смѣялись, а хозяинъ остался не въ духѣ. Я возвратился прямо въ Новгородъ и вступилъ въ прежнюю должность; Орловъ назначенъ былъ, кажется, въ Чугуевскій госпиталь, а графъ нанялъ для себя вольнопрактикующаго врача, который не долго выдержалъ. Графъ, оставшись безъ врача, обращался къ состоящему при департаментѣ военныхъ поселеній, бывшему имени его полка, доктору К. П. Миллеру, а иногда и ко мнѣ.

Въ домашнемъ быту графъ былъ необыкновенно мелочень и аккуратень; все у него дѣлалось по часамъ, онъ любилъ порядокъ и чистоту, особенно же пыли нигдѣ терпѣть не могъ. Онъ былъ болѣе скупъ, нежели даже слѣдовало бы при его средствахъ, ибо часто вмѣсто свѣжаго жаряго подавали соленую телятину, а вмѣсто пирожнаго—гречневую кашу съ сахаромъ; рюмки же для вина были чисто гомеопатическія и не каждый изъ обѣдающихъ удостоивался получить рюмку вина или ливеру; за то на званомъ обѣдѣ существовала роскошь русскаго магната: все подавалось на серебрянъ или лучшемъ китайскомъ фарфорѣ, вино отличное, рѣдкое, равно и фрукты.

Что же касается до характера графа, то онъ былъ непостоянень, зависѣлъ отъ его занятій, окружающихъ его людей, другихъ обстоятельствъ, которыя вліяли на расположеніе его духа, такъ - что съ точностью опредѣлить свойство его характера трудно, тѣмъ болѣе, что онъ всегда былъ озабочень государственными дѣлами, да, сверхъ того, страдалъ разстройствомъ всей нервной системы, застоємъ печени и рефлексивнымъ страданіемъ сердца; отъ этого происходили его мнительность, недобѣрчивость, бессонныя ночи, тоска и біеніе сердца. Хотя вспыльчивость иногда и доводила графа до изступленія, но злопамятнымъ и мстительнымъ къ людямъ, ниже его стоящимъ, никогда не былъ. Къ поселянамъ былъ снисходителень; такъ, замѣтивъ какой-нибудь безпорядокъ въ домѣ или около, дѣлалъ имъ только замѣчанія и предостерегалъ ихъ отъ взгляда графа Клейнмихеля или полкового командира. Поэтому графа и не такъ боялись и всю вину строгостей приписывали ближнимъ начальникамъ, которымъ графъ Клейнмихель внушалъ быть по возможности строже, а самъ оставался въ сторонѣ, сваливъ все съ больной головы на здоровую. Графъ былъ необыкновенно впечатлителень; такъ, при разсказѣ какой-нибудь печальной исторіи, онъ прослезится, бывало, какъ дитя, но замѣтивъ, что у какой-нибудь 10-ти-лѣтней дѣвчонки дорожки въ саду не такъ чисто выметены, въ состояніи былъ приказать строго ее наказать, но опомнившись, приказывалъ выдать ей пяточекъ. Это было при мнѣ; но всегда ли графъ такъ поступалъ, не знаю. Графъ, если былъ въ хорошемъ расположеніи духа, имѣлъ обыкновеніе награждать исправныхъ хозяекъ-посе-

явною за чистоту пятачкомъ, и эту награду цѣнили какъ царскую милость.

Вотъ все, что я могъ вспомнить о моей службѣ въ военномъ поселеніи съ 1820 и до конца 1832 годовъ. Можетъ быть мой рассказъ содержитъ въ себѣ много лишняго, собственно до меня касающагося, можетъ онъ мелочень, что касается личности графа; но именно эти мелочи обрисовываютъ характеръ этого государственнаго дѣятеля, государю и отечеству безъ лести преданнаго (девизъ герба графа Аракчеева).

Сельцо Покровское,
близъ г. Краснаго-Холма.

Ив. Европеусъ.

Сообщаемъ кстати послѣ интересныхъ записокъ г. Европеуса агротикъ на Аракчеева, составленный около 1823 года и бывший въ большомъ обращеніи между армейскими офицерами того времени. Онъ записанъ со словъ Якова Ник. Сухотина.

Ред.

Аггеловъ племя,
Рыцарь бѣсовъ,
Адское сѣмя,
Ключъ всѣхъ оковъ.
Чувствъ не имѣя,
Тышь ты людей;
Ехидны злѣе
Варваръ, злодѣй!

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Письма гр. Аракчеева къ Европеусу.

1. Любезной другъ, Иванъ Исаковичъ. Посылаю тебѣ дрожжи на перевозъ; сдѣлай дружбу, съѣзди въ Духовъ монастырь, тамъ больна Танюша; посмотри ее, и пропиши ей лекарство, за что я буду весьма благодарной. Г. А.

Вторникъ.

2. Милостивой государь, Иванъ Исаковичъ. Поздравляю васъ съ новорожденною дочерью и съ наступающимъ праздникомъ, желаю вамъ и супругѣ вашей добраго здоровья. Благодарю за приглашеніе и съ удовольствіемъ желаю быть воспріемникомъ вашей дочери съ любезною Анною Григорьевною. Но не могу теперь назначить время; ибо, во-первыхъ, Анна Григорьевна нездорова, то и надобно дать ей оправиться; а во-вторыхъ, графиня Анна Алексѣевна Орлова общалась ко мнѣ пріѣхать на праздникахъ, изъ Новгорода, то я и не знаю времени, когда она ко мнѣ пріѣдетъ; то послѣ середы я увѣдомлю васъ, любезнаго друга, чрезъ нарочнаго, къ вамъ посланнаго, о времени, когда мнѣ пріѣхать будетъ возможно.

Съ почтеніемъ пребуду навсегда вашъ покорный слуга гр. Аракчеевъ.

Прилагаемое письмо прошу отдать.

Грузино.

18 апрѣля (1831 года),
въ 8 часовъ вечера.

II.

Письмо бар. Вилліе къ гр. Аракчееву.

Милостивый государь, графъ Алексѣй Андреевичъ. Поспѣшаю увѣдомить ваше сіятельство, что я имѣлъ счастье довести до свѣдѣнія государя императора полученное мною отъ васъ письмо. Его величество, прочитавъ оное, изволилъ благосклонно принять просьбу вашу и высочайше повелѣлъ мнѣ немедленно исполнить оную, отчисленіемъ отъ васъ состоящаго нынѣ при вашемъ сіятельствѣ штабъ-лекаря Орлова и опредѣленіемъ на его мѣсто къ вамъ или старшаго лекаря новгородскаго военнаго госпиталя Европеуса, или другого медика, къ кому вы имѣете довѣренность и кто добровольно согласится принять сіе мѣсто и пешиись о сохраненіи вашего здоровья. Г. Европеусъ прослужилъ понинѣ отлично и пріобрѣлъ хорошую опытность, его поведеніе доселѣ было неукорязное, онъ отецъ довольно большаго семейства, для содержанія коего приличнымъ образомъ требуется немалыхъ средствъ, по сей причинѣ я осмѣливаюсь поручить г. Европеуса въ особенное покровительство и щедролубіе вашего сіятельства и проч.

Декабря 8-го дня 1832 года.

Его сіятельству графу А. А. Аракчееву.

ЕРМОЛОВЪ, ДИБИЧЪ И ПАСКЕВИЧЪ.

1826—1827.

XXII.

Дибичъ — императору Николаю.

Всемилоствѣйшій Государь! Въ послѣднемъ донесеніи моемъ имѣлъ я счастье предупредить ваше императорское величество о намѣреніи моемъ представить предположенія мои о военныхъ дѣйствіяхъ послѣ взятія Тавриза, вмѣстѣ съ мнѣніемъ на оныя генерала Ермолова; а въ отправленномъ по послѣдней экстра-почтѣ письмѣ графу Толстому просилъ я его доложить вашему величеству, что по полученіи упомянутаго мнѣнія генерала Ермолова, находя въ ономъ различіе съ прежде начертаннымъ планомъ, я почелъ за необходимость имѣть съ нимъ личное по сему предмету объясненіе. При семъ имѣю счастье представить, подъ литерою А, предположенія мои, а подъ литерою В, отношеніе генерала Ермолова съ возраженіями на оныя и его мыслями о ходѣ, который должны имѣть наступающія кампаніи. Изъ сего отношенія ваше величество усмотрѣть изволите: 1) Что занятіе Тавриза, буде возможно еще до знойнаго времени, предложенное самимъ генераломъ Ермоловымъ въ планѣ, представленномъ имъ вашему императорскому величеству, представляется нынѣ совсѣмъ въ другомъ видѣ, и возможность онаго почти только въ единственномъ случаѣ возмущенія въ Азербейджанѣ. 2) Что дальнѣйшія дѣйствія послѣ овладѣнія Тавризомъ разсчитаны такъ, что едва ли можно надѣяться навѣрное кончить войну прежде 1829 года. Сіе послѣднее послужило мнѣ только къ вышшему удостовѣренію въ томъ мнѣніи объ осторожности и недостаточной предприимчивости генерала Ермолова, о которомъ я неоднократно имѣлъ счастье доносить вашему величеству; но перемѣна мыслей его насчетъ предстоящихъ первыхъ дѣйствій противъ Тавриза требовала рѣши-

тельнаго вопроса: не оставилъ ли онъ намѣренія своего (нѣсколько разъ мнѣ повторяемаго, даже послѣ отправленія моего донесенія вашему величеству) рѣшительно наступать къ Тавризу еще въ продолженіе іюня мѣсяца, если какія-либо особенныя и важныя препятствія тому не помѣшаютъ?

Генераль Ермоловъ въ отвѣтъ увѣрялъ меня, что онъ ни въ чемъ не перемѣнилъ рѣшенія своего, но считалъ долгомъ поставить на видъ всѣ затрудненія, кои могутъ встрѣтиться; признался, что изложилъ бы сіе съ большею ясностью, если бы не былъ увѣренъ, что я не буду сомнѣваться въ томъ, что онъ не въ состояніи отмѣнить то, о чемъ онъ уже представилъ вашему величеству. Касательно предположеній его о кампаніи, онъ объяснилъ, что изложилъ свое мнѣніе только на тотъ случай, если бы наступленіе къ Тегерану казалось необходимымъ, ибо въ моей запискѣ было о семъ упомянуто, и онъ, по собственному знанію тамошнихъ мѣстъ, почитая овладѣніе Султанією въ зимнее время невозможнымъ, расположилъ планъ операцій сходно съ симъ убѣжденіемъ. Я на сіе отвѣчалъ, что требовалъ мнѣнія о дѣйствіяхъ рѣшительныхъ и сходныхъ съ тою необходимостію въ скорѣйшемъ окончаніи войны, о которой объявлялъ я ему высочайшую волю, и ожидалъ плана рѣшительнаго, хотя бы и совершенно несходнаго съ моимъ, но ведущаго къ той же цѣли, къ скорѣйшему окончанію войны, буде возможно еще будущей зимою, а отнюдь не позже весны 1828 года. Онъ повторялъ, что не такъ понялъ сдѣланное предложеніе, и хотѣлъ сегодня еще представить мнѣ другую записку.

Я съ сердечною откровенностію признаюсь вашему императорскому величеству, что все сіе не даетъ мнѣ болѣе прежняго увѣренности въ рѣшительности дѣйствій генерала Ермолова, и понудило меня къ повторенію вопроса: „не чувствуетъ ли онъ въ себѣ менѣе противъ прежняго рѣшимости и дѣятельности?“ Онъ повторялъ, что надѣется еще быть въ состояніи исполнить волю вашего величества лучше многихъ другихъ, хотя признается, что любитъ быть осторожнымъ, дабы не подвергаться отвѣтственности; что покоряется во всемъ волѣ вашего величества, не желаетъ никакого мѣста и будетъ жить спокойнымъ и вѣрнымъ гражданиномъ, если вашему величеству угодно будетъ отозвать его отъ начальства, но надѣется также, по извѣстности ему здѣшной страны, дѣйствовать съ пользою; а съ вышшею дѣятельностію и рѣшимостію, когда бы могъ быть увѣренъ, что частныя ошибки не будутъ представляемы вашему величеству отдѣльно, и тѣмъ, прежде заключенія о дѣйствіяхъ вообще, не навлекутъ на него гнѣвъ вашего величества. Я увѣрялъ его, что при ис-

полненіи вашихъ приказаній ошибки отъ рѣшимости и дѣятельности происходящія, конечно, никогда не прогнѣвать ваше величество.

Я ожидаю теперь обѣщанную записку, которую съ краткимъ мнѣніемъ моимъ буду имѣть счастье представить съ симъ же фельд-егеремъ. Но каково бы ни было содержаніе оной, она не перемѣнитъ мнѣнія моего, что отъ генерала Ермолова нельзя ожидать блистательныхъ дѣйствій; но съ тѣмъ вмѣстѣ я увѣренъ, что съ числомъ войскъ, ему данныхъ и съ имѣющимися способами, онъ еще до знойнаго времени займетъ пространство до Аракса, и полагаю, что даже рѣшится овладѣть Тавризомъ. Вѣроятно, что сіе доведетъ до желаемого мира. Во всякомъ случаѣ, и при перемѣнѣ главнокомандующаго нельзя ожидать отъ весенней кампаніи значительныхъ выгодъ, и потому я не нахожу себя въ правѣ употребить данное мнѣ полномочіе, не будучи увѣренъ, какъ я и прежде доносилъ, чтобы перемѣною здѣшняго главнаго начальства посредственное было бы замѣняемо лучшимъ. Однако я прошу позволенія вашего императорскаго величества, послѣ приказаннаго мнѣ осмотра войскъ, которое не могу сдѣлать прежде какъ по сборѣ оныхъ, т.-е. послѣ 15-го апрѣля, остаться здѣсь еще недѣли двѣ, дабы удостовѣриться во всѣхъ распоряженіяхъ генерала Ермолова при самомъ началіи кампаніи, и о вѣрномъ и надежномъ направленіи всѣхъ заготовленій, Каспійскимъ моремъ доставляемыхъ, къ дѣятельной осенней кампаніи. Дѣйствія генерала Ермолова въ продолженіе весенней кампаніи могутъ единственно удостовѣрить болѣе, полезно ли будетъ или нѣтъ оставленіе его въ здѣшнемъ краѣ въ случаѣ незаключенія мира.

Если вашему величеству такимъ образомъ угодно будетъ оставить здѣсь генерала Ермолова, то конечно необходимо надобно отозвать генерала Паскевича, какъ онъ сіе и самъ желаетъ; причемъ услуги сего генерала, оказанныя въ елисаветпольскомъ сраженіи, и усердіе, которое онъ употребилъ ко внутреннему устройству здѣшнихъ войскъ, безъ сомнѣнія обратятъ на него всемиловѣйшее вашего величества благоуваженіе.

Если же ваше величество, потерявъ довѣренность къ генералу Ермолову, изволите рѣшить удаленіе его еще до весенней кампаніи, то при назначеніи другого главнокомандующаго необходимо нужно, во всякомъ случаѣ, опредѣлить особаго, ему подчиненнаго, начальника по гражданской части. Въ случаѣ назначенія генералъ-фельд-маршала графа Витгенштейна, или другого генерала, мнѣ кажется неизбѣжнымъ, чтобы я остался здѣсь до вступленія новаго начальника въ полное распоряженіе всѣхъ дѣлъ. Буде же вашему величеству угодно будетъ оставить здѣсь генерала Паскевича команду-

щимъ, то полагаю возможнымъ мнѣ отбѣхать послѣ осмотра войскъ. Съ вѣрноподданническою вѣрностію и проч. Иванъ Дибичъ.

Марта 10 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

А. 1) Всѣ собранныя мною свѣдѣнія насчетъ здѣшняго края и того, который долженствуетъ быть театромъ войны, не подають надежды, чтобы въ оныхъ можно было найти подножный кормъ ранѣе половины апрѣля; почему и не полагаю возможнымъ открыть кампанію прежде, какъ въ концѣ того мѣсяца. Дабы обезпечить безостановочное слѣдованіе провіантскихъ и прочихъ транспортовъ, и тѣмъ предупредить остановку въ началіи дѣйствій, будутъ взяты здѣсь по возможности всѣ мѣры для благонадежнаго устройства фуражнаго продовольствія на пути до сборныхъ пунктовъ войскъ.

2) Несмотря на сіе медлительное приспѣваніе подножнаго корма, принуждающее къ позднему открытію весенней кампаніи, я совершенно увѣренъ, что можно будетъ достигнуть цѣль оной, т.-е. занять все пространство до Аракса. Взятіе же Тавриза (въ томъ предположеніи, что можно будетъ перейти чрезъ Араксъ въ концѣ мая мѣсяца), будетъ зависѣть наиболѣе отъ способовъ продовольствія и отъ дѣйствій непріятельской кавалеріи, которая появленіями въ тылу арміи можетъ останавливать слѣдованіе припасовъ къ оной подвозимыхъ, и тѣмъ самымъ замедлитъ и движеніе войскъ.

3) Насчетъ жаровъ въ Персіи имѣлъ я разговоръ съ здѣшнимъ епископомъ армянскимъ, жившимъ долгое время въ Эриванѣ и Тавризѣ; по словамъ его, зной въ тѣхъ странахъ бываетъ хотя сильный, но стерпимый и не таковъ, чтобы можно было опасаться причиненія вредныхъ заразительныхъ болѣзней. Основываясь на семъ, я мыслю, что переходъ черезъ Араксъ въ концѣ мая и быстрое потомъ движеніе на Тавризъ возможны, ежели удастся имѣть достаточные способы къ переправѣ и подвезти достаточный подвижной магазинъ. Наступленіе къ Тавризу и овладѣніе симъ городомъ, по мнѣнію моему, не представляютъ важныхъ затрудненій.

4) Послѣ овладѣнія Тавризомъ, я полагаю, что надобно будетъ прекратить дальнѣйшее дѣйствіе до осени, и тогда же предложить персіянамъ миръ, на предначертанномъ основаніи, и даже перемиріе до 15-го сентября. Симъ временемъ можно-бъ было воспользоваться для устройства большихъ магазиновъ въ Нахичеванѣ, Агарѣ, Марандѣ и Тавризѣ; расположить войска на лѣтнія квартиры для отдохновенія и оправленія во всѣхъ отношеніяхъ; а въ случаѣ, что не принято будетъ перемиріе, легкіе отряды, вторгаясь между тѣмъ въ ханства Хои и Ардебиль, покорили бы сіи области и утвердили бы

совершенно намъ тылъ и фланги. Исполненіемъ сего предположенія приготовился бы и основался совершенный успѣхъ послѣдующихъ дѣйствій, если бы персіане и не захотѣли согласиться на миръ, чего однако ожидать нельзя.

5) Если, напротивъ того, послѣ занятія до Аракса, недостатокъ въ способахъ для переправы и въ продовольствіи, или чрезвычайный жаръ принудятъ остановиться на нѣкоторое время, тогда надобно будетъ воспользоваться онымъ временемъ, чтобы устроить всѣ способы къ переправѣ и большіе двухмѣсячные магазины въ Нахичеванѣ и Ахугланѣ, долженствующіе обезпечить движеніе на Тавризу. Тѣмъ временемъ бригада, расположенная въ Дагестанѣ, смѣненная войсками изъ Кавказской области, примкнетъ къ отряду лѣваго фланга; къ главнымъ же силамъ въ то же время присоединится, по всей вѣроятности, большая часть отряда, производившаго осаду Эривани; ибо можно предполагать, что крѣпость сія не устоитъ послѣ двухнедѣльнаго открытія траншей, а по взятіи ея нужно будетъ только оставить въ ней небольшой гарнизонъ.

6) Если же нужно будетъ отложить движеніе къ Таврису до осени, то полагаю неприличнымъ вступать въ какіе-либо переговоры о перемиріи, развѣ персіане очистятъ Эривань и Сардарабадъ (коихъ гарнизонамъ можно дать свободный проходъ), равномѣрно ханства: Талышинское, Агарское и Ардебильское.

7) Движеніе нужно начать къ 15-му сентябрю, въ двухъ колоннахъ, имѣя для всѣхъ войскъ двухмѣсячную пропорцію провіанта въ Ахугланѣ и Нахичеванѣ. Главныя силы идутъ изъ Нахичевани, прибывшія изъ Дагестана—изъ Ахуглана, чрезъ Агаръ, на Тавризъ, гдѣ будутъ въ послѣднихъ дняхъ того же мѣсяца. Какъ отрядъ лѣваго фланга слабѣйшій, то марши должны быть рассчитаны такъ, чтобы онъ прибылъ къ Таврису въ одинъ день съ главными силами, но дѣлая послѣдніе два марша форсированные.

8) По овладѣніи Тавризомъ предложить миръ на высочайше утвержденныхъ условіяхъ, и заключить даже перемиріе на одинъ мѣсяцъ, но съ тѣмъ, чтобы очищены были ханства: Хон, Ардебиль и Талышъ; въ случаѣ же, если персіане на сіе не согласятся, овладѣть оными легкими отрядами, и во всякомъ случаѣ приготовить въ Тавризѣ подвижной магазинъ на мѣсяцъ продовольствія и таковое же количество въ Агарѣ и Марандѣ съ способами доставки.

9) Весьма вѣроятно, что въ продолженіе сего времени, т.-е. при занятіи Тавриза, гдѣтомъ къ 15-му сентябрю, а осеью къ 1-му ноябрю, или примутъ предложеніе о мирѣ, или откроется всеобщій бунтъ въ Персіи. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, по мнѣнію моему, правила за-

конности намъ не позволяютъ участвовать въ ономъ; но принимая присягу на зависимость отъ хановъ занятыхъ нами провинцій, какъ-то: Хои, Агара, Ардебилъ, нужно занять посылкою небольшихъ отрядовъ весь Азербейджанъ, Урмию, Гилянъ, и буде возможно Мавандеранъ, стараясь также склонить хановъ на покореніе себя Россіи, съ тѣмъ чтобы ханы сіи, за признаніе ихъ независимости и покровительство, подвергались заплатить дань, которая бы могла съ излившемся замѣнить всѣ издержки и убытки войны, и въ неслишкомъ продолжительномъ времени.

10) Если бы, напротивъ того, противъ всякаго вѣроподобія, всѣ провинціи остались спокойны и вѣрны шаху, тогда нужно рѣшиться на предпріятіе дальнѣйшаго похода.

11) Устроить оборону Грузіи и Арменіи изъ резервныхъ батальоновъ, изъ ополченій грузинскаго и армянскаго и изъ казаковъ, оставивъ въ Тавризѣ, Маратѣ и Агарѣ 20-ю дивизію съ одною бригадою уланъ въ резервѣ, которые бы заняли также озеро Урмию и переправу на Кизиль-Озанѣ, дѣйствующіе батальоны 21-й дивизіи, гренадерская бригада, 1-я бригада уланской дивизіи, нижегородскій драгунскій полкъ, сводный гвардейскій полкъ и 6-ть казачьихъ полковъ,—что всего составитъ:

въ 18-ти батальонахъ,	
„ 18-ти эскадронахъ,	
„ 6-ти полкахъ казаковъ,	
„ 12-ти конныхъ	} ротахъ
„ 24-хъ легкихъ	
„ 12-ти батарейныхъ	

примѣрно около 15 т. человекъ рядовыхъ, кромѣ казаковъ,—идутъ прямо на Тегеранъ, куда, при быстромъ наступленіи и вѣроятно по большомъ сопротивленіи, могутъ прибыть въ одинъ мѣсяць, а много въ два.

12) Съ тѣмъ вмѣстѣ собрать въ Дербентъ, или въ Баку, 4-ре батальона 22-й пѣхотной дивизіи съ 8-ю орудіями и однимъ казачьимъ полкомъ. Тамъ же заготовить транспортные суда съ двухмѣсячнымъ провіантомъ на 20 т. человекъ и съ артиллерійскими запасами на комплектъ всѣхъ орудій главнаго отряда. Сіи войска сдѣлаютъ десантъ около Хоремабада, три недѣли спустя послѣ выступленія войскъ изъ Тавриза, и устроятъ тамъ небольшую крѣпость, въ которой оставятъ одинъ батальонъ и 4-е орудія, съ остальными наступаютъ съ осторожностью къ Тегерану, когда получаютъ извѣстіе, что наши силы приближаются къ оному.

13) Овладѣніе Султаніею и Тегераномъ (гдѣ хранятся всѣ сокро-

вища шаха) и вѣрное сообщеніе съ Каспійскимъ моремъ обѣщаютъ намъ миръ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Въ случаѣ непредвидимости, когда бы столь рѣшительные успѣхи не довели персіянъ до заключенія мира или до всеобщаго бунта противъ шаха, при которомъ оставалось бы признать независимость покоряющихся намъ, съ должнымъ вознагражденіемъ, потребуетъ усиленіе войскъ рекрутскимъ наборомъ, которымъ въ веснѣ 1828 года вся Персія непремѣнно покорена была бы російскому оружію, чего однако же, по мнѣнію моему, ни ожидать, ни желать не должно. Генераль-адъютантъ Дибичъ.

XXIII.

Ермоловъ—Дибичу.

(секретно).

Командира кавказскаго отдѣльнаго корпуса въ Тифлисѣ, 9-го марта 1827 года, № 12. Начальнику главнаго штаба его императорскаго величества господину генераль-адъютанту и кавалеру барону Дибичу.

Вашему высокопревосходительству угодно было предложить мнѣ, чтобы я объяснилъ мнѣніе мое насчетъ дѣйствій войскъ нашихъ за Араксомъ, и если бы взятіемъ Тавриза не былъ положенъ конецъ войнѣ—о дальнѣйшихъ за тѣмъ предпріятіяхъ.

Изъ собранныхъ свѣдѣній ваше высокопревосходительство удостоившись изволили, что позднее появленіе подножнаго корма, особенно въ возвышенныхъ мѣстахъ, смежныхъ съ Персією, не допустить перейти границу главными силами прежде, какъ въ концѣ апрѣля мѣсяца.

Не взирая на сіе, еще до наступленія жаровъ удобно весьма занять Нахичевань. Тамъ присоединившаяся часть войскъ изъ Карабага (если непріятель со стороны сей не употребитъ большихъ усилій), поставитъ передовыя войска наши отъ главнаго отряда въ твердое положеніе до того времени, какъ прочія силы присоединиться могутъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Сардаръ Эриванской, которому конечно даны будутъ подкрѣпленія, снабдивъ гарнизонами крѣпости Эривань и Сардарабадъ, будетъ еще имѣть достаточныя силы, чтобы безпokoить отрядъ нашъ, подъ Эриваномъ расположенный; паче же многочисленными толпами своей конницы быть весьма опаснымъ для транспортовъ, въ большомъ количествѣ провождаемыхъ, отчего необходимо движеніе ихъ подвергнется медленности, и войска едва ли будутъ имѣть всѣ нужные запасы, дабы тотчасъ, или лучше сказать, почти неостанавливаясь могли предпринять наступленіе за Араксъ къ Тавризу. Для удержанія Сардаря надобно будетъ немедленно оставить

часть войскъ, кромѣ тѣхъ, кои будутъ или наблюдать Эривань, или осаждать оной. Не трудно будетъ прогнать Сардаря за Араксъ, но столь же легко будетъ онъ опять возвращаться. Твердое положеніе за Араксомъ дастъ ему убѣжище отъ небольшихъ силъ, его преслѣдующихъ; изъ Хои и другихъ мѣстъ Азербейджана, будетъ онъ имѣть безпрепятственное продовольствіе. Большой части его конницы нельзя будетъ помѣшать дѣйствовать у насъ въ тылу.

Приобрѣтеніе Эриванской области разрѣшило бы всѣ затрудненія и войскъ, оставленныхъ при оной, достаточно было бы владѣть провинціею и обезпечить сообщеніе. Но, по трудностямъ и неудобствамъ въ доставленіи необходимыхъ для осады припасовъ, свозимыхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, осада не можетъ быть начата въ скоромъ времени.

Итакъ, предлежитъ вопросъ: идти ли за Араксъ до занятія осады и непремѣнно въ знойное время, ибо до того, конечно, не успѣютъ прибыть къ войскамъ достаточные запасы продовольствія, котораго не будетъ за Араксомъ до новаго урожая; или идти въ половинѣ сентября, когда всѣ нужные запасы будутъ приготовлены и прекратившійся зной дастъ возможность дѣйствовать быстро и рѣшительно. Эривань въ то время, можетъ быть, достанется во власть нашу или по крайней мѣрѣ осада не допуститъ продлить сопротивленіе онаго.

Въ семь послѣднемъ предположеніи соблюдена будетъ вся строгая осторожность, и потому успѣхъ менѣе подверженъ будетъ сомнѣнію. Продолженіе же движенія, не останавливаясь въ Эриванской области, можетъ быть приличнымъ въ томъ только случаѣ, если бы въ Азербейджанѣ обнаружился: неповиновеніе Аббасъ-Мирзѣ, возмущеніе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и готовность способствовать намъ средствами продовольствія.

Вѣроятно, что въ Эриванской области не рѣшится непріятель дать сраженія всѣми силами, ибо въ случаѣ потери онаго, въ тылу, Араксъ можетъ быть причиною большихъ бѣдствій, и тогда Азербейджанъ, гдѣ много недовольныхъ, не будетъ спокойнымъ свидѣтелемъ происшествій и неминуемо послѣдуетъ возмущеніе во многихъ мѣстахъ.

Итакъ, правдоподобнѣе, что непріятель всѣми силами противопоставитъ между Тавризомъ и Араксомъ, гдѣ надобно будетъ атаковать его.

Овлaдѣніе Тавризомъ необходимо, и сколько можно скоро, и хотя можно думать, что непріятель предложитъ о мирѣ, можетъ однако же быть, что онъ того и не сдѣлаетъ. Тогда надобно будетъ ожидать

мира или отъ внутреннѣхъ возмущеній, или внести войну далѣе во внутренность Персіи.

Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію моему, дабы произвести внутреннїя безпокойства, надлежитъ остановиться въ Азербейджанѣ. Уничтожить въ Тавризѣ всѣ европейскія заведенія и укрѣпленія, оставить городъ, который, въ общемъ мнѣніи, теряетъ всю свою важность, а войска расположить въ Марандѣ, Хоѣ и окрестностяхъ. Мараса, отстоя отъ Тавриза на сто верстъ въ сторону, къ занятію неудобна. Въ семъ расположеніи надлежитъ провести зиму и сдѣлать всѣ приуготовленія къ новой кампаніи.

Кампанію, думаю я, надлежитъ начать слѣдующимъ образомъ:

Оставить совершенно Азербейджанъ, ограничиться занятіемъ Эриванской области по Араксъ, силами впрочемъ достаточными, учредивъ нѣсколько укрѣпленныхъ постовъ, дабы между оными могли съ удобностію двигаться войска, ибо непріятель, безъ сомнѣнія, будетъ дѣлать вторженія, дабы наносить разореніе жителямъ. Въ укрѣпленныхъ мѣстахъ при войскахъ нашихъ употребить армянъ, которыхъ всѣхъ вообще вооружить. Укрѣпленія утверждать жителей въ понятіи прочнаго занятія нами Эриванской области, особенно если уже крѣпость будетъ во власти нашей. По устроеніи сего, перенести дѣйствія на нижній Араксъ, въ Карабагскую провинцію. Операціонная линія наша должна имѣть направленіе чрезъ Мегеквинскій округъ, городъ Ардебиль, небольшую область Халхаль, Зенганъ и далѣе. Симвъ путемъ обойдены будутъ безводныя мѣста, между Зенганомъ и рѣкою Кивиль-Озень, никакого подножнаго корма непронизводяща и потому мало весьма населенныя. Отъ Аракса до Ардебиля устроить укрѣпленные посты, и между симъ городомъ и мѣстечкомъ Ларъ имѣть легкій отрядъ войскъ для прикрытія операціонной линіи.

Талышинское ханство тотчасъ придетъ въ покорность, въ близкомъ разстояніи лежащая Гилянская область выйдетъ изъ послушанія персіянамъ, и симъ воспользовавшись, надобно будетъ овладѣть Зинзилійскимъ портомъ, лучшимъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ при самомъ входѣ въ оный устроить крѣпостцу, которая въ руки наши отдастъ всѣ выгоды торговли съ изобилующею богатствами Гилянью. Учрежденіе сіе впоследствии понудитъ шаха на большія жертвованія.

Для сей экспедиціи достаточно двухъ тысячъ человекъ и тридцати орудій крѣпостной артиллеріи, для немедленнаго заложения крѣпостцы. Войска могутъ быть отправлены изъ Баку; построеніе транспортныхъ судовъ должно быть сдѣлано, равно какъ и прочія приуготовленія заблаговременно.

При всѣхъ выгодахъ дѣйствій со стороны Мазандерана я почти таю ихъ подверженными большимъ неудобствамъ и чрезвычайнымъ издержкамъ, ибо предпринять оныя не иначе можно, какъ съ силами значительными, для перевоза коихъ на берегъ, равно лошадей для артиллеріи и необходимой части конницы, для всѣхъ нужныхъ припасовъ надобно большое количество транспортовъ, которыхъ приготовить въ скорости нѣтъ возможности. Если же перевозить войска по частямъ, то сіе продолжится долгое весьма время, не можно допустить вѣрнаго въ ономъ разчета, выгода внезапности потеряна будетъ, и Тегеранъ достанется также опустошеннымъ, какъ и при дѣйствіяхъ съ сухого пути.

При движеніи на Ардебиль и Халхаль надобно распредѣлить дѣйствія слѣдующимъ образомъ: выступить изъ Карабага раннею весною; въ сіе время шахсеванцы и другіе кочующіе народы не имѣютъ другого убѣжища, кромѣ Муганской степи, и потому придутъ тотчасъ въ поворность.

Знойное время лѣта надобно остановиться въ Султаніэ и окрестностяхъ, гдѣ воздухъ чрезвычайно здоровый, пастбища изобильныя. По окончаніи зноя надобно, сколько возможно, быстро занять Тегеранъ. Но тамъ нельзя выжидать предложенія о мирѣ, ибо возвратный путь будетъ неудобенъ по той причинѣ, что возвышенныя мѣста около Султаніэ на большое пространство покрываются глубокимъ снѣгомъ и бываютъ жестокиа мятели. Итакъ, если не будетъ предложенъ миръ, надобно разорить Тегеранъ и до зимы возвратиться въ Зенганъ, гдѣ войска могутъ имѣть отдыхъ.

Снабженіе провіантомъ и другими потребностями войскъ не иначе устроено можетъ быть, какъ изъ Баку. Осенью и въ продолженіе зимы должно оно свозимо быть чрезъ Муганскую степь, въ округъ Ужарлы, принадлежацій Талышинскому ханству, гдѣ надлежитъ сдѣлать укрѣпленіе и, кромѣ гарнизона, въ ономъ расположить часть войскъ для ковоировапія подвозовъ. Дорога отъ рѣки Куры до округа Ужарлы, и дагѣ отъ онаго до Ардебила, съ небольшими исправленіями, весьма удобна. Отъ Зенгана до Ардебила въ протекшемъ году шахъ прошелъ съ войскомъ и пушками. Къ берегамъ Талышинскаго ханства подвозить продовольствіе невозможно, ибо чрезъ горы, отдѣляющія ханство отъ Ардебила, есть двѣ извѣстныя дороги чрезъ Зувантъ и Наминъ, но обѣ неудобны для повозовъ. Почти нельзя сомнѣваться, что Гилянская область доставитъ значительное количество провіанта, паче же когда въ оной обнаружатся безпокойства, что непременно должно случиться.

Рѣшительно заключить возможно, что шахъ персидскій недопу-

стать войскъ нашихъ до Тегерана, дабы не произвести всеобщаго возмущенія противъ себя и всего племени каджаровъ, и поспѣшить предложить выгодный миръ. Конечно не затруднится шахъ уступить Эриванскую область, но развѣ одна, собственно лицу его грозящая опасность понудитъ его уплатить издержки войны и нанесенныя вамъ въ доходахъ потери.

Съ нашей стороны не должно быть дѣлаемо никакихъ предложеній о мирѣ или перемирії, ибо окружающіе шаха обольщаютъ его мыслию, что должны быть обстоятельства насъ въ тому понуждающія, и таковымъ образомъ можетъ сіе истолковано быть легковѣрному народу, который легко обманывать возможно.

Молчаніе наше заставитъ шаха сдѣлать предложеніе, но предварительно надобно знать на сей предметъ точную волю его императорскаго величества.

Изложивъ мнѣніе мое на нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ о землѣ и народахъ основанное, долженъ я заключить тѣмъ, что дѣйствія отъ границъ нашихъ весьма отдаленныя, въ странѣ, представляющей чрезвычайно мало средствъ, должны быть обезпечены собственными способами, и что сложность таковой операціи требуетъ, паче при некомплектѣ корпуса, усиленія онаго одною нѣкотрою дивизією и нѣсколькими полками казаковъ. Генераль-отъ-инфантеріи Ермоловъ.

XXIV.

Дибичъ — Ермолову.

Милостивый государь, Алексѣй Петровичъ. Я читаль съ большимъ вниманіемъ предположенія вашего высокопревосходительства на счетъ будущей кампаніи; они требуютъ непременно личнаго и рѣшительнаго объясненія съ вами, ибо я опасаюсь, что не довольно ясно вамъ объяснили волю государя, вести сію войну быстро и рѣшительно, или не совершенно понялъ объясненія ваши о готовности и возможности исполненія. Время короткое, и рѣшимость и скорость могутъ единственно основать успѣхъ. Я прошу ваше высокопревосходительство покорно, принять меня въ 12-ть часовъ для объясненія о столь важномъ предметѣ. Съ истиннымъ почтеніемъ, и проч. Дибичъ.

XXV.

Дибичъ — императору Николаю.

Имѣю счастье представить при семъ на высочайшее усмотрѣніе вашего императорскаго величества особья двѣ записки о состояніи

войскъ, въ каковомъ я нашелъ ихъ здѣсь въ Тифлисѣ, равно какъ гошпиталя и другихъ заведеній. Генераль-адъютантъ Дибичъ.

Марта 10 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

До сего времени я не успѣлъ еще, по занятіямъ другими предметами, донести вашему императорскому величеству о состояніи войскъ и прочихъ заведеній, кои видѣлъ я въ Тифлисѣ. Здѣсь нашелъ я такое распоряженіе, что разводъ дѣлается черезъ день, и я всякой день на ономъ бываю. Такимъ образомъ видѣлъ я до сего времени, кромѣ своднаго гвардейскаго полка (о коемъ довлѣдь мой представляю вашему величеству особо), слѣдующія войска: баталіонъ херсонскаго гренадерскаго полка, баталіонъ 7-го карабинернаго, двѣ роты 41-го, двѣ роты 44-го егерскихъ, и находящуюся здѣсь роту 8-го піонернаго баталіона.

Вообще нашелъ я въ сихъ полкахъ видъ людей хорошъ, въ особенности 7-го карабинернаго и 44-го егерскаго полковъ. Въ послѣднемъ люди очень молоды; въ херсонскомъ полку люди довольно старые и менѣе здоровы; но унтеръ-офицеры сего полка имѣютъ преимущество предъ прочими. Гр. штабъ- и оберъ-офицеры вообще своимъ приличнымъ наружнымъ видомъ и тѣмъ, что у развода замѣтить можно, превзошли мое ожиданіе; знаніе же по фронтовой части не могъ до сего времени замѣтить, ибо еще не дѣлалъ никакого ученья. Разводы дѣлаются, со времени прибытія генерала Паскевича, предписаннымъ порядкомъ: проходятъ скорымъ шагомъ и рядами. Одиночной выправки въ нижнихъ чинахъ весьма мало; лучше въ піонерахъ, потомъ въ 7-мъ карабинерномъ, херсонскомъ гренадерскомъ, 41-мъ и 44-мъ егерскихъ полкахъ. Одежда новая, чистая, но счита безъ всякаго щегольства; аммуниція прочная, но дурно пригната, равно какъ и кивера; егерскіе же полки не имѣли съ собою киверовъ, ибо по причинѣ зноя въ лѣтнее время и опасенія простуды, при сильныхъ вѣтрахъ и безпрестанной перемѣнѣ въ климатѣ зимою, также и по невозможности возить кивера на подводахъ, существуетъ здѣсь съ давнихъ временъ положеніе, чтобы при дальнихъ переходахъ оставлять кивера въ штабъ-квартирахъ. О семъ, равномерно какъ о необходимыхъ по здѣшнему климату соображеніяхъ въ одеждѣ лѣтняго и зимняго времени, я неумедлю представить вашему императорскому величеству по изготовленіи образцовъ лейбъ-гвардіи въ сводномъ полку, ибо удостовѣрясь въ необходимости имѣть въ здѣшнихъ войскахъ другія правила на сей счетъ, полагаю, что таковыя должны быть опредѣлены закономъ, а не произволомъ здѣшняго начальства.

Осмотрѣвъ здѣшній гошпиталь, нашелъ я строеніе обширное, хотя еще не совершенно оконченное; во внутреннемъ же порядкѣ требуются большія исправленія какъ по медицинской, такъ и по комиссаріатской части, въ чемъ принимаются нужныя мѣры. Большое число больныхъ, доходящее до 850 человекъ, когда гошпиталь положенъ только на 600, служить нѣкоторымъ, но недостаточнымъ извиненіемъ тому, что вообще не наблюдается тотъ порядокъ, каковой мы привыкли видѣть въ російскихъ гошпиталяхъ, особенно же въ чистотѣ бѣлья и вещей и въ содержаніи палатъ.

Въ городской тюрьмѣ, гдѣ содержатся и военные арестанты, нашелъ я также недостаточную чистоту; но долженъ хвалить здоровый воздухъ и свободное размѣщеніе арестантовъ.

Здѣшній городъ представляетъ странную смѣсь весьма красивыхъ европейскихъ строеній и основаній великолѣпныхъ зданій, съ самыми развалинами бѣднѣйшихъ хижинъ; нѣкоторыя площади правильны и улицы широки, но окружаются такими тѣсными переулками, гдѣ почти проѣхать нельзя и гдѣ нечистота превышаетъ даже мѣстечки Вѣлоруссія. Всѣ новыя хорошія зданія построены во время управленія генерала Ермолова военнорабочими. Сія работы и построеніе полковыхъ штабовъ можно полагать изъ главнѣйшихъ причинъ совершеннаго упущенія фронтовой части; они имѣли, какъ я уже прежде доносилъ вашему императорскому величеству, также вліяніе на безпорядки въ одеждѣ и аммуниціи дѣйствующихъ войскъ прошедшей кампаніи, ибо команды наряжались безъ должнаго порядка, сообразно составу войскъ, и посылались въ старой аммуниціи и въ ветхихъ мундирахъ, которые, равно какъ и бѣлье, на работахъ во время жаровъ износили и, не возвращаясь въ свои штабъ-квартиры, выступили прямо въ походъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Если, по благополучномъ окончаніи войны, будутъ продолжаться подобныя работы, какъ сіе кажется необходимо, то нужно бы завести тотъ самый порядокъ, который существуетъ въ полкахъ инженернаго вѣдомства. Генераль-адъютантъ Дибичъ.

Марта 8 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

XXVI.

Ермоловъ — Дибичу.

Командира кавказскаго отдѣльнаго корпуса въ Тифлисъ, 10-го марта 1827 года, № 13. Начальнику главнаго штаба его императорскаго величества, господину генераль-адъютанту и кавалеру барону Дибичу.

Объяснившись съ вашимъ высокопревосходительствомъ о сообщенныхъ мною предположеніяхъ насчетъ дѣйствій противъ персіянъ, я, согласно съ прежнимъ по сему предмету разсужденіемъ, отнюдь не отвергаю возможности идти на Тавризъ прежде знойнаго времени, но почиталъ полезнымъ, занявъ немедленно Нахичевань, остановиться въ Эриванской области, дабы медленно движущіея позади транспорты могли достаточно подвести провіанта и для подвижнаго магазина, за войсками слѣдующаго, и для составленія запаса, ибо случится можетъ, что непріятель, избѣгая сраженія, заставитъ дѣлать движенія, дабы его къ тому принудить. Но какъ ваше высокопревосходительство къ прежнимъ подтвержденіямъ о возможномъ ускореніи окончанія войны изволили присоединить и то, что необходимо кончить оную, буде возможно, зимою 1827 года или, всеконечно, не позже весны 1828 года, я не могу не видѣть, сколько потребны всѣ необыкновенныя усилія, и надѣюсь, что къ половинѣ іюня съ мѣсячною и болѣе пропорціею провіанта войска будутъ за Араксомъ.

По занятіи Тавриза, ваше высокопревосходительство почитаете нужнымъ не оставить оный, и сіе легко исполнить.

Не перемѣняя операціонной линіи и не оставляя Азербейджана, изволите полагать продолжать дѣйствія отъ Тавриза. На сіе объясню, что по причинѣ совершеннаго недостатка подножнаго корма и воды, на пути отъ рѣки Кизиль-Озена до Зенгана представляются величайшія затрудненія, но всѣ употреблены будутъ усилія, дабы преодолѣть оныя.

Въ заключеніе остается мнѣ увѣрить ваше высокопревосходительство, что я весьма разумно выгоды скорого окончанія войны, и что на то всѣ обращены будутъ средства, которыя, знаю, что представятся мнѣ могутъ. Генераль-отъ-артиллеріи Ермоловъ.

XXVII.

Дибичь — графу Толстому.

Милостивый государь, графъ Петръ Александровичъ. Съ послѣднимъ вчерашняго числа фельдъегеремъ отправилъ я къ государю императору подробное донесеніе о томъ, что здѣсь происходило и мною сдѣлано послѣ рапорта моего отъ 5-го числа сего мѣсяца. Со вчерашняго же дня по нынѣшній ничего заслуживающаго большого вниманія не случилось, почему и не почитаю нужнымъ утруждать его императорское величество особымъ о семъ донесеніемъ. Погода нѣсколько перемѣнилась, свѣжій вѣтеръ и небольшіе, весьма продолжительные холодные дожди замѣнили теплое и сухое время, предъ симъ

продолжавшееся; трава начинаетъ показываться, однако не подаетъ надежды къ появленію подножнаго корма прежде означеннаго мною въ предыдущемъ донесеніи срока, т.-е. не ранѣ половины апрѣля; совсѣмъ тѣмъ можно полагать навѣрное, что къ тому времени оный уже будетъ въ такомъ количествѣ, что дозволитъ приступить къ предположеннымъ начальнымъ дѣйствіямъ. Изъ Персіи никакія свѣдѣнія здѣсь не получены; извѣстія же о хищническихъ набѣгахъ непріятеля незначительными партіями на Нижнемъ-Аравсѣ, продолжаются. Для прекращенія сихъ покушеній его соберется въ 5-му числу апрѣля отрядъ въ Карабагъ, куда, для командованія онымъ, отправится на сихъ дняхъ генераль-лейтенантъ князь Мадатовъ. По гражданской части тоже ничего особеннаго, уваженія достойнаго, до меня вновь не доходило.

Прошу покорибѣе ваше сіятельство довести о всемъ вышесказанномъ до высочайшаго его императорскаго величества свѣдѣнія, съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Иванъ Дибичъ.

Марта 12 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

XXVIII.

Дибичъ — императору Николаю.

Всемилоствѣйшій государь. Вчерашняго числа имѣлъ я счастье получить высочайшій рескриптъ отъ 27-го февраля. Примите, всемилоствѣйшій государь, искреннѣйшую благодарность мою за содержаніе онаго и за милостивое вниманіе къ представленію о генералѣ Эмануэлѣ; я увѣренъ, что монаршее благоволеніе усугубитъ еще усердіе его.

Сердечно желаю, чтобы ваше императорское величество изъ моихъ донесеній отсюда изволили усмотрѣть точное положеніе здѣшнихъ дѣлъ; я до сего времени не нахожу ничего таковаго, что-бы могло переимѣнить мнѣніе мое, которое старался основывать на безпристрастномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ. Какое бы ни было рѣшеніе вашего императорскаго величества, но ласкаю себя надеждою, что прибытіе мое сюда могло быть полезно для хода будущей кампаніи, и что по крайней мѣрѣ имѣло ту существенную пользу, что явныя осужденія того или другого начальника, которые начали-было себѣ позволять, сдѣлались гораздо скромнѣе и я почту долгомъ употребить все стараніе предупредить впредь подобное. Хотя я надѣюсь, что движеніе къ Тавризѣ исполнится еще лѣтомъ, но весьма и съ моей стороны согласенъ, что предполагаемое вашимъ величествомъ занятіе, укрѣпленіе и удержаніе Зинзигиса можетъ имѣть важнѣй-

шую пользу. Ваше величество изволили видѣть изъ предположеній генерала Ермолова подобное его предположеніе, и я оно равно какъ движеніе со стороны Ардебиля, дабы приближаться къ Каспійскому морю, нахожу весьма заслуживающимъ вниманія, не могу только согласиться на большой интервалъ въ дѣйствіяхъ. Если персіяне послѣ взятія Тавриза не заключатъ миръ, то занятіе и укрѣпленіе Зивзигиса можетъ дѣлаться тѣмъ еще выгоднѣе, когда, вмѣстѣ съ онымъ, съ вѣроятіемъ можно считать на покореніе, хотя временное, Гилянскаго ханства; но даже и безъ сей надежды можно будетъ употребить на сіе съ пользою часть бригады генераль-майора Граббе, когда у головы нашихъ главныхъ силъ совершенно обезпечится Ширванъ и Дагестанъ. Отвѣтъ графа Аракчеева удивилъ меня, ибо я полагалъ, что онъ принесетъ по крайней мѣрѣ чистосердечное признаніе вашему величеству, если самолюбіе ему не позволитъ быть откровеннымъ со мною.

Генераль Паскевичъ и флигель-адъютантъ Адлербергъ приносятъ вашему величеству глубочайшую благодарность за милостивое воспоминаніе.

Въ послѣднемъ нашель я истиннаго помощника, совершенно мнѣ по сердцу и радуюсь, что сей случай насъ короче познакомить.

Съ вѣрнопоподаннѣйшею преданностію имѣю и проч. Иванъ Дибичъ.

Марта 16 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

XXIX.

Дибичъ — императору Николаю.

Послѣ послѣдняго донесенія моего вашему императорскому величеству здѣсь важнаго ничего не происходило. Продолжаящееся холодное время и бывшіе даже легкіе морозы покрыли вновь горы Безобдала и Башабарана снѣгомъ; о подножномъ кормѣ нивакого нѣтъ еще признака. Въ Ширванѣ таковой достаточно уже показывается и въ послѣднихъ донесеніяхъ изъ Карабага упоминается также, что и тамъ начинаетъ являться трава.

Посему уже и дано повелѣніе войскамъ, составляющимъ отрядъ генераль-лейтенанта князя Мадатова, собраться къ 5-му числу апрѣля въ Ахуглану; самъ князь Мадатовъ отправился вчерашняго числа въ Карабагъ.

Равномѣрно надѣмся, что возможно будетъ собрать главный авангардъ подъ командою генераль-адъютанта графа Бенкендорфа къ началу апрѣля въ Джелаль-Оглу (Лоры), дабы быстрымъ, по возможности, нечаяннымъ наступленіемъ спасти армянскія селенія около Эри-

вани и Эчмиадзина отъ разоренія; вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ онъ стараться достать провіантъ карскаго паши. Вообще надѣюсь, что въ провіантѣ недостатка не будетъ, но въ фуражѣ одна надежда на подножный кормъ.

Вслѣдствіе сего считаю, что собравъ теперь главныя силы прежде половины апрѣля мѣсяца къ Шулаверамъ, гдѣ я полагаю сдѣлать имъ смотръ, можно будетъ прибыть въ Эривани въ концѣ апрѣля мѣсяца и къ Нахичевани въ половинѣ мая.

Если тогда князь Мадатовъ при соединеніи съ авангардомъ обезпечитъ доставку провіанта изъ Ахуглана и Гируси въ такомъ количествѣ, чтобы вмѣстѣ съ привезеннымъ отъ Эривани, и найденнымъ въ землѣ, имѣть мѣсячное продовольствіе, то, по мнѣнію моему, ничто не помѣшаетъ наступать къ Тавризу, ибо транспортъ изъ-подъ Эривани будетъ продолжаться, равномерно какъ и доставка запасовъ въ Нахичевань, и сверхъ того можно будетъ надѣяться на такую же доставку изъ Ахуглана, когда привезется хлѣбъ изъ Баку.

Изъ полученныхъ отъ генераль-майора Граббе донесеній видно, что открывається надежда доставить часть хлѣба и фуража вверхъ по Курѣ—отъ Сальяна до Сардобъ; это самое можетъ имѣть выгодное вліяніе на успѣшное продовольствіе войскъ.

Большіе снѣга въ кавказскихъ горахъ замедлили также прибытіе генераль-интенданта Жуковскаго, но я теперь ожидаю его ежечасно и надѣюсь, что присутствіе его также принесетъ ощутительную пользу.

Генераль Ермоловъ не далъ мнѣ еще до сего времени никакого объясненія на записки мои по гражданской части, но я понынѣ не могу переимѣнить прежняго мнѣнія, что упущенія есть довольно значительныя, но что доносы о злодѣйствахъ и преступленіяхъ, основанныя только на слухахъ, ничѣмъ не доказанныя, и весьма часто даже по совершенному недостатку причинъ къ злодѣйскому поступку невѣроятныя, никакой вѣры не заслуживаютъ.

Начальникъ корпуснаго штаба генераль-майоръ Вельяминовъ вступилъ въ исправленіе должности. Онъ человѣкъ съ познаніями и здравыми военными мыслями, но кажется, по весьма холодному характеру и систематическому образу сужденій, болѣе склоненъ къ вѣрнымъ, нежели къ блистательнымъ дѣйствіямъ. Сіе качество было бы полезнѣйшимъ при главномъ начальникѣ весьма предпримчивомъ; въ нынѣшнемъ же положеніи дѣлъ оно можетъ быть менѣе выгодно. Введенный на него поступокъ, причинившій будто смерть казачьяго офицера, здѣсь ничѣмъ не подтверждается; я о семъ снесусь съ атаманомъ донскимъ, ибо полагаю, что въ случаѣ выдумки должно подвергнуть выдумщиковъ строжайшему взысканію, особливо въ краю,

гдѣ, по несчастію, нахожу величайшую склонность къ выдумкамъ, уквиризнамъ и клеветамъ самымъ злодѣйскимъ.

Флигель-адъютантъ баронъ Фредериксъ возвратился изъ Баку и представилъ слѣдственное дѣло; по разсмотрѣніи онаго, я буду имѣть счастье представить объ ономъ вашему императорскому величеству.

Насчетъ здѣшнихъ дѣлъ все имъ мнѣ сказанное подтверждаетъ совершенно прежнее мое мнѣніе. Генераль-адъютантъ Дибичъ.

Марта 16 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

XXX.

Дибичъ — императору Николаю.

Всемилютивѣйшій государь! Холодная погода и выпавшій во всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ снѣгъ отняли, по несчастію, вновь надежду на скорое появленіе подножнаго корма.

Не менѣе того будемъ стараться не отлагать наступленіе авангарда генераль-адъютанта Бенкендорфа долѣе первыхъ чиселъ апрѣля, и по возможности начать главное движеніе войскъ по прежнему предположенію.

Извѣстія изъ Персіи весьма различны, но самое время года не позволяетъ еще непріятелю дѣлать какіе-либо значительные сборы войскъ.

Сборъ отряда генераль-лейтенанта князя Мадатова обезпечить лѣвый флангъ со стороны Карабага, и полноводіе въ Курѣ и Араксѣ, по всей вѣроятности, помѣшаетъ всякому немного значительному движенію непріятеля ближе къ устьямъ сихъ рѣкъ, гдѣ, впрочемъ, генераль-майоръ Граббе прикрываетъ Дагестанъ цѣлою бригадою. Не менѣе того я въ полной мѣрѣ чувствую необходимость дѣйствовать отсюда съ первою возможностью; но безъ подножнаго корма ни въ какое время года нельзя считать на необходимый подвозъ подвижныхъ магазиновъ; это самое, по моему мнѣнію, чрезвычайно затруднитъ здѣсь военныя дѣйствія, начиная отъ половины декабря до конца апрѣля; ибо горные хребты, пересѣкающіе дороги по разнымъ направленіямъ, покрыты снѣгомъ, тогда какъ въ долинѣ трава осенняя и весенняя въ изобиліи. Я сіе считаю даже затрудненіемъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ, нежели лѣтніе жары, которые можно хотя нѣсколько избѣжать малыми и ночными переходами, а недостатокъ въ кормѣ зимою, особливо для подвозовъ, ничѣмъ замѣнить невозможно.

Извѣстіе о прокламаціи Аббасъ-Мирзы къ народамъ Дагестана и

береговъ Сунжи не будетъ имѣть никакого дѣйствія, когда мы двинемся къ Араксу; впрочемъ содержаніе оныхъ подлежитъ еще большому сомнѣнію.

Съ нѣкотораго времени начинаютъ армяне изъ Эривана подсылать своихъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы мы не наступали на Эривань, но преимущественно заняли бы Нахичевань, подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ персіяне будутъ ихъ угонять. Генераль Ермоловъ и армянскій епископъ полагаютъ, что подобныя извѣстія даются принужденно по внушенію эриванскаго сардаря, который мѣстѣ съ симъ старается симъ способомъ узнать навѣрно о намѣреніяхъ нашихъ; посему и даются армянамъ обѣщанія, изъ коихъ не можно узнать о точныхъ предположеніяхъ нашихъ.

Всѣ извѣстія о войскахъ, въ Эриванѣ и Сардарабадѣ находящихся, не показываютъ большихъ мѣръ къ сопротивленію, ибо оныхъ полагаютъ въ первомъ мѣстѣ до 3,000 человекъ самаго дурного состава, а въ другомъ только 500, кромѣ армянъ; но увѣряютъ, что собрано чрезвычайно много припасовъ. Движеніе генераль-адъютанта Бенкендорфа дастъ намъ о семъ вѣрнѣйшее понятіе, ибо я здѣсь, по несчастію, привыкъ видѣть, что со всѣхъ сторонъ стараются представлять вещи, какъ всякому лучше разсудится.

Я узналъ, что здѣсь на нѣкоторыхъ офицерскихъ обѣдахъ были званы Оржицкій, Пущинъ и Коновницынъ ¹⁾. Первый уже отправленъ въ полкъ, и мною дано насчетъ его полковнику Раевскому должное наставленіе. Послѣдніе два находятся, по просьбѣ подполковника Евреинова, въ 8-мъ піонерномъ баталіонѣ, гдѣ служба ихъ точно можетъ быть полезна; однако я г-ну подполковнику Евреинову со всею строгостію замѣтилъ, что сія польза нисколько не должна выводить ихъ изъ состоянія, въ которомъ они единственно милостію вашего величества поставлены для того, чтобы кровью могли заслужить монаршее снисхожденіе. Я равномѣрно не счелъ приличнымъ назначить поручика Депрерадовича адъютантомъ къ генераль-адъютанту Бенкендорфу, ибо полагаю, что таковое назначеніе могло бы вести къ подобнымъ же представленіямъ.

Объ участвовавшихъ въ означенныхъ обѣдахъ, кои, впрочемъ по собраннымъ по сіе время свѣдѣніямъ, не имѣли ни малѣйшей непозволительной цѣли, я узнаю подробнѣе и донесу вашему императорскому величеству.

Въ разговорѣ съ генераломъ Ермоловымъ о семъ предметѣ и по

¹⁾ Всѣ трое замѣшанные въ дѣло 14-го декабря и сосланные на Кавказъ.

совершенному согласію на принятія мѣры, коснулась рѣчь до разныхъ толковъ о подобныхъ предметахъ. Онъ, какъ я увѣренъ, съ полною откровенностью жаловался на несчастіе свое, что нѣкоторыя ошибки молодыхъ его лѣтъ, никогда противъ правительства, но противъ начальниковъ, кои ему казались несправедливыми, а болѣе всего, какъ онъ полагаетъ, врожденное ему снисходительное обращеніе, особливо съ молодыми людьми, въ конхъ онъ замѣчаетъ особенное дарованіе, вели къ оскорбительному заключенію, что онъ можетъ быть причастенъ подобнымъ мыслямъ; что ему кажется, что званіе и лѣта его должны бы защитить его отъ подозрѣній такого рода, и что насчетъ своего обхожденія съ подчиненными, если оно и даетъ поводъ къ нѣкоторымъ упрекамъ, справедливымъ въ строгомъ смыслѣ службы, онъ считаетъ себѣ оправданіемъ то, что ни одинъ изъ его обрѣжающихъ въ этомъ отдаленномъ краю, и даже ни одинъ изъ его корпуса не былъ замѣпанъ въ гнусныхъ замыслахъ, ибо Якубовичъ, бывъ уговоренъ Волконскимъ, въ то же время удалился изъ корпуса; а Кюхельбекера онъ же самъ, по весьма короткомъ здѣсь пребываніи, выслалъ, отрекомендовавъ его князю Волконскому, какъ вольнодумца и весьма порочнаго молодого человѣка. Я не осмѣливаюсь затруднять ваше императорское величество содержаніемъ всего нашего разговора, но долженъ сознаться, что въ ономъ (какъ и прежде и во все время моего здѣсь пребыванія) я могъ удостовѣриться болѣе, что обвиненіе генерала Ермолова въ семъ отношеніи есть совершенно неосновательное и имѣло причину наиболѣе время служенія его въ гвардіи начальникомъ главнаго штаба въ продолженіе прошедшей войны, но вашему величеству извѣстно, что тогда много было подобныхъ виновныхъ.

По болѣзненному состоянію генераль-майора Вельяминова, которое ему не позволяетъ съ полною дѣятельностью заниматься должностью своею, я совѣтывалъ генералу Ермолову назначить ему въ помощники полковника Муравьева, командира 7-го карабинернаго полка, служившаго прежде въ свитѣ по квартирмейстерской части и отличавшагося усердною службою, скромностію и познаніями. Если выборъ сей, какъ до сего времени мнѣ кажется, оправдается, то я представлю о семъ на высочайшее утвержденіе, ибо здоровье генераль-майора Вельяминова слабо, но лишиться его вовсе было бы жаль, такъ какъ онъ человѣкъ съ отличными познаніями и имѣетъ весьма хорошую репутацію насчетъ хладнокровія и распорядительности въ сраженіи.

При семъ имѣю счастье приложить для свѣдѣнія вашего величества извѣстія о Персіи, доставленныя квартирмейстерской части штабс-

капитаномъ Ссаломомъ, который былъ посланъ въ Джелаль-Оглу для осмотра дорогъ. Съ вѣрноподданническою преданностью имѣю счастье пребыть всемилоостивѣйшій государь вашего императорскаго величества и проч. Иванъ Дибичъ.

Марта 19 дня, 1827 года.
Тифлисъ.

XXXI.

Дибичъ — императору Николаю.

Погода сдѣлалась нѣсколько дней сразу теплѣе и трава показывается; но дождей нѣтъ и сіе даетъ опасеніе насчетъ недостатка въ травяномъ продовольствіи. Впрочемъ нѣсколько теплыхъ дней поправятъ все.

Авангардъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, назначенный для предварительнаго занятія Эчмиадзина, монастыря и окрестностей Эривани, дабы тѣмъ по возможности спасти армянскія селенія отъ урона жителей, соберется къ 30 марта въ Шулаверы и можетъ прибыть къ Эривани около 10-го апрѣля. Горы Безобдалъ и Башабаранъ еще покрыты снѣгомъ, и посему отрядъ сей составитя болѣе изъ пѣхоты, а именно: изъ двухъ баталіоновъ грузинскаго гренадерскаго полка, изъ одного баталіона 7-го карабинернаго (другой дѣйствующій баталіонъ только завтра возвращается изъ Карабага, и ему необходимъ хотя короткій отдыхъ), изъ двухъ баталіоновъ ширванскаго полка, изъ одного баталіона тифлисскаго полка (другой баталіонъ въ резервѣ сему же отряду въ крѣпости Джелаль-Оглу); изъ 12-ти орудій гренадерской артиллерійской бригады легкой роты № 3-го, и изъ двухъ полковъ казачьихъ: Карпова и Андреева. Резервная кавалерія не назначается, ибо по недостатку въ сухожъ фуражѣ и невозможности подвоза чрезъ снѣжныя горы, она бы скоро могла придти въ изнуреніе.

Я осмотрю сіи войска (исключая тифлисскаго баталіона и артиллеріи, кои находятся уже въ Джелаль-Оглу) при Шулаверахъ, или 30-го марта при вступленіи, или 1-го апрѣля при выступленіи. Равножѣрно завтра осмотрю возвращающійся изъ Карабага баталіонъ 7-го карабинернаго полка.

21-го сего мѣсяца смотрѣлъ я разводное ученіе херсонскаго гренадерскаго полка. По малому знанію своего дѣла офицеровъ и линейныхъ унтеръ-офицеровъ во всѣхъ почти построеніяхъ, приказалъ я чаще учить въ вадрахъ, но нижнихъ чиновъ велѣлъ освободить, ибо они для войскъ, возвратившихся изъ кампаніи и никогда почти не бывшихъ въ сборѣ, исполняютъ дѣло свое изрядно и видно большое усердіе.

Насчетъ обѣда, о которомъ я доносилъ вашему императорскому величеству и на которомъ находились изъ разжалованныхъ, по происшествію 14-го декабря, одинъ только Оржицкій и выписанный изъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Шереметевъ, по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ на ономъ совершенно ничего дурного не происходило. Кромѣ ихъ были на семь обѣдъ: лейбъ-гвардіи московскаго полка офицеры: Веригинъ и Бутурлинъ, корнетъ князь Суворовъ, адъютантъ генерала Паскевича Фелькерзамъ, адъютантъ генерала Давыдова Ломоносовъ и числящійся по арміи полковникъ Брунъ. Обѣдъ сей былъ въ трактирѣ, и Оржицкій въ особенности никакъ не званъ не былъ. Я приказалъ всѣмъ онымъ офицерамъ замѣтить неприличіе обѣдать съ разжалованнымъ рядовымъ, но еще болѣе адъютанту моему Бухгольцу, который хотя и не былъ на семь обѣдъ, но имѣлъ непростительное легкомысліе принять Оржицкаго въ свою квартиру. Затѣмъ Оржицкій, не подавшій однако никакого повода къ попреканію начальства, отправленъ, какъ я уже предъ симъ доносилъ, въ свой полкъ, и полковнику Раевскому дано мною наставленіе вообще объ образѣ обхожденія со всѣми подобными, коихъ во вѣренномъ ему полку достаточное число.

Впрочемъ, я долженъ во всѣхъ отношеніяхъ хвалить приличное поведеніе всѣхъ гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ, гдѣ только случалось мнѣ ихъ видѣть. Генераль-адъютантъ Дявичъ.

Тифлисъ.

Марта 23 дня 1827 года.

XXXII.

Большой некомплектъ арміи и внутренней стражи требуетъ непременно съ наступленіемъ будущаго года рекрутскаго набора, не менѣе какъ по два человека съ 500 душъ, а если вашему императорскому величеству угодно будетъ имѣть корпуса, дѣйствующіе въ полномъ комплектѣ, то можетъ быть потребуетса даже и по три человека съ 500 душъ.

Кавказскій отдѣльный корпусъ, состоя нынѣ изъ трехъ дивизій пѣхоты, гренадерской бригады и пяти кавалерійскихъ полковъ, и имѣя, особенно въ 20-й дивизіи, уже нынѣ значительный некомплектъ, вѣроятно еще потеряетъ значительное число людей не столько въ сраженіяхъ, какъ отъ болѣзней знойнаго времени въ климатѣ, особенно нездоровомъ и гдѣ во время военныхъ дѣйствій невозможно будетъ пользоваться всѣми средствами, въ обыкновенное время употребляемыми.

Если сей некомплектъ пополнить новымъ рекрутскимъ наборомъ, и сей наборъ сдѣлается по обыкновенному, 1-го января, то рекруты

ни въ какомъ случаѣ не могутъ прибыть на линію прежде апрѣля 1828 года, на линіи должны быть немного обучены въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, и потомъ могутъ придти къ своимъ полкамъ не прежде августа или сентября того же 1828 года, и послѣ маршей въ самое знойное время; между тѣмъ какъ въ осеннюю кампанію баталіоны 20-й дивизіи едва-ли будутъ въ состояніи выводить по 400 человекъ, а къ веснѣ, конечно, и сіе число уменьшится одною третью.

Столь слабое состояніе войскъ при вѣщшемъ удаленіи отъ границъ нашихъ (если бы послѣ взятія Тавриза персіане не заключили миръ), совершенно бы лишило возможности сдѣлать быструю зимнюю кампанію, отъ которой между тѣмъ зависитъ окончаніе или неокончаніе войны.

Сіе укомплектованіе войскъ нужно даже и въ томъ случаѣ, если бы заключенъ былъ миръ, для исполненія воли вѣшаго императорскаго величества, дабы рѣшительнымъ и систематическимъ дѣйствіемъ противъ горскихъ народовъ восточной части кавказскихъ горъ совершенно покорить сію часть.

Сіи причины, по мнѣнію моему, поставляютъ въ необходимость, чтобы укомплектованіе, нужное для кавказскаго корпуса, прибыло еще во время осени. Для исполненія сего я вижу только два способа:

Первой. Сдѣлать наборъ еще лѣтомъ, и безъ промедленія въ тѣхъ губерніяхъ, кои назначаются для кавказскаго корпуса, именно же я полагаю бы въ Астраханской губерніи, Кавказской области, въ Землѣ Войска Донскаго, въ губерніяхъ Таврической, Екатеринославской, Воронежской, Саратовской, Тамбовской и Пензенской, которыя, если взять по два рекрута съ 500 душъ, дадутъ 10-ть тысячъ человекъ, а если по три съ 500, то дадутъ 15-ть тысячъ человекъ. Набранныхъ рекрутъ отправить обыкновенными партіями въ резервные баталіоны 20-й и 22-й пѣхотныхъ дивизій, гдѣ необходимо нѣсколько ихъ обучить; потомъ отправить часть чрезъ Грузію, а часть чрезъ Дагестанъ къ дѣйствующимъ войскамъ. Но таковая мѣра снабдитъ корпусъ сей не только малообученными рекрутами, но такими людьми (какъ сіе доказано долговременными опытами), кои, по непривычкѣ въ военнымъ трудамъ, къ носкѣ аммуниціи и проч., подвергаются болѣзнямъ и смертности втрое болѣе, чѣмъ старые солдаты. Сверхъ того мѣра стараго набора въ нѣкоторыхъ только губерніяхъ была бы новая, никогда еще въ употребленіи небывалая.

Итакъ, мнѣ кажется остается другой, вѣрнѣйшій и надежнѣйшій способъ, въ особенности когда не предвидится война противъ турокъ до будущей весны, а именно: войска, въ Персіи дѣйствующія, т.-е.

дѣйствующіе баталіоны 20-й и 21-й пѣхотныхъ дивизій, три полка 22-й дивизіи и три гренадерской бригады укомплектовать еще осенью старыми солдатами, такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ баталіонѣ было 1,000 человекъ (улань могутъ укомплектоваться изъ своихъ резервовъ, драгуны и артиллерія изъ пѣхоты). На сіе полагають бы я достаточнымъ въ кругломъ счетѣ опредѣлить по 500 человекъ въ каждый полкъ, ибо хотя въ полки 20-й дивизіи потребуется до 1,000, но за то нѣкоторые баталіоны 21-й и 22-й дивизій будутъ почти въ 1,000-мъ комплектѣ, ибо имѣють нынѣ по 1,100 и по 1,200; слѣдовательно достаточно будетъ 9,000 человекъ нижнихъ чиновъ.

Еслибы на сіе опредѣлить по двѣ комплектныя среднія роты полковъ 3-го пѣхотнаго корпуса, или изъ 7-й, 8-й и 19-й пѣхотныхъ дивизій, какъ ближайшихъ къ Грузіи, то собравъ таковыя къ началу іюля, въ оруженности Екатеринослава и Харькова, они могли бы въ первыхъ числахъ августа выступить оттуда и въ продолженіе хотя поздней осени прибыть къ дѣйствующимъ войскамъ, которыя тогда укомплектовались бы людьми старыми, привычными къ службѣ и трудамъ.

Въ полкахъ 1-й и 2-й арміи должны бы они замѣниться рекрутами набора 1-го января, кои если поступать изъ первыхъ набранныхъ въ новороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, въ хорошо обученные кадры ротыне, сформированныя изъ одной трети всѣхъ мушкетерскихъ и егерскихъ ротъ, будутъ къ веснѣ непременно готовы во всякому движенію.

Если сія мѣра удостоится высочайшаго утвержденія, то будетъ она тѣмъ полезнѣе, чѣмъ скорѣе приведется въ исполненіе.

Резервные же баталіоны здѣшнихъ войскъ и три полка 22-й пѣхотной дивизіи могутъ быть укомплектованы рекрутами, ибо они зимою, по бездѣйствію горцевъ, не имѣють надобности въ большомъ комплектѣ. На сіе потребно будетъ примѣрно отъ 5-ти до 6-ти тысячъ рекрутъ. Генераль-адъютантъ Дибичъ.

Марта 26 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

XXXIII.

Дибичъ — императору Николаю.

Всемилоствѣннѣйшій государь! Вчерашняго числа имѣлъ я счастье получить, чрезъ посланнаго фельдъегеря Петрова, высочайшій рескриптъ отъ 12-го марта, въ коемъ ваше императорское величество повелѣтъ мнѣ соизволили: если обстоятельства, послѣ донесенія отъ 28-го февраля мною обнаруженныя, не пережвнели положенія здѣш-

нихъ дѣлъ, то приступить немедленно и не ожидая другого приказанія къ исполненію высочайшей воли, удаливъ генерала Ермолова отъ командованія отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и сопряженнаго съ онымъ главнаго начальства надъ краемъ, находящимся на военномъ положеніи, и назначивъ на мѣсто его генераль-адъютанта Паскевича. Не замѣтивъ со времени отправления помянутаго донесенія моего ничего такого, что могло бы мнѣ дать мнѣніе противное тому, которое я имѣлъ счастье тогда представить вашему величеству, и не находя, чтобы въ послѣдовавшихъ рапортахъ моихъ были изложены какія-либо обстоятельства или мысли, могущія побудить ваше величество къ отмѣненію высочайшаго рѣшенія вашего, я почелъ долгомъ выполнить оное безъ задержанія. Посему объявилъ я вчерашняго же числа генералу Ермолову словесно, а сегодня въ отношеніи, съ коего списокъ приложенъ ко всеподданнѣйшему рапорту, при семъ представляемому ¹⁾, что ваше величество всемилостивѣйше соизволяете на увольненіе его въ Россію, и что генераль-адъютантъ Паскевичъ назначается на его мѣсто.

Онъ принялъ высочайшее рѣшеніе вашего величества съ величайшею покорностію и безъ малѣйшаго ропота или изъявленія неудовольствія.

При семъ считаю обязанностію повторить увѣренность мою, уже прежде изъясненную, что по всему, что я узнать и видѣть могъ, нельзя винить генерала Ермолова въ вредныхъ замыслахъ или умысленныхъ, противузаконныхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ; но я сохраняю убѣжденіе мое, что извѣстныя вашему величеству значительныя ошибки и упущенія его произошли отъ нерѣшимости, недостатка предприимчивости и принятаго имъ особеннаго образа управленія дѣлами, каковыя качества конечно не могутъ обнадеживать въ блистательныхъ и быстрыхъ, ниже въ вѣрныхъ успѣхахъ въ войнѣ.

Генераль-адъютантъ Паскевичъ вступилъ въ управленіе сего же числа. Онъ изъявляетъ искреннюю глубочайшую благодарность за всемилостивѣйшую довѣренность, ему оказанную, и ревностное желаніе сдѣлаться оной достойнымъ усерднымъ стремленіемъ къ достиженію предназначенной вашимъ величествомъ цѣли скорѣйшаго и выгоднѣйшаго окончанія войны.

Съ согласія генераль-адъютанта Паскевича, съ которымъ я имѣлъ только краткое еще сужденіе, я призналъ полезнымъ:

1) Препоручить временно исправленіе должности начальника корпуснаго штаба генераль-лейтенанту Красовскому, котораго и вы-

¹⁾ Копій съ этого списка мы не имѣемъ.

требовать сюда немедленно изъ Аліябата, куда онъ на сихъ дняхъ обратно поѣхалъ; полковника же Муравьева оставить при немъ помощникомъ, а когда сей послѣдній современемъ болѣе пріобікнетъ къ дѣламъ, сему званію присвоеннымъ, тогда можно будетъ, назначивъ его настоящимъ начальникомъ штаба, возвратить генераль-лейтенанту Красовскому командованіе дивизіи; однако сіе полагаю возможнымъ сдѣлать только послѣ войны, или по крайней мѣрѣ не прежде окончанія хотя весенней кампаніи.

2) Командованіе 20-й дивизіи, на время откомандированія генераль-лейтенанта Красовскаго, оставить старшему по немъ генераль-майору Панкратьеву.

3) Управление гражданскою частью сохранить генераль-лейтенанту Вельяминову на прежнемъ основаніи до прибытія генераль-адъютанта Сипягина, о назначеніи коего я здѣсь не объявлю до воспослѣдованія высочайшаго о томъ указа; по вступленіи же сего послѣдняго въ должность генераль-губернатора, я полагаю, что генераль-лейтенанта Вельяминава надобно будетъ уволить въ Россію, точно также какъ генерала Ермолова, и съ полнымъ сохраненіемъ содержанія, ибо ничѣмъ еще не доказано, чтобы доносы и жалобы, его обвиняющіе, были основательны.

Сіи распоряженія безъ отлагательства приведутся въ исполненіе.

Сверхъ того полагаю: поручить начальство надъ 21-й дивизіей генераль-лейтенанту князю Эрнстову, ибо генераль-лейтенантъ Вельяминовъ теперъ уже долженъ будетъ оставаться здѣсь для управленія гражданскою частью; а генераль-майора Вельяминава, теперешнаго начальника штаба, который по нынѣшнимъ обстоятельствамъ сію должность сохранить не можетъ, назначить командиромъ резервной гренадерской бригады.

Вмѣсто генераль-лейтенанта князя Мадатова, въ коемъ генераль-адъютантъ Паскевичъ довѣренности не имѣетъ, онъ полагаетъ возможнымъ ввѣрить отрядъ лѣваго фланга войска донскаго генераль-майору Иловайскому; однако онъ на сіе не совершенно еще рѣшился.

Управленіе же Карабагомъ онъ желаетъ поручить командиру 44-го егерскаго полка полковнику князю Абхазову, отличному офицеру, который, бывъ адъютантомъ у генерала-отъ-инфантеріи Котляревскаго, и будучи уроженецъ грузинской, столько же знакомъ съ образомъ управленія тѣмъ краемъ, сколько знаетъ нравы, обычаи и языкъ жителей онаго.

О сихъ послѣднихъ перемѣнахъ въ назначеніи частныхъ начальниковъ, которыя еще въ исполненіе не приводятся, я доношу вашему императорскому величеству только предварительно; рѣшитель-

ное же о нихъ представленіе я сдѣлаю не прежде какъ въ то время, когда генераль-адъютантъ Паскевичъ (коего вниманіе на первыхъ дняхъ развлечено обращеніемъ вдругъ на столь различные предметы), выскнувъ болѣе въ положеніе дѣль, обдумаетъ и возьметъ болѣе твердое основательное намѣреніе, и когда я оное найду сходнымъ съ моими убѣжденіями о пользѣ, которую отъ того ожидать можно.

По совѣщаніи съ нимъ о всѣхъ предметахъ, до новыхъ его обязанностей относящихся, и по достаточномъ удостовѣреніи о ходѣ, который дѣла примутъ, я буду имѣть счастье донести вашему величеству о времени, когда мнѣ можно будетъ предпринять обратный путь. Съ вѣрноподданническою преданностію имѣю и проч. Иванъ Дибичъ.

Тифлисъ.

Марта 29 дня, 1827 года.

XXXIV.

Всемилоствѣйшій государь! Изъ записки, приложенной къ послѣднему письму моему, ваше императорское величество усмотрѣть изволили, что дорога отъ Шулаверъ въ Джелаль-Оглу и далѣе сдѣлалась чрезвычайно затруднительною отъ продолжительно-выпавшихъ снѣговъ. Извѣстія о таковомъ дурномъ состояніи сей дороги, подтверждаемая ежедневно, заставили нѣкоторымъ образомъ опасаться, что авангардъ генераль-адъютанта Бенкендорфа не будетъ въ возможности начать движеніе въ предназначенное время; однако, несмотря на сіе опасеніе, войска, составляющія оной отрядъ, собрались 30-го числа марта въ Шулаверахъ, куда и генераль-адъютантъ Бенкендорфъ отправился того же дня. Вчерашняго числа онъ донесъ, что хотя переходъ чрезъ Азабіюхъ дѣйствительно представляетъ затрудненіе, онъ однако, взявъ всевозможныя мѣры къ преодолѣнію онаго, не сомнѣвается въ успѣхѣ, и не останавливаясь, двинется впередъ по прежнему предположенію. Вслѣдствіе сего можно ожидать, что авангардъ выступитъ изъ Джелаль-Оглу 5-го числа текущаго мѣсяца.

Предположенную мною поѣздку въ Шулаверы для осмотра авангарда я былъ вынужденъ отложить до прибытія онаго въ Джелаль-Оглу по причинѣ, что нѣкоторые баталіоны, бывъ командированы впередъ для поправленія и расчищенія дорогъ, я не могъ бы видѣть тамъ весь отрядъ въ сборѣ. Завтра я отправлюсь въ Джелаль-Оглу, гдѣ послѣ сказаннаго смотра, проводивъ войска чрезъ Безобдалъ, я буду въ состояніи судить о затрудненіяхъ, которыя переходъ черезъ гору сію представитъ нашимъ главнымъ силамъ, и личнымъ обозрѣніемъ удостовѣрюсь въ средствахъ продовольствія для подвижныхъ магазиновъ. Не скрою отъ вашего величества, что статья сія столь

важна для войны, особенно въ здѣшнемъ краѣ, не совершенную еще даетъ увѣренность въ ея благонадежности. Поздняя противъ обыкновенія весна и непрерывно въ послѣднее время выпадавшіе на высокихъ мѣстахъ снѣга остановили появленіе подножнаго корма, и трава какъ около Тифлиса, такъ и въ Лорійской степи чрезвычайно скудна. Ваше величество сами разсудить изволите, сколько сіе можетъ имѣть вліянія на военныя дѣйствія, ибо подвозъ подвижныхъ магазиновъ, будучи учрежденъ на волахъ, можетъ производиться съ успѣхностью только тогда, когда на пути будетъ достаточное травяное продовольствіе. Совсѣмъ тѣмъ я не теряю еще надежды, чтобы движеніе главныхъ силъ не могло быть начато по предначертанію. Въ Карабагѣ трава уже показывается въ довольномъ количествѣ.

Генералъ-лейтенантъ Красовскій, вытребованный изъ Аліябата, прибылъ сюда третьяго дня и назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ весьма имъ доволенъ и желаетъ, чтобы онъ былъ утвержденъ въ семъ званіи. Зная способности генералъ-лейтенанта Красовскаго, я совершенно одобряю желаніе генерала Паскевича, и потому осмѣливаюсь просить ваше величество о высочайшемъ утвержденіи его настоящимъ начальникомъ штаба здѣшняго корпуса, причемъ однако полковникъ Муравьевъ долженъ остаться его помощникомъ.

По предположенію, представленному въ послѣднемъ письмѣ моемъ, надлежало, за откомандированіемъ генералъ-лейтенанта Красовскаго, командовать 20-ю дивизією генералъ-майору Панкратьеву, но какъ онъ со ввѣренною ему бригадою находится въ отрядѣ лѣваго фланга, то остающіяся при главныхъ силахъ двѣ бригады поручаются генералъ-лейтенанту князю Эристову до прибытія главныхъ силъ къ Нахичевани, откуда уже генералъ-майоръ Панкратьевъ, присоединивъ къ онымъ свою бригаду, отправится подъ Эриванъ и приметъ начальство надъ дивизією, а князь Эристовъ по прежнему вступить въ командованіе резервною бригадою.

Генералъ-лейтенантъ Иловайскій, отказавшись самъ отъ предводительства отряда лѣваго фланга, сохраняетъ команду надъ одними казаками; на мѣсто же генералъ-лейтенанта князя Мадатова генералъ-адъютантъ Паскевичъ рѣшительно положилъ назначить первоначально генералъ-майора Панкратьева, придавъ ему въ начальники штаба полковника князя Абхазова, который вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и правителемъ Карабага. Генералъ Паскевичъ полную имѣетъ довѣренность въ способностяхъ сего офицера по обоимъ симъ отношеніямъ и надѣется, что съ помощію его генералъ-майоръ Панкратьевъ успѣшно выполнитъ предстоящія ему обязанности. По отдѣленіи сего

послѣдняго къ Нахичевани, генераль Паскевичъ полагаетъ уже оставить князя Абхазова командиромъ лѣваго фланга.

Разсуждая съ генераломъ Паскевичемъ о будущей осадѣ Эривани и о необходимости имѣть для веденія оной опытнаго по сей части офицера, я предложилъ ему генераль-адъютанта графа Мишо, и онъ на назначеніе его изъявилъ совершенное согласіе. Я считаю выборъ сей полезнымъ столько же потому, что графъ Мишо, съ познаніями искуснаго инженера и свѣдѣніями по военной части, соединяетъ большую опытность въ образѣ осадъ восточныхъ укрѣпленій, сколько по дружеской связи, существующей между имъ и генераломъ Паскевичемъ. Не благоудно ли будетъ вашему величеству, если здоровье графа Мишо того позволяетъ, приказать ему отправиться сюда безъ замедленія.

Сардаръ эриванской, обладаетъ большими сокровищами и богатствомъ, и потому нельзя надѣяться склонить его посредствомъ денегъ къ сдачѣ крѣпости; но можетъ быть онъ польстится на обѣщаніе оставить его и подъ правительствомъ російскимъ въ званіи сардаря, съ сохраненіемъ всѣхъ, или большей части его доходовъ. Въ подобномъ оставленіи его правителемъ Эривани (разумѣется безъ всякой военной власти), а съ моей стороны не вижу неудобства, ибо онъ старецъ 80-тилѣтній и не имѣетъ сыновей. Если ваше величество изволите полагать сіе удобоисполнительнымъ, то нужно будетъ немедленно уполномочить генерала Паскевича на заключеніе съ сардаремъ таковаго договора, на случай, когда-бъ сей послѣдній вступилъ въ переговоры и согласился бы на такихъ условіяхъ уступить имъ ввѣренную ему крѣпость.

Генераль Паскевичъ, долженствуя въ скоромъ времени отсюда удалиться для военныхъ дѣйствій, которыя дадутъ ему немаловажное занятіе, имѣетъ непремѣнную надобность въ дѣятельномъ, твердомъ помощникѣ по гражданской части; генераль-лейтенантъ Вельяминовъ, по предшедшимъ обстоятельствамъ, не пользуется полной довѣренностью генерала Паскевича. Посему, считая присутствіе генераль-губернатора необходимымъ, я осмѣливаюсь всепокорнѣе просить ваше величество сколь возможно ускорить назначеніе генераль-адъютанта Сипягина, повелѣвъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ прибыть сюда безъ отлагательства.

Въ предъидущемъ донесеніи моемъ я предварилъ ваше величество, что по совѣщаніи съ генераломъ Паскевичемъ и по достаточномъ удостовѣреніи о ходѣ, который дѣла здѣсь примутъ, я донесу вашему величеству о времени моего обратнаго отсюда отправленія. Въ столь короткое время невозможно мнѣ было основать положительнаго мнѣ-

нія о ходѣ дѣлъ, и потому нахожу нужнымъ промедлить еще нѣскольکو моимъ отъѣздомъ, коего время можетъ опредѣлиться одними только обстоятельствами. Если осмотръ авангарда и взглядъ на край, изъ котораго операціи начнутся, дадутъ мнѣ довольно твердую увѣренность въ направленіи кампаніи и въ положеніи всѣхъ частей устройства арміи, чтобъ представить о всемъ томъ вашему величеству точное донесеніе, то мнѣ можно будетъ отправиться тотчасъ послѣ предполагаемаго въ Шулаверахъ, около 16-го апрѣля, осмотра главныхъ силъ; если же сего поверхностнаго обзорѣнія не будетъ достаточно для моего удостовѣренія въ тѣхъ предметахъ, тогда я полагаю остаться здѣсь и слѣдовать съ главными силами до Эривани. Генералъ Паскевичъ самъ изъявилъ мнѣ желаніе, чтобъ я пробылъ здѣсь еще нѣкоторое время, и ожидаетъ оттого пользы въ успѣшномъ ходѣ дѣйствій. Коль же скоро армія двинется къ Нахичевани, что, я полагаю, исполнится въ первыхъ числахъ мая, я немедленно и безъ малѣйшаго замедленія предприиму обратный путь. Однако и въ первомъ случаѣ раннее мое отбытіе можетъ быть затруднено переходомъ чрезъ горы, который часто не прежде дѣлается удобнымъ и безопаснымъ, какъ въ половинѣ или въ концѣ мая. Если такое препятствіе отправленію моему помѣшаетъ, я равномерно буду слѣдовать съ войскомъ, но отнюдь не далѣе Эривани.

Со дня объявленія высочайшей воли вашего императорскаго величества объ увольненіи въ Россію генерала Ермолова, и назначеніи на мѣсто его генералъ-адъютанта Паскевича, ничего замѣчательнаго здѣсь не происходило и все сохранило прежнюю тишину и порядокъ. Большая часть дворянъ, и особенно армянское купечество, кажется сею переměною довольны; на войска же, сколько я замѣтить могъ, она не сдѣлала никакого ощутительнаго впечатлѣнія, и я увѣренъ, по всему мною видѣнному, что войска здѣшнія въ такомъ устройствѣ относительно вѣрноподданнической ихъ преданности престолу, что никакая подобная переměна не можетъ имѣть вліянія на ихъ покорство и усердіе къ службѣ вашего величества. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ доноситъ, что при объявленіи о переměнѣ главнаго начальства вѣренный ему отрядъ не изъявилъ ни малѣйшаго признака неудовольствія, но показалъ только совершенную покорность и ревность къ исполненію воинскихъ обязанностей своихъ.

Я обязанъ отдать генералу Ермолову справедливость, что онъ, скромнымъ и тихимъ поведеніемъ своимъ въ теперешнемъ положеніи, совершенно выполняетъ обѣщаніе свое жить мирнымъ гражданиномъ, совершенно покоряющимся священной волѣ вашего величества. Я имѣлъ съ нимъ разговоръ о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, и

въ сужденіяхъ и мнѣніяхъ своихъ онъ оказывалъ истинное желаніе успѣха и блага.

Прилагаемый у сего послѣдній приказъ, имъ по корпусу отданный ¹⁾, по несходству его съ выраженіями, въ коихъ объявилъ я ему высочайшее вашего величества рѣшеніе, вынудилъ меня имѣть съ нимъ объясненіе. Замѣчаніе мое, что таковое несходство можетъ подать поводъ къ заключенію для него невыгодному, его оскорбило и онъ отвѣчалъ мнѣ, что нимало не думая поступить тѣмъ противъ воли царской, онъ желалъ только отвратить отъ мыслей войскъ, бывшихъ подъ его начальствомъ, мнѣніе, что какая-либо непріятность могла его заставить просить удаленія отъ службы и отъ поприща, гдѣ имъ предстоятъ опасности и труды. Не могу рѣшительно завѣрить, чтобы такова была дѣйствительно мысль его, но вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣю и права думать, соображая скромность его поведенія, чтобы онъ имѣлъ другіе виды въ семъ отклоненіи отъ смысла словъ, въ коихъ ему было объявлено его смѣщеніе, по мнѣнію моему, самымъ деликатнымъ образомъ.

При семъ имѣю счастье представить два списка съ предписаній, данныхъ генераль-адъютанту Бенкендорфу, насчетъ дѣйствій ввѣреннаго ему отряда.

Отъѣздъ мой въ Джелаль-Оглу и пребываніе мое тамъ вѣроятно не позволятъ мнѣ отправлять донесенія по будущей экстра-почтѣ.

Съ вѣрноподданническою преданностію имѣю и проч. Иванъ Дибичъ.

Апрѣля 2 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

XXXV.

Копія съ предписанія, даннаго отъ господина генерала-отъ-инфантеріи Ермолова господину генераль-адъютанту Бенкендорфу, отъ 27-го марта 1827 года, № 87-й.

Поручая вашему превосходительству начальство надъ особымъ отрядомъ, состоящимъ изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 12-ти легкихъ орудій и 2-хъ полковъ казачьихъ, предлагаю вступить въ командованіе онымъ и дѣйствовать въ силу особеннаго секретнаго моего повелѣнія, которое вслѣдъ за симъ получите.

Въ составъ сего отряда входятъ слѣдующія войска:

Два баталіона грузискаго гренадерскаго полка, коими командуетъ флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фридеривсъ.

¹⁾ Приказа этого въ нашихъ бумагахъ не оказалось.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, 1872 г. т. VI, сентябрь.

Два баталіона ширванскаго пѣхотнаго полка, подъ командою полковника Ковалева.

Одинъ баталіонъ 7-го карабинернаго полка, подъ командою майора Хомутскаго.

Симъ войскамъ предписано прибыть 30-го марта къ деревнѣ Шулаверамъ, гдѣ расположатся по распоряженію вашего превосходительства лагеремъ, и имѣя 31 растахъ, продолжаютъ 1-го апрѣля движеніе къ Джелаль-Оглу. Въ семь послѣднемъ мѣстѣ соединяются они 3-го апрѣля съ однимъ баталіономъ тифлискаго пѣхотнаго полка, подъ командою командира онаго, князя Севаршидзева, съ легкою ротою № 3 кавказской гренадерской артиллерійской бригады, подъ командою подполковника Аристова, и съ казачьими полками: полковника Карпова 2-го и подполковника Андреева 1-го.

Во время растаха 4-го апрѣля, войска должны пополнить изъ лорійскаго магазина десятидневный провіантъ непременно; а 5-го апрѣля продолжаютъ движеніе по распоряженію вашего превосходительства, сходно съ секретнымъ моимъ наставленіемъ.

Для исправленія должности начальника штаба при вѣренномъ вамъ отрядѣ назначается свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части полковникъ Гурко. О прочихъ офицерахъ квартирмейстерской части и другихъ, въ штабъ отряда вашего поступающихъ, сдѣлайте нужное сношеніе съ начальникомъ корпуснаго штаба.

Съ подлиннымъ вѣрно: Полковникъ Муравьевъ 1-й.

XXXVI.

Копія съ секретнаго предписанія, даннаго господиномъ генераломъ-отъ-инфантеріи Ермоловымъ господину генераль-адъютанту Бенкендорфу, отъ 27-го марта 1827 года, № 88.

Продолжавшаяся до сего времени сухая погода и совершенный недостатокъ подножнаго корма принуждаютъ еще на нѣкоторое время отложить движеніе главныхъ силъ нашихъ къ сторонѣ Эривани. Сіе промедленіе могло бы служить непріятелю какъ къ усиленію гарнизоновъ и оборонительныхъ средствъ въ крѣпостяхъ Эривани и Сардарабада, такъ и къ уничтоженію остатковъ запасовъ въ окрестностяхъ сихъ крѣпостей и даже къ самому угону жителей, дабы тѣмъ затруднять дѣйствія наши.

Дабы, сколько возможно, воспрещать сему, равно для предварительнаго пріуготовленія главнаго для насъ этапнаго пункта въ армянскомъ монастырѣ Эчмиадзинѣ, предполагено отправить туда предва-

рительно сильный отрядъ, составленный наиболѣе изъ пѣхоты, по причинѣ затрудненій, кои могутъ встрѣтиться при переходѣ черезъ горы Безобдалъ и Башабаранъ, и по совершенному недостатку въ травѣ.

Сей отрядъ ввѣряется начальству вашего превосходительства. Составъ онаго, время и мѣста сбора, извѣстны вамъ изъ предписанія моего, за № 87.

По извѣстнымъ усердію и благоразумію вашего превосходительства, я навѣрно ожидаю преодоленія затрудненій и достиженія вышеупомянутой главной цѣли всѣми тѣми мѣрами, которыми обстоятельства, самая природа, положеніе и дѣйствіе непріятели могутъ сдѣлать нужными. Для руководства же вашего предлагаю слѣдующее:

1) Грузинскому гренадерскому и ширванскому пѣхотному полкамъ въ Шулаверахъ пополнить издержанный ими въ пути провіантъ, и потомъ по сборѣ въ Джелаль-Оглу, пополнивъ на растахъ 10-ти-дневный запасъ провіанта и взявъ сухаго фуража, сколько имѣющіеся у васъ способны позволить, перейдя Безобдалъ, и по направленію прямой дороги отъ Амамли чрезъ Башабаранъ къ Эривани, наступать быстро къ Эчміадзину и овладѣть онымъ.

2) По занятіи Эчміадзина, мѣстныхъ обстоятельства, коихъ здѣсь предвидѣть нельзя, должны рѣшить направленіе ваше на Эриванъ, или на Сардарабадъ, оставляя въ Эчміадзинѣ достаточный гарнизонъ, примѣрно одинъ баталіонъ пѣхоты и 4 орудія.

3) Если по свѣдѣніямъ, которыя получите въ Эчміадзинѣ, должно опасаться угона жителей изъ окрестностей Эривани, а предвидится возможность помѣшать ему, или если ожидается подкрѣпленіе гарнизона эриванскаго войсками или припасами и можно надѣяться встрѣтить таковыя, то въ томъ и другомъ случаѣ наступать къ Эривани для исполненія того или другаго предмета.

4) Послѣ сего употребивъ необходимое время на успокоеніе, по необходимости, жителей и стараясь собрать сколько можно болѣе провіанта, фуража и способовъ къ перевозкѣ въ Эчміадзинъ, придти быстро и сколь возможно нечаянно къ Сардарабаду, и сдѣлать сильную рекогносцировку сей крѣпости, но отнюдь не сдѣлать настоящаго на оную нападенія, если по обстоятельствамъ нельзя быть совершенно увѣрену въ вѣрности успѣха.

5) Когда не предвидится вѣрнаго успѣха противъ Сардарабада даже нѣскольکو-дневнымъ обложеніемъ и дѣйствіемъ артиллеріи, то не приступая къ таковому, тотчасъ послѣ рекогносцировки воротиться въ окрестности Эривани и движеніемъ отряда наиболѣе между рѣками Абарономъ, Гарникаемъ и Араксомъ, не удаляясь болѣе двухъ маршей отъ Эчміадзина, исполнить главную цѣль отряда: спасеніе жителей

и селеній окружности Эривани, и сборъ всевозможнаго количества провіанта, фуража и способовъ перевозки въ Эчміадзинъ.

6) Если бы удалось взять Сардарабадъ, то по занятіи онаго достаточнымъ гарнизономъ, на что потребуется менѣ баталіона, поступать по сказанному въ 5-мъ пунктѣ.

7) Если съ первоначальнымъ прибытіемъ въ Эчміадзинъ не предвидится особенныхъ выгодъ отъ наступленія къ сторонѣ Эривани, то начать дѣйствіе со стороны Сардарабада и исполнить сходно съ сказаннымъ въ пунктахъ: 4, 5, и 6.

8) Командиру эчміадзинскаго гарнизона прикажете по возможности усилить оборонительныя средства сего монастыря и сдѣлать всевозможныя приуготовленія для предварительнаго устройства въ ономъ госпиталя на 500 человекъ и для склада запасовъ артиллерійскихъ и провіантскихъ. Сбираемый вами хлѣбъ постарайтесь перемолоть въ муку; почѣму и стараться возстановить всѣ мельницы, буде онѣ разорены непріателемъ. Фуража собрать по возможности болѣе, равно какъ арбы и другіе способы къ перевозкѣ.

Всѣ подобныя сборы сдѣлать реквизиціею, платя жителямъ за доставленные ими по 3 руб. серебромъ за четверть пшеницы; по 2 руб. 40 к. за четверть ячменя и по 15 к. за пудъ сѣна или самана; за арбу по 7 руб., за вола по 10 руб., а погонщикамъ назначить, кромѣ продовольствія, по 3 руб. сер. въ мѣсяцъ.

9) По всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, сардаръ эриванскій не намѣревается оставаться въ оной крѣпости и вѣроятно будетъ стараться безпозвоить ввѣренный вамъ отрядъ. Я увѣренъ, что вы разобьете, буде бы онъ осмѣлился вступить въ общее сраженіе. Противъ частныхъ же нападеній требуется осторожность всѣхъ начальниковъ, и быстротою движенія можно иногда наказать непріятеля.

10) Удаленіе значительныхъ силъ персіянъ не позволяетъ думать, чтобы Аббасъ-Мирза могъ подкрѣпить сардаря эриванскаго прежде прибытія главныхъ силъ нашихъ. Но если бы сіе сдѣлано было частью, то я увѣренъ, что ввѣренный вамъ отрядъ довольно силенъ, дабы въ окружности Эчміадзина вступить въ рѣшительное сраженіе.

11) Выше объяснены причины, по коимъ нельзя было придать къ ввѣренному вамъ отряду кавалеріи. Но если вы найдете сверхъ чаянія достаточные способы къ продовольствію оной, то ожидаю о томъ вашего донесенія, дабы ускорить приближеніе таковой.

12) По имѣющимся свѣдѣніямъ, карапахи, составленные изъ выбѣжавшихъ изъ Грузіи, готовы просить прощенія. Если сіе окажется справедливымъ, то уполномочиваю васъ входить о томъ въ сношеніе и удостовѣрить ихъ всемилостивѣйшимъ государя императора

прощениемъ всего прежде бывшаго, обѣщать имъ неприкосновенность ихъ собственности, прежнихъ ихъ правъ и принять ихъ по прежнему въ вѣрнопопданство Россіи. Карапалахи, имѣя многихъ значительныхъ старшинъ, повинуются Наги-хану, который можетъ обратить ихъ въ пользу нашу. Переговоры съ нимъ надобно вести такъ осторожно, чтобы сардаръ того не замѣтилъ, и предварительно развѣдать, какіе отъ народа сего у сардаря есть аманаты; ибо по сему можно будетъ знать, до какой степени можно будетъ вѣрить обѣщаніямъ Наги-хана или оныя будутъ обманчивы.

13) Извѣстныя правила и усердіе вашего превосходительства увѣряютъ меня, что строжайшая дисциплина въ войскахъ сохранить жителей въ полномъ спокойствіи и оградить ихъ отъ всякой малѣйшей обиды, и что примѣрное наказаніе достигнетъ всякаго, каковаго бы званія ни былъ, который бы осмѣлился преступить приказанія, вами на сей счетъ отдаваемыхъ.

14) Прежнее сношеніе съ пашею карскимъ, о коемъ извѣстенъ подробнѣе полковникъ князь Севаршидзе, даетъ надежду, что изъ онаго пашалыга по прибытіи главныхъ силъ къ Эривани, а можетъ быть и до онаго, можно достать покупкою провіантъ и фуражъ. Я поручаю вашему превосходительству входить о семъ съ нимъ въ предварительное сношеніе. Равномѣрно постарайтесь удостовѣриться о возможности достать изъ Карса же лѣсъ для построенія мостовъ на Араксѣ, и возможно ли будетъ ставить таковыя внизъ до окружности Нахичевани?

15) Сколько бы ни желательно было подкрѣпить отрядъ вашего превосходительства подвозомъ провіанта, но чрезвычайно позднее, по здѣшнему климату, открытіе весны и невозможность движенія воловыхъ транспортовъ не подаетъ мнѣ къ сему основательной надежды, и я нахожусь въ необходимости предоставить вашему превосходительству, послѣ полученія въ Джелаль-Оглу 10-ти-дневнаго провіанта, распорядиться въ дальнѣйшемъ продовольствіи войскъ вѣреннаго вамъ отряда по обстоятельствамъ и усмотрѣнію вашему мѣстными способами, сколько таковыхъ найти можно, замѣною частію хлѣба мясомъ и крайнею бережливостью. Легко быть можетъ, что ни въ Эчміадзинѣ, ни въ ближайшихъ селеніяхъ нельзя будетъ достать на порцію скота, и потому надобно будетъ взять онаго изъ Джелаль-Оглу; полковнику князю Севаршидзеву предписывается купить онаго у жителей по Лорійской степи.

16) О движеніяхъ вашихъ, о положеніи отряда непріятеля и земли и всѣхъ свѣдѣніяхъ, вами получаемыхъ, доносите прямо ко мнѣ какъ можно чаще: до Джелаль-Оглу съ нарочными, а оттуда по летучей

почтѣ; въ важныхъ же случаяхъ съ нарочными прямо ко мнѣ. Равноумно имѣете доносить обо всемъ ономъ и генераль-адъютанту Паскевичу.

17) Для соображенія вашего и единственнаго вашего свѣдѣнія предвѣряю васъ при томъ, что главныя силы соберутся между 15-го и 20-го апрѣля въ окружности Шулаверъ, и что взявъ съ оными прямое направленіе къ Эривани, я надѣюсь прибыть туда въ послѣднихъ числахъ апрѣля. До того времени остается въ Джелаль-Оглу баталіонъ пѣхотнаго тифлискаго полка.

Съ подлиннымъ вѣрно: Полковникъ Муравьевъ.

XXXVII.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ рапортомъ отъ 13-го числа текущаго мѣсяца доносить, что по причинѣ ненастной погоды и дурного состоянія дорогъ, онъ не могъ поспѣть въ одинъ переходъ отъ Судагента къ Эчмиадзину. Переночевавъ съ 12-го на 13-е число въ 17-ти верстахъ отъ сего монастыря, онъ пришелъ къ оному 13-го же числа въ часъ пополудни, и тотчасъ имъ овладѣлъ безъ всякаго сопротивленія. Бывшіе тамъ до 400 человекъ сарбазовъ выступили къ Эривани за день до его прибытія, увезя съ собою пять старшихъ монаховъ и всѣ съѣстные припасы, за исключеніемъ только нѣкотораго количества вина. Въ Эчмиадзинѣ онъ не нашелъ никого, кромѣ 22-хъ монаховъ. Съ 12-го числа утра, онъ былъ наблюдаемъ, во время марша, съ противоположнаго берега рѣки Аборона сильнымъ отрядомъ конницы, коимъ предводительствовалъ Измаиль-Ага, одинъ изъ старѣйшинъ куртинцовъ. Хассанъ-ханъ съ многочисленною кавалеріею теперь окружаетъ его въ Эчмиадзинѣ, и занимается вывозомъ изъ окрестныхъ селеній всѣхъ съѣстныхъ припасовъ и жителей, коихъ уже два дня предъ тѣмъ началъ отправлять за Араксъ. Послѣ необходимаго двухъ-дневнаго отдыха, устроивъ въ монастырѣ госпиталь, присоединивъ къ себѣ оставленныя въ Судагентѣ отрядъ и обозы, и собравъ надлежащія свѣдѣнія объ укрѣпленіяхъ и силѣ гарнизоновъ эриванскихъ и сардарабадскихъ, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ намѣревается дѣйствовать по обстоятельствамъ противъ той или другой изъ сихъ крѣпостей. Генераль-адъютантъ Дибичъ.

Апрѣля 18 дня, 1827 года.

Тифлисъ.

XXXVIII.

Всемилоствѣйшій государь (отправлено 21-го числа съ княземъ Меликовымъ)! Имѣю счастье донести вашему императорскому вели-

честву, что состояніе дѣлъ, которое казалось угрожало весьма невыгодными послѣдствіями, взяло счастливый оборотъ.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ выступилъ 16-го числа въ 1-мъ часу пополудни изъ Эчмиадзина къ Сардарабату, встрѣтилъ въ 10-ти верстахъ отъ сей крѣпости куртинцевъ въ числѣ 1,000 всадниковъ. Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ съ передовымъ отрядомъ своимъ, состоящимъ изъ 500 казаковъ, полковъ Карпова 2-го и Андреева, двухъ ротъ тифлисскаго полка и одного орудія, тотчасъ атаковалъ непріятеля, а казаки, горя желаніемъ заслужить неудачу, понесенную въ послѣднемъ дѣлѣ при деревнѣ Айгланлу, съ невѣроятнымъ мужествомъ бросились на нихъ, въ одно мгновеніе опрокинули и погнали 7 верстъ. Одинъ изъ предводителей непріятеля, Измаиль-ханъ, одинъ изъ довѣренныхъ военачальниковъ эриванскаго сардаря, взятъ въ плѣнъ, а племянникъ главнаго начальника куртинцовъ, Гуссейма-Аги, убитъ. По словамъ Измаиль-хана, потеря непріятеля простирается до 80-ти человекъ убитыхъ, коихъ тѣла въ первый разъ онъ не успѣлъ увлечь за собою по обыкновенію; съ нашей стороны убито 5-ть казаковъ, ранено 17-ть, и 30-ть лошадей убито и ранено.

Къ Сардарабату: 5 ротъ и 4 орудія.

Рекомендуетъ: полковника Карпова 2-го, графа Толстаго и адъютанта князя Меликова.

Князь Севаршидзе: находился 1-й баталіонъ ширванскаго, 2 роты тифлисскаго и казачій полкъ; рекомендуетъ: Андреева, Гурю и Коцебу.

Послѣ сего пораженія генераль-адъютантъ Бенкендорфъ остановилъ отрядъ свой въ 3-хъ верстахъ отъ Сардарабата.

XXXIX.

(Секретно). Хотя имѣю я секретное предписаніе вашего превосходительства доносить о происшествіяхъ, но не могу сего дѣлать, не будучи подверженъ открытію, а потому вложилъ я сію записку въ представленіе экспедиціи и самъ запечаталъ.

Послѣ побѣды, одержанной генераломъ Паскевичемъ надъ персіянами, должны бы казалось успокоиться и остановить себя всѣ, окружающіе Грузію народы: но напротивъ того лезгины, въ соединеніи съ другими горцами, сдѣлали нападеніе на Кахетію, и хотя они важнаго вреда не произвели, не менѣе того составляютъ народную диверсію въ пользу персіянъ. Дагестанъ также неспокоенъ.

Татарскія дистанціи, прилежащія къ Тифлисскому и Елисаветопольскому уѣздамъ, Борчалинская, Казахская и Шамшадильская не

благонадежны, и уже опыты доказали, что они вспомоществуютъ персіанамъ.

Въ казахской дистанціи на гемагнинскомъ посту перешедшая съ турецкой стороны партія убила двухъ казаковъ и увела двадцать три казачьихъ лошадей. Партія сія военная или воровская, еще неизвѣстно. Но извѣстно то, что до открытія войны съ персіанами подобныхъ происшествій не было со стороны Турціи.

Въ шамшадильскую дистанцію пробрались персіане въ недавнее время, тому прошло недѣли три, истребили двѣ армянскія деревни. и какъ слухъ носится, увлекли до двухъ сотъ душъ въ плѣнъ, а шестьдесятъ человекъ убили.

Послѣ того пробрались также въ борчалинскую дистанцію и истребили двѣ армянскія деревни. Происшествіе сіе послѣдовало верстахъ въ 80-ти или нѣсколько болѣе отъ Тифлиса.

Въ сей же дистанціи одна нѣмецкая колонія истреблена.

Итакъ, Грузія со всѣхъ сторонъ окружена непріятелями и должна со всѣхъ сторонъ ожидать непріятеля. Самые грузины были бы сомнительны, если бы успѣхи російской арміи были несчастливы.

Торговля пріостановилась въ ходѣ своемъ. Воздѣлываніе земли и посѣвы противу прежнихъ дѣтъ должны быть скуднѣе потому, что крестьяне заняты военными транспортами. Доходы казенные пришли въ великій упадокъ и не скоро могутъ быть восстановлены. Многіе отлучивши оброчныхъ статей отказываются отъ откуповъ, по причинѣ невозможности содержать оныя въ нынѣшнее время.

Подписаль: начальникъ экспедиціи, статскій совѣтникъ Василевскій.

Сообщ. П. И. Врѣнян.

Отъ редакціи. Приводимъ замѣтку историка Кавказа, И. Ѡ. Дубровина о напечатанныхъ выше документахъ.

«Донесенія Паскевича чрезвычайно интересны, но односторонни и несправедливы. Паскевичъ былъ посланъ на Кавказъ съ дѣлюю, такъ или иначе, обвинить Ермолова и занять его мѣсто. Онъ достигъ того, что остался главнокомандующимъ, но никто не станетъ упрекать Ермолова въ томъ, въ чемъ упрекалъ его Паскевичъ. Впослѣдствіи (какъ видно изъ матеріаловъ и приказовъ), Паскевичъ самъ отказался отъ своихъ убѣжденій и во многомъ слѣдовалъ Ермолову. Убѣжая съ Кавказа, онъ оставилъ войска тѣми же оборванцами, какими принялъ; осуждая Мадатова, онъ сдѣлалъ его своимъ близкимъ помощникомъ и даже вызвалъ потомъ, какъ извѣстно, въ Варшаву, гдѣ и оказывалъ полную довѣренность. Причина войны съ Персіею вовсе не та, какую изложили Паскевичу армяне Коргановы и друг. Самъ Коргановъ былъ первѣйшій плутъ и вмѣстѣ съ Угурлу-ханомъ личные враги Ермолова. Въ одномъ изъ своихъ донесеній, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ», Паскевичъ самъ говоритъ, что «персіанамъ нельзя вѣрять ни въ чѣмъ», а между тѣмъ все зданіе его нарѣканій на Ермолова построено на ихъ показаніяхъ. Чтобы указать невѣрности донесеній Паскевича на Ермолова, пришлось бы написать объемистую статью....»

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Повелѣнія императора Александра I.

I.

Объ обращеніи съ крестьянами.

1802.

(Проектъ циркулярнаго указа губернаторамъ).

Секретно.

Между обязанностями, на главнаго начальника учрежденіемъ для управленія губерній возложенными, 84-ю статьею онаго предписано ему, пресѣвая всякаго рода злоупотребленій, наипаче обуздывать тиранство и жестокости.

Разумъ сего предписанія столь самъ по себѣ очевиденъ, что не требуетъ никакого истолкованія. Въвѣряя главному начальнику губерніи управленіе градской и земской полиціи, законъ предвидѣлъ ясно и постановилъ, что предметомъ благочинія не можетъ быть одинъ внѣшній надзоръ и защищеніе жителей отъ явнаго воровства, грабительства и прочихъ злоупотребленій, но и огражденіе ихъ состоянія отъ внутреннихъ притѣсненій, часто болѣе вредныхъ, нежели самыя открытыя насилія.

Не взирая однако-жъ на ясность сего постановленія, къ удивленію моему, весьма рѣдко оно приводится въ исполненіе. Весьма рѣдко начальники губерній обращаютъ вниманіе на внутренній порядокъ управленія крестьянъ помѣщиками и не заботятся или не считаютъ въ обязанности своей имѣть по сей части надлежащій надзоръ, не предупреждаютъ беспорядковъ въ началѣ ихъ, но доносятъ мнѣ только о послѣдствіяхъ ихъ, часто сопровождаемыхъ неповиновеніемъ и буйствомъ.

Между тѣмъ ежедневно почти доходятъ ко мнѣ жалобы отъ крестьянъ на притѣсненія отъ помѣщиковъ и особенныя слѣдствія по жалобамъ симъ на самыхъ мѣстахъ произведенныя открываютъ, что

нѣкоторые изъ помѣщиковъ, забывъ страхъ Божій, собственную честь и обязанности человечества, съ крестьянами своими поступаютъ столь жестоко и безчеловѣчно, что не только исторгаютъ у нихъ насиліемъ малую ихъ собственность, отягощаютъ ихъ непомерными работами и налогами, но и позволяютъ себѣ разнаго рода дѣлать имъ истязанія и людей, врученныхъ имъ отъ Бога и самодержавной власти для взаимной связи, порядка и управленія, употребляютъ, подобно бесловеснымъ, муча ихъ непомерными наказаніями, держа въ тяжкихъ заклепахъ, истаявая голодомъ и въ утонченной свирѣпости вымышляя разныя на нихъ казни.

Жестокости таковыя конечно или бы не имѣли мѣста, или, по крайней мѣрѣ, рѣже случались, если бы начальники губерній не упустили совершенно изъ виду возложенной на нихъ закономъ обязанности обуздывать преступленія и пресѣкая злоупотребленія власти въ самомъ ихъ началѣ, не попускали бы имъ усиливаться до того, что крестьяне, не находя въ мѣстномъ начальствѣ защиты, принужденными себя находятъ прибѣгать съ жалобами ихъ къ верховному правительству, или уклоняться отъ повиновенія ихъ помѣщикамъ.

Сіи упущенія, только по существу своему и послѣдствіямъ ихъ важныя, заставляютъ меня, въ подтвержденіе силы учрежденія, предписать, чтобъ начальники губерній въ числѣ главнѣйшихъ обязанностей своихъ поставляли имѣть непримѣтныя и безгласныя, но точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о поведеніи помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, и какъ скоро узнаютъ гдѣ-либо чрезмѣрное власти злоупотребленіе въ отягощеніи работами и налогами силамъ несоизмеримыми, а особливо въ жестокости и неумѣренныхъ наказаніяхъ, то избравъ надежнѣйшихъ и благомыслящихъ чиновниковъ и произведя на мѣстѣ открытое слѣдствіе, доносили бы мнѣ о всемъ подробно и ожидали бы повелѣнія для назначенія мѣръ, какія найдутся по обстоятельствамъ приличными, къ превращенію насилія или къ наказанію жестокости. Если послѣ сего предписанія будутъ ко мнѣ по дѣламъ сего рода доходить жалобы, каждой разѣ выше я отъ начальствующихъ отвѣта, для чего они не усмотрѣли сего злоупотребленія, не изслѣдовали его и мнѣ не донесли.

Слѣдующія примѣчанія при семъ общемъ предписаніи нахожу я нужнымъ сдѣлать. Первое. Чтобъ не подвигнуть крестьянъ къ неповоривости или неправымъ притязаніямъ на помѣщиковъ, вы должны содержать сіе въ тайнѣ и свѣдѣнія ваши о поведеніи помѣщиковъ такъ располагать, чтобъ чувствовали они примѣчаніе правительства къ ихъ поступкамъ, но въ правильномъ употребленіи ихъ власти не находили бы ни малѣйшаго стѣсненія. Второе. Не попускать ни

подъ какимъ видомъ крестьянамъ выходить изъ повиновенія къ помѣщикамъ, и хотя бы приносили они мнѣ или мѣстному начальству жалобы, они должны до рѣшенія дѣла оставаться въ совершенной зависимости и поворности, отъ коей и малѣйшія отступленія вы должны въ самомъ началѣ предостерегать приличными средствами, а буйство укрощать силою закона, сколь бы впрочемъ ни благовидны казались причины, къ нему подвигнувшія. Строгое наблюденіе и послѣднее возстановленіе тишины и благоустройства въ сихъ случаяхъ, я считаю главнѣйшею вашею должностію и на особенный и точный отчетъ вашъ сіе возлагаю. Третье. Не по жалобамъ только до васъ на жестокости доходящимъ должны вы дѣлать надлежащія изысканія, но и по свѣдѣніямъ, какія вы о каждомъ управленіи имѣть можете. Но сколько свѣдѣнія сіи должны быть удалены отъ огласки, столько слѣдствія, по нимъ производимыя, должны быть открыты, безпристрастны и удостовѣрены на свидѣтельствѣ и мѣстномъ осмотрѣ лучшихъ и надежнѣйшихъ чиновниковъ; дабы помѣщики, симъ слѣдствіямъ подвергаемые, не могли считать себя устранными отъ оправданія и отъ покровительства закона, никого тайно не обвиняющаго, но на всѣхъ дѣйствующаго вѣявѣ. Пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Сообщ. Г. В. Шенковъ.

II.

Объ обращеніи съ солдатами.

1804.

Господину генераль-лейтенанту, брестской и украинской инспекціи по кавалеріи, инспектору Боуру.

Доходитъ до свѣдѣнія моего, что во многихъ полкахъ при обученіи солдатъ и рекрутъ эзерциціи наказываютъ ихъ съ такою строгостію, каковую употреблять должно въ случаѣ важныхъ только преступленій. Метода сія, бывъ столько же вредна для службы сколь противна здравому разсудку, введена конечно, или отъ непонятія въ чемъ состоятъ должна воинская строгость, или же отъ природной нѣкоторыхъ наклонности къ жестокостямъ. Первое непрослительно никакому офицеру, а послѣдняя, обнаруживая дурныя свойства души, уничтожаетъ въ немъ самое достоинство человѣка. Неоспоримо, что строгость въ войскѣ отнюдь ослабляема быть не должна и взысканіе за проступки дѣлать надлежитъ неупустительно; но съ преступленіями, подвергающими виновнаго строгому наказанію, нельзя смѣшивать погрѣшностей, происходящихъ по неумышленности или отъ непривычки еще къ тому, о чемъ погрѣшающій не имѣлъ прежде никакого понятія. Преступленія моральныя, какъ запрещаетъ

мнѣ всѣми законами: грабежь, воровство, обманъ и проч., такъ въ особенности нетерпимыя въ службѣ воинской: неповиновеніе командиру, оплошность, стоя на караулѣ, небреженіе ружья своего и амуниціи, отлучка безъ позволенія, трусость противъ непріятели и тому подобныя, требуютъ неотложнаго взысканія, сужденія по воинскимъ артикуламъ и неизбѣжнаго наказанія. Но ошибки въ ружейныхъ приемахъ, въ маршированіи, въ словахъ, когда рапортуетъ или является вѣстовымъ, особливо же въ новопринятомъ солдатѣ, требуютъ больше неусыпности офицера и способности его къ наученію, нежели строгости. Она въ семь случаевъ не только не вмѣстна, но вредна для службы и для самихъ успѣховъ въ доведеніи обучаемыхъ до надлежащаго познанія; ибо кромѣ того, что чрезъ частыя безразсудныя наказанія лишается солдатъ здоровья и крѣпости, толико нужныхъ ему для понесенія трудовъ военныхъ; несогласно съ разумомъ, чтобы онъ, выходя на ученье, имѣлъ въ намѣреніи своемъ ошибаться съ умысла, напротивъ того, ежеминутное ожиданіе падочныхъ ударовъ, а особливо въ челоуѣкѣ торопливомъ, разстроиваетъ вниманіе его, и при всемъ напряженіи силъ исполнить наилучшимъ образомъ командуемое, ошибается онъ на всякомъ шагу и при всякомъ словѣ.

Движимъ будучи чувствованіями состраданія къ сему толико заслуживающему о себѣ попеченія классу людей, и желая, чтобы какъ высшіе, такъ и другіе офицеры при обученіи солдатъ должностямъ ихъ и экзерциціи давали себѣ больше труда ко вразумленію ихъ въ томъ прилежнымъ и частымъ растолкованіемъ, и тѣмъ, а не побоями, гдѣ безъ нихъ обойтись можно, доводя ихъ до совершенной исправности, отличали сами себя успѣхами и приобрѣтеніемъ похвалы и достойной справедливости. Я рекомендую вамъ возмѣть объ ономъ рачительное попеченіе и сообщить съ сего копія господамъ шефамъ полковъ ввѣренныхъ вамъ инспекцій, на тотъ конецъ, чтобы они не предписаніями и не отдачею въ приказахъ, а внушеніями, при случаяхъ приличныхъ, эскадроннымъ командирамъ и собственнымъ своимъ надзоромъ старались дать желаемое на сей предметъ вліяніе. Впрочемъ, сіе мое повелѣніе сохранить имъ, какъ и вамъ въ одномъ только своемъ свѣдѣніи. Въ С.-Петербургѣ, іюля 12-го дня 1804 г. Александръ.

Сообщ. А. Н. Петровъ.

Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей
П. В. Карabanовичъ.

(окончаніе).

IX¹⁾.

Царствованіе императора Александра I.

1801—1825.

175.

Послу при французскомъ дворѣ, графу Арк. Ив. Моркову²⁾ предписано было сопротивляться намѣренію консула Наполеона овладѣть Пьемонтомъ. При семъ случаѣ консулъ сказалъ: „Удивляюсь, что вѣнскій дворъ вмѣшивается въ пьемонтскія дѣла, когда я молчу о персидскихъ!“

Морковъ отвѣчалъ: „Французскія пули никогда не долетятъ до Персіи, а русскимъ — до Пьемонта возможно“.

176.

Въ день погребенія великой княжны Елизаветы Александровны³⁾ при собраніи всего двора, Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ сказалъ сенатору, барону Федору Михайловичу Колобольтцову⁴⁾, дожившему до глубокой старости: „Федоръ Михайловичъ, долго ли тебѣ жить?... Надобно честь знать!... Вѣдь обозъ твой давно отиравленъ — у тебя ни глазъ, ни зубовъ нѣтъ.... Чего здѣсь недостаетъ? Архіереи собраны, колесница готова, самъ ты въ полномъ нарядѣ:

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696; изд. 1872 г., т. V, стр. 129—147; 457—468; 670—680; 767—772; т. VI, стр. 767—773.

²⁾ Съ 6 февр. 1802 по 16 окт. 1803 гг.

³⁾ Род. 1806 г., ум. 1809 г.

⁴⁾ Объ немъ говоритъ Вигель въ своихъ «Воспоминаніяхъ», т. IV, стр. 132, ум. 1818 г.

совѣтую не пропускать сего случая — другого не будетъ; умри, и вели отвезти себя въ Невскій монастырь“.

Колокольцовъ разсердился до крайности, занемогъ и едва не лишился жизни.

177.

Екатерина Павловна, принцесса Ольденбургская ¹⁾ бывъ введена митрополитомъ Серапіономъ и ризничимъ въ Киевопечерскую церковь, съ поднятіемъ рукъ сказала: „Сколько иконъ!... а въ Невскомъ монастырѣ только четыре образа“. Сіе изреченіе растрогало сердца монаховъ престарѣлыхъ, которые залились слезами отъ радости.

178.

При входѣ французовъ въ Москву, русскій арріергардъ, подъ начальствомъ графа Милорадовича, не имѣлъ возможности скоро выступить и могъ быть отрѣзанъ. Милорадовичъ услыша, что ими командуешь Себастіани, котораго лично зналъ во время войны съ турками, не взирая на опасность, скачетъ къ непріятелямъ и спрашиваетъ:

— „Гдѣ вашъ начальникъ, а мой старый другъ?...“

— „Не препятствуйте, говорить ему, выходить намъ, или я себѣ проложу дорогу по тѣламъ вашимъ; а выступя, продолжаетъ: посмотрите генераль! какое прекрасное поле,—могли бы испытать наши силы“. Къ тому же Милорадовичъ заключилъ условіе, чтобъ до семи часовъ въ нѣсколько рядовъ выѣзжающіе экипажи оставались неприкосновенными. Спасены тысячи повозокъ.

Отъ Фукса.

179.

Въ одномъ прусскомъ городѣ, на отведенной квартирѣ Милорадовичъ спрашиваетъ у хозяина: „кто онъ?“ и на отвѣтъ: „купецъ“, прибавляетъ „безъ торговли“, а тотъ говоритъ: „и безъ денегъ“. Милорадовичъ въ восторгѣ, бросаясь къ нему на шею, восклицаетъ: „какъ я радъ! это насъ сближаетъ,—вотъ и я ничего не имѣю, все промотано!“

Отъ него же.

180.

Одинъ незначущій стихотворецъ подноситъ графу Милорадовичу дурные стихи, въ коихъ угодобляетъ его архангелу Михаилу. „Прекрасно! Превосходно! вскричалъ фанфаронъ: всего величествен-

¹⁾ Род. 1788 г., ум. 1819 г.

нѣе архангелъ Михаилъ! Чѣмъ награжу г-на сочинителя? Подайте мою соболью шубу!"

Отъ него же.

181.

Графъ Милорадовичъ, на походѣ противъ французовъ, въ день своихъ именинъ на громогласныя поздравленія солдатъ отвѣчалъ: „Друзья мои! далъ бы вамъ денегъ, но вы знаете, что у меня ихъ нѣтъ; за то дарю вамъ сію, въ виду находящуюся, колонну неприятельскую“.

Въ тотъ же день колонна разбита.

Отъ него же.

182.

Милорадовичъ, бывъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевѣ, далъ казенной палатѣ предложеніе: что завтра, по случаю такого-то торжественнаго дня, обязать, по званію своему, сдѣлать угощеніе и дать балъ, а денегъ не имѣть, чтобъ отпустить 10 т. руб.

Не исполнено.

183.

Предъ нашествіемъ французовъ только-что опредѣленъ былъ къ церкви въ домъ главнокомандующихъ отставной священникъ, по прозванію „Пылай“ (извѣстная фамилія между московскимъ и особенно замоскворѣцкимъ духовенствомъ), котораго Наполеонъ на другой день входа въ Москву потребовалъ и приказалъ за собою слѣдовать въ Кремль.

Войдя въ Успенскій соборъ и облокотясь на престолъ, приказалъ ему въ полномъ облаченіи представить архіерейское служеніе съ осѣненіемъ свѣчей; потомъ, въ присутствіи его, приказалъ снимать драгоценности со всѣхъ иконъ и съ великимъ небреженіемъ осматривалъ святыя мощи чудотворцевъ московскихъ, а иконы святителей Іоны и Филиппа, при нихъ находящіяся, хотѣлъ взять съ собою. Пылай, въ знакъ милости Наполеона, тутъ же облеченъ былъ въ найденную бархатную рясу и камилавку. По возвращеніи преосвященнаго Августина въ столицу, наполеоновское маскарадное платье снято съ Пылая, при отправленіи его самого въ Соловецкій монастырь.

(Достовернѣйшее извѣстіе изъ устъ Петра Степановича Валугева, слышанное имъ отъ попа Пылая).

184.

Въ 1812 году, драгоценности императорскія отправляемы были въ Олонецкую губернію. Императрица Елизавета Алексѣевна на

вопросъ, не прикажетъ ли чего о своихъ брилліантахъ, отвѣчала: „На что мнѣ они, если Александръ лишится короны!“

185.

Александръ, находясь при побѣдоносной арміи на Рейнѣ, пожелалъ вызвать къ себѣ супругу и писалъ о томъ къ матери. Вдовствующая императрица вручаетъ ей письмо присланное, а другое собственное. „Къ чему, въ слезахъ отвѣчала Елизавета, довольно одного слова“.

186.

Тончи, во Владимірѣ, разговаривая по-латыни съ тамошнимъ преосвященнымъ Ксенофонтомъ и увидя подлѣ себя вице-губернатора Платона Евграфовича Языкова, сказалъ:

— „Я между двумя великими мужами древности, Ксенофонтомъ и Платономъ“.

— „Развѣ потому, отвѣчалъ преосвященный, что славный Апелесъ посреди ихъ ¹⁾“.

Отъ Тончи.

187.

Начальникъ кремлевской экспедиціи кн. Михаилъ Дмитріевичъ Юсуповъ, возвращаясь изъ своего Архангельскаго, задержанъ былъ отъ прибыти воды въ Москвѣ-рѣкѣ на перевозѣ и разбранилъ представленнаго офицера. Въ англійскомъ клубѣ говорить князь Михаилъ Дмитріевичъ Циціанову:

— „Вы опредѣлили дурака, вѣрно изъ грузинъ?“

А тотъ отвѣчаетъ: „Ссылаюсь на всѣхъ, что грузины никогда не были глупѣе татаръ“.

Извѣстно, что Циціановы—изъ грузинъ, а Юсуповы—татарскаго происхожденія.

¹⁾ Сальваторъ Тончи, род. въ Римѣ 1756 г., ум. въ Москвѣ 1844 г., живописецъ, кол. сов., женатъ былъ съ 1805 г. на княжнѣ Наталіи Ивановнѣ Гариной (род. 1778 г., ум. 1832 г.). Изъ писанныхъ имъ портретовъ наиболѣе извѣстны: портретъ Державина, въ мѣховой шапкѣ и шубѣ (гравированъ Юрданомъ), и портретъ графа Θ. В. Растопчина въ мальтійскомъ мундирѣ (гравированъ Клауберомъ). Карабановъ и Тончи были женаты на родныхъ сестрахъ. Біографическій очеркъ Тончи въ соч. Державина, изд. Грота, II. 399.

188.

Петръ и Николай Александровичи Соймоновы по дѣлу въ сенатѣ подали прошеніе; оберъ-секретарь, просмотря оное, возвратилъ за недостаткомъ литеры рцовъ; перечитываютъ и ненаходить описки. Мать ихъ, Прасковья Алексѣевна, вслушавшись, сказала: „Васъ считаютъ за умныхъ, и вы сами о себѣ тѣхъ же мыслей; а по моему вы беспомощны: рцы — значать это вложите сотенную ассигнацію и не будетъ недостатка въ бумагахъ“.

На другой день бумага принята безъ возраженія.

189.

Павелъ Ивановичъ Глѣбовъ, подойдя къ столу, за которымъ генераль-лейтенантъ Петръ Николаевичъ Жеребцовъ игралъ въ вистъ, сказалъ нѣсколько словъ противной сторонѣ, которая въ ту же всдачу и роберъ записала. Жеребцовъ разсердился:

— „Здѣсь вашихъ совѣтовъ не спрашиваютъ, сказалъ онъ: я постараюсь отплатить“.

— „Да какъ?“

— „Въ карты вы не играете — вырву изъ рукъ газеты“.

190.

Въ кадетскомъ корпусѣ былъ учитель, исправлявшій секретарскую должность, умный и съ познаніями, вышедшій изъ поповичей, Прохоръ Ивановъ Ждановъ. Ему отъ смоленскаго помѣщика Путяты, въ благодарность за сына, подарены были слуги: Семенъ и дѣвка Дарья. Сія, оказавшись беременною отъ новаго помѣщика, выдана имъ за слугу Семена, и отъ сей четы родилась знаменитая актриса Семенова ¹⁾).

191.

Сенаторъ, царевичъ Мирианъ Иракліевичъ ²⁾, совѣтъ не

¹⁾ Въ замужествѣ за княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Гагаринымъ.

²⁾ Дѣйствит. тайн. совѣтъ., сынъ царя грузинскаго Ираклія II, ум. 15-го октября 1834 года.

читая дѣль, только подписывалъ свое имя; его спрашиваютъ, для чего?

— „Болѣе читаю, болѣе не понимаю“, былъ отвѣтъ.

Примѣчаніе. На этомъ разсказѣ оканчивается любопытное собраніе П. Ѳ. Карабанова. Этотъ замѣчательный—по своей любви къ русской исторіи и археологіи—собиратель достопамятностей, имѣлъ очень хорошую привычку записывать почему-либо заинтересовавшіе его разсказы объ историческихъ дѣятеляхъ. Записывалъ онъ на лоскуткахъ, и такъ составилае его коллекція анекдотовъ. Одному просвѣщенному любителю родной старины мы обязаны какъ приведеніемъ этого собранія въ порядокъ, такъ и обстановкою ихъ примѣчаніями, какъ читатели безъ сомнѣнія замѣтили, весьма обстоятельными. Всѣхъ разсказовъ 202; мы нашли нужнымъ опустить изъ нихъ только одиннадцать, и за тѣмъ лишь изъ весьма немногихъ исключить нѣкоторыя слова. Говорить о важности и интересѣ подобныхъ собраній «Историческихъ разсказовъ и анекдотовъ» — едва ли нужно. Если въ нихъ, какъ во всякомъ записанномъ съ устнаго пересказа фактѣ, попадаются иногда ошибки, генеалогическія или хронологическія невѣрности, за то почти всегда передаваемое въ нихъ, такъ или иначе, основано на дѣйствительно совершившемся событіи; кромѣ того, разсказъ нерѣдко весьма ярко рисуетъ время и дѣйствующихъ лицъ. И какъ часто случается, что какой-нибудь анекдотъ разомъ освѣтитъ того или другого историческаго дѣятеля, характеръ котораго до тѣхъ поръ являлся недостаточно разслѣдованнымъ.... Отсюда понятно, что нельзя не быть признательными такимъ лицамъ, какимъ былъ покойный П. Ѳ. Карабановъ: въ часы досуга набрасывая на отдѣльныхъ листкахъ разсказы родныхъ и знакомыхъ, онъ не потратилъ время безплодно.

Ред.

А. П. Ермоловъ къ Ник. Гер. Устрялову.

17-го сентября 1847 г.

Увлекаясь общимъ любопытствомъ прочесть исторію достославнаго царствованія нашего государя императора, долго не могъ и приобрѣсть сочиненія вашего, всѣми отыскиваемого съ большимъ желаніемъ, и потому недавно ознакомился съ его содержаніемъ.

Не разсуждая объ историческомъ изложеніи труда вашего, я почитаю себя вправѣ говорить, что въ немъ, упомянувши обо мнѣ, вы изволили изобразить меня въ чертахъ ¹⁾, совершенно не свойствен-

¹⁾ Стр. 35 и 38 въ «Исторіи двадцатилѣтія царствованія императора Николая Павловича», соч. Устрялова.

ныхъ ни личному моему характеру, ни поприщу, проведенному мною на службѣ, и что прежде, нежели приступить къ тому, не было бы излишнимъ принять въ руководство свѣдѣнія болѣе основательныя, или, по крайней мѣрѣ, правдоподобныя, хотя, впрочемъ, долженъ я, не желая подозрѣвать другую причину, предположить, что въ изложеніи вы искали соблюсти добросовѣстность.

Не въ защиту свою, въ которой не имѣю надобности, рѣшился я обнаружить ошибку вашу; но малѣйшее оскорбленіе истини оскорбляетъ достоинство исторіи и потрясаетъ довѣріе къ цѣлому труду.

По произволу вашему, приписавъ мнѣ недостатокъ способностей, вы отрицаете прозорливость покойнаго императора, котораго продолжительная борьба съ величайшимъ своего времени полководцемъ и низложеніе его поставили на такую высокую степень славы, каковой судьба немногимъ достигнуть предоставляетъ. Послѣ сего нельзя безъ дерзости предположить, чтобы въ лицахъ, имъ избираемыхъ, недостатки способностей могли легко укрываться отъ его проницаемости и легко быть замѣчаемы другими. Всѣ назначенія мои по службѣ опредѣляемы были непосредственно его волею. Такъ въ 1812 г., эпоху отечественной войны, былъ я начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи; въ 1814 году поручено мнѣ было болѣе 80 т. войскъ, расположенныхъ на границѣ съ Австріею; наконецъ, за шесть лѣтъ предъ удаленіемъ моимъ изъ Грузіи, я былъ назначаемъ начальствовать арміею въ Италиі, болѣе нежели изъ 100 т. чел. составленною и для того вызванъ въ Лайбахъ, гдѣ отзывъ обо мнѣ покойнаго императора императору австрійскому могъ быть лестнѣйшею для каждаго наградою.

Прежняя война съ Персіею была современною войнѣ отечественной, и не взирая на ограниченность средствъ командовавшаго тогда на Кавказѣ генерала Ртищева, кончена со славю для оружія нашего и съ приобрѣтеніями. Во время пребыванія моего въ Грузіи отличныя войска кавказскаго корпуса значительно умножены и, сверхъ того, нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ усилены были двумя дивизіями. Персіянами предводительствовалъ сынъ шаха. Аббасъ-Мирза, столько же извѣстный отсутствіемъ воинственныхъ дарованій, сколько знаменитый пораженіями русскихъ войскъ. Вамъ, милостивый государь, многое неизвѣстно; но я, зная хорошо обстоятельства, войну съ персіянами не могъ встрѣтить безъ основательной надежды на успѣхъ и чувствовать въ себѣ недостатокъ способностей, когда во многихъ изъ подчиненныхъ мнѣ находилъ ихъ достаточными для персіянъ.

Не оскорбленное самолюбіе, но признательность къ довѣрію, котораго удостоенъ я былъ покойнымъ императоромъ до конца его

царствованія и уваженіе къ памяти обо мнѣ прежнихъ моихъ сослуживцевъ, вызвали меня замѣтить вамъ, милостивый государь, эту непозволительную ошибку.

Съ должнымъ уваженіемъ имѣю честь быть и проч.

Алексѣй Ермоловъ.

Примѣчаніе. Письмо это, весьма извѣстное любителямъ новѣйшей русской исторіи, было, если не ошибаемся, только разъ напечатано въ одномъ изъ заграничныхъ русскихъ сборниковъ. Мы имѣемъ нѣсколько современныхъ списковъ, изъ числа которыхъ два сохранены покойнымъ Н. Н. Бахтинымъ и сообщены намъ Н. Н. Селифонтовымъ. Въ виду окончанія печатаніемъ въ настоящей книгѣ документовъ объ удаленіи Ермолова съ Кавказа, письмо его къ Устрялову имѣетъ особый интересъ. Ред.

Письмо св. Дмитрія Ростовскаго.

1709.

Въ семействѣ моемъ съ давнихъ временъ хранятся икона св. Дмитрія Ростовскаго въ серебряной ризѣ и собственноручное письмо святителя, отъ 20-го октября 1709 г., къ праѣду моему, по матери, Михаилу Григорьевичу Грохольскому, перешедшія ко мнѣ, какъ правнуку, по прямому наслѣдству; а какъ я не имѣю дѣтей, то и счелъ болѣе всего соотвѣтственнымъ принести эти драгоценныя для меня святыни по воспоминанію о великомъ ревнителѣ православія во вновь возрожденное свято-духовское братство, нѣкогда прославленное сподвижничествомъ св. Дмитрія Ростовскаго, съ тѣмъ, чтобы икона, составляя принадлежность братства, была поставлена въ св. храмѣ свято-духовскаго монастыря, своды котораго, два столѣтія тому назадъ, оглашались вдохновенными рѣчами святителя, возбуждавшими мужество въ православныхъ.

Архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ, высокопреосвященнѣйшимъ Макаріемъ, св. икона, вмѣстѣ съ письмомъ святителя, передана въ совѣтъ свято-духовскаго братства для зачисленія въ собственность и для поставленія въ свято-духовскомъ монастырскомъ храмѣ.

Образъ святителя Дмитрія писанъ масляными красками на доскѣ въ 6¹/₂ верш. вышины и 5¹/₂ ширины, какъ видно изъ надписи на ризѣ, вскорѣ по обрѣтеніи мощей святителя, совершившемся въ 1752 году. Св. Дмитрій изображенъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, съ благословляющею правою рукою, лѣвая рука положена на столъ, на которомъ находится изображеніе сочиненныхъ имъ книгъ. Икона одѣта въ серебряную ризу чеканной работы, вѣсомъ въ 1 фунтъ и 6 золотниковъ. На правой сторонѣ ризы, ниже середины, находится четырехугольное отверстіе, въ которомъ хранится сложное соб-

ственноручное письмо св. угодника и которое закрывается вызолоченною пластинкою на петляхъ; на пластинкѣ чеканная надпись: „Письмо собственноручное новоявленного святителя и чудотворца Дмитрія, митрополита ростовскаго“. Письмо это слѣдующаго содержания:

„Его милости, пану Михаилу Григорьевичу,

Божіе благословеніе.

„Во знаменіе моего благодарствія за книжицу, отъ милости твоей дарствованную мнѣ, послахъ труда нашего художнаго часть первую, яже противу раскольщиковъ. Благоволи милость твоя малое сіе отъ насъ принять, и егда случится лишнее время, читай вмѣсто рекреаціи.

Милости твоей всегда добра желающъ, смиренный архіерей Дмитрій“.

„8-bris 20, An. 1709“.

По удостовѣренію лицъ, видѣвшихъ собственною рукою писанныя сочиненія святителя, и этотъ документъ писанъ дѣйствительно его собственною рукою. Замѣчательно, что письмо писано за 8 дней до блаженной кончины угодника Божія, послѣдовавшей, какъ извѣстно, 28-го октября 1709 года.

Такъ какъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1872 г., т. V, стр. 952, помѣщено уже одно письмо св. Дмитрія Ростовскаго, то въ дополненіе къ оному препровождаю вышеприведенное письмо того же святителя къ моему прадѣду, на тотъ случай, если редакціи угодно будетъ помѣстить его въ уважаемомъ изданіи „Русской Старинѣ“.

Александръ Потаповъ.

Примѣчаніе. Съ большимъ удовольствіемъ помѣщая весьма обязательное сообщеніе А. Л. Потапова, съ своей стороны добавимъ, что свято-духовское братство, нѣкогда прославленное сподвижничествомъ святителя Дмитрія, принявъ св. образъ его, какъ видно изъ «Виленскаго Вѣстника» 1869 г., № 128, въ собраніи своего совѣта постановило: «устроить для св. иконы приличный киотъ, съ надписаніемъ объ именитомъ жертвователѣ, и, внесши ее въ свято-духовскій монастырскій храмъ по чиноположенію церковному, поставить въ немъ при братскихъ иконѣ и хоругви на видномъ мѣстѣ, а его высокопреосвященство, почетнаго предсѣдателя своего, проситъ почтительнѣйше извѣстить о томъ его высокопревосходительство, Александра Львовича, съ выраженіемъ ему искренней признательности за знаменательный даръ его».

Постановленіе это, какъ видно изъ напечатаннаго въ той же газетѣ письма архіепископа Макарія къ А. Л. Потапову, было исполнено. Ред.

О соблюденіи формы гражданскими чиновниками.

Отъ владимірскаго гражданскаго губернатора. 15-го марта 1833 г., № 3,482. Во владимірскую гражданскую палату. Господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ предписаніи отъ 21-го февраля сего года сообщилъ мнѣ, къ надлежащему исполненію, что государь императоръ изволилъ замѣтить, что нѣкоторые чиновники гражданскаго вѣдомства, употребляя форменные сюртуки и шинели военнаго покроя, дозволяютъ себѣ являться въ публичныя мѣста и на гулянья въ фуражкахъ и безъ шапгъ, и при томъ нерѣдко оказываютъ сопротивленіе полицейскому распорядку. Посему его величеству благоугодно было повелѣть о строжайшемъ подтвержденіи гражданскимъ чиновникамъ, дабы при употребленіи форменныхъ сюртуковъ и шинелей, гдѣ таковыя по положеніямъ допускаются, не отваживались носить фуражежъ, но были бы непременно въ форменныхъ шляпахъ и при шапагахъ; въ противномъ же случаѣ носили бы присвоенные каждому вѣдомству вицъ-мундиры или партикулярное платье съ круглыми шляпами, и чтобы вообще не дозволяли себѣ нарушенія полицейскихъ правилъ, подѣ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, строжайшаго взысканія.

Давъ знать градскимъ и земскимъ полиціямъ о таковой высочайшей волѣ, для объявленія оной кому слѣдуетъ и надлежащаго со стороны ихъ наблюденія за точнымъ исполненіемъ оной, и извѣщая о семъ гражданскую палату, предлагая учинить распоряженіе, дабы чиновники, находящіеся на службѣ въ штатѣ палаты, сюртуковъ и прочаго платья по военному покрю отнюдь не носили, и чтобы канцелярскіе служители, кои не имѣютъ классныхъ чиновъ, носили сюртуки и фуражки, согласно положенію о канцелярскихъ служителяхъ, 14-го октября 1827 года высочайше утвержденному, и по рисункамъ, разосланнымъ при высочайшемъ указѣ въ 1-й день мая 1832 года состоявшемся, съ вышивкою на фуражкахъ литеръ К. С. Гражданскій губернаторъ С. Ланской.

Сообщ. Г. Е. Рѣпинскій.

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(По поводу столѣтія со дня его рожденія и семидесятилѣтія съ основанія Харьковскаго университета).

30-го января, наступающаго 1873 года, исполнится 100 лѣтъ со дня рожденія основателя Харьковскаго университета, извѣстнаго (съ 1801 по 1843 годъ) украинскаго дѣятеля, В. Н. Каразина. Въ этомъ же году и также въ концѣ января (а именно 24-го), исполнится 70

лѣтъ со дня подписанія указа объ учрежденіи Харьковскаго университета, который открытъ 17 января 1805 года.

Въ формулярѣ В. Н. Каразина значится: „Подаль мысль слободско-украинскому (харьковскому) дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета (который высочайше и утверждень въ 1803 году), послуживъ орудіемъ къ пожертвованію на оный 618,000 руб. сер.¹⁾“

Довольно одной этой заслуги, чтобы соотечественники В. Н. Каразина и, въ особенности, питомцы и преподаватели столькихъ поколѣній Харьковскаго университета почтили, къ этому дню, память В. Н. Каразина.

Изъ поврежденныхъ изданій 1865 года извѣстно, что еще десять лѣтъ назадъ, во время празднованія шестидесятилѣтія съ открытія Харьковскаго университета, въ Харьковѣ былъ возбуждены вопросъ о постановкѣ памятника основателю этого университета. Теперь, когда въ „Русской Старинѣ“ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ явились въ свѣтъ до нынѣ неизданныя бумаги В. Н. Каразина, вызвавшія въ минувшемъ году такую оживленную полемику объ этомъ почтенномъ общественномъ дѣятелѣ южной Россіи, личность его окончательно обозначилась. Можно, въ настоящее время, не соглашаться съ тѣми или съ другими политическими убѣжденіями В. Н. Каразина. Но никто неотнимаетъ у него незабвенной заслуги, что ему югъ Россіи, семьдесятъ лѣтъ назадъ, былъ обязанъ основаніемъ, на пожертвованія мѣстнаго дворянства и купечества, Харьковскаго университета. Профессоръ послѣдняго, Н. А. Лавровскій, въ замѣчательномъ изслѣдованіи объ открытіи Харьковскаго университета („Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1872 г., №№ 1-й и 2-й), на основаніи данныхъ мѣстнаго учебнаго архива, честь основанія этого университета также всецѣло приписываетъ В. Н. Каразину. Н. А. Лавровскій говоритъ (Журн. М. Н. Пр., 1872 г., № 1, стр. 74): „Высочайшее опредѣленіе объ учрежденіи университета для южной Россіи (въ Харьковѣ) состоялось 24-го января 1803 года,— во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи“. И въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ (стр. 60): „Первая мысль объ этихъ пожертвованіяхъ и воодушевленное возбужденіе къ нимъ дворянства и горожанъ Харьковской губерніи принадлежитъ Каразину, такъ что онъ дѣйствительно является,

¹⁾ Биографія В. Н. Каразина помѣщена въ книгѣ «Украинская Старина, матеріалы для исторіи украинской литературы и народнаго образованія», Г. П. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 года, изд. Заленскаго и Любарскаго. Означенная книга г. Данилевскаго удостоена, въ 1868 году, преміи гр. Уварова отъ Императорской Академіи Наукъ.

на всѣхъ пунктахъ, единственнымъ виновникомъ назначенія Харькова для южнаго университета“.

Въ 1863 году харьковское общество было еще раздроблено. Теперь всѣ сословія этой губерніи имѣютъ свое представительство въ харьковскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Городъ Харьковъ также въ настоящее время имѣетъ свое отдѣльное представительство въ недавно-открытой въ немъ новой, городской думѣ.

Въ различныхъ углахъ Россіи давно уже поставлены памятники нѣкоторымъ изъ общественныхъ дѣятелей. Такъ, между прочимъ, Одесса поставила памятники Дюку де-Ришелье и князю Воронцову (основателямъ Ришельевского Лицея). Въ Петербургѣ, противъ Медико-Хирургической Академіи, воздвигнуть памятникъ учредителю послѣдней, баронету Вилліе.

Харьковское земство, городъ Харьковъ и Харьковский университетъ сдѣлали бы почтенное дѣло, если бы пособили постановкѣ памятника основателю этого университета, В. Н. Каразину. Слѣдовало бы отереть для этого общественную подписку при университетѣ, при губернской земской управѣ или при городской думѣ. Мѣсто для памятника вѣроятно было бы избрано на площадѣ, вверху такъ-называемой университетской горки, лѣстница которой въ недавнее время перестроилась и украсилась значительнымъ пожертвованіемъ бывшаго харьковского губернатора, нынѣ почетнаго гражданина города Харькова, П. П. Дурново.

Г. Данилевскій.

1-го августа 1872 года.
С.-Петербургъ.

Замѣтка. Въ V т. «Р. Ст.», стр. 766, напечатана эпиграмма на исторію графа Н. М. Карамзина. Въ рукописныхъ сборникахъ, откуда мы взяли ее, она приписана А. С. Грибоѣдову; по свидѣтельству же П. В. Анненкова, она принадлежитъ А. С. Пушкину, еще лицейсту, и заключаетъ въ себѣ намекъ на сказку Карамзина: «Илья Муромецъ». См. «Полн. Собр. соч. Пушкина», изд. 1871 г., т. I, стр. 525.

Въ т. VI «Рус. Ст.», стр. 36, строчка 2-я снизу, грубая опечатка: «9,000 резервная армія»; читай: «90,000 резервная армія». Ред.

дѣл въ данномъ случаѣ, весьма много можетъ способствовать усненію предмета, ибо всегда ведетъ за собою новую точку зрѣнія.

Цѣль изслѣдованія г. Ключевского — очистить источникъ настолько, чтобы прагматикъ, обращаясь къ нему, имѣлъ подъ руками предварительныя свѣдѣнія, которыя помогли бы ему правильно воспользоваться житіемъ. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ ограничился житіями, написанными въ сѣверовосточной Руси, не коснувшись кіевскихъ. Въ книгѣ множество библиографическихъ примѣчаній; есть и приложенія. Изслѣдованіе г. Ключевского приобращаетъ особенное значеніе еще и потому, что матеріалъ, подлежащій разсмотрѣнію, исключительно рукописный, разбѣянный по разнымъ библиотекамъ, монастырскимъ, казеннымъ и частнымъ.

Все изслѣдованіе раздѣляется на восемь главъ, къ которымъ приложенъ указатель: древнѣйшія преданія о ростовскихъ святыхъ въ позднѣйшей литературной обработкѣ; древнѣйшія житія на сѣверѣ; Кипріанъ и Еписаній; Пахомій Логоетъ; русскія подражанія до макарьевского времени; житія макарьевского времени; перечень позднѣйшихъ житій и редакцій; общія замѣчанія.

Въ заключеніе отиѣтимъ слѣдующій курьезъ. По сообщеніямъ московскихъ газетъ, нѣкто о. Паенугій, недавно перешедшій изъ раскола, въ припадкѣ ревности не по разуму, публично обозвалъ, съ высоты кремлевскаго соборнаго крыльца, г. Ключевского—еретикомъ, а его книгу—еретическою!

Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Составилъ П. Н. Полевой. Часть вторая (средній возрастъ). Спб., 1872. Тип. Траншеля, 12^о, VI, III и 374 стр. Ц. 70 коп.

Первая часть хрестоматіи издана въ 1869 году и успѣла уже выдержать три изданія, прежде чѣмъ П. Н. Полевому удалось вновь вернуться къ давно-начатому труду и выдать его въ свѣтъ. Въ этой второй части, предназначенной въ пособіе для изученія теоріи прозы, собраны одни прозаическіе отрывки, сгруппированные по особому плану, выработанному личнымъ педагогическимъ опытомъ П. Н. Полеваго. Первое мѣсто отведено въ книгѣ описаніямъ, за тѣмъ повѣствованіямъ, потому что съ этими прозаическими формами ученику и на школьной скамейкѣ и въ практической жизни придется чаще всего и болѣе всего имѣть дѣла. Всѣхъ отдѣловъ пять: 1) описаніе простое (описаніе растений, животныхъ, производствъ,

веществъ, неодушевленныхъ предметовъ, явленій природы, жилищъ человѣка, населенныхъ мѣстностей; болѣе обширныя и болѣе сложныя описанія различныхъ предметовъ, явленій и событій); 2) описаніе художественное; 3) повѣствованіе (автобіографія, біографія, исторія); 4) разсужденіе, и 5) ораторская рѣчь. Каждому отдѣлу предшествуютъ краткія, сжатые предварительныя объясненія, заключающія въ себѣ только такія теоретическія свѣдѣнія, которыя существенно необходимы для пониженія различныхъ образцовъ прозаическихъ формъ. Объясненія эти, говоритъ П. Н. Полевой, составлены по превосходной нѣмецкой хрестоматіи для австрійскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, по хрестоматіи А. Эггера. Послѣ каждаго отрывка слѣдуютъ задачи, въ которыхъ указывается ученику путь, которымъ онъ долженъ слѣдовать, чтобы научиться, на основаніи данныхъ ему образцовъ, точно и подробно описывать предметы, доступные его наблюденію, или обращается его вниманіе на планъ и расположеніе частей описанія у нашихъ образцовыхъ писателей, на красоты языка и слога. Къ концу приложень объяснительный словарь, въ которомъ обращено особенное вниманіе на разъясненіе терминовъ и на переводъ множества иностранныхъ словъ, которыми даже и лучшіе писатели наши такъ некстати привыкли пестрить родной языкъ.

Къ этому намъ остается прибавить, что изданіе довольно изыщное, что, не смотря на компактность шрифта, книга отпечатана весьма чотко и по цѣнѣ весьма доступна.

Составители Кіево-Печерскаго патерика и позднѣйшая его судьба. Историко-литературный очеркъ М. А. Викторовой. Съ предисловіемъ И. И. Некрасова. Воронежъ, 1871, 8^о, 39 стр.

Даровитѣйшая русская ученая писательница, М. А. Викторова, къ общему сожалѣнію, скончалась: это, дѣйствительно, большая потеря. О замѣчательномъ трудѣ ея, состоящемъ въ переводѣ древнерусскаго текста Патерика Печерскаго на современный языкъ литературный, было довольно обстоятельно сказано П. И. Некрасовымъ въ «Филологическихъ Запискахъ» (1870, вып. VI). Въ настоящемъ очеркѣ М. А. Викторова съ большимъ искусствомъ показала и объяснила превосходство древняго текста Печерскаго Патерика надъ общепринятымъ пока изданіемъ кіевскимъ 1661 г., вышедшимъ подъ редакцію тогдашняго ученаго ректора кіевской академіи, архимандрита Гизеля.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г. третій годъ изданія.
КЖЕМЪСАЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложения, не менѣе 36 листовъ,— съ пересылкой г. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30;) въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ исключительно въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Лисицына и въ д. Трута, кв. № 12.

Въ послѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолженія: записокъ Болотова, Лагарпа, М. А. Бестужева, партизана Демиса Давыдова, и архивовъ кн. Голенничева-Кутузова, кн. Муралинныхъ, гр. Стальбергъ, кн. Щербатова, свѣтл. кн. А. А. Италійскаго графа Суворова-Рымнинскаго, именпо: бумаги относящіяся до его дѣда, генералсимуса кн. Суворова, свѣтл. кн. П. М. Волконскаго, Шминова, Бахтина, — записки: гр. Ф. П. Толстаго, адмир. Колзакова, И. И. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волконскаго, (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевскаго, записки ген. Толя, кн. А. А. Шаховскаго, Европеуса о бунтѣ военныхъ поселеній, И. Н. Скобелева, В. К. Нюхельбенера (1831—1841 гг.); генерала Фельнера, ак. жив. А. В. Ступина (1775—1861 г.), бывш. понач. Д. П. Рунича; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790—1794 гг.; дневникъ кавалера 1818 г. въ Россіи; записки А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ф. Опочина (до 1831 г.); записки Н. В. Веригина и др. Дѣло Волынскаго; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пикара (1782 г.); письма Екатерины II; письма императоровъ: Павла I, Александра I, цесар. Константина; императр. Елизаветы Алексѣевны; Троицскаго; гр. Аранчьева, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова; мнѣнія гр. Н. С. Мордвинова, письма графа Толя (1831 г.); 60 писемъ митроп. Евгенія Болховитина; неспзданныя бумаги А. С. Грибоѣдова; К. Н. Батюшкова (болѣе 80 писемъ), Г. С. Батеникова, Жуковскаго, Туманскаго, Язымова, Рыльева, Пушкина, статьи В. Н. Каразина; сообщенія акад. А. Ф. Бичкова, Я. Н. Грота, М. П. Погодина, П. М. Щербальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣльева и Н. С. Тихонравова; Г. Н. Геннади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова, проф. Бриннера, Н. П. Дурова. Сообщ.: К. С. Сербиновича, кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, И. Д. Делянова, Н. И. Панова, Н. Н. Селифонтова, Ф. К. Опочина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, И. П. Колзакова, Н. Ф. Крузе, гр. Э. К. Чапскаго, А. П. Чеботарева, Г. К. Рѣпинскаго; И. П. Липранди, В. А. Красноутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ф. А. Бюлера, М. Ф. Бороздина, и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старини“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ С.-Петербургскаго Педагогическаго, Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ и Археографической Коммиссіи — **Мих. Ив. Семеновскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ третій.

ОКТАБРЬ.

1872 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ.

I. Русскій театръ при Александрѣ I, воспоминанія П. А. Наратыгина.	297	Рѣшннскій. (436). 2. Рылѣвъ: а) Заѣтка; б) Стахотвореніе на смерть Байрона; в) Предчувствіе о своей судьбѣ. (438). 3. Н. В. Гоголь: письмо къ И. И. Сосницкому о представленіи «Ревизора». (441). 4. Смотритель Сѣвскихъ училищъ Шелковъ. 1829 г. Сообц. С. Н. Гавриловъ. (444). 5. Наставленіе ректору и декану университетовъ. 1849 г. (448). 6. Переписка турецкаго султана съ запорожцами въ XVII ст., съ прижизненіемъ Н. И. Костомарова. (450).	
II. Записки партизана Демиса Давыдова: воспоминанія о польской войнѣ 1831 г., гл. VII—XVI (окончаніе). Сообц. В. Д. Давыдовъ	309	VI. А. Ѳ. Гильфердингъ † 20-го іюня 1872 г.	452
Приложенія: 1. Рѣчь императ. Николая Павловича въ Варшавѣ. 1835 г. (391). 2. Обзоръ дѣятельной польской арміи въ 1831 г. Сообц. А. Распоповъ. (393). 3. Заѣтки В. Д. Давыдова и В. Аношина. (399). 4. Письма партизана Демиса Давыдова. Сообц. Док — йѣ. (403). 5. Указъ о Чарторыйскомъ. Сообц. Г. К. Рѣшннскій. (405)	391—405	VII. С. Н. Палаузовъ † 14-го августа 1872 г. Воспоминаніе А. С. Воронова	471
III. Суворовъ: Письма его къ роднымъ. 1791 г. Сообц. А. А. Суворовъ, вн. Италійскій, гр. Рымнинскій	406	VIII. Археологія: записка Петра I о вознагражденіи за археологическія находки. Сообц. П. И. Варановъ	474
IV. Мысли фельдмаршала кн. П. Ѳ. Паскевича по поводу защиты и паденія Севастополя. 1855 г. Сообц. Н. П. Степановъ	427	IX. Библиографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ). Объявленіе о подпискѣ на «Рус. Стар.» 1873 г.	
V. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Радищевъ въ Сибири. Сообц. Г. К.			
ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1738—1794 гг. томъ третій, часть XX, письма 203—207; Выгъ русскаго дворянства 1780—1781 гг.			

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1873 г. Цѣна 8 руб.

Подписка на „Русскую Старину“ изд. 1872 г. продолжается. Первые двѣ книги напечатаны вторымъ изданіемъ. Цѣна за годъ 8 рублей.

„Русская Старина“ 1870 и 1871 гг. разошлись сполна по подпискѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1872.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изданіе Археографической комиссіи. Спб., 1872, 4°. Тип. Ак. Н. XIV, 512 и 63 стр. Ц. 3 р.

Лаврентіевскій списокъ лѣтописи, нынѣ хранящійся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, издавался нѣсколько разъ — цѣлкомъ и отрывками. Такъ въ 1793 г. графъ Мусинъ-Пушкинъ издалъ «Поученіе Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ». Въ 1804 году, по порученію московскаго историческаго общества, профессора Чеботаревъ и Черепановъ приступили къ печатанію Лаврентіевскаго списка, случившійся текстъ его съ сгорѣвшими впоследствии Троицкимъ и Радивиловскимъ списками; въ теченіе семи лѣтъ издатель напечаталъ 10 листовъ; затѣмъ изданіе погибло во время московскаго пожара; немногіе сохранившіеся экземпляры считаются библиографическою рѣдкостью. Новое изданіе того же общества было поручено Тимковскому, который успѣлъ издать только 13 листовъ, и скончался; эти 13 листовъ, съ предисловіемъ Калайдовича, вышли въ свѣтъ въ 1824 году. По собственному первому полному изданію Лаврентіевскаго списка появилось въ 1846 году, отъ имени петербургской археографической комиссіи, подъ редакціею Бердяикова. Затѣмъ, въ 1860 году, Миклошичъ перепечаталъ петербургское изданіе 1846 года, придавъ языку Лаврентіевскаго списка правильность и единообразное правописаніе.

Первенство между вышепоименованными изданіями принадлежитъ Тимковскому, который не рѣшился, подобно Шлегелю, восстановить Нестора сводомъ изъ разнородныхъ и разновременныхъ списковъ, достоверность которыхъ неопредѣлена (вотъ подлинныя слова Шлегера: «изъ десяти найденныхъ разнословій опредѣлить одно настоящее слово, или отгадать, что собственно писалъ Несторъ»), но руководствовался нѣсколькими новыми правилами, именно: взявъ за основаніе древнѣйшій списокъ, Тимковскій съ точностью передавалъ чтеніе своего подлинника, объяснилъ и исправилъ оный отъ ошибокъ переписчика посредствомъ вариантовъ. Но, къ сожалѣнію, это почтенное изданіе не доведено до конца и печатано на крайне дурной, обветрочной бумагѣ. Что касается Бердяикова изданія, то оно самою комиссіею признано «не совершенно удовлетворительнымъ».

Такимъ образомъ, отсутствіе удовлетворительнаго изданія нашей первой, древнѣйшей лѣтописи чувствовалось, почему комиссія, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была озабочена выработкою болѣе солидныхъ основаній для изданія лѣтописей; къ этому важному дѣлу были пригла-

шены извѣстнѣйшіе ученые, русскіе и западно-славянскіе. Руководствуясь новыми правилами, еще въ прошломъ году была издана отъ комиссіи «Лѣтопись по Иватскому списку», о чемъ мы тогда же дали отзывъ («Русск. Стар.» 1871, декабрь). На дняхъ же вышла «Лѣтопись по Лаврентіевскому списку», при печатаніи котораго комиссія постановила, между прочимъ, слѣдующее: 1) списокъ этотъ принять за основный, несмотря на то, что нѣкоторые мѣста являютъ въ немъ испорченными переписчикомъ, и воспроизвести его буква въ букву, соблюдая даже грамматическія неправильности; но раскрывать, впрочемъ, въ немъ титла, замѣнить двойныя гласныя простыми и расставить знаки препинанія, какъ того требуетъ смыслъ; 2) сличить его съ двумя другими списками: Радивиловскимъ и Московско-Академическимъ, а также съ погубленнымъ Троицкимъ, насколько сего послѣдняго сохранилось по изданію Чеботарева; 3) вносить въ него изъ побочныхъ списковъ пропущенныя въ немъ мѣста; 4) и 5) исправлять и восстанавливать въ немъ явно-испорченныя мѣста и слова, если побочныя списки представляютъ къ тому достаточныя основанія, упоминавъ объ этомъ также въ примѣчаніяхъ.

Столь сложное и важное порученіе было возложено на главнаго редактора лѣтописей, А. Ф. Бычкова, и исполнено превосходно, съ тою тщательностью и добросовѣстностью, какими качествами отличаются вообще всѣ многочисленные труды этого почтеннаго ученаго. Существеннѣйшія отличія настоящаго изданія отъ изданія 1846 года слѣдующія: правильное чтеніе текста, приведенныя въ порядокъ расказа за 6711—14 годы и указаніе на результаты повѣрки хронологическихъ данныхъ, встрѣчающихся въ Лаврентіевскомъ спискѣ. Къ тексту приложенъ указатель лицъ, мѣстъ и предметовъ. Было бы желательно, въ видѣ дополненія къ этому прекрасному тому, имѣть подробное оглавленіе, раздѣленное на главы, соответственно впаденіямъ, и словарь, который исчерпывалъ бы весь лексическій составъ лѣтописи, съ необходимыми филологическими толкованіями; наконецъ, было бы желательно видѣть при такомъ монументальномъ изданіи библиографію литературы о лѣтописи Нестора. Литература эта довольно обширна и представляеть много изслѣдованій, статей, замѣтокъ и переводовъ весьма замѣчательныхъ.

Акты, относящіяся къ исторіи Южной и Западной Россіи, собранные и изданныя Петербург. археографическою комиссіею. Томъ седьмой. Спб., 1872. Тип. Платца, 4°, VI, 10 и 398 стр. Ц. 2 руб.

Документы, вошедшіе въ этотъ томъ (чис-

ЗАПИСКИ П. А. КАРАТЫГИНА.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ со дня поступленія моего въ театральное училище, и я изъ приготовительнаго (танцевальнаго) класса перешелъ въ классъ балетмейстера Дидло. Этотъ знаменитый хореографъ былъ тогда въ полномъ блѣзѣ своего таланта и монополія его деспотически распоряжался въ театральномъ мѣрѣ. Воспитывающіеся обоюга пола, всѣ съ исключенія, обязаны были непремѣнно учиться танцовать, хотя бы имѣли страсть и способности къ другимъ сценическимъ искусствамъ. Конечно, для будущихъ актеровъ и актрисъ, пѣрцовъ и пѣвицъ—это дѣло не бесполезное, танцевальной гимнастикой пріобрѣтается сценическая ловкость; музыкантамъ же, разумеется, танцы вовсе ненужны, но для балетной обстановки Дидло необходима была безчисленная масса корифеевъ, фигурантовъ, фигурантокъ и статистовъ—и все это плясало по его дудѣ, не говоря ни слова, начиная съ самого начальства. Личность Дидло была очень оригинальна: онъ былъ средняго роста, худощавый, рябой, съ небольшой лысиной; длинный, горбатый носъ, сѣрые, быстрые глаза, острый подбородокъ; вообще вся его наружность была небыло красива... Высогіе, туго-накрахмаленные воротнички рубашки закрывали въ половину его костлявыя щеки. Онъ постоянно былъ въ какомъ-то неестественномъ движеніи, точно въ его жилахъ была ртуть, вмѣсто крови. Голова его безпрестанно была занята сочиненіемъ какаго-нибудь расъ, или сюжетомъ новаго балета, и потому подвижное его лицо ежеминутно измѣнялось, а всю его фигуру то и дѣло подергивало; ноги держалъ онъ не-

обыкновенно выворотню, и имѣлъ забавную привычку одну изъ нихъ каждую минуту то поднимать, то отбрасывать въ сторону... Эту штуку онъ выкидывалъ даже ходя по улицѣ, точно онъ страдалъ пляскою св. Вита. Кто видѣлъ его въ первый разъ, могъ бы, конечно, принять его за помѣшаннаго, до того всё его движенія были странны, дики и угловаты. Вообще этотъ замѣчательный человѣкъ былъ фанатикъ своего искусства и все свое время посвящалъ на непрерывныя, неумолимыя занятія.

Первый балетъ, который онъ началъ готовить при мнѣ, былъ: «Ациссъ и Галатей». Его давали въ Маломъ театрѣ (Большой театръ тогда еще не былъ возобновленъ послѣ пожара) 30-го августа 1816 года, въ день тезоименитства императора Александра I. Мнѣ назначено было изображать Меркурія и спускаться съ самаго верха.... Честь довольно высокая, но не менѣе и опасная... Помню я, какъ моя покойная матушка, узнавъ объ этой воздушной экспедиціи, пришла въ неописанный ужасъ!... Она боялась, что чтобъ я не сорвался со своего полета, или чтобъ меня не ушибли... На генеральной репетиціи меня, раба Божія, нарядили въ полный костюмъ мифологическаго Меркурія; подъ тюрбаномъ былъ у меня корсетъ съ толстымъ крючкомъ на спинѣ, къ этому крючку прицѣплялись проволоки, на которыхъ я долженъ былъ повиснуть; на головѣ была голубая шляпа съ бѣлыми крылышками; такія же бѣлышки были и на ногахъ; въ руку мнѣ дали золотой кадуцей и я готовился въ своему заоблачному путешествію...

Душа бѣднаго Меркурія уходила въ пятки и посланникъ боговъ, конечно, желалъ бы въ ту минуту лучше провалиться съвозъ землю (т.-е. подъ полъ), чѣмъ летѣть на небеса... Но судьба отвратила отъ меня эту напасть... Я ужъ былъ повѣшенъ на крючокъ, меня подняли отъ полу аршина на три, какъ вдругъ что-то на верху запищало, и Меркурій ни съ мѣста!... Стопъ машина! Она испортилась... Машинистъ Тибо полѣзъ на колосники (такъ называется верхній отдѣлъ сцены), суетился и кричалъ наверху, Дидло бѣсновался внизу, а я между ними висѣлъ, какъ баранъ, или какъ несчастная жертва, обреченная на закланіе!... Не помню, сколько времени я провисѣлъ между небомъ и землей, но наконецъ меня сняли съ крючка, велѣли раздѣться и сказали мнѣ, что этого эффектнаго полета вовсе не будетъ!

Языческій Меркурій бросилъ свой кадуцей, и снявъ шляпу, перекрестился обѣими руками! Въмѣсто неба потомъ я попалъ въ воду; мнѣ приказано было одѣться тритономъ; подвязали мнѣ чешуйчатый рыбій хвостъ, надѣли на голову зеленый длинноволосый парикъ и помѣстили меня на заднемъ планѣ, въ далекомъ морѣ, въ свиту Нептуна. Новая моя роль была и покойна и неопасна, мнѣ тутъ было, какъ говорится, море по колѣно и въ буквальномъ, и въ аллегорическомъ смыслѣ. На генеральныхъ репетиціяхъ новыхъ своихъ балетовъ, Дидло всегда бывалъ неприступенъ и доходилъ зачастую до совершеннаго изступленія. Малѣйшая ошибка или неисправность приводили его въ бѣшенство; онъ рвалъ на себѣ волосы, бросалъ свою толстую палку и кричалъ неистовымъ голосомъ. Къ концу репетиціи потъ лилъ съ него градомъ и онъ уже совершенно изнемогалъ и терялъ голосъ. Горе тому, кто подвергивался къ нему въ этотъ роковой вечеръ! Тутъ онъ себя непомнилъ и готовъ былъ прибить встречнаго и поперечнаго, особенно послѣдняго, еслибъ тотъ осмѣливался ему въ чемъ-нибудь поперечить. Вспыльчивый, нетерпѣливый сангвиникъ, онъ былъ неукротимъ въ минуту досады; даже его единородный сынъ Карлъ Дидло (очень хорошій танцовщикъ) не избѣгалъ заушеній, колотушекъ, щипковъ и тому подобныхъ родительскихъ внушеній...

Въ то время въ Маломъ театрѣ уборныя воспитанниковъ помѣщались довольно далеко отъ сцены, такъ что мы, одѣтые въ свои костюмы, должны были проходить на сцену по театральному корридору, наполненному публикой. Помню я забавный эффектъ, когда мы, наряженные тритонами, въ зеленыхъ парикахъ, съ рыбьими хвостами, проходили однажды мимо почтеннѣйшей публики, и какъ иные шутники дергали насъ за эти хвосты, другіе стаскивали наши парики и потѣшались надъ нашимъ рыбьимъ безмолвіемъ; а намъ ничего больше не оставалось, какъ, подобравъ свои хвосты, бѣжать сломя голову отъ этихъ любезныхъ шутокъ почтенной публики.

Балетъ «Ацисса и Галатея» имѣлъ въ то время большой успѣхъ; прекрасная музыка для него была сочинена капельмейстеромъ Антонолини. Ацисса — представляла Новицкая, первая танцовщица; Галатею — Истомина (та самая, о которой такъ поэтично отзывается Пушкинъ въ I главѣ «Евгенія Онѣгина»).

Она дебютировала этою ролью; трехглазаго Полиеема изображалъ танцовщикъ и балетмейстеръ Огюсть (Пуаро). Всѣ они давно уже въ царствѣ тѣней, но тогда были полны жизни и въ полномъ цвѣтѣ своего таланта.

Постановка каждаго новаго балета составляла эпоху въ театральномъ балетномъ мірѣ. Мѣсяца два или три происходили ежедневныя репетиціи, поутру и вечеромъ, и, разумѣется, въ это время всѣ наши словесныя классы въ училищѣ умолкали; ноги и руки отдавались въ полное распоряженіе балетмейстера, а головы должны были думать только о томъ, что онъ приказывалъ.

Прошелъ годъ, я продолжалъ учиться у Дидло, который обѣщалъ моему отцу сдѣлать изъ меня первокласснаго фигуранта! Щелчки, пинки и прочія удовольствія, которыя я получалъ отъ него, доказывали, что онъ прилежно мною занимался и хотѣлъ сдержать свое обѣщаніе.

Однажды, во время класса, онъ заставилъ меня дѣлать разъ, называемое технически тан-леве назадъ. На мою бѣду, все что-то неклеилось. Дидло выходилъ изъ терпѣнія, бранилъ и трепалъ меня безпощадно, заставляя нѣсколько разъ повторять это проклятое тан-леве, но дѣло неладилось. Грозно стуча своей толстой палкой, онъ энергически наступалъ на меня, а я, танцуя, подавался назадъ, и наконецъ, когда мы оба съ нимъ находились посреди залы, на потолокъ которой висѣла тогда хрустальная люстра, онъ размахнулся своей палкой и разбилъ люстру въ дребезги. Толстые куски хрусталя упали на его лысую голову и до крови ее разсѣкли!

Тутъ окончательно онъ взбѣсился, ударилъ меня раза два или три и выгналъ изъ класса! Легко вообразить себѣ, какого шуму надѣлала у насъ эта кровавая катастрофа! Что меня прибилъ Дидло, разумѣется, это дѣло неважное, а какъ я смѣлъ довести его до того, что онъ разбилъ люстру на свою голову. Вотъ гдѣ преступленіе! Инспекторъ школы (отставной актеръ Рахмановъ) приказалъ мнѣ, послѣ класса, просить прощенія у моего учителя. Къ чести Дидло надо сказать, что при необыкновенной своей вспыльчивости онъ не былъ злопамятенъ, и когда я подошелъ къ нему и со слезами началъ у него просить извиненія, онъ погладилъ меня по головѣ и далъ мнѣ только наставленіе, чтобъ впредь я былъ прилежнѣе, а главное не подводилъ бы его

подъ люстру. «Это происшествіе оставило на нѣсколько дней у него красныя пятна на лысинѣ, а у меня синяки, на какомъ мѣстѣ, не помню. Я тоже незлопамятенъ.

Иногда добрякъ Рахмановъ вступался за насъ, горемыкъ, и говаривалъ Дидло: «Ты, мусье Дидло, пожалуйста, самъ-то ихъ не бей, а скажи лучше мнѣ, кто у тебя проштрафится, такъ я его послѣ накажу; а то, что же хорошаго? Искалечишь мальчишку, куда онъ потомъ годится?» Но, увы! вся эта добродушная логика не имѣла никакого вліянія на самоуправство деспота-балетмейстера.

Въ описываемое мною время ходилъ постоянно къ намъ на репетиціи и въ спектакли сбитеньщикъ, и какъ же былъ счастливъ тотъ изъ насъ, у кого была въ карманѣ гривна на это наслажденіе, особенно въ зимнюю пору. Грѣхъ сказать, чтобъ у меня всегда водились деньжонки, и мнѣ случалось иногда облизываться, глядя на наслажденіе моихъ товарищей; въ долгъ же мальчишкамъ жестокой сбитеньщикъ не вѣрилъ.

Однажды, во время репетицій вышеупомянутаго балета «Ацисъ и Галатея» пришелъ къ намъ другой сбитеньщикъ, который произвелъ необыкновенный эффектъ въ нашемъ зауличномъ муравейникѣ; онъ былъ очень высокаго роста, съ черной бородой и въ нахлобученной шапкѣ; въ баклагѣ у этого сбитеньщика былъ не сбитень, а отличный шоколадъ; кулекъ же его, вмѣсто обыкновенныхъ сухарей и булокъ, былъ наполненъ конфетами, бриошками и бисквитами, но что всего удивительнѣе, онъ подчивалъ всѣхъ даромъ! Эта новость, разумѣется, быстро разошлась между нами. Благодарнаго сбитеньщика всѣ обступили и ротъ разинули отъ удивленія.

За кулисами, гдѣ обыкновенно помѣщался прежній нашъ сбитеньщикъ, было всегда довольно темно и потому мудрено было разсмотрѣть это новое лицо. Когда я подошелъ къ нему, около его составился тѣсный кружокъ воспитанницъ, которыя слетѣлись, какъ мухи къ меду; само собою разумѣется, что вся его баклага и кулекъ быстро опустѣли; на мою долю досталась одна конфета, а шоколаду я и не понюхалъ. Эта курьезная новость дошла, наконецъ, и до старика Рахманова; онъ былъ тертый калачъ, и тотчасъ смекнулъ, что тутъ дѣло не ладно.

Едва только его тучная фигура появилась на мѣсто нашего

бражничанья, какъ всѣ бросились, съ кривомъ и визгомъ, въ рассыпную. Самъ же сбитеньщикъ побросалъ на полъ баклагу, бутель и стаканы и убѣжалъ опрометью изъ театра. Въ чемъ же заключалась эта закулисная комедія? Сбитеньщикомъ нарядился поручикъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка Якубовичъ (впоследствии извѣстный декабристъ). Онъ тогда ухаживалъ за воспитанницей Дюмонъ (которая потомъ вышла замужъ за актера Ефремова) и пришелъ на репетицію, чтобъ передать ей любовную записку. Этотъ Якубовичъ въ молодости былъ отчаянный кутило и дуэлистъ.

По возвращеніи изъ славнаго похода въ Парижъ, гвардейскіе офицеры того времени были большіе повѣсы вообще, а уланы въ особенности, и въ скандальную хронику Петербурга, вѣроятно, вписано много гвардейскихъ шалостей и удалыхъ походовъ.

Помню я, какъ рассказывали въ то старое доброе время одинъ забавный анекдотъ: однажды ночью, послѣ веселаго ужина, разгульная компанія офицеровъ разбрелась потѣшаться по Невскому проспекту, и въ продолженіе почти эти шутники перемѣнили нѣсколько вывѣсокъ надъ лавками и магазинами. Поутру у булочника оказалась вывѣска колбасника, надъ мясной лавкой—красовалась вывѣска французской модистки, надъ трактиромъ была вывѣска съ аптеки, надъ аптекой—гробоваго мастера и такъ далѣе. Нынче, конечно, подобныя проказы немислимы, но въ ту пору не было ночного полицейскаго надзора и инвалидные будочки незвозмутимо дремали у своихъ старозавѣтныхъ будокъ.

Шалость Якубовича, кажется, не была доведена до государя, и онъ за свой маскарадъ заплатился только пустой баклагой, разбитыми стаканами и расходомъ на закулисное угощеніе.

Во всѣхъ балетахъ того времени я участвовалъ въ кордебалетной толкотнѣ. На моей памяти Дидло сочинилъ и поставилъ: «Зефира и Флору», «Тезея и Ариадну», «Молодую молочницу», «Венгерскую хижину», «Рауля де-Креки», «Кору и Алонзо», «Калифа багдадскаго», «Хензи и Теа», «Тѣнь Либаса» и много другихъ. Вообще онъ ставилъ тогда по два, а иногда и по три новыхъ балета въ годъ. Дѣятельность этого необыкновеннаго хореографа была изумительна. Онъ буквально цѣлые дни вплоть до ночи посвящалъ своимъ непрерывнымъ занятіямъ. Ежедневно, по окончаніи классовъ въ училищѣ, онъ сочинялъ или пантомимы,

или танцы для новаго балета; передавалъ свои идеи композиторамъ музыки и машинистамъ, составлялъ рисунки декораціямъ, костюмамъ и даже бутафорнымъ вещамъ. Онъ былъ человѣкъ очень просвѣщенный, начитанный и художникъ, вполне преданный своему искусству. Не легко было, подѣ часъ, совладать съ нимъ и композиторамъ музыки для его балетовъ; тутъ бывали у нихъ вѣчныя столкновенія, споры, и бѣдному маэстро приходилось по нѣсколько разъ передѣлывать, перекраивать, переиначивать свои произведенія. Каждая репетиція новаго балета съ полнымъ оркестромъ необходима была безъ исторіи, и Дидло, за частую, изъ одной лишней такты готовъ былъ разыграть страшную фугу! Кончалось иногда тѣмъ, что разобиженный композиторъ махнетъ рукою и убѣжитъ изъ театра.

Года черезъ полтора послѣ моего поступленія въ школу; опредѣленъ былъ туда же Николай Дюръ (впослѣдствіи извѣстный актеръ); онъ былъ моложе меня пятью годами и я, какъ опытный уже воспитанникъ, помогаль ему добрыми совѣтами и сдѣлался его искреннимъ пріателемъ. Дюръ съ дѣтства готовился быть танцоромъ, и дѣйствительно имѣлъ большія способности. Вскорѣ Дидло особенно имъ занялся и, конечно, жестоко его билъ и мучилъ. Много было потрачено съ обѣихъ сторонъ и трудовъ, и времени совершенно бесполезно; вмѣсто танцора онъ сдѣлался прекраснымъ актеромъ и комическимъ пѣвцомъ.

Вообще, опредѣлить въ дѣтскихъ годахъ направленіе таланта или способностей почти невозможно. Такъ, напримѣръ, Сосницкій—тоже готовился быть танцоромъ и уже занималъ роли въ балетахъ; потомъ, года за два до выпуска изъ школы, занялся механикой и хотѣлъ сдѣлаться машинистомъ, но князь Шаховской, который тогда былъ членъ репертуарной части и учитель декламации, указаль ему другое поприще, вытащилъ его изъ-за кулисъ на сцену, и Сосницкій сдѣлался первокласснымъ актеромъ. Съ Мартыновымъ была та же исторія: мальчикомъ онъ учился живописи у декоратора Конопки, растиралъ ему краски, и конечно бы ступевался въ его мастерской, еслибъ его также ненадоумили попробовать счастье на другомъ поприщѣ. Иногда случается и наоборотъ: въ ребенкѣ какъ-будто ясно видѣнъ зародышъ драматическаго таланта, а потомъ изъ него выйдетъ косолапый фигурантъ или безголосный хористъ. Въ мое время, напримѣръ, сла-

вилась воспитанница Плотникова, которая въ дѣтствѣ была развита не по годамъ, но съ лѣтами талантъ началъ пропадать, и войдя въ совершенный возрастъ, она сдѣлалась положительною бездарностью и затерялась въ толпѣ хористокъ.

Еще у насъ въ то время былъ воспитанникъ Кондратій Дембровскій (или Кондракинъ, какъ его выставляли тогда на афишахъ), который также въ дѣтствѣ общался сдѣлаться замѣчательнымъ танцоромъ, но малый ростъ и некрасивая наружность преобразили его въ ничтожнаго фигуранта.

Однажды мы въ длинномъ фургонѣ (называемомъ линіей, форма которой и теперь еще не исчезла) возвращались съ репетиціи. Тогда противъ Большого театра жилъ нѣкто камеръ-юнкеръ Никита Всеволодовичъ Всеволожскій, котораго Дембровскій училъ танцовать. Это было весною, кажется, въ 1818 году. Когда поровнялся нашъ фургонъ съ окномъ, на которомъ тогда сидѣлъ Всеволожскій и еще кто-то съ плоскимъ, приплюснутымъ носомъ, большими губами и съ смуглымъ лицомъ мулата, Дембровскій высунулся изъ окна нашего фургона и началъ имъ усердно кланяться. Мулатъ снялъ съ себя парикъ, сталъ имъ махать надъ своей головой и кричалъ что-то Дембровскому. Эта фарса насъ всѣхъ разсмѣшила. Я спросилъ Дембровскаго: «Кто этотъ господинъ?» и онъ отвѣчалъ мнѣ, что это сочинитель Пушкинъ, который тогда только-что начиналъ входить въ извѣстность, по изданіи первой своей поэмы: «Русланъ и Людмила». Тутъ же Дембровскій прибавилъ, что послѣ жестокой горячки Пушкину vybrли голову и что-де, на дняхъ, онъ написалъ на этотъ случай стихи, которые Дембровскій прочелъ намъ наизусть:

«Я ускользнулъ отъ Эскулапа,
 «Худой, обрѣтый, но живой.
 «Его мучительная лапа
 «Не тяготѣеть надо мной!» и проч.

Вотъ случай, когда мнѣ въ первый разъ довелось увидѣть нашего поэта. Дембровскій самъ пописывалъ кое-какіе стишки и былъ страстный поклонникъ Пушкина; онъ, бывало, приносилъ къ намъ въ школу рукописныя его эпиграммы, эспромты и посланія. Какъ-то разъ, послѣ веселаго обѣда у Всеволожскаго, Пушкинъ вызвалъ Дембровскаго написать на него эпиграмму. Эпиграмму на Пушкина!!! Гигантъ вызвалъ карлика на борьбу съ

собою! Разумѣется, бѣдный фигурантъ долго отговаривался отъ этой опасной чести, но наконецъ рискнулъ и написалъ какую-то пошлость. Пушкинъ не задумался отвѣтить ему и отпуетиль, въ свою очередь, на Дембровскаго такую эпиграмму, которая его, бѣднягу, совершенно уничтожила.

Сколько мнѣ помнится, въ эпиграммѣ Дембровскаго было сказано что-то о некрасивой физиономіи Пушкина, и вотъ что отвѣчалъ ему Пушкинъ:

«Когда смотрюсь я въ зеркалѣ.
«То вижу, кажется, Эзопъ,
«Но стань* Дембровскій у стекла...
.....

Остальное неудобно для печати.

Теперь я поведу рѣчь о знаменитомъ актерѣ, который долго какъ солнце блисталъ на театральномъ горизонтѣ, но въ это время былъ уже на закатѣ своего славнаго поприща. Я хочу сказать объ Алексѣѣ Семеновичѣ Яковлевѣ. Это, дѣйствительно, былъ необыкновенный артистъ; умный, добрый и честный человѣкъ, но, къ несчастію, русская широкая его натура была слишкомъ воспріимчива и неупорядочена, и онъ съ молодыхъ лѣтъ предался грустной слабости, которая такъ обыкновенна въ русскомъ чело-вѣкѣ и которая часто заставляетъ его преждевременно зарывать свой талантъ въ землю! Много, много на св. Руси погибло ге-ніальныхъ людей отъ невоздержности и разгульной жизни! Ни свѣтлый умъ, ни воспитаніе, ни доброе и благородное сердце, ничто не въ состояніи ихъ удержать отъ губнаго увлеченія! Къ числу такихъ жертвъ принадлежитъ и Яковлевъ. По словамъ моего покойнаго отца, эта несчастная страсть появилась у Яковлева послѣ первой его поѣздки въ Москву (кажется въ 1805 или 1806 году); тамъ попалъ онъ въ общество богатыхъ и разгульныхъ купцовъ, которые были въ упоительномъ восторгѣ отъ прежняго своего собрата (Яковлевъ былъ москвичъ, изъ купеческаго званія); они задавали чуть не ежедневно въ честь своего гостя обѣды, пирушки и попойки, и положительно споили своего любимца!

Купеческія симпатіи къ артистамъ всегда имѣютъ такіа грустныя послѣдствія. Не одинъ Яковлевъ, на моей памяти, сдѣлался жертвою этихъ простодушныхъ цѣнителей искусства.

Эта несчастная страсть довела бѣднаго Яковлева въ послѣдствіи до бѣлой горячки, и однажды, въ припадкѣ этой болѣзни, онъ перерѣзалъ бритвой себѣ горло; но во-время поданная ему помощь спасла его отъ явной смерти; рану немедленно зашили и приняты были самыя старательныя мѣры для его излеченія.

Эта грустная катастрофа въ тотъ же день сдѣлалась извѣстна всему Петербургу. Всѣ классы общества были проникнуты горячимъ участіемъ и соболѣзнованіями къ своему любимому артисту. Старшіе воспитанники театрального училища, днемъ и ночью, поочередно дежурили у него на квартирѣ въ продолженіе шести недѣль, и я помню, по рассказамъ моего отца, что когда, по выздоровленіи, Яковлевъ вышелъ въ первый разъ на сцену въ роли Ярба (въ трагедіи Дидона, соч. Княжнина), то восторгъ публики дошелъ до изступленія; театральная зала дрожала отъ рукоплесканій и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ему невозможно было начать своей роли. Наконецъ крики и рукоплесканія умолкли; всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ждали услышать снова знакомые звуки своего любимца. Онъ силился произнести первый стихъ—и не могъ. Растроганный до глубины души артистъ, можетъ быть, въ эту торжественную минуту вполне сознавалъ свою вину. Голосъ его оборвался, крупныя слезы показались по его щекамъ и онъ безмолвно опустилъ голову! снова раздались рукоплесканія и крики, и наконецъ, кое-какъ собравшись съ силами, онъ началъ свою роль.

Въ этотъ вечеръ, по словамъ его современниковъ, онъ превозмогъ себя, а восторгъ публики былъ безпредѣленъ.

Года два или три послѣ этого происшествія, онъ, говорятъ, отсталъ отъ своей несчастной слабости и усердно занялся своимъ искусствомъ. Но, увы! широкая русская натура снова взяла свое, и закатъ его блистательнаго поприща зачастую былъ отуманенъ губительнымъ порокомъ.

Онъ умеръ въ 1817 году. На его надгробномъ памятникѣ написано:

«Завистниковъ — имѣлъ; соперниковъ — не зналъ!»

Эпитафія красива и звучна. Но кто же теперь повѣритъ этой восторженной аттестаціи? Да, надо признаться, что очень непрочно и мимолетна репутація сценическихъ артистовъ. Что можетъ быть при жизни заманчивѣе, пріятнѣе, лестнѣе славы

артиста?... Тутъ же, въ минуту своего труда, онъ получаетъ и награду. Каждая новая, съ успѣхомъ сыгранная имъ роль увеличиваетъ его славу; онъ ходитъ по цвѣтамъ, его вѣнчаютъ лаврами; онъ осыпанъ ласками восторженной публики, его слухъ оглушенъ громомъ рукоплесканій и крикомъ одобренія,— но все это эфемерная награда! Что же послѣ себя оставляетъ великій артистъ?... Ровно ничего! Художникъ, живописецъ, ваятель, архитекторъ, музыкальный композиторъ— всѣ они передаютъ на судъ потомства свои произведенія, по которымъ оно можетъ оцѣнить ихъ, опредѣлить силу ихъ дарованій, идей и талантовъ; но на какихъ данныхъ потомство можетъ сдѣлать оцѣнку таланта сценическаго художника. Нѣсколько журнальныхъ статей, нѣсколько мемуаровъ старинныхъ театраловъ— и только! Но развѣ новое поколѣнiе уважить эти похвальные отзывы? Нѣтъ, оно скажетъ: «Да, это имъ казалось въ то время, а теперь бы ихъ знаменитый актеръ былъ просто смѣшонъ. Эти восторженные хвалители были тогда сами молоды, судили пристрастно и ошибочно увлекались». Что же возражать на это? Повѣривъ сдѣлать нельзя. Современныя зоицы не примутъ въ соображеніе того, что еслибъ этотъ знаменитый актеръ жилъ въ теперешнее время, онъ бы и игралъ иначе. Съ измѣненіемъ общественнаго вкуса, требованія и направленія драматической литературы, измѣнилась бы и метода умнаго и талантливаго артиста. Онъ также пошелъ бы за вѣкомъ.

Не спору, что журнальные панегирики и восхваленія ничего еще не доказываютъ и бываютъ иногда очень подозрительны. За границей вообще, а во Франціи въ особенности, ни одинъ дебютантъ, а тѣмъ болѣе дебютантка, никогда не выступитъ на сцену, не задобривъ прежде одного или многихъ присяжныхъ театралныхъ рецензентовъ. Если знаменитый, въ свое время, критикъ Жюль-Жаненъ, какъ говорятъ, не могъ похвалиться своей неподкупностью, такъ мелкіе репортёры и подавно.

Чего не настроичитъ упитанный и упоенный аристархъ послѣ вкуснаго завтрака или обѣда; а за цѣнный подарокъ готовъ, пожалуй, написать хвалебную рекламу, хоть подъ диктовку своего протеже.

Разумѣется, у насъ этого ничего быть не можетъ, но смѣшно и грустно, если, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, будущее поколѣнiе ста-

неть судить объ нынѣшнихъ артистахъ по нашимъ современнымъ журналамъ и газетамъ.

Я живо помню Яковлева въ трехъ роляхъ: въ Димитріи Донскомъ, въ Беверлей и въ Мейнау (драма «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», Коцебу). Особенно послѣдняя производила на меня всегда сильное впечатлѣніе. Эта, такъ-называемая, мѣщанская драма не требовала классической декламации, и Яковлевъ былъ въ ней простъ и художественно высокъ; мимика, жесты — все было у него естественно и правдиво; голосъ его хотя тогда уже утратилъ прежнюю свою звучность, но все еще сохранилъ обаятельную способность глубоко проникать въ душу.

Знаменитая фраза Мейнау, въ сценѣ съ его другомъ Гортомъ, послѣ разказа о своей несчастной исторіи съ женой, когда онъ, утирая слезы (которыя, дѣйствительно, текли по его лицу) говоритъ: «добро пожаловать, дорогіе гости!... давно мы съ вами не видались!...» производили всегда взрывъ рукоплесканій. Тутъ надо было имѣть очень черствое сердце, чтобъ не заплакать съ нимъ вмѣстѣ. Послѣдняя же сцена — прощаніе съ женой (которую тогда играла моя матушка) была верхъ совершенства; Беверлей былъ также изъ числа его лучшихъ ролей. Эта послѣдняя пьеса напомнила мнѣ анекдотъ, слышанный мною отъ моей матушки: однажды въ этой драмѣ дебютировалъ нѣкто Толстяковъ, неуклюжій, бездарный чудакъ. Въ этотъ вечеръ отчаянный игрокъ Беверлей, вмѣсто обычнаго ужаса, производилъ ежеминутный хохотъ, благодаря бездарности своего исполнителя. Въ сценѣ, когда Беверлей приходитъ домой послѣ окончательнаго проигрыша, и жена говоритъ ему: «Другъ мой! Не играй больше!» взрывъ рукоплесканій раздался по всей залѣ и общій хохотъ и браво были рѣшительнымъ отвѣтомъ и желаніемъ публики. Толстяковъ исполнилъ это требованіе: не игралъ больше, хотя и поступилъ на службу въ театръ. Онъ сдѣлался статистомъ.

П. А. Каратыгинъ.

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

Воспоминанія о польской войнѣ 1831 года.

Вторая часть „Записокъ Давыдова“ состоитъ изъ обзорѣнія военныхъ дѣйствій русской армии, обширнаго критическаго разбора плановъ и распоряженій Дибича, характеристики этого фельдмаршала, а также нѣкоторыхъ его сподвижниковъ, и наконецъ сжатаго изложения собственнаго участія въ кампаніи. Вся эта часть отличается тѣмъ же мастерствомъ изложения, образностью и живостью красокъ въ описаніяхъ, мѣткостью и остроуміемъ въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ; для военныхъ же людей—это цѣлый курсъ чрезвычайной важности, практическихъ замѣтокъ война, перебивавшаго въ четырнадцать большихъ кампаніяхъ и со славою участвовавшаго въ безчисленныхъ сраженіяхъ и партизанскихъ стычкахъ.

Основной списокъ при изданіи этой части принятъ нами тотъ, который сообщилъ сынъ партизана, В. Д. Давыдовъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы прибавили примѣчанія, какія нашли въ спискѣ, изданномъ кн. П. Долгоруковымъ (Лондонъ, 1863 г.) и въ спискѣ, обязательно сообщенномъ генераломъ А. Распоповымъ. Послѣдній списокъ полученъ генераломъ лично отъ покойнаго фельдмаршала кн. Паскевича и, по сличеніи его съ совершенно вѣрнымъ спискомъ сына автора, отличается слѣдующими особенностями: онъ видимо снятъ челоуѣкомъ, взявшимъ на себя трудъ исправлять и сокращать изложеніе партизана; эти исправленія отняли въ своеобразномъ слогѣ Дениса Давыдова всю прелесть, а сокращено изъ записокъ, т.-е. выкинуто все то, что относится къ критикѣ дѣйствій Дибича и въ особенности Паскевича, и объ отношеніяхъ послѣдняго къ Ермолову. Если всѣ эти передѣлки были сдѣланы лицомъ, поднесшимъ списокъ кн. Паскевичу, то такимъ образомъ фельдмаршалъ могъ до самой кончины не знать текста записокъ Давыдова въ ихъ подлин-

номъ видѣ. Въ замѣнѣ критики дѣйствій русскихъ главнокомандующихъ въ спискѣ, принадлежавшемъ Паскевичу, помѣщена довольно большая замѣтка о дѣйствіяхъ польскихъ военачальниковъ. Замѣтку эту мы помѣстили въ приложеніи къ нашему изданію „Записокъ“.

Ред.

VII ¹⁾.

13-го января 1832 г. сеймъ на предложеніе нунція Солтыка, о коемъ такъ часто въ семъ сочиненіи упоминается, объявилъ престолъ царства польскаго празднымъ, и чрезъ то отнялъ у людей благомыслящихъ послѣднія надежды на посредничество Франціи и Англии между царствомъ и нашимъ императоромъ ²⁾).

17-го января явилось новое правленіе, подъ названіемъ народоваго или національнаго. Исполнительная власть препоручена была пяти членамъ, безъ отчетности, и министрамъ, подвластнымъ отчетности сейма и сената. Это была пародія покойной французской Директоріи, какъ возстаніе царства пародія французской революціи 23-го ноября и Хлопицкій 18-го брюмера и Наполеону, болтовня сейма — преніямъ Конвента, Лелевель — Робеспьеру и польская нація — французской.

Чарторижскій назначенъ былъ президентомъ этого правленія.

Между тѣмъ, съ нашей стороны, при самыхъ великодушныхъ и милосердныхъ увѣщаніяхъ, не было усыпленія относительно побороенія враждебныхъ усилій царства, въ случаѣ если увѣщанія останутся безъ успѣха. Летѣли курьеры въ корпуса, назначенные

¹⁾ См. «Русск. Стар.», изд. 1782 г., т. V, стр. 624—639; т. VI, стр. 1—38.

²⁾ Франція по сему предмету выслала ко двору нашему герцога Мортемара. Мортемаръ встрѣтилъ на пути изъ Берлина въ Петербургъ польскаго дипломатическаго агента Козмяка, ожидавшаго его пріѣзда. Козмякъ, между прочими извѣстіями, объявилъ ему о предложеніи упраздненія престола польскаго, сдѣланномъ сейму. (Предъ отъѣздомъ Козмяка, т.-е. 9-го января сдѣлано было одно только предложеніе, которое не получило еще утвержденія сейма). Это извѣстіе поразило Мортемара. «Наставленія, данныя мнѣ, сказалъ онъ Козмяку: предоставляютъ мнѣ право дѣйствовать въ пользу царства въ такомъ только случаѣ, когда царство останется относительно къ Россіи такъ, какъ оно создано вѣнскимъ конгрессомъ; если же оно переступитъ за эту черту, то я торжественно предупреждаю чрезъ васъ польскую націю, не полагаться уже болѣе на помощь Франціи». Въ заключеніе Мортемаръ просилъ Козмяка немедленно скакать въ Варшаву и остановить опредѣленіе объ упраздненіи престола. Козмякъ возвратился въ Варшаву и объявилъ о предложеніи Мортемара, но уже было поздно: дѣло было сдѣлано. Д. Д.

въ составъ дѣйствующей арміи, съ повелѣніемъ немедленно слѣдовать къ западной границѣ нашей. Туда же двинулись огромные подвозы съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ; польско-россійскія губерніи объявлены въ военномъ положеніи и составленъ главный штабъ арміи изъ слѣдующихъ лицъ:

Главнокомандующій генераль-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій.

Начальникъ главнаго штаба генераль-адъютантъ графъ Толь.

Генераль-квартирмейстеръ ген.-адъютантъ Нейдгартъ 2-й.

Начальникъ артиллеріи генераль-адъютантъ Сухозанетъ.

Генераль-инженеръ генераль-майоръ Денъ 1-й.

Генераль-интендантъ сенаторъ Абакумовъ.

Директоръ госпиталей полковникъ Тишинъ 2-й.

Первый изъ нихъ выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ армію 18-го, второй 16-го декабря, прочіе прежде или немедленно послѣ нихъ.

Мы часто и понынѣ слышимъ порицанія Россіи за долговременную борьбу ея съ Польшею, обладающей средствами столь много уступающими средствамъ Россіи. И подлинно, нельзя не удивляться, какъ немедленно по возстаніи Польши 54-хъ-милліонному народонаселенію не задавить было 4-хъ-милліонное народонаселеніе, или армію, состоящей изъ милліона воиновъ, армію, едва состоявшую изъ тридцати тысячъ войска. Задачу сію рѣшаетъ разстояніе и время. При внимательномъ и чуждомъ пристрастія разсмотрѣніи мы видимъ, что царство польское, заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ, имѣло всѣ военныя средства свои подъ рукою, слѣдовательно было готово къ военнымъ дѣйствіямъ вскорѣ по выступленіи войскъ его величества изъ царства; тогда какъ Россія, обладающая несравненно большими способами, вмѣстѣ съ сими обладаетъ соразмѣрно съ ними и большимъ пространствомъ, по коему способы сіи были разсѣяны. Нѣсколькихъ недѣль достаточно было для польскаго народнаго правленія, чтобы сплавить въ единый слитокъ всѣ свои силы, или по крайней мѣрѣ большую часть оныхъ; Россія же нуждалась по крайней мѣрѣ въ двухмѣсячномъ срокѣ, чтобы сосредоточить на границѣ царства небольшую часть своихъ военныхъ силъ и всѣ необходимыя для веденія войны принадлежности. Словомъ, говоря языкомъ военнымъ, въ продолженіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ это царство въ отношеніи къ Россіи могло уподобиться сильной ко-

лоннѣ войскъ, готовой ударить на средину въ двадцать разъ сильнѣйшей, но чрезмѣрно растянutoй ея арміи, слѣдовательно, не представляющей достаточной силы для отпора непріятеля, могущаго избрать одну лишь точку для натиска. И дѣйствительно, этотъ неожиданный мятежъ засталъ армію нашу частію едва возвратившуюся въ Россію послѣ двухлѣтняго гибельнаго пребыванія своего въ краѣ, изобилующемъ всѣми родами болѣзней, невыносимыхъ сѣверными жителями, гдѣ они погибали тысячами отъ чумной заразы ¹⁾. Тѣ войска, которыя изъ Турціи пришли уже на мѣста, свои, заняты были необходимымъ устройствомъ всѣхъ частей, разстроенныхъ продолжительнымъ и изнурительнымъ походомъ, укомплектованіемъ себя рекрутами, ремонтами молодыхъ лошадей и вообще всѣми необходимыми потребностями. (Сверхъ того, разстояніе отъ театра войны какъ этихъ войскъ, такъ и тѣхъ, кои не участвовали въ турецкой войнѣ, было чрезмѣрно велико. Нѣкоторые получили повелѣніе выступить въ походъ изъ окрестностей Петербурга, Москвы, Орла, Харькова, Херсона и даже въ самый развалъ зимы, всегда неблагоприятной и затрудняющей перемѣщеніе всякаго рода войскъ, особенно артиллеріи и тяжестей. Вотъ причина двухмѣсячной отсрочки въ потушеніи мятежа царства польскаго. Мы далѣе увидимъ, что не отъ недостатка ревности и врожденной неустрашимости нашихъ войскъ, какъ то старались разглашать по Европѣ враги Россіи, и отъ недостатка въ сѣстныхъ подвоязахъ, въ боевыхъ предметахъ и въ прочихъ потребностяхъ, необходимыхъ для военнаго дѣйствія, воиновъ было весьма достаточно и даже изобильно, продолжалась борьба эта еще 7 мѣсяцевъ.....

Съ прискорбіемъ долженъ я сказать, что единственнымъ виновникомъ продолженія войны былъ самъ генераль-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, главнокомандующій нашею арміею. Клеймо провѣтія горитъ на его памяти въ душѣ важдаго россиянина, кто бы онъ ни былъ,—другъ ли его, или человекъ имъ облагодѣтельствованный, если только честь и польза отечества дороже для него всѣхъ частныхъ связей и отношеній.

¹⁾ Смертность въ нашихъ войскахъ, во время пребыванія ихъ въ Турціи, была такъ велика, что многіе поляки, будучи два раза укомплектованы, состояли лишь изъ 70-ти рядовыхъ, въ томъ числѣ и музыкантовъ. Главная армія, съ которою Дибичъ намѣревался двинуться на Константинополь, заключала въ себѣ лишь 10,000 человекъ.

Дибичъ былъ для меня человѣкомъ рѣшительно чуждымъ, къ которому я никогда не питалъ особеннаго сочувствія, но онъ не былъ человѣкомъ злымъ и безусловно вреднымъ. Не взирая на чрезмѣрную запальчивость своего характера, онъ былъ одаренъ добрымъ сердцемъ и нѣкоторымъ военнымъ благородствомъ, нѣсколько помутившимся на поверхности отъ долговременнаго пребыванія при дворѣ, но въ глубинѣ еще яснымъ и чистымъ. Вотъ почему я, скрѣпя сердце, о немъ упоминаю, и будь онъ — онъ одинъ — жертвою своихъ проступковъ, я конечно умолчалъ бы о человѣкѣ, обладавшемъ нѣкоторыми блистательными качествами; но проступки его отразились на дѣвственную честь и славу невиннаго въ нихъ русскаго воинства, и тутъ уже въ душѣ моей нѣтъ пощады ни брату, ни отцу родному. Да, Дибичъ есть единственный оскорбитель гордости народа русскаго, единственный оскорбитель чести, славы и оружія богатырской нашей арміи; недовершеніемъ побѣды ея подъ Гроховымъ, нелѣпостью послѣдующихъ предначертаній и дѣйствіями оцупью во всѣхъ предпріятіяхъ, потерей духа и разума во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а главное принятіемъ на себя въ столь важную эпоху обязанности выше силъ, — онъ во всемъ этомъ не только виновенъ, но даже великій преступникъ.

Я зналъ Дибича съ офицерскаго чина. Служа въ кавалергардскомъ, а онъ въ семеновскомъ полку, мы въ однихъ чинахъ ставали вмѣстѣ во внутреннихъ караулахъ, и потому часто находились неразлучно по цѣлымъ суткамъ съ глазу на глазъ. Потомъ мы были оба подполковниками въ отечественную войну 1812 года, и когда, три года послѣ оной, онъ возведенъ былъ на степень начальника главнаго штаба 1-й арміи, я былъ въ той же арміи начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, что доставило мнѣ случай имѣть съ нимъ непосредственныя и довольно частыя сношенія по службѣ; наконецъ онъ вознесся еще выше, и я уже потерялъ его изъ виду. Я помню, что въ кавалергардской залѣ, у камина, онъ неоднократно разсказывалъ мнѣ, какъ за два года предъ тѣмъ онъ былъ привезенъ изъ берлинскаго кадетскаго корпуса въ Петербургъ совершеннымъ неучемъ, и какъ онъ самъ собою получилъ кое-о-чемъ весьма поверхностныя свѣдѣнія относительно военной науки. Онъ жаловался на бѣдность своего состоянія, не позволявшаго ему нанимать учителей и покупать воен-

ныя книги, которыя всѣ почти были съ планами и картами, и потому стоили не дешево. Я былъ въ томъ же положеніи, слѣдовательно мы другъ друга понимали, и вмѣстѣ горюя, прихлебывали у камина жиденъкій кофе; другими напитками мы еще не занимались. Въ то время жилъ въ Петербургѣ нѣкто Торри, майоръ генеральнаго штаба, хвастунъ, пустословъ и человѣкъ весьма ограниченныхъ свѣдѣній, но пользовавшійся репутаціею ученаго по своей части, потому что часть эта была въ то время скудна въ знающихъ ремесло свое чиновникахъ, и потому Торри рассказывалъ всѣмъ и каждому о службѣ своей при маршалѣ Бертье, въ главномъ штабѣ Бонапарта; этого было довольно, чтобы считать его едва ли не четверть-Бонапартомъ и не пол-Бертье, относительно свѣдѣній и дарованій.

Не помню при какихъ обстоятельствахъ, Дибичъ и я, скопивъ небольшой капиталъ, стали брать, каждый на своей квартирѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, уроки у Торри; собираясь во время карауловъ, мы другъ другу отдавали взаимно отчетъ въ оказанныхъ успѣхахъ. Въ то же время и у того же Торри брали уроки и графъ Михайлъ Воронцовъ, служившій тогда поручикомъ въ преображенскомъ полку и кн. Мих. Голицынъ, служившій въ семеновскомъ полку и убитый въ 1807 году подъ Ландсбергомъ.

Вскорѣ наступили наполеоновскія войны; раскрылась другого рода книга и другого рода Торри явился съ суровой ферулой наставника. Въ 1805-мъ году подъ Аустерлицомъ Дибичъ сражался, подобно всѣмъ своимъ товарищамъ семеновскаго полка, и запечатлѣлъ кровью благородный порывъ своей храбрости. Въ 1807-мъ году, по прибытіи гвардіи на театръ военныхъ дѣйствій въ восточную Пруссію, Дибичъ изъ семеновскаго полка былъ приписанъ, на время кампаніи, къ генеральному штабу гвардіи. Я полагаю, что въ теченіе сего трехмѣсячнаго похода онъ приобрѣлъ нѣсколько практическаго навыка по сей части, что же касается до теоретическихъ свѣдѣній въ военной наукѣ, то онъ послѣ Торри ни у кого уже не учился. Были слухи, что онъ бралъ урски и у генерала Фуля¹⁾; если это правда, то въ этомъ

¹⁾ Объ этомъ чудацкѣ-генералѣ, своими совѣтами Александру I чуть не погубившемъ русскую армію въ 1812 г., см. свѣдѣнія въ «Русской Старинѣ», изд. 1870 г., т. I, стр. 348 (по I-му изд.).

случаѣ можно выворотить на изнанку русскую пословицу и сказать: не ученье свѣтъ, а ученье тьма; но я этому не вѣрю. Вотъ все, что я знаю и врядъ ли кто болѣе знаетъ меня относительно источниковъ его познаній.

Дибичъ былъ человѣкъ умный—это безспорно, но умъ, подобно безумію, имѣетъ многія степени. Умъ Дибича далеко не былъ необыкновеннымъ. Кажется, что ему была бы по плечу какая-нибудь войнишка, съ какимъ-нибудь гессенскимъ курфирстомъ, но врядъ ли онъ могъ бы управиться и съ королемъ саксонскимъ. Въ этомъ порукою Кулевча. И сія битва превзошла дарованія Дибича ¹⁾. Приведа на память сіе сраженіе, можно судить, что случилось бы, если-бъ турки вздумали умно защищать Балканы и Румелію? Словомъ, я полагаю, что помочи были необходимы для Дибича, и что званіе корпуснаго командира или начальнива главнаго штаба у рѣшительнаго, твердаго и знающаго свое дѣло главнокомандующаго есть очеркъ Попилія, чрезъ который никогда бы не слѣдовало ему переступать. Его двинули за сей очеркъ и спустили съ помочей отъ ложнаго заключенія, что тотъ, кто оказалъ дарованія въ званіи оберъ- и генераль-квартирмейстера или начальника главнаго штаба арміи, неминуемо долженъ обладать всѣми качествами, необходимыми для главнокомандующаго. Безспорно, что нѣтъ правилъ безъ исключенія, но отличное исполненіе обязанностей въ сихъ званіяхъ не есть достаточное мѣрило дарованій и достоинствъ человѣка, опредѣленнаго быть главою и душою арміи. Предлагать начальнику отважныя предпріятія и при неудачахъ отстраняться отъ отвѣт-

¹⁾ Дибичъ, отличавшійся всегда замѣчательною храбростію, во весь день сраженія при Кулевчѣ находился въ шести верстахъ отъ поля битвы, съ зрительною трубой въ рукахъ; онъ при этомъ сказалъ: «Такъ какъ Толъ составилъ планъ сраженія, то пусть онъ самъ и распоряжается въ немъ». Д. Д.

Отъ редакціи. Въ одномъ изъ списковъ настоящей рукописи есть еще слѣдующая приписка: «Сраженіе при Кулевчѣ было выиграно, какъ извѣстно, самымъ непонятнымъ и чудеснымъ образомъ, лишь благодаря паническому страху, распространившемуся въ турецкой арміи вслѣдствіе взрыва нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ. Графъ Толъ, а еще менѣе Дибичъ, не виновны въ одержаніи этой побѣды, имѣвшей огромные результаты; позиція, избранная для нашей арміи, была крайне пересѣчена и невыгодна для принятія боя. Арнольди прискакалъ съ своими орудіями уже по отбитіи главныхъ атакъ турокъ, которые, послѣ нѣсколькихъ блистательныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, обратились въ рѣшительное бѣгство».

ственности, оставляя ему все бремя, а при успѣхахъ раздѣлять съ нимъ славу предпріятія, не то, что самому рѣшаться на предпріятія, всегда болѣе или менѣе гадательныя и принимать на себя отвѣтственность предъ властями и общественнымъ мнѣніемъ за малѣйшую неудачу. Для послѣдняго необходимы рѣшительность и сила воли, которыя суть основныя стихіи нравственнаго состава истиннаго полководца; въ этихъ-то стихіяхъ нуждалась и нуждается большая часть военачальниковъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Вотъ отчего великіе полководцы столь рѣдки, и вотъ отчего мантія полководца была не по росту Дибичу.

Говоря о Дибичѣ, дабы не навлечь на себя упрекъ въ пристрастіи, я не умолчу о благородномъ поведеніи его въ Грузіи. куда онъ былъ присланъ по высочайшему повелѣнію для произведенія слѣдствія надъ главнымъ начальникомъ края, котораго ему велѣно было смѣнить ¹⁾. Генераль-адъютантъ Паскевичъ, по наущенію Корганова, прозваннаго Ермоловымъ за вполне предосудительное его поведеніе «Ваньвой-Каиномъ», подалъ на своего начальника доносъ, по полученіи котораго отправленъ былъ въ Тифлисъ баронъ Дибичъ, который послѣ произведеннаго слѣдствія убѣдился, что это есть лишь гнусный вымыселъ противъ человека, заслужившаго всеобщую любовь, преданность и уваженіе. Донося о семъ государю, равно и о томъ, что дѣла въ Грузіи въ наилучшемъ порядкѣ, Дибичъ простеръ свою смѣлость до того, что осмѣлился представить его величеству необходимость вызвать изъ Грузіи генерала Паскевича, который, по его мнѣнію, не въ состояніи былъ постичь нужды края. Во время пребыванія своего въ Тифлисъ, онъ ежедневно видался съ Ермоловымъ, готовившимся выступить съ нимъ подъ Эривань. Къ нему осмѣлился явиться Коргановъ, вызываясь сдѣлать доносы на Ермолова, но Дибичъ, не подражая Паскевичу, прогналъ его отъ себя. Около этого времени прибылъ въ Грузію флигель-адъютантъ полковникъ А., вѣроятно съ тайнымъ порученіемъ наблюдать за самимъ Дибичемъ, котораго поведеніемъ въ Грузіи не совсемъ оставались довольны въ Петербургѣ. Весорѣ новый фельдъ-

¹⁾ Объ участіи Дибича на Кавказѣ въ дѣлѣ объ увольненіи Ермолова, лучше Давыдова, свидѣлствуютъ подлинныя секретныя донесенія самого Дибича императору Николаю. Эти важныя бумаги впервые явились въ печати въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г. т. V, стр. 706—726; и т. VI, стр. 39—70. **Ред.**

егерь привезъ барону Дибичу подтвердительное повелѣніе о смѣнѣ Ермолова. Это привело Дибича въ величайшее смущеніе, и онъ невольно вскрикнулъ: «они не понимаютъ, что дѣлаютъ»¹⁾. Передавая Ермолову сіе высочайшее повелѣніе, онъ просилъ его не прощаться съ войсками, питавшими къ нему величайшую преданность и благоговѣніе. На вопросъ Дибича передать ему какую-либо просьбу, которую онъ обѣщаль повергнуть къ стопамъ государя, Ермоловъ отвѣчалъ:

— «Я прошу лишь сохраненія правъ и преимуществъ чиновника 14-го класса, что избавляло бы меня, по крайней мѣрѣ, отъ тѣлеснаго наказанія».

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого событія, Дибичъ, чрезъ флигель-адъютанта князя Николая Долгорукова, просилъ Ермолова предупредить его своимъ выѣздомъ изъ Тифлиса, потому что онъ не могъ ручаться, чтобы Паскевичъ не нанесъ бы ему какого-либо оскорбленія.

— «Благодарите барона, отвѣчалъ Ермоловъ, за его обо мнѣ попеченія и заботы; это не можетъ случиться, ибо при малѣйшемъ покушеніи оскорбить меня, я прикажу войскамъ связать его, что будетъ тотчасъ исполнено, и тогда буду просить барона Ивана Ивановича успокоить государя, что начальство надъ войсками приму не я, но кто-нибудь изъ младшихъ по немъ генераловъ».

Дибичъ, возвращаясь въ Россію, встрѣтилъ на кавказской линіи ѣхавшаго въ Пятигорскъ генерала Сабанѣва, которому онъ сказалъ: «Государь не знаетъ кого онъ лишилъ; я нашелъ край въ блистательномъ порядкѣ и войско, одушевленное духомъ Екатерининскимъ и Суворовскимъ; Паскевичу будетъ легко пожинать лавры».

Я достовѣрно знаю, что Дибичъ сомнѣвался въ успѣхѣхъ при отбѣздѣ своемъ въ Турцію; но ни турецкая армія, ни турецкій народъ не защищались, и удача увѣнчала походъ баловня фортуны.

Упоенный удачами своими въ Турціи, Дибичъ уже ѣхалъ въ Польшу въ полной увѣренности на побѣду при первомъ своемъ

¹⁾ Я весьма много почерпнулъ изъ разсказовъ правителя дѣлъ барона Дибича. Ивана Зиновьевича Ваценко, кн. Ник. Андр. Долгорукова и почтеннаго Ивана Васильевича Сабанѣва.

(Примѣч. изъ другого списка Зап. Давыдова).

появленіи. Произошло однако то, чего должно было ожидать. Одержанные имъ успѣхи въ Турціи вознесли самонадѣянность его за предѣлы благоразумія, а первый отпоръ въ Польшѣ и многосложность неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вдругъ воспрянувшихъ и имъ вовсе непредвидѣнныхъ, окончательно поколебали эту самонадѣянность и совершенно убили въ немъ присутствіе духа, безъ котораго даже сдачу въ вистъ разыграть затруднительно. Таковъ былъ Дибичъ! Долго успѣхи сопутствовали ему во всѣхъ предпріятіяхъ, но чѣмъ окончились всѣ усилія его къ достиженію сферы, несоотвѣтствовавшей его дарованіямъ? Получивъ начальство надъ арміею въ Польшѣ, что почиталось его совмѣстниками за верхъ благополучія, онъ возвысился надъ толпой, насколько веревка возвышаетъ висѣльника. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей и подозрѣнія, невольна запавшаго въ душу каждаго солдата, что главнокомандующій подкупленъ врагами, я написалъ слѣдующую пѣсню, имѣвшую нѣкоторый современный успѣхъ:

Голодный пѣсь.

Охъ какъ храбрится
Нѣмецкій фонтъ,
Какъ горячится
Нашъ херъ-баронъ.
Ну вотъ и драка,
Вотъ лавровъ возъ!
Хватай собака,
Голодный пѣсь.

Кипятъ и рдѣють
На бой полки:
Знамена вѣють
Горятъ штыки,
И забіяка
Палашъ вознесъ!
Хватай собака,
Голодный пѣсь.

Адрианополь
Безъ битвъ у ногъ,
Константинополь
Въ чаду тревогъ;
Что-жъ ты зѣвака
Повѣсилъ носъ?
Хватай собака,
Голодный пѣсь.

Ляхъ изъ Варшавы
 Намъ кажитъ шишь,
 Что-жъ ты шаршавый
 Подъ лавкой спишь?
 Задай, лояка,
 Варшавъ чось!
 Хватай собака,
 Голодный песь!

— «Все это жжется;
 Я братъ привыкъ,
 Что такъ дается.
 Царь-градъ великъ,
 Боюсь я ляха!»
 А ты небось!
 Хватай собака,
 Россійскій песь.

Такъ вотъ крещенды
 Звѣздъ, лентъ, крестовъ,
 Двѣ-три аренды,
 Пять-шесть чиновъ:
 На шнапсъ, гуляка,
 Вотъ денегъ возъ!
 Схватилъ собака,
 Голодный песь.

Вотъ тотъ, кому Россія обязана семимѣсячною отсрочкой въ покореніи царства польскаго, отсрочкою въ глазахъ ея порицателей столь предосудительной государству, употребившему не болѣе времени, чтобы побѣдить самого Наполеона и его европейскую армаду; но повторяю, корень зла скрывается не въ русскомъ войскѣ, а въ личности самого Дибича.

При всемъ томъ мнѣніе иностранцевъ не перестаетъ быть противнымъ чести русскаго оружія. Всѣ осуждаютъ армию нашу и частныхъ ея начальниковъ въ недостаткѣ энергіи и умѣнья прекратить войну единымъ ударомъ; но легче осуждать, основываясь на слухахъ и словахъ другихъ, чѣмъ до осужденія основательно изслѣдовать, въ какой степени мы заслуживаемъ порицанія. Спросите упорнѣйшихъ порицателей, до чего простиралось во время войны число войскъ обѣихъ воюющихъ сторонъ? Какія были предприняты движенія обѣими противудѣйствовавшими арміями? Къ удивленію вашему, они ничего не скажутъ, ибо ни о чемъ не знаютъ; я же, въ качествѣ свидѣтеля и участника, могу сказать,

что война эта носила на себѣ совершенно особенный отпечатокъ. Она достойна вниманія не по недостатку въ войскахъ нашихъ мужества и энергіи и дарованія въ частныхъ ея начальникахъ, а напротивъ, отъ особеннаго положенія той и другой воюющей стороны. Усилія нашей арміи не ограничивались одной борьбой съ польскимъ войскомъ и возставшими въ тылу ихъ польско-россійскими губерніями, но имъ надлежало въ одно и то же время бороться и съ полководцемъ, начальству котораго они были ввѣрены. Спрашиваю, какая армія въ мірѣ выдержала бы подобное испытаніе? Пораженная всѣмъ этимъ, она предавалась на побіеніе польскимъ войскамъ и ихъ начальникамъ, какъ окованный левъ стаѣ шавоѣ и мордашевѣ; но при всемъ томъ, если исключимъ частныя неудачи Гейсмара подъ Сточекомъ, Крейца подъ Казиницами и Розена на брестскомъ шоссе, всѣ сраженія были выиграны русскими, не взирая на то, что числительная сила обѣихъ воюющихъ армій мало въ чемъ одна другой уступала до самаго взятія Варшавы и были случаи, въ которыхъ превосходство войска было на сторонѣ непріятеля. Я говорю какъ было, а не такъ, какъ печаталось въ польскихъ, французскихъ, англійскихъ газетахъ и разглашалось россійскими общемирными гражданами.

VIII.

Армія наша, движимая той страстью къ военнымъ случайностямъ, столь свойственной каждому русскому, и всеобщимъ негодованіемъ при извѣстіи о наглыхъ требованіяхъ троекратно покореннаго ею народа того, что самъ великій Наполеонъ совѣстился явно требовать, бодро выдержавъ всѣ трудности зимняго похода, явилась въ 20-му январю 1831 года на вызовъ своего противника. Въ сей день снѣжный горизонтъ восточной границы царства покрылся громадами войскъ нашихъ; холмы Нѣмана, Наревы и Буга закурились длинными рядами бивуаковъ, и штыкъ русской сверкнулъ мщеніемъ предъ знакомымъ ему войскомъ польскимъ. Армія наша состояла изъ 1-го и 6-го (бывшаго литовскаго) пѣхотныхъ корпусовъ, гренадерскаго корпуса, 3-го и 5-го резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ и гвардейскаго отряда; всего изъ 106-ти баталіоновъ пѣхоты, 135-ти эскадроновъ кавалеріи, 396-ти орудій артиллеріи и 11-ти казачьихъ полковъ.

Ополченіе сіе, двинутое для потушенія мятежа, вспыхнуваго

въ области, торжественно признанной всѣми государствами собственностію Россіи, возбудило противъ себя всю либеральную милицію палатъ, чердаковъ и гостиныхъ. Журналы, газеты, витилѣвыхъ сторонъ англійскаго парламента и обѣихъ палатъ Франціи, проповѣдники модныхъ идей, модные люди, модныя дамы, модныя фразы и все вообще модное, завопило и стало дыбомъ на Россію; а между тѣмъ, что тутъ было необычайнаго, сверхъестественнаго, и какое государство въ подобномъ случаѣ не сдѣлало бы того же самаго? Чѣмъ поступокъ Россіи предосудительнѣе поступковъ либеральной Англій или либеральной Франціи: первой нѣкогда относительно Американскихъ Штатовъ, а нынѣ Ирландіи и Индустана, а послѣдней относительно Вандеи и африканскихъ бедуиновъ?

Не принимая этого въ уваженіе, вездѣ печаталось и провозглашалось, что Польша требуетъ только ей принадлежащее: самостоятельность, похищенную у ней Россіею, слѣдовательно Россія должна удовлетворить справедливыя требованія Польши.

Но Ирландія, Алжиръ и Индустанъ того же требуютъ, чего требовала Польша; отчего же никто не вопіетъ противъ Англій и Франціи? Отчего же Англія и Франція не только не исполняютъ требованій Индустана, Ирландіи и Алжира, но употребляютъ, напротивъ, и силу оружія, и полицейскія, и инквизиціонныя мѣры для удержанія ихъ за собою? Неужели законы справедливости, воспрещающіе похищеніе чужого достоянія, существуютъ лишь для одной Россіи? Это допустить можно, если-бъ завоеванія Ирландіи, Алжира и Индустана были послѣдствіями необходимости, повелѣвающей иногда покореніе сосѣднихъ областей для сохраненія собственного существованія; но когда Алжиръ, Индустанъ и Ирландія посягали на независимость Англій или Франціи?

Завоеваніе Алжира предпринято было для отмщенія дею за ударъ, нанесенный имъ вѣромъ по носу французскаго консула, возстановленія министра-любимца (Бурмона) въ общемъ мнѣніи, ему враждебномъ и для помѣщенія пышной фразы въ рѣчи правительства при открытіи палатъ; Индустанъ же былъ покоренъ изъ торговыхъ видовъ; Ирландія по причинѣ алчности Англій на приобрѣтенія.

Возможно ли въ томъ упрекнуть Россію относительно Польши?

Борьба Россіи съ Польшею продолжалась нѣсколько столѣтій сряду. Были времена, когда Волынь, часть Литвы и часть коренной Польши принадлежали Россіи въ продолженіе довольно долгаго времени. Была эпоха, когда Польша около пяти лѣтъ сряду, и не далѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ, владычествовала надъ Россіею оружіемъ, но болѣе всякаго рода кознями и пронырствами. Раздувая въ ней междоусобныя брани, покровительствуя всѣмъ самозванцамъ и мятежникамъ, она возвела-было на престолъ русскій короля своей династіи, и исторгнувъ изъ нѣдръ Москвы царя нашего, уморила его въ темницѣ и погребла въ Варшавѣ, какъ трофей своего могущества. И къ возстановленію этого-то государства намъ надлежало, по словамъ враговъ нашихъ, приступить при первомъ его востребованіи! И этому-то государству надлежало намъ дать мѣсто на такомъ разстояніи отъ насъ, чтобы ближайшій уголъ границы онаго находился отъ Москвы не далѣе четырехъ, а отъ Петербурга не далѣе пятисотъ верстъ! Само собою разумѣется, что столь благодушнымъ поступкомъ Россія сама бы себя изгоняла изъ среды европейскихъ государствъ, поступая добровольно въ составъ азіатскихъ государствъ; предавъ въ руки Польши всѣ отверзтія, чрезъ которыя проникаетъ къ намъ просвѣщеніе, она должна была совершенно отказаться отъ многихъ хозяйственныхъ, финансовыхъ и торговыхъ предначертаній своихъ и безпрекословно покориться игу Польши и Европы, не имѣя, по ихъ мнѣнію, права отстаивать свое нравственное и вещественное могущество. Что сказали бы эти порицатели, если-бъ Россія, уступая ихъ требованіямъ, отказалась бы отъ Польши, которою она владѣла въ силу трактатовъ и съ согласія всѣхъ государствъ Европы, что сказали бы они объ этомъ политическомъ самоубійствѣ, и этимъ ли ограничились бы ихъ умѣренныя требованія? Россія, возстановивъ Польшу, наплась бы вынужденной признать самостоятельность и другихъ областей, поступившихъ искони и силою оружія въ составъ ея? Ибо чѣмъ права первой священнѣе правъ послѣднихъ? По возстановленіи Польши, не надлежало ли бы намъ возвратитъ всѣмъ сосѣдямъ всѣ земли, отъ нихъ пріобрѣтенныя? Законы справедливости, воспрещающіе похищеніе чужого достоянія, существуютъ не для одной Россіи, слѣдовательно примѣненіе оныхъ неминуемо касается и Франціи, и Англіи. Я здѣсь преимущественно говорю объ этихъ государ-

ствахъ, потому что они болѣе другихъ настаивали на добровольное съ нашей стороны удовлетвореніе требованіямъ польскихъ мятежниковъ, но вообще нѣтъ государства, котораго невозможно было бы разоблачить этимъ путемъ. Что же стало бы съ Франціей, если-бъ пришлось отрѣзать отъ нея провинціи, приобрѣтенныя ею силою оружія? Что бы вышло изъ Англіи въ такомъ же случаѣ, и наконецъ, что же бы вышло изъ всѣхъ вообще государствъ земного шара, и какой конгрессъ ангеловъ согласилъ бы правительства при сихъ сложныхъ раздѣлахъ, отдачахъ, передачахъ, принятіяхъ и опять отдачахъ частей, изъ коихъ большее число не помнить первоначальнаго владѣльца, или эпоху ихъ самостоятельнаго существованія? Въ какой хаосъ превратились бы всѣ четыре части свѣта, и гдѣ былъ бы предѣлъ сихъ особаго рода межеваній земель и сортировки народовъ? И вотъ къ чему ведетъ слѣдствіе, происходящее отъ ложнаго и обманчиваго начала, которое само собою есть не что иное, какъ слѣдствіе начала не менѣе обманчиваго и ложнаго ¹⁾.

Требованіе цеховыми либералами возвращенія самостоятельности Польшѣ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ раздѣленной между Россією, Австрією и Пруссією, основывалось на единомыслии и всеобщемъ возстаніи всей польской націи. Въ этомъ они жестоко ошиблись. Безъ сомнѣнія, возстаніе существовало; но не все-

¹⁾ Франція слѣдовало бы возвратитъ прежнимъ владѣльцамъ: Нормандію и Турень, завоеванныя Филиппомъ-Августомъ; Бургоню и Овернь—Францискомъ I; Артуа, Лимузенъ и Пуату—Карломъ V, часть Гасконіи и Гюени—Карломъ VII и Фрайш-Контэ—Людовикомъ XIV. Мы исключаемъ изъ сего разряда Алжирскую область, можно сказать, вчера и предъ глазами нашими похищенную у дея, скитающагося нынѣ по Европѣ безъ пристанища. Еще трупы алжирцевъ не истлѣли, еще разгромленныя стѣны города вопіють о насиліи, а мы уже слышимъ надгробныя рыданія Франціи о Польшѣ и площадныя ругательства, изрыгаемая ею на Россію за сію Польшу, съ 1772 года раздѣленную, при каждомъ ея возстаніи покоренную Россією, и при каждомъ покореніи утвержденную за завоевателями общимъ согласіемъ всѣхъ державъ Европы!

Англіи слѣдовало бы возвратитъ прежнимъ владѣльцамъ Валлійскую область, завоеванную въ 1282 году Эдуардомъ I; Ирландію—въ 1172 году при Генрихѣ II и Шотландію, присоединенную послѣ продолжительныхъ войнъ въ 1603 году при Іаковѣ I. Сверхъ того, не слѣдовало ли бы ей отказаться и въ Азіи отъ всего почти Индустана и множества земель въ Африкѣ и Америкѣ, занимаемыхъ ея колоніями.

(Примѣчаніе это заимствовано изъ списка Паскевича Записокъ Давыдова, сообщ. генер. Распоповымъ).

общее и національное, а частное; ибо какія составныя части польской націи? Шляхетство, духовенство, средній и крестьянскій классы, изъ которыхъ послѣдній классъ превышаетъ, по крайней мѣрѣ, въ двадцать разъ оба первые. Какой же витія палатъ или гостинныхъ увѣритъ меня, очевидца, что польскіе: средній классъ и крестьяне, соединенно съ шляхетствомъ и духовенствомъ, возстали въ сію войну на Россію для возстановленія разрушенной самостоятельности ихъ отечества? Если же средній и крестьянскій классы были чужды сему возстанію, то неужели частное возстаніе высшихъ двухъ классовъ можно было почитать возстаніемъ всеобщимъ и національнымъ? Россія еще потому не могла удовлетворить ихъ требованіямъ, что они могли быть противны выгодамъ въ двадцать разъ большей массы людей, не требовавшихъ и даже избѣгавшихъ сего удовлетворенія.

Во всѣхъ единоплеменныхъ, всеобщихъ и національныхъ возстаніяхъ всѣ безъ изъятія сословія добровольно вооружаются; такъ поступили Испанія и Россія, но не вслѣдствіе угрозъ, разорительной пени, побоевъ, заточенія или висѣлицы, какъ то было въ Польшѣ. Здѣсь добровольно возстали только шляхетство, духовенство и войско, съ трудомъ возбужденное къ возстанію своими генералами и офицерами, принадлежащими шляхетскому разряду; хотя средній классъ и крестьяне умножили ополченіе рекрутами, но не добровольно, а бывъ отторжены отъ своихъ семействъ народнымъ правленіемъ и своими помѣщиками. Находясь въ рядахъ мятежниковъ, они сражались храбро; это свойство славянскихъ народовъ, но отъ рекрутскаго набора они скрывались въ лѣсахъ. Въ солдатскомъ же званіи, коль скоро представлялся имъ случай къ побѣгу, они въ самую благоприятную эпоху для польскаго оружія немедленно и съ радостію удалялись въ жилища свои. Они нетерпѣливо ожидали исхода войны, каковъ бы ни былъ результатъ ея, и при первомъ извѣстіи о взятіи Варшавы никакая власть не могла уже удержать ихъ въ рядахъ ополченій. Они, рассыпавшись шайками въ двѣсти, триста и пятьсотъ человекъ, не причиняя ни малѣйшаго вреда никому изъ русскихъ, по одиночкѣ имъ на пути попадавшимся, достигли до пепелищъ своихъ и вновь обратились къ сельскимъ работамъ, какъ будто никогда не мѣняли сохи на оружіе. Равнодушіе къ исходу борьбы, предпринятой съ нами шляхетствомъ и духовен-

ствомъ, еще болѣе обнаружилось между домосѣдами. Они нимало не измѣнились противъ того, что были прежде начатія мятежа. Вездѣ курьеры, малосильныя команды и наши отсталые могли свободно разбѣзжать. Какъ часто мнѣ случалось (и кому изъ насъ этого не случалось?) одному нѣсколько разъ проѣзжать безопасно и по всѣмъ направленіямъ на почтовыхъ въ Польшѣ, иногда почевать на почтахъ или въ селеніяхъ, иногда на большихъ дорогахъ въ полѣ среди пахарей. Это ли свойство народной войны и общаго возстанія? Проѣзжая одинъ изъ главной квартиры для принятія отряда, мнѣ ввѣреннаго и расположеннаго противъ Замостьской крѣпости, верстахъ въ десяти отъ Люблина, изломалась у меня почтовая бричка. Это случилось въ полѣ, далеко отъ селенія, слѣдовательно и отъ возможности переѣздить повозку. Немедленно я послалъ почталіона моего со всею тройкою лошадей въ Люблинъ для высылки мнѣ съ почты крѣпкой брички, съ свѣжими лошадьми, и самъ сѣлъ въ изломанный экипажъ мой и закуривъ трубку, въ ожиданіи грядущихъ благъ и лошадей. Въ это время сотни крестьянъ удалялись съ легкими своими пожитками съ театра военныхъ дѣйствій въ безмятежнѣйшія убѣжища. Вся эта эмиграція въ продолженіе двухъ и болѣе часовъ проходила спокойно мимо меня, лежавшаго и курившаго трубку въ изломанной повозкѣ въ военно-россійскомъ скуртуѣ съ генеральскими эполетами. Многіе здоровались, многіе проходили молча, но ни одинъ не сказалъ мнѣ грубаго, даже насмѣшливаго слова, на которое, признаться, они могли быть вызваны моимъ страннымъ положеніемъ. Безъ сомнѣнія, эти случаи часто повторялись, и вѣрно не одному мнѣ въ теченіе этой войны крестьяне говаривали, почесывая голову и скрежеща зубами, когда производились нами наряды подводъ или фуражированія въ ихъ селеніяхъ:

— «О паны, паны!!! не вы, господа солдаты, а наши паны насъ губять. Одному хочется быть королемъ, другому — генераломъ, третьему — богачемъ, а мы за все платимъ и за все терпимъ!»

Отчего же происходитъ то равнодушіе крестьянъ и средняго класса къ этому предмету, котораго усиливались достигнуть духовенство и шляхетство польское? Оттого, что вездѣ и повсюду духовенство и дворянство, не довольствуясь наслажденіями вещественными, алчуть сверхъ того и почестей, власти,

извѣстности и славы, тогда какъ среднее и низшее сословія ограничиваютъ желанія свои улучшеніемъ ремесленничества, добрымъ урожаемъ, выгоднымъ сбытомъ своихъ произведеній и покровительствомъ законовъ противу насилія сихъ высшихъ сословій, всегда ропщущихъ на твердое и благоразумное правительство, которое не терпитъ ихъ своеволія. Въ теченіе пятнадцати-лѣтняго владычества Россіи, всѣ состоянія царства вполнѣ наслаждались отличнымъ преуспѣяніемъ въ хлѣбопашествѣ, ремеслахъ, торговлѣ, и слѣдовательно были богаты; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, многіе факты это подтверждаютъ. Это благосостояніе разлилось и на классъ крестьянъ, оцѣнившихъ пользу находиться подъ скипетромъ російской державы, способствовавшей развитію сего благосостоянія ¹⁾. Кромѣ того, правительство русское значительно ограничило произволь помѣщиковъ, коихъ извѣстная жестокость едва ли уступала жестокости англійскихъ и американскихъ колонистовъ относительно негровъ; въ подтвержденіе моихъ словъ я также могу привести многіе факты. Когда эти помѣщики возстали на Россію, въ надеждѣ войной удовлетворить свое неумѣренное честолюбіе, они возбуждали къ возстанію и крестьянъ своихъ; тогда легко было предвидѣть, что сіи послѣдніе, желая продолженія того благосостоянія, коимъ доселѣ пользовались, не войдутъ въ сообщничество съ ненавистнымъ для нихъ классомъ противъ правительства, имъ всегда покровительствовавшаго. Инстинктъ и разумъ народа гораздо проникательнѣе, чѣмъ полагаютъ ихъ вольнодумные апостолы аристократическаго свѣта. Вотъ почему всѣ усилія духовенства и шляхетства къ возбужде-

¹⁾ Вотъ что говорятъ Солтыкъ въ сочиненіи *La Pologne*, Солтыкъ, самый непримиримый врагъ російскаго правительства: «Народонаселеніе царства въ 1830-мъ году состояло изъ 4-хъ милліоновъ жителей. Одна Варшава заключала ихъ до 150-ти тысячъ. Доходы царства простирались до 80-ти милліоновъ злотыхъ (48-ми милліоновъ рублей). Банкъ обладалъ капиталомъ, состоящимъ изъ 120-ти милліоновъ злотыхъ (72-хъ милліоновъ рублей), и должно сказать, что государственныи кредитъ получилъ прочную осѣдность. Повсюду возникли фабрики, коихъ издѣлія умножались въдесятеро съ 1815 года (эпоха поступленія царства во владычество Россіи). Устроены прекраснѣйшія шоссе и дороги, что весьма вспомоствовало сообщеніямъ въ торговыхъ дѣлахъ; чело-вѣколюбивыя заведенія, произведенія художествъ и великолѣпныя зданія украсили столицу. Не одно царство пользовалось такимъ благодѣяніемъ: благоденствіе сіе достигло и до губерній польско-россійскихъ и проч.

(Списокъ Паскевича Записокъ Давыдова. Сообщ. генералъ Распоповъ).

нію средняго и крестьянскаго классовъ къ возстанію и къ вооруженію противъ Россіи остались тщетны. Вотъ почему такъ неудачно раздавались на кафедрахъ и въ прокламаціяхъ слова: «для польскаго народа, народъ польскій, народомъ польскимъ». Никто добровольно не возставалъ, никто добровольно не вооружался, ибо эти сословія видимо не хотѣли отвѣчать на мятежныя воззванія духовенства и дворянства. Вотъ истинное положеніе дѣлъ въ Польшѣ, оно никогда не было таковымъ, какимъ его описывали въ иностранныхъ журналахъ. Но корифеямъ большого свѣта, повторяющимъ слова витій, палатъ и газетчиковъ, до правды дѣла нѣтъ; тамъ, въ Парижѣ и Лондонѣ, въ промѣжуткахъ двухъ кадрилій, двухъ партій виста, двухъ бутылокъ шампанскаго, требовали самостоятельности Польши!

IX.

Театръ военныхъ дѣйствій или царство польское граничитъ съ востока Россією, съ сѣвера и запада Пруссією, съ юга Австрією.

Оно представляется на картѣ въ видѣ нѣсколько округленнаго четверугольника съ узкою продолговатостію къ сѣверовостоку, проходящей между Гумбиненской провинціей прусскаго государства, Гродненской и Виленской губерніями.

Висла, направляясь отъ Завихвоста до Торуня, разсѣкаетъ этотъ четверугольникъ почти надвое; близъ Торуня она вступаетъ въ границу прусскаго государства.

Восточная часть царства или часть онаго, находящаяся на правомъ берегу Вислы, заключаетъ въ себѣ воеводство Августовское, образующее вышесказанную продолговатость, Плоцкое, Подляское, клинъ Мазовецкаго воеводства, отсѣченный Вислою, и Люблинское воеводство. Западная часть царства или часть онаго, находящаяся на лѣвомъ берегу Вислы, состоитъ изъ главной части клина Мазовецкаго воеводства, отсѣченного Вислою, изъ Калишскаго, Краковскаго и Сандомирскаго воеводствъ.

Восточная часть царства представляется для военнаго взора раздѣленною на четыре поля дѣйствія:

Первое пространство, заключающее въ себѣ Августовское и Плоцкое воеводства, лежація между Пруссією и правымъ берегомъ Нѣмана, а потомъ Наревы.

Второе пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Наревы и правымъ берегомъ Буга.

Третье пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Буга и правымъ берегомъ рѣки Вепржи.

Четвертое пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Вепржи и австрійскою Галиціею.

Западная часть представляетъ два поля дѣйствія:

Пятое пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ нижней Вислы и лѣвымъ берегомъ рѣки Пилицы.

Шестое пространство, заключенное между правымъ берегомъ Пилицы и лѣвымъ берегомъ верхней Вислы, или Краковской области и австрійской Галиціи.

Первое поле восточной части царства, весьма тѣсное отъ смежности съ нею границы прусскаго государства, Нѣмана и Наревы, изрѣзанное поперечными рѣками, ручьями, озерами и дефилями, покрытое дремучими лѣсами и во многихъ мѣстахъ непроходимыми болотами, не представляетъ удобства для наступательнаго дѣйствія и весьма способствуетъ оборонительному. Поле сіе начинаетъ расширяться отъ черты, соединяющей Пултускъ съ Млавою, т.-е. отъ черты, отъ которой наступательное дѣйствіе съ нашей стороны не только весьма затруднялось, но здѣсь мы могли подвергнуться большимъ опасностямъ; непріятель, опираясь на Модлинскую крѣпость и прагское предмостное укрѣпленіе, съ полной и весьма основательной надеждой на успѣхъ, могъ произвести совокупными силами натиски чрезъ Сироцкъ и Пултускъ, во флангъ и тылъ арміи нашей, особенно если по какимъ-либо обстоятельствамъ она, перейдя рѣку Вкру, двинется въ глубину Плоцкаго воеводства. Наконецъ поле сіе, хотя и прорѣзано отлично устроеннымъ шоссе, простирающимся отъ Ковно до Варшавы, но этотъ путь — одинъ изъ самыхъ дальнихъ изъ всѣхъ, идущихъ отъ границы нашей къ Варшавѣ, ибо заключаетъ въ себѣ болѣе 400 верстъ.

Второе поле нѣсколько удобно для дѣйствія только у границъ нашихъ, до черты, соединяющей мѣстечки Нуръ и Остроленку; но по мѣрѣ углубленія своего къ главному предмету дѣйствія, т.-е. къ Варшавѣ, оно болѣе и болѣе стѣняется рѣками Нарвою и Бугомъ. Мѣстоположеніе онаго становится лѣсистѣе и болотистѣе, такъ что почти по всему пространству его нѣтъ другого

пути для арміи съ ея тяжестями, кромѣ пути, идущаго на мѣстечки Бровѣ и Вишкѣвъ; прочіе же суть только тропы, проложенныя поселянами по тундрамъ и дремучимъ лѣсамъ. Наревъ, представляя преграду весьма значительную, вовсе отдѣляетъ первое поле отъ второго. Путь, разсѣкающій это поле и идущій отъ Бѣлостока до Варшавы, заключаетъ въ себѣ немного болѣе 200 верстѣ.

Третье поле дѣйствія представляетъ пространство весьма удобное для всякаго рода движенія, особенно для наступательнаго, ибо оно открыто и изрѣзано многочисленными путями сообщеній. Сверхъ того оно разсѣчено отлично устроеннымъ шоссе, идущимъ отъ Бреста до Варшавы, которое заключаетъ въ себѣ не болѣе 180-ти верстѣ.

Наконецъ, четвертое поле не менѣе третьяго удобно для военныхъ дѣйствій; хотя оно и лишено искусственнаго шоссе, однако здѣсь встрѣчаются широкіе пути, разсѣкающіе его по всѣмъ направленіямъ, и хлѣбороднѣйшія части царства польскаго; операціонный путь, лежащій по сему полю отъ Устилуга до Варшавы, заключаетъ въ себѣ около 300 верстѣ. На югъ отъ него находится Замостьская крѣпость, посредствомъ которой польская армія имѣетъ всѣ способы вторгаться въ Волинь, Подолію и Кіевскую губернію, и сверхъ того предпринимать набѣги въ тылъ нашихъ войскъ, занимающихъ Люблинское воеводство, или наступающихъ на Варшаву.

Модлинская крѣпость и прагское предмостное укрѣпленіе служатъ центрами, къ которымъ сходятся пути, разсѣкающіе 1-е, 2-е, 3-е поля и путь 4-го поля — въ случаѣ движенія нашихъ войскъ изъ Люблина на Зелеховъ, Шениць и Прагу. На случай, если бы они двигались по почтовому пути прямо на Варшаву, сей путь, проходя чрезъ Пулаву, минуетъ прагское укрѣпленіе.

Поля дѣйствія западной стороны царства состоятъ:

Изъ пятаго поля, заключеннаго между Вислою и Пилицею, бѣднаго лѣсомъ и вообще способнаго для военныхъ дѣйствій, по большому числу путей и открытому мѣстоположенію. Главныя изъ нихъ суть: идущіе изъ Варшавы въ Краковъ, изъ Варшавы въ Люблинъ чрезъ Пулаву и изъ Варшавы въ Калишъ.

Изъ шестаго поля, заключеннаго между Пилицею и верхнею Вислою, и покрытаго обширными лѣсами и песками. Главныя

путь, разсѣкающій это пространство, есть продолженіе пути, идущаго изъ Варшавы въ Краковъ по 5-му полю; другіе пути хотя и удобны для слѣдованія войскъ, но идутъ почти всѣ сквозъ обширные лѣса, затрудняющіе движеніе. Вообще по мѣстоположенію это царство весьма плоское и не имѣетъ значительныхъ возвышеній.

X¹⁾.

Графъ Дибичъ вошелъ, 27-го января, изъ Высокомазовецка съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Желая воспользоваться способами края, дабы занятіемъ вдругъ большого пространства онаго обезпечить по возможности будущее продовольствіе арміи въ самомъ царствѣ польскомъ и сообразуясь съ высочайшею волею вашего императорскаго величества, я рѣшился немедленно начать военныя дѣйствія и соединенными силами вступить въ царство польское. Движеніе сіе учинено на разныхъ пунктахъ и расположено такъ, чтобы 80,000 человекъ могли всегда въ теченіе 20-ти часовъ соединиться и нанести возмутителямъ рѣшительный ударъ, если бы они отважились принять сраженіе.

«24-го января вступилъ въ царство польское, при Ковнѣ, корпусъ гренадерскій генерала князя Шаховскаго нѣсколькими эшелонами, составляющими 18 баталіоновъ гренадеръ, 4 эскадрона кавалеріи, 60 орудій артиллеріи и казачій полкъ, направляясь по шоссе на Калварію и далѣе къ Августову. Неподалеку отъ Гродно при Домровѣ перешелъ генераль-майоръ Мандерштернъ съ 5-ю баталіонами пѣхоты, двумя эскадронами кавалеріи, двѣнадцатью орудіями артиллеріи и казачьимъ полкомъ, направясь прямо на Августово.

«При Влодавѣ перешелъ генераль-адъютантъ баронъ Гейсмаръ съ 24-мя эскадронами кавалеріи, 24-мя орудіями артиллеріи и двумя казачьими полками, имѣя направленіе къ городу Сѣдлецу.

«При Устилугѣ перешелъ генераль-лейтенантъ баронъ Крейцъ съ 24-мя эскадронами кавалеріи, 24-мя орудіями артиллеріи и однимъ казачьимъ полкомъ въ направленіи къ Люблину.

«Наковецъ, малый отрядъ подъ командою полковника Анрепа изъ одного казачьяго полка и одного дивизіона уланъ, перешелъ въ Брестъ-Литовскомъ въ направленіи къ Сѣдлецу; сему отряду предназначено связать партіями дѣйствія генераль-адъютанта Гейсмара съ главными силами арміи, которая на другой день, то-есть 25-го января, перешла границу, а именно: корпусъ генерала графа Палена изъ 21 баталіона пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 72 орудій артиллеріи и 2 казачьихъ полковъ, переправясь въ двухъ пунктахъ при Тикочинѣ и Желткахъ, направляясь на Заводы и далѣе на Дудки. Корпусъ генерала барона Розена изъ 26 баталіоновъ пѣхоты, 24 эскадроновъ кавалеріи, 120 орудій артиллеріи и 2 казачьихъ полковъ, переправясь въ двухъ пунктахъ при Суражѣ и Понтковѣ, направился чрезъ Соколы на Высокомазовецкъ. При семъ корпусъ слѣдовала главная квартира арміи съ своимъ конвоемъ изъ одного баталіона пѣхоты, одного эскадрона кавалеріи и казачьяго полка. Корпусъ генерала графа Витта съ 4-мя баталіонами пѣхоты,

¹⁾ См. приложение № I.

28-ю эскадронами кавалеріи и 48 орудій артиллеріи, переправясь при Цевановцѣ и Граннѣ, направился на Нуръ и Стерднъ, и наконецъ резервъ арміи изъ 22 баталіоновъ пѣхоты, 12 эскадроновъ кавалеріи и 36 орудій артиллеріи, перешелъ въ Суражъ 25 и 26-го чиселъ, направясь на Соколы подъ командоу его императорскаго высочества цесаревича.

Главномандующій изъ Венгрова отъ 1-го февраля вошелъ съ слѣдующимъ рапортомъ:

«Получивъ свѣдѣніе, что войска мятежниковъ расположены двумя отрядами, первымъ при Остроленкѣ, Пултускѣ и Рожанахъ, а другимъ и главнѣйшимъ около Минска, Калущина и Владиславова, я рѣшился двинуться всѣми силами къ Бугу, въ направленіи къ Вышкову, чтобы по переходѣ рѣки сей раздѣлить армію мятежниковъ на двѣ части, и оставя отрядъ генераль-майора Мандерштерна въ Ломжѣ, для наблюденія лѣваго ея фланга, со всѣми прочими силами стараться отрѣзать мятежникамъ отступление праваго ихъ фланга къ Варшавѣ. Въ теченіе днѣвки, которую имѣла армія, какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами, внезапно наступившій юго-западный вѣтеръ произвелъ такую перемѣну въ температурѣ, что послѣ 20-ти градусоваго мороза, 29-го числа всѣ поля были уже совершенно обнажены отъ снѣгу, дороги сдѣлались крайне затруднительными, рѣчки разлились и должно было опасаться, что всякое сообщеніе между обоими берегами Буга неминуемо прекратится; а посему надлежало воспользоваться переходомъ всей арміи на лѣвый берегъ сей рѣки, гдѣ край представляетъ лучшія сообщенія. Сообразно съ симъ, 30-го числа армія сдѣлала общее фланговое движеніе влѣво и перешла Бугъ въ двухъ мѣстахъ: 6-й пѣхотный корпусъ при Брокѣ, а 1-й пѣхотный при Нурѣ, сдѣлавъ форсированныхъ два марша отъ Ломжи и Замброва. Переправа совершилась хотя еще по льду, но съ большими предосторожностями. За первымъ корпусомъ перешелъ весь резервъ его императорскаго высочества цесаревича, а вслѣдъ за онымъ переправился фурштатъ всей арміи съ шестидневнымъ провіантомъ. Для обезпеченія оставленнаго арміею края на правомъ берегу Буга, предписалъ я генералу князю Шаховскому, имѣющему прибыть 4-го февраля съ тремя головными полками 3-й гренадерской дивизіи въ Ломжу, принять въ команду свою генераль-майора Мандерштерна, находящагося въ семь городѣ съ отрядомъ своимъ, и сосредоточивъ всю 1-ю гренадерскую дивизію эшелонами, по той же дорогѣ слѣдующую, составить впредь до повелѣнія особый отдѣльный корпусъ. Корпусъ сей состоятъ будетъ изъ 22-хъ баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ эскадроновъ гусаръ, 2-хъ казачьихъ полковъ и 60-ти орудій артиллеріи.

«Независимо отъ сего оставленъ, въ родѣ партизана на правомъ берегу Буга, полковникъ Шиндлеръ съ казачьимъ полкомъ. Дѣлая поиски по всему пространству между Вугомъ и Наревомъ для разсыянія всякаго вооруженнаго скопища, полковникъ Шиндлеръ будетъ находиться въ безпрестанномъ сношеніи, то съ генераломъ княземъ Шаховскимъ, то со мною. 31-го числа армія сдѣлала отъ береговъ Буга форсированный маршъ двумя колоннами въ направленіи къ Венгрову, который къ вечеру былъ занятъ авангардомъ графа Палена подъ командоу генераль-майора Сакена. Бывшій уже предъ симъ въ семь направленіи и усиленный бригадою 1-й гусарской дивизіи, 1-й корпусъ въ сей день остановился въ Пашеевѣ, 6-й корпусъ при деревнѣ Тончѣ. Авангарды сихъ корпусовъ, имѣя повелѣнія занять переправы на Ливницѣ, нашли

мосты при Ливѣ и Старой-Веси совершенно истребленными. При первомъ изъ сихъ мѣстъ возмутители подъ прикрытіемъ артиллеріи старались воспрепятствовать возобновленію моста; но бригада егерей и сильный удачный огонь поставленныхъ противъ нихъ орудій принудили ихъ удалиться, такъ что въ сію минуту мостъ построенъ и авангардъ нашъ переправился.

«Коль скоро мосты совершенно устроены будутъ, авангардамъ 6-го и 1-го корпусовъ предписано перейти: первому на дорогу къ Дебрѣ, а послѣднему на дорогу къ Калушину. Главная моя квартира находится въ Венгровѣ.

«Резервъ его императорскаго высочества цесаревича переходитъ сегодня въ Соколовѣ, посылая авангардъ по дорогѣ къ Сѣдлецу. Въ распоряженіе его высочества цесаревича поручается 3-й резервный кавалерійскій корпусъ безъ 2-й бригады украинской уланской дивизіи, которая послѣ завтра только что присоединяется къ своему корпусу. Направленіе сіе даю я въ томъ предположеніи, чтобы быстро преслѣдовать мятежниковъ, находящихся при Сѣдлецѣ, войска коихъ вѣроятно отступятъ, узнавъ о занятіи Венгрова и ближайшемъ нашемъ движеніи къ Калушину.

«Относительно дѣйствій 5-й резервнаго кавалерійскаго корпуса, находящагося въ воеводствахъ Сѣдлецкомъ и Люблинскомъ, имѣю счастье донести вашему императорскому величеству, что съ переходомъ онаго границы распространился всеобщій страхъ. Въ городѣ Сѣдлецѣ онъ былъ такъ великъ, что съ первымъ появленіемъ казаковъ партизанскаго отряда полковника Анрепа, они почти безъ сопротивленія заняли сей городъ. Возмутители, узнавъ, однако-жь, что отрядъ полковника Анрепа не довольно силенъ, вошли вторично въ въ Сѣдлецъ съ двумя пѣхотными полками и артиллеріею. Тогда полковникъ Анрепъ выступилъ къ Збучину. Возмутители, не довольствуясь симъ, 28-го числа сдѣлали рекогносцировку двумя эскадронами къ Збучину, гдѣ полковникъ Анрепъ встрѣтилъ ихъ всѣмъ отрядомъ, атаковалъ, и опрокинувъ ихъ немедленно, преслѣдовалъ на разстояніи 6-ти верстъ по дорогѣ къ Сѣдлецу. Послѣ сего полковникъ Анрепъ расположился при Угржановѣ, имѣя передовые свои посты въ 4-хъ верстахъ отъ города Сѣдлеца съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы при малѣйшемъ видѣ къ отступленію напасть на арріегардъ возмутителей и преслѣдовать ихъ быстро. На сей конецъ находится онъ въ прямомъ сношеніи съ генералъ-адъютантомъ Гейсмаромъ, который изъ Лукова перешелъ въ Сточекъ, чтобы упредить непріятеля въ его отступленіи. Генералъ-лейтенантъ баронъ Крейдъ 27-го января былъ въ одномъ маршѣ отъ Люблина, который, по словамъ жителей, не занятъ никакими войсками. Отъ сего города генералъ Крейдъ имѣетъ повелѣніе идти къ Пулавѣ, и переправя тамъ часть казаковъ на лѣвый берегъ Вислы, стараться разсѣять тамошнія вооруженія.

«Всеподданнѣйше донося вашему императорскому величеству о первоначальныхъ движеніяхъ моихъ по вѣршной мѣѣ арміи, я обязываюсь всеподданнѣйше присовокупить, что начатіе военныхъ дѣйствій столь неожиданно было для возмутителей, что повсюду находимъ продовольствіе, особенно въ фуражѣ, котораго при теперешней распутицѣ никакими средствами подвезти бы невозможно было. Изъ общихъ движеній возмутителей замѣтна нерѣшимость, они повсемѣстно избѣгаютъ встрѣчи съ нашими войсками и при появленіи оныхъ отступаютъ».

Сіи два донесенія достойны особеннаго вниманія. Они заключаютъ въ себѣ предсказанія всему тому, что впослѣдствіи соверши-

лось и должно было совершиться; здѣсь обнаруживается отсутствіе военныхъ дарованій составителя ихъ. Сверхъ того, какія противорѣчія, какое напряженіе къ введенію въ заблужденіе правительства насчетъ истиннаго положенія дѣлъ! Я одинъ изъ противниковъ военныхъ совѣтовъ, за нѣсколько тысячъ верстъ присылающихъ наставленія главнокомандующимъ насчетъ ихъ дѣйствія, тогда какъ каждая минута, каждый шагъ измѣняютъ обстоятельства войны. Невозможно при чтеніи означенныхъ рапортовъ не пожелать, по крайней мѣрѣ, какой-либо военной комиссіи, учрежденной при главѣ правительства для разбора того, что уже исполнено и для открытія противорѣчій и ложныхъ извѣстій. Къ чему послужили бы донесенія правительству, если бы они ему не доставляли средствъ къ основанію на прошедшемъ и настоящемъ предначертаній для будущаго. Если донесенія полководца лживы, то предположенія и расчеты правительства должны быть весьма ошибочны, слѣдовательно ему выгоднѣе не получать вовсе никакихъ донесеній, чѣмъ получать такія, которыя могутъ вводить его лишь въ заблужденіе. Можно не допускать полной правдивости въ донесеніяхъ о войнахъ съ восточными государствами. Тутъ большею частію и почти всегда встрѣчаются вымыслы тысячи и одной ночи. Тутъ являются на сцену и многолюдныя, несуществовавшія арміи, коихъ разрѣзываютъ надвое и разбитіе и перебросы ихъ за горы, коихъ не было и взятіе первоклассныхъ крѣпостей, изъ глины слѣпленныхъ, отъ холостыхъ выстрѣловъ разваливающихся, и громкія побѣды надъ сволочью, не выдержавшей грома единой пушки, и плѣны какихъ-то главнокомандующихъ ¹⁾, сдающихся первому явившемуся штабъ-

¹⁾ Я положительно знаю о многихъ обстоятельствахъ войны персидской и турецкой, веденныхъ графомъ Паскевичемъ, блистательной храбрости котораго я всегда отдавалъ полную справедливость. Такъ, напримѣръ, Эриванъ взята была при слѣдующихъ обстоятельствахъ: защита этой крѣпости была поручена храброму племени шахъ-севенамъ, которые не хотѣли, повидимому, служить Аббасъ-Мирзѣ; находясь на стѣнахъ крѣпости, они открывали по намъ весьма слабый огонь, а иногда вовсе не стрѣляли, что давало намъ возможность безнаказанно подходить къ самому рву крѣпости. Въ то время какъ Паскевичъ отдыхалъ въ лагерѣ, піонерный поручикъ Трикилевичъ измѣрилъ весьма сповойно ровъ крѣпости. Генералы Красовскій и Лаптевъ, пользуясь тѣмъ и не будучи треножными неприятелемъ, обошли крѣпость, выломали ворота и проникли въ самую крѣпость; близъ воротъ былъ сильно раненъ лишь аудиторъ. Войска наши отыскали скрывавшагося въ какомъ-то подвалѣ

офицеру нашему. Бумага терпитъ, награжденія сыплются зря, и ложными извѣстіями введенное въ заблужденіе правительство можетъ часто дѣлать промахи, не подвергая однако тѣмъ опасности Россію, далеко превосходящую восточныя сосѣднія государства въ умственномъ и вещественномъ развитіи; напротивъ, чрезъ обнаруженіе такого рода донесеній увеличивается въ европейскихъ государствахъ уваженіе къ превосходству нашего оружія и дарованіямъ нашихъ полководцевъ. Но война съ польскими мятежниками совершенно иная. Она, по вліянію своему на умы, угрожая Россіи ужаснѣйшими послѣдствіями, едва ли не была въ сущности грознѣе войны 1812 года. Одну можно назвать бурей, другую—заразой. Одну вель человекъ великій, превосходный, но имѣвшій въ виду лишь одну вещественную цѣль; другая—не слась сама собою, скрывая въ чревѣ своемъ начало, полное разрушительными послѣдствіями всякаго единства, всякаго покоя, всякаго благосостоянія и порядка. Какая огромная обязанность лежала на правительствѣ! ему надлежало быть наиболѣе бдительнымъ, во-время обо всемъ извѣщеннымъ и полнымъ вниманіемъ къ малѣйшему происшествію войны ¹⁾. И при таковыхъ-то обстоятельствахъ, облеченный полною довѣренностію правительства полководецъ, на словахъ коего надлежало ему основывать всѣ пред-

извѣстнаго труса Гассанъ-Хана; оружіе сего презрѣннаго воина было подарено государемъ городу Ригѣ, гдѣ доставлено было извѣстіе о взятіи Эривани. Во время благодарнаго молебна стѣны Эривани, подобно стѣнамъ другого Іерихона, осмыпались отъ дѣйствія холостыхъ выстрѣловъ. Государь, посѣтивъ Эривань въ 1837-мъ году, сказалъ о ней: «Славны бубны за горами». Во время войны въ азіатской Турціи Паскевичъ доносилъ государю, что онъ, не давъ соединиться двумъ турецкимъ арміямъ, разрѣзалъ ихъ, такъ сказать, уничтоживъ одну и взявъ въ плѣнъ главнокомандующаго, онъ разбилъ и другую. Двухъ армій никогда не было выставлено противъ нашихъ войскъ; воображаемая 2-я армія была не что иное, какъ весьма небольшой сбродъ сволочи, которой, такъ-называемый, главнокомандующій Гаки-Паша, спасаясь отъ своего начальника, искалъ случая передаться русскимъ, и съ радостью сдѣлалъ это, увидавъ полковника Верзилина. Паскевичъ хотѣлъ отдать подъ судъ генерала Савена за взятіе при этомъ случаѣ малаго числа плѣнныхъ.

Д. Д.

¹⁾ Государь сказалъ однажды А. П. Ермолову: «Во время польской войны я находился одно время въ ужаснѣйшемъ положеніи: жена моя была беременною на сносяхъ, въ Новгородѣ вспыхнулъ бунтъ, при мнѣ оставались лишь два эскадрона кавалергардовъ; извѣстія же изъ армій доходили до меня лишь чрезъ Кёнигсбергъ. Я нашелся вынужденнымъ окружить себя вынужденными изъ госпиталей солдатами».

Д. Д.

варительныя мѣры и распоряженія, не постигаетъ важности и характера войны. Онъ продолжаетъ доставлять своему правительству донесенія, каковыя доставлялъ ему изъ-за Балкановъ, гдѣ велась такъ сказать война исключительно вещественная! И что всему этому причиною? Старанія скрыть дѣйствія свои при первомъ шагѣ за границу, проступокъ едва простительный прапорщику, опоздавшему въ разводъ и извиняющемуся различными вымыслами предъ своимъ ротнымъ командиромъ.

Разберемъ предварительно мѣры Дибича и распоряженія его для перехода вѣренной ему арміи за границу и вышеупомянутыя два донесенія императору.

Алчность въ начальствованію и увѣренность въ скоромъ впечатеніи новаго лавра въ Забалканскій вѣнокъ, столь легко пріобрѣтенный въ битвахъ ничтожныхъ, увлекла графа Дибича къ принятію начальства надъ арміей противъ врага образованнаго и свѣдущаго; онъ не имѣлъ для того необходимыхъ познаній и не успѣлъ, какъ оказалось, ознакомиться съ обстоятельствами, на коихъ надлежало основывать всѣ свои распоряженія. Ему представлялся, повидимому, мятежь, простиравшимся не далѣе Варшавы. По крайней мѣрѣ онъ не постигалъ, что отрасли заговора могли проникнуть въ нѣдра польско-россійскихъ губерній, что этотъ мятежь былъ послѣдствіемъ нравственныхъ ворчей, терзавшихъ Европу; словомъ, онъ не ожидалъ, чтобы вспыхивавъ въ Варшавѣ была въ состояніи произвести взрывъ на всемъ пространствѣ отъ береговъ Варты до береговъ Днѣпра и Двины. вмѣсто того, чтобы, принявъ на себя командованіе арміею, разглашать по Петербургу, что онъ задавитъ Польшу въ теченіе шести недѣль¹⁾, онъ долженъ былъ отклонить отъ себя принятіе тяжкаго для него бремени, столь много превышавшаго его средства. Я говорю это въ оправданіе Дибича, которому слѣдовало предварительно ознакомиться съ характеромъ страны, положеніемъ дѣлъ и оцѣнить какія могли быть для Россіи печальныя послѣдствія возстанія, могущаго вспыхнуть въ сосѣднихъ съ Польшею губерніяхъ. Если онъ понималъ, что желтая, красная и зеленая черты, отдѣляющія на картѣ эти губерніи отъ царства польскаго, не вещественнѣе линій, означающихъ экваторъ, тропики и ме-

¹⁾ Дибичъ звалъ даже своихъ знакомыхъ въ Варшаву на блины». Д. Д.

ридіанъ, тогда нѣтъ ему оправданія въ избраніи сихъ губерній основаніемъ дѣйствій нашей арміи, не занявъ ихъ предварительно и заблаговременно какими-нибудь войсками. Какъ ему не знать было, что основаніе для военныхъ дѣйствій арміи не избирается во враждебныхъ областяхъ. Мы видимъ противное въ двухъ только случаяхъ: тогда, когда основаніемъ служить самое государство, коему принадлежитъ дѣйствующая армія, какъ была для насъ коренная Россія въ 1812-мъ году; или когда основаніемъ служить государство, союзное съ тѣмъ, коего армія предпринимаетъ военныя дѣйствія, какъ были для насъ Австрія и Пруссія въ 1813-мъ году. Поясняю мысль мою мѣстнымъ примѣромъ: всѣмъ извѣстно, что Рейнъ и крѣпости Майнцъ и Страсбургъ представляютъ превосходныя основанія военнаго дѣйствія для арміи, намѣревающейся вторгнуться въ предѣлы Франціи; но если Майнцъ и Страсбургъ заняты уже французскими войсками, и сверхъ того великія герцогства Нассауское, Дармштадское и Баденское, королевства Виртембергское и Баварское въ союзѣ съ Франціею; то какой полководецъ въ мірѣ осмѣлится предпринять наступательное движеніе за Рейнъ и въ нѣдра Франціи безъ предварительнаго взятія или обложенія Майнца и Страсбурга и безъ занятія вышесказанныхъ герцогствъ и королевствъ сильною арміею?—въ томъ самомъ положеніи были и польско-россійскія губерніи относительно нашей арміи. Хотя эти губерніи и были объявлены на военномъ положеніи, но слово—не дѣло; чтобы военное положеніе существовало по истинѣ, а не въ воображеніи, слѣдовало занять эти губерніи войсками, исключительно назначенными для укрощенія возстаній, могущихъ здѣсь возникнуть. Хотя императоръ высочайше повелѣлъ о немедленномъ образованіи резервной арміи въ Литвѣ и о занятіи Волыни и Подолии войсками 1-й арміи,—но приведеніе въ исполненіе сихъ спасительныхъ для насъ мѣръ требовало нѣкотораго времени, по причинѣ значительнаго разстоянія между собою войскъ; не излишне было бы для Дибича до прибытія ихъ на пункты, имъ опредѣленные, оставить на сихъ мѣстахъ оба фланга растянutoй имъ отъ Ковно до границы австрійской Галиціи арміи, правый въ Вильнѣ и Минскѣ, а лѣвый въ Луцкѣ. Первый, составленный изъ гвардейскаго отряда и второго пѣхотнаго корпуса, былъ достаточно силенъ для удержанія въ повиновеніи литовскія губер-

ни; послѣдній, состоящій изъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и резервныхъ баталіоновъ 25-й пѣхотной дивизіи, усиленныхъ войсками, впоследствии составлявшими корпусъ Ридигера, представилъ бы твердый оплотъ противъ всякаго своеволия и возстанія въ Волынской, Подольской и Кіевской губерніяхъ. И да не подумали бы, что оставленіемъ сихъ войскъ позади себя и внѣ круга боевыхъ происшествій Дибичъ ослабилъ бы чрезъ то массу дѣйствующихъ силъ, нимало. Онъ имѣлъ даръ распорядиться такимъ образомъ, что и изъ самыхъ войскъ, составлявшихъ главную боевую массу арміи, гренадерскій корпусъ едва былъ въ огнѣ 13-го февраля, придя лишь въ сумеркахъ на поле сраженія подъ Гроховымъ; а 7-го февраля подъ Милосной, сей корпусъ находился еще далѣе, ибо былъ въ 150 верстахъ отъ сражавшейся арміи. Что же касается до гвардейскаго отряда, 2-го пѣхотнаго корпуса и войскъ, образовавшихъ впоследствии корпусъ Ридигера, о нихъ тогда и помину не было на театрѣ военныхъ дѣйствій, а корпусъ Крейца находился въ 200 верстахъ отъ обоихъ вышеозначенныхъ полей битвъ.

Итакъ, избравъ и упрочивъ основаніе свое и пути, съ тылу къ оному ведущіе, Дибичъ былъ бы уже свободенъ, и не опасаясь возстанія между жителями этихъ губерній, онъ могъ бы обратить все свое вниманіе на дѣйствія противу войскъ, непосредственно предъ лицомъ его находившихся. Тогда стоило ему только, сосредоточивъ впереди Бѣлостока на Наревѣ корпуса: гренадерскій, 1-й и 6-й пѣхотные, 3-й кавалерійскій, гвардейскій отрядъ цесаревича, 11-ть казачьихъ полковъ и до 350-ти орудій, двинуться всею этою стотысячною массою чрезъ Нуръ къ Венгрову, а оттуда къ Варшавѣ, и пользуясь превосходствомъ въ силахъ, атаковать польскую армію съ полною надеждою на успѣхъ.

Отъ Бѣлостока до Варшавы не болѣе 200 верстъ. Полагая переходъ по 25-ти верстъ въ сутки, что не очень велико, Дибичъ могъ бы прибыть въ 8 сутокъ подъ Варшаву, слѣдовательно ему болѣе чѣмъ достаточенъ былъ обыкновенный запасъ хлѣба: трехдневный въ ранцахъ и десятидневный въ фуражахъ. Сверхъ того подводы могли прибывать отъ брестскаго магазина въ армію тотчасъ по вступленіи ея въ Венгровъ и занятіи Сѣдлеца, слѣдуя по шоссе прочному, который не могъ портиться отъ дѣйствія дурной погоды. Такъ какъ онъ перешелъ границу 25-го января,

то 2-го февраля онъ могъ бы быть уже подъ Варшавой. Ледъ на Вислѣ былъ еще весьма крѣпокъ, ибо въ это время и даже нѣсколько позже корпуса Крейца и Дверницкаго по два раза переходили Вислу по льду съ орудіями и тяжестями. Совокупное движеніе нашей арміи, вслѣдствіе котораго вся армія явилась бы 2-го февраля подъ Варшавой, совершенно уничтожило бы выгоду, которую должно было принести непріятелю прагское предмостное укрѣпленіе. Ледяной плотъ лежалъ въ то время по всей Вислѣ, слѣдовательно не для чего было атаковать твердыню, защищавшую одну только точку рѣки, всюду по льду проходимой.

Сверхъ того замерзаніе рѣкъ и болотъ лишаетъ оборонительныя позиціи большей части выгодъ, ими приносимыхъ; этимъ Дибичъ могъ легко воспользоваться, и чѣмъ весьма рѣдко пользуются полководцы, дѣлая предначертанія свои по картамъ, на которыхъ ни моря, ни рѣки, ни болота не замерзаютъ. Это кажется эпиграммою, но въ сущности это справедливо. Я помню сколько графъ Буксгевденъ употребилъ времени въ войнѣ Финляндіи, въ февралѣ мѣсяцѣ 1808 года, на сочиненіе плана атаки шведскаго корпуса, занимавшаго, по мнѣнію его, неодолимую позицію подъ Форсби, ибо фланги оной примыкали: правый къ Финскому заливу, а лѣвый къ изгибу широкой рѣки, протекающей предъ Форсби. Что же вышло? Корпусъ шведскій не остановился на сей позиціи, потому что тридцати-градусныя морозы давно уже превратили и Финскій заливъ, и рѣки въ равнину, несравненно удобнѣйшую для наступательнаго дѣйствія, чѣмъ твердая земля въ Финляндіи, покрытая скалами и дремучими лѣсами. Есть военачальники, которые къ зимнимъ нелѣпостямъ присоединяютъ еще и лѣтнія. Они примыкаютъ фланги войскъ своихъ къ малому ручью или пруду, на картѣ означеннымъ, не принимая въ уваженіе: есть ли броды или нѣтъ ихъ на семъ ручьѣ, и достаточно ли воды въ немъ для плаванія лягушекъ? О таковыхъ-то полководцахъ великій Суворовъ говаривалъ: «Помилуй Богъ! эти великіе тактики не иначе даютъ сраженія, какъ примынувъ флангами: однимъ — къ лужѣ, другимъ — къ навозной кучѣ!»

Но приступимъ къ разсмотрѣнію рапортовъ Дибича. Оставя на произволъ судьбы и основаніе и затыльные пути, ведущіе къ оному, Дибичъ, какъ мы выше видѣли, доноситъ:

«Желаая воспользоваться способами края, да бы занятіемъ вдругъ большого пространства онаго, обезпечить по возможности будущее продовольствіе арміи въ царствѣ польскомъ, я рѣшился немедленно начать военныя дѣйствія и соединенно вступить въ царство польское. Движеніе сіе учинено на разныхъ пунктахъ».

За что принимаетъ графъ Дибичъ правительство, осмѣливаясь угощать оное подобными донесеніями? Пусть покажутъ намъ возможность занятія войсками большого пространства, не разбросавъ войска сіи по всему пространству; пусть укажутъ намъ средства начать военныя дѣйствія соединенными силами, предпринимая нападенія на разные пункты?

Дѣло въ томъ, что пространство, опредѣленное Дибичемъ для занятія арміею, ему ввѣренною, заключалось между восточною прусскою и австрійскою Галиціею, что составляло около 400 верстъ протяженія; разные пункты, чрезъ которые наступленіе производилось, находились на протяженіи отъ Ковно до Устилуга, что составляло около 700 верстъ. И таковую-то операцію въ донесеніи правительству Дибичъ называлъ дѣйствіемъ соединенными силами! Чудесная логика и не менѣе того превосходная стратегія! Впрочемъ, это предначертаніе имѣло основаніемъ, какъ онъ самъ говоритъ, обезпеченіе будущаго продовольствія арміи. Но на долго ли разсѣяніе военныхъ силъ по обширному пространству, въ шести переходахъ отъ сосредоточенной непріятельской арміи, можетъ обезпечить продовольствіе этихъ войскъ, если противодѣйствующія онымъ силы сосредоточены и военачальникъ ихъ предприимчивъ и знаетъ свое дѣло? Правда, что для подобной же цѣли Наполеонъ разсѣявалъ свою армію, но не въ шести переходахъ отъ непріятельской арміи, а въ весьма дальнемъ отъ оной разстояніи; по мѣрѣ же приближенія своего къ ней, онъ снова ее сосредоточивалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что прокормленіе арміи есть дѣло великой важности, но главная цѣль всякаго ополченія не есть лишь утоленіе голода его, а одержаніе побѣдъ, въ коихъ оно нуждается. Армія, расположенная близъ собственныхъ крѣпостей, снабженныхъ продовольствіемъ, можетъ съ полнымъ желудкомъ простоять всю кампанію безъ дѣйствія, и сохранивъ себя, можетъ погубить отечество. Армія, разсѣянная для пропитанія себя по чрезмѣрному пространству вблизи сосредоточеннаго непріятели, можетъ съ полнымъ желудкомъ потерпѣть по частямъ пораженія, и погубивъ себя, погу-

бить отечество. Для этой ли цѣли собираются арміи? Въ 1796 г. Бонапартъ, принявъ начальство надъ войскомъ голоднымъ, въ рубищахъ, безъ казны и магазиновъ, и показавъ ему съ высотъ Аппениновъ роскошную Италію и полныя продовольствіемъ крѣпости, разливавшія изобиліе въ арміяхъ австрійской и сардинской, сказалъ войскамъ своимъ: «все это ваше», и все стало ихъ и приняло иной видъ: голодные насытились, нагіе одѣлись, милліоны насыпались въ казну арміи и Франціи; сытые же австрійцы и сардинцы познали голодь, и растерявъ въ бѣгствѣ башмаки, предали во власть побѣдителей всѣ запасы, всѣ источники богатства изобильнѣйшаго края; вотъ доказательство, что не роскошное содержаніе арміи даетъ побѣду, а побѣда открываетъ средства къ содержанію арміи, поддерживая войну войною.

Изъ сего ясно видно, что для достиженія сего предмета нужно было обратиться къ способу, вовсе противоположному тому, который избранъ былъ Дибичемъ, а именно: прежде всего надлежало напасть совокупными силами на непріятеля, разбить его, и тогда уже легко позади побѣдоносной своей арміи приказать извѣстнымъ областямъ озаботиться о снабженіи арміи всѣмъ для нее необходимымъ. Для отысканія тому примѣра не надо было рыться въ чужеземныхъ исторіяхъ и заглядывать въ Италію; примѣръ тому легко найти въ русской арміи и на самомъ томъ мѣстѣ, на коемъ намѣревались тогда дѣйствовать. За тридцать шесть лѣтъ предъ симъ, Суворовъ, сосредоточивъ войска въ Брестѣ и обезпечивъ тылъ свой (хотя независимыми отъ него, по назначенными отъ правительства занимать Литву и Волынь корпусамъ кн. Репнина и гр. Салтыкова), двинулся усиленными переходами къ Варшавѣ, разбилъ подъ Кобылкою польскій корпусъ, отступавшій изъ-за Наревы и Буга къ сему городу, и взялъ приступомъ укрѣпленную Прагу; покоривъ Варшаву, онъ размѣстилъ войска свои на квартиры, опредѣливъ на доставленіе имъ продовольствія всѣ, вслѣдствіе побѣдъ его, падшія польскія воеводства. Вотъ способъ, коимъ благоразумному полководцу слѣдуетъ продовольствовать войска свои на счетъ жителей враждебной области до благопріятнаго разсѣченія гордіева узла; это обстоятельство болѣе чѣмъ сомнительно при разбрасываніи наступательной арміи въ близкомъ сосѣдствѣ съ сосредоточеннымъ непріятелемъ,

ожидающимъ, можетъ быть, сей ошибкѣ, чтобы самому перейти въ наступленіе.

«Получивъ свѣдѣніе, что войска мятежниковъ расположены двумя отрядами: первымъ при Остроленкѣ, Пултускѣ и Рожанахъ, а другимъ и главнѣйшимъ около Мянска, Калушина и Владиславова, я рѣшился двинуться всѣми силами къ Бугу, въ направленіи къ Вышкову, чтобы по переходѣ рѣки сей раздѣлить армию мятежниковъ на двѣ части, а оставя отрядъ генералъ-майора Мандерштерна въ Ломжѣ для наблюденія гѣваго фланга, со всѣми прочими силами стараться отрѣзать мятежникамъ отступленіе праваго ихъ фланга къ Варшавѣ».

Это выходка для жоминистовъ. Дибичъ хотѣлъ показать оную, что и онъ умѣетъ, подобно Фридриху, Наполеону и Суворову, пользоваться внутреннею линіею; но на дѣлѣ этого не было, и славу Богу! ибо этотъ планъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Чтобы избирать родъ дѣйствія, предметомъ коего служить раздѣленіе непріятельской арміи надвое, необходимо слѣдуетъ достовѣрно узнать, точно ли расположеніе ея тому способствуетъ; если слухи справедливы, то не ползти и не останавливаться на пути, а бѣжать, летѣть, бросаться стремглавъ на избранный предметъ дѣйствія, потому что операція такого рода болѣе другихъ требуетъ быстроты и внезапности. Въ этомъ случаѣ, еслибы извѣстіе о размѣщеніи польской арміи, полученное Дибичемъ, и не подлежало сомнѣнію, то было безразсудно слѣдовать со всею арміею по мѣстности дѣсятой между Бугомъ и Наревою, едва прорѣзанною кое-гдѣ узкими дорогами и тропинками и въ то время года еще заваленной снѣгами; непріятель между тѣмъ могъ удобно двинуть по широкимъ и удобнымъ шоссе, соединяющимся у Прагскаго укрѣпленія предъ Варшавою. При первомъ извѣстіи о семъ движеніи, непріятель могъ весьма спокойно отойти по обомъ шоссе и сосредоточиться у Праги, прежде чѣмъ армія наша успѣла бы сдѣлать два перехода по затруднительнѣйшей мѣстности. Положимъ однако, что препятствія эти не устрашили Дибича, что онъ рѣшился преодолѣть ихъ, во что бы то ни стало, и предпринять движеніе, требующее быстроты и внезапности; онъ двинулся, и вдругъ..... что же пишетъ? «въ теченіе днѣвки, которую имѣла армія...» Какъ днѣвки?! Въ операціи, въ которой всякой шагъ впередъ, всякой часъ, всякая минута такъ дороги, полководецъ, предпринявшій оную, рѣшается остановить армію

для днёвки! Но что тому причиною? Послушаемъ еще самого Дибича:

«Какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами».

Право, не знаешь какое имя дать подобной наглости въ отношеніи правительства! Да чѣмъ же главнокомандующій занимался въ теченіе полуторамѣсячнаго пребыванія своего посреди арміи въ Бѣлостокѣ? Не устройствомъ ли въ окрестностяхъ сего города и въ Брестѣ магазиновъ, ежедневно наполняемыхъ подвозами изъ литовскихъ губерній и образованіемъ арміи, по мѣрѣ прибытія въ ея составъ войскъ изъ Россіи? И когда войска, составившія армію, подкрѣпили себя, первыя—десятидневнымъ, а послѣднія—пятидневнымъ отдохновеніемъ, когда магазины наполнились, по крайней мѣрѣ, двухнедѣльною пропорціею провіанта, когда, сверхъ того, большое количество запасовъ роздано было войскамъ: сухарей на три дня въ ранцы и на десять дней въ фуры, тогда Дибичъ двинулся, и послѣ двухъ переходовъ, снова остановился, «какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами», и гдѣ же? Въ землѣ, на коей оставлены были огромные магазины непріятельскіе, въ землѣ, противъ насъ возставшей и изобилующей всѣми родами съѣстныхъ припасовъ, на шестисуточномъ разстояніи отъ непріятеля, и имѣя съ собой одиннадцатисуточный запасъ продовольствія! Если это называется воевать, то какъ назовемъ мы походы Фридриховскіе, Наполеоновскіе, Суворовскіе и предшествовавшихъ имъ полководцевъ? Дошли ли бы до насъ исполнскія имена Александра, Аннибала и Цезаря, еслибъ на каждомъ второмъ переходѣ они, имѣя при себѣ достаточное количество провіанта, останавливали войска свои для отдохновенія и ожиданія подвозовъ съ пищею въ краяхъ, оною изобилующихъ?

Впрочемъ, это не новая уловка главнокомандующихъ нашими арміями. Я отслужилъ четырнадцать кампаній и почти въ каждой изъ нихъ читалъ по нѣскольку разъ подобнаго рода оправданія, посылаемыя ими правительству. Забавныя оправданія! Армія не можетъ идти впередъ, потому что еще подвозы съ запасами къ ней не прибыли. Но развѣ войско, стоя на мѣстѣ, можетъ обойтись безъ пищи? А если оно употребляетъ не менѣе пищи во время стоянки, какъ и на походѣ, и пищу сію получаетъ

отъ жителей края, имъ занимаемаго, то не лучше ли ему утолять голодъ, подвигаясь впередъ, чѣмъ стоя на одномъ мѣстѣ? Тѣмъ болѣе, что отъ неподвижнаго пребыванія арміи край, ея занимаемый, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изнуряется и не въ состояніи прокормить ее и жителей. При движеніи же впередъ, она на каждомъ шагу находитъ народонаселеніе свѣжее и еще не раздѣлившее съ войсками пропитанія своего, слѣдовательно обладающее болѣею возможностью прокормить сіи войска, чѣмъ то, которое понесло уже ущербъ въ своихъ запасахъ. Если бы впереди находящійся край былъ, подобно Аравійской пустынѣ, лишень скота и хлѣба, тогда, безъ сомнѣнія, нельзя вступить въ него безъ огромныхъ запасовъ провіанта изъ магазиновъ, предварительно устроенныхъ въ хлѣбородныхъ областяхъ, съ нею граничившихъ. Но во всѣхъ европейскихъ войнахъ области, прилегающія спереди, съ боковъ и тыла къ той, въ коей полководецъ останавливаетъ армію свою для ожиданія подвозовъ, почти столь же изобильны продовольствіемъ, сколько и онѣ сами. Это разсужденіе не свыше понятій самаго обыкновеннаго человѣка. Что же причиною тому, что всегда пропадаетъ такъ много времени въ бездѣйствіи, подъ предлогомъ ожиданія подвозовъ съ провіантомъ? Не вслѣдствіе ли опасенія генеральнаго сраженія съ неприятелемъ, сего рокового удара, рѣшающаго въ нѣсколько часовъ судьбу всего похода? Вотъ истинная тому причина; ожиданіе же подвозовъ есть только отговорка, и это такъ быть должно. Самое превосходно обдуманное и данное на выгоднѣйшемъ мѣстоположеніи генеральное сраженіе зависитъ отъ болѣшихъ или меньшихъ случайностей; а чтобы любить случайности, надо быть преисполнену поэзіею ремесла нашего, исключительно поэтическаго и потому непостижимаго для людей, руководимыхъ единой разсчетливостію, ничего не оставляющихъ на произволъ случая, ничего не ввѣряющихъ порывамъ вдохновенія. Надо имѣть твердую, высокую душу, жаждущую сильныхъ ощущеній, безъ вліянія ихъ на умъ, ни отъ чего не смущающійся и всегда дѣятельный, на волю, сплавленную въ единый слитокъ и на мнѣніе о себѣ, полное неистощимаго запаса увѣренности въ способности творить успѣхи тамъ, гдѣ посредственность видитъ одну лишь гибель. Какъ же послѣ того предпринимать что-либо отважное полководцамъ покроя обыкновеннаго, дарованій сомнительныхъ и теряю-

щимъ силу соображеній при малѣйшемъ неблагопріятномъ обстоятельстве? Какъ рѣшались имъ на спшибку грудь съ грудью съ непріателемъ, на спшибку, могущую въ одинъ день, а иногда и въ одинъ часъ времени, ниспровергнуть въ прахъ весь мозаичскій слѣпокъ ихъ хрупкихъ репутацій? Вотъ почему полководцы эти прилѣпляются какъ ростовщики къ скопленному ими, всѣми позволительными и непозволительными способами сего рода капиталашку, рискуя онымъ не иначе, какъ мелкою монетою по денежкамъ и по копеечкамъ въ огромной понтировкѣ армій и народовъ. Вотъ почему они довольствуются ожиданіемъ при выигрышѣ арендъ, чиновъ, крестовъ, а при проигрышѣ наказанія, соразмѣрнаго съ подобными награжденіями; тогда какъ въ этой же понтировкѣ полководцы размѣра Фридриха, Наполеона и Суворова ставятъ на одну карту весь капиталъ необъятныхъ побѣдъ, ими приобрѣтенныхъ и выигрываютъ государства и части свѣта, или проигрываютъ все до собственной жизни, до собственной свободы, какъ Аннибалъ и Наполеонъ, оставивъ славу своей лишь безсмертіе на пропитаніе.

Стоянка Дибича въ окрестностяхъ Ломжи и Высокомазовецка продолжалась трое сутокъ, тогда какъ слѣдовало бы ей продолжаться не болѣе того времени, которое нужно было для сваренія каши и легкаго отдыха. 30-го армія выступила въ походъ, но уже не на Вышковъ, а круто вправо на Броки и Нуръ, дабы безпрепятственнѣе и поспѣшнѣе переправиться чрезъ Бугъ, подъ предлогомъ опасенія скорого вскрытія сей рѣки. Вотъ что пишетъ о томъ Дибичъ:

«Внезапно наступившій юго-западный вѣтръ произвелъ такую перемену въ температурѣ, что послѣ двадцати градусовъ мороза 29-го числа всѣ поля были уже обнажены отъ снѣгу, дороги сдѣлались крайне затруднительными, рѣчки разлились и должно было опасаться, что всякое сообщеніе между обоими берегами Буга неминуемо прекратится, а посему надлежало поспѣшить переходомъ всей арміи на лѣвый берегъ сей рѣки, гдѣ край представляетъ лучшія сообщенія.....»

Правда, что во время трехсуточного замедленія арміи нашей въ Ломжѣ и Высокомазовецкѣ, наступила сильная оттепель, но въ эту часть года, т.-е. въ концѣ января нельзя было ожидать никакого рѣшительнаго появленія весны. Если поля обнажились отъ снѣга и дороги сдѣлались грязными, то грязь эта была на одной только поверхности дорогъ, грунтъ же ихъ оставался твер-

дымъ и еще далеко было до разлитія рѣвъ, ибо самый Бугъ былъ безпрепятственно перейденъ по льду гренадерскимъ корпусомъ князя Шаховскаго шестнадцать дней послѣ появленія означенной оттепели, а Висла вскрылась только въ началѣ марта. Такъ всегда бываетъ на широтѣ той части Польши, на коей происходили тогда военныя движенія. Для чего же приписывать отступленіе отъ начальнаго избраннаго предназначенія опасности, которая будто бы угрожала намъ вслѣдствіе близкаго вскрытія Буга? Пользуясь вполне правами главнокомандующаго, не отъ Дибича ли зависѣло дѣйствовать какъ ему заблагоразсудится? Не обладать ли онъ полною волею слѣдовать по направленію, для него удобнѣйшему? Если прямой путь къ неприятелю представлялъ затрудненія, были пути и вправо и влево: ступай тѣмъ или другимъ, все хорошо, не ходи только тѣмъ, который ведетъ обратно въ Россію. Зачѣмъ же избирать кривой путь въ сношеніи съ правительствомъ? На это врядъ ли онъ имѣлъ разрѣшеніе. Но положимъ, что измѣненіе начальнаго предназначенія произошло отъ причины изъясненной въ разбираемомъ нами дѣлѣ, и послѣдствіе, употребленная для перехода на лѣвый берегъ Буга, основывалась на намѣреніи избѣжать всякаго значительнаго препятствія между нашей арміей и неприятельскою, слѣдовательно новое предназначеніе ручалось въ быстрѣйшемъ достиженіи главныхъ неприятельскихъ силъ и скорѣйшей развязкѣ возникшихъ споровъ — генеральнымъ сраженіемъ. Всѣмъ извѣстно, что для такого рѣшительнаго удара превосходство въ числительной силѣ весьма не лишнее по той причинѣ, что съ гораздо болѣею вѣроятностію можно надѣяться на побѣду съ 98-ми-тысячною, чѣмъ съ 78-ми-тысячною массою при нападеніи ея на 73-хъ-тысячную. Сверхъ того, однимъ изъ непростительныхъ стратегическихъ проступковъ почитается движеніе арміи двумя путями противъ одного пути, между ними находящагося и занятаго неприятелемъ, особенно если эти два пути отдѣлены одинъ отъ другого естественными преградами, какъ, на примѣръ: рѣками, озерами, болотами и проч. Для какого же предмета оставленъ былъ весь гренадерскій корпусъ кн. Шаховскаго и отрядъ генерала Мандерштерна около Ломжи на ковенскомъ шоссе, лежащемъ на правомъ берегу Наревы, во время перехода главной нашей арміи на лѣвый берегъ Буга и при переносѣ ея дѣйствія на брестское шоссе, тѣмъ болѣе,

что точка соединенія обоихъ шоссе была въ рукахъ непріятельской арміи, расположенной впереди сей точки не въ дальнемъ отъ нея разстояніи? Что мѣшало обратить и корпусъ этотъ и отрядъ Мандерштерна вслѣдъ за нашей арміей, для которой войска эти составили бы резервъ и усилили бы ее чрезъ это 20-ю тысячами человѣками и 72-мя орудіями, вмѣсто того, чтобы вслѣдствіе очищенія ковенскаго пути опасаться непріятельскаго вторженія по немъ къ Вильнѣ? Но объ этомъ вторженіи непріятель не могъ имѣть тогда ни малѣйшаго помысленія, ибо рѣшился ли бы начальникъ польской арміи залетѣть всѣми силами за 500 верстъ отъ Варшавы при движеніи всей нашей арміи по брестскому шоссе къ столицѣ? Я увѣренъ, что если непріятелю и пришла мысль двинуться по сему направленію, то она явилась по той причинѣ, что онъ могъ увлечься желаніемъ истребить корпусъ, вчетверо слабѣйшій противъ польской арміи, который оставленъ былъ въ Ломжѣ на защиту этого пути и только лишь потому, что онъ былъ удаленъ отъ нашихъ главныхъ силъ. Слѣдовательно, этотъ корпусъ, вмѣсто того, чтобы охранять ковенское шоссе, служилъ только приманкою для польской арміи, съ которой онъ, по великому превосходству ея въ силахъ, не могъ и полсукоть бороться. Я предоставляю читателю судить, что произошло бы, еслибъ, по разбитіи этого корпуса при Ломжѣ, непріятель, недовольствуясь симъ успѣхомъ, двинулся немедленно къ Бугу и далѣе въ тылъ арміи нашей, направляющейся къ Варшавѣ? Какое вліяніе возымѣло бы на духъ польской арміи и польской націи извѣстіе о разбитіи 20-ти-тысячнаго корпуса нашего при самомъ открытіи военныхъ дѣйствій? Въ какое положеніе это обстоятельство поставило бы Дибича, находившагося между вооруженною Варшавою, предмостнымъ Прагскимъ укрѣпленіемъ, Модлинской крѣпостью и польской арміей, устремляющейся на него съ тылу и могшей легко захватить всѣ его запасы, парки и резервы; кромѣ того, непріятель истребленіемъ гренадерскаго корпуса значительно бы возвысилъ этимъ нравственный духъ своихъ войскъ. Мнѣ скажутъ, что такое движеніе было бы чрезмѣрно отважно. Согласенъ, но такими только движеніями и приобрѣтаются огромные успѣхи, спасаютъ отечества, живутъ въ потомствѣ. Размѣренныя, систематическія движенія заранѣе рассчитаны посредственностью и принаровлены къ мѣст-

ности, какъ разводъ къ городской площади; всякій знаетъ, что послѣ чего слѣдуетъ, и куда идти, куда придти, и что каждому изъ фигурантовъ надлежитъ дѣлать. Но эти вспышки генія непредвидимы и неисчислимы по своимъ послѣдствіямъ, ибо онѣ не только поражаютъ духъ непріятельскихъ войскъ, но ошеломляютъ, отуманиваютъ главнаго начальника, ниспровергая всѣ его предназначенія; съ планами, съ обѣихъ сторонъ по канвѣ расчисленными и систематически размѣренными, кампанія можетъ продолжаться для обѣихъ сторонъ до изнеможенія силъ, какъ минуэтъ вѣка Людовика XIV, но нѣтъ таковой глубоко обдуманной систематической кампаніи, которая была бы въ состояніи выдержать одного, а много двухъ движеній, подобныхъ тому, какое слѣдовало бы предпринять его сіятельству князю Михаилу Радзивиллу, при представленномъ выше распоряженіи его сіятельства господина генераль-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго. И да не подумали бы, что подобнаго рода движенія никогда не были приведены въ исполненіе. Кто усомнится въ этомъ, пусть раскроетъ описаніе кампаніи великаго Наполеона въ 1796 году въ Италіи. Пусть онъ взглянетъ на карту и представитъ себѣ Вислу—вмѣсто Адижа; польскую армію—вмѣсто французской арміи; Варшаву—вмѣсто Вероны; російскую армію—вмѣсто австрійской; Дибича—вмѣсто Вурмзера; Радзивилла—вмѣсто Наполеона; дорогу, идущую отъ Бреста къ Варшавѣ—вмѣсто дороги, ведущей отъ Тревизы къ Веронѣ; Давидовича, расположеннаго при Трентѣ—вмѣсто Шаховскаго, расположеннаго при Ломжѣ; дорогу, идущую на Трентъ и далѣе къ Ботцену—вмѣсто воевской дороги; движеніе Вурмзера отъ Бассано къ Веронѣ—вмѣсто движенія Дибича отъ Брокъ и Нуры къ Варшавѣ; разбитіе Наполеономъ Давидовича при Трентѣ—вмѣсто разбитія, угрожавшаго Шаховскому подъ Ломжою; движеніе отъ Трента по Саганской долинѣ (дорогѣ?) къ Бассано—вмѣсто движенія, которое Радзивиллъ долженъ былъ предпринять отъ Ломжи къ Бугу и за Бугъ въ тылъ Дибичу, послѣ разбитія Шаховскаго. Что же касается до движенія къ Вильнѣ малою частью арміи, то могло ли оно быть предпринято, тогда какъ все еще было спокійно въ Литвѣ, гвардейскій отрядъ находился въ окрестностяхъ Вильны и 2-й пѣхотный корпусъ былъ расположенъ около Минска? Да и какой сумасбродный полководецъ осмѣлился бы отдѣлять на второсте-

пенное и весьма гадательное предпріятіе какую-либо часть войскъ отъ массы, ожидающей съ часу-на-часъ рѣшительной борьбы съ подвигавшейся къ ней сосредоточенною непріятельскою арміею? Итакъ, мнѣ кажется, что не лишнее было бы Дибичу присоединить къ нашей главной арміи войска Шаховскаго и Мандерштерна.

ХІ.

12-го марта графъ Тиманъ и я прибыли въ главную квартиру, но Граббе насъ опередилъ сутками. Всѣ подняли меня на руки, прежде нежели я былъ допущенъ до высшихъ вождей. Генераль-квартирмейстеръ Нейдгардтъ принялъ меня по-дружески. На другой день мы съ Тиманомъ представлялись фельдмаршалу, который, принявъ насъ въ кабинетѣ, очень обласкалъ меня, и говоря со мной, безпрестанно повторялъ: «Денисъ Васильевичъ». Онъ звалъ меня обѣдать, и посадивъ возлѣ себя, говорилъ много, шутилъ и подливалъ мнѣ и себѣ много вина, расспрашивалъ объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ, съ которымъ онъ такъ благородно поступилъ въ Грузіи ¹⁾.

Отведя меня въ сторону, онъ прибавилъ:

«Я для васъ готовлю хорошее мѣсто и команду; подождите немного, завтра придетъ графъ Толь, мы съ нимъ объ этомъ потолкуемъ».

На другой день, по приѣздѣ Толя, я поспѣшилъ къ нему. Онъ, увидѣвъ меня, бросился ко мнѣ и обнялъ съ слѣдующими словами: «Здравствуй, любезный и милый Денисъ, жду тебя сто лѣтъ, послужимъ вмѣстѣ, найду тебѣ дѣло, и славное».

Въ тотъ же день за обѣдомъ фельдмаршала, возлѣ котораго сидѣлъ Толь, этотъ генералъ, пожавъ мнѣ дружески руку, сказалъ ему:

— «Ваше сіятельство, надо дать ему славное мѣсто, это давнишній мой другъ и пріятель съ самаго 1812 года».

¹⁾ За обѣдомъ графъ Дибичъ, вспоминая о Грузіи, говорилъ: «Каргановъ разсорилъ Ермолова съ Паскевичемъ, которымъ совершенно овладѣлъ; онъ увѣрилъ его, что Ермоловъ послалъ его водъ Елисаветполь на вѣрную гибель и что даже непремѣнно хочетъ отравить его». Когда я самъ заболѣлъ, входитъ ко мнѣ Каргановъ съ разстроеннымъ лицомъ и объявляетъ мнѣ, по секрету, что онъ знаетъ навѣрное, что Ермоловъ отравилъ меня; но я закрычалъ: «вонъ отсюда, мерзавецъ!»

(Примѣчаніе это написано Д. Давыдовымъ на особомъ листѣ).

— «Да, да! непременно, отвѣчалъ фельдмаршалъ, я васъ только дожидался».

Въ мѣстечкѣ Шеницы, 15-го марта, я получилъ предписаніе главнокомандующаго графа Дибича-Забалканскаго, слѣдующаго содержанія:

«Господину генералъ-майору и кавалеру Давыдову.

«Съ полученія сего, имѣете ваше превосходительство отправиться въ городъ Люблинъ, гдѣ явитесь къ генералу-отъ-кавалеріи графу Витту, командиру отдѣльнаго корпуса въ Люблинскомъ воеводствѣ, и коему при семъ прилагается предписаніе, относительно вашего назначенія, которое состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать въ родѣ летучаго отряда и составлять въ то же время и передовую стражу войска въ Люблинѣ и около сего города квартирующихъ. Въвѣренный вамъ отрядъ состоитъ изъ казачьихъ полковъ: Катасанова, Платова и Кареева, имѣющіе въ подкрѣпленіи финляндскій драгунскій полкъ, расположенный нынѣ въ Красноставѣ, по дорогѣ отъ Люблина къ Замостью. Главная обязанность ваша состоитъ въ томъ, чтобы наблюдать за движеніями мятежника Дверницкаго, находящагося нынѣ съ отрядомъ изъ 8-ми или 10-ти тысячъ человекъ въ сей крѣпости и ея окрестностяхъ.

«Предметъ его дѣйствій можетъ быть, съ переходомъ нашимъ за Вислу, сдѣлать поискъ къ Люблину, или партіями, стараясь взволновать край между Вепржомъ и Бугомъ, или наконецъ, оставя сію пѣхоту съ частью артиллеріи въ Замостьѣ, со всею кавалеріею (въ числѣ коей суть 5-й и 6-й эскадроны отъ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го конно-егерскихъ и 1-го, 2-го, 3-го и 4-го уланскихъ полковъ и 4-хъ полковъ красусовъ, каждый въ три эскадрона, что составляетъ всего 23 эскадроновъ, выводящихъ въ строй не болѣе 10-ти рядовъ, или 2,800 человекъ на конѣ), стараться изъ Замостья пробраться черезъ Раховъ на лѣвый берегъ. Первыя два предположенія менѣе вѣроподобны, паче если онъ узнаетъ, что въ Устилугѣ собраны довольно значительныя силы нашихъ войскъ, при коихъ есть и казачій полкъ Попова 3-го, въ Грибешовѣ расположенный и имѣющій повелѣніе открывать всѣ движенія мятежниковъ со стороны Замостья. Третій случай требуетъ большой бдительности, чтобы мятежники, скрывъ отъ васъ свои движенія, не успѣли бы въ превосходныхъ силахъ напасть на генерала барона Крейца, въ Уржендовѣ находящагося, и удаливъ его, пробраться на лѣвый берегъ Вислы. Извѣстная опытность вашего превосходительства укажетъ вамъ способы, какъ остеречь войска наши отъ внезапнаго непріятельскаго появленія, а между тѣмъ и средства къ безпрестанному его безпокойству, дѣлая на него частые поиски. Для сего необходимо нужно вамъ быть въ весьма тѣсной связи съ генералъ-лейтенантомъ барономъ Крейцомъ, у коего состоятъ вамъ въ прямой зависимости и ежедневно доносить о происходящемъ какъ къ нему въ Уржендово, такъ и графу Витту въ городъ Люблинъ, дабы на случай движенія Дверницкаго на генерала барона Крейца, могли бы вы сблизиться къ нему и соединенно нанести превосходствомъ вашихъ силъ мятежнику пораженіе. Также нужно будетъ сохранять отъ времени до времени сношеніе и съ Устилугомъ, съ командиромъ тамошнихъ войскъ генералъ-майоромъ Лошкаревымъ». Генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій.

№ 1,141. 15 марта 1831. М. Шеницы.

Извѣстно, что въ это время фельдмаршалъ готовился къ переходу чрезъ Вислу. Онъ для сего избралъ мѣсто между рѣкою Вепржою и Прагою, противъ мѣстечка Рыки, гдѣ приготовлены были всѣ нужные матеріалы для построения мостовъ въ нѣсколько часовъ времени. Изъ размѣщенія войскъ ясно видно, что для прикрытія главныхъ силъ арміи во время ихъ переправы, фельдмаршалъ оставилъ вправо отъ нихъ 6-й пѣхотный корпусъ генерала Розена у Дембевельке, на шоссе, идущемъ изъ Варшавы къ Брестъ-Литовску и влѣво сводный корпусъ генерала Крейца въ Люблинскомъ воеводствѣ ¹⁾; изъ корпуса Розена отрядъ подъ командою Гейсмара поставленъ былъ въ Милоснѣ для наблюденія за непріятельской арміей, занимавшей Варшаву, а аванпосты отряда сего у самой прагской заставы. Изъ корпуса Крейца отрядъ, подъ моимъ командованіемъ, поставленъ былъ въ Красноставѣ для надзора за корпусомъ Дверницеаго, находившимся подъ Замостьемъ и въ окрестностяхъ сей крѣпости. Изъ этого явствуетъ, что важнѣйшія обязанности того времени лежали на Гейсмарѣ и на мнѣ, ибо мы были истинными очами главной арміи.

Мы должны были неотлучно находиться съ глазу на глазъ съ непріятелемъ и извѣщать о малѣйшемъ его движеніи, которое могло быть намъ опаснымъ во время нашего движенія.

Сверхъ того, какъ видно изъ сей инструкціи, намъ надлежало и послѣ переправы арміи продолжать наблюденія наши за тѣмъ же непріятелемъ для воспрепятствованія ему возбуждать волненія и возстанія въ краю, лежащемъ между Вислою и Бугомъ.

Кто не сознается, что для достиженія цѣли, для коей составлены были отряды наши, необходимо слѣдовало оставить насъ независимыми: Гейсмара отъ Розена, а меня отъ Крейца, ограничивъ отношенія наши къ Розену и Крейцу одними частыми извѣщеніями о происходящемъ? Безъ этого невозможно было бы имѣть вѣрное наблюденіе, ибо отъ непосредственной подчиненности Гейсмара — Розену, а меня — Крейцу, начальники наши

¹⁾ Въ инструкціи упомянуто о генералѣ графѣ Виттѣ, но графъ Виттъ въ день приѣзда моего въ Люблинъ, т.-е. 20-го марта, получилъ повелѣніе: поступить обратно въ составъ главной арміи съ болѣею частію своего корпуса и усилить нѣсколькими полками корпусъ Крейца, заступившій его мѣсто въ Люблинскомъ воеводствѣ.

могли, по неосновательнымъ извѣстіямъ жителей или лазутчиковъ, перемѣщать насъ, — Гейсмара въ Модлину, или въ Оссеку, а меня въ Рахову или въ Хальшу и отвлекать насъ отъ главнаго предмета, указаннаго Дибичемъ, куда имъ заблагоразсудится. Гейсмару и мнѣ, при независимомъ положеніи, представлялась только одна обязанность: ему — стоять у Праги и наблюдать непріятельскую армію у главнаго ея выхода. Мнѣ — стоять у Красностава и наблюдать за Дверницеимъ, расположеннымъ у Замостья; намъ обоимъ надлежало немедленно извѣщать о малѣйшемъ движеніи находившихся противъ насъ войскъ, какъ главную армію, такъ и Гейсмару — Розена, а мнѣ — Крейца.

Въ выше представленной мною инструкціи я не безъ намѣренія подчеркнул двѣ статьи, одна другую уничтожающія. Первую ту, въ которой излагается весь духъ даннаго мнѣ порученія, т. е. надзоръ за движеніями Дверницеаго, а второй — подчиненность моя Крейцу. Къ чему же столь подробное наставленіе чиновнику, коего другой, старшій ему чиновникъ, могъ однимъ словомъ отвлечь отъ предмета ему указаннаго, и чрезъ то разстроить всѣ виды главнокомандующаго, изложенные въ сей бумагѣ? Не лучше ли было бы прямо и просто сказать: «ваше превосходительство подчиняетесь генералу барону Крейцу, отъ коего получите всѣ нужныя наставленія». И все тутъ. По крайней мѣрѣ чрезъ то главный штабъ арміи избавился бы и отъ потери времени на сочиненіе мнѣ инструкціи, и отъ лишняго расхода чернилъ и бумаги.

Эта зависимость Гейсмара отъ Розена, а моя отъ Крейца, произошла не отъ сомнѣнія въ точномъ исполненіи Гейсмаромъ и мною данныхъ намъ порученій, ибо въ такомъ случаѣ избрали бы не насъ, а другихъ, — а единственно отъ педантическаго сохраненія правъ чиновначалія. Главнокомандующій счелъ необходимымъ, чтобы Гейсмаръ¹⁾, командовавшій частію войскъ, отдѣленныхъ отъ 6-го пѣхотнаго корпуса, и имѣвшій вблизи себя этотъ корпусъ, находился въ непосредственной подчиненности у

¹⁾ Генераль баронъ Гейсмаръ, непоказывавшійся своимъ войскамъ часто въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, обнаружилъ въ польской войнѣ замѣчательную неспособность; блестящимъ успѣхомъ своимъ въ войнѣ съ турками, въ 1828 году, онъ былъ исключительно обязанъ отличными распоряженіямъ своего начальника штаба, полковника Граббе.

Д. Д.

(Примѣч. изъ Долгоруковскаго списка, изд. 1863 г.).

корпуснаго командира. Та же мысль господствовала и при составленіи моей инструкціи.

Будучи солдатомъ тридцать два года сряду, я не возсталъ противъ святого долга подчиненія младшаго старшему; но, изучивъ ремесло свое и вникнувъ въ него, по мѣрѣ способностей, дарованныхъ мнѣ природою, я думаю, что есть случаи, въ которыхъ главному начальнику необходимо преступать за черту обыкновенія. Это необходимо надо было сдѣлать, въ особенности для начальника отряда, указавшаго еще въ 1812-мъ году на пользу партизановъ, коихъ обязанности должны быть чужды вліянія всякаго надъ ними начальства, исключая главнаго.

Въ строгомъ смыслѣ зависимость Гейсмара могла быть еще нѣсколько допущена, такъ какъ корпусъ Розена, главная армія и корпусъ Крейца стояли по одному протяженію и обращены были лицомъ къ общему имъ направленію, имѣя каждая изъ этихъ трехъ частей собственно принадлежащей ей авангардъ, и однимъ изъ нихъ могъ почитаться отрядъ Гейсмара. Но Дверницкій около Замостья былъ совершенно отдѣленъ отъ польской арміи, занимавшей Варшаву, слѣдовательно и отрядъ мой, назначенный для наблюденія за нимъ, долженъ былъ быть, подобно ему, отдѣленъ отъ нашей арміи, которая, какъ и главная непріятельская были расположены за Вислой. Послѣ этого, само собой разумѣется, что отряду этому ни подъ именемъ авангарда, ни подъ какимъ-либо другимъ именемъ и предлогомъ не слѣдовало принадлежать корпусу Крейца. Этотъ корпусъ, подобно корпусу Розена, находясь въ составѣ главной арміи, былъ подчиненъ общей системѣ дѣйствія и составлялъ отдѣльное лѣвое, какъ корпусъ Розена отдѣльное правое крыло главныхъ силъ нашихъ, обращенныхъ лицомъ къ Вислѣ, т.-е. въ сторону, почти противоположную той, къ коей обращенъ былъ мой отрядъ, занимавшій Красноставъ и наблюдавшій Дверницкаго, стоявшаго около Замостья.

Стоитъ только бросить взглядъ на карту и вспомнить размѣщеніе войскъ нашихъ въ то время, чтобы удостовѣриться, что истинный авангардъ Крейца находился между р. Вепржою и Юзефова, подъ командой генерала Пашкова. Авангардъ же главной арміи, выступившей тогда изъ Шеницы чрезъ Желиховъ къ Рыки, охранялъ правый берегъ Вислы, упираясь въ Вепржу, а

авангардъ Розена подѣ командою Гейсмара стоялъ предѣ Прагою. Польза независимости моего отряда и неудобство подчиненности, которою его оковали, обаяются въ своемъ мѣстѣ.

Достойно замѣчанія и то, что въ сей инструкціи изложены только три предположенія: 1) предпріятіе Дверницкаго между Вепржой и Бугомъ на Брестъ-Литовскъ; 2) движеніе его въ Люблину въ тылъ корпуса Крейца, расположеннаго около Уржендова, и 3) движеніе чрезъ Раховъ на Вислу для соединенія съ главною польскою арміею; но ни слова не было сказано о возможности вторженія его въ Волынь и далѣе, что однако не могло не бросаться въ глаза. И въ самомъ дѣлѣ, не достаточно ли ручались въ этомъ вторженіи: 1) удобство положенія Замостья, подѣ пушками котораго находился корпусъ Дверницкаго; 2) обнаженіе отъ войскъ нашихъ Волынской, Подольской и Кіевской губерній. Хотя изъ инструкціи и видно, что въ Устилугѣ стоялъ генераль-майоръ Лошкаревъ, но онъ командовалъ только слабымъ отрядомъ, подерѣвленнымъ своднымъ корпусомъ генерала Ридигера, весьма еще малочисленнымъ по случаю неприбытія всѣхъ войскъ, въ составъ его назначенныхъ. Онъ былъ слѣдовательно весьма недостаточенъ для отраженія десятитысячнаго корпуса Дверницкаго, привыкшаго одерживать успѣхи и составленнаго изъ кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи; 3) естественная невозможность царства польскаго продолжать борьбу съ Россіею, безъ распространенія мятежа въ польско-россійскихъ губерніяхъ, что не иначе можно было привести въ дѣйствіе, какъ посредствомъ войскъ, отдѣленныхъ отъ главной арміи мятежниковъ, и наконецъ, 4) духъ вражды ко всему русскому, господствовавшій искони во всѣхъ польско-россійскихъ губерніяхъ, со времени возстанія царства, успѣховъ нашихъ подѣ Милосной и Гроховымъ, воими главнокомандующій нашъ не умѣлъ воспользоваться, и также частныхъ пораженій, нанесенныхъ Дверницкимъ Гейсмару и Крейцу, преувеличенныхъ недоброжелателями Россіи. Если бы Дверницкій, по переправѣ чрезъ Вислу въ Пулавѣ и по изгнаніи Крейца изъ Люблина въ исходѣ февраля, ограничился занятіемъ сего центрального пункта южной части театра войны, тогда не было бы возможности предусмотрѣть вторженія его въ Волынь. Все, что можно было бы предвидѣть—это набѣги его изъ Люблина къ Сѣдлецу или къ Біалѣ, т.-е. на путь сообщенія на-

ней арміи съ Брестомъ или на лѣвый флангъ оной во время расположенія ея около Шеницы, Паризова, Литовичи и Сточека, или быстрое отступленіе его обратно за сію рѣку (находившуюся отъ него на разстояніи одного сильнаго суточного перехода), въ случаѣ движенія на него части арміи нашей изъ-за Вепржа. Но когда по занятіи Люблина, по вскрытіи Вислы, при неимѣніи ни моста, ни паромовъ на сей рѣкѣ, Дверницкій, оставивъ городъ сей, двинулся въ Замостью, тогда не трудно было, видя, что онъ совершенно отдѣляется отъ главной польской арміи, постичь истинное его направленіе, долженствовавшее непременно простираться гораздо далѣе этой вѣрности; можно было отгадать, что предметъ, имъ избранный, есть Волынская губернія; ибо какой, мало-мальски понимающій ремесло свое, начальникъ рѣшится предать въ руки непріятели кратчайшее, и можно сказать, единственное сообщеніе свое съ главною арміею, коей онъ принадлежитъ, для того только, чтобы поглядѣть на вѣрность, вовсе въ немъ ненуждавшуюся, ни для усиленія своего гарнизона, ни для снабженія себя оружіемъ; напротивъ, прибытіе туда новыхъ силъ должно было уменьшить средства пропитанія, получаемыя ею изъ окрестностей?

Не взирая на то, весьма ясно видно, что нашъ главнокомандующій не только не постигъ возможности сего вторженія, но и первыя два предположенія, болѣе третьяго съ онымъ сходныя по своему наступательному свойству, бросилъ въ данную мнѣ инструкцію такъ, *rag acquit de conscience*, чтобы не совсѣмъ быть грѣшнымъ предъ алкораномъ нѣмецкой методики. Главное вниманіе обращено было на прегражденіе Дверницкому обратнаго отступленія за Вислу.

Вотъ для чего и помѣщенъ былъ одинъ изъ полковъ моихъ въ Желкевкѣ и въ Высокомъ, съ повелѣніемъ ему дѣлать разѣзды за Щербжечинъ и Франполь; вотъ для чего и помѣщенъ былъ корпусъ Крейца не въ Люблинѣ, а въ Уржендовѣ, ближе къ пути отступленія Дверницкаго, о чемъ онъ не гадалъ и не думалъ.

XII.

Мнѣ слѣдовало бы выѣхать изъ Шеницы немедленно по полученіи инструкціи. Уже товарищи мои, Граббе и гр. Тиманъ, разѣхались по мѣстамъ имъ назначеннымъ. Первый на второй

день по приѣздѣ нашемъ въ 1-й пѣхотный корпусъ, гдѣ онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба; послѣдній на третій день, въ отрядъ Гейсмара бригаднымъ командиромъ конно-егерскихъ полковъ тираспольскаго и арзамасскаго. Нѣкоторыя, лично до меня касавшіяся, обстоятельства задержали меня, и я противъ воли долженъ былъ остаться въ Шеницѣ до 16-го числа.

Независимо отъ моего одиночества, главная квартира сама собою мнѣ смертельно надоѣла! Въ теченіе службы моей, я никогда не служилъ при главныхъ квартирахъ, но случалось мнѣ быть присылаему туда или съ извѣстіями, или за привязаніями отъ кн. Петра Ивановича Багратиона, безсмѣннаго начальника авангардовъ нашихъ армій во время войнъ Наполеоновскихъ, у коего я имѣлъ честь и счастье быть адъютантомъ пять лѣтъ сряду. Впослѣдствіи, командуя самъ отдѣльными частями, я былъ туда призываемъ для доставленія свѣдѣній о непріятелѣ и полученія секретныхъ приказаній для внезапныхъ на него нападеній. Я помню главную квартиру Бенингсена въ 1806 и 1807-мъ годахъ въ восточной Пруссіи; я помню главную квартиру графа Каменскаго въ Турціи; я помню главную квартиру нашего Кутузова въ великій годъ войны отечественной, не говорю уже о главныхъ квартирахъ Шварценберга и императора Александра въ 1813 и 1814-мъ годахъ. Какое многолюдство! какая роскошь, какія веселости всякаго рода! Это были подвижныя столицы со всѣми ихъ очарованіями! Было гдѣ нашему брату, авангардному жителю, пристать и осушить платье, загрязненное на бивуакахъ, обмытъ пахнувшіе порохомъ усы въ бокалахъ шампанскаго, натѣшиться разговорами и обмѣномъ остроумія въ любезнѣйшихъ обществахъ, напитаться свѣжими политическими новостями и отдохнуть отъ всечаснаго: «кто идетъ?» «садись!» и отъ непрерывныхъ разспросовъ: «гдѣ непріятель? сколько?... пѣхота или конница?... есть ли пушки?...» и проч.

Но въ этой войнѣ главная квартира напоминала колонію квалеровъ или обитель трапистовъ. Конечно, я не могъ жаловаться за себя; фельдмаршалъ удостоилъ меня отлично благосклоннымъ пріемомъ. Сверхъ того и начальникъ главнаго штаба, по приѣздѣ своемъ изъ Люблина, обошелся со мною, можно сказать, совершенно по-дружески, за что я обоимъ имъ душевно благодаренъ; но справедливость не дозволяетъ умолчать, что какъ для меня,

такъ и для другихъ ничего не было утомительнѣ сей печальной, педантической, аккуратной въ распредѣленіи времени главной квартиры, гдѣ видимо преобладала крайняя нерѣзительность. Въ ней все наводило истинную тоску и грусть. Пустота на улицахъ, нигдѣ пяти человѣкъ вмѣстѣ, кромѣ караула главнокомандующаго или такъ-называемыхъ дѣловыхъ людей! Сіи послѣдніе, то отправлявшіеся безмолвно въ канцеляріи, то отсюда къ фельдмаршалу, представляли собой какъ бы процессію церковнаго причета, ходящаго съ запасными дарами къ лежащему на смертномъ одрѣ грѣшнику. Имъ не доставало только продолжительнаго колокольнаго звона и псалмопѣнія; а квартира фельдмаршала, подобно святынѣ, не иначе была доступна для насъ какъ во время скуднаго и скучнаго его обѣда. Все это хорошо для стяжанія царства небеснаго, но не для покоренія царства польскаго! Русской арміи необходима блистательная, многолюдная, шумная, веселая, роскошная главная квартира, или скромная, но побѣдная ¹⁾, подобно Суворовской. Если гдѣ-нибудь можно извлечь какую-нибудь пользу изъ веселыхъ и любезныхъ, но ни къ какому дѣлу неприкладныхъ тунеядцевъ, то это въ русскихъ главныхъ квартирахъ, откуда громъ музыки и разливной хохотъ молодежи должны были всюду распространяться; сколько я примѣтилъ, что это всегда повторяется во всѣхъ корпусныхъ, дивизіонныхъ и полковыхъ штабахъ, а это рождаетъ то расположеніе духа въ войскахъ, которое есть залогъ успѣха; разумѣется, это только тогда, когда при веселости, возбуждающей бодрость въ массахъ, мы видимъ въ главной квартирѣ и глубоко обдуманная предпріятія, и быстрое, неизмѣнное исполненіе единожды избраннаго намѣренія.

Независимо отъ сего унынія, подавляющаго нашу главную квартиру, надо признаться, что наружность фельдмаршала много вредила ея важности и блеску.

Безразсудно было бы требовать отъ военачальника — чертъ Аполлона, кудрей Антияноя, или стана Потемкина, Румянцова и Ермолова. Физическое сложеніе не во власти человѣка, да и къ чему оно? Не гремѣли ли славою и хромыя Агезилаи, и горбатые Люксамбурги, и рыжіе Лаудоны? Но можно, должно и во власти Дибича было озаботиться, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторомъ при-

¹⁾ Слово самого Суворова.

личіи въ одеждѣ и осанкѣ и нѣкоторой необходимой опрятности. Неужели помѣшало-бы его важнымъ занятіямъ нѣсколько пригоршней воды, брошенной на лицо грязное, и нѣсколько причесовъ головы сальной и всклопоченной? Онъ, какъ говорили приверженцы его, былъ выше этого мелочного дѣла; но имѣлъ ли онъ право такъ презирать всѣ эти мелочи, когда самъ великій Суворовъ тщательно наблюдалъ за чистотой одежды и бѣлья, имъ носимыхъ? Вообразите себѣ человѣка низенькаго, толстеннаго, съ опухлою и воспаленною фивіономією, небритаго, немытаго, съ рыжими, нечесанными волосами, падающими почти до плечъ, какъ у маймиста, въ запачканномъ скуртукѣ безъ заповетъ; все это было приправлено какими-то застѣнчивыми и порывистыми ужимками, хватками и приемами, означающими ничтожнаго выскочку, обязаннаго своимъ повышеніемъ лишь слѣпой фортуны; онъ ежеминутно озирался изъ подлобья и наискось, не возбуждаетъ ли онъ насмѣшливыхъ улыбокъ или взглядовъ людей, его окружающихъ.

Такимъ я видѣлъ Дибича въ Шеницѣ. Странность тѣлодвиженій, безобразіе и неопрятность его простиралась до того, что самое ласковое обхожденіе его, самая благосклонность его во мнѣ, разговоры, сужденія, шутки, часто остроумныя, пріятныя и веселыя, не имѣли силы побѣдить отвращенія къ нему присутствовавшихъ. Я не знаю, что происходило въ душѣ другихъ при видѣ Дибича, но что касается до меня, то я не прѣставлялъ напрягать мысли мои, чтобы убѣдить себя въ томъ, что подъ сею неблагоприятною оболочкою скрываются превосходные таланты и вмѣстѣ съ тѣмъ неволью былъ смущася безотчетнымъ инстинктомъ, говорящимъ мнѣ: что я самъ себя обманываю, что Дибичъ не на своемъ мѣстѣ и что мы съ нимъ ничего славнаго не предпримемъ и не сдѣлаемъ. Сверхъ того, жестоко терѣла во мнѣ и гордость россиянина, когда приходили къ нему обѣдать находившіяся при его особѣ комиссары дружественныхъ съ Россією дворовъ, австрійскаго и прусскаго ¹⁾. Стыдъ выступалъ огненными вспышками на грустное лицо мое, и я невольно перемосился мыслями въ прошедшее.

Я вспомнилъ Бенингсена, длиннаго и возвышавшагося надъ

¹⁾ Австрійскій—графъ Кобога, прусскій—полковникъ Каницъ, человѣкъ весьма умный.

полнами—какъ знамя, холоднаго—какъ статуя командора въ Донъ-Жуанѣ, но ласковаго безъ короткости, благороднаго въ рѣчахъ и въ положеніяхъ тѣла, вопреки огромнаго своего роста, одареннаго тою степенностію, которая пріобрѣтается чрезъ долговременное начальствованіе, и словомъ, по обращенію съ подчиненными, истиннаго вождя вождей сильной арміи.

Я вспомнилъ умнаго, злаго, вулканическаго Каменскаго, вполне понимавшаго великолѣпное подножіе, на которое онъ былъ возведенъ судьбою 32-хъ лѣтъ отъ роду.

Я вспомнилъ нашего Ахилла Наполеоновскихъ войнъ, моего Багратіона, его горделивую поступь, его орлиный взглядъ, его геройскую осанку, то магическое господствованіе надъ умами людей, превышавшихъ его въ учености, и наконецъ, тотъ рѣдкій даръ сохранять въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ ними преимущество первенствующаго лица, безъ оскорбленія ничьей гордости, ничего самолюбія.

Я вспомнилъ скромнаго, важнаго, величественнаго Барклая, какъ будто привыкшаго съ самыхъ пеленъ начальствовать и повелѣвать, тогда какъ за пять лѣтъ до достиженія имъ званія главнокомандующаго, я самъ видѣлъ его генераль-майоромъ, вытягивающимся предъ Багратіономъ, дававшимъ ему приказанія.

Я уже не говорю о Кутузовѣ; пятидесятилѣтняя репутация сего умнѣйшаго, тончайшаго, просвѣщеннѣйшаго и любезнѣйшаго собесѣдника блистательнѣйшихъ европейскихъ дворовъ и обществъ, полномочное посольство при Екатеринѣ и отечественный 1812-й годъ, суть достаточныя мѣрила глубочайшей и вѣрной оцѣнки имъ людей и искусства владычествовать надъ ними всѣми родами очарованія ¹⁾.

Я невольно, наконецъ, вспомнилъ и объ Ермоловѣ въ Грузіи, гдѣ онъ хотя и не носилъ званія главнокомандующаго, но былъ имъ на дѣлѣ; его величавая осанка, классическія черты лица, глаза, исполненные жизни и огня, не могли не плѣнить войскъ и жителей сего края. Неуклонная справедливость при большой строгости, рѣдкое безорыстіе, обширныя свѣдѣнія, особенно по части военнаго искусства, замѣчательный даръ слова и въ особен-

¹⁾ Далѣе — конецъ XII и вся XIII глава записокъ Давыдова опущены въ списекъ, принадлежавшемъ вн. Паскевичу и имъ подаренномъ г. Распопову.

ности ласковое и вѣжливое со всѣми обращеніе — стажали ему удивленіе, любовь и привязанность войска и горцевъ, трепетавшихъ при его имени. Бывшій митрополитъ Грузіи Теофилактъ, одаренный замѣчательнымъ умомъ, въ донесеніяхъ своихъ министру духовныхъ дѣлъ, называлъ его мудрымъ правителемъ Грузіи; графъ Каподистрія, въ письмахъ своихъ къ нему, называлъ его всегда *âme antique*. Ермоловъ съ ничтожными средствами упрочилъ владычество русскихъ въ этомъ краѣ, водворилъ порядокъ, привлечь поселенцевъ, возбудилъ промышленность и торговлю, открылъ новые источники доходовъ, создалъ новыя военныя дороги, воздвигъ укрѣпленія на всѣхъ пунктахъ, открытыхъ его орлинымъ взоромъ; наконецъ, построилъ столицу тамъ, гдѣ были лишь куча саклей и два караванъ-сарая. И все это совершенно было съ примѣрнымъ соблюденіемъ казеннаго интереса; рѣдко проходили года, чтобы онъ не представилъ одинъ или два милліона экономіи, самый госпиталь и комиссаріатское зданіе Тифлиса построены были на счетъ оставшейся послѣ посольства его въ Персію суммы, которую онъ имѣлъ полное право удержать у себя. Но главный его подвигъ состоитъ въ преобразованіи духа командуемыхъ имъ войскъ; подъ его начальствомъ каждый солдатъ становился героемъ, готовымъ идти въ адъ по гласу обожаемаго вождя. Горько было ему быть съ безчестьемъ изгнану съ поприща своихъ славныхъ подвиговъ..... Удаленіе его со служебнаго поприща, надолго лишило Россію отличнаго, просвѣщеннаго, энергическаго и безкорыстнаго слуги.

ХІІІ.

Ермоловъ, называемый въ Петербургѣ проконсуломъ Грузіи, никогда не пользовался благоволеніемъ государя императора Николая Павловича, почитавшаго его человѣкомъ опаснымъ, по своему либеральному образу мыслей. Онъ возмимѣлъ о немъ это мнѣніе съ самаго 1815 года. При вступленіи въ Парижъ одной дивизіи гренадерскаго корпуса, которымъ командовалъ Ермоловъ, императоръ Александръ остался недоволенъ фронтovýmъ образованіемъ одного изъ полковъ этой дивизіи, вслѣдствіе чего послѣдовало высочайшее повелѣніе посадить 3-хъ штабъ-офицеровъ на гауптвахты, занятые въ тотъ день англійскими войсками. Ермоловъ горячо заступился за нихъ, говоря, что если они за-

служиваютъ наказанія, то ихъ приличнѣе арестовать въ собственныхъ казармахъ, но не слѣдуетъ срамить 3-хъ храбрыхъ штабъ-офицеровъ въ глазахъ чужеземцевъ; «такимъ образомъ, сказалъ онъ, нельзя приобрести любви и расположенія войска». Государь остался непреклоненъ. Ермоловъ, не исполнивъ высочайшаго повелѣнія, отправился въ театръ, куда прибылъ адъютантъ князя П. М. Волконскаго — Чебышевъ съ приказаніемъ тотчасъ арестовать виновныхъ. Встрѣтивъ тамъ великаго князя Николая Павловича, Ермоловъ сказалъ ему: «Я имѣлъ несчастье подвергнуться гнѣву его величества. Государь властенъ посадить насъ въ крѣпость, сослать въ Сибирь, но онъ не долженъ ронять храбрую армію въ глазахъ чужеземцевъ. Гренадеры прибыли сюда не для парадовъ, но для спасенія отечества и Европы». Слова эти, столь неблагопріятно отзывавшіяся для Ермолова чрезъ 10-ть лѣтъ, были вѣроятно переданы государю, потому что онъ приказалъ приготовить въ занимаемомъ имъ дворцѣ Ellysée Bourbon три кровати для арестованныхъ. Великій князь Николай Павловичъ сказалъ однажды побойному императору, что этотъ самостоятельный и энергическій начальникъ на границѣ государства весьма благонадеженъ. Но государь возразилъ на это: «Я хорошо знаю Ермолова, онъ слишкомъ полезенъ и безформистенъ, чтобы я могъ чего-либо опасаться».

Событіе 14-го декабря не могло не имѣть огромнаго вліянія на Ермолова, который получилъ извѣстіе о вступленіи на престолъ нынѣшняго государя близъ станицы Червленной, гдѣ онъ находился съ отрядомъ. Находясь среди раскольниковъ безпопщинскаго толка, онъ долго не могъ быть приведенъ къ присягѣ. Благочинный, не получая на этотъ счетъ никакого предписанія отъ своего епархіальнаго архіерея, находившагося въ Астрахани, затруднялся приведеніемъ къ присягѣ, тѣмъ болѣе, что войска только-что присягнули великому князю Константину Павловичу. Войска и начальники присягнули великому князю Константину Павловичу съ замѣтною радостію, почитая его представителемъ русской партіи..... Въ Петербургѣ, гдѣ довольно долго не получали изъ Грузіи присяжнаго листа, возникли опасенія, преувеличенныя многочисленными врагами Ермолова, пользовавшагося въ то время во всей русской арміи громадной репутаціей. Утверждали, что Ермоловъ съ войскомъ слѣзшитъ въ Петербургъ для

провозглашенія императоромъ великаго князя Константина Павловича. Однажды, на выходѣ во дворцѣ, австрійскій посоль эрцгерцогъ Фердинандъ-Эсте спросилъ великаго князя Михаила Павловича:

— «Quelle nouvelle a-t-on de Géorgie? serait-il vrai, que le général Ermoloff et son armée soient en marche sur Pétersbourg?»

Великій князь, смѣясь, отвѣчалъ громко: «Подождемъ немного его прибытія сюда, и тогда онъ самъ разъяснитъ намъ все дѣло».

Между тѣмъ государь и императрица посылали по нѣскольку разъ въ день освѣдомляться о приѣздѣ фельдъегеря изъ Грузіи. Враги Ермолова, ненавидѣвшіе его за его острый языкъ, безкорыстіе и безграничную преданность къ нему войска, окончательно возстановили противъ него государя. Его величество сталъ его почитать опаснымъ либераломъ, безбожникомъ, безчеловѣчнымъ и горькимъ пьяницей, хотя многимъ извѣстно, что онъ всегда былъ весьма воздерженъ въ употребленіи вина. Вскорѣ прибылъ нетерпѣливо ожидаемый фельдъегеръ съ присяжнымъ листомъ; императрица, извѣстясь о томъ, нерекрестилась отъ удовольствія. Государь благодарилъ Ермолова письмомъ за принесеніе присяги. Въ письмѣ своемъ, отъ 1-го августа 1826 года, онъ даже писалъ ему:

«Былъ бы Николай Павловичъ прежній человекъ, можетъ быть явился къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлекъ изъ ноженъ шпагу; теперь остается мнѣ ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ» и т. д. ¹⁾ Прибывшій изъ Грузіи фельдъегеръ былъ званъ во всѣ значительные дома Петербурга, всѣ любопытствовали знать подробности о присягѣ Ермолова. Выведенный изъ терпѣнія частыми вопросами, онъ имѣлъ неосторожность сказать: «Алексѣй Петровичъ такъ боготворимъ въ Грузіи, что если бы онъ велѣлъ присягнуть персидскому шаху, всѣ бы тотчасъ это сдѣлали». Въ награду за это изреченіе онъ совершилъ путешествіе въ Якутскъ. Враги Ермолова пользовались всякимъ случаемъ, чтобы усилить недовѣріе къ нему Государя; воспрещено было даже посылать Ермолову медаль,

¹⁾ Это замѣчательное письмо, вмѣстѣ съ прочими письмами императора Николая Павловича къ Ермолову, напечатано въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи» 1867 г., въ прилож. къ «Запискамъ Ермолова», стр. 214—217 и др.

выбитую въ память коронаціи и обыкновенно рассылаемую особамъ первыхъ трехъ классовъ.

Отправляя Паскевича въ Грузію, государь писалъ, между прочимъ, Ермолову отъ 10-го августа 1826 года: «Этотъ бывшій начальникъ мой пользуется всею моею довѣренностію; онъ лично можетъ вамъ объяснить все то, что, по краткости времени и по безвѣстности не могу я вамъ письменно приказать. Назначивъ его командующимъ подъ вами войсками, даю я вамъ отличнѣйшаго сотрудника, который выполнить всегда всѣ, ему дѣлаемыя порученія съ должнымъ усердіемъ и понятливостію. Я желаю, чтобы онъ, съ вашего разрѣшенія, сообщалъ мнѣ все, что отъ васъ поручено будетъ давать знать, что и прошу дѣлать какъ найчаще». Такимъ образомъ генералъ Паскевичъ началъ свое военное поприще въ новое царствованіе.....

Прибывъ въ Грузію, Паскевичъ предложилъ Ермолову свое посредничество для донесенія государю, но, глубоко оскорбленный, Ермоловъ отвѣчалъ: «Я въ посредникахъ до сихъ поръ не нуждаюсь, а прошу васъ исполнять лишь мои приказанія». Видя явное неблаговоленіе и недовѣріе къ себѣ государя, Ермоловъ нашелся вынужденнымъ написать государю слѣдующее письмо отъ 3-го марта 1827 года:

«Ваше императорское величество.

«Не имѣвъ счастья заслужить довѣренность вашего величества, я чувствую сколь много беспокоитъ ваше величество мысль, что при настоящихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены человѣку, лишенному, по мнѣнію вашему, способностей и дѣятельности. Сей недостатокъ довѣренности вашего величества поставляетъ меня въ положеніе весьма затруднительное. Вашему величеству угодно предполагать, что я не одаренъ рѣшительностію, хотя не безвѣстно никому, что мнѣ природа въ оной не отказала, а потому дѣятельность моя невольно охлаждается при мысли, что я никогда не заслужу довѣренности вашего величества, столь необходимой главному начальнику войскъ и края. Въ этихъ обстоятельствахъ, не имѣя возможности быть полезнымъ для службы моего отечества, я почти вынужденъ желать увольненія отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не должно приписать того намѣренію уклониться отъ войны ничтожной.

«Устраняя всѣ личныя выгоды и расчеты, я всеподданнѣйше осмѣлюсь представить вашему величеству эту мѣру, если только она согласна съ общей пользой, которая одна въ теченіе всего моего служебнаго поприща руководила моими дѣйствіями и проч. Ермоловъ»¹⁾).

По прибытіи въ Грузію барона Дибича, Ермоловъ, опровергнувъ по пунктамъ весь доносъ Паскевича, написалъ барону слѣдующее письмо:

«Милостивый государь! Ваше высокопревосходительство изволили препроводить ко мнѣ записку, заключающую въ себѣ фальшивые доносы о злоупотребленіяхъ, будто бы совершенныхъ мною во время моего командованія Грузією. Въ нихъ не упоминаются источники, изъ которыхъ почерпнуты всѣ эти гнусныя клеветы; нѣтъ основательныхъ доказательствъ, которыя убѣждали бы въ справедливости этихъ показаній, и вамъ не угодно было выставить имя негоднаго доносчика, который, впрочемъ, слишкомъ извѣстенъ. Такъ какъ все въ нихъ упомянутое легко быть можетъ опровергнуто, я, не желая молчаніемъ дать новый поводъ къ выдумкамъ еще болѣе гнуснымъ и нелѣпымъ, которымъ въ Петербургѣ такъ охотно и слѣпо вѣрятъ, сдѣлалъ противъ каждаго изъ семи пунктовъ свои возраженія. Не признавая въ себѣ дара всевѣдѣнія, я потому не могу утверждать, чтобы во все 10-ти-лѣтнее управленіе мое Грузією не сдѣлано было съ моей стороны какихъ-либо неумышленныхъ упущеній и ошибокъ; чловѣку слишкомъ свойственно ошибаться, а потому я, подобно прочимъ смертнымъ, чистосердечно каюсь, что въ теченіе моего служебнаго поприща я не разъ весьма грубо ошибался. Но слишкомъ 35-ти-лѣтнее мое служеніе, въ продолженіе котораго я никогда не былъ руководимъ личными и корыстолюбивыми выгодами, служить можетъ ручательствомъ въ томъ, что я вовсе неспособенъ на дѣла, въ которыхъ доносчику меня обвинить было угодно. Одна ожесточенная злоба и низкая зависть могли изобрѣсти преступленія, несовмѣстныя съ моимъ характеромъ. Я слишкомъ

¹⁾ Текстъ этого письма нѣсколько отличенъ отъ того, какой напечатанъ въ «Чтенія въ Моск. Об. Исторіи» 1867 г., кн. III, стр. 244—245. Мы не знаемъ, помѣстилъ ли Давыдовъ этотъ документъ по памяти или имѣлъ одну изъ собственноручныхъ копій Ермолова, которыя онъ охотно въ послѣдствіи раздавалъ людямъ, близко ему извѣстнымъ и уважаемымъ.

уважаю самого себя, чтобы унизиться до оправданія; но прошу ваше высокопревосходительство произвести строжайшее слѣдствіе, подвергнувъ примѣрному наказанію виновныхъ, хотя бы въ числѣ ихъ я самъ могъ находиться. Я спокойно буду ожидать суда, который обнаружить неосновательность взводимыхъ на меня обвиненій и имя гнуснаго клеветника, которому самый правдивый и непогрѣшительный Петербургъ не долженъ будетъ отказать на сей разъ въ полномъ презрѣніи. Грустно думать, что лица, которымъ, по своему высокому положенію въ мірѣ, знаніе истины должно бы быть наиболѣе священно и драгоцѣнно, съ видимою радостью вѣрятъ показаніямъ всякаго негодая; я не могу ихъ уважать и дорожить ихъ мнѣніемъ, которое обнаруживаетъ или нелюбовь къ истинѣ и злонамѣренное противъ меня предубѣжденіе, или жалкое тупоуміе. Вамъ легко убѣдиться, что не любовь къ истинѣ руководила доносчикомъ, который долженъ былъ бы въ противномъ случаѣ обнаружить злоупотребленія ранѣе. Истина всегда можетъ достигнуть престола монарха, умѣющаго вникать въ нужды своихъ подданныхъ, благу которыхъ онъ обязанъ посвящать всю свою дѣятельность».

Ермоловъ былъ вызванъ и имя его не встрѣчается ни на одномъ изъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ воспоминаніе подвиговъ, совершенныхъ русской арміей и гвардіей въ 1812, 1813 и 1814-хъ годахъ. Одинъ изъ враговъ Ермолова въ Петербургѣ, мало разборчивый въ выраженіяхъ, сказалъ однажды кн. Дмитрію Владиміровичу Голицыну слѣдующія слова, достойныя человѣка, умѣющаго владѣть собою: «Этого Ермолова выпроводятъ съ жандармами изъ Грузіи, гдѣ у него все распущено, въ страшномъ безпорядкѣ; онъ умѣетъ лишь заниматься до полудня, а послѣ, до слѣдующаго утра, онъ мертво пьянъ». Между тѣмъ всѣмъ была извѣстна изумительная дѣятельность Ермолова, который часто довольствовался лишь четырехчасовымъ отдыхомъ; относительно же употребленія вѣрпкихъ напитковъ онъ былъ чрезвычайно воздерженъ. При этомъ то же лицо поддерживало слухъ, что Ермолова привезутъ связаннаго и скованнаго, подобно преступникамъ, ссылаемымъ въ Сибирь.

Шефомъ любимаго Ермоловымъ ширванскаго полка сдѣланъ былъ вскорѣ Паскевичъ, который не разъ говаривалъ этому безстрашному полку: «Это шотландцы; я выбью изъ васъ ермолов-

скій духъ». Когда изгнаніе Ермолова сдѣлалось извѣстнымъ, храбрые ширванцы умоляли Ермолова чрезъ своего полкового командира Ковалева, чтобы онъ выѣхалъ проститься съ ними. Тяжело было Ермолову не удовлетворить ихъ желанію, но вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ барона Дибича не прощаться съ войсками, Ермоловъ, не желая дѣлать сцену и быть виновникомъ злополучія многихъ, воздержался отъ того. Не полагаясь на многихъ изъ служившихъ при немъ, онъ сжегъ много любопытныхъ и драгоцѣнныхъ бумагъ и писемъ; желая избѣжать проводовъ, онъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ три часа пополудни. Обращаюсь къ прерваннымъ воспоминаніямъ о польской кампаніи 1831 г.

XIV.

Если бы отъ неимѣнія порядочной квартиры въ Шеницѣ, мѣстечкѣ скудномъ, не отвели мнѣ квартиры въ двухъ верстахъ отъ нея, въ деревнѣ Погоржелѣ, гдѣ стоялъ гренадерскій полкъ императора австрійскаго, напоминавшій мнѣ, что я въ арміи, и если бы не адъютанты главнокомандующаго, милая и любезная молодежь, къ которой приставалъ я каждое утро по приѣздѣ моемъ въ Шеницы и которая меня закармила, напоила и, такъ сказать, отогрѣла замерзавшую мою душу, я бы не зналъ куда дѣваться; 16-го, отобѣдавъ у князя Михаила Горчакова, тогда начальника артиллеріи дѣйствующей арміи (нынѣ начальникъ главнаго штаба оной), я выѣхалъ къ своему мѣсту. Около вечера я сбился съ дороги и вмѣсто Паризова (Парцова?) попалъ въ Латовичи (Ластовичи?), гдѣ расположенъ былъ штабъ гренадерскаго корпуса. Я въѣхалъ прямо въ квартиру командира онаго, почтеннаго князя Ивана Леонтьевича Шаховскаго и провелъ у него ночь; а поутру 17-го отправился далѣе на Желеховъ, куда въ тотъ день перешла главная квартира изъ Шеницы. Вся армія, кромѣ 6-го пѣхотнаго корпуса и своднаго графа Витта, была въ движеніи къ переправѣ. Ростополь была ужасная; густая грязь, по колѣно лошади и по ось повозки, весьма затрудняла движеніе.

На пути изъ Серочина къ Сточеку я осматривалъ поле сраженія перваго неудачнаго нашего дѣла въ сей войнѣ. Я ѣхалъ именно по дорогѣ чрезъ лѣсъ отъ деревни Колодзя къ Сточеку, по коей высказалъ полкъ переяславскій конно-егерскій, съ храб-

рыми и знающимъ свое дѣло генераломъ Пашковымъ (Александромъ Васильевичемъ). Я любовался голыми возвышеніями, закрывавшими войска Дверницкаго и обширною плоскостью, за ними лежащею, по которой ему было столь легко, свивая и развивая войска свои, направлять главные свои натиски куда ему заблагоразсудится; не будучи видимъ нашими войсками, онъ могъ слѣдить за малѣйшимъ ихъ движеніемъ и наблюдать за ними, какъ на ладони. Я удивился и невольно содрогнулся, увидя на какомъ разстояніи находился конно-егерскій короля виртембергскаго полкъ въ то время, какъ, по повелѣнію Гейсмара, Пашковъ, увѣнчавъ имъ высоты, ударилъ на непріятеля прежде, нежели второй полкъ, долженствовавшій поддержать ударъ его, успѣлъ обогнуть основность лѣса! Разстояніе это было столь велико, что непріятель, разстроивъ переяславскій полкъ, успѣлъ обратиться всѣми своими силами на полкъ короля виртембергскаго, который понесъ участь, подобную первому. Вдобавокъ къ сему резервъ этихъ двухъ полковъ, состоявшій изъ конно-егерскихъ полковъ: тираспольскаго и арзамасскаго и двѣнадцати орудій, оставленъ былъ въ Серочинѣ, за пять верстъ отъ поля битвы. Я пожалъ плечами и поѣхалъ далѣе!

Къ вечеру я приѣхалъ въ Желиховъ, куда только-что прибыла главная квартира. Пристанище мое было у полкового командира атаманскаго полка Кузнецова, который самъ стоялъ у казачьяго полковника Рудухина, находившагося въ свѣтѣ его высочества великаго князя Константина Павловича, и тогда числившася въ гвардейскомъ отрядѣ, командуемомъ генераломъ графомъ Курутой, бывшимъ уже на походѣ къ Коцеу.

Такъ какъ путь мой лежалъ чрезъ сіе же мѣстечко, то 18-го поутру мы съ Рудухинимъ выѣхали верхами къ Коцеу. Двѣ брички наши едва тащились, и наконецъ такъ отстали, что я съ своею увидѣлся только въ Люблинѣ. Вся дорога была завалена повозками, на каждомъ шагу выбивающимися изъ грязи и изнуренными лошадьми гвардейскаго отряда, здѣсь оставленными или уже издохшими на дорогѣ.

Въ Ожрѣѣ мы сдѣлали привалъ и тамъ я увидѣлъ большую часть сихъ хваленыхъ войскъ, для подражанія которымъ еще недавно стекались въ Варшаву всѣ истые любители фронтевой службы россійской арміи. И подлинно, я увидѣлъ истинно не-

подвижную Гатчину! все застегнуто отъ глотки до пуна! всякая пуговица, всякій ремешекъ, всякая пряжка, всякій солдатъ, вахмистръ, офицеръ и генералъ на мѣстѣ, уставомъ имъ опредѣленно! За то какое изнуреніе, какія лохмотья! Какъ все грустно, все скудно людьми и лошадьми, хотя сей отрядъ ни разу еще не нюхалъ пороху. Педантство начальниковъ въ военное время есть тягчайшій ранецъ, тягчайшій выюкъ для подчиненныхъ. Войску русскому необходима распашка, веселость и строгій порядокъ, безъ щепетильной взыскательности; тогда только оно здорово и бодро, а если къ этому еще добрая пища и побѣды, тогда и вонь топочеть и солдатъ хохочеть, и нѣтъ для него недосыгаемаго и недолимаго.

Мы ночевали въ Гуловской-Волѣ и 19-го рано поутру выѣхали въ Коцкъ. Вдругъ на половинѣ дороги намъ послышались пушечные выстрѣлы, коихъ направленіе казалось со стороны Вислы. Сначала я полагалъ, что сіи выстрѣлы производились по рабочимъ нашимъ, близъ мостовъ находящимся и по войскамъ, къ нимъ подходящимъ, но гулъ выстрѣловъ вскорѣ усилился и продолжался до самаго вечера. Ясно оказывалось, что это была не простая канонада, а сильная битва. Впослѣдствіи мы узнали о нападеніи польской арміи на Гейсмара и Розена. Довольно замѣчательно, что отъ того мѣста, гдѣ мы были въ то время, до Милосны, гдѣ происходило сраженіе болѣе ста верстъ по прямой линіи; правда, что день былъ ясный и легкій, вѣтерокъ дулъ со стороны битвы.

Мы провели ночь въ Коцкѣ. 20-го, распростаясь съ Рудухинимъ, я сѣлъ въ почтовую повозку и приѣхалъ въ Люблинъ, гдѣ явился къ графу Витту. 21-го я пробылъ въ Люблинѣ и обѣдалъ у графа. 22-го я ночевалъ въ Пяскахъ, а 23-го къ обѣду достигъ, наконецъ, моего отряда въ Красноставѣ.

Скромность палагаетъ на меня печать безмолвія; но польщенное самолюбіе мое побуждаетъ меня сказать два слова о приѣмѣ, сдѣланномъ мнѣ войсками. Грѣшный человекъ, я слѣдую охотнѣе внушенію послѣдняго.

Удивительно и непонятно впечатлѣніе, произведенное моимъ появленіемъ на армію. Неужели тому причиною нѣсколько десятковъ лѣтъ боевой службы, нѣсколько весьма незначительныхъ партизанскихъ наѣздовъ, или нѣсколько разгульныхъ стихшевъ, напи-

саннхъ у дымнхъ бивуаковъ и, по словамъ педантовъ, исполненныхъ грамматическихъ ошибокъ? Проѣздъ мой отъ Шеницы до Красностава былъ истинно триумфальнымъ шествіемъ! не было офицера знакомаго или незнакомаго, стараго или молодого, не было солдата, унтеръ-офицера на походѣ, на привалахъ, или на бивуакахъ, которые бы, увидя меня и узнавъ, что это я, не бѣжали бы ко мнѣ на встрѣчу, или, догнавъ меня, толпами не окружали, какъ какое-либо невиданное чудо. Всѣ кричали мнѣ: «Ваше превосходительство, славу Богу, что вы приѣхали; есть на кого опереться!» Нѣкоторые подходили ко мнѣ, поздравляя не меня, какъ говорили они, а армию и самихъ себя съ приѣздомъ моимъ.

Я истинно краснѣлъ и лицомъ, и душею! Я имъ отвѣчалъ: «Не рано ли вы радуетесь? повремените, я постараюсь заслужить доброе ваше обо мнѣ мнѣніе.....» И тогда невольно вспомнилъ оковы, несомыя мною за пазухой въ инструкціи, данной мнѣ фельдмаршаломъ, касательно непосредственной моей подчиненности Крейцу,—оковы, которыя я долженъ былъ надѣть на себя въ самую минуту приѣзда моего въ отрядъ мнѣ ввѣренный, и отъ коихъ, въ теченіе всей войны, я только на нѣсколько дней могъ освободиться вторженіемъ своимъ въ Волынь и взятіемъ приступомъ города Владимира.

Начальникъ главнаго штаба графъ Толь простеръ до того благосклонное вниманіе свое ко мнѣ и нетерпѣніе доставить мнѣ средства удовлетворить мое рвеніе къ службѣ, а можетъ быть и собственное желаніе свое воспользоваться безъ замедленія моими, по мнѣнію его, способностями, что прежде, чѣмъ узналъ о прибытіи моемъ въ главную квартиру, онъ составилъ уже означенный отрядъ и поручилъ его полковнику Анрепу, съ оговоркою, до моего приѣзда. Полковникъ Анрепъ ожидалъ меня съ часуна-часъ, и слѣдовательно приѣздъ мой нисколько не удивилъ его. Однако нельзя не отдать справедливости благородному поступку сего отличнаго офицера при сдачѣ отряда, имъ командуемаго. Сколько я знаю чиновниковъ, истинно достойныхъ и по качествамъ душевнымъ, и по военнымъ дарованіямъ, которые исполняли бы сдачу сію по правиламъ, простирающимся до той черты, отъ которой начинается любовь къ общей пользѣ и забвеніе собственного неудовольствія; ибо какъ ни говори, а для молодого

штабъ-офицера сдача таковаго отряда, каковъ былъ мой, когда непріятель подъ глазами, не только прискорбно, но это есть великое несчастіе. Анрепъ¹⁾ сдалъ отрядъ мнѣ таеъ, каеъ немногіе. Онъ изложилъ мнѣ всѣ извѣстныя ему подробности о корпусѣ Дверницеаго, о Замостьской крѣпости, о распоряженіяхъ своихъ, о мнѣніи своемъ относительно надзора непріятели, изложилъ мнѣ порядоки службы, имъ заведенный, объѣздилъ со мною аванпосты свои, истолковавъ, по какииъ предположеніямъ и для чего каждый пикетъ на такой-то возвышенности, на такомъ-то скатѣ, показалъ на картѣ дороги и пунеты, до коихъ доходятъ его разъѣзды; разсужденіями своими на счетъ общихъ и сего отряда частныхъ обстоятельствъ, онъ меня обрадовалъ находкою въ арміи столь рѣвностнаго офицера. Впослѣдствіи онъ отлично-усердною службой своею оправдалъ мое о немъ мнѣніе, а возвышенностію чувствъ, воинственною и какою-то рыцарскою осанкой, представилъ мнѣ ближайшее сходство съ тѣмъ идеаломъ истинно военнаго человѣка, который столь давно мерещился моему воображенію.

Говорять, что онъ похожъ на покойнаго отца своего, убитаго въ 1807 году, въ чинѣ генераль-отъ-кавалеріи, при Морунгенѣ во время войны нашей съ Наполеономъ въ Восточной Пруссіи. Отецъ его пользовался общимъ уваженіемъ всей російской арміи; его воинственная наружность, чистота нравственная, твердость душевная, свѣтлый разумъ и замѣчательная служба обворожили всѣхъ; я его не зналъ, но по приѣздѣ моемъ въ армію, въ 1807 году, первое мертвое тѣло, которое я встрѣтилъ, было тѣло сего отличнаго генерала.

Общая диспозиція войскамъ своднаго корпуса въ Люблинскомъ воеводствѣ на 21-е марта была слѣдующая:

«Отрядъ генераль-лейтенанта барона Крейца составляется:

«Изъ 2-й драгунской дивизіи; 1-й бригады 2-й конно-егерской дивизіи; гренадерской дивизіи (3 полка) 6-го пѣхотнаго корпуса, и казачьихъ полковъ: Платова, Кирѣева, Хоперскаго, Грекова и Катасанова.

«Съ симъ отрядомъ генераль-лейтенантъ Крейцъ дѣйствуетъ отдѣльно, и съ полученіемъ сего всѣ свои донесенія дѣлаетъ уже прямо г. главнокомандующему арміею. Генераль-майоры Пашковъ и Муравьевъ и полковникъ Анрепъ (эта бумага писана была за нѣсколько часовъ прежде моего прибытія въ Люб-

¹⁾ Иосифъ Романовичъ Анрепъ, впослѣдствіи генераль-отъ-кавалеріи графъ Анрепъ-Эльмгтъ, скончался въ 1860 году. Ред.

линг и потому сказано Аврець, а не Давыдовъ) поступаютъ въ команду генераль-лейтенанта Крейца.

«Главные силы отряда генерала Крейца остаются расположенными около Уржендова.

«Генераль-майоръ Пашковъ съ однимъ полкомъ (конныхъ егерей и Грекова казачьимъ полкомъ) содержатъ посты по Вислѣ отъ Вепржа (или отъ постовъ, выставленныхъ отъ главныхъ силъ вдоль Вислы и по лѣвому берегу Вепржа) до Юзефова, а отъ Юзефова до Завихвоста по Вислѣ содержитъ посты казачій полкъ Хоперскаго.

«Полковнику Аврецу (т.-с. Давыдову), оставаясь въ своемъ нынѣшнемъ расположеніи, усилить посты въ Горшковѣ и въ Желѣвѣ для удобнѣйшаго наблюденія за неприятелемъ и сношенія съ главными силами генерала Крейца.

«Несвижскій карабинерный полкъ 21-го числа собирается въ Казиміржѣ, а 22-го слѣдуетъ къ мѣстечку Ополѣ. Одинъ изъ конно-егерскихъ полковъ съ 4 орудіями конной роты № 28 переходитъ 22-го числа во Вржеловець. Дивизионъ драгунскаго герцога Александра Виртембергскаго полка, нынѣ находящійся въ Люблинѣ и Глусѣ, слѣдуетъ 22-го числа съ копною батареею ротою № 27 въ Недржевице-Косцельна подъ командою полковника Шиллинга, коему, принявъ въ свою команду и лудей гренадерскій полкъ, расположенный въ Недржевице-Дюжу, доносить прямо генералу Крейцу, а равно и генераль-майору Муравьеву. Самогитскій гренадерскій полкъ остается въ городѣ Люблинѣ подъ командою генераль-майора Муравьева, какъ равно и легкая рота № 2 6-го пѣхотнаго корпуса.

«Рота литовскаго сапернаго баталіона остается по прежнему въ Казиміржѣ въ вѣдѣніи генераль-майора Бракера и въ составѣ отряда генераль-лейтенанта Крейца.

«Всѣ сіи войска отнынѣ прекращаютъ свои донесенія къ г. командиру отдѣльнымъ своднымъ корпусомъ (графу Витту) и должны отнестись во всемъ къ генералу-лейтенанту барону Крейцу».

Эта бумага — послѣднее завѣщаніе графа Витта въ Люблинскомъ воеводствѣ. Немедленно послѣ того, онъ, усиливъ своими войсками корпусъ Крейца, выступилъ съ остальными войсками къ главной арміи, подвигавшейся въ мѣстечко Рыви, для переправы за Вислу и оставилъ Крейца между корпусомъ Дверницкаго, стоявшимъ подъ пушками Замостьской крѣпости и корпусомъ Серавскаго, расположеннымъ за Вислою, напротивъ мѣстечекъ Пулавы и Казиміржа; въ то время всѣ говорили, что отрядъ Серавскаго состоялъ изъ 7-ми или 8-ми т. человекъ новобраннаго и худо вооруженнаго войска.

Отрядъ мой, принадлежавшій корпусу Крейца, занималъ Красноставъ финляндскимъ драгунскимъ и казачьими Катасанова и Платова полками. Полкъ Кареева расположенъ былъ въ Желѣвкѣ и Высокомъ. Первыя заботы мои по вступленіи въ командованіе ввѣреннаго мнѣ отряда были, какъ я сказалъ, немедленно

обѣхать аванпосты для обзора окрестностей Красностава, знакомство съ войсками и объявленіе въ приказѣ о поступленіи ихъ подъ мое начальство. вмѣстѣ съ симъ я отправилъ курьера къ генералу Крейцу съ рапортомъ о моемъ прибытіи и о принятіи отряда въ мое вѣдѣніе, и наконецъ послалъ партію для открытія сообщенія съ генералъ-майоромъ Лопшаревымъ, выставивъ казачій постъ въ мѣстечкѣ Войславци для этого же предмета. Партіи для наблюденія за Дверницкимъ производили поиски свои по устроенному полковникомъ Анрепомъ порядку; онѣ ходили съ одной стороны отъ Красностава до Ситанца, съ другой—изъ Желкевки почти до Сѣдлеца, а изъ Высокаго до Щербжечина и Франсполя.

Я узналъ, что генералъ-майоръ Лопшаревъ наблюдалъ отрядомъ своимъ теченіе рѣки Буга отъ села Кладнова, что противъ Дубенки до мѣстечка Летовижа, смежнаго съ австрійскою Галиціею.

Въ Грубешевѣ стоялъ отъ него казачій Попова полкъ, а въ Устилугѣ—два резервныхъ баталіона 26-й пѣхотной дивизіи. Гусарская бригада, состоявшая при семъ отрядѣ, заключала въ себѣ 1,350 сабель, казачій полкъ до 360 пикъ и два баталіона въ 660 штыковъ.

Отрядъ сей принадлежалъ сводному корпусу генерала Ридигера, который самъ съ передовыми войсками сего корпуса прибылъ во Владиміръ-Волинскій еще 7-го марта. Съ нимъ прибыли туда 2-я и 3-я бригады 10-й пѣхотной дивизіи въ весьма разстроенномъ составѣ и заключавшіе въ себѣ не болѣе 1,760 штыковъ. Прочія войска, долженствовавшія образовать сей корпусъ, были еще далеко и приближались съ различныхъ пунктовъ. Итакъ, у генерала Ридигера состояло въ командѣ всего 1,800 сабель и 2,420 штыковъ для защиты Волинской, Подольской и Кіевской губерній противъ десяти тысячнаго корпуса, коимъ предводительствовалъ предприимчивый Дверницкій, и многочисленнаго шляхетства означенныхъ губерній, тайно вооруженнаго и ожидавшаго съ нетерпѣніемъ прибытія сего польскаго генерала для общаго возстанія.

Теперь оставимъ Лопшарева въ Устилугѣ, Ридигера—во Владиміръ, мой отрядъ—въ Красноставѣ, Крейца—въ Уржендовѣ, а непріятельскихъ генераловъ: Дверницеаго—у Замостья и Се-

равскаго—за Вислой, и перенесемъ за Вепржъ, за Бугъ, за Нареву и посмотримъ на положеніе войскъ нашихъ, тамъ находившихся до 19-го марта.

XV.

Графъ Виттъ, усиливъ корпусъ Крейца частію войскъ своихъ, былъ на походѣ изъ Люблинскаго воеводства за Вепржъ для поступленія въ составъ главной арміи.

Главная армія находилась на походѣ изъ Шеницы на Желиховъ и Рыки для перехода Вислы между устьемъ Вепржа и мѣстечкомъ Казеницы, на лѣвомъ берегу рѣки лежащимъ.

6-й пѣхотный корпусъ Розена находился на брестскомъ посесе у Дембелевки (Дембы-Вельки), имѣя авангардъ свой подъ командой Гейсмара въ Милоснѣ, а аванпосты его у самой заставы варшавскаго предмѣстья Праги.

2-й пѣхотный корпусъ графа Палена 2-го находился на походѣ изъ бѣлорусскаго Минска, чрезъ Брестъ-Литовскъ, къ Сѣдлецу на подкрѣпленіе Розена. Гвардія—въ Ломжѣ. Отрядъ Савена—въ Остроленкѣ.

Нигдѣ еще не было слышно ни единого выстрѣла, всюду господствовала тишина и спокойствіе!

Первая вспышка проявилась внѣ круга боевыхъ происшествій. Далѣе къ тылу праваго крыла дѣйствующей арміи возникаетъ мятежъ въ Шавельскомъ и Тельшевскомъ уѣздахъ Виленской губерніи, и почти въ то же время (14-го марта) корпусъ Уминскаго подходитъ къ Остроленкѣ.

Пора сказать о цѣли движенія Уминскаго.

Многіе полагали, что причина этого движенія была надежда послѣ четырехнедѣльнаго бездѣйствія застать въ расплохъ отрядъ Савена и гвардію, воспользоваться ихъ усыпленіемъ и удовольствоваться однимъ какимъ-либо успѣхомъ на Наревѣ. Другіе думали, и это правдоподобнѣе, что пославшій Уминскаго генералъ Сержинецкій имѣлъ въ виду мысль, подобную той, которая, спустя 12-ть дней послѣ сего, была приведена въ исполненіе Дверницкимъ, то-есть вторженіе въ наши границы и доставленіе помощи возставшей шляхтѣ Виленской губерніи (возстаніе, о которомъ польское правительство заблаговременно было извѣщено), возбуждая при томъ къ таковому же возстанію и прочія литовскія губерніи, еще доселѣ спокойныя. Какъ бы то ни было, но

натискъ Уминскаго не удался и онъ, послѣ нерѣшительнаго покушенія на Остроленку, остался въ окрестностяхъ Пултуска и Сироцка. При всемъ томъ мятежъ, возникшій въ части Виленской губерніи, не преставалъ распространяться далѣе и далѣе!

Событія такого рода при началѣ наступательнаго движенія должны были неминуемо имѣть вліяніе на нерѣшительнаго, пылваго и своенравнаго Дибича. Онъ, какъ и всѣ подобнаго рода люди, подчинялся впечатлѣнію измѣняющихся обстоятельствъ и уже при открытіи кампаніи твердость духа его поколебалась отъ неисполненія предназначеній своихъ, которыя впрочемъ не были приведены въ исполненіе отъ неумѣнія воспользоваться побѣдой подъ Гроховымъ. Дибичъ дрогнулъ, увидя, что счастье начинаетъ ему измѣнять; это свойство всякаго баловня фортуны, лишеннаго отъ природы той твердости душевной, той самонадѣянности въ собственныхъ дарованіяхъ, которыя одни побѣждаютъ препятствія. Но эти два испытанія были только предисловіемъ тягчайшихъ и гораздо еще горестнѣйшихъ.

19-го марта, т.-е. спустя одни сутки по полученіи тревожныхъ извѣстій о мятежѣ въ Литвѣ и движеніи Уминскаго, и трехъ сутокъ послѣ выступленія главной арміи изъ окрестностей Шеницы, состоялся общій натискъ главныхъ силъ польской арміи изъ Варшавы на Гейсмара и Розена по брестскому шоссе въ трехъ переходахъ отъ Дибича во время марша его къ переправѣ.

Это событіе было весьма естественно, ибо неужели Скржинецкій потерялъ бы одинъ часъ времени присутствія корпуса Розена, разбросаннаго по зимнимъ квартирамъ въ присутствіи главныхъ силъ, имъ предводимыхъ. Бездѣйствіе его до 19-го числа основывалось на опасеніи натиска главныхъ силъ нашихъ въ тылъ его войскамъ во время напора ихъ на Розена; едва узнавъ онъ объ отбытіи Дибича къ Вепржу и преданіи Розена собственнымъ силамъ и произволу судьбы, онъ немедленно воспользовался и не могъ не воспользоваться превосходствомъ своимъ надъ войсками, противъ него находившимися. Фельдмаршалъ предвидѣлъ этотъ случай еще предъ выступленіемъ изъ Шеницы, ибо я самъ 16-го поутру видѣлъ призваннаго въ главнокомандующему Розена, которому было поставлено на видъ, что главнымъ предметомъ его есть отступленіе къ Бресту, при первомъ на него нападеніи, и соединеніе на пути со 2-мъ пѣхотнымъ

корпусомъ, идущимъ отъ Бреста, который онъ долженъ былъ защищать какъ хранилище складовъ и всего для арміи необходимаго.

Итакъ, если натискъ Скржинецкаго на Розена былъ въ порядкѣ вещей, а сверхъ того еще и предвидимъ фельдмаршаломъ, то не надлежало ли ему до начатія своего движенія прибѣгнуть къ сему простому разсужденію: нападеніе главныхъ непріятельскихъ силъ на Розена можетъ ли ниспровергнуть планъ, основанный на движеніи къ Вислѣ и переходѣ ея, и угрожаетъ ли онъ существованію нашей арміи? Если онъ угрожаетъ, то надо было остаться около Шеницы и чрезъ то спасти отъ разстройства планъ кампаніи и существованіе арміи, и вмѣсто движенія къ Вейржу и перехода Вислы, придумать какое-либо другого рода предпріятіе. Если же оно не угрожаетъ нашей арміи, то слѣдуетъ, оставивъ Шеницы, переправиться чрезъ Вислу, и чтобы ни приключилось съ корпусомъ Розена или съ другими отдѣльными частями надлежало, не изумляясь ничему, не упадая ни отъ чего духомъ, стремиться, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, къ достиженію цѣли, единожды избранной.

Это не есть съ моей стороны разсужденіе, какъ говорится, заднимъ умомъ, это даже не есть разсужденіе военное, это разсужденіе всякаго, который рѣшается на какое-либо предпріятіе военное, гражданское, мануфактурное, торговое или частное, и лично до него касающееся. Итакъ, если главное начальство рѣшилось уже двинуться къ переправѣ, не взирая на увѣренность въ нападеніи непріятеля въ превосходныхъ силахъ на корпусъ Розена, то, независимо отъ непоколебимости воли, необходимой для достиженія предмета, имъ единожды избраннаго, ему надлежало прибѣгнуть къ слѣдующимъ предосторожностямъ, требующимъ особеннаго его вниманія: во-первыхъ, до выступленія арміи изъ Шеницы, надлежало озаботиться на счетъ продовольствія Розена такъ, чтобы онъ могъ прокормиться провіантомъ, привезеннымъ уже изъ магазиновъ Бреста къ мѣсту имъ занимаемому; это дозволило бы ему, имѣя войска всѣ въ сборѣ на одномъ пунктѣ и сосредоточенными, отразить натиски непріятеля, а не разбрасывать войска для пропитанія по зимнимъ квартирамъ, какъ то случилось при нападеніи на него польской арміи. Это, къ несчастію, не могло не случиться, ибо на шоссе не было

ни куска обивательскаго или запаснаго казеннаго хлѣба; во-вторыхъ, соображаясь съ весеннею ростополюю и съ положеніемъ дорогъ того времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ заразею предвидѣннымъ уже отступленіемъ корпуса Розена къ Сѣдлецу (что совершенно открывало тылъ нашей арміи во время ея движенія изъ Шеницы къ углу, образуемому Вепражемъ и Вислою), слѣдовало предварительно отпривать впередъ всѣ парки, обозы и тяжелую артиллерію, дабы арміею прикрыть сіи тяжести, а не тяжестимъ симъ прикрывать армію; мы были свидѣтелями сего чудеснаго распоряженія ¹⁾.

XVI.

Зависимость моя отъ генерала Крейца произвела обстоятельство, котораго можно было предупредить, оставивъ меня независимымъ и подчинивъ лишь графу Толю; при этомъ мнѣ слѣдовало однако извѣщать немедленно обо всемъ происходящемъ какъ генерала Крейца ²⁾, такъ и генерала Ридигера ³⁾, занимавшаго границу нашу по Бугу, а головными колоннами самый Владимиръ. Прибывъ въ Красноставъ, я немедленно придвинулъ разѣзды свои до Замостьской крѣпости для ближайшаго наблюденія за Дверницкимъ, котораго я не долженъ былъ допускать къ Вислѣ, а потому я занималъ дистанцію въ 60 верстъ отъ Красностава до Высокаго. Этотъ отличный и предприимчивый генералъ въ теченіе настоящей кампаніи разбилъ барона Гейсмара и взялъ у него 8 пушекъ, Крейца, у котораго взялъ 5 пушекъ и генерала Кавера, у котораго взялъ 3 пушки. У меня, за неимѣніемъ пушекъ, не могъ онъ ими обогатиться. Въ тотъ же день, по собственному побужденію, послалъ я отъ себя разѣзды для открытія сношеній съ Ридигеромъ. Черезъ два дня я получилъ отъ Крейца диспозицію на 25-е число, въ которой сказано было: «Отрядъ генераль-майора Давыдова располагается въ Пяски».

Исполняя это повелѣніе, я немедленно извѣстилъ о томъ Ридигера, который, отъ 27-го марта за № 524, увѣдомилъ Крейца,

¹⁾ Весь дальнѣйшій разсказъ до конца не помѣщенъ въ рукописи, принадлежавшей кн. Паскевичу и сообщ. намъ генераломъ Распоповымъ. Ред.

²⁾ Кларіанъ Антоновичъ Крейцъ, впоследствии графъ и генераль-отъ-кавалеріи, скончался въ 1850 г. Ред.

³⁾ Фѣдоръ Васильевичъ Ридигеръ, впоследствии графъ, генераль-отъ-кавалеріи, главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, скончался въ 1856 г. Ред.

что такъ какъ по всѣмъ слухамъ Дверницкій думаетъ идти на Волюнь (чему онъ, по слабости силъ, противиться не можетъ, а будетъ вынужденъ отступить за рѣчку Стырь для присоединенія къ войскамъ, къ нему подходящимъ), то онъ убѣдительно проситъ оставить меня въ Красноставѣ, прибавляя: «Даже я полагаю, что нахожденіе отряда Давыдова въ Красноставѣ весьма много содѣйствовало тому, что Дверницкій до сего времени оставался въ Замостьѣ». Но Крейцъ не только не возвратилъ меня въ Красноставъ, но 29-го прислалъ мнѣ новую диспозицію, въ коей было сказано: «Генераль-майору Давыдову дѣлать поиски на мѣстечко Туробанъ до рѣки Гутта и далѣе, если же Дверницкій уже пришелъ на Медлиборжище и Загликовъ, то генераль-майоръ Давыдовъ быстро долженъ двигаться по слѣдамъ его». Крейцъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ наобумъ, ибо, отдаливъ меня отъ Красностава, онъ лишился средствъ получать вѣрныя свѣдѣнія о движеніяхъ Дверницкаго, который, по его мнѣнію, долженъ былъ обратиться къ Вислѣ на соединеніе съ Серавскимъ, о переправѣ котораго на правый берегъ Вислы ходили уже слухи.

На основаніи даннаго мнѣ предписанія, я уже 1-го апрѣля былъ на маршѣ изъ Туробана на Щербжечину, открывая моими партіями Франполь и Бельгерой.

Дверницкій же на другой день выступленія моего изъ Красностава сосредоточилъ свои войска у Замостья, и перейдя быстро Бугъ въ Крыловѣ, вступилъ въ наши границы, въ Волюнь. Если бы я не былъ подчиненъ Крейцу, то ни въ какомъ случаѣ не двинулся бы въ Пяски, а оттуда на Щербжечину; понимая, что главная моя обязанность состояла въ томъ, чтобы наблюдать за Дверницкимъ, я хотѣлъ даже 26-го двинуться къ Ситанцу, деревнѣ, отстоящей отъ Замостья въ 10-ти верстахъ. Вскорѣ Крейцъ узналъ о истинномъ направленіи Дверницкаго, объ отступленіи Ридигера, о возстаніи Волюни и о томъ, что Подолія и окрестности Кіева также въ сильномъ волненіи. Крейцъ, обвиняя меня въ томъ, что я проглядѣлъ Дверницкаго, за которымъ обязанъ былъ наблюдать, предписалъ мнѣ идти по его слѣдамъ. Пройдя мимо самаго Замостья, гарнизонъ котораго не только не дѣлалъ вылазокъ, но даже не показывался, я, 4-го апрѣля, находясь на сообщеніи Дверницкаго съ сею вѣрностью, захватилъ нѣсколько курьеровъ и небольшіе отряды его. Переправясь за

Бугъ, я былъ пораженъ слѣдующимъ зрѣлищемъ: на мѣстѣ, гдѣ непріатель еще недавно располагался лагеремъ, водружены были довольно высокіе шесты, на вершинѣ которыхъ были привязаны мѣшки. По осмотрѣ мѣшковъ, оказалось, что они вмѣщали въ себѣ возмутительныя прокламаціи. Поляки, не понимая высокой русской души Ермолова, котораго они почитали глубоко оскорбленнымъ и пылающимъ местию въ своей родинѣ, напечатали отъ его имени возмутительную прокламацію къ русскимъ ¹⁾. Эти прокламаціи, пересланныя въ главную квартиру, были поспѣшно доставлены въ Петербургъ. Ермоловъ, извѣщенный объ этомъ происшествіи, былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что самыя нелѣпыя клеветы были столь легко и охотно удостоиваемы вниманія въ Петербургѣ, и не имѣя возможности дѣйствовать оружіемъ, онъ разилъ по крайней мѣрѣ своихъ враговъ насмѣшками. Онъ писалъ брату моему: «Этого мало; вы вѣрно услышите о одержанныхъ мною побѣдахъ, въ которыхъ жестокая судьба такъ долго отказывается фельдмаршалу Дибичу».

Перейдя Бугъ въ Крыловѣ по мосту, по которому слѣдовалъ Дверницкій, я предалъ его огню и взялъ 6-го городъ Владиміръ приступомъ. Бой живо кипѣлъ! Старъ и младъ, шляхта и духовенство, военные и мѣщане, все стрѣляло изъ оконъ, изъ-за заборовъ и оградъ, и подобно лазамъ или лезгинамъ, не просило пощады. Бой продолжался непрерывно въ продолженіи 4-хъ часовъ; съ моей стороны были слѣшены 3-й дивизионъ финляндскаго драгунскаго полка, подъ командою полковника Кологривова, большая часть полка Катасанова, всѣ же прочіе были на конѣ. Побѣда увѣнчала мою рѣшительность; фельдмаршалъ и графъ Толь, будучи весьма довольны мною, вошли обо мнѣ съ представленіемъ о награжденіи знакомъ св. Георгія 3-го класса, чего я однако никогда не удостоился получить.

Движеніе мое на Владиміръ не было плодомъ необдуманнаго предпріятія, но послѣдствіемъ обмана жителей мѣстечка Крылова, которые меня увѣрили, что Дверницкій во Владиміръ; я однако поставилъ здѣсь все верхъ дномъ и отбилъ навсегда охоту бунтовать. Я не могъ послѣть 7-го, то-есть въ день сраженія Ри-

¹⁾ Поляками были напечатаны двѣ прокламаціи: въ одной мнимая главная квартира Ермолова была назначена въ Самарѣ, а въ другой, отпечатанной весьма скоро послѣ первой, въ Одессѣ.

дигера съ Дверницкимъ къ Боромелю(?), но если бы я явился хотя на другой день, то былъ бы не лишнимъ. Впрочемъ и Владиміръ былъ пунктомъ весьма важнымъ, какъ средоточіе одного изъ главныхъ мятежническихъ ополченій Волынской губерніи.

Въ «Газетѣ Варшавской» было сказано: «Генераль Толь, узнавъ о выступленіи генерала Дверницкаго на Волынь, отрядилъ изъ своего корпуса часть войскъ для дѣйствія противу него. Когда этотъ отрядъ, подъ начальствомъ генерала Давыдова, проходилъ близъ Замостья, гарнизонъ крѣпости сдѣлалъ счастливую вылазку. Письма изъ Замостья, отъ 20-го числа, утвердительно удостовѣряютъ, что корпусъ генерала Давыдова разбитъ волынскимъ ополченіемъ во время переправы его черезъ Бугъ».

Невольно вспомнишь Наполеона, который узнавъ, что австрійцы, имъ совершенно разбитые, утверждаютъ противное, сказалъ: «Laissez les faire, les rêves sont toujours la consolation des malheureux». Узнавъ во Владимірѣ о пораженіи Дверницкаго Ридигеромъ подъ Боромелемъ, я обратился поспѣшно на путь сообщенія его съ Замостьемъ, пролежавшій вдоль границы австрійской Галиціи. Расчетъ мой былъ вѣренъ, но Ридигеръ, искуснымъ направленіемъ своей кавалеріи, оттѣснилъ Дверницкаго отъ этого пути и принудилъ его обратиться къ Берестечку и Пochaеву. Подойдя къ Дружнополю, мои разѣзды встрѣтились съ разѣздами Ридигера, посланными для развѣдыванія о Серавскомъ, который по слухамъ спѣшилъ на соединеніе съ Дверницкимъ. Узнавъ отъ нихъ объ истинномъ направленіи Дверницкаго, я обратился чрезъ Владиміръ къ Ковелю, гдѣ сильное скопище мятежниковъ производило страшныя неистовства. Одно приближеніе мое къ Ковелю заставило мятежниковъ поспѣшно бѣжать и искать спасенія въ лѣсныхъ болотахъ. На основаніи предписаній Крейца, я, перейдя границу въ Устилугѣ, расположился въ Блонвахъ для наблюденія за Замостьемъ.

Въ самый день взятія Владиміра Крейць разбилъ Серавскаго подъ Казиміръжемъ. Польскія газеты того времени осуждали Серавскаго за переходъ его чрезъ Вислу, тѣмъ болѣе, что у него изъ 7,000 человекъ едва 1,000 человекъ были вооружены ружьями. Между тѣмъ корпусъ Дверницкаго, тѣснымъ Ридигеромъ, бросился на австрійскую границу; Ридигеръ остановился и протестовалъ, и австрійцы поспѣшили обезоружить ихъ.

Узнавъ о неудачѣ Серавскаго и Дверницкаго, Сержинецкій, находившійся у Сѣдлеца, отрядилъ изъ главныхъ своихъ силъ 7,000-тысячный отрядъ при 10-ти орудіяхъ, подъ командою начальника главнаго штаба Хржановскаго, которому велѣно было слѣзнуть на выручку Дверницкаго. Подошедъ никѣмъ незамѣченный къ Коцку, Хржановскій былъ однако открытъ здѣсь партией корпуса Крейца, который, отрядивъ противъ него отрядъ генерала Фези, самъ двинулся къ Любартову; Фези былъ разбитъ, но Крейцъ, соединясь съ нимъ, настигъ въ Любартовѣ отрядъ Хржановскаго, который, остановившись на лѣвомъ берегу Вепржа, гдѣ не было ни мостовъ, ни бродовъ, безопасно варилъ кашу. Крейцъ, пришедшій изъ Люблина, атаковалъ Любартовъ, занятый аррьергардомъ непріятели и этимъ далъ ему время опомниться, построиться и отступитъ съ малой потерей на Ленгну, гдѣ самъ Крейцъ остановился, пустивъ въ погоню за Хржановскимъ легкій отрядъ графа Алексѣя Петровича Толстаго. Такимъ образомъ ускользнулъ отъ насъ Хржановскій, котораго можно было превосходно погнать въ Вепржѣ. Можно было поправить эту ошибку слѣдующимъ образомъ: Крейцу слѣдовало изъ Ленгны усиленнымъ маршемъ слѣдовать чрезъ Бискунице въ Красноставъ, и пройдя здѣсь Вепржъ по прекрасному мосту, пресѣчь дорогу въ Замостье Хржановскому, который, двигаясь на Шедлице и Раіовець, описывалъ дугу, тогда какъ Крейцъ могъ идти хордой. Дорога, по которой шелъ Хржановскій, шла болотами, лѣсами и плотинами, а Крейцу предстояло слѣдовать по дорогѣ гладкой и открытой. Муравьевъ ¹⁾ совѣтовалъ предпринять это движеніе, но его не послушали. Съ своей стороны Хржановскій понялъ опасность, которой подвергался, и узнавъ о пораженіи Дверницкаго, онъ съ неимовѣрною быстротой направился на Красноставъ; перейдя здѣсь рѣку, онъ сжегъ мостъ. Между тѣмъ Крейцъ воротился въ Люблинъ и занялся составленіемъ реляціи, превосходящей всякое вѣроятіе. О сраженіи подъ Любартовомъ, отстоявшемъ отъ меня во 100 верстахъ, я ничего не зналъ; я въ то время находился въ Блонкахъ, верстахъ въ 10-ти отъ дороги,

¹⁾ Николай Николаевичъ Муравьевъ, впоследствии бывший главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ. О дѣятельности его подъ Карсомъ, см. въ Запискахъ генерала Бакланова, въ «Русской Старинѣ» 1870 г., т. II.

по которой долженъ былъ слѣдовать Хржановскій. Если бы корпусный командиръ заблагоразсудилъ предупредить меня о дальнѣйшемъ движеніи Хржановскаго, я могъ бы легко преградить ему дорогу около Руколона, Краслыгина, Сургова, Заставы, гдѣ, изломавъ мосты и плотины, я бы его здѣсь надолго задержалъ. Но обо мнѣ забыли, и я былъ извѣщенъ о дѣлѣ подѣ Любартовымъ и о направленіи непріятеля лишь за часъ предъ разсвѣтомъ 29-го апрѣля. Я тотчасъ устремился къ Избицѣ, но непріятель, двигавшійся всю ночь, прошелъ уже это мѣстечко и направлялся быстро къ Старому-Замостью. Я здѣсь соединился съ графомъ Толстымъ, командовавшимъ авангардомъ нашего корпуса. Здѣсь сошлись четыре генерала: графъ Толстой, Анрепъ, Шиллингъ и я; такъ какъ я былъ старшій, то графъ Толстой подѣхалъ ко мнѣ съ рапортомъ, но я сказалъ ему: «Ваше дѣло слишкомъ хорошо начато, чтобы я похитилъ у васъ и начальство и успѣхъ; продолжайте, я же стану помогать вамъ». Если бы Замостье находилось не въ 12-ти, а въ 30-ти верстахъ, то вѣроятно весь непріятельскій корпусъ, крайне утомленный, побросалъ бы оружіе. Но Замостье было близко, и онъ остановился, хотя съ большою потерей. Всѣ мы разошлись, а мнѣ вновь приказано было наблюдать за Замостью. Тѣмъ кончился нахальный, можно сказать, походъ Хржановскаго отъ Сѣдлеца къ Замостью среди нашей арміи. И здѣсь хотѣли обвинить меня и графа Толстаго въ томъ, что Хржановскому удалось спастись. Къ этому надо прибавить, что за сутки до полученія мною извѣстія о появленіи Хржановскаго въ Коцебѣ, Крейцъ безъ всякой надобности отобралъ у меня финляндскій драгунскій полкъ, который потому не могъ быть со мною подѣ Старымъ-Замостью, ни съ Крейцомъ — въ Любартовѣ. Спустя нѣсколько дней, онъ отобралъ у меня еще два полка казачьихъ и оставилъ меня съ однимъ полкомъ Кареева, въ которомъ было не болѣе 300 человекъ. Я не жалуясь на Крейца ¹⁾, человекъ добраго, но малодушнаго, какъ въ отно-

¹⁾ При извѣстіи о приближеніи непріятеля, носъ генерала Крейца вытягивался, можно сказать, на десять поражений; онъ взялъ приступомъ Люблинъ, защищаемый самою, весьма слабо вооруженною; здѣсь отличался при взятіи мельницы баронъ Деллингегаузенъ, который былъ флигель-адъютантомъ и о которомъ государь изволилъ сказать: «Il est aussi brave, que menteur». Послѣ взятія Люблина Крейцъ въ своемъ донесеніи называлъ его второю Сарагоссою.

шеніи своихъ враговъ, таѣ и въ отношеніи своихъ пріятелей. Онъ былъ всегда со мною хорошъ, и вцослѣдствіи остался таковымъ же, но у него былъ начальникъ штаба баронъ Деллингсгаузенъ, зародышъ Макка будущихъ россійскихъ войнъ, который имѣлъ на него неограниченное вліяніе. Онъ сталъ дѣлать неудовольствія Муравьеву, Пашкову, Анрепу, графу Толстому и мнѣ; Крейцъ же молчалъ, какъ мокрая курица и извинялъ его въ письмахъ своихъ ко мнѣ. Короче Крейцъ былъ у него какъ на содержаніи. Все мною здѣсь сказанное основано на письменныхъ официальныхъ документахъ; самъ великій Деллингсгаузенъ не имѣетъ документовъ достаточно сильныхъ, чтобы опровергнуть тѣ, которые у меня и подписаны Крейцомъ и имъ самимъ.

Не могу понять, почему послѣ Остроленской побѣды, которую можно назвать первымъ кризисомъ въ нашу пользу, вдругъ оказалось столь необходимымъ присутствіе въ главной арміи корпуса Крейца, которому приказано было, не ожидая смѣны своей Ридигеромъ, оставить Люблинское воеводство и спѣшить на соединеніе съ арміей; Ридигеръ же, который долженъ былъ смѣнить его, едва перешелъ границу въ Устилугъ и не прежде могъ двинуться къ Люблину, какъ по прибытіи Кайсарова, который долженъ былъ заступитъ его мѣсто и имѣть предметомъ охраненіе Волыни. Между тѣмъ около Замостья находился корпусъ Хржановскаго, въ 80-ти верстахъ за Вислой корпусъ Дзѣконскаго, коего передовые посты доходили до Курова и Белжады; войсками его корпуса были сильно заняты Казиміръжа, Пулава и Голомбъ, гдѣ былъ мостъ и предмостное укрѣпленіе. Подобное повелѣніе Крейцу могло быть объявлено ему до Остроленскаго дѣла, когда готовы были всѣмъ жертвовать для усиленія нашего главнаго корпуса, ожидавшаго встрѣчи съ главными непріятельскими силами. Казалось, благопріятный исходъ дѣла долженъ былъ неминуемо измѣнить всѣ обстоятельства, по крайней мѣрѣ относительно послѣдшаго выступленія Крейца изъ Люблина до смѣны его Ридигеромъ, который съ своей стороны не щадилъ ни убѣжденій, ни просьбъ, чтобы склонить Крейца не оставлять береговъ Вислы и Вепража до своего появленія въ окрестностяхъ Люблина. Если Дибичъ уже рѣшился не оставлять корпуса Крейца, состоявшаго изъ 9,000 всадниковъ при 48-ми орудіяхъ, для защиты Волыни и удержанія сего края отъ неминуемаго возстанія, то слѣ-

давало бы ему, по крайней мѣрѣ, присоединить его въ главнымъ силамъ своимъ, а не давать ему направленіе, частью на Люблинъ, частью на Сточекъ и даже за Вислу для разсѣянія вновь формировавшихся непріятельскихъ войскъ; эти войска, которыя не могли быть сильны, должны были сами по себѣ разсѣяться при одномъ извѣстїи о пораженїи главной польской арміи, и для этой важной цѣли намъ слѣдовало напрягать всѣ умственные и вещественныя усилія наши. Крейцъ выступилъ 19-го мая изъ Люблинскаго воеводства, на защиту котораго имъ была оставлена лишь 2-я конно-егерская дивизія, состоявшая изъ 600 человекъ, неизмѣвшихъ ружей, съ изнуренными лошадьми, Хоперскій казачій полкъ, Кареева полкъ въ 300 человекъ, всего 2,100 коней. Имъ надлежало наблюдать за непріателемъ на протяжении отъ Красностава до Завихвоста, отсюда до Бобровниковъ, а отсюда до Коцеа; кромѣ того, надо было занять центральный пунктъ—Люблинъ достаточнымъ числомъ войскъ. Изъ города были вывезены Крейцомъ на подводахъ весь хлѣбъ и овесъ; больныхъ же, которыхъ слѣдовало перевести въ числѣ 1,200 человекъ, оставили въ госпиталяхъ города, гдѣ, кромѣ того, брошено было на произволь судьбы много пороку, зарядовъ и оружія. Даже 48-му егерскому полку, выступившему въ Россію для укомплектованія себя людьми, которому ничего бы не стоило оставаться въ Люблинѣ хотя нѣскольکو лишнихъ сутокъ, приказано было, не взирая на всѣ просьбы Пашкова, оставившагося начальникомъ въ воеводствѣ и городѣ, спѣшнѣе выступить. Жители не помнили себя отъ радости и явно говорили, что надняхъ въ городъ вступитъ польскій корпусъ, который неминуемо насъ всѣхъ плѣнитъ. Это было весьма правдоподобно.

XVII.

Въ это время, то-есть 20-го мая Ридигеръ, подъ начальство котораго я поступилъ уже восемь дней, далъ мнѣ изъ Камарова слѣдующее повелѣніе: «Оставить Кареева полкъ для наблюденія Замостья, спѣшнѣе самому въ Люблинъ и принять подъ свое главное начальство всѣ войска воеводства». Я прибылъ 21-го въ Люблинъ, гдѣ узналъ о побѣдѣ подъ Остроленкой и о прибытіи нашей главной арміи въ Пултуску. Поляки, почитая меня жестокосердымъ, трепетали при имени моемъ. Я, подобно знаменитому нашему Алексѣю Петровичу Ермолову, съ намѣреніемъ разсѣивалъ

эти слухи, чтобы не быть вынужденнымъ варать непокорныхъ. Я находился нѣкоторое время въ крайней опасности, отъ которой избавился лишь видимымъ милосердіемъ Божиимъ. Какъ было не воспользоваться Дзѣвонскому отдаленіемъ моимъ отъ главной арміи, находившейся за Наревомъ, отдаленіемъ отъ Ридигера и, наконецъ, выступленіемъ Крейца, котораго онъ могъ значительно удержать и не допустить до Пултуска. Кромѣ того, пользуясь малочисленностью моего отряда, онъ могъ безъ большихъ усилій захватить 1,300 больныхъ, много пороху, зарядовъ и нѣсколько сотъ ружей, въ воихъ мы сильно нуждались; но для него было всего важнѣе овладѣніе Люблиномъ, гдѣ онъ могъ легко соединиться съ Хржановскимъ, который съ своей стороны не замедлялъ бы прибыть туда, слѣдуя чрезъ Красноставъ и Пяски. Средоточеніе силъ непріятельскихъ могло быть для насъ тѣмъ болѣе губительно, что въ то же время Сержинецкій готовился со всею арміею выступить изъ-подъ Праги въ Люблину. Движеніе это, предпринятое имъ лишь недѣлю спустя, не имѣло успѣха только потому, что Ридигеръ находился въ то время уже въ Люблинѣ. Зная мою слабость, онъ прислалъ мнѣ отрядъ генерала Плохова, и вскорѣ самъ сюда явился. Зная меня и Плохова со временъ войны въ Финляндіи, Ридигеръ питалъ къ намъ большую дружбу и постоянно оказывалъ большое довѣріе. Мнѣ было поручено начальство надъ 20-ю эскадронами, казачьимъ полкомъ при нѣсколькихъ орудіяхъ. Извѣстясь о движеніи Сержинецкаго, Ридигеръ быстрымъ движеніемъ за Вепржъ успѣлъ поразить часть его арміи подъ Лисабысомъ или Будзискимъ. Въ этомъ сраженіи, гдѣ Ридигеръ съ 6,000 человекъ одержалъ блистательную побѣду на 20,000 польскихъ войскъ, я, командуя авангардомъ, состоявшимъ изъ конно-егерской дивизіи Пашкова и двухъ егерскихъ полковъ 19-го и 20-го, при шести орудіяхъ, въ продолженіе трехъ часовъ выдерживалъ напоръ непріятеля, значительно превосходящаго меня числомъ (здѣсь сражалась противъ меня польская гвардія). Появленіе Ридигера, лично атаковавшаго непріятеля за лѣсомъ, рѣшило судьбу сраженія. Благодаря Бога, я опрокинулъ непріятеля и соединился съ Ридигеромъ, который, слыша сильный съ моей стороны огонь, весьма опасался за меня. Послѣ сраженія онъ меня при всемъ корпусѣ благодарилъ. Въ этомъ дѣлѣ Плоховымъ взято было много офицеровъ и рядовыхъ,

обозъ съ артиллерійскими зарядами и ящикъ съ казной, гдѣ найдено было до 50,000 рублей. Возвратясь въ Люблинъ, Ридигеръ, узнавъ о выступленіи изъ Замостья Хржановскаго, прогналъ его за Вислу. Поручивъ мнѣ преслѣдованіе непріятеля съ 29-ю эскадронами, при которыхъ находились генералы Квитницкій, Ольшевскій, Плоховъ, графъ Тимманъ, онъ самъ возвратился въ Люблинъ; но непріятель бѣжалъ такъ быстро, что я не могъ его догнать. Этимъ вполнѣ блестящимъ и малоизвѣстнымъ подвигомъ, Ридигеру удалось отстоять Люблинское воеводство. Это — единственная классическая операція въ продолженіе всей войны, она достойна изученія, и Жюмини не можетъ не быть въ восторгѣ, узнавъ, какую дѣятельность и энергію выказалъ здѣсь Ридигеръ.

Въ Люблинѣ Ридигеръ праздновалъ свои успѣхи; за обѣдомъ, за которымъ было до 60-ти человекъ (я былъ въ отсутствіи), онъ, между прочимъ, сказалъ: «Когда я въ Лисабысахъ услышалъ ужасный огонь со стороны авангарда, трехчаснымъ жестокимъ боемъ успѣвшимъ удержать стремленіе главныхъ непріятельскихъ силъ, я, признаюсь, подумалъ, что если Давыдова съобьютъ, мнѣ будетъ плохо; но Давыдовъ блистательно опрокинулъ непріятеля».

Я во время преслѣдованія сдѣлалъ двѣ ошибки, за которыя, знаю, онъ весьма сердился. Когда я прибылъ изъ авангарда и признался въ нихъ съ первыхъ словъ, Ридигеръ вмѣсто того, чтобы мнѣ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать за то замѣчаніе, сталъ себя обвинять и увѣрять меня, что если я не сдѣлалъ того, что слѣдовало, то этому причиною онъ самъ, съ чѣмъ я однако никакъ согласиться не могъ. Я никогда ни съ однимъ начальникомъ не былъ столь близокъ, какъ съ Ридигеромъ, который былъ обыкновенно не только не мягокъ, но весьма серьезенъ и строгъ; но я, кромѣ незаслуженнаго вниманія, ничего отъ него не видалъ. Зная его съ поручичьяго чина, потомъ полковникомъ и генералъ-майоромъ, я никогда не могъ думать, чтобы онъ былъ одаренъ столь замѣчательными военными способностями. Онъ мнѣ позволилъ и даже просилъ письменно и словесно сообщать ему все, что мнѣ придетъ въ голову. Я часто позволялъ себѣ давать ему совѣты, за которые онъ не зналъ какъ меня достаточно благодарить. Я весьма радуюсь и горжусь тѣмъ, что въ этомъ подвигѣ былъ ему главнымъ помощникомъ, въ особенности въ Лисабы-

сахъ, гдѣ принялъ на свой щитъ главный ударъ непріятеля, о чемъ онъ непрестанно говорилъ и за что баловалъ меня самымъ дружескимъ обращеніемъ. У насъ съ нимъ не было секретовъ; едва получалъ онъ какое-либо извѣстіе или важную бумагу, онъ тотчасъ посылалъ за мною, сообщалъ мнѣ все и мы съ нимъ по нѣсколько часовъ сидѣли вмѣстѣ. По представленію моему, принятому съ благодарностью Ридигеромъ, сдѣлана была по Люблинскому воеводству публикація; мною написанныя правила для аванпостной службы отданы были по его желанію въ приказъ. Видя его военныя дарованія, рѣшительность и деликатное со мною обращеніе, я глубоко уважаю его, какъ одного изъ отличнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и добродушнѣйшихъ генераловъ нашихъ.

Если бы корпуса Дзвонскаго изъ-за Вислы, Хржановскаго изъ Замостья и главная непріятельская армія, оставивъ достаточныя гарнизоны въ Люблинѣ и Прагѣ и наблюдательныя отряды противъ Ридигера и Розена, сосредоточились бы у брестскаго шоссе лицомъ къ Пултуску и Остроленѣ и развернули бы свои колонны отъ Брокъ къ Ружиполю и Остроленѣ въ тылу нашей арміи, мы неминуемо понесли бы жесточайшее пораженіе ¹⁾.

XVIII.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій вступаетъ въ командованіе арміею. Я не могъ питать большого уваженія къ сему человѣку, потому что гнусные его доносы на Ермолова мнѣ были слишкомъ извѣстны ²⁾. Принадлежа къ числу безграмотныхъ, которому Грибоѣдовъ сочинялъ приказы и даже частныя письма, онъ, довольствуясь уже отправленными въ Петербургъ доносами, прива-

¹⁾ До смерти своей графъ Дибичъ жаловался на графа Толя и получалъ въ отвѣтъ разрѣшеніе: «отправить его вонъ». Это письмо, полученное послѣ кончины фельдмаршала, было распечатано графомъ Толемъ. Великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ однажды графу Дибичу: «Смотри, герой Забалванскій, не будь плѣнникъ Завислянскій». Графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ сказалъ Алексѣю Петровичу Ермолову: «Прибывъ въ армію, я въ графѣ Дибичѣ не нашелъ уже того фельдмаршала, съ которымъ я былъ въ сношеніяхъ въ эпоху адрианопольскаго мира; въ Европѣ многіе дураки утверждали, что я его отравилъ, мнѣ не нужно было этого дѣлать, потому что онъ самъ себя отравлялъ ромомъ».

Д. Д.

²⁾ См. въ «Русской Старинѣ» донесенія Паскевича о Ермоловѣ и его дѣйствіяхъ. (Изд. 1872 г., т. V, стр. 706—726 и т. VI, стр. 39—69 и 243—280).

Ред.

заль написать отъ имени Аббасъ-Мирзы письмо, въ которомъ Ермоловъ былъ обвиненъ въ вѣроломномъ нарушеніи мира¹⁾. По его приказанію была вырѣзана армяниномъ печать, которая весьма походила на печать, которую Аббасъ-Мирза обыкновенно прикладывалъ къ своимъ граматамъ и письмамъ; это подложное письмо, снабженное этою печатью, было отправлено въ Петербургъ съ адъютантомъ главнокомандующаго графомъ Опперманомъ. Этотъ фактъ извѣстенъ всѣмъ лицамъ, состоявшимъ въ то время при графѣ. Не взирая на все это, я, какъ русскій, желалъ ему отъ души быть генералиссимусомъ, даже принцемъ крови, лишь бы война могла быть имъ окончена скоро и молодецки.

Я опять съ 25-го іюля въ Красноставѣ и вновь наблюдалъ за Замостьемъ, откуда нельзя было ожидать никакого нападенія съ тѣхъ поръ, какъ Хржановскій удался въ Варшаву. Въ Люблинѣ жители повѣсили носы, говоря, что вскорѣ наступитъ миръ; хотя этого и нельзя было предвидѣть такъ скоро, но слухи эти ясно доказывали, что поляки почитали свое дѣло окончательно проиграннымъ. Я принадлежалъ арміи Сакена, но не Паскевича. У поляковъ еще до этого времени началась ужасная анархія, начальникъ существовалъ лишь для командованія войсками въ военное время; внѣ поля сраженія войска не призна-

¹⁾ Злонамѣренность сего доноса, который превосходитъ всѣ предъдущіе, очевидна, ибо всѣмъ извѣстно, что Аббасъ-Мирза, вѣроломно нарушивъ миръ, вторгся неожиданно въ наши предѣлы. Графъ Паскевичъ отправилъ для этой дѣли негодяя Барганова (извѣстнаго подъ именемъ Ваньки-Каина) съ чиновникомъ на границу для принятія вымышленнаго письма. Это было передано Ермолову генераломъ Васиіемъ Иловайскимъ, а послѣ подтверждено многими изъ подчиненныхъ фельдмаршала. Лучшимъ опроверженіемъ того, что Ермоловъ не нарушилъ мира, написавъ будто бы рядъ оскорбительныхъ писемъ Аббасъ-Мирзѣ, служатъ то, что въ теченіе десятилѣтняго славнаго управленія Грузіей всѣ письма, писанныя имъ Аббасъ-Мирзѣ и другимъ сосѣднимъ пашамъ были писаны его собственною рукою и ни одно не было предъявлено нашему правительству.

Д. Д.

Мы не беремъ на себя отвѣтственность за правдивость данныхъ, сообщаемыхъ здѣсь партизаномъ Давидовымъ. Кто знаетъ, быть можетъ фанатическая преданность Ермолову, доходившая въ немъ до обожанія этого героя — невольно заставляла Давидова вѣрить многимъ, въ сущности несправедливымъ рассказамъ о дѣйствіяхъ Паскевича относительно Ермолова. Мы съ большимъ удовольствіемъ помѣстимъ всякое опроверженіе показаній Давидова, и если нѣкъ печатаемъ въ возможной полнотѣ, то только для раскрытія исторической истины, для которой уже настало время, — разностороннимъ ея изслѣдованіемъ.

Ред.

вали властей, отбирали у жителей послѣднее, говоря, что-это для отчины. Не видя на то, что я къ полякамъ никогда не питалъ большого расположенія и сочувствія, война эта мнѣ казалась даже невыносимою, ибо часто со слезами на глазахъ я находился вынужденнымъ отрывать родителей отъ дѣтей и отсылать ихъ. Но въ утѣшенію моему, Крейцъ и въ особенности Ридигеръ весьма строго наблюдали за тѣмъ, чтобы солдаты наши не дозволяли себѣ грабить жителей.

19-го іюля я, командуя отрядомъ на Вислѣ, дѣлалъ фальшивую переправу, стрѣлялъ изъ орудій и ружей въ Пулавѣ, и это одно изъ послѣднихъ дѣйствій моихъ въ теченіе кампаніи. Корпусу нашему велѣно было переходить Вислу, и въ диспозиціи было сказано: «весь корпусъ переходить Вислу по мосту въ Юзевовѣ 25-го іюля, а отрядъ генераль-майора Давыдова въ Пулавѣ съ 24-го на 25-е». (Тамъ моста не было, но я успѣлъ построить и поставить двѣ барки, на коихъ можно было помѣстить 50 человѣкъ пѣхоты и два плота, на коихъ можно было поставить человѣкъ 10-ть съ лошадьми). Отрядъ мой состоялъ изъ 100 человѣкъ стрѣльцовъ, 1 казачьяго полка, 7-ми эскадроновъ военныхъ егерей. Весь противоположный берегъ былъ изрытъ длиннымъ валомъ, за которымъ сидѣли непріятельскіе стрѣлки, которые стрѣляли по всякому подходившему съ нашей стороны. Итакъ, мнѣ надлежало съ сотнею стрѣльцовъ держаться противъ превосходнаго числомъ непріятели болѣе сутокъ, ибо ранѣе, и то съ большимъ трудомъ, нельзя было перевести мою конницу, потому что рѣка широка и быстра, плоты же были сдѣланы насоро, гребцы нашлись съ трудомъ, къ тому же все это должно было находиться подъ выстрѣлами непріятели. Всѣ мы видѣли явную гибель, къ которой стремились, но я, тридцатилѣтній солдатъ, хотя и сознавалъ вполнѣ свое опасное положеніе, долженъ былъ безпрекословно исполнить повелѣніе. Цѣлый день трудились мы надъ исправленіемъ плотовъ и паромовъ, подвергаясь во все время непріятельскимъ выстрѣламъ. При наступленіи ночи, я сталъ готовиться къ переправѣ; такъ какъ офицеры и стрѣлки обнаруживали большую робость, я рѣшился сѣсть на первую барку и ѣхать съ ними, можно сказать, на убой. Хотя генераль Ольшевскій, завѣдывавшій конно-егерскими эскадронами, старинный пріятель мой, человѣкъ испытанной храбрости, и связалъ

мнѣ: «je vous ai toujours cru brave, mais aujourd'hui vous agissez en héros», но я чувствовалъ себя далеко не такъ хладнокровнымъ и спокойнымъ. Ольшевскій оставался на берегу; изъ тѣхъ, воимъ слѣдовало быть со мною, никого не было, всѣ остались въ Пулавѣ, кромѣ моего любезнаго Кологривова, который былъ мнѣ преданъ, какъ сынъ и храбръ, какъ нельзя болѣе. Когда уже совершенно стемнѣло я началъ садиться въ первую баржу съ 50-ю стрѣлками; по всему противоположному берегу затрепали выстрѣлы, градъ пуль сталъ осипать насъ и въ самое короткое время ряды солдатъ убитыхъ и раненыхъ пали вокругъ меня. Едва только хотѣли мы отчалить, какъ послышались съ нашей стороны крики: «ваше превосходительство! курьеръ!»

Я выскочилъ изъ баржи и при огнѣ фонарей прочелъ: «Отмѣнить переправу и идти къ мосту на Юзефовъ». Еще секунда, мы бы отчалили, полетѣли бы по быстрой Вислѣ, и уже никакой курьеръ насъ не могъ бы спасти. Огонь непріятельскій по насъ былъ такъ силенъ, что въ Пулавѣ раненъ былъ мой человѣкъ. Тутъ человѣческаго ничего не было, одинъ Богъ былъ виновникомъ нашего спасенія; я отъ полноты душевной принесъ Ему мою душевную молитву за столь чудное спасеніе! Полковникъ польскій, командовавшій на противоположномъ берегу, будучи въ послѣдствіи взятъ въ плѣнъ, говорилъ мнѣ, что онъ, зная о нашей переправѣ, ожидалъ насъ съ нетерпѣніемъ, чтобы всѣхъ насъ истребить.

Въ 20-хъ числахъ августа я командовалъ отрядомъ въ предмостномъ укрѣпленіи на Вислѣ, близъ Казиміража. Варшава была еще въ рукахъ непріятельскихъ. Вдругъ непріятель, въ довольно большихъ силахъ приблизившись къ намъ, выслалъ на приступъ двѣ колонны; такъ какъ я зналъ, что это были толпы мужиковъ, предводимыхъ Ружицкимъ, я открылъ по нихъ сильный огонь, отъ котораго они разсѣялись. Ридигеръ, бывшій постоянно моимъ ангеломъ-хранителемъ, бодрствовалъ по своему обыкновенію; онъ явился, преслѣдовалъ на разстояніи 30-ти верстъ непріятеля, который при этомъ лишился 1,000 человѣкъ убитыми и плѣнными 15 офицеровъ и 500 рядовыхъ. Черезъ два дня я узналъ, что десяти тысячный корпусъ генерала Ромарино, преслѣдуемый Розеномъ, направляется на меня; такъ какъ у насъ было всего 1,200 человѣкъ, я потому поспѣшилъ извѣстить о томъ Ридигера, на-

ходящагося въ 50-ти верстахъ. До полученія моея бумаги, онъ мнѣ предписалъ съ однимъ баталіономъ и 4 орудіями спѣшить въ Радомъ на подкрѣпленіе принца Адама Виртембергскаго ¹⁾; я послалъ къ нему другого курьера, при чемъ писалъ ему, что полагаю свое присутствіе въ укрѣпленіи болѣе необходимымъ. Получивъ повторительное приказаніе выступить, я на разсвѣтѣ 1-го сентября двинулся, но на половинѣ дороги меня настигъ новый курьеръ съ приказаніемъ ночевать и возвратиться назадъ.

Утромъ получилъ я слѣдующее донесеніе отъ генерала Слатвинскаго, оставшагося въ укрѣпленіи: «Видя предъ собой непріятеля въ весьма большихъ силахъ, нашелся вынужденнымъ оставить укрѣпленіе праваго берега, и перейдя рѣку, я сжегъ мостъ». Онъ поступилъ весьма благоразумно и основательно; непріятель, за неимѣніемъ моста, двинулся къ австрійской границѣ, гдѣ, преслѣдуемый русскими, онъ положилъ оружіе. Такъ какъ Слатвинскій не успѣлъ кой-чего перевести на тотъ берегъ, то подвергся сильнымъ нареканіямъ. Я бы испыталъ то же самое, но, къ счастью, Богъ меня отъ того спасъ.

Къ намъ стало возвращаться много офицеровъ, бывшихъ въ плѣну, которые были свидѣтелями ужасныхъ неистовствъ жителей Варшавы. Такъ, напримѣръ, нѣкто всендзъ Пулавскій ходилъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ, умоляя со слезами народъ истребить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ и евреевъ. Нѣсколько десятковъ евреевъ было повѣшено на фонарныхъ столбахъ. Генераль Янковскій за неудачу свою подъ Лисабысомъ (или Будзискомъ), генераль Буковскій и камергеръ Феншъ были изрублены и повѣшены. Графиня Гауке также была изрублена и повѣшена. Полковница Баханова, изуродованная сабельными ударами, была также повѣшена въ глазахъ ея дочери, тщетно умолявшей о пощадѣ и получившей также ударъ штыкомъ въ бокъ. Плѣнный офицеръ нашъ Кетлеръ былъ повѣшенъ вслѣдствіе просьбы какой-то женщины, которая просила народъ, въ случаѣ несогласія его на то, повѣснить ее. Офицеры наши, возвратясь изъ плѣна рассказывали, что чернь варшавская и войска всенародно объявили, что если меня возьмутъ въ плѣнъ, то тотчасъ повѣсятъ. При нихъ объявлено было нѣсколько разъ, что

¹⁾ Объ немъ я однажды сказалъ: «Quoique ce soit un prince du sang, et par dessus cela un Adam, mais ce n'est pas le premier des hommes». Д. Д.

Ридигеръ и я взяты и что насъ везутъ въ Варшаву, гдѣ намъ потому заготовлялись почетныя квартиры и на другой день мы должны были быть повѣшенными: «слышите ли, говорили поляки, что партизанъ Давыдко (это было мое прозвище) идетъ на насъ, жжетъ и рубить все безъ пощады, смотрите, будьте осторожны; но мы его скоро возьмемъ и повѣсимъ». На аванпостахъ сначала войны спрашивали лишь о принцѣ Адамѣ Виртембергскомъ, котораго ненавидѣли за то, что его мать была княжна Чарторижская и онъ самъ прежде служилъ въ польскихъ войскахъ; о Ридигерѣ, который своими славными побѣдами навелъ на нихъ страхъ, и о мнѣ недостойномъ.

Нѣкто генералъ Каминскій командовалъ отрядомъ, который мы полагали въ 1,500 человекъ, но онъ состоялъ изъ 4,000 человекъ; онъ весь положилъ оружіе, и павъ на колѣна, кричалъ: «Виватъ Николай, цесаржъ нашъ польскій!» Грустно становится смотрѣть на этотъ народъ, гордый и заносчивый въ счастіи, но низкопоклонный послѣ неудачи. Вспомнишь невольно слова Наполеона: «*Cette nation porte sa ruine dans son caractère*». Но, слава Богу, Варшава пала и лучъ русскаго штыка вновь засверкалъ старинной славой!

Денисъ Давыдовъ.

Сообщ. В. Д. Давыдовъ.

— * * * * *

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЗАПИСКАМЪ Д. В. ДАВЫДОВА.

I.

**Рѣчь императора Николая депутатамъ города Варшавы при
пріеѣзѣ ихъ во дворцѣ Лазенки.**

(16 октября 1835 года¹⁾).

Когда депутація отъ города введена была въ особенную залу, императоръ, въ присутствіи генералъ-фельдмаршала князя варшавскаго и военнаго губернатора, обратился къ ней съ слѣдующими словами:

„Вы хотѣли меня видѣть? — Вотъ я! Вы хотѣли говорить мнѣ рѣчи? — Этого не нужно! Я желаю избавить васъ отъ лжи! Да, господа, желаю избавить васъ отъ лжи! — знаю, что вы не чувствуете того, въ чемъ хотите меня увѣрить; знаю, что большая часть изъ васъ, если бы возобновились прежнія обстоятельства, были бы готовы опять то же начать, что дѣлали во время революціи.

„Не вы ли сами за пять, за восемь лѣтъ предъ симъ говорили лишь о вѣрности, преданности; не вы ли увѣрили меня въ привязанности вашей, — и что же? спустя нѣсколько дней, вы нарушили ваши клятвы, вы совершили дѣла ужасныя!

„Императоръ Александръ сдѣлалъ для васъ много, можетъ быть болѣе, чѣмъ русскому императору слѣдовало, — говорю такъ потому, что такъ думаю; онъ осыпалъ васъ благодареніями; онъ пекся объ васъ болѣе, нежели о своихъ подданныхъ настоящихъ; онъ поставилъ васъ въ самое счастливое, въ самое цвѣтущее положеніе; и вы, за все это, заплатили ему самую гнусною неблагодарностью; вы никогда не умѣли довольствоваться дарованными вамъ выгодами

¹⁾ Рѣчь эта была напечатана въ «Вѣстн. Юго-Зап. Россіи» 1863 г. и затѣмъ въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи» 1864 г.; мы ее приводимъ по двумъ спискамъ, сообщеннымъ А. Н. Яхонтовымъ и М. В. Кюхельбекеромъ; послѣдній списокъ болѣе исправный и оба они имѣютъ варьянты противу напечатанныхъ.

и сами разрушили свое благоденствіе; вы уничтожили, попрали ваши постановленія! Говорю вамъ истину, чтобы единожды навсегда разумить васъ о взаимныхъ нашихъ отношеніяхъ, и чтобы знали, чего должны держаться.

„Не словамъ, но дѣйствіямъ вашимъ я повѣрю; надобно, чтобы раскаяніе шло отсюда. (Государь указалъ на сердце). Вы видите, что я говорю вамъ хладнокровно, что я спокоенъ, не сержусь на васъ; я давно забылъ оскорбленія противъ меня и моего семейства; мое единственное желаніе заплатить вамъ за зло добромъ, сдѣлать васъ счастливыми, вопреки вамъ самимъ. Я далъ въ этомъ клятву предъ Богомъ, и никогда клятвъ своихъ не нарушаю.

„Фельдмаршалъ, здѣсь присутствующій, исполняетъ здѣсь мои на-мѣренія, помогаетъ мнѣ въ моихъ видахъ, и также печется о вашемъ благоденствіи. (При этихъ словахъ всѣ депутаты поклонились фельдмаршалу. Государь продолжаетъ):

„Что доказываютъ эти поклоны? Ничего! Прежде всего должны вы исполнять ваши обязанности, должны поступать, какъ поступаютъ честные люди. Вамъ представляются два пути: упорствовать въ мечтахъ о независимой Польшѣ, или жить спокойно, вѣрными подданными, подъ моимъ правленіемъ. Если вы упрямо сохраняете мечты обо всѣхъ химерахъ, объ отдѣльной національности, о независимой Польшѣ, о всѣхъ этихъ несбыточныхъ призракахъ, вы ничего не можете сдѣлать, кромѣ того, что навлекете на себя новыя тяжкія бѣдствія.

„Я воздвигнулъ Александровскую цитадель, и объявляю вамъ, что при малѣйшемъ волненіи — разгромлю вашъ городъ; уничтожу Варшаву, и ужъ конечно не я выстрою ее снова!

„Мнѣ тяжело съ вами говорить, тяжело государю обращаться такъ съ своими подданными; но я говорю для вашего блага; вамъ, господа, подумать о томъ, чтобы заслужить забвеніе прошедшаго.

„Только вашимъ поведеніемъ, вашею преданностію къ правительству можете вы достигнуть этого. Нѣтъ въ мірѣ такой полиціи, которая могла бы воспрепятствовать преступнымъ сношеніямъ съ иностранцами; но вамъ самимъ предложить этотъ надзоръ; отъ васъ зависитъ удалить зло. Дайте дѣтямъ вашимъ хорошее воспитаніе, утверждайте ихъ въ правилахъ религіи и вѣрности къ ихъ государю.

„Вотъ средства, которыми вы удержитесь на пути истинномъ. И тогда, среди всѣхъ смятеній, потрясающихъ зданіе общественности, вы будете пользоваться счастіемъ, живя покойно подъ цитомъ Россіи — мощной, неприкосновенной, бодрствующей за васъ; и вѣрьте мнѣ, господа, принадлежать русской землѣ и пользоваться ея покровительствомъ — есть точно благополучіе! Ведите себя хорошо, испол-

найте всѣ ваши обязанности, и тогда попеченіе мое распространится на всѣхъ васъ, и несмотря на все прошедшее, правительство всегда будетъ пешихъ о вашемъ благоденствіи и счастіи. Помните обо всемъ томъ, что я вамъ говорилъ.“

Лишь только одинъ изъ представителей варшавской депутаціи хотѣлъ говорить рѣчь, и началъ: Sige....

— „Остановитесь, сказалъ государь: я знаю что вы хотите сказать; вы послушайте лучше меня“. (Депутаты начали кланяться).

— „Не кланяйтесь,—вы точно также кланялись въ 1829 году, и безстыднымъ образомъ измѣнили, пренебрегли благодѣяніями Александра, который не жалѣлъ для васъ и богатства своей земли; хорошую страну вы оставили въ исторіи! Вы сами для себя построили цидатель, теперь помните, что при малѣйшемъ возмущеніи, въ 24 часа Варшавы не будетъ, и я уже въ другой разъ ее не построю. На нѣмцевъ и французовъ — не надѣйтесь; они вамъ не помогутъ, но вы можете надѣяться на мою милость; чтите законы, любите своего монарха, увѣряю васъ, что только въ такомъ случаѣ будете счастливы, и старайтесь дать дѣтямъ вашимъ иное воспитаніе“.

II.

Дѣйствія польскихъ войскъ.

1831 г.

Вмѣсто наложенія донесеній Дибича о его планахъ и дѣйствіяхъ въ польской кампаніи и затѣмъ критическаго разбора тѣхъ и другихъ—въ Паскевичевскомъ спискѣ «Записокъ Давыдова» — помѣщенъ нижеслѣдующій разборъ дѣйствій польской арміи: это компіляція изъ сочиненія Солтыка, и едва ли не составлена переписчикомъ «Записокъ» для фельдмаршала Паскевича. Приводимъ ее вполнѣ.

Ред.

Солтыкъ въ сочиненіи своемъ показываетъ, что польская дѣйствующая армія, при началѣ военныхъ дѣйствій, состояла изъ

	Пѣхоты.	Конницы.	Всего.
13-ти полковъ пѣхоты, по 4 баталіона каждый, что составитъ 52 баталіона; полагающаго баталіонъ въ 800 человекъ	41,600	—	41,600
9-ти полковъ кавалеріи, по 5-ти эскадроновъ каждый, и 2 эскадрона карабинеровъ, что составитъ 47 эскад.; полагающаго эскадронъ въ 200 человекъ	—	9,400	9,400
Артиллеріи съ резервнымъ паркомъ на 126 орудій, полагающаго по 20 человекъ на орудіе	—	—	2,520
Фурштата	—	—	1,000

	Пѣхоты.	Конницы.	Всего.
Новосформированной пѣхоты	2,500	—	2,500
3-хъ баталіоновъ егерей, вооруженныхъ охотничьими ружьями и нѣсколько эс- кадроновъ кракусовъ.	1,000	500	1,500
Итого	45,110	9,900	58,520

Изъ сего слѣдуетъ исключить:

1) Гарнизоны крѣпостей Праги, Модли- на и Замостья	—	10,000	14,500
2) Отрядъ Дверницкаго	—	2,500	
3) Отрядъ Сѣравскаго	—	1,500	
4) Отрядъ въ Сандомирскомъ воеводствѣ	—	500	
Остается въ главной массѣ	—	—	44,020

Какъ войско сіе образовалось на мѣстѣ и не могло потерпѣть при образованіи своемъ ни малѣйшей потери отъ походовъ и бивуаковъ, то полагая баталіонъ не въ 800, а въ 1,000 человекъ и три егерскіе баталіона не въ 1,000, а въ 3 т., вся польская армія состояла изъ 81,920 человекъ, а гладная масса въ 67,420 челов. Сверхъ того формировалась резервная армія со всею послѣдностію, требуемою обстоятельствами. Она состояла изъ 16-ти полковъ пѣхоты, по 3 баталіона каждый, изъ 20-ти полковъ кавалеріи и изъ 3-хъ баталіоновъ егерей,—она долженствовала заключать въ себѣ до 90 т. человекъ.

Главная масса дѣйствующей арміи, поддержанная изъ послѣдней 2-мя полками пѣхоты и 18-ю орудіями, что по счету Солтыка вышло силу ея до 50 т. человекъ и 144 орудій, а по истинѣ до 73,760 человекъ, расположена была эшелонами большею частію отъ Праги до Добре и Калушина, по брестскому шоссе, меньшею же частію отъ Праги до Пултуска, по ломжинскому шоссе, занимая легкими авангардами съ одной стороны берега Нарева до Остроленки, а съ другой—берега Ливицы, и разсѣкая промежутокъ, находящійся между Бугомъ и Наревомъ, непрерывными развѣздами партій и патрулей, связывавшихъ большую и меньшую части арміи. Многіе изъ поляковъ справедливо порицали правительство свое въ недостаткѣ предусмотрительности касательно оборонительныхъ мѣръ.

Во-первыхъ, вмѣсто того, чтобы магазины, устроенные на счетъ жителей праваго берега Вислы, перемѣстить на лѣвый берегъ сей рѣки, правительство оставило ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они были устроены; непростительная безпечность, за которую царство дорого заплатило! „Всѣ сіи магазины, говоритъ Солтыкъ,—захвачены

были российскою арміею при первомъ ея движеніи, и польская армія, оставшись на скудномъ продовольствіи произведенія земли лѣваго берега, до того нуждалась въ пропитаніи, что правительство принуждено было производить закупъ хлѣба въ сосѣднихъ чужеземныхъ областяхъ посредствомъ чрезвычайныхъ цѣнъ и употреблять огромныя суммы, поступившія въ казну для другихъ не менѣе нужныхъ предметовъ.

Во-вторыхъ, великое число повозокъ собрано было для подвоза провіанта и фуража въ армію, но вмѣсто того, чтобы размѣстить ихъ по дивизіямъ или бригадамъ, повозки эти держали въ массѣ и чрезъ то умножили затрудненія въ постоянномъ и немедленномъ доставленіи продовольствія каждой части арміи особо.

Въ-третьихъ, никакого вниманія не было обращено на мѣстность, опредѣленную театромъ военныхъ дѣйствій. Вмѣсто того, чтобы воздвигнуть предмостныя укрѣпленія въ Плоцкѣ, въ Бобровникахъ, въ Мнишевѣ и укрѣпить тщательно Сирецкъ, что служило бы твердымъ опоромъ и основаніемъ оборонительному дѣйствію арміи на правомъ берегу Вислы, правительство обратило вниманіе свое только на исправленіе Модлинской крѣпости, на созданіе Прагскаго предмостнаго укрѣпленія и на обнесеніе укрѣпленіями Варшавы, не достигнувъ важности пунктовъ: Плоцкаго, могущаго оборонять нижнюю Вислу, Бобровниковскаго при впаденіи Вепржа въ Вислу, Мнишевскаго при впаденіи Пилицы въ ту же рѣку, и что еще непростительнѣе, не достигнувъ, какъ справедливо замѣчаетъ Солтыкъ, превосходство Сирецкаго пункта, давно самимъ Наполеономъ признаннаго важнѣйшимъ оборонительнымъ пунктомъ восточной части бывшаго Варшавскаго герцогства.

И подлинно, находясь на вершинахъ двухъ треугольниковъ: одного, имѣющаго основаніемъ Прагское укрѣпленіе и Модлинскую крѣпость, другого—Броки и Остроленку, Сирецкъ есть истинная заставка теченія Буга и Наревы, и потому фланговое положеніе и слѣдственно вліяніе на движеніе нашей арміи къ нижней или средней Вислѣ, въ обоихъ случаяхъ неизчислимо! Могли ли бы мы безпрепятственно пройти отъ Пултуска къ Плоцку (что мы впоследствии совершили); еслибъ польская армія, примыкая правымъ крыломъ къ Сирецкому укрѣпленію, а лѣвымъ — къ Модлинской крѣпости, двинулась вдоль рѣки Веры въ тылъ нашей арміи? Въ какомъ положеніи была бы тогда наша армія, принужденная принять сраженіе тыломъ къ Пруссіи, государству нейтральному, правымъ флангомъ къ Плоцкому укрѣпленію, занятому непріятельскимъ гарнизономъ, и угрожаемая, сверхъ того, лишеніемъ единственнаго сообщенія своего съ Россіею главною

непріятельскою арміею, которая, при самой неудачѣ своей, сохранила бы свободное отступление къ Сиродку и Модлину? Съ другой стороны, не въ томъ же ли положеніи мы были, дѣйствуя по брестскому шоссе къ Прагѣ или къ средней Вислѣ? Единственное направленіе польской арміи изъ Сиродка чрезъ Вишковъ къ брестскому шоссе пресѣвало сообщенія наши съ Врестомъ, т.-е. съ Литвою и Россіею и обращало насъ къ невольному избранію устядугскаго пути, и слѣдственно къ невольному же перемѣщенію нашего базиса на Волынь. Какого рода дѣйствіе могли бы мы избрать, подавленные съ одной стороны польскою арміею, подвигавшеюся на нашъ флангъ и тылъ, и имѣя возлѣ невольнаго избраннаго нами сообщенія Замостскую крѣпость и предъ собою два предмостныя укрѣпленія, Бобровники и Мишиевъ? Правда, что время года мало благопріятствовало инженернымъ работамъ; при всемъ томъ оно не совершенно препятствовало занятіямъ, ибо въ сіе же время исправлена была Модлинская крѣпость и возникло Прагское укрѣпленіе, безъ большого затрудненія.

Вдобавокъ ко всему этому, заключали поляки, правительство дѣйствовало по плану шаткому, темному, безъ увѣренности въ успѣхѣ и потому безъ силы воли, рѣшимости и упрямства въ достиженіи цѣли, однажды имъ избранной—и это суцая правда! ибо вообще съ нашей, такъ и съ непріятельской стороны главнокомандующіе не употребили ни энергіи, ни отважности въ предпріятіяхъ, требуемыхъ обстоятельствами. Сверхъ того, они обняли эту войну не съ той точки зрѣнія, съ каковой надлежало обнять ее. Они почитали ее войною обыкновенною, правильною, систематическою, исключительно подвластною стратегическимъ правиламъ. Это ошибка! Война эта, по существу своему, переступала за черту обыкновенныхъ войнъ, и хотя въ окончательныхъ соображеніяхъ необходимо долженствовала склоняться къ непреложному началу чистой военной науки, при всемъ томъ ей надлежало, и весьма часто надлежало, въ начальныхъ предпріятіяхъ миновать преграды, воздвигнутыя теоріею и ускользать отъ узъ педагогической строгости, укрѣпляя расчеты и средства имъ неподвластныя, а часто и противоположныя. Словомъ, это была война настолько же классическая, сколько романтическая. Ею должны были управлять начальники, похожіе въ военномъ отношеніи столько же на Швейсировъ и Байроновъ по вдохновенію и по отступленію отъ правилъ, основанныхъ на классическихъ истиннахъ, сколько на Буало и Расиновъ по сохраненію порядка въ безпорядкѣ дѣйствія и по соблюденію мѣры отступленій отъ коренныхъ правилъ при самыхъ злѣтнихъ предпріятіяхъ. Подобная снаровка не изложена ни въ какихъ учебныхъ книгахъ и наложена быть не можетъ. Она вѣд со-

ображеній исключительно военныхъ, исключительное познаніе коихъ врядъ ли достаточно даже для второстепенныхъ чиновниковъ, еще менѣе для главнокомандующихъ, долженствующихъ соединять въ себѣ и качества воина, и качества политика, и что-то еще болѣе, безъ чего ни военныя, ни политическія знанія ни къ чему не служатъ. Это отсутствіе обширности въ обзорѣ, проникательности, въ оцѣнкѣ обстоятельствъ и соотношеній между собою противоположностей, направленныхъ раздумьемъ на отважныя предпріятія, отличило въ теченіе всей войны предначертанія и дѣйствія большей части главныхъ начальниковъ обѣихъ воюющихъ армій. И должно признаться, что въ семь случаевъ начальники польскихъ войскъ превзошли нашихъ. Обстоятельства, въ коихъ они находились, требовали отваги въ дѣйствіи болѣе отъ нихъ, чѣмъ отъ нашихъ военачальниковъ. Ихъ успѣхъ зависѣлъ отъ быстроты и неожиданности движеній и ударовъ на тѣ пункты, которые по систематической войнѣ признаны неприступными, недосыгаемыми и за чертой позволительныхъ соображеній классицизма. Но для сего надо было забыть о личныхъ выгодахъ, жертвовать не только званіемъ, мѣстомъ, властію и жизнью—но болѣе чѣмъ жизнью—репутаціею, славою, будущею жизнью въ исторіи. Для сего надо было полное самоотверженіе, безъ воспоминаній, безъ сожалѣній, безъ вздоховъ о диванахъ, камингахъ и сытныхъ обѣдахъ, въ золотыхъ палатахъ оставленныхъ; безъ страха заточенія, висѣлицы, пули въ лобъ на лобномъ мѣстѣ, и наконецъ, безъ большого еще страха пересудовъ и осужденій военныхъ педантовъ, управляющихъ мнѣніями общества и потомства. Обнаженъ мечъ—надо было бросить ножны его въ пламя бивуака, слушаться одного собственнаго вдохновенія, ожидать награды отъ собственной совѣсти и идти безъ оглядки. Смыслимъ Богъ владѣть! вотъ что было нужно польскимъ военачальникамъ, и чего именно въ нихъ вовсе не доставало. И да престанутъ говорить, что ни въ какомъ случаѣ, ни съ какимъ военачальникомъ, ни при какихъ соображеніяхъ не было возможно польской націи ожидать успѣха по причинѣ несоразмѣрности въ силахъ съ ея противниками; что 73-хъ-тысячная армія съ 144 орудіями неминуемо должна была погибнуть отъ напора на нее 100-тысячной нашей арміи, влчившей съ собою 390 орудій. Это пошлая отговорка. Конечно, рано или поздно, Россія должна была укротить волненіе въ Польшѣ; но до этого укрощенія можно было нанести намъ опасные удары, продлить бореніе и отсрочить паденіе надолго. Все зависѣтъ отъ умѣнья, отъ знанія своего дѣла. Большая или меньшая численная сила не иначе идетъ въ счетъ, какъ на поляхъ сраженій; но привести на поле сраженія большее число войскъ въ сравненіи съ

войсками противника; но ринуть большее число войскъ на важнѣйшій пунктъ сего поля сраженія, принадлежитъ одному дарованію, принадлежитъ одному генію. Въ 1796 году три арміи, и каждая сильнѣе арміи, предводительствуемой Бонапартомъ, одна послѣ другой нападали на него, и каждая поодиночкѣ понесла пораженіе. Въ 1809 году Наполеонъ былъ въ десять разъ слабѣе австрійцевъ подъ Регенсбургомъ и Ландсгуттомъ, а чѣмъ кончилась борьба его съ эрцгерцогомъ? И наконецъ въ 1814 году онъ же предводительствовалъ арміею 23-ми тысячами слабѣе той, о коей здѣсь рѣчь идетъ, тогда какъ численная сила союзныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ него, доходила до 250 т. человекъ, а какова была кампанія? Онъ палъ оттого, что она постыдно оставила его одного въ минуту рѣшительную; но еслибъ Парижъ двое только сутокъ постоялъ за себя и чрезъ то далъ Наполеону время прибыть на помощь ему съ 50-ю т. войска, что было бы тогда? Кто тогда осмѣлился бы штурмовать каменный лабиринтъ сей изъ нѣсколькихъ тысячъ улицъ, между собою пересѣкающихся составленный, въ срединѣ коего находилась бы армія въ 50 т. съ 800 т. воспалительнымъ народонаселеніемъ и самъ Наполеонъ¹⁾? Возьмемъ въ уваженіе и то, что французская армія въ 1796 году въ Италіи и въ 1809 году въ Германіи нисколько не могла надѣяться на содѣйствіе себѣ народонаселеній, въ тылу австрійцевъ оставленныхъ, тогда какъ въ войнѣ съ царствомъ польскимъ мы были въ томъ же положеніи, въ какомъ была бы союзная армія въ 1814 году, еслибъ Парижъ дождался Наполеона. Литва, Бѣлоруссія, Волынь, Подолія и Украина, все шляхетство сихъ губерній кипѣло враждою на Россію, и готово было къ поднятію противъ насъ оружія всякаго рода, что впоследствии оно исполнило на дѣлѣ и съ гораздо большимъ рвеніемъ самихъ жителей царства, но при обстоятельствахъ гораздо менѣе благоприятныхъ. Итакъ, если новое польское правительство отъ безопасности своей дозволило арміи нашей безпрепятственно соединиться на границѣ царства, то по крайней мѣрѣ надлежало бы, укрѣпя пункты, о коихъ выше упомянуто, избрать центральную позицію арміи своей предъ Вислою и въ то же время образовать партизанскую войну въ тылу нашей арміи на обширномъ пространствѣ пинскихъ болотистыхъ лѣсовъ и въ бѣловежской пушчѣ, поддерживая набѣги партій вооруженнымъ населеніемъ Литвы и Во-

¹⁾ Въ это время 10 т. войска находилось между Версалью и Вандома. Въ парижскомъ арсеналѣ хранилось 54 т. ружей; вдвое можно было найти у жителей и независимо отъ артиллеріи, размѣщенной у заставъ города, 250 орудій на лафетахъ, съ ящичками полными зарядовъ, стояли на Марсовомъ полѣ. (Mémoires du Duc de Regio). Savary.

лыни. Ударяясь головою въ оплотъ, составленный изъ регулярной арміи и укрѣпленій, устроенныхъ на важнѣйшихъ пунктахъ предъ Вислою и угрожаемая съ тыла сильными и многочисленными партіями и народонаселеніемъ польско-россійскихъ губерній, армія наша была бы въ необходимости съ одной стороны къ подъятію изнурительныхъ трудовъ въ борьбѣ регулярной и систематической, а съ другой—къ отвлеченію силъ своихъ отъ боевой массы для защиты путей, по которымъ она должна была получать всѣ жизненные и боевые потребности, для войны необходимыя, на коихъ находились склады запасовъ пропитанія и зарядовъ, и посредствомъ коихъ сохраняла она сообщеніе съ внутренними губерніями имперіи.

Къ счастью, ничего этого не было сдѣлано, и польская армія, состоявшая изъ 81,920 человекъ дѣйствовавшихъ войскъ и 91 т. сформировавшихся, что составляло 172,920 человекъ, ожидала прибытія нашей арміи изъ 110,620 человекъ составленной. Впрочемъ, съ обѣихъ сторонъ всѣ эти силы разсѣяны были по всему царству и главныя боевыя массы состояли съ нашей стороны въ 98 т., а со стороны поляковъ въ 73 т., расположенныхъ эшелонами отъ соединенія шоссе воевнскаго и брестскаго, въ направленіи къ Пултуску и Калужину.

Сообщ. А. Распоповъ.

III.

Замѣтки о Запискахъ моего отца-старика Д. В. Давыдова.

Николай Лѣнинцевъ, о которомъ редація упоминаетъ въ предисловіи къ запискамъ моего отца, („Русская Старина“ 1872 г., т. VI, стр. 1—2), не былъ его родственникомъ и рукописный экземпляръ „Записокъ“ получилъ не отъ Дениса Васильевича, а отъ меня, и вотъ по какому случаю. Отецъ его былъ бѣдный симбирскій помѣщикъ и служилъ уѣзднымъ судьей въ городѣ Сызранѣ, въ тридцатыхъ годахъ. Изъ уваженія къ отцу моему, онъ весьма часто съ женою и съ дѣтьми ѣзжалъ въ наше имѣніе село Верхняя Маза, и вслѣдствіе общей страсти съ отцомъ къ псовой охотѣ, весьма полюбился ему. Бывши человекомъ добрымъ и простымъ, по старинному хлѣбосольству, проживалъ у насъ довольно долго съ чадами и домочадцами. А такъ какъ я былъ одноклассникомъ съ сыномъ его Николаемъ, то мы, дѣти, порой и учились вмѣстѣ, но всего больше шалили сообща. Отецъ мой, имѣя всегда желаніе сдѣлать изъ меня ученаго офицера и прельстившись программой преподаванія въ корпусѣ путей сообщенія, находившагося тогда въ апогеѣ своей славы, приготовлялъ меня къ поступленію въ означенный корпусъ. Въ то время главноуправляющимъ корпусомъ путей сообщенія былъ

графъ Карлъ Ѳеодоровичъ Толль, находившійся въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ отцомъ моимъ. Это побудило и старика Лѣвивцева приготовить своего сына въ тотъ же корпусъ путей сообщенія. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: и, несмотря на всѣ старанія и средства, учился вѣтreno, кое-какъ, а Лѣвивцевъ неутомимо и прилежно, и потому, несмотря на всѣ желанія принять меня, я на экзаменѣ срѣзался, а онъ былъ принятъ. Неудача моя обратила меня на другую дорогу, хотя столь же ученую, но не столь спеціальную — въ л.-гв. конную артиллерію, и я Лѣвивцева потерялъ изъ вида. Послѣ смерти отца моего бумаги его очутились у меня, вслѣдствіе возвращенія ихъ княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, которому матушка вручила ихъ для пересмотра. Въ то время генераль-лейтенантъ Александръ Ивановичъ Михайловскій-Данилевскій собиралъ матеріалы для исторіи финляндскаго похода. Какое, казалось бы, могло быть отношеніе между исторіографомъ-генераломъ и несчастнымъ прапорщикомъ, бѣгавшимъ изъ манежа въ гостинную, изъ гостинной въ манежъ? Къ несчастію, въ одной изъ гостинныхъ онъ, встрѣтившись со мною, удостоилъ меня спросить, доволенъ ли я составленною имъ біографіей отца моего для галереи генераловъ 1812 года. Я отвѣчалъ ему, что нахожу его біографію составленною прекрасно, но удивляюсь одному, гдѣ могъ онъ набрать всѣ нужные для того матеріалы, такъ какъ всѣ бумаги отца моего находятся у меня. При этихъ словахъ генераль Данилевскій разсыпался со мною на всевозможныя привѣтствія и любезности, и наконецъ, послѣ всевозможныхъ заискиваній, просилъ меня самымъ вкрадчивымъ образомъ привести всѣ бумаги къ нему для пересмотра. Я растаялъ, и явился къ нему со всею кинной. Онъ, увидавши въ числѣ ихъ воспоминанія о Кульневѣ и предположеніе о формированіи войскъ на лыжахъ, убѣдительно сталъ меня просить оставить эти бумаги у него. Несмотря на обаяніе генеральскихъ ласкъ, я твердо отказалъ ему, чувствуя, что это не моя личная собственность, а всей моей семьи, и увезъ торжественно назадъ свои бумаги. Но тутъ начались въ полномъ смыслѣ слова преслѣдованія его. Онъ даже снисходилъ заѣзжать въ мою скромную, чтобы не сказать больше, прапорщью квартиру, и наконецъ уговорилъ меня дать ему обѣ статьи о Финляндіи всего на одинъ день. Увы! этотъ день продолжается донинѣ. Генераль Данилевскій взялъ цѣликомъ цѣлыя страницы изъ означенныхъ статей и напечаталъ ихъ подъ своимъ именемъ въ его „Исторіи финляндскаго похода“, и кромѣ того, зажалилъ обѣ рукописи. По счастью черновыя находятся еще у меня. Несмотря на мои настоятельныя просьбы возвратитъ

мнѣ вѣтныя рукописи, онъ, какъ говорится, кормилъ меня завтраками, откладывая возвращеніе день за день, и наконецъ объявилъ мнѣ, что онъ мнѣ ихъ отдастъ, несмотря на то, что онѣ ему нужны, съ однимъ условіемъ, чтобы я ему отдалъ на время записки о польской кампаніи. Въ это время Лѣвнищевъ, уже выпущенный изъ корпуса путей сообщенія на службу, отыскалъ меня, и когда я ему въ числѣ прочихъ разговоровъ рассказалъ дѣйствія генерала Данилевскаго, то онъ, въ виду слабости моего характера и явнаго намѣренія генерала захватить часть бумагъ отца, предложилъ мнѣ отдать ему на сохраненіе рукопись о польской кампаніи, дабы имѣть предлогъ не поддаться на настойчивость генерала. Такъ и было сдѣлано. Какую, омутъ свѣтской жизни со всѣми ея тревоженіями, лагерная жизнь, кутежи и проч., свойственныя тогдашнимъ моимъ лѣтамъ, совершенно изгладили изъ моей памяти бѣднаго путейскаго офицера Лѣвнищева и находящуюся у него рукопись отца. Онъ отправился куда-то на работы, а я—на Кавказъ, и уже въ 1845 году узналъ о его смерти. Всѣ розыски мои о судьбѣ врученныхъ ему бумагъ остались тщетны. Все, что я только могъ узнать, и то только какъ слухъ, что онъ умеръ въ крайней бѣдности, кажется даже въ госпиталѣ, и что малое количество вещей его было продано. Съ тѣхъ поръ о рукописяхъ не было ни слуху, ни духу. Помню только, что кто-то сказалъ мнѣ, что видѣлъ бумаги отца моего у покойника Лѣвнищева. Нынѣ изъ предисловія редакціи „Русской Старинѣ“ узнаю, что онѣ имъ были переданы генералу Веселицкому, а тѣмъ затеряны. Для меня, къ счастью, эта потеря не имѣла послѣдствій, ибо всѣ статьи отца моего находятся въ двухъ или трехъ рукописныхъ экземплярахъ по причинѣ частыхъ его помятокъ, поправокъ и даже измѣненій. Слѣдовательно и записки о польской кампаніи имѣли, кромѣ потерянной рукописи, еще два экземпляра. Хотя редакція и говоритъ въ предисловіи, что эта оставшаяся часть Лѣвнищевской рукописи лучшая, но это несправедливо. Тотъ экземпляръ, который я доставилъ „Русской Старинѣ“, былъ вывѣренъ покойнымъ моимъ братомъ Денисомъ со вторымъ, который, по странному стеченію обстоятельствъ, попалъ въ руки покойнаго князя Петра Владимировича Долгорукаго, и имъ напечатанъ самымъ недобросовѣстнымъ образомъ въ Лондонѣ, въ 1863 году, въ 8°. Онъ въ этой книгѣ откинулъ больше трети и исказилъ все, сообразно съ его политическими и социальными взглядами. Жалѣю очень, что въ настоящую минуту не могу рассказать, какимъ страннымъ и вполнѣ незаконнымъ путемъ эти записки достигли до князя, и какъ я тщетно гонялся за нимъ по Лондону, чтобы требовать отъ него отчета въ его неблаговид-

номъ поступѣ. Теперь же ручаюсь, что рукопись, мною отданная покойному Лѣвинецу, была не такъ полна, какъ та, которая нынѣ явилась на страницахъ „Русской Старины“.

Въ біографическомъ очеркѣ о моемъ отцѣ („Русская Старина“ 1872 г., т. V, стр. 624—639) необходимо сдѣлать слѣдующія исправленія:

Стр. 624, строка 7 сверху, читай такъ: „Но пусть не сѣтуетъ на меня редакція, если я начну *ab ovo* и обращусь въ семейнымъ преданіямъ“....

Стр. 627, строка 7 сверху, напечатано: „могущество“ читай: „величество“.

Стр. 632, строка 10 снизу, читай: „тетка моя и мать Н. Н. Раевского по первому мужу“.

Стр. 634, строка 16 снизу, читай: „*Longtemps épargné*“.... тамъ-же: „*au champ d'honneur*“.

Стр. 637, строка 6 сверху, напечатано: „я тебѣ прямо говорю“... читай: „и тебѣ прямо говорю“....

Стр. 639, строка 14 снизу, послѣ словъ: „нынѣ они настали“. Читай: „Прошло сорокъ лѣтъ съ усмиренія Польши. Она съ тѣхъ поръ еще разъ попробовала помѣриться съ силами Россіи и пала снова подъ ударами другихъ ужевойскъ, подъ начальствомъ другихъ уже лицъ. Возстаніе 1830 года стало давно прошедшимъ временемъ, и со смертію лицъ участвовавшихъ въ подавленіи его исторія вступаетъ въ свои права. Для нея уже настало потомство, справедливо выслушивающее всѣ стороны, взвѣсивая всѣ данныя на безпристрастныхъ вѣсахъ и говорящая свое послѣднее правдивое слово. Вотъ причины, побудившія меня обратиться къ страницамъ „Русской Старины“ для сохраненія рукописей, въ которыхъ авторъ, со всею откровенностью стараго война, разоблачаетъ истину“.

„Рус. Стар.“, т. VI, на страницѣ 7-й сказано: „генераль-контролеръ Околовъ“. Не ошибка ли это? По моему это должно быть извѣстный генераль Окуневъ.

На стр. 10, строка 9 сверху, напеч.: „склонности“ читай: „пohоти“; строка 12 напечатано: „не намѣренно“ читай: „повивальной бабкою“.

Василій Давыдовъ.

Помѣщенное на стр. 635 („Рус. Стар.“, т. V) письмо Давыдова писано не къ С. Н. Ланскому, какъ тамъ замѣчено со словъ А. В. Рачинскаго его сообщившаго, а къ другу партизана А. Д. Ольшевскому — командиру бѣлорусскаго гусарскаго полка. С. Н. Ланской

убить подъ Краономъ въ февралѣ 1814 года; письмо же писано въ 1816 году, что совпадаетъ со временемъ сватовства Давыдова въ Кіевѣ.

Г. Вѣдой.

Владиміръ Лывошкинъ.

IV.

Въ дополненіе къ „Запискамъ Давыдова“ считаю не лишнимъ сообщить два его письма, списанныхъ мною съ подлинниковъ, хранящихся въ дѣлахъ бывшаго штаба арміи фельдмаршала Дибича. Первый изъ этихъ документовъ писанъ къ начальнику главнаго штаба его величества—графу Чернышеву:

1 января 1831 г.

„Не взирая на чрезмѣрное разстояніе между вашимъ сіятельствомъ и мною, разстояніе столь блистательными заслугами государю и отечеству вами, милостивый государь, приобрѣтенное, вы не преставали никогда оказывать мнѣ особой благосклонности. Теперь вамъ, какъ начальнику моему, предстоитъ случай прибавить къ оной благосклонности и благодареніе. Въ Польшѣ возникли безпокойства; полагать должно, что загремитъ скоро тамъ оружіе; если этому быть должно, то осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше сіятельство повергнуть къ стопамъ государя императора желаніе мое служить въ дѣйствующей арміи. Воля его священная употребить меня какъ, куда и чѣмъ его величеству угодно будетъ,—только за долгъ поставляю не скрыть отъ вашего сіятельства, что хорошо зная себя, я увѣренъ, что полезнѣе буду въ командованіи летучимъ отрядомъ, по чину моему составленнымъ, чѣмъ въ рядахъ, безъ собственныхъ вдохновеній и съ окочеваннымъ духомъ предпріятій.“

„Впрочемъ, смѣю повторить, ваше сіятельство, да будетъ священная воля монарха,—а я съ своей стороны ручаюсь честію русскаго солдата, что во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ не осрамлю высокую довѣренность его и благодарительное ходатайство вашего сіятельства“.

Это письмо, по высочайшему повелѣнію, препровождено было къ графу Дибичу, Денисъ Давыдовъ призванъ въ армію, и въ мартѣ мѣсяцъ получилъ въ командованіе летучій отрядъ. Дѣйствія его изложены выше въ „Запискахъ партизана“.

Изъ тѣхъ-же „Записокъ“ читатели видѣли, что не долго довелось Давыдову покомандовать отрядомъ въ томъ составѣ, въ какомъ онъ былъ данъ ему первоначально. Послѣ разныхъ урѣзокъ, отрядъ расплылся совершенно. Вслѣдствіе этого, Давыдовъ, глубоко обиженный, обратился съ слѣдующимъ письмомъ къ начальнику главнаго штаба арміи графа Толю:

18-го мая 1831 г.

„Ваше сіятельство, моя единственная подпора и надежда! Какъ въ великомъ 1812 году, такъ и въ текущемъ, вы постоянно мнѣ благодѣтельствовали и благодѣтствуете, и потому я смѣю утруждать ваше сіятельство моимъ собственнымъ дѣломъ, сопряженнымъ одишю и съ пользою общою.

„Въ половинѣ марта я, по особенной благосклонности вашего сіятельства, получилъ блистательнѣйшій отрядъ. Я дѣйствовалъ онымъ какъ умѣлъ, и слышалъ, что заслужилъ одобреніе ваше, что для меня выше всѣхъ награды въ свѣтѣ!

„Вскорѣ начали отсѣвать части моего отряда: вначалѣ взяли полкъ драгунъ, полкъ сильный, ибо состоялъ изъ 800 чел., прежде загоженныхъ и изнуренныхъ, а у меня послѣ нѣкоторыхъ понсковъ и приступа гор. Владиміра, опять почувствовавшихъ теченіе въ себѣ русской крови и на все готовыхъ. Потомъ взяли у меня казачій полкъ Платова; я все молчалъ, исполняя долгъ мой съ остаткомъ моего отряда. Наконецъ взяли у меня казачій полкъ Катасанова, такъ что оставя меня съ однимъ казачьимъ Кирѣева полкомъ, коего сила числомъ людей не простирается далѣе 300 чел., уничтожили совершенно отрядъ, столь милостиво вашимъ сіятельствомъ мнѣ довѣренный; ибо полкъ Кирѣева, имѣя своего полковника, не есть уже отрядъ, который составляетъ изъ нѣскольکو полковъ.

„Между тѣмъ я слышу, что генераль-майоръ Шереметьевъ сдѣлалъ партизанскій набѣгъ почти подъ глазами вашего сіятельства. Быть можетъ, что другой какой-либо генераль готовится то же исполнить, или исполнилъ уже, а я долженъ о томъ слышать, и вѣща рвеніемъ, готовый на таковыя же предпріятія, такъ давно вамъ извѣстный за знающаго свое дѣло, не имѣть способовъ дѣйствовать; ибо не имѣю войскъ, лишившихъ ихъ постепеннымъ разборомъ моего отряда.

„Такъ какъ я, сіятельнѣйшій графъ, состою по кавалеріи, не принадлежу никакому корпусу и никакой дивизіи, и такъ какъ по разсѣяніи отряда вашимъ сіятельствомъ мнѣ ввѣреннаго, я совершенно здѣсь безъ дѣла, то не удостоите ли вы меня позволеніемъ прибыть къ вашей особѣ для полученія отряда такого, каковой ваша извѣстная ко мнѣ благосклонность опредѣлитъ составить. Я на все готовъ, на все радъ, только предоставьте мнѣ счастье драться подъ вашего сіятельства распоряженіемъ и относиться единственно къ вамъ, какъ то было въ 1812 году, а не наблюдать непріателя вдалькѣ отъ васъ и безъ сношенія примаго съ вашимъ сіятельствомъ.

„Вѣрьте, сіятельнѣйшій графъ, чести моей, что ежели я и теперь всѣми силами стараюсь служить, какъ вѣрный сынъ отечества, то подѣ

непосредственнымъ вліяніемъ и начальствомъ вашего сіятельства все то сдѣлаю, что умственные и душевныя способности внушить мнѣ возможны“.

Графъ Толь отвѣчалъ, что графъ Дибичъ, принимая въ уваженіе, что при корпусѣ генерала Ридигера нѣтъ вовсе опытныхъ генераловъ, коимъ бы можно было поручить отдѣльную часть, не изъясилъ своего соизволенія на отозваніе Давыдова въ главную квартиру, но приказалъ, чтобы Ридигеръ употребилъ его при ввѣренныхъ ему войскахъ. Затѣмъ Давыдовъ и поступилъ въ полное уже распоряженіе генерала Ридигера, дѣйствовавшаго отдѣльно отъ главныхъ силъ фельдмаршала Дибича.

Сообщ. Дож—ія.

V.

Указъ Сенату о князѣ Чарторижскомъ.

6-го октября 1831 года.

Члена государственнаго совѣта и сенатора тайнаго совѣтника князя Чарторижскаго, нарушившаго присягу вѣрности и съ упорствомъ участвовавшаго во всѣхъ преступныхъ предпріятіяхъ польскихъ мятежниковъ до самаго окончательнаго ихъ усмиренія и покоренія оружіемъ нашимъ всего края, признавая недостойнымъ присутствовать въ государственномъ совѣтѣ и правительствующемъ сенатѣ, повелѣваемъ изъ списковъ службы исключить.

Сообщ. Г. Е. Ращинскій.

СУВОРОВЪ.

Архивъ внука его Кн. Италійскаго, гр. А. А. Суворова-Рымникскаго.

1729—1800.

Александръ Аркадіевичъ Суворовъ, свѣтлѣйшій князь Италійскій, графъ Рымникскій, весьма обязательно предоставилъ въ распоряженіе «Русской Старины» собраніе подлинныхъ бумагъ его родного дѣда — одного изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ всѣхъ временъ и народовъ. Собраніе это занимаетъ восемнадцать томовъ въ листъ, перешеденныхъ племянникомъ генералиссимуса—графомъ Дм. Ив. Хвостовымъ и составлявшимъ часть его громаднаго семейнаго архива. Послѣ смерти Хвостова, сынъ его, нынѣ покойный, передалъ «Суворовскія» бумаги кн. Александру Аркадіевичу; прочіе же документы историческаго и литературнаго содержанія до 80 томовъ, вмѣщающія въ себѣ весьма много интереснаго, перешли къ намъ при посредствѣ А. Ѳ. Волкова ¹⁾.

Разобравъ Суворовскія бумаги, мы прежде всего остановились на собственноручныхъ письмахъ генералиссимуса; онѣ занимаютъ пять объемистыхъ книгъ in folio. Всѣ онѣ по преимуществу писаны къ Д. И. Хвостову, съ приписками, а иногда и съ отдѣльными цидулками, къ дѣтямъ, а именно «Наташѣ» и «Аркадію», а также къ сестрѣ Марьѣ Васильевнѣ Олешевой; кромѣ того, есть письма къ императрицѣ Екатериинѣ II, императору Павлу, къ генералу П. И. Турчанинову, барону Ф. В. Сакену, гр. Н. И. Салтыкову, Ивану Романовичу Горчакову, Мерлину, гр. А. А. Безбородко, кн. П. А. Зубову, графу Николаю Зубову и друг. Тутъ же письма къ разнымъ лицамъ, завѣдывавшимъ имѣніями и дѣлами Суворова. Всѣ эти документы, по своему изложенію и содержанію, носятъ рѣзкій отпечатокъ особенностей характера въ высшей степени самобытной и своеобразной личности Суворова; эти особенности вошли такъ сказать въ плоть и кровь его до того, что—какъ увидятъ читатели—онъ не могъ отъ нихъ отрѣшиться даже въ перепискѣ съ самыми близкими для него существами.

Лаконизмъ, крайняя отрывочность изложенія, безпрестанныя недомолвки,

¹⁾ Изъ этого собранія мы сообщили Академіи Наукъ обширную коллекцію писемъ митрополита Евгенія Болховитинова, которыя были затѣмъ обработаны и изданы академикомъ Я. К. Гротомъ.

скрытія фамилій упоминаемыхъ лицъ подѣ буквы, едва-ли неумышленная темнота выраженій, вразумительныхъ лишь для тѣхъ, которые привыкли къ языку писавшаго — вотъ особенности нынѣ представляемыхъ читателямъ «Русской Старины» писемъ знаменитаго Суворова. Эти особенности отнимаютъ у настоящихъ документовъ большую долю значенія какъ матеріала для чтенія; матеріалъ этотъ по преимуществу для біографовъ Суворова и для изслѣдователей о его времени, но за то матеріалъ по истиннѣ драгоцѣнный; едва ли въ какихъ другихъ документахъ столь ярко очерчивается нравственная личность славнаго вождя, какъ въ этой массѣ отрывочныхъ, недосказанныхъ, безпрестанно затемненныхъ шутками, аллегоріями, плохенькими стишками бесѣдахъ его съ родными! Тутъ можно встрѣтить все: домашнія распоряженія о хозяйствѣ, непрестанныя заботы о пристройствѣ «Наташи», т.-е. о выдачѣ ее замужъ, отзывы о политическихъ событіяхъ, характеристики историческихъ дѣателей его времени, отзывы о друзьяхъ и недругахъ (къ послѣднимъ Суворовъ относилъ въ девятидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія знаменитыхъ кн. Никиту Васильевича Репнина и кн. Юрія Долгорукаго-Крымскаго), выраженіе неудовлетвореннаго честолюбія, сознаніе своихъ заслугъ и достоинствъ, раскрытіе и объясненіе казавшихся Суворову, а быть можетъ и дѣйствительно бывшихъ противъ него интригъ, наконецъ распоряженія по службѣ: о постройкѣ укрѣпленій въ Финляндіи, раскрытіе военныхъ плановъ и предположеній..... Конечно, есть письма и замѣтки малосодержательныя; таковыя мы опустили, но впрочемъ весьма немногія, такъ какъ въ нашемъ понятіи довольно одного какого-нибудь слова или выраженія, почему-либо интереснаго и характеристичнаго для того, чтобы строки, начертанныя рукою Суворова, заслуживали сохраненія для потомства.

Предлагаемая нынѣ переписка Суворова начинается съ 1791 года. Для возможности ея уразумѣнія напомнимъ главнѣйшія данныя изъ его жизни до этого года:

Александръ Васильевичъ родился въ 1729 году. Отецъ его—генералъ-аншефъ Василій Ивановичъ Суворовъ, бывшій въ семилѣтнюю войну кѣнигсбергскимъ губернаторомъ, превосходно очерченъ Волотовымъ въ I-мъ и II-мъ томахъ его записокъ (прилож. къ «Русской Старинѣ» 1870 и 1871 гг.). Пятнадцати лѣтъ Суворовъ поступилъ на дѣйствительную службу рядовымъ, въ л.-г. семеновскій полкъ. Въ 1754 году переведенъ въ армію поручикомъ. Въ семилѣтнюю войну, въ чинахъ майора и подполковника, Суворовъ обратилъ на себя вниманіе, какъ лихой партизанъ-наѣздникъ; командуя легучимъ отрядомъ, онъ одержалъ рядъ успѣховъ. Въ 1762 г. сдѣланъ полковымъ командиромъ одного изъ армейскихъ полковъ; съ этого времени начинаются чудачества, напущенныя имъ на себя для того, чтобы выдѣлиться изъ общаго уровня офицеровъ; чудачества его, а вмѣстѣ съ тѣмъ пламенная любовь къ нему подчиненныхъ, съ необыкновеннымъ умѣньемъ всегда имъ поддерживаемая, сдѣлали его популярнѣйшимъ полковымъ командиромъ. Въ 1768 г., въ войнѣ съ конфедератами, онъ командуетъ бригадой; въ 1769—1772 гг.—авангардомъ корпуса генерала Нумерса, потомъ Веймарна и отдѣльными отрядами. Чинъ генерала, двѣ звѣзды (въ томъ числѣ Александра Невскаго) и орденъ Георгія 3-го класса были наградами его подвиговъ.

Въ первой турецкой войнѣ, Суворовъ прославилъ себя переправою чрезъ Дунай, взятіемъ Туртукая (см. «Русскую Старину» 1871 г., т. IV, стр. 591) и нѣсколькими другими побѣдами. Воздаваемъ были: чинъ генералъ-поручика и орденъ Георгія 2-го класса. Извѣстно участіе его въ Пугачевщинѣ. Въ весьма

любимыхъ запискахъ Павла Рунича объ этомъ времени есть нѣсколько страницъ, безспорно драгоценныхъ для біографіи Суворова («Русская Старина» 1870 г., т. II, стр. 321—346).

Въ 1776—1779 гг. новый рядъ его подвиговъ: дѣйствія въ Крыму, на Кубани, въ Новороссіи и Ногайскихъ стѣнахъ показали, что этотъ человекъ—независимо отъ генія полководца—одаренъ былъ умомъ великаго администратора. Вторая турецкая война застала Суворова въ чинѣ генералъ-аншефа и кавалеромъ Владиміра 1-й ст. Побѣды подъ Кивбурномъ, Фокшанами, на берегахъ Рымника и штурмъ Изманда (11-го декабря 1790 г.) возвели его на вершъ славы; имя его стало громко во всей Европѣ. Орденъ Андрея Первозваннаго, шпага украшенная алмазами и лаврами, титулы графа римской имперіи (отъ Австріи) и графа Рымникскаго, орденъ Георгія 1-го класса, званіе подполковника л.-г. измайловскаго полка—были наградами. Потемкинъ изъ чувства зависти помѣшалъ Суворову тогда же получить жезлъ фельдмаршала. Изъ этого же недобраго чувства Суворовъ, по прибытіи его въ началѣ 1791 г. въ Петербургъ, былъ удаленъ въ Финляндію, съ порученіемъ укрѣплять границы.

Съ этого года начинается рядъ писемъ его къ роднымъ, которыми ввухъ Суворова, въ видахъ разработки отечественной исторіи и біографіи великаго своего дѣда, весьма обязательно представляеть имѣ на страницахъ «Русской Старины»....¹⁾

Въ письмахъ къ роднымъ часто упоминаются члены фамиліи Суворова; напомнимъ, что герой Рымникскій женился въ 1775 году на княжѣ Барварѣ Ивановнѣ Прозоровской. Бракъ этотъ, какъ извѣстно, былъ несчастливъ: Суворовъ послѣ многихъ огорченій (доля вѣны въ которыхъ падаетъ на него самого) развѣхался съ женой, и читатели его писемъ не безъ удивленія увидятъ, что онъ почти ни разу о ней не упоминаетъ. Отъ этого брака было двое дѣтей: дочь—Наталья и сынъ—Аркадій²⁾. Прилагаемъ краткое родословіе княжеской вѣтви фамиліи Суворовыхъ³⁾.

Ред.

¹⁾ Изъ поступившаго въ распоряженіе «Русской Старины» собранія Суворовскихъ бумагъ 14-ть книгъ были извѣстны Д. А. Милютину—при составленіи имъ второго изданія замѣчательнѣйшаго труда его: «Исторія войны 1799 года между Россіей и Франціей» (Сиб., 1857 г.). «Изъ всѣхъ означенныхъ 14-ти книгъ, пишетъ г. Милютинъ: извлечено мною все, что только могло относиться къ содержанію моего сочиненія; затѣмъ остается еще много нетронутаго матеріала собственно для жизнеописанія знаменитаго русскаго полководца и отчасти для исторіи его эпохи».

Ред.

²⁾ Кн. Аркадій утонулъ въ рѣкѣ Рымникѣ; см. извѣстіе о его смерти въ одномъ изъ писемъ кн. Мих. Ил. Голенщикова-Кутузова-Смоленскаго («Русск. Стар.» 1872 г., т. V, стр. 262).

Ред.

³⁾ Предокъ его шведскій выходецъ въ началѣ XVI ст. Въ роду Суворовыхъ были дьяки, стольники, степенный ключникъ кормоваго двора, воеводы. Десятнадцать Суворовыхъ владѣли населенными имѣніями въ 1699 г. (Рос. Родосл. книга, кн. Долгорукаго. Сиб. 1855 г., ч. II, стр. 65).

Ред.

РОДОСЛОВІЕ СУВОРОВЫХЪ.

(княжеская вѣтвь этой фамиліи).

○ Василий Ивановичъ, ген.-аншефъ, сенаторъ, св. Александра Невскаго кав., род. 1706 † 1776 г.

○ Александръ Васильевичъ, кн. Италийскій, графъ Римникскій, генералиссимусъ, кав. всѣхъ рос. орд. перв. степени и прус. орд. черн. орла, р. 13 ноября 1729 † 6 мая 1800 г. Женагъ на князѣ Варварѣ Ивановѣ Прозоровской, р. 1750 † 1806 г.

○ Анна Васильевна за генер.-поруч. кн. Ивановъ Романовичемъ Горчаковымъ.
○ Марія Васильевна за дѣйст. стат. сов. Алексѣемъ Васильевичемъ Огешевымъ.

○ Князь Аркадій Александровичъ, ген.-лейтенантъ, род. 4 августа 1780 г., утонувъ 13 апрѣля 1811 г. въ рѣкѣ Римникѣ; женагъ на Еленѣ Александровнѣ Нарышкиной, р. 1785 г. † 3 дек. 1855 г. (во 2-мъ бракѣ за кн. Вас. Серг. Голицынымъ).

○ Наталія Александровна, род. 1 августа 1775 † 30 марта 1844 г. за оберъ-штабмейстеромъ гр. Николаемъ Александровичемъ Зубовымъ, р. 1763 † 1805 г.

○ Князь Александръ Аркадіевичъ, генер.-адъют., ген.-отъ-ннфан., членъ госуд. совѣта; женагъ былъ на Любови Васильевнѣ Ярцовой. †

○ Князь Константинъ Аркадіевичъ, женагъ на Елисаветѣ Алексѣевнѣ Хитрово. † 22 февраля 1859 г.

○ Княжна Варвара: 1) за д. с. сов. Дмитр. Елагинъ. Башмаковымъ; 2) за кн. Андр. Ив. Горчаковымъ, ген.-отъ-ннфантъ.

○ Князь Аркадій Александр. род. 1833 г. Женагъ на Базилевской (въ 1 бр. за Шунинскимъ, во 2 бр. за гр. Николаемъ Александровичемъ Кущелевымъ-Безбождко р. 1835 † въ Ниццѣ 11 апр. 1862 г.).

○ Княжна Александра Александровна.

○ Алекс. Дмитріевичъ Башмаковъ.

1.

Суворовъ — Хвостову.

Кюменгородъ, ч. 11-го іюня 1791 года.

К. Петру Николаевичу (Долгорукову) покорнѣйшее мое почтеніе; я очень отъ вояжей и дѣла усталъ, насилу это письмо кончу.

Господинъ полковникъ князь Алексѣй Ивановичъ (Горчаковъ) благодарите Бога ревностью къ службѣ вашей, великой императрицѣ, и въ моральномъ видѣ будьте моральны.

Что дитя читаетъ, шьетъ, выжеть и для здоровья прыгаетъ, гуляетъ, за рапортъ благодарность П. Гр — чу (Корицкому).

Дмитрія Ивановича (Хвостова) поздравляю съ наслѣдникомъ Магометовымъ; желаю скоро поздравить съ Наташею въ отцовскомъ домѣ, хоть бы тамъ, батюшка, мѣсяца два ее не видалъ, да сердце его будетъ спокойно. Ай-да душа моя, Наташа, поѣзжай на кораблѣ, то-то тамъ весело кататься и вездѣ тамъ кошечки; какихъ же у насъ ловятъ прекрасныхъ дососей живыхъ. Я въ пятницу пишу, а ты въ пятницу хотѣла поѣхать къ графинѣ Натальѣ Володиміровнѣ; вотъ приходитъ въ одинъ день, и въ самый тотъ часъ, какъ ты гдѣ-нибудь кушаешь, и мнѣ пора кушать. Много писалъ, глаза будто въ стеклышкахъ, что на носъ надѣваютъ. Божіе благословеніе съ тобою! Поцѣлуй за меня тетушку.

2.

Кюменгородъ, ч. 19-го іюля 1791 года.

Судите вы, Дмитрій Ивановичъ (Хвостовъ) сами: надобна ли иногда сія цидула, чтобъ мѣсто добраго слова не было огласки; знаетъ вн. П. Н. Долг.: вотъ пунктъ моего кораблекрушенія.

Petites causes produisent les grands événements — пишите ко мнѣ о слухахъ, новизнахъ, малыхъ происшествіяхъ, правящихъ часто жребіями; чрезъ моихъ курьеровъ мнѣ вѣрно доходить будетъ.

Крейсованье за вѣтромъ не состояло, я не былъ.

Душа моя, Наташа, здравствуй; я безъ тебя очень не весель; лишь бы ты была съ тетушкою, Христосъ съ тобою!

3.

Ч. 19-го іюля.

Между нами: вы знаете у меня больше всего на сердцѣ благонравіе моего невиннаго ребенка, при высоч. милости, только-что ей пока жить въ отцовскомъ домѣ, у ея двоюродной замужней сестры. Дойдетъ до васъ, будь ваше доброе слово.

4.

Кюменгородъ, ч. 20-го іюля 1791 года.

Сонное суетѣрство. Нѣчто о томъ слыхали. Нынѣ я видѣль, потерявши, отыскавши Наташу, въ присутствіи вел. гет. съ 5-ю Мальтицкими дѣвицами на ряду калмыковатую съ горбомъ, такъ что размѣялся.

Поди, поди гетманъ,
 Казакъ твой на арканъ,
 Ты Терзиту подобенъ.
 Магъ пошлетъ Геркулеса,
 А ты пошлешь Зевеса,
 И Царь-Градъ вамъ покоренъ.

Г. Н. І. С. (Салтыкова) сынъ... Тупой отвѣтъ, — для чего не помолвка, сговоръ, обручане: отложить года на два; холодный отвѣтъ: почиваетъ тутъ цѣль! К. П. Н — у здѣсь особо не пишу, будьте съ нимъ откровенны. Какава? Ускромя, г. А. П. (Шувалова) Гет. и сераль — Боже соблюди!

Между тѣмъ не въ оковахъ, въ ласканіи: чужіе края — и то временить.

Не слышу, отсутственъ, предвижу обновившуюся возрастную силу, Перунъ въ рукахъ, кто не припадеть? Летитъ моя глава....

К. П. Н. (Долгорукой) ясно пишеть; пишете и вы, всякой своимъ мысли.

Ни пропозиція, ни докладъ, рѣшимо судить: я далеко.

Безъ сочиненнаго, не загадкой, чисто: знакомымъ — ласково.

Г. П. Ал. С — тъ съ отвѣсомъ, твердъ, мнѣ усерденъ.

У П. А. (Зубова?) длятъ, избираютъ время, у гет — а (гетмана) все секунды.

Всѣ мои письма, къ кому бы ни были, лично вручать — кто бы ни былъ. Кор. иной вѣрный.

Здѣсь скоро не кончится, до разоруженія, позже и недовѣдомо. Отлучка — простужаетъ; власть коварству, крамолѣ — невозбранная. Но гдѣ-жъ Наташа? Утверждена ли у васъ, что за препятствы? Пріятное обличается само собою, непріятное послѣшно объяснять для мѣропріятіевъ. Малыя причины рождаютъ великія приключенія.

Цѣлую тебя, Наташа!

5.

Кюменгородъ, ч. 22-го іюля 1791 года.

На письмо ваше сего отъ 19-го ч. Я бы очень желалъ получать ваши политическія газеты, какъ онѣ меня въ здѣшней глуши непре-

мѣнно интересоваться должны; письма вѣроятно доходятъ; и догадки руководствуютъ хотя бы и сумнительно. Нужнѣе неприятное извѣстіе для преодоленія, нежели пріятное — для утѣшенія. Но

Съ Наташею не рѣшено. Боже мой! что такое? Крушусь....

Сегодня празднуемъ въ Роченсальмѣ.

Н. П — ъ и то. К. Н. В. Реп — у при 1-мъ классѣ. Одного желѣю истинно такого-жъ и другого, токмо не по зависти, ниже ревнованію моему, но по таковымъ въ титулѣ ближняго и публики вкупѣ съ успѣхами Ив. В. Гуд — а не навлекаетъ ли мнѣ то упадокъ?... Какъ особливо мнѣ здѣсь скучнѣе и тяжелѣе тамошняго. Отъ П. Г. Кор(ицеаго) тоже получилъ и лишь о здоровьѣ.

Любезной Наташѣ благодарность за письмо и благословеніе Божіе!

Письмо къ П. И. Т. (Турчанинову) по казенному — отвезетъ и курьеръ.

Е. в. цевъ — ъ (цесаревичъ) ко мнѣ милостиво своеручно писать изволилъ.

К. П. Н. Д. (Долгорукому) мое почтеніе; письма нынѣ отъ него не было.

6.

Роченсальмъ ч. 4-го августа 1791 года.

Придворный лакей, г. Людвигъ, человѣкъ женатый, въ Царскомъ-Селѣ, получалъ отъ меня въ недѣлю 5 руб., добрый и умный человѣкъ; хорошо бы его имѣть домовымъ пріятелемъ. Здѣсь ему на домашніе расходы въ титулѣ несвиданья мѣсяца 25 руб. (коли не мало), и принялъ бы.... Такъ и впредь были бы мѣсяцы (не надобно ли что милое и бывшимъ у мѣна истопникамъ?)

Вправду, не пошлете-ли оду к. Н. В. Р. (Репнину)? Тѣмъ пинты утверждаютъ въ патриотствѣ. Какъ думаете?

Въ Тоузаковѣ мнѣ здѣсь крайняя нужда, какъ слабъ, даль бы ему здѣсь полный покой.

Наташа! мѣсяць — что уѣхалъ — мнѣ казался одинъ годъ. Я очень сожалѣю, что тебя, душа моя, такъ весьма долго время тебя не видалъ и дядюшку и тетюшку, Христось съ тобой!

Адресъ: «Его высокоблагородію, милостивому государю моему, Дмитрію Ивановичу Хвостову».

7.

Кюменгородъ, ч. 6-го августа 1791 года.

Что за слухи? Будто подѣ Мачиномъ наши потеряли нѣсколько сотъ больше — это не важно; притомъ, что визири тутъ не было. Турки послѣ перешли Дунай въ Валахіи. К. Г. А. (Шотемкину) по-

вельно атаковать визиря въ Шумнѣ. Дошло, что у него 12 мил. въ Гол. С.-П.-Б. долги заплатить изъ казны.... Такіе и подобныя интересуютъ. К. Н. В—у Р—у, какъ патріоту, желаю блага.

Буде тѣ не милост. извѣстія отъ к. Г. А—а, то неколи имѣ посѣтъ. Я ближе въ Россіи, Кор. (Корицкій) въ его хутору; я окованъ Наташею, онъ раскованъ и сестрами, честь его иногда въ хорошемъ слогѣ и тонѣ. Переселится Наташа до моего возврата; докладъ его мнѣ поздъ, хотя бы онъ былъ и для ускромленія мнимаго беззаботія, и мечтательно препятствіе мое. Она въ бурѣ безправна? Вы и онъ съ нею нѣсколько часовъ, прочіе на клавикорды и Рыдѣвыхъ. Кто при дворѣ мнѣ отзывается зложелательнымъ? Надобно ихъ имена мнѣ знать для ежевременныхъ предосторожностей, и чтобъ не принять ель за сосну.

Вотъ недѣля, что я отъ васъ ни строки не получалъ. Уже нѣтъ ли неприятнаго? но и сіе должно вѣдать скорѣе пріятнаго. Обнимаю васъ.

Для домашняго здѣсь Тоузаковъ мнѣ необходимъ. Никого нѣтъ. Курисъ не здоровъ и вовсе ускромился.

Любезная Наташа, Божіе благословеніе съ тобою!

Адресъ: «Его высокоблагородію, милостивому государю Дмитрію Иваловичу Хвостову».

8.

Кюменгородъ, ч. 8-го августа 1791 года.

На послѣднія ваши, но и на всѣ, хотя зрѣло разсуждать; токмо полно, тяжело за отлучкою; догмы на противостоянія требуютъ ежевременнаго частнаго раздробленія, для мгновеннаго по сихъ производства, подобно какъ фортуна на быстромъ лету имѣетъ на лбу длинныя волосы—лови, затылокъ голъ—не поймать.... К. П. не о К. К.—К. Г.—это малость, на сихъ патріотъ не стой, иди далѣе, онъ колоссъ! Непріятно, слухъ уменьшаетъ побѣду к. Н. В. Р—а, перевѣсу нѣтъ; армія побѣетъ визиря—онъ генералиссимусъ; Г. А. Г. О. Ч. ¹⁾), Θ—ъ паче какъ миръ, г. А. А. Б—о (Безбородко) канцлеръ, вотъ и триумвирать... Хотя бы того не было, но возможное (письма мои не вѣрять, отберите изъ нихъ читать—сказывать), тогда коли связаны—опрокидываютъ, разгласны—колеблютъ. Колоссъ сей власть свою держать долженъ и еще по правилу, что не возрастаетъ—упадаетъ; Перунъ его грозить, его рогъ изобилія привлекаетъ. Какое-жъ средство? Надеждою питать.... Титла безъ власти или съ уменьшеніемъ ея, чинъ страшень! Хотя бы к. Н. И. С. (Салтыковъ) принялъ по

¹⁾ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

побѣдѣ надъ визиремъ, хотя бы тогда к. Н. В. Р. и Ѳ — з не удержать балансъ, въ существительномъ развѣ, въ лицемѣрномъ патриотствѣ, что еще опаснѣе, нынѣ обузданъ его самолюбіемъ и ложнословіемъ мачинской побѣды, которою мечталъ миръ! Буде унижилъ к. П. блистаніе дѣла, сколько-жъ онъ слабъ протягать сію.... По побѣдѣ надъ визиремъ, чѣмъ далѣе к. П. (Потемкинъ) пойдетъ, тѣмъ опаснѣе; я помню дерскій приказъ — арнауты принадлежать гет — й булавѣ. Онъ имѣеть инсигніи донскихъ и иныхъ казаковъ; его поминають за выносомъ безъ синода, съ прибавленіемъ его арміи военной; газетчины даютъ ему І. Я легкой временщикъ, и для него прахъ, развѣ быть въ такъ-называемой его арміи помощникомъ к. Н. В. Р. Какое-жъ было бы мнѣ полномочіе? вогнавши меня во вторую ролю, шагъ одинъ до послѣдней; я милости носилъ, но былъ въ ссылкѣ и прописаніи, не говорю общемъ отдаленіи и странствованіи въ чужихъ краяхъ.

Твердый дубъ падаетъ не отъ вѣтра или самъ, но отъ сѣбири. Здѣсь колебался к. П., тамъ к. Н. В. Р. далъ ему новыя силы, такъ чтобы лучше вовсе не было Мачина. О предградѣ къ предосторожности упомянулъ выше.

9.

Г. А. Р. В. (Воронцовъ) твердъ самъ и въ совѣтѣ, но долженъ быть усиленъ.

П. В. З. (Завадовскій) добръ въ софизмѣ и сцеттикѣ, мало догмы. Н. Н. Р. З. забрызжетъ. О другихъ противостояніяхъ к. П. ищите въ прежнихъ моихъ письмахъ, хотя во всемъ спѣши по малу; но ожидать отъ времени тожъ, что давать голову въ петлю.

И засыхаетъ роза! ежели съ сыномъ г. Н. И. (Салтыкова) отложено, не довольно ли? На что было надеждою питать, что останется тамъ, гдѣ я въ С.-П.-Б — ѣ живу, и не видно ли, что я годенъ, но равенъ г. М. П. г. Б. г. Ч — у. У васъ постигнуть можно причины, опишите: мнѣ ихъ, не дѣло мое до такъ-называемой точности, чѣмъ тупозрачность покрывается. Берите происходящее съ худой стороны. Но я еще и не г. адю — тъ; видите меня готовымъ быть Наташу отдать Б. Малт — ѣ (Мальтицѣ) безъ шума, какъ казнили въ Бастиліи; но при возвращеніи двора въ С.-П.-Б., страшась безнравія, будетъ г. Н. В — а присмотръ надъ ей, какъ былъ до моего возвращенія, которое скоряе и соверши Господь Богъ! М. Б. (Богородицы) подъ покровъ; писать мнѣ для Нат. себя облегчать, я безъ того пишу. Хотя П. Г. Кор — у (Корицеому) я благодаренъ, но остатки его гибкости цвѣтутъ ко вреду. Для Наташи предлогъ болѣзни, коли и то встатѣ.

Постигнуть: 1) препорученія мнѣ здѣсь прибавляются; 2) стремглавное мое сюда подъ праздники удаленіе (давно Г. А. Г. О. Ч. (Орловъ-Чесменскій) со мною одну штуку игралъ).

Все таковое мнѣ надобно безъ ублаженія знать для мѣропріятіевъ къ разрушенію тайнаго подкона.

Здравствуй, любезная Наташа!

П. А. З. (Зубову) о докладѣ... вѣжливый отказъ. На что было томить? Но, о! Катонъ, смотри глубину. Боже! истина въ маскѣ, тотъ же Стиксъ по степенямъ. Таже Мальтицъ, тоже мѣсто, тѣже обстоятельства. Тотъ же Барят. (Барятинскій) — в. Г. А. (Потемкина) наперсникъ, и никто иной, какъ онъ нынѣ переселиемъ дѣйствуетъ. Судите физику вещи, у васъ — одно, у К. Г. А. — 101 орудіе. Особа та, что меня отравляла, 3-жды 3 раза его орудіемъ моего ниспаденія. Онъ власть имѣетъ ихъ испытывать, перемѣнять, приобрѣтать новыя, и стыдъ до него коснуться не смѣетъ. К. Ухт. и инныя — дѣти; глаза болятъ, повѣрять не кому. Тоузакова еще нѣтъ изъ благодарности. Корицкій приѣзжайте разговѣться къ Успѣввію на словесность; не будьте только угоднымъ, но полезнымъ, постигайте лучше нежеле по дохмат. Мон. напускъ съ Вас. Степ. (Поповымъ) и докладѣ Малт., вотъ какіе плоды мое геройс... Не явилась ли лесть? Удаленъ отъ двора и контрастъ скрытъ онъ гоненія — освѣчено ли! и далеко ли отъ уподобленія ссылкѣ Астр — й (Астраханской)? остается въ недоумѣніи, но заскромдять и того хуже. Въ штигѣ я разума не чту, сдѣлай по моему.

Наташѣ и тетущкѣ покорнѣйше благодарю за вишеньки.

Та тетущка и Мальтица съ ея дѣвицами право ничего не значать, только умѣтъ съ ними управляться; первая проста, желательна, чтобы была объяснена, и что все то для новиціата; какъ она добронравна, вторая-жъ дряхла, безнравна и труслива. Неужли меня съ Рылѣвымъ поровняютъ? но и по галломаніи тѣ дѣвушки взрослыя, себя разумѣютъ и моего ребенка орѣхами замечуть. Опять Корицкій, по его-то — въ красныя рассказы, по моему-жъ — примѣчаніе для дѣйствія.

На нашѣ дѣло що входиты якъ хочѣ, може южъ самъ скоро буде А. М. Т.

У него какой мусіе на головѣ созжетъ вержетъ. Не то спалить.

И мнѣ то диво, Г. Н. И. (Салтыковъ), предназначившемуся въ родню, какъ стерпѣтъ, чтобы Мальтица ѣздила съ нѣмкою! тогда и дочь мнѣ не дочь.

10.

Сакенъ — къ Суворову.

(Переводъ). Ваше сіятельство! Графиня живетъ съ ея кузиной, что возможно, пока двора нѣтъ здѣсь, но коль скоро онъ вернется, нѣтъ никакой причины ея удерживать. Вы знаете, какими красками росписывали враги ваши поступки, когда вы требовали ея возвращенія. Самолюбіе—вещь щекотливая, и вы умѣете шадить даже частныхъ лицъ; впрочемъ, уже нѣтъ здѣсь того человѣка, который могъ бы бросить на васъ тѣнь; поэтому мой совѣтъ былъ бы: дѣйствуйте съ большею деликатностью. Нужно, чтобы графиня была уже при дворѣ въ тотъ день, когда императрица вернется въ городъ. Что миръ заключенъ—это вѣрно, и поговариваютъ о поѣздѣ двора въ Москву для празднованія его. Этотъ случай не самый ли удобный изъ всѣхъ, какіе только можно было придумать, чтобы оставить графиню тамъ? Всѣ приличія были бы соблюдены, а невинность ея навсегда ограждена отъ всякаго преслѣдованія.

Г. Тоузаконъ дѣйствительно боленъ; онъ отправился за 30 верстъ, чтобы полечиться. Признаюсь вамъ, что въ вашемъ домѣ не дышатъ здоровымъ воздухомъ. Онъ соединяетъ нечистоту съ многими другими неприятностями. Я знаю, графъ, что вы, по своей скромности, всегда предпочитаете хижину мужика дворцу князей. Великій мужъ славится добродѣтелью; но я знаю, какъ много вы любите чистоту,

(Подлинникъ). Monsieur le comte! La comtesse demeure avec sa cousine, et cela passe autant que la Cour n'est pas ici; mais aussitôt qu'elle revienne, il n'y a aucune raison à donner pour la retenir. Vous connaissez les couleurs sous lesquelles vos ennemis avaient peint votre démarche lorsque vous la redemandiez. L'amour-propre est une chose délicate et vous savez ménager même celui des particuliers. D'ailleurs l'homme qui pouvait vous donner de l'ombrage n'est plus ici. Mon avis est donc, qu'il faut agir avec la plus grande délicatesse et que le jour que l'Impératrice rentre en ville, la comtesse soit déjà à la cour. La paix est sûre et on parle déjà du voyage de la Cour pour la célébrer à Moscou. Cette occasion ne serait-elle pas la plus heureuse que toutes celles qu'on aurait pu imaginer pour faire rester la comtesse là bas? Toutes les convenances seraient gardées et son innocence mise à jamais à l'abri de toute atteinte.

M-r Tousakow est réellement malade; il est allé à 30 verstes d'ici pour se rétablir. J'avoue que votre maison n'est pas un endroit où l'on respire un air sain, elle réunit plusieurs désagrémens avec la plus grande malpropreté. Je sais, Monsieur le Comte que Votre modestie naturelle vous a fait toujours préférer les cabanes des paysans aux palais des princes. Un grand homme brille

она эмблема вашего нрава. Хотите, чтобы сказала, что вы переносите эти вещи, столь противныя вашему характеру, только потому, что онъ вамъ мало стоитъ. Вамъ поручаютъ новые труды, потому что очень рады найти человѣка, такъ хорошо и дешево ихъ выполняющаго. Это только дальнѣйшія приготовленія къ предвидимой войнѣ. Но ежели хвалятъ ваше безкорыстіе, то въ то же время и обвиняютъ васъ въ томъ, что вы не платите солдатамъ. Смѣю напомнить вамъ нѣмецкую пословицу, извѣстную всему міру, отъ хижины и до престола, даромъ одна смерть. Вашей справедливости и добродѣтели должно быть больно слышать, что говорятъ, что вы хотите приобрести себѣ заслуги насчетъ тѣхъ, которые служатъ вамъ орудіемъ. Графъ Салтыковъ принялъ меня милостиво и обѣщаль свое ходатайство, и слѣдуетъ ожидать какого бы ни было послѣдствія. Впрочемъ, всегда буду сочувствовать вашимъ благодѣтельнымъ намѣреніямъ, и имѣю честь быть съ глубокимъ почтеніемъ и истинною привязанностію и проч. Сакенъ.

Петербургъ, 11-го августа 1791.

11.

Суворовъ—Хвостову.

Августа 12-го дня 1791 г.

Милостивый государь мой, Дмитрій Ивановичъ! Спасаящийся шведскій поручикъ Карлъ Юганнъ Гардингъ слѣдуетъ въ С.-Петербургъ,

par ses vertus, mais je connais aussi le cas que vous faites de la propreté; elle est l'emblème de la pureté de vos mœurs. Voulez-vous qu'on dise que vous ne souffrez des choses si contraires à votre caractère, que parcequ'elles vous coustent peu?

On vous charge de nouveaux ouvrages, par ce qu'on est charmé de trouver un homme qui s'en acquitte si bien et à si bon marché. Ce ne sont que des précautions lointaines et nullement amenées par la probabilité d'une nouvelle guerre, mais si on loue votre désintéressement on vous donne aussi des torts, de ce que vous ne payez pas les soldats. J'ose vous rappeler ici ce proverbe allemand, dont on est pénétré d'un bout du monde à l'autre, depuis la cabane jusqu'au trône: umsonst ist der Tod. Votre justice, votre générosité doivent être blessées à entendre dire, que vous voulez vous faire mérite au dépend de ceux, qui vous servent d'instruments. M-r le comte Soltikow m'a reçu avec bonté et m'a promis sa protection; il faut en attendre le résultat. Tel qu'il soit, je serai toujours pénétré de vos intentions bienfaisantes et j'ai l'honneur d'être avec les sentiments de respect et d'attachement dont ma franchise fait foi Monsieur le Comte de Votre Excellence le très-humble et obéissant serviteur Sacken.

Pétersbourg, le 11 Août 1791.

котораго не оставьте принять ласково и благосклонно, какъ ищущаго покровительства. Когда захочетъ остаться, дать квартиру и столъ, какъ и инныя выгоды. „Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій“.

12.

Суворовъ — Н. И. Салтыкову.

Кюменгородъ, ч. 17-го августа 1791 года.

Милостивый государь мой, графъ Николай Ивановичъ! Съ симъ славнымъ миромъ васъ поздравляю! Свидѣтельствую Платону Александровичу (Зубову) мое почтеніе.

Ни о женихѣ — что рано, ни о богатствѣ, ни о свѣтскихъ посвященіяхъ моея дочери не мышлю, но о одномъ цѣломудріи; не она — но оно дороже мнѣ жизни и собственной чести. Всегда съ совершеннымъ почтеніемъ, дружбою и преданностью и проч. „г. Александръ Суворовъ-Рымникскій“.

13.

Суворовъ — Хвостову.

Кюменгородъ, (августа) ч. 20-го 1791 года.

За письмо сего отъ 17-го ч. князя Петра Николаевича (Долгорукаго) покорно благодарю, съ дружбою и почтеніемъ. Очень недосугъ; вчера мы праздновали миръ на Орлиномъ острову.

Любезная моя дочь Наташа, Божіе благословеніе съ тобою!

И ваши 17-го ч. „Не слушайте сихъ пріятныхъ грековъ съ волнистой бородой и украшеннаго юностью“, говорилъ Катонъ; сенать ему насмѣялся, ими изумленъ и обманутъ. Кор. (Корицкаго) красный слогъ подобенъ; къ тому-жъ, загадкой извлечетъ слова равно къ вреду или пользѣ, дастъ ему отвѣсъ, назоветъ совѣтомъ и умоетъ руки. Шествуйте одною стезею благоразумія вашего, на мѣстѣ вы постигли выше моихъ предвидѣніевъ.

Извлечъ изъ дворца Наташу. О! ежели Господь Богъ въ томъ препособилъ! худо. Б. Сакенъ не назвалъ мящихъ особъ, буде К. И. Сакенъ, то суперфино г. Г. А. Ост. (Остенъ) околodenъ, жена его въ нимфоманіи; г. Н. И. С. (Салтыковъ) правимъ женою; ея гороскопъ, при вступленіи ко двору первые три дня первая, вторые три дня — въ войнѣ со всѣмъ дворомъ и придворцами. Упряма — въ своенравіи, въ цѣломудріи — непорочна.

Душа моя, Наташа! очень тебѣ благодарствую за гостинцы и покорно кланяюсь тебѣ, дядюшкѣ, тетушкѣ и Софѣ Ивановнѣ; отъ нихъ и отъ нее тверди уроки о благонравіи.

Къ полезнымъ угодностямъ какъ лучше ж. н. х. (жениха?), что не разглядить Аполлона и Меркурій на крылошкѣ подхватить. О! какъ же гнусно... Я радъ, что теперь пролицъ, звать выписался прежде.

Увы! бурная погода отбиваетъ отъ работъ, вѣтеръ ушибъ чело-вѣка и 5. в. (верстъ) идти осушаться; ужасно боюсь...

Изъ сего и сихъ всегда открывайте, кому что надлежитъ. Влагая, обращаю для соображеніевъ.

14.

Роченсальмъ, ч. 7-го сентября 1791 года.

Сего числа, въ темнѣйшую полночь, выступалъ я къ Римнику, отчего и ты, Наташа, Римникская; я весьма благодарствую, что ты твоему бѣдному офицеру отдала для гостинца; ежели послѣ такъ будешь думать и дѣлать, то Богъ тебѣ станеть давать два гостинца, такъ и тетухкѣ. Мы вчера кушали первую салакушу, такая жирная; дождь идетъ, камни стрѣляютъ, какъ изъ пушекъ, бревна ломаютъ, сортія упала. М..шій вы можете быть Лизандромъ, я не великій царь. Рибасъ лучше въ Италію, нежели принять на себя, Сам. не знаетъ, Лаш. не смѣетъ, вотъ возрастъ страшнаго наставленія, ужаснѣе $\frac{6}{12}$ цѣнь на духъ достойнѣйшихъ? Страдалъ я при концахъ войны: прусской — проигралъ старшинство, Польша — бѣгъ шницрутенной, прежней турецкой — ссылки съ гонорами, Крымъ, Кубань — проскрипціи; нынѣ благотворностью Провидѣнія, наставленіевъ (К. П. Н (Долгоруку) примѣтьте силу слова) чуждъ. Но каково вамъ это и мнѣ? мнѣ не уѣзжать... Строгое правило, данное мнѣ самому отъ меня самого, толико я здѣсь долженъ быть обязанъ и будущій годъ больше настоящаго; се вамъ судьбы непорочныхъ въ должностяхъ; токмо П. I. Т. (Турчаниновъ) разумѣлъ бы уѣзжать, не естъ отѣзжать, такъ и вы! который для Наташи второй батюшка при милости тетухкиной и доколѣ — такъ — дворецъ ей не мѣшаетъ, при правилахъ вашихъ. Съ письма у меня копии нѣтъ. Всевишняго благодарю за благопріятіе.

15.

Кюменгородъ, ч. 10-го сентября 1791 года.

По тяжелой работѣ пишу; противъ 20-го числа буду въ Вильманстрандѣ, и ежели сюда на краткое время не обращусь (повѣртесь съ П. И. Т — мѣ) по Роченсальму, ѣду въ Нейшлотъ — куда не пишете, и Господь Богъ съ вами и Наташей до нераннаго свиданія въ С.-П.-Б., коли тѣ-жъ обстоятельства будутъ; окружнымъ сюда мимоѣдомъ! Правой характеръ Г. Н. В. очень милъ. Порученіемъ мнѣ финн — й див. послѣшить; я отъ нея могу откомандированъ быть

всюду, но въ ней мнѣ будетъ пристань; вспом. К... отличенъ и приятенъ, токмо не когда Мирабо въ Лифл. мнѣ давалъ летучей и проскриптировалъ, и г. Бр. Г. О. Р., и кого хотите мнѣ препоны, они лучше уступать достоинству родства и свойства, нежели достоинству моихъ испытанныхъ качествъ. Для Россіи-жъ хотъ трава не рости. Не знаю, какъ к. П. Н. (Долгорукой) вы ли? Сіе у г. Н. И. (Салтыкова) предостеречь и сколько должно въ томъ же П. И. Т. (Петрѣ Ив. Турчаниновѣ) для котораго:

Какъ въ бакховомъ соку Тразибулъ утопась,
 Какъ въ креслахъ висковыхъ сей Ионсонъ углубась,
 Какъ бабочка весной летитъ изъ розъ въ лилей —
 Такъ форты, Роченсальмъ, мнѣ ложи и постели.

Г. Н. И. остерегать г. инспекр — а, чтобъ (хорошо бы для к. П. Н.) безъ Выс. в. къ реформамъ не приступать. Генераловъ рогомъ изобилія не прижимать и Перуномъ не кассировать; довольно ему пол. инструк. въ титулѣ главы повелителя; въ гл — хъ повел — хъ означать высоч. пов — я, наставленія... описывать въ какихъ правилахъ, дабы ясно различіе видно было между ген — а и корпорала и неопрокинуть вовсе субординацію (предпочтеніе) съ ней и дисциплину; иначе гоць-гоць. Безъ регулъ и принципевъ — не диспозиція, а прибаска, загадка, кою пусть угадываетъ самъ. По журналу дѣйствія видны; я далъ Кинбургской — затаенъ — изъ него родилась грамата, иныхъ нѣтъ, развѣ урывками. О, о моей граматѣ — не принимайте и забудьте, будетъ какая пелѣная (какъ г. А. А. Без.; о вензелѣ Наташи не упоминайте, будетъ вязать общаніями), влагаю ей лучше замѣну къ прочимъ для моей у васъ шкатулы.

а) Одной рукою онъ въ шахматы играетъ,
 а) Другой рукою опъ народы покоряетъ;
 Одной ногой разить онъ друга б) и врага,
 б) Другою топчетъ онъ вселенны берега б).

а) Изъ автора „Россъ въ Измаилѣ“.
 б) Удаленіе въ деревни
 б) 1 шагъ 50 верстъ } Автору Гоць-Гоць.

Вильманstrandъ, ч. 20-го сентября 1791 года.

Соображая Г. Н. В — ѣ для текущихъ обстоятельствъ, съ ея покойнымъ братомъ К. Вас. Сем. на франкфуртской бат — еи скачетъ по полямъ, ищетъ лебедку. Самъ Господь правитъ армію; на слѣдующій годъ безъ команды свиститъ К. П — а (Потемкина) и абшидъ, но безъ ея капри-

зовъ: мушкетёръ — скромность, женщины — притворство. Еслибъ мнѣ быть Ком. вспом. К — а не проникло бы или то была летучая при-баска, а той замашкой хотѣть меня въ С.-П.-В., то для чего-жъ я не г.-адъ — ть ¹⁾, какъ то почиталось не мудреннѣе? Могло бы то мнѣ приобрести перемены моего отъ періода ж. н. х. вѣсна, иначе я только буду мартишкинъ каштаннѣй котъ. Что-жъ я до сего выигралъ кромѣ временностей, правда, къ пользѣ доказалъ мои качества; но непривычнаго мнѣ к. П. сдѣлалъ или вѣчнымъ злодѣемъ или обратиться мнѣ паки къ нему въ сателлиты, послѣдуя всѣмъ прочимъ до единого, и въ обоихъ видахъ ждать гибели... Г.-ад — мѣ и въ неприятномъ положеніи оплечился бы я съ г. Анг — мѣ. Между тѣмъ знаю, что Г. Безб. мнѣ сюда предграждалъ, такъ нынѣ, по наказу к. П.: „дивизию погодить его обременять, онъ потребенъ на важнѣйшее“. Онъ же: П. И. Т — у ему давно Финл. див. опредѣлена. Какъ терминъ давно (съ весны) стоитъ въ письмѣ его: *Vague incertitude*, которою сей угодствуетъ, а г. Н. И. ²⁾ не разумѣетъ. Мѣсто того, что поднести только указъ мнѣ-то Брюсу, то означая вступающіе полки хотъ бы вѣкъ не вступили, какъ то всегда въ росписаніяхъ к. П. Буде-жъ генерально росписанія сдѣлать рано или нельзя, то частно означить для насъ двухъ, претекстъ истинный — мое здѣсь управленіе. Безб. повременить лучше съ Губствомъ отводъ; всѣ здѣшніе, кромѣ Бр — а Ком — а не были Губ — и, и въ семь одножъ лицъ прилично времечко — не въ двулицѣ, въ чемъ Безб. изобилуетъ и въ покровѣ простоты Зав. (Завадовскій) его замѣняетъ. Я или на сутки съ оборотомъ поѣду къ Роченсальму или дни черезъ три прямо въ Нейшлотъ; но положеніе мое такъ странно, что мнѣ почти хотъ миновать С.-П.-В. или и воспятить могутъ. Прости Наташа! Правда, теперь она у мѣста, тяжело при-смотреть и пріятель благотворствомъ. О! коли-бъ ж. н. х.... развѣ сынъ г. А. С.? Не разумѣю, предметной на облакахъ или орудіемъ связи.

На оборотѣ адресъ: «М — лу государю моему, Дмитрію Ивановичу Хвостову. Въ С.-Петербургѣ».

17.

Кюменгородъ, ч. 25-го октября 1791 года.

Милостивый государь мой Дмитрій Ивановичъ! Гостепріимца, пріятеля моего Антона Ефимьевича Ната поручаю въ дружбу вашу; прошу оказывать ему ласковость, и платить хлѣбомъ-солью. Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и проч. „Г. Александръ Суворовъ-Рим-никскій“.

¹⁾ Генераль-адыютантъ.

²⁾ Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.

18.

26-го ч. октября.

Еще мнѣ не очень досугъ васъ, Дмитрій Ивановичъ, съ любезною Наташею видѣть; будетъ высоч. день 24-го ден.; развѣ сами пожалеете ко мнѣ на салакушку, чтобъ я спросилъ, зачѣмъ Богъ принесъ? Man muss in seinem Vornehmen richtig seyn ¹⁾.

Благодарю за письмо, радуюсь что здоровы.

19.

Вильманстрандъ, ч. 30-го октября 1791 года.

Быть такъ, удосуживаюсь, чуть хоть на сутки на Михайловъ день, къ Высочайшему-жъ (дню) подолѣ. О, ежелибъ новыхъ недосуговъ не сдѣлалось. Прости, Наташа, 'jusqu'à revoir. Покажите это Петру Ивановичу.

20.

Суворовъ — Турчанинову.

Кюменгордъ, октября два 1791 года.

Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ! Я чистъ душою и сердцемъ предъ Богомъ и великой императрицей; совѣсть меня не упрекаетъ; никогда мой приѣздъ въ С.-П.-Б. неподозрителенъ. Желаніе мое всегда пасть предъ освященнѣйшими стопами сей милосердной матери.

Развѣ не помните; оной мнѣ совѣтовалъ взять подъ Кинбурномъ полонъ, не понимая реляціи. На того-жъ приемъ, какъ Леопольдъ Собѣйскаго, мой отвѣтъ памятно воздвиженіе его въ дѣткахъ отъ отца въ бригадиры, при природномъ титулѣ. Предъ выѣздомъ моимъ сюда осужали въ кампаніи невѣжды мою дисциплину и субординацію, полагая первую—въ кичливости, другую—въ трепетѣ подчиненныхъ. Дивизія здѣшняя одѣта полковниками; кромѣ исходящихъ сроковъ, я вижу много новыхъ мундировъ и донашиваютъ старые; къ неистовости противоположія прибавлю, что работные имѣють теплую казенную одежду. По нерегулярной моей суточной жизни, кажется мнѣ, что я вчера съ вами разстался; непохвально тѣмъ частнымъ особамъ платить такъ мою службу и одолжаютъ меня, чтобы я требовалъ удовольствія. Кончимъ персональность, мѣшающую исправленіямъ; препобѣдимъ гидру новыми трудами.

Приступя къ пограничнымъ укрѣпленіямъ, облегчалъ солдатство, и, между прочимъ, вирпичи дорого покупалъ. Лѣтомъ, по увѣдомле-

¹⁾ (Переводъ) Надобно быть постоянно въ своихъ намѣреніяхъ.

нѣмъ вашимъ, вошелъ я въ приготовленія сихъ матеріаловъ своими, и что утверждено; судите, ежели амбургской кирпичъ съ внутреннимъ только вдвое дороже своего.... Но уже то невозвратно, запасъ на него въ производствѣ и дрова кончатся до большихъ морозовъ, къ обжигѣ будутъ сухіе. Новикова известь была очень хороша, съ поставкою 1 р. 35 к., когда-бъ на то не явился Мерлинъ въ $72\frac{3}{4}$ к. или съ его подрядными дровами $86\frac{1}{2}$ к., знатный перевѣсъ противу и 1 руб. 20 к. къ одному берегу Новиковыхъ. Сколь благоразумно вы въ движеніе привели известь нейшлотскую, туда вы мнѣ уважали изнуреніе казны; полезныя мѣроположенія въ полномъ теченіи. Казна—нервъ государственный, соблюдаетъ тысячъ 25, какъ донесетъ вамъ Штейнгель. На Роченсальмъ ассигнованіе на весь будущій годъ въ добавку только 47,582 руб. Скажемъ о Мерлинѣ, изъ оной суммы 18,582 руб. на известь повѣрить ему тѣ деньги хоть черезъ меня съ выборомъ казначея; послѣ чего вамъ отъ него затрудненія не будетъ, но отнесется ко мнѣ.

Прево, при его талантахъ, какой галломаніи не вѣрьте; при красномъ слогѣ не можетъ онъ знать російскихъ обычаевъ, какъ самъ признается.

Будьте дѣятельны, тверды и рѣшима, какъ начали и орудіемъ успѣховъ овлажьте по пограничнымъ фортамъ; съ Кюментгородомъ они развалятся черезъ три года; подобное жребіе съ Роченсальмомъ; къ незаконному невниманію мы одни въ порицаніи.

Нейшлотъ собою уже къ сему сближался, направлено; по его отдѣленности лишь бы Г. М. ¹⁾ Невлюдовъ тамъ мѣсто меня пожилъ. Не уклоня какъ сдѣлалъ на одно обозрѣніе, вотъ въ чемъ таинствѣ препятство.

Быть такъ, предлога нѣтъ; Симанскій къ вамъ приѣхалъ; но точно чрезъ семь дней долженъ ко мнѣ возвратиться въ Вильманстрандъ, гдѣ до него я буду ближе къ вамъ и нынѣ-жъ чрезъ укрѣпленія туда отправляюсь, какъ описанное происшествіе меня больше всего интересуетъ. Его дѣло только подвигнуть В. А. Козлянова къ сочтенію для употребленія Мерлину транспортныхъ судовъ, и по ихъ грузу узнанія количества найма вольныхъ, которое, какъ не можетъ быть знатно, выходитъ почти въ одинъ рейсъ, взирая на предудствіе въ извести. Въ смѣтѣ на мелкія по гавани суда 5,000, по сямъ онъ премѣнится.

Какъ прозрачнаго человѣка въ пользѣ къ высочайшей службѣ васъ обнимаю! и буду съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивый го-

¹⁾ Генералъ-майоръ.

сударь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга „Александръ Суворовъ-Рымникскій“.

Примѣч. Письмо это и слѣдующее за симъ только подписано Суворовымъ.
Ред.

21.

Суворовъ — барону Сакену.

Вильманстрандъ, ноября 2-го дня 1791 года.

Баронъ Фабианъ Вильмовичъ! Я держалъ газеты нѣмецкия, гамбургскія, вѣнскія, берлинскія, эллангеръ, французскія: „Бареннъ“, „Курье-де-Лондръ“, варшавскія польскія, санктпетербургскія или московскія русскія, французскій малый журналъ „Анциклопедия Дебулюонъ“; нѣмецкій гамбургскій политическій журналъ. Какъ годъ въ исходѣ, и надлежитъ заказать на будущій новыя, то покорно прошу вашего высокоблагородія принять сей трудъ на себя, съ тѣмъ, не изволите ли вы прибавить „Нувельэкстрадриеръ“, и по всѣмъ симъ вышеозначеннымъ газетамъ тѣ ли благопримите или опредѣлите держать какія иныя — отдаюся на вашу волю во всей моей покорности; тако уже извольте заказать хотя съ задаткомъ, какъ водится, и меня о всей цѣнѣ увѣдомить для немедленной отъ меня выплаты денегъ. „Г. А. Суворовъ-Рымникскій“.

22.

Суворовъ къ дочери и Хвостову.

Вильманстрандъ, ч. 10-го декабря (1791 года).

Душа моя, Наташа, Божіе благословеніе съ тобою!

Гр. Н. И. (Салтыковъ). Знакомъ я съ нимъ 33 года, 2-й разъ холодность, хотъ не разрывъ, а 3-й разъ боюсь; съ такимъ честнымъ человѣкомъ готовъ бы я былъ умереть. П. И. Т. (Турчаниновъ) совершенно съ г. Без. и сей сильная всѣхъ близокъ будетъ къ Бестужеву, коль паче и по достоинству, и всѣ къ нему прильнуть. К. Р. не уклонилъ ли уже нарусь; стеречся, чтобы подлинно Т. не навелъ мнѣ какого гнѣва, какъ онъ и нынѣ игралъ со мною обыкновенную свою музыку; чрезъ Трошин. Е. В. увѣрять долженъ П. А. З. (Зубовъ) о моей безпредѣльной преданности и весьма г. Без. менажировать. Вотъ что П. И. Т. Каковъ Кахо—ій¹⁾, я бы могъ сказать: слабъ, но ордонансъ у васъ и г. Без. въ корридорѣ! Кто ген.—пор. не на мѣсто ли? избавь Боже. Г. Н. И. по малой мѣрѣ есть видъ, и какъ внушить г. Н. И. не чрезъ К. П. Н. ли? или вы сами?... токмо-жъ и открытъ ему

¹⁾ Каховскій.

мой возвратъ къ вамъ въ титулѣ со-не-пре-кращенія здѣсь работъ за полъ-января, и это правда. Я-жъ нынѣ къ Нейшлоту, и коли не чрезъ Кексгольмъ берегомъ на Шлиссельбургъ, то ажъ на Олоонецъ, Ладогу въ С.-П.-Б.; что придетъ около и ниже 15 ч. въ Нейшлотъ недосугъ на сутки и 12-го ч. у молебна. 13-го числа въ Сардовалѣ отъ васъ чрезъ Кексгольмъ, буде крайность. Иначе-жъ коли тутъ на 14 не будетъ вашей цидулы, то я спокойнѣ буду гулять. Г. Без. и его пріятели мнѣ не были враги, и не такъ какъ П. И. Т., который нынѣ по службѣ былъ со мною исправенъ, по персональности-жъ весьма бывалъ вреденъ, даже до ссылокъ и удаленіевъ; но жаль г. Н. И., и коли мѣсто его креату—ра г. Без., то сему перемѣниться легко, какъ и душисть добрыхъ людей, ему непріятнѣ вѣра на меня, что я ни во что не вмѣшаюсь.

23.

Нейшлотъ, ч. 12-го декабря 1791 года.

Прикажете запечатать, подписать; отвезете сами и деликатно увѣрите П. И. Т. (Турчанинова), что я ни мѣшать кому, ни вмѣшиваться во что не буду; но пребуду, сколько дозволитъ Богъ, при васъ спокойно, и поручаю Наташу въ Божіе благословіе!

Съ г. Н. И. (Салтыковымъ) непремѣнно прежняя связь.... кромѣ; то-жъ съ в. П. Н. (Долгоруковымъ) сколько слѣдуетъ.

Г. А. А. Б. (Безбородко) не столько хитръ, но больше мудръ, какъ покойный, и не такъ предателенъ, при рѣшимостяхъ частыя придуть двуличія, къ чему несумнѣнно склонны будутъ его креатуры; сіе то и опасно по воинскому департаменту, если его инфлюенція онымъ осилѣтъ; медлительнѣ Панина и слабозрачнѣ Бестужева, хорошо коли-бъ онъ остался Остерманомъ—отцемъ... Г. Н. И. ¹⁾ лучшей на своемъ мѣстѣ правитель, и сатрапы подъ особливимъ начальствомъ.

Захаръ Константиновичъ (Зотовъ) честный человекъ, онъ пріятель Александру Лукичу, такъ тутъ ваша связь внушеніевъ: Е. В. хаст. съ Дмит. Прок. (Троцинскимъ) вообразительно, какъ отъ одного себя. П. И. Т. (Турчаниновъ) противъ твердости не устоитъ, розвязи съ нимъ быть не должно и иногда временить, хотя останется всегда опаснымъ.

Сорировака, Кексгольмъ, Шлюссельбургъ до васъ (верстъ) за 400 или 4—5 дней, т.-е. противъ 17 до 19-го ч. Г. Н. И. можетъ то знать, П. А. З. (Зубову) крайнюю привязанность.

Дѣйствуйте постоянно. Перехожу Рубиконъ.

¹⁾ Салтыковъ.

24.

Фридрихсгамъ.

Боже благослови Наташу на великій постъ!

И ты бы, сестрица, здѣсь съ тетушкою запрыгалась; я отъ Астрахани такъ не веселился, да и тово лучше; порядочнѣе С.-П.-Б. 101 разъ. Загавливаться и говѣть въ Кюменгородъ!

И. Л. Г. Кут—а письмо, и впредь такія распечатывайте. Г. Гол. часть не 300 душъ; по 242 р. и прежней суммы расчетъ, такъ съ уменьшеніемъ ли? Декретъ вашъ. Деньги-жъ К. И. Р. сколько есть и будетъ, лучше нынѣ же въ банкъ для дохода.....

Легче мнѣ Роченсальмъ у П. Нас (принца Нассаускаго), лишь бы не было двугосподства. У меня вольнѣе Кюменгородъ для исправленіевъ къ сѣверу. Что-жъ Рибасова?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. Кн. Италійскій гр. А. А. Суворовъ-Рыминскій.

МЫСЛИ ФЕЛЬДМАРШАЛА КН. ПАСКЕВИЧА

по поводу обороны и паденія Севастополя.

16-го сентября 1855 г.

Подъ этимъ заглавіемъ мы погубщаемъ письмо генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича - Эриванскаго, въ генераль-адъютанту князю М. Д. Горчакову, диктованное камеръ-юнкеру С. Ф. Панютину (нынѣ тайн. совѣт.) 16-го сентября 1855 года.

«Послѣ паденія Севастополя князь Горчаковъ прислалъ въ покойному фельдмаршалу обзоръ дѣйствій своихъ со времени вступленія въ командованіе крымскою арміею. Фельдмаршалъ былъ тогда въ безнадежномъ состояніи, но, несмотря на страданія, онъ по прочтеніи записки, диктовалъ 16-го сентября 1855 года свои замѣчанія, которыя, какъ онъ говорилъ: «Рано или поздно займутъ мѣсто въ военной исторіи Россіи». Замѣчанія эти диктованы въ формѣ письма и приведены слово въ слово безъ всякихъ отступленій. Письмо это, по случаю усилившейся болѣзни князя, а затѣмъ его смерти въ 1856 г., не было отправлено по назначенію».

Ред.

Я только что приготовилъ отвѣтъ на послѣднее письмо ваше, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, какъ получилъ другое, при которомъ приложенъ обзоръ дѣйствій вашихъ въ Крыму. Благодарю васъ за извѣщеніе и за откровенность.

Буду съ вами откровененъ какъ всегда, буду говорить вамъ по убѣжденію. Вотъ уже другой мѣсяцъ какъ я серьезно боленъ; желудокъ ничего не переноситъ, а потому я ослабѣлъ до крайности. Въ болѣзненномъ моемъ положеніи, я въ письмахъ къ вамъ не въ силахъ уже выбирать слова, чтобы смягчать иногда мою мысль; позвольте мнѣ писать такъ, какъ слова приходятъ для выраженія моихъ мыслей.

Думаю, что мнѣ теперь должно говорить то, что моя опытность мнѣ внушаетъ. Простите, если иногда мысли мои не будутъ сходны съ вашими.

Поговоримъ сначала о вашемъ завидномъ положеніи въ мартѣ 1855 года, когда вы были сильнѣе непріятеля 20 или 25-ю тысячами человѣкъ. Отчего вы тогда не начали наступательныхъ дѣйствій, которыя при превосходствѣ вашихъ силъ могли бы имѣть счастливыя и славныя послѣдствія? Вы ничего не предприняли и смотрѣли только, какъ союзникамъ каждый день подвозили свѣжія войска. Словомъ, дали время имъ оправиться, опомниться послѣ убійственной зимы, уничтожившей болѣе половины англійской арміи.

Въ такой нерѣшительности вы простояли мѣсяць, и тогда уже было поздно помышлять о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Надобно было по необходимости ограничиться пассивною обороною Севастополя, которая, какъ вы пишете, была необходима для удержанія Австріи.

Отдавая полную справедливость русскому солдату, отстоявшему своею грудью, въ продолженіе 11-ти мѣсяцевъ, земляныя укрѣпленія, и которому, говоря безъ лицемерія, Россія единственно обязана безпримѣрною обороною, я однако не могу согласиться, что защитники Севастополя могли помѣшать 200 тысячамъ австрійцамъ вторгнуться въ Польшу. Нѣтъ, ваше сіятельство, не геройская оборона Севастополя остановила австрійцевъ, а благородная твердость короля прусскаго, великодушно забывшаго всѣ наши непростительныя насмѣшки и даже дерзости, которыя ему дѣлали въ 1848 году и послѣдующихъ годахъ. Еще намъ помогли наши крѣпости въ Польшѣ. Вы, безъ сомнѣнія, не забыли все, что мы съ вами писали и говорили, когда я, въ предвидѣніи сбывшихся обстоятельствъ, настаивалъ на необходимости постройки крѣпостей въ избранныхъ пунктахъ. Не для удержанія же только порядка въ Польшѣ согласился покойный государь издержать столько милліоновъ для сооруженія Модлина, Бреста, Ивангорода. Онѣ намъ необходимы какъ оплотъ въ случаѣ европейской коалиціи. Для Польши же во время мира, при энергическомъ правленіи, даже безъ Александровской цитадели, достаточно 30-ти тысячъ человѣкъ. Слѣдственно король прусскій и крѣпости наши въ Польшѣ, вполне оправдавшія въ 1854 и въ 1855 годахъ свое назначеніе, спасли насъ отъ вторженія 200 тысячъ австрійцевъ.

Извините, ваше сіятельство, я отвлекся отъ предмета, но необходимо было изложить обстоятельства въ такомъ видѣ, какъ они дѣйствительно должны быть представлены безпристрастнымъ историкомъ, который будетъ описывать событія нынѣшней войны.

Затѣмъ спѣшу возвратиться къ Севастополю. Отъ марта до славно отбитаго штурма вы потеряли передовыя укрѣпленія: Селенгинское, Камчатское, уступили непріятелю безъ выстрѣла Федюхины-горы и Байдарскую долину, гдѣ союзники, какъ въ обѣтованной землѣ, нашли

все, что до сихъ поръ имъ недоставало, т.-е. воду и траву. Наконецъ, когда подошли къ вамъ сильныя подкрѣпленія, вы вмѣсто того, чтобы маневрировать вдоль Черной рѣчки въ тылу непріятеля съ 50 или 60 тысячами и держать его въ постоянномъ недоразумѣніи на счетъ вашихъ намѣреній, что поставило бы его въ весьма затруднительное положеніе, рѣшились 4-го августа на дѣло несбыточное и пошли, такъ сказать, на проломъ (по-русски, на-авось) атаковать позицію, которая, какъ вы сами говорите, сильнѣе Севастопольскихъ укрѣпленій.

Здѣсь рождается вопросъ: какія стратегическія соображенія могли васъ заставить уступить непріятелю Федюхины-горы? Вѣроятно, чтобы дать ему время укрѣпить ихъ, и когда они сдѣлались неприступными, идти на вѣрное пораженіе, зная, что всякая ваша попытка съ этой стороны, какъ мы сейчасъ же увидимъ изъ вашихъ же словъ, должна быть отбита со стыдомъ и съ большимъ урономъ.

Иначе никакъ не могу объяснить дѣйствій вашихъ подъ Черной, и при всемъ желаніи оправдать ихъ, дохожу, послѣ реляціи сраженія 4-го августа, до грустнаго убѣжденія, что оно принято безъ цѣли, безъ расчета и безъ надобности, и что всего хуже, окончательно лишило васъ возможности предпринять что-либо впослѣдствіи.

Вы пишете: „Наступательное движеніе это, которое.... было необходимо для удовлетворенія общаго мнѣнія Россіи (точно Бородинское сраженіе было необходимо прежде отдачи Москвы!), а намѣренъ былъ сдѣлать съ большою осмотрительностію и только при благоприятныхъ обстоятельствахъ, на которыя, впрочемъ, мало рассчитывалъ, перейти къ дѣйствительному наступленію“. Приводя параграфъ сей слово въ слово, я дѣлаю нѣкоторыя замѣчанія.

Хотя Провидѣнію угодно было послать мнѣ конецъ мучительный, но я встрѣчаю смерть безъ страха и ропота съ увѣренностію, что соотечественники мои отдадутъ мнѣ справедливость, когда убѣдятся, что въ предвидѣніи всѣхъ несчастій обрушившихся нынѣ на Россію, и которыя можно было предупредить, я умѣлъ, какъ увидимъ ниже, говорить правду покойному государю, за которую заплатилъ моею жизнью.

Но что такое моя жизнь и страданія, когда дѣло идетъ о Россіи! Однако пора обратиться къ дѣлу подъ Черной.

4) Почему, рѣшившись идти атаковать неприступныя позиціи, вы не сдѣлали сего со всѣми вашими силами? Почему вы оставили въ Перекопѣ гренадерскій корпусъ? Чего вы опасались?

Не подлежитъ сомнѣнію, что союзники не могли въ одно время

осаждать Севастополь, атаковать васъ у Инкермана и идти на Перекопъ. Оставивъ въ Перекопѣ гренадеръ, вы въ рѣшительную минуту лишили себя 20-ти тысячъ отборнаго войска, погибшаго впоследствии безъ пользы отъ болѣзней.

5) Нельзя также согласиться, что дѣло подъ Черной было столь необходимо, какъ бородинское сраженіе до отдачи Москвы.

Дѣло подъ Черной будетъ вѣчнымъ позоромъ нашей военной исторіи, а бородинская битва одна изъ лучшихъ ея страницъ. Правда, послѣ Бородина мы отдали Москву, но въ ея, хотя неокровавленныхъ развалинахъ ¹⁾ (слова высокаго краснорѣчія) непріятель нашелъ свою гибель. Подобнаго результата не представляетъ дѣло подъ Черной, слѣдственно и сравненіе Черной Бородиннымъ неправильно.

6) Никакъ не могу понять, чтобы вы начали наступательное движеніе съ увѣренностію въ неудачѣ. Зачѣмъ же было дѣлать наступленіе? Слѣдственно вы согласны, что дѣло подъ Черной предпринято безъ цѣли, расчета и надобности.

7) Далѣе вы говорите, что это только была попытка. Нѣтъ, ваше сіятельство, это была не попытка, а страшная ошибка, сдѣланная вслѣдствіе дурныхъ, необдуманныхъ распоряженій, въ которыхъ вы не сознаетесь, ибо изыскиваете средства оправдаться противорѣчными объясненіями, а именно: въ обзорѣ вашихъ дѣйствій, вы говорите, на что уже я вамъ отвѣчалъ, что наступательное движеніе это или попытка (не знаю какъ назвать сраженіе подъ Черной), было въ видахъ (общественнаго мнѣнія), и что впрочемъ вы имѣли мало надежды на успѣхъ.

Въ письмѣ же, писанномъ вскорѣ послѣ 4-го августа, вы говорите, что успѣхъ вашего наступательнаго движенія былъ разсчитанъ вѣрно и что отвѣтственность въ неудачѣ должна пасть на Реада, неисполнившаго вашихъ предначертаній, вслѣдствіе чего планъ вашъ не удался и сраженіе было проиграно. Что за противорѣчія!

Прошу ваше сіятельство извинить меня за откровенность; но согласитесь, что по сличеніи двухъ вашихъ объясненій я никакъ не могъ пройти молчаніемъ столько противоположныхъ оправданій. Вѣроятно, писавъ обзоръ вашихъ дѣйствій, вы забыли, при многотрудныхъ обязанностяхъ, письмо ваше ко мнѣ, въ которомъ вы обвиняете не Реада. Рѣшившись обвинять Реада, излишне было бы искать другія причины къ оправданію, ибо ничего нѣтъ удобнѣе, какъ сложить все на мертвыхъ. Такъ и хочется прибавить къ этому „жертвы бо срама не имутъ“.

¹⁾ Телеграфическая депеша кн. Горчакова послѣ взятія Севастополя.

Храбрый Реадъ и достойный начальникъ штаба Веймарнъ, павшіе жертвами при исполненіи невозможнаго предпріятія, не могли бы вамъ отвѣчать изъ своихъ могилъ, и исторія внесла бы въ свои свѣжили имена Реада и Веймарна какъ виновниковъ для Россіи дня 4-го августа ¹⁾).

За симъ обращаюсь къ другимъ обстоятельствамъ, изложеннымъ въ обзорѣ вашихъ дѣйствій. Вы между прочимъ пишете, что еще въ маѣ мѣсяцѣ были намѣрены очистить южную часть Севастополя.

Здѣсь рождаются два вопроса: почему, принявъ такую рѣшимость, вы заблаговременно не взяли мѣръ для уменьшенія отчасти потерь вещественныхъ и оставили врагамъ между „окровавленными развалинами“ до 4-хъ тысячъ орудій? Къ вѣчному нашему стыду, кажется это единственный примѣръ въ исторіи, и вы еще дерзаете сравнивать поражение подъ Черной съ Бородинымъ!

Почему не были сдѣланы мины подъ Севастопольскими укрѣпленіями? Кажется это было дѣло первой необходимости. Недостатокъ въ порохѣ не можетъ служить оправданіемъ, ибо союзники послѣ вашего отступленія нашли значительные запасы. Вотъ, ваше сіятельство, вопросы, на которые вамъ трудно будетъ отвѣчать предъ Россією и потомствомъ. По прочтеніи же всего обзора, я вижу что у васъ не было заранѣе обдуманнаго плана, который бы служилъ основаніемъ вашихъ дѣйствій. Вы жили день за день, никогда не имѣли собственнаго мнѣнія и соглашались съ тѣмъ, кто послѣдній давалъ вамъ совѣты. Въ заключеніе, я не могу умолчать, что задняя мысль, руководившая вами при составленіи обзора вашихъ дѣйствій, была увѣренность, что никто вамъ возражать не будетъ и по истеченіи нѣкотораго времени все, что вы писали, будетъ признано фактомъ историческимъ.

Хитрости сего рода часто удаются въ Россіи. Не знаю, удастся ли вамъ изложить событія настоящей войны съ вашей точки зрѣнія, увѣрить всѣхъ, что военныя дѣйствія ваши были безукоризненны? Но во всякомъ случаѣ это будетъ легче, чѣмъ представить безукоризненный отчетъ по хозяйственному управленію армією, ибо я увѣренъ, что послѣ заключенія мира откроются тысячи безпорядковъ и недочетовъ, происходящихъ отъ того, что вы не умѣли предупре-

¹⁾ Покойный князь говоритъ условно, между тѣмъ фактъ совершился: въ реляціи кн. Горчакова вся вина сложена на Реада. Несчастное слово «не читайте», присланное кн. Горчаковымъ чрезъ адъютанта Реада, было причиною гибели арміи. Горчаковъ не слышалъ выстрѣловъ со стороны Реада, послѣдній понялъ, что, согласно диспозиціи, слѣдуетъ начинать атаку, что было несвоевременно.

дять или остановить ихъ во-время, или отъ противорѣчій вашихъ приказаній. О дальнѣйшихъ предположеніяхъ вашихъ вы умалчиваете, ибо вы опасаетесь справедливыхъ замѣчаній. Прошло уже то время, когда вы спрашивали моихъ совѣтовъ, говорили и писали мнѣ, что одно мое слово проясняло мысли ваши, наводило на путь истинный и что даже вы живете моимъ умомъ.

Признаюсь, я виноватъ предъ отечествомъ, что былъ отчасти причиною возвышенія вашего на ту степень, на которой вы нынѣ находитесь.

Покойный государь былъ правъ, когда онъ, въ февралѣ 1854 года, хотѣлъ, послѣ всѣхъ неудачныхъ дѣлъ на Дунаѣ и неосновательныхъ распоряженій въ Княжествахъ, отозвать васъ изъ арміи. Тогда я еще полагалъ, что вы съ пользою можете служить Россіи. Нынѣ, откладывая всякое самолюбіе въ сторону, откровенно сознаюсь, что я жестоко ошибался.

Изъ приводимаго здѣсь разговора съ покойнымъ Государемъ, ваше сіятельство можете судить, что участь ваша была въ моихъ рукахъ. Мнѣ достаточно было молчать для того, чтобы рѣшить вашу судьбу.

Это было въ первыхъ дняхъ моего прибытія въ Петербургъ, въ 1854 году, когда я уже согласился принять командованіе надъ всѣми войсками, расположенными на западной границѣ и въ княжествахъ.

Я пришелъ къ государю около 12-ти часовъ съ докладомъ. Мы были въ рабочемъ его кабинетѣ, гдѣ онъ впослѣдствіи скончался. Государь былъ чрезвычайно грустенъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Наконецъ онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— „Отецъ-командиръ! Я весьма недоволенъ распоряженіями Горчакова. Сраженіе подъ Ольгеницею и Четати служатъ явнымъ доказательствомъ вовсе необдуманнаго плана, словомъ сказать, во всѣхъ его дѣйствіяхъ видны нерѣшительность и суета. Судя по ходу всѣхъ его дѣлъ, мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть главнокомандующимъ. Сомнѣваюсь даже, будетъ ли онъ въ состояніи командовать во время войны отдѣльною частью? По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я полагаю отозвать его изъ арміи и тебѣ предоставляю избрать себѣ кого хочешь въ начальники штаба“.

Сознаюсь, я былъ крайне удивленъ, услыхавъ столь рѣзкое сужденіе и почти приговоръ надъ человѣкомъ, служившимъ всегда съ большимъ отличіемъ. Прошло нѣсколько минутъ пока я собрался съ мыслями. Вотъ, кажется слово въ слово, отвѣтъ мой Государю:

„Позвольте, ваше величество, сказать нѣсколько словъ въ оправданіе князя Горчакова. Я его знаю слишкомъ 23 года, знаю его храбрость и способности. У насъ въ арміи нѣтъ человѣка, который бы съ

большую пользою могъ занять во время войны мѣсто начальника штаба. Его обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ управленія арміею, его военныя способности, смѣло думать, не подлежатъ сомнѣнію. Нельзя осуждать главнокомандующаго, находящагося отъ своихъ отрядовъ во ста и болѣе верстахъ, въ ошибкахъ, сдѣланныхъ подъ Ольтеницею и Четати. За всѣмъ тѣмъ, не могу не обвинить Горчакова въ томъ, что, не слѣдуя великой истинѣ, сказанной Наполеономъ, держать войска свои всегда въ кулакѣ, онъ растянулся съ малочисленными своими отрядами на 600 верстѣ.

Государь, выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, изволилъ сказать:

— „Дай Богъ, отецъ-командиръ, чтобъ я ошибался. Желаю тебѣ вѣрить“.

Послѣ сего разговора государь уже ни разу не говорилъ и не намекалъ о вызовѣ вашего сіятельства изъ арміи.

Будучи озабоченъ въ дѣйствіяхъ моихъ отдать отчетъ потомству, я откровенно соглашаюсь въ моей ошибкѣ и прошу соотечественниковъ моихъ простить мнѣ, что я въ заблужденіи моемъ еще въ 1854 году считалъ ваше сіятельство способнымъ быть самостоятельнымъ начальникомъ.

Сознаніе это доставляетъ мнѣ нѣкоторое облегченіе и въ минуты тяжкихъ страданій и душевнаго негодованія, мнѣ отрадно вспомнить, что до начала войны, когда еще можно было предупредить всѣ бѣдствія, постигшія впослѣдствіи Россію, я противъ мнѣнія всѣхъ въ эту минуту, когда, въ порывѣ безумія, мы готовились закидать всю Европу шапками, осмѣлился 27-го февраля 1854 года представить покойному государю записку слѣдующаго содержанія:

„Четыре европейскія державы предлагаютъ намъ свой ультиматумъ. Мы находимся въ томъ положеніи, что теперь вся Европа противъ насъ, на морѣ и на сухомъ пути. Англія, Франція, Турція уже объявили намъ войну; Австрія, можно сказать, на ихъ сторонѣ; Пруссія можетъ быть также увлечена скоро.“

„Никогда еще Россія не бывала въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ.“

„При императорѣ Александрѣ Павловичѣ, въ 1812 году, Англія была за насъ; съ Турціею успѣли заключить миръ; неограниченное властолюбіе Наполеона заставило задолго предвидѣть 1812 годъ и дало намъ полтора года на приготовленія. Въ 1810 году мы уже могли начать формированіе новыхъ полковъ; весь 1811 г. устранили резервы и магазины въ тылу и потому въ 1812 г., начавъ отступленіе до самой Москвы, пополняли убыль въ войскахъ резервами.“

„Нынѣ обстоятельства такъ быстро измѣнились, что не дали намъ возможности приготовиться.

„Дай Богъ, чтобы я ошибался, но мнѣ кажется, что нельзя уже сомнѣваться, что Пруссія будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Австрією противъ насъ.

„Имѣя двухъ непріятелей въ центрѣ, тогда какъ французы высалятся на Черноморскихъ берегахъ, австрійцы изъ Трансильваніи выйдутъ на коммуникаціи нашей дунайской арміи, а пруссаки обойдутъ флангъ въ Литвѣ, мы уже не можемъ держаться ни въ Польшѣ, ни въ Литвѣ, а отступая, не найдемъ магазиновъ.

„Европа можетъ повторить кампанію 1812 г., но вѣроятно избѣгнетъ ошибокъ Наполеона. Она будетъ вести войну методически, отброситъ насъ за Днѣстръ и отнявъ Польшу, усилится нашими крѣпостями въ царствѣ и Литвѣ. Несчастія и потери тогда Россіи—трудно теперь предвидѣть. Таковы, мнѣ кажется, послѣдствія войны теперь со всею Европою: пока она въ соединеніи, мы съ нею боремся не въ силахъ. Намъ дорого время; чтобы выиграть его, думаю, что на ультиматумъ ея можно бы отвѣчать: что предложенія принимаются съ тѣмъ, чтобы назначить сроки нашего выступленія изъ Княжествъ и въ одно время непріятельскихъ флотовъ:

„1-й срокъ. Мы очищаемъ Малую Валахію; флотъ выходитъ изъ Чернаго моря.

„2-й срокъ. Мы выходимъ изъ Большой Валахіи; флотъ — изъ Босфора.

„3-й срокъ. Мы очищаемъ Валахію; флотъ оставляетъ Дарданеллы. О послѣднемъ условіи лучше даже умолчать, ибо нѣтъ надежды, чтобы оно было принято. Для опредѣленій сроковъ и приготовленій въ отступленію, заключить перемиріе на шесть недѣль. Шесть недѣль намъ очень важны, для насъ каждый день дорогъ! Отступая, мы не отдаемъ своей земли, но возвращаемся на свои границы. По крайней мѣрѣ мы удержимъ, можетъ быть, Австрію и Пруссію, показавъ, что не желаемъ войны.

„Австрія боялась-бы Сербовъ, но съ нашимъ отступленіемъ изъ Валахіи ей нѣтъ предлога держать 50 тыс. на сербской границѣ. Если бы морскія державы не согласились на наши предложенія, то и тогда мы, по крайней мѣрѣ, выиграемъ время; имѣя полтора, два мѣсяца, успѣемъ укрѣпить настоящую стратегическую позицію на Днѣстрѣ; турки не войдутъ въ Княжества, а останутся въ Болгаріи. Въ центрѣ будутъ войска, соберемъ магазины; словомъ, займемъ стратегическіе пункты и подготовимъ продовольствіе.

„Европейскимъ державамъ будетъ время одуматься. Ихъ лихорадочное состояніе можетъ быть успокоится и разсудокъ возьметъ верхъ.

„Конечно, мы и тогда не въ состояніи держаться на центрѣ, если и Пруссія противъ насъ; но неужели нѣтъ возможности отдѣлить ее отъ другихъ державъ и склонить въ нашу пользу?

„Несчастія, которыя могутъ постигнуть Россію въ случаѣ общаго на насъ возстанія, будутъ неисчислимы и не скоро изгладятся. Еслибъ ихъ можно было предупредить, хотя бы съ нѣкоторыми уступками, которыя всегда будутъ сравнительно менѣе важны и впоследствии при благопріятныхъ обстоятельствахъ вознаградятся.

„Конечно, больно для самолюбія каждаго русскаго рѣшиться теперь уступить; но со временемъ Россія пойметъ, что оттого зависѣла ея судьба и благословить, какъ спасителя, того, кто великодушно рѣшится теперь на пожертвованія!“

Сообщ. Н. П. Степановъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

А. Н. Радищевъ.

1791.

Въ правительствующій сенатъ, изъ иркутскаго намѣстническаго правленія рапортъ. Тобольское намѣстническое правленіе отъ 26-го числа минувшаго іюля, подъ № 17,823, сообщеніемъ увѣдомляетъ, что посланнымъ изъ онаго къ тобольскому городничему указомъ велѣно состоящаго въ присмотрѣ его арестанта Александра Радищева, присланнаго въ Тобольскъ изъ пермскаго, а въ оное изъ казанскаго намѣстническихъ правленій, туда-жъ изъ с.-петербургскаго губернскаго правленія, отправить въ сіе намѣстническое правленіе за присмотромъ одного унтеръ-офицера тобольскихъ баталіоновъ и при томъ отъ сего намѣстническаго правленія требуетъ, дабы благоволило помянутаго арестанта Александра Радищева въ назначенное ему мѣсто отправить отъ себя, а посланнаго оттолъ унтеръ-офицера отпустить обратно къ командѣ, по прежнему, въ Тобольскъ и о доставленіи того Радищева до Иркутска. Сему-жъ правленію даетъ знать о дачѣ-жъ тому конвойному до Иркутска и обратно двухъ подводъ за указныя одинакіе прогоны, то-есть по деньгѣ на версту и лошадь дана отъ онаго правленія въ надлежащей силѣ подорожна; а по справкѣ въ правленіи оказалось: въ сообщеніи с.-петербургское губернское правленіе, отъ 8-го числа сентября прошлаго 1790 г. присланномъ, прописывало имянной ея императорскаго величества указъ, данной правительствующему сенату 4-го числа сентября за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: „Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владимира кавалеръ Александръ Радищевъ

¹⁾ Архивъ прав. сената, дѣло 2 департамента, № 284.

оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго изданіемъ книги подъ названіемъ: „Путешествія изъ С.-Петербурга въ Москву“, наполненной самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской, учинивъ сверхъ того лживой поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно, за такое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ С.-Петербургской губерніи, а потомъ и сенатомъ нашимъ, на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни, и хотя по роду толь важной вины заслуживаетъ онъ сію казнь по точной силѣ законовъ, означенными мѣстами ему приговоренную, но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединять правосудіе съ милосердіемъ, для всей общей радости, которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неуспынные труды во благо имперіи, отъ него намъ вѣренной, возделѣннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота и повелѣваемъ вмѣсто того отобрать у него чины, знаки св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Ишимской острогъ, на десятилѣтнее безысходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ ¹⁾“.

Въ намѣстническомъ правленіи опредѣлено: съ прописаніемъ справки и сего сообщенія здѣшнему городничему, предписать указомъ и велѣть, вслѣдствіе высочайшаго соизволенія, уломанутаго арестанта Александра Радищева, посредствомъ здѣшняго нижняго земскаго суда, отправить въ Ишимской острогъ съ исправнымъ унтеръ-офицеромъ и двумя рядовыми солдатами, немедленно на десятилѣтнее безысходное пребываніе въ ономъ острогѣ, и тому унтеръ-офицеру приказать явиться для полученія, по расчисленію верстъ отсель до Ишимска, прогонныхъ денегъ въ казенной палатѣ; а какъ тому унтеръ-офицеру съ солдатами быть при немъ, Радищевѣ, и имѣть его въ смотрѣніи, дать ему отъ намѣстническаго правленія особое наставленіе, а казенную палату о выдачѣ на дѣй подводы прогонныхъ денегъ, съ прописаніемъ сего сообщенія, сообщить, а здѣшнему нижнему земскому суду дать знать указомъ, съ таковымъ предписаніемъ, дабы оной за тѣмъ Радищевымъ, сверхъ приставной стражи, имѣлъ и свое надзи-

¹⁾ См. полное собраніе законовъ, т. 23, стр. 168.

раніе, и къ надлежащему о семъ свѣдѣнію правительствующему сенату снѣзь отпрапортовать.

(Подлинный подписанъ двумя совѣтниками, секретаремъ и скрѣпленъ канцеляристомъ).

Октября 15-го дня 1791 г.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

К. О. РЫЛѢВЪ.

I.

Замѣтка о его стихотвореніяхъ.

Въ почтенномъ изданіи „Русская Старина“, въ 1871 г. (т. III, стр. 485—524), была напечатана поэма Рылѣва: „Войнаровский“ съ нѣкоторыми исключеніями, отчасти вполнѣдствіи дополненными („Русская Старина“ 1871 г., стр. 647). Нынѣ изданы въ Петербургѣ „Сочиненія и переписка Рылѣва“, гдѣ также напечатанъ Войнаровский не совсѣмъ исправно. Сколько можно припомнить, въ старинныхъ спискахъ не было точекъ, и вмѣсто стиха:

О странникъ, странникъ, всѣ мечтали.

Было:

О странникъ, всѣ предузнавали,

Вмѣсто: „въ Батуринь переманилъ“,—было: „переселилъ“. Вмѣсто: „Надежды родины“, — „свободу родины“. Вмѣсто: „чтить славныхъ“, было: „чтить Брута“. Тогда были понятны стихи: „защитникъ Рима“ и „достойный укоризны“ и прочее, чего за давностию трудно вспомнить.

Г. Ефремовъ, редактируя нынѣ изданіе сочиненій Рылѣва, означаетъ годъ его рожденія 1797, а г. Кропотковъ—1789 г.; было бы достовѣрнѣе сослаться на статью А. Бестужева: „Взглядъ на старую и новую словесность“, помѣщенную въ „Полярной Звѣздѣ“ 1823 года, гдѣ на 29-й страницѣ этой статьи означенъ годъ рожденія Рылѣва 1795; таковая ссылка была-бы тѣмъ вѣрнѣе, что оба издателя „Звѣзды“ были еще живы въ 1823 г. и знали другъ друга.

Въ давно прошедшее время, стихотвореніе, напечатанное въ альманахѣ на 1828 годъ „Альбомъ Сѣверныхъ Музъ“: „На смерть Байрона“ приписывалось автору Войнаровскаго, но объ этомъ ничего не упоминаетъ г. Ефремовъ. Во всякомъ случаѣ, стихотвореніе это, кажется, достойно быть перепечатано въ „Русской Старинѣ“, слѣдующей за исторіею отечественной литературы.

Любитель Старинны.

21-го іюля 1872 года.

II ¹⁾.

На смерть Байрона.

Отъ стихотворенія, приписываемаго Гмгъеву.

О чемъ средь ужасовъ войны
Тоска и трауръ погребальный?
Куда бѣгутъ на зовъ печальный
Священной Греціи сыны?
Давно отъ слезъ и крови взмогла
Эллада въ дни святой борьбы....
Какою-жъ вновь бѣдой судьбы
Грозятъ отчизнѣ Фемистокла?

Чему на шаткомъ тронѣ радъ
Султанъ роскошнаго Востока?
За что благодарить пророка
Слѣшать въ Стамбулѣ старъ и младъ?
Зрю: въ Миссолонгѣ гробъ средь храма
Предъ алтаремъ святымъ стоитъ,
Весь катафалкъ огнемъ блеститъ
Въ прозрачномъ дымѣ емиама.

Рыдая, вокругъ его вѣпять
Толпа шумящаго народа:
Какъ будто въ гробъ томъ свобода
Воскресшей Греціи лежитъ;
Какъ будто цѣпи вѣковыя
Влачить опять она должна,
И вновь ярмомъ отягчена
Возникнувшей Эллады вын....

Царица гордая морей!
Гордись—не силою гигантской,
Но прочной славою гражданской
И доблестью своихъ дѣтей!
Парящій умъ, свѣтило вѣка,
Твой смѣлъ, твой другъ и твой поэтъ,
Увянутъ Байронъ въ цвѣтѣ лѣтъ—
Въ святой борьбѣ за вольность грека.

Изъ океана своего
Текутъ лѣта съ чудесной силой:
Нѣтъ ничего уже, что было,
Что есть—не будетъ ничего.

¹⁾ Благодаря г. «Любителя Старины» за его указаніе, перепечатаваемъ изъ имѣющагося въ нашей библиотекѣ «Альбома Сѣверныхъ Музъ» 1828 г., изд. А. И., стихотвореніе: «На смерть Байрона» (стр. 244—247).

Грядой возмгуть на твердныи
 Почить усталые вѣка,
 Ихъ безопадная рука
 Преобразитъ поля въ пустыни.

Исчезнуть порты въ тѣмъ времяъ,
 Падуть и заустѣютъ грады,
 Погибнуть страшныя Армады,
 Возникнетъ новый Карсагенъ....
 Но сердца подвигъ благородной
 Не истребится никогда!
 Въ могилѣ Байрона всегда
 Звѣздой онъ будетъ путеводной.

Британецъ дряхлый подвижъ глѣтъ
 Придетъ, могильный холмъ укажетъ,
 И гордымъ внукамъ гордо скажетъ:
 «Здѣсь спитъ возвышенный поэтъ!
 Онъ жилъ для Англiи и мiра;
 Былъ къ удивленью вѣка онъ—
 Умомъ—Сократъ, душой—Катонъ
 И побѣдителемъ Шекспира.

Онъ все подъ солнцемъ разгадавъ,
 Къ гоненьямъ рока равнодушень;
 Онъ гению лишь былъ послушень,
 И дара музъ не унижалъ.
 Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
 Судьба предъ нимъ людей сердца;
 Но пылка душа пѣвца
 Людей не вовсе разлюбила.

Когда онъ кончилъ юный вѣкъ
 Въ странѣ, отъ родины далекой,
 Убитый грустію жестокой
 О немъ сказалъ Европѣ грекъ:
 «Друзья терзаемой Эллады—
 Вездѣ въ слезахъ, въ укоръ судьбы;
 Лишь Магометовы рабы
 Его внезапной смерти рады».

1825 года.

III.

Предчувствіе Рылѣва о своей судьбѣ.

Въ 1813 году, во время занятія русскими войсками Дрездена, князь Репнинъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ, а тесть мой Михаилъ Николаевичъ Рылѣвъ—комендантомъ города. Состоя въ весьма близкомъ родствѣ съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ Рылѣвымъ,

онъ далъ ему должность при комендантскомъ управленіи и даже помѣстилъ его въ своемъ домѣ.

Одаренный необычайною живостію характера и саркастическимъ складомъ ума, Кондратій Федоровичъ не оставлялъ никого въ покоѣ: писалъ на всѣхъ сатиры и пасквили, быстро расходившіяся по рукамъ и вооружилъ тѣмъ противъ себя все русское общество Дрездена, которое, выведенное наконецъ изъ терпѣнія, жаловалось на него князю Репнину, прося избавить отъ злого насмѣшника... Князь передалъ жалобу общества Михаилу Николаевичу и предложилъ, во избѣжаніе ссоръ и непріятныхъ столкновеній, удалить отъ себя покойнаго родственника.

Подъ впечатлѣніемъ замѣчанія сдѣланнаго княземъ, Михаилъ Николаевичъ, возвратясь домой и увидавъ Кондратія, сталъ строго выговаривать ему его легкомысліе, и объявивъ, что увольняетъ отъ занятій по комендантскому управленію, приказалъ ему въ двадцать четыре часа уѣхать изъ Дрездена; при этомъ съ сердцемъ сказалъ: „Если же ты осмѣлишься ослушаться, то предамъ военному суду и разстрѣляю!“

— „Кому быть повѣшеннымъ, того не разстрѣляютъ!“ отвѣтилъ пылкій молодой человѣкъ, выходя отъ разсерженнаго родственника, и тотчасъ же, ни съ кѣмъ не простясь, уѣхалъ изъ Дрездена....

О пророческихъ словахъ этихъ я часто слыхалъ отъ покойной тещи моей, Маріи Ивановны Рылѣвой, при которой все сказанное происходило: „Самъ себѣ злую судьбу свою предсказалъ!“ всегда добавляла она, вздыхая, и въ умныхъ, добрыхъ глазахъ ея блистали невольныя слезы....

А. И. Фелькнеръ.

Н. В. Гоголь къ И. И. Сосницкому о постановкѣ „Ревизора“.

1846 г.

Въ 1846 году Гоголь задумалъ поставить «Ревизора» въ дополненномъ и исправленномъ видѣ и вмѣстѣ съ сценами: «Театральный разъѣздъ» или «Развязка Ревизора». Мысли свои по поводу этого предположенія онъ изложилъ въ подробномъ письмѣ къ Щепкину въ Москву, напечатанномъ въ изданіи Кулиша (Спб. 1857 г., т. VI, стр. 275). Изъ этого документа, между прочимъ, видно, что Гоголь намерѣвался весь сборъ съ продажи новаго изданія «Ревизора» вмѣстѣ съ сценами «Разъѣзда» обратить въ пользу бѣдныхъ. Щепкинъ долженъ былъ, въ свой бенефисъ, съ театральныхъ подмостковъ пригласить публичку покупать это изданіе. То же долженъ былъ сдѣлать Сосницкій въ свой бенефисъ на петербургской сценѣ.

Въ томъ же письмѣ Гоголь просилъ Щепкина съѣздить въ Петербургъ и хлопотать какъ о разрѣшеніи поставить на сцену «Ревизора» въ его полномъ видѣ, такъ и о томъ, чтобы передать Сосницкому мысли его о лучшей

постановкѣ пьесы. «Поговорите съ Сосницкимъ,—пишетъ Гоголь:—чтобъ увидать, можно ли то же самое сдѣлать въ Петербургѣ, сколько возможно такимъ образомъ, какъ въ Москвѣ. Прежде его испытайте, онъ немножко упрямъ въ своихъ убѣжденіяхъ.....»

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Щепкину (изд. Кулиша, т. VI, стр. 278), Гоголь опять, возвращаясь къ тому же предмету, замѣчаетъ: «Если вы совершенно сошлись и условились съ Сосницкимъ относительно постановки «Ревизора» въ новомъ видѣ, то вотъ вамъ маленькое письмецо къ Сосницкому, которое влагаю незапечатаннымъ, чтобы могли прочесть его также и вы, и встрѣтить тамъ, можетъ быть, что-нибудь нужное и для собственнаго соображенія.....»

Послѣ смерти И. И. Сосницкаго, въ немногихъ оставшихся послѣ него бумагахъ, найдено упомянутое выше письмо Гоголя. Покойный артистъ очень дорожилъ имъ, и мы еще при жизни его слышали отъ Ивана Ивановича объ этомъ письмѣ. Сообщеніемъ его цитѣ на страницахъ «Русской Старины», мы обязаны почтенному артисту И. Ѳ. Горбунову. Ред.

2-го ноября 1846 года.

Если вы уже все узнали отъ Щепкина и рѣшились сдѣлать дѣло васъ достойное, добрѣйшій мой Иванъ Ивановичъ, то присоединяю еще двѣ-три строчки моей убѣдительнѣйшей просьбы. Обратите ваше вниманіе на послѣднюю сцену „Ревизора“. Обдумайте, обмыслите вновь. Изъ заключительной пьесы „Развязка Ревизора“, вы постигнете, почему я такъ хлопочу объ этой послѣдней сценѣ и почему мнѣ такъ важно, чтобы она имѣла полный эффектъ. Я увѣренъ, что вы взглянете сами другими глазами на „Ревизора“ послѣ этого заключенія, котораго мнѣ, по многимъ причинамъ, нельзя было тогда выдать и только теперь возможно. Употребите всѣ ваши силы, чтобы „Ревизоръ“ былъ обстановленъ со всѣхъ сторонъ и вполне хорошо, чтобы всѣ актеры сдѣлали свое дѣло хорошо. Вы сдѣлаете этимъ дѣло не только доброе, но истинно христіанское. (Продажа „Ревизора“ въ новомъ видѣ съ „Развязкой“ назначена въ пользу бѣдныхъ, а вы игрой своей и обстановкой можете возвысить его продажу). Не полѣнитесь сыграть сами предуготовительно передъ актерами роль Хлестакова, которую, кромѣ васъ, рѣшительно никто не можетъ выполнить. Вы можете этимъ дать имъ разъ навсегда мотивъ. Теоретически изъ нихъ никто не можетъ понять, что эту роль непременно нужно сыграть въ видѣ свѣтскаго человѣка *comme il faut*, вовсе не съ желаніемъ сыграть луна и шелкопера, напротивъ, съ чисто-сердечнымъ желаніемъ сыграть роль чиномъ выше своего собственнаго, но такъ, чтобы вышло само собою въ итогѣ всего—и лунишка, и подляшка, и трусишка, и шелкоперъ во всѣхъ отношеніяхъ. Все это вы можете внушить имъ только одной игрой своей, а словами и наставленіями не сдѣлаете ничего, какъ бы ни убѣдительно имъ рассказывали. Сами знаете, что второклассные актеры передразнить ха-

ракторъ еще могутъ, но создать характера не могутъ; насилуя себя произвести послѣднее, они станутъ даже ниже самихъ себя. Потому-то примѣръ, вами данный, болѣе наведетъ ихъ на законную дорогу, чѣмъ ихъ собственное разсужденіе. Что же касается до игры въ послѣдней пьесѣ, то-есть въ пьесѣ „Развязка Ревизора“, то насчетъ этого прочтите мои строки въ письмѣ къ Щепкину. Въ нихъ я дѣлаю ему прямо и откровенно мои замѣчанія и даже совѣты, зная, что онъ, по страсти и любви къ искусству, готовъ себя считать вѣчнымъ ученикомъ и выслушивать даже и не весьма умные по виду совѣты, даже и отъ простыхъ людей. Замѣчанія эти вы все-таки примите къ свѣдѣнію, хотя знаю, что они вамъ не совсѣмъ идутъ, потому что вашъ талантъ имѣетъ свою своеобразность и качества другія нежели у Щепкина (сильно жалалось бы мнѣ когда-нибудь увидѣть васъ обоихъ въ одной пьесѣ, въ двухъ различныхъ роляхъ, ни чуть не похожихъ одна на другую, но равно великихъ и трудныхъ, чтобъ увидѣла ясно публика, что такое собственно Щепкинъ и что такое собственно Сосницкій). Одно то, что вамъ, равно обоимъ, замѣчу и что долженъ замѣтить всѣмъ, кто бы несталъ играть въ пьесѣ „Развязка Ревизора“ первую роль, то-есть роль комическаго актера,—это то, чтобъ произносить какъ можно тверже, крѣпче и проще слова, какъ бы самую простую, но близкую къ дѣлу и нужную рѣчь. Храни Богъ отъ всякой сантиментальности и напряженнаго жару, вдругъ не станеть голоса къ концу монолога, пересохнетъ горло и останешься въ какомъ-то вяло-плаксивомъ и пьяномъ положеніи, тогда какъ слѣдуетъ пребывать во все время монолога въ трезвомъ и свѣтломъ состояніи духа. слѣдуетъ изворотиться молодцомъ. слѣдуетъ показаться полководцемъ, бодрящимъ и подстрекающимъ другихъ на битву, а не рядовымъ солдатомъ, кидаящимся самому въ пылъ сраженія. Словомъ, голосъ актера здѣсь долженъ быть побѣдоносно-торжествующій, истинно генеральскій голосъ. Этихъ словъ не пропустите, Иванъ Ивановичъ, и Щепкину также это скажите. И Богъ вамъ въ помощь обоимъ. По окончаніи пьесы, когда васъ вызовутъ, вы, раскланявшись съ публикой, скажите ей, что не угодно ли ей купить „Ревизора“, который продается, при выходѣ изъ театра, въ пользу бѣдныхъ, по рублю серебромъ съ „Развязкой“ вмѣстѣ. Кто же пожелаетъ дать больше, тотъ вручалъ бы деньги вамъ самимъ и покупалъ бы лично изъ вашихъ рукъ, а вы все это доставляйте Плетневу, которому порученъ сборъ денегъ и отъ котораго поступаютъ онѣ къ тѣмъ, на которыхъ возложена раздача бѣднымъ. Побывавъ Плетнева теперь же и спросите его, не нужно ли какого вспоможенія собственно отъ васъ въ дѣлѣ изданія „Ревизора“ относительно-ли

корректуръ или чего другого. На немъ слишкомъ навьючено теперь всякихъ обузъ и ему довольно тяжело и трудно управляться одному. За все это благодарю васъ лично, когда приведетъ Богъ встрѣтиться. Смотрите, чтобы продажа въ театральныхъ лавкахъ поручена была надежнымъ продавцамъ и не употребляйте для этого въ посредство какого-либо актера. Говорю это потому, что одинъ изъ этихъ господъ, на котораго я вздумалъ-было положиться, денежки прибиралъ къ себѣ и на нихъ кутилъ, складывая вино на продавцевъ, которые ему не приносятъ; а когда я вздумалъ, наконецъ, спросить продавцевъ, дѣло открылось. Это примите къ свѣдѣнію. На этотъ разъ грѣхъ будетъ большой на душѣ того, кто украдетъ копѣйку—денежки эти въ пользу бѣдныхъ; это имъ объявите.

Но прощайте. Если захотите мнѣ написать, хотя двѣ строчки, что мнѣ будетъ очень пріятно, адресуйте въ Неаполь (Poste restante).

Затѣмъ обнимаю васъ, искренно васъ любящій Г. ¹⁾

Смотритель училищъ въ 1829 г.

Въ Орловской губерніи довольно распространены у любителей курьезовъ копія съ прошеній нѣкоего Ильи Шелкова, бывшаго въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія штатнымъ смотрителемъ училищъ въ городѣ Сѣвскѣ. С. Н. Гавриловъ сообщилъ намъ точный списокъ съ подлинныхъ бумагъ, писанныхъ чужакомъ-педагогомъ. Бумаги эти—прошенія, доносы и объяснительныя письма Шелкова къ попечителю московскаго учебнаго округа Писареву и къ начальнику Орловской дирекціи училищъ Арсеньеву. «Какъ фактъ, свидѣтельствующій о состояніи, въ какомъ должна была находиться у насъ учебная часть при дѣятеляхъ подобныхъ Шелкову и Давыдову—настоящее дѣло, по справедливому замѣчанію г. Гаврилова, не лишено интереса.—и мы приводимъ изъ него три документа.

Ред.

Священно-избранный генераль, милостивый государь! Послѣднее убѣжище для изнуренной старости, Александръ Александровичъ Писаревъ!

Малая птичка, по повѣсткѣ матери своей, отъ налетающаго воршуна прячется подъ вѣтвистый кустъ; роды Везувія извѣщаютъ земнороднаго: „прячься, прячься въ пещеры Аппенина!“

Обетшавшая отъ 40-ка-лѣтнихъ трудовъ старость, нынчасъ съ 6-ти-лѣтками, изнуренная отъ набѣгавшихъ ненавистниковъ старости, разстрѣленная кривосудіемъ быстро-ученыхъ, гдѣ слышитъ себѣ хотя соломенную кровлю отъ гордыхъ мразовъ? Куда ей кинуться по ползкомъ?

¹⁾ Мѣсяць спустя, Гоголь отступился отъ своего намѣренія поставить на сцену «Ревизора» съ «Развязкой» и устроилъ продажу его изданія съ благотворительною дѣлюю. См. объ этомъ письмо его къ Плетневу въ изд. Кулиша т. VI, стр. 206).

Ред.

Конечно, уже къ близкой гавани Сизепольской (sic)—къ Писареву. Священно-избранный генералъ! Выслушай историческій разсказъ, старымъ поповичемъ, за 40 лѣтъ послужившимъ отечеству, составленный:

„Священной памяти визитаторъ училищъ, Федоръ Ивановичъ Чумиковъ, 1825 года, ангельски явился, ангельски дѣло свое началъ. Умный, справедливѣйшій судья, строгоразсѣпчатый, милостиво-ласковый отецъ. Чего бы дитя и не домыслилось, но естественно постигаетъ и лепечетъ на ласки священному милостивцу своему. Чумиковъ — не крикунъ; Чумиковъ бесѣдуетъ съ дѣтьми въ царскіе часы; Чумиковъ, какъ благородный судья, изъ палаты вышедшій, не поѣвствуетъ и встрѣчному и поперечному, что въ судѣ дѣлается, а рапортуетъ совѣту, отъ котораго посланъ. Чумиковъ ангельски прибыль, ангельски и простился съ дѣтьми.

„А противоположность: 1829 г., визитаторъ училищъ Давыдовъ ¹⁾ не далъ и знать о своемъ приѣздѣ; въ 7 часовъ бѣгалъ въ училищѣ съ приуготовительною сердитостью на встрѣчу мнѣ: „Шелковъ!“ пробѣжалъ съ грознымъ лицомъ изъ класса въ классъ; вопрошаетъ: „Гдѣ деньги? Гдѣ библиотека? Гдѣ письмоводство? Копь! копь! копь! и мгновенно азартно кричитъ: „Какъ вы смѣли?“ „Да, какъ вы смѣли?“ Болѣе трехъ часовъ кричалъ азартно. Богу благодареніе! Старость моя удержала свою батарею.—Вотъ почему; вотъ что дѣлается.... Но ни вниманія, ни изслѣдованія — нѣтъ. „Неправда! старики лгутъ!“ кричалъ визитаторъ... Пошелъ въ классы и назначаетъ учителямъ—Цвѣткову и Сновалову вопрошать. Какая противоположность! Визитаторъ тихъ; ложная поддѣлка учителей; блестящая красота! (№ 15 затвердилъ: „ежели“...; № 20 затвердилъ: „а буде“...).

„Дѣти 6-ти лѣтъ, ученики нижняго отдѣленія, запертые въ тѣсной горницѣ, числомъ до 40, просидѣли безъ дѣла, безъ выхода, болѣе 6-ти часовъ, опотѣли, обчесались, дремали, спали. Визитаторъ училищъ, въ исходѣ 1-го часа, указалъ спрашивать мнѣ, и не спросилъ я трехъ отвѣтовъ, какъ мгновенно вскакиваетъ и азартно кричитъ визитаторъ: „Ахъ, Боже мой! ужъ и русской-то грамоты не знаютъ!“ т. е. грамматики. А я скажу: „Россійская грамматика есть тайна Божія для 10-ти-лѣтняго, да какая еще тайна для того, на которомъ кричатъ, который болѣе 6-ти часовъ на ногахъ и дремлетъ....

Визитаторъ идетъ къ запертымъ малюткамъ, и увидѣвъ одного опотѣвшаго и дремлющаго, вскричалъ: „Не видишь ли ты, мужланъ,

¹⁾ Извѣстный впоследствии директоръ педагогическаго института Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

и сядишь?" Ко мнѣ: „Вотъ, сударь, ваша служба! Тутъ нечистоты, парши, язва, зараза!...“ Визитаторъ въ квартирѣ своей со всѣмъ усиліемъ рассказываетъ сѣвскому казначею, какъ онъ нашелъ у меня все худое, съ усиліемъ сколько разъ повторяя одно и то же. Казначей вѣзходы смѣется; учителя хохочутъ; одинъ скромный директоръ училищъ не смѣется, а оборотаясь ко мнѣ, утѣшаетъ: „Молчи, молчи; я упрошу Ивана Ивановича...“

„Визитаторъ не поддержалъ училища, а болѣе разстроилъ: учитель Сновалевъ бросилъ классы, обуявшись пьянствомъ; въ полночь вломился въ домъ благородный, буянить матершиной при молодой боярынь, дѣвицахъ, и бывъ изгнанъ, бросилъ картузь хозяйну; въ морозъ бѣжалъ болѣе 100 сажень, простудился и боленъ, ни вонъ изъ горницы уже 36 дней, а ученики бѣдствуютъ. Съ 1-го августа понинѣ я одинъ въ 3-хъ классахъ; почетный училищъ смотритель ни раза не былъ въ училищѣ въ 4 мѣсяца. Грѣхъ непростительный и училищному комитету университета! Еще въ июнѣ мѣсяцѣ выванъ изъ Сѣвска учитель Стариковъ во Мценскъ, а о сѣвскихъ ученикахъ не пошепалились: не бѣдствуютъ ли они? Кто съ ними бѣдствуетъ уже 4 мѣсяца?

Восплачуся, яко старикъ есмь русскій! Что ученые зрятъ и на монаршее заведеніе гордымъ и неснтымъ сердцемъ, а старости изнуренной, разстрѣленной ожидать ли отъ нихъ утѣшенія?

Священно-избранный генералъ! Вонми себѣ и слабди руку твою и настави сыны твоя. Есть ли для тебя на свѣтѣ что лучше, какъ старость призрѣть?

Если бы ты зналъ, каковъ я былъ въ молодости! Грейгъ, Крюкъ. Душинъ, въ Кронштадтѣ по головкѣ меня погладили за 150 ученицъ и учениковъ. Почиталъ я васъ повиновеніемъ въ молодости моей, а вы презрите меня въ старости моей: у меня есть еще законная старуха и дочь горькая..... Жалуй мнѣ пенсіонъ по новому штату и дѣло какое дай; не хочу быть празднымъ.

Милостивый попечитель! Надѣюсь и жду, что ты не забудешь старости моей. Еще, еще караю въ 3-хъ классахъ одинъ. Штатный смотритель училищъ Илья Шелковъ. 1829 года, 22-го ноября, изъ Сѣвска“.

Вслѣдствіе предписанія попечителя, директоръ училищъ немедленно ястребовалъ къ себѣ въ Орель Шелкова, поручивъ ему сдать должность смотрителя старшему по немъ учителю, но въ отвѣтъ получилъ слѣдующій рапортъ Шелкова отъ 13-го декабря, за № 293. „Предписаніе вашего высокородія, за № 3579, получено и во исполненіе оному до-

нощ. Благодареніе Богу! Я во всякую секунду готовился къ отвѣтамъ перекрестнаго огня, но вижу небесную милость начальства ко мнѣ: „для совѣщанія по дѣламъ, касающимся до службы, љзться мнѣ въ Орелъ“.

И того же бы 12-го декабря кинулся я, полетѣлъ бы къ вамъ, но естественныя есть препятствія: ей, ей! нѣтъ ни копѣчки на дорогу—300 версть.

То соблаговолите—отъ Сѣвска до Орла, отъ Орла до Сѣвска, положить прогонныхъ на двѣ лошади—15 р. и 15 к., какъ сказалъ почтмейстеръ; также на дорожное пропитаніе старику во время походное назначить изъ декабрьскаго жалованья, какую часть соблаговолите

2-е препятствіе: строптивый учитель Сновалевъ шалостями своими лишилъ невинныхъ учениковъ, отнялъ у нихъ царское ученье, пролежавъ въ квартирѣ 36 дней, и теперь чуть-чуть ходитъ, но и голосу нѣтъ.

Протоіерей Цвѣтковъ, самовольно пролеталъ сѣмо и овамо 11 дней и теперь не идетъ въ классъ. Учитель Алленовъ есть также участникъ въ нарушеніи училищнаго благоденствія; но сей незнающъ ни въ нижнемъ отдѣленіи, ни въ историческомъ классѣ.

Такъ на кого же положиться въ монаршемъ заведеніи? И еще мнѣ, и еще увѣщаваю млада протоіерея: „малыхъ сихъ дѣтей государственныхъ учиши заповѣдямъ Божиимъ, а самъ оскорбляешь монаршее заведеніе. Со строптивымъ бесѣдуешь, строптиваго слушаешь, строптивому послѣдуешь: презираешь классы.“

Вразумите и вы нарушителей; поручить мою должность протоіерею Цвѣткову, ежели уже нѣтъ лучшихъ средствъ—изъ Орла кого послать.

3-е. Какъ я уже имѣлъ несчастіе войти съ донесеніями моими не только къ вамъ, но и къ попечителю университета, то соблаговолите, чтобы я взялъ съ собою часть вакую бумагъ училищныхъ на справку мою, ибо яко старикъ изнуренный всего не припомню прошедшаго. Смотритель училищъ Илья Шелковъ“.

Вотъ предписаніе попечителя Писарева объ увольненіи Шелкова: „Министерство народнаго просвѣщенія. Московскій учебный округъ. Отъ попечителя онаго округа. 3-го декабря 1829 года. № 1,655. Господину директору орловскихъ училищъ.“

Препровождая при семъ полученную мною съ почты бессмысленную просьбу одного изъ учителей вашихъ, штатнаго смотрителя сѣвскаго уѣднаго училища Шелкова, отъ котораго неоднократно уже подобныя прежде сего получалъ, честь имѣю предложить вашему высоблагородію, вытребовавъ сего учителя къ себѣ на лицо и лично

увѣрившись въ его безразсудности, немедленно о томъ представить училищному комитету; до того же времени должность его поручить другому, и воспретить ему, чтобы онъ впредь, мимо своего мѣстнаго начальства, подобныхъ просьбъ не разсылать, вопреки всѣхъ узаконеній противъ подчиненности, и о послѣдующемъ меня особенно увѣдомить. Попечитель московскаго учебнаго округа генералъ-майоръ Писаревъ“.

Наставленіе ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультетовъ.

24 октября 1849 г.

1) Въ инструкціи ректору и деканамъ изложены ихъ обязанности и порядокъ дѣйствія въ надзорѣ за университетскимъ преподаваніемъ. Между тѣмъ современныя политическія обстоятельства и господствующія въ западной Европѣ идеи требуютъ особеннаго въ этомъ отношеніи предостереженія, которое, по самому существу своему, не подлежитъ гласности и должно быть извѣстно только лицамъ, имѣющимъ ближайшее наблюденіе за ходомъ образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

2) Ректоръ университета и деканы факультетовъ, будучи обязаны имѣть постоянный и дѣятельный надзоръ за преподаваніемъ всѣхъ вообще предметовъ, входящихъ въ кругъ университетскаго ученія, обращать особенное и самое бдительное вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыхъ изложеніе, по предосудительному духу настоящаго времени, можетъ подавать неблагонамѣренности болѣе случаевъ ко внушенію молодымъ людямъ неправильныхъ и превратныхъ понятій о предметахъ политическихъ. Таковы, напримѣръ, государственное право, политическая экономія, наука о финансахъ и всѣ вообще историческія науки, возможность злоупотребленія воихъ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію.

3) При предварительномъ разсмотрѣніи программъ этихъ наукъ, которыя, по своей важности, утверждаются министерствомъ народнаго просвѣщенія, при посѣщеніи лекцій и во время испытаній, ректоръ и деканы строго наблюдаютъ за непривосновенностію начала, служащаго основой нашего государственнаго быта. Оно состоитъ въ томъ, что Россія, какъ по мѣстному своему положенію, правамъ народнымъ и потребностямъ всѣхъ сословій, такъ и по вѣковымъ историческимъ событіямъ, упрочившимъ ея благоденствіе, не можетъ и не должна имѣть инаго образа правленія, кромѣ монархическаго самодержавнаго, въ которомъ государь, какъ покровитель церкви и отецъ отечества, есть не только средоточіе, но и соединеніе всѣхъ

властей въ государствѣ: законодательной, судебной и исполнительной. Посему въ университетскомъ преподаваніи ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допускаемо не только порицаніе нашего образа правленія, но даже изъявленіе сомнѣній въ пользѣ и необходимости самодержавія въ Россіи.

4) Въ настоящее смутное время, когда большая часть такъ-называемой, просвѣщенной Европы, забывъ евангельскую заповѣдь о повинновеніи законнымъ властямъ, поколебала и отчасти ниспровергла престолы царей съ провозглашеніемъ верховнаго властительства народа,—болѣе, нежели когда-либо надлежитъ ограждать университетское юношество отъ чуждыхъ намъ понятій о мнимомъ превосходствѣ республиканскаго или конституціоннаго правленія, объ ограниченіи монархической самодержавной власти, о равенствѣ всѣхъ состояній и тому подобнаго. Не довольствуясь отстраненіемъ этихъ зловредныхъ мнѣній, ректоръ и деканы не дозволяютъ въ программахъ и преподаваніи рѣшительно ничего могущаго ослабить чувства преданности, вѣрности и покорности высочайшей власти и законамъ отечественнымъ.

5) Въ ректорѣ и деканахъ предполагается ясное понятіе о возникшихъ въ наше время, преимущественно во Франціи, разныхъ политико-экономическихъ системахъ, каковы сенъ-симонисты, фуріеристы, социалисты и коммунисты, въ особенности о двухъ послѣднихъ, играющихъ столь важную роль въ современныхъ событіяхъ на западѣ Европы. Основная мысль ихъ, какъ извѣстно, есть достиженіе всѣми возможными средствами безусловнаго равенства. Объявивъ непримиримую войну всему, что возвышается надъ безземельною и бездомною чернью, коммунизмъ нагло подводитъ подъ свой желѣзный уровень всѣ состоянія, съ уничтоженіемъ всякихъ отличій породы, заслугъ, богатства и даже ума. Слѣди внимательно за развитіемъ столь гибельнаго и, по несчастію, преуспѣвающаго мнѣнія въ Европѣ, ректоръ и деканы будутъ тщательно отсѣкать въ разсматриваемыхъ ими программахъ и воспрещать въ устномъ преподаваніи съ каведръ все, что можетъ, даже и косвенно, содѣйствовать къ распространенію у насъ этихъ разрушительныхъ началъ или служить имъ нѣкоторою опорой. Къ сему относятся разсужденія, имѣющія цѣлію унижить достоинство и пользу каваго бы то ни было сословія въ государствѣ, или поколебать установленныя законами отношенія между разными состояніями, двусмысленные или сомнительные намѣки на счетъ несбыточныхъ теорій объ общности капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, однимъ словомъ, всякаго рода попытки притязанія пролетаріевъ въ общественной и частной собственности.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ.

Род. 2 іюля 1831 г. † 20 іюня 1872 г.

Смерть Гильфердинга навсегда останется тяжкою утратою для лицъ искренно сочувствующихъ развитію науки въ нашемъ обществѣ, столь еще бѣдномъ ея подвижниками. И чѣмъ внезапно выпала она изъ среды нашей этого дѣятеля, тѣмъ болѣе всѣхъ поразила. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть ужаснѣе: человекъ въ полномъ развитіи физическихъ и духовныхъ силъ, пріобрѣтшій всеобщее уваженіе на разнообразныхъ поприщахъ государственной и ученой, публицистической и общественной дѣятельности, — послѣ семидневной болѣзни, обращается въ бездыханный трупъ.

И гдѣ роковая смерть подстерегла свою жертву? Гдѣ скосила она безъ жалости еще одну жизнь — крайне полезную для нашего отечества?—На дальнемъ сѣверѣ, вдали отъ горячо любящей жены, вдали отъ друзей и многочисленныхъ почитателей, на рукахъ лишь преданнаго слуги, пораженнаго горемъ, а затѣмъ повергнутаго въ тотъ же недугъ, который погубилъ его господина.

А. Ѳ. Гильфердингъ скончался на 41-мъ году отъ рожденія, 20-го іюня 1872 года, въ Каргополѣ, ничтожномъ, нѣкогда ссылочномъ, городкѣ въ сѣверномъ углу Олонецкой губерніи.

Еще 7-го іюня мы видѣли его полнымъ силъ и въ обычномъ ему добромъ расположеніи духа. Весело простился онъ съ своими товарищами по службѣ и немногими знакомыми, и 8-го іюня отправился, въ сопровожденіи слуги, въ путешествіе по сѣвернымъ окраинамъ Россіи. То была вторая поѣздка его, исключительно съ ученою цѣлью, въ край суровый по климату, но привлекательный для него по тѣмъ драгоцѣннымъ памятникамъ народнаго творчества, какіе впервые открыты здѣсь г. Рыбниковымъ и которые провѣрилъ и дополнилъ по-

вымъ богатнымъ собраніемъ А. Ө. въ прошлогоднее свое туда путешствіе.

Еще 10-го іюня А. Ө. писалъ къ женѣ, что онъ благополучно проѣхалъ на трешкотѣ семьдесятъ верстъ въ 17 часовъ, и ѣдетъ далѣе, а чрезъ десять дней—его не стало. Думаютъ, что, бесѣдуя съ крестьянами, которыми былъ переполненъ трешкотъ, онъ встрѣтилъ зараженнаго тифомъ, въ свою очередь заразился, и—это свело его въ могилу ¹⁾. Такимъ образомъ онъ палъ жертвою любви къ наукѣ и той жажды любознательности, удовлетворенію которой онъ посвящалъ весь досугъ отъ занятій по службѣ.

I.

Александръ Федоровичъ родился 2-го іюля, 1831 года. Отецъ его, Федоръ Ивановичъ, многіе годы служилъ директоромъ дипломатической канцеларіи при намѣстникѣ въ Царствѣ Польскомъ, князѣ Варшавскомъ, графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ. Такимъ образомъ, въ Варшавѣ А. Ө. провелъ годы отрочества и юности. Рано потерявъ мать, нашель онъ въ отцѣ самый нѣжный, самый заботливый уходъ за его воспитаніемъ и образованіемъ. Трудно было встрѣтить чловѣка добрѣе и мягче Федора Ивановича. Всѣ свойства своего добраго сердца старикъ, какъ бы цѣликомъ, передалъ единственному своему сыну и другу. Лучшіе воспитатели и ученые, какіе 20-тъ лѣтъ тому назадъ были въ Варшавѣ, окружали Александра Федоровича, и мальчикъ, одаренный необыкновенными способностями, удивлялъ своими успѣхами, особенно въ языкахъ иностранныхъ. Не говоря уже о славянскихъ нарѣчіяхъ и о языкахъ новѣйшихъ: французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ: ими онъ владѣлъ какъ роднымъ—А. Ө. въ совершенствѣ и весьма рано усвоилъ себѣ языки древне-греческій, латинскій и впоследствии ознакомился съ языкомъ санскритскимъ.

Во всеоружіи знанія явился 17-ти-лѣтній юноша въ 1848 году въ московскій университетъ и здѣсь на самомъ трудномъ и серьезномъ факультетѣ, каковъ историко-филологическій, сразу занялъ онъ первое мѣсто. Пріѣхалъ А. Ө. въ Москву въ тяжелый для университета періодъ: рядъ стѣснительныхъ мѣръ по народному образованію тормозилъ его ходъ; но еще были даровитые труженики, еще наука въ Россіи находила подвижниковъ, и полнѣйшее средоточіе ихъ все-таки оставалось въ стѣнахъ московскаго университета.

Въ 1852 году А. Ө. блистательно кончилъ курсъ кандидатомъ.

¹⁾ См. приложение I, корреспонденцію одного изъ жителей Каргополя въ «Олонедвѣхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» о послѣднихъ дняхъ жизни Гильфердинга.

Имя его стоит первымъ въ спискѣ вышедшихъ въ тотъ годъ изъ московскаго историко-филологическаго факультета. Въ слѣдующемъ 1853 году Академія Наукъ радушно приняла на страницы своихъ „Извѣстій“ трудъ молодого ученаго: то было сочиненіе Гильфердинга: „О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ“, и въ томъ же году защищалъ онъ, на степень магистра славянскихъ нарѣчій, диссертацию подъ заглавіемъ: „Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ“ (М. 1853 г.).

По свидѣтельству историка К. Н. Бестужева-Рюмина, одного изъ товарищей Гильфердинга по университету, „московская жизнь имѣла рѣшительное вліяніе на развитіе А. О.: онъ попалъ въ кругъ А. С. Хомякова, и такимъ образомъ рано вошелъ въ соприкосновеніе съ людьми, тогда еще стоявшими, казалось, въ сторонѣ отъ движенія общественной мысли, но вліянія которыхъ на ея развитіе теперь никто отрипать не будетъ. Многихъ ненужныхъ колебаній избавился онъ этимъ счастливымъ путемъ“.

Но А. С. Хомяковъ, Кириѣвскіе, Аскаковы и весь этотъ кругъ благородныхъ и искреннихъ славянистовъ только укрѣпилъ А. О. въ томъ направленіи, какое подготовлено было въ немъ домашнимъ воспитаніемъ, его отцемъ—искреннимъ и просвѣщеннымъ патріотомъ и въ особенности уроками славяниста Паллонскаго (въ Варшавѣ), а затѣмъ университетскою наукою.

Внолнѣ отдавшись идеѣ сближенія западныхъ славянъ съ родственною имъ Россіею, молодой ученый углубился въ изученіе исторіи, нравовъ и быта народовъ западно-славянскаго міра; въ 1854 году мы видимъ его за двумя весьма замѣчательными сочиненіями: „Исторія Балтійскихъ Славянъ“ (въ „Москвитянинѣ“ и отдѣльной книгѣ т. I, М. 1855 г.) и „Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ“ (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Русской Вѣсдѣ“ и отдѣльной книгѣ М. 1856—1859 годовъ). Очень хорошо понимая, что для изученія странъ и народовъ излюбленнаго имъ славянскаго міра мало одного книжнаго труда, А. О. постарался избрать такой родъ службы, который могъ бы дать ему наиболѣе удобное положеніе для ученыхъ изысканій; въ этихъ видахъ онъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и, по заключеніи мира въ 1856 году, принялъ мѣсто консула въ Босніи. Въ теченіе трехлѣтняго служенія въ странѣ, погруженной, вслѣдствіе ея порабоженія, въ совершенное невѣжество, А. О. всесторонне изучилъ славяно-турецкій міръ, извѣдалъ край во всѣхъ направленіяхъ и результаты своихъ наблюденій передалъ въ обширномъ трудѣ: „Боснія, Герцеговина и Старая Сербія“ (С.-П.-Б. 1859 г.). „Этотъ трудъ, по отзыву историка г. Бестужева-Рюмина, радомъ

съ живыми очерками мѣстностей, заключаетъ въ себя много археологическихъ и историко-литературныхъ свѣдѣній. Сочиненіе это обратило на себя вниманіе всей русской литературы безъ различія лагерей“.

Въ то же время Гильфердингъ представилъ мастерской обзоръ новѣйшихъ движеній западнаго славянства. Этотъ обзоръ изданъ имъ для западной Европы на французскомъ языкѣ, въ особой брошюрѣ: „Les Slaves Occidentaux“, напечатанной, безъ имени автора, въ Парижѣ въ 1858 году.

Въ концѣ 1858 г. А. О. женился за границей на В. Ф. Ридель, московской уроженкѣ.

Въ 1859 году, пишущій эти строки познакомился съ семействомъ Гильфердинга и съ полною искренностію долженъ сказать, что тринадцатилѣтнее знакомство съ Гильфердингами, навсегда пребудетъ самымъ дорогимъ, самымъ отраднымъ для меня воспоминаніемъ...

II.

Въ 1861 году А. О. оставилъ службу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и принявъ приглашеніе государственнаго секретаря В. П. Буткова, поступилъ въ государственную канцелярію, гдѣ вскорѣ получилъ должность помощника статсъ-секретаря, при А. П. Заблоцкомъ-Десятовскомъ.

Здѣсь, съ 1861 по 1863 годъ включительно, А. О. Гильфердингъ работалъ въ департаментѣ государственной экономіи, какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ предсѣдателя департамента государственной экономіи К. В. Чевкина.

Дѣятельность этого департамента государственнаго совѣта—всегда обширная, весьма многосложная — была особенно трудна въ указанные выше годы: въ то время выработывалась та новая система составленія финансовыхъ смѣтъ, государственнаго бюджета, разсмотрѣнія и затѣмъ дальнѣйшаго контроля по исполненію смѣтъ и бюджета, которая легла основаніемъ въ преобразованіи финансоваго управленія Россіи. А. О. Гильфердингъ скоро явилъ отличныя способности въ дѣятельности по департаменту государственной экономіи. Обширная память, быстрота соображенія, поразительное умѣнье схватить сущность дѣла и изложить его ясно, возможно кратко и въ то же время полно — весьма скоро выдвинули А. О. на служебномъ поприщѣ.

Въ теченіе восьми лѣтъ, пишущій эти строки былъ почти ежедневнымъ свидѣтелемъ служебной дѣятельности покойнаго. Невозможно повѣрить, до какой степени легко давалась самая многосложная работа этому человѣку. Споровка и быстрота, съ какими работалъ

Гильфердингъ, почти вошли въ поговорку въ тѣхъ департаментахъ государственнаго совѣта, въ которыхъ онъ служилъ: все, что другимъ доставалось нѣрѣдко весьма усидчивымъ и упорнымъ трудомъ, что у другихъ выходило послѣ безчисленныхъ перемарокъ, то изъ-подъ пера Гильфердинга, въ немноге часы, излагалось какъ-бы шута, просто, легко, почти безъ помарокъ — и всегда въ изложеніи сжатомъ и ясномъ. Почеркъ его, встаетъ сказать, былъ очень четковъ и красивъ.....

Разъ въ недѣлю, обыкновенно по четвергамъ, вечеромъ, собирався у него небольшой кругъ друзей и знакомыхъ; въ послѣдніе годы въ эти вечера чаще всего сходились члены славянскаго комитета, и веселая, дружеская бесѣда и чтеніе новѣйшихъ произведеній литературы протягивались далеко за полночь. Въ лѣтніе мѣсяцы онъ не предавался отдыху: почти каждое лѣто предпринималъ онъ поѣздки, то къ турецкимъ славянамъ, то къ австрійскимъ, то наконецъ по Россіи...

Въ 1863 году грянула надъ Россією давно скопившаяся туча: возсталъ шляхетская Польша, двинулась дипломатическимъ походомъ вся западная Европа.

Послѣ ряда ошибокъ и колебаній Россія заговорила голосомъ смѣлымъ и достойнымъ.

Но кромѣ слова, нужно было и дѣло. И вотъ выдвигается на политическую арену дѣятель славный умомъ, по истинѣ государственнымъ, рѣшительный и смѣлый, незабвенный Н. А. Милютинъ.

Первою и едва-ли не наиболѣе блестящею его заслугою было умѣть выбрать ближайшихъ сотрудниковъ въ задуманномъ имъ, по высочайшей волѣ, всестороннемъ преобразованіи Польши. И вотъ въ числѣ лицъ, имена которыхъ тѣсно связанные съ трудами по освобожденію въ Россіи крестьянъ — навсегда пребудутъ достояніемъ исторіи, — приглашенъ на трудное дѣло А. О. Гильфердингъ.

Ему, взрослому въ Польшѣ, весьма рано ознакомившемуся и практически и научно съ язвами, снѣдавшими этотъ край; ему, посвятившему себя на изученіе славянства и на подготовку своего отечества къ осуществленію, хотя бы въ отдаленной будущности, грандіозной идеи объединенія славянскаго міра подъ главенствомъ Россіи — ему приглашеніе Н. А. Милютина было крайне дорого.

Онъ со всѣмъ пыломъ отдался новому дѣлу. Въ рядѣ блестящихъ статей, помѣщенныхъ тогда же въ газетахъ: „Письмо къ г. Ригеру“, „За что борются русскіе съ поляками“, „Въ чемъ искать разрѣшенія польскому вопросу?“, „Положеніе и задача Россіи въ царствѣ польскомъ“, и проч.— А. О. съ тѣмъ достоинствомъ, мягкостью и приличіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тою неотразимою логическою по-

слѣдовательностью,—какія отличали всегда его полемическое перо, ознакомиль отечество и Европу (его статьи явились въ переводѣ и въ иностранныхъ газетахъ) со всею исторіею, причинами и развѣтвленіями польскаго вопроса, словомъ сказать, раскрыль всю сущность русско-польскаго дѣла и провелъ параллель между народомъ-паномъ, какова есть Польша, съ ея вклерикально-шляхетской за-ваской, и народомъ-мужигомъ, т.-е. Россіей, съ ея многочисленнымъ крестьянствомъ, въ которомъ растворяется созданное искусственно дворянство.

Отчетливо выдѣливъ въ польскомъ народѣ поляка-обывателя, т.-е. шляхтича и горожанина отъ поляка-крестьянина, Гильфердингъ заключилъ одну изъ своихъ статей по польскому вопросу слѣдующими многозначительными строками:

«Если польскимъ вопросомъ называется антагонизмъ противъ Россіи высшихъ слоевъ польской націи, или польскаго обывательства, польской интеллигенціи, то этотъ вопросъ разрѣшенъ быть не можетъ: ибо онъ истекаетъ изъ принциповъ непримиримыхъ, изъ требованій, которыя никогда не будутъ удовлетворены. Этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ; но время его упразднить и отъ насъ собственно зависитъ, чтобы это стало скоро или не скоро. Польскій вопросъ будетъ упраздненъ, когда съ одной стороны польская народность утратитъ господство, не только матеріальное, но и нравственное, надъ народностью русской и литовскою въ нашемъ западномъ краѣ, и когда, съ другой стороны, устойчивая сила крестьянскихъ общинъ въ царствѣ польскомъ переработаетъ своимъ вліяніемъ старыя идеи польскаго обывательства.

«А до тѣхъ поръ, это намъ надобно сказать себѣ напередъ, власть наша надъ Польшею не перестанетъ носить на себѣ характеръ насилія. Серьезнаго, дѣйствительнаго примиренія съ польскимъ обывательствомъ, пока оно не утратитъ надежды на возвращеніе западно-русскихъ земель и пока не переродится подъ вліяніемъ крестьянскихъ общинъ, быть не можетъ. Но и въ отношеніи къ обывательству мы можемъ сдѣлать одно великое дѣло. Я говорю о просвѣщеніи. Какъ мы погрѣшили передъ польскимъ крестьянствомъ, не воспользовавшись 30-ти-лѣтнимъ миромъ, чтобы сдѣлать для него то, что приходится дѣлать теперь, среди неурядицъ и борьбы, такъ точно погрѣшили мы и передъ всѣми прочими классами польскаго общества, закрывая или затрудняя имъ доступъ къ высшему образованію. Въ ослѣпленіи своемъ, мы думали, что полякъ, мало образованный, есть врагъ менѣе опасный, чѣмъ просвѣщенный полякъ. Сколько времени въ самой столицѣ царства не было даже высшихъ классовъ гимназическаго курса? Давно ли считали нужнымъ замѣнять въ Польшѣ основательное образованіе поверхностно кое-какихъ реальныхъ и техническихъ свѣдѣній? Мы не понимали, что именно врагъ опасный для насъ польскихъ идей и стремленій есть наука и просвѣщеніе, что эти идеи и стремленія, будучи основаны на религиозномъ фанатизмѣ и исторической неправдѣ или ошибкѣ, принуждены либо игнорировать выводы науки, либо искажать ихъ. Настоящія событія въ Польшѣ доказываютъ съ достаточною ясностью, что самые злые противники наши между поляками люди или»

полуобразованные, или вовсе невѣжественные. Съ полякомъ, основательно и серьезно образованнымъ, мы можемъ еще столкнуться; полуобразованный или вовсе невѣжественный обыватель будетъ всегда игрушкою людей, которые захотятъ фанатизировать его религіозную и патриотическую ненависть къ москалямъ. Всякое правительство, коль скоро оно беретъ въ свои руки общественное образованіе, съ тѣмъ вмѣстѣ принимаетъ на себя обязательство содѣйствовать ему всѣми своими силами: это для него долгъ совѣсти передъ народомъ. Но въ Польшѣ это для насъ даже болѣе, чѣмъ долгъ совѣсти; наша прямая политическая задача, для нашей собственной пользы—развивать въ этой странѣ всѣми средствами серьезное, основательное, научное образованіе. Прежняя система имѣла въ этомъ отношеніи, между прочими, очень важный, по моему мнѣнію, недостатокъ. Мы опасались смонения юношей въ Варшавѣ и отправляли ихъ въ русскіе университеты; туда же обращали мы поляковъ, уроженцевъ западныхъ губерній, не дозволяя имъ ѣхать учиться въ Польшу. Конечно, при слабомъ управленіи и при дурной полиціи, значительное число молодежи въ столицѣ царства польскаго можетъ подать поводъ къ непріятнымъ для насъ демонстраціямъ и т. п.; во мнѣ кажется, что отъ насъ зависитъ предупреждать ихъ, и впрочемъ, всякія приключенія такого рода совершенныя пустяки въ сравненіи съ положительнымъ вредомъ, происходящимъ отъ искусственнаго удаленія польской учащейся молодежи изъ центра страны. Пусть поляки отправляются добровольно слушать лекціи въ нашихъ университетахъ; чѣмъ больше будетъ такихъ охотниковъ, тѣмъ лучше. Но когда мы насильно заставляемъ поляка учиться въ Москвѣ или въ Петербургѣ и мѣшаемъ ему ѣхать въ Варшаву, то мы тѣмъ самымъ внушаемъ ему недовѣріе къ преподаваемой у насъ наукѣ. Онъ не можетъ не сказать себѣ: «должно быть въ наукѣ, какъ ее преподаютъ въ Петербургѣ и Москвѣ, кроются какіе-нибудь правительственные расчеты: иначе зачѣмъ заставлять меня учиться непременно тамъ, а не у себя дома?» Вотъ почему русское университетское преподаваніе получаетъ такъ мало вліянія на поляковъ и оказывается вообще такъ мало способнымъ внушать имъ серьезную любовь къ наукѣ. Прибавимъ еще другую вредную сторону этой системы. Полякъ, уроженецъ Литвы или Украины, жалалъ бы ѣхать въ польскій университетъ; мы ему велимъ отправляться въ русскій. Неужели онъ отъ этого обрусѣетъ, неужели его польскій патриотизмъ ослабнетъ? Напротивъ, онъ является въ Москву или въ Петербургъ въ нѣкоторомъ смыслѣ изгнанникомъ, а въ изгнаніи, какъ извѣстно, растутъ мечты, которыя на родной почвѣ разбиваются о живую дѣйствительность. Замѣчаютъ, что лучшее средство измечить поляка изъ западныхъ губерній отъ мечтательной идеи о великой, идеальной Польшѣ—послать его въ малую дѣйствительную Польшу, т.-е. въ царство польское; а мы, вмѣсто того, отправляемъ его еще дальше отъ родной его почвы, въ русскую среду, гдѣ, окруженный чужими, онъ долженъ еще болѣе сосредоточиться въ исключительности своихъ національныхъ идей.

«Я указалъ тѣ два предмета, которые составляютъ, какъ мнѣ кажется, существеннѣйшую задачу нашу въ царствѣ польскомъ. Наша обязанность тамъ,—и для нашей собственной пользы, и для блага польской націи,—доставить самостоятельность польскому крестьянству и употребить всѣ усилія для распространенія въ Польшѣ серьезнаго, и научнаго образованія. Эти вопросы несравненно важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ царства. Никакое политическое устройство, никакая система управленія

не можетъ удовлетворить помянутъ; польскій вопросъ, какъ я сказалъ, неразрѣшимъ никакими политическими мѣрами; польскій вопросъ можетъ быть только упраздненъ, и упразднить его могутъ только социальныя средства....»

Такъ писалъ А. О. Гильфердингъ въ декабрѣ 1863 года и въ этихъ словахъ развивалъ программу тѣхъ реформъ, въ которыхъ ему довелось принять непосредственное и важное участіе: 19-го февраля 1864 года изданъ рядъ законоположеній, распространившихъ благотѣльное дѣйствіе положеній 19-го февраля 1861 года на крестьянство привислинскаго края; 30-го августа 1864 года, обнародованъ рядъ указовъ относительно устройства народнаго образованія въ Польшѣ; объ учрежденіи десяти дирекцій для наблюденія надъ народными школами, объ освобожденіи сихъ школъ изъ-подъ вѣдѣнія есендзовъ и шляхты и объ основаніи, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ сельскихъ гминъ, народныхъ училищъ; объ учрежденіи въ Варшавѣ русскихъ учебныхъ заведеній (мужской и женской гимназій съ русскимъ же начальнымъ училищемъ). Къ январю 1866 года явился рядъ уставовъ для среднихъ учебныхъ заведеній, и десять (съ того же 1866 года) губерній царства польскаго покрылись сѣтью правильно организованныхъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, съ русскимъ языкомъ для преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ ¹⁾, съ хорошо устроенною организаціею для управленія ими, значительными окладами содержанія для преподавателей и воспитательницъ и проч., и проч. Всѣ эти труды совершились въ особомъ, тогда еще не объявленномъ официально комитетѣ по дѣламъ царства польскаго, въ канцелярію котораго, въ началѣ 1864 года, и перешелъ изъ департамента экономіи А. О. Гильфердингъ, принявши также участіе и въ трудахъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.

Въ обширной дѣятельности этихъ обоихъ учрежденій А. О. принималъ самое живое участіе, и говорить о его служебныхъ трудахъ за время съ 1864 по 1872 годъ включительно, значитъ излагать всѣ тѣ обширныя законодательныя работы, которыя, выработанныя или рассмотрѣнныя въ обоихъ этихъ комитетахъ, удостоились высочайшаго утвержденія и были обнародованы въ видѣ уставовъ, положеній, указовъ, правилъ, высочайшихъ повелѣній и проч.

Такъ по польскому комитету мѣры по устройству учебной части въ царствѣ завершены были учрежденіемъ университета въ Варшавѣ, и доразвитіемъ многихъ мужскихъ и женскихъ прогимназій въ цѣляхъ гимназій. Относительно духовенства бѣлаго и чернаго,

¹⁾ Позднѣе, именно въ 1870—1871 годахъ введено преподаваніе всѣхъ предметовъ по-русски.

католическаго и грекоуніатскаго, послѣдовалъ также рядъ реформъ: закрыто множество монастырей, этихъ разсадниковъ невѣжества, политическаго и религіознаго изувѣрства въ царствѣ; духовенство освобождено отъ земель и содержаніе его, въ весьма достаточныхъ размѣрахъ, переведено на средства казны. Все административное управленіе края съ 1866 года преобразовано: съ новымъ раздѣленіемъ на губерніи и уѣзды, явились губернскія и уѣздныя правленія, при этомъ точно и ясно опредѣленъ кругъ дѣятельности этихъ учреждений особымъ положеніемъ; составлены штаты ихъ и проч. Возникла земская стража, организація, оказавшаяся съ теченіемъ времени въ высшей степени благодѣтельной для края. Наконецъ, въ концѣ 1871 и въ 1872 гг. А. О. выпала доля принять весьма дѣятельное участіе въ законодательныхъ работахъ по устройству судебной части въ царствѣ польскомъ, долженствующихъ довершить преобразованія въ этой странѣ....

Въ разностороннихъ и обширныхъ трудахъ по комитету по дѣламъ царства польскаго, Н. А. Милютинъ находилъ въ Гильфердингѣ помощника неутомимаго. Въ трудъ свой онъ внесъ обычную ясность и глубину мысли и поразительную быстроту работы; въ обширномъ образованіи и необыкновенной начитанности черпалъ онъ массу свѣдѣній, необходимыхъ для разработки важныхъ государственныхъ актовъ, являвшихся изъ-подъ его пера въ первоначальной ихъ редакціи. Какъ „редакторъ“, т.-е. какъ излагатель соображеній и рѣшеній комитетовъ и государственнаго совѣта, А. О. Гильфердингъ не многихъ имѣлъ себѣ равныхъ. Такой простоты, ясности, можно сказать, изящества въ изложеніи давно не видала государственная канцелярія, издавна между тѣмъ, со временъ еще Сперанскаго и Тургеневыхъ — привыкшая видѣть въ своей средѣ многихъ весьма способныхъ и образованныхъ чиновниковъ.

Коснувшись дѣятельности А. О. по польскому комитету, мы не станемъ излагать его трудовъ по главному комитету объ устройствѣ сельскаго состоянія, такъ какъ это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ коротко, что въ теченіе восьми лѣтъ изъ множества дѣлъ, иногда весьма сложныхъ и по существу своему важныхъ, не было почти ни одного, сколько-нибудь значительнаго, въ которомъ такъ или иначе А. О. не принималъ бы участія.

III.

Служебная дѣятельность, какъ ни была она разнообразна, и можно сказать, интересна, не могла однако вполне поглотить покойнаго. Напротивъ, наблюдая этотъ гибкій, тонкій умъ и ту поразительную

легкость и быстроту, которыя онъ проявлялъ въ своихъ трудахъ, можно было еще подумать (хотя не совсѣмъ вѣрно), что служба для него—дѣло такъ себѣ, между прочимъ, но что сущность его трудовой жизни—занятіе наукой. Да, это былъ подвижникъ науки въ полномъ смыслѣ этого слова..... Многие годы посвятилъ онъ труду весьма обширному и важному: „Исторіи Славянъ“, изъ которой весьма лишь небольшіе отрывки были напечатаны въ „Вѣстникъ Европы“. Этотъ трудъ, отличающійся широтою замысла, замѣчательною ученостью автора, перечитавшаго массу самыхъ разнообразныхъ къ нему источниковъ, такъ и остался не оконченнымъ. Невозможно и думать, чтобъ Россія, по крайней мѣрѣ скоро, выдвинула изъ среды своихъ сыновъ продолжателя этого капитальнаго и единственнаго труда, столь же ученаго и даровитаго, какимъ былъ покойный А. Ф. Гильфердингъ.

Около 1868 года, въ Петербургѣ открытъ отдѣлъ московскаго славянскаго благотворительнаго комитета. Предсѣдателемъ отдѣла и истинною душою его оживлявшаго, былъ покойный Гильфердингъ.

Дѣятельность отдѣла хорошо извѣстна изъ ежегодныхъ, своевременно-обнародованныхъ отчетовъ. Число членовъ отдѣла значительно; засѣданія его посѣщались многими лицами. Здѣсь можно было встрѣтить представителей всѣхъ классовъ и кружковъ петербургскаго общества: ученые, литераторы, артисты, банкиры, негодіанты, военные, чиновники, представители высшихъ классовъ общества—все это здѣсь соединялось Всею душою отдаваясь развивавшейся дѣятельности славянскаго комитета, Гильфердингъ не могъ не радоваться, что идея, одушевлявшая его съ юныхъ лѣтъ, о необходимости нашего духовнаго единенія съ западно-славянскимъ міромъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознание русскаго общества.

28-го сентября (10-го октября) этого года, какъ извѣстно изъ газетъ, должно было происходить торжество освященія православной церкви въ Прагѣ.

Этотъ первый храмъ православія созданъ въ столицѣ родной намъ Чехіи при усиліяхъ и пожертвованіяхъ петербургскаго отдѣла славянскаго комитета, правильнѣе сказать благодаря энергіи его предсѣдателя.

И вотъ на этомъ многознаменательномъ торжествѣ не суждено присутствовать одному изъ главнѣйшихъ его виновниковъ!

Что-то будетъ теперь, послѣ кончины Гильфердинга, съ петербургскимъ отдѣломъ славянскаго благотворительнаго комитета?

Онъ его создалъ, онъ провелъ его среди нѣкоторыхъ преградъ явившихся въ началѣ его бытія; онъ развилъ его дѣятельность, на-

конецъ близко было то время, когда разсѣялась бы и послѣдняя тѣнь предубѣжденія, существующая и въ литературѣ и въ обществѣ, противъ дѣятельности такъ-называемыхъ „славянофиловъ“; но сомкнулись вѣжды лучшаго изъ поборниковъ идеи славянства въ Россіи, и кто знаетъ апатію нашего общества и его неустойчивость во всякомъ добромъ начинаніи, тотъ не удивится, если послѣ немногихъ лѣтъ замретъ и память о петербургскомъ славянскомъ комитетѣ.....

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ А. Ѳ. былъ председателемъ этнографическаго отдѣленія географическаго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что географическое общество вообще и этнографическое ея отдѣленіе въ особенности поснѣшить воздать должное заслугамъ покойнаго на поприщѣ разработки этнографіи нашего отечества.

Независимо отъ того, что въ годы председательства Гильфердинга засѣданія отдѣленія этнографіи значительно оживились, а литература наша пріобрѣла нѣсколько капитальныхъ трудовъ по этнографіи, таковы: „Сборникъ пѣсень, г. Шейна“, „Сборникъ народныхъ заклинаній Л. Майкова, труды гг. О. Миллера, Носовича (бѣлорус. загадки и послов.), Барсова („духовные стихи“), Микуцкаго („остатки жизни Полабскихъ славянъ“) и друг., самъ уважаемый председатель принесъ многоцѣнный вкладъ въ науку этнографіи. Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1871 года, онъ, съ немалыми трудностями, нерѣдко верхомъ, но самымъ непроѣзднымъ тропинкамъ, объѣздивъ самыя дальнія глухія заолустья Олонецкой губерніи и смежныхъ съ нею уѣздовъ другихъ губерній, и вывезъ оттуда громадное собраніе былинъ ¹⁾. Образчики этого собранія были представлены имъ на страницахъ „Русской Старины“ (изд. 1871 г., т. IV, стр. 451—459 и 1872 г., т. V, стр. 497—517). По его стараніямъ петербургское общество имѣло случай познакомиться съ однимъ изъ замѣчательныхъ пѣвцовъ былинъ, 78-ми-лѣтнимъ старикомъ Рябининимъ ²⁾. Этотъ крестьянинъ былъ зимою 1871 г. въ Петербургѣ и пѣлъ въ засѣданіяхъ этнографическаго общества, славянскаго комитета и у многихъ лицъ на дому. Читатели газетъ конечно помнятъ тотъ характеристическій эпизодъ, который произошелъ въ совѣтѣ географическаго общества, когда этнографическій отдѣлъ вошелъ съ ходатайствомъ о награжденіи Рябинина медалью. Въ газетахъ было въ то время рассказано, съ какимъ достоинствомъ А. Ѳ. Гильфердингъ велъ себя въ этомъ

¹⁾ Весьма любопытное описаніе этой поѣздки помѣщено Гильфердингомъ въ III кн. «Вѣстника Европы» 1872 г.: «Олонецкая губернія и ея народныя расказы» (стр. 82—130).

²⁾ Портретъ этого пѣвца былинъ, въ прекрасной гравюрѣ академика А. Л. Свѣрякова, приложенъ къ 8-й книгѣ «Русской Старины» 1872 г.

пререканіи и о томъ, какъ Рябинину, по ходатайству августѣйшаго председателя географическаго общества, высочайше дарована была медаль.

Поѣздка, предпринятая А. Ф. нынѣшнимъ лѣтомъ съ тою же ученою цѣлью собранія этнографическихъ матеріаловъ, въ самомъ началѣ привела его къ преждевременной смерти....

IV.

Ученые и публицистическіе труды покойнаго были весьма разнообразны и многочисленны. Въ теченіе 20-ти лѣтъ (съ 1852—1872 годовъ) они появлялись въ весьма многихъ органахъ нашей печати, а именно: въ „Извѣстіяхъ Ц Отдѣленія Академіи Наукъ“, „Запискахъ Географическаго Общества“, „Русской Бесѣдѣ“, „Днѣ“, „Русскомъ Инвалидѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Отечественныхъ Запискахъ“, „Русскомъ Словѣ“, „Москвитянинѣ“, „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Голосѣ“, „Зарѣ“ „Энциклопедическомъ Словарѣ“, и въ „Русской Старинѣ“.

Въ 1868 году пишущему эти строки удалось убѣдить покойнаго собрать хотя нѣкоторые изъ болѣе замѣчательныхъ его статей, разсѣянныхъ по журналамъ и газетамъ и выпустить въ свѣтъ въ отдѣльномъ изданіи. Мы предложили даже свои труды и средства по напечатанію этого перваго собранія его сочиненій. Всегда скромный, А. Ф. долго не соглашался, навонецъ, намъ удалось его убѣдить.

Изданіе вышло въ свѣтъ въ томъ же 1868 году, подъ его редакцію, въ двухъ томахъ, въ большую осьмушку, весьма изящно отпечатанное на хорошей бумагѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „Собраніе сочиненій А. Гильфердинга“. Томъ I (440 стр.), т. II (600 стр.). Цѣна за оба тома 5 рублей. ¹⁾

Въ первомъ томѣ помѣщены: „Исторія Сербовъ и Болгаръ“ (въ 2-хъ частяхъ), „Исслѣдованіе о Кириллѣ и Методіи“, и „Очеркъ исторіи Чехіи“.

Во второмъ томѣ — подъ общимъ заглавіемъ: „Статьи по современнымъ вопросамъ славянскимъ“ — собрано восемнадцать наиболѣе замѣчательныхъ монографій Гильфердинга. Они обнимаютъ собою весь славянскій міръ, какъ западный, такъ и восточный. Статьи эти слѣдующія: 1) Славянскіе народы въ Австріи и Турціи. 2) Народное возрожденіе сербовъ-лужичанъ въ Саксоніи. 3) Развитіе на-

¹⁾ Авторъ подарилъ въ бібліотеку пишущаго эти строки особый бібліографическій экземпляръ своихъ сочиненій съ надписью: «Виновнику бытія сей книги».

родности у западныхъ славянъ. 4) Венгрія и славяне. 5) Историческое право хорватскаго народа. 6) Государственное право сербскаго народа въ Турціи. 7) Чѣмъ поддерживается православная вѣра у южныхъ славянъ? 8) Взглядъ константинопольскаго грека на болгарскія и славянскія дѣла. 9) Духъ народа сербскаго. 10) Гавличекъ. 11) Славянскія народности и польская партія въ Австріи. 12) Взглядъ западныхъ славянъ на Россію. 13) Письмо къ г. Ригеру въ Прагу о русско-польскихъ дѣлахъ. 14) Польскій вопросъ. 15) Литва и Жмудь. 16) Россія и ея инородческія окраины на западѣ. 17) Древній Новгородъ. 18) Сельская община.

Одинъ перечень статей, вошедшихъ въ это изданіе, указываетъ на разнообразіе и интересъ его. Желательно, чтобы и всѣ остальные сочиненія Гильфердинга, разбѣянные въ поименованныхъ выше періодическихъ изданіяхъ, были собраны въ послѣдующіе томы этого собранія и выпущены въ свѣтъ. Академія Наукъ должна бы принять на себя изданіе его „Исторіи славянъ“; этимъ бы она загладила тотъ стыдъ, который нанесенъ ей нѣмецкими ея сочленами, забалотировавшими, года два тому назадъ, Гильфердинга—въ члены академіи,—единственно вслѣдствіе служенія его славянству и анти-нѣмецкимъ интересамъ.

Обширный сборникъ собранныхъ Гильфердингомъ въ 1871 г. былинъ и побывальщинъ, еще при жизни автора, начатъ изданіемъ въ особой книгѣ, въ большую осьмушку, въ два столбца; вся рукопись (1203 полулиста) приготовлена къ печати и сдана въ типографію самимъ А. Ѳ.—мъ; до сихъ поръ отпечатано съ небольшимъ 20-ть листовъ, весь же томъ будетъ изъ 40 листовъ. П. А. Гильтебрандтъ, принимавшій участіе въ первой половинѣ труда Гильфердинга, передалъ окончаніе печатанія сборника профессору петербургскаго университета О. Ѳ. Миллеру.

V.

Въ заключеніе нашего очерка, остановимся на нравственныхъ качествахъ покойнаго Гильфердинга. Обыкновенно въ умершихъ находятъ одни лишь достоинства; но мы отъ всей души должны сказать, что наши похвалы вызываются полнѣйшею правдою, а отнюдь не обычаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, ссылаясь на всѣхъ, кто только зналъ А. Ѳ. Гильфердинга, скажемъ отъ всего сердца, что благороднѣе, гуманнѣе, добрѣе этого человѣка не было въ нашемъ обществѣ. У него были друзья, были пріятели, были многочисленные знакомые, но не было завистниковъ и враговъ. Не только во всю жизнь онъ никому не сдѣлалъ зла, но никто, положительно никто не слышалъ отъ него о комъ-либо дурного слова. Сдержанность и замѣча-

тельный тактъ въ обращеніи были отличительными чертами его характера. Еще менѣе расположенія было въ немъ къ педантизму: какъ въ служебныхъ, такъ и въ частныхъ отношеніяхъ онъ былъ всегда одинаковъ, всегда готовъ помочь словомъ и дѣломъ. Двадцатилѣтняя служба въ канцеляріяхъ не очерствила его сердце и не измѣнила его гуманнаго обращенія съ знакомыми и сослуживцами... Постоянно привѣтливый, онъ никогда даже не былъ, какъ говорится, невѣ духѣ. По крайней мѣрѣ, въ тринадцать лѣтъ нашей дружбы я не видывалъ, чтобы нездоровье, многосложные труды, или какія-либо неприятыности и горе (а у него было его не мало) сколько-нибудь повліяли на всегда ровное, неизмѣнно доброе состояніе духа. Повторю совершенно справедливыя слова К. Н. Бестужева-Рюмина:

„Личности, болѣе изящной, какимъ былъ покойный А. О. Гильфердингъ, какъ въ умственномъ, такъ и нравственномъ отношеніяхъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, не случалось видѣть... Будемъ надѣяться, что такія лица являются въ обществѣ не даромъ, что они своимъ примѣромъ и воспоминаніемъ о себѣ приносятъ существенную пользу“.

Редакція „Русской Старины“, съ чувствомъ глубокой скорби занося на свои страницы эту тяжкую для нашего отечества утрату, — долгомъ считаетъ засвидѣтельствовать, что въ немъ она находила всегда добрый совѣтъ и поддержку въ трудахъ по изданію, и самая программа нашего ежемѣсячнаго сборника была составлена при содѣйствіи А. О. Гильфердинга.

Послѣ Александра Ѳедоровича осталась прекрасная бібліотека (слишкомъ 6 т. томовъ), собранная съ большимъ выборомъ. Желательно, чтобы она, въ полномъ составѣ, была приобрѣтена какимъ-либо ученымъ обществомъ или учрежденіемъ въ Россіи.

Рукописи, вывезенныя Гильфердингомъ изъ славянскихъ земель, еще при жизни, проданы имъ одному московскому купцу, какъ мы слышали, за 6 т.

Бумаги покойнаго, по его завѣщанію, разобраны К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, В. И. Ламанскимъ и г. Будиловичемъ. Ред.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Письмо изъ Каргополя о болѣзни Гильфердинга.

«По словамъ камердинера, Ефима Ивановича, который за болѣзнію три недѣли находился въ Каргополѣ, въ больницѣ, Гильфердингъ ѣхалъ по Свиря на пароходѣ съ начальникомъ губерніи, Г. Г. Григорьевымъ, возвращавшимся изъ Лодейнаго-Поля, и былъ совершенно здоровъ. Разставшись съ губернаторомъ на Вознесенской пристани, Александръ Ѳедоровичъ, увлекаемый интересами

науки, захотѣлъ пробить нѣкоторое время между толпой простого народа, прислушаться къ его говору, услышать старинную пѣсню и т. п., а потому отправился до Вытегры на трешкотѣ. Нельзя утверждать положительно, но очень вѣроятно, что здѣсь-то онъ и заразился смертельной болѣзью. На трешкотѣ всегда толпа чернаго, рабочаго народа, въ которой часто бывають подбольные или заболѣвающіе тифомъ; доѣхавъ до Вытегры, они обыкновенно поступаютъ въ больницу; да и вообще скучиваніе большой массы рабочихъ людей въ одномъ мѣстѣ, подъ палящими лучами солнца, не можетъ не повліять вредно на свѣжаго съ слабымъ организмомъ человѣка, попавшаго въ эту массу. Какъ только покойный сошелъ въ Вытегрѣ съ трешкота, тотчасъ почувствовалъ упадокъ силъ, потерю аппетита и общее разстройство здоровья, но, къ несчастью, такъ мало придавалъ всему этому значенія, что вовсе не обратился къ доктору за совѣтомъ; а докторъ, конечно, сдѣлалъ бы правильную діагностику и выяснилось бы тогда, что у него развивается страшная болѣзнь — брюшной тифъ. Немедленное возвращеніе въ столицу на пароходѣ, привычная обстановка, попеченія родныхъ и искусство врачей — болѣе чѣмъ вѣроятно спасли бы жизнь нашего ученаго; но судьба опредѣлила иначе. По какому-то необъяснимому ослѣпленію, а очень можетъ быть, вслѣдствіе утраты сознанія, почти въ бреду, покойный считалъ себя совершенно здоровымъ, за исключеніемъ потери аппетита, а потому выѣхалъ изъ Вытегры и проѣхалъ еще 200 верстъ по гористой дорогѣ. По приѣздѣ въ Каргополь, 15-го іюня, вечеромъ, симптомы болѣзни выразились съ такой силой и въ такихъ формахъ, что продолжать поѣздки было невозможно, и врачебная помощь оказывалась необходимою. Нашъ городской врачъ, докторъ медицины Волоцько, призванный къ больному, съ ужасомъ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ быстро развивающимся брюшнымъ тифомъ, а отъ прислуги узналъ, что болѣзнь, имѣвшая въ высшей степени острый характеръ, продолжается уже нѣсколько дней. Самъ же больной увѣрялъ, что онъ совершенно здоровъ и просилъ только объ одномъ: возвратитъ ему аппетитъ. Докторъ съ перваго раза увидѣлъ, что болѣзнь развита въ такой степени, при которой благополучный исходъ весьма сомнителенъ, за всѣмъ тѣмъ взялся за леченіе съ неутомимой энергіей и посѣщалъ своего пациента 10—15 разъ въ сутки. Между тѣмъ, по прибытіи покойнаго въ Каргополь, на другой день послана была телеграмма къ супругѣ его въ Петербургъ, извѣщавшая объ опасной болѣзни ея мужа. Черезъ четыре часа отвѣтъ: «Принять всевозможныя мѣры къ спасенію страждущаго, не жагѣя никакихъ издержекъ». 18-го іюня, когда была потеряна всякая надежда, докторъ, чтобъ не поразить внезапнымъ ударомъ родственниковъ своего пациента, уклонился отвѣтомъ на полученную телеграмму отъ г-жи Гильфердингъ, просившей сообщить о положеніи мужа, и телеграфировалъ на имя г. Б. Р., своего человѣка въ семействѣ Гильфердингъ, — что надежда на выздоровленіе немыслима, а потому просилъ приготовить супругу и родныхъ къ роковому извѣстію. Наконецъ, 20-го іюня, во вторникъ, около полудня, послѣ сильной рвоты, послѣдовала смерть — и въ тотъ же день получена телеграмма изъ Петербурга, извѣщавшая, что г-жа Гильфердингъ собирается выѣхать въ Каргополь и привезти съ собой доктора. Г. Волоцько отвѣчаетъ черезъ того же г. Б. Р., что все кончено, и послѣ этого телеграфъ передаетъ уже только распоряженія относительно похоронъ, отправки тѣла въ Петербургъ и проч.».

II. Поминки Гильфердинга въ Карлсбадѣ.

Вѣсть о смерти А. О. Гильфердинга была принята русскимъ обществомъ съ глубокимъ соболѣзнованіемъ; оно поспѣшило выразить уваженіе къ памяти достойнаго дѣятеля. Во многихъ періодическихкихъ нашихъ изданіяхъ появились, проникнутые глубокимъ чувствомъ, некрологи (особенно замѣчательна статья о покойномъ, одного изъ его близкихъ друзей, профессора К. Н. Бестужева-Рюмина въ газетѣ «Голосъ») ¹⁾. Въ Петербургѣ—Славянскимъ комитетомъ, русскимъ кружкомъ въ одномъ изъ городовъ Прибалтійской окраины, и въ Каргополѣ отслужены панихиды по покойномъ...

За роднымъ рубежемъ, въ Карлсбадѣ, протоіерей от. Кустодіевъ, послѣ литургіи, отслуженной 24-го іюня въ русской церкви, взволнованнымъ голосомъ объявилъ присутствовавшимъ вѣсть о смерти А. О. Гильфердинга; при этомъ почтенный священникъ сказалъ, какъ извѣстилъ корреспондентъ газету «Голосъ», приблизительно слѣдующее: «Нынѣ дошло сюда горестное извѣстіе о смерти извѣстнаго нашего литературнаго, общественнаго и даже церковнаго дѣятеля Александра Феодоровича Гильфердинга. Извѣстіе это до того меня поразило, что я чувствую потребность сообщить его вамъ, и сообщать именно здѣсь, въ храмѣ. Конечно, немногіе изъ васъ не знаютъ имени покойнаго; вижу среди васъ и людей, знавшихъ его лично, какъ и я зналъ его. Александръ Феодоровичъ умираетъ еще молодымъ, когда, по нашимъ человѣческимъ расчетамъ, нужно бы было еще надѣяться на долгую его жизнь, и умираетъ, судя по короткому извѣстію о его смерти въ Каргополѣ, жертвой своихъ ученыхъ трудовъ на нашемъ дальнемъ сѣверѣ, куда онъ благополучно отправлялся и въ прошломъ году для своихъ ученыхъ изысканій. Мысль его многоплодно простиралась и на сѣверъ, но она болѣе утверждалась на югѣ въ той великой задачѣ, къ рѣшенію которой онъ стремился съ свойственною ему настойчивостью и благоразуміемъ. Вотъ чтѣ сердечно жаль: молодымъ онъ оставилъ эту жизнь! Чтѣ-то есть странное и страшное въ томъ, замѣченномъ уже явленіи, что у насъ добрые и энергическіе дѣятели, почти на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, умираютъ преждевременно. Впрочемъ, беру назадъ слово преждевременно по отношенію къ усопшему нашему собрату: не въ храмѣ, не передъ Богомъ произносить это слово. Господь дѣлаетъ все въ свое время, а жизнь наша въ рукахъ Господа. Мы потеряли въ усопшемъ, чтѣ особенно нужно замѣтить и чего особенно недостаетъ въ нашей общественной и церковной дѣятельности, дѣятеля съ энергіей и послѣдовательностью въ тѣхъ задачахъ, которыя онъ преслѣдовалъ. Будемъ помнить это, примемъ къ сердцу эту потерю. Помогимся объ усопшемъ, да Господь Богъ изъ его смерти, какъ изъ сѣмени, воздвигнетъ тысячи подобныхъ дѣятелей».

Послѣ этого, протоіерей Кустодіевъ отслужилъ панихиду по усопшемъ, за которою оставались всѣ присутствовавшіе въ храмѣ за обѣдней.

III. Погребеніе Гильфердинга въ Петербургѣ.

4-го іюля, рано утромъ, тѣло А. О. Гильфердинга привезено въ Петербургъ изъ Каргополя въ свинцовомъ гробѣ; его тогда же встрѣтила большая толпа

¹⁾ Кромѣ статьи г. Бестужева-Рюмина въ «Голосѣ» (№ 53, 23-го іюня), укажемъ статьи о Гильфердингѣ: въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1872 года, №№ 168 и 195; въ «Бирж. Вѣд.» статья П. А. Гильтебрандта (іюнь 1872 г.) и въ «Вѣстникѣ Европѣ» 1872 г., вн. 8 статья г. А. П.

знакомыхъ я почитателей покойнаго. На пароходѣ «Царь», на которомъ привезено тѣло, совершена была литія архимандритомъ въ сослуженіи нѣсколькихъ іереевъ. Родственники, друзья и близкіе покойнаго Александра Федоровича вынесли къ пристани на рукахъ тяжелый гробъ и поставили на приготовленную колесницу. Печальная процессія потянулась черезъ весь городъ къ Новодѣвичьему монастырю, гдѣ послѣ заупокойной обѣдни было предано землѣ тѣло ученаго труженика.... Вотъ слово, сказанное при совершеніи печальнаго обряда ректоромъ санктпетербургской духовной семинаріи, архимандритомъ Хрисанфомъ. Оно настолько замѣчательно, что не должно затеряться въ газетныхъ листахъ. Перепечатываемъ его съ позволенія о. Хрисанфа и съ его поправками:

«Не часто и не во множествѣ являюся среди насъ лица, подобныя умершему, съ которымъ такъ неожиданно расстаемся мы нынѣ на вѣки... Его смерть есть потеря не для близкихъ только его сердцу, не для друзей его только. Это потеря общественная. Говоря это, мы, конечно, высказываемъ лишь общую мысль, общее чувство всѣхъ окружающихъ въ настоящую минуту его гробъ. Да, имя умершаго, какъ общественнаго дѣятеля, извѣстно всей мыслищей Россіи, оно не безизвѣстно и за ея предѣлами, во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ слышится наша родная, славянская рѣчь—отъ сѣвера до горъ Карпата и до нашего стариннаго «синяго моря» ...

«Это былъ слугитель науки, знанія. Всякое знаніе есть нравственная сила, движущая человѣка по пути къ совершенству. Таково оно и предъ христіанскимъ Богомъ, который есть Богъ «разумовъ». Но наука, которой служилъ почившій, имѣетъ для насъ особенное нравственно-жизненное значеніе. Она касается самаго близкаго къ намъ вопроса—вопроса о насъ самихъ, о нашей родной странѣ съ ея завѣтными вѣрованіями и преданіями, о нашемъ народѣ и его сродствѣ съ другими единоплеменными народами, о нашемъ внутреннемъ духовномъ складѣ, о нашемъ народномъ характерѣ. Изучить народный языкъ, органъ нашей духовной жизни, уяснить народныя преданія и вѣрованія, оставшіяся отъ былыхъ временъ, уловить складъ народной мысли и чувства, войти въ самый духъ народной жизни, показать живую связь его бытовой жизни съ другими однородными племенами—вотъ задачи его научной дѣятельности.

«Нужно ли говорить о важности этой задачи, о томъ, что съ этимъ вопросомъ о нашемъ народномъ самосознаніи связанъ вопросъ о нашемъ будущемъ, что развитіе національнаго чувства и сознанія обуславливаетъ собою самый ростъ народной жизни? Первый признакъ нравственнаго развитія народа, какъ и отдѣльнаго человѣка—это чувство самосознанія, самоуваженія. Гдѣ нѣтъ этого самосознанія, тамъ нѣтъ и разумнаго стремленія къ лучшему, совершеннѣйшему. Тамъ младенчество, дѣтство народной мысли. Гдѣ нѣтъ любви къ своему родному, ближайшему, тамъ нѣтъ любви ни къ кому, ни къ чему—тамъ апатія, нравственное усыпленіе. Напрасно мнимые граждане цѣлаго міра—космополиты, хотя бы прикрыть свое бездушное чувство именемъ любви къ цѣлому человѣчеству. Человѣчество мы узнаемъ прежде всего въ лицѣ народа, которому принадлежимъ. Его только и можно любить живой любовью. Иначе нѣтъ для насъ предмета живой привязанности. Иначе это человѣчество существуетъ для насъ только въ понятіи, въ идеѣ.... Нѣтъ, народъ, незнающій себя, непривязанный къ своей родной землѣ, бесплодная вѣтвь на деревѣ челоуѣчества, ничего не внесетъ онъ изъ себя и въ общее достояніе народовъ міра.... Впрочемъ, не въ виду этого гроба одного изъ ревностныхъ подвижниковъ народной идеи раскрывать эту несомнѣнную истину.

«Но этотъ, такъ важный для нашей общественной жизни, вопросъ былъ особенно важенъ въ наше время, и именно потому, что до послѣдняго времени мы не знали и не хотѣли знать себя. Это былъ одинъ изъ самыхъ живыхъ, современныхъ вопросовъ, потому что только теперь мы начинаемъ приходить къ сознанію необходимости самостоятельной жизни среди другихъ народовъ, только нынѣ начинаетъ развиваться въ насъ чувство народнаго самоуваженія, только недавно вспомнили мы и о нашихъ единокровныхъ братьяхъ, нѣкогда близкихъ къ намъ, а теперь удаленныхъ отъ насъ и пространствомъ, и своими историческими судьбами. Въ продолженіе дѣлаго столѣтія мыслью и чувствомъ мы тяготѣли къ жизни другихъ народовъ, забывая о своей родной странѣ, мы знали ее мевѣ, чѣмъ страны отъ насъ далеки, мы отчуждались и отъ вѣрм нашихъ отцовъ и отъ народнаго быта. Отъ насъ исходили ревнителн и ревнительницы чуждыхъ намъ религій, поборники чуждыхъ намъ интересовъ.

«Хвала тебѣ, почившій поборникъ національныхъ стремленій, за то, что своимъ словомъ будилъ нашу народную мысль; хвала и всѣмъ еще прежде него почившимъ братьямъ, среди которыхъ воспитался умершій и которые были первыми, еще мало признанными проповѣдниками народной идеи.

«Но почившій собратъ нашъ служилъ своему дѣлу и призванію не однимъ научнымъ трудомъ. Много значить его литературная дѣятельность, но далеко не все. Онъ любилъ свое призваніе, говоря словами писанія: «Не словомъ, ниже язкомъ, но дѣломъ и истиною». Это была одна изъ тѣхъ живыхъ, энергическихъ натуръ, которыя стремятся воплотить слово въ дѣло и фактъ, для которыхъ мало было отозваться на современную потребность однимъ словомъ сочувствія.

«Это былъ дѣятель въ полномъ и широкомъ смыслѣ слова.... Не напрасно и не по имени только здѣсь, у насъ, онъ былъ центромъ всѣхъ живыхъ, дѣятельныхъ стремленій нашихъ во имя славянства. Всѣ мы знаемъ это, знаютъ объ этомъ и тамъ — среди самихъ славянскихъ племенъ. Въ самой государственной службѣ онъ является, какъ ревностный помощникъ одного, также недавно умершаго поборника русскаго дѣла, русскихъ интересовъ въ борьбѣ съ одноплеменнымъ, но непріязненнымъ намъ народомъ. Словомъ, вся жизнь его была однимъ нераздѣльнымъ, дѣльнымъ служеніемъ одному дѣлу — одной національной идеѣ.

«Но не то же ли говорить о немъ и самая смерть его, такъ поразившая насъ своею неожиданностью? Предъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призванію, жертва ревности къ своему дѣлу. Смерть востигла его въ глухомъ краю, куда стремился онъ единственно за тѣмъ, чтобъ собрать дорогія для него преданія народной жизни изъ устъ народа, среди котораго еще уцѣлѣли слѣды первобытныхъ временъ, имѣющіе скоро и здѣсь исчезнуть.... Конецъ, достойный жизни!

«Правда, жертва эта не искупаетъ нашей потери.... Еще много и много обѣщала эта жизнь, прерванная такъ внезапно и среди полнаго развитія своихъ силъ.... Фактъ, повидимому, совершенно подавляющій мысль.... Съ нимъ никакъ не мирится наше чувство.

«Да! смерть разумныхъ существъ вообще есть печальная тайна, «тайнство» какъ называетъ ее церковь.... Въ эту тайну съ трудомъ проникаетъ наша мысль. Что значить эта смѣна разумной жизни этимъ видимымъ ничтожествомъ? зачѣмъ жизнь носить въ себѣ зародышъ смерти и откуда въ ней эта

другая, враждебная ей сила смерти? Что дѣлается при этомъ съ разумнымъ достоинствомъ нашего духа, ужели и оно гибнетъ?... На эти вопросы не отвѣчаетъ наша мысль, или отвѣчаетъ колеблясь, съ недоумѣніемъ...

«Но мы адѣсь, въ храмѣ живаго Бога, который не сотворилъ смерти и самъ не знаетъ измѣненій. Мы вѣруемъ въ глаголы вѣчной жизни, исходящія изъ Того, кто Самъ есть воскресеніе и жизнь; мы знаемъ, что сила духа и мысли—самая царственная и господственная изъ всѣхъ міровыхъ силъ, та сила, что покоряетъ себѣ всѣ силы природы, сама не можетъ умереть, смѣшаться съ этими другими силами, исчезнуть въ общей жизни природы, что она не «разліется, яко мягкій воздухъ».... Мы знаемъ также, что не умираетъ и достоиніе разумной жизни въ исторіи. Надъ нами есть высшая сила, сила Провидѣнія, которая движетъ и направляетъ судьбы человечества. Не случайны созданія нашей разумной жизни и не затѣмъ являются онѣ, чтобъ когда-либо случайно погубила ихъ слѣпая сила природы, чтобъ онѣ бесслѣдно исчезли отъ какой-нибудь физической катастрофы, какъ думаетъ объ этомъ та мудрость, что не признаетъ ничего, кромѣ бездушныхъ силъ матеріи.

«Смерть въ физическомъ смыслѣ есть зародышъ новой жизни. Въ социальномъ и нравственномъ она есть также сѣмя будущаго. Не затѣмъ является живая многоплодная мысль, чтобъ пропасть и затеряться. Не умираютъ, не умрутъ высокія нравственныя начинанія. Они развиваются и осуществляются дѣятелями, оставшимися въ живыхъ, и грядущими поколѣніями. Таковъ законъ исторіи, указанный Провидѣніемъ. Не умереть, не должна умереть среди насъ и дѣятельность почившаго, посвященная высокой нравственной дѣли.

«Итакъ, намъ, живымъ, и нашимъ грядущимъ родамъ предстоитъ развить, докончить начатое имъ и его предшественниками. Да не оскудѣваетъ же въ насъ вѣра въ правоту общаго—ихъ и нашего—дѣла. Вѣрою жили они, только вѣрою и умирали, не приемше обѣтованій. Слово ихъ было только словомъ, и не возбуждало сочувствія. Но вѣра оправдала ихъ. Воспринявшій отъ нихъ эту вѣру нынѣ почившій дѣтель видѣлъ уже лучшіе дни для своей дѣятельности.... Будемъ надѣяться, что мы увидимъ дни еще лучшіе.

«Вотъ завѣтъ, данный намъ смертью одного изъ ревностныхъ поборниковъ нашихъ народныхъ стремленій. Предъ его гробомъ дадимъ обѣтъ навсегда быть вѣрными нашему общему родовому дѣлу, нашей отечественной странѣ.....

«А ему восдадимъ благодарность за его ревность, за его труды на общую пользу. Теперь, когда онъ уже не существуетъ для нашего міра, и здѣсь, предъ лицомъ Бога, съ нашей стороны самымъ лучшимъ выраженіемъ благодарности къ нему можетъ быть только теплая молитва къ Вѣчному Источнику жизни объ успокоеніи души его.

«Помолимся же, да Господь «учинитъ душу его идѣже вси праведніи упокоются».

СПИРИДОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ПАЛАУЗОВЪ.

† 14-го августа 1872 г.

Вскорѣ послѣ смерти академика П. П. Пекарскаго, послѣдовавшей въ нынѣшнее лѣто въ Павловскѣ, тамъ же, 14-го августа, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался, 53-хъ лѣтъ отъ роду, другой, русскій ученый, Спиридонъ Николаевичъ Палаузовъ, хотя не столько извѣстный, но также не мало потрудившійся для русской науки. Покойный С. Н. Палаузовъ получилъ весьма основательное и многостороннее образованіе; онъ зналъ весьма хорошо древніе языки: греческій и латинскій; изъ новыхъ языковъ: нѣмецкій, французскій и итальянскій, почти всѣ славянскія нарѣчія и языкъ турецкій. Болгаринъ по происхожденію, онъ родился 16-го іюля 1818 г. въ Одессѣ, и послѣ окончанія курса тамъ въ лицей, отправился для усовершенствованія своего за границу, гдѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изучалъ въ разныхъ университетахъ преимущественно историко-филологическіе предметы, а въ мюнхенскомъ университетѣ и науки политико-экономическія, за что и былъ удостоенъ этимъ университетомъ ученой степени доктора политико-экономическихъ наукъ. По возвращеніи въ Россію, онъ поселился сначала въ Москвѣ и выдержалъ тамъ въ университетѣ, въ 1845 году, испытаніе на степень кандидата по 1-му отдѣленію философскаго факультета (т.-е. историко-филологическаго). Съ этого времени опредѣлилось будущее направленіе его ученой дѣятельности; сдѣлавшись въ слѣдующемъ, 1846 году, дѣйствительнымъ членомъ императорскаго общества исторіи и древностей, состоящаго при московскомъ университетѣ, онъ сталъ посвящать свое время на изученіе исторіи и преимущественно исторіи славянскихъ племенъ. Первымъ замѣчательнымъ трудомъ Палаузова въ этомъ направленіи было историческое изслѣдованіе, появившееся въ печати въ 1852 году подъ названіемъ: „Вѣкъ болгарскаго царя Симеона“, знакомящее съ состояніемъ церковно-славянской литературы въ ея

древнѣйшую эпоху и весьма важное для занимающихся славянскою и русскою литературою. Въ томъ же 1852 году С. Н. Палаузовъ, по переселеніи своемъ въ С.-Петербургъ, удостоенъ былъ с.-петербургскимъ университетомъ ученой степени магистра славянскою словесности и вслѣдъ за тѣмъ поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія. Теоретическія изслѣдованія С. Н. Палаузова по части исторіи славянскихъ племенъ имѣли прочную почву; они были провѣрены и личными наблюденіями, сдѣланными имъ въ разное время во время путешествія его по славянскимъ землямъ въ Турціи и въ Австріи. На него смотрѣли, какъ на знатока въ этомъ дѣлѣ и этому-то обстоятельству онъ былъ обязанъ тѣмъ, что во время послѣдней англо-французско-турецкой войны онъ, состоя на службѣ по министерству народнаго просвѣщенія, былъ, по высочайшему повелѣнію, временно откомандированъ въ распоряженіе командующаго войсками 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ князя Горчакова, какъ лицо, по знанію языка и мѣстныхъ обстоятельствъ въ Турціи, въ Княжествахъ и въ Болгаріи, могущее быть весьма полезнымъ. Въ этой командировкѣ Палаузовъ находился съ марта до конца октября 1864 года, и кромѣ другихъ обязанностей, исполненныхъ съ полнымъ усердіемъ и неутомимостью, участвовалъ весьма дѣятельно въ устройствѣ переселенія въ предѣлы Россіи значительнаго числа болгарскихъ семействъ, которые, послѣ снятія нами осады крѣпости Силистріи, оставили свое отечество, опасаясь мщенія турокъ. Наблюденіе за переселенцами, приведеніе въ извѣстность ихъ числа и имущества, устройство порядка ихъ слѣдованія и обезпеченіе ихъ нуждъ возложены были на дѣйств. ст. сов. Озерова и полковника графа Адлерберга, въ помощь которому былъ приданъ С. Н. Палаузовъ. Всего переселенцевъ было 890 семействъ въ числѣ 5,614 душъ и при нихъ состояло 1,357 возовъ имущества.

Не исчисляя здѣсь всѣхъ многочисленныхъ трудовъ С. Н. Палаузова, напечатанныхъ частью отдѣльно и болѣею частью въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и непрерывавшихся даже и во время службы его въ министерствѣ финансовъ, во время управления имъ варшавскою таможеню, мы укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Кромѣ вышеупомянутаго сочиненія: „Взѣтъ болгарскаго царя Симеона“, имъ изданы: „Румынскія государства“ (1859 г.), „Австрія со времени революціи 1848 года“ (1860 г.), „Венгрія въ современныхъ отношеніяхъ къ Австріи“ (1861 г.)

Въ числѣ предметовъ изученія покойнаго С. Н. Палаузова занимали видное мѣсто Болгарская исторія и исторія древней Византіи. Кромѣ того, что напечатано имъ было по этимъ вопросамъ, отъ него

осталось, какъ намъ извѣстно, значительное собраніе матеріаловъ, относящихся въ Болгарской и Византійской исторіи, изъ которыхъ многіе уже вполне обработаны. Изданіе ихъ, безъ сомнѣнія, было бы цѣннымъ приобрѣтеніемъ для науки, такъ какъ въ нихъ авторъ раскрываетъ еще непочатой источникъ — внутреннюю жизнь византійцевъ и болгаръ. Въ послѣдніе годы своей жизни С. Н. Палаузовъ посвящалъ значительную часть своего времени на редакцію трудовъ археографической комиссіи, гдѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и волевыхъ членовъ при своемъ отличномъ знаніи древнегреческаго языка и славянскихъ нарѣчій и при своемъ основательномъ филологическомъ образованіи, доказательствомъ чему можетъ служить вышедшее въ 1871 году подъ его редакцію изданіе „Лѣтописи по Ипатьевскому списку“ 1871 года ¹⁾. Кромѣ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, С. Н. Палаузовъ состоялъ членомъ ученыхъ обществъ: Императорскаго русскаго археологическаго общества (преимущественно по части отечественныхъ древностей и въ особенности тѣхъ, которыя имѣютъ соотношеніе съ Византійскою археологіей), императорскаго Русскаго Географическаго общества и Одесскаго общества исторіи и древностей.

Въ частной жизни С. Н. Палаузовъ былъ примѣрнымъ семьяниномъ и отличался рѣдкою добротою и довѣрчивостію, не оставлявшею его даже послѣ многихъ разочарованій, испытанныхъ имъ въ жизни. Одно изъ такихъ разочарованій, лишившее его небольшого капитала, составлявшаго значительную часть его достоянія, вмѣстѣ съ другими неудачными попытками обезпечить будущность своей семьи и съ бессонными ночами, проведенными имъ въ послѣдній годъ за изнурительными трудами, ради насущнаго хлѣба, подѣйствовали пагубно на его здоровье, бывшее до того времени крѣпкимъ и сильнымъ, и свели его въ преждевременную могилу.

Миръ праху твоему, честный труженикъ науки, вѣрный товарищъ и истинно добрый человѣкъ!

А. С. Вороновъ.

Сентября 16-го, 1872 года.

¹⁾ Нѣкоторые недостатки этого изданія, ни мало впрочемъ не умаляющіе его достоинствъ, были указаны въ «Русской Старинѣ» 1871 г., кн. XII, (библиогр. листокъ).
Ред.

АРХЕОЛОГІЯ.

Распоряженіе Петра I о вознагражденіи за археологическія находки.

За человѣческіе кости за вѣсь (ежели чрезвычайнаго величества) тысячу рублефъ, а за голову пят сот рублеф. За денги і прочіе вещи, коі спотписью, вдвое чего онѣ стоят.

За камни спотписью по разсужденію.

Один гроб скотми привести не трогаа.

Гдѣ найдутца такіе вѣму дѣлать чертежи, как что найдут.

Сообщ. П. И. Барановъ.

Въ описи архива правительствующаго сената, составленной П. И. Барановымъ (Спб., 1872 г., т. I, стр. 50), подъ № 561, 1718 г., іюня 11, значится: «Собственноручная записка Петра I о размѣрѣ вознагражденія за вырытыя въ земли археологическія вещи, съ приказаніемъ дѣлать чертежи всему найденному».

Цользуясь этимъ указаніемъ, мы обратились къ П. И. Баранову и благодаря его весьма обязательному сообщенію, приводимъ этотъ интересный документъ.

Ред.

домъ 124), извлечены изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и относятся къ событіямъ, происходившимъ въ Малороссіи въ 1668 году. Здѣсь читатель встрѣтитъ весьма важныя свѣдѣнія объ измѣнѣ гетмана Брюховецкаго, о внутреннемъ состояніи Малороссіи въ ту эпоху, любопытныя біографическія подробности о Заднѣпровскомъ гетманѣ Петрѣ Дорошенкѣ, епископѣ Меодіѣ, Лазарѣ Барановичѣ и извѣстномъ въ старопечатной литературѣ архимандритѣ Иннокентіѣ Гизелѣ. Есть также одинъ документъ (№ 9), касающійся бунта Стеньки Разина, изъ котораго, между прочимъ, оказывается, что «вынѣ многе въ войскѣ русскіе казаки и хохлочи говорятъ, что имъ на Волгу иди—будеть воровать, а на Дону де жить имъ не учо». Въ прибавленіяхъ къ этому тому напечатано 112 документовъ, извлеченныхъ изъ московскаго архива министерства юстиціи и относящихся къ исторіи малороссійскихъ казаковъ отъ смерти Богдана Хмельницкаго до весны 1663 года. Между ними особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, въ которыхъ говорится объ измѣнѣ Выговскаго и о состояніи умовъ въ Малороссіи въ то время, о ссорѣ Выговскаго съ Пушкаремъ, о нападеніи Даниила Выговскаго на Кіевъ, о временахъ наказнаго гетмана Якимъ Сомка. Но особенно интересна отписка князя Григорія Ромодановскаго царю Алексѣю Михайловичу о странныхъ явленіяхъ и привидѣніи въ опустѣломъ городкѣ, построенномъ Хмельничкиимъ. Царь велѣлъ кн. Ромодановскому «развѣдывать тайнымъ обычаемъ, подлинно: Богданъ Хмельницкой въ Чигиринѣ въ верхнемъ городкѣ для чего не жилъ, и городовое и иное какое строеніе, которое приказывалъ онъ въ томъ городкѣ строить, разбрасывалось, и отъ чего чинилось, отъ Божія ли изволенія, или отъ неприязни?» Изъ разспросныхъ рѣчей оказалось, что башню разбилъ громъ, сарай разломанъ вихремъ; на Пасху и на Рождество земля въ томъ городкѣ гремѣтъ «тѣмъ обычаемъ какъ стрѣляютъ изъ пушекъ»: на камнѣ, въ городкѣ, много разъ видѣли сидящаго человека, «самъ бѣлъ и платье бѣлое», и пр.

Седьмой томъ вышелъ подъ редакціей Н. И. Костомарова и, при вѣнскихъ достоинствахъ изданія, исполненъ глубокаго и живаго интереса.

Письма Петра В. хранящіеся въ И. П. Библ. и описаніе находящихся въ ней рукописей, содерж. матер. для исторіи его царствованія. Состав. А. О. Бычковымъ. Спб. Тип. Траншеля, 1872 года.

Мы говорили о юбилейныхъ изданіяхъ въ память двухсотлѣтней годовщины дня рожденія Петра Великаго («Рус. Стар.» 1872 г., кн. VI). Теперь къ нимъ прибавилось еще весьма интересное изданіе, составленное и изданное отъ имени Импе-

раторской Публичной Библіотеки, неутомимымъ ея дѣятелемъ, А. О. Бычковымъ. Въ первое отдѣленіе книги вошло 44 письма и указа (между ними одинъ трактатъ); во второмъ—подробно и обстоятельно описано 38 сборниковъ, хранящихся въ И. П. Библіотекѣ и содержащихъ въ себѣ драгоценныя матеріалы для исторіи Петра Великаго. Къ концу книги приложенъ указатель лицъ (статья въ немъ о Петрѣ отличается особенною подробностію; свѣдѣнія о немъ расположены не только по годамъ, но даже по мѣсяцамъ и числамъ) и предметовъ (на предметный указатель обращаемъ вниманіе читателей: онъ представляетъ удачный опытъ соединенія предметнаго указателя съ содержаніемъ или оглавленіемъ).

Въ предисловіи академикъ А. О. Бычковъ, между прочимъ, говоритъ: «Важность для отечественной исторіи всего, написаннаго Петромъ Великимъ, несомнѣнна. До сего времени было издано много его писемъ и бумагъ, но еще болѣе остается необнародованныхъ. Къ сожалѣнію, все, до сихъ поръ изданное напечатано болѣею частью крайне неисправно и небрежно и разбрасано въ сотняхъ томовъ, причѣмъ нѣкоторыя письма были повторены по нѣскольку разъ, и каждый разъ съ новыми ошибками; кромѣ этого, подлинники нѣкоторыхъ изъ числа напечатанныхъ писемъ уже невозвратно погибли, или перешли къ заграничнымъ собирателямъ автографовъ. Въ виду всего этого нельзя не пожелать, чтобы приступлено было къ изданію такого собранія писемъ и бумагъ Петра Великаго, которое со вмѣстѣло бы въ себѣ все, что вышло изъ подъ его пера».

Это справедливое желаніе уже удовлетворено: не давно состоялось высочайшее повелѣніе объ образованіи комиссіи для собранія и изданія всего, написаннаго Петромъ Великимъ.

Обозрѣніе книгъ, гравюръ и монетъ временъ царствованія Петра В. и Екатерины I. Сост. Я. Березина-Ширяевъ. Спб., 1872. 12^о, X и 80 стр.

Коллекція эта принадлежитъ любителю отечественной старины г. Березину-Ширяеву и хранится въ его библіотекѣ, которая уже получила нѣкоторую извѣстность чрезъ изданныя почтеннымъ ея владельцемъ «Матеріалы для бібліографіи». Изъ этой брошюры видно, что въ библіотекѣ г-на Березина-Ширяева находится: 1) книгъ временъ Петра В.—41; 2) книгъ временъ Екатерины I—4; 3) гравюръ временъ П. В.—28; 4) монетъ временъ П. В.—71; 5) монетъ временъ Е. I—12; 6) сочиненій о жизни Петра Великаго—39. Все это описано съ нѣкоторою подробностію; жаль, что при книгахъ нѣтъ сличеній съ другими бібліографическими пособиями и руководствами.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1872 г. третій годъ изданія.
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложенія, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-петербургъ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базилова (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ исключительно въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Трута, кв. № 12.

Въ послѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны: Записки Болотова (томъ IV и послѣдній), Лагарпа, М. А. Бестужева, Т. П. Пассека; документы изъ архивовъ кн. Голицына-Мутузова, кн. Куракинскихъ, гр. Стальберг-говъ, кн. Щербатова, свѣд. кн. А. А. Италійскаго графа Суворова-Рыминскаго, именно: бумаги относящіеся до его дѣда, генералиссимуса кн. Суворова; свѣд. кн. П. М. Волконскаго, Шминова, Бахтина, — записки: гр. Ф. П. Толстаго, адмир. Колзана, И. И. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волконскаго, (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Малевскаго, записки ген. Толл, кн. А. А. Шаховскаго, Европеуса о бунтѣ военныхъ поселеній, И. И. Снобелова, В. К. Кюхельбекера (1831—1841 гг.); генерала Фельнера, ав. жив. А. В. Ступина (1775—1861 г.), бывш. попоч. Д. П. Румча; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790 — 1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ф. Опочинина (о 1831 г.); записки М. В. Веригина и др. Дѣло Волынскаго: письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пшара (1782 г.); письма Екатерины II; письма императоровъ: Павла I, Александра I, цесар. Константина; императр. Елизаветы Алексѣевны; Троицкаго; гр. Арачьева, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова; мѣтнія гр. Н. С. Мордвинова; и воспоминанія о немъ М. Н. Похвиснева; 60 писемъ митроп. Евгенія Болховитина; неизданныя магн. А. С. Грибоѣдова; К. Н. Батишкова (болѣе 80 писемъ), Г. С. Батеникова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Рыльева, Пушкина, статьи В. Н. Каразина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. К. Щербальскаго; статьи: проф. М. Д. Бѣлова и Н. С. Тихонравова; Г. Н. Гениади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова, проф. Брижера, Н. П. Дурова. Сообщ.: К. С. Сербиновича, кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, И. Д. Делянова, Н. И. Панова, Н. Н. Селюфтонова, Ф. К. Опочинина, Д. И. Снобелова, И. П. Корнилова, Н. П. Колзана, Н. Ф. Крузе, гр. Э. К. Чалскаго, А. П. Чеботарева, Г. К. Рѣпинскаго; М. П. Липранди, В. А. Красноутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ф. А. Бюлера, М. Ф. Бороздина, и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старини“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ С.-Петербургскаго Педагогическаго, Императорскихъ Рускихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ и Археографической Коммиссіи — **Мих. Ив. Семеновскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ третій.

Н О Я В Р Ъ .

1872 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Алексѣя Петровичъ Ермоловъ. Воспоминанія М. Н. Похвиснева	475	рица Прасковья: ея письма. Сообщ. П. И. Варановъ. (563). 3 Указъ Петра III св. Синоду о соблюденіи правосудія. 1762 г. (567). 4. Ф. И. де-Ливронъ: морской бой со шведами 1790 г. (569). 5. А. П. Радищевъ, биографическій очеркъ П. А. Радищева. (573). 6. Къ исторіи русской пенаурии: а) Распоряженія 1817 и 1835 гг. (582). б) А. И. Красовскій. (583). 7. Арактеевщина: рассказы, стихи и пѣсни его времени. (589). 8. Съѣздъ членовъ «Соваза Владыкодеиствія», отвѣтъ Н. М. Орлову — Е. И. Якушкина. (597). 9. К. Ф. Рылѣевъ: замѣтка Д. Кропотова. (602). 10. Къ исторіи Севастопольскаго погрома: а) Кн. Н. Ф. Паскевичъ. (604). б) Записка имп. Николая Павловича барону Вреискому (605).
II. Дописанія и письма А. П. Ермолова: имп. Александру I, гр. Аракчееву, кн. Волконскому, Паскевичу и др. Сообщ. М. Н. Похвисневъ	493	IX. Замѣтки, поправки и дополненія: (606).
III. Письма А. П. Ермолова къ П. А. Кикину. 1817—1832 гг. Сообщ. кн. П. Д. Волконскій	501	X. Библиографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ). Объявленія.
IV. А. П. Ермоловъ къ П. Н. Ушакову. 1851 г. Сообщ. С. Г. Ушакова	538	
V. Знакомство съ Ермоловымъ. 1847 г. Сообщ. С. И. Храповицкій	539	
VI. Письмо Н. И. Муравьева къ А. П. Ермолову и отвѣтъ кавказскаго офицера. 1855 г. Сообщ. И. А. Пузыревскій и Д. Н. Павлищевъ	542	
VII. Воспоминанія доктора И. И. Еролеуса о бунтѣ военныхъ поселенъ 1831 г.	547	
VIII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Вутурлины и Юшоды, замѣтки Н. Ф. Самарина. (559). 2. Ца-		

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1788—1794 гг. томъ третій, часть XXI, письма 208—215: Витья русскаго дворянства 1782—1783 гг.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1873 г. (четвертый годъ изданія). Цѣна 8 руб. съ пересылкой и доставкой.

„Русская Старина“ 1870 и 1871 гг. разошлись сплона по подпискѣ. „Русская Старина“ 1872 г. (изданіе второе) можно получить всѣ 12-ть книгъ, цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1872.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Русская историческая библиотека, издаваемая петербургскою археографическою комиссіею. Т. I. Спб., 1872, 8°, 2 нел., XIII и 846 столбцевъ, Ц. 2 р.

Въ концѣ 1869 года здѣшняя археографическая комиссія обратила вниманіе на рукописи Императорской Публичной Библиотеки и главнаго штаба на иностранныхъ языкахъ, касающіяся западной Россіи и объясняющія ея отношеніе къ Руси Московской и Польшѣ, и собрала достаточное количество цѣннаго матеріала, который и рѣшено было издавать подъ названіемъ «Русская Историческая Библиотека».

Въ первый томъ, изданный нашимъ извѣстнымъ ученымъ М. О. Кояловичемъ, вошли: 1) отрывки дневника польскаго сейма 1605 года, относящіеся къ Смутному времени; 2) дневникъ событій (1603—1613), извѣстный подъ именемъ исторіи ложнаго Димитрія; 3) походъ Димитрія самозванца въ Москву; 4) походъ Сигизмунда III въ Россію (1609—1610); 5) отрывки дневника о войнѣ царя Михаила Федоровича съ польскимъ королемъ Владиславомъ IV (1632—1634). Хотя эти матеріалы уже извѣстны нашимъ ученымъ, но археографическая комиссія совершенно справедливо полагаетъ, что всѣ замѣчательные памятники и матеріалы, имѣющіе значеніе первоисточниковъ, открываемые и изучаемые нашими учеными, должны быть издаваемы, ибо трудно, почти невозможно бываетъ учесть и проверить изсѣдователя, работающаго по рукописямъ, доступъ къ которымъ для другого можетъ быть закрытъ по какимъ-либо обстоятельствамъ, напримѣръ по мѣсту жительства и т. п.

Памятники, вошедшіе въ составъ перваго тома «Русской Исторической Библиотеки», снабжены русскимъ переводомъ, что весьма важно для лицъ, незнакомыхъ или мало-знакомыхъ съ языкомъ польскимъ. На нашъ взглядъ: было бы менѣе обременительно для издателя и успѣшнѣе для дѣла (т.-е. томъ могъ выйти изъ печати нѣсколькими мѣсяцами раньше), еслибъ, вмѣсто переводовъ, прилагалось обстоятельное, подробное содержаніе памятника: мы вполне убѣждены, что почтенный издатель и комиссія согласятся съ нашимъ мнѣніемъ.

Къ тому приложены: примѣчанія, хронологическій указатель, списокъ находящихся въ томѣ документовъ, указатель лицъ и мѣстъ.

Архивъ Юго-Западной Руси. Часть первая. Томъ четвертый. Кіевъ, 1881, 8°, 4 нел., 100 и 747 стр. Ц. 2 р.

Кіевская археографическая комиссія, заявившая, благодаря своимъ прекраснымъ и многимъ трудамъ, столь высокое мѣсто

между однородными комиссіями, начертала для себя, съ 1859 года, новый планъ работъ. Эта новая серія ея изданій называется «Архивомъ Юго-Западной Россіи», котораго доселѣ издано одиннадцать томовъ и еще въ нынѣшнемъ году ожидается два или три тома. Вся эта серія распадается на нѣсколько самостоятельныхъ частей; въ каждой части своей порядокъ томовъ, отдѣльный. Документы каждой части располагаются въ строго-хронологическомъ порядкѣ и затѣмъ дѣлятся на томы, изъ которыхъ каждому предшествуетъ обстоятельное, ученое изсѣдование и указатель. Начаты комиссіею частіи распределяются такъ: I—исторія православной церкви и униатской (4 т.); II—сеймы и сеймики (1 т.); III—казаки (2 т.); IV— шляхетскіе роды (1 т.); V—города (1 т.); VI—хрестіане (2-й т., 1-й еще не вышелъ). Кроме этихъ частей, еще не оконченныхъ, комиссіею обѣщаны слѣдующія: войны, судъ, государственная экономія, жида. Комиссія состоитъ изъ трехъ лицъ: предсѣдателя М. В. Юзефовича и двухъ членовъ: профессора университета В. Б. Антоновича и К. Е. Родолфа-Козловскаго, первые труды котораго по комиссіи выйдутъ, какъ мы слышали, въ этомъ мѣсяцѣ.

Четвертый томъ первой части, изданный подъ редакцію талантливаго молодого ученаго В. Б. Антоновича, содержитъ въ себѣ 239 документовъ, относящихся къ исторіи уни и состоянію православной церкви съ половины XVII вѣка (1648—1798). Мы позволимъ сдѣлать одно только замѣчаніе, объ указателѣ: 1) онъ хотя и полонъ, но черезъ-чуръ голь: почти одиѣ нераскрытыя цѣфры; 2) указатель лицъ напечатанъ однимъ сплошнымъ крупнымъ шрифтомъ, во всю страницу; давнымъ-давно принято употреблять для текста указателя мелкій шрифтъ, а для названій такъ-называемый жирный, самый указатель всегда печатается въ два столбца, а иногда (in—4°) даже въ три; 3) ошутительно отсутствіе предметнаго указателя.

Архивъ правительствующаго сената. Томъ I. Составилъ П. Барановъ. Спб., Сен. Тип. 1872, 8°, XXXI и 167 стр.

Въ петербургскомъ сенатскомъ архивѣ хранится дѣлъ и документовъ — всего 3,613,808 нумеровъ; изъ нихъ выдѣляются, по своей важности, именныя высочайшіе указы и повелѣнія съ 1704 по 1865 г. (121, 240) и указы и протоколы верховнаго тайнаго совѣта съ 1726 по 1780 г. (2397). Изъ сличенія талъ-называемаго «Полнаго Собранія Законовъ», въ которое должны были войти всѣ высочайшіе указы и повелѣнія, съ матеріаломъ, хранящимся въ петербургскомъ сенатскомъ

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

(По поводу помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ матеріаловъ, подъ заглавіемъ: „Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ“).

Помѣщенный въ «Русской Старинѣ», за текущій годъ, рядъ матеріаловъ подъ заглавіемъ: «Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ», исключительно состоящихъ изъ официальныхъ донесеній и писемъ трехъ названныхъ лицъ, — значительно разъясняетъ одинъ изъ интересныхъ эпизодовъ нашей новѣйшей исторіи. Обстоятельства, при которыхъ открылась персидская кампанія 1826 года, назначеніе Паскевича въ помощь Ермолову по военной части, возникшія между этими генералами неудовольствія, поѣздка въ Грузію начальника главнаго штаба барона Дибича, съ обширными полномочіями, для разслѣдованія истиннаго положенія дѣлъ и принятія мѣръ къ точному исполненію высочайшихъ предначертаній, за тѣмъ увольненіе Ермолова и замѣненіе его Паскевичемъ, — всѣ эти событія, полныя историческаго интереса какъ по своей сущности, такъ и по участию въ нихъ трехъ замѣчательныхъ дѣятелей эпохи императора Александра и его Преемника, до послѣдняго времени были покрыты нѣкоторою таинственностью, и нерѣдко служили предметомъ самыхъ противорѣчивыхъ толковъ и сужденій. Статьи г. Погодина о Ермоловѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1863 и 1864 годы, и напечатаннымъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» 1867—1868 годовъ донесенія генерала Ермолова императорамъ Александру и Николаю, равно переписка его съ управлявшимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Нессельроде, впервые ознайомили русскую публику съ одною стороною этихъ со-

бытій. Другая сторона уясняется напечатанными нынѣ въ «Русской Старинѣ» письмами и донесеніями Паскевича и Дибича. Благодаря этимъ документамъ, мы имѣемъ теперь возможность составить себѣ довольно вѣрное понятіе объ истинномъ положеніи дѣлъ на нашей кавказской окраинѣ при воцареніи императора Николая, о характерѣ и образѣ дѣйствій трехъ главныхъ дѣятелей въ этомъ краѣ, наконецъ, о той коллизіи, которая возникла между тогдашнимъ знаменитымъ правителемъ Грузіи и его счастливымъ противникомъ,—коллизіи, которая усложнилась еще болѣе съ прибытіемъ третьяго лица, уполномоченнаго для принятія мѣръ къ прекращенію этой распри и для раскрытія истины, но, по нашему мнѣнію, не вполне безпристрастно исполнившаго возложенное на него порученіе.

Въ нашемъ обществѣ, гдѣ Ермоловъ пользуется огромною популярностью, нерѣдко слышны отзывы, превозносящіе его на счетъ Паскевича. Мы не признаемъ этихъ отзывовъ вполне справедливыми. Военныя дарованія послѣдняго несомнѣнны: онъ засвидѣтельствованы цѣлымъ рядомъ блистательныхъ успѣховъ на поляхъ Персіи, Турціи и Польши. Скажемъ болѣе: самъ Ермоловъ съ отличной стороны отзывался о Паскевичѣ, какъ о военномъ человѣкѣ¹⁾. Намъ даже извѣстно, что, въ предвидѣніи неизбежности войны съ Персіею и Турціею испрашивая, у государя Александра Павловича усиленія войскъ кавказскаго корпуса и присылки къ нему опытныхъ генераловъ, онъ, между прочими, указывалъ на генерала Паскевича. Но, при всемъ нашемъ уваженіи къ военнымъ достоинствамъ князя Варшавскаго и графа Забалканскаго, мы не можемъ не сказать, что величавый образъ Алексѣя Петровича Ермолова,—какъ онъ сложился и живетъ въ памяти русскихъ людей,—не только не теряетъ, а еще рельефнѣе выступаетъ отъ сопоставленія его съ двумя его соперниками. Мы, кажется, не безъ основанія можемъ отнести и генерала Дибича къ числу его соперниковъ, судя по тому образу дѣйствія, котораго онъ держался при своемъ посредничествѣ между главнымъ начальникомъ кавказскаго края и его помощникомъ. Далѣе мы постараемся ближе разъяснить нашу мысль въ этомъ отношеніи.

¹⁾ См. Записки Ермолова, изд. Н. П. Ермолова, Москва, 1865 г., стр. 243 и 253. М. П.

На основаніи вышеуказанныхъ документовъ и не менѣе вѣрныхъ свидѣній, добытыхъ нами изъ другихъ источниковъ, мы имѣемъ полное право утверждать, что тѣ тяжкія обвиненія, которыя были взведены на Ермолова, лишены основанія и происходили частію отъ его недоброжелателей, — а ихъ у него, какъ у необыкновеннаго человѣка, по особымъ свойствамъ его ума и характера, было не малое число, — частію же отъ особаго стеченія неблагопріятныхъ для него обстоятельствъ, возбудившихъ противъ него предубѣжденіе, какъ противъ опаснаго честолюбца, злоупотреблявшаго своею властью и изъ личныхъ видовъ, способствовавшаго къ разрыву нашему съ Персією. Чтобы доказать неосновательность этихъ обвиненій и разъяснить, какимъ образомъ могло составиться такое предубѣжденіе, считаемъ нужнымъ бросить бѣглый взглядъ на служебное поприще Ермолова и войти въ нѣкоторыя подробности о личныхъ его свойствахъ, къ чему мы имѣемъ нѣкоторую возможность, благодаря находящемуся въ нашихъ рукахъ не малому числу документовъ ¹⁾ и личнымъ родственнымъ отношеніямъ нашимъ къ Алексѣю Петровичу. При этомъ мы, конечно, не дадимъ себѣ труда опровергать тѣ недостойные доносы, которые обвиняли его въ распущенности кавказскихъ войскъ, въ неблагонадежности кавказскихъ генераловъ, въ какихъ-то никогда недоказанныхъ значительныхъ упущеніяхъ по гражданской части и даже едва-ли не въ вольнодумствѣ. Неосновательность этихъ обвиненій, въ настоящее время, слишкомъ очевидна. Скажемъ одно: съ этими распущенными войсками, съ этими генералами, каковы были Вельяминовъ, князь Мадатовъ, Красовскій, Муравьевъ и др. Паскевичъ выигралъ всѣ свои баталіи въ Персіи и Азіатской Турціи ²⁾; что же касается до обви-

¹⁾ Старшій братъ пишущаго эти строки, по окончаніи курса ученія въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, поступилъ на службу въ канцелярію А. П. Ермолова и послѣдніе годы управленія его Грузією, находился при немъ въ качествѣ ближайшаго довѣреннаго чиновника. Неограниченно преданный Алексѣю Петровичу, онъ, вмѣстѣ съ нимъ, выѣхалъ изъ Грузіи. Послѣ смерти его осталось множество бумагъ и вѣрныхъ списковъ съ подлинныхъ бумагъ, относящихся до служебной дѣятельности Алексѣя Петровича. Нѣкоторые изъ этихъ бумагъ, какъ матеріалы для характеристики Ермолова, мы передаемъ въ распоряженіе редакціи «Русской Старины». М. П.

²⁾ Д. В. Давыдовъ въ своихъ запискахъ приводитъ слова Дибича, сказанныя имъ, по возвращеніи изъ Грузіи, генералу Сабанѣву: «Я нашелъ тамъ

нейшій по гражданской части, то самъ Дибичъ, при видимой его неблагосклонности къ Ермолову, признавалъ ихъ неосновательными и не могъ не заявить при этомъ случаѣ о заслугахъ его по управленію Грузіею.

Государь Александръ Павловичъ имѣлъ къ Ермолову особое благоволеніе и довѣріе. Замѣтивъ его умъ и дарованія, государь постоянно отличалъ его. Ему дозволялось многое: и смѣлое, правдивое слово и смѣлое дѣло, что не всегда простилось бы другимъ. Видимо государь дорожилъ имъ, какъ собственнымъ своимъ выборомъ и предназначалъ его къ высшимъ званіямъ. Дѣйствительно, Ермоловъ, почти отъ полковничьяго чина, всѣми своими назначеніями былъ непосредственно обязанъ самому государю¹⁾. Такъ передъ началомъ отечественной войны онъ, противъ собственнаго желанія, по волѣ государя, переводится изъ арміи въ гвардію, сначала бригаднымъ командиромъ, а затѣмъ вскорѣ получаетъ назначеніе начальника гвардейской дивизіи. Въ минуту грознаго нашествія Наполеона, когда требовались необыкновенныя усилія и энергическіе люди, онъ, молодой, малозвѣстный генералъ, назначается начальникомъ главнаго штаба въ армію Барклая, вопреки вліятельнаго графа Аракчеева, рекомендовавшаго Тучкова. Въ этомъ званіи, въ самый разгаръ войны, онъ дѣлитъ съ Барклаемъ труды и опасности славнаго отступленія нашего отъ Дриссы до Смоленска, своими распоряженіями много способствуя достиженію тогдашней высшей цѣли нашихъ военныхъ дѣйствій: соединенію 1-й и 2-й армій. Во все это время онъ, съ особаго разрѣшенія, непосредственно доноситъ государю о положеніи дѣлъ, настоятельно прося о назначеніи одного главнокомандующаго арміями; при этомъ всѣ его симпатіи на сторонѣ князя Багратіона. По соединеніи армій, при антагонизмѣ Барклая и Багратіона, пользуясь официальною близостью къ первому и сердечною близостью ко второму, онъ, къ чести своей, постоянно употребляетъ всѣ усилія для поддержанія возможнаго согласія между обоими

войска, одушевленныя духомъ Екатерининскимъ и Суворовскимъ». Такого отзыва въ донесеніяхъ Дибича мы, однако, не находимъ. М. П.

¹⁾ Когда, въ началѣ 1812 года, Ермоловъ просилъ о переводѣ его въ Молдавскую армію, государь приказалъ сказать ему, что впредь назначенія его по службѣ будутъ зависѣть отъ самого государя и что онъ ни въ комъ нужды не имѣетъ. (См. Записки Ермолова. Ч. I. стр. 113, изд. Н. П. Ермолова). М. П.

главнокомандующими, изъ войскъ одинъ былъ старше въ чинѣ, а другой считалъ себя старшимъ по званію военнаго министра. Съ прибытіемъ Кутузова, положеніе Ермолова въ главной квартирѣ, нѣсколько ступевывается: на первый планъ выступаютъ любимцы стараго князя: Коновницынъ и Толь. Но и въ это время Кутузовъ, имѣвшій въ рукахъ своихъ переписку Ермолова съ государемъ, и потому не слишкомъ приближавшій его къ себѣ, постоянно употребляетъ его во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ и подѣ Бородинымъ, гдѣ кровью своею запечатлѣлъ Ермоловъ памятный, въ военныхъ лѣтописяхъ, геройскій подвигъ отбитія у французовъ нашего центрального редута, и подѣ Тарутинымъ, и подѣ Малоярославцемъ, и подѣ Вазьмою, и подѣ Краснымъ, всегда называя его: «Голубчикъ, Алексѣй Петровичъ», и своею медлительностію нерѣдко выводя его изъ терпѣнія. Въ головѣ особаго отряда, преслѣдуя по пятамъ бѣгущаго непріятеля, оканчиваетъ Ермоловъ достопамятную войну 1812. года. При открытіи заграничной кампаніи 1813 года, онъ уже начальникомъ артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ армій, но послѣ Люценскаго дѣла, вслѣдствіе несправедливо взведеннаго на него, какъ утверждаютъ свѣдущіе люди, обвиненія въ недостаткѣ снарядовъ, временно впадаетъ какъ бы въ немилость и остается безъ команды до самаго Кульмскаго боя, гдѣ, начальствуя нашею славною гвардіею, вмѣстѣ съ Остерманомъ геройски отражаютъ натискъ превосходнаго силами непріятеля и тѣмъ временемъ даютъ возможность союзнымъ арміямъ, разбитымъ подѣ Дрезденомъ, спуститься съ Богемскихъ горъ и довершить пораженіе Вандамова корпуса. Примиреніе съ государемъ и Александровская лента были наградой за Кульмъ. Наполеоновскія войны Ермоловъ блистательно заканчиваетъ подѣ стѣнами Парижа, при взятіи котораго командуетъ русскою и прусскою гвардіею. Парижу обязанъ онъ вторымъ Георгія со звѣздою, который съ своей груди надѣваетъ на него цесаревичъ Константинъ Павловичъ ¹⁾. По низложеніи Наполеона, Ермолову поручается въ командованіе 80-ти-тысячный обсервационный корпусъ на границахъ Австріи, а затѣмъ, въ 1817 году, онъ назначается главноуправляющимъ Грузіею и командиромъ

¹⁾ Слышано отъ самого Алексѣя Петровича.

отдѣльнаго кавказскаго корпуса, при чемъ на него, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, возлагается дипломатическое порученіе въ Персію. Цѣль этого посольства—приведеніе къ окончанію возникшихъ у насъ, съ персидскимъ правительствомъ, недоразумѣній и споровъ о границахъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ нами, по гулистанскому трактату пріобрѣтеній. Веденный имъ журналъ посольства въ Персію навсегда останется памятникомъ его ума, твердости и достоинства, съ которыми онъ умѣлъ выполнить обязанности представителя великой державы при восточномъ дворѣ и той остроумной наблюдательности, того своеобразнаго изложенія, которое ставитъ его въ число замѣчательныхъ русскихъ писателей. Десятилѣтнее управленіе Грузіею обнаружило въ немъ высшія способности администратора и государственнаго челоуѣка. Проложеніе черезъ Кавказскій хребетъ военно-грузинской дороги, этого, по выраженію Бестужева-Марлинскаго, Ермоловскаго Симплона, сооруженія руками военно-рабочихъ по отзыву Дибича, лучшихъ новыхъ зданій въ Тифлисѣ, возвышеніе благосостоянія края поощреніемъ торговли и промышленности, перенесеніе Кавказской линіи въ болѣе здоровую и удобную мѣстность, образованіе кавказской области, открытіе для европейской торговли транзитнаго пути черезъ наши закавказскія владѣнія, устройство кавказскихъ минеральныхъ водъ, строгое преслѣдованіе казнокрадства и чиновничьихъ злоупотребленій, привлеченіе на службу даровитыхъ молодыхъ людей, которые всецѣло покорялись его обаятельному вліянію несмотря на его расчетливость и даже скупость на награды,—вотъ его гражданскіе подвиги. Грозные походы въ горы для навазанія хищническихъ набѣговъ, для постройки крѣпостей и проложенія дорогъ, до нынѣ живутъ въ памяти обитателей Кавказа. Съ незначительными силами, страхомъ своего имени, держалъ онъ въ покорности еще непокорившія намъ племена. Въ доказательство, какъ высоко цѣнилъ государь военныя способности Ермолова, мы припомнимъ, что въ 1821 году, когда въ Италіи вспыхнуло революціонное движеніе и на Лайбахскомъ конгрессѣ рѣшено было, для подавленія возстанія, двинуть соединенныя австро-русскія войска, государь вызвалъ Ермолова въ Лайбахъ, для назначенія его главнокомандующимъ этою арміею. Въ проѣздъ его черезъ Петербургъ въ Лайбахъ, графъ Аракчеевъ, по порученію государя, вручилъ ему

Владимірскую ленту¹⁾. вмѣстѣ съ управленіемъ Грузіею, по особому довѣрію государя, на Ермолова возложено было веденіе дипломатическихъ сношеній и переговоровъ по дѣлу о границахъ съ персидскимъ правительствомъ. Изучивъ на мѣстѣ, во время посольства своего въ Персію и затѣмъ пребыванія въ Грузіи, положеніе дѣлъ и свойства правителей Персіи и вообще характеръ сосѣдственныхъ съ нами восточныхъ народовъ, Ермоловъ зорко слѣдилъ за всѣми дѣйствіями персидской политики и ревниво оберегалъ интересы Россіи. Съ персидской стороны веденіе дипломатическихъ сношеній съ русскимъ правительствомъ, возложено было шахомъ на любимаго его сына Аббаса-Мирзу, самонадѣяннаго и честолюбиваго, мечтавшаго о возможности вознагражденія за тѣ потери, которыя понесло его отечество въ послѣднюю войну съ Россіею (1812 г.). Постигнувъ свойства и намѣренія этого принца, который, съ неприязненными для насъ цѣлями, умножалъ войска и

¹⁾ Приѣхавъ въ Петербургъ, Алексѣй Петровичъ заболѣлъ или сказался больнымъ, но только всесильный тогда графъ Алексѣй Андреевичъ долженъ былъ первый приѣхать къ нему для передачи, по приказанію государя, царской награды и другихъ словесныхъ порученій.

Въ это же время Ермоловъ проѣзжалъ черезъ Варшаву, гдѣ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, имѣвшій особую къ нему приязнь, приготовилъ ему почетную встрѣчу. Алексѣй Петровичъ, врагъ всякихъ церемоній, отдѣлялся отъ этой встрѣчи весьма оригинальнымъ образомъ. На послѣдней передѣ Варшавою станціи его ожидалъ экипажъ великаго князя. На ту пору у проѣзжавшаго въ Варшаву генераль-интенданта Канкринна сломался экипажъ. Ермоловъ уговорилъ Канкринна отправиться въ приготовленной для него коляскѣ, а самъ поѣхалъ вслѣдъ его, въ тележкѣ. Канкринъ, ничего не подозрѣвавшій, при вѣздѣ въ Варшаву былъ принятъ съ почестями, которыя предназначались для Ермолова. Вообще во время тогдашняго пребыванія своего въ Варшавѣ, Алексѣй Петровичъ, пользуясь особыми милостями цесаревича, позволялъ себѣ разныя проказы. Расскажемъ слышанные нами отъ современниковъ два случая, не ручаясь за ихъ достовѣрность.

Цесаревичъ показывалъ Ермолову свою польскую гвардію. Вызвавъ изъ строя молодца-гренадера, онъ особенно выхвалялъ ловкость, выправку людей и ихъ обмундировку. Ермоловъ былъ отъ всего въ восхищеніи, а между тѣмъ обронилъ свой платокъ и попросилъ гренадера поднять его. Бѣдный гвардеецъ, при тогдашней обтянутой формѣ, безъ особыхъ усилій не могъ этого исполнить. Великій князь нахмурился, но скрылъ свою досаду. Въ довершеніе его неудовольствія, когда онъ показывалъ Ермолову Варшаву, послѣдній въ присутствіи польскихъ генераловъ началъ рассказывать о Суворовскомъ штурмѣ Праги, въ которомъ, какъ извѣстно, самъ участвовалъ. Все это было причиною размовки цесаревича съ Ермоловымъ. Впослѣдствіи они помприлися, какъ это видно изъ переписки, напечатанной въ приложеніяхъ къ запискамъ Алексѣя Петровича.

поддерживалъ тайныя связи съ подвластными намъ мусульманскими народами, возбуждая ихъ къ непокорности, Ермоловъ не могъ оставаться равнодушнымъ ко всѣмъ изворотамъ двуличной персидской политики. Онъ постоянно обличалъ персіянъ и доводилъ до свѣдѣнія государя и нашего министерства иностранныхъ дѣлъ объ ихъ замыслахъ, предсказывая неизбѣжность войны съ Персіею и съ Портою. Къ несчастію, взгляды его на восточныя дѣла расходились съ возрѣніями министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде, и это послужило поводомъ къ личнымъ между ними неудовольствіямъ, которыя впослѣдствіи, конечно, имѣли значительную долю вліянія въ дѣлѣ удаленія Ермолова изъ Грузіи. Обширная переписка его съ графомъ Нессельроде служить лучшимъ доказательствомъ, какъ вѣрно понималъ онъ интересы Россіи и вообще положеніе дѣлъ на востокѣ. Государь Александръ Павловичъ, послѣ усиленной борьбы съ Наполеономъ, утомленный величіемъ и славою, въ послѣдніе годы своего царствованія какъ-будто искалъ покоя отъ земныхъ тревогъ, и главною цѣлью своей политики поставлялъ сохраненіе мира до послѣдней крайности. Въ этомъ смыслѣ Ермоловъ постоянно получалъ наставленія, поддерживать всѣми силами дружественныя сношенія съ Персіею и во избѣжаніе разрыва, который, впрочемъ, наше министерство признавало невѣроятнымъ, дѣлать всевозможныя уступки. Исполняя волю государя, онъ обнаружилъ полную готовность къ превращенію затянувагося спора о границахъ и предложилъ значительную уступку изъ земли, которая слѣдовала намъ по смыслу трактата, но персидское правительство, изъ-подъ руки подстрекаемое англичанами, этимъ неудовольствовалось. Уступки вызывали новыя требованія и претензіи. Ермоловъ, въ виду умноженія персидскихъ войскъ на нашихъ границахъ и неминуемости разрыва, не переставалъ настоятельно требовать усиленія кавказскихъ войскъ. Ему не давали вѣры и надѣляли предписаніями, сохранять пріязненныя отношенія, несмотря на возрастающую наглость персіянъ. Среди этихъ-то натянутыхъ отношеній нашихъ съ Персіею, послѣдовала кончина императора Александра Павловича. Новый императоръ, одушевленный желаніемъ сохраненія мира, тотчасъ по вступленіи на престоль, подтвердилъ Ермолову о необходимости прекращенія распри съ Персіею путемъ миролюбиваго соглашенія и, съ этою

цѣлю, возложилъ на генерала князя Меншикова дипломатическое порученіе въ шаху. Но въ то время, какъ князь Меншиковъ трактовалъ о границахъ, персидскія войска вторглись въ наши предѣлы, не объявляя намъ войны. Предсказанія Ермолова сбылись. По несчастію онъ не имѣлъ достаточныхъ силъ, чтобы тотчасъ же отразить превосходныя силы персіанъ. Къ этому присоединились неудачи нѣкоторыхъ изъ пограничныхъ нашихъ частныхъ начальниковъ, подвергшихся нападенію. Внутри Грузіи и на Кавказѣ взволновались мусульманскія племена. Извѣстія объ этихъ событіяхъ возбудили сильное неудовольствіе въ Петербургѣ. Отъ Ермолова были потребованы рѣшительныя дѣйствія, но онъ не могъ предпринять ихъ, не имѣя подъ рукою достаточнаго войска. Между тѣмъ разрывъ съ Персією недоброжелатели Ермолова постарались истолковать, какъ послѣдствіе неуступчивости его въ сношеніяхъ по дѣлу о границахъ и даже личныхъ замысловъ его честолюбія. Еще и раньше сего, нѣкоторое промедленіе въ доставленіи донесенія о принесенной войсками кавказскаго корпуса присягѣ, промедленіе, легко объяснимое отдаленностью края и разбросанностью отдѣльныхъ частей войска, враги его готовы были истолковывать самымъ недостойнымъ образомъ. Вотъ начало того прискорбнаго предубѣжденія, которое составилось противъ Ермолова и которое, въ связи съ другими неблагоприятными обстоятельствами, въ послѣдствіи повлекло за собою удаленіе его съ поприща государственной службы, лишивъ, такимъ образомъ, и государя, и отечество одного изъ замѣчательныхъ и преданныхъ имъ слугъ. Просматривая со вниманіемъ переписку Алексѣя Петровича по персидскимъ дѣламъ и донесенія его государю, приходишь къ убѣжденію, что если можно обвинить его, то единственно въ слишкомъ прямодушномъ, въ слишкомъ твердомъ образѣ дѣйствій, но уже, конечно, не въ недостаткѣ предусмотрительности и тѣмъ менѣе въ умышенномъ нарушеніи воли государя. Причины войны съ Персією и то положеніе, въ которое былъ поставленъ Ермоловъ дѣйствіями нашего министерства, разъяснены съ особенною силою и убѣдительною, въ замѣчательномъ донесеніи его императору Николаю, отъ 30-го іюля 1826 года¹⁾. Въ донесеніи томъ, оправдывая себя въ глазахъ новаго своего государя, онъ, со свойственною ему отверо-

¹⁾ См. «Записки Ермолова» въ Приложеніяхъ ко II части, стр. 257, изд. Н. П. Ермолова. М. П.

венностью, излагаетъ какъ свои собственныя дѣйствія, такъ и дѣйствія министерства по отношенію къ персидскимъ дѣламъ. Мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ правдивости словъ. Впрочемъ, и самъ графъ Нессельроде, и самъ Паскевичъ вначалѣ по малому знакомству его съ мѣстными дѣлами, обвинявшій Ермолова въ возбужденіи войны, впоследствии измѣнили свой образъ мыслей объ этомъ предметѣ. Такъ Нессельроде, по поводу убіенія Грибоѣдова, писалъ Паскевичу отъ 16-го марта 1828 года, что прискорбное происшествіе это должно быть приписано, между прочимъ, «извѣстному фанатизму и необузданности тегеранской черни, которая одна вынудила шаха и въ 1826 году начать съ нами войну». Истинныя причины персидской войны, по нашему мнѣнію, всего основательнѣе объяснены въ интересной статьѣ г. Берже о смерти Грибоѣдова ¹⁾. Въ ней сказано: «англійская политика, всемѣрно сохраняя, въ интересахъ индійской компаніи, доброе согласіе съ Персією, изъ-подъ руки старалась поддерживать непріязненное настроеніе этой державы къ Россіи. Въ 1820-хъ годахъ, быстро развившаяся транзитная европейская торговля чрезъ наши закавказскія владѣнія съ Персією, до того встревожила сентъ-джерменскій кабинетъ, что онъ для окончательнаго уничтоженія ея однимъ разомъ, вовлекъ Персію въ открытую войну съ нами».

Но возвратимся въ Ермолову. Въ виду неудовлетворительныхъ извѣстій изъ Грузіи, государь, дотошъ постоянно выражавшій ему милостивое благоволеніе, высказалъ ему свое неудовольствіе. Повелѣно было усилить войска кавказскаго корпуса, а генералъ-адъютанту Паскевичу немедленно ѣхать въ Грузію, въ помощь Ермолову, съ разрѣшеніемъ доносить обо всемъ прямо государю. Съ самаго приѣзда въ Грузію, Паскевичъ поставилъ себя въ непріязненныя отношенія въ Ермолову. Увлекаемый излишествомъ усердія, онъ сталъ розыскивать какія-то злоупотребленія по всѣмъ частямъ управленія, громко и неосторожно заявлять свои мнѣнія о замѣчаемыхъ имъ недостаткахъ и упущеніяхъ, и къ сожалѣнію, мнѣнія свои часто основывалъ на свѣдѣніяхъ, которыя собиралъ посредствомъ такихъ сомнительныхъ личностей, каковы были Каргановъ и ему подобные. Самъ Дибичъ въ донесеніяхъ своихъ говоритъ о чрезмѣрной чувствительности генерала Паске-

¹⁾ «Русская Старина» 1872 г., т. VI, стр. 190.

вича и излишней довѣрчивости его къ недостойнымъ ея людямъ. Оскорбленный Ермоловъ не оставался въ долгу, а услужливые люди еще болѣе раздували вражду. Донесенія Паскевича усиливали неудовольствіе на Ермолова въ Петербургѣ. Рѣшено было послать Дибича, чтобы положить конецъ этой распри, неудобной при тогдашнихъ обстоятельствахъ и принять мѣры къ успѣшнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ персіянъ, съ уполномочіемъ объявить Ермолову, если это окажется необходимымъ: высочайшую волю объ отозваніи его изъ Грузіи. Напрасно Ермоловъ радовался приѣзду Дибича, ожидая отъ него облегченія въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. вмѣсто того, чтобы снять съ Ермолова, котораго онъ не могъ не знать, взведенныя на него обвиненія и совершенно очистить его въ глазахъ государя, желавшаго знать одну правду, Дибичъ началъ едва не формальное надъ нимъ слѣдствіе, подвергая его оскорбительнымъ допросамъ, и принявъ систему развѣдыванія, разспрашиванія, собиранія свѣдѣній о дѣйствіяхъ и управленіи Ермолова. Въ донесеніяхъ своихъ государю, онъ не выражаетъ рѣшительнаго о немъ мнѣнія; о генералѣ же Паскевичѣ относится съ болѣею благоклонностью, выражая симпатію свою къ его благородному характеру, хотя и не оправдывая его образъ дѣйствій относительно Ермолова. Поперемѣнно, то защищая послѣдняго отъ обвиненій въ значительныхъ злоупотребленіяхъ, то бездоказательно обвиняя его въ властолюбіи, одновременно одобряя многія изъ его дѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, порицая общую систему его управленія, Дибичъ положительно высказываетъ только одно: сомнѣніе въ благонадежности и способности обоихъ, т.-е. и Ермолова, и Паскевича, къ управленію краемъ и веденію войны, а потому и медлитъ объявить первому волю государя объ его увольненіи, опасаясь, чтобы замѣщающій не былъ хуже замѣщаемаго. Отказывая Ермолову въ рѣшимости и предприимчивости, повторяя за Паскевичемъ, что отъ него нельзя ожидать блистательныхъ дѣйствій, Дибичъ, главнымъ образомъ, занимается составленіемъ плановъ для будущей кампаніи и распоряжается принятіемъ нужныхъ по военной части мѣръ, точно какъ бы онъ былъ уже настоящій главнокомандующій. Среди этого невыносимаго положенія, Ермоловъ рѣшается на послѣдній шагъ; онъ пишетъ государю извѣстное письмо свое (отъ 3-го марта 1827 г.), въ которомъ, не смѣя прямо просить

объ увольненіи, при недостаткѣ довѣренности къ нему, предлагаетъ эту мѣру, какъ согласную съ общою пользою. Между тѣмъ Дибичъ продолжаетъ доносить о дѣлаемыхъ имъ распоряженіяхъ, для чего находитъ необходимымъ продлить свое пребываніе въ Грузіи, какъ-будто, въ самомъ дѣлѣ, ни Ермоловъ, ни Паскевичъ не могли бы распорядиться безъ его указаній и содѣйствія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не перестаетъ заявлять о необходимости назначенія новаго главнокомандующаго, при чемъ однако рекомендуетъ не Паскевича, выражаясь такъ: «желательно, чтобы посредственное (т.-е. Ермоловъ) было замѣнено лучшимъ (т.-е. не Паскевичемъ)». Въ отвѣтъ на свои представленія, онъ, наконецъ, получаетъ рѣшительное повелѣніе, въ случаѣ, если не произошло особой перемѣны въ положеніи дѣлъ, немедленно объявить Ермолову высочайшую волю объ его увольненіи и о назначеніи на его мѣсто генерала Паскевича, что имъ и исполняется 29-го марта 1827 года. Таковъ былъ результатъ миссіи Дибича.

Обсуждая его образъ дѣйствія, невольно задаешь себѣ вопросъ: что побуждало его поступать такимъ образомъ? Поддерживая въ мысляхъ государя сомнѣніе насчетъ способностей начальника края и его помощника, поступалъ ли онъ, въ тогдашнихъ серьезныхъ обстоятельствахъ, искренно и чистосердечно, повинувшись единственно совѣстливому исполненію долга, или тутъ имѣли мѣсто побужденія другого рода? Понятно, что онъ могъ еще сомнѣваться въ способностяхъ генерала Паскевича, до того времени не управлявшаго отдѣльною гражданскою частію и не начальствовавшаго арміею. Но какъ объяснить себѣ мнѣніе его о Ермоловѣ, которому онъ отказывалъ даже въ необходимыхъ для военнаго человѣка качествахъ, отъ котораго не ожидалъ блистательныхъ дѣйствій? Не могъ же быть ему неизвѣстнымъ мудрый правитель Грузіи, герой Валутина, Бородина, Кульма, Парижа? генералъ, съ которымъ вмѣстѣ служилъ онъ и въ отечественную, и въ заграничныя войны? Неужели и въ отношеніи къ нему онъ былъ искрененъ и не покривилъ душою? Мы позволяемъ себѣ въ томъ сомнѣваться.

Нѣкоторые изъ его современниковъ, близко стоявшіе къ дѣлу, предполагали (судя по перепискѣ Дибича, такое предположеніе допустить возможно) что онъ дѣйствовалъ такъ, не безъ личнаго расчета, что онъ былъ не чуждъ желанія занять самому

мѣсто Ермолова, въ званіи главноуправляющаго, изъ-за котораго, быть можетъ, ему уже видѣлся жезлъ фельдмаршала. Судьба рѣшила иначе. Постъ Ермолова достался Паскевичу. Дибичъ достигнулъ званія главнокомандующаго на другомъ театрѣ дѣйствій. Ермолову-же выпалъ жребій: въ полномъ развитіи силъ (ему тогда было не болѣе 50-ти лѣтъ), сойти со своего блистательнаго поприща, и остальную половину своего долгаго вѣка доживать, хотя среди общаго почета, но медленно угасая въ московскомъ бездѣйствіи.

Мы близко знали Алексѣя Петровича. Образъ его неизгладимо запечатлѣнъ въ нашей памяти. Да и кто, хотя разъ видѣвшій его, могъ забыть его волосальную фигуру, его львиную голову, его пронизательный, глубокой взглядъ, изъ-подъ нависшихъ бровей? Кто же имѣлъ случай наслаждаться его несравненно бесѣдою, тотъ, конечно, навсегда живо сохранилъ въ своей памяти и одушевленные черты его лица, и его одушевленную умную рѣчь. Происходя изъ старинной небогатой дворянской фамиліи, Орловской губерніи, Алексѣй Петровичъ получилъ, по тогдашнему, тщательное образованіе, которое впоследствии пополнилъ собственными трудами и начитанностью. Богато одаренный отъ природы, онъ соединилъ въ своемъ нравственномъ и физическомъ обликѣ черты характера обоихъ своихъ родителей. Отъ отца ¹⁾ онъ унаслѣдовалъ серьезный, дѣловой складъ ума, нависшія брови и то суровое выраженіе, которое видѣлось на его лицѣ въ минуты гнѣва или душевнаго нерасположенія. Отъ матери ²⁾ къ нему перешло живое остроуміе и колкость языка,

¹⁾ Петръ Алексѣевичъ умеръ въ 1832 году. Служилъ при генералъ-прокурорѣ графѣ Самойловѣ. Императрица Екатерина II, передъ самою кончиною своею, пожаловала ему, въ чинѣ статскаго совѣтника, Владимира 2-й ст. со звѣздою, но не успѣла подписать указа. Императоръ Павелъ приказалъ выдать орденъ и отставить отъ службы. Ермоловы были въ родственныхъ отношеніяхъ съ людьми, приближенными въ Екатеринѣ. Имъ велѣно было жить въ Орловской деревнѣ, гдѣ они и прожили до самаго воцаренія Александра Павловича. Алексѣй же Петровичъ, служившій тогда въ артиллеріи, въ чинѣ подполковника, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и затѣмъ сосланъ на житые въ Кострому, гдѣ оставался до вступленія на престолъ Александра Павловича. Въ Костромѣ онъ основательно выучился латинскому языку. Объ этомъ городѣ онъ сохранялъ самыя пріятныя и, какъ кажется, сердечныя воспомнанія.

М. П.

²⁾ Марья Денисовна, рожд. Давыдова, родная тетка партизана-поэта, была въ первомъ замужествѣ за Каховскимъ, отъ котораго имѣла одного сына,

качества, которыя доставили ему громкую извѣстность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣлали ему много вреда. Острыя, язвительныя рѣчи его, не всегда справедливыя, но всегда мѣтвыя, обошли всю Россію. Очаровательный въ обхожденіи, доступный, пріятливый въ подчиненнымъ, онъ, въ молодыхъ годахъ, не всегда уживался съ начальниками, хотя всегда отличался строгимъ исполненіемъ долга и служебныхъ обязанностей. Какъ всѣ необыкновенные люди, онъ магически дѣйствовалъ на окружающихъ. Его обаятельному вліянію поддавалась не одна молодежь; обаяніе это испытывали на себѣ и такіе люди, какъ государь Александръ Павловичъ, какъ цесаревичъ Константинъ, Багратионъ, Платовъ и множество другихъ не рядовыхъ людей. Самъ могущественный Алексѣй Андреевичъ Арачеевъ долженъ былъ считаться съ нимъ, и однажды, въ минуту откровенности, съ свойственнымъ ему цинизмомъ, высказалъ Ермолову: «Алексѣй Петровичъ! мы съ вами не перегрыземся ¹⁾». Люди, лично къ нему нерасположенные или склонные видѣть во всемъ одно дурное, нерѣдко объясняли дѣйствія и поступки Ермолова его непомѣрнымъ самолюбіемъ, честолюбіемъ, приписывая ему и хитрость, и лицемеріе, и даже коварство. Какъ у всякаго человѣка, у него были свои слабости и недостатки. Да. Онъ былъ и самолюбивъ и честолюбивъ, но, какъ мы думаемъ, въ лучшемъ значеніи этихъ словъ. Сознавая свои достоинства, онъ часто, особенно смолodu, увлекался ими за предѣлы благоразумія. Вообще, какъ умный русскій человѣкъ, онъ былъ не безъ лукавства. Не даромъ великій князь Константинъ Павловичъ говаривалъ Ермолову: «Я васъ люблю искренно и вы меня любите, но съ обманцемъ» (см. статью Погодина въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1864 г., май стр. 239). Зная чудесное дѣйствіе, производимое его ласкающимъ, подчасъ льстивымъ, словомъ, онъ иногда не въ мѣру расточалъ чары своей любезности передъ нужными ему людьми, но болѣею частію, съ какою

Александра Михайловича, служившаго съ отличіемъ въ военной службѣ, въ чинѣ генерала. Почти все царствованіе Павла онъ провелъ въ заточеніи въ крѣпости. Императоръ Александръ возвратилъ ему свободу, но не могъ возвратитъ ему потеряннаго здоровья. Умеръ въ отставкѣ, кажется, въ Смоленской своей деревнѣ. Алексѣй Петровичъ высоко цѣнилъ умъ и дарованія своего старшаго брата и часто говаривалъ, что послѣдній во всемъ былъ выше его.

¹⁾ Слышано отъ А. П.

цѣлью? Для того, чтобы достигнуть успѣха въ какомъ-нибудь полезномъ дѣлѣ, чтобы помочь бѣдняку, доставить выгоду по службѣ достойному. Мы могли бы привести множество примѣровъ, въ подтвержденіе нашихъ словъ. Примѣры его коварства намъ неизвѣстны. Мы знаемъ, что въ молодые годы онъ былъ пылокъ, порывистъ, рѣзокъ въ сужденіяхъ, со вредомъ для себя. Впослѣдствіи, въ лѣтахъ зрѣлыхъ, занимая высокія должности, онъ умѣлъ себя воздерживать, сдѣлался умѣреннѣе, осторожнѣе, оправдывая избранный имъ девизъ: «*pes temere, pes timide*». Рѣдкое его безкорыстіе нѣкоторые люди также охотно истолковывали побужденіями тщеславія и гордости ¹⁾. Но каковы бы ни были эти побужденія, желательно было бы видѣть побольше примѣровъ въ этомъ родѣ. Нѣкоторые обвиняли его въ фамильярности, въ панибратствѣ съ молодыми людьми. Правда, онъ любилъ окружать себя молодежью, но его власть, какъ начальника, и польза службы оттого не страдали. Благодаря своей доступности, онъ пользовался любовью и неограниченною преданностью подчиненныхъ, и конечно, ни одинъ начальникъ не имѣлъ болѣе усердныхъ къ дѣлу сотрудниковъ. Писалъ Алексѣй Петровичъ, не говоря уже о его изящномъ почеркѣ, замѣчательно-своеобразнымъ языкомъ. Слогъ его былъ нѣсколько тяжеловатъ, иногда изысканъ, но всегда полонъ силы, чуждъ рутинной гладкости и часто возвышался до истиннаго краснорѣчія. Приказы его по войскамъ считаются, между военными людьми, въ своемъ родѣ образцовыми. За то и выпала ему честь написать знаменитый приказъ, отданный государемъ по арміямъ нашимъ, въ Парижѣ, въ 1814 году. Въ его частныхъ письмахъ, нѣсколько кокетливыхъ по формѣ, искрится неистощимое остроуміе. Несмотря на блестящія свои качества (любезность, острогу, неподражаемое умѣнье рассказывать), онъ

¹⁾ Извѣстно, что А. П. всегда умѣлъ обходиться на службѣ однимъ жалованьемъ, уклоняясь отъ полученія денежныхъ наградъ. Въ 1821 году, по возвращеніи его изъ Лайбаха въ Петербургъ, когда государь былъ особенно къ нему милостивъ, ему назначена была, 30-го августа, аренда, но онъ отъ принятія оной отказался. Въ запискахъ своихъ, онъ, по этому случаю, говоритъ: «Равно великодушень былъ государь и награждая меня, и выслушивая отзывъ мой, что я награды не приѣмлю. Могу признаться, что въ отказъ мой не вмѣшивалось самолюбіе, но почиталъ я награду свыше заслугъ моихъ и мнѣ ни по какимъ причинамъ не принадлежащую». (Записки А. П. Ермолова, ч. II, Москва, 1865 г., изд. Н. П. Ермолова).
М. П.

не любилъ свѣта и предпочиталъ кабинетную бесѣду, гдѣ онъ могъ быть, такъ сказать, на распашку и давать полную волю своему смѣлому слову; но выше всего любилъ онъ серьезный трудъ. Въ своемъ московскомъ уединеніи любимыми его занятіями были: чтеніе и затѣмъ устройство своей библіотеки ¹⁾. Продавъ свое родовое орловское имѣніе, онъ купилъ домъ въ Москвѣ и небольшую подмосковную, въ которой обыкновенно проводилъ лѣтніе мѣсяцы года. Тамъ, вблизи дома, онъ выстроилъ каменную бесѣдку для безопаснаго помѣщенія своей библіотеки, и занимался составленіемъ каталоговъ и переплетомъ книгъ. Въ послѣднемъ мастерствѣ онъ достигнулъ замѣчательнаго совершенства и любилъ этимъ похвастаться. Простымъ до суровости, солдатскимъ образомъ жизни, онъ, дѣйствительно, напоминалъ собою героев древности, съ которыми его современники, любили его сравнивать. Въ московской жизни своей онъ былъ окруженъ общимъ почетомъ и уваженіемъ. Проѣзжавшіе черезъ Москву кавказцы и всякій, кто цѣнилъ въ Ермоловѣ представителя русскаго ума и русской славы, заѣзжали поклониться «батюшкѣ Алексѣю Петровичу» (такъ называло его одно высокопоставленное лицо). При этомъ Ермоловъ обыкновенно крестилъ своею рукою молодого человѣка, начинавшаго карьеру или отъѣзжавшаго въ дальній путь, на трудный подвигъ, и мы знаемъ, что нѣкоторымъ въ прокъ пошло его благословеніе. Физическая сила его была необычайна. Бестужевъ-Марлинскій, въ одной изъ своихъ повѣстей, говоритъ, что Алексѣй Петровичъ однимъ ударомъ своей шапки отсѣкалъ голову у быка. Мы не знаемъ, въ какой степени это достоверно, но намъ извѣстенъ другой, быть можетъ, болѣе изумительный примѣръ его силы. Этотъ случай разсказанъ намъ однимъ изъ нашихъ знакомыхъ, докторомъ П. А. Зыковымъ, который, изъ-за привязанности къ Алексѣю Петровичу, едва не поплатился при этомъ своею жизнію. Ермоловъ гостилъ въ рязанскомъ имѣніи у П. А. Кикина ²⁾, съ которымъ былъ связанъ

¹⁾ Библіотека эта, замѣчательная богатымъ собраніемъ картъ и сочиненій по части военнаго искусства и исторіи, при жизни Ермолова была приобретена московскимъ университетомъ. М. П.

²⁾ Петръ Андреевичъ Кикинъ, въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта, исправлялъ должность дежурнаго генерала 1-й арміи во время войны 1812 года. Впослѣдствіи перешелъ въ гражданскую службу и былъ на-

дружбою еще съ 1812 года. Зыковъ былъ домашнимъ врачомъ въ семействѣ Кикиныхъ. Познакомившись съ Ермоловымъ, обвороженный его умомъ и обращеніемъ, онъ искренно къ нему привязался. Замѣтивъ свое вліяніе, Ермоловъ вздумалъ пошутить надъ нимъ. Однажды въ комнату Зыкова вбѣгаетъ жена П. А. Кикина, зовя его: «Докторъ! Ради Бога слѣшите поскорѣе на помощь къ Алексѣю Петровичу. Ему дурно». Зыковъ бросился и нашель его въ креслахъ безъ движенія, съ мертвенною блѣдностію на лицѣ, схватился за пульсъ—пульсъ не бьется. Видя, что на рукахъ у него умираетъ таковой человѣкъ, онъ зашатался и упалъ безъ чувствъ. Насилу привели его въ себя, объяснивъ, что съ нимъ шутили. Оказалось, что Ермоловъ обладалъ способностію, однимъ усиліемъ, останавливать въ себѣ, на нѣсколько мгновеній, кровообращеніе, а бѣдный докторъ былъ подверженъ припадкамъ болѣзни, которые случались при особенно сильномъ душевномъ движеніи. Алексѣй Петровичъ впоследствии подтвердилъ намъ справедливость этого разсказа и прибавилъ къ тому, что въ лѣтописяхъ медицины, какъ его увѣряли ученые, извѣстны два или три примѣра подобной способности, но что ему совѣтовали не пользоваться этимъ даромъ, подъ опасеніемъ, чтобы мнимая смерть не обратилась въ настоящую. Все было необычайно у этого человѣка: такъ кожа у него на тѣлѣ была какъ слоновая, и намъ случалось слышать, какъ Алексѣй Петровичъ шутя говаривалъ, что онъ лишенъ чувства осязанія и что для него «на-ощупь все равно: что ручка красавицы, что заслонка».

Таковъ былъ Ермоловъ—это одно изъ счастливыхъ и лучшихъ проявленій русскаго ума, богатырской русской природы. Онъ умеръ на 85 году жизни, въ Москвѣ, 11-го апрѣля 1861 г., переживъ обоихъ своихъ соперниковъ и сохранивъ, почти до глубокой старости, физическія и нравственныя силы. Въ послѣднемъ бореніи съ смертію, онъ еще выказалъ свою жизненную силу. Молодой врачъ, находившійся при немъ въ послѣдніе дни его безотлучно¹⁾, разсказывалъ намъ, что однажды Алексѣй Петровичъ почувствовалъ ночью особенно сильный приступъ болѣзни.

значенъ статсъ-секретаремъ его императорскаго величества. Женатъ былъ на Торсуковой, ввучѣ извѣстной Марьи Савишны Перекусихиной, отъ которой все состояніе перешло къ женѣ Кикина.

¹⁾ А. М. Макѣевъ.

Схвативъ за руку доктора, онъ требовалъ настоятельно помощи, громко говоря: «Да ты понимаешь ли, мой другъ, что я жить хочу, жить хочу».

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, по желанію, похороненъ въ Орлѣ, рядомъ съ своимъ отцемъ. Въ 1869 году мы посѣтили его могилу. Онъ положенъ въ Троице-владбищенской церкви, вправо отъ алтаря, въ нарочно пристроенномъ въ церкви каменномъ придѣлѣ или палаткѣ, въ склепѣ подъ помостомъ. На одной изъ стѣнъ палатки вдѣланы рядомъ, двѣ доски съ надписями, справа: «Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ скончался 1832 года, мая 23-го, на 85 году отъ рожденія». Слева: «Алексѣй Петровичъ Ермоловъ скончался 1861 г., апрѣля 11-го дня, на 85 г. отъ рожденія». Передъ послѣднею могилою теплится чугунная лампада, поразившая насъ своимъ устройствомъ и происхожденіемъ. Она утверждена на мѣдномъ пьедесталѣ и состоитъ изъ чашки чугунной гранаты, въ которую вставлена стеклянная лампа. На чугуиѣ, грубыми литерами отчеканено: «Служащіе на Губнѣ кавказскіе солдаты».

Лампада, какъ объяснилъ намъ священникъ, устроена усердіемъ нижнихъ чиновъ кавказскаго войска, на собранную ими сумму въ сорокъ рублей.

На наши глаза — таковой памятникъ краше всякаго мавзолея.

Мы передаемъ на страницы «Русской Старины» нѣсколько документовъ изъ имѣющейся у насъ переписки А. П. Ермолова. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ, какъ, напримѣръ, письма его къ государю Александру Павловичу въ 1812 году, не лишены историческаго интереса. На нихъ ссылается Богдановичъ въ своей исторіи 1812 года, о нихъ упоминаютъ въ своихъ запискахъ самъ Ермоловъ и Давыдовъ, но, если мы не ошибаемся, письма эти до сего времени, нигдѣ не были напечатаны. Другія предлагаемыя нами читателямъ «Русской Старины» бумаги, относящіяся ко времени управленія Ермолова кавказскимъ краемъ, любопытны какъ матеріалъ для его характеристики.

М. Н. Похвисневъ.

Отъ редакціи. Къ документамъ, сообщеннымъ М. Н. Похвисневымъ, присоединяемъ нѣсколько другихъ матеріаловъ къ біографіи Ермолова, а именно: весьма любопытную, какъ читатели увидятъ, переписку Алексѣя Петровича съ статсъ-секретаремъ Кикинымъ (1817—1832 гг.); рассказъ г. Храповицкаго; письмо въ Ермолову Ник. Ник. Муравьева-Карскаго и проч.

ДОНЕСЕНІЯ И ПИСЬМА А. П. ЕРМОЛОВА.

I.

Императору Александру I.

Всемилоствѣйшій государь! Должность, по волѣ вашего императорскаго величества, при арміи мною отправляемая, всѣ обстоятельства извѣстными дѣлая мнѣ, обязываетъ повергнуть къ стопамъ государя, мнѣ благодворящаго, мои, относительно положенія арміи, замѣчанія.

Послѣ пяти дней, бесполезно въ лагерѣ при Дриссѣ проведенныхъ, въ намѣреніи приготовить продовольствіе войскамъ, армія выступила въ Полоцкъ. Между тѣмъ непріатель, представляя повсюду передовымъ нашимъ постамаъ малыя весьма силы, спѣшилъ собрать главнѣйшія. Движеніе на Полоцкъ было одно, обѣщавшее соединеніе со 2-ю арміею. Нужна была скорость. На третьемъ, отъ Полоцка къ Витебску, переходѣ надобно было идти на Сенно и Коханово. Симвъ движеніемъ если еще и не соединялись арміи, но та, по крайней мѣрѣ, происходила выгода, что 1-я армія становилась уже на дороге, идущую чрезъ Смоленскъ въ Москву, закрывала сердце Россіи и всѣ средства, для дѣятельнѣйшихъ мѣръ, поставляла за собою. Непріатель, какъ изъ послѣдствій видно, обратя въ Могилевъ главнѣйшія свои силы, безсиленъ былъ по прямому на Смоленскъ направленію. Непріатель, видя себя между двухъ армій, на близкомъ разстояніи, не могъ бы дать сраженія, но долженъ былъ бы отступить. Главнокомандующій согласился - было переправиться въ Будиловъ чрезъ Двину, но отмѣнилъ по причинѣ недостатка продовольствія и армія двинулась къ Витебску. Между тѣмъ необычайной скорости маршами непріательскія силы, на третій день пребыванія арміи

въ Витебскѣ, прибыли и соединеніе армій болѣе, нежели когда-либо сдѣлалось сомнительнымъ. Три дня сраженія продолжались упорнѣйшія съ довольно значущими силами армій нашей и мы отступили къ Поречью. Далѣе главнокомандующій не объявилъ еще направленія. Непріятель можетъ быть прежде насъ въ Смоленскѣ, отбросивъ далеко 2-ю армію. Еслии неприятели предприимчивы, можетъ заградить намъ путь. Мы опрокинемъ и пройдемъ, но обозы армій подвергаются опасности. Во слѣдъ за нами идетъ неприятели, много превосходящій насъ силами. Трудны пути ему, войско изнурено, но на семъ невозможно основывать успѣховъ; тѣ же трудности путей и для войскъ вашего императорскаго величества и для насъ не могутъ онѣ быть не чувствительны. Неприятель имѣетъ числомъ ужасную кавалерію, наша чрезвычайно потерпѣла въ послѣднихъ дѣлахъ. Отъ генерала Платова даже ни одна партія съ нами не соединилась. Ваше императорское величество истинное сіе дѣлъ нашихъ изображеніе. Точное положеніе армій опредѣлить, какія средства предпринять должно къ уничтоженію усилій неприятели. Государь! 1-я армія одна противостать должна неприятели, и безъ соединенія его съ другою его арміею несравненно сильнѣйшему — успѣхъ сомнителенъ! Корпусъ графа Витгенштейна бесполезно отъ насъ отдаленъ. Если неприятели сильны противъ него, то онъ слабъ сдержать его стремленіе. Если онъ останется безъ дѣйствія, то слишкомъ сильны его корпусъ, чтобы армія не чувствовала его отдаленія. Государь! Необходимо начальники обѣихъ армій. Соединеніе ихъ будетъ поспѣшнѣе и дѣйствія согласнѣе. Вашему императорскому величеству угодно было одобрять смѣлость мою, съ каковою всегда говорилъ истину. Государь! Ты одинъ изъ царей, могущихъ слышать ее безобязанно! Вѣрноподанный начальникъ главнаго штаба 1-й арміи генералъ-майоръ Ермоловъ.

Помѣты: Резолюція: «Къ свѣдѣнію». «Получено 27-го іюля отъ кн. Любомирскаго».

Іюля 16-го дня 1812 года. Лагерь при Величицѣ.

II.

Всемиловѣйшій государь! Главнокомандующій, донося вашему императорскому величеству о всѣхъ происшествіяхъ въ точномъ ихъ видѣ, не избавляетъ меня обязанности повергать къ стопамъ вашего императорскаго величества донесенія мои, хотя бы для того единственно, чтобы служить могли доказательствомъ образа понятія моего о всемъ, что до положенія армій относится.

Отступление наше отъ Витебска, необычайною рѣшительностію

произведенное, чтобъ не дать ей именованіе дерзости, тогда какъ иначе неизбежно было общее дѣло, приведа непріятеля въ недоумѣніе, доставило намъ возможность прибыть въ Смоленскъ. 2-я армія, грубою погрѣшностью маршала Даву, ожидавшаго нападена въ Могилевѣ, послѣ жестокаго сраженія, храбрымъ генераль-лейтенантомъ Раевскимъ даннаго, скрывшая движеніе свое, безпрепятственно, также прибыла къ Смоленску. Маршалъ Даву долженъ былъ прежде насъ занять Смоленскъ. И безъ большихъ усилій, ибо въ Оршѣ были части войскъ, его арміи принадлежавшихъ. Итакъ, неожиданно и въ близи многочисленныхъ непріятельскихъ силъ, арміи соединились. Ваше величество, мы вмѣстѣ. Арміи наши слабѣ числомъ непріятеля, но усердіемъ, желаніемъ сразиться, даже самимъ озлобленіемъ, содѣлываемся не менѣ сильными. Нѣтъ возможности избѣжать сраженія всѣми силами, ибо непріятель не можетъ терять время въ праздности. Могутъ прислѣть къ намъ усилія, можетъ слиться армія генерала Торماسова, не столько опасная въ нынѣшнемъ ея отдаленіи и самыми успѣхами ея ничего рѣшительнаго непроизводящая, до тѣхъ поръ какъ станетъ на операціонной линіи непріятеля. Покрывшая себя славою молдавская армія, неравнодушный взглядъ непріятеля на себя привлекающая, можетъ получить опасное для него направленіе. Государь! Наши способы не менѣ самихъ онъ знаетъ, нельзя медлить ему. Соглашенное всѣхъ армій дѣйствіе, соединенныя всѣхъ способовъ напряженія гибельны для него. Итакъ, уничтоженіе арміи, въ преддверіяхъ такъ славазъ Москвы стоящей, должно быть единственною его цѣлюю. Сямъ не только умедливается составленіе нашихъ ополченій, но частію уничтожается, и угрожаемая Москва, какъ сердце Россіи, не можетъ не произвести вліанія на прочія страны имперіи. На семъ основываетъ коварный непріятель свои разчисленія. Государь! Арміи вашего величества имѣли уже успѣхи, солдатъ неустрашенъ и мы русскіе! но напряженіе всевозможныхъ усилій необходимо. Малѣйшее медленіе опасно.

Государь! Арміи вмѣстѣ и два начальника, по согласно предприняли наступленіе на непріятеля, разбросившаго на большое разстояніе свои силы. Определено сдѣлать нападеніе на центръ ихъ. Дѣйствіе наступательное оживило духъ воиновъ еще болѣе и арміи двинулись, одинъ маршъ по направленію на Рудню. Одной колонны, по причинѣ трудности путей, медленно было движеніе и однимъ маршемъ уменьшилась скорость дѣйствій нашихъ, а однимъ маршемъ уменьшились затрудненія непріятеля собрать свои силы, которыя, конечно, собираются по направленію нашему. Главнокомандующій, желая воспользоваться ослабленіемъ лѣваго крыла ихъ, отклонилъ

прежнее направленіе вправо къ Поречью, для приобрѣтенія частной выгоды, но предположенію вѣрной. Въ случаѣ превосходства непріятеля имѣемъ мы вѣрное отступленіе. Подобныя предпріятія основываются навѣрныхъ свѣдѣніяхъ о силахъ непріятеля, но я нескрою отъ вашего величества, что, кромѣ свѣдѣній отъ плѣнныхъ или бѣжавшихъ мужиковъ, мы ничего не знаемъ, слѣдовательно и предпріятія невѣрны. Наступленіе на Рудню болѣе имѣетъ голосовъ на сторонѣ своей, дѣйствіе на лѣвый непріятеля флангъ—менѣе. Можно сказать, что, дѣйствуя на Поречье, нападаемъ на конечность пространной линіи, слѣдовательно и усиленіе пункта сего, не скоро и не удобно. Легко заставишь отступить и на время отрѣжешь сообщеніе съ корпусомъ маршала Удино, которому, конечно, послано подкрѣпленіе, но сіи выгоды мгновенны и нерѣшительны. Непріятель отступить на центръ свой и операціонная линія его всегда въ его власти. Атакуя центръ, при счастіи, бросишь часть силъ ихъ на трудные пути по лѣвому берегу Двины, и обратишь, имѣешь удобность дѣйствовать на другую часть, по необходимости оторванную на большое разстояніе, слѣдовательно приведенную въ то положеніе, въ каковомъ мы доселѣ находились. Вотъ, государь, мнѣніе мое вашему величеству, повелѣвшему мнѣ принять носимое мною званіе, нужное къ свѣдѣнію.

Государь! нужно единоначаліе, хотя усердіе къ пользамъ отечества, къ защитѣ его, великодушнѣе въ поступкахъ, склоннѣе къ пріятію предложеній, быть невозможно достойнаго князя Багратіона, но не весьма часты примѣры добровольной подчиненности. Государь! ты мнѣ прощаешь смѣлость мою въ изрѣченіи правды! Вѣрноподданный артиллеріи генераль-майоръ Ермоловъ.

Іюля 27-го дня, 1812 года.

Помѣты: «Получено 31-го іюля въ полдень». «Получено 5-го августа». Резолюція: «Къ свѣдѣнію».

III.

Графу Аракчееву.

12-го іюня 1812 года.

Я, почитая себя обязаннымъ представить государю императору мнѣнія мои о дѣйствіяхъ армій, имѣю честь препроводить оныя вашему сіятельству, съ тѣмъ, что если изволите вы найти ихъ достойными вниманія его императорскаго величества, благоволили бы ихъ представить. Если же признать изволите ихъ бесполезными, оставить или возвратить мнѣ. Я имѣю честь покорнѣйше объяснить вашему сіятельству, что я взялъ смѣлость писать не съ какимъ другимъ намѣреніемъ, какъ открыть образъ мыслей моихъ относительно

положенія арміи и предположенія о намѣреніяхъ непріятеля. И открываю удобность оцѣнить мои способности, ибо лучше хочу, чтобы видѣнъ былъ недостатокъ оныхъ, нежели, скрывая, занимать недостойно мѣсто, по обстоятельствамъ слишкомъ важное, и на которое нельзя сыскать человѣка слишкомъ способнаго.

IV.

Дистанціонному комиссіонеру.

4-го октября 1818 года.

Вы доносили о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ вами въ отысканіи фуршиковъ для перевозки провіанта. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ ихъ достаточно, но съ вами дѣла никто имѣть нехочетъ; ибо весьма недавно нанятые вами фуры у помѣщицы Устиновой, продержали вы въ среднемъ Егарлыкѣ восемь дней сверхъ договора, принудили фуршиковъ пересыпать муку изъ ветхихъ кулей въ новыя, досыпать неполновѣсныя. По доставленіи въ Ставрополь провіанта, всѣхъ денегъ по договору не заплачено, потому что смотритель Магалеико выдалъ квитанцію письменную, а не печатную; вы не можете отговориться, что о томъ вамъ было неизвѣстно, развѣ признаетесь, что вы нерадивый и обязанностей своихъ неразумѣющій комиссіонеръ. Строго о семъ я развѣдаю, и если точно найду, что самовольнымъ дѣйствіемъ вашимъ, повреждаете кредитъ казенный, контракта не соблюдая, могу увѣрить васъ, что отдамъ васъ подъ судъ и посажу въ крѣпость, изъ которой вы не иначе выйдете, какъ на испытаніе лучшей вы ли солдатъ или комиссіонеръ? За симъ хочу вѣрить, что о недостаткѣ подводъ не будетъ уже отъ васъ донесеній.

Не забудьте, что уже разъ болѣзни вашей совѣтовалъ я помогать движеніемъ и выгналъ васъ въ средній Егарлыкъ изъ Ставрополя, гдѣ вы питали лѣность вашу.

V.

Императору Александру I.

25-го сентября 1820 года. Тифлисъ.

Высочайшую волю вашего императорскаго величества объявилъ я служившему въ нижегородскомъ драгунскомъ полку майору Вангалену¹⁾, что онъ какъ недостойный продолжать російскую службу, высылается за границу.

¹⁾ Донъ-Жуанъ Ванъ-Галенъ, извѣстный испанскій генералъ, принимавшій дѣятельное участіе въ событіяхъ, происходившихъ въ Испаніи, въ те-

Майоръ Вангаленъ опровергаетъ внесенное на него обвиненіе, оправдываетъ поведеніе свое самою наградю его величества короля; возвращеніемъ въ отечество доказываетъ, что не сдѣлалъ противъ него преступленія, не только измѣны, и что, напротивъ, признаваемы были его заслуги. Заключение инквизиціею, подобно какъ и многихъ другихъ, не было слѣдствіемъ преступленія.

Не рѣшился я, государь, отправить его съ фелдъегеремъ и передать австрійскому правительству и исполненіе воли вашего императорскаго величества искалъ сдѣлать приличествующимъ образомъ великодушію и милосердію государя, коего люблю я славу. Я приказалъ майору Вангалену, прибывъ въ городъ Дубно, ожидать тамъ повелѣнія. Если благоугодно будетъ вашему императорскому величеству, то и оттуда можно будетъ вывезти его съ фелдъегеремъ и передать въ Австрію.

Не ожидаю подвергнуться гнѣву вашего величества, но не менѣе долженъ бы былъ скорбѣть, если бы иноземець, вѣрно и съ честью служившій, могъ сказать, что за вину, въ коей не изобличенъ, получилъ наказаніе отъ государя правосуднаго.

Строгія правила мои недопускаютъ поблажать вольнодумствующимъ, но и сего въ теченіе года незамѣчено въ майорѣ Вангаленѣ. Объясненіе, имъ поданное, представилъ я начальнику главнаго штаба вашего величества.

VI.

Князю П. М. Волконскому.

25-го сентября 1820 г., Тифлисъ.

Объявивъ служившему въ нижегородскомъ драгунскомъ полку майору Вангалену, что недостойнъ будучи продолжать руссійскую службу, по высочайшему соизволенію высылается онъ за границу, долженъ я былъ объявить и о полученномъ на счетъ его обвиненіи. Онъ возразилъ противъ клеветы, на него вымышленной, оправдывая

ченіе первой половины текущаго столѣтія. Въ 1830 году начальствовалъ бельгійскими войсками въ послѣдніе дни борьбы ихъ съ голландцами.

Въ 1820 годахъ, по политическимъ обстоятельствамъ, оставивъ свое отечество, онъ былъ принятъ нашимъ правительствомъ въ русскую службу и опредѣленъ на Кавказъ, въ нижегородскій полкъ, съ чиномъ майора. Подъ начальствомъ Ермолова, съ отличіемъ, участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ. Послѣ разныхъ превратностей, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, по приглашенію королевы Христины, вернулся въ отечество, гдѣ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи.

Проживая частнымъ человѣкомъ въ Бельгіи, онъ издалъ свои любопытныя записки, въ которыхъ помѣститъ описаніе пребыванія своего въ Россіи. Въ запискамъ приложенъ портретъ А. П. Ермолова (*Mémoires de Don-Juan Van-Halen*, 2 vol, Paris, 1827).

М. П.

поведеніе свое самими наградами, отъ короля полученными, и не будучи противъ отечества преступникомъ, увѣренъ воспользоваться въ ономъ прежними выгодами. Я имѣю честь представить поданное имъ объясненіе, на которое прошу ваше сіятельство обратитъ ваше вниманіе. Вы усмотрѣть изволите, что многое, чѣмъ ищутъ обвинить его, можетъ быть истолковано преданностью къ отечеству, и таковою принято имъ хитростію освобожденная крѣпость Лерида не можетъ сдѣлать ему безчестіе; доставные же имъ шифры непріятеля недопускаютъ упрека. И то, и другое сдѣлаетъ благороднѣйшій офицеръ, и конечно, достоинъ будетъ похвалы.

Я не рѣшился отправить его съ фелдъегеремъ и передать австрійскому правительству, но взявъ съ него слово ожидать въ городѣ Дубно разрѣшеніе на мое представленіе. Легче исправить мою ошибку, ибо теперь можно вывезти его съ фелдъегеремъ и передать австрійскому правительству или просто предупредить его, но подвергнуть иноземца наказанію за вину, въ которой онъ неизобличенъ, за вину, сдѣланную не въ Россіи, гдѣ служилъ онъ съ честію и усердіемъ, противно будетъ справедливости и великодушію императора.

Не смѣю думать, чтобы я погрѣшилъ въ образѣ моего сужденія, но изъ прямого усердія не постыжусь и самой ошибки. Болѣе бы виновнымъ я былъ, если бы не принялъ оправданія майора Вангалена и его не представилъ. Не мнѣ можно снисходить ему, но государю и благотворить приличествуетъ.

Командиръ дивизіи, квартирующей въ Дубно, секретно извѣщенъ мною, что туда прибудетъ майоръ Вангаленъ и на счетъ его должно послѣдовать вашего сіятельства повелѣніе.

25-го сентября 1820 года, Тифлисъ.

VII.

Генералу Паскевичу.

18-го апрѣля 1827 г.

Желая доставить офицерамъ, по крайней мѣрѣ, не подалеку отъ Тифлиса расположеннымъ, возможность заниматься чтеніемъ, приступилъ я къ собранію книгъ для корпусной бібліотеки. Въ составъ оной поступили предпочтительно творенія и переводы на отечественномъ языкѣ и мое намѣреніе было присовокупить къ нимъ на иностранныхъ языкахъ тѣ книги, кои объемлютъ предметы до военного искусства относящіяся и нѣкоторое количество топографическихъ картъ.

Препровождая вашему высокопревосходительству каталогъ книгъ сей бібліотеки за моимъ подписаніемъ, съ означеніемъ цѣны оныхъ,

я прошу покорѣйше приказать принять ихъ отъ коллежскаго секретаря Похвиснева, при мнѣ служившаго, и меня о полученіи оныхъ благоволить увѣдомить.

Имѣю честь быть и проч.

Сообщ. М. Н. Похвисневъ.

VIII.

Дежурному генералу главнаго штаба.

Генераль-отъ-инфантеріи Ермоловъ просилъ бывшаго начальника главнаго штаба, о награжденіи одного священника наперснымъ крестомъ. По введенному порядку требовали мнѣнія оберъ-священника, который отвѣчалъ, что онъ до полученія «достоверныхъ свѣдѣній» о семь священникѣ, не можетъ согласиться на награду.

О такомъ отзывѣ увѣдомленъ Ермоловъ. По сему случаю вторичное послѣдовало отношеніе Ермолова къ бывшему дежурному генералу главнаго штаба ¹⁾.

„При отношеніи отъ 2-го ноября за № 9,603, ваше превосходительство препроводить мнѣ изволили копію съ отзыва г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о томъ, что полевой оберъ-священникъ, въ ожиданіи достоверныхъ свѣдѣній объ исправности тифлискаго военнаго госпиталя протоіерея Джевахова, отказываетъ просимую ему мною награду.

Господинъ оберъ-священникъ, въ премудрой осторожности своей противъ свидѣтельствованія моего объ усердіи протоіерея, конечно, не проститъ мнѣ суетнаго сужденія, что въ званіи командира корпуса, удостоиваемый важной довѣренности чиновникъ, могъ бы не подпасть подозрѣнію въ пристрастіи въ подобномъ случаѣ; но какъ ожидаемая имъ достоверныя свѣдѣнія, конечно, не сообщаются ему откровеніемъ свыше и, подобно мнѣ, долженъ онъ разсматривать предметы, даетъ онъ, г. оберъ-священникъ, поводъ, довольно правдоподобный къ заключенію, что въ разстояніи 3,000 верстъ не лучше можетъ онъ видѣть ихъ, какъ я и самъ, когда оныя у меня подъ глазами.

Не чуждо было бы, по крайней мѣрѣ, приличія, если бы г. оберъ-священникъ благоволилъ изыскать лучшую причину къ опроверженію представленія моего о вознагражденіи протоіерея.

Отношеніе было доложено покойному государю, на которомъ послѣдовала резолюція: «Дать протоіерею приличную награду, а оберъ-священнику препроводить съ оного копію».

¹⁾ Письмо это помѣщено М. П. Погодинымъ въ статьѣ о Ермоловѣ (въ «Русск. Вѣстн.»); приводимъ его здѣсь по другому списку, доставленному Б. М. Федоровымъ. Ред.

ПИСЬМА А. П. ЕРМОЛОВА КЪ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ КИКИНУ.

1817—1832.

Статсъ-секретарь Петръ Андреевичъ Кикинъ, любитель искусствъ, человѣкъ высокой честности и прямоты характера, былъ однимъ изъ лучшихъ друзей Ермолова. Знаменитый воинъ, какъ увидать читатели, былъ весь на распашку предъ Кикинымъ и потому настоящая переписка является не маловажнымъ матеріаломъ для знакомства съ Ермоловымъ. Обращаемъ особое вниманіе на письма 1826—1827 гг. Объ общественномъ и служебномъ положеніи Кикина сказано выше М. Н. Похвисневымъ въ примѣчаніи на стр. 490 и 491.

Подлинники писемъ Ермолова сохранились въ семейномъ архивѣ свѣтлѣйшаго кн. П. Д. Волконскаго, которымъ и сообщены «Русской Старинѣ», при обязательномъ посредствѣ Ѳ. К. Опочнина. При изданіи этихъ документовъ, мы опустили два письма (отъ 12-го сентября 1824 г. изъ Кабарды и отъ 23-го іюля 1832 г. изъ Москвы), и отрывокъ изъ письма отъ 12-го октября 1827 г. изъ Орла. Въ опущенныхъ письмахъ и отрывкѣ дѣло идетъ исключительно о г. Павловѣ, мужѣ сестры Ермолова, Анны Петровны. Примѣчанія къ письмамъ принадлежатъ М. Н. Похвисневу.

Ред.

1817 г.

28-го октября 1817 г. Тифлисъ.

Любезный братъ, Петръ Андреевичъ. Хотя не давно расстались мы, но видно много ты отъ меня отвыкаешь, ибо не вѣдряешься въ счастье мое, со мною неразлучное. Скорое возвращеніе мое изъ Персіи дало тебѣ сумнѣніе на счетъ успѣха порученныхъ мнѣ дѣлъ, но оно уже разсѣяно, ибо послѣ письма твоего, чрезъ два дни, долженъ былъ прійхать отъ меня курьеръ съ донесеніемъ, что дѣла по желанію окончены, что Персія отступаетъ отъ претензій своихъ на нѣкоторыя изъ областей нашихъ, что положено доброе основаніе дружбѣ и что можно ея пользоваться, сколько намъ приличествовать будетъ. Я не думалъ, но въ рукахъ нашихъ сохранилъ средство и быть въ приязни

или завтра за бороду! Не трудно умничать, когда и государя слава велика и мать Россія могущественна! Многие не рѣдко промышляютъ симъ средствомъ, а часто имъ относятъ въ особенную способность и приписываютъ талантамъ. Я чистосердечнѣе ихъ, и признаюсь, что къ успѣху способствовали и огромная фигура моя и пріятное лицо, которое омрачилъ я ужасными усами и очаровательный взглядъ мой, и грудь высокая, въ которую, ударяя, производилъ я звукъ, подобный громовымъ ударамъ; когда говорилъ я, персіяне думали, что съ голосомъ моимъ соединяются голоса ста тысячъ человѣкъ, согласныхъ со мною въ намѣреніяхъ, единокорныхъ въ дѣйствіи. Однимъ такимъ средствомъ гордость персидская уступить удобна, и по счастью моему, я попалъ на выборъ средства. Я не преступилъ даннѣе мнѣ наставленій *dans les résultats*. Не перешелъ предѣловъ, но признаюсь, что былъ на крайней чертѣ оныхъ. Не остановиться на самой было бы тоже, что дать впередъ нѣсколько шаговъ надъ собою. Неужели русскій предъ трономъ шаха долженъ пасть на землю и съ уничтоженіемъ принести въ дань области, пріобрѣтенныя кровію нашею. Не звали персіяне могущества Россіи и во мнѣ ожидали найти подобнаго многимъ изъ предмѣстниковъ моихъ, которыхъ восхваляютъ умѣренность. Надмѣнность персидская ожидала отъ меня низкихъ угожденій, а кончилось тѣмъ, что самъ шахъ хвасталъ вниманіемъ моимъ къ нему и то не оставилъ безъ замѣчанія, что я, отказавши покориться оскорбительному. этикету, входитъ безъ обуви въ красныхъ чулкахъ, когда бывалъ у него въ сапогахъ, позволялъ при входѣ сопровождавшему меня лакею моему обтирать съ нихъ пыль. И это принималось за одолженіе. Болѣе всего нравилась лесть, которой отраву пріуготовлялъ я на европейскій манеръ, для шаха довольно въ новомъ родѣ. Собственныхъ льстецовъ, какъ и у всѣхъ царей, у него также много, но къ нимъ онъ прислушался, а иностранцы въ такихъ случаяхъ имѣютъ преимущество.

Ты хочешь описанія моего путешествія. Но когда было его сдѣлать. Самое любопытное время было пребываніе мое въ Султаніи, но я все его употребилъ на лесть шаху, на споры и иногда ругательства министровъ. Есть нѣкоторыя записки, собственно до меня касающіяся, и правду скажу, что самыя вздорныя; я обѣщалъ ихъ прислать Закревскому, прежде пожелавшему ихъ имѣть, и тогда ты возьмешь ихъ у него.

Потеряли мы добраго пріятели Кутузова, а я лишился въ немъ наилучшаго помощника и мнѣ здѣсь необходимаго. Сюда не скоро заманишь хорошаго. Я, какъ говоришь ты, существо, но какое впрочемъ ни есть, ты долженъ признаться, что не всякій, подобно мнѣ,

пойдетъ сюда на непрерывные труды и съ успѣхомъ, весьма сумнительнымъ. Я не *génie créateur*, а здѣсь всему надобно дать начало и въ нѣкоторой степени совершенства; здѣсь одно только зло.

Посылаю, любезный Петръ Андреевичъ, сестрѣ шаль изъ подаренныхъ мнѣ шахомъ. Къ ней не адресуюсь для того, что выгоднѣе къ тебѣ, какъ человѣку, столько же мало, какъ я, знающему. Представь, что я самъ выбиралъ и съ моимъ въ сихъ вещахъ веусомъ. Одно оправданіе, что она изъ числа шахскихъ шалей. Я увѣренъ, что почтенная сестра приметъ снисходительно отъ человѣка усерднаго. Твой вѣрный братъ А. Ермоловъ.

Почтенная сестра, Марія Ардалионовна. Какое начало! на клочкѣ бумаги, въ одномъ письмѣ съ мужемъ! Кто пишетъ? Посоль!! Чего ожидать можно добраго отъ такого невѣжды и ему поручаются дѣла, какъ порядочному человѣку! Представьте, какую пережѣну произвело во мнѣ кратковременное въ Персіи пребываніе. Давно ли изъ Петербурга? Я помню себя тамъ милого и любезнаго въ обществѣ, особенно пріятнаго въ обращеніи съ женщинами; словомъ, помню себя душою общества. Болѣе всего мучитъ меня то, что завидовавшіе моимъ совершенствамъ восторжествуютъ. Я вижу брата Петра Андреевича, который даже о красотѣ моей говоритъ съ презрѣніемъ. И взглядъ его кажется ему пріятнѣе и улыбка милѣе; а до сего времени трудно было рѣшиться, на кого изъ насъ природа болѣе разсыпала щедрыхъ даровъ своихъ.

Со всею, однако же, пережѣною во мнѣ, я сохранилъ то же совершеннѣйшее почтеніе и истинную приверженность, съ коими имѣю честь быть покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

1820 г.

5-го сентября 1820 г. ¹⁾ Тифлисъ.

Рѣдкій братъ Петръ Андреевичъ. Прими благосклонно подателя письма сего *Chevalier de Gamba* ²⁾ человѣка достойнаго. По соизволенію своего правительства объѣзжалъ онъ Грузію и мусульманскія наши области, съ намѣреніемъ учредить компанію для торговли съ Азією, и буде можно ввести нѣсколько колонистовъ для разведенія

¹⁾ Вверху письма неизвѣстною рукою помѣта (едва ли не Кикина): «Августа 11-го, 1821 года».

Ред.

²⁾ Извѣстный французскій путешественникъ, впоследствии генеральный консулъ въ Тифлисъ. Книга его: «*Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces, situées au delà du Caucase, fait depuis 1820, jusqu'en 1824* (2 vol. Paris, 1826), пользуется заслуженною извѣстностью.

М. П.

различныхъ плантацій, которыхъ лишилась Франція съ потерей своихъ колоній. Въ здѣшной странѣ люди, могущіе обращать большіе капиталы, весьма полезны, и заведенія всякаго рода въ рукахъ частныхъ пойдутъ успѣшнѣе. Не намъ и не здѣсь учреждать возможно казенныя фабрики. Дюкъ-де-Ришелье, рекомендовавшій мнѣ сего иностранца, кажется занимающимся симъ предметомъ и войдетъ въ сношеніе съ нашимъ министерствомъ. Я нахожу большія для насъ выгоды, если правительство изъявитъ на то свое согласіе; боюсь только, что не обратитъ на то должнаго вниманія, или, не имѣя о здѣшнемъ краѣ достаточныхъ свѣдѣній, не обойметъ предмета во всѣхъ его отношеніяхъ. Что сказать о себѣ? Къ вамъ не попадешь никакимъ образомъ, здѣсь дѣло одно за другимъ и свободной нѣтъ минуты. Въ теченіе года времени у меня большія переѣзны, которыхъ польза еще была бы ощутительнѣе, еслибъ не номѣшалъ бунтъ въ Имеретіи (который давно однако же кончился) и Гуріи. Долженъ сказать съ прискорбіемъ, что между христіанами правительство имѣетъ злѣйшихъ враговъ и что мусульмане, не взирая на различіе вѣры, криво истолковываемой невѣжественнымъ духовенствомъ, въ короткое время будутъ вѣрнѣйшими и послушными подданными. Теперь уже многіе изъ нихъ служатъ вмѣстѣ съ войсками нашими, а христіане проливали нашу кровь въ бунтахъ противъ правительства, съ ужаснѣйшимъ ожесточеніемъ. Теперь, благодаря дѣятельности начальниковъ и храбрости войскъ, отысканы мятежники въ мѣстахъ неприступныхъ и дѣйствуетъ ужасъ тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста великодушію. Въ Гуріи также кончились безпокойства! Не всегда употребляя средства самыя строгія, но, не пропуская вины безъ наказанія, обуздываю я здѣшніе народы, и часто преступники сами себѣ произносятъ приговоръ. Такъ теперь бѣжалъ генераль-лейтенантъ Мустафа-ханъ-ширванскій, чувствуя вину свою и зная, что не уедлитса взысканіе. Давно онъ мошенничалъ, но и занятъ былъ другими дѣлами и лишь только сдѣлался свободнѣе, онъ разсудилъ за благо не ожидать вразумительнаго поученія пушекъ. Бѣгство его отягчило насъ сладкимъ бременемъ болѣе полумилліона дохода. Это достаю безъ выстрѣла! Въ прошедшемъ году одинъ изъ хановъ умеръ и я, растолковавъ трактатъ, какъ мурлы объясняютъ Алкоранъ, взялъ ханство въ російское управленіе съ полумилліономъ же дохода. Итакъ, любезный братъ, Петръ Андреевичъ, не все я здѣсь дерусь бесполезно, какъ говорятъ обо мнѣ, а сіе то и производить, что смирая лютѣйшихъ, заставляю слабѣйшихъ вознаграждать за труды наши. Прощай, поцѣлуй ручку у сестры несравненной! Вѣрный по смерть А. Ермоловъ.

30-го ноября 1820 г. Тифлисъ.

Любезный братъ и благороднѣйшее существо! Не хочу ничего скрывать отъ тебя, ниже моихъ ошибокъ. Въ черную минуту, каковыя жизнь здѣшняя доставляетъ во множествѣ, о тебѣ, какъ о человѣкѣ значущемъ, судилъ я по другимъ, но ты существо пречудное и я обманулся! Казалось мнѣ, что просьбу мою о братѣ почелъ ты прихотливою, тронуло чувствительно, что не обратилъ вниманія на состояніе его по истинѣ бѣдное. Я узналъ, что необходимо было соизволеніе государя, не могъ не знать, что собственныя правила твои изъяснять тебѣ, что необыкшіи просить, не рѣшается просить безъ крайности, и какъ послѣ того могъ я истолковать твое молчаніе?

Но сильнѣе самой ошибки моей чувствую я цѣну благороднаго твоего поступка и вмѣстѣ съ братомъ благодарность наша есть жертвою, тебя достойною! Ты сдѣлалъ болѣе, нежели къ чему и самая обязанность наклонять можетъ, сдѣлалъ для тѣхъ, кому ни чѣмъ не обязанъ, теперь пусть, что хотятъ дѣлаютъ сильныя!!!

Какая странная мысль пришла тебѣ показать письмо мое и я, не помня точно содержанія онаго, боюсь, не въ желчь ли обмакалъ я перо мое. Ты можешь повредить моей скромности.....

Я пропалъ, если что-нибудь говорилъ о вельможамъ, и развѣ только то спасеть меня, что уже не можетъ возрасти ихъ ко мнѣ неблаговоленіе. Хорошо однако же сдѣлалъ ты, что мужественно защищалъ выпускъ въ свѣтъ письма моего. Это не Академическая выставка и могла бы не быть мнѣ полезною. Я уже прекрасно во многихъ случаяхъ рекомендованъ и за связь со мною были бы и тебѣ упреки.

По возвращеніи императора не упусти припомнить министру. Вельможъ насыщаютъ привѣтствія людей твоего разряда и дѣло отъ того можетъ имѣть благопріятный оборотъ. Меня и Дружининъ¹⁾ не удостоилъ отвѣтомъ, чего же мнѣ ожидать отъ вельможи?

Ты однако же бранишься въ письмѣ твоемъ и я готовъ бы съ тобою схватиться, но какъ просителю не прилично возражать, то и оставляю объясненіе до личнаго съ тобою свиданія. Какая ловкость! За что же у знатныхъ не снискиваю къ себѣ благоволенія? Хочется мнѣ побывать у васъ и какъ нынѣ ко всему восточному есть особенное вниманіе, то и на меня вы оное обратите. Что доселѣ съ нашей стороны появлялось у васъ, едва ли могло, по справедливости, занимать мѣсто между людьми, и мнѣ кажется, чтобы дать о себѣ выгод-

¹⁾ Директоръ одного изъ департаментовъ, кажется, министерства финансовъ.

ное понятіе, они весьма не ловко дѣлають, что приводятъ съ собою лошадей. Тогда не затруднись дать преимущество!

Что за вздоры происходятъ у васъ въ мірѣ просвѣщенномъ? Головокруженіе хуже чумы нашей, а уврачать и ту болѣзнь не легче; у насъ та выгода, что возстающихъ противъ законной власти и разрушающихъ установленный порядокъ, просто называютъ бунтовщиками и ихъ душатъ, ибо напрасенъ трудъ вразумлять не рассуждающихъ, а при переворотахъ таковыми является большая часть людей; движущія же пружины въ маломъ всегда числѣ или многосложная машина сама собою повреждается. Не нравится мнѣ новый характеръ революцій, производимыхъ арміями. Если сіи послѣднія способствовали иногда властолюбивымъ удерживать народы въ порабощеніи, то сколько же разъ были оградой внутренняго царствъ спокойствія, благоденствія народовъ. Не въ нынѣшнія времена могутъ быть арміи слѣпыми орудіями власти, слѣдовательно не имъ приличествуетъ содѣйствовать къ разрушенію оной! Просвѣщеніе отрываетъ народамъ пользу ихъ, изучаетъ властителей не пренебрегать общимъ мнѣніемъ и довольно! Кто нынѣ не разумѣетъ, что лучше сегодня дать добровольно то, что завтра можетъ быть вырвано насиліемъ. Достоинство есть свойственный видъ власти, ей приличествуетъ даръ добровольный, не совмѣстно соглашеніе, а народы не менѣ воспользоваться могутъ имъ принадлежащимъ.

Владыкамъ, собравшимся на конгрессъ въ Троппау, нельзя терять столько времени, какъ на конгрессѣ въ Вѣнѣ. Сосѣдній Франціи пожаръ не благопріятенъ. Гишпанцы не взяли за образецъ хартію Людовика XVIII, слѣдовательно можно думать, что есть что-нибудь лучшее. Напрасно возлагать надежды спокойствія на одномъ рожденіи герцога Бордо. Онъ долго не будетъ полезнѣе напитка сего имяни, а это не много!

Неаполитанцы прикидываются, будто чувствуютъ себя людьми; впрочемъ, для безпорядковъ много годныхъ инструментовъ, и если ладзарони возмечтають, что революція можетъ дать имъ лучшую пищу, нежели излавливаемые въ морѣ черви, то и ими пренебрегать не должно.

Благодари, что я при концѣ страницы, иначе могъ бы тебѣ наскучить пустымъ разсужденіемъ, а болтать была охота необыкновенная. Не много солдатъ великихъ политиковъ. Смѣйся, я этого ожидаю!

Поцѣлуй у безподобной сестры ручку. Прощай! Вѣрный Ермоловъ.

1822 г.

28-го іюля 1822 г. Константиногорскъ.

Сію минуту вздумалъ, любезный братъ, Петръ Андреевичъ, что кромѣ удовольствія писать къ существу несказанному, я имѣю даже и просьбу.

Благодари заботливости графа В. П. Кочубея, утверждены проекты зданій и для минеральныхъ здѣшнихъ водъ и даже отпущены уже на строеніе деньги. Но недостаетъ архитектора, о чемъ я и писалъ къ нему.

Ты любишь покровительствовать заведеніямъ и вообще предпріятіямъ полезнымъ; безъ сумнѣнія, лучше многихъ извѣстны тебѣ художники, и что болѣе, мнѣніе твое имѣть вѣсь¹⁾); возьми на себя трудъ, принѣци съ хорошими способностями молодого въ академіи архитектора и склони г. Кочубея, чтобы его прислали сюда. У меня былъ нѣкто г. Вильстеръ, молодой искусный человѣкъ, и если бы кто и менѣе его имѣлъ дарованія, я былъ бы доволенъ.

Вы сами не богаты архитекторами, но здѣсь не изобрѣтать, а уже предложенное приводить въ исполненіе нужно. У меня же и таковыхъ нѣтъ на кавказской линіи, а изъ Грузіи, по множеству работъ, отдѣлать невозможно!

Сдѣлай дружбу, похлопочи любезный и рѣдкій братъ. Не слушай А. Н. Оленина. Здѣсь былъ нѣкто г. Юни, тебѣ, какъ говорить онъ, весьма знакомый. Я, давъ ему порученіе, лучше однако же рассудилъ самъ къ тебѣ написать. Онъ напомнитъ тебѣ и о профили галлерей таврическаго дворца. Прикажи сдѣлать его и пришли!

Есть еще одна просьба.

Стѣсненное состояніе бывшаго атамана донскаго генералъ-лейтенанта Денисова и гоненіе человѣка беззащитнаго въ его старости, солдата, издавна уважаемаго по его храбрости, заслуживало бы лучшей участи. Не виню въ оной Чернышева, человѣка знатнаго и въ дѣлахъ не весьма свѣдущаго; но тѣмъ болѣе, что долговременная и отличная служба можетъ быть помрачена Б — мъ, разбойникомъ, управлявшимъ перомъ Чернышева. Счастіе сего мошенника, что невозможно изобличать во взяткахъ и что дающій долженъ равномерно укрываться преслѣдованія законовъ, а то здѣсь славную имѣетъ онъ репутацію, и точно достоинъ, ибо уже и награж-

¹⁾ П. А. Кикинъ любилъ искусство и покровительствовалъ художникамъ. Своимъ участіемъ способствовалъ онъ развитію таланта знаменитаго Брюлова. Былъ однимъ изъ основателей петербургскаго общества поощренія художниковъ.

день лентою. Денисовъ чрезъ тебя писалъ государю. Не откажи оказать ему по силамъ помощь. Не твоего характера люди могутъ страшиться сильныхъ. Положи честь твою и правила твердымъ, въ покровительство угнетаемаго, оплотомъ. Еще мы съ Чернышевымъ ничего не брали штурмомъ! Ты не оставляешь безъ вниманія просящаго, истина даетъ силу словамъ.

Я болѣе двухъ мѣсяцевъ таскаюсь по Кабардѣ, хочу перенести гнусную и убійственную прежнюю кавказскую линію. Не безъ трудовъ, но прибавь къ имени существа прилагательное счастливгоа, и буду тотъ же вѣрный братъ, который любить тебя душевно, почитаетъ по достоинству. Ермоловъ.

(1822 г.).

Я думаю нѣкогда изъ разговоровъ ты слыхалъ, что я имѣю родную сестру, она замужемъ за Павловымъ ¹⁾, котораго, конечно, видалъ ты у меня въ Петербургѣ. По обстоятельствамъ переселяются они на житье въ столицу, гдѣ зять мой, въ маленькомъ и ничтожномъ чинѣ его, надѣется получить мѣсто съ лучшимъ, нежели гдѣ-либо, жалованьемъ. Сдѣлай дружбу, любезный братъ, Петръ Андреевичъ, приласкай его и сестру мою, которую и познакомъ съ милою женою. Сестра женщина не молодая и ты увидишь, что весьма умная, которая, конечно, благорасположеніе ваше сыщеть и, безъ сомнѣнія, заслужить.

Прости сестрѣ нѣкоторую неловкость, какъ женщинѣ, брошенной обстоятельствами, среди незнакомаго міра, въ бѣдности, которая сопровождается нѣкоторою застѣнчивостію и собственно къ самому себѣ липаетъ довѣренности. Предувѣдомъ сестру мою, любезную и рѣдкую жену твою, что ласка ей оказанная, будетъ собственно мнѣ милостію. Привези къ ней родныхъ моихъ самъ, и если когда пожелаетъ она, чтобы они у нея бывали, то просто посылай за ними экипажъ, ибо по бѣдности они его имѣть не въ состояніи. Я уже писалъ имъ, чтобы умѣли они не стыдиться бѣдности.

Надобно думать, любезный и рѣдкій братъ, что я не въ блистательномъ положеніи, если въ подобномъ состояніи терплю сестру, которая только одна и есть у меня. Я бы по бѣдности годился быть военачальникомъ лучшихъ временъ республики. Меня это нимало не

¹⁾ Алексѣй Александровичъ Павловъ былъ женатъ на сестрѣ А. П., Аннѣ Петровнѣ. Состоялъ въ званіи камергера и занималъ должность за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ синодѣ. Былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ тогдашнему клерикальному міру, къ Фотію, къ графинѣ А. А. Орловой и другимъ.

огорчаетъ, но и я бывалъ молодъ, и не такъ легко было привыкать къ подобному состоянію и познакомиться съ мыслию, что съ таковымъ надобно окончить жизнь. Теперь я въ семь отношеніи не уступлю наилучшему изъ философовъ.

Прощай! Вѣрный по смерть А. Ермоловъ.

4-го августа 1822 г. Владикавказъ.

Любезный и рѣдкій братъ! Отправивши къ тебѣ письмо съ Похвисневымъ ¹⁾, я очень заболѣлъ и до сего дни было мнѣ весьма тяжело. Теперь пишу съ трудомъ, но уже не имѣю причины опасаться болѣзни. Правъ ты совершенно на счетъ заведеній при водахъ. Боюсь потери денегъ, не перестаю думать объ устройствѣ водъ, но нѣтъ у меня человѣка. Имѣю одного чудеснаго для сего предмета, но не могу безъ него обойтись въ Тифлисѣ, и на немъ лежатъ обширныя порученія. Хочу экономическую часть поручить Павлову, человѣку, конечно, съ рѣдкими и наилучшими правилами, и тогда за деньги бояться не буду. Не думай, рѣдкій братъ, чтобы желчь моя заставляла меня видѣть все съ худой стороны, и чтобы не любилъ я слышать правды. Это не справедливо, но надобно, чтобы основательны были дѣлаемыя предложенія и въ соображеніе взяты были средства мои. Въ доказательство, что желчь не всегда дѣйствуетъ, я не вижу даже много худаго изъ тѣхъ мерзостей, которыя надѣлалъ мнѣ мудрый Лисаневичъ. О Грековѣ жалѣю, и не знаю вѣкъ замѣнить его. Усталъ смертельно, прощай, писать буду къ тебѣ изъ Грозной. Не могу выразить досады, что тебя не увижу. Думаю, что чувство сіе способствовало усиленію болѣзни. Послѣ буду писать, послѣ. Вѣрный Ермоловъ.

Въ какой маленькой запискѣ, въ какомъ маломъ числѣ словъ, милая сестра сколько сказала правды. Кисловодскъ точно St.-Hélène, и кто живетъ здѣсь, скоро уже девять лѣтъ, не мало заслуживаетъ состраданія. Еще несноснѣе подобная ссылка тому, о комъ и не вспомнать впослѣдствіи. Знаменитому узнику была утѣшеніемъ слава! Нельзя безъ нѣкотораго героизма прожить въ здѣшней странѣ долгое время, и зная, что каждое дѣйствіе отравляетъ клевета.

Прекрасное предположеніе ваше, что я отдѣлялся разными предлогами, чтобы не видѣться съ вами, отъ страха слышать правду. Это свойство господствующихъ, а я самъ подъ игомъ иноплеменныхъ, и могу ли я, какъ они, бояться правды. Je suis un bien pauvre Sire! А вы, мои единственные ближніе, противъ меня!

¹⁾ Ник. Ник. Похвисневъ, молодой человѣкъ, служившій при А. П., съ которымъ вмѣстѣ выѣхалъ изъ Грузіи и затѣмъ вскорѣ умеръ. М. П.

Прощайте, цѣлую ручки милой сестры, чудесной женщины! Душевно-преданный А. Ермоловъ.

Браните меня еще и всегда, но живить сердце мое чувство благодарности за благосклонное расположеніе ваше къ сестрѣ моей, боялся оскорбить васъ выраженіемъ милости.

16-го ноября 1822 г. Тифлисъ.

Любезный братъ, существо рѣдкое! Родные мои, встрѣтившись съ вами въ Кіевѣ, пишутъ, что тобою и милою сестрою были чрезвычайно обласканы. Чувствую я одолженіе сіе и благодарность вамъ, для меня любезнымъ, есть чувство сладостное. Ты однако же, конечно, не похвасталъ предъ моею сестрою, что пишешь ко мнѣ часто, что тѣмъ услаждаешь скучную и единообразную жизнь мою. Тебѣ бы надлежало сказать ей, что ты хоть и рѣдкое существо, но столько же лѣнивое, что отъ тебя иногда можно добиться отвѣта, но что самъ никогда на переписку не вызовешься, и что любишь, чтобы пріатели твои вѣрили, что ихъ помнишь безъ всякаго, со стороны твоей, на то доказательства. Однако же, не шутя скажи, какъ можно такъ долгое время оставить безъ всякаго о себѣ извѣстія? Я даже и то хотѣлъ бы знать: на богомолье ѣздилъ ты въ Кіевъ или, наконецъ, почелъ за нужное навѣдаться о твоемъ имѣніи, которое въ той сторонѣ? Какъ человекъ обыкшій къ жизни въ столицѣ, посѣтилъ провинцію, и какъ ему она показалась? Или уже чувство старости наклоняетъ къ набожности, которая, какъ помнится, не сильна была прежде.

Я здѣсь, по обязанностямъ моимъ, ближе васъ къ церкви, ибо непрерывно обороняюсь отъ ея присвоеній, и понимаю, что значило, когда обладала она имѣніями въ Россіи. Здѣсь не болѣе нашего ловко духовенство, а достаточно ощутительно, что со священными хищниками ничто въ алчности сравниться не можетъ. Покойный Феофилактъ былъ знаменитый поборникъ церкви!

Извѣстный тебѣ Тимковскій ¹⁾ служить со мною. Я намѣренъ занять его изысканіями о разныхъ здѣшнихъ, совѣмъ неизвѣстныхъ, народахъ. Можетъ быть со временемъ появится какое-нибудь о нихъ описаніе, или, по крайней мѣрѣ, по недостатку удовлетворительныхъ историческихъ свѣдѣній, сообщатся какіе-нибудь любопытные отрывки. Исключительно, на первый разъ, займу я его обитающими въ предѣлахъ нашихъ калмыками и остатками монголовъ, нашими властелинами.

¹⁾ Егоръ Федоровичъ Тимковскій, извѣстный своимъ путешествіемъ въ Китай черезъ Монголію. М. П.

Я переношу большую часть прежней убійственной кавказской линіи въ мѣста прелестныя и здоровыя, работы у меня ужасныя, средства ничтожныя!

Все идетъ медленно и съ пламеннымъ воинъ характеромъ несогласно. Живу здѣсь давно, ничего не сдѣлалъ и это меня мучитъ до крайности. Браните меня, предайте проклятію, но не станеть терпѣнія и я бѣгу! Горестно оглянуться на шесть лѣтъ пребыванія въ здѣшной странѣ и ничего не произвести довольно ощутительнаго, чтобы свидѣтельствовало объ успѣхахъ. Самому внимательному наблюдателю могутъ только быть примѣтны пережѣны, слѣдовательно онѣ не велики, или еще при самыхъ началахъ. Вотъ, любезный и рѣдкій братъ, досадное состояніе нетерпѣливаго человѣка. Прощай! Удивись, если, превозмогни лѣнь, напишешь; ни мало не удивишь, если по прежнему любить будешь. Поцѣлуй ручку у несравненной сестры. Вѣрный Ермоловъ.

1823 г.

8-го іюня 1823 г. Тифлисъ.

Любезное существо, рѣдкой братъ! Благодарю за письмо съ послѣднимъ курьеромъ, хотя и безъ милосердія ругаешься. Хотѣлъ бы удовлетворить желанію твоему въ разсужденіи описанія здѣшныхъ народовъ, но сколько ни умѣрено оное, теперъ сдѣлать не могу. Если бы даже одного было довольно извѣстія, гдѣ живутъ сіи чучелы, то и въ семь случаѣ вѣрались бы невѣрности, ибо не со всѣми изъ нихъ мы знакомы, а проживши здѣсь семь лѣтъ, издать въ публику пустое, признаюсь, не хочется.

Ты думаешь, что я мелочыи пренебрегаю. Посмотри со вниманіемъ и увидишь, что по образу устройства нашего управленія, едва ли чѣмъ, кромѣ ихъ, заниматься возможно? Не весьма легкой выставилъ ты образецъ къ подражанію. Ты говоришь о безсмертномъ Петрѣ и указываешь, что между великихъ дѣлъ его, имѣли мѣсто мелочи. Но знаешь ли, что у людей, у коихъ всѣ дѣйствія ничто иное какъ мелочи, они дѣлаются скучными. Не многимъ предоставлены средства придавать имъ благородство дѣяніями необычайными!

Ты великодушно предназначиваешь мнѣ: „положить всему начало, сдѣлать общую систему, назначить чему быть черезъ 200 лѣтъ“, какъ легко сказать сіе и какъ бы самолюбиво было съ моей стороны почитать себя того способнымъ! Обратимся къ другому предмету.

Ты не правъ въ разсужденіи Мошкова. Подарокъ, сдѣланный ему государемъ, не составилъ ему того, чтобы могъ онъ приобрѣсти, если бы имѣлъ способы, виды имъ нарисованныя, предать литографіи. Государь не платилъ ему за работу, но оказалъ благоволеніе, какъ

воспитаннику академіи, попеченіями которой получилъ онъ образованіе. Тамъ сдѣланы государемъ издержки, но за нихъ нельзя требовать вѣчной, даромъ, работы. Справедливо удѣлить ему часть изъ выгодъ, которыя приобрѣтутся продажей литографированныхъ видовъ по мѣрѣ издержекъ, которыя вы на то употребите.

Я хотѣлъ сказать мнѣніе мое, впрочемъ, если и ничего вы не дадите, дѣлать нечего! Не стану оправдывать его, чтобы лѣнивъ онъ не былъ, ибо и самъ его въ томъ упрекаю. Теперь, однако же, составляетъ онъ другую коллекцію видовъ, несравненно лучшихъ, нежели прежніе, и для сего объѣзжаетъ горы.

Ты увѣдомляешь о пріѣздѣ брата и сестры твоихъ къ водамъ кавказскимъ. Хорошо, что предупредилъ ты генерала Стала, но и то боюсь, что по множеству, въ нынѣшнемъ году, посѣтителей, трудно ему будетъ доставить имъ выгодное помѣщеніе, ибо всѣ дома заблаговременно развачены.

Теперь, по желанію твоему, объяснимся въ разсужденіи сестры моей. Начну благодарностію за великодушное участіе, которое въ ея положеніи ты принимаешь. Точно, состояніе ея не представляетъ никакихъ надеждъ благоприятныхъ. Не можетъ не тягчить сердца моего неблаговоленіе къ ней родителя и вижу съ горестію, что тщетны были всѣ мои старанія склонить его къ прощенію.

Ты не усомнишься, что въ разсужденіи недостатка ея, готовъ былъ бы я подать всякую помощь, но извѣстны тебѣ мои средства, и я могу сообщить тебѣ, что кромѣ весьма не роскошнаго, по мѣсту, жалованья, я ничего не имѣю. Не достаетъ мнѣ онаго, и я потому только не вошелъ доселѣ въ долги, что проживаю нѣкоторые остатки, сбереженные отъ званія посла, по коему получая содержаніе, могъ я сохранять то, что принадлежало мнѣ по мѣсту здѣшняго начальника. Ты въ письмѣ твоёмъ изрекъ уже приговоръ за эгоизмъ мой и не умѣстное честолюбіе. Въ первомъ заслуживалъ бы я упрекъ; если бы могъ ты упомянуть хотя объ одномъ случаѣ, гдѣ я о моей только старался пользѣ, но самыя дѣйствія мои доказываютъ противное. Въ честолюбіи признаюсь, но его заключаю я въ томъ, чтобы ничего не просить и не получать не заслуживая. Сіе необходимо потому, что усталость отъ трудовъ требуетъ отдохновенія и не хочу я, чтобы могли сказать, что и на самыя расточаемія мнѣ награды не взирая, я благодаренъ и трудовъ уклоняюсь. Я, можно сказать, наканунѣ того, чтобы кончить службу мою, могу ли принять награду, за которую заплатить не въ состояніи? Не мое это правило, и если кто осуждать меня станетъ, конечно, многихъ будетъ имѣть за себя, ибо не

каждому выгодно руководствоваться подобными правилами, но это не значить еще, чтобы онны были не хороши.

Вотъ слова письма твоего: „Подумай обо всемъ хорошенько и напиши обстоятельно, но безъ всякаго вздора, смотри на вещь, въ какомъ она нынѣ положеніи и отнюдь ни слова отчего и какъ“. Въ семь предложеніи, конечно, не то трудное, чтобы не говорить вздора, ибо иногда умѣю я избѣгать того, но странно требованіе, чтобы могъ я основать разсужденіе, не принимая въ соображеніе причинъ.

Подъ таковыми условіями не легко удовлетворить твоему желанію а я признаться долженъ, что и не въ состояніи! Повторю тебѣ, какъ наилучшему изъ друзей, какъ человѣку благороднѣйшему, что готовъ помогать сестрѣ всѣмъ, что собственно отъ меня зависитъ, что достоинъ былъ бы презрѣнія, если бы думалъ иначе одну минуту. Къ ея услугамъ всѣ въ распоряженіи моеи средства, но не могу выпрашивать чужихъ, а паче тогда, какъ чувствую, что права на нихъ не имѣю.

Не угрожай мнѣ прекращеніемъ твоей дружбы, довольно причиняетъ горестей худое состояніе моего семейства и невозможность быть ему полезнымъ. Не знаю успѣлъ ли Арсеній Андреевичъ ¹⁾ до отъѣзда своего сдѣлать что-нибудь Павлову, но досадовалъ, что не можетъ дожидаться его изъ Москвы. Онъ имѣлъ надежду доставить ему мѣсто, но если уѣхалъ, то еще затруднительнѣе будетъ положеніе ихъ! Прощай, и люби по прежнему. Вѣрный Ермоловъ.

Забылъ о сочиненіи Броневскаго о Кавказѣ ²⁾. Доселѣ не было обстоятельнѣйшаго описанія страны здѣшней, и во многомъ столько истины, что трудно было бы поправить или сказать что-либо достовѣрнѣйшаго. При таковыхъ началахъ удобно будетъ кому-нибудь другому приобщить подробнѣйшія извѣстія. Тутъ отыщешь ты всѣ народы, коихъ издаются литографіе костюмы.

Прибывшій фельдъегерь доставилъ мнѣ письмо сестры моей, которая увѣдомляетъ, что кромѣ благосклоннаго расположенія вашего, вы оказываете ей и самыя благодѣянія, позволивъ на время отсутствія брата твоего, расположиться въ его домѣ. Мазаровичъ ³⁾ же,

¹⁾ Арсеній Андреевичъ Закревскій, тогда дежурный генералъ, бывшій въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ А. П. Ермоловымъ. М. П.

²⁾ «Новѣйшія Географическія и Историческія свѣдѣнія о Кавказѣ»; соч. Семена Броневскаго, 2 ч. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1823 г.

М. П.

³⁾ Мазаровичъ, Семенъ Ивановичъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ при персидскомъ дворѣ. Былъ близокъ къ Ермолову и дѣйствовалъ въ одномъ съ

съ коимъ говорилъ ты о положеніи сестры, пишешь, что ты имѣешь великодушное намѣреніе доставить ей помощь. Знаю, что нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ просьбы. Государь все можетъ, но тѣмъ достойнѣе его благотворить женщинѣ собственно по ея бѣдности и даже крайности, нежели для того сдѣлать добро, чтобы наложить на меня новыя обязанности, тогда какъ я прежнихъ исполнить силъ не имѣю. Не понимаю, какъ ты это сдѣлаешь, но въ отчаяніи буду, если войдетъ въ расчетъ мнѣ собственно дѣлать милости и мнѣ за нихъ платить трудами несноснѣйшей моей службы. Сего принять на себя я не въ состояніи.

Теперь о другомъ:

Какъ покровитель артистовъ и со вниманіемъ вникающій въ таланты ихъ, скажи мнѣ твое мнѣніе о коллекціи портретовъ, гравируемыхъ попеченіемъ живописца Довъ. Мнѣ еще не случилось видѣть ни одного гравированнаго, но Закревскій прислалъ мнѣ свой и онъ и литографированъ довольно искусно. Я, еще бывши въ Петербургѣ, подписался на нѣсколько портретовъ и высматриваю въ газетахъ, которые уже появляются въ публику. Посему узналъ я, что и я пропечатанъ Довомъ. Я отношу къ нѣкоторому сумасшествію его, желать взять за бюстъ мой по 50 рублей. Такъ дорого не платятъ и за людей необыкновенныхъ! Онъ обманется жестокимъ образомъ, а мы, по уменьшеніи вскорѣ цѣны, узнаемъ, что они съ рукъ не сходятъ. Странная мысль продавать мой бюстъ, тогда какъ желающимъ имѣть мою рожу гораздо удобнѣе получить ее напечатанную на листѣ.

Какія у васъ перемѣны неожиданныя. Какъ могли вы разстаться съ Гурьевымъ¹⁾? Грозитъ паденіе и О—ву. Неужели потерпятъ, чтобы кто съ великимъ симъ мужемъ вступилъ въ одинаковыя грабить права безъ отвѣтственности. Это было бы неблагодарно и не признательно къ великимъ его заслугамъ. Кто же послѣ трудиться захочетъ?

Воображаю Дибича²⁾, который, конечно, земли не чувствуетъ подъ собою. Но едва ли не вредно вельможамъ надолго отдаляться отъ двора и допускать дѣлать къ другимъ привычку. Такимъ образомъ можетъ Волконскій не быть уже столько надобнымъ. Что сдѣлаете вы съ другими изъ сильныхъ, но нѣкоторыхъ изъ министровъ опасно замѣнить худшими. Прощай! Ермоловъ.

нимъ духъ по персидскимъ дѣламъ. Оставилъ службу почти одновременно съ Ермоловымъ. Женатъ былъ на Рибоньеръ. М. П.

¹⁾ Графъ Д. А. Гурьевъ, министръ финансовъ при императорѣ Александрѣ Павловичѣ. М. П.

²⁾ Занявшаго, по случаю отъѣзда начальника главнаго штаба князя П. М. Волконскаго, должность послѣдняго. М. П.

1824 г.

Благодарю васъ, почтенная и милая сестра, за нѣсколько безцѣнныхъ строкъ въ письмѣ брата. Я думаю и тѣмъ обязанъ вамъ, что его писать заставили, ибо лѣнь имъ овладѣла. Онъ тогда только не чувствуетъ оной, когда бранить меня. Тутъ онъ и неутомимъ, и краснорѣчивъ равномерно.

Сестра моя увѣдомляетъ меня, съ какою благосклонностію вы ее приняли, и я, подобно ей, не въ состояніи выразить чувствъ признательности. Ищу утѣшить себя, что не однимъ несчастнымъ состояніемъ своимъ, обращаетъ она ваше на себя вниманіе и пріятно мнѣ думать, что она будетъ умѣть снискать ваше благорасположеніе. Будьте къ ней милостивы и я не отниму у себя наслажденія, быть вамъ, почтенная сестра, благодарнымъ. Если бѣ знали вы, что переносить бѣдная сія женщина! Къ скукѣ, которая сопровождаетъ жизнь мою, долженъ я прибавлять и горести семейственныхъ неурядицъ, а вашъ Петръ Андреевичъ увѣряетъ, что мнѣ и помышлять не позволительно о сокращеніи моего здѣсь пребыванія. Какія великодушныя обо мнѣ заботы! Побраните его за меня, если умѣете, а я намѣренъ выдти совершенно изъ послушанія.

Примите увѣреніе въ неограниченномъ моемъ высокопочитаніи. Истинно преданный А. Ермоловъ.

Сестрѣ вы подарили портретъ мой. Что нѣтъ необходимости имѣть въ домѣ пугалища, я согласенъ, а живописецъ точно не употребилъ ни малѣйшей лести. Вижу торжество брата и сожалѣніе, что, лишаясь портрета моего, теряетъ выгоды сравненія!

22-го января 1824 г. Дагестанъ.

Рѣдкій братъ, Петръ Андреевичъ! Ты бы уже бранилъ меня, что я давно не писалъ къ тебѣ, если бы не равное также имѣлъ я на то право. Итакъ, о семъ ни слова!

Съ сентября мѣсяца я оставилъ Тифлисъ, живу между татаръ въ Дагестанѣ, въ прегнусной деревнѣ, скукѣ ужаснѣйшей. Такъ по большей части, провожу я восьмой годъ моего здѣсь пребыванія; но сей разъ счастливѣе прочихъ, ибо, прибывъ въ Дагестанъ, кончилъ я возникшій мятежъ безъ выстрѣла; заставилъ признать власть нашу, тѣ изъ горскихъ народовъ, которые никогда намъ не покорствовали. Они дали аманатовъ (заложниковъ) и теперь повинуются. Я вскорѣ выѣзжаю для обозрѣнія мусульманскихъ нашихъ провинцій, и, конечно, не для пріятнѣйшей жизни. Присылайте другаго наслаждаться симъ возжеланнымъ состояніемъ! А вы насъ совсѣмъ уничто-

жили, а кавказскую линію отдали въ обладаніе закубанцамъ. Впрочемъ, не мѣшало бы отдать имъ нѣкоторыхъ изъ посѣтителей минеральныхъ водъ. Трусость ихъ заставила распуścić нелѣпные слухи и между сими разскащиками главнѣйшій есть нѣкто знаменитый генераль-маіоръ Аклечѣевъ. Надобно было бы шепнуть мнѣ на ухо, а я бы и выдалъ! Смѣшна выдумка, будто-бы на выкупъ Желтухина собираема была подписка. Не бойтесь, друзья любезные, не такъ много нанесено вреда, и уже болѣе, нежели вчетверо заплачено за оный. Не въ мое время останется оскорбленіе неотомщеннымъ! Увѣдомь, о какой проказѣ моей по крестамъ солдатскимъ писалъ ты ко мнѣ? Это еще вымыселъ и мнѣ никогда и ничего въ голову о томъ не приходило. Я любопытенъ знать, что такое?

Ты говоришь, что я у васъ стекла выбиваю и что по климату вашему это нѣсколько жестоко. Я право не знаю, въ чемъ еще мнѣ упрекають; но мнѣ кажется, что я менѣе никогда не производилъ шума. Впрочемъ, мудро, однако же, согласить меня молчать, когда будутъ вызывать на бой министры по-часту нелѣпными бумагами, или возмечтавъ быть начальниками. Теперь задираетъ меня Ланской ¹⁾, а я ему и на тронѣ польскомъ не удивлялся. Не прикажите ли и ему раболѣпствовать? Напрасно вооружаешься (какъ говоришь) противъ сильныхъ моихъ порывовъ и грозишь мѣрою изобрѣтенія противъ нихъ оплота. Ты не подумалъ, что мѣра таковая потребуетъ вниманія на вещь и дѣятельности, а тогда не будетъ мѣста порывамъ. Не думаю, чтобъ неусыпностію своею могли быть страшными гг. министры.

Совсѣмъ непонялъ я приготавливаемой тобою мнѣ казни за жену З*, и что не удивился бы ты, если изъ Италіи очутится она въ Тифлисѣ. Давно ли произвелъ ты меня въ ловеласы? Я самъ не подозрѣвалъ, что я человекъ столько опасный, хотя столько же, какъ и ты, не сомнѣвался въ могуществомъ прелести своей. Могу увѣрить тебя, что я столько же и виноватъ, какъ ты, и со стороны ея, кажется, не болѣе преступленія! Ничего не знаю о пребываніи ея въ Италіи и ее не защищаю, но въ отношеніи ко мнѣ ничему не подверглась она предосудительному, и я, если бы даже 20 лѣтъ былъ моложе, умѣлъ бы въ подобномъ случаѣ заставить уважать мои правила. Тутъ же и торжества ни малѣйшаго не было надъ собою, ибо съ обѣихъ сторонъ, кромѣ равнодушія, не было другаго чувства.

¹⁾ Вас. Сергѣевъ. Ланской, въ то время управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, бывшій съ 1813 по 1815 гг. временнымъ правителемъ герцогства варшавскаго.

Прошу, любезный другъ, не оскорблять меня столько несправедливымъ подозрѣніемъ, или надобно лучше знать добраго пріятеля!

И ты, рѣдкій братъ, присутствуешь въ сенатѣ. Конечно, столько же какъ и я, ты удивленъ былъ тѣмъ, ибо вѣрно почести сей ты не добивался.

У васъ 12-е число было богато милостями, и кромѣ множества наградъ, я также получилъ штукъ до 15-ти коллеговъ. И ты утѣшишься, если нѣкоторыхъ сдѣлаешь товарищами по сенату.

Прощай, принеси почтеніе мое почтеннѣйшей женѣ твоей, сестрѣ моей несравненной. Душевно-любящій Ермоловъ.

Изъ послѣдняго письма сестры моей видѣлъ, что ты былъ очень боленъ, но она же обрадовала меня, что ты поправился—и я радъ, какъ за себя. Богъ не можетъ оставить человѣка, тебѣ подобнаго.

30-го мая 1824 г. Тифлисъ.

Любезный и рѣдкій братъ! Рѣдко пишемъ мы одинъ къ другому, но не случалось мнѣ видѣть фельдгегера безъ письма твоего и потому грустно было не получить онаго. Или захопотался, или залѣнился, но вѣрно нѣтъ другой, молчанію, причины. Не переменяй ты ко мнѣ дружбы твоей, желаніе мнѣ добра неистощимо! Что скажу о себѣ? Живу скучно по прежнему, но къ сему издавна сдѣлалъ привычку, увѣривъ себя, что со мною другаго встрѣчаться не должно. Тружусь по прежнему, но охлаждають пламенное усердіе мое, важется умышленно дѣлаемыми неприяностями.

И послѣ сего стануть упрекать мнѣ друзья мои, что иногда я огрызаюсь. Испытывалъ я средства терпѣнія и чрезъ долгое время даже признака не давалъ моего существованія, но мнѣ насылають запросы и замѣчанія, тѣмъ болѣе досадныя, что нивакой основательности не имѣють. По содержанію таковыхъ, подозрѣваю иногда, что имя царя употребляется всуе. Легко могутъ проистекать оныя отъ единаго неблаговоленія сильныхъ. Какой способъ повѣрри?

Вразуми, что должно заставлятъ меня нести службу, давно потерявшую прежнюю очаровательную свою силу? Я исполнилъ обязанности мои и готовлюсь къ новымъ ожидающимъ меня въ состояніи гражданина. Равнодушіе въ службѣ — развратъ. Съ сими чувствами полезнѣе отъ оной удалиться. Прежде, собственнымъ примѣромъ, возжигалъ я усердіе сотрудииковъ. Неудобно произвести таковое душа хладѣющая. А гдѣ тѣ, коихъ усердіе неоживляемо поощреніемъ?

Читалъ письмо Рыхлевскаго къ пріятелю его. Тебя благодарилъ въ сердцѣ за великодушный твой поступокъ и его хвалю, что чувствовать умѣеть, сколько тебѣ обязанъ, и что обязанъ тебѣ еди-

ному. Какъ похоже на тебя: благотворить и думать, что дѣлаешь обыкновенное! Едва было не подвергнули наказанію самому жестокому и винѣ, совершенно не соразмѣрному.

Сестра моя пишетъ ко мнѣ о милостивомъ къ ней расположеніи рѣдкой жены твоей. Не новая причина быть тебѣ благодарнымъ. И прежде таковыми были вы къ роднымъ моимъ. Поцѣлуй у почтенной сестры ручку.

Многія съ нѣкотораго времени произошли перемѣны. Закревскій, какъ пишетъ, свыше ожиданія, занявъ мѣсто по многимъ отношеніямъ лестное, недоволенъ имъ, ибо чувствуетъ, что оному не соответствуютъ его способности. Я однако же уговариваю не оставлять его, ибо правила его, безкорыстіе и любовь къ порядку много произведутъ полезнаго.

Много смѣялся я заключенію твоему на счетъ исходящаго зловопія. Однако же не помѣшало, и, по успѣху его суда, кажется, не менѣе дѣйствуетъ упоющаго сладостію аромата.

Здѣсь часто говаривалъ я о тебѣ съ Мазаровичемъ, въ душѣ тебя уважающемъ; онъ многое разсказалъ мнѣ и о твоей неизмѣнной ко мнѣ дружбѣ. Не знакомъ я съ бонтоннымъ Рибопьеромъ, но жена Мазаровича недостатокъ красоты замѣняетъ умомъ и любезностію ¹⁾. Самъ онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые осуждены переносить нѣкоторыя неприятности за то, что служатъ со мною или мною одобряемы.

Прощай, любезный братъ, рѣдкое существо! Гдѣ и когда мы съ тобою увидимся? Поклонись безпримѣрной женѣ твоей.

Люби вѣрнаго Ермолова.

1825 г.

20-го января 1825 г. Тифлисъ.

Любезный и рѣдкій братъ! Мы съ тобою чудесную ведемъ переписку. Я тебя ни о чемъ не спрашиваю, а ты радъ, что есть журналы, Свинына записки и даже о наводненіи не скажешь ни слова, которое и тебя должно было постигнуть въ загородномъ твоёмъ замкѣ.

Прошу увѣдомить, ибо зная тебя заботливымъ охотникомъ до садовъ, великимъ домостроителемъ, жалѣлъ бы о разрушеніяхъ въ твоихъ заведеніяхъ. Какія бѣдствія причинило наводненіе, и нѣтъ причины, чтобы еще не повторилось, а быть можетъ и жесточайшее! Не утѣшительно для столицы, великолѣпнѣйшей въ мірѣ, если оно періодическое и если даже одно въ 50 лѣтъ! Немного будетъ охотниковъ жить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода наиболѣе свирѣпствовала и

¹⁾ Урожденная Рибопьеръ.

въ семь отношеніи едва ли роскошныя дачи съ тѣмъ же, какъ прежде; возстанутъ великолѣпнѣе? Если въ прекрасномъ Петербурга климатѣ останутся опустошенными его окрестности, еще пріятнѣе онъ будетъ. Я вамъ не завидую!

Вопрошаю не шутя. Свѣжи, существо рѣдкое, но столько же и лѣнливое, для чего по нѣсколько мѣсяцевъ ни строки я отъ тебя не имѣю? Знаю, что имѣешь ты занятія, но не уже-ли каждое изъ нихъ лучше того, какъ когда ты ко мнѣ пишешь? Люблю слышать о тебѣ, ибо слышу справедливую похвалу благороднѣйшимъ свойствамъ твоимъ. Теперь есть у меня Шимановскій ¹⁾, котораго заставляю повѣствовать о тебѣ. Люблю сего молодаго человѣка и люблю болѣе съ тѣхъ поръ, какъ отнял у него портретъ твой, который сохранялъ онъ съ большимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ, тебѣ благодарный.

Ты, который печатаешь разнаго рода мои каррикатуры, почему не хотѣлъ дать мнѣ твой портретъ, который нахожу я чрезвычайно похожимъ?

Искусный художникъ, набросивъ на тебя лѣтъ десять молодости, умѣлъ скрыть морщины, которыя, конечно, не умножаютъ твоихъ прелестей, но въ то же время далъ совершенное лицу выраженіе, и я, если не плѣняюсь красотой, люблю видѣть спокойствіе души прекраснѣйшей. Будешь опять ругаться, но обратись къ самому себѣ, и узнаешь, можно ли заставить тебя говорить вопреки чувствъ твоихъ. Почему же мнѣ отказывать тѣ же свойства? Тебѣ я льстить не стану, существо чудесное!

А вы, любезная и рѣдкая изъ женщинъ, милая сестра, не думаете ли, что я не знаю, что у васъ есть портретъ мой, самимъ Довомъ сдѣланный. Знаю, что вы равнодушны къ прелестямъ лица моего, но я замѣтилъ, что вы особенную находили пріятность въ кроткомъ и привлекательномъ выраженіи зеленоватыхъ глазъ моихъ, которые умѣлъ Довъ выставить въ настоящемъ видѣ, и что составляетъ всю цѣну его картины.

Остроумный живописецъ, изобразивъ горы, хотѣлъ дать разумѣть, что посреди ихъ природа скрываетъ свои сокровища. Онъ производя алмазъ и драгоценныя каменья. Онъ болѣе чувствовалъ, а я, по скромности, даю сіе истолкованіе ²⁾! Прекративъ пустословіе, скажу

¹⁾ Николай Викторовичъ Шимановскій служилъ въ Петербургѣ, въ комиссіи прошеній, при Бикинѣ; за тѣмъ перешелъ на службу въ Грузію и состоялъ при А. П. во все время управленія его тѣмъ краемъ. Находился при кончинѣ Ермолова. М. П.

²⁾ Одинъ изъ лучшихъ портретовъ А. П. Ермолова писанъ, упоминаемымъ здѣсь, членомъ королевской лондонской академіи художествъ и санкт-

вамъ, что благодарный за благосклонность къ сестрѣ моей, храню я къ вамъ чувства совершеннѣйшаго и искренняго почтенія. А. Ермоловъ.

24-го мая 1825 г. Тифлисъ.

Любезный братъ, рѣдкое существо! Въ ожиданіи свиданія съ наслѣдникомъ Персіи, я терялъ надежду застать тебя на водахъ, но перемѣнились обстоятельства, и я тебя увижу. Глупые персіяне, отвергая сдѣланныя мною о границѣ предложенія, доставляютъ мнѣ сіе удовольствіе.

Между тѣмъ, хочу сказать тебѣ нѣсколько словъ прежде свиданія, какъ изъявившему готовность (по точнымъ выраженіямъ послѣдняго письма твоего) ругаться, если что найдешь не соответствующаго твоимъ желаніямъ. Прежде надлежало бы опредѣлить мѣру желаній сихъ, соразмѣрить ихъ способамъ, отъ меня зависящимъ и не ожидать отъ меня того, чего другой на мѣстѣ моемъ, съ равными средствами, также бы исполнить не былъ въ состояніи. Тогда укоризна справедлива была бы, если бы что упущено было отъ нерадѣнія, но если еще ожиданія превосходятъ и самую мѣру моихъ способностей, то вините правительство, неизбирающее людей, болѣе годныхъ для исполненія его видовъ. Вопросите его, дало ли оно въ руководство какое-либо начертаніе, по которому бы судить можно было объ уклоненіи отъ его намѣреній. Ругаться столько же не трудно безъ основанія, какъ легко обвинять несправедливо!

Ты, будучи на водахъ празднымъ, конечно, изъ любопытства пожелаешь собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о странѣ и столькихъ различныхъ племенахъ. Жалѣю, что не будетъ моего Вельяминова, котораго долговременное пребываніе довольно познакомило, и онъ могъ бы, во многомъ удовлетворить тебя. О мусульманскихъ земляхъ, лежащихъ на полуденной сторонѣ Кавказа или ханствахъ Шекинскомъ, Ширванскомъ, Карабахскомъ, въ которыхъ ввелъ я русское управленіе, можетъ дать тебѣ свѣдѣніе, служащій при мнѣ по части пограничной, коллежскій совѣтникъ Нагибинъ. Менѣе его времени находится при мнѣ надворный совѣтникъ Устимовичъ, но, болѣе образованный, дастъ тебѣ извѣстія, занимательныя и съ болѣею связью. Прошу познакомиться съ коллежскимъ совѣтникомъ Ребровымъ ¹⁾, ты найдешь въ немъ человѣка, весьма умнаго,

петербургской Дау; гравировалъ Т. Рейтъ. Величественно грозная фигура Ермолова поставлена бокомъ, онъ опирается на пашку, на мундиръ накинута бурка; на заднемъ планѣ скалы, надъ головой нависли тучи. Экземпляръ этой гравюры (имѣя довольно рѣдкой) имѣется въ нашемъ собраніи. Фед.

¹⁾ Алексѣй Ѳеодоровичъ Ребровъ, извѣстный на Кавказѣ хозяинъ—шелководъ. Былъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ Кавказской области.

и конечно, о Кавказской области никто основательнѣйшихъ свѣдѣній не имѣеть, и ему извѣстны многія изъ моихъ предположеній. О военныхъ дѣлахъ тебѣ поговорить не съ кѣмъ. Ты ѣдешь въ нашу сторону, конечно, не весьма хорошо о ней предупрежденный, но взгляни на нее пристально и ты можешь разсвѣять многихъ другихъ предубѣжденія, которыя не мало вредятъ ей. Весьма досадно, что будучи такъ близко отъ Грузіи, ты не увидишь земли, во всѣхъ отношеніяхъ превосходной, и которую нельзя сравнить съ гнусною Кавказскою линіею.

Поклонись отъ меня любезной сестрѣ, достойнѣйшей супругѣ твоей. Прощай! Вѣрный Ермоловъ.

12-го іюля 1825 г. Тифлисъ.

Любезный и рѣдкій братъ! Давно слухи, что ты на водахъ и не было извѣстія вѣрнаго, но письмо отъ 21-го іюня, вице-губернаторомъ доставленное, весьма однако же медленно, удостовѣрило наконецъ, что воды наши напояютъ существо рѣдкое. Досадую, что провлятыя дѣла мепя здѣсь удерживаютъ и что я уже не съ вами. Еще болѣе досадно будетъ, если только, предъ самымъ отъѣздомъ, васъ застану.

Благодарю за Воейкова ¹⁾, который увѣдомляетъ меня о благосклонномъ приѣмѣ ему, тобою сдѣланномъ, и о ласкахъ, которыхъ его удостоилъ. Справедливо замѣтилъ благороднѣйшія его свойства и мы всѣ таковымъ его знаемъ. Не знаю, почему не понравились тебѣ другіе. Они имѣютъ также хорошія стороны, хотя во многомъ не похожи на Воейкова.

Познакомься съ Ребровымъ. Несмотря на странности человѣка, безъ воспитанія, ты найдешь въ немъ хорошій, основательный умъ и лучшія о краѣ свѣдѣнія. Это живой архивъ. Догадываюсь, что Устимовича ты уподобляешь Тимеовскому, но между ними есть разница. Первый не имѣетъ тѣхъ гнусныхъ свойствъ неблагодарности, которыми повсюду отличается послѣдній. Впрочемъ, мнѣ надобенъ человѣкъ, для службы годный, хотя бы ко мнѣ и не имѣлъ большой вѣжности.

Устимовичъ способенъ и въ должности мудрено быть усердѣе. Нагибинъ флегма и не скоро понравится, но достоинъ уваженія честностью правилъ. Сей выигрываетъ когда короче узнаютъ его!

Читалъ письмо твое къ Роману Ивановичу ²⁾ и удивляюсь не у мѣста употребленному тобою выраженію: „Славны бубны за горами“.

¹⁾ Николай Павловичъ Воейковъ, адъютантъ Ермолова.

М. П.

²⁾ Романъ Ивановичъ Ховенъ, тифлискій губернаторъ.

М. П.

Кто прославлялъ ихъ? Не у насъ ли въ любезномъ отечествѣ лучшія намѣренія и дѣйствія не могутъ быть представляемы въ видѣ не только противномъ, но, по произволу, даже и въ преступномъ? Не вы ли, господа, близкіе государю, въ состояніи смирить клевету, чтобы она не раздирала невиннаго и отвратить поражающіе его удары? Славу составляетъ общее мнѣніе, у насъ нѣтъ его и смѣютъ ли обнаружить мнѣніе, вопреки желанія сильныхъ?

Меня, кажется, давно уже предали порицанію, и если бы я былъ лучше того, что я въ самомъ дѣлѣ, то тщетно было бы мое рвеніе! Нѣтъ въ насъ ничего славнаго, но принадлежитъ справедливое уваженіе терпѣнію нашему, ибо мы, безъ надежды на возрѣніе, употребляемъ всѣ усилія и всѣ тѣ способности, которыя даны намъ. Это истинный героизмъ!

Почему всюду не употребляете вы способнѣйшихъ, вы, творцы существъ необыкновенныхъ, столько ими избыточествующіе? Что можетъ укрыться отъ прозорливости вашей всеобъемлющей.

Увидимся—поговоримъ! Прощай! Вѣрный Ермоловъ.

Объимъ сестрамъ мое искреннѣйшее почтеніе.

30-го іюля 1825 г. Владикавказъ.

Любезный и рѣдкій братъ, Петръ Андреевичъ! Со мною должны встрѣчаться всѣ странные случаи и все, что неприятно.

Не въ семь чиселъ должно быть возмущеніе чеченцевъ и горскихъ ихъ сосѣдей, ибо здѣсь это довольно обыкновенно, и если бы живъ былъ отличный генераль-маіоръ Грековъ, то все было бы приведено въ порядокъ, и мнѣ не нужно было бы самому туда ѣхать, слѣдовательно, я засталъ бы тебя на водахъ, хотя одинъ или два дня, но надобно, чтобы судьба во гнѣвѣ дала мнѣ генераль-лейтенанта Лисаневича, который, по чрезмѣрной ограниченности своей, думалъ, что онъ все лучше другихъ знаетъ, и потому, не слѣдуя мнѣнію Грекова, человѣка умнаго, дальновиднаго и опытнаго, взялся самъ распоряжаться всѣмъ.

Правда, что какъ человѣкъ храбрый, онъ рѣшился съ горстью войскъ напасть на многочисленныхъ мятежниковъ, разбилъ ихъ и разсыпалъ, но не хуже его сдѣлалъ бы тоже и генераль-маіоръ Грековъ, но, вслѣдъ за симъ совершеннымъ успѣхомъ, который давалъ выгодный дѣламъ оборотъ, онъ умѣлъ бесполезно и безъ нужды пасть на винжалъ злодѣя.

Вызвавши къ себѣ жителей города Авсая, явно измѣнившихъ намъ и участвовавшихъ въ нападеніи на укрѣпленіе Герзели-Аулъ, отъ коего съ урономъ отбиты были мятежники, онъ, выговаривая имъ въ

измѣнѣ, вздумалъ взять главнѣйшихъ виновниковъ. Не могъ отклонить его Грековъ, представлявшій, что не прилична мѣра сія и не время еще употреблять строгость и розысканія, онъ не послушалъ. Двое преступниковъ, вызванные изъ толпы, предстали съ покорностію, но когда взяли третьяго, онъ бросился на Лисаневича съ кинжаломъ и его ранилъ смертельно, Грекова же убилъ однимъ ударомъ. Истребили убійцу, но это не заплата за достойнаго Грекова!

Увидя происшествіе прочіе аксаевцы бросились бѣжать, но ожесточенные солдаты, возбужденные сверхъ того приказаніемъ Лисаневича колотъ ихъ, истребили ихъ на половину, бѣльшую частью обезоруженныхъ. Прекрасныя и благоразумныя дѣйствія Лисаневича. Я, въ донесеніи императору, ничего, по обыкновенію, не скрывая, признался, что еще одинъ на линіи начальникъ—подобный Лисаневичу и дѣла наши надобно будетъ исправлять не малыми пожертвованіями. Просилъ я сюда Дениса Давыдова ¹⁾, но мнѣ не разъ отказали, думая, что въ сорокъ лѣтъ онъ такой же повѣса, каковымъ былъ въ молодыя лѣта, хотя и тогда онъ имъ не бывалъ для того, кто коротко знавалъ его.

Государю нельзя знать всѣхъ генераловъ и потому назначилъ онъ Лисаневича, котораго вѣрно хорошо ему рекомендовали. Если бы зналъ онъ, что могущественный Дибичъ, желая избавить друга своего, генерала Рота, отъ Лисаневича, совершенно бесполезнаго, представилъ его для помѣщенія на линію, думаю, не былъ бы доволенъ.

Желая мнѣ вредить, не надобно вредить службѣ государя!!!

Не станетъ меня, другъ любезнѣйшій, если бы даже и болѣе былъ я способнымъ, когда такихъ будутъ давать мнѣ помощниковъ, и когда я только то и долженъ буду дѣлать, что исправлять ихъ ошибки. Отъ меня нельзя требовать свыше силъ моихъ, а я не стыжусь признаться, что мнѣ, по неблаговоленію сильныхъ, дѣлается затруднительнымъ мое положеніе.

Ожидаю, что дѣла здѣшнія будутъ разглашеніями доведены до государя въ прекрасномъ видѣ и, конечно, далекиа отъ истины, и во всемъ, обыкновенно, долженъ я быть виноватъ одинъ. Государь также долженъ будетъ вѣрить какъ и добродѣтелямъ Лисаневича, и меня ожидаетъ пріятная перспектива.

Надобно быть моего характера, чтобы не терять доброй воли къ службѣ и я могу увѣрить тебя, какъ рѣдкаго моего друга, что зная вымышляемыя на мой счетъ мерзости, я берусь всегда за дѣло съ

¹⁾ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, партизанъ и поэтъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, Т. VI. 1872 Г. КОДЕКСЪ.

духомъ свободнымъ и тою дѣятельностію, которую ничто не умерщвляетъ.

Иду къ чеченцамъ, всюду бунтъ, все подъ ружьемъ и давно на меня готовятся кинжалы. Но со мною мое счастье и знаю, что Богъ поможетъ мнѣ все, по желанію, кончить.

Деять лѣтъ знакомства съ краемъ, безпрерывная подвижность, знакомая здѣшнимъ народамъ, даетъ мнѣ большія средства. Не порадуется виновные моему посѣщенію и знаютъ, что тогда бѣда, когда появлюсь я ероткимъ!

Смѣните меня другимъ начальникомъ и увидите, что не тѣ еще будутъ обстоятельства. Умнѣе меня не долго пробудеть здѣсь, ибо надобенъ будетъ въ важнѣйшемъ мѣстѣ, или будетъ чувствовать, что имѣетъ на то право и не согласится по моему мучиться здѣсь.

Если же мнѣ подобный или; можетъ быть, нѣсколько и слабѣйшій, то нѣтъ причины, чтобы лучше управилъ онъ дѣлами.

Я не шутя ожидаю смѣны, которая, можетъ быть, и потому нужна, чтобы дать мѣсто кому-нибудь изъ кліентовъ людей могущественныхъ!

Какъ бѣсится меня то, что я тебя не увижу и будучи въ такомъ уже близкомъ разстояніи, но въ семъ случаѣ знаю, что мы одинаковыхъ чувствъ, то-есть, что, во-первыхъ, должны идти обязанности по службѣ, а тамъ друзья и дѣла постороннія!

Досадно также, что не увижу сестры моей, которой безподобная жена твоя, по дружбѣ и по милости, доставила случай быть на водахъ.

Поцѣлуй ручку Маріи Ардаліоновны. Прощай! Вѣрный Ермоловъ.

(Особая записка). Не найдешь ли ты за нужное сберечь письмо мое и показать его Самому, какъ ты то сдѣлалъ одинъ разъ, когда писалъ я объ арендѣ брата моего и жаловался на министра Гурьева.

Увѣдомь меня, сдѣлаешь ли или не считаешь нужнымъ?

Выставь на видъ то, что я съ тобою не видался!!!

14-го августа 1825 г. Крѣпость Грозная.

Вижу изъ письма твоего, милая сестра Анна Петровна ¹⁾, что беспокоитъ и напугала тебя болѣзнь моя и что даже готовилась ты ко мнѣ ѣхать. Сколько ни былъ бы я радъ тебя видѣть, но жалѣлъ бы о трудѣ твоёмъ, ибо, конечно, не болѣе сутокъ случилось бы пребыть намъ вмѣстѣ.

Гораздо до письма сего возвратится къ вамъ Николай, слѣдовательно и говорить тебѣ о здоровьи моемъ нечего, а только то могу доба-

¹⁾ Анна Петровна Павлова.

вить, что довольно скорный маршъ и одинъ день весьма знойный ни малѣйшаго вліянія на него не сдѣлали, и мнѣ кажется, что только движенія одного недоставало для совершеннаго выздоровленія.

Итакъ, прошу тебя не беспокоиться ни мало, ибо уже нѣтъ во мнѣ и признаковъ болѣзни, а только оставила она мнѣ талію стройную и прелестную, которою хвастаю я, конечно не предъ прекраснымъ поломъ, но предъ окружающими меня, изъ которыхъ, къ счастью, нѣтъ ни одного красавца.

Прощай, мой другъ, прошу Бога, чтобы далъ тебѣ здоровья и душевнаго спокойствія. Вѣрный братъ А. Ермоловъ.

А вы, милая сестра Марія Ардалионовна, хотя и бранитесь со мною, но пожалѣли - таки о болѣзни моей. И тутъ вы послѣдовали вашей неперемѣняющейся справедливости, ибо, если ни на что я уже не гожусь, какъ говорятъ многіе, но могу быть добрымъ и постояннымъ пріятелемъ. По словамъ вашимъ спущусь съ горъ, но скажите, гдѣ наконецъ вы спокойно жить будете? Я спущусь въ это мирное и счастливое обиталище рѣдкихъ друзей моихъ, и буду умѣть проститься съ ложными мечтами, которыя, гнѣздясь въ пустой головѣ моей, довольно до позднихъ дней, удалили меня отъ настоящаго счастья. Не правду ли сказалъ, что я *rauvre Sire*? но что же заключить должно о тѣхъ, которые и такому завидуютъ положенію? Сюда точно думаютъ ѣздить на царство, и сія-то цари, предмѣстники мои, заставили меня вести жизнь кочевую и оставили столько заботъ, что многіе изъ наслѣдниковъ моихъ съ ними не сладятъ. Съ трепетомъ смотрю на письмо ваше, вы сказали въ немъ то, что надобно было скрывать подъ непроницаемою тайною. Вы отъ богатырской воды всякій день были пьяны. Прощай, источникъ несравненный, единственный! Исчерпаютъ его вице-губернаторы вмѣсто простой воды, которою доселѣ надѣляли *les amateurs* государственнаго напитка. По скупости, которую находятъ во мнѣ братъ Петръ Андреевичъ, я не прочь удалить посѣтителей водъ, а ихъ отдать на откупъ. Какъ будутъ благодарить меня! Тогда я истинно прославлюсь, а вы, господа, на половину пріѣзжающіе здоровыми, довольствуйтесь горячими и другими водами, пока еще не отырыли мы въ нихъ подобныхъ свойствъ замѣнять государственный напитокъ. Вѣроятно, что люди искусные не оставятъ ихъ безъ точнѣйшихъ изслѣдованій! Вы милостивы къ сестрѣ моей, покажите ей письмо мое и она увѣрится, что я здоровъ, ибо больному рѣдко можно бываетъ съ такою свободою написать столько много вздора.

Между тѣмъ, прощаясь съ богатырскою водою, вышлите ее на

здоровье! Можетъ быть, поможетъ и чистосердечное мое желаніе. Душевно преданный А. Ермоловъ.

13-го декабря 1825 г. Екатериноградъ.

Любезный и рѣдкій братъ, Петръ Андреевичъ! Давно мы ведемъ себя прекрасно, ты совсѣмъ забылъ меня и не пишешь, я, полагая тебя въ разбѣздахъ, [въ свою очередь, письмами тебя не беспокою. Наконецъ рѣшаюсь.

Три скучныхъ мѣсяца занимавшись построениемъ укрѣпленій, проживши въ лагерѣ до порядочныхъ заморозовъ, пріѣхалъ я поближе къ Кабардѣ, чтобы взглянуть пристальнѣе на возгорѣвшійся тамъ мятежъ, по счастью скоро ослабѣвшій, дожиль я до того, что пришло внезапное извѣстіе о кончинѣ императора и теперь привожу я къ присягѣ войска новому государю.

Помня заботы твои о минеральныхъ водахъ, вызвалъ я сюда архитектора, обо всемъ собралъ нужныя свѣдѣнія и, благодаря дѣятельности маіора Павлова, увидѣлъ лучший порядокъ въ строительной комиссіи, успѣшное заготовленіе для предстоящихъ весною работъ и надѣюсь, что при немъ все приметъ другой видъ. Помню замѣчанія твои объ украшеніяхъ, по истинѣ необходимыхъ, ни противъ одного изъ замѣчаній не возражаю и съ пріятностію приступилъ бы къ исполненію, но связываетъ руки неловкость, съ которою я къ тому приступаю.

Не остановлюсь признаться тебѣ, что ты не совсѣмъ не правъ, упрекая мнѣ бережливостію и что даже можетъ она иногда быть не у мѣста; но нерѣдко не изъ видовъ бережливости боюсь я издержки, а просто не умѣю приняться за вещь и въ понятіи моемъ недостатки здѣсь средствъ, дѣлають приступъ страшнымъ.]

Позвольте, милостивый государь, почтительно] спросить васъ, какое право имѣете вы требовать утонченной разборчивости, изящнаго вкуса отъ солдата, проводившаго лучшую часть жизни на отдаленной границѣ или въ болотахъ и лѣсахъ, или постоемъ въ корчмахъ жидовскихъ. Въ понятіи такового, — удобства заключаются въ тѣсныхъ предѣлахъ, а роскошь и прихоти—голова не вмѣщаетъ. Знаю изъ разсужденія, что въ нѣкоторой степени онѣ привлекательны и уже сдѣлались потребностію, но предоставь мнѣ пріуготовленіе оныхъ, и конечно, долженъ выдти вздоръ. Въ разведеніи садовъ, простригу я деревья въ видѣ рыбъ и звѣрей; посажу плачущую иву на сыпучемъ пескѣ, а крыжовникъ у журчащаго источника; бесѣдки развѣщу, какъ почтовые дворы. Въ убранствѣ комнатъ, сдѣлаю преступное соединеніе цвѣтовъ. У меня древній люстринъ займетъ мѣсто нѣжной тѣани, восхититъ прочностію гродетуръ. Никто не

смѣй упомянуть о мебелихъ новѣйшаго вкуса, вездѣ будутъ у меня канапе и комоды. Вспомню, что римляне не ѣдали сидя. вмѣсто канделябровъ, жирандольей, всюду панигадила! Курю комнаты роснымъ ладономъ и, изрѣдка, стираксомъ.

Доволенъ ты готовностью моею, блеснуть роскошью и всё употребить обороченія, чтобы привлечь къ водамъ посѣтителей? Если же ты въ состояннн придумать что-нибудь лучшее, то, не уворяя меня въ недостаткѣ вкуса, пришли хорошіе рисунки, внятно напиши наставленіе, какъ приступить къ тому, куда адресоваться, чтобы, по незнанію, не быть обманутымъ и чтобы не насмѣшить невѣжествомъ.

Помоги твоею заботливостію, твоею неподражаемою волею стремящеюся къ улучшенію всёхъ вообще предметовъ. Я отъ души благодарю тебя какъ брата и друга и ты за меня красишь не будешь! Знаю, что милая сестра Марія Ардаціоновна довольна будетъ моимъ описаніемъ и порадуется объ усовершенствованіи моего вкуса и успѣхахъ въ просвѣщеніи, за что цѣлую ея ручки. Прощай! Вѣрный по смерти Ермоловъ.

1826 г.

31-го мая 1826 г. Кавказская линія.

Любезный братъ и рѣдкое существо! Благодарю за письмо и радъ, что ты здоровъ. Это одно, что можно видѣть изъ письма твоего, ибо ни слова не говоришь ты болѣе! Для подобной переписки намъ надобно будетъ изобрѣсти новый форматъ. Столько въ короткихъ словахъ неловкій человѣкъ не будетъ умѣть пожелать добраго утра. Скажу о себѣ:

Я возвратился изъ Чечни, гдѣ болѣе рубилъ дрова, нежели дрался. Я прочищалъ лѣса и пролагалъ пути, а непріятель прятался повсюду и показывался рѣдко. Теперь со мною, какъ съ искусившимся, не говорите ни слова о дорогахъ, или приглашу видѣть ихъ въ Чечню. Тацитъ не болѣе ужасными описывалъ лѣса Германіи и точно, встрѣчались мнѣ древнѣйшіе многихъ знаменитыхъ фамилій, которыя не могли бы при нихъ быть даже ничтожными пеньвами. Все одолевалъ я небольшимъ числомъ людей, но трудами и терпѣніемъ добрыхъ нашихъ солдатъ.

Вотъ уже одиннадцатый мѣсяцъ я изъ Грузіи и уже седьмой на чистомъ воздухѣ безъ крыши. А у васъ противъ меня всё ругательства, но только, по чрезмѣрной нелѣпости своей, къ счастью моему, не весьма оскорбляющія.

Думаю, около мѣсяца я еще протоскаюсь здѣсь и потомъ въ Тифлисъ, гдѣ тоже не на покой.

Несчастное происшествіе, какъ слышу, заставило отложить коронацію, но меня мучить, что и совсѣмъ тѣмъ я прійхать не могу, ибо не смѣю, въ настоящихъ обстоятельствахъ, отдалиться отъ моего мѣста. Чувствую, что для меня, не менѣе какъ для самихъ дѣлъ по службѣ, было бы сіе необходимо.

Желалъ бы я, чтобы мнѣ позволено было прійхать когда то могу безъ упущенія должности.

Вспомнишь ли ты, что говаривалъ мнѣ о садовникѣ для минеральныхъ водъ. Я понималъ, что онъ нуженъ, но теперь, видѣвъ множество прелестныхъ полевыхъ цвѣтовъ, которые бы впрочемъ украсить могли великолѣпные цвѣтники ваши, я начинаю вѣрить, что можно къ нимъ пристраститься.

Вижу, что уже готовъ ты съ требованіемъ, но я отражу невѣжествомъ. Не знаю, которые бываютъ въ луковницахъ, которые въ сѣменахъ, и когда собираютъ то и другое. Итакъ, обратись къ просвѣщеннѣйшему.

Скажи, за что больна единственная и милая сестра моя Марія Ардаліоновна? Ты скажешь, что не помогли воды кавказскія, а мнѣ позволительно ли спросить, почему помочь не умѣютъ искусные врачи столицы? Я тоже нѣсколько лѣкарь и думаю, что не мѣшало бы оставить, на нѣкоторе время, прекрасный климатъ вашъ и, вырвавшись изъ болота, подышать чистымъ воздухомъ въ деревнѣ. Нѣсколько жизни безпечной, средство цѣлительное!

Скажи милой сестрѣ мое совершенное почтеніе. Прощай, люби по прежнему.

Не безпокойся за меня, не вѣрь нелѣпнымъ слухамъ; вѣрь одному, что за меня никогда не покраснѣешь! Вѣрный по смерти А. Ермоловъ.

1827 г.

6-го августа 1827 г. Орелъ.

Любезный и рѣдкій братъ, Петръ Андреевичъ. Жалѣю, что путешествіе твое въ Ревель, лишило меня удовольствія писать къ тебѣ; еще болѣе жалѣю о причинахъ путешествія твоего. Что сдѣлалось съ сестрою, которой подобныхъ мало! Порадуй, если поправилось ея здоровье.

Тебѣ г. Мазаровичъ все скажетъ, относящееся до меня. Онъ былъ въ Тифлисѣ послѣднее время моего тамъ пребыванія и ты услышишь множество странныхъ вещей.

Продолжительно было бы описаніе всего, но нѣчто вкратцѣ писалъ я А. А. Закревскому и просилъ его показать тебѣ письмо мое!

Ты не удивишься, ибо нѣтъ ничего новаго подъ луною! Можетъ быть найдешь не совсѣмъ справедливымъ поведеніе могущественныхъ людей противъ меня, но и сіе весьма обыкновенно, какъ и то, что поправшихъ меня увидимъ паденіе въ свою очередь. Разница въ томъ, что меня давно престоало баловать счастье и перемѣна положенія моего не постигла меня внезапно, что съ другими можетъ случиться иначе!

Я здоровъ, живу со старикомъ моимъ въ деревнѣ, нашель его уже слабымъ; но, сколько могу, служу ему утѣшеніемъ. Привыкаю къ новому состоянію моему и, благодаря Бога, нахожу средства быть имъ довольнымъ. Давно разстался со многими мечтами и ближайшее разсужденіе о нихъ обуздываетъ прежнія лѣтъ молодыхъ страсти. Перваго злодѣя — честолюбіе, гоню изъ обиталища моего; рѣдко уже бесѣдуетъ со мною лстивая подруга-надежда и я очень хорошо разумѣю, что жизнь спокойная, безъизвѣстная есть моимъ удѣломъ! Не время дѣлать новыя связи, новыя знакомства; счастливъ буду, если сохраню прежнія и въ числѣ маломъ мнѣ достаточныя! Люби меня по прежнему и общай, въ утѣшеніе мнѣ, что я тебя увижу. Хотѣлъ бы видѣть твое семейство, моихъ родныхъ, но гдѣ и когда?... Я буду въ Москвѣ зимой, ты въ Москвѣ не бываешь. Въ Петербургѣ мнѣ быть не зачѣмъ! Вельяминовъ ¹⁾, обитатель Тулы, сосѣдъ мой, пускается отъ кавказскихъ водъ и вскорѣ здѣсь будетъ и это ближайшій мой знакомый. Здѣсь я иностранецъ, вышедшій на берега африганскіе. Какъ все пусто, какъ дико! Люди съ состояніемъ живутъ въ столицахъ; съ умѣреннымъ — прячутся по деревнямъ удерживаемые падшими доходами и нашъ городъ Орель кажется взятымъ штурмомъ ябедниками и подьячими.

Не взирая на все сіе, я строю каменный двухэтажный домъ въ городѣ. Не пугайся, онъ въ фасадѣ имѣетъ до 6-ти саженей и будетъ вмѣщать въ себѣ три небольшія для меня комнаты и три, въ коихъ расположится не весьма многочисленная моя бібліотека. У меня есть изрядныя книги, которыя вмѣстѣ съ тобою приобрѣтали мы въ заграничныхъ нашихъ прогулкахъ. Найду какое-нибудь упражненіе, но жалѣю что писать ничего не въ состояніи и соглашаюсь съ тѣми изъ доброжелательствующихъ мнѣ, которые, ко многимъ другимъ обо

¹⁾ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, бывшій начальникъ штаба кавказскаго корпуса, въ послѣдствіи начальникъ Кавказской линіи, извѣстный своимъ хладнокровнымъ, стойкимъ характеромъ и отличными военными познаніями. Вельяминовъ умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта. Императоръ Николай Павловичъ оцѣнивъ его заслуги, пожаловалъ Алексѣю Александровичу, за нѣсколько дней до его кончины, Владиміра 1-й степени. М. П.

мнѣ заключеніямъ, присоединили и то, что я очень поглубѣль. Прощай! Поцѣлуй ручку у чудесной сестры моей, которая, въ письмахъ твоихъ ко мнѣ, присоединяла всегда пророчества на мой счетъ и которыя сбывались непременно! Пришли нѣсколько хорошенеккихъ рисунковъ для шкафовъ въ бібліотеку, но прошу не слишкомъ вдаваться въ majestoso. Вѣрный Ермоловъ.

12-го октября 1827 г. Орель.

..... Удивляетъ меня, что дѣла въ Персіи идутъ несовсѣмъ успѣшно. Однако же, если, какъ ты увѣдомляешь, пошелъ Паскевичъ съ 30 т. прямо въ Тавризъ, онъ дастъ оборотъ дѣламъ. Я думаю, что если персіане встрѣтятъ его на пути, то онъ не будетъ имѣть битвы кровопролитной; Тавриза же, ожидаю, они защищать не станутъ и онъ войдетъ въ оный безъ препятствія, и тамъ ничего не найдетъ изъ всѣхъ европейскихъ заведеній, т.-е. онъ разрушитъ пустыя стѣны литейнаго дома и ничтожной ружейной фабрики, которая еще въ младенчествѣ. Я бы на мѣстѣ Аббасъ-Мирзы въ опустошенный Тавризъ открылъ дорогу, подослалъ бы людей съ просьбою, чтобы онъ поспѣшилъ освободить ихъ, какъ недовольныхъ правительствомъ и боящихся за то наказанія, а самъ атаковалъ бы на Араксъ переправу, ее уничтожилъ и насѣлъ бы на хвостъ арміи, и разоралъ бы транспорты съ продовольствіемъ. Паскевичъ не найдетъ въ Азербиджанѣ средствъ существованія, ибо ихъ истребить возможно и долженъ, будетъ возвратиться назадъ. Приближается время, въ которое чрезъ горы, на границѣ лежащія, дороги сдѣлаются неудобными, транспорты будутъ двигаться весьма медленно и всякое предпріятіе подвержено будетъ многосложнымъ соображеніямъ. Еще было занесъ перо, но вспомнилъ, что не мое дѣло разсуждать о семъ, когда я признанъ за неспособнаго человѣка.

Не дай Богъ, чтобы узналъ графъ Дибичъ! Прощай, прочти письмо мое Заевревскому, чрезъ Мазаровича посланное. Вѣрный по смерть Ермоловъ.

Октября 1827 г. Орель.

Почтеннѣйшая сестра, Марія Ардаліоновна! Сестра Анна Петровна доставила мнѣ письмо ваше, и не взирая на насмѣшки ваши, что я просилъ васъ о милостивомъ къ ней расположеніи, мнѣ не менѣе пріятно благодарить за то, что вы ей оное оказывать изволили. Она безъ слезъ не говоритъ мнѣ объ васъ, и едва ли удовольствіе видѣть меня въ состояніи смягчить горестъ разлуки съ вами. Жить близко

вась, сдѣлалось для нея потребностію, и никогда болѣе не жалѣлъ, что Алексѣй Александровичъ ¹⁾ оставилъ службу.

Вы меня просите за нея, сомнѣваясь, какъ-будто, что привязанность моя къ ней не заставитъ меня употребить всѣ возможныя средства къ ея успокоенію. Не такъ легко ладить со стариками, что думаю, я и вы, милая сестра, и вы нѣсколько знаете. Могло занятіе мое прежде службою и долговременное отсутствіе много мнѣ препятствовать, но теперь, будучи свободнымъ, близко къ отцу моему, конечно, не упущу я ни одного случая, чтобы обратитъ его къ ней нѣжность. Увѣренъ, что не нужно къ тому нивакихъ усилій, судя по удовольствію, съ которымъ встрѣтилъ онъ сестру. Итакъ, почтеннѣйшая Марія Ардаліоновна, по благосклонности къ сестрѣ, будьте на счетъ ея покойны.

Въ самомъ дѣлѣ, вы проникательны въ выборѣ людей по ихъ способностямъ, назначая мнѣ должность при братѣ, Петрѣ Андреевичѣ. Требуемой умственныхъ способностей, конечно, не приму я на себя, какъ-то учиться экономіи, домоустройству, ибо я поглупѣлъ очень, какъ вы вѣрно уже слышали. Если же хотя мало усомнитесь вы въ томъ, то я представлю убѣдительное свидѣтельство графа Дибича и многихъ другихъ, благоволящихъ ко мнѣ особъ. Но сохранилъ я еще нѣсколько силъ и пахаремъ буду усерднымъ, подъ хорошимъ руководствомъ.

Вы настращали меня вашими пророчествами. Вы предсказали мнѣ удаленіе, или справедливѣе назвать, изгнаніе изъ службы, но теперь, обращая меня къ земледѣлію, вы не вселяете въ меня страха. Не правда ли, что можетъ назваться счастливымъ тотъ, которому нечего бояться? И глупость моя не мало способствовать будетъ счастью. Ей благодаря, не стануть называть меня либераломъ, карбонари и видѣтъ во мнѣ чловѣка, стремящагося нарушать порядокъ. Но что будетъ и со многими другими, когда съ тою же прозорливостію будутъ разсматривать ихъ способности? Неужели одинъ я долженъ былъ поглупѣть, и такъ поздно сіе примѣтили. Подсмотреть впоследствии тоже и во многихъ нынѣшнихъ мудрецахъ и избранныхъ.

Однако же позвольте мнѣ спросить вась, милая сестра, когда могу я надѣяться увидѣтъ моего *Seigneur du village*. О вась не смѣю я думать, ибо вижу, что со столицею не легко вамъ разставаться. По мнѣнію нашему, жителей деревенскихъ, могъ бы чистый воздухъ, движеніе, поправить здоровьѣ ваше. Подумайте о семъ; можетъ быть, въ семъ хотя случаѣ, вы не найдете мнѣніе мое глупымъ... Прошу

¹⁾ Павловъ, мужъ сестры Ермолова.

покорнѣйше сказать мое совершеннѣйшее почтеніе Екаторинѣ Васильевнѣ и искреннюю благодарность за благосклонное расположеніе къ сестрѣ моей.

Имѣю честь быть съ чувствами истинной приверженности и отличнаго почтенія душевно-преданный Алексѣй Ермоловъ.

Что скажете, однако же, о докторѣ Вольскомъ? Онъ смѣетъ любить меня и даже желать одолжить меня, предлагая мнѣ пристанище въ своемъ домѣ. Это не менѣе какъ героизмъ въ отношенія къ чело-вѣку въ моихъ обстоятельствахъ! Не смѣкнулъ ли онъ, какъ чело-вѣкъ умный, что если излѣчивалъ онъ меня отъ болѣзни, можетъ возвратить мнѣ и прежнія умственныя способности.

26-го декабря 1837 г. Орель.

Почтенная и милая сестра, Марія Ардалионовна! Чудесно счастливая мысль прислать сукна на сертукъ, ибо не только буду я имѣть щегольской, но избавлюсь насмѣшекъ, которыя, конечно, вызвалъ бы я собственнымъ вкусомъ. Я готовъ уже былъ выбрать какой-то аптекарскій цвѣтъ и появиться въ свѣтъ въ этой микстурѣ. Уже въ тяжкихъ спорахъ были мы съ Анною Петровною, а какъ теперь мнѣ, отставному, повелѣвать негѣмъ, то я находилъ удовольствіе, по крайней мѣрѣ, ее не слушать. Но въ то время, какъ исполненъ я благодарности за сукно, напуганъ рисункомъ, по которому я долженъ быть одѣтъ. Огромная фигура моя (умолчу что не весьма ловкая) не можетъ имѣть стройной талии, которая требуется. Я рѣшался, несмотря на 50 лѣтъ, прибѣгнуть даже къ корсету, но и въ семъ случаѣ, не думаю, чтобы изъ меня что-нибудь вышло. До такой степени сдѣлался я ни на что негоднымъ! Въ рисунокѣ означена шляпа дикаго цвѣта. Говаривали прежде, что это цвѣтъ людей подозрительныхъ правилъ и я содрогнулся. Впрочемъ, простите чело-вѣку, долго жившему въ глуши, если не довольно знаетъ, какъ могутъ часто перемѣняться моды. Однако же, по боязни прежнихъ толковъ, не пущусь я на шляпу, подобнаго цвѣта! Если, согласно съ рисункомъ, будетъ въ петлицѣ роза, я надѣюсь, что вы не почтете, что я пишу собственное изображеніе. Много стоитъ скромности моей, когда нечаянно даже коснется красоты моей. Замѣтьте, что выше сего я говорилъ только о неловкости.

Итакъ, я одѣтъ по послѣдней модѣ, но сего недовольно, надобно, чтобы вы меня видѣли и потому надобно весною ѣхать въ деревню, куда я тотчасъ явлюсь. Я не возьму на свой счетъ, чтобы бесѣда моя способствовала вашему выздоровленію—не могу покорить всегда

излишней скромности—но буду умѣть отнести оное къ чистому воздуху, жизни свободной, беззаботливой и болѣе правильной.

Много люблю я Вольскаго, уважаю искусство его и приобретенную знаменитость, но смѣлъ бы сразиться съ нимъ, если не совѣтуетъ онъ испытать жизнь деревенскую. Выздоровливайте, любезная сестра, и намъ, любящимъ васъ, будетъ веселѣе!

Братъ, съ нѣкотораго времени, возгордился и ко мнѣ не пишетъ; я мшу ему и недоволенъ присланными имъ рисунками шкафовъ. Не шутя, однако же, скажу, что они точно весьма обыкновенны и ничего замысловатаго въ себѣ не имѣютъ. Братъ лучше меня знаетъ, что простота наиболѣе приближается къ совершенству, что не одно великолѣпіе составляетъ красоту, но вкусъ можетъ замѣнять оную. Въ рисункахъ, имъ присланныхъ, совсѣмъ нѣтъ послѣдняго. Вижу, любезный братъ, что сердисься, но справедливѣе долженъ на себя, ибо, конечно, не обратилъ вниманія на рисунки.

Продолжите мнѣ расположеніе ваше, мое почтеніе къ вамъ будетъ и совершеннымъ, и вѣчнымъ. Покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

1828 г.

Февраля 1828 г. Москва.

Почтеннѣйшій Петръ Андреевичъ! Изъ Москвы не писалъ я тебѣ, не имѣя вѣрнаго случая ¹⁾. Я пріѣхалъ сюда за пять дней до масленицы и между родными, которыхъ довольно стѣхалось здѣсь, проживаю довольно не скучно; кромѣ ихъ, знакомыхъ мало и я почти нигдѣ не бываю. Особенная у меня пріязнь съ книгопродавцами и переплетчиками. Былъ, однако же, раза три въ театрѣ и два раза въ собраніи, гдѣ любопытная публика смотрѣла на меня съ нѣкоторымъ вниманіемъ или какъ на изгнанника, или какъ на человѣка замѣчательнаго щедрымъ пенсіономъ, который данъ безъ большихъ заслугъ. Словомъ, я столько же былъ бы любопытенъ въ отношеніи къ другому въ равныхъ обстоятельствахъ. Не знаю, что еще выдумаютъ на мой счетъ доброжелательствующіе мнѣ, но скромнѣе и осторожнѣе вести себя, конечно, невозможно! Виновать ли я, что обращаютъ на меня глаза и самыя происшествія въ Персіи. Всѣ говорятъ, что нѣтъ мира, а нѣкоторые смѣютъ думать, что Паскевичъ обмануть, и будто не было бы хуже и при мнѣ. Нельзя воспретить мыслить! Вспомни собственныя слова твои: „страшусь торжества твоего“, я не могу желать сего, но, конечно, не все идетъ наилучшимъ образомъ! Посмотримъ на конецъ дѣла!

¹⁾ Податель письма г. Мадиевъ, весьма порядочный человѣкъ, приласкай его. А. Ш.

Здѣсь хлопочу я сыскать учителя моимъ ребятишкамъ и слѣдую совершенно твоему совѣту. Съ сестрою говоримъ объ васъ, она сообщила мнѣ утѣшительное извѣстіе, что весной намѣреваетесь вы ѣхать въ Рязанскую деревню. Прославляю Вольскаго, что онъ вамъ сіе совѣтуетъ и ожидаю величайшей пользы!

Ты желалъ, чтобы я написалъ письмо и я исполнилъ мысль твою. Посылаю тебѣ копію. Достоинство его есть истинная благодарность, впрочемъ, у мѣста и краткость. Сдѣлай дружбу, прикажи отдать письмо, у сего включаемое, книгопродавцу Вейеру. Лучше еще, если дашь ему знать, чтобы онъ къ тебѣ пріѣхалъ. Если достанетъ онъ требуемыя мною книги, то возьми ихъ къ себѣ и сохрани до отъѣзда твоего въ деревню, гдѣ я получить ихъ могу. Ихъ немного и онъ тебя не беспокоитъ. На почтѣ же отправить ихъ невозможно.

Достойнѣйшей Марьѣ Ардалионовнѣ мое совершенное почтеніе. Прощай, любезнѣйшій братъ, продолжи мнѣ твое лестное для меня расположеніе. Благодарю за милостивое расположеніе къ Талызину ¹⁾, Не знаю, за что гонить его несчастіе? Неужели, дабы вредить мнѣ, надобно было и его рѣзать. Прощай! Душевно-преданный Ермоловъ.

25-го февраля 1828 г. Москва.

Почтеннѣйшій братъ, Петръ Андреевичъ! Не хочу пропустить вѣрнаго случая, не писавъ тебѣ. Впрочемъ, я писалъ уже обо всемъ прежде и подробно.

Здѣсь я живу между родными, а далѣе—знакомство мое съ книгопродавцами и переплетчиками. Вчера былъ въ концертѣ, любовался на красавицъ, удивлялся многочисленности народа. На меня смотреть, вѣроятно, замѣчая, какое производитъ на меня вліяніе извѣстія о мирѣ съ Персіей. Конечно, происшествіе неожиданное, такъ скоро, особенно послѣ деклараціи, припечатанной въ газетахъ о разрывѣ, довольно успѣшно составленной, и, можетъ быть, неосторожно. Цѣлую руку единственной сестры. Прощай! Душевно-любящій Ермоловъ.

Приласкай бывшаго адъютанта моего, Новикова, котораго рекомендую отлично.

(Особая записка). Любезный братъ, Петръ! Податель письма сего есть репрезентантъ цѣлаго семейства, состоящаго изъ десяти братьевъ, всѣхъ служащихъ государю. Выслушай терпѣливо кровную ихъ нужду и суди по добротѣ сердца твоего. У римлянъ удивлялись погибшей въ одинъ день фамиліи Фабіевъ. Въ одинъ день могутъ и у насъ лечь 10 родныхъ братьевъ, за славу своего государя. Прошу тебя за нихъ.

¹⁾ Талызинъ — дежурный штабъ-офицеръ въ штабѣ А. П. Ермолова.

Я видѣлъ слезы солдата и ты увидишь, что ихъ вырываетъ не собственное, но цѣлаго семейства бѣдствіе. Братъ по гробъ Ермоловъ.

На оборотѣ: «Его превосходительству Петру Андреевичу Бикину».

15-го апрѣля. Москва.

Любезный и рѣдкій братъ! Получилъ письмо твое и благодарю за увѣдомленіе о моей женитьбѣ, ибо могъ бы я и совсѣмъ о томъ не провѣдать.

Женщина, точно весьма достойная и привлекательная для всякаго желающаго жениться. Я видѣлъ ее одинъ разъ, два мѣсяца тому назадъ, встрѣтившись на званомъ обѣдѣ. Ты знаешь, какъ я ловежъ между незнакомыми людьми, особенно женщинами, къ которымъ я подойти не умѣю—и такъ я не знаю даже звука ея голоса! Не понимаю, изъ чего заключить возможно, что я ищу на ней жениться. Ты, любезный братъ, желаешь сего, боишься порывовъ упрямства моего, а сестра говоритъ: „но гдѣ ему такое умное дѣло сдѣлать“. И вотъ мое разсужденіе: всякій человѣкъ, въ 51 годъ, есть весьма плачевный Адонисъ, и я не удержался бы отъ невыгоднаго заключенія о томъ, кто въ подобныя лѣта вздумалъ бы жениться; а самого себя умѣлъ бы я видѣть смѣшнымъ. Какъ же добровольно породить такое въ себѣ чувство. Я боготворилъ бы жену, любящую пламенно, но не въ мои лѣта человѣкъ удобенъ возжечь подобное чувство; меньшей степени любовью я не довольствуюсь! Благоразуміе должно указать жену лѣтъ соразмѣрныхъ. Въ таковой ли можетъ быть священный огонь любви? Раг сопвенансе я составляю только партію въ вистъ. Итакъ, не знаю, болѣе ли меня вы правы, дѣлая мнѣ приговоръ на женитьбу. Также какъ и вы, разумѣю я ее естественнымъ предназначеніемъ для человѣка; увѣряютъ, что сладостно возродиться въ дѣтахъ, вижу, сколько въ лѣтахъ, влонящихся къ старости, горестно одиночество, но хорошо, еслибы о семъ напомнили вы мнѣ по ранѣе. Долго увлекаемый любовью къ военному состоянію, я страстенъ былъ къ дамѣ Славѣ. Долго кокетствовала она со мною и измѣнила. Прошло время помышлять о женитьбѣ и въ сей послѣдней боюсъ я равнаго счастья, какъ и на поприщѣ военномъ. Можетъ быть, жена не столько бы нашла меня негоднымъ, какъ слава, но великъ рискъ и я не хотѣлъ бы видѣть жену, сѣтующую, что не такъ легко плѣнять меня и, еще менѣе, владычествовать возможно. Хорошо тебѣ съ сестрою разсуждать; вы въ молодости любили одинъ другаго страстно, женились въ лучшія лѣта; постепенно на старость запасались взаимною довѣренностью, дружбою; слили, можно сказать, вмѣстѣ бытіе ваше; а отъ меня чего вы требуете? Любить страстно

въ мои лѣта смѣшно и едва ли возможно, и лѣтъ соразмѣрныхъ красавица не будетъ понимать сего; свѣкаться поздно, или, по крайней мѣрѣ, бесполезно для кратковременнаго пребыванія въ семь мѣрѣ, и такъ остается собрать единственный плодъ умедленной женитьбы: колики, спазмы, подагру и прочія подобныя наслажденія, сопровождающія старость. Какъ сладостно замѣнять горячій поцѣлуй подогрѣтою припаркою; объятія нѣжныя, опоясанныя пластыремъ! И вы, безцѣнные шивки, вы нерѣдко способствовать будете къ продолженію счастливаго существованія нѣжныхъ супруговъ! Не пустимъ Волѣскаго въ храмъ любви, да не сократитъ блаженныхъ дней нашихъ! Здѣсь у мѣста принаровить текстъ изъ письма сестры: „но гдѣ ему такое умное дѣло сдѣлать“. Готовъ на ужаснѣйшія возраженія и ожидаю тебя, любезный братъ, со всею твоею діалектикою! Вижу во гнѣвѣ сестру, раздраженную противъ меня описаніями красоты моей, особенной ловкости въ новомъ костюмѣ. Алексѣй Андреевичъ, въ пользу твою, конечно, наклоняемъ былъ братскою любовью, но онъ смущенъ былъ красотою моею и твоею не поставилъ впереди! Я не виноватъ въ этомъ и, право, не тщеславлюсь, дѣлая побѣды; я, можетъ быть, и не примѣтилъ бы того, еслибъ о томъ сестра не написала изъ зависти. Меня всегда отличала скромность! Однако же и во гнѣвѣ вашемъ я люблю васъ, достойнѣйшая сестра, и цѣлую ручки ваши. Не сердись, братъ любезный, что не попалъ въ посаженные отцы. Прощай! Душевно-преданный Ермоловъ.

Дорога исправляется и я черезъ недѣлю ѣду. Какъ наскучила мнѣ здѣшняя праздная жизнь!

1832 г.

14-го августа 1832 г. Москва.

Любезный братъ, Петръ Андреевичъ! Совершенно нечего писать, но совѣстно пропустить случай, а особливо такой, какъ представляется.

Я по прежнему не весьма здоровъ, все лѣто прошло въ ненастной погодѣ и холодѣ и я не могъ употребить леченія, которое должно было предшествовать употребленію ваннъ, а потому и сіи послѣднія отложены. Теперь я въ Москвѣ остановленнымъ ежеминутнымъ ожиданіемъ великаго князя Михаила Павловича, ибо не ловко ухватъ въ деревню. Говорятъ, будто и государь, на возвратѣ изъ путешествія, проѣдетъ черезъ Москву, но вѣрно никто не знаетъ когда.

По словамъ Алексѣя Андреевича, ты любезный братъ, намѣреваешься отправиться въ Петербургъ, такъ чтобы доѣхать туда хорошимъ временемъ. Не вижу необходимости торопиться, ибо, благодаря шоссе, дорога повсюду чудесная, а погода мало имѣетъ на оную вліянія. Впрочемъ, не бесполезно имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія, ибо

весьма опасаются, дабы холера не посѣтила Петербурга, а трусы, какъ злобѣщія птицы, уже разглашаютъ, что она есть въ Кронштадтѣ, будто изъ Любека завезенная. Я не выдаю сего за истину и тебя прошу не говорить, что я сообщаю, ибо знаю, что стараются сокращать разглашенія.

Воображаю, сколько было бы тебѣ досадно еще одну зиму не быть въ Петербургѣ, чего, впрочемъ, случиться не можетъ, ибо если бы и была холера, до того времени она не можетъ продолжиться. А что до меня касается, я былъ бы въ восхищеніи, ибо не сомнѣваюсь я, что мнѣ продолжать мой отпускъ, въ чемъ необходимо буду я имѣть надобность по случаю раздѣла имѣнія, который не можетъ имѣть скорого окончанія, когда я не прежде сентября поѣду въ Орель, дабы пригласить людей, которые бы занялись приведеніемъ въ извѣстность и раздѣломъ имущества. Недѣли двѣ назадъ я послалъ прошеніе въ орловскую гражданскую палату, объ утвержденіи духовной покойнаго отца и сдѣлалъ публикацію въ газетахъ о кончинѣ съ вызовомъ кредиторовъ.

Между тѣмъ предварительно собираются нѣкоторыя нужныя свѣдѣнія. Жалѣть буду, если ты уѣдешь въ Петербургъ и ежели долженъ я буду прибѣгнуть къ посредству другихъ людей; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, я устраниюсь и со стороны моей ни малѣйшаго не будетъ вліянія. Какъ бы хотѣлось мнѣ скорѣе кончить сіе дѣло и быть свободнымъ въ распоряженіяхъ. Не привыкъ я къ подобнымъ занятіямъ и всего менѣе пріятны они съ ближайшими родными. Но какъ бы то ни было, я хорошо выполняю мое предположеніе.

Прощай, принеси засвидѣтельствованіе совершеннѣйшей моей преданности Екатеринѣ Васильевнѣ ¹⁾. Будь здоровъ и благополученъ. Душевно-почитающій Ермоловъ.

Что если бы могъ я исполнить сію минуту представившуюся мысль посѣтить тебя въ твоей деревнѣ. Мысль преблагородная! Но отъѣздъ твой въ Петербургъ, что съ нимъ дѣлать?

(Особая записка). Любезный братъ, Петръ Андреевичъ! Всегда о людяхъ хорошихъ способностей и заслуживающихъ особенное твое вниманіе, ты предупреждаешь меня письмомъ пріятельскимъ и заставляешь имѣть о таковыхъ попеченіе. Не такое извѣщеніе доставлено о Б...мъ, и я тебя зная, столько же знаю какое о нихъ имѣть понятіе. Вѣрный Ермоловъ.

Сообщ. ин. П. Д. Волжонскій.

¹⁾ Екатерина Васильевна Торсукова, мать жены П. А. Кикина. М. П.

А. П. Ермоловъ къ Пав. Инк. Ушакову.

Приводимыя здѣсь два письма написаны Ермоловымъ въ 1851 г. къ генералъ-адъютанту, председателю комитета учрежденнаго 18-го августа 1814 г., Павлу Николаевичу Ушакову и сообщены его вдовой С. Г. Ушаковой.

Ред.

30-го марта 1851 г. Москва.

Милостивый государь, Павелъ Николаевичъ! Если могу я надѣяться привести себя на память вашему высокопревосходительству, не посмѣю въ то же время сомнѣваться, чтобы просьба стараго сослуживца не была принята съ благосклоннымъ вниманіемъ.

Податель письма моего, уволенный отъ службы поручикъ Дыдымовъ, уроженецъ Кавказа, тяжело раненый храбрый офицеръ, просить принять его подъ покровительство комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ вашимъ. Распоряженія мѣстнаго начальства лишивши его, вмѣстѣ съ прочими, дарованной прежде земли, отняло средства содержанія себя.

Во время пребыванія моего на Кавказѣ, зналъ я отца его, отличнаго офицера, который убитъ, командуя однимъ изъ лучшихъ полковъ линейнаго казачьяго войска. Уважая память достойнаго, предстательствую за сына его, но что могу я безъ милостиваго вашего на него возрѣнія и на васъ единственно надежда моя.

Съ отличнымъ и совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, вашего высокопревосходительства, покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

7-го мая 1851 г. Москва.

Милостивый государь, Павелъ Николаевичъ. Приятнѣйшее письмо ваше я имѣлъ честь получить. Стараго сослуживца, ваше высокопревосходительство, изволили потѣшить благосклоннымъ вниманіемъ къ его просьбѣ, удостоивши покровительства вашего поручика Дыдымова, который по истинѣ того достоинъ. Я долженъ признаться, что рѣдки весьма случаи, въ которые могу я похвастать успѣхомъ въ подобныхъ, со стороны моей, предпріятіяхъ, но вы, милостивый государь, возбудите гордость мою до того, что я буду почитать себя годнымъ, по крайней мѣрѣ, ходатайствовать за достойныхъ.

Примите, почтенный Павелъ Николаевичъ, чувства искренней моей благодарности.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и неограниченною преданностію имѣю честь быть, вашего высокопревосходительства, покорнѣйшій слуга Алексѣй Ермоловъ.

Сообщ. С. Г. Ушакова.

Знакомство съ Ермоловымъ.

Воскрешая въ памяти прошедшее, я съ удовольствіемъ останавливаюсь на воспоминаніи объ одномъ вечерѣ, въ который мнѣ впервые выпало счастье познакомиться съ А. П. Ермоловымъ. Признаюсь, что при первомъ взглядѣ на величавую фигуру героя, его львиную сѣдую голову на богатырскихъ плечахъ, я проникнулся чувствами восторга и благоговѣнія. Истиною звучали стихи къ портрету его, писанному Дау:

На снѣжномъ подножъ кавказскихъ вершинъ
Угрюмъ, одинокій стоитъ исполинъ.
Онъ буркой косматой, картинно одѣтъ,
Вокругъ его блещетъ румяный разсвѣтъ;
На шашкѣ булатной покоится длань.
Могучъ онъ и грозенъ, какъ смертная брань.
Свинцовая дума въ морщинахъ чела
Всея тяжестью смѣло, глубоко легла.....

Въ домѣ одного изъ образованнѣйшихъ московскихъ жителей (23-го января 1847 г.) почетнымъ гостемъ бесѣды былъ Алексѣй Петровичъ. Онъ, на этотъ разъ, мало говорилъ и, кажется, былъ болѣе расположенъ слушать другихъ; но вышло какъ-то иначе, наоборотъ. Разговоръ, прежде натянутый и вялый, становился оживленнѣе, когда Алексѣй Петровичъ вставлялъ свое мѣткое слово, по мѣрѣ того, какъ свитокъ давно минувшаго развертывался самъ собою. Отъ штурма Праги, отъ Суворова, Ферзена, Костюшки—доходили до людей и событій 1812 года; отъ полей Бородина—до береговъ Сены и гребней Кавказа. Полная живаго интереса рѣчь Ермолова электризовала общество. За ужиномъ, отличившимся огромною рыбою, хозяинъ подынялъ задранный кубокъ въ честь знаменитаго гостя, а одинъ изъ собесѣдниковъ произнесъ:

Умомъ затмилъ онъ блескъ алмаза,
Въ бояхъ былъ славный онъ боецъ,
Да здравствуетъ герой Кавказа!
Да здравствуетъ герой сердецъ!
За нимъ, предъ нимъ нѣтъ пышныхъ кубковъ
Не громокъ онъ средъ гордой знати;
Но за него усердный гласъ молитвъ
Необѣдимой русской рати!

За тѣмъ другой изъ присутствующихъ продолжалъ:

Подъ буркою, надъ русскимъ станомъ,
Съ морщиной умной на челѣ,
Не разъ стоялъ онъ великаномъ
Монументально на скалѣ!

А пашка между тѣмъ чеченцевъ
 Вела съ штыкомъ трехграннѣмъ споръ,
 И именовъ его младенцевъ —
 Пугали жены дивныхъ горъ.
 И вотъ еще изъ-за тумана,
 Боторымъ ликъ его покрытъ —
 Глядитъ героемъ Оссіана
 Онъ на мельчающій нашъ бытъ!
 И подъ маститой сѣдиною,
 Хотъ взоръ орлиный и прятасъ,
 Но баснословной стариною
 И славой обдаеть онъ насъ!

На этотъ экспромтъ Ѳ. Н. Глинеи — М. А. Дмитріевъ отвѣ-
 чалъ слѣдующимъ же экспромтомъ:

Ты бывалъ и самъ средъ боевъ,
 Видѣлъ близко славы слѣдъ!
 Не изъ нынѣшнихъ героевъ
 Ты не нынѣшній поэтъ.
 Отъ того, какъ блескъ алмаза,
 Блещеть твой граненый стихъ
 И въ тебѣ герой Кавказа
 Вспламенилъ восторга мигъ!
 Не выдавъ войны кровавой,
 Я смиренно созерцалъ
 Мужа, избраннаго славой,
 Пѣтъ не смѣлъ я и молчалъ.
 Я дивился исполнну,
 Исполнскій былъ и вѣтъ —
 И какъ горную вершину,
 И его вѣнчаетъ снѣгъ.
 Но какъ тотъ горитъ и блещеть
 Въ искрахъ солнечныхъ огней,
 Мнѣ казалось, что трепещеть
 И надъ нимъ вѣнецъ лучей!

Алексѣй Петровичъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія, говорилъ увлекательно; рѣчь его, всегда сжатая, безъ всякихъ претензій на эффектъ, пересыпанная остротами, картинновоскрешала бывшее, чеканила настоящее. Между прочимъ онъ рассказывалъ, что въ 1821 году былъ назначенъ главнокомандующимъ стотысячной арміей, долженствующей принять участіе въ усмиреніи смутъ въ Италіи, волнуемой карбонарами. Въ Неаполѣ произошелъ мятежъ, король принужденъ былъ подписать конституцію. Вскорѣ Ермоловъ былъ вызванъ въ Лейбахъ, въ которомъ находились союзные монархи, для совѣщаній. Алексѣй Петровичъ находился при императорѣ. Во время обѣда, государь подавалъ разные знаки кн. Волконскому, сидѣвшему противъ него, по-

казывая на его сосѣда. Волконскій не могъ понять пантомимъ императора, и потому на вопросъ его, по окончаніи обѣда, отвѣчалъ, что не догадывается, что государь хотѣлъ сказать ему, указывая на Ермолова.

— „Неужели ты не понялъ того, что я ждалъ объяснить тебѣ, что Алексѣй Петровичъ, кажется, воображаетъ, что на немъ мантия и что онъ занимаетъ уже первыя роли“.

Ермоловъ, стоявшій невдалекѣ, тотчасъ не смущаясь, отвѣчалъ:

— „Государь, вы нисколько не ошибаетесь, и еслибъ я былъ подданнымъ какого-нибудь нѣмецкаго принца, то, конечно, предположеніе ваше было бы совершенно справедливо; но служа такому великому монарху, какъ вы, съ меня достаточно будетъ и втораго мѣста“.

Память его была изумительная, при обширной начитанности; никогда онъ не затруднялся въ названіи самой ничтожной деревушки, если она ознаменовалась, когда-либо, событіемъ или просто расположеніемъ части войскъ въ походахъ Фридриха и Наполеона. Такъ передъ Кульмомъ, когда ему говорили, что слѣдуетъ ознакомиться съ мѣстностью, онъ отвѣчалъ, что давно уже изучилъ ее топографически, со всѣми ея горными развѣтвленіями, что и подтвердилъ своими распоряженіями въ продолженіе боя, въ которомъ, предводительствуемая имъ гвардія покрыла себя славой! Хотя онъ и подчиненъ былъ Остерману, но всѣ распоряженія и приказанія исходили прямо отъ него. Съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, съ математическою точностію отдавалъ онъ приказанія безпрерывно подъѣзжавшимъ адъютантамъ и начальникамъ частей, не переставая шутить съ окружающими. Такъ г. Кнорингу, прискакавшему съ извѣстіемъ о стремительныхъ атакахъ нашей кавалеріи, онъ сказалъ:

— „Вы прекрасно рассказываете, но извольте тотчасъ же ѣхать въ вашему мѣсту, прежде додѣлайте, а послѣ уже доскажете“.

Далеко за полночь длилась одушевленная бесѣда. Впослѣдствіи судьба поставила меня въ самыя короткія отношенія къ Алексѣю Петровичу, по тѣсной дружбѣ его съ покойнымъ отцемъ моимъ. Часто просяживая длинные зимніе вечера, въ его кабинетѣ на Пречистенкѣ, я съ удоеніемъ слушалъ его рассказы, постоянно увлекательные, и съ сердечнымъ прискорбіемъ напоминалъ себѣ глубокой смыслъ стиховъ, вторыми завершу мою замѣтку:

Хоть дѣлъ великихъ окончанья
 Рукою ты не довершилъ,
 Но духъ твой изъ глуши изгнанья
 Другихъ въ побѣдамъ предводишь!
 Свершить — тебѣ не дали время,

Но всюду тамъ твои слѣды.
Тобою брошеннаго сѣмя
Россія соберетъ плоды!

С. И. Храповицкій.

Письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Николай Николаевичъ Муравьевъ былъ назначенъ намѣстникомъ Кавказа и главнокомандующимъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, въ ноябрѣ 1854 года, на мѣсто кн. М. С. Воронцова. По осмотрѣ кубанской линіи, новый главнокомандующій прибылъ на лѣвый флангъ въ исходѣ января мѣсяца 1855 года и изъ крѣпости Воздвиженской направился въ Грозную, откуда, въ началѣ февраля 1855 года, отправилъ Ермолову нынѣ впервые печатаемое письмо. Ред.

Крѣпость Грозная, февраль 1855 г.

Милостивый государь, Алексѣй Петровичъ! Въ углу двора обширнаго и пышнаго дворца, въ коемъ сегодня ночью, стоитъ уединенная, скромная землянка ваша, какъ укороизна нынѣшнему времени. Изъ землянки вашей, при малыхъ средствахъ, исходила сила, положившая основаніе крѣпости Грозной и покоренію Чечни. Нынѣ средства утроились, учетверились, а все мало, да мало! дѣятельность вашего времени замѣнилась бездѣйствіемъ; тратящаяся нынѣ огромная казна не могла замѣнить безкорыстнаго усердія, внушеннаго вами подчиненнымъ вашимъ для достиженія предназначенной вами цѣли. Казна сія обратила грозныя крѣпости ваши въ города, куда роскошь и удобства жизни привлекли людей стороннихъ (женатыхъ), все перемѣнилось, обстроилось; съ настойчивостію и убѣжденіемъ въ правотѣ своей требуютъ войскъ для защиты; войска обратились въ горожанъ, и простота землянки вашей не поражаетъ ослабѣвшихъ воиновъ Кавказа, въ коихъ хотя духъ и не исчезъ, но силы стали немощны.

Такое состояніе дѣлъ, конечно, подало поводъ и къ частнымъ злоупотребленіямъ начальниковъ; коть солдата не грабятъ, но пользуются трудами его, какъ работою тягловаго крестьянина, состояніе, которое солдатъ предпочитаетъ строевой службѣ. Посудите, каково мое положеніе исправить, въ короткое время, беспорядки, вкоренившіеся многими годами безпечнаго управленія, а въ послѣднее время и совершеннымъ отсутствіемъ всякой власти и управленія! Трудъ великій, позднихъ послѣдствій котораго я не увижу и который доставить мнѣ только нареканіе всего населенія! Но вы, зная меня, убѣдитесь, что это меня не остановитъ: если не достигну конца, то дамъ направленіе сему великому дѣлу, поглощающему и силы, и казну Россіи.

Въ землянку вашу послалъ бы ихъ учиться, но академія эта свыше ихъ понятій.

Не скажу, чтобы здѣсь не было покорности, напротивъ того, здѣсь всѣ покорны; но покорность эта не приводитъ ихъ къ изученію своихъ обязанностей, а только къ исполненію того, что прикажутъ. Надобно пока и этимъ довольствоваться съ надеждою на время, которое выажетъ сотрудииковъ, ибо дарованій здѣсь встрѣчается болѣе, чѣмъ въ Россіи; но все погрязло въ лѣни и усщленіи.

Отъ многихъ слышалъ справедливыя сужденія, что ваша Грозная вѣрѣность служила основаніемъ покоренія Чечни, и въ самомъ дѣлѣ, нынѣ видимъ множество огромныхъ мирныхъ ауловъ, приселяющихся подъ стѣны строимыхъ нами укрѣпленій. Чеченцы эти ходятъ съ нами въ экспедицію и безщадно дерутся противъ, непокорныхъ родственниковъ. Уже здѣсь учреждено пять наибствъ, есть пристава и судъ, установленный въ подражаніе вашего кабардинскаго суда.

Я былъ въ Нальчикѣ, гдѣ уставъ вашъ и прокламація служатъ единственнымъ руководствомъ для дѣлъ, встрѣчающихся не только между кабардинцами, но даже и между племенами, живущими въ горахъ.

Край этотъ, чрезъ который въ 1816 году нельзя было проѣзжать безъ сильнаго конвоя и пушекъ, нынѣ спокоенъ, благодаря началу, вами положенному, и я надѣюсь, что народы сіи не пошевелятся при теперешнихъ военныхъ обстоятельствахъ, и не прельстятся возваніемъ, развѣ увидать среди себя иностранныя войска, чему не предвижу возможности даже на правомъ флангѣ нашемъ, который частію обѣхалъ, не касаясь Черноморья.

Закрываю письмо похвалою сыну вашему, который служитъ хорошо, дѣятельно и порученія, ему даваемыя исполняетъ съ точностію и отчетливо; онъ мнѣ полезенъ; теперь находится по порученію въ Бизлярѣ.

Послѣ завтра надѣюсь возвратиться въ Владикавказъ, гдѣ думаю провести нѣсколько дней до переѣзда моего черезъ горы.

Примите и проч. Николай Муравьевъ.

Примѣчаніе. Авторъ письма, да и самъ кажется Алексѣй Петровичъ, какъ надо полагать съ разрѣшенія Муравьева, не считали нужнымъ держать этотъ документъ подъ слухомъ и онъ разошелся по Россіи и въ особенности по Кавказу во множествѣ списковъ¹⁾. Служащіе на Кавказѣ, завѣдывающіе управленіемъ предмѣстника Муравьева вв. М. С. Воронцова — приняли это письмо какъ прямой вызовъ, какъ незаслуженное обвиненіе, тѣмъ болѣе оскорбительное, что оно исходило отъ человѣка, едва лишь два мѣсяца пробывшаго на Кавказѣ. Общее негодованіе служебно-кавказскаго міра выразилось въ ниже приводимомъ письмѣ вв. Святополкъ-Мирскаго. Ред.

¹⁾ Мы имѣемъ нѣсколько списковъ, изъ нихъ два отъ И. А. Пузыревскаго изъ бумагъ Н. В. Кукшынникова и отъ Д. Павличева. Ред.

Отвѣтъ кавказскаго офицера на обвиненія Н. Н. Муравьева.

(письмо къ генераль-адъютанту К*).

13-го марта 1855 г.

Новый нашъ главнокомандующій, на пути слѣдованія своего въ край, вѣренный царскою милостію его управленію, написалъ изъ крѣпости Грозной—бывшему начальнику своему А. П. Ермолову—письмо, въ которомъ онъ излагаетъ мнѣніе свое о положеніи этого края и мысли, которыя должны служить началомъ его управленія.

Генераль Муравьевъ дозволилъ снять съ этого письма копіи, не скрывая желанія, чтобы оно получило всеобщую извѣстность, а потому, я полагаю, что оно уже извѣстно и вамъ, и что ѣдкія выраженія онаго, отозвались въ нашемъ русскомъ сердцѣ, скорбнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ сотнямъ тысячъ русскихъ сердець, которыя бьются на Кавказѣ, полныя любви и преданности къ царю и отечеству.

Эти строки, написанныя въ положеніи генерала Муравьева и адресованныя къ А. П. Ермолову, будутъ имѣть огромный отголосокъ въ цѣлой Россіи и не могутъ поколебать того мнѣнія, которое Россія имѣла до сего времени о кавказскомъ войскѣ. Кавказъ отъ Россіи далеко, а сочетаніе двухъ именъ Ермолова и Муравьева, внушаетъ русскому—довѣріе. Не одинъ русский, думающій о судьбахъ своей родины, прочитавъ эти строки, задастъ себѣ страшный вопросъ: не на краю ли гибели эта родина, когда тѣ изъ ея сыновъ, которые онъ привыкъ считать самыми дѣятельными, воинственными и сильными, стали немощныя силами и „погрябли въ лѣни и усыпленіи?“

Но неужели мы, кавказскіе служивые, должны безропотно покориться этому приговору и со стыдомъ преклонить предъ нимъ голову? Нѣтъ! наша совѣсть слишкомъ чиста для такого униженія! не стали немощными и безсильными тѣ войска, которыя побѣдили многочисленныхъ враговъ подъ Башь-Кадыкъ-Ларомъ, Курюкъ-Даре и на Чолокъ! Мы не обманывали Россіи въ теченіе четверти вѣка, она смѣло можетъ гордиться нами и сказать, что нѣтъ арміи на свѣтѣ, которая переносила бы столько трудовъ и лишеній, сколько кавказская! Нѣтъ арміи, въ которой бы чувство самоотверженія было бы болѣе развито; здѣсь каждый фронтовой офицеръ, каждый солдатъ убѣжденъ, что не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ послѣ-завтра, онъ будетъ убитъ или изувѣченъ.... а много-ли въ Россіи кавказскихъ ветерановъ? ихъ тамъ почти нѣтъ, кости ихъ разбросаны по цѣлому Кавказу!

Кавказскій солдатъ работаетъ много и отстаётъ отъ фронтоваго

образованія, но онъ не „тягловой крестьянинъ“, потому, что онъ трудится не для частныхъ лицъ, а для общей пользы: вмѣсто денежнаго капитала употребляется капиталъ его силъ и способностей; онъ расходуетъ силы эти и потъ свой для сбереженія государственной казны, если это дурно — не мы въ томъ виноваты. Что же касается до вопроса земляножь и дворцовъ, то не намъ, темнымъ людямъ, его разрѣшать; помню только, что когда меня учили исторіи я видѣлъ въ ней, что завоеваніе земель и особенно упрочиваніе оныхъ, не дѣлалось всегда одною силою оружія, и что постройка великолѣпныхъ зданій и распространеніе цивилизаціи, часто къ этому способствовали; это зависитъ отъ принятой системы, которую не мы рѣшаемъ. Мы бы желали только, чтобы не было рѣзкихъ переворотовъ,—нельзя же по произволу въ одинъ мигъ передѣлать афинянина въ спартамца или спартамца въ афинянина; это дѣло многихъ лѣтъ, болѣе обстоятельствъ, чѣмъ людей, и оно принадлежитъ къ общей системѣ государства.

Кавказская война не есть война обмененная, кавказское войско не есть войско, дѣлающее кампанію. Это скорѣе воинственный народъ, создаваемый Россією и противопоставляемый воинственнымъ народамъ Кавказа для защиты Россіи. Такое положеніе дѣлъ незаведено ни кѣмъ, оно создано силою обстоятельствъ, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ устроенія здѣшняго края. Избѣжать этого положенія, не покоривъ Кавказа, невозможно; развѣ завести, по примѣру среднихъ вѣковъ, воинственный орденъ монаховъ, отрѣшившихся отъ всего земнаго, кромѣ боя и молитвы, но возможно ли это?

Не намъ также рѣшать вопросъ: почему Кавказъ еще непокоренъ? потому ли, что теперь не живемъ въ землянкахъ, имѣемъ законныхъ женъ и нѣкоторыя удобства жизни, или потому, что его не умѣли покорить нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, когда цѣлое народонаселеніе разбѣгалось отъ одного гула пушечныхъ выстрѣловъ; когда не было никакой связи между кавказскими племенами и обществами и когда не было мюридизма, начало и отчасти развитіе котораго относится также ко времени земляножь.

Изъ всего вышесказаннаго не слѣдуетъ ли заключить, что, по моему мнѣнію, все на Кавказѣ совершенно хорошо? Гдѣ же нѣтъ дурныхъ людей и злоупотребленій, гдѣ же люди понимаютъ вполне и исполняютъ въ совершенствѣ свои дѣла! Мы всѣ убѣждены, что здѣсь многое остается сдѣлать, многое исправить и завести, и всегда желали болѣе совокупной и послѣдовательной системы веденія войны, болѣе разборчиваго распредѣленія царскихъ наградъ и потому, когда мы убѣдились, что силы князя Воронцова ему измѣнили и что онъ

уже не въ состояніи управлять нашимъ краемъ, въ эти трудныя времена, скорбя о горькой участи заслуженнаго старца, одного изъ знаменитѣйшихъ представителей русской славы, мы могли желать и ждали съ нетерпѣніемъ новаго энергическаго начальника. Люди, желающіе добра, желаютъ всегда сильной власти.

Назначеніе генерала Муравьева мы встрѣтили съ восторгомъ, не потому, чтобы онъ уже ознаменовалъ себя великими дѣлами на военномъ или на гражданскомъ поприщѣ, а потому, что онъ умѣлъ какъ-то возбудить великія надежды, которыя и мы раздѣляли; но мы ожидали, что генералъ Муравьевъ ѣдетъ сюда съ чувствомъ уваженія къ кавказскому войску, уваженіе котораго мы вправѣ требовать по нашимъ заслугамъ и чувствамъ, насъ оживляющимъ; въ добромъ дѣлѣ здѣсь всѣ почти сотрудники. Мы съ истинною скромностію, свойственною людямъ, испытавшимъ свои силы, ожидали, что намъ укажутъ наши ошибки и недостатки, пособятъ намъ ихъ исправить и усовершенствовать по мѣрѣ силъ и способностей; но мы не ждали оскорбленій.

Заботливаго хотя и суроваго отца, а не насмѣшливаго порицателя ожидали мы отъ царской милости.

Письмо, написанное новымъ главнокомандующимъ въ Грозной и распространенное по Кавказу и Россіи, изумило насъ и огорчило; но не долго будетъ наше уныніе; намъ чуждо чувство подлаго униженія, мы покорны, но покорны царской волѣ и закону, а не бранному слову; мы поднимаемъ брошенную намъ перчатку передъ судомъ Россіи и потомства; пусть нами руководятъ мудрыя начертанія, пусть геніальная рука укажетъ путь — мы готовы, готовы на все, что возможно человѣку, на всякія жертвы и лишенія. Сколько бы ни было сихъ жертвъ и страданій частныхъ, во всякомъ случаѣ это исполниское соревнованіе поведетъ ко благу и славѣ нашего отечества. Намъ остается вознести къ Всевышнему усердныя мольбы, дабы потомство сказало, что вождь былъ достоинъ арміи, а армія была достойна вождя.

Тенгинскаго пѣхотнаго полка подполковникъ князь Дмитрій Святополкъ-Мирскій.

ВОСПОМИНАНІЯ И. И. ЕВРОПЕУСА.

Бунтъ военныхъ поселенъ короля прусскаго полка¹⁾).

17-го іюля 1831 г.

I.

По выступленіи короля прусскаго полка противъ польскихъ мятежниковъ, остался я единственнымъ врачомъ, какъ по округу, такъ равно и въ госпиталѣ. Возвратившись 16-го іюля, 1831 г., послѣ осмотра резервной и 4-й роты, я могъ замѣтить, что поселене уже тогда роптали на строгія карантинныя мѣры, по ихъ здоровому понятію, ни къ чему не ведущія, и просили меня выхлопотать у баталіоннаго командира майора Яцковскаго нѣкоторое снисхожденіе. Я представилъ угрожающую ему и намъ опасность, подобную въ австрійскомъ полку, но Яцковскій, любимый поселянами, былъ вполне увѣренъ, что подобнаго безчинства у насъ случиться не можетъ; тѣмъ не менѣе на другой день хотѣлъ составить комитетъ и посовѣтоваться съ ротными командирами, но не успѣлъ. 17-го числа, еще до обѣда, переправилась толпа австрійскихъ поселенъ въ резервную и 4-ю роты прусскаго полка, возмутила поселенъ, начавшихся волноваться, и подоврѣвая офи-

¹⁾ О бунтѣ поселенъ этого же полка см. рассказъ священника П. В. Войнова, въ нашемъ изданіи: «Бунтъ военныхъ поселенъ 1831 г., рассказы очевидцевъ». Спб., 1870, г. стр. 133—168. Нынѣ печатаемый отрывокъ изъ воспоминаній доктора И. И. Европеуса во многомъ дополняетъ подробности, сообщенныя о Войновымъ. Другой отрывокъ изъ Записокъ Европеуса именно о графѣ Аракчеевѣ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1872 г. т. VI стр. 225.

церовъ въ измѣнѣ и подкупѣ, ворвалась гурьбою въ квартиру капитана Дасаева, начала его тиранить, била чѣмъ попало, связала ему руки, и несмотря на вопли жены и дѣтей, обнявшихъ колѣны варваровъ, поволокла его безъ чувствъ до 4-й роты; тамъ захватила толпа штабсъ-капитана Денисова, мучила, тиранила и повлекла на полковой плацъ, гдѣ обоихъ добила до смерти, покрыла рогожею и оставила до другого дня. Исправляющаго должность полиціймейстера поручика Федулова, бросившагося въ Волховъ, въ надеждѣ переплыть, злодѣи догнали, избили его еще въ водѣ, и потащили полумертваго на полковой плацъ; здѣсь пихнули ему земли въ ротъ и добила до смерти; тѣло же брошено въ общую кучу убитыхъ. Также поступила толпа съ гдѣ-то пойманнымъ аптекарскимъ ученикомъ Руфомъ Федоровымъ, заподозривъ его въ раздатѣ яда по привязанію офицеровъ; потомъ бросилась гурьбою въ канцелярію, вытащила изъ-за стола. выслужившаго изъ писарей, аудитора Рубанова, била, колотила, повлекла на плацъ и грозила его убить, ежели онъ не покажетъ, кому розданъ ядъ сперва для отравленія жоровъ, дабы не чѣмъ было отпавать поселянъ, а потомъ и самихъ хозяевъ. Къ несчастію, лѣто было необыкновенно знойное, повсюду стоялъ дымъ, рѣки высыхали, берега рѣвъ и озеръ покрылись дохлою рыбою ираками, что еще болѣе утвердило мнѣніе о существованіи въ водѣ отравы.

— «Покажи намъ списки, кому и сколько роздано яду! Ты все сидишь въ канцеляріи съ утра до вечера и тебѣ все извѣстно; а ежели неповажешь, то поступимъ съ тобою также, какъ и съ прочими предателями!»

— «Ей-Богу у меня никакихъ списковъ нѣтъ, я ничего не знаю».

— «Врешь, закричала толпа, поволотивъ его порядочно, дай-ка мы его высѣчемъ, авось признается и все расскажемъ».

Сняли съ него сюртукъ и приготовили розги.

— «Ребята, что же вы хотите со мною дѣлать! грѣхъ будетъ на вашей душѣ, ежели вы меня больного, храмого старика невинно навязете. Дайте же мнѣ хотя Богу помолиться».

— «Ну, молись!»

— «Кажется я жилъ съ вами всегда въ мирѣ, помогаль вамъ въ чемъ могъ и предупреждалъ васъ, когда нужно было. Поду-

майте хорошенько», и вытаскивъ изъ кармана рожокъ съ нюхательнымъ табакомъ, Рубановъ понюхалъ, попотчивалъ сперва унтеръ-офицера Красникова, выбраннаго того же вечера въ начальники, а потомъ и нѣкоторыхъ другихъ, и продолжалъ увѣрять ихъ со слезами на глазахъ, что онъ ничего не знаетъ. Поселяне смягчились, имъ стало жаль старика, и отпустили его съ Богомъ; такимъ образомъ Рубановъ обязанъ единственно махоркѣ, что остался живъ. Майоръ Яцковскій, какъ рассказывали иные, хотѣлъ ускакать, но его лошадь спотынулася, онъ упалъ, доползъ до ржанаго поля, спрятался въ рожъ, гдѣ и былъ взятъ. По другимъ показаніямъ, его схватили въ то самое время, когда онъ вѣхалъ въ 4-ю роту графа Арачьева полка, связали ему руки, били, волокли до полковаго плаца, плевали ему въ лицо, скинули съ головы киверъ, сорвали эполеты, сняли сюртукъ, добили до смерти и бросили въ общую кучу. Ротные же командиры Журавко, Зальцеръ и Луцкій, предупрежденные заранѣе преданнымъ имъ старо-служащимъ и майоромъ Яцковскимъ — переправились чрезъ Волковъ и успѣли ускакать.

При посѣщеніи моемъ утромъ больныхъ, одержимыхъ холерою, нашелъ я мать поручика С. А. Дмитриева почти окостенѣвшею, и просилъ ея дѣтей быть готовыми въ ея кончинѣ. Но каково же было мое удивленіе, когда я узналъ въ Новгородѣ, что г-жа Дмитриева выздоровѣла и спасенію своему обязана бунтовавшимъ поселянамъ, ворвавшимся съ шумомъ и крикомъ въ ея квартиру, съ намѣреніемъ замучить ея дѣтей; они остановились предъ ихъ воплями, а кажется болѣе, увидавъ жалостно-умоляющій взглядъ умиравшей старухи, перекрестились и вышли. Все здѣсь упомянутое случилось послѣ моего бѣгства изъ госпиталя, т. е. 17-го іюля въ день храмоваго праздника въ Отницкомъ монастырѣ, въ семи верстахъ отъ штаба.

II.

Около двухъ часовъ пополудни мимо моихъ оконъ проскакалъ майоръ Яцковскій и закричалъ мнѣ по-нѣмецки: «Спасайтесь, у насъ бунтъ!» Онъ намѣревался ускакать во 2-ю и 1-ю роты, предупредить ротныхъ командировъ, но не успѣлъ, и былъ захваченъ поселянами. Почти въ одно и то же время прислала насъ предупредить полковница Чевакинская, остававшаяся въ

штабъ съ дѣтьми¹⁾. Страшное слово бунтъ и дошедшіе до насъ наканунѣ слухи о варварскомъ избіеніи офицеровъ и врача австрійскаго полка, возбудили во мнѣ всю энергію къ самосохраненію и спасенію семейства. Сообщивъ женѣ о предстоявшей опасности и неминуемой мучительной смерти, ежели поселяне насъ застанутъ, я рѣшился бѣжать. Жена, закутавъ 6-ти-недѣльную дочь въ шаль, сняла съ подушки наволочку и бросила въ нее нѣсколько дѣтскаго бѣлья. Мы побѣжали въ сопровожденіи тетки, капитана Костырева и аптекаря Масалина къ рѣкѣ, гдѣ, къ счастью, нашли какую-то ветхую лодку, въ которую кондукторъ 6-го военно-рабочаго баталіона Богдановъ бросилъ свою шинель, а мой кучеръ — армякъ, съ словами: «Можетъ быть пригодятся», будто предчувствуя предстоящую въ нихъ надобность. Мы переправились, ни живые, ни мертвые на противоположный берегъ и оглянувшись, увидѣли, какъ пестрая толпа поселянъ, поселянокъ и кантонистовъ съ кольями, вилами, шкворнями и косами бросилась прямо въ госпиталь. Въ надеждѣ найти меня тамъ, мятежники вопли цѣлою гурьбою въ мою квартиру, бранчали на фортепіаннахъ, и вообще не стѣснялись присутствіемъ моей тещи, г-жи Телешовой и жены аптекаря Масалина; эти дамы, во что бы то ни стало, не рѣшились предоставить все добро на произволъ бунтующихъ и потому, оставшись въ квартирѣ, были свидѣтельницами всѣхъ безчинствъ. Узнавши отъ нихъ, что я отправился въ берегу, поселяне сказали: «Слава Богу, что ушелъ, добрый былъ для насъ человѣкъ, но жаль, надобно бы было и его убить! смотрите, ребята, здѣсь ничего нетрогать», и, дѣйствительно, у меня ничего не пропало.

Какъ объяснить человѣколюбивый поступокъ поселянъ, жаждавшихъ вообще мщенія и кровопролитія?

Ворвавшись въ госпиталь, поселяне распустили всѣхъ больныхъ, которые и побрели по садидамъ и огородамъ, многіе ушли домой, а на другое утро присоединились къ толпѣ бунтующихъ. Мы увидѣли, что вся эта толпа валила прямо къ берегу, откуда два человѣка верхомъ, а нѣсколько—въ какой-то полусгнившей баркѣ, старались переправиться на нашъ берегъ;—я простился съ женою, съ которою сдѣлалось дурно, и хотѣлъ бѣжать;

¹⁾ Разсказъ И. М. Чевакинскаго о мятежѣ военныхъ поселянъ, смотр. въ книгѣ: «Гр. Аракчевъ и военныя поселенія», изд. «Русской Старины» 1871 г.

но уменя захватило дыханіе и я чуть ни упалъ. Капитанъ Костыревъ взялъ меня подъ руку, толкнулъ впередъ со словами: «Ради Бога бѣгите, а то застануть васъ поселяне», а самъ возвратился къ моей женѣ, стараясь ее успокоить, что я до прибытія поселянъ успѣю далеко убѣжать.

Костыревъ былъ увѣренъ, что его, какъ не принадлежащаго къ военному поселенію и часто защищавшему интересы поселянъ въ качествѣ производителя работъ, не тронуть; но не такъ случилось. Поселяне бросились сперва къ рыдающей моей женѣ, а потомъ окружили Костырева, упрекая его въ томъ, что онъ меня перевезъ, и несмотря на всѣ его увѣренія, что лодка была моя, грозили смертью, ежели онъ не покажетъ, въ которую сторону я бѣжалъ. Онъ показалъ на деревню Теремець, мызу генерала Клейнмихела, ввелъ ихъ туда, искалъ меня по разнымъ сараямъ, дабы дать мнѣ время уйти и возвратился опять къ моей женѣ, остававшейся на берегу среди поселянъ, грозившихъ ей смертью.

— «Пощадите меня, хотя ради невиннаго ребенка».

— «У насъ такихъ щенятъ уже много въ Волховѣ!» былъ отвѣтъ сидѣвшаго подлѣ ея поселянина австрійскаго полка.

— «Дайте же мнѣ, добрые люди, хотя воды напиться».

— «Да что, матушка, съ ума что ли сошла или отравиться хочешь?» а между тѣмъ, по усиленной ея просьбѣ, принесли ей воды въ какомъ-то ковшѣ, найденномъ въ баркѣ, и жена напилась; поселяне же, увидѣвъ, что ни рвотъ, ни судорогъ не послѣдовало, напились сами до-сыта.

Ежели-бъ всѣ такъ поступали, то можетъ быть менѣе было бы несчастныхъ жертвъ негѣпаго заблужденія. Потомъ возвратились поселяне съ капитаномъ Костыревымъ, уже не связаннымъ, въ штабъ, назначили его помощникомъ унтеръ-офицера Красникова, а на другой день ихъ начальникомъ.

Между тѣмъ я и аптекаръ, пробѣжавши уже версты двѣ, до того устали, что принуждены были отдохнуть хотя съ четверть часа и сняли форменные сюртуки; я надѣлъ шинель Богданова, взялъ свой узелъ на плечо, а аптекаръ надѣлъ армякъ кучера. Въ страшномъ утомленіи доплелись мы до Подберезья. Въ промежутокъ этого времени присказали къ оставшейся на берегу толпѣ два поселянина верхомъ, изъ далека показывая, съ какимъ-то торжествомъ, наши сюртуки, и увѣряя, что я и апте-

варь, принявъ яду, лежимъ въ оврагѣ, и что насъ раздуло горой. «Туда имъ и дорога», былъ отвѣтъ. Опять не объяснимъ поступокъ поселянъ, не желавшихъ насъ поймать, тѣмъ болѣе, что мы, между рѣдкими кустарниками, никуда скрыться не могли. Между прочими разговорами и грубыми шутками поселяне объявили женѣ, что ежели не сегодня, то завтра нужно завернуть въ Литвинову, его ограбить, такъ какъ онъ богатъ, или убить за строгое обращеніе съ людьми. Послѣ ухода поселянъ дотащицалась жена моя кое-какъ до Литвинова, рассказала ему все слышанное. Не прошло и часу, какъ у Литвинова всѣ экипажи были заложены; въ нихъ онъ помѣстилъ не только свое большое семейство, мою жену съ ребенкомъ и старукою теткою, но и запасаъ разными съѣстными припасами, съ намѣреніемъ ускакать въ Петербургъ; но такъ какъ онъ былъ членомъ холернаго комитета, то его удержали въ деревнѣ Ушакахъ, въ имѣніи полковника Верещагина; удержали его съ тѣмъ, что ежели никто въ теченіе трехъ дней холерою не заболѣетъ, то его отпустить, а въ противномъ случаѣ убьютъ. При этомъ женѣ моей сказали: «мы тебя, матушка, не знаемъ, поѣзжай куда хочешь». Но такъ какъ Литвиновъ ни одного изъ своихъ экипажей женѣ моей дать не могъ, или не хотѣлъ, то она принуждена была обратиться къ случившемуся въ имѣніи Верещагину съ просьбой одолжить ей хотя телѣгу до Петербурга. «Я готовъ все для васъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что кажется я когда-то былъ знакомъ съ покойнымъ вашимъ отцомъ, Телешовымъ, но и у меня всѣ люди вышли изъ повиновенія; одно, что могу, это приказать нанять для васъ вѣрнаго ямщика, на котораго вы вполне можете положиться»; а между тѣмъ приказалъ подать семейству Литвинова и моей женѣ, приставшимъ въ какомъ-то постояломъ дворѣ, чай. Жена успокоенная вниманіемъ гостепріимнаго хозяина, отправилась ночью въ Петербургъ. Рядомъ съ нею ѣхали до Ижоры депутаты поселянъ съ донесеніемъ государю о ихъ вѣрнопопданничествѣ и о числѣ убитыхъ ими «измѣнниковъ и отравителей». Депутатовъ въ Царское-Село не допустили, а задержали въ Ижорѣ; жена принуждена была отправиться по шлиссельбургской дорогѣ, такъ какъ тогда прямо въ Петербургъ не пускали. Разстроенная душевно и утомленная физически, принуждена она была нѣсколько разъ останавливаться и даже на Невскомъ проспектѣ кормить и

перепеленывать ребенка, такъ что проходящiе мимо показывали на нее, какъ на сумашедшiю. Приѣхавши въ Петербургъ, остановилась она на датѣ управлявшаго С.-Петербургскою комиссiею д. с. с. Долинскаго, гдѣ и была принята какъ родная дочь и прожила въ дружески расположенномъ къ ней семействѣ болѣе двухъ недѣль, до полученiя моего письма, ибо до того мы ничего другъ о другѣ не знали; я впрочемъ былъ увѣренъ, что она перебралась въ Петербургъ, такъ какъ я, во время нахождения въ плѣну у поселенъ, узналъ отъ ямщиновъ, что въ одномъ изъ экипажей Литвинова, проскакавшаго чрезъ Подберезье, сидѣла имъ незнакомая женщина съ ребенкомъ; о моей же участи она ничего знать не могла.

III.

Никѣмъ не замѣченные прибыли мы, уже подъ вечеръ, въ Ямъ-Подберезье, гдѣ и предполагали нанять лошадей у знакомаго мнѣ станцiоннаго смотрителя и отправиться въ Новгородъ; но не такъ случилось. Только что мы успѣли войти въ квартиру смотрителя, какъ пьяные ямщики окружили домъ, вошли въ комнату и увидѣвъ меня, всѣмъ имъ хорошо знакомаго, спросили отчего я въ солдатской шинели и отчего бѣжалъ?

— Оттого, что прусскiе поселене съ ума сошли, бунтуютъ и убиваютъ своихъ офицеровъ.

«Ежели бы ты не былъ за одно съ полягами и не отравлялъ бы людей, то зачѣмъ было тебѣ бѣжать? Обыскать, нѣтъ ли у него и здѣсь яду!»

— Ежели вы уже хотите меня обыскивать, то не здѣсь; взгляните на умирающую малютку смотрителя и на рыдающую мать!

«Ну хорошо, отвести его въ мирскую избу, подъ караулъ!»

Пришли мы въ избу, назначенную для сходокъ; насъ тотчасъ раздѣли, обшарили всѣ карманы, сняли даже сапоги, но конечно ничего не нашли; къ счастью, впрочемъ, что мы во время ходьбы успѣли бросить бумажки съ хлоровою известью, которыя тогда всѣ носили при себѣ, а то не миновать бы мучительной смерти. Потомъ вытрясли изъ наволочки все на столъ, развертывали даже дѣтскiе чулки. Увидѣвъ довольно большой вызолоченный образъ Спасителя, спросили: «Зачѣмъ тебѣ образъ, когда ты не православною вѣры?»

Какимъ образомъ попала икона въ мѣшокъ съ дѣтскимъ бѣльемъ,

ни я, ни жена не помнимъ; но вѣроятно во время сборовъ къ бѣгству, вложена была моею тещею.

— Вотъ видите, ребята, ежели Богъ меня спасетъ отъ рукъ поселянъ и вы благополучно доставите меня въ Новгородъ губернатору, то подарю этотъ образъ въ вашу церковь».

«Къ какому губернатору? былъ отвѣтъ: развѣ ты не знаешь, что губернаторъ Денферъ давно въ вандалахъ и въ тюрьмѣ».

— Кто же теперь губернаторомъ?

«Егоръ Петровичъ Кошкинъ» (одинъ изъ закоренѣлыхъ старо-обрядцевъ) былъ отвѣтъ.

Не зналъ я что и думать, вѣрить или не вѣрить, ибо во время холерной эпидеміи и по дошедшимъ до насъ разнымъ сказочнымъ слухамъ изъ Старой-Русы вѣрилось всему, каждымъ овладѣло какое-то тупоуміе и одуреніе; необыкновенные факты казались возможными и не естественное представлялось въ порядкѣ вещей. «Намъ рукъ своихъ марать не слѣдуетъ, рѣшила пьяная толпа ямщиковъ и австрійскихъ поселянъ; пусть подѣдутъ прусскіе поселяне и управятся съ ними, какъ хотять»,—и оставивъ четырехъ караульныхъ, разошлись и гурьбою отправились въ ближайшій кабакъ. Намъ, плѣннымъ, ничего не оставалось, какъ ежеминутно ждать мучительной и позорной смерти, тѣмъ болѣе, что австрійскіе поселяне рассказывали съ какимъ-то восторгомъ и удовольствіемъ, какъ они мучили и убивали подполковника Бутовича, майора Солтанова, лѣкаря Богоявленскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Осужденный дезертиръ знаетъ, по крайней мѣрѣ, что его разстрѣляютъ и онъ умретъ мгновенно; мы-же были лишены и этого утѣшенія. Каково у насъ было на душѣ, пойметъ каждый, но описать этого чувства я не въ силахъ.

Хозяйка дома, въ которомъ насъ задержали, кажется, солдатка, приняла въ насъ большое участіе, и узнавъ, что я разлученъ съ женою и ребенкомъ, горевала, охала и даже плакала. Она подала мнѣ мысль послать ночью нарочнаго къ Литвинову, узнать объ участи моей жены и привела даже ямщика, котораго я просилъ съѣздить на мызу Литвинова, и ежели жена моя тамъ, то привезти ее въ Подберезье, дабы вмѣстѣ спастись или умереть. Я предлагалъ ему деньги. «Я изволь тебѣ, баринъ, уважу, но денегъ твоихъ мнѣ не нужно, ибо тебѣ самому, можетъ быть, понадобятся», отправился и около полуночи возвра-

тился съ извѣстіемъ, что жена моя уѣхала съ Литвиновымъ въ Петербургъ. «Слава Богу, подумалъ я, по крайней мѣрѣ она внѣ опасности!»

Увидавъ въ окно сотскаго Федора Григорьева, мнѣ хорошо знакомаго, я попросилъ его отправиться къ губернатору съ донесеніемъ, что я и аптекарь Масалинъ задержаны ямщиками и отданы подъ караулъ, несмотря на его усовѣщеваніе, и что они непремѣнно хотятъ насъ отдать прусскимъ поселянамъ. Получивъ отъ меня нѣсколько денегъ, сотскій нанялъ лошадей и ускакалъ, но, не доѣзжая 7-ми верстъ до Новгорода, встрѣтилъ губернатора, желавшаго, вѣроятно, удостовѣриться о бывшихъ и существующихъ безпорядкахъ въ австрійскомъ полку. За губернаторомъ слѣдовалъ подберезскій голова. «Куда ты такъ слѣпнишь?» спросилъ его Дефферъ, и, узнавши въ чемъ дѣло, приказалъ ему, равно и головѣ, во что бы то ни стало, доставить насъ въ Новгородъ.

Возвратившись въ Подберезье, сотскій объявилъ приказаніе губернатора, но пьяные поселяне никого знать не хотѣли и отвѣчали угрозами. Австрійскіе же поселяне, узнавши, что я пойманъ, грозили сотскому, при возвращеніи его изъ Новгорода, смертью, ежели онъ насъ доставитъ губернатору. Потерявъ и здѣсь надежду, призвалъ я къ себѣ мимопроходившаго фурштата, снялъ солдатскую шинель, объявивши кто я, и просилъ доложить его офицеру, чтобы онъ взялъ насъ подъ свою защиту. «Слушаю, ваше высокоблагородіе», ушелъ и глазъ не показывалъ; вѣроятно и офицеръ не могъ надѣяться на свою команду.

Изба, въ которой насъ арестовали, все болѣе и болѣе наполнялась пьяными ямщиками и нѣкоторыми австрійскими поселянами, которые кричали, шумѣли, насмѣхались надъ нами и рассказывали, какъ они тиранили своихъ начальниковъ и «тебѣ, баринъ, этого неминовать!» Каково у насъ было на душѣ, описать не берусь. Особенно отличался одинъ ямщикъ, краснорозій великанъ; онъ болѣе всѣхъ кричалъ, шумѣлъ и надъ нами подтрунивалъ.

«Что ты такъ кричишь и шумишь! развѣ ты меня не знаешь, и въ чемъ я виноватъ предъ тобою? вмѣсто того, чтобы уговорить своихъ, исполнить приказаніе губернатора, ты ихъ еще подстрекаешь!»

— «Какъ васъ не знать, ежели бы не вы, то дѣло мое стало бы въ вопѣйку».

Тогда только вспомнилъ я, что болѣе года тому назадъ опился у него въ квартирѣ нашъ фурштатъ, и полковникъ Чевакинскій просилъ меня, чтобы какъ-нибудь дѣло округлить и съѣздить самому на слѣдствіе; такъ какъ слѣдователь и гражданскій врачъ были мнѣ знакомые, то дѣло кончилось, благодаря апоплексическому удару, ничѣмъ.

Полночь. Пьяная толпа исподоволь разошлась, оставивъ только двухъ караульныхъ, мною подпоенныхъ и не бывшихъ уже въ состояніи стоять на ногахъ. Сотскій оставилъ насъ на попеченіе двухъ, уже не страшныхъ, стражей, что-то задумался и удалился, а спустя полчаса, вовсе неожиданно, явился съ тѣмъ же самымъ атлетомъ ямщицомъ, который болѣе всѣхъ шумѣлъ и кричалъ на сходѣ.

«Вотъ, Иванъ Ивановичъ, ямщикъ, который беретъ доставить васъ въ городъ». Я взглянулъ, и увидѣвъ стараго своего непріятеля, оробѣлъ; но узнавъ, что онъ добровольно ввѣвался доставить меня къ губернатору, успокоился.

— «У меня тройка отличная, а потому менѣе 25-ти рублей взять не могу».

— Согласенъ, былъ мой отвѣтъ, но скажи, любезнѣйшій, за что же ты такъ шумѣлъ и кричалъ на сходѣ?

— «Такъ нужно было, ежели бы я не подстрекалъ своихъ, то они могли бы думать, что я за васъ стою».

Между тѣмъ возвратился Григорьевъ, принесъ для меня армякъ и ямщицкую шапку; отвязали колокольчикъ и телѣга подѣхала тихо къ воротамъ. Мы намѣревались уже сѣсть, какъ вдругъ прибѣжала старуха, мать сотскаго, упала предо мною на колѣна и Христомъ-Богомъ умоляла не ѣхать, ибо у «австрійскихъ поселянъ поставлено нѣсколько карауловъ (т.-е. пикеты), они какъ разъ коймаютъ и навѣрно убьютъ, а у меня только одинъ кормилецъ Федоръ и вся надежда на него. Останься, баринъ добрый, не поѣзжай, я за тебя Богу помолось и поселяне тебя не обидятъ!».

— «Нѣтъ, матушка рѣдная, этого нельзя, губернаторъ мнѣ приказалъ и я долженъ исполнить».

Помолившись Богу, оставили рыдающую старуху на улицѣ. Предъ самымъ отъѣздомъ, поблагодаривъ нашу добрую хозяйку-солдатку за ея услуги и участіе, я вручилъ ей образъ Спасителя,

съ просьбою передать священнику для помѣщенія въ церковь. Образ сей и до настоящаго времени въ Подберезьи, въ церкви. Фодоръ Григорьевъ, взявъ меня подъ руку, посадилъ рядомъ съ собою, а изнуреннаго послѣ тифа аптекаря втиснулъ въ телѣгу.

Проскакавъ нѣсколько верстъ, наткнулись мы на пикетъ, потомъ еще на другой, но къ счастью стража, снабженнаго, кажется, даже ружьями, была столь пьяна, что не могла стоять на ногахъ, и мы, несмотря на ихъ крики: «стой, стой», проскакали благополучно чрезъ всю роту австрійскаго полка. Не доѣзжая 7-ми верстъ до Новгорода, остановилъ насъ свачущій уланъ, кажется, ямбургскаго полка, посланный завѣдующимъ командою офицеромъ Воробьевымъ, къ намъ на встрѣчу.

— «Кто ѣдетъ?»

— «Купцы, отвѣчалъ Григорьевъ, полагая тѣмъ и отдѣлаться, но сметливый воинъ этимъ не удовольствовался и подозрѣвая въ насъ не купцовъ, обратился ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ.

— «Тебѣ что за дѣло, кто мы?» Удостоверившись изъ моего рѣзкаго отвѣта, что мы не купцы, онъ прибавилъ:

— «Мнѣ приказано встрѣтить лекаря короля прусскаго полка и препроводить его до губернаторскаго дома».

— Ежели такъ, то я тотъ самый и есть.

— «Такъ поѣдемте, ваше высокоблагородіе; теперь опасаться уже нечего, и, проводивъ до крыльца, повернулъ такъ быстро лошадь, что я не успѣлъ его даже поблагодарить. — Дежурный чиновникъ доложилъ обо мнѣ его превосходительству Августу Ульяновичу Денферу, и я былъ тотчасъ приглашенъ въ его кабинетъ, гдѣ онъ спалъ. Увидѣвъ приближающагося къ себѣ незнакомаго человѣка въ солдатской шинели, генераль соскочилъ и схватилъ что-то со стола, вѣроятно винжалъ или пистолетъ, (въ самомъ городѣ боялись возмущенія черни), и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

«Что тебѣ надобно и кто тебя сюда пустилъ?»

— Не тревожьтесь, ваше превосходительство, это я, Европеусъ.

«Отчего же вы въ солдатской шинели?»

— Это объясню я вамъ завтра, а теперь, приважите меня проводить въ корпусный штабъ, къ знакомому мнѣ адъютанту, майору Хаминскому, ибо товарищъ мой, аптекарь, такъ слабъ, что насилу стоитъ на ногахъ.

Губернаторъ призвалъ къ себѣ дежурнаго квартирнаго надзирателя и приказалъ насъ проводить съ жандармомъ до корпуснаго штаба, почти въ сосѣдствѣ съ губернаторскимъ домомъ.

25-го іюля 1881 г. медицинскій департаментъ строго предписалъ мнѣ возвратиться къ своей должности, но я выхлопоталъ, чтобы меня оставили въ Новгородѣ, тѣмъ болѣе, что для изувѣченныхъ офицеровъ, помѣщенныхъ во флигелѣ корпуснаго штаба, нужна была медицинская помощь¹⁾; а 7-го сентября, препоручено было мнѣ и пользованіе арестованныхъ поселянъ, помѣщенныхъ въ строеніяхъ бывшей парусной фабрики, снабженныхъ уже рѣшетками и раздѣленныхъ на нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ камеръ. Звѣрскій видъ поселянъ, ихъ злоба, можетъ быть и желаніе кровавой мести такъ перепугали меня, что я безъ конвоя не рѣшился обойти ихъ камеры.

Я былъ свидѣтелемъ ихъ молитвъ, слезъ, раскаянія и отчаянія; былъ свидѣтелемъ и ихъ заслуженнаго хотя и жестокаго наказанія.....

Желая, по возможности, быть полезнымъ Федору Григорьеву и отблагодарить за его самоотверженіе и спасеніе насъ отъ дикой толпы, я просилъ словесно, а послѣ и рапортомъ, губернатора Денфера, о награжденіи этого крестьянина; губернаторъ, призвавъ меня къ себѣ, объявилъ, что охотно желалъ бы удовлетворить мою справедливую просьбу, но не можетъ, такъ какъ онъ уже донесъ министру, что Подберезскіе ямщики не бунтовались. Отзивъ губернатора не успокоилъ, однако, мою совѣсть, и я рѣшился обратиться къ начальнику штаба военныхъ поселеній съ докладною запискою, объ исходатайствованіи Григорьеву заслуженной награды. Вся эта переписка кончилась тѣмъ, что губернатору было рекомендовано, объявить Григорьеву признательность губернскаго начальства и только! моя же благодарность неизгладима до гробовой доски. Пока я жилъ въ Новгородѣ, онъ меня не забывалъ, но года полтора тому назадъ, какъ говорятъ, онъ умеръ.

Иванъ Живоусъ.

¹⁾ А именно для капитана австрійскаго полка Солодова, этого же полка священника Лавра, котораго поселяне переломили руку, хромого аудитора прусскаго полка Рубанова и для нѣкоторыхъ другихъ. И. Ш.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Бутурлины и Юшковы.

Замѣтки изъ бумагъ семейнаго архива Н. Ф. Самарина.

Въ семейномъ архивѣ моемъ, въ деревнѣ, есть, между прочимъ, связка черновыхъ бумагъ, озаглавленныхъ праѣдомъ моимъ Николаемъ Михайловичемъ Самаринимъ: „О пустоши Сурьѣ“, на Выборгской сторонѣ, что поступила къ отцу моему, сенатору Михаилу Михайловичу Самарину, сестра его, а моя тетка, вдова окольного Петра Васильевича Бутурлина, Аксиныя Михайловна 1716—1717 гг.“.

Изъ этого дѣла, между прочимъ, видно, что Аксиныя Михайловна Бутурлина, рожденная Самарина, овдовѣла въ 1716 г., имѣвъ отъ Петра Васильевича Бутурлина двухъ дочерей, изъ коихъ одна Федосья была за Семеномъ Ивановичемъ Хрущевымъ, а другая (имени не припомню)—за Степаномъ Тимофеевичемъ Блокачевымъ, замѣнившимъ Якова Корсакова въ должности с.-петербургскаго вице-губернатора. Аксиныя Михайловна грамотѣ не знала, и подъ всѣми ея челобитными (какъ значутся въ современныхъ копіяхъ) „вмѣсто матери своей Аксиныи Михайловны Петровой, жены Бутурлина“ подписывался „Сибирскій царевичъ Василій Алексѣевичъ“.

Мнѣ сдается, что объ этой именно Аксиныѣ Михайловнѣ и упоминалъ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ въ своей извинительной подпискѣ 1708 г., называя ее въ шутку (при живомъ мужѣ, къ тому же, родственникѣ) женою своею. („Рус. Стар.“ 1872 г., т. V, стр. 854). Очень можетъ статься, что Аксиныя Михайловна въ первомъ бракѣ была за стольникомъ Иваномъ Ивановичемъ Чаадаевымъ (сыномъ окольного того же имени), скоростижно умершимъ на пути въ Москву, въ сентябрѣ 1680 г. (см. Нам. Динл. Снош., т. V, стр. 870); но точныхъ указаній на то, пока не имѣю.

Время кончины князь-папы Бутурлина ошибочно отнесено (Р. С. 1872, т. V, стр. 88) къ первой половинѣ 1723 г., вмѣсто второй. Бутурлинъ, Петръ Ивановичъ, умеръ 22-го августа 1723 г., какъ свидѣтельствуеть Берхгольдъ въ своемъ дневникѣ (часть III, стр. 159). Но, кромѣ того, ссылаюсь на современное письмо кн. Михаила Михайловича Голицына, писавшаго изъ Ахтырки 9-го сентября 1723 г., въ Парижъ къ тестю своему, кн. Борису Ивановичу Куракину, между прочимъ, слѣдующее: „При томъ же вашему сіятельству о себѣ доношу, егда прошедшаго году былъ я оставленъ въ Петербургѣ и положенное дѣло было мнѣ не малаго труда, а нынѣ надѣялся, по прибытіи въ Украйну покою и, кромѣ покою, не могу угрѣть себѣ мѣста; ѣзжу для осмотра полковъ и форпостовъ по всей границѣ. А военные конь-юкторы, за помощію Вышняго, по отпуску сего, обстоятъ суть благополучные и отъ непріятели дѣйствія никакого не показось“.

„О смерти Волошскаго господаря и князь Григорія Долгорукова и князь Папиноя, такожь и о ссорѣ Александра Головкина надѣюсь, ваше сіятельство, не безъизвѣстны; а о князѣ Васильѣ Долгорукомъ пишутъ, яко повелѣно сидѣть въ сенатѣ; въ протчемъ пребываю вашего сіятельства всегдашній слуга князь Михайла Голицынъ“.

Сентября 9-го дня 1723 г.
Ахтырка.

„Прошу, государь-батюшка, отписать о сынѣ нашемъ, какія продолжаетъ науки, а мы намѣрены его взять сей зимы къ себѣ и къ чему онъ склоненъ, гражданству или солдатству? Татьяна Голицына, благословеніе прося, челомъ бьетъ ¹⁾“.

Кстати уже сообщу то, что въ семейныхъ бумагахъ моихъ сохранилось о ближнемъ стольникѣ Василю Алексѣевичѣ Юшковѣ ²⁾, коего вторая дочь Прасковья Васильевна была за младшимъ сыномъ помянутаго М. М. Самарина, Иваномъ Михайловичемъ Самаринымъ. Любопытно, во-первыхъ, что В. А. Юшковъ собственныхъ своихъ, отъ законнаго брака съ нѣкоею Татьяною Михайловною, дочерей (сыновей у него не было) обрестилъ первыхъ двухъ тѣми именами,

¹⁾ Извлечено мною изъ подлинной переписки князей Голицыныхъ, знаменитыхъ братьевъ Дмитрія и Михаила Михайловичей, съ князьями Борисомъ Ивановичемъ и сыномъ его кн. Александромъ Куракинымъ, переписки, находящейся нынѣ у прямого потомка ихъ кн. Дмитрія Михайловича Голицына въ Москвѣ.

Н. С.

²⁾ Этотъ Юшковъ вызванъ изъ забвенія М. И. Семевскимъ въ его монографіи «Царица Прасковья» Спб. 1861 г.

Н. С.

которыя носили дочери царицы Прасковьи Ѳеодоровны, при которой онъ состоялъ комнатнымъ стольникомъ, а именно: старшую дочь называлъ Екатериною (она была за кн. М. И. Менцерскимъ), вторую—Прасковью (род. 27-го ноября 1722 † 4 февр. 1789 г. за Ив. М. Самаринимъ); третью, родившуюся послѣ кончины царицы Прасковьи—Ириною. (вышедшею впоследствии за Ив. Антоновича Алексѣева ¹⁾). Послѣ смерти въ Нижней, В. А. Юшковъ какъ бы канулъ въ воду: на смотрѣ 1724 г. не являлся въ Герольдмейстерской канторѣ. Въ 1735 г. по списку лицъ, „недостроивающихъ въ С.-Петербургѣ своихъ домовъ значится стольникъ В. А. Юшковъ и противъ него отмѣтка: оный Юшковъ умре“. Жена его, Татьяна Михайловна (не знаю изъ какого рода) многими годами пережила его, по крайней мѣрѣ, въ 1742 г., она поступилась нѣкоторыми изъ своихъ имѣній зятю Ивану Михайловичу Самарину.

Какъ проходила царскую службу свою В. А. Юшковъ, видимъ изъ сказки его 1722 г., мая 3-го дня въ канцеляріи Герольдмейстерскихъ дѣлъ; комнатный стольникъ В. А. Юшковъ, сказалъ: „отъ роду ему, Василью, 45-ть лѣтъ (слѣдовательно родился въ 1677 г.), пожалованъ онъ въ комнату блаженной памяти великаго государя царя и великаго князя Іоанна Алексѣевича, великой малой и большой Росіи самодержца, во 197 году, (слѣдовательно тогда Юшкову было всего 12-ть или много 13-ть отъ роду), а въ 206 г. записанъ онъ, Василій, лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ, въ сержанты, и былъ въ походѣ и на службѣ въ 208 г. въ Азовѣ и подъ Керчью, а въ 700 г. подъ Нарвою въ первой походѣ, а въ 1701 году, по иманному его императорскаго величества указу, опредѣленъ къ комнатѣ ея величества великой государыни благовѣрной царицы и великой княгини Прасковьи Ѳеодоровны и къ дѣтамъ ея величества, государынямъ царевнамъ и служить при ея величествѣ и по се число; дѣтей у него, Василья, нѣтъ (о дочеряхъ не упоминали въ подобныхъ сказкахъ); а крестьянъ, по перениснымъ книгамъ 186 г., въ разныхъ городахъ, 132 двора, да въ С.-Петербургѣ, въ Капорскомъ уѣздѣ, 10 дворовъ“.

Отецъ его, Алексѣй Александровъ, сынъ Юшковъ † въ 1722 г. (до 22-го сентября), въ чинѣ овольничаго, съ 4-го ноября 1711 г. о службѣ своей показалъ въ 703 г. „служить со 179 года, тому 32 года, и былъ на 3-хъ службахъ, да въ походахъ ѣздилъ 4 года, да вмѣсто 3-хъ службъ платилъ деньги. А по осмотру въ разрядѣ у него, Алексѣя, наружныя болѣзни нѣтъ, а сказалъ боленъ-де онъ головою и животною болѣзнями, да въ ногахъ домъ и отъ головной болѣзни видитъ и слышитъ мало, и за тѣми-де болѣзнями полковныя службы служить ему

¹⁾ Онъ былъ при Петрѣ I поручикомъ и консуломъ въ Бордо. Л.

немочно; отъ роду-де ему 56-тъ лѣтъ (слѣдовательно род. въ 1647 г.), дѣтей у него сынъ Василій въ стольникахъ комнатныхъ, крестьянъ за нимъ на Кинешмѣ, въ Можайску, въ Вязьмѣ, въ Казельску, въ Медынску 28 дворовъ, съ поддворомъ, да за сыномъ особыхъ въ Галичѣ, въ Вереѣ, въ Казельску, во Володимирѣ, въ Нижнемъ, въ Торжку 128 дв.“.

Отецъ имѣлъ всего 42 года отъ роду и былъ просто стольникомъ, когда 13-ти лѣтній сынъ его, Василій, пожалованъ былъ въ комнату царя Иоанна Алексѣевича. Чему же приписать эту милость, которой въ то время удостоивались только дѣти знатныхъ или по чину, или по происхожденію родителей? Юшкови же, хотя и древняго рода, не высоко стояли до того на служебномъ поприщѣ.

Въ 1700 г., декабря 3-го дня, стольникъ Алексѣй Александровъ, сынъ Юшковъ, поступился большею частію своихъ помѣстій и вотчинъ въ Ливенскомъ, Козельскомъ, Галичскомъ, Володимирскомъ, Нижегородскомъ и Верейскомъ уѣздахъ, сыну своему, Василю Алексѣевичу Юшкову, „а ему, Василю, его, Алексѣя, понтъ и кормить, обувать и одѣвать, и почитать, а будетъ онъ, Алексѣй, тѣ свои помѣстья похочетъ поворотить и ему, Алексѣю, поворотить вольно, и чтобъ повелѣнно было тѣ его помѣстья за нимъ, сыномъ его, справить“.

Но вотъ послѣ долгаго вдовства, вступаетъ старикъ во второй бракъ съ молодою вдовою, Аграфеною Вельяминовою, и осчастливленъ рожденіемъ сына Ивана.

А февраля 28-го дня 1711 г. стольникъ Алексѣй Александровъ, сынъ Юшковъ, былъ челомъ: „по его-де челобитію справлены помѣстья его и вотчины въ разныхъ городехъ за сыномъ его, за Васильемъ Юшковымъ, чтобъ повелѣнно было по прежнему тѣ его помѣстья и вотчины справить за нимъ, Алексѣемъ, и дать отказную грамоту“.

Отъ этой бѣды спасла Василя Алексѣевича Юшкова царица Прасковья. По всеильному ходатайству ея, старина-отца задобрили чиномъ окольного, конимъ онъ былъ пожалованъ имяннымъ указомъ сенату 4-го ноября 1711 года. И дѣйствительно отецъ замолчалъ о возвратѣ ему отъ сына помѣстій и вотчинъ. „По оному его челобитію, — какъ объясняла вдова Алексѣя Юшкова, — Аграфена, въ челобитной своей отъ 20-го апрѣля 1725 года на пасынка, Василя Алексѣевича Юшкова,—за службами и за многими отлучками и за болѣзнями своими—того недвижимаго справить за собою ему, мужу ея, было нѣкогда“.

Это было начало долго тянувшейся въ семействѣ Юшковыхъ тяжбы о наслѣдствѣ послѣ окольного Алексѣя Александровича. Изъ черновыхъ челобитенъ и раздѣльнаго акта, видно что Прасковья Васильевна Самаринной достались, между прочимъ, въ Кромскомъ уѣздѣ,

сельцо Курбакино и дер. Соддаты, которыми ударилъ челоюъ В. Ф. Салтыковъ сестрѣ своей царицѣ Прасковѣ, а отъ нея вѣроятно перешли Василию Алексѣевичу Юшкову, послѣ котораго осталось много драгоценныхъ камней и денегъ.

За кѣмъ изъ Юшковыхъ была знаменитая камеръ-фрау императрицы Анны Иоанновны—Анна Федоровна Юшкова—миѣ неизвѣстно; но не изъ потомства Алексѣя Александровича, потому что у Василия Алексѣевича сыновей не было, а Иванъ Алексѣевичъ отъ брака съ Татьяною Михайловною (по второму мужѣ генералъ-аншефъ и кавалеръ Яковъ Лукичъ Фроловъ-Багрѣевъ) дѣтей не имѣлъ.

Сообщ. Н. Ф. Самаринъ.

Царица Прасковья.

р. 1679 † 1723.

Прасковья Федоровна Салтыкова, — супруга царя Иоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго,—была одною изъ типическихъ представительницъ русскаго общества петровской эпохи. Въ обширной монографіи пишущаго эти строки: «Царица Прасковья» (Спб. 1861 г.),—личность эта обрисована возможно полно и всесторонне по подлиннымъ, неизданнымъ до того времени документамъ. Нынѣ открыты и весьма обязательно сообщенны П. И. Барановымъ, новыя о ней матеріалы суть письма царицы къ ея брату, кравчему Василию Федоровичу Салтыкову въ Москву и ея дочерей къ нему же. Письма эти знакомятъ съ домашнимъ обиходомъ царицы Прасковьи интересны потому, что рисуютъ ея отношенія къ Петру I, къ роднымъ и къ ея дѣтямъ, изъ которыхъ «Аннушкѣ» суждено было явиться на престолѣ россійскомъ (1730—1740 гг.).

Ред.

1.

Братецъ, свѣтъ мой, здравствуй! Пожалуй, отпиши по скорѣе ко миѣ, что сдѣлалось? какъ взять Яшка и по Михаила Уварова приехали; не знаю, что думать, какое дѣло и нему я вѣрю; больше думаю, что есть подвухъ отъ жены, или отъ Бориски, а буде какое ихъ погрѣшеніе твоихъ людей и думай, какъ бы лучше, да пришли ко миѣ вѣдомость или и Михаила самаго, а я надсѣлася; при семъ здравствуй. Ц. Ц.

Сестрица, свѣтъ мой, здравствуй! Здорова ли ты доѣхала? а я все талова-жь, да больше съ печали еще прибыла братня печаль. Ц. Ц.

2.

Братецъ, свѣтъ мой, пожалуй поберегися, чтобы тебя не навели или бы не убили; а у насъ есть такой голось, что четвертаго деребей, хотя въ юстицъ-коллегію хотять дать и ты думай, какъ быть

больше, будто она тебѣ надобна просить ей; а затѣмъ ходилъ, какъ бы отбыть, она была челомъ и руку приложила „Васильева, жена Федоровича Салтыкова“; а челобитня писана по прежнему, только прибавки: „хуже-де я вдовы и дѣвки“; да еще пишетъ: „взять-де мою бабу и живетъ блудно и бьетъ челомъ, блуднаго дѣла съ тобою разойтятся“; ко государю пишетъ просительное письмо, чтобы онъ миловалъ. Надобно тебѣ быть сюда по скорѣе; я не знаю, что дѣлать на ихъ челобитню: твоя надобна ли, или нѣтъ? и безъ твоей челобитной будто нельзя быть, а безъ твоей руки не примутъ; всеконечно, надобно тебѣ быть по скорѣе, по послѣдней мѣрѣ, что къ ц. Екатеринѣ ангелу; а лучше бы по скорѣе, я не знаю, что дѣлать и лишь надѣлася. Афанасій „надежна“ говорить; да я не надѣюсь, есть сильнѣе его; много умиляются за нее и стоятъ за нее; больше самъ знаешь, кто ея друзья; да пишешь про деньги, что есть деньги мои у васъ, а не присылаете, а я здѣсь надѣлася, что у меня нѣтъ ни копѣйки; а Петру Коке не давайте въ переводъ и тутъ не къмъ перевести и вы пишете ко мнѣ писавку. Ц. П.

Даль человекъ письмо и я тутъ положила, а не мое, велѣли мнѣ къ тебѣ писать.

3.

Братецъ, свѣтъ мой, другъ сердечный, здравствуй! Велѣла я тебѣ все сказать Воейкову, какъ я была у государя и что была, какія слова и благодари Бога, только надобно тебѣ быть; еще, свѣтъ мой, здравствуй. Ц. П.

С. Т. Братецъ, свѣтъ мой, вели Еропкину отдать денегъ двѣсти пятьдесятъ рублей Николаю Ивановичу Бутурлину.

4.

Братецъ, свѣтъ мой, здравствуй! А я и дочь моя—у насъ дѣло твое состоялось: бить тебѣ челобитную принимать, отиши по скорѣе, я стану просить, чтобы тебѣ не бить, а мнѣ всё гворять, „лучше бить“ и нельзя-де не бить и мнѣ не велить просить, спрашивалъ государь: для чего ты поѣхалъ безъ просу? Макаровъ сказать, что я отпустила и послала для памяти не на долго, скоро-де будетъ и всё гворять, что надобно быть. При семъ здравствуй! Ц. П.

Изъ С.-Петербурга 1721 г., февраля 4-го дня.

5.

Братецъ, свѣтъ мой, Василій Федоровичъ, здравствуй, другъ мой сердечный на множество лѣтъ!

Не покручинься, что я не писала, а я въ добромъ здоровьи и царевна; какъ прїѣдешь къ Москвѣ, пиши ко мнѣ; а которыя деньги выдадутъ мои изъ приказовъ, изволь взять на память изъ нихъ пятьсотъ рублей; а другія всѣ прислать ко мнѣ; есть мнѣ въ нихъ великая нужда; изволь приказать Еропкину, чтобы ходилъ о выдачѣ оныхъ денегъ и присылалъ ихъ ко мнѣ чрезъ вексель, или отъ меня, по векселямъ, отдавайте; да подумай съ Матреною Никифоровною о племянникѣ Николаѣ Петровичѣ: къ себѣ ли мнѣ его взять, или къ мѣсту устроить? только бѣ ему у меня незакоснѣть, а больше, чтобъ Матрена Никифоровна прїѣхала зимою ко мнѣ, хошь на мой коштъ, и въ ту поръ подумаемъ; да управь хорошенько по государѣ память. Пишетъ ко мнѣ дочь письма въ великихъ печалѣхъ, пришла списки къ тебѣ, для того мнѣ и деньги нужны — послать къ ней пять тысячъ рублей; да попроси у кого у друзей, или купи журавлей два или три гѣвда; да какъ ты и поѣхалъ, все кажется, ты не здоровъ, да пиши почаще, да и своего пришло скоро писавку: Ц. П.

Да пишешь ты ко мнѣ, что печалишься, что я не писала; вѣдаешь мою лѣнь, чтобы было худо, то скорѣе бы писала, а мы слава Богу, въ добромъ здоровьи по сіе время знала тебя, свѣтъ мой, въ правду я надобна, что невѣдома, что про себя пиши и ко мнѣ, и къ Василию про свое здоровье, я на женку не могу ничего про то и писать, надобно тебя за ухо драть, что дурно пишешь про себя всѣхъ насъ не мношь; да посланъ къ вамъ стременой Трегубовъ, ради приему лошадей, которыя стануть съ конюшни давать и тѣхъ, принявъ, съ нимъ же пришли; гораздо добръ дѣтина; да посылай Еропкина по приказамъ для денегъ почаще.

Еще здравствуй, другъ мой, братецъ, да посылаю тебѣ ¹⁾ глазъ свой. Поцѣлуй его, сестришка твоя Парашка, дурашка.

Михайла Уваровъ! Пожалуй, береги братне здоровье. Михайла, поднеси про мое здоровье чарку водки брату и самъ выпей. Иванъ Леонтьевичъ! пожалуй непокинь брата, да здравствуй съ женою, которую нашли на дорогѣ.

6.

Братецъ, свѣтъ мой, Василій Федоровичъ, здравствуй на множество лѣтъ! Пиши ко мнѣ: все ли ты въ добромъ здоровьи? а я съ дѣтми жива; да послала я къ вамъ князя Михаила по деньгѣ сего генваря, и по деньгѣ и по се время оцъ ко мнѣ не бывалъ; ни слуху,

¹⁾ Въ подлинномъ письмѣ царицею Прасковьею собственноручно перомъ нарисованъ глазъ.

ни вѣсти про него нѣтъ; а мнѣ самая нужда въ деньгахъ. Ни про себя ничего не пишешь, будешь ли, или нѣтъ? да писалъ ты, чтобы продать деревню Паранушкину, Брылкину и мнѣ ее не продавать; если бы продавать и я бы въ тѣ поры продала чужому безъ поворотно, для того и тебѣ продала; неравно мой вѣкъ продлится и какъ мнѣ придутъ нужды и я тебѣ деньги отдамъ, а деревню возьму; да пора тебѣ сюда ѣхать и дворъ строить, спрашиваю (тѣ); намъ государь очень приказываетъ про строенія, какъ курьеры прѣзжаютъ и чрезъ почту; и про Ершова ничего не пишешь, выдалъ ли деньги, или нѣтъ? а мнѣ самая нужда въ деньгахъ. И на тебѣ здѣсь въ прикази спрашиваютъ денегъ, и ко мнѣ приходитъ Иванъ, да просить, и я и сама сижу безъ денегъ; посадилъ меня князь Михайла безо всего, и ни жалованья людямъ, да еще надобно и къ Аннушкѣ послать есть нужда; да пуще всего взяты у жида товары и срокъ поставленъ въ маѣ, чтобъ моему лицу не было стыда, а взято на четыре тысячи, да и на тебя жидъ подалъ доношеніе государю и съ того доношенія послала я списокъ; а ко мнѣ писалъ князь В. Володимировичъ ¹⁾, и то доношеніе немного поудержалъ онъ, князь В. Володимировичъ; пожалуй, пришли тѣ деньги мои, и дочь моя въ Россію ѣдетъ, и такъ мои печали неубавляются, а прибавляются сюда, и сами же мы и со всѣхъ сторонъ складываются... съ княженья. При семъ здравствуй, свѣтъ мой, и жена. Ц. Прасковья.

Да посылаю наскоро своего человекъ и о всемъ буду писать и больше, а денегъ надобно мнѣ, на худой конецъ, тысячъ десять и къ Аннушкѣ ²⁾ послать шесть тысячъ, ей та есть нужда; въ сборѣ только двѣ тысячи, чѣмъ ей жить? Да сказывалъ князь Петръ Голицынъ, что выдалъ тебѣ четырнадцать тысячъ и тебѣ можно съ долгами расплатиться, буде правда, и сюда ѣхать.

Царевны Екатерина и Прасковья,

дочери царицы Прасковьи.

1.

Василій Ѳеодоровичъ! Никогда-бъ мы (не) желали вамъ о такой несной (несносной), приключившейся намъ, общей печали, объявить; однако невозможно миновать, чтобъ къ вамъ неписать, что дражайшая наша государыня-матушка, по долговременныхъ тяжкихъ болѣзняхъ своихъ, отъ сего временнаго житья въ вѣчное блаженство

¹⁾ Князь Василій Володимировичъ Долгорукій.

²⁾ Анна Ивановна герцогиня курляндская.

оттуда сего октября 13-го дня, въ воскресенье, поутру; и хотя ва сутья тихо говорила, однако въ памяти была до самой кончины; тѣло же ея достожджному и честному погребенію предано 22-го числа сего мѣсяца въ Невскомъ монастырѣ. Ц. Екатерина. Ц. Прасковья.

С.-Петербургъ, октября въ 28-й день 1723 г.

2.

Василій Федоровичъ! Увѣдомились мы, что вы отъ болѣзни своей не токмо выздоровѣли, но и еще болѣзнь вамъ прибавилась; а къ тому-жъ зѣло печалитесь о кончинѣ государыни, нашей матушки. Правда, что сія печаль зѣло чувственна намъ всѣмъ, однако-жъ тому уже помочь невозможно, только что здоровье свое можете наипаче повредить. Къ тому-жъ, какъ мы слышимъ, что вы намѣрены ѣхать сюда къ намъ, и то свое намѣреніе, конечно, извольте отложить и сюда неѣздите, ибо мы надѣемся, что сами въ Москвѣ будемъ. Пожалуй, для Бога, не печальтесь, хотя для насъ. Царевна Прасковья ¹⁾.

Изъ С.-Петербурга въ 19-й день ноября 1723 г.

3.

Василій Федоровичъ! Увѣдомились мы, что вы отъ болѣзни своей не токмо выздоровѣли, но и еще болѣзнь вамъ прибавилась; а къ тому-жъ зѣло печалитесь о кончинѣ государыни, нашей матушки. Правда, что сія печаль зѣло чувственна намъ всѣмъ, однако-жъ тому уже помочь невозможно, только что здоровье свое можете наипаче повредить. Къ тому-жъ, какъ мы слышимъ, что вы намѣрены ѣхать сюда къ намъ, и то свое намѣреніе, конечно, извольте отложить и сюда неѣздите, ибо мы надѣемся, что сами въ Москву будемъ. Пожалуй, дорогой мой, не печалься. Ц. Екатерина.

Изъ С.-Петербурга, въ 19-й день ноября 1723 г.

Сообщ. П. И. Вараковъ.

Указъ Петра III святѣйшему Синоду о соблюденіи правосудія.

26-го марта 1762 г.

Указъ нашему Синоду. Уже съ давняго времени, къ нашему удовольствію, а къ общему соблазну, примѣчено, что приходящіе въ синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобит-

¹⁾ Напечатанное разрядкой есть собственноручныя приписки царевны.

чики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ, обыкновенно, безъ всякаго рѣшенія, къ тѣмъ-же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ синодѣ, или не исполняется существительная онаго должность, или же, и того хуже, дѣлается одна токмо потачка епархіальнымъ начальникамъ, такъ что въ семь пунктовъ синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ. Приложенныя при семь челобитныя черниговской епархіи священника Бордяковскаго и діакона Шарпановскаго суть новымъ и неоспоримымъ тому доказательствомъ ¹⁾; ибо, несмотря на данныя синоду еще съ 1754 года иманные указы, о рѣшеніи ихъ дѣла, исполнено потому и доннынѣ, а только отсылаются они на разсмотрѣніе въ ту же епархію. Мы видимъ, какія тому причины могутъ быть поводомъ, но оныя соблазнительнѣе еще самаго дѣла. Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради повелѣваемъ синоду, чрезъ сіе, стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія—соблазны истребить, и не токмо по симъ двумъ челобитнымъ немедленное рѣшеніе здѣсь сдѣлать, но и всегда, по подобнымъ, здѣсь же рѣшать. Нашимъ императорскимъ словомъ, чрезъ сіе объявляя, что малѣйшее нарушеніе истины накажется, какъ злѣйшее государственное преступленіе, а сей указъ не токмо для всенароднаго извѣстія напечатать, но въ синодѣ и въ настояннымъ указамъ присовокупить.

Петръ.

Въ Санктпетербургѣ.

Сообщ. Ж. Ж.

Примѣчаніе. Этотъ замѣчательный указъ не вошелъ въ Полное Собраніе Законовъ и вообще, сто десять лѣтъ тому назадъ, все было сдѣлано нашими іерархами, чтобъ уничтожить самый слѣдъ этого постановленія. Смерть Петра III и осужденіе всего, что дѣялось въ его правленіе не мало помогли тому, чтобъ указъ, предназначенный быть настояннымъ, схороненъ былъ подъ спудъ. Во всякомъ случаѣ, настоящій документъ вновь подтверждаетъ справедливость мысли, проведенной чрезъ нашъ трудъ: «Очеркъ царствованія Петра III» («Отеч. Записки» 1867 г.), что несмотря на всѣ недостатки нравственной личности этого государя, въ немъ много было стремленій къ добру; столь замѣчательные государственные люди, какими были Дж. Вас. Волковъ, Ал. Ив. Глѣбовъ, Ник. Ив. Панинъ, Алексѣй Петр. Мельгуновъ и нѣкоторые другіе изъ приближенныхъ Петра III, съумѣли воспользоваться этимъ и положить начало многимъ благимъ реформамъ, частью осуществленнымъ въ послѣдующее царствованіе.

Ред.

¹⁾ Приложенія этихъ у насъ неимѣются.

Ред.

Ф. И. де-Ливронъ.

Францъ Ивановичъ, баронъ Сильвестръ де-Ливронъ, сынъ уроженца французской Швейцаріи, бывшаго прусскимъ генеральнымъ консуломъ въ Испаніи, родился въ Кадиксѣ въ 1765 году.

По достиженіи совершеннолѣтія, онъ, какъ протестантъ, былъ, по распоряженію патеровъ ниввизіиціи, высланъ изъ Испаніи и поступилъ въ австрійскій флотъ, гдѣ, въ званіи мичмана, сдѣлалъ кампанію въ Остъ-Индію, а въ 1788 году былъ, по приглашенію адмирала графа Чернышева, принятъ въ русскую службу съ чиномъ лейтенанта во флотѣ.

Во время войны Россіи со Швеціею въ 1789 и 1790 годахъ, участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ со шведами между Готландомъ и Эландомъ, потомъ при отраженіи нападенія шведскаго флота на ревельскомъ рейдѣ и наконецъ въ виборгской губѣ и финляндскихъ шхерахъ. Въ 1805 году онъ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, поступилъ командиромъ 1-й кадетской роты въ морской корпусъ, а впослѣдствіи (съ 1818 по 1826 гг.), исправлялъ должность инспектора классовъ по иностранной словесности. Въ 1827 году былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады ластовыхъ экипажей балтійскаго флота и произведенъ въ генералъ-майоры. Въ 1841 году баронъ Сильвестръ де-Ливронъ скончался на 77 году жизни, оставивъ по себѣ вполне добрую память между еще оставшимися въ живыхъ моряками, бывшими въ его время воспитанниками морского корпуса.

Нижепомѣщаемый документъ, относящійся къ одному изъ славнѣйшихъ эпизодовъ русско-шведской кампаніи 1790 г., сообщенъ генералъ-майоромъ К. Ф. де-Ливрономъ, сыномъ храбраго моряка. Ред.

I. (Переводъ съ франц.). Отчетъ о военныхъ дѣйствіяхъ фрегата „Венусъ“ въ кампанію 1790 года, подъ командою г. капитана и капитанъ-лейтенанта Кроуна.

При выходѣ ревельскаго флота 19-го мая 1790 года изъ Ревеля, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, фрегатъ „Венусъ“ получилъ приказаніе быть всегда передовымъ флота, находясь въ $\frac{3}{4}$ милихъ разстоянія отъ онаго для открытія непріятельскихъ судовъ; въ тотъ же день, въ 5 часовъ утра, мы увидѣли на вѣтрѣ въ разстояніи $\frac{3}{4}$ мили отъ насъ парусъ и дали о томъ знать сигналомъ. Въ восьмомъ часу мы получили приказаніе гнаться за непріятелемъ, для чего поставили всевозможные паруса; вѣтеръ свѣжій, отъ NO и NNO; въ полдень нашъ флотъ былъ уже въ 4-хъ миляхъ позади насъ и говиное нами судно (шведскій фрегатъ) приблизилось на $\frac{1}{4}$ мили; въ 8 часа флотъ скрылся изъ виду, но мы находились уже настолько близко къ непріятельскому фрегату, что могли бы обмѣляться нѣсколькими выстрѣлами, если бы, къ несчастію нашему, не показались бы пять катеровъ, шедшихъ къ нему на помощь; а вскорѣ затѣмъ мы увидѣли весь шведскій флотъ, шедшій на насъ полнымъ вѣтромъ. Та-

какимъ образомъ мы принуждены были оставить гонку и возвратиться къ нашему флоту.

22-го мая наши оба флота соединились. „Венусъ“ находился по обыкновенію въ крейсертвѣ на вѣтрѣ у эскадры; мы вскорѣ открыли шведскій флотъ, стоявшій на якорѣ и подъ вѣтромъ у Питкопаса, еще до тридцати парусныхъ судовъ непріятельской флотиліи, пробравшихся на присоединеніе къ главнымъ силамъ флота. Мы привели къ вѣтру и вступили въ дѣйствіе противъ тринадцати канонерскихъ лодокъ; бой продолжался три часа, и намъ удалось двумъ лодкамъ снести рангоутъ, третьей разбить корму, а прочихъ, обратившихся въ бѣгство, было невозможно преслѣдовать, такъ какъ онѣ скрылись за скалами, которыми тамъ усѣяны всѣ проходы.

5-го іюня нашъ фрегатъ былъ посланъ въ Питкопасъ вмѣстѣ съ фрегатомъ „Патрикій“ и тремя катерами; мы тамъ взяли семь транспортовъ, а восьмой былъ сожженъ самимъ непріателемъ. Будучи посланъ потушить огонь на томъ транспортѣ, я не успѣлъ въ этомъ, несмотря на всѣ мои усилія, и ограничился тѣмъ, что просверлилъ въ немъ отверстіе, чтобъ пустить его ко дну и чтобъ спасти часть его груза; но такъ какъ его несло по волѣ вѣтра, то онъ сгорѣлъ весь до кила, бывъ снесенъ на отмель. Затѣмъ мы присоединились къ эскадрѣ съ нашими призами.

19-го іюня фрегаты „Венусъ“ и „Поддержки Славу“, бригъ „Летучій“ и катеръ „Счастливыи“ были вновь посланы къ Питкопасу. Бросивъ якорь 21-го числа въ $\frac{1}{4}$ мили отъ того мѣста, мы съ „Венуса“ вскорѣ увидѣли флотилію непріятельскихъ канонерскихъ лодокъ, которыя произвели на насъ довольно выгодную для себя атаку, такъ какъ сами закрывались скалами; канонада продолжалась два часа, не причинивъ никому видимыхъ поврежденій, а по прошествіи этого времени непріятель удалился.

Такъ какъ было невозможно преслѣдовать его между скалами, то капитанъ Кроунъ (который при этомъ случаѣ выказалъ много храбрости и способности: находясь на шлюпкѣ съ лотомъ въ рукавѣ во главѣ своей флотиліи, велъ оную подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ), послалъ просить у коитръ-адмирала Ханткова канонерскія лодки, которыя и были тотчасъ отправлены въ числѣ двадцати вмѣстѣ съ гребнымъ фрегатомъ „Александра“. Но еще до ихъ прибытія въ 4 часа утра шведы съ шестьюдесятью слинкомъ канонерскими лодками и нѣсколькими микунами открыли сильный огонь по фрегату „Венусъ“, которому прочія суда эскадры не могли подать помощи по причинѣ мелководія. Это дѣло продолжалось до девяти часовъ, когда шведы, замѣтивъ приближеніе нашихъ канонерскихъ лодокъ,

удалились въ шхеры. Результатомъ этого боя было: 2 чел. убитыхъ и 15 раненыхъ на фрегатѣ „Венусъ“, 2 орудія разбитыхъ на части непріятельскими ядрами, одинъ рангоутъ сильно поврежденъ, одно ядро попало въ руль и болѣе тридцати ядеръ въ самыя слабыя мѣста судна и близъ ватерлиніи. Капитанъ Кроунъ пересѣлъ затѣмъ на канонерскую лодку, куда и я имѣлъ честь его сопровождать. Погоня за непріятелемъ продолжалась, но шведы, которыхъ мы считали запертыми въ шхерахъ, вышли въ открытое море проходами, неизвѣстными намъ и необозначенными на нашихъ картахъ. Удалось однако отрѣзать двѣ небольшія яхты, оставленныя непріятелемъ. Слѣдующій день былъ употребленъ на починки и исправленіе поврежденій.

23-го числа дулъ ровный вѣтеръ отъ OSO; большой шведскій флотъ прошелъ мимо нашего, при чемъ наше положеніе было довольно критическое, такъ какъ мы находились подъ вѣтромъ у непріятели. Капитанъ Кроунъ благоразумными маневрами и короткими галсами во все время держался за скалами, пока наконецъ не встрѣтилъ непріятельскій галерный (гребной) флотъ, который и пожелалъ отрѣзать; для этого мы вышли на вѣтеръ и въ 10-гь часовъ завязали бой. Вскорѣ шведскіе флаги стали одинъ за другимъ спускаться и я былъ посланъ на шлюпкѣ съ 8-ю матросами и пистолетомъ на первое сдавшееся судно для овладѣнія имъ; это была галера „Etkblas“. По прибытіи туда, капитанъ галеры объявилъ мнѣ, что въ трюмъ прибыло до 4-хъ футовъ воды, вслѣдствіе полученной пробойны ниже ватерлиніи, и я тотчасъ принялся задѣлывать отверстие насаленными пробками, но въ это время нашъ фрегатъ продолжалъ погоню; находясь между преслѣдователями и получая залпы съ судовъ нашего флота, я принужденъ былъ стать на якорь; вскорѣ затѣмъ и капитанъ Пелисье съ фрегатомъ „Александра“ сталъ возлѣ меня на якорь. Не имѣя достаточно средствъ для подчиненія себѣ непріятели, я былъ замѣненъ однимъ изъ офицеровъ съ вооруженною шлюпкою съ фрегата а меня послали принять командованіе надъ галернымъ (непріятельскимъ) фрегатомъ „Oster Gochland“, сдавшемся фрегату „Венусъ“; тамъ я засталъ нашего шкипера съ 12-ю человекѣми матросовъ нашей команды.

Мы испытали очень свѣжій вѣтеръ отъ O, изъ-за котораго я лишился каната и вообще потеряли при этомъ много нашихъ призовъ. Но на слѣдующій день вѣтеръ, перейдя къ SO, стихъ, и я получилъ приказаніе сняться съ якоря и отвести новую галеру ея величества въ Кронштадтъ, гдѣ она оказалась укомплектованною 274 человекѣми плѣнныхъ. На другой день туда прибылъ и капитанъ Пелисье съ прочими призами.

Вотъ, милостивѣйшій государь, факты, которыхъ я былъ лично свидѣтелемъ и участникомъ, и считаю себя счастливымъ, что имѣлъ случай доказать свое усердіе, которое будетъ всегда и впредь выказываться мною на службѣ нашей августѣйшей монархини.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою вашего превосходительства, Францъ баронъ Сильвестръ де-Ливронъ.

Его превосходительству, милостивѣйшему государю графу Чернышеву, 1-му вице-президенту адмиралтействъ коллегіи.

II. Аттестатъ о де-Ливронѣ. Лейтенантъ де-Ливронъ, по прибытіи изъ Кронштадта въ С.-Петербургъ, по повелѣнію его сіятельства графа Ивана Григорьевича Чернышева, отправился сухимъ путемъ въ Ревель и по приѣздѣ явился ко мнѣ на фрегатъ, о чемъ вашему высокопревосходительству честь имѣю донести; и при томъ рекомендовать, что помянутый лейтенантъ де-Ливронъ возложенную на него должность исправлялъ съ великимъ усердіемъ, имѣя у себя въ конвоѣ малое число російскихъ людей, содержалъ плѣнныхъ столь превосходное число въ послушаніи на вышеписанныхъ судахъ, наполненныхъ плѣнными людьми, (и) въ Кронштадтѣ привелъ (ихъ) благополучно. Капитанъ 2-го ранга Кроунъ.

(1790).

Сообщ. Е. Ф. де-Ливронъ.

А. Н. РАДИЩЕВЪ.

Въ «Русской Старинѣ» выражено было сожалѣніе, что до нынѣ не обнародованы біографическія свѣдѣнія о Радищевѣ, написанныя его сыномъ Николаемъ Александровичемъ Радищевымъ.

Занимаясь нынѣ, по предложенію князя П. А. Вяземскаго, разборомъ бумагъ его драгоценнаго архива, я нашелъ между ними собственноручную записку Николая Александровича Радищева: «О жизни и сочиненіяхъ А. Н. Радищева». Свѣдѣнія какъ объ авторѣ, такъ и о запискѣ его заключаются въ слѣдующей собственноручной припискѣ князя П. А. Вяземскаго: «Радищевъ, отецъ, кажется, во время службы своей въ комиссіи о составленіи законовъ, подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного состоянія, проектъ весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ и то тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній. Записка сія составлена и доставлена мнѣ сыномъ Радищева, извѣстнымъ нѣкоторыми литературными занятіями. Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Мерзляковымъ, Воейковымъ, Жуковскимъ: въ этомъ кружкѣ познакомился и я съ нимъ въ 1810 году, а послѣ нашелъ его въ Саратовской губерніи, за короткое время до смерти его (скоропостижной). Онъ тогда занимался переводомъ сельско-хозяйственныхъ сочиненій. Былъ очень любимъ и уважаемъ въ губерніи; служилъ предводителемъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ. Княгиня Дашкова говоритъ о Радищевѣ-отцѣ и о книгѣ его».

Эта приписка сдѣлана княземъ Вяземскимъ въ то время, когда онъ получилъ отъ Н. А. Радищева упомянутую рукопись, что видно изъ позднѣйшей отиѣтки его, сдѣланной карандашемъ на той же рукописи.

Съ разрѣшенія князя Петра Андреевича, записка эта предлагается нынѣ читателямъ «Русской Старины».

Н. П. Барсуковъ.

Александръ Николаевичъ Радищевъ, родился въ Москвѣ 1749 г. 20-го августа. Стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ послужило къ тому, что онъ получилъ хорошее воспитаніе. Дѣдъ его, бѣдный калужскій дворянинъ, былъ въ потѣшныхъ Петра Великаго, былъ его деньщикомъ, служилъ въ гвардіи, и наконецъ, женившись въ сорокъ лѣтъ на богатой и весьма молодой дѣвушкѣ, въ царствованіе импе-

ратрицы Анны, сдѣлался полковникомъ и командиромъ одного изъ малороссійскихъ драгунскихъ полковъ, почему и прожилъ долго въ Глуховѣ. Онъ своему сыну, отцу Александра Николаевича, судя по тогдашнему времени, когда просвѣщеніе едва проникало въ Россію, далъ хорошее воспитаніе; молодой человекъ зналъ языки: латинскій, французскій, нѣмецкій и польскій; имѣлъ свѣдѣнія богословскія и историческія, и любилъ сельское хозяйство, о коемъ читалъ много. Бывъ, самъ по себѣ и по женѣ своей, довольно богатъ, онъ хотѣлъ и своему сыну доставить свѣдѣнія. Впрочемъ, начала русскаго языка преподаны были Александру Николаевичу обыкновеннымъ тогдашнимъ способомъ, то-есть посредствомъ часослова и псалтыри; но когда ему минуло шесть лѣтъ, то у него былъ уже учитель французъ, оказавшійся впоследствии бѣглымъ солдатомъ.

Сіе домашнее ученіе продолжалось не долго, ибо Александръ Николаевичъ отданъ былъ въ домъ родственника матери своей, Михайла Ѳедоровича Аргамачова, человека умнаго, богатаго и просвѣщеннаго. бывшаго кураторомъ московскаго университета. Тутъ, вмѣстѣ съ дѣтьми своего родственника и другими молодыми людьми (въ числѣ коихъ былъ гр. Аркадій Ивановичъ Марковъ), Александръ Николаевичъ воспитывался подъ надзоромъ француза, совѣтника руанскаго парламента, по политическимъ причинамъ, удалившагося изъ отечества, и пользовался уроками профессоровъ и учителей университетскихъ. Во время коронаціи императрицы Екатерины, г. Аргамачовъ записалъ Александра Николаевича въ пажи и, по возвращеніи двора въ С.-Петербургъ, отправилъ его туда, гдѣ онъ продолжалъ ученіе въ пажескомъ корпусѣ.

Въ 1765 году, императрица Екатерина II, видя недостатокъ въ Россіи, въ самыхъ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ, въ людяхъ знающихъ законоискусство и, чувствуя, сколько бы такіе люди были для отечества полезны, приказала избрать 12 молодыхъ людей, въ томъ числѣ шестерыхъ пажей, для отправленія ихъ учиться правовѣдѣнію въ лейпцигскій университетъ. Пажей приказано было избрать лучшихъ, отличившихся въ корпусѣ какъ поведеніемъ, такъ и успѣхами въ наукахъ. Александръ Николаевичъ былъ въ числѣ сихъ избранныхъ пажей ¹⁾. Императрица ничего не жалѣла, дабы отправленные молодые люди могли представиться въ иностранномъ универ-

¹⁾ Сколько я помню, вотъ имена отправленныхъ молодыхъ людей: Яновъ, Челищевъ, Кутузовъ, Радищевъ, Рубановскій, кн. Несвицкій — пажи; Ѳ. Ушаковъ, М. Ушаковъ, Насажинъ, кн. Трубецкой, Олсуфьевъ. Потомъ на мѣсто умершихъ: кн. Несвицкаго, кн. Трубецкаго и Ѳ. Ушакова, присланы: Д. А. Олсуфьевъ, О. П. Козодавлевъ и Н. Д. Волковъ.

ситетѣ достойными званія ея питомцевъ. Всѣ приуготовленія были сдѣланы щедрою рукою, содержаніе молодымъ людямъ назначено болѣе, чѣмъ достаточное (по осьми сотъ рублей на человѣка въ годъ), но выборъ наставника сдѣланъ былъ неравборчиво.

Александръ Николаевичъ, описывая жизнь товарища своего **Ө. В. Ушакова**, изобразилъ майора **Бокума**, отправленнаго для надзора за молодыми людьми, назначенными къ важному служенію отечеству: онъ не имѣлъ не только хорошихъ свойствъ путеводителя юношества, но никакихъ свѣдѣній, былъ корыстолюбивъ, золъ и хотѣлъ образовать питомцевъ своимъ палкою. Такое обращеніе наставника едва не ввергло молодыхъ людей въ погибель, а семейства ихъ въ вѣчную горестъ.

Юноши, бывъ въ безпрестанной ссорѣ съ своимъ наставникомъ, хотѣли, дабы избавиться отъ угнѣтеній **Бокума**, бѣжать въ Сѣверную Америку, гдѣ тогда начались и вскорѣ вспыхнули распри съ Англіею, отдѣлившія на вѣкъ сіи колоніи отъ отечества. Благоразумныя увѣщанія и мѣры, принятыя россійскимъ посланникомъ, въ Дрезденѣ, кн. **Бѣлосельскимъ**, который отрушилъ **Бокума**, остановили отчаянное предпріятіе молодыхъ людей; они одумались и продолжали учиться. Еще должно замѣтить странность при отправленіи ихъ на долгое время въ чужую землю; имъ не дано было учителя русскаго языка, такъ что, въ пять лѣтъ пребыванія своего въ Германіи, они почти забыли свой языкъ и, въ разговорахъ на немъ, вмѣшивали многія латинскія, нѣмецкія и французскія слова.

Между тѣмъ, курсъ ученія молодыхъ людей кончился; они возвратились въ отечество, обогащенные разнообразными познаніями, потому что, исключая правовѣдѣнія, всякій изъ нихъ слушалъ курсы тѣхъ наукъ, къ которымъ имѣлъ болѣе склонности. Александръ Николаевичъ слушалъ философію у **Платнера**, начинавшаго тогда ученое свое поприще, на которомъ онъ впоследствии прославился. Сверхъ сего, Александръ Николаевичъ пристрастился къ медицинѣ, и постоянно, въ теченіе пяти лѣтъ, учась ей, могъ бы выдержать экзамень докторскій; но, слѣдуя своему назначенію, не искалъ сего званія; однако-жъ, во все теченіе жизни своей, практиковалъ медицину съ довольнымъ успѣхомъ.

По возвращеніи въ отечество, только трое изъ молодыхъ людей, назначенныхъ быть юристами, поступили въ сенатъ въ званіе протоколистовъ, съ чинами титулярныхъ совѣтниковъ. Въ числѣ сихъ трехъ былъ Александръ Николаевичъ и всегдашній другъ его **Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ**. Служба ихъ въ сенатѣ была непродолжительна; незнаніе русскаго языка, товарищество съ приказными и об-

хождение высшихъ чиновниковъ, не отличавшихъ ихъ отъ прочихъ прикѣснослужителей, сдѣлали имъ сей родъ служенія противнымъ. Первый Кутузовъ вышелъ въ армію капитаномъ, и успѣлъ быть на сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ, подъ предводительствомъ безсмертнаго Румянцева. За нимъ вслѣдъ вышелъ изъ сената и Александръ Николаевичъ также капитаномъ, въ штатѣ тогдашняго главкомандующаго въ Петербургѣ, гр. Брюса, и отправлялъ при немъ должность оберъ-аудитора.

Служба сія—была самая пріятная эпоха въ жизни Александра Николаевича. Бывъ любимъ своимъ начальникомъ, онъ, посредствомъ его, сдѣлался членомъ въ лучшія петербургскія общества; вкусъ его образовался и онъ получилъ ловкость и пріятность въ обхожденіи. Хотя въ то время молодые свѣтскіе люди мало занимались русскимъ языкомъ, но Александръ Николаевичъ не придерживался вреднаго сего отвращенія; онъ съ самой молодости любилъ свое отечество, а любя его, можно ли было пренебрегать языкомъ своей родины. Первый наставникъ его въ русскомъ языкѣ былъ Александръ Васильевичъ Храповицкій, тогда еще гвардіи офицеръ, и подъ его руководствомъ Александръ Николаевичъ перевелъ изъ Монтескьё „Разсужденіе о величіи и упадкѣ римлянъ“. Книга сія была напечатана Н. И. Новиковымъ.

Пробывъ три или четыре года при гр. Брюсѣ, Александръ Николаевичъ вышелъ въ отставку секундъ-майоромъ и женился въ 1775 г. Въ женитьбѣ своей онъ не искалъ богатства; хотя, бывъ членомъ многочисленнаго семейства (оно состояло изъ семи братьевъ и четырехъ сестеръ), не могъ надѣяться на большое состояніе, несмотря на то, что родители его имѣли около двухъ тысячъ душъ. Жена его, дочь члена придворной конторы, была не богата; но имѣла все то, что могло составить счастье хорошаго человѣка. Александръ Николаевичъ женился въ Москвѣ; жена его лишилась отца незадолго до замужества, бывъ уже помолвлена, и Александръ Николаевичъ вмѣстѣ съ нею возвратился въ Петербургъ, чтобъ снова вступить въ службу.

Въ 1776 году онъ былъ опредѣленъ ассессоромъ въ коммерцъ-коллегію, коей президентомъ былъ тогда гр. Александръ Романовичъ Воронцовъ. Сей умный вельможа, принявъ сначала молодого сотрудника своего весьма сухо и, полагая, несмотря на извѣстную его ученость, что онъ ни что болѣе какъ человѣкъ свѣтскій и разсѣянный, не надѣялся найти въ немъ способностей къ дѣлу. Но Александръ Николаевичъ, принявъ должность, принялъ и твердое намѣреніе, отправлять ее сколько можно лучше. Цѣлый годъ онъ занимался един-

ственно чтеніемъ журналовъ и опредѣланій коммерцъ-коллегии, чтобы выиснуть въ существо и образъ теченія дѣлъ ея, стараясь всѣ, встрѣчающіяся въ сихъ бумагахъ обстоятельства соотносить съ законами и при томъ прилежало къ изученію русскаго языка, руководствуясь священными книгами, почему и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ придерживался славянскихъ оборотовъ, и даже употреблялъ много славянскихъ словъ.

Вышкнувъ, наконецъ, въ дѣла коммерцъ-коллегии, онъ началъ показывать непреклонную твердость характера въ защитѣ правыхъ дѣлъ. Между прочими, встрѣтилось дѣло девицъ браковщицовой, несправедливо обвиняемыхъ въ упуцденіяхъ по должности. Президентъ, вице-президентъ и всѣ члены были того мнѣнія, что люди сіи виновны и присуждали ихъ къ наказанію. Одинъ Александръ Николаевичъ, будучи младшимъ членомъ коллегии, осмѣлился принять на себя ихъ защиту. Онъ подавъ въ пользу ихъ голосъ, совершенно противный ясно наложенному мнѣнію президента, противъ котораго никто не смѣлъ спорить. Вице-президентъ Беклемишевъ, устрешенный смѣлостію Александра Николаевича, представлялъ ему, какъ дѣламо молодому человѣку, неимѣющему ни связей, ни покровителей, спорить такъ упрямъ противъ сильнаго вельможи, и доказывалъ, что если и точно голосъ его справедливъ, то все же должно сообразоваться съ мнѣніемъ знатнаго начальника. Но Александръ Николаевичъ остался непреклоненъ и объявилъ, что если президентъ будетъ его гнать за голосъ, чего онъ, однако же, ниважъ не предполагаетъ, то онъ, оставя службу, уѣдетъ въ деревню къ отцу своему, и цѣлымъ вѣкъ проживеть въ неувѣстности, но не отступитъ отъ мнѣнія, которое почитаетъ справедливымъ, и беззаконно не подпишетъ приговора совершенно невиннымъ людямъ.

Долго никто изъ членовъ и секретарей коммерцъ-коллегии не осмѣливался доложить президенту о неслыханномъ упрствѣ молодого человѣка, младшаго члена, не искусившагося ни въ судебныхъ дѣлахъ, ни въ порядкѣ приказномъ. Наконецъ, вице-президентъ, употребившій всевозможные способы къ преклоненію Александра Николаевича, и почитая его погибшимъ, доложилъ президенту, какъ о дѣлѣ, такъ и объ упрствѣ младшаго assessора. Гр. Воронцовъ сначала подосадовалъ, полагая, что Александръ Николаевичъ защищаетъ браковщицовой по какимъ-нибудь корыстнымъ видамъ; но, прочитавъ голосъ его со вниманіемъ, захотѣлъ, чтобы упрямый молодой человѣкъ самъ предъ нимъ защищалъ свое мнѣніе. Александръ Николаевичъ былъ призванъ, и слѣдствіемъ продолжительнаго разговора его съ гр. Воронцовымъ было то, что начальникъ,

совершенно согласясь съ мнѣніемъ своего подчиненнаго, приказать, сообразно оному, передѣлать все дѣло; прежде приготовленное рѣшеніе было отгнѣнено, браковщики были оправданы, а Александръ Николаевичъ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ, и можно сказать первымъ совѣтникомъ по дѣламъ коммерческимъ у гр. Воронцова и скоро послѣ сего происшествія получилъ чинъ надворнаго совѣтника, а гр. Воронцовъ навсегда остался его покровителемъ.

Кажется въ 1780 году открылась С.-Петербургская губернія по новому образованію, изложенному въ учрежденіи о управленіи губерній. Дѣла, до таможенъ относящіяся, да и самыя таможи, отданы были въ веденіе совѣтника таможенныхъ дѣлъ, который, какъ третій членъ, присутствовалъ въ казенной палатѣ. Въ сію должность (былъ) опредѣленъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Даль, образовавшій рижскую таможду, человѣкъ умный, ученый, свѣдущій въ порученной ему должности, но старій и совершенно незнавшій русскаго языка. Ему данъ былъ въ помощники Александръ Николаевичъ, съ званіемъ совѣтника казенной палаты. Г. Даль, узнавъ его, полюбилъ какъ сына; они вмѣстѣ устроили с.-петербургскую таможду и, наконецъ, когда здоровье г. Даля стало ослабѣвать, онъ совершенно предоставилъ всю власть свою Александру Николаевичу, а самъ, по одному разу въ мѣсяцъ, по дѣламъ таможеннымъ докладывалъ императрицѣ.

Александръ Николаевичъ, вступя въ управленіе С.-петербургской и всѣхъ таможенъ сей губерніи, исключая ученаго латинскаго языка, зналъ совершенно нѣмецкій и французскій, на коихъ, какъ въ разговорахъ, такъ и на письмѣ, объяснялся правильно, съ легкостію и пріятностію. Но въ новомъ званіи своемъ увидѣлъ, что какъ главная торговля Россіи производится съ Англіею, то незнаніе англійскаго языка можетъ подвергнуть его непріятности быть нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ своего переводчика; и потому, несмотря на многотрудныя свои по должности занятія, а особливо въ лѣтнее время, когда приходятъ иностранныя купеческія корабли, началъ учиться по-англійски, имѣя уже болѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Черезъ годъ ему переводчикъ былъ уже не нуженъ. Употребленіе англійскаго языка по дѣламъ, внушило Александру Николаевичу любопытство узнать англійскую словесность, и онъ въ свободныя часы занимался ею; наконецъ, сей языкъ сдѣлался ему также знакомъ, какъ французскій и нѣмецкій; онъ не могъ выговаривать его совершенно чисто, но объяснялся свободно и правильно. Между тѣмъ онъ получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и скоро потомъ, недавно учрежденный, орденъ св. Владиміра 4-й степени. Но домашнее его благополучіе разстроено было смертью нѣжно-любимой супруги.

Императрица Екатерина, видя необходимость новаго тарифа какъ для привозныхъ, такъ и для отпусныхъ товаровъ, учредила комиссію для составленія оного, сообразно настоящему времени и обстоятельствамъ. Президентомъ сей комиссіи назначенъ былъ гр. Воронцовъ, а въ числѣ членовъ былъ г. Даль. Александръ Николаевичъ, хотя ни въ какомъ званіи въ сей комиссіи причисленъ не былъ, но вмѣстѣ съ г. Далемъ составилъ тарифъ, а такъ какъ трудился надъ нимъ частно, то и не участвовалъ въ наградахъ. Однако-жъ г. Даль обратилъ на него вниманіе начальства, и онъ получилъ перстень.

Сей благородный старецъ, удрученный лѣтами и болѣзнями вышелъ въ отставку, а Александръ Николаевичъ опредѣленъ былъ на его мѣсто, но не пользовался неопѣненною выгодой г. Дала; онъ не докладывалъ самъ императрицѣ по дѣламъ таможеннымъ; доклады сіи шли уже чрезъ вице-губернатора или чрезъ гр. Воронцова. Между тѣмъ императрица имѣла довѣріе въ непоколебимой честности и совершенному безкорыстію Александра Николаевича. По ея повелѣнію ему поручаемы были весьма щекотливыя дѣла, напримѣръ, при началѣ войны съ шведами, арестованіе и опись шведскихъ купеческихъ кораблей, и обыскъ запрещенныхъ товаровъ во всѣхъ лавкахъ и магазинахъ въ С.-Петербургѣ. Всѣ современники отдали Александру Николаевичу справедливость въ томъ, что онъ совершенно былъ чуждъ корыстолюбія. Начальствуя таможными С.-Петербургской губерніи, онъ могъ нажить милліоны, но онъ не нажилъ ничего и оставилъ дѣтямъ своимъ небольшое родительское наслѣдство и честное имя.

Все свободное время отъ службы, Александръ Николаевичъ посвящалъ ученію и трудамъ. Онъ написалъ „Исторію російскаго сѣната“, которую уничтожилъ впоследствии, имѣлъ философическую переписку съ другомъ и товарищемъ своимъ А. М. Кутузовымъ, однимъ изъ первыхъ мартинистовъ. Кутузовъ желалъ привлечь въ сіе общество друга своего, но Александръ Николаевичъ никогда на то не соглашался, изъ чего произошла пространная и занимательная переписка, которая могла бы составить важную книгу; но изъ сей переписки не осталось ничего. Потомъ написалъ онъ „Жизнь Фёдора Васильевича Ушакова“, и приобщилъ къ ней нѣкоторыя изъ его сочиненій. Г. Ушаковъ былъ товарищъ Александру Николаевичу въ лейпцигскомъ университетѣ, и умеръ тамъ не старѣе 25-ти лѣтъ. Въ жизни сего молодого человѣка замѣчательна пламенная страсть къ ученію. Онъ уже былъ коллежскимъ ассессоромъ и секретаремъ одного знатнаго человѣка. Узнавъ о предполагаемомъ отправленіи двѣнадцати дворянъ въ Лейпцигъ, Ушаковъ оставилъ службу и чрезъ своего покровителя исходатайствовалъ позволеніе быть въ числѣ от-

правляемыхъ молодыхъ людей, хотя и былъ всѣхъ ихъ гораздо старѣе. Жизнь его, описанная Александромъ Николаевичемъ, если описаніе успѣховъ всѣхъ посланныхъ тогда въ Лейпцигъ для обученія правовѣдѣнію. Книга сія была напечатана въ 1786 или 1787 году и теперь сдѣлалась столь рѣдкою, что едва ли и отыскать ее можно ¹⁾. Въ ней Александръ Николаевичъ съ откровенностію описываетъ все, что было съ нимъ и его товарищами въ Лейпцигѣ, похваляетъ хорошее, но не утаиваетъ и дурнаго. Потомъ занимаясь онъ сочиненіемъ своего путешествія въ Москву, которое по крайней свободности мыслей и слишкомъ рѣзкому образу сужденій о правительствѣ, повлекло его въ несчастіе. Въ 1790 году, онъ, вскорѣ послѣ напечатанія „Путешествія“, посаженъ былъ подъ стражу, судимъ уголовнымъ порядкомъ и сосланъ на десять лѣтъ въ Иркутскую губернію, въ беззубный городъ Илимскій ²⁾, откуда возвращенъ государемъ императоромъ Павломъ I, съ позволеніемъ жить въ деревнѣ.

Время, въ заточеніи проведенное, Александръ Николаевичъ употреблялъ на воспитаніе младшаго своего сына и дочери; притомъ не забывалъ и о старшихъ сыновьяхъ своихъ, жившихъ у дяди въ городѣ Архангельскѣ. Онъ написалъ для нихъ „разсужденіе о человѣкѣ, о смертности его и о безсмертіи души“. Тамъ же написалъ онъ „Письмо о китайскомъ торгѣ“, и началъ „Исторію покоренія Сибири“ и историческую повѣсть „Ермакъ“; но ни того, ни другаго сочиненія не кончилъ, а послѣдняго остались только небольшіе отрывки. Живучи въ Илимскѣ, онъ упражнялся въ практической медицинѣ, лѣчилъ сибиряковъ, и къ нему ѣздили изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ лѣчиться. Прежній начальникъ и покровитель его, гр. Воронцовъ, не оставлялъ его и въ заточеніи, писалъ къ нему, доставлялъ ему книги и многія нужныя въ сихъ пустынныхъ странахъ для жизни вещи.

По вступленіи на престолъ государя императора Александра I, Александръ Николаевичу возвращено было прежнее его званіе и совершенная свобода. Онъ воспользовался ею, чтобъ тотчасъ ѣхать въ Петербургъ, благодарить великодушнаго монарха и, по весьма краткомъ тамъ пребываніи, опредѣленъ былъ членомъ комиссіи о составленіи законовъ. Послѣ священнаго обряда коронаціи, Александръ Николаевичъ отправился изъ Москвы въ Петербургъ и ревностно приступилъ къ отправленію своей должности; но здоровье ему измѣ-

¹⁾ Она вошла въ «Полное собраніе сочиненій Радищева», изданное Бекетовымъ. Кн. В.

²⁾ О ссылкѣ Радищева въ Илимскій (а не Ишимъ, какъ ошиб. напечатано) острогъ, см. въ «Русск. Старинѣ» 1872 г., т. VI, стр. 436—438. Ред.

нило, онъ сталъ чувствовать безпрестанно увеличивающуюся слабость и, наконецъ, къ неописанной горести семейства своего, скончался 1802 года, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, имѣя 53 года отъ рожденія.

Оставшіяся послѣ него сочиненія были напечатаны въ шести небольшихъ томахъ, въ Москвѣ, въ типографіи г. Беветова; къ нимъ приложенъ довольно схожій портретъ его. Въ сихъ шести книжкахъ заключаются сочиненія Александра Николаевича, писанныя во время пребыванія его въ Сибири и въ деревнѣ. Конечно, слогъ ихъ устарѣлъ, но смѣлость и здравость мыслей, чистая, и глубокая философія никогда не старѣются. Въ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ, въ отрывкахъ повѣсти „Бова“ и „О Тредьяковскомъ“ много веселости.

Александръ Николаевичъ былъ нрава прямого и пылваго; всѣ горести сносилъ съ стоическою твердостью, никогда не изгибался и былъ врагъ лести и подобострастія. Въ дружбѣ былъ непоколебимъ, а оскорбленія забывалъ скоро; честность и безкорыстіе были отличительными его чертами. Обхожденіе его было просто и пріятно, разговоръ занимателенъ, лицо красиво и выразительно, ростъ средній. Исключая „Жизни Ушакова“, послѣ него не осталось никакихъ записокъ касательно собственной его жизни.

Сообщ. Н. П. Барсуковъ.

КЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

I.

Распоряженіе о книгахъ для духовнаго юношества.

1817.

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

Почтеннѣйшій, о Господѣ, братъ и сослужитель! Комиссія духовныхъ училищъ, при полученіи отъ подателей образцовыхъ сочиненій, купленныхъ для академическихъ и семинарскихъ библиотекъ, усмотрѣла въ нѣкоторыхъ томахъ статьи не совсѣмъ нравственныя и для духовнаго юношества не назидательныя; почему, хотя и дозволила разослать оныя по принадлежности, но съ тѣмъ, чтобы томы сей книги раздавать для чтенія учащимся съ особеннымъ разборомъ.

По порученію комиссіи, сообщая о семъ вашему высокопреосвященству для исполненія по кишиневской семинаріи, съ истиннымъ почитаніемъ пребываю, вашего высокопреосвященства усерднѣйшій слуга Амвросій, митрополитъ новгородскій.

Сообщ. Л. С. Мацѣевичъ.

№ 1,378.

17-го декабря 1817 г.

Его высокопреосв. Гаврилу, митрополиту кишиневскому.

Примѣчаніе. Книга, вызвавшая неодобреніе митрополита Амвросія есть: «Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ», въ стихахъ и прозѣ, изданное обществомъ любителей отечественной словесности (А. И. Тургеневымъ, В. А. Жуковскимъ, А. Воейковымъ) и проч., 12 ч. Спб. 1815—1817 гг. Для своего времени это дѣйствительно было собраніе лучшихъ произведеній русской словесности, что доказывается, между прочимъ, тѣмъ что въ 1822—1824 гг. оно выдержало второе изданіе.

Ред.

II.

Распоряженіе объ изъятіи изъ продажи книги: „Утреннія и вечернія молитвы“.

1835.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго, изъ с.-петербургскаго губернскаго правленія здѣшняго магистрата 1-д., правленіе сіе слушавъ предложеніе г. с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора отъ 10-го ноября за № 10,887, въ коемъ изъяснено: г. министръ внутреннихъ дѣлъ, въ прошедшемъ январѣ мѣсяцѣ, относился къ его сіятельству, объ изъятіи изъ продажи книги: „Утреннія и вечернія молитвы“. По сдѣланному, вслѣдствіе того, распоряженію, найдено здѣсь 20 экземпляровъ сказанной книги у книгопродавца Заикина, который объявилъ, что она есть отрывокъ изъ другой, подъ заглавіемъ: „Дѣтскій наставникъ, или полная россійская азбука“, на продажу коей онъ имѣетъ билетъ цензурнаго комитета; напечатана же она отдѣльно потому, что многіе покупатели желали имѣть молитвы особо отъ азбукъ и правоучительныхъ повѣстей, и что помянутые 20 экземпляровъ отобраны отъ него и отосланы въ московскій цензурный комитетъ. О семъ сообщено было оберъ-прокурору святѣйшаго синода, за отсутствіемъ коего, тайный совѣтникъ князь Мещерскій, нынѣ увѣдомляетъ, что, по рассмотрѣніи показаній книгопродавца Заикина и представленныхъ московскимъ цензурнымъ комитетомъ свѣдѣній, относительно помянутой книги, святѣйшій синодъ находитъ, что купецъ Заикинъ, получивъ позволеніе отъ учрежденнаго при с.-петербургскомъ университетѣ цензурнаго комитета, на изданіе вторымъ тисненіемъ книги подъ заглавіемъ: „Дѣтскій наставникъ или полная россійская азбука“, содержащая въ себѣ, между прочимъ, молитвы утреннія при божественной литургіи, напечаталъ оную въ 1833 году въ типографіи Карла Края, а послѣ, будто бы, по просьбѣ покупателей, желавшихъ имѣть особо означенныя молитвы, онъ, Заикинъ, напечаталъ оныя отдѣльно, не испросивъ на то отъ духовнаго начальства дозволенія; на оборточномъ же листѣ, подъ словомъ молитвы, изобразилъ нѣчто похожее на мечеть съ луною, а внизу крестъ, и въ таковомъ видѣ выпустилъ оныя въ продажу, какъ здѣсь, въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, чрезъ книгопродавца Логинова; опредѣлилъ, на основаніи устава о цензурѣ 22-го апрѣля 1828 года, означенную книгу, равно и упомянутыя молитвы, напечатанныя особою книжкою, какъ изданныя безъ дозволенія духовной цензуры, отобрать отъ книгопродавца Заикина, равно и отъ другихъ, у кого

онѣ окажутся, и препроводить въ духовный цензурный комитетъ; а книгопродавца Зайкина и содержателя типографіи Края, печатавшихъ объ оныя книги безъ дозволенія духовной цензуры и книгопродавца Логинова, продававшаго оныя, предать суду по гражданскому начальству. При чемъ князь Мещерскій, по порученію святѣйшаго синода, просить объ учиненіи распоряженія, дабы книги духовнаго содержанія, напечатанныя безъ дозволенія духовной цензуры, нигдѣ не были продаваемы, а тотчасъ, какъ скоро гдѣ таковыя окажутся, отбирались и отсылались въ духовный цензурный комитетъ; извѣщая губернское правленіе, о таковомъ отношеніи князя Мещерскаго, предлагать учинить, съ исполненіемъ вышеписаннаго, надлежащее распоряженіе, о которомъ и увѣдомить его сіятельство въ свое время. Приказали: о точномъ и непремѣнномъ исполненіи по сему предложенію г. военного генераль-губернатора, предписать гражданскимъ и военнымъ полиціямъ и нарвскому магистрату указали, а къ гг. кронштадтскому военному губернатору и управляющему городомъ Царскимъ Селомъ сообщить; о чемъ равнобѣрно дать знать и прочимъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, сообщеніями и указами; виновныхъ же по сему дѣлу: книгопродавца Зайкина, содержателя типографіи Края и книгопродавца же Логинова, предать сужденію 1-де магистрата съ тѣмъ, чтобы, въ дальнѣйшемъ ходѣ сего дѣла поступилъ по указу 1798 года февраля 18-го дня; о чемъ г. военному генераль-губернатору довести июля 8-го дня 1835 года. Событіемъ Васильевъ. Овершилъ въ должности секретаря Дукшинскій. Свѣрилъ столоначальникъ Хотзовскій.

Сообщ. А. Г. Пупаревъ.

III.

Александръ Ивановичъ Красовскій.

Въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1871 г., т. IV, стр. 440—442) помѣщена замѣтка, подъ заглавіемъ: „Къ исторіи русской цензуры“, въ которой приведено нѣсколько примѣровъ, какимъ образомъ извѣстный А. И. Красовскій подвизался на цензурномъ пенрищѣ.

У меня есть рукопись, процензурованная Красовскимъ въ 1823 г., переводъ съ французскаго: „Разсужденіе о военной наукѣ“, С. Калядина. Если не ошибаюсь, книга эта никогда напечатана не была, но г. Красовскій наложилъ на нее свою руку и поля рукописи испещрены его замѣчаніями. Онъ измѣнилъ даже заглавіе сочиненія, прибавивъ къ первоначальному заглавію: о военной наукѣ, слово разсужденіе. Большая часть его замѣчаній и поправокъ несутъ на

себѣ характеръ мелочности и большой придирчивости, которые иногда измѣняютъ даже смыслъ текста. Напримѣръ, слово „онобда“, онъ замѣняетъ „независимостью“ выраженіе „освященное“ примѣромъ римскаго легіона, замѣняетъ „одобренное“ примѣромъ римскаго легіона. Въ одномъ мѣстѣ говорится, что Наполеонъ быстро идетъ въ Моравію, поражаетъ руссикъ и подъ Аустерлицемъ заключаетъ миръ. Цензоръ зачеркиваетъ слова „поражаетъ руссикъ“, такъ что выходитъ, будто Наполеонъ пришѣлъ въ Моравію, чтобы заключить миръ подъ Аустерлицемъ.

Александра Македонскаго, г. Красовскій не позволяетъ называть великимъ, а послѣдній титулъ замѣняетъ двумя словами: называемый великимъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ указываетъ на какіе-либо существенные недостатки военнаго устройства, цензоръ спѣшитъ въ выносѣхъ помѣстить оговорку: читатель, конечно, вспомнитъ, что это „говоритъ французъ о французской, или другой иностранной арміи“.

А иногда, такъ просто вычеркиваетъ цѣлыя періоды, напримѣръ, авторъ говоритъ: „мы часто учимъ солдатъ параднымъ маневрамъ, не только бесполезнымъ, но даже и опаснымъ на полѣ сраженія, которые служатъ только къ тому, чтобы запутивать ихъ понятіе“. Цензоръ зачеркнулъ то, что съ разрядкою,—вслѣдствіе чего и первая половина фразы потеряла всякій смыслъ.

Наиболѣе интересныя измѣненія находимъ въ главѣ, „Военная Метафизика“; авторъ, разсуждая о храбрости воиновъ, говоритъ, что это чувство противуестественное. „Мы всѣ родимся робкими, — такъ хочетъ природа. Храбрость состоитъ въ преодолѣннн врожденнаго чувства самосохраненія, чего можно достигнуть только силою страстей, а не убѣжденіями разума; ибо разумъ, взвѣшивая все то, что можетъ быть для него выгодно или не выгодно, ничего не находитъ такого, чтобы могло вознаграждать намъ потерю жизни“. И далѣе. „Судя по правиламъ разума, Роше Фукольтъ почитаетъ храбрость большою глупостью“, — цензоръ, поставивъ предъ послѣднею фразою слово хотя, дополняетъ ее своимъ выводомъ: однако храбрость всегда останется сколько необходимымъ, столько же и похвальнымъ качествомъ воина“. Чѣмъ ставить воиновъ, въ виду вышеприведеннаго разсужденія въ весьма нелестное положеніе.

Говоря о страстяхъ, возбуждающихъ храбрость, авторъ упоминаетъ фанатизмъ и прелести загробной жизни, обѣщанныя Магометомъ его послѣдователямъ; умереть на полѣ сраженія — въ ихъ глазахъ было средствомъ летѣть въ объятія божественныхъ Гурій, всегда юныхъ, всегда дѣвственныхъ, всегда готовыхъ удовлетворять по-

хотямъ, которыя онѣ умѣли всегда воспламенить“. Цѣломудренный цензоръ зачеркнулъ слово божественныхъ, вмѣсто „похотямъ“, поставилъ „желаніямъ“ и отъ себя сдѣлалъ слѣдующее добавленіе: „Но сіи мечты грубой чувственности, отвергаемыя разумомъ и еще болѣе осуждаемыя истинною вѣрою, служатъ вмѣстѣ и къ ослабленію мужества, (т.-е. выходитъ, что Магометовъ рай и возбуждалъ и въ то же время ослаблялъ храбрость его воиновъ)!? время невѣжества и необузданности страстей не всегда продолжается!“ Заканчиваетъ цензоръ устами автора.

Переходя къ европейскимъ арміямъ, авторъ говоритъ, что „Фанатизмъ есть не только „дѣйствительнѣйшее и сильнѣйшее изъ всѣхъ средствъ, употребляемыхъ правительствомъ для внушенія въ свои войска храбрости, но есть также самое хозяйственное. Всѣ представляемыя имъ награды, суть на небеси, и слѣдовательно владыки земли не дѣлаютъ себѣ никакого ущерба, заставляя ихъ приобретать; довольно для нихъ вознаградить только небольшое число священниковъ въ войскѣ. Къ удивленію, цензоръ оставилъ это мѣсто; слово фанатизмъ, замѣнилъ религіею, отъ чего послѣднее вышло горше перваго, и только зачеркнулъ окончаніе фразы о вознагражденіи священниковъ.

Далѣе авторъ говоритъ: „Но сія пружина, нѣкогда столь сильная, начинаетъ ослабѣвать въ наше время; употребленіе ея уже не согласно со степенью образованности большей части европейскихъ націй. Философскій умъ истребилъ легковѣріе, и религія, сдѣлавшаяся слабюю и для черни, можетъ сдѣлать фанатиками только не многихъ. Русскіе солдаты суть почти одни въ Европѣ, надъ которыми сія пружина еще имѣетъ дѣйствіе“. И далѣе.

Цензоръ же исправилъ это слѣдующимъ образомъ: „Но сія пружина, нѣкогда столь сильная, начинаетъ ослабѣвать въ наше время; употребленіе ея уже не согласно со степенью, такъ-называемой, образованности большей части европейскихъ націй. Философскій умъ XVIII вѣка, къ сожалѣнію, распространилъ въ Европѣ гибельныя сѣмена безвѣрія и легкомыслія. Русскіе солдаты суть почти одни...“ и т. д.

„Россіяне имѣютъ ту выгоду, что ихъ религія идетъ всегда въ одну сторону съ правленіемъ; священники, употребляемые ими въ арміяхъ, подчинены, какъ и другіе офицеры, воинской дисциплинѣ; они воодушевляють солдатъ, смотря по духу, внушенному въ нихъ гзнералами. Чернь, всегда легковѣрная по своему невѣжеству, слѣпо вѣритъ симъ истолкователямъ воли неба и, безъ ропота покорившись подъ иго религіи, равнодушно идетъ почти на видимую смерть, или

по привычкѣ къ безответной покорности, или для получения награды, обѣщанной имъ въ другомъ мірѣ“.

Цензоръ, оставивъ начало періода, продолжаетъ его слѣдующимъ образомъ: „Священники воодушевляють солдатъ смотря по духу, внушенному въ нихъ генералами. А сей духъ согласенъ съ вѣрою и любовью къ порядку. Народъ, не обольщаясь ложными умствованіями новѣйшей философіи, къ счастью и не зная ихъ, вѣрять истолкователямъ воли неба и, безъ ропота покорившись подъ иго религій“, и т. д.

Говоря о любви къ отечеству, какъ о средствѣ къ возбужденію храбрости, авторъ говоритъ: что „когда опасность угрожаетъ республикѣ, то всѣ граждане спѣшатъ на защиту ея и охотно подвергаются величайшимъ опасностямъ для сохраненія благъ, любимыхъ ими больше жизни. Напротивъ, деспотическое правленіе есть собственность одного и, слѣдовательно, важно только для повелителя. Рабы деспота не могутъ любить состояніе, которое ихъ унижаетъ, и если они и питають нѣкоторыя чувства къ правленію, ихъ притѣсняющему, то это чувство есть ненависть, а не любовь. Посему, чѣмъ болѣе правленіе отдаляется отъ свободы и приближается къ деспотизму, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ любовь къ отечеству въ сердцахъ подданныхъ; и наконецъ послѣдняя степень порабоженія совершенно истребляетъ оную“.

Цензоръ зачеркнулъ все это мѣсто, а на поляхъ карандашемъ написалъ: „Въ Европѣ нѣтъ деспотическаго правленія“.

Далѣе авторъ говоритъ: „Граждане древнихъ республикъ любили отечество какъ свободу“.

Цензоръ прибавляетъ отъ себя: „Но сія свобода была не своеволие и не нарушение законовъ, которыхъ ищутъ для своей гибели нѣкоторые европейскіе либералы“.

Авторъ продолжаетъ: „Любовь къ отечеству переходила изъ городовъ въ деревни, населенныя гражданами, а не невольниками; она воспламеняла храбрость воиновъ и производила чудеса, которымъ мы удивляемся въ греческой исторіи, въ той славной брани нѣкоторыхъ небольшихъ греческихъ городовъ, противъ могущественныхъ азіатскихъ монархій“. Цензоръ добавляетъ: „Всякій знаетъ, что древнія азіатскія монархіи, духомъ и образомъ правленія, весьма отличны отъ новѣйшихъ монархій въ Европѣ, которыхъ исторія богата удивительными примѣрами любви къ отечеству“.

Слѣдующія затѣмъ слова автора, г. Красовскій совершенно зачеркнулъ: „Можно замѣтить, что и въ Европѣ, народы, наслаждающіеся

наибольшую свободу, имѣютъ также болѣе любви къ отечеству и военной храбрости, которая есть слѣдствіе оной. Я не говорю о нѣкоторыхъ городахъ, которые дѣйствительно сохранили республиканскій образъ правленія, но которыхъ слабость лишила политическаго существованія между сильными монархіями, которыхъ они сдѣлались игралищемъ“.

Мы могли бы привести еще много выписокъ, съ не менѣе интересными поправками г. Красовскаго, но полагаемъ, что и сдѣланнаго уже достаточно для опредѣленія характера и сущности его цензурской дѣятельности.

г. Касимовъ.

Сообщ. А. П. Мансуровъ.

АРАКЧЕЕВЩИНА.

I.

Отъ проживающаго въ Кіевѣ, бывшаго секретаря графа Аракчеева, Немѣровскаго, отецъ мой, полковникъ корпуса жандармовъ, слышалъ множество разныхъ разсказовъ объ Аракчеевѣ, изъ коихъ нѣкоторые отецъ разсказывалъ при мнѣ. Передаю въ записную книжку „Русской Старины“ два изъ этихъ анекдотовъ.

1) На Кавказѣ служилъ, въ артиллеріи, какой-то капитанъ, который, несмотря на свою долготѣльную службу, на раны и на всѣ оказываемыя имъ отличія, не получалъ никакихъ наградъ и все оставался въ чинѣ капитана; сколько его начальство ни представляло къ наградамъ, ничего не выходило; чрезъ всѣ инстанціи представленія проходили благополучно, но какъ до Петербурга дойдутъ, такъ тамъ безъ всякихъ послѣдствій и застрянутъ. Наконецъ, это капитана вывело изъ терпѣнія и онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ къ Аракчееву и, несмотря на весь ужасъ, имъ внушаемый, объясниться съ нимъ и спросить, за что онъ его преслѣдуетъ, такъ какъ капитанъ почему-то былъ убѣжденъ, что всѣ невзгоды на него нисходятъ отъ Аракчеева. Сказано—сдѣлано; взялъ капитанъ отпускъ и уѣхалъ; но какъ въ то время пути сообщенія были не теперешніе и какъ капитанъ, по кавказской привычкѣ, любилъ хорошенько выпить, то ѣхалъ онъ довольно долго, съ остановками и отдыхами. Наконецъ, недалеко уже отъ Петербурга, въ Новгородской губерніи, остановился онъ ночевать на одной станціи, велѣлъ подать самоваръ и сталъ попивать пуншикъ. Въ это время проѣзжалъ Аракчеевъ въ дорожномъ платьѣ, безъ эполетъ; заглянулъ къ капитану въ комнату

и назадъ, но капитанъ, по кавказскому гостепрiимству, крикнулъ Аракчееву:

— Чего заглядываешь, заходи обогрѣться пуншикомъ.

Вслѣдствiе такого безцеремоннаго приглашенiя, Аракчеевъ, будучи и самъ артиллеристъ, заинтересовался личностью капитана, вошелъ къ нему, подсѣлъ къ столу и у нихъ завязалась бесѣда. Наконецъ Аракчеева еще болѣе заинтересовалъ капитанъ, когда онъ узналъ его фамилiю. Аракчеевъ узнаетъ, что по ошибкѣ преслѣдовалъ капитана, который того, къ кому Аракчеевъ питалъ семейную вражду лишь однофамилецъ. На вопросъ графа, за чѣмъ капитанъ ѣдетъ въ Петербургъ, тотъ, не подозрѣвая, что видитъ передъ собой Аракчеева, брякнулъ, что ѣдетъ объясниться съ разтакимъ-то Аракчеевымъ и спросить, за что онъ разтакой-то сынъ, преслѣдуетъ его, при чемъ рассказалъ все свое горе. Аракчеевъ замѣтилъ, что онъ, капитанъ вѣроятно не знаетъ, какъ силенъ и строгъ Аракчеевъ, а потому какъ бы ему, капитану, не досталось отъ графа еще хуже; но собесѣдникъ, будучи подъ влиянiемъ винныхъ паровъ, отвѣчалъ, что не боится ничего и лишь бы только увидѣть ему Аракчеева, а ужъ тогда онъ ему выскажетъ все. За тѣмъ Аракчеевъ уѣхалъ, приказавъ на станции не говорить капитану, съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ; съ капитаномъ же попрощался по-прiятельски, посоветовавъ, что бы онъ, по прiѣздѣ въ Петербургъ, шелъ прямо къ Аракчееву, котораго ужъ онъ предупредить объ этомъ, чрезъ своего хорошаго знакомаго, графскаго камердинера, и постарается замолвить чрезъ того же камердинера въ пользу его, предъ графомъ, словцо.

Прiѣхавъ офицеръ въ Петербургъ, надѣлъ форму и отправился къ Аракчееву, и какая же была его радость, когда онъ встрѣтилъ въ передней станционнаго своего прiятеля, въ томъ самомъ видѣ и въ той же одеждѣ, какъ и на станции. Мнимый прiятель, вида, что капитанъ хотя и обрадовался ему, но не настолько уже храбръ, какъ на станции, обласкалъ его и обнадеживъ, что все будетъ хорошо, пошелъ объ немъ докладывать; выходитъ камердинеръ и проситъ пришедшаго къ графу, тотъ входитъ въ прiемную комнату и о, ужасъ! капитанъ въ Аракчеевѣ узнаетъ своего станционнаго прiятеля, передъ которымъ онъ такъ безцеремонно отзвывался объ Аракчеевѣ. Но графъ, совная свою передъ капитаномъ вину, обласкалъ его, обѣщалъ возратить все имъ потерянное и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ, но непременно въ сюртукѣ. Приходитъ бѣдный капитанъ на обѣдъ и, несмотря на всѣ ласки, все-таки—ни живъ, ни мертвъ; застаютъ общество въ мундирахъ, звѣздахъ и проч.; всѣ съ недоумѣнiемъ на него смотрятъ. Но каково же его и всѣхъ остальныхъ было

удивленіе, когда Аракчеевъ, представляя его гостямъ, назвалъ своимъ пріятелемъ. Когда подали шампанское, Аракчеевъ разсказалъ, какъ, по его ошибкѣ, капитанъ былъ обходимъ множество разъ разными чинами и наградами, и что онъ желаетъ теперь моправить сдѣланное капитану зло, а потому предлагаетъ тостъ за здоровье подполковника такого-то; далѣе говоря, что тогда-то, за то-то капитанъ былъ представленъ къ наградѣ, пьетъ за полковника, далѣе за кавалера такого-то ордена, при чемъ и самый орденъ былъ поданъ, и такимъ образомъ провозглашались тосты до тѣхъ поръ, пока бывшій капитанъ не получилъ все то, что имѣли его сверстники...

2) Получаетъ однажды графъ Аракчеевъ отъ какого-то окружнаго командира военнаго поселенія и чуть ли не Херсонскаго, донесеніе, но съ слишкомъ неразборчивою подписью; разсердился графъ и велѣлъ вызвать окружнаго командира въ Петербургъ. Ѣдетъ бѣдный командиръ въ Питеръ. По пріѣздѣ въ столицу, кого только ни спрашивалъ за чѣмъ бы его требовалъ графъ, никто ничего не знаетъ. Наконецъ, ни живой, ни мертвый, является къ Аракчееву; тотъ его спрашиваетъ: „За чѣмъ онъ пріѣхалъ?“ — „Не могу знать, за чѣмъ ваше сіятельство требовали.“ — „Я требовалъ?!...“ — „Какъ ваша фамилія?“ — „Такъ-то.“ — „Какъ, какъ?“ — „Такъ-то, ваше сіятельство!“ — „А!...“ — Отодвигаетъ Аракчеевъ въ столъ ящикъ, достаетъ какую-то бумагу и спрашиваетъ у предстоящаго передъ нимъ: „Это вашъ рапортъ?“ — „Мой, ваше сіятельство.“ — „Такъ вотъ видите ли, я никакъ не могъ разобрать вашу фамилію, за тѣмъ то и потребовалъ васъ, пожалуйста прочтите ее.“ — „Теперь можете ѣхать обратно“.

Окружной командиръ былъ крѣпко радъ, что такъ дешево отдѣлался отъ грознаго Аракчеева и съ тѣхъ поръ фамилію подписывалъ совершенно разборчиво.

Кстати, проживая еще ребенкомъ въ Херсонскомъ военномъ поселеніи (въ г. Вознесенскѣ), я запомнилъ написанные, неизвѣстно мнѣ кѣмъ, изъ обитателей военныхъ поселеній, стихи¹⁾.

Сообщ. Г. С. Демяновъ.

II.

Гласъ вопіющаго въ воен. поселеніяхъ.

Жизнь въ военномъ поселеніи—
Настоящее мученье,
Только не для всѣхъ.

¹⁾ Стихи эти приводимъ по двумъ спискамъ: Г. С. Демянова и Л. С. Маѣвича (последній списокъ присланъ изъ Кишенева). Ред.

Поселяне голодают,
За то власти поживаютъ
Очень хорошо.

Для полковъ здѣсь заточенье, -
Голодь, холодъ, изнуренье,
Хуже чѣмъ въ Крыму.

Здѣсь ячмень даютъ уланамъ,
А рожь прячутъ по карманамъ,
Таёзъ заведено.

Въ рядъ по стрункѣ, какъ солдаты,
Поселянскія здѣсь хаты,
Все по чертежамъ.

Чисто прибрано снаружи,
А внутри едва ли хуже
Можно отыскать.

Комитеты, магазины,
Образцовые овины,
Только на показъ.

Окружные, волостные,
Всѣ мошенники такіе,
Какихъ не найдешь.

Казначей, аудиторы
И квартирмейстры, всѣ воры,
.....

Писари—капиталисты,
Мрутъ, какъ мухи, кантонисты,
Воздухъ вишь таковой!

Хлѣбъ казенный не родится,
За то собственный спорится,
Не куда дѣвать!

Страшно плохи лазареты,
За то славныя кареты
У смотрителей.

Люди въ полѣ убираютъ,
Здѣсь же графа ожидаютъ,
Площади метутъ.

Офицерикъ—оборванецъ,
Первый былъ въ полку.....
По уши въ долгахъ.

А какъ здѣсь пообживется,
 Всѣмъ на свѣтѣ заведется,
 Брюхо отростетъ. }

А спросите у любого:
 Съ содержанья небольшого,
 Какъ живете вы?

«Хотя сами не богаты,
 Такъ на богатыхъ мы женаты,
 Этими и живемъ».

Имъ примѣръ начальникъ штаба ¹⁾,
 Онъ же строилъ вѣдь дворецъ ²⁾,

.

На тѣ денежки дворцовы,
 Взялъ игильнице Чернова ³⁾,
 Вотъ вамъ образецъ!

Изъ полковъ заводъ исправилъ,
 Тѣмъ доходецъ поприбавилъ,
 Ай да молодецъ!

Вѣдь Панаевъ генералъ
 И для слѣдствія пріѣзжалъ,
 Было плуть струхнулъ.

Да долги руки ⁴⁾ помогли,
 Все къ порядку привели
 И концы къ чертямъ.

Вотъ пасторовы дѣтишки
 Добываютъ такъ чинишки,
 А починочку въ карманъ.

Жизнь въ военномъ поселеніи
 Настоящее мученье,
 Только не для всѣхъ.

На бумагѣ—все прекрасно, }
 А на дѣлѣ—такъ ужасно,
 Хоть не говори!

¹⁾ Л.

²⁾ Въ Елисаветградѣ, Херс. губ., царскій дворецъ.

³⁾ Въ Харьковской губерніи.

⁴⁾ Князь Долгоруковъ, бывшій военный министръ, а потомъ шефъ жандармовъ, до того же, начальникъ штаба инспектора резервной кавалеріи, при графѣ Николаевѣ.

III.

Пѣсня объ Аракчеевѣ.

Аракчеевъ, графъ Ракчеевъ господинъ,
 Опиваетъ, объѣдаетъ наше жалованье:
 Боевое, строевое, третье—денежное.
 Онъ на эти-то на деньги, графъ, палаты себѣ склалъ,
 Онъ повыстроилъ хоромы—бѣлы-хрустальный потолокъ,
 И на этомъ потолокъ бѣжить рѣчкою вода,
 Бѣжить рѣчкою вода, бѣла-рыба пущена,
 Бѣла-рыба пущена; кровать нова взмошена.
 Какъ на этой на кровати графъ Ракчеевъ почивалъ,
 Графъ Ракчеевъ почивалъ, бѣлу-рыбу искушалъ ¹⁾,
 Бѣлу-рыбу искушалъ ¹⁾, генераловъ созывалъ,
 Генераловъ созывалъ, имъ похвастивалъ:
 «Я повыстрою хоромы, да не эдаки еще:
 Я не хуже, я не лучше государева дворца,
 Я и тѣмъ будто похуже—золотова нѣтъ орла,
 Золотова нѣтъ орла, позолоченова».

Примѣчаніе. Приведенная пѣсня пѣлась еще въ 1830 годахъ солдатами оренбургскаго линейнаго баталіона, расположеннаго въ г. Троицкѣ, гдѣ мною и записана. Не лишнимъ считаю сообщить, что между современниками Аракчеева—простолюдинами—почему-то распространилось баснословіе, что въ своемъ имѣніи Аракчеевъ устроилъ такой домъ, въ которомъ по хрустальному потолку пропущена вода и въ ней живетъ посаженная рыба, что и выражается словами пѣсни «и на этомъ потолокъ бѣжить рѣчкою вода»; это убѣжденіе очень характеристично, какъ народное указаніе на всемогущество Аракчеева.

г. Троицкѣ,
 Оренбургской губ.

Сообщ. Я. П. Везувладимовъ.

IV.

Пѣсня о Ракчеевѣ.

Какъ по рѣчкѣ, по рѣчкѣ,
 По матушкѣ, по Невѣ,
 Лѣхва лоточка плыветь;
 За собой лотка ведетъ
 Тридцать восемь карабель ²⁾.
 Во кажинномъ во караблѣ
 По пяти сотъ молодцовъ,
 Гребцовъ—пѣсельничковъ.
 Хорошо гребцы гребутъ,
 Весѣлы пѣсни поютъ,
 Разговоры говорятъ,

¹⁾ Кушалъ.

²⁾ Поютъ также: «триста восемь».

Все Рахчеева ¹⁾ бранять.
 «Ты, Рахчеевъ, осподинъ ²⁾,
 За столомъ сидишь одинъ,
 Передъ нимъ водки графинъ,
 Пропиваешь, проѣдаешь
 Нашо жалованье,
 Что другоё трудовое ³⁾,
 Третье денежное.
 Какъ на эти жо на деньги
 Сталъ заводи заводить ⁴⁾,
 Сталъ палаты становить,
 Бѣлокаменны полаты,
 Стѣны мнаморныя,
 Весь хрустальной потолокъ,
 Что съ подвырѣзомъ окошки ⁵⁾,
 Позолоченой конекъ,
 Изъ Москвы первой домокъ,
 И не хуже онъ, не лучше
 Осударева дворца;
 Только тѣмъ-то жо похуже,
 Золотова орла нѣтъ.
 «Тыспчь сорокъ издержу,
 Золотой орелъ солью,
 Всю Русею уливаю,
 Всю я чернедь раззорю».

Примѣчаніе. «Пѣсня о Рахчеевѣ» записана нами въ деревнѣ Коряковнѣ, близъ Царево-Кокшайска, въ 1854 году. Пѣсню эту нельзя считать самобытною. Богѣ или менѣе сходными штрихами въ пѣсняхъ очерчены нелюбимыя народомъ личности правителей. Въ пѣсняхъ, собранныхъ Кирѣевскимъ (вып. 8, стр. 294 — 302), гребцы бранятъ князя Бориса Рѣпина, Астраханскаго воеводу и князя Меншикова:

«Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
 Кормовое — годовое, наше денежное».

Но богѣ близкое сходство «Пѣсни о Рахчеевѣ» мы видимъ въ пѣсняхъ о князѣ Гагаринѣ. Тамъ только иное мѣсто дѣйствія, но тоже ставленіе (въ Москвѣ) хитрыхъ палатъ, даже съ фонтанами и живой рыбой, а самъ Гагаринъ,

¹⁾ употребляется и «Разчеева».

²⁾ По другому варьянту:

Вотъ Разчеевъ, дворянинъ,
 За столомъ сидитъ одинъ,
 Пропиваетъ и т. д.

³⁾ Поютъ и «строевое».

⁴⁾ Употребляется также:

Онъ заводи заводитъ,
 Палатушки становитъ.

⁵⁾ Поютъ и «Изъ подвырѣзомъ окошки».

любующійся съ кровати на рыбу и мечтающій послужить въ Сибири, и по-строитъ потомъ палаты

не лучше бы, не хуже государева дворца,
Только тѣмъ развѣ похуже, — золотого орла нѣтъ.
Ужъ за эту похвальбу государь его казнилъ.

Въ «Пѣснѣ о Аракчеевѣ» вполне самобытными чертами остаются только сидѣнье его одного за столомъ съ графиномъ водки и намѣреніе его, слить золотого орла на удивленіе Россіи, съ раззореніемъ черни.

Сообщ. А. Г. Пущаревъ.

V.

Аракчееву.

«Безъ лести преданный!» Врагу преданный льстецъ.
Добыча адская и чорныхъ книгъ писецъ!
Во адѣ, по дѣламъ своимъ, ты стѣишь обелиска,
Объ этомъ уже есть у сатаны записка.
Ты—пища вѣчная превѣчнаго огня,
Ты адскихъ фурій братъ, ты—чортова родня;
Тебя самъ чортъ кроуль, ты дѣлымъ адомъ шитый,
Куда тебѣ готовъ давно и листъ открытый.
О, хитрый временщикъ! Царь, лестью упоенный,
Не зреть въ тебѣ того, чтѣ видитъ царь вселенной:
Что дѣлая тобой раззорена страна,
Что въ пышныхъ житницахъ въ запасѣ нѣтъ зерна,
Что жизнію людей ты осушаешь блата,
Что пухнуть безъ соли, тиранять что солдата,
Что хлѣба даннаго на мѣсяцъ не стаеть,
Что высохшую грудь младенецъ не сосеть,
Что въ тридцати селахъ телицы нѣту млечной,
Что равнодушно зреть мать сонъ дитяти вѣчный!

Примѣчаніе. Эти нескладныя, но исполненныя желчи вирши заимствованы изъ рукописнаго сборника временъ Аракчеевщины. Сообщ. изъ бумагъ И. П. Б. Если мы приводимъ такіа стихотворенія и пѣсня на страницахъ «Русской Старины», то только какъ выраженіе того глубокаго озлобленія, какое возбуждалъ къ себѣ Аракчеевъ въ своихъ современникахъ. Между прочимъ, извѣстный девизъ Аракчеева: «Безъ лести преданъ» — шутники его времени обыкновенно писали: «Бѣсъ—лести преданъ!»

Ред.

СЪѢЗДЪ ЧЛЕНОВЪ „СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВІЯ“ ВЪ МОСКВѢ.

1821 г.

(Отвѣтъ Н. М. Орлову).

Въ 1821 году съѣхались въ Москву нѣкоторые члены „Союза Благоденствія“, чтобы рѣшить: можетъ ли существовать тайное общество, или слѣдуетъ его закрыть.

О первомъ засѣданіи этого съѣзда есть разсказъ въ „Запискахъ“ И. Д. Якушина. Вотъ что говоритъ онъ: „Въ первыхъ числахъ января 1821 года, Граббе, Бурцевъ и я жили вмѣстѣ у фонъ-Визиныхъ. Вскорѣ потомъ пріѣхали въ Москву изъ Петербурга Н. Тургеневъ и Ѳ. Глинка, а потомъ изъ Кіева и М. Орловъ съ Охотниковымъ. Было рѣшено, Комарова не принимать на наши совѣщанія; ему уже тогда не очень довѣряли. На первомъ изъ этихъ совѣщаній были: Орловъ, Охотниковъ, Н. Тургеневъ, Ѳ. Глинка, два брата фонъ-Визины, Граббе, Бурцевъ и я. Орловъ привезъ писанныя условія, на которыхъ онъ соглашался присоединиться къ тайному обществу. Въ этомъ сочиненіи, послѣ многихъ фразъ, онъ старался доказать, что тайное общество должно рѣшиться на самыя крутыя мѣры и, для достиженія своей цѣли, должно прибѣгнуть къ средствамъ, которыя даже могутъ казаться преступными. Во-первыхъ, онъ предлагалъ завести тайную типографію или литографію, посредствомъ которой можно бы было печатать разныя статьи противъ правительства и потомъ въ большомъ количествѣ разслать ихъ по всей Россіи. Второе его предложеніе состояло въ томъ, чтобы завести фабрику фальшивыхъ ассигнацій, черезъ что, по его мнѣнію, тайное общество съ перваго раза пріобрѣло бы огромныя средства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подрывался бы кредитъ правительства. Когда онъ кончилъ чтеніе, всѣ смотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ. Я, наконецъ, сказалъ ему, что онъ вѣроятно шутитъ, предлагая такія неустовыя мѣры;

но ему того только и нужно было. Помолвленный на Раевской, въ угодность ея роднымъ, онъ рѣшился прекратить всѣ сношенія съ членами тайнаго общества. На возраженія наши, онъ сказалъ, что если мы не принимаемъ его предложеній, то онъ никакъ не можетъ принадлежать къ нашему тайному обществу. Послѣ чего, онъ уѣхалъ и ни съ кѣмъ изъ насъ болѣе не видался и только, уѣзжая уже изъ Москвы, въ дорожной повозкѣ заѣхалъ проститься съ фонъ-Визинимъ и со мной. При прощаніи, показавъ на меня, онъ сказалъ: „Этотъ человѣкъ никогда мнѣ не простить!“ Въ отвѣтъ я пародировалъ нѣсколько строкъ изъ письма Брута къ Цицерону и сказалъ ему: „Если мы успѣемъ, Михайло Ѳедоровичъ, мы порадуемся вмѣстѣ съ вами, если же не успѣемъ, то безъ васъ порадуемся одни“. Послѣ этого онъ бросился меня обнимать“.

Разсказъ этотъ вызвалъ опроверженіе со стороны Н. М. Орлова, который утверждаетъ, что въ немъ все вымышлено, кромѣ того, что М. Ѳ. Орловъ былъ помолвленъ на дочери Н. Н. Раевского и что онъ присутствовалъ на московскомъ съѣздѣ членовъ Союза Благодѣятеля, съ цѣлю прервать съ нимъ всякое общеніе ¹⁾. Мнѣніе свое Н. М. Орловъ основываетъ на разсказѣ своего отца, который передавалъ ему факты совершенно иначе. Привожу подлинныя слова Н. М. Орлова.

„На съѣздѣ батюшка занялъ предсѣдательское мѣсто, отъ котораго отказался Н. И. Тургеневъ, вовсе даже небывшій въ первый день въ числѣ присутствующихъ. На этомъ фактѣ, что отецъ былъ предсѣдателемъ и что Тургеневъ не присутствовалъ, я особенно настаиваю, такъ какъ я его, именно, слышалъ неоднократно отъ отца. Якушкинъ же о семъ умалчиваетъ и даже говоритъ противное, и, вообще, разсказываетъ о съѣздѣ, какъ о какомъ-то частномъ совѣщаніи, или просто разговорѣ девяти лицъ, на квартирѣ одного изъ участниковъ. Торжественность и обрядность, не забудемъ, были въ обычаяхъ масонизма и вообще тайныхъ обществъ того времени. Съѣздъ уполномоченныхъ и членовъ Союза, о которомъ я всегда слышалъ, какъ о довольно многочисленномъ, естественно, не могъ обойтись безъ нѣкоторой обрядности и постановки ²⁾. Засѣданіе было довольно бурное; послѣ двухъ или трехъ запальчивыхъ заявленій со

¹⁾ См. статью «М. Ѳ. Орловъ» въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г., т. V, стр. 775—781.

²⁾ Желаніе нѣкоторыхъ членовъ, установить торжественность и обрядность, уже ранѣ встрѣтило противодѣйствіе со стороны многихъ. На съѣздѣ 1821 г. торжественности было такъ мало, что не было даже постояннаго предсѣдателя; только тогда, когда пренія дѣлались слишкомъ неправильными, просили управлять ими одного изъ присутствующихъ. «Записки Н. Тургенева», стр. 87. Е. Я.

стороны нѣкоторыхъ членовъ, батюшка выразилъ свои задушевные убѣжденія; объявилъ, что направленіе, выразившееся въ засѣданіи, и неодновременно виѣ его, ставить его въ необходимость протестовать противъ него, что оно совершенно извращаетъ цѣль и свойства Союза, что подобныя увлеченія положительно опасны для отечества, и могутъ завтра же каждаго довести до преступленія; что посему онъ, какъ членъ Союза, объявляетъ, что не можетъ слѣдовать по этому пути, отказывается отъ званія члена и, какъ одинъ изъ основателей Союза и предсѣдатель собранія, распускаетъ оное, убѣдительно совѣтуя всѣмъ, коимъ дорого отечество и общее благо, послѣдовать его примѣру“.

Затѣмъ, Н. М. Орловъ задаетъ себѣ вопросъ: что побудило Якушкина написать „Записки“, пропитанныя ядовитою неправдою? „Про И. Д. Якушкина, говоритъ онъ, я слышалъ отзывъ, какъ о человѣкѣ честномъ и добромъ въ сущности, но нервномъ, впечатлительномъ и весьма способномъ къ страстнымъ увлеченіямъ; кромѣ того, какъ о единственномъ изъ декабристовъ, который вынесъ изъ ссылки чувство глубокаго озлобленія. На это одинъ отвѣтъ: кто можетъ знать, какую форму, въ нервномъ и озлобленномъ человѣкѣ, могутъ принять воспоминанія, сквозь миражъ 30-ти лѣтъ физическихъ и нравственныхъ страданій? воображеніе — калейдоскопъ“. Далѣе онъ высказываетъ догадку, что Якушкинъ мстил Орлову за свои неудачи.

Тридцатилѣтнія страданія, на которыя указываетъ Н. М. Орловъ уже потому ничего необъясняютъ, что рассказъ о московскомъ съѣздѣ слышали отъ Якушкина его товарищи, и вскорѣ послѣ ссылки, и впоследствии на поселеніи, когда еще были живы лица, принимавшія участіе въ съѣздѣ и когда невѣрность разсказа не могла бы остаться безъ опроверженія. Ссылаюсь на свидѣтельство П. Н. Свистунова и М. И. Муравьева-Апостола.

Что касается до мысли, высказанной Н. М. Орловымъ, что Якушкинъ мстил своимъ разсказамъ его отцу за свою неудачу, то она совершенно непонятна. Отказъ Орлова отъ участія въ обществѣ не помѣшалъ обществу образоваться, и, слѣдовательно, никакой неудачи не было. Если же подъ неудачей авторъ статьи подразумѣваетъ ссылку декабристовъ въ Сибирь, то это показываетъ, что онъ совершенно незнакомъ съ ихъ характеромъ; они твердо и съ достоинствомъ несли наказаніе, и имъ нечего было завидовать тѣмъ, которые, оставивъ дѣло, избѣгли ссылки. Этимъ и объясняется совершенное отсутствіе въ нихъ всякаго озлобленія. Въ этомъ отношеніи И. Д. Якушкинъ, конечно, не составлялъ исключенія. Я не намѣренъ

распространяться о его личных качествахъ, но не могу не сказать о нихъ нѣсколько словъ, чтобы опредѣлить достовѣрность его „Записокъ“, насколько она зависитъ отъ его личнаго характера. Товарищи ставили его, какъ человѣка и какъ гражданина, очень высоко. К. П. Оболенскій, въ своихъ неожиданныхъ воспоминаніяхъ, говоритъ: „Если можно назвать кого-нибудь, кто осуществлялъ нравственную цѣль и идею общества, то, безъ сомнѣнія, имя И. Д. Якушкина всегда будетъ на первомъ планѣ“. Другой его товарищъ по ссылке, П. Н. Свистуновъ, дѣлаетъ о немъ слѣдующій отзывъ: „Якушкинъ такъ высоко цѣнилъ духовное начало въ человѣкѣ, что неумолимъ былъ къ себѣ за малѣйшее отступленіе отъ того, что призывалъ своимъ долгомъ, равно и за всякое проявленіе душевной слабости. Несмотря на то, я рѣдко встрѣчалъ человѣка, который бы оказывалъ ближнему столько терпимости и снисходительности. Зная его добросовѣстность, можно поручиться, что не только онъ не былъ способенъ выдавать ложь за правду, но и не передалъ бы факта или свѣдѣнія, въ подлинности коихъ предварительно бы не удостовѣрился“¹⁾.

Обращаюсь теперь къ разсказу М. Θ. Орлова. Онъ исполнилъ такихъ несообразностей, что, очевидно, память измѣнила автору статьи, и онъ передалъ невѣрно слова своего отца. Очень можетъ быть, что М. Θ. Орловъ ни слова не говорилъ сыну о тѣхъ предложеніяхъ, о которыхъ упоминается въ „Запискахъ“ И. Д. Якушкина, но ни въ какомъ случаѣ онъ не могъ передавать того, что напечатано въ статьѣ; онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы такъ неловко исказить факты.

По словамъ Н. М. Орлова, Тургеневъ отказался отъ предсѣдательства и даже не былъ въ первый день въ числѣ присутствовавшихъ. Если онъ не присутствовалъ въ первомъ засѣданіи, то, очевидно, ему не могло быть предложено предсѣдательство и онъ не могъ отъ него отказаться. Едва ли въ какомъ-нибудь собраніи возможенъ выборъ предсѣдателя прежде начала засѣданій; во всякомъ случаѣ, такого предварительнаго выбора не могло быть на създѣ 1821 г. Н. И. Тургеневъ, въ своихъ „Запискахъ“, положительно утверждаетъ, что въ ихъ собраніяхъ обыкновенно не было вовсе предсѣдателя и только, когда нарушался порядокъ преній, то просили кого-нибудь управлять ими.

Какъ извѣстно, поводомъ къ собранію създа въ Москвѣ было полное бездѣйствіе общества и желаніе удалить нѣкоторыхъ ненадежныхъ членовъ. Вслѣдствіе неразборчиваго пріема въ члены обще-

¹⁾ «Рус. Архивъ» 1870 г.; стр. 1657 и 1663.

ства, въ него вступили лица, не только равнодушныя къ дѣлу, но и болѣе чѣмъ сомнительной нравственности. Особенно малою разборчивостію въ пріемѣ отличался А. Н. Муравьевъ. Такъ имъ было принято въ члены одинъ секретарь сената, получившій впоследствии нѣкоторую извѣстность въ литературѣ; вступивши въ общество, онъ требовалъ денегъ, угрожая донести обо всемъ правительству. Муравьевъ принужденъ былъ купить его молчаніе. Хотя численность членовъ и возрастала, но дѣятельность общества все болѣе и болѣе падала. Центрами тайнаго общества были въ то время: Петербургъ, Тульчинъ и Москва. Въ Петербургѣ, со времени неудачной попытки Тургенева издавать журналъ, общество не подавало никакихъ признаковъ жизни. Собранія мало по малу прекратились, и члены Союза Благоденствія почти забыли о его существованіи. Болѣе дѣятельнымъ считался Тульчинъ, но и тамъ признаки дѣятельности были такъ же мало замѣтны, какъ и въ Петербургѣ ¹⁾. Тоже было и въ Москвѣ. Бурцеву, вѣдавшему изъ Тульчина въ Москвѣ, поручено было поводить членовъ московскаго отдѣла къ болѣе дѣятельности ²⁾. М. А. фонъ-Визинъ, посланный въ Петербургъ приглашать на съѣздъ, заявилъ, что дѣло въ совершенномъ застоѣ, такъ что нельзя даже сказать: существуетъ ли общество, или нѣтъ ³⁾. Главная цѣль московскаго съѣзда была пробудить къ жизни общество, которое, по словамъ Тургенева, фактически уже не существовало; на этомъ съѣздѣ, конечно, никому не могло прийти въ голову протестовать противъ опасныхъ увлеченій.

Еще менѣе могъ Орловъ заявить, что онъ, какъ одинъ изъ основателей Союза и предсѣдатель собранія, распускаетъ его. Во-первыхъ, Орловъ не принадлежалъ къ числу основателей Союза Благоденствія; по его собственному показанію, онъ сдѣлался членомъ Союза не раньше іюля 1820 г., т.-е. за нѣсколько мѣсяцевъ до его закрытія ⁴⁾; во-вторыхъ, предсѣдатель назначался только для управленія преніями и никакой другой власти ему не предоставлялось.

Если бы о московскомъ съѣздѣ мы имѣли свѣдѣнія только изъ „Записокъ“ Якушкина и разсказа Орлова, то и тогда бы послѣдній не могъ подорвать значенія и достовѣрности первыхъ; но сохранился еще одинъ разсказъ и при томъ современный, который уничтожаетъ всякое сомнѣніе.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1821 г., М. К. Грибовскій, служившій въ то время

¹⁾ <Зап. Тургенева>, стр. 85 и 86.

²⁾ <Зап. Басаргина>, стр. 11.

³⁾ <Зап. Тургенева>, стр. 86.

⁴⁾ Донесеніе слѣд. ком., 3-е примѣчаніе на стр. 17.

въ главномъ штабѣ, представилъ императору Александру I, черезъ И. В. Васильичева, записку о тайномъ обществѣ и съѣздѣ, бывшемъ въ Москвѣ. Послѣ смерти императора, она найдена была въ его бумагахъ и передана въ слѣдственную комиссію ¹⁾. Авторъ этой записки, любопытной во многихъ отношеніяхъ, упомянувъ о распаденіи общества, говоритъ: „Сіе заставило ревностнѣйшихъ членовъ составить, въ концѣ прошедшаго и началѣ текущаго года, чрезвычайное засѣданіе въ Москвѣ. Тамъ были изъ главнѣйшихъ, кромя Муравьевыхъ, Н. Тургеневъ, Глинка, М. Орловъ, два фонъ-Визина, Граббе, Комаровъ. Собранія бывали у фонъ-Визина и Тургенева. Мнѣніе о приведеніи въ порядокъ дѣлъ были не согласны. Орловъ ручался за свою дивизію, требовалъ полномочія дѣйствовать по своему усмотрѣнію; настаивалъ объ учрежденіи невидимыхъ братьевъ, которые бы составляли центръ и управляли всѣмъ; прочихъ предлагалъ раздѣлить на языки (по народамъ: греческій, еврейскій и проч.), которые бы, какъ лучи, сходились въ центру и приносили дани, не вѣдая, кому; о заведеніи типографіи въ лѣсахъ, даже дѣланіи тамъ фальшивыхъ ассигнацій, для доставленія обществу потребныхъ суммъ“.

По замѣчанію автора „Записки“, Орловъ сдѣлалъ эти предложенія, можетъ быть, для того, чтобы найти предлогъ отстать отъ общества, такъ какъ невозможно было ожидать, чтобы онѣ были приняты.

Воистиннѣ уважая то чувство, которое побудило Н. М. Орлова написать статью въ защиту своего отца, я сожалею, что онъ неловкой защитой, можетъ быть, оказалъ дурную услугу его памяти. Слабость характера, выказанная М. Θ. Орловымъ, есть, конечно, большой недостатокъ, но она не отнимаетъ отъ него тѣхъ достоинствъ, которыя поставили его высоко въ обществѣ, послѣ ссылки его бывшихъ товарищей.

Е. И. Явужинскій.

16 сентября 1872 г.

К. Θ. РЫЛЪВЪ.

Замѣтка о годѣ его рожденія.

Въ напечатанныхъ мною, въ мартовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1869 года, „Воспоминаніяхъ о К. Θ. Рылѣвѣ“, были изложены, имѣвшіяся въ моихъ рукахъ, свѣдѣнія объ этомъ лицѣ, насколько было то нужно для исправленія показаній покойнаго Н. И. Греча.

¹⁾ Въ Дон. слѣд. ком. о запискѣ этой упоминается въ 1-мъ примѣчаніи на стр. 18. Ш. Я.

О Грибовскомъ, какъ объ тайномъ агентѣ, см. въ «Р. Ст.», 1871 г., т. IV, стр. 661. Ред.

Въ настоящее время возникли сомнѣнія относительно достовѣрности приведеннаго мною времени рожденія Рылѣва. „Любитель Старини“, въ своей замѣткѣ („Р. Ст.“, 1872 г., стр. 438) о стихотвореніяхъ Рылѣва, отвергая показанія г. Ефремова и мое, полагаетъ болѣе достовѣрнымъ сослаться на статью А. А. Бестужева, „Взглядъ на старую и новую словесность“, помѣщенную въ „Полярной Звѣздѣ“ 1823 года, гдѣ означенъ годъ рожденія Рылѣва — 1795.

О рожденіи Рылѣва мнѣ извѣстно слѣдующее: до рожденія Кондратія Ѳеодоровича, мать его, Настасья Матвѣевна, имѣла нѣсколькихъ дѣтей, но всѣ они были не долготѣтки. Чтобы сохранить новорожденнаго малютку отъ участи, постигшей другихъ дѣтей, то мать Рылѣва, на основаніи народнаго повѣрья, послала на улицу пригласить въ воспріемники, при святомъ крещеніи, двухъ первыхъ встрѣтившихся на перекресткѣ людей. Такъ и было сдѣлано. Встрѣтившійся мужчина былъ какой-то отставной солдатъ Кондрать, а женщина какая-то нищенка. По имени воспріемника дано было новорожденному имя Кондрата.

При составленіи вышеприведенныхъ „Воспоминаній“ я имѣлъ уже въ виду оба показанія, приведенныя любителемъ старини. Первое изъ нихъ показаніе г. Ефремова, полагающаго, что Рылѣвъ родился въ 1797 г., имѣетъ источникомъ весьма сомнительное семейное преданіе, основанное на словахъ няни, Натальи Михайловны Рылѣвой, которая удостовѣряла, что когда онъ сватался за барышней, то былъ очень молодожавъ и на ея взглядъ никакъ не могъ имѣть тридцати лѣтъ.

Второе показаніе (о рожденіи въ 1795 г.), какъ происходящее отъ А. А. Бестужева, ближайшаго друга Рылѣва, имѣвшаго возможность получить болѣе точныя свѣдѣнія о времени его рожденія, заслуживаетъ болѣе вѣры и, по моему мнѣнію, приближается къ истинѣ.

Имѣя въ виду это разнорѣчіе, я былъ вынужденъ обратиться къ повѣркѣ этихъ показаній свѣдѣніями официальными, имѣющими несомнѣнную достовѣрность. Такъ какъ, въ числѣ документовъ, требовавшихся при опредѣленіи въ кадетскій корпусъ, самый важный и необходимый составляло метрическое свидѣтельство о рожденіи, безъ котораго желающій поступить въ заведеніе не могъ быть принятъ, то я и обратился тогда въ архивъ бывшаго 1-го кадетскаго корпуса, въ которомъ Рылѣвъ воспитывался. Хотя въ архивѣ и не оказалось подлиннаго метрическаго свидѣтельства, такъ какъ оно, впоследствии, было выдано самому Рылѣву, но однако жѣ остались слѣды этого свидѣтельства. Въ большой прошнурованной алфавитной книгѣ, въ которую вносили всѣхъ поступающихъ въ корпусъ воспитанниковъ, съ отмѣтками въ графахъ противъ каждаго, времени рожденія и

другихъ свидѣній, въ соотвѣтствующей его фамилии графѣ, отмѣчено: „Принять 23-го января 1801 года, имѣя 12 лѣтъ отъ роду“.

Кромѣ означенныхъ трехъ показаній о времени рожденія Рылѣва, имѣется еще четвертое, также основанное на собственныхъ словахъ Рылѣва и данное имъ во время производства слѣдствія и суда по дѣлу 14-го декабря 1825 года, о тайныхъ обществахъ. Тутъ онъ показалъ, что въ 1825 году ему было отъ роду 29 лѣтъ, слѣдовательно окажется, что онъ родился не въ 1795 или 1797 гг., а въ 1796 г.

Не имѣя никакой надобности уменьшать или увеличивать его возрастъ, я полагаю однако же болѣе основательнымъ придерживаться оффиціального показанія, которое имѣетъ, между прочимъ, и то преимущество, что при старшинствѣ своемъ, лишено неудобствъ голословности. Предоставляю также другимъ судить, насколько будетъ вѣроятно предположеніе, чтобы мать Рылѣва, одна изъ добрѣйшихъ женщинъ, рѣшилась бы разлучиться съ единственнымъ своимъ сыномъ, когда ему было три или четыре года отъ роду. Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что представляемое мною показаніе о времени рожденія Рылѣва въ 1789 году должно пользоваться преимуществомъ предъ прочими, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не отыщется подлиннаго метрическаго свидѣтельства.

Сообщ. Дмитрій Кропотковъ.

КЪ ИСТОРИИ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО ПОГРОМА.

I.

Кн. И. Ф. Паскевичъ къ кн. М. Д. Горчакову.

Въ одномъ изъ списковъ замѣчательнаго письма кн. И. Ф. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову, по поводу защиты и паденія Севастополя, есть слѣдующее мѣсто, дополняющее текстъ нами изданнаго документа («Русская Старина» 1872 г., т. VI, стр. 429). _____ Ред.

Вы пишете: „Наступательное движеніе это, которое было въ видахъ государя императора и при томъ было необходимо для удовлетворенія общаго мнѣнія Россіи (точно Бородинское сраженіе было необходимо прежде отдачи Москвы!), я намѣренъ былъ сдѣлать съ большою осмотрительностію и только при благоприятныхъ обстоятельствахъ, на которыя, впрочемъ, мало рассчитывалъ, перейти къ дѣй-

ствительному наступленію". Приводя параграфъ сей слово въ слово, я дѣлаю нѣкоторые замѣчанія:

1) Непростительно главнокомандующему писать, что наступательное движеніе это было въ видахъ государя императора. Главнокомандующій, въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ жертвовать всѣмъ для спасенія арміи, а не обвинять Государя, находившагося въ 1,300 верстахъ.

2) Государь, пославшій въ Крымъ, за исключеніемъ гвардіи и 1-го корпуса, всю свою армію, былъ вправѣ требовать отъ главнокомандующаго, чтобы онъ что-нибудь да сдѣлалъ; но ни Государь, ни Россія не могли предвидѣть, что армію поведутъ, такъ сказать, на убой.

3) Никогда не повѣрю, чтобы государь приказалъ вамъ идти на вѣрное пораженіе, зная изъ вашихъ донесеній, что укрѣпленія на Федюхинныхъ-горахъ сильнѣе Севастопольскихъ. Если вы получили такое повелѣніе, тогда вамъ, какъ хранителю русской чести, оставалось изложить то, что совѣсть и долгъ вашъ указывали. А что вамъ указывали совѣсть и честь? Откровенно сознаться предъ Государемъ въ невозможности исполнить его волю, и затѣмъ просить отозвать васъ изъ арміи, какъ человѣка, неоправдавшаго довѣрія. Вотъ какъ должны вы были поступить, и тогда на душѣ вашей не лежала бы кровь 10-ти тысячъ жертвъ, погибшихъ подъ Черной, потому только что вы не осмѣлились чистосердечно изложить ваше мнѣніе! Повѣрьте, если бы вы приняли на себя благородную рѣшимость говорить правду, вы не только не лишились бы милости Государя, но возвысили бы себя въ глазахъ Императора, до котораго доступны слова истины. Наконецъ, допустимъ даже, что васъ отозвали бы изъ арміи, тогда вашему сіятельству предстояло завидное утѣшеніе въ собственномъ сознаніи исполненія долга предъ Государемъ и Россією, и наконецъ, въ увѣренности, что рано или поздно исторія и потомство отдадутъ вамъ справедливость; а чувства сіи неощѣненны, когда наступаетъ минута расставаться съ жизнью; говорю вамъ по опыту, ибо вижу мое безнадѣжное состояніе.

II.

Записка императора Николая Павловича барону Бревскому.

1854.

Прикази Г. А. Фельдману, быть завтра ко мнѣ съ планомъ Севастополя и со всѣми свѣдѣніями и отчетными рабочими чертежами, которые имѣются должны въ департаментѣ. Что пишетъ Меньшиковъ — мнѣ не совсѣмъ понятно, ибо проектъ, сколько помню, давно утверж-

день, и работы, ему сходно, постепенно производились. Последнее было еще мной съ княземъ Меньшиковымъ, разрѣшено на мѣстѣ, два года тому. Отчего же оно не исполнилось, не могу я понять.

Съ подлиннымъ вѣрно: директоръ канцеляріи генераль-адъютантъ баронъ Вревскій.

Примѣчаніе. Копія съ этой записки, переносащей въ эпоху трудовъ покойнаго Государя относительно обороны Севастополя, сообщена была О. В. Бухарину, изъ бумагъ котораго доставлена намъ В. О. и В. О., при посредствѣ Ред. Т. А. Сосновскаго.

Замѣтки, поправки и дополненія.

Подстрочное примѣчаніе къ 190 разсказу Карабанова («Русская Старина» 1872 г., т. VI, стр. 289, пр. 1), надо читать такъ: дочь известной актрисы Семеновоѣ, была въ замужествѣ за княземъ И. А. Гагаринимъ. Эта дочь Семеновоѣ отъ известнаго богача Мусина-Пушенина, который отдалъ за дочерью въ приданое, на имя князя, свои имѣнія въ Сибирской губерніи. Отъ этого брака родились сынъ и четыре дочери, вышедшія замужъ, 1-я — за Т. П. Языкова, 2-я — за его роднаго брата, А. П. Языкова, 3-я — за г. Бекетова и 4-я — за г. Бѣлякова. По кончинѣ первой супруги, князь Гагаринъ женился вторично. Знаменитая некогда актриса Семенова, въ глубокой старости, живетъ до сихъ поръ въ Москвѣ, какъ представительница давно минувшей русской сценической славы.

Сибирскъ.

Кл. В. Валушевъ.

Въ «Рус. Ст.» 1872 г., т. VI, на стр. 409, въ родословіи княжеской вѣтви фамилии Суворовыхъ, какъ указываетъ кн. А. А. Суворовъ-Риминскій, вкрались погрѣшности: княжна Марія Аркадіевна была не два раза въ замужествѣ, какъ показано, а одинъ разъ, именно за княземъ М. М. Голицынымъ пумерла княгиню Голицыной. Княжна Варвара Аркадіевна — отъ брака съ д. с. с. Башмаковымъ имѣла трехъ сыновей: Александра, Аркадія и Сергѣя Дмитриевичей Башмаковыхъ. Въ числѣ орденовъ, украшавшихъ грудь доблестнаго генералиссимуса Суворова — необходимо упомянуть сардинскій орденъ «Благовѣщенія», переходящій къ старшему въ родѣ Суворовыхъ и австрийскій военный орденъ «Марія Терезія» 1-й степени.

Къ стр. 461 («Р. Ст.», т. VI). По поводу замѣтокъ о дѣятельности А. О. Гильфердинга, въ званіи предсѣдателя петербургскаго отдѣла благотворительнаго московско-славянскаго комитета, — отмѣтимъ, что мысль объ образованіи такового отдѣла, первоначально даже въ видѣ самостоятельнаго общества, возникла въ 1867 г., при отъѣздѣ гостей-славянъ изъ Петербурга; возникла она въ отсутствіе Гильфердинга, путешествовавшего тогда по Турціи, и до возможной степени осуществляема В. И. Ламанскимъ, І. П. Печаткинымъ (работорцемъ русскаго дѣла въ Прибалтійской окраинѣ), А. В. Фрейгангомъ и нѣкоторыми другими. Съ возвращеніемъ Гильфердинга — отдѣлъ пріобрѣлъ въ этомъ ученомъ и уважаемомъ дѣятелѣ и предсѣдателѣ, и энергическаго руководителя.

Въ «Р. Ст.» 1872 г., т. VI, на стр. 474, строка 10 снизу, напеч. «наудупца», читай: «владупца».

Къ стр. 290—292 «Р. Ст.», 1872 г., т. VI. Въ собраніи автографовъ М. Н. Поквиснева хранится одна изъ копій письма Ермолова къ историку Устрялову. Списокъ руки самого Алексѣя Петровича. По сличеніи съ напечатаннымъ нами спискомъ, находимъ слѣдующій варьянтъ: стр. 291, строка 8 сверху, напечатано: «оскорбленіе истины», читай: «искаженіе истины». Къ стати замѣтимъ, что первоначальная редакція тѣхъ страницъ, въ трудѣ Устрялова, на которыя есть указаніе на 291 стр. «Р. Ст.», 1872 г., т. VI — передѣланы совершенно императоромъ Николаемъ Павловичемъ собственноручно.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Отъ редакціи. Обращаемъ вниманіе читателей „Русской Старины“ и всѣхъ любителей отечественной исторіи на слѣдующія, заслуживающія полнѣйшей похвалы изданія:

ПЕТРЪ I ВЕЛИКІЙ

и

ЕГО ДѢЯТЕЛИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

художникомъ А. М. ЛУШЕВЫМЪ.

А. М. Лушевъ, художникъ-фотографъ, извѣстный изданіемъ очень хорошо составленнаго и исполненнаго „Историческаго Альбома“ портретовъ извѣстныхъ русскихъ лицъ XVII и XVIII вв. (см. отзывъ въ „Русск. Стар.“ 1871 г., кн. XII), желая почтить память великаго монарха, по случаю празднованія двухсотлѣтняго юбилея дня рожденія Петра I, составилъ два „Историческихъ Альбома“:

I. Современниковъ и дѣятелей Петра Великаго и II. Историческихъ событій его царствованія.

Въ первомъ Альбомѣ заключается любопытная коллекція въ 122 портрета изъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлахъ по управленію государствомъ, современныхъ особъ царствующаго дома, предстоятелей церкви, ученыхъ, техниковъ и другихъ лицъ, извѣстныхъ исторіи. Въ составъ „Альбома“ вошли также портреты нѣкоторыхъ иностранныхъ государей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ политикѣ Петра I, во время сѣверной войны его съ Карломъ XII. Портретъ шведскаго короля, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ его извѣстныхъ генераловъ, также находится въ этомъ собраніи. Всѣ портреты снабжены біографическими замѣтками.

Цѣна Альбому въ очень хорошемъ, тисненномъ золотомъ, переплетѣ 15 руб.

Второй „Альбомъ“ состоитъ изъ 26 рисунковъ, представляющихъ историческія событія царствованія перваго императора, виды мѣстностей и современныхъ зданій, снятыхъ преимущественно съ весьма рѣдкихъ гравюръ Петровскаго времени, преимущественно изъ собранія Д. А. Ровинскаго. Каждый рисунокъ, величиною въ размѣрѣ альбомнаго листа, снабженъ историческими поясненіями.

Цѣна Альбому также въ хорошемъ, тисненномъ золотомъ, переплетѣ 15 руб.

Независимо отъ сего, Лушевъ, для удобства приобрѣтенія, раздѣливъ первый „Альбомъ“ на группы, изготовилъ отдѣльные альбомы, по цѣнѣ, доступной каждому приобрѣтателю, а именно:

I. Петръ I, его генералъ-адмиралы, фельдмаршалы, генералы и генералъ-адъютанты.

1) Петръ I Великій. 2) Лефорть, Францъ Яковлевичъ. 3) Головинъ, гр. Фед. Алексѣев. 4) Шениъ, бояр. Алекс. Семенов. 5) Шереметевъ, гр. Бор. Петров. 6) Апраксинъ, гр. Фед. Матвѣев. 7) Меншиковъ, кн. Ал. Данилов. 8) Голицынъ, кн. Мих. Михайл. 9) Репнинъ, кн. Анн. Иванов. 10) Гордонъ, Петръ Иванов. 11) Долгорукій, кн. Як. Феофоров. 12) Брюсъ, Корнел. Ивановичъ. 13) Головинъ, Автоп. Михайлов. 14) Брюсъ, Яковъ Вилимовичъ. 15) Бутурлинъ, Ив. Иванов. 16) Трубецкой, кн. Ив. Юрьев. 17) Долгорукій, кн. В. Владимір. 18) Чернышевъ, гр. Петръ Григор. 19) Ласи, гр. Петръ Петров. 20) Шереметевъ, гр. М. Борисов. 21) Девиеръ, гр. Ант. Мануилов. 22) Ягужинскій, гр. Павелъ Иванов. 23) Волинскій, Артемій Петров. 24) Ушаковъ, гр. Андрей Ивановичъ.

II. Правители, канцлеры и дипломаты.

25) Голицынъ, кн. Вас. Васильев. 26) Ромодановскій, кн. Фед. Юрьевичъ. 27) Голицынъ, кн. Бор. Алексѣев. 28) Голицынъ, кн. Дм. Михайлов. 29) Толстой, гр. Петръ Андреев. 30) Долгорукій, кн. Гр. Феофоров. 31) Головинъ, гр. Гавр. Иванов. 32) Паткуль, Юганъ Рейнгольдъ. 33) Матвѣевъ, гр. Андрей Артемон. 34) Шафировъ, бар. Петръ Павлов. 35) Веселовскій, Авраамъ Павлов. 36) Хилковъ, кн. Андрей Яковлев. 37) Куракинъ, кн. Бор. Иванов. 38) Румянцева, гр. Ал. Иванов. 39) Остерманъ, гр. Андр. Иванов. 40) Бестужевъ-Рюминъ, гр. М. Петров. 41) Бестужевъ-Рюминъ, гр. А. Петров. 42) Неплюевъ, Иванъ Ивановичъ.

III. Правители Малороссіи, кабинетъ-секретари, ученые, инженеры и техники.

43) Мазепа, Иванъ Степановичъ. 44) Скоропадскій, Иванъ Ильичъ. 45) Полуботокъ, Павелъ Леонтьев. 46) Кочубей, Вас. Леонтьев. 47) Кантемиръ, кн. Дм. Констант. 48) Апостоль, Дан. Павлов. 49) Черкасскій, кн. Ал. Михайлов. 50) Головинъ, Ив. Михайлов. 51) Геннинъ, Вилимъ Егоров. 52) Люберастъ, бар. Юганъ Людвигъ. 53) Макаровъ, Алексѣй Васильев. 54) Феофанъ Прокоповичъ. 55) Минихъ, гр. Бурх. Христоф. 56) Соймоновъ, Феофоровъ Иванов. 57) Тиммерманъ, Францъ Феофоров. 58) Демидовъ, Акинф. Никитичъ. 59) Татищевъ, Васил. Никитичъ. 60) Антуфьевъ, Никита Демидов. 61) Сердюковъ, Мих. Ивановичъ. 62) Тургеневъ, Яковъ Феофоровичъ.

Цѣна Историческому Альбому,

состоящему изъ I отд., въ 24 портр. 3 р. 50 к.
 " " I и II " 42 " 6 " — "
 и за всѣ три отд., въ 62 " 8 " — "

Съ требованіями по выпискѣ, могутъ обращаться въ редакцію «Историческаго Альбома»: на Невскій проспектъ, домъ № 14, въ С.-Петербургѣ.

За пересылку взимается по разстоянію; считая „Альбомъ“ въ 24 портр.—за 2 ф.; въ 42 портр.—за 3 ф.; и въ 62 портр.—за 4 фунта.

ВЪ КОНТОРАХЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. **Записки А. Т. Болотова.** 1738—1771 гг., два тома. Спб., 1870—1871 гг., стр. 1002 и 1120, въ два столбца, съ рисунками въ текстѣ—Болотова, и съ портретомъ его, гравированными академикомъ Л. А. Сѣряковымъ. (Приложенія къ «Русск. Стар.» 1870 и 1871 гг.).

Цѣна, въ отд. изданіи, за оба тома 6 руб.

II. **Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго,** полицій-мейстера—при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генераль-кригсъ-коммисара, затѣмъ генераль-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы, и сенатора при Екатеринѣ II. 1705—1777 гг., Спб. въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. 50 коп.

III. **Записки Гавріила Ивановича Добрынина.** 1752—1823 гг., три части. Изданіе второе, значительно исправленное и вывѣренное по подлинной рукописи Добрынина. Спб., 1872 г., въ 8-ю д., 380 стр.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

IV. **Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія.** 1809—1831 гг. Новые рассказы очевидцевъ о бунтѣ военныхъ поселенъ въ 1831 году. Подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта поселенъ. Подлинная переписка гр. Аракчеева. Спб., 1871 г., въ 8-ю д. л.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

V **Записки Екатерины Александровны Хвостовой.** 1812—1841 гг. Очерки быта высшаго русскаго общества и новыя данныя для біографіи поэта Лермонтова. Спб., 1871 г., въ 8-ю д., 260 стр.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

VI. Состояніе Россіи при Петрѣ Великомъ, сочиненіе капитана **Джона Перри,** переводъ съ англійскаго, кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ М. И. Семевакаго. Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва, 1872 г., въ 8-ю д., 200 стр.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу

I-й выпускъ книги:

ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНІЯ О ЖИЗНИ И ДѢЛАХЪ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Изданіе вспомогающей Кассы С.-Петербургскихъ
наборщиковъ.

КНИГА СОСТАВЛЕНА ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ СТАРИНА“.

Цѣна 1-го выпуска, на веленовой бумагѣ, съ приложеніями
фотографическаго портрета Петра I и снимками съ указа и
азбуки, съ поправками на нихъ рукою Петра Великаго. . . 2 р.

На простой бумагѣ, съ приложеніемъ портрета Петра I. 1 »

Книгопродавцамъ дѣлается уступка 20%.

Главный складъ по Большой Садовой, противъ Юсупова сада,
домъ № 49, въ типографіи Балашева.

Контора редакціи «Русской Старины» извѣщаетъ, что посту-
пающія, на нижеслѣдующія изданія, требованія не могутъ быть
удовлетворяемы, такъ какъ книги эти разошлись сполна, до по-
слѣдняго экземпляра, а именно: 1) «Русская Старина», изд. 1870 г.
(первый годъ); 2) «Русская Старина», изд. 1871 г. (второй годъ);
3) «Записки М. И. Глинки», изд. 1870 г.; 4) «Бунтъ военныхъ
поселянъ», изд. 1870 г., и 5) «Дневникъ Іоанна Георга Корба,
о бунтѣ и казняхъ стрѣльцовъ въ 1698 — 1699 гг.».

архивъ, — оказывается, что оно — далеко не полное: въ «Подномъ Собраніи» напечатано за время съ 1649 по 1865 г. всего — 42,860 статей (изъ нихъ 2,310 статей относятся ко времени, предшествовавшему учрежденію сената, 1711 г.); между тѣмъ въ петербургскомъ сенатскомъ архивѣ за періодъ съ 1704 по 1865 г. имѣется 124,177 высочайшихъ повелѣній и указовъ, следовательно, втрое болѣе. Причину такой замѣтной разницы (справедливо замѣчаетъ П. И. Барановъ) слѣдуетъ видѣть, прежде всего, въ томъ, что многіе указы и повелѣнія оставались вовсе не розысканными въ массѣ архивныхъ бумагъ составителями «Полнаго Собранія Законовъ».

Для пополненія этого весьма важнаго пробѣла, а также для того, чтобы дать возможность пользоваться матеріалами, хранящимися въ сенатскомъ архивѣ, — завѣдывающей архивомъ, д. с. с. П. И. Барановъ, приступилъ къ хронологическому описанію его и, ко дню Петровскаго юбилея, издалъ первый выпускъ, заключающій въ себѣ опись именнымъ высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ царствованія императора Петра Великаго (1704—1725). Въ этотъ выпускъ вошло описаніе 1,543 №№, противъ «Полнаго Собранія» болѣе на 995, т.-е. почти на $\frac{2}{3}$. Въ началѣ выпуска помѣщено обстоятельное предисловіе, въ которомъ П. И. Барановъ сперва сообщаетъ о составѣ петербургскаго сенатскаго архива, а затѣмъ систематически обозрываетъ содержаніе перваго выпуска «Описи». Въ концѣ приложено указатель: 1) мѣсть и предметовъ (ихъ слѣдовало бы раздѣлить) и 2) лицъ. Съ нетерпѣніемъ ждемъ дальнѣйшихъ выпусковъ этого почтеннаго и полезнаго труда, и не можемъ не указать на тотъ добрый примѣръ, который даетъ Министерство Юстиціи другимъ вѣдомствамъ, издавалъ описанія своихъ архивовъ, какъ Московскаго, такъ и Петербургскаго Сенатскаго.

Пособіе для занятій по судебно-гражданской части. Сводъ Законовъ Гражданскихъ, по изданіямъ 1832, 1842 и 1857 годовъ и по продолженіямъ 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 годовъ, и Сборникъ подлинныхъ узаконеній, на которыхъ основаны статьи Свода Законовъ Гражданскихъ, изданія 1857 года. Составилъ Е. Карновичъ. Книга 1-я. О правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Книга 2-я. О порядкѣ приобщенія и укрѣпленія правъ на имущество. С.-Петербургъ 1872 года. Цѣна за обѣ книги 3 р. 50 коп.

Не говоря о томъ практическомъ приращеніи, какое должно получить изданіе г. Карновича, какъ сборникъ всего того, что, по гражданскому судопроизводству, бываетъ необходимо имѣть подъ рукою и

лицамъ, служащимъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, и мировымъ судьямъ, и адвокатамъ, мы указываемъ, съ своей стороны, на это изданіе, какъ на трудъ, состоящій въ связи съ русскою юридическою, а до нѣкоторой степени и съ бытовою нашею стариною. «Пособіе» г. Карновича, заключающее въ себѣ до 50 листовъ убористой, а отчасти и медной печати, раздѣляется на два отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ, по весьма удобной, принятой издателемъ системѣ, помѣщены 1-я и 2-я книги X тома 1 части «Свода Законовъ Гражданскихъ», по всѣмъ бывшимъ доселѣ изданіямъ, а также по «Продолженіямъ», изданнымъ до настоящаго времени. Такимъ образомъ этотъ отдѣлъ представляетъ ходъ нашего гражданскаго законодательства въ продолженіе сорока лѣтъ и указываетъ на тѣ, какъ существенны, такъ равно и редакціонныя измѣненія, какія произошли въ немъ въ теченіе означеннаго незначительнаго промежутка времени. Известно, что изданія «Свода Законовъ» 1832 и 1842 годовъ, въ особенности первое изъ нихъ, сдѣлались теперь библиографическою рѣдкостью, а потому этотъ отдѣлъ «Пособія» и получаетъ особенную важность. Во второмъ отдѣлѣ помѣщено собраніе подлинныхъ узаконеній, на которыхъ основаны нынѣ дѣйствующія у насъ статьи Свода Законовъ Гражданскихъ. Пользоваться «Поднымъ Собраніемъ Законовъ», вследствие рѣдкости и дороговизны этого изданія, бываетъ чрезвычайно затруднительно, а между тѣмъ «Судебные Уставы» 1864 года допускаютъ, при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ, руководствоваться не только буквою закона, какъ это было прежде, но и принимать въ соображеніе ихъ разумъ, или, говоря иначе, — тѣ подлинныя узаконенія, на которыхъ основаны статьи «Свода Законовъ», и которыя помѣщены въ «Подномъ Собраніи». Съ своей же стороны «Пособіе», изданное г. Карновичемъ, по отношенію къ «Своду Законовъ Гражданскихъ», замѣнитъ и упомянутое «Собраніе». Въ «Пособіи» находятся выписки изъ «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича, а также законодательныя мѣры его преемниковъ и мѣры эти, во многихъ случаяхъ, оказываются весьма любопытными по тому вліянію, какое онѣ должны были имѣть на нынѣ гражданскій, общественный и семейный бытъ. Такимъ образомъ, въ виду того, что изданіе г. Карновича заключаетъ въ себѣ, кромѣ дѣйствующихъ у насъ узаконеній, еще и не мало подлинныхъ памятниковъ нашего стариннаго законодательства, мы признаемъ за этимъ изданіемъ не только громадную пользу собственно для юристовъ, но и полагаемъ, что оно не лишено интереса и для любителей отечественной старины.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1873 г. четвертый годъ изданія.
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Цена годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложения, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“ помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Трута, кв. № 12 и въ д. Лисицына.

Въ послѣдующихъ книгахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будутъ, между прочимъ, напечатаны: Записки Болотова (томъ IV и послѣдній), Лагарпа, М. А. Бестужева, Т. П. Пассекъ; документы изъ архивовъ кн. Голицынова-Кутузова, кн. Муравиныхъ, гр. Станельберговъ, кн. Щербатова, свѣд. кн. А. А. Италійскаго графа Суворова-Рымнинскаго, именно: бумаги относившіяся до его дѣда, генерал-инженера кн. Суворова; свѣд. кн. П. М. Волонскаго, Шишова, Бахтина, — записки: гр. Ф. П. Толстаго, адмир. Колзана, И. И. Горбачевского, кн. С. Г. Волконскаго, (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевскаго, записки ген. Толя, кн. А. А. Шаховскаго, Европеуса о бунтѣ военныхъ поселеній, И. Н. Снобелева, В. И. Кюхельбенера (1831—1841 гг.); генерала Фелькера, ав. жив. А. В. Ступина (1775—1861 г.), бывш. попеч. Д. П. Рунча; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790 — 1794 гг.; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; записки А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; Н. Ф. Опочинина (о 1831 г.); записки Н. В. Веригина и др. Дѣло Вольнскаго; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Ликара (1782 г.); письма Екатерины II; письма императоровъ: Павла I, Александра I, цесар. Константина; императр. Елизаветы Алексѣевны; Троцкинскаго; гр. Арачьева, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеповской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова; мѣлкія гр. Н. С. Мордвинова; и воспоминанія; 60 писемъ митроп. Евгенія Болховитинова; неизданныя бумаги А. С. Грибоѣдова; И. Н. Батюшкова (болѣе 50 писемъ), Г. С. Батениова, Жуновскаго, Туманскаго, Языкова, Рылѣва, Пушкина, статьи В. Н. Наразина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина, П. К. Щербальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣляева и Н. С. Тихонравова; Г. Н. Геннади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова, проф. Бриннера. Сообщ.: Гр. К. И. Палея, И. С. Сербиновича, кн. П. Д. Волонскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, И. Д. Делянова, Н. И. Панова, Н. Н. Солифонтова, Ф. К. Опочинина, Д. И. Снобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакова, Н. Ф. Крузе, гр. Э. И. Чалскаго, А. П. Чеботарова, Г. К. Рѣпинскаго; И. П. Липранди, В. А. Красновскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ф. А. Бюлера, М. Ф. Бороздина, Н. П. Дурова, и мн. др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старина“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ С.-Петербургскаго Педагогическаго, Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ и Археографической Коммиссіи — **Мих. Ив. Семеновскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ третій.

ДЕКАБРЬ.

1872 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Изъ равнинъ лѣтъ, изъ жизни дальней. Воспоминанія Т. П. Пассея. 1810—1825 гг.	607	1. Генеалогическое разъясненіе. Сообщ. А. Д. Потаповъ. (698). 2. Забѣтка Н. В. Дубровина о кн. Мадатовѣ. (699). 3. Артистка Семенова. Сообщ. В. М. Федоровъ. (699). 4. Цикло кн. Паскевича. (700). 5. Рапортъ о тайномъ обществѣ. Сообщ. Черепановъ. (700). 6. Отвѣтъ Запорожцевъ Турецкому Султану въ XVII столѣтіи. Сообщ. Я. А. Симоновскій. (701). 7. Ермачъ Тимофеевичъ. Выдина. Сообщ. И. Купріяновъ.	702
II. Генераль-лейтенантъ Левъ Измайловъ, Дѣдовскій помѣщикъ, въ 1802—1831 гг. Сообщ. А. Г. Пупаревъ	649	VI. Списокъ лицъ, сообщившихъ историческіе и историко-литературные матеріалы для печати въ «Русской Старинѣ».	703
III. Письма Петра Великаго къ Скорнякову-Писареву. 1707—1722 гг. Сообщ. А. Н. Маринъ.	665	VII. Алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ «Русской Старинѣ», въ томахъ V и VI, изд. 1872 г.	
IV. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Историческіе рассказы и анекдоты, записанные и сообщенные разными лицами: Суворовъ, атаманъ Платовъ и друг. (675). 2. О напечатаніи рѣчи императора Николая I-го Варшавскимъ депутатамъ 1835 г. Забѣтки бар. Ф. А. Бюлера. (679). 3. Академикъ П. И. Пекарскій † 12-го юля 1872 г. (684). 4. Рассказъ крестьянина Касьянова объ А. Ф. Гальфердингѣ. (694).		VIII. Библиографическій листокъ о новыхъ выгахъ (на оберткѣ). Объявленія.	
V. Забѣтки, мелочи и поправки:			
ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1738—1794 гг. томъ третій, часть XXI, письма 216—220: Бытъ русскаго дворянства.—Знакомство съ нѣмцами.—Изданіе журналовъ.—1784 г. (Прилагается оглавленіе III-го т. Записокъ Болотова).			

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1873 г. (четвертый годъ изданія). Цѣна 8 руб. съ пересылкой и доставкой.

„Русская Старина“ 1870 г. (два изданія) и 1871 г. разошлись сполна по подпискѣ.

„Русская Старина“ 1872 г. (изданіе второе) можно получить въ 12-тъ книгъ, цѣна 8 руб. съ пересылкой.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).

1872.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

О портретахъ Петра Великаго. Изслѣдованіе А. А. Васильчикова. М. 1872. 8°, 126 стр.

Книга г. Васильчикова — книга весьма интересная и, не смотря на сухость заглавія, отличающаяся весьма живымъ изложеніемъ, особенно предисловіе, помѣщенное на первыхъ 39-ти страницахъ. Въ началѣ предисловія авторомъ сообщены краткія историческія свѣдѣнія о «парсунномъ дѣлѣ или писемѣ» въ Россіи XVII вѣка, а затѣмъ — о болѣе замѣчательныхъ портретныхъ коллекціяхъ и ихъ владѣльцахъ. Между послѣдними видное мѣсто занимаетъ покойный князь А. Я. Лобановъ-Ростовскій, авторъ нѣсколькихъ книгъ, изданныхъ на французскомъ языкѣ, между прочимъ, объ Аниѣ Ярославной, супругѣ французскаго короля Генриха I. Почтенный князь, много потрудившійся надъ собраніемъ гравюръ Петра Великаго, подарилъ свою богатую коллекцію, вмѣстѣ съ подробнымъ каталогомъ, Императорской публичной бібліотекѣ и положилъ этимъ начало богатѣйшему ея собранію гравированныхъ и литографированныхъ изображеній Петра Великаго. Однородность занятій сблизила г. Васильчикова съ княземъ А. Я. Лобановымъ, который сообщилъ ему, г. Васильчикову, свой рукописный каталогъ, часто помогая советами и знакомствомъ съ заграничными торговцами и любителями. По кончинѣ князя Александра Яковлевича, племянникъ его, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, тоже любитель и большой знатокъ старины и иконографіи, передалъ г. Васильчикову на размѣотрѣніе полученныя имъ въ наслѣдство бумаги. Впрочемъ, по этому случаю и поводу г. Васильчиковъ и посвятилъ свою книгу памяти покойнаго князя. Въ концѣ предисловія, на основаніи историческихъ источниковъ, перечислены лица, писавшія съ Петра Великаго портреты. Портретовъ (въ ростъ, покатанныхъ, поясныхъ, грудныхъ, верхомъ, въ баталяхъ, на смертномъ одрѣ, и пр.), подробно описанныхъ, съ показаніемъ вышины и ширины и мѣста храненія, въ книгѣ г. Васильчикова находится 38. Они почти все были на московской политехнической выставкѣ. Кромѣ этихъ, г. Васильчиковымъ описаны еще 18 портретовъ, указано на значительное количество финляндскихъ изображеній Петра Великаго и на пять его бюстовъ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ два новыхъ труда того же почтеннаго автора: 1) Академія Наукъ печатаетъ на французскомъ языкѣ подробный каталогъ гравированныхъ русскихъ портретовъ, обнимающій эпоху отъ Петра Великаго

включительно до Александра I — плодъ десятилѣтнихъ розысканій г. Васильчикова; 2) г. Васильчиковъ готовитъ къ печати русской каталогъ исключительно гравированныхъ портретовъ Петра Великаго. Отъ души желая полного успѣха почтенному автору, мы, основываясь на достоинствахъ теперешней книги, заранее убѣждены, что оба новые труда г. Васильчикова будутъ отличаться тѣми же качествами: добросовѣстностью и серьезнымъ знаніемъ предмета.

Провинціальныя труды на областную исторію и бібліографію.

Такое общее названіе мы придали восьми книгамъ и брошюрамъ, присланнымъ въ редакцію «Русской Старины» изъ Пскова, Орла и Владиміра-на-Клязьмѣ. Псковъ прислалъ: 1) Псковскій статистическій сборникъ, изданный въ прошломъ году мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ (большая книга въ 405 стр.; содержаніе: о санитарномъ состояніи Великолуцкаго уѣзда; этнографическій очеркъ быта крестьянъ Псковскаго уѣзда; результаты однодневной переписи въ городахъ Псковской губерніи 12-го октября 1870 г.; метеорологическія наблюденія въ 1870 г.); 2) первый выпускъ Памятной книжки Псковской губерніи на 1870 г., содержащій въ себѣ адресъ-календарь, съ алевитнымъ указателемъ; 3) хронологическій указатель статей, касающихся Псковской губерніи, помѣщенныхъ въ неофициальной части мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей за тридцать одинъ годъ (1838—1869), составленный К. Г. Евлентьевымъ; 4) «Книги псковитина, посадекаго торговаго человека Сергія Иванова, сына Поганкина» (этотъ памятникъ псковской старинной письменности конца XVII вѣка изданъ К. Г. Евлентьевымъ и составляетъ особое приложеніе къ «археологической запискѣ о родѣ Поганкиныхъ»); 5) Протоколъ 1-го засѣданія Археологической Комиссіи, состоящей при Псковскомъ Статистическомъ Комитетѣ, въ которомъ протоколъ приведено нѣсколько историческихъ документовъ. Орелъ прислалъ: 6) и 7) два первые выпуска «Орловской Старины» въ 160 стр., первоначально помѣщенныхъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ А. Г. Пупаревымъ. Владиміръ прислалъ: 8) «Владимірскій историко-статистическій сборникъ», изданный мѣстнымъ комитетомъ, подъ редакцію секретари К. Н. Тихоурова: содержаніе книжки весьма разнообразное; изъ историческихъ матеріаловъ обращаютъ на себя вниманіе подлинныя письма великой княжны Маргариты Алексѣевны, хранящіяся въ бібліотекѣ Александровскаго Успенскаго дѣвичьяго монастыря, и крайне любопытная опись 1665 года Вла-

ИЗЪ РАННИХЪ ЛѢТЪ, ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕЙ.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ.

1810—1842.

Кто имѣть право писать свои воспоминанія?

Всякій,

Потому что никто не обязанъ ихъ читать.

И.

Давно уже замѣчено, что русская литература весьма бѣдна записками женщинъ. Даже въ послѣднее время, когда на „Воспоминанія“ явилось нѣчто въ родѣ моды, и то русская женщина рѣдко принимается за перо, не обнаруживаетъ своихъ записокъ и охотнѣе вступаетъ въ литературу съ повѣстями и даже романами. Между тѣмъ, прошлое, пережитое нашимъ обществомъ, представляетъ обширное поле для наблюдательности женщины образованной, одаренной болѣе или менѣе художническимъ чутьемъ и впечатлительнымъ сердцемъ. Свообразныя черты нравовъ разныхъ слоевъ нашего общества, встрѣчи и столкновенія съ людьми замѣчательными на тѣхъ или другихъ поприщахъ, факты историческіе и явленія общественныя, — все это даетъ богатый матеріалъ для разсказа занимательнаго, хотя бы простаго и безыскусственнаго. Нынѣ предлагаемыя „Воспоминанія“, какъ намъ кажется, до нѣкоторой степени, восполняютъ указанный пробѣлъ...

Татьяна Петровна Пассекъ, вдова нѣкогда довольно извѣстнаго, даровитаго писателя Вадима Васильевича Пассека († 1842 г.), съ младенчества своего была поставлена въ среду богатѣйшей древнедворянской фамилии, старшимъ представителемъ которой былъ отецъ ея матери, Наталья Петровна Кучиной, генераль Петръ Алексѣевичъ Яковлевъ. Эта фамилія, въ мужеской вѣтви, нынѣ угасла. Въ свое же время, то-есть въ концѣ прошлаго и въ первыя десятилѣтія теку-

щаго столѣтія, она соединяла въ своей средѣ нѣсколько чрезвычайно типическихъ личностей.

Перо одного изъ талантливыхъ писателей нашего времени произвело уже нѣсколько художественныхъ бытовыхъ картинъ, въ которыхъ ярко освѣщены члены этой фамиліи. Это не отнимаетъ, однако, ни интереса, ни значенія въ воспоминаніяхъ близкой родственницы, совоспитанницы и друга дѣтства этого писателя. Если г-жа Пассекъ, при общности нѣкоторыхъ замѣтокъ съ этимъ писателемъ, и вынуждена, въ первыхъ двухъ-трехъ главахъ, воспользоваться нѣкоторыми изъ характеристикъ ея родственниковъ, начертанныхъ его мастерскимъ перомъ, тѣмъ не менѣе, въ послѣдующихъ главахъ, у нея много и своихъ фактовъ, подмѣченныхъ тономъ, чисто съ женскою наблюдательностью.

Воспоминанія Татьяны Петровны обнимаютъ довольно много главъ: въ нихъ рисуются жизнь московскаго общества, бытъ русскаго дворянства въ провинціи, въ царствованіе Александра I, очерки быта молодежи московскаго университета тридцатыхъ годовъ, выступаетъ кружокъ друзей ея мужа Вадима Пассека и проч. Авторъ, составляя записки,—не столько для печати, сколько для себя,—нѣкоторыя главы не призналъ пока возможнымъ печатать: онѣ слишкомъ семейнаго, частнаго характера, а потому оставлены пока въ рукописи.

Ред.

ГЛАВА ВТОРАЯ ¹⁾.

М л а д е н ч е с т в о.

1813 — 1814.

«Оль, передъ моими глазами, переходилъ изъ своей младенческой хризолиты къ жизни полной». —ъ.

Было лѣто. Мы жили въ подмосковной деревнѣ. Разъ, оставшись одна дома, утомленная зноемъ, легла я отдохнуть, въ гостиной, на диванѣ. Вокругъ меня не было ни звука, ни дви-

¹⁾ Въ первой, опущенной главѣ (до 1812 г.), авторъ описываетъ дѣтство своей матери, проведенное въ богатомъ селѣ Тверской губерніи, близъ г. Корчевы, въ Новосельѣ — имѣніи Петра Алексѣевича Яковлева; воспитаніе матери и увозъ ее помѣщикомъ Кучинымъ. Эпиграфомъ въ первой главѣ приведены слѣдующіе стихи:

Ред.

Когда мы въ памяти своей
Проходимъ прежнюю дорогу,
Въ душѣ всѣ чувства прежнихъ дней

женія. Изъ далекой пустоши доносилась пѣсня и, какъ бы, удваивала тишину. Въ раскрытыя окна и двери балкона, сквозь опущенныя занавѣси, пробивались лучи солнца и наполняли комнату какимъ-то волшебнымъ, золотистымъ свѣтомъ. Читать не было возможности, но можно думать, и я задумалась о быломъ.

Тихо вызывала я «моихъ прошедшихъ дней исчезнувшія тѣни».

-Изъ отдаленныхъ мѣстъ, изъ смолкнувшихъ времятъ,
 -Онѣ передо мной, ласкаясь, возникали,
 -И я, забывшись, поникла въ кроткой сонъ
 -Про счастье дѣтское, про дѣтскія печали...
 -О, погодите же! Вживитесь въ жизнь мою...»

Какъ сквозь утренній туманъ, представилась обширная дѣтская комната, раздѣленная колоннами, а за ними двѣ маленькія кровати. Въ итальянское окно, длинной, широкой полосой падаютъ лучи закатывающагося солнца, и вытягиваются тѣни всѣхъ предметовъ, находящихся въ комнатѣ. Зайчикъ, свѣтлымъ, радужнымъ кружкомъ, мелькаетъ по стѣнѣ. Старушка-няня вертитъ хрустальную подвѣску, упавшую отъ люстры, забавляется какъ я ловлю зайчика и дивлюсь, что онъ убѣгаетъ изъ-подъ нажавшей его рученки.

Изъ-за этой картины выдвигается широкая терраса. Передъ ней паркъ, прудъ; густо обнесенный акаціями; сквозь акаціи виднѣются бѣлыя мраморныя статуи и бюсты. На террасѣ—моя мать; она держитъ меня на колѣняхъ, качаетъ и ласкаетъ, то расчесываетъ мои бѣлокурые волосы...

Что это? Кричитъ иволга, шумитъ лѣсъ. Какъ сквозь дымку вижу—цвѣтутъ розы, зеленѣютъ деревья.

Въ сосновой рошѣ горитъ огонекъ на сложенныхъ въ кѣлѣву кирпичикахъ. Двѣ старушки пекутъ, на огонькѣ, сырѣшки. Подлѣ нихъ, на подушкѣ, сидитъ братъ мой, Алеша, изъ-за маленькой повозочки выглядываю я.

Набѣгаетъ густой туманъ и все скрывается за нимъ. Когда въ одномъ мѣстѣ стало проясняться, то не было уже видно ни прежней дѣтской, ни парка, ни пруда; я играю на обширномъ

Вновь оживаютъ по немногу,
 И грусть, и радость тѣ же въ ней,
 И знаетъ ту-жъ она тревогу,
 И такъ же вновь тѣсняется грудь,
 И такъ же хочется вдохнуть.

И. А. — въ.

дворѣ, поросшемъ травой, и валяюсь по ней между одуванчиковъ и волоколичиковъ, забавляясь кузнечиками и божьими коровками.....

Цѣлый рядъ едва уловимыхъ образовъ тихо протекаетъ передъ моимъ внутреннимъ взоромъ. Какъ бы начерченные на облакахъ, они безпрестанно видоизмѣняются, блѣднѣютъ, снова образуются, таятъ, исчезаютъ и уносятъ съ собою цѣлую часть жизни. Когда на дальномъ горизонтѣ опять появились образы—очертанія ихъ были уже отчетливѣе. Точно теперь вижу, какъ разъ, проснувшись рано поутру, я услышала, въ сосѣдней комнатѣ, оживленный разговоръ и незнакомый дѣтскій голосъ. Въ одной рубашенкѣ, босикомъ, я встала съ постели, растворила дверь и остановилась на порогѣ, увидавши мать мою и какую-то незнакомую молодую даму, которыя держали за руки, стоявшаго на столѣ, ребенка и надѣвали на него мой теплый, левантиновый капотецъ, стальнаго цвѣта. Огорченная этимъ зрѣлищемъ, я заплакала, чѣмъ и обратила на себя общее вниманіе.

Ребенокъ этотъ былъ Александръ Ивановичъ Г — нъ, впоследствии столь извѣстный въ литературѣ подъ именемъ И — а, а незнакомая дама — его мать.

Вѣроятно, страхъ лишиться капотца запечатлѣлъ этотъ случай такъ глубоко въ моей памяти.

Впоследствии мнѣ рассказывали, какъ тогда мать моя взяла меня на руки, уговаривала не плавать, а я, указывая на ребенка, усѣвшагося въ моемъ капотцѣ на столѣ, плакала еще сильнѣе и долго не могла уняться, сколько ни старались меня урезонить и разжалобить, сколько ни склоняли меня на дружбу къ Александру, говоря, что маленькій Саша мнѣ родня, милый мальчикъ, надобно его любить, отдать ему не только капотецъ, но подѣлиться платицами и рубашечками; что ему нечего надѣтъ — все отняли французы, а жадничать стыдно, но я была неутѣшима.

Когда я успокоилась, мать Александра взяла меня на руки, приласкала и посадила подлѣ Саши на столъ, чтобы мы поцѣловались и познакомились.

Севозъ слезы я его обняла, поцѣловала и, надувши губы, дала ему такой толчокъ, что онъ едва не полетѣлъ со стола. За этотъ подвигъ, другимъ толчкомъ, меня согнали со стола.

За нѣсколько дней передъ этимъ, Александръ и мать его при-

ѣхали въ Новоселье съ Иваномъ Алексѣвичемъ Яковлевымъ, мать моя ихъ навѣстила наканунѣ, а вечеромъ Сашу съ матерью привезла къ намъ ночевать.

Мать Александра—Генриетта-Луиза-Вильгельмина Гаагъ, родилась въ Штутгартѣ, отъ небогатыхъ родителей. Жизнь ея, въ родномъ семействѣ, была тяжела и несчастна, поэтому она часто гостила, по нѣскольку дней, въ одномъ богатомъ домѣ, гдѣ бывали русскій посланникъ Левъ Алексѣвичъ Яковлевъ и братъ его Иванъ Алексѣвичъ. Оба брата, узнавши о несчастной жизни хорошенькой, пятнадцати-лѣтней Генриетты, относились къ ней съ участіемъ и, шутя, предлагали ей перейти къ нимъ въ посольство. Однажды, сильно обиженная и огорченная, она ушла изъ родительскаго дома, явилась въ русское посольство и просила, чтобы ее тамъ скрыли.

Ей дали должность - по утрамъ наливать кофе посланнику и его брату. Вскорѣ Иванъ Алексѣвичъ Яковлевъ уѣхалъ въ Италію. Возвратясь, онъ нашелъ Генриетту беременной. Это было въ концѣ 1811 года, въ Касселѣ, гдѣ—при королѣ Жеромѣ Бонапартѣ—Левъ Алексѣвичъ состоялъ посланникомъ.

Готовилась война, Иванъ Алексѣвичъ собирался въ Россію. Прѣздъ былъ не безопасенъ и для мужчины, поэтому Генриетту хотѣли передать ея семейству. Она пришла въ такое отчаяніе, что Иванъ Алексѣвичъ рѣшился взять ее съ собой. Для большаго удобства, дѣвушку переодѣли въ мужское платье и обрѣзали ей волосы.

Приѣхавши въ Москву, они остановились на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Александра Алексѣвича Яковлева. 25-го марта 1812 года, въ бель-этажѣ этого дома, у Генриетты родился сынъ. Его назвали Александромъ, въ честь крестнаго отца Александра Алексѣвича, а по отчеству Ивановичемъ, по Ивану Алексѣвичу, усыновившему его, какъ воспитанника. Фамилію ему дали Герценъ, подразумѣвая подъ этимъ, что онъ «даръ сердца» и желая этой фамиліей выразить свою любовь къ нему ¹⁾.

Александръ родился слабымъ, педуннымъ. Къ нему взяли кормилицу изъ крестьянокъ—Дарью. Сверхъ того, приставили къ нему

¹⁾ Александръ, будучи моложе меня, приходился мнѣ дядей. Т. II.

няню — Вѣру Артамоновну, пожилую дѣвушку, худощавую, съ наивно-добродушнымъ лицомъ съ длинной, морщиноватой шеей.

Чтобы прислугѣ не такъ затруднительно было называть Генриетту, изъ всѣхъ имянъ ея выбрали, какъ самое легкое имя Луизы, а по Ивану Алексѣвичу назвали Ивановной. Александра же, по безмѣрной любви къ нему — отецъ и всѣ родные, отъ самаго рожденія мальчика — звали его «Шушкой»; названіе это перешло и къ его сыну, также Александру.

Въ то время, какъ Иванъ Алексѣвичъ уѣхалъ за границу, въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ у него родился сынъ Егоръ Ивановичъ. Кстати, за одно съ Александромъ и Егору Ивановичу дали фамилію Герцена, не смотря на то, что Иванъ Алексѣвичъ былъ къ нему больше, чѣмъ холодеиъ.

Второго Г — на, когда ему было четыре или пять лѣтъ, взяла къ себѣ княгиня Хованская.

Когда Иванъ Алексѣвичъ возвратился изъ-за границы, княгиня представила ему его сына. Посмотрѣвши на ребенка, отецъ положилъ ему на плечо руку, холодно поцѣловалъ и, обратясь къ сестрѣ на французскомъ языкѣ выразилъ свое неудовольствіе за то, что она, не посовѣтовавшись съ нимъ, взяла на воспитаніе его дитя.

Повидимому, Иванъ Алексѣвичъ, съ перваго взгляда, почувствовалъ нерасположеніе къ Егору Ивановичу, которое и продолжалось до конца его жизни. Оно выражалось, ни чѣмъ не заслуженными, притѣсненіями, доходившими до оскорбленій самыхъ глубочайшихъ.....

Еще въ дѣтствѣ у Егора Ивановича оказалась болѣзнь, вслѣдствіе которой ему сдѣлана была операція. При приближеніи къ Москвѣ непріятеля, вмѣстѣ съ прочими жителями изъ нея стала выбираться и княгиня. Егора Ивановича, еще не оправившагося послѣ операціи, она оставила въ Москвѣ у отца и при немъ нянюку, которую за ея оригинальность называли «Костенькой». Съ этого времени больной остался у отца навсегда. На мальчика не было обращено ни малѣйшаго вниманія, между тѣмъ онъ былъ далеко не безъ способностей — въ особенности къ музыкѣ. Впослѣдствіи онъ уже собственнымъ трудомъ добился въ ней значительныхъ успѣховъ.....

Родные Ивана Алексѣвича, выѣзжая изъ Москвы, уговари-

вали его, не мѣшкая, выѣхать, но онъ, сговорившись съ своимъ зятемъ, Павломъ Ивановичемъ Голохвастовымъ, ѣхать вмѣстѣ, все толковалъ, да перетолковывалъ, собирался, да откладывалъ, и просбирался до тѣхъ поръ, пока непріятель вступилъ въ Москву—въ то самое время какъ они были готовы къ отъѣзду. Карета, коляска и бричка стояли запряженными у крыльца, а они сѣли, передъ дорогой, пообѣдать. Павелъ Ивановичъ былъ еще въ своемъ домѣ. Во время обѣда Иванъ Алексѣевичъ спросилъ воды; ему отвѣтили, что дворникъ давно уѣхалъ съ бочкой за водой и неизвѣстно почему его, до сихъ поръ нѣтъ, а черезъ нѣсколько минутъ камердинеръ Ивана Алексѣевича доложилъ, не своимъ голосомъ, что дворникъ возвратился безъ бочки и безъ лошади, что ихъ отняли у него французы. Всѣ встали изъ-за стола. Подойдя къ окну, увидали французскихъ драгунъ, въ каскахъ, съ конскими хвостами, идущихъ по бульвару и скачущихъ по улицѣ.

Заставы были, тотчасъ, заперты. Выѣздъ изъ Москвы былъ запрещенъ. Такъ Иванъ Алексѣевичъ, со всѣми своими, въ ней и остался.

Вскорѣ домъ Александра Алексѣевича Яковлева загорѣлся.... Всѣ вышли на площадь Страшнаго монастыря и сѣли на сложенные тамъ бревна.

Полупьяный французскій солдатъ, увидавши на бревнахъ многочисленную компанію, подошелъ къ ней со штофомъ водки и сталъ ихъ подчивать. Замѣтивши на Иванѣ Алексѣевичѣ шляпу, онъ снялъ ее съ него вмѣстѣ съ парикомъ и надѣлъ на себя, потомъ стащилъ съ него и сапоги. По счастью, по площади проходилъ французскій офицеръ со взводомъ солдатъ; увидавши грабежъ, онъ заставилъ солдата возвратитъ отнятыя вещи. Вскорѣ передъ ними проѣхали ихъ экипажи, со всѣми уложенными въ нихъ пожитками, увезенные непріятелями.

Съ площади отправились въ домъ Голохвастова, находившійся на противоположномъ концѣ бульвара; домъ Голохвастова загорался. Они вошли въ садъ. Въ саду нашли Павла Ивановича сидящимъ на скамейкѣ, а подлѣ него сложены были его вещи. Они помѣстились вмѣстѣ съ нимъ, но не успѣли еще отдохнуть, какъ въ садъ ворвалось нѣсколько польскихъ уланъ и ограбили ихъ до чиста, даже пеленки съ ребенка снимали. Одинъ уланъ потя-

нулъ у Павла Ивановича изъ кармана золотыя часы; Павелъ Ивановичъ часовъ не давалъ, говоря и божась, что онъ не можетъ отдать ему эти часы, что они ему дороги, потому что ихъ прислалъ ему изъ Лондона братъ—Левъ Алексѣевичъ, на память. Въ отвѣтъ на это уланъ, на память отъ себя, ударилъ его саблей по лицу и разсѣкъ носъ, а часы отобралъ.

Когда они остались одни, кормилица Александра, одѣтая въ нагольный тулупъ, засунула себѣ за пазуху полуобнаженнаго ребенка и подвязалась поясомъ, чтобы онъ не выпалъ.

Передъ ихъ глазами домъ Голохвастова превратился въ развалины. Они оставили садъ и вопли въ первый встрѣтившійся домъ, но едва въ немъ помѣстились, какъ съ улицы имъ закричали: «выходите, огонь!» Домъ горѣлъ. Они нѣспѣшно вышли и стали искать новаго убѣжища; добравшись до Тверской площади, сѣли отдохнуть. Вблизи солдаты тушили пожаръ; по площади ходили караульные, ѣздили верховые. У кормилицы пропало молоко, ребенокъ кричалъ, надрываясь отъ голода. Костенька, видя, что солдаты что-то ѣли, отправилась къ нимъ и знаками, да указывая на ребенка, говорила: manger,—а по-русски бранила солдатъ, разсмѣшила ихъ, и такимъ образомъ выпросила у нихъ хлѣба и воды для ребенка. Эту ночь они провели на площади. Поутру французскій офицеръ забралъ всю мужскую прислугу, а вмѣстѣ съ ними и Ивана Алексѣевича, заливать горѣвшіе дома. Вечеромъ, возвращаясь съ должности бригадъ-майора, Иванъ Алексѣевичъ встрѣтилъ эскадронъ итальянскихъ кавалеристовъ. Онъ подошелъ къ ихъ начальнику, рассказалъ ему по-итальянски о положеніи своего семейства и просилъ о помощи. Офицеръ обѣщалъ просьбу его передать герцогу Тревизскому, а пока отрядилъ офицера оберегать ихъ и снабдилъ съѣстными припасами. Они помѣстились въ домѣ, кажется, князя Одоевскаго, на Тверской площади, но не успѣли еще тамъ расположиться, какъ услышали военную музыку. Подойдя къ окну, увидали Наполеона, окруженнаго блестящей свитой и войскомъ. Императоръ ѣхалъ верхомъ по Тверской площади; Иванъ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ Луизой Ивановной, вышелъ на площадь, приблизился къ Наполеону и сталъ просить у него пропускъ изъ Москвы себѣ и своему семейству. Наполеонъ, узнавши, что онъ Яковлевъ, спросилъ его:

не родственникъ ли онъ тому Яковлеву, который былъ посланникомъ въ Вестфалии?

— «Это мой братъ», отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ.

Наполеонъ сказалъ ему, чтобы онъ явился къ нему во дворецъ, когда онъ назначитъ время.

На слѣдующее утро, Мортъе, знавшій Ивана Алексѣевича еще въ Парижѣ, обратилъ на него вниманіе Наполеона какъ на русскаго вельможу, способнаго вести переговоры съ русскимъ дворомъ. Императоръ велѣлъ И. А. Яковлеву явиться къ нему. Въ синемъ, поношенномъ полуфракѣ съ бронзовыми пуговицами, назначенномъ для охоты, безъ парика, въ сапогахъ нѣсколько дней нечищенныхъ, въ грязномъ бѣльѣ, съ небритой бородой, Иванъ Алексѣевичъ, «поклонникъ приличій и строжайшаго этикета, явился въ тронную залу Кремлевскаго дворца, по зову Наполеона».

Разговоръ ихъ, который мы вмѣстѣ съ Сашей столько разъ слышали, довольно вѣрно переданъ въ исторіи барона Фена и въ исторіи Михайловскаго-Данилевскаго.

«Послѣ обыкновенныхъ фразъ, отрывочныхъ словъ и лаконическихъ отмѣтокъ, которыми лѣтъ тридцать пять приписывали глубокой смыслъ, пока недогадались, что смыслъ ихъ былъ очень пошлъ, Наполеонъ разбранилъ Растопчина за пожаръ, говорилъ, что это вандализмъ; увѣрялъ, какъ всегда, въ своей непреодолимой любви къ миру; толковалъ, что его война въ Англіи, а не въ Россіи, хвастался тѣмъ, что поставилъ караулъ въ Воспитательному дому и въ Успенскому собору, жаловался на императора Александра, говорилъ, что онъ дурно обруженъ, что мирныя расположенія его неизвѣстны русскому императору.

«Иванъ Алексѣевичъ замѣтилъ, что предлагать миръ — скорѣе дѣло побѣдителя.

— «Я сдѣлалъ, что могъ, посылалъ къ Кутузову; онъ не вступаетъ ни въ какіе переговоры, не доводитъ до свѣдѣнія государя моихъ предложеній. Хотятъ войны, не моя вина — будетъ имъ война!»

«Послѣ всей этой комедіи, Иванъ Алексѣевичъ попросилъ у него пропусокъ для выѣзда изъ Москвы.

— «Я пропусковъ не велѣлъ ни кому давать, за чѣмъ вы ѣдете, чего вы боитесь? я велѣлъ открыть рынки».

«Императоръ французовъ, въ это время, кажется, забылъ, что сверхъ открытыхъ рынковъ, не мѣшаетъ имѣть покрытый домъ, и что жизнь на Тверской площади, среди непріятельскихъ солдатъ, не изъ самыхъ пріятныхъ.

«Иванъ Алексѣевичъ замѣтилъ ему это. Наполеонъ подумалъ и вдругъ спросилъ:

— «Возьметесь-ли вы доставить императору письмо отъ меня; на этомъ условіи я велю вамъ дать пропускъ со всѣми вашими».

— «Я принялъ бы предложеніе, ваше величество, замѣтилъ ему Иванъ Алексѣевичъ, но мнѣ трудно ручаться.

— «Даєте-ли вы честное слово, что употребите всѣ средства лично доставить письмо?»

— «Je m'engage sur mon honneur, Sire».

— «Этого довольно. Я пришлю за вами. Имѣете ли вы въ чемъ-нибудь нужду?»

— «Въ крышѣ для моего семейства, пока я здѣсь, больше ни въ чемъ».

— «Герцогъ Тревизскій сдѣлаетъ, что можетъ.

«Мортъе, дѣйствительно, далъ комнату въ генераль-губернаторскомъ домѣ и велѣлъ насъ снабдить съѣстными припасами; его метръ-д'отель прислалъ даже вина. Такъ прошло нѣсколько дней, послѣ которыхъ, въ четыре часа утра, Мортъе прислалъ за Иваномъ Алексѣевичемъ адъютанта и отправилъ его въ Кремль.

«Пожаръ достигъ, въ эти дни, страшныхъ размѣровъ, накаленный воздухъ, непрозрачный отъ дыма, становился невыносимъ отъ жара. Наполеонъ былъ одѣтъ и ходилъ по комнатамъ, озабоченный, сердитый. Онъ начиналъ чувствовать, что опаленные лавры его скоро замерзнуть, и что тутъ не отдѣлаешься таковой штукой, какъ въ Египтѣ.

Планъ войны былъ нелѣпъ, — это знали всѣ, кромѣ Наполеона, Ней, Нарбонъ, Бертъе и простые офицеры; на всѣ возраженія, онъ отвѣчалъ кабалистическимъ словомъ «Москва»; въ Москвѣ догадался и онъ.

«Когда Иванъ Алексѣевичъ вошелъ, Наполеонъ взялъ запечатанное письмо, лежавшее на столѣ, подаль ему и сказалъ, откланиваясь: «Я полагаюсь на ваше честное слово». На конвертѣ было написано: «à mon frère l'Empereur Alexandre».

Пропускъ, данный Яковлеву, долго былъ цѣль въ его семей-

ствѣ; онъ подписанъ былъ герцогомъ Тревизскимъ и внизу сѣрбиленъ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ Лесепсомъ.

Множество крестьянъ, принадлежавшихъ Яковлевымъ, проживавшихъ въ Москвѣ, и нѣсколько постороннихъ лицъ, узнавъ о пропускѣ, просили взять ихъ, подъ видомъ прислуги или родныхъ. Для Луизы Ивановны съ ребенкомъ и больнымъ Голохвастовымъ, дана была четырехмѣстная карета, остальные ѣхали въ коляскѣ и открытой линейкѣ, толпа народа шла пѣшкомъ. Отрядъ французскихъ уланъ проводилъ ихъ до русскаго аррьергарда.

Вокругъ Москвы стояла французская кавалерія въ боевомъ порядкѣ. Она пропустила странныхъ выходцевъ до передовой цѣпи. Провожавшіе ихъ уланы, въ виду русскаго войска, раскланялись и пожелали имъ счастливаго пути. Яковлевъ былъ принять на передовыхъ нашихъ постахъ какъ лице подозрительное.

Черезъ минуту, ихъ окружили казаки и повели въ главную квартиру аррьергарда. Тутъ начальствовали Винценгероде и Иловайскій IV-й.

Узнавъ о письмѣ Наполеона къ государю, Винценгероде немедленно отправилъ Ивана Алексѣевича съ двумя драгунами, на фельдъегерскихъ, въ Петербургъ къ императору Александру Павловичу.

Иловайскій говорилъ Ивану Алексѣевичу, что его семейству тутъ оставаться невозможно, что они не видятъ ружейныхъ выстрѣловъ и, со дня на день, можно ждать серьезнаго дѣла. Иванъ Алексѣевичъ просилъ Иловайскаго доставить его семейство въ его ярославское имѣніе, и при этомъ сказалъ, что у него нѣтъ ни копейки денегъ.

— «Сочтемся послѣ, отвѣчалъ Иловайскій, будьте покойны, даю вамъ слово доставить ихъ до мѣста».

И сдержалъ слово.

По отъѣздѣ Ивана Алексѣевича, онъ отправилъ остальныхъ, въ тѣхъ экипажахъ, которые они получили для выѣзда изъ Москвы¹⁾. до ближайшаго городка, съ партіей плѣнныхъ, подъ прикрытіемъ казаковъ, снабдилъ деньгами на прогоны и вообще сдѣлалъ все, что было возможно въ суетѣ и тревогѣ военнаго времени.

«Ивана Алексѣевича привезли къ Аракчееву и у него въ домѣ

¹⁾ Карета въ цѣлости хранилась у Ивана Алексѣевича, и мы не рѣдко въ ней ѣзжали.

задержали. Графъ спросилъ письмо. Иванъ Алексѣевичъ отвѣчалъ, что далъ честное слово доставить его государю лично. Графъ обѣщаль доложить государю, и на другой день, письменно сообщилъ, что государь поручилъ ему взять письмо, для немедленнаго доставленія. Въ полученіи письма Аракчеевъ далъ росписку.

Около мѣсяца Иванъ Алексѣевичъ жилъ въ Петербургѣ подъ арестомъ, въ домѣ Аракчеева. Къ нему никого недопускали; одинъ Шишковъ пріѣзжалъ, по приказанію государя, разспросить о подробностяхъ пожара, вступленіи непріятели и о свиданіи съ Наполеономъ. Онъ былъ первый очевидецъ, явившійся въ Петербургъ. Наконецъ, Аракчеевъ объявилъ Ивану Алексѣвичу, что императоръ велѣлъ его освободить, не ставя ему въ вину, что онъ взялъ пропускъ отъ непріятельскаго начальства, что извиняется крайностью, въ которой онъ находился. Освобождая его, Аракчеевъ велѣлъ ему немедленно ѣхать изъ Петербурга, не выдавшись ни съ кѣмъ, кромѣ старшаго брата, съ которымъ разрѣшено было проститься. Высланному запрещенъ былъ и на будущее время вѣздъ въ Петербургъ. Это событіе осталось *le grand événement de sa vie*, за которымъ послѣдовали многіе годы глубокаго покая въ Москвѣ и разстройства здоровья отъ поѣздки въ осеннее время на фельдъегерскихъ.

Луиза Ивановна, пріѣхавши съ остальными въ небольшую ярославскую деревеньку, помѣстилась въ крестьянской избѣ—господскаго дома не было. Они терпѣли пропастъ неудобствъ въ жестокую зиму 1812 года. Окна плохо притворялись, снѣгъ пробивался въ щели, заносилъ часть скамбей и лежалъ на подушкахъ. Всѣ были въ большомъ смущеніи, особенно Луиза Ивановна. Она боялась полудикихъ людей съ бородами, одѣтыхъ въ нагольные тупцы, говорившихъ на совершенно неизвѣстномъ ей языкѣ. А эти дивари жалѣли ее со всѣмъ радушіемъ, со всей простотой своей. Староста посылалъ нѣсколько разъ своего сына въ городъ за изюмомъ, пряниками и баранками для нее.

Спустя лѣтъ пятнадцать, послѣ этого времени, староста былъ еще живъ: онъ пріѣзжалъ, временами, въ Москву и всегда привозилъ гостинцы. Луиза Ивановна угощала его чаемъ, обѣдомъ и вспоминала зиму, проведенную вмѣстѣ; какъ она его боялась, а маленькій Саша вовсе не боялся его бороды, и охотно ходилъ къ нему на руки.

Весной, Иванъ Алексѣевичъ со всѣми своими пріѣхалъ въ тверское имѣніе моего дѣда—Новоселье. Дѣда моего въ Новосельѣ уже не было—онъ лечился въ Твери. Съ нимъ была его жена и большая часть прислуги.

Вслѣдъ за Иваномъ Алексѣевичемъ пріѣхалъ и Александръ Алексѣевичъ.

Устроивши въ Новосельѣ Луизу Ивановну и дѣтей, оба брата отправились въ Тверь. Тамъ они помѣстились въ квартирѣ большого моего дѣда, старшаго своего брата, не столько изъ участія къ нему, сколько изъ ненависти и недовѣрія къ его женѣ, которую, за-глаза, называли вдовой Ульской, плутовкой и мошенницей. Опасаясь, чтобы она не сдѣлала чего въ ущербъ ихъ интересамъ, они хотѣли слѣдить за всѣми ея дѣйствіями, и не успѣли.

Еще до ихъ пріѣзда она успѣла сдѣлать фальшивое (какъ былъ общій слухъ) духовное завѣщаніе въ свою пользу¹⁾.

Оставшись одна съ дѣтьми и больнымъ Павломъ Ивановичемъ въ Новосельѣ, Луиза Ивановна почти не раставалась съ моей матерью. Онѣ такъ привязались другъ къ другу, что до конца дней моей матери оставались друзьями.

Время, проведенное ими въ Новосельѣ, представляется мнѣ какъ неясный сонъ, и мѣстами только вырѣзываются отчетливыя представленія. Большею же частью, все, что тогда было, мнѣ извѣстно по разсказамъ.

Въ памяти у меня сохранилось какъ я тревожилась и огорчалась, видя, что вниманіе и заботы всѣхъ обращены на маленькаго, слабаго здоровьемъ, Сашу, а обо мнѣ какъ-будто забывали.

Матери я нѣсколько боялась—она была вспыльчива и иногда меня сѣкла, но, несмотря на это, я рѣшалась къ ней подходить, ласкалась и увѣряла, что люблю ее больше, нежели Сашенька, что Саша ей никогда этого не скажетъ, что онъ глупъ, не ходитъ и не говоритъ. Мать брала меня на колѣни, цѣловала, говоря: «И я тебя люблю—ты моя дочка, люблю и Сашу. Чѣмъ же онъ глупъ?... Онъ умное дитя, а не ходитъ и не говоритъ потому, что малъ и нездоровъ. Если ты дѣвочка умная, то мо-

¹⁾ Мой дѣдъ, не задолго до своей кончины, обвинчался со вдовой чиновника Ульскаго, отъ которой не имѣлъ дѣтей. Моя мать была дочерью одной швейцарки, увезенной Петромъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ. Т. II.

жешь понять, что ты старше его, поэтому должна его учить, беречь и утѣшать».

Я вслушивалась это съ стѣсненнымъ сердцемъ.

Когда, послѣ такихъ разговоровъ, я видѣла, какъ Саша переходилъ съ рукъ на руки, и мать моя заставляла его прыгать на своихъ коленяхъ, подѣ дѣтскія пѣсни, то, чтобы понравиться ей, я сама начинала передъ нимъ прыгать, хлопать въ ладоши и пѣть. Александръ, всегда серьезный, какъ бы всматривающійся во все, что его окружало, глядя на меня, радостно протягивалъ ко мнѣ рученки и улыбался.

Еще грустнѣе было мнѣ, когда Сашей занималась сестра моей матери, Елисавета Петровна. Я ее любила больше нежели мать, потому что она обращалась со мной кротко и разсудительно. Чтобы отвлечь ее отъ него, я тащила къ ней свои книжки съ картинками и просила ее мнѣ ихъ объяснять. Увѣряла ее въ своей привязанности, измѣряла свои чувства къ разнымъ лицамъ, видимыми предметами.

— «Вась, говорила я тетушкѣ, люблю до неба, и протягивала руки къ небу; маму — до церкви, Сашу — до пола».

Мало по малу, я стала привыкать къ Сашѣ и любить его. Видя какъ онъ радуется, когда я подхожу къ нему и обнимаю меня своими худенькими рученками, я стала играть съ нимъ; держала за ручку, когда онъ переступалъ, учила говорить. Когда его катали по саду въ повозочкѣ—бѣжала подлѣ. Погулявши, мы всегда останавливались отдохнуть въ англійскомъ домикѣ,—Сашу вносили въ зеленую комнату, и всѣ входили туда же. Тамъ мы помѣщались на широкихъ диванахъ. Увеселяя Сашу и себя, я начинала на диванѣ скакать, кататься и часто, разыгравшись, поднимала такой шумъ, что выводила всѣхъ изъ терпѣнія. Чтобы унять меня, нянька брата моего, всегда прибѣгала къ одному, разъ ей удавшемуся средству, она говорила:

— «Вотъ, постойте, уже баба-яга сойдетъ со стѣны, да и съѣстъ васъ за то, что вы не слушаетесь. Съ этими словами, отдергивала зеленый флеръ, закрывавшій картину Тиціана—Венеру, сдѣланную во весь ростъ. Зная, что такое баба-яга изъ сказокъ, я, въ ужасѣ, спрыгивала съ дивана и инстинктивно ретировалась къ окну, чтобы, въ случаѣ бѣды, изъ него выпрыгнуть въ рошу и убраться. Но такъ какъ предметъ, котораго мы боимся, насъ

къ себѣ притягиваетъ. то и я, ретируясь къ окну, не спускала глазъ съ Венеры. Часто, засмотрѣвшись на красоту ея лица и тѣла, забывала страхъ, и потихоньку начинала подходить къ картинѣ, а вскорѣ и совсѣмъ перестала ее бояться.

Одно изъ любимыхъ мѣстъ моихъ въ Новосельѣ, какъ въ первомъ возрастѣ моемъ, такъ и впослѣдствіи, была широкая канава, отдѣлявшая паркъ отъ темнаго бора. Канава эта была всегда полна воды, отъ этого берега ея осыпали кукушкины слезки и ряды крупныхъ незабудокъ.

Когда Сашу везли около этой канавы, онъ всегда тянулся къ ярко голубѣвшимъ цвѣтамъ. Я бѣжала нарвать ихъ ему, но иногда, наклонившись къ незабудкамъ, вдругъ отдергивала руку—мнѣ казалось, что онѣ смотрятъ на меня своимъ лазоревымъ взоромъ и говорятъ:

— «Не рви насъ — мы живемъ.....»

Въ то время, какъ въ Корчевѣ и Новосельѣ текла тихая, идиллическая жизнь, въ Твери кипѣла вражда и тревога.

Дѣдъ мой былъ ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ. Сохраняя полное самосознаніе, онъ съ огорченіемъ видѣлъ и понималъ все, что вокругъ него происходило. Жена и братья толпились у его постели, считали каждый часъ его жизни и нетерпѣливо ждали его конца.

Бывшіе, въ это время при дѣдѣ, рассказывали мнѣ, что онъ нѣсколько разъ старался выразить братьямъ какое-то желаніе, но они или дѣйствительно не понимали его, или не хотѣли понять. Разъ, въ присутствіи своего духовника, онъ такъ ясно выразилъ требованіе, чтобы подали ему образъ Спасителя, много лѣтъ находившійся въ ихъ семействѣ, что нельзя было не исполнить его воли. Ему подали образъ и поставили подлѣ него на столѣ. Здоровой рукой онъ пригласилъ братьевъ подойти къ себѣ, а женѣ знакомъ велѣлъ подать свою шкатулку и отпереть ее. Когда вынули изъ шкатулки актъ, которымъ дѣти его признавались законными и наследниками, онъ схватилъ его, залился слезами и, указывая бумагой на образъ, трясъ ее передъ братьями. Духовникъ былъ взволнованъ. Обращаясь къ больному, онъ сказалъ:

— «Можетъ быть, вы желаете, чтобы братцы ваши, передъ образомъ Спасителя, дали обѣтъ исполнить волю вашу, изложенную въ этой бумагѣ?»

Дѣдъ радостно сдѣлалъ утвердительный знакъ и жестомъ просилъ братьевъ приступить къ образу.

Они повялились передъ Спасителемъ исполнить сказанное въ актѣ и приложились къ нему. Когда они кончили, дѣдъ показалъ имъ на образъ, потомъ на небо и строго погрозилъ пальцемъ.

Когда дѣдъ мой скончался, братья оставались въ Твери до шести недѣль, и заявили себя и отсутствующаго брата своего Льва Алексѣевича, законными наследниками.

Тѣло Петра Алексѣевича отправили въ Новоселье, по Волгѣ, въ большой шлюпкѣ, убранной, снаружи и внутри, чернымъ сукномъ и флеромъ.

Покойнаго сопровождала вдова Екатерина Валерьяновна и вся ихъ прислуга, въ глубокомъ траурѣ. У берега Корчевы, погребальная процессія остановилась — на берегу, гдѣ ожидали тѣло обѣ дочери Петра Алексѣевича также въ траурѣ и съ искренними слезами.

Всѣ провозатые вышли на берегъ, приглашенный священникъ отслужилъ панихиду—и процессія поплыла далѣе; въ ней присоединились и дочери покойнаго.

Въ Новосельѣ, когда еще не знали о случившемся, поваръ Сафонычъ сталъ говорить, со страхомъ и удивленіемъ, что часто слышать дивные голоса, гдѣ-то поющіе: «Святый Боже, святый вѣрнѣй, святый безсмертный, помилуй насъ!» Потомъ, и другіе начали увѣрять, что слышать, какъ бы въ воздухѣ, ангельское пѣніе.

Вскорѣ, въ Новосельѣ получили извѣстіе, что владѣлецъ его скончался, а тѣло его везутъ по Волгѣ, и приказъ, приготовить для него могилу, близъ алтаря въ выстроенной имъ церквѣ.

Тѣло встрѣтили на берегу — священникъ съ причтомъ и хоромъ пѣвчихъ. Тысячи человѣкъ народа осыпали берегъ. Дворовые и крестьяне рыдая подняли гробъ изъ шлюпки и на рукахъ донесли къ послѣдному пристанищу.

Дѣда положили близъ алтаря рядомъ съ Павломъ Ивановичемъ Голохвастовымъ, незадолго передъ тѣмъ, кончившимъ жизнь въ Новосельѣ отъ апоплексическаго удара. Павла Ивановича похоронили Луиза Ивановна, моя мать и тетка.

По духовному завѣщанію, имѣніе Шумново отдавалось вдовѣ покойнаго — Екатеринѣ Валерьяновнѣ. Братья завели съ нею

процессъ, въ которомъ оспаривали законность ея брака и духовнаго завѣщанія.

Иванъ и Александръ Алексѣевичи явились въ Новоселье, какъ законные наслѣдники. Съ матерью моею и теткою, они были ласковы и внимательны до крайности, называли ихъ племянницами. Какъ знавъ своего расположенія и участія въ дѣтяхъ брата-благодѣтеля, а еще больше для примиренія себя съ Богомъ и совѣстью, дали каждой племянницѣ по 3,000 рублей серебромъ, а матери ихъ 2,000 и приказъ оставить Шумново, гдѣ она въ это время проживала. Она переехала въ домъ въ мои родители. Каково все это переживалось ими — представить себѣ не трудно. Новоселье съ деревнями, и все, что находилось въ домѣ, нажитое тридцатилѣтними трудами и заботами моею бабушки, даже явно принадлежащее ей и ея дѣтямъ, и отлѣченное ихъ вензелями, какъ-то: серебро, фарфоръ, книги и другія вещи, все осталось у «законныхъ» наслѣдниковъ, т.-е. у братьевъ покойнаго.

Въ Новоселье Александръ Алексѣевичъ узналъ отъ бывшаго писмоводителя дѣда, крѣпостнаго его человѣка, Константина Толочанова, что въ спальнѣ покойнаго, дверь которой была запечатана, лежатъ въ бюро вольноотпускныя всѣмъ дворовымъ людямъ и листъ съ назначенными наградами. Прислуга у дѣда была прекрасная и многочисленная. Александръ Алексѣевичъ рѣшился удержать ее за собой и братьями.

Въ одну темную ночь, въ сопровожденіи Толочанова, онъ отправился въ садъ, и пробрался подъ окно спальни покойнаго брата. При помощи инструмента, онъ, вмѣстѣ съ Константиномъ, вынулъ раму изъ окна и взобрался въ комнату. На окна опустили темно-зеленыя штофныя занавѣсы, при свѣтѣ фонаря увидѣли бюро, очень знакомое Константину, и выбрали изъ него, какъ вольноотпускныя, такъ и наградный листъ. Вылѣзли обратно въ окно изъ спальни, вставили раму и, въ отдаленномъ углу сада, сожгли всѣ бумаги, пепель засыпали землей.

Надъ этой насыпью воздвиглись надгробнымъ памятникомъ мрачныя образы крѣпостныхъ мучениковъ и ихъ слезы.

Иванъ Алексѣевичъ ничего не зналъ, даже не подозрѣвалъ и, конечно, не допустилъ бы до этого преступленія.

Ужасъ и отчаяніе распространились по всему дому, когда

узнали, что вольныя и награды, о существованіи которыхъ всѣ знали навѣрное, уничтожены, и они поступаютъ въ раздѣлъ.

Помочь было нечѣмъ. Яковлевы были сила, а сила солому ломить. Несчастные, снова закрѣпленные, стали служить молебны и давать обѣты святымъ угодникамъ уже не объ освобожденіи своемъ, а о томъ только, чтобы не достаться на долю Александра Алексѣевича. Мушкетъ онъ тиранилъ и мучилъ, молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ бралъ въ свой гаремъ.

Иванъ Алексѣевичъ не гнался за прислугой, даже, по желанію брата, предоставлялъ ему нѣкоторыхъ на обмѣнъ, для избѣжанія споровъ и неприяностей.

Прислуга дѣлилась по жребію. Въ числѣ тѣхъ, которымъ назначены были вольныя и награды, находилась крестьянская дѣвушка Лиза — побочная дочь моего дѣда.

Александрѣ Алексѣевичу досталось семейство, бывшаго управляющаго дѣда, Григорія Андреяновича. Старика съ женой онъ оставлялъ при прежней должности, а двухъ дочерей — Машу и Наташу бралъ въ Москву. Дѣвушки, выросшія въ нѣгѣ и почетѣ, въ отчаянны, едва не убили себя. Отецъ упалъ къ ногамъ новаго господина, умоляя о пощадѣ. Господинъ его благосклонно поднялъ, обѣщалъ свои милости, а дочерей увезъ. Въ Москвѣ онъ заперъ обѣихъ дѣвушекъ въ верхнемъ этажѣ своего дома, и никого къ нимъ не допускалъ. Измученныя, онѣ нашли случай переслать письмо къ своимъ родителямъ, въ которомъ описывали свою ужасную жизнь.

Убитые горемъ, старики написали княгинѣ Хованской и Елис. Ал. Голохвастовой, умоляя заступиться за несчастныхъ дѣвушекъ и взять ихъ подъ свое покровительство. Когда сестры стали просить Александра Алексѣевича пощадить дѣтей Григорія Андреяновича въ память брата Петра, онъ привинулся изумленнымъ, началъ увѣрять, что все это клевета и онъ готовъ обѣихъ отпустить къ отцу, лишь только найдетъ къ дѣтямъ хорошую няньку, такъ какъ онѣ у него находятся при дѣтяхъ; что онѣ живутъ покойно и въ довольствѣ и ему ни на что не надобны, старшая — дурна какъ смертный грѣхъ, а меньшую — Наташу, онъ мало и видѣлъ — она отъ него все прячется.

Этимъ разговоромъ все и кончилось.

Достигнувши своей цѣли, Александръ Алексѣевичъ Машу

отправилъ къ родителямъ. Она поступила въ монастырь. Наташа, милостивая блондинка, томилась у него въ гаремѣ съ другими женщинами до его кончины. У нея родилась отъ него дочь Лиза. По смерти Александра Алексѣевича, она уѣхала къ родителямъ и увезла съ собою своего ребенка.

Старики, обнимая внучку, проклинали ея отца.

Отъ одной изъ заключенницъ у Александра Алексѣевича была дочь Наталья, впоследствии, жена Александра Г — на.

Сверхъ многихъ побочныхъ дѣтей, рожденныхъ отъ разныхъ матерей, Александръ Алексѣевичъ имѣлъ совершеннолѣтняго сына Алексѣя, умнаго, ученаго, образованнаго, извѣстнаго подъ названіемъ химика. О немъ Грибоѣдовъ сказалъ, въ своей безсмертной комедіи:

«Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
«Князь Федоръ, нашъ племянникъ.
«Онъ женщинъ бѣгаетъ...

Въ наводненіе 1824 года, Александръ Алексѣевичъ ѣхалъ по англійской набережной въ каретѣ, его залило водой, онъ простудился и въ началѣ 1825 года умеръ.

Незадолго до своей кончины, уже 60-ти лѣтъ, онъ женился на матери химика. Этимъ бракомъ привѣнчалъ своего сына и доставилъ ему всѣ права законнаго наслѣдства. Онъ поступилъ такимъ образомъ не изъ любви къ сыну, а изъ ненависти къ братьямъ, чтобы не досталось имъ, послѣ него, его имѣніе. Дяди возненавидѣли Алексѣя Александровича за ускользнувшее отъ нихъ наслѣдство и за глаза не называли его иначе, какъ «химикъ», въ смыслѣ порицательномъ, подразумѣвая, что порядочнаго круга человѣкъ не можетъ заниматься химіей.

«Отецъ страшно гѣснилъ Алексѣя Александровича. Химикъ, послѣ смерти отца, далъ отпускную несчастнымъ женщинамъ и отправилъ ихъ съ дѣтьми въ свое Шацкое имѣніе. Уменьшивъ на половину тяжелый оброкъ, положенный отцемъ на крестьянъ, химикъ простилъ недоимки и даромъ отдалъ рекрутскія квитанціи, которыя продавалъ имъ старики, отдавая дворовыхъ въ солдаты».

По завѣщанію отца, всѣмъ остальнымъ дѣтямъ, онъ выдавалъ по 3,000 руб. серебромъ, когда они достигали совершеннолѣтія; но на воспитаніе ихъ — химикъ съ умысломъ не обращалъ вни-

манія, опасаясь, по возрастѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ воспитать себя какія либо затрудненія. Такъ одинъ изъ нихъ Петръ Александровичъ послѣ тщетныхъ просьбъ опредѣлить его въ ученье, долженъ былъ бѣжать изъ деревни въ Москву и здѣсь явился къ дядямъ своимъ Яковлевымъ.

Вся прислуга, оставшаяся послѣ Петра Алексѣевича, была раздѣлена между тремя наслѣдниками. Одни изъ нихъ были отпущены по оброку, другіе распределены въ разныя должности при господахъ. Крестьянскую дѣвушку — Ливу, выдали замужъ за новосельскаго крестьянина и не только не дали вольной и награды, но даже не отрѣшили отъ барщины. Константинъ Голочановъ остался письмоводителемъ у сенатора. Черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ отравился мышьякомъ; одни говорили съ отчаянія, что жена его бросила и убѣжала съ кѣмъ-то; другіе — отъ мученій совѣсти за выкраденныя вольныя. Онъ же, принявши мышьякъ, пришелъ ко Льву Алексѣевичу и объявилъ ему, что онъ отравился потому, что растратилъ ввѣренныя имъ ему деньги. Его хотѣли спасти, но онъ не допустилъ до этого и умеръ.

Вслѣдствіе частыхъ непріятностей, возникавшихъ между Катериной Валерьяновной и обоими братьями — Александръ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ братомъ и его семействомъ, переселился въ Шумново. Вскорѣ присоединился къ нимъ и Левъ Алексѣевичъ, возвратившійся изъ Швеціи, куда былъ посланъ, за чѣмъ-то, къ Бернадоту.

Одновременно съ наслѣдствомъ послѣ роднаго брата, Яковлевы получили еще огромное наслѣдство, послѣ двоюроднаго брата своего, Николая Михайловича Яковлева, и завели большой процессъ съ графами Деверъ, также получившими значительную часть имѣнія, послѣ Николая Михайловича.

Александръ Алексѣевичъ перессорился съ обоими братьями, но, невзирая на открытый разрывъ, они рѣшили не дѣлиться имѣніями до окончанія процессовъ и управлять сообща. И стали сообща имѣнье раззорять. Беспорядокъ тройнаго управленія, при ссорѣ, былъ вопіющъ. Два брата дѣлали все на перекоръ старшему, а онъ — имъ. Старосты и крестьяне теряли голову; одинъ требуетъ подводъ, другой — сѣна, третій — дровъ; каждый распоряжается, каждый посылаетъ своихъ повѣренныхъ. Старшій братъ

назначаетъ старосту, меньшей — смѣняетъ его черезъ мѣсяць, придравшись къ какому-нибудь вздору, и назначаетъ другаго, котораго старшій братъ не признаетъ.

При этомъ, какъ слѣдуетъ, сплетни, переносы, лазутчики, фавориты и, на днѣ всего, бѣдные крестьяне, не находившіе ни расправы, ни защиты, и которыхъ тормозили въ разныя стороны, обременя двойной работой и неустройствомъ капризныхъ требованій.

Ссора между братьями имѣла первымъ слѣдствіемъ, поразившемъ ихъ, потерю огромнаго процесса, въ которомъ они были правы. Имѣя одинъ интересъ, они не могли никогда согласиться въ образѣ дѣйствія; противная партія, естественно, этимъ воспользовалась. Сверхъ потери большаго, прекраснаго имѣнія, сенатъ приговорилъ, каждаго изъ братьевъ, къ уплатѣ проторей и убытковъ: по тридцати тысячъ рублей ассигнаціями*.

Процессъ съ Екатериной Валерьяновной еще продолжался. Во всѣхъ бумагахъ они называли ее не Яковлевой, а почему-то «удосужливой вдовой Ульской». За Екатерину Валерьяновну вступился Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, и она процессъ выиграла. Ей выдѣлили во всѣхъ имѣніяхъ седьмую часть и утвердили за ней Шумново, гдѣ она и прожила до конца дней своихъ, называясь не «удосужливой вдовой Ульской», а «ея превосходительствомъ Екатериной Валерьяновной Яковлевой».

Проживши около полутора года въ Твери и Новосельѣ, Иванъ Алексѣевичъ, со всѣми своими, уѣхалъ въ Москву, гдѣ нанялъ домъ, вмѣстѣ со Львомъ Алексѣевичемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ¹⁾.

Изъ-за тумановъ мрачной ночи
Восходитъ жизнь прошедшихъ лѣтъ,
Облечена въ полупрозрачный,
Полузадумчивый разсвѣтъ.

Н. А. —ъ.

Иванъ Алексѣевичъ, по приѣздѣ въ Москву, нанялъ большой домъ, въ приходѣ Рождества, въ Палашахъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ сенаторомъ Львомъ Алексѣевичемъ.

Верхній этажъ дома занялъ Иванъ Алексѣевичъ. Внизу, въ одной

¹⁾ Въ опущенной третьей главѣ, описывается жизнь автора въ деревенькѣ Карповкѣ, находившейся въ 60-ти верстахъ отъ Корчеви, гдѣ Г— на П— на провела годы своего ранняго дѣтства и отрочества. Деревенскія удовольствія

половинѣ, помѣстился сенаторъ; въ другой—Луиза Ивановна съ Александромъ, Егоромъ Ивановичемъ и женской прислугой. Хозяйство было общее. Иванъ Алексѣевичъ выдавалъ деньги на расходы и принималъ отчеты. Покупки дѣлалъ и завѣдывалъ домашнимъ хозяйствомъ, большею частію, Карлъ Ивановичъ Кало, камердинеръ сенатора, привезенный имъ изъ Пруссіи. Это былъ человекъ самый честный и добродушный. Онъ пользовался не только всеобщей любовью, но и глубочайшимъ уваженіемъ.

Сверхъ домашняго хозяйства, Кало завѣдывалъ расходами и гардеробомъ сенатора, присутствовалъ при его одѣваньи и раздѣваньи; варилъ и подавалъ ему утромъ кофе; готовилъ закуску, когда сенаторъ заѣзжалъ, передъ обѣдомъ, домой, чтобы переодѣнуть платье, или четверку лошадей. Кало встрѣчалъ и провожалъ сенатора и до того былъ ему преданъ, что не рѣшился жениться на любимой дѣвушкѣ, когда сенаторъ, на просьбу его о женитбѣ, отвѣчалъ, что женатаго человека въ услуженіи при себѣ держать не станетъ. Подъ наблюденіемъ Кало состояла вся прислуга сенатора: одни убирали комнаты, другіе были выѣздными. Послѣдніе полжизни не сходили съ запятокъ экипажа. Сенаторъ былъ по характеру человекъ очень добрый, любившій разсѣяніе. «Онъ провелъ всю жизнь, какъ говорилъ потомъ Александръ: въ мірѣ, освѣщенномъ лампами, въ мірѣ официально-дипломатическомъ и придворно-служебномъ, не догадываясь, что есть другой міръ, посерьезнѣе; не смотря даже на то, что всѣ событія 1789 и 1815 годовъ не только прошли подлѣ, но зацѣпляясь за него. Графъ Воронцовъ посылалъ его къ лорду Гренвиллю, чтобъ узнать о томъ, что предпринимаетъ генералъ Бонапартъ, оставившій египетскую армію. Онъ былъ въ Парижѣ во время коронаванія Наполеона. Въ 1811 году Наполеонъ велѣлъ его остановить и задержать въ Касселѣ, гдѣ онъ былъ посломъ при «царѣ Ерѣмѣ» (Jérome), какъ выражался Иванъ

и дѣтскія игры наполняли все время. Въ Корчевѣ ребенкомъ былъ свидѣтелемъ шумной жизни своего отца. Эпиграфъ къ третьей главѣ:

На умъ приходятъ часто мнѣ,
 Мои младенческіе годы:
 Село въ вечерней тишинѣ,
 Въ саду свѣтящіяся воды
 И жизнь въ какомъ-то полуснѣ.

Алексѣевичъ въ минуты досады. Словомъ, онъ былъ на лицо при всѣхъ огромныхъ происшествіяхъ послѣдняго времени, но какъ-то странно, не такъ какъ слѣдуетъ. Пока дипломатическіе вопросы разрѣшались птывками и картечью—онъ былъ посланникомъ и заключилъ свою дипломатическую карьеру во время вѣнскаго конгресса». «Возвратившись въ Россію, онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные камергеры, въ Москвѣ, гдѣ не было двора; не зная законовъ и русскаго судопроизводства, онъ попалъ въ сенатъ и сдѣланъ членомъ Опекунскаго совѣта, начальникомъ Маринской больницы и начальникомъ Александринскаго института; всѣ должности исполнялъ съ рвеніемъ и строптивостью, которыя вредили; съ честностью, которую никто не замѣчалъ». Утромъ онъ ѣхалъ въ сенатъ, два раза въ недѣлю въ Опекунскій совѣтъ, сверхъ института и больницы; обѣдалъ, раза три въ недѣлю, въ англійскомъ клубѣ. Вечеромъ навѣщалъ тетку, княжну Анну Борисовну, сестеръ, или являлся во французскій спектакль, часто въ срединѣ пьесы уѣзжалъ, не дождавшись конца. Домой заѣзжалъ рассказать новость. Рассказывалъ съ жаромъ; самъ добродушно смѣялся своему разсказу и чрезвычайно былъ доволенъ, когда смѣшили другихъ, или заинтересовывалъ брата Ивана.

Иванъ Алексѣевичъ, слушая его, часто показывалъ видъ полнаго невниманія, и когда сенаторъ, рассказывая что-нибудь занимательное, думалъ, что морить со смѣха, — онъ переспрашивалъ его, въ чемъ дѣло.

Сенаторъ, какъ старшій братъ, говорилъ Ивану Алексѣевичу ты; а Иванъ Алексѣевичъ, какъ младшій, сенатору—вы, но, не смотря на этотъ знакъ уваженія къ старшинству, при малѣйшемъ противорѣчій сенатора, иногда, ни съ того, ни съ сего, а такъ просто отъ дурнаго расположенія духа, Иванъ Алексѣевичъ нападалъ на сенатора съ такимъ хладнокровіемъ, что тотъ выходилъ изъ себя и, запальчиво хлопнувъ дверью, уѣзжалъ со двора.

Скучать сенатору было некогда, онъ всегда былъ занятъ, разсѣянъ; онъ все ѣхалъ куда-нибудь, и жизнь его легко катилась на рессорахъ по міру обертокъ и переплетовъ; за то онъ до 75-ти лѣтъ былъ здоровъ, какъ молодой человѣкъ, являлся на всѣхъ большихъ балахъ и обѣдахъ, на всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ и годовыхъ актахъ, все равно какихъ: агрономиче-

снѣхъ, или медицинскихъ, страхового общества отъ огня, или естество-испытателей... Неудая ничего себѣ представить болѣе противоположнаго вѣчнодвижущемуся, сангвиническому сенатору, иногда заѣзжавшему домой, — какъ его брата Ивана Алексѣевича, почти нивогда невыходившаго со двора, ненавидящаго весь оффиціальныи міръ, вѣчно капризнаго и недовольнаго. У него было тоже восемь лошадей (прескверныхъ), но него конюшня была въ родѣ богоугоднаго заведенія для влячь. Иванъ Алексѣевичъ держалъ ихъ отчасти для того, чтобы два кучера и два фореитора имѣли какое-нибудь занятіе, сверхъ хожденія за «Московскими Вѣдомостями» и пѣтушинныхъ боевъ, которые они завели съ успѣхомъ между каретныхъ сараемъ и сосѣднимъ дворомъ.

«Иванъ Алексѣевичъ рѣдко бывалъ въ хорошемъ расподоженіи духа, онъ постоянно былъ всѣмъ недоволенъ; человекъ большаго ума, большой наблюдательности, онъ бездну видѣлъ, слышалъ, помнилъ; свѣтскій человекъ, ассомрпї, онъ могъ быть чрезвычайно любезенъ и занимателенъ, но онъ не хотѣлъ этого, и все болѣе и болѣе впадалъ въ капризное отчужденіе отъ всѣхъ. Трудно сказать, что, собственно, влило столько горечи и желчи въ его кровь. Эпохи страстей, большихъ несчастій, ошибокъ, потерь — вовсе не было въ его жизни. Я, рассказывалъ Александръ: нивогда не могъ вполнѣ понять, отеуда происходила злая насмѣшка и раздраженіе, наполнявшія его душу, его недовѣрчивое удаленіе отъ людей и досада, снѣдавшая его. Развѣ онъ унесъ съ собою въ могилу какое-нибудь воспоминаніе, которое нивому не довѣрилъ, или это было просто слѣдствіе встрѣчи двухъ вещей, до того противоположныхъ, какъ осемнадцатый вѣкъ и русская жизнь, при посредствѣ третьей, ужасно способствующей развитію праздности. Прошлое столѣтіе произвело удивительный вряжь людей на западѣ, особенно во Франціи, со всѣми слабостями регенства, со всѣми силами Спарты и Рима. Эти Фоблазы и Регулы вмѣстѣ отворили настежь двери революціи и первые ринулись въ нее, поспѣшно толкая другъ друга, чтобы выйдти въ «оено» гильотины. Нашъ вѣкъ не производитъ болѣе этихъ цѣльныхъ, сильныхъ натуръ, прошлое столѣтіе, напротивъ, вызвало ихъ вездѣ, даже тамъ, гдѣ онѣ не были нужны, гдѣ онѣ не могли иначе развиться, какъ въ уродство. Въ Россіи люди, подвергнувшіеся влія-

нню этого мощнаго западнаго вѣянiя, не были историческими людьми, а людьми оригинальными. Иностранцы — дома, иностранцы — въ чужихъ краяхъ, праздные зрители, испорченные для Россiи западными предрассудками, для запада — русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность и терялись въ искусственной жизни, въ чувственныхъ наслажденiяхъ и въ нестерпимомъ эгоизмѣ.

«Къ этому кругу принадлежалъ въ Москвѣ, на первомъ планѣ, блестящiй умомъ и богатствомъ русской вельможа, европейскiй grand seigneur и татарскiй князь Николай Борисовичъ Юсуповъ. Около него была цѣлая плеяда сѣдыхъ волокитъ и éaprits forts.

«Иванъ Алексѣевичъ, по воспитанiю, по гвардейской службѣ, по жизни и связямъ, принадлежалъ къ этому же кругу, но ему, ни его нравъ, ни его здоровье не позволяли вести до семидесяти лѣтъ вѣтряную жизнь, и онъ перешелъ въ противоположную крайность. Онъ хотѣлъ устроить себѣ жизнь одинокую, въ ней его ждала смертельная скука, тѣмъ болѣе, что онъ только для себя хотѣлъ ее устроить. Твердая воля превращалась въ упрямые капризы, незанятая сила портила нравъ, дѣлая его тяжелымъ.

«Людей онъ презиралъ, откровенно, открыто всѣхъ. Ни въ какомъ случаѣ онъ не разсчитывалъ ни на кого, и ни къ кому не обращался значительной просьбой, онъ и самъ ни для кого ничего не дѣлалъ. Въ сношенiяхъ съ посторонними онъ требовалъ одного, — сохраненiя приличiй; les apparences, les convenances составляли его нравственную религiю. Онъ многое прощалъ или, лучше сказать, пропускалъ сквозь пальцы, но нарушенiе формъ и приличiй выводило его изъ себя, и тутъ онъ становился безъ всякой терпимости, безъ малѣйшаго снисхожденiя и состраданiя. Онъ впередъ былъ увѣренъ, что всякiй человекъ способенъ на все дурное, и если не дѣлаетъ, то или не имѣетъ нужды, или случай не подходитъ. Въ нарушенiи же формъ, онъ видѣлъ личную обиду, неуваженiе къ нему, или «мѣщанское воспитанiе», которое, по его мнѣнiю, отлучало человека отъ всякаго людскаго общества.

«Душа человѣческая, говаривалъ онъ, потемки, и кто знаетъ, что у кого на душѣ; у меня своихъ дѣлъ слишкомъ много, чтобъ

заниматься другими, да еще судить и пересуживать ихъ намѣренія; но съ человѣкомъ, дурно воспитаннымъ, я въ одной комнатѣ не могу быть, онъ меня оскорбитъ «фруасируетъ», а тамъ, онъ можетъ быть добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ, за то ему будетъ мѣсто въ раю, но мнѣ его ненадобно. Въ жизни всего важнѣе *esprit de conduite*, важнѣе превыспренняго ума и всякаго ученія. Бездѣ умѣть найтись, нигдѣ не соваться впередъ, со всѣми — чрезвычайная вѣжливость и ни съ кѣмъ — фамиллярности».

«Онъ не любилъ никакого *abandon*, никакой откровенности, онъ все это называлъ фамиллярностію, такъ, какъ всякое чувство — сантиментальностію. Онъ постоянно представлялъ изъ себя человѣка, стоявшаго выше всѣхъ этихъ мелочей, для чего? съ какою цѣлью? въ чемъ состоялъ высшій интересъ, которому жертвовалъ сердце? я не знаю. И для кого этотъ гордый старикъ, такъ искренно презиравшій людей, такъ хорошо знавшій ихъ, представлялъ свою роль безстрастнаго судьи? Для женщины, которой волю онъ сломилъ, не смотря на то, что она иногда ему противорѣчила; для больнаго, постоянно лежавшаго подъ ножомъ оператора, для мальчика, изъ рѣзвости котораго онъ развилъ неповорность, для дюжины лакеевъ, которыхъ онъ не считалъ людьми! И сколько силъ, терпѣнія было употреблено на это, сколько настойчивости, и какъ удивительно вѣрно была доиграна роль, несмотря ни на лѣта, ни на болѣзни! Дѣйствительно, душа человѣческая потемки.

«Разумѣется, онъ не былъ счастливъ, всегда на сторожѣ, всѣмъ недовольный; онъ видѣлъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, непріязненные чувства, вызываемыя имъ у всѣхъ домашнихъ; онъ видѣлъ, какъ улыбка пропадала съ лица, какъ останавливалась рѣчь, когда онъ входилъ; онъ говорилъ объ этомъ съ насмѣшкой, съ досадою, но не дѣлалъ ни одной уступки и шелъ съ величайшею настойчивостію своею дорогою. Насмѣшка, иронія холодная, язвительная и полная презрѣнія — было орудіе, которымъ онъ владѣлъ артистически; онъ его равно употреблялъ противъ всей семьи и противъ слугъ. Въ первую юность многое скорѣе можно вынести, нежели шпынянье».

Вслѣдствіе этого, Саша удалялся отъ отца и даже вѣлъ противъ него маленькую войну, соединяясь со слугами и служанками.

Вмѣстѣ съ меланхоліей у Ивана Алексѣевича росла бережли-

вость, обращенная на ничтожные предметы. Своимъ имѣніемъ онъ управлялъ дурно и для себя, и для крестьянъ. Старосты и его *missi dominici* грабили барина и мужиковъ, за то все, находившееся на глазахъ, было подвержено двойному контролю; тутъ береглись свѣчи, въ то самое время, какъ въ деревнѣ изводили цѣлый лѣсъ, а въ другой — ему же продавали его собственный овесъ. У него были привилегированные воры: крестьянинъ, котораго онъ сдѣлалъ сборщикомъ оброка въ Москвѣ и котораго посылалъ, всякое лѣто, ревизовать старосту, огородъ, лѣсъ и работы, купилъ, лѣтъ черезъ десять, въ Москвѣ домъ.

Александръ съ дѣтства не могъ терпѣть этого министра безъ портфеля, какъ онъ называлъ его. Разъ, увидѣвши, какъ онъ на дворѣ билъ какого-то стараго крестьянина, Саша вышелъ изъ себя, бросился на него, вцѣпился ему въ бороду и чуть не упалъ въ обморокъ, и послѣ этого никогда не могъ его видѣть равнодушно. Всегда говорилъ отцу, что Шкунъ, такъ звали этого довѣреннаго, его обираетъ; и на возраженія Ивана Алексѣвича, спрашивалъ: «откуда же Шкунъ взялъ деньги на покупку дома?»

— «А вотъ что значитъ трезвость, отвѣчалъ Иванъ Алексѣвичъ, онъ капли вина въ ротъ не беретъ».

Сверхъ всего остальнаго, Иванъ Алексѣвичъ увѣрилъ себя, что опасно болѣнъ и безпрестанно лѣчился; кромѣ домоваго доктора, къ нему ѣздили два или три медика, и онъ дѣлалъ, по крайней мѣрѣ, три консилиума въ годъ.

Кромѣ разныхъ лѣкарствъ, ежедневно пилъ декоктъ изъ корней конскаго щавеля, а для смягченія груди — отваръ изъ яблоковъ и сухой земляники. Комнаты его были всегда жарко натоплены, но, не взирая на это, онъ постоянно носилъ халатъ на бѣлыхъ мерлушкахъ и поярковые сапоги, а на обритой головѣ — красную, суконную шапочку, съ лиловой кистью, которую, въ послѣдствіи, замѣнилъ бархатной ¹⁾.

Единственнымъ предметомъ его привязанности былъ Александръ. Любовь его къ нему выражалась особенно ярко во время

¹⁾ У сына автора настоящихъ записокъ — В. В. Пассека — имѣется портретъ Ив. Алекс. Яковлева. Это мастерской рисунокъ съ натуры и на камнѣ (литографія) исполненный въ 1845 г. К. Горбуновымъ. Ив. Алекс. изображенъ въ креслѣ, въ халатѣ и ермолкѣ, съ высоко поднятыми воротничками рубахи

дѣтства послѣдняго. Заботливость о его здоровьѣ и забавахъ доходила до крайности.

Сберегая ребенка отъ простуды, онъ не выпускалъ его изъ комнаты цѣлую зиму, а если позволялъ прокатить въ каретѣ, то, сверхъ шубы и теплой шапки, закутывалъ платками и шарфами. Предостерегая отъ расстройства желудка, держалъ его на строгой діетѣ. Обѣдъ Александра, до восьми или девятилѣтняго возраста, состоялъ изъ тарелки бульона, съ бѣлымъ хлѣбомъ, котлеты, или кусочка жаренаго и компота изъ яблокъ и чернослива, или печеного яблока. До этого же возраста, одежда его состояла изъ панталонъ, сшитыхъ изъ китайки, планжеваго цвѣта, съ высокимъ воротомъ и длинными рукавами, сверхъ нихъ; во время обѣда и завтрака, состоявшаго изъ чашки бульона и котлеты, надѣвали на него фартуеъ изъ салфеточнаго полотна. При малѣйшемъ насморкѣ, или кашлѣ, поднимались такія страшныя хлопоты и тревога, что, глядя на нихъ, ребенокъ начиналъ воображать себя очень больнымъ и принимался блажить до того, что всѣхъ выводилъ изъ терпѣнія. Сейчасъ являлся докторъ, прописывалъ лѣкарства, которыя давалъ ему, по часамъ, самъ Иванъ Алексѣевичъ, и самъ за нимъ ухаживалъ. Если Александръ, отъ жара въ комнатѣ и излишняго за нимъ ухода, раздражался и принимался колобродить и метаться,—Иванъ Алексѣевичъ садился подлѣ него и старался его развлечь, а когда это не помогало, бралъ его на руки, ходилъ съ нимъ по комнатѣ, несмотря на то, что ребенокъ изгибался у него на рукахъ и брыкался ногами, носилъ его до тѣхъ поръ, пока онъ успокоивался. Кромѣ Ивана Алексѣевича, Сашу баловали на всѣ руки. Сенаторъ дарилъ ему дорогія, затѣйливныя игрушки. Карлъ Ивановичъ, имѣвшій къ нему женскую привязанность, нянчилъ и тѣшилъ его. Саша часто цѣлые дни проводилъ въ его комнатѣ, докучалъ ему, притѣснялъ его, шалилъ—онъ все выносилъ съ добродушной улыбкой, вырѣзывалъ ему изъ картонной бумаги разныя чудеса, точилъ разныя бездѣлицы изъ дерева. По вечерамъ приносилъ изъ библіотеки книги съ картинками: «Путешествія Гмелина и Палласа» и еще толстую

и наглухо застегнутомъ жилетѣ. Выраженіе лица въ высшей степени своеобразно: вы видите предъ собой какого-то мизантропа съ явнымъ сарказмомъ, проглядывающимъ во всемъ выраженіи лица. Странно сказать, но вся фигура напоминаетъ извѣстный бюстъ Вольтера.

Ред.

книгу «Свѣтъ въ лицахъ»; по два часа Кало показывалъ ему однѣ и тѣ же изображенія, повторяя тѣ же объясненія въ тысячный разъ.

Луиза Ивановна меньше другихъ его нѣжила, но не перестала шумѣть, кричать, шалить цѣлые дни. Онъ былъ такъ живъ и рѣзвъ, что пяти минутъ не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ безъ шума. Колотилъ, стучалъ, ломалъ, только трещали дорогія игрушки. По цѣлымъ часамъ барабанилъ въ барабанъ, расхаживая вѣрху комнату и ни на кого не обращая вниманія. Иногда становился на притолкѣ двери, складывалъ назадъ руки, начиналъ продолжительно прыгать на одномъ мѣстѣ и пѣть на всю комнату браковакъ. Для этой операціи, почему-то, онъ всегда надѣвалъ халатикъ и подпоясывался зеленымъ шелковымъ поясомъ Ивана Алексѣевича, съ серебряной пряжкой. Разъ онъ такъ надѣлъ матери шумомъ и трескотней, что она стала строго останавливать его. Новость эта до того поразила Александра, что онъ, посмотрѣвши пристально на мать, вскрикнулъ: «Прощайте, умираю», бросился навзничь, сложилъ руки, закрылъ глаза и долго оставался неподвиженъ, какъ ни уговаривали его встать. Къ этому средству онъ сталъ прибѣгать при малѣйшемъ противорѣчii. Чтобы прекратить такую выходку, однажды, какъ онъ, сказавши «умеръ», протянулся на полу, Луиза Ивановна закричала: «Подите сюда кто-нибудь, Саша умеръ, вынесите его и похороните». Въ одно мгновеніе онъ вскочилъ на ноги, говоря: «Какъ, меня похоронить? Нѣтъ! Я умеръ, но уйду!» и мгновенно исчезъ; съ тѣхъ поръ больше не пробовалъ умирать.

Дни именинъ и рожденія Саши праздновались торжественно. Вотъ какъ объ этомъ онъ самъ рассказывалъ и чему я, съ раннихъ лѣтъ, была свидѣтельницею.

«Передъ этими торжественными днями, Кало запирался въ своей комнатѣ, откуда были слышны разные звуки молотка и другихъ инструментовъ; часто быстрыми шагами проходилъ онъ по корридору, всякій разъ запирая на ключъ свою дверь, то съ кастрюлькой клея, то съ какими-то, завернутыми въ бумагу, вещами. Можно себѣ представить, какъ мнѣ хотѣлось знать, что онъ готовитъ; я подсылалъ дворовыхъ мальчиковъ вывѣдать, но Кало держалъ ухо востро. Мы какъ-то открыли на лѣстницѣ небольшое отверстіе, падавшее прямо въ его комнату, но и оно

намъ не помогло; видна была верхняя часть окна и портретъ Фридриха II, съ огромнымъ носомъ, съ огромной звѣздой и съ видомъ исхудалаго коршуна. Дня за два, шумъ переставалъ, комната была отворена, все въ ней было по старому, кой-гдѣ валялись только обрѣзки золотой и цвѣтной бумаги; я краснѣлъ, снѣдаемый любопытствомъ; но Кало, съ натянуто-серьезнымъ видомъ, не касался щекотливаго предмета.

Въ мученьяхъ дожидаясь я до торжественнаго дня. Въ пять часовъ я уже просыпался и думалъ о приготовленіяхъ Кало; часовъ въ восемь — являлся онъ самъ, въ бѣломъ галстукѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ синемъ фракѣ, съ золотыми пуговицами и съ пустыми руками, — когда же это кончится? Не испортилъ ли онъ? И время шло, и обычные подарки шли, и лакей Елисаветы Алексѣевны Голохвастовой уже приходилъ съ завязанной въ салфеткѣ богатой игрушкой, и сенаторъ уже приносилъ какія-нибудь чудеса, но безпокойное ожиданіе сюрприза мучило радость. Вдругъ, какъ-нибудь невзначай, послѣ обѣда, или послѣ чая, нянюшка говорила мнѣ:

— «Сойдите на минутку внизъ, васъ спрашиваетъ одинъ человѣчекъ».

— Вотъ оно, думалъ я, и спускался, скользя на рукахъ, по поручнямъ лѣстницы. Двери въ залу отворяются съ шумомъ, играетъ музыка, транспарантъ съ моимъ вензелемъ горитъ, дворовые мальчишки, одѣтые турками, подаютъ мнѣ конфеты, потомъ бувольная комедія, или комнатный фейерверкъ. Кало, въ поту, суетится, все самъ приводитъ въ движеніе и не меньше меня въ восторгѣ.

«Какіе же подарки могли стать рядомъ съ такимъ праздникомъ, я же никогда не любилъ вещей, бугоръ собственности и стяжанія никогда не былъ у меня развитъ, ни въ какой возрастъ. Усталъ отъ неизвѣстности, множество свѣчей, фольги и запахъ пороха! Недоставало, можетъ, одного товарища, но я все ребячество провелъ въ одиночествѣ, и, стало, не былъ избалованъ съ этой стороны».

Родственники Ивана Алексѣевича, видя безмѣрную избалованность Александра, предрекали, что въ немъ не будетъ пути, а, основываясь на его тщедушности, ожидали, что чахотка скоро унесетъ его изъ этого міра.

Дѣйствительно, это былъ ребенокъ худой, блѣдный, съ рѣдкими, длинными, бѣлокурыми волосами, съ большими, темно-сѣрыми глазами, въ которыхъ порой блестѣли искры, и рано за-свѣтилась мысль. Не взирая на его чрезмѣрную живость, онъ рѣдко улыбался, шалилъ, ломалъ, шумѣлъ съ серьезнымъ видомъ, какъ-будто дѣлая дѣло. Часто, бросивши игрушки, онъ останавливалъ взоръ на одномъ предметѣ, и какъ бы вдумывался во что-то. Чувствуя нерасположеніе въ себѣ родныхъ со стороны отца своего, несмотря на ихъ видимое вниманіе, онъ и самъ ихъ не любилъ, и старался избѣгать ихъ присутствія. Въ особенности онъ старательно удалялся отъ княгини Маріи Алексѣевны Хованской, которая, изъ любви къ брату Ивану и по долгу христіанки, какъ она выражалась, желая сколько-нибудь исправить избалованнаго ребенка, всякій разъ, какъ только онъ попадался ей на глаза, читала ему правоученія и пугала его, говоря, что до нея доходятъ слухи, какъ онъ капризничаетъ и никого не слушаетъ, и что, если это правда, то она его запретъ въ свой ридивюль или табакерку. Потомъ, обращаясь къ брату, прибавляла: «отдай-ка мнѣ своего баловника на исправленіе, я его сдѣлаю шелковымъ». Александръ боялся ее до смерти, иногда достаточно было сказать: «Вотъ постоитъ, я скажу княгинѣ, что вы не слушаетесь», и онъ дѣлался шелковымъ.

Всѣ видѣли въ «Шушкѣ» только баловня, изъ котораго не будетъ никакого толка, но никто не умѣлъ, изъ-за баловства, рассмотреть, сколько ума, добродушнаго юмора и нѣжности было въ этомъ ребенкѣ. Никто не обратилъ вниманія на врожденныя ему чувства деликатности и человѣколюбія, которыя, не взирая на эгоистическую, полную деспотизма среду, въ которой онъ росъ и развивался и въ которой могъ быть первымъ деспотомъ, были въ немъ такъ сильны, что онъ рано почувствовалъ, а вскорѣ и понялъ все отталкивающее окружавшаго его міра, сочувствовалъ всему угнетенному, до слезъ возмущался несправедливостью, постоянно нуждался въ сердечномъ привѣтѣ, страстно, беззаветно отдавался чувству дружбы и любви, и умѣлъ сохранить эти свойства души.

Одинъ Иванъ Алексѣевичъ понималъ его, понималъ содержавшіяся въ немъ возможности и старался развить въ немъ сдержанность. Разъ, когда Александру было лѣтъ четырнадцать, вечеромъ,

собралось у Ивана Алексѣевича человѣкъ десять почетныхъ посѣтителей, въ томъ числѣ былъ и сенаторъ; всѣ они усѣлись въ залѣ около круглаго стола, за которымъ Луиза Ивановна разливала чай; мы съ Александромъ помѣстились въ этой же комнатѣ, за особымъ небольшимъ столомъ и, разложивши на немъ огромную книгу, въ богатомъ переплетѣ, съ дворянскими гербами и родословными, стали ее разсматривать. Кто-то изъ посѣтителей, обратясь къ намъ, спросилъ, какая это у насъ книга. Александръ, не задумавшись, отвѣтилъ: «Зоологія». Я засмѣялся, нѣкоторые изъ гостей, изъ угожденія Ивану Алексѣевичу, одобрительно улыбнулись Александровой острогѣ; но Иванъ Алексѣевичъ не улыбнулся, а когда гости разсѣхались, задалъ намъ такую гонку, что мы долго не забывали «Зоологіи». Меня распесть, зачѣмъ поощряю Шушку въ дерзостямъ, забавляясь его неумѣстными островами, а его — какъ смѣлъ непочтительно выразиться о русскомъ дворянствѣ, служившемъ отечеству; и заключилъ свою нотацію, обращаясь уже къ одному Александру, словами:

— «Ты не думай, любезный, чтобы я высоко ставилъ превыспренній умъ и остроуміе, не воображай, что очень утѣшитъ меня, если мнѣ скажутъ вдругъ: вашъ Шушка издалъ сочиненіе: «Чортъ въ телѣжкѣ», а я на это отвѣчу: «скажите Вѣрѣ, чтобы вымыла его въ корытѣ».

Мы покатались со смѣха.

Старикъ сдѣлалъ видъ, что этого не замѣтилъ, подошелъ къ круглому столу, подъ которымъ спокойно лежалъ любимый его песь Макбетъ, врынулъ человѣка и велѣлъ ему вывести Макбета во дворъ.

Потомъ, обратясь къ намъ, сказалъ:

— «Въ жизни, *esprit de conduite* важнѣе превыспреннаго ума и всякаго ученья».

Луиза Ивановна, кроткая, добродушная больше всѣхъ въ домѣ была любима. Съ каждымъ обращалась она ласково и снисходительно, за cadaго заступалась, не вмѣшиваясь ни въ какія дѣла. Вмѣстѣ со всѣми она несла долю притѣсненій и оскорбленій отъ капризовъ Ивана Алексѣевича. Иногда, выйдя изъ терпѣнія, она дѣлала оппозицію, но какъ это бывало всегда въ бездѣлицахъ, то и оставалось безъ всякаго полезнаго результата. Тихо протекала лучшая пора ея жизни, въ мелкихъ домашнихъ заботахъ, въ

чтеніи книгъ нѣмецкихъ авторовъ, попеченіи объ Александрѣ и о постоянно больномъ и капризномъ старикѣ. Знакомыхъ у нее почти нѣкого не было; выѣзды Луизы Ивановны ограничивались, по праздникамъ посѣщеніемъ лютеранской церкви, да утренними прогулками на Прѣсенскіе пруды, и иногда поѣздками загородъ вмѣстѣ со всѣми нами.

Проведя нѣсколько лѣтъ за границей, Иванъ Алексѣевичъ и сенаторъ хотѣли устроить жизнь на иностранный манеръ, безъ большихъ тратъ и съ сохраненіемъ всѣхъ русскихъ удобствъ. Жизнь на иностранный манеръ не устраивалась, оттого ли, что не умѣли сладить, оттого ли, что помѣщичья натура брала верхъ надъ иностранными привычками. Хозяйство было общее, имѣніе нераздѣльное, огромная дворня заселяла нижній этажъ дома, всѣ условія безпорядка, стало-быть, были на лицо. Пока сенаторъ жилъ вмѣстѣ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, общей прислуги было человекъ до шестидесяти, кромѣ ребятшекъ, которыхъ приучали къ службѣ, т.-е. къ праздности, лѣни и лганью.

Семейныя женщины не несли никакой службы, и занимались только своимъ хозяйствомъ. Въ прислугѣ находилось нѣсколько горничныхъ и прачекъ.

Во главѣ женской прислуги была Вѣра Артамоновна; вторую роль играла Марія Ивановна Юдина, столько же взыскливая и самолюбивая, сколько Вѣра Артамоновна была тиха и простодушна. Держала себя Марія Ивановна свысока, одѣвалась изысканно. По воскресеньямъ всегда въ висейномъ платьѣ на розовомъ чехлѣ, съ бантами изъ розовыхъ лентъ. Ее приставили было въ помощь Вѣрѣ Артамоновнѣ къ Шушкѣ, но скоро отъ этой должности отстранили. Замѣтили, что, укладывая спать неугомоннаго ребенка, она, чтобы унять его, щипала его, била и угрожала, что если онъ пикнетъ, то она приколотитъ его еще больнѣе, ребенка плакалъ втихомолку.

Луизѣ Ивановнѣ служила молоденькая дѣвушка, Марина, переименованная въ Марріаны. Комнаты на половинѣ Луизы Ивановны убирались тремя дочерьми повара Сафонича, ими же исполнялись разныя черныя работы въ домѣ. М-ше Прово давалась особая комната. Она занимала мѣсто при Александрѣ, въ родѣ женскаго менію. Должность ея состояла въ томъ, чтобы говорить съ нимъ по-нѣмецки, учить читать и водить гулять.

Мужская прислуга состояла из камердинера Ивана Алексѣевича — Никиты Андреевича, низенькаго, плѣшиваго, раздражительнаго и сердитаго. Онъ помѣщался подлѣ барининой спальни, читалъ «Московскія Вѣдомости», трессировалъ волосы для париковъ и неистово нюхалъ табакъ. Иванъ Алексѣевичъ постоянно дѣлалъ ему поученія, но какъ этотъ человекъ былъ ему необходимъ, сносилъ иногда отъ него самыя грубыя отвѣты и дерзкія выходки. Бакай занималъ должность выѣзднаго слуги при Луизѣ Ивановнѣ и исполнялъ съ той же торжественною важностью, какъ и при бабушкѣ моей. Сверхъ того, дрессировалъ кудрявую, съ коричневыми ушами, собаку Бертю, а по смерти ея взялъ подъ свое покровительство ньюфаундленскую бѣлую собаку, Макбета. Кромѣ Бакая въ передней находилось человѣка четыре прислуги. Кто убиралъ комнаты, вправлялъ свѣчи и смотрѣлъ за печами, кто обязанъ былъ грѣть передъ печкой газеты, прежде нежели подавали ихъ барину. «Ни сенаторъ, ни Иванъ Алексѣевичъ не тѣснили особенно дворовыхъ, т.-е. не тѣснили физически. Сенаторъ былъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ, и именно потому часто грубъ и несправедливъ, но онъ такъ мало имѣлъ съ ними соприкосновенія и такъ мало ими занимался, что они почти не знали другъ друга. Иванъ Алексѣевичъ доучалъ ихъ капризами, не пропускалъ нивзгляда, ни слова, ни движенія и безпрестанно училъ; для русскаго человѣка это часто хуже побоевъ». Содержали прислугу довольно хорошо, дѣломъ не обременяли. У каждаго и каждой была своя обязанность, очень легкая, но Иванъ Алексѣевичъ умѣлъ сдѣлать ее, временами, тяжелѣе тяжелой, безпрестанными капризами, испытаніемъ и поученіями. Тѣлесныя наказанія были почти неизвѣстны. Два-три случая, въ которые прибѣгли къ посредству частнаго дома, были до того необыкновенны, что объ нихъ вся дворня говорила цѣлыя мѣсяцы; сверхъ того они были вызываемы значительными проступками. Чаше отдавали дворовыхъ въ солдаты; наказаніе это приводило въ ужасъ всѣхъ молодыхъ людей; безъ рода, безъ племени, они все же лучше хотѣли остаться крѣпостными, нежели тянуть ляжку.

Дядю Шушку сцены эти поражали жестоко. Онъ отдавалъ несчастному все, чѣмъ только могъ распорядиться.

Каждую зиму мать моя, а вмѣстѣ съ нею и тетушка, Елисавета Петровна, пріѣзжали въ Москву, иногда привозили и меня

съ собою. Мы останавливались всегда у княжны Анны Борисовны. Въ передней насъ встрѣчали старыя, сѣдые лакеи, которые постоянно занимались строченьемъ подтяжекъ по заказу и мальчики, читающіе засаленныя книги духовнаго содержанія, удовлетворяясь процессомъ чтенія. Глубокая тишина, распространенная во всемъ домѣ, прерывалась время отъ времени визгомъ мартышки въ нарядѣ Дебардера, сидѣвшей на цѣпи въ дѣвчечьей, подлѣ печки. Во внутреннихъ комнатахъ насъ принимали чинныя горничныя, одѣтыя въ темныя платья, съ большими чепцами на головахъ. Онѣ ходили тихо, говорили шепотомъ, доклады дѣлали едва шевеля губами. Въ спальной комнатѣ представлялись мы княжнѣ. Я ее помню уже старушкой, небольшого роста, съ добрымъ, но важнымъ и нѣсколько строгимъ выраженіемъ лица. Она сидѣла всегда на зеленомъ штофномъ диванѣ, передъ овальнымъ столомъ, на которомъ раскладывала иногда пасьянсъ, или складывала вась-тетъ. Тутъ же стояли передъ ней на столѣ разныя штучки, родъ игрушекъ, которыми забавляли ее племянники. Она любовалась ими нѣсколько времени, потомъ дарила кому нибудь. Полъ въ этой комнатѣ былъ обитъ зеленымъ сукномъ, на окнахъ, выходившихъ въ садъ Голохвастовыхъ, висѣли зеленыя штофныя занавѣсы. Подлѣ внутренней стѣны было аршина въ четыре длины и ширины небольшое возвышеніе, съ двумя ступеньками, отдѣленное колоннами отъ остальной части комнаты. Тамъ стоялъ турецкій, широкій диванъ, на которомъ княжна спала ночью; передъ нимъ столъ и два кресла, а въ сторонѣ большой вѣтъ, наполненный образами въ богатыхъ ризахъ и вѣнцахъ, осыпанныхъ драгоценными камнями. Передъ ними неугасимо теплилась лампада. При входѣ въ эту комнату, насъ заставляли прежде всего помолиться въ землю передъ образами, потомъ подходила каждая изъ насъ къ княжнѣ. Между оконъ, подъ зеркаломъ, стояли англійскіе столовые часы и неумолкаемымъ стукомъ нарушали глубокую тишину этой комнаты.

Подлѣ спальной, въ небольшой комнатѣ, постоянно находилась пожилая женщина, служившая княжнѣ и наблюдавшая за хозяйствомъ. Тутъ стоялъ шкафъ съ чайной посудой и разливался чай.

Княжна рѣдко выходила изъ своей спальни въ другія комнаты, которыя были просторны и удобно расположены; но отъ

времени и не бывши долго поправлены, имѣли видъ полинялый и темноватый. Вездѣ висѣли люстры, съ хрустальными подвѣсками, отъ вопоти походившими на дымчатые топазы. Когда проходили близко отъ нихъ, онѣ, сверкая, позванивали. Тяжелая, красного дерева, мебель, обитая штофомъ, столы съ бронзовыми рѣшеточками, фарфоровыя куклы, все напоминало — другія времена и нравы.

Въ одной изъ гостинныхъ висѣли портреты, прекрасно сдѣланные гуашью, въ овальныхъ, вызолоченныхъ рамахъ, всего семейства Яковлевыхъ, въ ихъ молодости, съ напудренными волосами, въ щегольскихъ костюмахъ. Ни одинъ изъ нихъ не походилъ уже на эти портреты когда я ихъ стала знать, какъ-будто они сняты были съ другихъ людей; только добродушное выраженіе лица Льва Алексѣевича сохранилось тоже, что и на портретѣ, его узнать было можно. Но откуда взялся холодно-язвительный взглядъ у этого вѣжливо-улыбающагося, кѣзнаго молодого человѣка? Откуда взялась тучность и важность у этой полу-воздушной дѣвочки, съ ровой въ распущенныхъ волосахъ? Я въ дѣтствѣ разсматривала эти портреты, какъ картинки; бывшіе со мной, указывая на портретъ прекраснаго молодого человѣка, съ открытой физиономіей, говорили: «вотъ это твой дѣдушка». Впослѣдствіи, разсматривая эти портреты въ гостиной княгини, куда они перешли вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ княжны, послѣ ея кончины, я глубоко задумывалась. Княжна прожила 100 лѣтъ, и кончила жизнь мгновенно безъ болѣзни, кончина ея была похожа на сонъ.

Послѣ 1812 года, княгиня, съ своимъ семействомъ, поселилась во флигелѣ при домѣ княжны. Домъ княгини сгорѣлъ въ бытность въ Москвѣ непріятеля.

Почти каждый вечеръ у княжны собирались родные: княгиня съ дѣтьми, Елисавета Алексѣевна съ двумя сыновьями Дмитриемъ и Николаемъ Павловичами, и очень молоденькой дочерью Натальей Павловной, въ сопровожденіи жившей у ней старушки — компаньонки, Надежды Ивановны, и двухъ служителей, съ напудренными головами, въ башмакахъ и ливрейныхъ фракахъ съ галунами.

Сверхъ дней именинъ, рожденія и большихъ праздниковъ, всѣ родные встрѣчали у княжны новый годъ; поднималась Иверская Божія Матерь, послѣ молебна, всѣ поздравляли старушку и да-

рили ей разныя бездѣлицы, какъ дарятъ дѣтямъ. По смерти княжны, домъ заколотили, дворъ заросъ травой, стѣны почернѣли, прислуга, получивъ отпускныя, разошлась, только желтыя, лохматыя собаки лежали на каменномъ крыльцѣ. Княгиня осталась жить во флигелѣ, куда я съ матерью и тетусшкой стали прѣзжать.

Прѣзжая въ Москву, мать моя бывала и у дядей, особенно часто навѣщала Ивана Алексѣевича не столько для него, сколько для Луизы Ивановны, которую очень любила. Часто она оставляла меня у нихъ на нѣсколько дней. Александръ всегда радовался моему прѣзду. Онъ росъ одиночекъ и былъ избалованъ, по этому не умѣлъ и не любилъ играть съ товарищами, малѣйшее противорѣчiе выводило его изъ себя. Только со мной онъ былъ уступчивъ и игралъ охотно. Игрушекъ у него было множество. Меня больше всѣхъ игрушекъ занимала кухня, въ которой на плитѣ готовился обѣдъ, и всѣ повара приходили въ движенiе, тронутые пружинкой; но скоро они прекратили свою дѣятельность: чтобы узнать отчего повара пекутъ и жарятъ, Александръ разломалъ заднюю стѣнку кухни, вытащилъ пружину и успокоился, отдохнули и повара.

Спала я всегда въ комнатѣ Луизы Ивановны; тутъ же стояла желѣзная кровать Саши, обтянутая парусиной; когда Вѣра Артамоновна, надѣвши на него ночную сорочку, укладывала въ кровать, тогда у насъ начинались продолжительные разговоры, и нельзя уже было ни бѣгать, ни скакать, ни ломать игрушки. Въ это время Александръ рассказывалъ мнѣ слышанныя имъ ужасы отъ м-те Прово о масонахъ, при ложѣ которыхъ мужъ ея занималъ когда-то, какую-то должность. «Разъ, говорилъ онъ, м-те Прово зашла въ залу, гдѣ собирались масоны, когда никого тамъ не было, и перепугалась до смерти. Она увидала комнату, обтянутую чернымъ сукномъ; по срединѣ стоялъ столъ, на немъ крестъ-на-крестъ два кинжала, а на нихъ мертвая голова. На стѣнахъ висѣли портреты всѣхъ въ мiрѣ масоновъ, и если въ который-нибудь портретъ выстрѣлятъ, то гдѣ бы ни находился его подлинникъ, онъ мгновенно упадетъ мертвымъ». Я дрожала отъ страха, слушая эти рассказы, мнѣ живо представлялась и черная комната, кинжалы и портреты. «А вотъ еще, говорилъ Александръ, была революція во Франціи; народъ пу-

жѣлъ, бѣгать по улицамъ, людямъ рубили головы, кровь текла ручьями; хотѣли повѣсить на фонарѣ m-г Прово, насилу спасла его m-ше Прово».

Александръ любилъ рассказы больше игрушекъ; игрушки, по своей безжизненности и безответности, скоро надоѣдали ему и онѣ ихъ ломалъ отъ скуки. Если нечего было слушать, онъ игралъ съ собакой Бертой, ѣздили на ней верхомъ или запрягалъ въ повозочку. Иногда мы втроемъ бѣгали въ запуски вокругъ комнатъ. Когда меня увозили отъ Ивана Алексѣевича, Александръ тосковалъ, оставаясь опять одинокимъ.

Чтобы утѣшить Москву, разоренную непріателемъ, императоръ Александръ Павловичъ, въ 1817 году, перѣхалъ въ Москву со всѣмъ своимъ дворомъ, министрами, гвардіей, государственнымъ совѣтомъ и прожилъ въ ней почти годъ. Къ Ивану Алексѣевичу и сенатору каждый день ѣздили генералы, участвовавшіе въ войнѣ 1812 года, ихъ бывшіе товарищи и сослуживцы и нерѣдко у нихъ по нѣсколькѣ человекъ обѣдало. Изъ числа частыхъ посѣтителей я видѣла у нихъ двухъ братьевъ Бахметьевыхъ, одинъ былъ безъ ноги, ее оторвали ему при Бородинѣ, князя Петра Михайловича Волконскаго, графа Милорадовича, графа Комаровскаго, Болховскаго и графа Орлова.

Милорадовичъ очень любилъ Александра. Часто вечерами, держа его на волѣняхъ, съ жаромъ что-нибудь рассказывалъ и не замѣчалъ какъ Александръ, играя на его груди его орденами и перебирая ихъ, иногда отрывалъ нѣкоторые и ронялъ на полъ. Милорадовичъ, не замѣчая этого, уѣзжалъ. На другой день орденъ или два находили на полу и ему отсылали.

Когда я стала постарше, то довольно часто бывала въ домѣ Голохвастовыхъ. Сыновья и дочь Елисаветы Алексѣевны очень любили меня и также, какъ и княжны Хованскія, называли дикимъ ребенкомъ за мою врожденную нелюдимость и робость, а изъ Татьяны перекрестили въ Темиры, какъ и называлась я такъ долго, что нѣкоторое время названіе Темиры считала своимъ настоящимъ именемъ.

Большой домъ Голохвастовыхъ стоялъ во дворѣ, выходившемъ на Тверской бульваръ. Комнаты въ немъ были обширныя, убранныя прекрасно. Мнѣ особенно нравилась диванная, яхонтоваго цвѣта, съ гирляндами цвѣтовъ, вмѣсто багетки. Мебель и занавѣсы

вѣсы въ ней были штофныя, лимоннаго цвѣта. Въ этой комнатѣ Елисавета Алексѣевна (сестра Яковлевыхъ) или сидѣла, или лежала на диванѣ. До 45-ти лѣтъ она сохранила слѣды замѣчательной красоты. Тутъ находилась всегда и молоденькая дочь ея съ прекрасными, добродушными, черными глазами, совершенный портретъ своего брата, Николая Павловича, младшаго сына Елисаветы Алексѣевны. Легкомысленный, страстный, энергическій, онъ составлялъ совершенную противоположность съ старшимъ братомъ своимъ, Дмитріемъ Павловичемъ, высокимъ, стройнымъ блондиномъ, съ легкимъ золотистымъ отливомъ волосъ, съ правильными чертами лица и выраженіемъ спокойствія и уваженія къ себѣ. Жизнь его была рядомъ успѣховъ и наградъ. Онъ много читалъ, умно разсуждалъ, благоразумно дѣйствовалъ, но чувствовалось, что чего-то недостаетъ, онъ слишкомъ помнилъ всегда себя. Братъ же его, кажется, и не думалъ никогда о себѣ, да встать и о другихъ мало заботился. Онъ родился хромымъ, что мѣшало ему, при высомомъ ростѣ, пріобрѣсти античную ногу и версальскую поступь брата. При огромномъ богатствѣ они вели жизнь самую скромную и уединенную. Мать ихъ почти нигде не выѣзжала, кромѣ родныхъ, и то изрѣдка; къ нимъ ѣздили немногіе. Сыновья имѣли очень мало товарищей — самый близкій изъ нихъ былъ Н. Свербѣевъ. Въ домѣ у нихъ, въ этихъ богато-убранныхъ комнатахъ, было какъ-то пусто и беззвучно. Николай Павловичъ женился очень рано, противъ воли матери, на бѣдной, незнатной, но прелестной дѣвушкѣ. Мать, исполненная аристократизма, думавшая, что сыновей ея достойны невѣсты самаго высокаго рода и богатства, по крайней мѣрѣ, равнаго ихъ богатству, такъ огорчилась этимъ бракомъ, что занемогла и скоро окончила жизнь. Жившая у нихъ старушка-компаньонка — вдова коменданта Орской крѣпости, часто говорила: «съ дѣтства Николая Павловича я видѣла, что въ немъ пути не будетъ. Разъ собаки оторвали хвостъ у тирольской коровы, любимицы его матери, а онъ глядитъ на это, да хохочетъ, не жаль своего добра». И точно, онъ не жалѣлъ своего добра никогда. Когда, по смерти матери, они раздѣлились, Наталья Павловна вышла замужъ за Н. В. Шатилова, и вскорѣ скончалась, оставивши малолѣтнихъ сына и дочь, которыхъ мы съ Луизой Ивановой часто навѣщали и очень любили. Дмитрій Павловичъ уѣхалъ за границу смотрѣть

Лондонъ, а Николай Павловичъ «сталъ показывать себя Москвѣ»: онъ купилъ домъ, великолѣпно его убралъ, роскошно радилъ жену и дѣтей и сталъ давать обѣды, балы и спектакли. Домъ его съ утра до ночи былъ битомъ набитъ любителями хорошихъ обѣдовъ, гвардейцами, танцующей молодежью и даже высшей аристократіей. Вино лилось и музыка играла. Мы иногда бывали у Николая Павловича, онъ и жена его очень любили Луизу Ивановну, она была кума Николаю Павловичу и много способствовала его примиренію съ дядями. Несмотря на то, что у него было уже пять человѣкъ прелестныхъ дѣтей, онъ жилъ какъ въ чадѣ, какъ бы отыскивая, какъ скорѣе прожить состояніе, и кончилъ тѣмъ, что разорился на танцовщицу, нестоившую развязать ленточку у башмака жены его. Имѣніе ихъ описали, жена умерла, домъ распадался,— все это сдѣлалось очень быстро. Мы навѣщали часто осиротѣлыхъ дѣтей и раззорившагося пріятеля. Въ крайности Николай Павловичъ заложилъ брилліанты своей матери, доставшіеся по раздѣлу ему. Дмитрій Павловичъ далъ ему на себя вексель, чтобы онъ выкупилъ брилліанты и привезъ къ нему на сохраненіе для его дѣтей. Брилліанты Николай Павловичъ выкупилъ и повезъ къ брату, но, въ подражаніе коту-муру Гофмана, который несъ матери головку селедки и съѣлъ самъ, *chemin faisant*— заѣхалъ къ другому ростовщику, заложилъ ихъ, а деньги промоталъ. Это возбудило изумленіе и негодованіе Дмитрія Павловича и всѣхъ родныхъ. Истопивши всѣ средства, Николай Павловичъ сталъ продавать вещи, мебель, потомъ вырубилъ садъ, чтобы топить печи, продалъ небольшую подмосковную. Онъ не унывалъ, весело разѣзжалъ по роднымъ, часто бывалъ и у насъ (я была уже замужемъ), звалъ меня по-прежнему дикимъ ребенкомъ и Темирой, смѣясь, рассказывалъ разные анекдоты и новости, нерѣдко имъ же сочиненные. Жизнь свою онъ оновчилъ на дачи своего двоюроднаго брата. Среди разговора схватилъ себя за голову, упалъ и умеръ.

Пока Николай Павловичъ угощалъ и веселилъ Москву, Дмитрій Павловичъ правильно осмотрѣлъ Европу, выучился англійскому языку и возвратился въ Россію съ англійскимъ берейторомъ, ньюфаундленскими собаками, изъ которыхъ далъ по собаки дядямъ. У дѣдушки Ивана Алексѣевича—это былъ извѣстный Макбетъ. Дмитрій Павловичъ привезъ планы фермы и конскихъ заводовъ,

книги, въ томъ числѣ, по порученію Ивана Алексѣевича, цѣлныя ящики французскихъ и нѣмецкихъ книгъ Александру. Моремъ привезли Дм. Пав. разныя земледѣльческія машины и машины для орошенія полей. Онъ занялся устройствомъ хозяйства въ своемъ подмосковномъ имѣньи Покровскомъ. Обсѣялъ поля клеверомъ и развелъ породистыхъ лошадей и коровъ. Наконецъ, женился на умной дѣвушкѣ.

Въ послѣдніе годы жизни брата своего, по желанію князя Сергѣя Михайловича Голицына, бывшаго тогда попечителемъ московскаго университета, Д. П. Голохвастовъ сдѣланъ его товарищемъ.

Въ университетское управленіе, при князѣ С. М. Голицынѣ, онъ ввелъ слишкомъ много формализма. Мѣсто князя Голицына заступилъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Положеніе университета при немъ совершенно измѣнилось. Онъ отстаивалъ права его, облагораживалъ, защищалъ отъ полицейскихъ притѣсненій, старался поднять его въ глазахъ государя императора, и самъ былъ либераленъ. Время управленія графа было одной изъ цвѣтущихъ эпохъ московскаго университета. При графѣ С. Г. Строгановѣ университетъ измѣнился, отъ зданія и аудиторіи, до профессоровъ и объема преподаванія. Послѣднему способствовало то, что изъ-за границы возвратилось много новыхъ профессоровъ, изъ числа которыхъ были люди чрезвычайно талантливые, съ свѣтлымъ направленіемъ. Они имѣли громадное вліяніе на студентовъ и на общество, посѣщавшее ихъ популярныя чтенія и по средствамъ студентовъ, вносившихъ свѣжія понятія изъ аудиторіи въ свои семейства. Какъ этимъ профессорамъ, такъ и графу С. Г. Строганову, поддержавшему ихъ, многимъ обязаны и университетъ и русское общество.

Черезъ три мѣсяца послѣ того, какъ вышелъ изъ университета графъ С. Г. Строгановъ, вышелъ въ отставку и Дмитрій Павловичъ, и расположился отдохнуть отъ служебнаго дѣла среди сельскаго хозяйства, семьи и книгъ. Сверхъ этого онъ пристрастился къ скачкамъ, на которыхъ отличалась и выигрывала призы его любимая скаковая лошадь Бычокъ; съ Бычка у него было нѣсколько портретовъ, въ разныхъ положеніяхъ. Оставалось только жить и наслаждаться жизнью. Но суждено было иначе. Вскорѣ послѣ отставки, сильный и здоровый Дмитрій Павловичъ,

не старѣе 50-ти лѣтъ, занемогъ горловой чахоткой и послѣ тяжкихъ мученій окончилъ жизнь въ 1849 году.

Смерть уравнила обоихъ братьевъ. Дѣти Дмитрія Павловича достойно пользуются состояніемъ, оставленнымъ имъ ихъ отцомъ. о которомъ я вспоминаю съ чувствомъ дружескимъ, съ каковымъ и онъ былъ расположенъ ко мнѣ во всю его жизнь и которое не разъ доказывалъ мнѣ не словами, но дѣломъ. Подъ холоднымъ формализмомъ у него было сердце не безъ теплоты.

Т. П. Пассекъ.

ЛЕВЪ ИЗМАЙЛОВЪ.

Не тотъ-ли вы, къ кому меня, еще съ пелёнъ,
Для замисловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитёй возли на поклонъ?
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ.

Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь, и жизнь его не разъ спасали... вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзья три собаки!!

Влагая эти слова въ рѣчь Чацкого — авторъ комедіи «Горе отъ ума» направлялъ ихъ, какъ рассказываютъ москвичи-старожилы, — въ генераль-лейтенанта Льва Измайлова.

Кто же такой былъ отставной генераль-лейтенантъ Левъ Измайловъ, или лучше сказать, какими дѣяніями оставилъ онъ по себѣ память?

Для отвѣта обратимся къ подлинному судному дѣлу, производившемуся о немъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, и познакомимся съ этимъ пышно-распустившимся цвѣткомъ на почвѣ крѣпостнаго права. Передаемъ главнѣйшія подробности подлинной записки изъ его дѣла въ изложеніи А. Г. Пупарева.

Ред.

„До свѣдѣнія моего дошло, что отставной генераль-маіоръ Левъ Измайловъ, имѣющій въ Тульской губерніи вотчину, село Хитровщину, ведя распутную и всѣмъ порокамъ отверзтую жизнь, приноситъ любострастію своему самымъ постыднымъ и для крестьянъ утѣснительнѣйшія жертвы. Я поручаю вамъ о справедливости сихъ слуховъ развѣдать, безъ огласки, и мнѣ съ достовѣрностію донести, безъ всякаго лицепріятія, по долгу совѣсти и чести“:

Такъ писалъ императоръ Александръ I, еще 23-го марта 1802 года. тульскому гражданскому губернатору Иванову, но не извѣстно, какое исполненіе сдѣлано Ивановымъ по этому высочайшему повелѣнію. Вѣдомо однако, что цѣлую четверть столѣтія потомъ, Измайловъ, помѣ-

щикъ Зарайскаго, Михайловскаго уѣздовъ, Рязанской губерніи и Епифановскаго уѣзда, Тульской, не встрѣчалъ преграды своему произволу. Только въ 1827 г. официально выяснились поведеніе и домашняя жизнь Измайлова, а также поступки его съ подвластными.

Левъ Дмитріевичъ Измайловъ, отставной генераль-лейтенантъ ¹⁾, жилъ въ своемъ Епифановскомъ имѣніи, селѣ Хитровщинѣ, имѣя при себѣ дворню, собранную изъ разныхъ его деревень. Въ Хитровщинѣ считалось: дворовыхъ — мужчинъ 270, женщинъ: 12 горничныхъ, 37 въ прислугахъ при домѣ, 182 фабричныхъ и бездолжныхъ дѣвокъ и женокъ и вольнонаемныхъ 14.

Дворня эта помѣщалась весьма тѣсно, въ худыхъ, деревянныхъ хижинахъ, по 4 и по 5 семей вмѣстѣ. Такъ въ одномъ покоѣ, на пространствѣ 41 квадратнаго аршина, жило 14 душъ мужскаго пола и 15 женскаго, и нужно было удивляться, какъ, при такой тѣсотѣ и нечистотѣ, люди эти оставались здоровыми.

Впрочемъ, для дворни былъ лазаретъ; каменное, нештукатуренное строеніе, съ двумя рядами небольшихъ комнатъ, раздѣленныхъ въ срединѣ широкимъ темнымъ корридоромъ, въ которомъ, отъ недостатка свободного сообщенія съ наружнымъ воздухомъ, господствовалъ непріятный, тяжелый запахъ. Все строеніе запущенное какъ внутри, такъ и снаружи, мебель худая и ветхая. Сюда отсылали людей, которые, по болѣзни, отказывались идти на работу. Содержаніе имъ было мука и крупа. Тутъ же содержалась часть арестантовъ.

Лазаретъ былъ въ завѣдываніи доктора и имѣлъ аптеку; но въ случаѣ выѣзда барина изъ имѣнія, докторъ отправлялся съ нимъ, аптека запиралась и запечатывалась; оставался фельдшеръ, который цыкого и ничѣмъ не пользовалъ.

Въ Хитровщинѣ была и такъ-называемая богадѣльня. Это крестьянская полусгнившая изба. Стѣны и потолокъ ея покрыты сажеею. Тутъ, на 63 квадр. аршинахъ, кромѣ печи, помѣщалось 34 престарѣлыхъ женщины, въ рубищахъ и лоскутьяхъ. За исключеніемъ пространства, необходимаго для хода, на каждую изъ женщинъ приходилось не болѣе одного кв. аршина для помѣщенія. Получали онѣ на содержаніе по одному пуду ржаной муки на мѣсяцъ и за то обязаны были прясть господскую пеньку. Въ богадѣльню ссылались женщины и въ наказаніе, и посылались отсюда въ разные работы. Въ другой, такой же хижинѣ, на 25 кв. аршинахъ, мѣстилось 6 мужчинъ и 12 женщинъ.

¹⁾ Въ 1812 году, онъ былъ сначала рязанскимъ губернскимъ предводителемъ, потомъ начальникомъ рязанскаго ополченія. Имѣлъ ордена св. Анны 1-го класса и Георгія 4-й степени.

Хозяйственныя заведенія въ Хитровщинѣ давали занятія дворовымъ. Но вотъ въ какомъ положеніи находились эти заведенія.

Суконная фабрика помѣщалась въ старомъ деревянномъ строеніи, гдѣ, сквозь стѣны и заволоченные досками окна, свободно проходилъ вѣтеръ. Здѣсь, въ тѣсотѣ и нечистотѣ, прядли дворовыя дѣти, на простыхъ ручныхъ прядкахъ, испанскую и мѣшанныхъ породъ шерсть, твали сукна; для валянія же, крашенія и отдѣлки сукно отсылалось на московскія фабрики.

Полуразрушенный поташный заводъ уже нѣсколько лѣтъ вываривалъ поташъ только въ небольшомъ количествѣ, для домашняго обихода и, казалось, существовалъ единственно въ наказаніе дворовымъ людямъ. Въ такомъ же видѣ былъ и кирпичный заводъ.

Конскій заводъ находился, собственно, въ Зарайскомъ уѣздѣ, но на зиму лошади, болѣею частію, пригонялись въ Хитровщину, гдѣ содержались въ конюшняхъ жеребцы. Конюшни соответствовали прочему строенію и были завалены внутри и снаружи нечистотами. По недостатку въ Хитровщинѣ сѣна, крестьяне возили его изъ села Дѣднава, за 150 верстъ, и за растрату въ пути должны были отвѣчать своимъ собственнымъ. Но если хозяйственныя заведенія находились въ разстройствѣ и вообще въ весьма плохомъ состояніи, то псарнею своею Измайловъ могъ похвалиться. Собакъ разныхъ породъ было 673, жили онѣ въ лучшихъ домахъ, гдѣ, для каждой изъ нихъ, сдѣлано было особое гнѣздо, набитое свѣжею соломой. На кормъ ихъ выходило ежегодно овса болѣе 1,600 четвертей. Кромѣ того, когда осенью 1827 года, при наступленіи холодовъ, рогатый скотъ Измайлова сталъ падать отъ чумы, то, по содраниіи шкуръ съ палаго скота, мясомъ кормили тѣхъ же собакъ. Страсть помѣщика къ охотничьимъ собакамъ была такъ сильна, что, въ 1823 году, онъ промѣнялъ помѣщику Шебякину четырехъ дворовыхъ, служившихъ ему по 30 лѣтъ, на четыре борзыхъ собаки, впрочемъ, въ михайловскомъ уѣздномъ судѣ совершены были одновременно четыре купчія крѣпости этихъ людей, каждая въ четыреста рублей, такъ какъ судъ, по закону, имѣлъ право писать крѣпости цѣною только до 500 рублей.

За малѣйшіе проступки, а нерѣдко и невинно, дворовые люди, по приказанію Измайлова, наказывались плетью, розгами и псарскими арапниками, сложенными вмѣстѣ съ ручкою; сверхъ того, содержались въ ручныхъ и ножныхъ желѣзахъ, на стѣночныхъ цѣпяхъ и задепанныхъ на шеѣ желѣзныхъ рогаткахъ. Такихъ рогатокъ имѣлось болѣе двухъ сотъ, и въ нихъ многіе ходили по году и болѣе. Съ 1-го сентября 1826 года по 23-е марта и 2-го апрѣля 1827 г. въ рогаткахъ содержались 23 человекъ. Въ рогаткахъ же, а иногда

и безъ нихъ, люди ссылались на неограниченное время въ тяжелыя работы на кирпичный, винокуренный и поташный заводы, рыть землю и засыпать прудъ въ холодное время. Такихъ ссыльницъ бывало всегда не менѣе 40 человѣкъ; обременяемые работою до совершеннаго изнуренія, они получали весьма скудную пищу, безъ платы и одежды, даже и тогда, если по нѣскольку гѣтъ находились въ этихъ работахъ. Не только наказываемые, но и вообще дворовые и крестьяне должны были производить работы даже въ большіе годовые праздники. Такія заявленія на Измайлова послѣдовали отъ 166 человѣкъ дворовыхъ; но изъ нихъ многіе отозвались, что получаемыми жалованьемъ и содержаніемъ остаются довольны. Кромѣ того, 24 крестьянина обнаружили, что и они были наказаны и заключены въ рогатки.

Измайловъ и самъ не отвергать, что дворовые, хотя и наказывались тѣлесно и на нѣкоторыхъ бывали рогатки, но эти наказанія и употребленіе желѣзныхъ вещей не могутъ назваться жестокими и истязательными, потому что „первыя производились челоѣколюбно и соотвѣтственно винамъ каждаго, для единого только страха, а послѣднія, по легкости ихъ, служили въ воздержанію отъ пьянства, буйства и побѣговъ, слѣдовательно, совсѣмъ не безвинно, подвижными же цѣпными стульями никогда не наказывались“, что, вообще, эти орудія не были въ употребленіи со времени объявленія ему высочайшаго повелѣнія 20-го марта 1826 г. объ истребленіи ихъ ¹⁾. Впрочемъ, на лицо оказалось: 26 шейныхъ рогатокъ, вѣсомъ отъ 1½ до 4 фунтовъ; 9 ножныхъ желѣзъ, вѣсомъ отъ 2 до 4 фунтовъ, одни ручныя въ 2 фунта; 2 подвижныхъ, съ цѣпами, стула—одинъ вѣсомъ въ 1 пудъ и 21 фунтъ, другой—въ 1 пудъ и 12 фунтовъ. Сверхъ того, предъявлены двѣ однохвостныя плети, употребляемыя при наказаніи, и 12 приказовъ, данныхъ Измайловымъ за своимъ подписомъ, въ 1823, 1824, 1826 и 1827 годахъ, о посылкѣ людей рыть канавы, сбченіи ихъ, надѣваніи на нихъ рогатокъ и, по наказаніи, запираніи въ черную.

Эта черная, т.-е. арестантская, вмѣстѣ съ канцеляріемъ, помѣщалась въ одномъ изъ двухъ каменныхъ флигелей, находившихся по сторонамъ господскаго дома, и имѣла особый входъ. Она видомъ своимъ приводила въ ужасъ и отвращеніе; при крайней нечистотѣ, имѣла всего пространства, за исключеніемъ печи, 57 квадр. аршинъ, но въ ней помѣщалось не рѣдко до 30 человѣкъ, окно съ желѣзной рѣшоткой, а въ стѣнахъ прикованы цѣпи.

¹⁾ Повелѣніе это напечатано въ «Русск. Стар.» изд 1871 г. т. IV, стр. 418.

Другая половина этого флигеля сообщалась только корридоромъ съ внутренними покоями господскаго дома, да небольшая калитка, въ высокой каменной стѣнѣ, вела отсюда на главный фасадъ, но она была всегда заперта внутреннимъ и, сверхъ того, висчимъ замкомъ. Въ окнахъ вставлены были рѣшотки. Здѣсь содержалось до 30 дѣвокъ разнаго возраста. Запертыя днемъ и ночью, онѣ лишены были всякаго сообщенія даже съ родственниками. Въ случаѣ выѣзда барина въ другія имѣнія и даже въ Москву, эти женщины должны были слѣдовать за нимъ, и тамъ содержались такимъ же порядкомъ. Съ ними Измайловъ вступалъ въ предосудительную связь; нѣкоторыя изъ нихъ рождали, во время заключенія своего, дѣтей; изъ нихъ дѣвочки содержались тутъ же во флигелѣ съ матерями и иногда терпѣли одинакую долю съ родительницами. Нимфодора Харитоновна, по достиженіи 13-ти лѣтъ, а Татьяна Каваева въ 19-ть лѣтъ были растлѣны Измайловымъ. Всѣ эти побочныя дѣти, въ числѣ ихъ и мальчики, считались дворовыми. Исключеніе было только для рожденнаго дворовою дѣвушкой Акулиной Барановой сына Дмитрія, которому въ 1827 году было 11-ть лѣтъ. Онъ содержался отлично и воспитывался вмѣстѣ съ младшею дочерью Измайлова.

Въ составъ этого гарема поступали не однѣ дворовыя, но и крестьянскія дѣвушки и горе было тѣмъ, кто бы ослушался приказанія барина, о выдачѣ ему требуемой. Крестьяне деревни Кашиной, едва ли не около того времени, какъ послѣдовалъ рескриптъ императора Александра I къ тульскому губернатору, были за это наказаны, и домъ одного изъ нихъ Измайловъ хотѣлъ было сжечь.

Опостылѣвшія или провинившіяся одалиски этого гарема подвергались исключенію изъ него и наказывались. Двадцать три крестьянки, бывшія прежде горничными, обнаружили, что онѣ, противъ ихъ воли, лишены были дѣвства Измайловымъ, имѣли съ нимъ по нѣскольку лѣтъ связь и были наказываемы, а потомъ нѣкоторыя сосланы въ тяжелыя работы.

Повидимому, Измайловъ недовольствовался гаремными заключенницами. Четыре крестьянскія дѣвушки отозвались, что хотя были съ нимъ въ связи, но потеряли невинность съ другими; сверхъ того, три объявили, что онѣ были приведены въ домъ Измайлова и тамъ, по волѣ его, лишены дѣвства гостями: Самаринымъ, Козловымъ и Вѣлградомъ. Впослѣдствіи ихъ приводили, по приказанію барина, какъ для другихъ гостей, такъ и для него самого.

Въ 1827 году, Измайловъ былъ старикъ и лѣтъ восемь какъ лежалъ въ подагрѣ, лишенный употребленія рукъ и ногъ. Его носили на рукахъ, и если въ это время онъ, бывало, почувствуетъ малѣйшее безпокой-

ство, то обвинялъ въ томъ прислуживающихъ ему и приказывалъ съѣхъ ихъ безъ пощады плетью, угрожая всѣхъ сослать на поселеніе. Но и тогда все же нѣсколько дѣвокъ содержалось у него во флигелѣ, и, только за годъ предъ тѣмъ, онъ взялъ къ себѣ двухъ родныхъ сестеръ и изъ нихъ съ одною продолжалъ, въ числѣ прочихъ, связь и въ послѣднее время.

Не однѣ, впрочемъ, животно-чувственныя отношенія къ женскому полу наполняли жизнь Измайлова. Онъ обладалъ нѣкоторое время женщиной, которая, повидимому, имѣла на него благотѣльное вліяніе. Ей Измайловъ вѣрилъ въ управленіе и свое имѣніе когда былъ за границей. Женщина эта была г-жа Давыдова, отъ которой Измайловъ имѣлъ двухъ побочныхъ дочерей и изъ нихъ Анна, въ 1827 году, была уже взрослая. Неизвѣстно по какому случаю и когда выѣхала изъ Хитровщины Давыдова, оставивъ тамъ своихъ дочерей. Ихъ Измайловъ признавалъ своими дѣтьми, и жили онѣ въ особомъ отдѣленіи дома, съ своими горничными, никуда не выпускались, но запирали ихъ только на ночь. Вотъ все отличіе ихъ отъ гаремныхъ затворницъ, жившихъ черезъ корридоръ и всегда запертыхъ. Еще при матери старшей изъ нихъ удавалось, вмѣстѣ съ ними, бывать въ церкви, на исповѣди и у св. причастія, а послѣ того были въ церкви только однажды, когда отецъ уѣзжалъ на Кавказскую линію.

Самъ Измайловъ былъ далекъ отъ исполненія религиозныхъ обрядовъ. Мѣстные священники, въ теченіе 20 лѣтъ, не видали его на исповѣди и у св. причастія. Причастился онъ по случаю болѣзни, на дому, въ селѣ Горкахъ, уже 8-го іюля 1828 года, во время производства о немъ дѣла. Большая часть дворовыхъ, также только въ случаяхъ болѣзни, приступали къ этому таинству, хотя и бывали въ церкви. По документамъ церковнымъ, съ 1816 по 1827 годъ показано приобщавшимися изъ общаго числа дворовыхъ, въ селѣ Хитровщинѣ, 270 мужчинъ и 40 женщинъ, только 136. На Измайлова введено было обвиненіе даже въ богохульствѣ, но оно не подтвердилось.

Браки между дворовыми были строго воспрещены, и просить на то дозволенія у Измайлова никто не смѣлъ. Когда онъ былъ за границею, г-жа Давыдова дозволила четвернымъ челоуѣкамъ жениться; но Измайловъ, какъ только возвратился въ Хитровщину, то разлучилъ пережившихся и сослалъ въ работы: мужей на винокуренный, а женъ на поташный заводы и приказалъ мужьямъ считаться холостыми. Впослѣдствіи одному изъ четырехъ позволилъ жить съ женою, а прочіе остались разлучены, и одна изъ женъ находилась

въ работѣ 15 лѣтъ. Браковъ не было, между тѣмъ, незаконнорожденныхъ дѣтей отъ дворовыхъ дѣвокъ окрещено: въ 1825 году—20, въ 1826 году—11, въ 1827 году по 19 октября—17 младенцевъ.

Жестокіе и безчеловѣчные поступки Измайлова съ своими людьми много разъ вынуждали ихъ приносить жалобы губернскому начальству; но Измайловъ былъ въ дружбѣ и пріятельскихъ связяхъ со многими знатными лицами, по богатству своему легко могъ все затмить, и жалобы угнетенныхъ обращались на ихъ же погибель. Что могли получить въ защиту свою люди Измайлова, когда, и послѣ раскрытія слѣдствіемъ его поступковъ, помѣщики Зарайскаго, Михайловскаго и Епифанскаго уѣздовъ отозвались, что онъ „жизнь свою велъ всегда отлично и благородно, съ людьми своими велъ обращеніе самое кроткое и благодѣтельное, содержаніе имъ давалъ не только безнуждное, но во всемъ изобильное, и хотя нѣкоторымъ изъ тѣхъ же людей за дурные поступки навазанія и производились, но самня умѣренные; во время праздничныхъ и воскресныхъ дней люди и крестьяне не только не употреблялись ни въ какія господскія работы ¹⁾, но строго имъ о семь было запрещено, а самые крестьяне его находились въ избыточномъ положеніи“. Впрочемъ, многіе изъ помѣщиковъ объявили, что имѣютъ съ Измайловымъ короткое знакомство, пользовались его одолженіями и были подъ его начальствомъ. О томъ же, какимъ сочувствіемъ пользовались люди Измайлова и какъ было велико его вліяніе у мѣстнаго начальства, мы сейчасъ расскажемъ.

Введенные изъ терпѣнія дворовые люди, въ числѣ 105 человекъ, дали изъ среды себя пѣтерымъ: Николаю Птицыну, Николаю Кузнецову, Павлу Самойлову, Ивану Лапкину и Николаю Нечаеву, довѣренность на подачу государю прошенія о жестокостяхъ Измайлова. Прошеніе это дѣйствительно и послано было чрезъ тульскую почтовую контору, 10-го марта 1827 года. Описывая свое отчаянное положеніе, они просили объ изслѣдованіи всего чрезъ довѣренную особу, миновавъ мѣстное начальство.

Какъ ни секретно вели свое дѣло крестьяне, но о посылкѣ прошенія узналъ какъ-то жившій у Измайлова прапорщикъ Аллигирей Баазетовъ, принимавшій долю участія въ угнетеніи дворовыхъ, и донесъ Измайлову 8-го апрѣля. Оба они принялись допрашивать съ угрозами людей, приводили ихъ къ присягѣ, держали подъ карауломъ, но ничего не узнали. Тогда Измайловъ, 9-го апрѣля, отправилъ епи-

¹⁾ Въ противномъ этому слѣдователи имѣли случай лично убѣдиться, оставивъ господскія работы въ Петровъ день.

фанскому земскому исправнику, Попову, объявленіе, „что нѣкоторые дворовые люди составили сговоръ и заговоръ и сдѣлали между собою неизвѣстно какую подписку, клонящуюся, повидимому, къ ложному противъ него, Измайлова, извѣту, и просилъ: въ отношеніи худыхъ послѣдствій отъ таковаго заговора, произвести на мѣстѣ изслѣдованіе и съ виновными поступить по законамъ“.

Исправникъ въ тотъ же день явился въ Хитровщину, привезя съ собою пуки розогъ, угрожая ими усмирять людей, невыходившихъ изъ повиновенія. Они жаловались на притѣсненія Измайлова и высказывали о согласіи нѣкоторыхъ жаловаться на него.

Въ то же время Измайловъ подалъ новое объявленіе исправнику, описывая происшедшее, будто бы, въ людяхъ его волненіе, тайный между ними заговоръ и намѣреніе ихъ поколебать крестьянъ въ тишинѣ и должномъ повиновеніи, просилъ довести о томъ до свѣдѣнія начальника губерніи, для принятія надлежащихъ мѣръ къ удержанію людей его отъ незаконнаго стремленія.

Исправникъ вытребовалъ инвалидную команду и созвалъ въ Хитровщину земскій судъ, а исправлявшему должность тульского губернатора, предсѣдателю губернскаго правленія Хрулеву, 10-го апрѣля донесъ, что „отъ дворовыхъ людей Измайлова, кромѣ не открытія, въ чемъ заключается всеподданнѣйшее ихъ прошеніе и въ чемъ они имѣютъ на господина своего неудовольствіе, другихъ непослушаній и неповиновеній помѣщику нѣтъ“.

Между тѣмъ, по распоряженію Хрулева, прибылъ къ производству слѣдствія епифанскій уѣздный предводитель дворянства Албычевъ и 12-го апрѣля объявилъ земскому суду полученное отъ Измайлова свѣдѣніе, что онъ въ дворовыхъ людяхъ своихъ замѣчаетъ тайные разговоры, для чего, особенно по ночамъ, ходятъ они другъ къ другу и собираются партіями. Поэтому онъ подозреваетъ ихъ въ томъ, что они намѣрены взбунтоваться противъ него, а быть можетъ, и противъ земскаго суда, или привести въ исполненіе какой-нибудь другой злой умыселъ. Измайловъ считалъ себя въ большой опасности, считалъ, что находящихся при исправникѣ 14 воинскихъ чиновъ недостаточно не только къ удержанію людей въ услугахъ, въ случаѣ бунта, но даже и для караула при взятыхъ подъ надзоръ и просилъ вытребовать въ Хитровщину роту воинской команды. 13-го апрѣля, по требованію земскаго суда, рота была прислана отъ ярославскаго пѣхотнаго полка. Ее размѣстили въ крайне тѣсныхъ жилищахъ дворовыхъ и заняли содержаніемъ подъ карауломъ тѣхъ изъ нихъ, кого производители слѣдствія признавали нужнымъ отдать подъ арестъ. О дѣйствіяхъ этихъ

производителей слѣдствія можно имѣть понятіе изъ жалобъ на нихъ дворовыхъ.

Члены земскаго суда допрашивали дворовыхъ при повѣренномъ Измайлова, коллежскомъ регистраторѣ Федоровѣ, который, по словамъ дворовыхъ, первоначально склонялъ ихъ къ подачѣ жалобы на господина, а потомъ сочинялъ Измайлову объявленіе о сговорѣ, заговорѣ и бунтѣ людей; пріятели Измайлова также допускались къ присутствію при допросахъ, которые переписывалъ крестьянинъ Измайлова. Чиновники эти и уѣздный стряпчій пользовались квартирою и столомъ отъ помѣщика; табакъ, чай, пуншъ и водка шли отъ него же. Все это истреблялось при открытомъ зеркалѣ. За то чиновники и склоняли допрашиваемыхъ оставить жалобы на господина, угрожая, въ противномъ случаѣ, наказаніемъ и ссылкой въ Сибирь; исправникъ и засѣдатель Хрущовъ били и сажали подъ караулъ. Предводитель Албычевъ, готовясь къ осмотру арестантской избы, промедлилъ столько, что, по приказанію помѣщика, успѣли изъ нея вычистить нечистоту и навозъ, выдергать и скрыть стѣнные цѣпи. Албычевъ склонялъ людей, чтобъ не показывали о неудовольствіи своемъ на господина, ругалъ ихъ и страдалъ; при этомъ выставялъ въ примѣръ строгость наказанія, какому подвергаетъ своихъ крестьянъ, и что они не смѣютъ жаловаться. Сверхъ того, чиновники сообщали Измайлову всѣ показанія; не писали въ нихъ всѣхъ объявленныхъ угнетеній, добавляя отъ себя слова въ пользу господина, а засѣдатель Хрущовъ приносилъ къ Измайлову и читалъ всѣ отвѣты женщинъ.

Имѣя въ виду донесеніе исправника 10-го апрѣля, Хрулевъ справился у тульскаго губернскаго почтмейстера. Оказалось, что крестьяне дѣйствительно послали 10-го марта всеподданнѣйшую жалобу. Тогда Хрулевъ, 12-го апрѣля, отправилъ въ Хитровщину совѣтника губернскаго правленія Трофимова, съ тѣмъ, чтобы онъ, при посредствѣ исправника, произвелъ изслѣдованіе по жалобѣ Измайлова. При этомъ Хрулевъ поручилъ Трофимову внушить дворовымъ людямъ, чтобъ они объявили ему, какъ чиновнику, довѣренному отъ начальства, своимъ неудовольствіямъ, для отысканія справедливости, отклонивъ, впрочемъ, всякое непослушаніе ихъ помѣщику. Повидимому, Трофимовъ, съ прочими чиновниками, задался тѣмъ, чтобъ открыть, во что бы то ни стало, въ чемъ заключается посланное на высочайшее имя прошеніе и кто въ немъ участвовалъ, и эта часть дѣла была ими выполнена съ полнымъ успѣхомъ. Они, посредствомъ обысковъ, нашли сначала черновыя бумаги съ жалобами на помѣщика, въ томъ числѣ довѣренность на хожденіе по этому дѣлу, за тѣмъ списокъ людей, согласившихся на жалобу къ государю и наконецъ, въ чуланѣ одного изъ

дворовыхъ, копію со всеподданнѣйшаго прошенія и журналъ, веденный съ 19-го марта по 4-е апрѣля о дѣйствіяхъ помѣщика и бывшихъ отъ него дворовымъ людямъ наказаніяхъ.

Узнавъ, такимъ образомъ, содержаніе жалобы и имена лицъ, въ ней участвовавшихъ, Трофимовъ принималъ всѣ мѣры, чтобы представить въ иномъ свѣтѣ дѣйствія Измайлова: грозилъ допрашиваемымъ, кричалъ на нихъ: „палокъ!“, билъ собственноручно по зубамъ, писалъ относительно многихъ не то, что показывали, посылалъ и самъ носилъ показанія людей Измайлову по ночамъ, и сочинялъ отъ него, по соображенію съ дѣломъ, объясненія. Въ квартирѣ повѣреннаго Измайлова, Ѳедорова, найдена была потомъ даже записка изъ слѣдствія, писанная засѣдателемъ Хрущевымъ и Ѳедоровымъ. Она была точный эпископъ съ такой же, приложенной къ дѣлу.

По слѣдствію Трофимова и свидѣтельству епифанскаго штабъ-лекаря Никитина выходило, что если кто и былъ изъ дворовыхъ лицъ наказанъ, то слишкомъ умѣренно и легко, что ежели нѣкоторые, и то весьма не многіе, и замѣчены въ разстроенномъ здоровьѣ, то это произошло не отъ побоевъ, а отъ невоздержной жизни, болѣзненныхъ припадковъ и тому подобнаго.

Обитательницы флигеля найдены Трофимовымъ въ „приличномъ одѣяніи, занимающимися руководѣліями, свойственными ихъ полу. Въ окнахъ флигеля, выходящихъ въ садъ, рѣшотокъ нѣтъ, и, слѣдовательно, изъ флигеля выходи въ садъ свободенъ“. Служанки эти не заявили Трофимову жалобы на свою тутъ жизнь и высказали, что имъ не воспрещается, въ свободное отъ занятій время, прохаживаться по саду и бывать въ церкви.

Впрочемъ, Трофимовъ, кажется, небезкорыстно такъ дѣйствовалъ. На него, впоследствии, возникло обвиненіе, что, при отъѣздѣ изъ Хитровщины въ Тулу, онъ получилъ, будто бы, отъ Измайлова 15,000 рублей, подъ предлогомъ займа на заплату по поручительству за какого-то несостоятельнаго должника. Просьба Трофимова о ссудѣ этими деньгами получаетъ нѣкоторое вѣроятіе по найденному черновому письму его, разорванному на множество лоскутковъ. Кромѣ того, получено было свѣдѣніе, что, въ день полученія письма Трофимова Измайловымъ, повѣренный его отвезъ 15,000 рублей въ Зарайскъ, гдѣ былъ тогда Трофимовъ.

Уже кончилъ-было Трофимовъ свое слѣдствіе и занялся приготовленіемъ изъ него записки, а Измайловъ, какъ носились слухи, рѣшился, по окончаніи производящагося о немъ дѣла, скрыть до основанія жилища дворовыхъ людей своихъ, сослать ихъ съ семействами на поселеніе и на отправленіе ихъ туда разсчитать 20,000 рублей про-

гоновъ, какъ 11 мая, прибылъ, по высочайшему повелѣнiю, въ Епифановскiй уѣздъ офицеръ жандармскаго корпуса Шаминъ и остановилъ у Трофимова отсылку дѣла. При бытности Шамина, 15 дворовыхъ дѣвожь и замужнихъ показали о растлѣнiи ихъ господиномъ, держанiи ихъ въ заперти, недозволенiи видѣться съ родными и ходить въ церковь, — а дворовый Николай Пелицынъ, къ доказательству о жестокости наказанiй, представилъ 13-ть письменныхъ приказовъ Измайлова.

Когда слѣдствiе было закончено Трофимовымъ и отослано къ тульскому губернатору, повѣренный Измайлова, Ѳедоровъ, 21-го августа 1827 года представилъ найденныя, будто бы имъ, черновыя бумаги дворовыхъ людей. На одной изъ этихъ бумагъ, подъ руку отыскивавшаго вольности Пармена Храброва, сдѣлана была карандашемъ приписка: „помните общее наше слово: въ случаѣ нашего невыигрыша, карачунъ дать ему“. Приписка эта была истолкована въ смыслѣ посягательства на жизнь Измайлова. Объ этомъ возникло особое слѣдствiе одновременно въ Епифановскомъ и Зарайскомъ уѣздахъ, но никакихъ слѣдовъ умысла дворовыхъ людей на жизнь Измайлова неоткрыто. Тѣмъ не менѣе, по волѣ его, взято было подъ караулъ, въ селѣ Хитровицкiй 7 и въ селѣ Дѣдновѣ 24 человекъ. Послѣднiе чрезъ Зарайскъ, Рязань и Тулу, отправлены въ Хитровицкину скованные. Впослѣдствiи оказалось, что бумага, найденная была не въ то время и не въ томъ мѣстѣ, какъ писалъ Ѳедоровъ. Тогда обнаружившихъ это, писаря Шанскаго и Тарасова, Ѳедоровъ сослалъ пасти скотину. Вообще на Ѳедорова пало подозрѣнiе, что онъ, когда увидѣлъ по дѣлу недостаточность обвиненiй противъ дворовыхъ, придумалъ приписать карандашемъ на черновыхъ бумагахъ умыселъ на жизнь господина, стараясь этимъ показать свое усердiе, приобрѣсть полную довѣренность и сдѣлаться необходимымъ Измайлову.

Между тѣмъ, начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества сообщилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о дошедшихъ до государя свѣдѣнiяхъ, что производившiй слѣдствiе совѣтникъ Трофимовъ былъ вызванъ для того самимъ Измайловымъ, составлялъ для него отвѣты и объясненiя и что государь, не полагая, чтобы дѣло это было ведено безъ всякаго лицепрятiя, повелѣтъ соизвоилъ: „полученныя вновь объ образѣ жизни и обращенiи съ дворовыми людьми Измайлова свѣдѣнiя доставить къ нему, управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы онъ: приостановилъ разсмотрѣнiе произведеннаго совѣтникомъ Трофимовымъ слѣдствiя, поручилъ тульскому гражданскому губернатору, вмѣстѣ съ тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, удостовѣриться какъ въ безпристрастiи учиненнаго совѣтни-

комъ Трофимовымъ изслѣдованія, такъ и въ справедливости вновь дошедшихъ о Измайловѣ свѣдѣній и о послѣдующемъ доложилъ бы еѣ императорскому величеству“. Управляющій министерствомъ передаетъ это повелѣніе въ исполненію тульскому губернатору Фонъ-Трейбуту 2-го сентября, съ тѣмъ, чтобы онъ донесъ потомъ съ приложеніемъ заключеній какъ своего, такъ и губернскаго предводителя. Затѣмъ отъ 14-го сентября переданы были еще дополнительныя свѣдѣнія о Трофимовѣ и Измайловыхъ, генераль-лейтенантъ и подпоручикѣ, полученныя также отъ начальника главнаго штаба, съ увѣдомленіемъ, согласно воли государя, что „свѣдѣнія сіи были поставлены на видѣ губернатору и губернскому предводителю дворянства“ для общаго соображенія при возложенномъ на губернатора порученіи, удостовѣриться въ справедливости изслѣдованія, совѣтникомъ Трофимовымъ произведеннаго.

Мы не приводимъ этихъ свѣдѣній, они влечены уже въ своемъ мѣстѣ въ разсказъ, основанный на результатахъ, полученныхъ изслѣдованіемъ губернатора Фонъ-Трейбута и предводителя Мансурова. Но къ разсказу этому считаемъ нужнымъ добавить, что и при производствѣ Фонъ-Трейбута съ Мансуровымъ содержалось подъ арестомъ 70 человѣкъ. Имъ подано было, отъ имени Измайлова, довѣреннымъ его, Федоровымъ, о взятіи подъ караулъ еще 81 человѣка дворовыхъ, но домогательство это осталось неуваженнымъ. Тогда Федоровъ объявилъ на дворовыхъ людей, что они покупаются и на его жизнь, но этого также ничѣмъ не доказалъ. Слѣдователи, для указанія насколько простирается мстительность Измайлова, обнаружили еще тотъ фактъ, что бывшаго у него прикащикомъ, сужденнаго и наказаннаго за утѣсненіе крестьянъ, двороваго человѣка Пармена Храбраго, Измайловъ уже осмой годъ содержитъ подъ строжайшимъ карауломъ, въ томъ числѣ, уже послѣ наказанія по суду, болѣе двухъ лѣтъ.

Записка изъ дѣла была внесена въ Комитетъ Министровъ и, по положенію еѣ, состоялось 20-го февраля 1828 года высочайшее повелѣніе: „1) произведенное о поступкахъ генераль-лейтенанта Измайлова слѣдствіе, предоставить разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, но не въ Тульской губерніи, ибо тамошніе чиновники, состоя подъ начальствомъ производившаго слѣдствіе тамошняго гражданскаго губернатора, были бы стѣснены въ сужденіи ихъ объ ономъ, а въ Рязани. 2) Генераль-лейтенанту Измайлову объявить, чтобы онъ, по требованію суда, давалъ нужныя объясненія и чтобы до окончанія дѣла не имѣлъ пребыванія въ своихъ деревняхъ. 3) Для управленія имѣніями его въ Тульской и Рязанской губерніяхъ учредить опеку, но съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы собираемые съ имѣній сихъ доходы предо-

ставлены были непосредственному его распоряженію и чтобы губерскія начальства имѣли строжайшее наблюденіе, дабы дворовые люди и крестьяне Измайлова отнюдь не уклонялись отъ исполненія обязанностей ихъ въ отношеніи къ помѣщику. 4) Совѣтника тульского губернскаго правленія Трофимова, обвиненнаго въ лихоимствѣ, предать суду также не Тульской, а Рязанской уголовной палаты, и для того отъ должности его нынѣ же удалить; и 5) Управляющему министерствомъ юстиціи за ходомъ сего дѣла имѣть строгій надзоръ, а управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ строго наблюдать, чтобы взяты были всѣ нужныя мѣры къ охраненію покорности и тишины въ имѣніи Измайлова". Наконецъ, по прошенію Измайлова, о позволеніи ему остаться въ имѣніи своемъ, въ сельцѣ Горгахъ, по болѣзненному его состоянію и по удостовѣренію о томъ Рязанской врачебной управы акушера, свидѣтельствовавшего его въ сентябрѣ 1828 года, Комитетъ Министровъ положилъ: „по уваженію болѣзненнаго состоянія генераль-лейтенанта Измайлова, оставить его въ настоящемъ мѣстѣ пребыванія и затѣмъ не дѣлать ежемѣсячныхъ свидѣтельствъ чрезъ медицинскаго чиновника, какъ о томъ отъ правительствующаго сената предписано“.

Едва дѣло поступило къ судебному разсмотрѣнію, какъ снова началось угнетеніе дворовыхъ уже со стороны судебныхъ властей. Большое число дворовыхъ было вытребовано въ рязанскій уѣздный судъ для подтвердительныхъ показаній. Тамъ судья Морозовъ воспрещать имъ показывать истину и говорилъ, что если они не подпишутъ всѣхъ показаній просто, то онъ сдѣлаетъ ихъ ослушниками. Замѣчательно, что изъ людей вытребованы были въ уѣздный судъ для передопросовъ не всѣ, а по какому-то предварительному выбору. За тѣмъ вытребованные всѣ заключены въ тюрьму и приговорены судомъ къ наказанію и ссылкѣ въ Сибирь, хотя судъ долженъ былъ производиться надъ однимъ ихъ помѣщикомъ. Онъ былъ совершенно оправданъ судомъ, вѣроятно вслѣдствіе приведеннаго уже нами одобрительнаго отзыва о немъ помѣщиковъ. Рязанская уголовная палата подтвердила опредѣленіе уѣзднаго суда, а тамошній гражданскій губернаторъ Карцовъ, не только согласился съ рѣшеніемъ палаты, но сверхъ присужденныхъ ею, потребовалъ подвергнуть тому же наказанію и другихъ людей.

Содержащимися въ тюрьмѣ людей этихъ нашли ревизовавшіе Рязанскую губернію сенаторы Огаревъ и Салтыковъ и распорядились водворить ихъ, впредь до рѣшенія дѣла, въ мѣсто ихъ жительства, село Хитровицину, подъ присмотръ опекуна маіора Шебалова. Отъ него неоднократно потомъ доходили жалобы на дворовыхъ людей въ

неповиновеніи, будто бы ему, какъ опекуну, а также и вотчиннымъ начальникамъ; но жалобы эти, по разсмотрѣніи, оказывались незаслуживающими уваженія. Не лучше Шебалова дѣйствовали и прочіе опекуны имѣній Измайлова, люди, ему преданные и исполняющіе его велѣнія; таковы были опекуны его имѣній тульского Хрущовъ и Шебаловъ, рязанскаго—Лихаревъ. Изъ нихъ Хрущовъ, какъ жаловались потомъ дворовые, неправильно отдалъ въ рекруты 26-тъ человекъ.

Наконецъ, въ 1830 году, дѣло Измайлова было разсмотрѣно во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента сената. Сенатъ полагалъ:

1) Какъ имѣніе Измайлова уже взято въ опеку и самъ онъ, по образу обращенія его съ своими людьми, не можетъ быть допущенъ до управленія того имѣнія, то оное оставить въ опекѣ, и хотя было бы неумѣстно имѣть Измайлову пребываніе въ своемъ имѣніи, но такъ какъ онъ, по уваженію къ тяжелой болѣзни, оставленъ въ настоящемъ мѣстѣ пребыванія, то дозволить ему находиться тамъ впредь до выздоровленія.

2) О долговременномъ небытіи Измайлова на исповѣди и у св. причастія, предоставить разсмотрѣнію духовнаго начальства, по назначенію коего, также возложить на него церковное покаяніе за незаконное его сожитіе.

3) По воспрещенію людямъ быть у исповѣди и у св. причастія и вступать имъ въ бракъ, оставить Измайлова въ сильномъ подозрѣніи.

4) Случай о наказаніи Измайловымъ дворовыхъ и крестьянъ въ деревни Кашиной, за недачу посланному отъ него, дѣвки для непотребства, за давностію и на основаніи 14-й ст. дворянской грамоты оставить безъ сужденія.

5) По обвиненію въ богохульныхъ насмѣшкахъ, при отсутствіи доказательствъ, оставить Измайлова безъ взысканія.

6) Совершеніе въ михайловскомъ уѣздномъ судѣ 4-хъ купчихъ крѣпостей на дворовыхъ людей, подвергнуть дѣйствию всемилостивѣйшаго манифеста 22-го августа 1826 года.

7) Обстоятельства о дачѣ Измайловымъ денегъ совѣтнику Трофимову, разсмотрѣть при рѣшеніи поступившаго въ сенатъ дѣла, по обвиненію Трофимова въ лихоимствѣ.

8) Коллежскаго регистратора Федорова въ составленіи фальшивой приписки и въ ложномъ извѣстѣ на дворовыхъ людей, въ покушеніи будто бы ихъ на жизнь господина своего и его, Федорова, оставить въ сильномъ подозрѣніи и какъ человека неблагонадежнаго ни къ управленію имѣніемъ, ни къ хожденію по постороннимъ дѣламъ не

допускать и объ этомъ рязанское губернское правленіе имѣть публиковать повсемѣстно.

9) Дворовыхъ людей Измайлова, какъ непризнавшихся и неизобличенныхъ въ неповиновеніи къ помѣщику своему и въ покушеніи на его жизнь, отъ суда и слѣдствія по сему дѣлу освободить.

10) Людей и дѣвокъ, сознавшихся въ блудодѣяніи, предать церковному покаянію, по назначенію духовнаго начальства.

11) Утвердить рѣшеніе уголовной палаты: объ истребленіи найденныхъ у Измайлова желѣзныхъ орудій, объ освобожденіи отъ суда и слѣдствія прапорщика Боязетова и побочной дочери Измайлова, Анны Львовой, о представленіи разсмотрѣнію военнаго начальства, поступковъ подпоручика Измайлова, о взисканіи съ генералъ-лейтенанта Измайлова 1,061 руб. 60 коп., употребленные на прогоны и канцелярскіе расходы, при производствѣ слѣдствія губернаторомъ и предводителемъ. Затѣмъ, въ прочихъ частяхъ рѣшеніе палаты, равно и мнѣніе рязанскаго гражданскаго губернатора, какъ несообразныя съ существомъ дѣла и законами—оставить.

12) Жалобу дворовыхъ на опекуновъ передать разсмотрѣнію 1-го департамента сената.

13) Противозаконныя дѣйствія: исправника Попова, дворянскихъ засѣдателей: Нечаева, Хруцова, секретаря Савельева и уѣзднаго предводителя Албычева поручить разсмотрѣнію и опредѣленію тульской уголовной палаты, а о дѣйствіяхъ уѣзднаго страпчачаго предоставить разсмотрѣнію управляющаго министерствомъ юстиціи.

14) Разсмотрѣніе дѣйствій рязанскаго уѣзднаго суда, по жалобѣ относительно передопроса нѣкоторыхъ изъ дворовыхъ и притомъ съ угрозами, и взисканіе съ виновныхъ, буде окажутся, предоставить рязанскому губернскому правленію.

15) Правившему должность тульскаго гражданскаго губернатора, предсѣдателю губернскаго правленія, статскому совѣтнику Хрулеву, не воспретившему земскому суду требовать въ Хитровщину роту воинской команды и не приказавшему возвратить ее къ своему мѣсту, въ виду донесенія исправника, что со стороны дворовыхъ людей никакого ослушанія помѣщику ихъ нѣтъ, рязанскимъ: уѣздному суду и уголовной палатѣ, оправдавшимъ совершенно Измайлова и большое число людей безвинно присудившимъ къ наказанію и ссылкѣ въ Сибирь, тамошнему гражданскому губернатору Карцову, который не только согласился съ неправильнымъ рѣшеніемъ уголовной палаты, но, сверхъ присужденныхъ ею, подвергалъ тому же наказанію и другихъ людей,—сдѣлать строгій выговоръ.

На приведеніе въ исполненіе опредѣленія относительно послѣдней

статьи, было испрашиваемо высочайшее соизволеніе и 11-го ноября 1830 года объявлено Комитету Министровъ собственноручное повелѣніе государя императора: „Согласенъ. Г. Измайлова выслать на жительство въ Рязань или Тулу, куда пожелаетъ, безвыѣздно; кто-жъ по оупекѣ назначится къ управленію имѣніемъ, донести“.

7-го января 1831 года послѣдовала печатная публикація отъ сената о сдѣланномъ строгомъ выговорѣ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ, и циркулярное печатное сообщеніе рязанскаго губернскаго правленія отъ 30-го января 1831 года во всѣ губернскія правленія, съ цѣлю опубликованія приговора о Федоровѣ.

Генераль-лейтенантъ Левъ Измайловъ далеко не исключительный типъ помѣщика пережитой вѣршностной эпохи. Поступки его, какъ видно, не казались рѣзкими въ окружавшей его средѣ дворянъ, и онъ находилъ защиту своимъ дѣйствіямъ не только между своимъ братомъ-помѣщикомъ, но и между мѣстными, какъ уѣздными, такъ и губернскими чиновниками. Объяснять же крайнее снисхожденіе къ его звѣрскимъ и скотскимъ поступкамъ исключительно однимъ подкупомъ или связями, въ виду того, что на дѣло Измайлова было обращено высочайшее вниманіе, положительно невозможно.

Въ томъ же убѣждаютъ насъ и другія дѣла о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ, во множествѣ возникавшія въ недавніе еще годы до великаго дня 19 февраля 1861 г.¹⁾

Сообщ. А. Г. Пупаревъ.

¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ, сообщенныя А. Г. Пупаревымъ и друг. лицами, имѣются въ распоряженіи «Русской Старины». Ред.

ПИСЬМА ПЕТРА ВЕЛИКАГО КЪ СКОРНЯКОВУ-ПИСАРЕВУ.

1707—1722.

Представляемыя здѣсь подлинныя письма Петра Великаго писаны къ Григорію Скорнякову-Писареву и отчасти къ Евиматову-Писареву. Изъ этихъ сподвижниковъ Петра I Григорій Григорьевичъ Скорняковъ - Писаревъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ «птенцовъ» великаго монарха; онъ обучался за границей и рано отличенный Петромъ за умъ, смѣлливость и энергію, скоро былъ сдѣланъ капитанъ-поручикомъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Въ 1718 году на него возложенъ былъ арестъ царицы Евдокіи Федоровны въ Суздальско-Покровскомъ монастырѣ и вообще все производство «Суздальско рознскнаго дѣла». Въ 1719 году Григорій Григорьевичъ начальникъ Морской Академіи (Навигацкой школы), гдѣ уже гдѣть пять предъ нимъ сталъ онъ преподавать артиллерію; вслѣдъ затѣмъ ему ввѣренъ надзоръ за постройкой Ладожскаго канала. Въ 1722 г. онъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ сената. Въ 1727 году Скорняковъ-Писаревъ наказанъ вкнутомъ и сосланъ въ Сибирь по дѣлу гр. Девиера и только въ 1743 году возвращенъ изъ ссылки.

Приводимыя ниже документы объемлютъ время съ 1707 по 1722 годъ включительно, т. е. самый дѣятельный періодъ царствованія преобразователя. Тутъ читатель встрѣтитъ самыя разнообразныя распоряженія Петра Великаго: о приготовленіи и доставкѣ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, также судовъ во время войнъ со шведами и турками, распоряженія по осмотру и описанію озеръ и рѣкъ для устройства водяной коммуникаціи, письма по производу ареста царицы Евдокіи, первой жены Петра, и всѣхъ ея «фаворитовъ»; распоряженія по производу дознанія о разныхъ злоупотребленіяхъ, повелѣнія относительно работъ по Ладожскому каналу и проч., и проч.

Подлинныя печатаемыхъ документовъ писаны на 23 четвертушкахъ одинаково сѣрой, толстой бумаги; большая часть писемъ руки самого Петра, при чемъ каждое изъ нихъ, на тѣхъ же листкахъ, на оборотахъ переписано четкимъ почеркомъ прошлаго же столѣтія. Очевидно, одинъ изъ старинныхъ владѣльцевъ этихъ документовъ, для удобнѣйшаго прочтенія, связалъ съ нихъ копія. Весь сборникъ переплетенъ въ черныя сафьянъ съ вышивкою: «Собственноручныя письма Петра Великаго». Сборнику предпослано слѣдующее предисловіе нмѣншаго его владѣльца:

«Письма эти намъ достались отъ прабабушки моей, Маври Антиповны Гурьевой: она была при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ ея любимой фрейлиной; когда императрица выдавала замужъ эту красавицу Гурьеву (впоследствии Якушкину), то пожаловала ей много вещей работы Петра Великаго, въ томъ числѣ и эти собственноручныя его письма. Я прибралъ ихъ отъ моей матушки. А. Маринъ».

Редакція «Русской Старины» обязана А. Н. Марину, при посредствѣ г. А. Хованскаго, сообщеніемъ настоящаго собранія писемъ Великаго государя. Печатаемъ ихъ дословно, но безъ соблюденія тогдашней орфографіи, хорошо извѣстной каждому любителю исторіи, между прочимъ, и изъ буквально напечатанныхъ автографовъ Петра I въ «Русской Старинѣ»¹⁾; къ нашему же изданію былъ приложенъ снимокъ съ подлинныхъ резолюцій этого государя. (См. «Русскую Старину», изд. 1871 г., т. IV, прилож. къ стр. 464). Ред.

I.

†

Господинъ поручикъ. Письмо ваше, писанное изъ подъ Быхова, до насъ дошло, и за труды ваши и прочихъ нашей роты бомбардировъ благодарствуемъ. Артиллерію, а именно: пушки и мартиры, которыя изъ Смоленска взяты, отпусти пакн въ Смоленскъ, только оставить въ Быховѣ два мартира изъ нашихъ и къ нимъ достальныя бомбы, которыя остались, также и ядра остаточныя прибрать по калибрамъ къ быховскимъ взятымъ пушкамъ и оставить. И сверхъ того взять ядеръ изъ Смоленска, чтобъ было довольно. Буде же къ которымъ пушкамъ ядеръ въ Смоленску прибрать невозможно и въ Быховѣ нѣтъ, то тѣ пушки изъ Быхова взять въ Смоленскъ; а вмѣсто тѣхъ прибавить еще изъ Смоленска двадцать пушекъ желѣзныхъ съ ядрами и съ прочими къ нимъ потребностями, чтобъ къ осадѣ было довольно, а хотя изъ Быхова въ Смоленскъ пушки и не возьмутся, а изъ Смоленска 20-ть желѣзныхъ взять вели. По управленіи же сего съ бомбардирскою ротою поиди въ слученіе къ первому баталіону, который будетъ при насъ; а въ Быховѣ оставь артиллерійскихъ служителей тѣхъ, которые къ вамъ присланы отъ Гинтера и съ ними одного артиллерійскаго офицера и другаго унтеръ-офицера „Piter“²⁾.

«Изъ Люблина, въ 24-й день іюня 1707 года.»

II.

(Собственноручно).

Поручику.. въ капитаны-поручики.

Подпоручику... въ поручики.

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1872 г., т. V, стр. 895—902 и проч.

²⁾ Слова въ кавычкахъ « » писаны Петромъ собственноручно.

Сержантамъ двумъ въ подпоручики.

Въ сержанты:

Данила Новицкой,

Василій Екимовъ.

Въ капитанармусы: Любимъ Кутузовъ.

А выписнымъ осемнадцати человекамъ сказать, что они написаны будутъ въ бумбардиры и жалованіе имъ дано будетъ по 36-ти рублевъ на годъ, только-бъ они прежде научились по росписи, что и бомбардирству вѣчто надлежитъ.

III.

(Собственноручно).

1) Суды на Касплѣ ¹⁾ починить и поставить въ удобномъ мѣстѣ, гдѣ грузить.

2) Пушки 18 — 12 фунтовыя и къ нимъ порохъ, ядры и прочее взять изъ Смоленска и нагрузить въ суды, товожъ 8-мь мартировъ и къ нимъ бомбы и амуницию, сколько потребно по росписи генерала Я. Брюса.

3) Въ остальныя судны положить провіанту.

Въ 12-й день іюля. Отъ Полтавы 1709 года.

IV.

†

Господинъ капитанъ-поручикъ! Послали мы къ вамъ Ефима Рагузинскаго, которому вели быть при себѣ и чтобъ онъ не гулялъ, поучился бомбардирству при васъ: „Piter“.

Изъ Питербурха. Мая въ 25-й день 1710 года.

V

†

Господинъ капитанъ-поручикъ. По полученіи сего указа, пришли сюда, ни мѣшавъ, нашей роты капрала Инехова и съ нимъ бомбардировъ и лучшихъ солдатъ, чтобъ всѣхъ ихъ было человекъ со-рокъ для дѣла фейерверка. „Piter“.

Въ 6-й день сентября. Отъ Питербурха 1710 г.

¹⁾ Каспля—рѣка Смоленской и Витебской губерній, лѣвый притокъ Западной Двины.

VI.

†

Господинъ капитанъ-поручикъ! Надобно вамъ маршъ свой отъ Смоленска имѣть къ Могилеву со всѣмъ, какъ съ рекрутами, такъ съ денежною казною, ружьемъ и съ прочемъ, что „у васъ есть“—и для того пошли въ Могилевъ кого-нибудь напередъ, дабы тамъ приготовить суды, на чемъ вамъ оттоль водою съѣхать до Кіева. „Понеже симъ путемъ вамъ суды поспѣть невозможно, но трудитесь, чтобъ скорая водою то исполнить“. „Piter“.

Изъ Луцка, въ 15-й день марта 1711.

Р. С. Курьера Тонѣва или Кирилла Баканова съ линѣею возьмите съ собою.

VII.

†

Господинъ капитанъ-поручикъ. Письмо ваше чрезъ Кобелева до насъ дошло, на которое отвѣтствуемъ. Когда вы къ Кіеву придете и оттоль подите совсѣмъ къ Полонному, ибо поля наши оба, Преображенской и Семеновской туда-жъ маршируютъ. Однакожь, смотрите того, дабы вамъ безопасно было отъ непріятели, понеже съ вами не мало есть казны. „Piter“.

Изъ Луцка, въ 6-й день апрѣля 1711.

VIII.

†

Господинъ капитанъ-поручикъ. Подтверждаемъ вамъ, дабы вы, какъ наискоря, сюда поспѣшали, ибо мы не имѣемъ объ васъ вѣдомости, что у васъ чинится, что зѣло нужно; а особливо какъ надѣетесь сюда быть, „ибо мы завтра чрезъ Днѣстръ пойдемъ“. „Piter“.

Отъ Сорокиръ¹⁾ въ 16-й день іюня 1711 г.

IX.

†

Указъ капитану-поручику Екиматову Писареву. Обыскавъ, какъ по Двинѣ, такъ по Касплѣ и по другимъ рѣкамъ, которыя впади въ Двину, всякія суды сколько какихъ мочно и вычинить, и въ ходу учинить во всякой готовности, и чтобъ тѣхъ судовъ было подъ ди-

¹⁾ Государь перешелъ Днѣстръ 17-го іюня и ночевалъ близъ молдавскаго пограничнаго съ Польшею городка Сороки. Ред.

визію и полъ два полка гвардіи. Для насъ такожь приготовить четыре или пять суденъ небольшихъ. „Петръ“.

X.

(Собственноручно).

†

Господинъ капитанъ-поручикъ! Когда наши приходомъ своимъ позамѣшкаются, а вамъ дѣлать будетъ нечего, то потщитесь осмотрѣть межъ Днѣпра и Двины: не можно-ль слюзовъ сдѣлать тамъ;— а я слышалъ, что есть способное къ тому мѣсто, чему чертежъ (?) сдѣлай, осмотра. Однакожь сіе дѣло, дѣлай тайно, дабы прежде времени не разгласилось. Петръ.

Отъ Каменца ¹⁾, въ 7-й день августа 1711 г.

XI.

†

Господинъ капитанъ-поручикъ. Письмо ваше чрезъ сего посланнаго до насъ дошло купно и съ чертежемъ, и за исполненіе того врученнаго вамъ дѣла благодарствуемъ. И по полученіи сего письма поѣзжай прямо на Луки-Великія, и какъ тамъ, на Лукахъ, такъ и въ польскомъ городѣ Невлѣ освѣдомься о комуникаціи отъ Ловати съ Двиною, ибо я въ бытность мою, передъ нѣсколькими годами, въ Невлѣ отъ тамошней шляхты и купцовъ слышалъ, что въ полу воду нѣкоторыми рѣчками и озерами такъ разливаются, что можно ѣздить изъ Двины въ Ловатъ. И хотъ для нынѣшняго зимняго времени подлинно вамъ осмотрѣть того нельзя, однако-жъ сколько возможно того осмотрѣть, дабы на весну то дѣло знакомѣ вамъ окончатъ было, и съ тѣмъ нынѣ пріѣзжай къ намъ „въ Петербурхъ“.

„Петръ“.

Изъ Ревеля, въ 20-й день декабря 1711 г.

XII.

(Собственноручно).

†

Сыскать черезъ ватерь-пасъ, озеро Двинь, озера Едрица выше или ниже.

Также и озеро Узмя ²⁾ Ловати вышель?

¹⁾ Каменецъ-Подольскій въ 1711 г. польская вѣрность; Петръ прибылъ сюда 6-го августа и провелъ въ ней двое сутокъ. Ред.

²⁾ Вѣроятно Усматенское озеро, протяженіемъ 37 кв. верстъ, находящееся въ Курляндіи. Ред.

Послѣ полѣй воды осмотрѣть рѣкъ Ловати, Кунью, Усвятъ, которыми изъ оныхъ способнѣе судами ходить и описать пороги съ мѣрою глубины.

Также и въ Смоленскомъ уѣздѣ осмотрѣть и описать озера и рѣки, надлежащія противъ чертежа.

Учиня вышеповелѣнное, ѣхать въ то мѣсто; гдѣ будемъ обрѣтаться мы.

Суды, которыя взяты въ городахъ Смоленской губерніи и Княжества Литовскаго у разныхъ чиновъ людей, отдать тѣмъ, чьи они были. „Петръ“.

«Въ Питербурхѣ, въ 8-й день марта 1712 г.»

XIII.

†

Господинъ капитанъ-поручикъ! Понеже господинъ адмиралъ графъ Апраксинъ писалъ, дабы выслали въ Петербургъ съ Москвы изъ навигацкой школы учениковъ, которые выучили геометрію, двадцать человекъ, и когда оныя въ Петербургъ приѣдутъ, тогда ихъ прими и учи артиллеріи, а заранѣе о томъ донеси князю Александру Даниловичу Меншикову, дабы онъ велѣлъ къ приѣзду ихъ сдѣлать въ Петербургъ въ удобномъ мѣстѣ избы, гдѣ ихъ учить. „Петръ“

Съ корабля св. Екатерины, стоящаго на якорѣ у Березовыхъ острововъ, мая въ 26-й день 1714 года ¹⁾.

XIV.

Меморія. Осмотрѣть рѣкъ (въ Можайскомъ и въ прочихъ принадлежащихъ уѣздахъ), которыя текутъ въ Волгу, а верховьями своими комуникацію имѣютъ съ Десною, съ Днѣпромъ и съ прочими украинскими текущими въ нихъ рѣками. А именно: Вазузу, Гжать, Касну ²⁾ и прочія, которыя ближе комуникацію имѣютъ съ оными украинскими рѣками. И осмотра, учинить чертежъ, а будетъ гдѣ надлежитъ каналы копать и слюзы дѣлать, въ тѣхъ мѣстахъ, смѣреть, которой рѣки вода—которой ниже, и описать то подлинно съ мѣрою. А которыми рѣками возможно судами ходить безъ слюзовъ и глубину оныхъ и съ каковыми судами мѣрою и съ какимъ грузомъ ходить возможно—описать же; и съ того мѣста, и съ котораго возможно ходить судамъ для подлиннаго свидѣтельства, сдѣлавъ судно или два и на-

¹⁾ Государь еще 20-го апрѣля вышелъ съ флотомъ къ берегамъ Финляндіи. Достоинно замѣчанія, что 26-го же мая, когда Петръ подписывалъ указъ Писареву объ ученикахъ, указомъ сенату повелѣно было сдѣлать развѣдки къ Бухарѣ и Хивѣ, куда вслѣдъ за тѣмъ наряжена была и экспедиція. Ред.

²⁾ Касня—правый притокъ Вазузы въ Смоленской губ. Ред.

грудя хлѣбомъ, прислать въ Тверь. Подводы и проводниковъ брать отъ мѣста до мѣста, гдѣ надлежитъ. Учина вышесказанное, приѣхать въ Санктъ-Петербургъ, „или гдѣ обрѣтаться будемъ. Петръ“.

«Въ 13-й день марта 1715».

XV.

(Собственноручно).

†

Указъ бомбардирской роты капитану-поручику Писареву. Взять тебѣ въ Суздаль и тамъ въ кельяхъ бывшей жены моей и ея фаворитовъ осмотрѣть письма, и ежели найдутся подозрительныя, по тѣмъ письмамъ, у кого ихъ вынуть, взять за арестъ и привести съ собою, купно съ письмами, оставя караулъ у воротъ. Петръ.

Въ Преображенскомъ,
въ 9-й день февраля 1718.

XVI.

(Собственноручно).

Мой господинъ. Письма твои получилъ ¹⁾, на которыя отвѣтствую: бывшую жену и кто при ней, также и кто ея фавориты, и мать ее, привези сюды, а перво разыщи, для чего она не пострижена, что тому причина и какой былъ указъ въ монастырь о ней, какъ ее Семень Языковъ привезъ, и кто въ то время былъ? И кто о семъ вѣдаетъ, всѣхъ заberi и привези съ собою. Петръ.

Изъ Преображенскаго,
въ 12-й день февраля 1718.

XVII.

Указъ ландратамъ Смоленской губерніи. Понеже посланъ отъ насъ объявитель сего, отъ гвардіи капитанъ-поручикъ Скорняковъ-Писаревъ въ Смоленскъ для нѣкотораго нужнаго дѣла, того дла, о чемъ онъ будетъ вамъ предлагать, то исполняйте неотложно. „Петръ“.

Въ 18-й день марта 1718.
Изъ Преображенскаго.

XVIII.

Господинъ маіоръ. По полученіи сего, увѣдомьте насъ о работѣ большаго канала, сколько онаго подрядчики отдѣляли и довольно ль

¹⁾ Донесенія Скорнякова-Писарева изъ Суздаля напечатаны въ VI т. Исторіи царствованія Петра Великаго. Соч. Устрялова. Прилож. стр. 458—460, но письма Петра къ Писареву, ншия печатаемыя, не были извѣстны Устрялову.

у нихъ работниковъ. И въ которыхъ мѣстахъ зачато копать, въ тѣхъ ведите землю всю вынять и берега отдѣлать на отдѣлку, и пустить воду, дабы нынѣшнимъ лѣтомъ мочно было освидѣтельствовать, какъ вода во ономъ будетъ. А ежели канала много занато копать, такъ что симъ лѣтомъ на зачатомъ мѣстѣ не мочно будетъ всю землю вынять, то вели нѣкоторую часть отдѣлить столько, чтобъ мочно всю землю на отдѣлку вынять и пустить воду. „Петръ“.

Отъ острова Ламеландъ.

Іюля въ 18-й день, 1719.

XIX.

По доношенію Василія Филиппова: 1) О тѣснотѣ рекрутъ, отъ провозвѣстныхъ офицеровъ и драгунъ Смоленскихъ неизслѣдовано, за раскомандированіемъ рекрутъ въ разные полки, и за неприсылкою изъ полковъ оныхъ;

2) На князя Андрея Соколинскаго и на бурмистра кабацкаго Бородавкина не изслѣдовано за счетомъ.

И прочія его дѣла, которыя вершены и которыя не вершены, за неприсылками вѣдомостей и прочихъ справокъ, по которымъ, кромѣ его, Филиппова, плутостей никакихъ интересовъ, высканій чаю не будетъ.

Оныя, кому повелѣно будетъ отдать, „разослать по Коллегіямъ“.

XX.

Господинъ капитанъ-поручиень. Когда отъ васъ будетъ требовать капитанъ-отъ-флота Иванъ Синявинъ, для нагрузки корабельныхъ дубовыхъ лѣсовъ, работниковъ, тогда ему дайте столько, сколько онъ будетъ требовать, хотя изъ тѣхъ, которые у васъ на канальной работѣ (ежели иныхъ вскорѣ сыскать будетъ невозможно), на нѣкоторое время. И за тое работу заплатите имъ деньги по разсмотрѣнію; а что заплачено будетъ денегъ, и тому пришли къ намъ вѣдомость, и то число велимъ вамъ отдать; „сіе конечно учини, дабы здѣсь корабельная работа не остановилась. Петръ“.

Изъ Саветь-Петербурха.

въ 8-й день іюня 1720 года.

Помѣта Писарева: «Получено чрезъ капитана Синявина, іюня 13-го дня 1720 года».

XXI.

Господинъ полковникъ. Изъ машинъ водоливныхъ, которыя дѣлаютъ въ Шлутель-Бурхѣ на Ладожской большой каналъ отправьте съ симъ посланнымъ двѣ или три машины на Котлинъ островъ къ господину Самарину на нѣкоторое время для выливанья изъ новаго

канала воды; которыя послѣ изъ Котлина наемъ къ вамъ присланы будутъ. „Сіе конечно скоро учини, понеже зѣло нужно. Петръ“.

Въ 14-й день іюня 1720. Въ Ораниенбѣ.

Помѣта: «Подано въ Новой Ладогѣ, іюня въ 17-й день 1720 г.»

XXII.

Указъ генераль-маіору Скорнякову-Писареву. Отъ Ладоги до Шли-тельбурха каналъ съ того мѣста, до котораго до сего отъ Ладоги отдѣлано въ отдѣлу, вели дѣлать слюзами и на тѣ слюзы плиту, и прочіе матеріалы вели заготовить нынѣшнимъ лѣтомъ и будущемъ зимомъ, чтобъ на будущее лѣто зачать тѣ слюзы дѣлать, а нынѣшнимъ лѣтомъ, гдѣ выкопано равно съ поверхностью воды озерской, въ тѣхъ мѣстахъ дамбы дѣлать, а гдѣ несравнено съ поверхностью воды озерской, въ тѣхъ мѣстахъ сравнять. „Петръ“.

Мая 11-го дня 1722.

Примѣчаніе. Помѣстивъ въ нашемъ изданіи драгоцѣннѣйшее достояніе семейнаго архива А. Н. Марина, мы позволяемъ себѣ сообщить нѣсколько данныхъ изъ біографіи этого доблестнаго ветерана русской арміи. Время сохранило изъ нихъ столь немногихъ, что нельзя не интересоваться ими и не желать, чтобы они подѣлились съ обществомъ воспоминаніями о своей долго-временной, полной событіями жизни. Ред.

Апполонъ Никифоровичъ Маринъ получилъ воспитаніе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ шести лѣтъ во время царствованія императора Павла. Малютку часто возили ко двору и однажды, представляясь на ординарцахъ государю, г. Маринъ имѣлъ случай видѣть великаго Суворова. Фельдмаршалъ обратилъ вниманіе на миниатюрнаго гренадера, одѣтаго по формѣ того времени, напудреннаго и въ гренадерской шапкѣ, съ надписью: «съ нами Богъ». Суворовъ подошелъ къ нему и, шутя сказалъ: «Помилуй Богъ! какой гренадеръ, пойдемъ бить французовъ!» Это былъ день, когда Суворовъ прѣвзжалъ откланяться императору Павлу предъ отправленіемъ своимъ въ Италійскую кампанію.

Въ 1808 г. Апполонъ Никифоровичъ произведенъ прапорщикомъ въ лейб-гвардіи финляндскій баталіонъ милиціи (нынѣ полкъ) и участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года. Подъ Бородиннымъ Апполонъ Никифоровичъ командовалъ цѣлю стрѣлковъ и контуженъ въ грудь картечью; спасеніемъ своей жизни онъ обязанъ тому, что картечь попала въ офицерскій знакъ, который висѣлъ у него на груди. Изъ этого знака онъ приказалъ впоследствии вылить распятіе.

Подъ Лейпцигомъ Апполонъ Никифоровичъ Маринъ вновь раненъ, именно въ плечо и въ ногу. Подъ селеніемъ Госсе, раненый, съ подвязанною рукою, Апполонъ Никифоровичъ, при осмотрѣ съ двумя конвойными передовыхъ постовъ, наткнулся на непріятельскій передовой постъ, который стоялъ за угломъ строенія. Одинъ изъ парныхъ непріятельскихъ часовыхъ высочилъ изъ-за угла, ударилъ кулакомъ его въ голову и въ то же время схватилъ его за грудь. «Бросьте шпагу!» закричалъ французъ. Молодые солдаты изъ чухонъ, которые были при Маринѣ конвойными, оторопѣли, но въ то время,

когда французъ велъ его къ своему офицеру, ильнику неожиданно ловящъ ударомъ здоровой лѣвой руки свалилъ француза съ ногъ и приказалъ своимъ конвойнымъ приколотъ его. Поднявъ шпагу, Маринъ быстро прошелъ къ своимъ постаамъ вмѣстѣ съ конвойными. Подобныхъ эпизодовъ много въ боевой жизни Апполона Никифоровича. Сюртукъ финляндскаго полка, который былъ на немъ во время сраженій, пронзаятъ пулями и картечью; онъ до сихъ поръ хранится у него. Вся боевая жизнь финляндскаго полка описана Апполономъ Никифоровичемъ въ исторіи этого полка, которую онъ составилъ изъ своихъ замѣтокъ и воспоминаній. Этотъ трудъ былъ первою полковою исторіею ¹⁾; самая же война 1812 года описана имъ въ отдѣльномъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Русскіе богатыри»; оно выдержало два изданія.

Въ 1819 году г. Маринъ произведенъ въ полковники; въ 1831 году, будучи комендантомъ въ Кейданахъ, выдержалъ сильную осаду поляковъ; отбивъ многочисленнаго непріятеля, онъ взялъ въ плѣнъ одного изъ нихъ доводчевъ Кашевскаго, который имѣлъ намѣреніе отбить плѣнныхъ. Вообще въ польской кампаніи г. Маринъ имѣлъ случай показать много предпримчивости, храбрости и находчивости. Въ 1834 году онъ произведенъ въ генералъ-майора, въ 1844 году мы его встрѣчаемъ членомъ управленія государственнаго коннозаводства, а въ 1856 году, августа 26-го, уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, Апполонъ Никифоровичъ, прослужа 50 лѣтъ, оставилъ службу, по болѣзни.

Кстати замѣтимъ, что фамилія Маринныхъ представляетъ нѣсколько лицъ, замѣчательныхъ въ военной исторіи нашего отечества. Предокъ Апполона Никифоровича — Петръ Маринъ — при осадѣ Казани, въ 1562 году, подъ главнымъ начальствомъ кн. А. М. Курбскаго, велъ подкопныя работы, т. е. былъ розмысломъ ²⁾, такимъ образомъ былъ одинъ изъ виновниковъ паденія столицы татарскаго царства.

Никифоръ Михайловичъ Маринъ — товарищъ Воронежскаго намѣстника генералъ-аншефа Потапова (дѣдъ генералъ-адъютанта А. Л. Потапова), былъ однимъ изъ замирителей этого обширнаго края, взволнованнаго кровавымъ Пугачевскимъ бунтомъ. Другъ архіепископа св. Тихона-Задонскаго, Никифоръ Михайловичъ — оставилъ по себѣ память доброюю и великодушіемъ. Въ то время какъ окрестъ Воронежа шла кровавая расправа съ людьми, увлеченными мятежниками, Маринъ, соорудивъ висѣлицы въ Воронежѣ, исполнялъ лишь надъ большинствомъ осужденныхъ обрядъ казни. Обвиненныхъ подводилъ къ висѣлицамъ, св. Тихонъ читалъ имъ наставленія и затѣмъ Маринъ бралъ ихъ къ себѣ на поруки. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласятъ семейныя въ родѣ Маринныхъ преданія. Братъ Апполона Никифоровича, Сергій Никифоровичъ, любимый флигель-адъютантъ императора Александра Павловича, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и остроумныхъ людей своего времени; ему принадлежатъ нѣсколько сатиръ, разошедшихся по Россіи во множествѣ списковъ. Сергій Никифоровичъ умеръ, въ чинѣ полковника, на 35 году отъ рожденія, отъ полученной имъ раны.

Ред.

¹⁾ Достоинства этой книги указаны въ нашей статьѣ: «Полковые исторіографы» («Русскій Вѣстникъ» 1860 г., кн. X).

Ред.

²⁾ Какъ жаль, что вполнѣ выразительное слово розмыслъ замѣнено иностраннымъ наименованіемъ инженеръ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Историческіе рассказы и анекдоты,

записанные со словъ разныхъ лицъ.

Подъ этимъ заглавіемъ въ «Русской Старинѣ» 1871 и 1872 гг. напечатано большое собраніе рассказовъ, записанныхъ извѣстнымъ археологомъ П. О. Карабаповымъ; подъ этимъ же заглавіемъ мы будемъ, время отъ времени, помѣщать рассказы, записанные либо нами самими, либо обязательно сообщенные почтенными сотрудниками «Русской Старины». Ред.

1.

По взятіи Мантуи, при вступленіи русскихъ войскъ въ эту крѣпость, толпы итальянцевъ тѣснились по всѣмъ улицамъ, но въ особенности около городского фонтана, украшеннаго цвѣтами и вѣнками. Всѣ нетерпѣливо желали увидѣть Суворова. Онъ явился нагой; за нимъ Прошка съ ведромъ. Суворовъ прибѣжалъ въ припрыжку къ фонтану, облился водой и убѣжалъ.

(Отъ кн. Андр. Ив. Горчакова).

2.

Парламентеры ничтожной итальянской крѣпости или городишка явились къ Суворову для переговоровъ. Суворовъ, чтобы сбить съ нихъ спесь, велѣлъ подать рундукъ.

— „Простите, господа, я нездоровъ, но это не помѣшаетъ продолжать переговоры“.

И онъ продолжалъ переговоры о сдачѣ города, сидя на рундукѣ.

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

3.

Великая Екатерина оставила прекрасное собраніе римскихъ и греческихъ золотыхъ медалей; она, по охотѣ, не щадила издвенія на составленіе онаго, всегда имѣла въ кабинетѣ и любила хвалиться имъ. Все, принадлежавшее ей, не имѣло никакой цѣны въ глазахъ преемника и оставалось въ забвеніи. Понадобилось много золота на украшеніе Михайловскаго замка, любимецъ государя, оберъ-камергеръ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, изъ угожденія напомнилъ о забытыхъ медаляхъ и предложилъ употребить ихъ на позолоту. Въ отвѣтъ сказано: „счастливая мысль“ и повелѣно исполнить.

(Отъ гр. А. Ив. Мусина-Пушкина, самовица).

4.

Митрополитъ Платонъ, окончивъ священнодѣйствіе коронованія Александра I, сказалъ князю Зубову:

— „Мы сподобились увидѣть ангела въ коронѣ и порфирѣ—поберегите его!“

— „Не опасайтесь, отвѣчалъ Зубовъ, не вашъ ученикъ“.

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

5.

Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій ¹⁾ умеръ христіаниномъ, послѣднее его слово было: „готовъ“. Василій Ивановичъ ^{** 2)} умеръ безбожникомъ и ожесточеннымъ; когда ему предложили исповѣдь, то онъ сказалъ:

— „Не нужно—если нѣтъ Бога,—не нужно также—если есть Богъ: я столько нагрѣшилъ, что не будетъ прощенія“.

Боже великій! подаждь при концѣ покаяніе.

(Отъ Д. Н. Бантышъ-Каменскаго).

6.

При вторженіи французовъ въ Россію, отъ св. синода предписано было молиться о ниспосланіи благословенія нашему оружію, а прочимъ исповѣданіямъ дано знать, чтобъ составить подобныя молитвы. Чуховскій патеръ, въ Петербургѣ, молился: „Чтобъ Господь Богъ от-

¹⁾ Род. 1737 г., ум. 1814 г.

²⁾ Василій Ивановичъ **, оберъ-гофмейстеръ (16-го февраля 1800 г.), ум. 1803 г.

нял разумъ у Наполеона“. Ему сдѣлали за это выговоръ, а когда французы были уже на обратномъ пути за Березиной, сказано: „что его молитва услышана у престола Божія“.

(Отъ П. А. Муханова).

7.

Въ проѣздъ Елисаветы Алексѣевны чрезъ Берлинъ, статсъ-дама Нарышкина ¹⁾, возвращавшаяся въ Россію, является къ ней въ утреннемъ платьѣ. Скромная императрица, подозвавъ своего камердинера, сказала:

— „Петръ Ильичъ, проводите Марью Антоновну къ княжнѣ Прозоровской. (Статсъ-дама въ ея свитѣ).“

(Отъ П. А. Муханова).

8.

Графъ Платовъ любилъ пить съ Блюхеромъ. Шампанскаго Платовъ не любилъ, но былъ пристрастенъ къ цимлянскому, котораго имѣлъ порядочный запасъ. Бывало сидятъ, да молчатъ, да и налижутъ. Блюхеръ въ безпамятствѣ спустится подъ столъ, а адъютанты его поднимутъ и отвесутъ въ экипажъ. Платовъ, оставшись одинъ, всегда жалѣлъ о немъ:

— „Люблю Блюхера, славный, пріятный человѣкъ, одно въ немъ плохо: не выдерживаетъ“.

— „Но, ваше сіятельство, замѣтилъ однажды Николай Федоровичъ Смирной, его адъютантъ или переводчикъ, Блюхеръ не знаетъ по-русски, а вы по-нѣмецки; вы другъ друга не понимаете, какое вы находите удовольствіе въ знакомствѣ съ нимъ?“

— „Э! Какъ будто надо разговоры; я и безъ разговоровъ знаю его душу; онъ потому и пріятенъ, что сердечный человѣкъ“.

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

9.

Графъ Платовъ носилъ всегда бѣлый галстухъ. Императоръ Александръ замѣтилъ ему это. „Бѣлый галстухъ поопрятнѣе. Вспотѣешь, такъ можно вымыть“, отвѣчалъ графъ.

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

10.

Платовъ писалъ не Варшава, но Аршава. Ему это замѣтили.

— „Что тутъ толковать, отвѣчалъ Платовъ; она Аршава, а не Варшава; бунтовщики прозвали ее Варшавой“.

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

¹⁾ Марья Антоновна, рожденная княжна Четвергинская, род. 1779 г., ум. 1854 г.

11.

Платовъ ни съ кѣмъ не церемонился. На балѣ, напр., въ присутствіи дипломатовъ, онъ говорилъ, указывая на лица:

— „Чортъ ихъ побери; не подойду къ нимъ; вотъ, напр., Бетернихъ, ну, ужъ по шерсти и вличка; туда и вертится, куда вѣтеръ подуетъ. Вотъ и Ш....вопфъ, что онъ думаетъ, поклонюсь я ему; нѣтъ; хоть онъ и фельдмаршалъ, да не нашъ; не хочетъ ли онъ ...“.

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

12.

Платовъ приказалъ Смирному написать письмо герцогу де-Ришелье. Смирной написалъ: герцогъ Эммануилъ..... и пр.

— „Какой онъ герцогъ; напиши дюкъ“.

— „Да, ваше сіятельство, герцогъ все равно что дюкъ.“

— „Вотъ еще, станешь учить; дюкъ поважнѣе; герцогъ ни къ чорту не годится предъ дюкомъ.“

(Отъ кн. А. И. Горчакова).

13.

Англичанинъ пріѣхалъ нарочно изъ Лондона въ Москву посмотрѣть на графа Ростопчина. Докладываютъ графу; англичанинъ входитъ.

— „Vous êtes le Comte Rostopschin?“

— „A Votre service“.

— „Vous avez brûlé Moscou?“

— „Veuillez bien me dire le but de Votre visite“.

Англичанинъ осмотрѣлъ графа съ ногъ до головы и сказалъ уходя:

— „Très bien. Mon cousin James viendra Vous voir demain“.

(Отъ графини Е. П. Ростопчиной).

О напечатаніи рѣчи императора Николая Варшавскимъ депутатамъ.

1835 г.

Въ „Русской Старинѣ“, изд. 1872 г., т. VI, стр. 391, напечатана рѣчь, которую императоръ Николай Павловичъ произнесъ въ 1835 г. предъ депутаціей города Варшавы, во дворцѣ Лазенки, и въ примѣчаніи къ этой рѣчи названы два русскихъ журнала, въ которыхъ она была впервые на русскомъ языкѣ напечатана въ 1863 и 1864 гг., съ присовокупленіемъ, что редакція „Русской Старины“ основала свой текстъ на двухъ спискахъ, имѣющихъ варьянты противу печатныхъ.

Считаемъ не безынтересными слѣдующія данныя относительно перваго появленія въ печати въ Россіи на французскомъ языкѣ этой замѣчательной рѣчи. Официальный ея текстъ (произнесенной на французскомъ языкѣ) былъ напечатанъ въ Россіи, въ издаваемомъ на французскомъ же языкѣ „Journal de St.-Petersbourg“, ^{21 ноября} 1835 г., № 140, т. е. шесть недѣль послѣ того, когда рѣчь была произнесена; но, сколько намъ извѣстно, она не была переведена въ газетахъ, издававшихся тогда въ обѣихъ столицахъ на русскомъ языкѣ, такъ что въ журналахъ, вполнѣ русскихъ, она впервые напечатана въ 1863 и 1864 гг., именно въ „Вѣстникѣ Юго-Западной Россіи“ и въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи“.

Поводомъ къ напечатанію этой рѣчи въ „Journal de St.-Petersbourg“, было искаженіе ея прежде всего, если не ошибаемся, периодически-выходившимъ въ Лондонѣ тоненькими брошюрами „Portfolio“ (на французскомъ языкѣ); а затѣмъ, 11-го ноября нов. ст., и парижскимъ „Journal des Débats“, который ежедневно читалъ императоръ Николай Павловичъ и который часто возбуждалъ его негодованіе (ср. прекрасное его жизнеописаніе въ „Biographie Universelle de Michaud“, tome XXX).

Въ то время „Journal de St.-Petersbourg“ (нынѣ безцензурный) имѣлъ совершенно характеръ правительственнаго органа. Редакція его состояла, болѣею частію, изъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ и была подъ главнымъ руководствомъ гофмейстера графа Лавалья. Редакція „Journal de St.-Petersbourg“ объявлено было высочайшее повелѣніе перепечатать изъ „Journal des Débats“, не только появившійся въ немъ текстъ рѣчи, но и тѣ враждебные комментаріи, которые онъ къ ней присовокупилъ, объяснивъ притомъ, въ чемъ этотъ текстъ разнствовалъ отъ настоящаго.

Нумеръ „Journal de St.-Petersbourg“, о которомъ мы говоримъ,

начинается тѣмъ-то въ родѣ предисловія, гдѣ прямо сказано: „Намъ приказано перепечатать статьи „Journal des Débats“ (Nous avons reçu l'ordre и проч.), и которое, судя по тону, а также потому, какъ въ немъ осторожно взвѣшено каждое выраженіе, конечно, написано было въ министерствѣ. Тутъ же сказано, что статьи эти перепечатываются для того, чтобы онѣ сдѣлались извѣстны въ Россіи; притомъ потому, что онѣ не заслуживаютъ иного отвѣта и что такое распоряженіе равносильно самой ѣдкой критикѣ, ибо оно докажетъ, какъ мало у насъ придаютъ вѣса посягательствамъ безсильной вражды. Далѣе сказано, что слова государя приняты будутъ съ благоговѣніемъ въ Россіи, а въ Польшѣ—какъ благодѣтельная истина, тѣмъ болѣе, что счастье народовъ не совидается потачкою его страстямъ (Ce n'est pas en flattant les passions des peuples, que l'on parvient à en assurer le repos).

Очевидно, эта послѣдняя фраза обращена была прямо противъ Людовика-Филиппа; да и объ „Journal des Débats“ тутъ же замѣчено, какъ объ органѣ орлеанской партіи, что его комментаріи на рѣчь государя (réflexions aussi haineuses que perfides), составляютъ рѣзкую противоположность съ принципами порядка, которые онъ съ нѣкотораго времени проповѣдуетъ. А тотъ фактъ, что все это не было переведено въ русскихъ газетахъ, заставляетъ полагать, что главная цѣль перепечатыванія изъ „Journal des Débats“, было возстановленіе въ виду Европы настоящаго текста рѣчи.

Сущность ея изложена вкратцѣ, въ концѣ этого предисловія, съ присовокупленіемъ слѣдующихъ, опущенныхъ парижскою газетою, словъ прощенія и примиренія (paroles de pardon et de paix), предназначенныхъ, какъ это и огласилъ „Journal de St-Petersbourg“, служить залогомъ благоденствія царства польскаго: „Я давно простилъ оскорбленія, нанесенныя мнѣ и моему семейству. Единственное мое желаніе, воздать добромъ за зло, содѣлать васъ счастливыми, хотя вопреки вамъ самимъ. Я далъ въ этомъ клятву Богу,—и я не нарушаю своихъ клятвъ“.

За этою передовою статьею слѣдуютъ въ „Journal de St-Petersbourg“:

- 1) Статья „Journal des Débats“, 11-го ноября.
- 2) Рѣчь императора Николая Павловича въ томъ видѣ, какъ ее напечатала эта газета, и
- 3) Статья „Journal des Débats“, 13-го ноября.

При этомъ въ послѣдней статьѣ ошибочно обозначено 10-е октября, какъ день, въ который произнесена была рѣчь. Въ „Русской Старинѣ“ совершенно вѣрно сказано, что императоръ Николай Пав-

ловичъ произнесъ эту рѣчь $\frac{1}{16}$ октября. Изъ „Journal de St-Petersbourg“, $\frac{15}{27}$ октября 1835 года, № 124, видимъ, что покойный государь прибылъ въ Варшаву 3-го октября; а 4-го, въ 9-ть часовъ утра, принималъ начальствующихъ лицъ, равно какъ депутацію отъ города, которая просила, чрезъ его свѣтлость фельд-маршала, о томъ, чтобы быть представленною. Тутъ же прибавлено, что, посѣтивъ княгиню Паскевичъ, его величество отправился въ Новогеоргиевскъ, куда прибылъ въ тотъ же день, въ 6-ть часовъ вечера, и откуда продолжалъ свое путешествіе въ Кіевъ, Харьковъ, Курскъ и Чугуевъ. 30-го октября императоръ прибылъ въ Царское-Село.

Принимая этотъ французскій текстъ, съ сдѣланными къ нему въ „Journal de St-Petersbourg“ дополненіями, за официальный, — мы находимъ въ текстѣ „Русской Старины“ нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ варьянтовъ, а также и нѣкоторыя неточности въ переводѣ.

Важнѣйшій, впрочемъ, варьянтъ, судя по тексту „Journal des Débats“, который въ этомъ мѣстѣ нѣсколько не измѣнилъ „Journal de St-Petersbourg“, — это тотъ, что въ рѣчи не было оговорки о томъ, что императоръ Александръ I сдѣлалъ для поляковъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ русскому императору слѣдовало; покойный государь прямо сказалъ: „Императоръ Александръ I сдѣлалъ для васъ болѣе, чѣмъ русскому императору слѣдовало“.

Тоже находимъ и въ вышеуказанной біографіи императора Николая Павловича, гдѣ воспроизведены нѣкоторые отрывки изъ этой рѣчи съ выраженіемъ сожалѣнія, что тогдашнія политическія увлеченія западной Европы исказили мудрыя и благія намѣренія, которыми были внушены эти достопамятныя слова.

Въ заключеніе нашей замѣтки остановимся на рѣдкомъ изданіи „Portofolio“, а также напомнимъ о г. Лавалѣ.

1) Чуть ли не еще при императорѣ Александрѣ Павловичѣ введено было въ обычай, чтобы посольства и миссіи наши доставляли цесаревичу Константину Павловичу копіи съ депешъ, которыя они посылали въ Петербургъ. Такимъ образомъ, вице-король вналъ, шагъ за шагомъ, весь ходъ нашей политики. По отбытіи его изъ Варшавы, во время возмущенія, мятежники завладѣли этими бумагами. Онѣ отвезены были въ Лондонъ и поступили въ распоряженіе одного англичанина, который былъ извѣстенъ своею ненавистью къ Россіи и потому успѣшилъ обратить ихъ въ политическую спекуляцію, постепенно печатая эти депеши въ журналѣ, получившемъ названіе „Portofolio“. Въ Петербургѣ онъ былъ еще большею рѣдкостью, чѣмъ

тому нѣсколько лѣтъ „Колоколь“. Немногіе экземпляры „Portofolio“ почти исключительно обращались въ рукахъ высшихъ должностныхъ лицъ администраціи и преимущественно тѣхъ, которыя занимали видныя мѣста въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Живю помню отца моего, читающаго „Portofolio“. Онъ всегда имѣлъ случай доставать эти книжки по мѣрѣ полученія ихъ здѣсь. Какъ отставнаго дипломата, его чрезвычайно интересовала политика; а ею, и чтеніемъ не только иностраннѣхъ, но даже русскихъ газетъ мало кто занимался тогда въ Петербургѣ.

2) Въ тридцатыхъ годахъ существовала въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ особая канцелярія, составленная изъ четырехъ отдѣльныхъ частей, называвшихся экспедиціями, завѣдываемыхъ управляющими, состоявшими въ прямой зависимости отъ государственнаго канцлера, на правахъ директоровъ. 1-ю и 2-ю экспедиціей управлялъ тайн. сов. Христ. Андр. Бекъ (пострадавшій во время опалы гр. Сперанскаго и просидѣвшій тогда 6 недѣль въ крѣпости), человѣкъ высокаго ума и образованія многосторонняго; 3-й экспедиціей управлялъ 30 лѣтъ сряду графъ Лаваль, умершій въ 1846 году, будучи дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго; наконецъ 4-й экспедиціей, составленной изъ прежняго департамента церемониальныхъ дѣлъ, управлялъ оберъ-церемоніймейстеръ, дѣйств. тайн. сов. графъ Ив. Ил. Воронцовъ-Дашковъ. Графъ Иванъ Степановичъ Лаваль былъ французскій эмигрантъ, начавшій службу въ Россіи учителемъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Преданіе гласитъ, что онъ до того умѣлъ понравиться младшей дочери статсъ-секретаря Козицкаго, Александрѣ Григорьевнѣ, что вслѣдствіе несогласія матери на этотъ бракъ, она написала всеподданнѣйшую жалобу и опустила ее въ существовавшій тогда просьбо-пріемный ящикъ. По прочтеніи этой бумаги, Павелъ I потребовалъ объясненія. Козицкая—наслѣдница несмѣтныхъ богатствъ купцовъ Масниковыхъ и Твердышевыхъ, и уже выдавшая свою старшую дочь за оберъ-шенка князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, дала объясненіе по пунктамъ. Во-1-хъ, Лаваль не нашей вѣры; во-2-хъ, никто не знаетъ откуда онъ и въ-3-хъ, чинъ у него небольшой. Резолюція также состоялась по пунктамъ: Во-1-хъ, онъ христіанинъ, во-2-хъ, я его знаю, въ-3-хъ, для Козицкой у него чинъ весьма достаточный,—а потому—обвѣчать. Повелѣніе это, несмотря на то, что оно послѣдовало наканунѣ постнаго дня, было тотчасъ же исполнено въ приходской церкви. Отъ этого брака былъ сынъ, застрѣлившійся въ молодости,—и 4 дочери: княгиня Трубецкая, жена декабриста, послѣдовавшая за нимъ

въ Сибирь; графиня Лебцельтренъ, у которой укрывся Трубецкой, за что мужъ ея, бывший тогда австрійскимъ посланникомъ въ Петербургъ, отозванъ былъ отъ этого поста; графиня Борхъ († 1871 г.) и графиня Коссаковская. Лаваль, во время пребыванія Людовика XVIII въ Митавѣ, ссудилъ его деньгами и былъ имъ пожалованъ въ графы; въ дипломъ же сказано, что это сдѣлано во вниманіе къ тому, что Лаваль занимаетъ-де значительное мѣсто при русскомъ дворѣ: онъ былъ тогда камергеромъ. Супруги Лаваль имѣли великолѣпный домъ на Англійской набережной, возлѣ сената; давали тамъ пышныя празднества для царской фамиліи и иностранно, но средамъ; принимали дипломатическій корпусъ и все Петербургское высшее общество. Графъ Лаваль оставилъ по себѣ память остроумнаго и весьма начитаннаго собесѣдника, и притомъ вліятельнаго и очень доброжелательнаго начальника. Личный составъ его подчиненныхъ былъ многочисленъ, такъ какъ, кромѣ занятій по 3-й экспедиціи, онъ имѣлъ надзоръ за редакціей и еще за цензурованіемъ „Journal de St.-Petersbourg“. Изъ этой школы вышло нѣсколько искусныхъ дипломатовъ. Собственно редакторами были: сперва г. Линдквистъ, потомъ графъ Сансе (нынѣ дѣйств. ст. сов. и членъ совѣта дѣтскихъ пріютовъ). Къ числу сотрудниковъ журнала принадлежалъ г. де-Сень-Жульенъ, самъ издававшій здѣсь одно время газету „Le Furet“, помѣщавшій иногда свои статьи (напр. въ 1838 г. объ А. С. Пушкинѣ) въ „Revue des Deux Mondes“ и тому еще нѣсколько лѣтъ бывшій въ С.-Петербургѣ корреспондентомъ „Indépendance Belge“. Теперь „Journal de St.-Petersbourg“ не только давно уже не цензируется въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но издается не состоящимъ на службѣ иностраннымъ подданнымъ, на правахъ безцензурнаго редактора, который вноситъ денежный залогъ въ главное управленіе по дѣламъ печати.

Баронъ Э. А. Бюлеръ.

ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ ПЕКАРСКІЙ,

академикъ, докторъ русской исторіи.

родился въ мая 1828 г. † 12 июля 1872 г.

Едва ли когда-нибудь русская наука, литература и искусство въ самое короткое время понесли столь много весьма чувствительныхъ и неожиданныхъ потерь, какъ это случилось въ послѣдніе пять мѣсяцевъ.

В. И. Даль, А. О. Гильфердингъ, С. Н. Палаузовъ, П. П. Пекарскій, Б. И. Утинъ, В. И. Кельсиевъ (писатель не безъ таланта), доктора медицины Шипулинскій и Янушкевичъ, артистъ П. М. Садовскій, музыкантъ кн. Ю. Н. Голицынъ и еще нѣсколько замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей уже выхвачены смертью изъ среды русскаго общества.

Академикъ П. П. Пекарскій былъ однимъ изъ самыхъ достойныхъ полнѣйшаго уваженія труженниковъ въ области русской исторіи и исторіи русскаго просвѣщенія (науки и литературы).

Уроженецъ Оренбургскаго края, потомокъ издавна обрусѣлой польской фамиліи, Пекарскій кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ въ 1847 году ¹⁾.

¹⁾ Вотъ выдержка изъ послужнаго списка Пекарскаго, обязательно сообщенная Г. К. Рѣпинскимъ: Пекарскій, по окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ, опредѣленъ, 22-го апрѣля 1848 г., помощникомъ столоначальника Оренбургскаго губернскаго правленія. 20-го октября 1848 г.—исправляющимъ должность депутата Самарской удѣльной конторы. 17-го февраля 1849 г.—исправляющимъ должность столоначальника въ той же конторѣ. 18-го ноября 1851 г.—старшимъ помощникомъ секретаря канцеляріи министра финансовъ. 1-го іюня 1854 г.—помощникомъ главнаго бухгалтера канцеляріи. 14-го июля 1854 г.—младшимъ секретаремъ. Уволенъ по прошенію отъ службы 7-го февраля 1862 г. 29-го марта 1862 г. опредѣленъ старшимъ архивариусомъ въ государственномъ архивѣ.

11-го янв. 1863 г. Пекарскій сдѣланъ адъюнктомъ Акад. Наукъ. 19-го апрѣля 1864 г.—начальникомъ отдѣленія архива. 1-го мая 1864 г.—экстраординарнымъ

Въ 1851 году прибылъ онъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ министерство финансовъ, но при этомъ Певарскій скоро отдался занятіямъ русской исторіей и разработкѣ матеріаловъ по исторіи русскаго просвѣщенія; этому роду занятій весьма поспособствовала и перемѣна его служебнаго положенія: въ 1862 году онъ оставилъ министерство финансовъ и поступилъ архивариусомъ въ государственныя архивы при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Труды его стали появляться въ журналахъ съ 1855 года. Всѣ они, не блистая живостью изложенія и глубиной критическаго взгляда, отличаются, однако, громаднымъ достоинствомъ: замѣчательною добросовѣстностью въ собраніи матеріаловъ и въ возможно полной ихъ обработкѣ. Почти каждая статья Певарскаго, не говоря уже объ изданныхъ имъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ и сборникахъ, смѣло можетъ быть поставлена въ число основныхъ источниковъ при разработкѣ преимущественно XVIII вѣка.

Лучшимъ памятникомъ Певарскому было бы полное собраніе и напечатаніе въ отдѣльномъ изданіи хотя бы главнѣйшихъ его замѣтокъ, статей и изслѣдованій. Нашимъ историческимъ обществамъ или Академіи Наукъ слѣдовало бы изыскать средства для такого изданія и, приобрѣта право его, выпустить оное въ свѣтъ. Это было бы прекраснымъ подаркомъ для всѣхъ любителей отечественной исторіи, а число ихъ, по мѣрѣ того какъ расширяется поле ея изслѣдованія, замѣтно увеличивается.

Редакція „Русской Старины“ съ признательностью вспоминаетъ о вниманіи къ ней покойнаго академика. Мы пользовались многими совѣтами и указаніями почтеннаго ученаго и надѣемся подѣлиться нѣкоторыми рукописями, имъ сообщенными изъ его собственнаго собранія. Желая облегчить какъ будущимъ издателямъ трудовъ П. П. Певарскаго, дѣло собранія его сочиненій, такъ и тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые не вполне или и вовсе незнакомы съ ними, мы представляемъ возможно полный ихъ списокъ. Онъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ,

академикомъ. 4-го октября 1868 г.—ординарнымъ академикомъ. 25-го апрѣля 1872 г.—совѣтомъ Казанскаго университета П. П. Певарскій «за разъясненіе эпохи и значенія дѣятельности Петра I и вообще за заслуги на поприщѣ отечественной исторіи», возведенъ въ степень доктора русской исторіи. За нѣсколько дней до внезапной своей смерти, Певарскій, во вниманіе къ его историческимъ трудамъ, получилъ, по ходатайству «Русскаго Историческаго (С.-Петербургскаго) Общества» и по представленію г. министра народнаго просвѣщенія, высочайшую награду: шесть тысячъ руб. Последнею предъ этимъ наградою было производство его, также за историческій трудъ, въ действительныя статскіе совѣтники.

Ред.

свидѣтельствуешь о той тяжелой потери, какою понесла русская историческая наука со смертью достойнаго ея подвижника — Пекарскаго ¹⁾.
Ред.

Труды академика П. П. Пекарскаго.

I. Изданія историческихъ памятниковъ и матеріаловъ.

1. Слово о полку Игоревѣ, по списку найденному между бумагами императрицы Екатерины II.

Приложеніе къ V тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ, № 2. Спб., 1864 г., 43 стр., in 8°.

2. Маркизь-де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ. Переводъ рукописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургъ. Издавъ съ примѣчаніями и дополненіями П. Пекарскій. Спб., 1862, IV, XXII и 638 стр., in 8°.

3. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. По порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, издавъ съ примѣчаніями и указателемъ Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866, in 8°.

4. Историческія бумаги, собранныя Константиномъ Ивановичемъ Арсеньевымъ. Съ портретомъ К. И. Арсеньева. Спб. 1872, in 8°.

Сборникъ II Отдѣл. Академіи Наукъ. Т. IX. Спб., 1872.

II. Статьи по русской исторіи.

5. Грамоты царя Ивана Васильевича къ Іоанну, королю шведскому, 1572—1573 гг.

Лѣтопись занятій Археограф. Комиссіи. Выпускъ V, (1871). Отд. II, стр. 30—47.

6. Списокъ дѣвиць, изъ которыхъ въ 1670 и 1671 годахъ выбиралъ себѣ супругу царь Алексѣй Михайловичъ.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V, (1865), столб. 469—472.

7. Царица Марѳа Матвѣевна, урожденная Апраксина, вторая супруга царя Ѳедора Алексѣевича.

Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ. Издан. Фридебурга, тетр. 33 (1860), 16 стр. въ листъ.

8. Петербургская старина.

Современникъ. Т. LXXXI (1860), отд. I, стр. 311—338; Т. LXXXII, отд. I, стр. 143—204; Т. LXXXIII, стр. 577—638.

¹⁾ Весьма прочувствованная, хотя и краткая біографическая замѣтка о Пекарскомъ принадлежитъ со товарищу покойнаго, академику Я. К. Гроту. Она помѣщена въ «С.-Петербур. Вѣдом.» 1872 г., № 208 и 301.

9. Воображаемый подлогъ, бывшего кабинетъ - министра императрицы Анны Иоанновны, Волынскаго.

Спб. Вѣдомос., 1859, № 177.

10. Походъ Русскихъ въ Пруссію, подъ начальствомъ Фельдмаршала Апраксина въ 1757 году.

Военный Сборникъ, Т. III, отд. II, стр. 289—350.

III. Статьи по исторіи русскаго просвѣщенія.

11. Извѣстіе о молодыхъ людяхъ, посланныхъ Годуновымъ для обученія наукамъ въ Англію въ 1602 году.

Сборникъ статей втораго отд. Ак. Наукъ т. I (1867), LXVI—LXXI. Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. XI (1867), стр. 91—96.

12. Представители кievской учености въ половинѣ XVII-го столѣтія. Историко-литературные очерки.

I и II статья въ Отеч. Записк. Т. CXLI (1862), отд. I, стр. 552—594.

III и IV статья тамъ-же. Т. CXLI (1862), отд. I, стр. 196—228.

V-я статья тамъ-же. Т. CXLI (1862), отд. I, стр. 367—391.

13. Извѣстія объ одной брошюрѣ, напечатанной въ Кіевѣ въ 1632-мъ году. (Посвященной Петру Могилѣ). Съ рисункомъ.

Извѣстія Имп. Археол. Общества. Т. III (1861), столб. 198—205.

14. Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ Русскими въ Сѣверо и Юго-Западныхъ краяхъ Россіи, съ конца XVI до начала XVII столѣтія.

Программа на задачу о преміи, напечатанная въ Отчетѣ о десятомъ присужденіи наградъ графа Уварова, 25-го сентября 1887 года на стр. 12.

15. О русскихъ книгахъ, напечатанныхъ въ Галлѣ, въ 1735 году. Библиографическія Зап. Т. III (1861), столб. 35—45.

16. Записка о разборѣ II-й части „Обзоръ Духовной Литературы“, пресвящ. Филарета — г. Пономаревымъ.

Зап. Имп. Академіи Наукъ Т. IV (1864), стр. 87—91.

17. Прошеніе Тредьяковскаго о дозволеніи печатать стихотворное переложеніе псалмовъ.

Библиографическія Зап. Т. I (1858), столб. 483—485.

18. Ломоносовъ: эпиграмма его на стихотворца Шишкина. — Пародія - памфлетъ на притчу Сумарокова. Насмѣшка надъ выраженіемъ въ трагедіи Гамлетъ.

Библиографическія Зап. Т. I (1858), столб. 485—488.

19. Письмо И. И. Шувалова о дозволеніи издать въ свѣтъ переводъ Поповскаго: „Опытъ о челоуѣѣ“. — Отгывъ и поправки этого перевода пресвященнымъ Амвросіемъ.

Библиографическія записки. Т. I (1858), столб. 489—491.

20. Разборъ сочиненія г. Смирнова: „Исторія Троицкой Лаврской семинаріи“.

Отчетъ объ 11-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Спб., 1869, стр. 58—64.

21. Матеріалы для исторіи бібліотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Записка П. П.

Зап. Академіи Наукъ. Т. XII (1868), стр. 92—98. Сборникъ статей II Отд. Акад. Наукъ Т. II, стр. XIV—XXI.

22. Разборъ сочиненія Илар. Чистовича: „Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи“. 1857.

Современникъ. Т. LXV (1857), отд. IV, стр. 21—29.

IV. Время Петра Великаго.

23. Планъ и образцы бібліографическаго обзрѣнія русскихъ книгъ Петровскаго времени. II. 1855.

Извѣст. Имп. Акад. Наукъ. Т. IV, столб. 259—272.

24. Мистеріи и старинный театръ въ Россіи. (Глава изъ приготовляемаго къ печати изслѣдованія: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ“).

Современникъ. Т. LXI—LXII (1857), отд. II, 49—98, 1—38.

25. Актеры въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

Современникъ. Т. LXVII (1858), отд. I, стр. 185—198.

26. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе П. Пекарскаго 2 тома. Спб., 1862, in 8°.

Т. I. Введеніе въ исторію просвѣщенія въ Россіи XVIII ст.

Т. II. Описаніе славяно-русскихъ книгъ и типографій (1698—1725).

27. Собственноручныя поправки Петра Великаго въ заглавіи двухъ гравюръ.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1864), столб. 257—258.

28. О пѣснѣ, сложенной въ народѣ на постриженіе царицы Евдокии, первой супруги Петра Великаго.

Зап. Акад. Наукъ. Т. V (1864), стр. 203—207.

29. Лѣтописецъ 1700 года.

Лѣтопись занятій Археогр. Комм. Вып. IV (1868), отд. II, стр. 131—157.

30. Извѣстія о русскомъ переводѣ одной лютеранской книги во времена Петра Великаго.

Зап. Акад. Наукъ. Т. V (1864), стр. 57—61.

31. Свѣдѣнія о жизни и смерти царевича Алексѣя Петровича. (Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. Т. VI).

Современникъ. Т. LXXIX (1860), отд. III, стр. 67—113.

32. Современное извѣстіе о кончинѣ Петра Великаго.

Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. IV (1864), стр. 64—67.

V. Исторія Академіи Наукъ.

33. Очеркъ дѣятельности Академіи Наукъ по отношенію къ Россіи въ 1-й половинѣ XVIII вѣка.

Отчетъ И. Акад. Наукъ за 1863 г. Прилож. къ V тому Зап. Акад. Наукъ, стр. 92—107.—Спб. Вѣдомости, 1864. №№ 81 и 82.

34. Архивныя розысканія объ изображеніи несуществующаго нынѣ животнаго *Rhytina borealis*. (Со снимкомъ стариннаго изображенія *Rhytina borealis*).

Приложеніе къ XV т. Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. I. Спб., 1869. стр. 33 in 8°.

35. Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 годовъ.

Приложеніе къ XII т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 5. Спб., 1867. стр. 88 in 8°.

36. Библиографическія замѣтки объ Адресъ-Календарѣ 1765 года.

Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. X, 61—63. — Сборникъ статей II отд. Акад. Наукъ. Т. I (1867), стр. XXXVI—XXXVIII.

37. Отчетъ о занятіяхъ въ 1863—1864 годахъ по составленію Исторіи Академіи Наукъ, читанъ въ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности, 10-го декабря 1864 года.

Приложеніе къ VII-му т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 4. Спб., 1865. стр. 72 in 8°.

38. Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Т. I. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ. Спб., 1870. Т. II. (печатается).

39. Академическая Типографія въ старину и нынѣ.

Образцы шрифтовъ Типографіи и Словолиetni Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1870, in 4, стр. IX—XVIII.

VI. Жизнеописанія и биографическіе матеріалы.

40. Русскіе мемуары XVIII вѣка.

Современникъ. Т. I (1855), отд. II, стр. 53—90. Т. LI, отд. II стр. 29—62. Т. LII, отд. II, стр. 63—120.

41. Разборъ дневника камеръ-юнкера Берхгольца. Ч. I. М., 1857.

Современникъ. Т. LXV (1857), отд. IV, стр. 12—20.

42. Баронъ Гюйссенъ, учено-литературный агентъ русскаго правительства въ началѣ XVIII столѣтія.

Отечеств. Записки. Т. CXXIX (1860), отд. I, стр. 49—72.

43. Путешествія академика Николая Юсифа Делия въ Березовѣ въ 1740 году. Со снимками видовъ Березова, рисованныхъ въ 1740 году.

Приложеніе къ VI-му т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 3. Спб., 1865 г. стр. 74 in 8°.

44. Подробности о печатаніи Симфоніи на псалтырь князя Антіоха Кантемира, посвященіе и предисловіе этой книги.
Библиограф. Зап. Т. I (1858), столб. 531—535.
45. Кондратовичъ, русскій прозаикъ и стихотворецъ, филологъ и беллетристъ XVIII столѣтія.
Современникъ. Т. LXIX (1858), отд. I, стр. 452—484.
46. Переписка Лейбница съ разными лицами о славянскихъ нарѣчіяхъ и древностяхъ. По поводу письма Лейбница къ Петру Великому, 22-го января 1715 г.
Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. IV (1864), стр. 1—19.
47. Дополнительные извѣстія для біографіи Ломоносова.
Приложеніе къ VIII т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 7. Спб., 1865 г., стр. IV и 128 in 8°.
48. Письмо Ломоносова къ князю А. М. Голицыну.
Зап. Акад. Наукъ (1868), Т. XIII, стр. 180—186. — Сборникъ статей II Отд. Акад. Т. II, стр. XLVI—LII.
49. Прошеніе Ломоносова о пенсіи и чинѣ, 1762 года.
Зап. Акад. Наукъ. Т. XII (1868), стр. 104—106. Сборникъ статей II Отд. Акад. Т. II, стр. XXVI—XXVIII.
50. О рѣчи въ память Ломоносова, произнесенной въ Академіи Наукъ докторомъ Ле-Клеркомъ.
Сборникъ статей II Отд. Акад. Наукъ. Т. I (1867), стр. LIII—LVI. — Зап. Акад. Наукъ. Т. X (1867), стр. 178—187.
51. Собственнооручныя письма Ломоносова.
Зап. Акад. Наукъ. Т. X (1867), стр. 181—187. — Сборникъ статей II Отд. Акад. Наукъ. Т. I (1867), стр. LVI—LX.
52. Поѣздка графа Матвѣева въ Парижъ въ 1705 г.
Современникъ. Т. LVII (1856), отд. II, стр. 39—66.
53. Студенческія воспоминанія о Дмитріѣ Ивановичѣ Мейерѣ, профессорѣ Казанскаго университета.
Братчина. Часть I (Спб., 1859), стр. 207—242.
54. Нейбауеръ и его брошюра противъ Россіи.
Отечеств. Зап. Т. CXXXII (1860), отд. I, стр. 689—722.
55. Разборъ изслѣдов. г. Лонгинова: „Новиковъ и москов. мартинисты“.
Отчетъ объ 11-мъ присуд. наградъ гр. Уварова. Спб., 1869, стр. 30—38.
56. Извѣстія объ уфимскихъ дворянахъ Певарскихъ (19 стр. in—8°).
Справочная книжка Уфимскаго Статистическаго Комитета.
57. Замѣтка о русскомъ стихотворцѣ изъ крѣпостныхъ въ XVIII вѣкѣ. (Иванъ Розовъ-Майковъ).
Библиограф. Зап. Т. III (1861), столб. 65—68.
58. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. Съ портретомъ и снимкомъ почерка Рычкова. Изд. Отдѣла Русскаго языка. Спб., 1867. IV, IV и 184 стр., in 8°.
Сборникъ статей II отд. Акад. Т. II, № 1.

59. Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи.

Торжеств. Собр. Акад. Наукъ 29-го дек. 1865 г. (in—4°, стр. 75—85).—
Сборн. статей II Отд. Акад. Наукъ. Т. I, № 3. Спб., 1866.

60. Новыя явѣстія о В. Н. Татищевѣ. (Съ портретомъ Татищева и снимкомъ его почерка).

Приложеніе къ IV т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 4. Спб., 1864 г.,
стр. 66, in 8°.

61. Извѣстія, собранныя В. Татищевымъ въ бытность его въ Си-
бири и въ Швеціи, 1721—1726 гг.

Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ. 1863 г., Кн. III, стр. 110—128.

62. Матеріалы для біографіи В. К. Тредьяковскаго.

Сборникъ статей II Отд. Академіи Наукъ. Зап. Акад. Наукъ. Т. IX
(1866), стр. 175—193. Т. I (1867), стр. XI—XXVII.

63. Записка о Тредьяковскомъ.

Зап. Акад. Наукъ. Т. XIV (1868), стр. 71—80.—Сборникъ статей II
Отд. Акад. Т. VII, стр. XXVI—XXXV.

64. О перепискѣ академика Штелина, хранящейся въ Импер.
Публичной Библіотекѣ.

Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. VII (1865), стр. 117—133.

65. Разборъ сочиненія г. Чистовича: „Феофанъ Прокоповичъ“.

34-е присужденіе Демидовскихъ наградъ П. 1866, стр. 117—144.

66. Отзывъ о сочиненіи г. Чистовича: „Феофанъ Прокоповичъ“.

Отчетъ о 10-мъ присужденіи наградъ графа Уварова 25-го сентября
1867 г., стр. 13—35.

67. Екатерина II и Эйлеръ.

Зап. Имп. Акад. Наукъ. Т. VI (1865), стр. 59—92.

VII. Время Екатерины II.

68. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государ-
ственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Собранны и
изданы съ Высочайшаго разрѣшенія по предначертанію Его Импе-
раторскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича великаго
князя Александра Александровича, академикомъ П. П. Пекарскимъ.
Томъ I, 1744—1764 годъ. Спб., 1871 г., XXXVI и 418 стр. in 8°.

Изъ VII тома Сборника истор. Общ. Второй томъ бумагъ печатается.

69. Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятель-
ности Екатерины II.

Приложеніе къ III т. Зап. Имп. Акад. Наукъ, № 6. Спб., 1863 г.
стр. 90 in 8°.

70. Дополненія къ исторіи масонства XVIII столѣтія.

Сборникъ статей II Отд. Т. VII, № 4, 1869.

71. Любитель литературы Екатерининскихъ временъ.

Отечеств. Зап. Т. CV (1856), отд. I, стр. 493—514.

VIII. Археологія.

72. Отчетъ о полученныхъ въ разное время въ Археологическомъ Обществѣ статьяхъ.

Извѣст. Археол. Общ. Т. II (1859), столб. 362—368.

73. Замѣчанія по поводу рукописнаго сочиненія г. Ровинскаго „Русскіе граверы и проч.“.

Отчетъ о седьмомъ присуд. наградъ графа Уварова. Спб., 1864 г., стр. 53—55.

74. Матеріалы для исторіи иконописанія въ Россіи.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1864), столб. 317—335.

75. Опись старинныхъ сельскихъ церквей и помѣщичьяго хозяйства.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1864), столб. 153—162.

76. Свѣдѣніе о домѣ въ Москвѣ, принадлежавшемъ въ XVII вѣкѣ боярину Никитѣ Ивановичу Романову.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1864), столб. 258—259.

77. Жалованная грамота тульскимъ кирпичникамъ.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1864), столб. 254—256.

78. Извѣстіе о печатяхъ царя Алексѣя Михайловича.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1865), столб. 472—474.

79. Извѣстіе временъ царя Алексѣя Михайловича, о золотыхъ и серебряныхъ вещахъ и посудѣ, поодавшихся въ татарскихъ могилахъ въ Сибири.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1863), столб. 38—40.

80. О старинномъ чертежѣ, изображающемъ выступленіе стрѣльцовъ въ походъ противъ Разина.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1865), столб. 474—477.

81. Старинное извѣстіе о золотѣ и серебрѣ, добываемомъ въ Уфимскомъ уѣздѣ.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1864), столб. 256—257.

82. Дознаніе о звонѣ и пѣніи, слышанномъ ночью въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ церквахъ въ 1717 и 1719 годахъ.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1863), столб. 43—50.

83. Отчего у насъ въ настоящее время рѣдки монеты и медали съ изображеніями младенца—императора Іоанна III Антоновича.

Извѣстія Имп. Археол. Общ. Т. V (1863), столб. 40—42.

84. Журналистика во Франціи до первой революціи.

Современникъ. Т. LXXXVI и LXXXVII (1861), отд. I, стр. 139—174 и Т. LXXXVII (1861), стр. 111—146 (1862), стр. 177—223.

IX. Статьи, помѣщенные въ Энциклопедическомъ словарѣ.

85. Мих. Петр. Аврамовъ, первый директоръ Петербургской типографіи, Т. I (1861), стр. 272—276.
86. Агаѳія Семеновна, урожд. Грушецкая, первая супруга Ѳедора Алексѣевича. Т. I, стр. 441—442.
87. Вас. Евдоким. Адодуровъ, Т. II (1861), стр. 56—60.
88. Академія духовныхъ православныхъ въ Россіи, Т. II, 239—251, стр. 250—251.
89. Академія Россійская. Т. II, стр. 286—290.
90. Царевичъ Алексѣй Петровичъ. Т. III (1891), стр. 236—246.
91. Вас. Григор. Анастасевичъ, Т. IV (1862), стр. 249—251.
92. Анна Іоанновна. Т. IV, стр. 423—442.
93. Анна Петровна. Т. IV, стр. 459—463.
94. Аониды—первый вышедшій въ Россіи литературный альманахъ. Т. V (1862), стр. 73—74.
95. Аполосъ Байбаковъ. Т. V, стр. 143—144.
96. Апраксины. Т. V, стр. 167—169.
97. Степанъ Ѳедор. Апраксинъ. Т. V, стр. 169—171.
98. Графъ Ѳед. Матв. Апраксинъ. Т. V, стр. 172—175.
99. Арсеній Мацѣевичъ. Т. V, стр. 459—462.
100. Конст. Ив. Арсеньевъ. Т. V, стр. 468—471.
101. Государственный Архивъ въ Спб. Т. V, стр. 539—541.
102. Елисавета Петровна. Отд. II. Т. I, (1843), стр. 459—474.

Примѣчаніе. Списокъ приведенныхъ статей составлялся въ началѣ съ чисто практической цѣлью, а потомъ уже расширенъ. Вслѣдствіе этого систематическое распредѣленіе статей не удовлетворитъ вполне требованіямъ библиографической науки, такъ какъ если бы строго держаться систематическаго порядка, слѣдовало бы многія статьи помѣщать въ двухъ или даже въ трехъ отдѣлахъ. Кромѣ того, для строго-систематическаго порядка необходимо было бы просмотрѣть всѣ многочисленныя томы оригинальныхъ протоколовъ II Отдѣленія Академіи, въ коихъ, какъ видно изъ печатныхъ „Извлеченій“ изъ нихъ, не только содержатся многія мелкія замѣтки Пекарскаго, невошедшія въ напечатанный нынѣ списокъ, но и проглядываютъ мотивы, которыми онъ руководствовался при описаніи или собраніи напечатанныхъ имъ архивныхъ матеріаловъ.

Воспоминаніе крестьянина объ А. Ө. Гильфердингѣ.

Помѣщая воспоминаніе объ А. Ө. Гильфердингѣ, принадлежащее перу крестьянина, считаемъ нужнымъ замѣтить, что нами поправлены только знаки препинанія, кое-гдѣ * и указаны для набора красныя строки; особенности же Олонецкаго произношенія отмѣчены разрядкой. Для характеристики писавшаго, приводимъ маленькое извѣстіе, имъ же составленное. Вотъ оно:

«Господи благослови! Олонецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, Бѣжской волости, Ядомо-Космозерскаго мірскаго общества, деревни Космозерскаго Погоста, крестьянинъ Иванъ Аникіевъ Касьяновъ, родился въ 1825 году, декабря 4-го дня. Отецъ мой, Аника Устиновъ, мастерство имѣлъ плотника и землепашца, который скончался въ 1864 году, 83-хъ лѣтъ; матушка моя Мавра Назарова, скончалася въ 1865 году, 80-ти лѣтъ. До 1860 года были въ расколѣ по Даниловской сектѣ. Я, Касьяновъ, воспитанъ въ деревнѣ и обучался въ грамоты у крестьянина Егора Иванова Холодова; занимался землепашествомъ и частью рыбною ловлею и разными извозамъ. Женатъ и имѣю дѣтей. Всѣ мы исповѣданія единовѣрскаго. Обратился въ единовѣріе изъ раскола въ 1860 году съ отцомъ, матерью, замужнею сестрою и съ тѣтенькой Агафеей. Былъ избранъ волостнымъ судьей въ 1865 году, а по избраніи на второе трехлѣтіе, поданъ мною письменный отзывъ объ увольненіи отъ службы. Въ 1871 году, августа 7-го дня, пріѣзжали ко мнѣ миссіонеръ Палеостровскаго монастыря іеромонахъ отецъ Исихій, который основалъ единовѣріе, и священникъ отецъ Іоаннъ Богословскій и прихожане разныхъ деревень, которые объявили указъ Олонецкой духовной консисторіи о избраніи изъ среды себя сборщика, и, по предложенію всѣхъ прихожанъ, на что согласился я, Касьяновъ, для окончательнаго устройства и украшенія бѣдной единовѣрскаго церкви въ честь Вознесенія Господня, о которой было отпечатано въ «Петербургской Газетѣ», ноября 14-го числа.»

Въ заключеніе замѣтимъ, что печатаніе сборника Былинъ покойнаго Александра Өеодоровича, которое предполагалось передать профессору О. Ө. Миллеру («Русск. Ст.» 1872 г., т. VI, стр. 464), по желанію г. Миллера и вдовы покойнаго вновь поступило подъ наблюденіе знатока этнографіи и археологии П. А. Гильтебрандта. Ред.

Александръ Өеодоровичъ Гильфердингъ пріѣхалъ въ Олонецкую губернію, въ городъ Повѣнецъ, съ крестьяниномъ Кижской волости, Васильемъ Яковлевымъ Мореходовымъ¹⁾, гдѣ случился тогда бытъ крестьянинъ той же волости, деревни Космозерскаго Погоста, Степанъ Парамоновъ Куницынъ, который съ Мореходовымъ очень знакомъ. И узнавъ, что господинъ Гильфердингъ собираетъ былины и разсчитывается щедро, тогда крестьянинъ Куницынъ говоритъ Мореходову: „И у насъ человекъ есть, крестьянинъ Иванъ Аникіевъ Касьяновъ, знаетъ былины, а только онъ сюда не пойдетъ, потому что очень далеко“.

¹⁾ Лодочникъ, возившій по озеру Онегу: онъ, рулевой и 6-ть гребцовъ. Б.

А Мореходовъ говорить:

„Я довольно знаю Ивана Аникіева, и онъ меня послушаетъ — прийти въ Чолмужу, на 18-е число іюля 1871 года“.

И написалъ отъ имени своего записку, что господинъ Гильфердингъ очень добрый и разсчитывается щедро. По приѣздѣ Куницына въ Космозерскую волость, подаетъ записку мнѣ, Касьянову что просить господинъ прибыть за 45-ть верстъ въ деревню Чолмужу на 18-е число.

Но хотя время и рабочее и не свободное, но понудило желаніе видѣть такое важное лицо въ самыхъ глухихъ и непроходимыхъ мѣстахъ. Это болѣе привело во удивленіе и въ большой смѣхъ, что господа собираютъ былинны: говоримъ между собою, что „господамъ должно быть въ Петербургѣ болѣе дѣлать нечего“.

Но какъ прощенный запиской, отправился въ путь, отойдя въ Толвуйскую волость, верстъ за 30-ть, гдѣ было нужно нанять лодку и перевозчика на 15-ть верстъ черезъ озеро Онего. По прибытіи моемъ въ деревню Чолмужу, гдѣ тоже былъ приѣхавши крестьянинъ Мореходовъ, а господина Александра Ѳедоровича Гильфердинга не было, потому что онъ изъ города Повѣнца ѣхалъ сухимъ путемъ черезъ монастырь Даниловъ,—подъ вечеръ, около 8-ми часовъ, черезъ Губу увидали огонь, и поѣхали туда на лодкахъ и встрѣтили его. На другой день, то-есть 19-го числа въ понедѣльникъ по утру явился и размышляю такъ: что наши уѣздные господа становые пристава и разныя служащія лица весьма гордые, и думалъ, какъ явлюсь я къ генералу, беретъ страхъ и ужасъ. Затѣмъ, перекрестивъ глаза, и говорю:

„А что Господи дастъ! если чего и не знаю, да съ мужика, такъ, думается, и не взыщеть“.

И во-первыхъ увидѣлъ служителя при немъ, Ефима Ивановича, который собою очень привѣтливый и скромный, и просить меня чаю пить. Но желая я прежде познакомиться со слугою, пью и думаю: „должно быть хорошаго господина слуга: онъ всѣхъ учтиво принимаетъ“. Потомъ камеринеръ предложилъ господину, что Иванъ Аникіевъ пришелъ. Тогда Александръ Ѳедоровичъ принялъ меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоялъ передъ нимъ съ дрожавшимъ сердцемъ. И онъ, господинъ, видитъ во мнѣ перемѣну и говорить Ефиму Ивановичу: „налей рюмочку хорошей водки!“ Но отъ которой я отозвался, потому что никогда не пивалъ. Потомъ говорить генералъ: „А пьете ли чай?“ Я говорю: „Чай я пью“. Тогда господинъ сказалъ: „Ефимъ, подай намъ чаю“. Когда выпилъ я, Касьяновъ, ставанъ чаю, то поосвѣжился духомъ, какъ-будто стало

и поспѣлѣе. Тогда началъ я пѣть былинну о Добрынь Никитичѣ, а генераль началъ самъ писать, такъ очень скоро и успѣшно, что едва поспѣваю я голосомъ пропѣвать. Потомъ о Дюкѣ Степановичѣ другую былинну. Потомъ господинъ приказалъ меня хозяевамъ кормить и чаемъ пить. Потомъ пропѣлъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ Московскомъ, объ отданіи города Смоленца.

На другой день мнѣ было очень весело, потому что познакомился съ господиномъ, и видя, что онъ человекъ очень скромный, смиренный и ласковый, и размышляю про себя: „Должно быть господа, что чингъ выше, то и добрѣе, не какъ наши уѣздные господа; придешь, за какимъ-либо случится дѣломъ, то онъ наскочетъ, какъ звѣрь на рога-тину, не взирая ни на какія твои справедливости“.

Потомъ я пропѣлъ о Михаилѣ Пѣтычѣ сынѣ Ивановичѣ, пятую я пропѣлъ о Настасѣѣ королевичнѣ, шестую я пропѣлъ о пахарѣ Никулѣ Силенниковичѣ, седьмую я пропѣлъ о взятіи Казани Грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

А подъ вечеръ пригласилъ онъ меня съ нимъ вмѣстѣ прогуливаться. Тогда стала у хозяевъ домой скотина приходить. Но какъ скоть пасется безъ пастуха, то когда она пришла къ рѣкѣ Чолмужѣ, то сама пошла въ воду, не взирая ни на какую быстрину, плыветъ сама безъ погонщика, стадомъ. То мы смотрѣли съ большимъ удивленіемъ. И говорилъ Александръ Ѳедоровичъ: „Ну я этого не премину рассказать господамъ по пріѣздѣ въ Петербургъ“.

Еще тутъ же пріѣхалъ въ Чолмужу Толвуйской волости, деревни Загубъ, крестьянинъ Иванъ Кузьминъ, съ былинами другой разъ. То Александръ Ѳедоровичъ спросилъ:

— „А ты, старичокъ, чего пріѣхалъ?“

А старикъ говорить:

— „Батюшка, я былинну вспомнилъ“.

— „Ну, спой же, старичокъ“.

Тогда началъ онъ пѣть о Чурилушкѣ Пленковичѣ. Тогда Александръ Ѳедоровичъ далъ ему 3 руб. за одну былинну. А у меня еще ничего не получено и думаю: „что мнѣ Богъ дастъ“. Болѣе въ Чолмужѣ нивого не сыскалося.

А тутъ бояре приходили свою грамоту показывать (которая дана, за сбереженіе царицы Марѣи Іоанновны, Михаиломъ Ѳедоровичемъ попу Ермолаю) на квартирѣ, гдѣ квартировалъ Александръ Ѳедоровичъ, у крестьянина Петра Иванова Сурина. И рассказывали генералу, что значить пядина лѣсу и сколько занимаетъ мѣста.

— „Это, говорятъ бояре, надоть растолковать!“

Тогда господинъ говорить:

— „Это намъ ваша грамота была известная, а вы ѿ храните у себя, какъ зѣницу ока. Прощайте!“

На третій уже день, то-есть 20-го числа іюня, освободились отъ всѣхъ занятій. А вѣтеръ былъ очень сильный, что было нельзя по Онегу ѣхать ни господину, ни мнѣ. То мы всѣ провожали время вмѣстѣ, а Ефимъ Ивановичъ настрѣлялъ утокъ. Тогда Александръ Федоровичъ говоритъ камеринеру:

— „Ефимъ, подай сюда Ивану Аникіевичу чаю со мною вмѣстѣ, пуцай пить!“

А я ему говорю:

— „Позвольте мнѣ къ самовару поближе, тамъ мнѣ повыгоднѣе будетъ: здѣсь стаканъ—два, а три—и то много, а тамъ и пятокъ—такъ ничего“.

Онъ разсмѣялся, говоритъ:

— „Ну, впрочемъ, гдѣ вамъ угодно“, и далъ мнѣ денегъ 13 рублей. Тогда я очень обрадовался такой неожиданной наживѣ. Иду на квартиру, погляжу и думаю: „Слава Богу! Господь послалъ какого благотворителя!“

Но какъ уже къ вечеру вѣтеръ подтихъ, то оны стали собираться въ путь, готовиться къ поѣзду на Пудожскую гору, Пудожскаго уѣзда. Тогда я пособилъ носиться въ лодку и проводить глазами, покуда было можно видѣть.

Послѣ этого по осени пріѣхалъ я въ Петербургъ по сбору на церковь, и у меня пришло большое желаніе увидѣть своего благотворителя. И думаю я, что такой ли будетъ здѣсь весьма добрый, какъ былъ въ нашихъ мѣстахъ, или не припустить и на глаза. Но однако, что Богъ ни дастъ, а попробую сходить. Показалъ городской квартиру, и я постучалъ въ колокольчикъ. Вдругъ выбѣгаетъ знакомый слуга Ефимъ Ивановичъ. И я ему рассказался. Тогда онъ взялъ меня къ себѣ, потомъ предложилъ обо мнѣ Александру Федоровичу. Тогда господинъ приказалъ мнѣ зайти къ себѣ въ покои, гдѣ сидѣла у него законная супруга Варвара Францовна, и такъ ласково и милостиво посадилъ подлѣ себя. А генеральша наливала сама намъ чай и съ закускою. Но и опять я удивился, что генеральша сама наливаетъ чай простому мужику. Сижу и про себя думаю: „это должно быть вторая Сарра; имѣла 300 рабынь, а сама мѣсила тѣсто и кормила рабочихъ¹⁾“. Но тутъ же мнѣ сказалъ Александръ Федоровичъ:

¹⁾ Надо замѣтить, что крестьянинъ Касьяновъ, какъ бывший старовѣръ,—человѣкъ весьма грамотный и большой начѣтчикъ въ церковныхъ книгахъ.

„я предлагаю Географическому Обществу, можетъ ли васъ попросить въ собраніе“. Но когда я былъ потребованъ, то, по приходѣ моемъ, вышелъ Александръ Ѳедоровичъ, взявъ меня подъ руку и посадилъ на стулъ, гдѣ сидѣло большое собраніе господъ. Тогда я подумалъ: „гдѣ Господь привелъ бытъ и сидѣть между учеными людьми, просвѣтителями и разъяснителями народу, и всѣ учтиво принимаютъ“. И тутъ я прогълъ три былины о вахарѣ Никулѣ Силенниковичѣ и объ Алексѣѣ Михайловичѣ, о Грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ, о взятіи Казани, а болѣе— время было поздно. И послѣ этого былъ награжденъ деньгами, и всѣ очень ласково приняли. А сердце мое наиболѣе возрадовалось потому, что нашелъ въ ученыхъ людяхъ кротость и смиреніе, по писанному: „блаженни кротціи, яко тии наследятъ землю“.

Крестыанинъ Касьяновъ.

Генеалогическое разъясненіе.

Редакція „Русской Старины“ получила отъ А. Л. Потапова слѣдующее письмо:

„По поводу напечатаннаго въ девятомъ номерѣ уважаемаго изданія вашего „Русской Старины“ сообщеннаго мною вамъ письма св. Димитрія Ростовскаго къ прадѣду моему, по матери, Михаилу Григорьевичу Грохольскому, въ 10 № „Русскаго Архива“ появилась замѣтка, подѣ названіемъ „Генеалогическое недоумѣніе“. Въ этой замѣткѣ говорится, что родительница моя, сколько извѣстно по родословной книгѣ (т. I, стр. 157) была родомъ княжна Шаховская (Татьяна Васильевна) и только въ первомъ бракѣ находилась за г. Грохольскимъ.

Считаю нужнымъ разъяснить, что упоминаемая въ этой замѣткѣ княжна Татьяна Васильевна Шаховская была моя родная бабка, т. е. родная мать родительницы.

Она была въ замужествѣ только одинъ разъ за Петромъ Михайловичемъ Грохольскимъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, бывшимъ съ 27 января 1799 года волынскимъ вице-губернаторомъ. Въ имѣющей въ моемъ семейномъ архивѣ копія съ послужнаго списка П. М. Грохольскаго пояснено, что онъ женатъ на княжнѣ Татьянѣ Шаховской и имѣеть, между прочимъ, дочь Александру въ замужествѣ за генералъ-майоромъ Львомъ Потаповымъ. Точно также и въ російской родословной книгѣ (ч. I, стр. 175, № 264) показано: княжна Татьяна Васильевна Шаховская за Петромъ Грохольскимъ. Этотъ П. М. Грохольскій былъ сынъ Михаила Григорьевича, къ которому

адресовано помѣщенное въ вашемъ изданіи („Р. Ст.“ 1872 г., т. VI, стр. 292) письмо святителя Димитрія Ростовскаго.

Кромѣ того, въ статьѣ „Генеалогическое недоумѣніе“ вкралась и другая ошибка: хранившаяся въ моемъ семействѣ икона св. Димитрія принесена мною въ даръ не Святодуховскому монастырю, а Виленскому Святодуховскому Православному братству.

А. Л. Потаповъ.

Кн. В. Г. Мадатовъ.

Въ примѣчаніи Н. О. Дубровина къ донесеніямъ Ермолова, Дибича и Паскевича, вкралась важная погрѣшность, произшедшая отъ описки Варшава вмѣсто Тифлисъ. Тамъ сказано („Русск. Стар.“ 1872 г., т. VI, стр. 280): „кн. Паскевичъ, осуждая Мадатова, сдѣлалъ его своимъ близкимъ помощникомъ и даже вызвалъ потомъ, какъ извѣстно, въ Варшаву, гдѣ и оказывалъ полную довѣренность“.

Н. О. Дубровинъ, указывая на эту погрѣшность (въ газетѣ „Русскій Міръ“, № 297), проситъ „сіять съ редакціи „Русской Старины“ всякое нареканіе, такъ какъ ошибка эта вкралась по его, г. Дубровина, случайному недосмотру“.

Князь Мадатовъ не былъ вызванъ въ Варшаву и умеръ при обложеніи Шумлы, 2-го сентября 1829 года. Мы надѣемся представить на страницы „Русской Старины“ вполне любопытныя данныя объ отношеніяхъ генерала Паскевича (впослѣдствіи князя) къ доблестному кн. Мадатову. Отношенія эти всегда исполнены были вражды, такъ какъ кн. Паскевичъ не любилъ въ Мадатовѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ сподвижниковъ Ермолова.

Ред.

Замѣтки, мелочи и поправки.

Прочитавъ Ноябрьскую книгу любопытной «Русской Старины», считаю необходимымъ сообщить нѣсколько строкъ на замѣтку кн. В. Баюшева: 1) Не дочь извѣстной актрисы Семеновой была въ замужествѣ за княземъ И. А. Гагаринымъ, а сама она. 2) Дѣти Музина-Пушкина были отъ родной ея сестры, Нимфодоры Семеновны Семеновой, мен., весьма извѣстной въ свое время прелестной оперной актрисы. 3) Книжницу же Гагарину, то-есть знаменитѣйшую трагическую актрису Семенову, бол., нашу незабвенную Жоржъ, Рашель и Ристори, съ соединенными въ ней одной изъ достоинствами, — звали Екатерина Семеновна. 4) Дочь ея была за сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Карпиолиномъ - Пинскимъ. 5) Екатерина Семеновна, оставя сцену, играла нѣсколько разъ въ Москвѣ и здѣсь на домашнихъ театрахъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, съ благотворительною цѣлью. Въ Петербургѣ — на дачѣ Галлера. Она скончалась еще въ цвѣтѣ красоты, хотя уже и не въ цвѣтѣ лѣтъ, и похоронена на здѣшнемъ Митрофаніевскомъ кладбищѣ. Этому прошло

болѣе 20-ти лѣтъ. Если жива еще въ Москвѣ «знаменитая нѣкогда актриса Семенова», то, безъ сомнѣнія, родная сестра знаменитѣйшей Еватерины Семеновны—Нимфодора Семеновна, мать дѣтей извѣстнаго богатствомъ Мусина-Пушкина.

В. М. Федоровъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь! Возвратясь изъ-за границы, я только что прочелъ въ октябрьской книжкѣ «Русской Старины» проектъ частнаго письма покойнаго фельдмаршала отца моего къ князю Горчакову. Какъ черновой проектъ, письмо это не было никогда ни подписано, ни отправлено, и слѣдовательно могло быть не одинъ еще разъ измѣнено. Не постигаю, кто бы могъ доставить его вамъ, милостивый государь, для напечатанія безъ моего согласія; ни я, ни тайный совѣтникъ Панютинъ вамъ его не сообщали.

Позвольте васъ просить, милостивый государь, впредь, въ подобномъ случаѣ, снестись предварительно со мною. Я поставилъ себѣ за правило, избѣгать всякой полемики и не отвѣчать на появляющіяся въ печати иногда ошибочныя, иногда ложныя статьи о покойномъ отцѣ моемъ до изданія его полной біографіи, для чего не наступило еще время.

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, напечатать настоящее мое заявленіе въ ближайшемъ номерѣ «Русской Старины» и примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи. Кн. Паскевичъ.

Рапортъ о тайномъ обществѣ.

1826 г.

Послѣ грустнаго событія 14-го декабря 1825 года, правительство нашло необходимымъ отобрать отъ всѣхъ служащихъ лицъ, особенно завѣдывающихъ какими-либо частями управленій, подписки о томъ: «нѣтъ ли въ ихъ вѣдомствѣхъ какихъ-либо тайныхъ обществъ и не принадлежатъ ли они сами къ какому-либо таковому обществу?». О чемъ и было повсемѣстное распоряженіе. Вслѣдствіе этого троицко-савская пограничная канцелярія требовала отъ восьми дистанционныхъ начальниковъ китайской пограничной линіи (на которой она была раздѣлена въ нынѣшней Забайкальской области) означенныя подписки. Изъ нихъ начальникъ Харацайской дистанціи 9-го класса Злогостевъ донесъ:

«Въ Харацайской дистанціи есть только одно общество—Баянхуеунское ¹⁾, которое по справедливости можно назвать не только тайнымъ, но и вреднымъ ибо оно, находясь въ близкомъ разстояніи отъ китайской границы, дѣлаетъ весьма часто попользованія къ тайной торговлѣ съ монголами, зачѣмъ и имѣется съ моей стороны, въ недопущенію сего, бдительный надзоръ посредствомъ ежедневныхъ разъездовъ по чертѣ границы. Я какъ къ этому, такъ и ни къ какому другому обществу не принадлежу и принадлежать не могу, ибо есть чиновникъ, состоящій на службѣ, а не крестьянинъ и не ясащій, о чемъ и честь имѣю почтительнѣйше донести».

¹⁾ Тогда крестьянскія волости раздѣлялись на общества по селамъ.

Другой дистанціонный начальникъ (Островскій), донося пограничной канцеляріи о появленіи въ его дистанціи на поляхъ саранчи, которая въ Сибири называется кобылкой, не рѣшился употребить въ официальной бумагѣ такого неприличнаго названія и, не зная слова саранча, замѣнилъ его въ рапортѣ словомъ: жеребчички.

Сообщ. С. И. Черепановъ.

Отвѣтъ Запорожцевъ Турецкому Султану.

Двадцать два года тому назадъ, я—тогда еще восьми-лѣтнимъ ребенкомъ а также сосѣдъ мой, по мѣсту моего рожденія въ Черниговской губерніи, село Михайловка,—Скоропадскій, бабка моя тоже почти сосѣдка (30-ть верстъ деревня Хоробричи, тетка Н. В. Гоголю), Коробчицъ—все мы знали на память нинѣ напечатанный въ «Рус. Стар.» (изд. 1872 г., т. VI, стр. 450). отвѣтъ запорожцевъ. Наши предки всегда служили въ «запорожскіимъ війскіи». Отъ бабки Софіи Андреевны Коробчицъ я слышалъ изустно, а затѣмъ читалъ два списка—одинъ, списанный печатной формы буквами моимъ прадедомъ Данииломъ Симоновскимъ, а другой—предкомъ Скоропадскаго (бывшаго гетмана), но не знаю, вѣкъ именно, и по всемъ этимъ тремъ даннымъ, говорящимъ слово въ слово «Отвѣтъ Запорожцевъ къ Султану», передаю тотъ отвѣтъ на страницѣ «Русской Старины», какъ помню наизусть съ восьми-лѣтняго возраста. Редакція настоящаго списка имѣетъ существенныя отличія отъ напечатаннаго въ «Русской Старинѣ». При этомъ для правильности чтенія пишу «Отвѣтъ» съ соблюденіемъ орфографіи, употреблявшейся при изданіи журнала «Основа», такъ какъ точной орфографіи малороссійскаго языка не существуетъ.

Я. С.

Ти шайтанъ турецкій, проклятого чорта братъ и самого Люціпера секлетарь, да не отамань!... На тоби!

Якій ти въ чорта лицарь?!.. Чортъ . . . , а ти и твое військо поїдае! Не будешь ти синівъ христьянскихъ підъ собою мати!

Твогб війська ми не баймося, и водю и землєю будемо битьця зъ тобою:—бо ти вавилонскій кухарь, македонскій колесникъ, ерусалимскій броварникъ, александровскій козолуць, більшаго та мѣншаго Египта свинопасъ, армянська ти свинья, татарскій ти сагайдакъ камінецькій ти кать, подольскій ти злодій, самого ти гаспида внуць и всего свѣта и підсвѣта ти блазнюкъ, а нашого Бога—ти дурень,—свиняча ти морла, кобяляча . . . ка, різьницка собака, нехрищена бисова голова, мать, а на тебе намъ на Отъ-якъ тоби козаки відказали, поганій, плюгавій! не вгоденъ ти до насъ вірнихъ христьян!

Роківъ не считали, місяць на небі, число у календарі, день у насъ такий, якъ и у васъ: поцілуйте въ насъ.

Сообщ. Я. А. Симоновскій.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ спискахъ, имѣющихся у насъ, а также какъ сообщаетъ Г. П. Надхинъ—въ его спискѣ, «грамата къ запорожцамъ» приписывается султану Ахмету III и относится къ 1600 г.

Ермакъ Тимофеевичъ.

былина.

Былинь о Ермакѣ издано много (Кирѣевскій, VI, 36—54; Савельевъ, 74—79); но помѣщаемая нами, по сравненіи съ изданными, отличается послѣдовательностію, менѣе перебита въ своихъ частяхъ и, во всякомъ случаѣ, представляетъ любопытный вариантъ.

Ред.

Какъ на славныхъ черноморскихъ островахъ
Собиралися охотники, люди вольные,
Становилися охотники во единый кругъ,
Они думали думушку единую:
— Кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
— Атаманомъ быть Ермаку Тимофеевичу.
А Ермакъ говоритъ, что труба трубить:
«Вы думайте, ребятушки, подумайте,
«А меня, Ермака, вы послушайте:
«Какъ проходить у насъ, братцы, лѣто теплое,
«Настаетъ у насъ, братцы, зима холодная.
«А и-де-то мы, ребята, зимовать будемъ;
«На Янкъ намъ идти—переходъ великъ,
«А на Волгу идти—ворами слыть,
«Ворами слыть, переловленнымъ быть
«И по разнымъ городкамъ поразосланнымъ,
«И по разнымъ тюрьмамъ поразсаженнымъ,
«А и мнѣ, Ермаку, быть повѣшену».
Тутъ-то Ермакъ нову рѣчь возговорить:
«Полно намъ, ребятушки, здѣсь вольничать,
«Пора намъ и время испокаяться;
«Пойдемъ мы, ребята, подъ Казань городъ,
«А слышно, братцы, стоитъ тамъ грозный царь,
«Грозный царь, Иванъ Васильевичъ.
«А какъ намъ, ребята, города пройти?
«Астраханскую губернію ввечеру пройдемъ,
«Черноярской городокъ во глуху полночь,
«А Камышенку пройдемъ, хочета вспоють,
«А Царицынъ городокъ на бѣлой зарѣ,
«А самой Волгѣ-матушкѣ поклонимся.
«Какъ придемъ мы, ребята, подъ Казань городъ,
«Мы явимся, ребята, къ самому царю.
«Ты, батюшка-надежа православный царь,
«Не важи Ермака со казаками, —
«Мы отслужимъ тебѣ вѣрой-правдою,
«И возьмемъ тебѣ Казань городъ въ три часа».
Тогда подкапываль у города онъ стѣны каменны,
Онъ закатываль подъ стѣны бочки съ порохомъ.
И взялъ-то тутъ Ермакъ Казань городъ.
Тутъ Ермаку царь рѣчь возговорилъ:
— Чѣмъ тебя, Ермакъ, дарить, чѣмъ жаловать
— За твою службу, за вѣрную? —
«Вы не жалуйте меня генералушкой,
Не хочу я вашей золотой казны,
«А пожалуйте меня рѣвой Дономъ,
«Прикажете заселить людьми вольными
«И назваться Донскими имъ казаками».

Сообщ. И. Купріяновъ.

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ историческіе
или историко-литературные матеріалы.

Пояменовываемъ въ настоящемъ спискѣ только тѣхъ лицъ, сообщенія которыхъ либо только отчасти были напечатаны въ „Русской Старинѣ“, либо и вовсе еще не были въ ней помѣщены, но будутъ напечатаны въ книгахъ „Русской Старинны“ изд. 1873 г. и послѣдующихъ годовъ.

Ред.

И. П. Аврамовъ, В. А. Азьбонскій, А. П. Анясиновъ, А. П. Арбузовъ, А. И. Артемьевъ, проф. Н. Я. Арматовъ, Я. П. Баллановъ, О. С. Балкъ, А. Д., Е. Д. и Н. Д. Баттышъ-Каменскіе, Г. Барабанщиковъ, П. И. Барановъ, Н. П. Барсуковъ, Н. П. Барышниковъ, кн. В. Баяшевъ, Я. Безугладиновъ, А. П. Берже, П. В. Березинъ, Я. А. Березинъ-Ширяевъ, Беръ, Н. Билибинъ, М. И. Богдановичъ, Н. К. Богошевскій, И. Н. Божеряновъ, В. А. Вологовъ, М. Ю. Бореоглязбекій, А. А. Бородулинъ, К. А. Бородинъ, М. Ф. Бородинъ, проф. А. Бриннеръ, В. Ф. и В. Ф. Вугарины, баронъ Вутлеръ, Н. Д. Вышковъ, акад. А. Ф. Вычювъ, проф. И. Д. Вяльевъ, баронъ Ф. А. Вирлеръ, В. Н. Вахсаль, И. И. Василевъ, П. И. Великопольскій, М. А. Веневитиновъ, Н. И. Викинскій, Н. Виноградовъ, Ф. А. Витбергъ, А. Ф. Волковъ, кн. П. Д. Волконскій, И. И. Вологдинъ, А. С. Вороновъ, А. Н. Вульвъ, С. Н. Гавриловъ, кн. Ив. Гагаринъ, К. И. Гамаринъ, Г. Н. Геннади, П. А. Гильтебрандтъ, В. С. Глинка, М. С. Глинка, Глуховъ, В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Н. Н. Голицынъ, кн. Н. П. Голицынъ, кн. Н. С. Голицынъ, кн. С. П. Голицынъ, Гольцъ-Миллеръ, И. Я. Голубевъ, И. Ф. Горбуновъ, А. Д. Градовскій, Е. И. Гречъ, А. Н. Григорьевъ, А. Громачевскій, акад. Я. К. Гротъ, Н. В. Губертъ, П. Гулакъ-Артемовскій, С. И. Гуляевъ, В. Д. Давыдовъ, И. Д. Деляновъ, А. П. Демидовъ, Н. Н. Де-Прерадовичъ, М. Ф. Де-Пуле, В. Х. фонъ-Дересльденъ, В. Док — ій, кн. В. Долгоруковъ, Х. М. Долухановъ, Н. Ф. Дубровинъ, Н. П. Дуровъ, К. Евлентьевъ, И. И. Европеувъ, А. П. Есиповъ, Г. В. Есиповъ, И. Есиповъ, П. А. Боремовъ, В. Жуковъ, А. П. Заблоницъ-Десятковскій, Загряжскій, Е. В. Зубова, Д. П. и П. П. Зуевы, В. А. Зыбинъ, И. А. Ибердусовъ, А. Д. Ивановскій, проф. В. О. Иконниковъ, Императорское Географическое Общество, П. С. Калачевскій, граф. Л. М. Каменская, Ф. В. Каравинъ, А. А. Карасевъ, П. А. Каратыгинъ, П. Карнауковъ, Е. П. Карновичъ, Н. А. Карцевъ, Н. Т. Кедровъ, Н. Ф. Клюги-фонъ-Клюгенау, Н. П. Кельшъ, Князевичъ, А. С. Князевъ, М. М. Ковязинъ, Козачокъ, К. П. Колзаковъ, Н. М. Колмаковъ, гр. М. Н. Коновницына, О. И. Константиновъ, о. Кустодіевъ, М. В. Кюхельбекеръ, И. П. Корниловъ, Ю. В. Косова, А. А. Краевскій, В. А. Краснокутскій, Н. Ф. Крузе, акад. А. А. Куникъ, И. К. Куряиновъ, кн. А. Б. Куракинъ, проф. Н. Лавровскій, проф. В. И. Ламанскій, П. Лашкаревъ, С. И. Лашкевичъ, Э. Ф. Лермонтова, И. Н. Лермонтовъ, П. П. Лебке, А. Ф. Леопольдовъ, К. Ф. де-Ливронъ, И. П. Липранди, В. И. Лихачевъ, А. В. Лишинъ, кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, М. Н. Лонгиновъ, Е. А. Лопушинскій, И. Луцацкій, В. Ляствицнъ, княгиня С. Мадатова, Н. С. Маевскій, Л. Н. Майковъ, Л. С. Маковъ, А. Н. Матвеевъ, Н. Я. Максимовъ, К. А. Мамьковс-

кій, Б. М. Маркевичъ, А. А. Мартыновъ, Е. П. Масловъ, Л. С. Мацѣвичъ, бар. Мейендорфъ, П. И. Мельниковъ, П. Н. Меншиковъ, Ф. Б. Миллеръ, Г. А. Милорадовичъ, М. Н. Милуновъ, М. П. Митковъ, гр. А. А. Мордвиновъ, В. Михайловъ, Д. К. Морозъ, Е. Т. Морощина, Н. Н. Мурзакевичъ, В. И. Мятлевъ, Е. С. Некрасова, Несвѣтаевъ, А. Н. Неустровъ, А. Г. Новоселовъ, Ф. Д. Нордманъ, кн. Д. А. Оболенскій, С. Оболенскій, П. Огневскій, Ю. А. Ознобишинъ, П. О. Омеляненко, о. С. И. Опатовичъ, Ф. К. Опочининъ, В. Б. Орловъ, П. А. Орловъ, И. Т. Осининъ, Л. Н. Павлицевъ, И. Павловскій, А. А. Павловъ, Гр. К. И. Паленъ, А. В. Пальчиковъ, Панафидинъ, Н. И. Пановъ, П. Д. Паренцовъ, Г. Г. Перетцъ, Т. И. Пассекъ, А. Н. Петровъ, П. Н. Петровъ, М. П. Погодинъ, Е. И. Подтягинъ, А. А. Плансонъ, Я. П. Полонскій, А. Н. Поповъ, А. Л. Потановъ, А. Преображенскій, М. С. Прокудинъ-Горскій, М. А. Пузыревскій, А. Г. Пунаревъ, А. П. Патковскій, М. М. Рангъ, Н. В. Реутскій, М. М. Розентеймъ, А. В. Рачинскій, бар. А. Е. Розень, Д. А. Рокотовъ, П. Рословъ, Г. К. Рапинскій, Рябининъ, П. И. Саввантовъ, А. А. Савурскій, акад. И. И. Свѣзевъ, Н. Н. Семлеонтовъ, К. С. Сербяновичъ, бар. М. Н. Сердобинъ, Д. И. Скобелевъ, Р. Сорокинъ, Т. А. Сосновскій, Н. И. Стародубскій, Н. П. Степановъ, П. А. Степановъ, А. Д. Столпчинъ, В. Я. Стоянинъ, А. И. Стригоцкій, Н. С. Стромаловъ, Д. Смышляевъ, А. В. Старчевскій, В. А. Степановъ, кн. А. А. Суворовъ-Рыминскій, А. И. Сухоминевъ, Д. П. Сушковъ, Е. Н. Тихонравовъ, пров. Н. С. Тихонравовъ, гр. Ф. П. Толстой, Ф. М. Толстой, Ю. В. Толстой, Л. Н. Треволевъ, А. Труворовъ, С. И. Турбинъ, кн. Н. Н. Туркестановъ, А. Ф. Ушаковъ, А. И. Фелькнеръ, Т. И. Филиповъ, О. Е. Франкъ, Фляге, И. Р. Фонъ-дербъ-Ховенъ, А. В. Фрейгангъ, Б. М. Федоровъ, П. В. Хавскій, М. Д. Хмыровъ, Е. А. Харитоновъ, А. И. Цвиллеветъ, графиня Цукато, гр. Ф. К. Чапскій, А. П. Чеботаревъ, С. И. Черепановъ, Г. С. Чириковъ, И. А. Чистовичъ, П. В. Шейнъ, А. В. Шереметевъ, Л. И. Шестакова, Г. И. Ширяевъ, А. Д. Шишковъ, С. Н. Шубинскій, П. К. Щебальскій, Н. Н. Щукинъ, П. И. Юревичъ, С. М. Якимачъ, В. А. Яковлевъ, С. А. Яковлевъ, Е. И. Якушкинъ, Т. Д. Яновичъ, А. Н. Яхонтовъ и многіе другіе.

Въ числѣ лицъ, сообщившихъ намъ матеріалы, мы считаемъ долгомъ съ величайшею признательностью вспомнить о покойныхъ: А. Н. Афанасьевъ, М. А. Вестушевъ, Н. В. Веригинъ, А. Ф. Гильеердингъ, В. И. Дыль, П. П. Ламбинъ, о. М. Я. Морощинъ, Ф. Н. Муратовъ, С. Н. Палаузовъ, А. И. Рыжовъ, П. И. Сосницковъ, В. И. Фелькнеръ, П. А. Мухановъ, В. Ф. Ратчъ, П. П. Пекаренокъ, Бар. В. И. Штейнгейль — сообщенные ими матеріалы находятся также въ распоряженіи «Русской Старины».

**УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,
ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ
ВЪ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“
1872 г.**

А.

А....., полковникъ и флиг.-адъютантъ 1827 г., т. VI, 316.

Абакумовъ, сенаторъ, ген.-интендантъ 1831 г., т. VI, 311.

Аббасъ-Мирза, персидскій наследный принцъ 1828 г. Письма его къ кн. Паскевичу, т. V, 720—721. Письма по поводу умерщвленія русскаго посольства въ Тегеранѣ 1829 г.: 1) къ императору Николаю, т. VI, 185—186; 2) къ графу Несельроде, т. VI, 186—187; 3) къ гр. Паскевичу, т. VI, 187—188, Упом. т. V, 714—717, 719, 724, 725; т. VI, 40—42, 44, 46, 165, 167, 171, 172, 181, 189, 192, 194, 195, 198, 199, 207, 250, 260, 276, 291, 333, 386, 481, 530.

Абди-паша, 1713 г., т. V, 928.

Абди-паша, предводитель турецкихъ войскъ 1853 г., т. V, 432.

Абхазовъ, кн., ген.-майоръ 1829 г., т. VI, 191; 268, 270, 271.

Августинъ, архіепископъ московскій 1817 г. Отношенія его къ А. Л. Витбергу, т. V, 180, 181, 186, 519, 522, 523, 527, 560. Упом. т. VI, 287.

Августъ, король польскій, т. V, 922, 923.

Аврамовъ, Мих. Петр., первый директоръ Петербургской типографіи, т. VI, 692.

Ага-Маamedъ-ханъ, совершившій нашествіе на Тифлисъ, 1795 г., т. VI, 186.

Ага-Миръ-Феттъ, высшее духовное лицо въ Персіи (муджетехидъ) 1829 г., т. VI, 189.

Агафія Семеновна, рожд. Грушецкая, первая супруга царя Федора Алексѣевича, † 1681 г., т. VI, 693.

Агильвій, ген.-фельдмаршалъ 1704 г., т. V, 793.

Адагуровъ, Вас. Евдокимов., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и кураторъ москов. университета, р. 1709 † 1780 г., т. V, 958, т. VI, 693.

Аделунгъ, протоколистъ при русскомъ посольствѣ въ Персіи, уб. 1829 г., т. VI, 169.

Адлербергъ, графъ, полковникъ 1864 г., т. VI, 472.

Адлербергъ, гр. Влад. Фед., ген. отъ инфант., ген.-адъютантъ, министръ императорскаго двора, т. V, 637; т. VI, 258.

Адлербергъ, гр. Юлія Фед., статсъ-дама, начальница Смольнаго монастыря, р. 1760 † 1839 г., т. V, 773.

Адріанъ, послѣдній москов. патріархъ † 1701 г., т. V, 850, 881.

Анлецьевъ, генералъ-маіоръ 1824 г., т. VI, 516.

Аксаповъ, Серг. Тимоф., писатель, т. V, 42.

Аксаповы, литераторы, т. V, 122; т. VI, 454.

Ахартъ, генералъ, дивизионный командиръ 1709 г., т. V, 794.

Албычевъ, епифанскій уѣздный предводитель дворянства 1827 г., т. VI, 656, 657, 663.

Александра Павловна, великая княжна. Разказы о предполагавшемся замужествѣ ея съ Густавомъ Адольфомъ, т. V, 461—462.

Александровъ, членъ управы благочинія, бывший с.-петерб. уѣздный судья, 1841 г., т. V, 319.

Александровъ, Сергѣй, астраханскій уроженецъ, т. V, 724, 725.

Александръ Александровичъ, наслѣдникъ цесаревичъ, т. VI, 691.

Александръ Николаевичъ, императоръ, т. V, 320, 534.

Александръ Павловичъ, императоръ. Коронаваніе его, т. VI, 676. Распоряженіе на счетъ ген.-маіора Измайлова 1802 г., т. VI, 649. Призваніе имъ Бунгеведена изъ Германіи 1802 г., т. V, 236. Возвращеніе свободы А. Н. Радищеву, т. VI, 380. Повелѣнія объ обращеніи съ крестьянами и солдатами 1802—1804 гг., т. VI, 281—284. Рѣчь въ первомъ засѣданіи государственнаго совѣта 1810 г., т. V, 472—474. Письмо Наполеона изъ Москвы 1812 г., т. VI, 615—616. По поводу храма, воздвигнутаго имъ въ честь Христа Спасителя 1812 г., т. V, 19, 20, 25. Объясненіе Витбергомъ проекта строенія храма, т. V, 173—177; 183—185. Отношенія къ Витбергу, т. V, 522—526. Мнѣніе объ Ермоловѣ, т. VI, 360. Отношенія къ Ермолову, т. VI, 478. Донесенія Ермолова 1812 и 1820 гг., т. VI, 493—498. Отношенія къ М. А. Нарышкиной и ея брату, т. V, 630—631. Отношенія къ императору цесаревича Константина Павловича, т. V, 681—682. Окончательное присоединеніе Польши 1815 г., т. VI, 3. Новые учрежденія въ приобрь-

тенномъ краѣ, т. VI, 3, 4, 8. Дѣйствія относительно поляковъ, т. VI, 9. Переѣздъ съ дворомъ въ Москву 1817 г., т. VI, 644. Пребываніе въ Орловской и Костромской губ. и посѣщеніе Патерсоновъ 1823 г., т. VI, 144—148. Путешествіе внутрь Россіи 1824 г., т. V, 355—378. Пребываніе въ Пензѣ, 356. Осмотръ симбирскаго тюремнаго замка, 357. Посѣщеніе Ставрополя и Оренбурга, 358—360. Путешествіе по Уралу, 361. Осмотръ Златоустовскаго завода, 362—364. Нерасположеніе къ Колтовской, 364, 365. Пребываніе въ Екатеринбургѣ и осмотръ екатеринбургскихъ фабрикъ и заводовъ, 365—372. Поѣздка въ Варшаву 1825 г., т. V, 379. Смотръ войскамъ въ Варшавѣ, т. V, 382. Пребываніе въ Калишѣ, т. V, 383. Рѣчь по случаю закрытія варшавскаго сейма, т. V, 384—385. Выѣздъ изъ Варшавы, т. V, 385. Обратное путешествіе, т. V, 385—388. Политика въ послѣдніе годы царствованія, т. VI, 482. Послѣднее путешествіе на югъ Россіи 1825 г., т. VI, 100. Прибытіе въ Таганрогъ, т. VI, 104. Поѣздка въ Новочеркасскъ и Аксай, т. VI, 105—106. Присутствіе на рыбной ловлѣ въ Ростовѣ, т. VI, 107. Жизнь въ Таганрогѣ и заботливое вниманіе къ императрицѣ, т. VI, 108—109. Путешествіе по Крыму, т. VI, 110—120. Возвращеніе въ Таганрогъ и начало болѣзни, т. VI, 121. Ходъ болѣзни, т. VI, 122—124. Приобщеніе св. Тани, т. VI, 125—126. Послѣднія минуты, т. VI, 127. Кончина, т. VI, 128. Слѣдованіе тѣла изъ Таганрога въ Петербургъ, т. VI, 129—136. Встрѣча его въ Царскомъ Селѣ, т. VI, 137. Прощаніе императорской фамиліи, т. VI, 138—139. Погребеніе, т. VI, 140—141. Исторія болѣзни и послѣднихъ минутъ жизни, т. VI, 149—162. Разказы изъ его царствованія, т. VI, 285—290. Упом. т. V, 36, 149, 235, 241, 242, 247, 249, 251, 255, 342, 398, 466, 472, 580, 624, 636, 684, 777, 780, 782; т. VI, 298, 314, 355, 359, 391, 393, 433, 475, 476, 487, 492, 514, 602, 608, 617, 653, 674, 677, 681.

Александръ (Ягеллонъ), вел. кн. литовскій, потомъ король польскій, съ 1501 г.

† 1506. Отношенія его къ кн. М. Л. Глинскому, т. V, 271.

Алешевъ, с-петербургскій губерна-торъ 1797 г., т. V, 237.

Алешевъ, Ив. Антон., поручикъ и консулъ въ Бордо при Петрѣ Великомъ, т. VI, 561.

Алехой, митроп. кіевскій, т. VI, 693.

Алехой Михайловичъ, царь, род. 1629 † 1676 г., т. V, 182, 572, 624, 930, т. VI, 686, 692.

Алехой Петровичъ, царевичъ, сынъ Петра Великаго, р. 1690 † 1718 г., т. VI, 688, 693.

Али-паша, турецкій визирь, 1711 г., т. V, 935.

Али-шахъ (Зили-султана), губерна-торъ Тегерана 1828 г., т. VI, 165, 168, 170, 171, 177, 179, 183, 184, 189.

Аллахъ-Були-ханъ, персидскій са-новникъ 1828 г., т. VI, 165.

Аллахъ-Яръ-ханъ, одинъ изъ перво-степенныхъ хановъ Юхарь-баша 1828 г., т. VI, 167, 179, 181, 189, 199.

Аллемантъ, профессоръ, т. V, 604.

Аллековъ, уѣздный учитель 1829 г., т. VI, 447.

Альбрехтъ, офицеръ 1811 г., т. V, 266, 267, 692.

Аналія-Фредерика, принцесса гес-сенъ-дармштадская, т. V, 247.

Амбургеръ, Н. С. Назначеніе его ге-неральнымъ консуломъ въ Персію 1828 г. т. VI, 163. Донесенія его гр. Паскевичу: 1) по дѣлу объ умерщвленіи русскаго по-сольства 1829 г., т. VI, 170—171, 195, 204; 2) о препровожденіи тѣла Грибоѣдова въ Тифлисъ, т. VI, 200—202. Уц. т. V, 708, 709; т. VI, 172—174, 184, 187, 188, 194, 207.

Амвросій (Подобѣдовъ), въ мирѣ Анд-рей, архіепископъ казанскій, р. 1742 † 1818 г. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 247.

Амвросій (Орнатскій), пензенскій епи-скопъ 1819—1825 гг., род. 1773 г. Раз-сказы о немъ, т. VI, 480—481.

Амвросій, митрополитъ новгородскій. Распоряженіе его о книгахъ для духов-наго юношества 1817 г., т. VI, 582. Упом. т. VI, 687.

Амврони, художникъ, т. V, 959.

Анаповъ, Михаилъ, сержантъ 1712 г. т. V, 923.

Анаповъ, мануфактура-совѣтъ. 1855 г., т. V, 453.

Анастасевичъ, Вас. Григ., т. VI, 693.

Андреева, Тат. Борис., т. VI, 231, 237, 241.

Андреевъ, полков. командиръ 1827 г., т. VI, 263, 274, 279.

Андреевъ, капитанъ, при Петрѣ I, т. V, 907.

Андреевъ, поручикъ, боровничскій по-мѣщикъ 1834 г., т. VI, 231.

Андреевъ, В. Захѣтъ его къ доку-ментамъ, относящимся къ сподвижни-камъ Петра Великаго, т. V, 903—904.

Андреевъ, Ефимъ, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Андреевъ, Игнатій Ив., крестьянинъ, т. V, 498.

Андреевъ, Никита, камердинеръ, т. VI, 640.

Андреевъ, Григорій, управляющій. Поступокъ съ нимъ его владѣльца Яков-лева, т. VI, 624.

Андрониковъ, кн. Ив. Малхазѣ-вичъ, бывшій тифлиссскій губернаторъ, потомъ генералъ-лейтенантъ, т. V, 444.

Анжу, адмиралъ. Дружба его съ бар. Браунелемъ, т. V, 391—393. Поѣздка его для изслѣдованія Восточной Сибири 1820 г., т. V, 896.

Анжонковъ, камерд. Александра I, т. VI, 123, 155.

Анжичевъ, майоръ 1715 г., т. V, 886.

Анна Иоанновна, императрица, т. V, 147, 245, 239, 798, 799; т. VI, 563, 566, 574, 687, 693.

Анна Леопольдовна, принцесса бра-уншвейгъ-люнебургская, правительница Россійской имперіи, р. 1718 † 1746 г., т. V, 799, 800.

Анна Петровна, цесаревна, дочь Петра Великаго, р. 1708 † 1728 г., т. V, 801. т. VI, 693.

Анненковъ, П. В., издатель сочиненій Пушкина, т. V, 616; т. VI, 296.

Анрекъ, Іосифъ Романов., полковникъ, вполгд. гр. Анрекъ-Ольмитъ, гвер-лейт. и ген.-адъютантъ, † 1860 г. Захѣтъи

о немъ Д. В. Давидова, т. VI, 368, 369. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 830, 332, 370, 371, 380, 381.

Алрепъ, Романъ Карлов. (Генрихъ-Рейнгольдъ), генер.-лейт., р. 1759 † 1807 г., т. VI, 369.

Антолики, капельмейстеръ 1816 г., т. VI, 299.

Анфимова, домовладѣлица, т. V, 617.

Апачикинъ, Давида Ив., т. V, 801.

Апраксинъ, гр. Петръ Матв., бояринъ и дѣйств. тайн. сов., р. 1659 † 1728 г., т. V, 914, 927, 928.

Апраксинъ, гр. Петръ Фед., ген.-лейт., † 1813 г., т. V, 466.

Апраксинъ, Степ. Фед., фельдмаршалъ, р. 1702 † 1760 г., т. VI, 687, 693.

Апраксинъ, гр. Фед. Матв., ген.-адмиралъ, р. 1661 † 1728 г., т. V, 794 — 798, 877, 882, 883, 888, 927. т. VI, 670, 693.

Арамчеевъ, гр. Алексѣй Андр., воен. министръ, † 1834 г. Сатира на него Рыгѣва, т. V, 279, 280, 282. Мифыіе его о Сперанскомъ, т. V, 470. Разказы о немъ священника Ильинскаго и А. С. Нартова, т. V, 471—472. Убіеніе домоправительницы его Настасьи Шумской, т. VI, 121. Участіе къ нему Александра I, т. VI, 122. Горестъ о кончинѣ императора, т. VI, 136. Воспоминанія доктора Европеуса, т. VI, 225 — 241. Письма къ Европеусу, т. VI, 241—242. Письмо баронета Вилліе къ графу, т. VI, 242. Акростихъ на него, т. VI, 241. Отношенія къ Ермолову, т. VI, 478, 480, 481, 488. Письмо отъ Ермолова, т. VI, 496—497. Разказы о немъ, т. VI, 589 — 591. Пѣсни, сочиненныя на него, т. VI, 591 — 596. Упом., т. V, 179, 182, 183, 238, 241, 590, 591, 549, 550, 578, 579, 695, 776; т. VI, 187, 258, 547, 549. 617, 618.

Артамоновъ, Мих. Фед., кураторъ моск. университета, т. VI, 574.

Аргутинскій-Долгоруковъ, кн. Монасей Захар., ген.-лейт. (впосл. ген.-адъют.), командующій войсками въ южномъ Дагестанѣ 1846 г., † 1855 г., т. V, 435—438, 440; т. VI, 201.

Арсенинъ, докторъ, 1715 г., т. V, 884.

Арсинкверъ, франц. художникъ, которому приписывается работа полтавскаго

портрета Петра Великаго, т. V, 959 — 961.

Аристовъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, 1849 г., т. VI, 76.

Аристовъ, полковн. 1827 г., т. VI, 274.

Аршфельдъ, т. V, 695.

Арнольдъ, артиллеристъ, т. VI, 315.

Арсеньева, Анна Александр., рожд. кн. Хованская, т. V, 250.

Арсеньева, Варв. Мих., т. V, 801.

Арсеньевъ, директоръ орловскихъ училищъ 1829 г. Курьезный рапортъ къ нему смотрителя сѣвскихъ училищъ, т. VI, 446—447.

Арсеньевъ, Александръ Александр., гвард. офиц., впослѣдствіи сенаторъ, род. 1756 † 1844 г., т. V, 249.

Арсеньевъ, Ив. Мих.; ст. сов., алексинскій помѣщикъ, род. 1726 † 1799 г., т. V, 249.

Арсеньевъ, Конст. Иван., тайн. сов., извѣстный статистикъ, т. VI, 686, 693.

Арсеньевъ, Михаилъ, рядовой 1711 г., т. V, 941.

Арсеньевъ, Ник. Ив., прокуроръ воен. коллегіи, впосл. дѣйств. ст. сов. и курляндскій губернаторъ, р. 1760 † 1830 г. Высочайшее повелѣніе о заключеніи его въ крѣпость 1799 г., т. V, 249.

Артамонова, Вѣра, няня, т. VI, 612, 614, 639, 643.

Артемовъ, Иванъ, оберъ-секретарь сената при Екатеринѣ II, т. V, 958.

Артемова, Елисавета, въ замужествѣ Витбергъ, т. V, 555, 556, 568, 569, 570.

Артемовъ, титул. сов., т. V, 552 — 557, 559, 568 — 570.

Артемовъ, т. V, 555.

Артемовъ, Вас., бригадиръ 1809 г. Отношенія его къ А. Л. Витбергу, т. V, 18, 19.

Артемовъ, Нефедъ, пѣловальникъ, 1711 г., т. V, 940.

Архаровъ, Ив. Петр., ген. отъ инфант., моск. воен. губернат., † 1815 г. Разказъ его объ императ. Павлѣ, т. VI, 91.

Архаровъ, Ник. Петр., ген.-аншефъ, моск. об.-полицеймейстеръ, потомъ тверской ген.-губернаторъ, р. 1742 † 1814 г. Разказы его объ императрицѣ Екате-

ринъ II, т. V, 148, 144, 146, 147, 461, 671. Рассказы о немъ, т. V, 768. Упом., т. V, 140; т. VI, 93.

Арциуки, генералъ, т. VI, 190, 191.

Арциуки, козловникъ 1865 г., нигбъ ген.-майоръ въ отставкѣ, т. V, 461.

Арцыбадзеъ, т. V, 339.

Арцыбадзеъ, письмо его къ вк. А. Д. Мешкову 1702 г., т. V, 905.

Афрасиабъ, царь гуранскій, т. VI, 166.

Ахенбахъ, 1715 г., т. V, 883.

Ахмедъ-паша, аджарскій паша 1828 г., т. V, 432.

Ахметъ III, султанъ, т. VI, 702.

Асакъсьевъ, Александръ Ник., литераторъ, р. 1826 † 1871 г. Некрологъ его, т. V, 787 — 790.

Б.

Баадеръ, германскій философъ, т. V, 665.

Бабинъ, Дан., камеръ-гофъ-фурьеръ, т. VI, 158.

Бабковъ, генералъ 1825 г., т. VI, 130.

Багратионъ, кн. Петръ Иван., генер. отъ инфантеріи, р. 1756 † 1812 г. Отношенія его къ Д. В. Давыдову, т. V, 631—632. Краткая характеристика его, т. VI, 358. Упом. т. V, 261, 630, 656; т. VI, 355, 478, 496, 674.

Баженовъ, Вас. Иван., академикъ, вице-президентъ академіи художествъ, р. 1737 † 1799 г. Гибель на него имп. Екатерины II и покровительство в. кн. Павла Петровича, т. V, 141.

Бажлевскій, А. И., камеръ-юнкеръ 1870 г. Поднесеніе имъ государю рыцарскаго вооруженія, принадлежавшаго Лжедмитрію, т. V, 331, 334.

Байковъ, Апполонъ, т. VI, 693.

Байровъ, Илья Иван., кучеръ императора Александра Павловича, ум. ок. 1830 г. Преданность его государю, т. VI, 135. Упом. т. V, 550; т. VI, 102, 103, 157.

Байроуъ, поэтъ, т. V, 730; т. VI, 702.

Балай, слуга, т. VI, 640.

Балаковъ, Кирилла, курьеръ 1711 г., т. VI, 668.

Балаковъ, Ян. Петр., ген.-лейт., р.

1809 г. Осмысли на его записки, т. V, 454; т. VI, 379.

Балушкинъ, Петръ Вас., тайн. сов., членъ коллегіи иностр. дѣлъ, при Екатеринѣ II. Забѣтка о немъ, т. V, 219. Упом. т. V, 222, 227.

Балашовъ, Александръ Дмитр., разанскій генер.-губернаторъ, членъ госуд. сов. и министръ полиціи, † 1837 г. Пререканія его съ губернаторомъ Шредеромъ, т. VI, 145. Упом. т. V, 695, 697.

Балъ, адмиралъ. Ордеръ его кап.-лейтенанту де-Ливрону 1802 г., т. V, 773.

Балъ, Матрена Ив., въ замуж. Салтыкова, фрейлина императр. Елизаветы Петровны, † 1813 г., т. V, 803.

Балъ, Федоръ. Письмо его къ гр. Б. П. Шереметеву, 1712 г., т. V, 923—924.

Балъванъ, франц. писатель, т. V, 790.

Банниковъ, А. И., учитель русскаго языка, т. V, 638.

Бантышъ-Каменскій, Дмитр. Никол., тайн. сов., составитель «Словара достопамятныхъ людей русскои земли», р. 1788 г. Рассказъ его о В. И. Левашевѣ и Н. Н. Бантышъ-Каменскомъ, т. VI, 676. Упом. т. V, 215, 221, 623.

Бантышъ-Каменскій, Никол. Никол., дѣйств. ст. сов., управивш. архивомъ коллегіи иностр. дѣлъ 1799 г., р. 1787 † 1814 г. Рассказъ о немъ, т. VI, 676.

Банъ, ген.-майоръ 1707 г., т. V, 840.

Баранова, Акулина, дворовая дѣвушка, т. VI, 653.

Барановъ, П. И. Сообщ. распоряженіе Петра I о вознагражденіи за археолог. находки 1718 г., т. VI, 474. Поправка, т. VI, 606. Письма царичи Прасковьи къ брату В. Ф. Салтыкову, т. VI, 563—566. Письма царевнѣ Екатеринѣ и Прасковьи Юсуповныхъ къ Салтыкову 1723 г., т. VI, 566—567.

Барантъ. Письмо Лермонтова по поводу дуэли съ нимъ, т. V, 296.

Барбѣ, домовладѣлецъ, т. V, 310, 319.

Барылай-де-Толли, кн. Мих. Богд., ген.-фельдмаршалъ, р. 1761 † 1818 г. Характеристика его, т. VI, 856. Упом. т. V, 268, 689, 738; т. VI, 478.

- Барсовъ, литераторъ, т. VI, 462.
- Барсуковъ, Н. П. Сообщ. письмо Н. П. Липранди къ брату Ивану, 1864 г., т. V, 682—683. Стихотвореніе М. А. Максимовича, т. VI, 224. О жизни и сочиненіяхъ А. Н. Радищева, т. VI, 573—581.
- Бартоломей, Петръ Ивановичъ, т. V, 463.
- Бартоломей, полковникъ 1826 г., т. V, 719.
- Барятинскій, кн. Александръ Ив., ген.-лейт., ген.-адъютантъ, намѣстникъ кавказскій, р. 1814 г., т. VI, 273.
- Барятинскій, кн. Ив. Ив., тайн. сов., посланникъ въ Мюнхенъ, извѣстный агрономъ, т. V, 770.
- Барятинскій, кн. Ив. Серг., посланникъ въ Парижъ 1777 г., потомъ ген.-поручикъ, р. 1738 † 1811 г., т. V, 614; т. VI, 415.
- Барятинскій, кн. Фед. Серг., об.-гофмаршалъ, р. 1742 † 1814 г. Разсказъ его о депутаціи отъ Новгородской губерніи въ 1776 г., т. V, 184. О поступкѣ Г. Н. Теллова, т. V, 135. О сожалѣніи импер. Екатерины II о кн. Долгорукомъ-Крымскомъ, т. V, 138—139. О посвященіи императрицею Полторацкихъ, т. V, 140. Упом. т. V, 459.
- Батюшковъ, Конст. Никол., поэтъ, р. 1788 † 1854 г., т. V, 822.
- Баумгартенъ, Карлъ Ив., ботрожевой губернаторъ 1824 г., т. VI, 146.
- Бауръ, ген.-лейт. 1707 г., т. V, 829, 834.
- Бауръ, Фед. Вильямов., ген.-инженеръ. Порученіе ему провести въ Москвѣ водопроводъ изъ Громоваго источника, 1779 г., т. V, 136.
- Баханова, полковница, т. VI, 389.
- Бахметева, Софья Львовна, рожд. Мелова, т. V, 253.
- Бахметевъ, Алексѣй Никол., ген. отъ инфантеріи, вносгд. генер.-губернаторъ нижегород., казан., пензен. и симбирскій и членъ госуд. совѣта, р. 1774 † 1841 г., т. VI, 644.
- Бахметевъ, А. Н., адъютантъ гр. П. А. Толстаго въ 1825 г., т. V, 886.

- Бахметевъ, Дмитрій Ефрем., полковн. 1704 г., т. V, 906, 910.
- Бахметевъ, Никол. Иван., гв. капитанъ, т. V, 253.
- Бахметевъ, Никол. Никол., ген.-лейт., † около 1830 г., т. V, 283; т. VI, 644.
- Бахтеяровъ, Алексѣй, т. V, 942.
- Бахтияъ, Ив. Ив., слободско-украинскій губернаторъ 1810 г., т. V, 88.
- Бахтияъ, Никол. Ив., т. VI, 292, 450.
- Бахтионовъ, капитанъ 1715 г., т. V, 886.
- Бачманова, адмиральна, т. VI, 158.
- Башмаковъ, Александръ Дмитр., т. VI, 409, 606.
- Башмаковъ, Аркадій Дмитр., т. VI, 606.
- Башмаковъ, Дмитр. Евлампіев., полковникъ, потомъ дѣйств. стат. сов., т. VI, 409, 606.
- Башмаковъ, Сергѣй Дмитр., т. VI, 606.
- Баяшевъ, кн. В. Сообщ. замѣтку объ артистѣ Семеновою, т. VI, 606. Поправка замѣтки, т. VI, 699.
- Бебутова, кн. Марія Соломоновна, т. V, 445.
- Бебутовъ, кн. Вас. Осипов., ген. отъ инфант. и членъ госуд. совѣта, † 1858 г. Краткій очеркъ его служебной дѣятельности, т. V, 431—433. Письма къ нему А. П. Ермолова, 1846—1857 гг., т. V, 433—456. Упом. т. V, 684.
- Бегичевъ, Никита, капитанъ 1715 г., т. V, 886.
- Бедрага, Николай, ветеранъ 1812 г., т. V, 633.
- Безбороджо, кн. Александръ Андр., государственный канцлеръ, род. 1747 † 1799 г. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 243. Примѣръ необыкновенной памяти его, т. V, 677. Шутка его съ лейбъ-медикомъ Рожерсономъ, т. V, 771. Упом. т. V, 144, 219, 222, 227, 462, 465; т. VI, 406, 418, 420, 421, 424, 425.
- Безбороджо, Андр. Яковл., малорос. генералъ. писарь, т. V, 248.
- Безбороджо, Евд. Мих., рожд. Забыло, ст.-дама 1797 г., т. V, 243.
- Безбороджо, кн. Илья Андр., генер.-лейт., потомъ дѣйств. тайн. сов., с.-петербургскій губерискій предводитель двѣ-

ринства, основатель Нѣжинскаго лицея, р. 1756 † 1815 г., т. V, 243.

Вособразовъ, Петръ, вахмистръ 1711 г., т. V, 935.

Возуладжиновъ, Я. П. Сообщ. разсказъ и письма о гр. Аракчеевѣ, т. VI, 589—594.

Возетовъ, т. VI, 606.

Возетовъ, Дмитр. Алексѣев., участникъ въ войнѣ 1812 г., т. V, 638.

Возетовъ, Плат. Петр., содержатель типографіи, т. VI, 581.

Возлемишневъ, вице-президентъ коммерцъ-коллегіи 1770-хъ гг., т. VI, 577.

Возомъ, ученый, т. V, 37.

Везъ, Христ. Анд., тайн. сов., управлявшій 1 и 2 экспедиціями министерства иностр. дѣлъ въ 1830-хъ гг., т. VI, 682.

Велле, генераль-лейтенантъ 1799 г., т. V, 684.

Венедиктовъ, Влад. Григ., поэтъ, т. V, 154.

Венкендорфъ, гр. Александръ Христовор., ген. отъ кавалеріи, генер.-адъютантъ, членъ госуд. совѣта и шефъ корпуса кавдармовъ, р. 1783 † 1844 г., т. V, 295.

Венкендорфъ 2-й, Конст. Христофор., ген.-лейт., ген.-адъютантъ, † 1828 г. Копія съ предписаній, данныхъ ему Ермоловымъ 1827 г., т. VI, 273—278. Упом. т. V, 267, 706; т. VI, 48, 53, 253, 260, 261, 263, 269, 272, 278, 279.

Веннингсенъ, гр. Леонтій Леонтьев., (Людвигъ-Августъ), генер. отъ кавалеріи, главнокоманд. арміями 1807 и 1813 гг., † 1826 г. Краткая характеристика его, т. VI, 357—358. Упом. т. V, 268, 649, 651, 652, 783; т. VI, 355.

Векгамъ, англійскій политико-экономистъ. Отношенія его къ гр. Н. С. Мордвинову и вліяніе его на графа, т. V, 37, 39, 40.

Верезинъ, Алексѣй, подъячій 1711 г., т. V, 939, 940, 941.

Вергъ, капитанъ, ротн. командиръ 1826 г., т. V, 713.

Вергъ, Н. В. Эпиграмма на него Щербини, т. V, 150. Сообщ. о дополненіяхъ къ

„Майору“ Оедотова, т. VI, 208. Запѣту объ академикѣ Витбергѣ, т. VI, 222—223. Воспоминанія о Н. В. Гоголѣ, т. V, 118—128. Упом. т. V, 283.

Верже, Ад. П. Сообщ. письма А. П. Ермолова къ вн. В. О. Бебутову, 1846—1857 гг., т. V, 431—456. Подробное описаніе трагической смерти А. С. Грибоедова, т. VI, 163—207. Упом. т. VI, 484.

Верликискій, придворн. регентъ 1824 г., т. V, 374, 375.

Вернадотъ, француз. маршалъ, впоследствии шведскій король Карлъ XIV, т. VI, 626.

Вертье, франц. маршалъ, т. VI, 314, 616.

Верхгольцъ. Ссылка на его Дневникъ, т. V, 879. Упом. т. VI, 689.

Веръ, академикъ, т. V, 410.

Вестушевъ, костром. помѣщ. 1824 г., т. VI, 148.

Вестушевъ, 1715 г., т. V, 863, 911.

Вестушевъ, 1791 г., т. VI, 424, 425.

Вестушевъ, Александръ Александр., (псевдонимъ Марлинскій), писатель, декабристъ, р. 1797 г., уб. на Кавказѣ 1837 г., Свидѣтельство его объ Ермоловѣ, т. VI, 490. Упом. т. V, 424—425; т. VI, 488, 480, 608.

Вестушевъ, Михаилъ Петр., 1715 г., т. V, 884, 938.

Вестушевъ, Петръ, ген.-крюгъ-палмейстеръ 1711 г., т. V, 938.

Вестушевъ-Рюмкинъ, К. Н., историкъ. Свидѣтельство его о томъ, какое вліяніе имѣла на А. Ф. Гильфердинга московскій кругъ славяноф. и отзывъ о нрав. качествахъ Гильферд., т. VI, 454, 465, 467.

Ветаншуръ-де, Окюстенъ, генер.-инженеръ, управл. публичн. сооруженіями и путями сообщеній 1816 г., т. V, 178.

Ветховенъ, композиторъ, т. V, 426.

Вехтѣвъ, членъ «сумазброднѣйшаго собора», Петра I, т. V, 848.

Ведкій, Ив. Иван., дѣйств. тайн. сов. и камергеръ, р. 1704 † 1795 г. Разсказъ о немъ, т. V, 459. Упом. т. V, 38, 467, 679.

Виблюва, Анаст. Степ., рожд. кн. Козловская, т. V, 769.

Виблюва, Екат. Александровна, т. V, 266, 689.

Виблюва, Софья Гаврил., фрейлина 1813 г., т. V, 689, 690.

Виблювъ, Александръ Ильичъ, подполковн. казачьих полка, р. 1729 † 1774 г., т. V, 769.

Виблювъ, Алексѣй, 1715 г., т. V, 886.

Виблювъ, Гавр. Ильичъ, полковникъ 1777 г., т. V, 615.

Виблювъ, Дмитрій Гавр., ген.-адъютантъ, т. V, 658.

Виблювъ, Пав. Гавр., генер.-маіоръ, † 1812 г., т. V, 266, 657, 658.

Видлингъ, капитанъ, т. V, 397.

Вильбасовъ, т. V, 865.

Виронъ, Іоганнъ-Эрнестъ, герцогъ Курляндскій, потомъ регентъ и правитель Россіи, р. 1690 † 1772 г., т. V, 894.

Влаженнагель, князев. ген.-маіоръ, первый свекло-сахарный заводчикъ въ Россіи, т. V, 83.

Влажый, полковникъ. Тяжба его съ князь-паномъ Зотовымъ, т. V, 850—851.

Влевръ (Шлееръ), австр. резидентъ въ Петербургѣ, 1715 г., т. V, 883, 888.

Влюмежгросъ, 1715 г., т. V, 884.

Влюхеръ, (Gebhart), князь Вальштадскій, прусскій фельдмаршалъ, р. 1742 † 1819 г. Разсказъ объ отношеніяхъ къ нему гр. Платова, т. VI, 677.

Воборкингъ, Петръ Ив., ген.-лейт., команд. л.-гв. коннаго полка 1788 г. Отношенія къ нему Елизаветинъ II, т. V, 143—144.

Вова, Евдокія Семев., рожд. Гурьева, вдова кн. Трубецкаго, т. V, 577.

Вова (Josephus Johannes Baptista Sargolus Vova), Іосифъ Иван., архитекторъ, р. 1784 † 1834 г. Отамъ о немъ Витберга, т. V, 529. Замѣтка о немъ, т. V, 577—578. Уп. т. V, 174.

Вогдановичъ, Сообщ. М. И. Замѣтку Н. М. Орлова по поводу фактовъ, изложенныхъ имъ въ «Исторіи царствованія Александра I» и касающихся выхода М. Ѳ. Орлова изъ членовъ тайнаго общества, т. V, 775—781. Упом. т. V, 36, 472, 230.

Вогдановъ, кондукторъ, т. VI, 550, 551.

Вогословскій, Іоаннъ, священникъ, т. VI, 694.

Воговалякскій, леваръ, убитый военными поселенцами 1831 г., т. VI, 554.

Воговалякскій, Мих. Максимов. директоръ С.-Петербургскаго коммерческаго училища. Сообщ. отрывки и варианты поэмы «Мертвыя души», т. V, 88—117.

Волужа, маіоръ, наставникъ молодежи людей, отправленныхъ въ Лейпцигъ для изученія правовѣдѣнія 1765 г., т. VI, 576.

Вомъ, Ив. Самойлов. инспекторъ театральнаго училища, 1822 г., т. V, 423, 425.

Вохотовъ, Андр. Тимоев. Ссылки на его записки, т. V, 772; т. VI, 407.

Волковитиновъ, Евгений, митрополитъ, т. V, 481; т. VI, 406.

Волковскій, маіоръ, 1704 г., т. V, 910.

Вонжаваль, графъ, т. V, 619.

Вордановскій, черниговскій священникъ 1762 г., т. VI, 568.

Воровъ, чиновникъ 1792 г., т. V, 146.

Ворожикъ, Андр. Мих., генер.-лейт. 1813 г., вносльд. тавричскій губернаторъ и сенаторъ, р. 1765 † 1838 г., т. V, 682, 694—696.

Ворхъ, графиня, рожд. гр. Лаваль. † 1871 г., т. VI, 682.

Ворхъ, гр. Анна Петр., рожд. Богомолецъ, т. V, 258.

Ворхъ, гр. Іоаннъ-Андрей, великій коронный канцлеръ и воевода лифляндскій, † 1780 г., т. V, 253.

Ворхъ, гр. Луиза, рожд. Зибертъ, т. V, 253.

Ворхъ, гр. Осипъ Ив. (Іосифъ-Генрихъ), стат. сов., предводит. дворянства Витебской губ., р. 1753 † 1835 г. Высочайшее повелѣніе о заключеніи его въ Шлиссельбургскую крѣпость, 1799 г., т. V, 252.

Ворчуговъ, ген.-маіоръ, шефъ гусарскаго Ахтырскаго полка 1801 г. Ордеръ къ нему гр. Салтыкова, т. V, 681.

Воткинговъ, греческій переводчикъ 1710 г., т. V, 932.

Воуръ, генер.-лейт. Повелѣніе къ нему отъ импер. Александра I объ обращеніи съ солдатами 1804 г., т. VI, 283—284.

Боженовъ, пралорникъ 1827 г., т. VI, 655, 663.

Брайко, т. V, 617.

Брантъ, Христофоръ, 1704 г., т. V, 913, 914.

Брауншвейгскій, принцъ, т. V, 604.

Бреджкинъ, капитанъ, 1715 г., т. V, 886.

Бремеръ, генер.-маіоръ 1831 г., т. VI, 370.

Бренна, архитекторъ около 1800 г., т. V, 251.

Бриммеръ, генералъ 1854 г., т. V, 450.

Брисеніемъ-фонъ, гофъ-дама 1715 г., т. V, 867.

Броскиъ, смотритель и экономя Смольнаго монастыря, т. V, 612.

Броковскій, Семенъ, авторъ сочин. «Новѣйшія Географич. и Историч. свѣдѣнія о Кавказѣ» 1823 г., т. VI, 518.

Брониковскій, предсѣдатель яkobинскаго клуба въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 19.

Броунъ, кораб. мастеръ 1715 г., т. V, 885.

Броунъ-фонъ, Юрій Юрьев., генер.-маіоръ, впоследствии рижскій ген.-губернаторъ. Отношенія къ нему великой княгини, потомъ императрицы Екатерины Алексѣевны, т. V, 129—130.

Брументаль-фонъ, ген.-адъют. 1707 г., т. V, 819, 843.

Брыгадоловъ, Коновъ, каптенармусть 1704 г., т. V, 911.

Брылкинъ, помѣщикъ 1720 г., т. VI, 566.

Брюловъ, Карлъ Павл., художникъ, т. V, 25, 306, 308, 580; т. VI, 507.

Брюловъ, Пав. Ив., академикъ, т. V, 580.

Брюсъ, графиня, 1715 г., т. V, 887.

Брюсъ, гр. Праск. Александр., рожд. гр. Румянцева, р. 1729 † 1786 г. Рассказъ ея о полоцкомъ губернаторѣ Кречетниковѣ, т. V, 133. Упом. т. V, 769.

Брюсъ, Романъ. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову 1704 г., т. V, 908—912.

Брюсъ, Сара Ив., т. V, 798.

Брюсъ, гр. Яковъ Александров., ген.-аншефъ, главнокоманд. въ Москвѣ, а по-

томъ въ Пекербургѣ, † 1791 г., т. VI, 421, 576.

Брюсъ, гр. Яковъ Вилимов., генералъ-фельдмаршалъ, р. 1660 † 1735 г., т. V, 796, 883; т. VI, 667.

Брякутанниковъ, жандармскій подполковникъ 1831 г., т. V, 478.

Будберхъ, 1715 г., т. V, 884.

Будиловичъ, т. VI, 465.

Будневичъ, Дмитр. Мих., ген.-поруч., новгород. губернскій предводитель дворянства 1776 г., т. V, 134.

Бузовскій, польскій генералъ 1831 г., т. VI, 389.

Бужсгевдеъ, гр. Наталья Александр., рожд. Алексѣева, т. V, 236.

Бужсгевдеъ, гр. Фед. Фед., генер. отъ инфант., с.-петерб. воен. губернаторъ, главнокомандующій арміею въ Финляндіи 1808 г., р. 1750 † 1811 г. Повѣдѣнія къ нему императ. Павла, 1797—1798 гг., т. V, 236—239. Упом. т. VI, 338.

Булгаковъ, В. П. Сообщ. свѣдѣнія объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16.

Булгаковъ, К. Я., завѣдывавшій почтовою частью въ Москвѣ 1816 г., т. V, 180, 531.

Булгаковъ, Як. Ив., дѣйств. тайн. сов., посланникъ въ Константинополь, р. 1743 † 1809 г. Отношенія къ нему кн. Н. В. Репнина, т. V, 767—768. Упом. т. V, 223, 224, 616, 617, 620.

Булгаринъ, Фед. Венед., писатель, р. 1789 † 1869 г. Письма къ нему Л. В. Дубельта и замѣтка объ отношеніяхъ его къ Н. А. Полевому, т. V, 299. Письмо его къ П. В. Хавскому по поводу смерти Гоголя, т. V, 481—482. Упом. т. V, 297, 419; т. VI, 606.

Булгаринны, Б. Ф. и В. Ф. Сообщ. балладу гр. Растопчиной «Насильный бракъ», т. V, 297—299. Записку императора Николая Павловича къ бар. Вревскому 1854 г., т. VI, 605—606.

Булгичъ, Н. Замѣтка его о гр. П. С. Потемкинѣ, т. V, 346.

Буналова, Галаггена, 1723 г., т. V, 876.

Бунина, постесса, т. V, 688, 691, 692.

Бурдуковъ, Михаилъ, якут. архіерей

1814—1830 гг. Отношенія его въ Иркутскому губернатору, т. V, 683.

Вурмонъ, франц. министр, т. VI, 321.

Вурцовъ, членъ «Союза Благоденствія» 1821 г., т. VI, 597, 601.

Вутювъ, В. П., государств. секретарь 1861 г., т. VI, 455.

Вутюжъ, полковникъ, убитый военными поселенцами 1831 г., т. VI, 554.

Вутуркина, т. V, 887.

Вутуркина, NN. Петр., въ замуж. Ключачева, т. VI, 559.

Вутуркина, Аксинья Мих., рожд. Самарина, т. VI, 559.

Вутуркина, Анна Еремѣев., рожд. Пашкова, вдова гр. Зотова, т. V, 854, 859, 887.

Вутуркина, Федосья Петр., въ замужс. Хрущева, т. VI, 559.

Вутуркинъ, офицеръ 1827 г., т. VI, 264.

Вутуркинъ, гр. Александръ Борис. фельдмаршалъ, р. 1694 † 1767 г., т. V, 852, 880.

Вутуркинъ, Борисъ Ив., гвардіи капитанъ, † 1708 г., т. V, 854.

Вутуркинъ, Дмитрій Петр., дѣйств. тайн. совѣтн., членъ государств. совѣта, предсѣдатель секретнаго комитета 1848 г., р. 1790 † 1849 г., т. V, 784 — 786.

Вутуркинъ, Ив. Ив., генералъ-аншефъ р. 1661 † 1738 г., т. V, 796, 849, 852, 883.

Вутуркинъ, Никол. Иванов., майоръ, р. 1692 † 1761 г., т. VI, 564.

Вутуркинъ, Петръ Васил., окольничій, † 1716 г., т. VI, 559.

Вутуркинъ, Петръ Ив., бояринъ, † 1723 г. Отношенія къ нему Петра Великаго, т. V, 851 — 856. Избраніе его въ «князь-папы», 1717 г., т. V, 860—875. Его правленіе, т. V, 875—880. Упом. т. V, 859, 883, 887; т. VI, 559 — 560.

Вутуркинъ, Федоръ, 1715 г., т. V, 884.

Вухольцъ, адъютантъ при бар. Дибичѣ 1827 г., т. VI, 264.

Вухольцъ, Аврамъ, 1715 г., т. V, 886.

Вухъ, негоціантъ, серебрян. мастеръ 1796 г., т. V, 461.

Вышковъ, А. Ѳ., академикъ. Сообщ.

философ. отрывки и афоризмы гр. М. М. Сперанскаго, т. V, 68 — 79; т. VI, 703.

Вѣгичевъ, Дмитр. Никит., тайн. сов. и сенаторъ, т. V, 625.

Вѣлеградъ, помѣщикъ, т. VI, 653.

Вѣлецкій, переводч. польскій 1710 г., т. V, 932.

Вѣлецкій, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, 1849 г., т. V, 74, 77, 81, 88.

Вѣлосельская, кн. Анна Мих., рожд. Наумова, т. V, 772.

Вѣлосельская-Вѣловерская, княгиня Анна Грег., рожд. Коозicka, р. 1767 † 1846 г., т. V, 672.

Вѣлосельскій, кн. Анд. Мих., камергеръ, посланникъ въ Дрезденъ, † 1779 г., т. V, 798.

Вѣлосельскій, кн. Мих. Андр., лейтенантъ 1743 г., потомъ вице-адмиралъ, р. 1702 † 1755 г., т. V, 798.

Вѣлосельскій-Вѣловерскій, князь Александръ Михайловичъ, оберъ-шенкъ, р. 1752 † 1809 г. Разсказъ о назначеніи его посланникомъ въ Дрезденъ, т. V, 672. Упом. т. VI, 575, 682.

Вѣляковъ, т. VI, 606.

Вѣлявскій, ген.-лейтен. 1849 г., т. V, 440 — 442.

Вѣлоръ, бар. Фед. Анд., гофмейстеръ. Замѣтки его по поводу напечатанной рѣчи императора Николая къ депутатамъ города Варшавы 1835 г., т. VI, 679—683.

Вѣриштерна, издатель депешъ гр. Штедингга швед. посла въ Петерб., т. V, 580.

В.

Валевскій, депутатъ отъ варшавскаго временнаго правительства въ Парижъ, 1831 г., т. VI, 23.

Валеріанъ, Егоръ Карпов., главный врачъ адмиралт. госпиталя, членъ медіц. совѣта, т. V, 612, 616.

Валеріанъ, Екат. Егоров., въ 1-мъ замуж. Делямаръ, во 2-мъ — Яковлева, т. V, 612.

Валеріанъ, Марія Иван., рожд. Кемницеръ, † 1819 г., т. V, 612.

Валугева, Екат. Петр., камеръ-фрейлина, р. 1774 † 1849 г. Пребываніе ея съ импер. Елизаветой Алексѣвной въ

Гагаринъ 1825 г., т. VI, 102, 103, 104, 130.

Валуевъ, 1813 г., т. V, 694.

Валуевъ, Петръ Степ., оберъ-перемонмейстеръ при имп. Павлѣ I, потомъ дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и начальникъ москов. кремлевской экспедиціи и оружейной палаты, † 1814 г. Разказъ его объ императорѣ Павлѣ, т. VI, 89—90. Разказъ о Наполеонѣ I и поплѣ Пылаѣ 1812 г., т. VI, 287. Упом. т. VI, 91.

Вальвиль, актриса 1811 г., т. V, 261.

Ванъ-Галенъ, Донъ-Жуанъ, извѣстный испанскій генералъ, вносгд. майоръ русской служб. Донесенія Ермолова по поводу высылки его въ Австрію 1820 г., т. VI, 497—499.

Ванъ-Диль, живописецъ, т. V, 604.

Варасинъ, Степанъ. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, 1704 г., т. V, 914.

Варваринъ, домовладѣлецъ, т. V, 321.

Варшавскій, кн. Ив. Фед., см. Паскевичъ-Эриванскій.

Василевскій, стат. совѣтникъ, 1827 г., т. VI, 280.

Василій, инвалидъ 1825 г., т. V, 386.

Василій IV Иоанновичъ, вел. князь, † 1533 г. Отношенія его къ кн. М. Л. Глинскому, т. V, 271—272.

Васильевъ, штабъ-лекарь 1825 г., т. VI, 129.

Васильевъ, совѣтникъ, с.-петербург. губернскаго правленія 1835 г., т. VI, 583.

Васильевъ, графъ. Стихи его на Д. В. Давыдова, т. V, 629.

Васильевъ, Вадимъ И. Сообщ. о маршалаѣ Пусловскомъ, т. VI, 148—149.

Васильевъ, Максимъ, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Васильевъ, Семенъ, 1715 г., т. V, 877, 885.

Васильчиковъ, конной гвардіи корнетъ 1841 г., т. V, 316, 317, 318, 320.

Васильчиковъ, ген.-адъютантъ 1813 г., т. V, 690, 691.

Васильчиковъ, Александръ Вас., т. V, 466.

Васильчиковъ, кн. Иларіонъ Вас., генер. отъ кавалеріи, председатель го-

сударст. совѣта и комитета министровъ, р. 1776 † 1847 г., т. V, 316, т. VI, 602.

Ващенко, переводчикъ, т. VI, 301.

Ващенко, Ив. Зинов., правитель дѣлъ барона Дибича, т. VI, 317.

Введенскій, И. И., т. V, 430.

Веберъ, ганноверскій посланникъ въ Петербургъ, 1715 г., т. V, 883.

Веберъ, композиторъ, т. V, 426.

Ведерниковъ, управляющій имѣніемъ Кутузова 1810 г., т. V, 259, 260.

Вейде, Адамъ, генералъ 1715 г., т. V, 883, 939.

Вейеръ, книгопродавецъ 1828 г., т. VI, 534.

Веймартъ, генералъ, корпус. командиръ 1772 г., т. VI, 407.

Веймартъ, ген.-адъютантъ, начальникъ штаба 1855 г., т. V, 730; т. VI, 431.

Веймартъ, капитанъ фельдъегерскаго корпуса 1825 г., т. VI, 131.

Вейсенгофъ, генералъ 1831 г., т. VI, 37.

Вейсманъ, генералъ, † 1770 г., т. V, 131.

Вейсфлонъ, генер., бригадн. командиръ 1831 г., т. VI, 23.

Веллингтонъ, лордъ, т. V, 700.

Величинскій, подполковникъ 1831 г., т. VI, 35.

Вельяминовъ, Алексѣй Александръ, начальникъ корпусн. штаба въ Тифлисѣ 1827 г., потомъ ген.-лейт. и начальникъ кавказской области, † 1838 г., т. V, 451, 707, 719, 723, 726; т. VI, 39, 40, 41, 67, 259, 262, 268, 477, 529.

Веневитиновъ, М. А., т. V, 300, 301.

Венедиктовъ, Семенъ, т. V, 939.

Венцель, офицеръ генеральн. штаба 1824 г., т. V, 378.

Веревкинъ, Мих. Ив., профессоръ, основатель казанской гимназіи 1788 г., т. V, 464.

Верещагинъ, молодой человекъ, выданный Ростовчинимъ народу предъ вступленіемъ Наполеона въ Москву, т. V, 559.

Верещагинъ, полковникъ, пошлякъ 1831 г., т. VI, 552.

Верещагинъ, Николай, Рассказъ о подвигѣ его, т. V, 475—477.

Верещагинъ, полковникъ 1829 г., т. VI, 334.

Веригина, Марія Фодот. въ замуж. Донаурова, фрейлина, т. V, 685.

Веригина, Нат. Фодот. въ замуж. Пещеева, фрейлина, потомъ ст.-дама, т. V, 685.

Веригинъ, офицеръ 1827 г., т. VI, 264.

Веригинъ, К. Сообщ. замѣтку о фрейлинѣ и статсъ-дамѣ Веригинныхъ, т. V, 685.

Веригинъ, Фодотъ Мих. ген.-майоръ членъ воен. коллегіи при Екатеринѣ II, т. V, 685.

Верховская, Ольга Карл., т. VI, 146.

Верховскій, Влад. Ив. востромской исправникъ 1824 г., т. VI, 146.

Верховскій, Мих. Ив. веллужскій предводит. дворянства 1824 г., т. VI, 146.

Веселитскій, Серг. Гавр. ген.-лейт., т. VI, 2.

Веселовскій, Абрамъ Павл. русскій резидентъ въ Вѣнѣ 1715—1719 гг., эмигрировавшій потомъ изъ Россіи, р. 1685 † 1782 г., т. V, 893.

Веселовскій, В. И. Сообщ. замѣтку о первомъ знакомствѣ Гоголя съ Щепкинымъ, т. V, 282—283.

Весикинъ, курьеръ 1712 г., т. V, 924.

Вибкингъ, архитекторъ, т. V, 540.

Вигель, Ф. Ф. дѣйств. тайн. сов., управл. департ. духовн. дѣлъ иностран. исповѣданій, р. 1786 † 1856 г., т. V, 38.

Вигманъ, гданскій кунецъ 1717 г., т. V, 925, 926.

Вилкинскій, подполковникъ 1826 г., т. V, 725.

Виландъ, т. V, 698.

Виллие, баронетъ Ян. Вас. президентъ medico-хирургической академіи 1818—1824 гг. Путешествія его съ государемъ по Россіи 1824—1825 гг., т. V, 359—387; т. VI, 101, 108, 114, 115, 117, 120, 129, 151, 169. Отчаяніе по смерти имп., т. VI, 161. Неблагодарность въ отношеніи хирурга Тарасова, т. VI, 132, 141. Письмо

къ гр. Аракчееву, т. VI, 242. Упом. т. V, 698, т. VI, 142, 145, 147, 236, 238, 239.

Виллие, Л. М., медикъ 1824 г., т. V, 527.

Вильбоа, Францъ, ген.-фельдцейхмейст. 1717 г., т. V, 893, 897, 925, 926.

Вильсторъ, архитекторъ 1822 г., т. VI, 507.

Виндигероде, бар. Фердинандъ Фод. (Фердинандъ-Фридрихъ), генер. отъ кавалеріи, ген.-адъютантъ, р. 1770 † 1818 г., т. V, 650, 651, 691, т. VI, 617.

Виртембергскій, принцъ Адамъ, т. VI, 389, 390.

Виртембергскій, принцъ Александръ, т. V, 686, 693.

Витбергъ, Александръ Лаврентьев. академикъ, р. 1787 † 1855 г. Записки его, т. V, 16—32; 159—192; 519—576. Примѣчанія къ запискамъ, т. V, 577—582. Замѣтка о немъ Н. В. Берга, т. VI, 222—223.

Витбергъ, Анна Ив., т. V, 17.

Витбергъ, Елиз. Вас. рожд. Артемьева, т. V, 18.

Витбергъ, Лаврентій Самойлов. шведскій бюргеръ 1779 г. Письмо къ нему сына, 1818 г., т. V, 523—526. Упом. т. V, 17.

Витбергъ, Любовь Александр. Сообщ. свидѣнія объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16.

Витбергъ, Фодоръ Александр. Сообщ. свидѣнія объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16, 17. Уп. т. V, 523, 582.

Витгенштейнъ, кн. Петръ Христіанов. р. 1768 † 1843 г., т. V, 687, 689, 692, 695; т. VI, 52, 245, 494.

Витковский, А. Г., т. V, 733.

Витовтъ, вел. князь литовскій, † 1430 г., т. V, 271.

Виттъ, учитель технологич. института 1849 г., т. VI, 75.

Виттъ, графъ, корпусн. командиръ 1831 г. Участіе его въ польской кампаніи, т. VI, 330, 349, 350, 365, 367, 370, 372.

Витцека, бургомистръ 1704 г., т. V, 909.

Виткевецкій, польскій князь 1707 г., т. V, 828, 839, 834.

Влакопольскій, (Веленпольскій), депутатъ отъ временнаго варшавск. правительства въ Лондонъ 1831 г., т. VI, 23.

Власовъ, донской наказной атаманъ 1825 г., т. VI, 106, 106.

Восажъ, г-жа, т. V, 261.

Восейкова, В. Н., рожд. Львова. О сохранившемся у нея портретѣ Хемницера, т. V, 224.

Восейковъ, помѣщикъ 1830-хъ гг., т. V, 633.

Восейковъ, 1720-хъ гг., т. VI, 564.

Восейковъ, Александръ Фед., писатель, р. 1773 † 1839 г. Замятка объ отношеніяхъ его къ Н. М. Карамзину, т. V, 147—148. Упом. т. V, 41; т. VI, 578, 582.

Восейковъ, Алексѣй Вас., флигель-адъютантъ 1811 г., потомъ генер.-майоръ, р. 1778 † 1825 г. Отзвѣтъ о немъ кн. Голицычева - Кутузова, т. V, 262. Упом. т. V, 659.

Восейковъ, Левъ Фед., по прозв. Бобръ, полковникъ, 1723 г., т. V, 876, 877.

Восейковъ, Никол. Павл., адъютантъ при А. П. Ермоловѣ 1825 г., т. VI, 521.

Восиковъ, П. В., полковой священникъ 1831 г., т. VI, 225, 228, 547.

Войновичъ, гр. Марко, контръ-адмиралъ 1788 г., вносльдствіи адмиралъ и директоръ черноморскихъ училищъ, † 1808. Разсказъ о томъ, какъ получилъ онъ графское достоинство, т. V, 144.

Войцеховичъ, А. И. Сообщ. резолюцію архіепископа Иринея, т. V, 477—478.

Волковъ, домовладѣлецъ, т. V, 465.

Волковъ, ген.-майоръ 1722 г., т. V, 797.

Волковъ, художникъ, т. V, 962.

Волковъ, Алексѣй, подъячій 1704 г., т. V, 884, 911.

Волковъ, А. Ф., т. VI, 406.

Волковъ, Григорій, секретарь 1715 г., т. V, 825, 882, 885.

Волковъ, Дмитр. Вас., тайный секретарь Петра III, † 1785 г., т. VI, 568.

Волковъ, Н. Д., правовѣдъ 1760-хъ гг., т. VI, 574.

Волкозская, княгиня, т. V, 887.

Волкозская, кн. Александра Никол.,

рожд. кн. Репнина, р. 1737 † 1834 г., т. V, 959.

Волкозская, кн. Варв. Мих., имперь-фрейлина, р. 1778 † 1866 г. Прѣбываніе ея въ свѣтѣ кн. Елизаветы Алексѣевны въ Таганрогѣ 1825 г., т. VI, 102, 103, 104, 130.

Волкозскій, кн. Мих. Никит., рев.-аппефъ, москов. главнокомандующій, р. 1713 † 1789 г. Разсказъ его объ анжюеніяхъ Екатерины II къ Ю. Ю. фонъ-Броуну, т. V, 130. Разсказъ о немъ, т. V, 132. Упом. т. V, 772.

Волконскій, кн. Никол. Серг., ген. отъ инфант., р. 1753 † 1821 г. Разсказы его: 1) о первомъ свиданіи Екатерины II съ Іосифомъ II, т. V, 136—137; 2) о вниманіи императрицы къ Перекунской, т. V, 142. Отзвѣтъ его о гр. А. Р. Воронцовѣ, т. V, 146—147. Разсказы объ А. Ю. Нелединскомъ, т. V, 675—676. Упом. т. V, 132.

Волконскій, кн. П. Д. Сообщ. письма А. П. Ермолова къ П. А. Кибину 1817—1832 гг., т. VI, 501—537.

Волконскій, кн. Петръ Мих., мин. двора и фельдмаршалъ, р. 1776 † 1852 г. Путешествіе его въ Таганрогъ въ свѣтѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны, 1825 г., т. VI, 102, 104, 109, 125, 127, 128, 129, 153, 156, 158. Письмо къ нему Ермолова, 1820 г., т. VI, 498—499. Упом. т. V, 261, 265, 639, 650—652; т. VI, 262, 360, 514, 540, 541, 644.

Волконскій, кн. Федоръ, 1715 г., т. V, 884.

Вольскій, докторъ 1827 г., т. VI, 532, 533, 534, 536.

Вольтеръ (François-Marie-Arouet), франц. писатель, р. 1694 † 1778 г. Свидѣтельство его объ обрадахъ, сопровождавшихъ избраніе папы, т. V, 865. Упом. т. V, 226, 231, 346, 614, 616.

Волынский, Артемій Петр. Свѣдѣнія о первой служебной дѣятельности его, т. V, 934—936. Переданный имъ фельдм. Шереметеву приказъ Петра Великаго 1711 г., т. V, 936. Письма его къ Мещникову и Шереметеву, т. V, 936—937. Извѣстіе о недочетѣ въ присланной съ

никъ казѣ, т. V, 938 — 941. Цисьяма къ бар. П. П. Шафирову, т. V, 948. Обьъ общахъ, нанесенныхъ имъ къ Мещерскому, т. V, 949—951. Упом. т. VI, 687.

Ворошикинъ, Анд. Никифор., профессор-преподаватель архитектуры въ Академіи Художествъ, строитель Казанскаго собора, р. 1760 † 1814 г. Записка о немъ, т. V, 519—520. Упом. т. V, 165, 174, 544, т. VI, 97.

Вороновъ, А. С. Составленный имъ некрологъ С. Н. Палазуова, т. VI, 471—473.

Воронова, графиня, т. V, 579.

Вороновъ, гр. Побѣды его въ Польшѣ 1813 г., т. V, 691.

Вороновъ, гр. Александръ Роман., государств. канцлеръ, р. 1741 † 1806 г. Отзывъ о немъ кн. Н. С. Волконскаго, т. V, 146—147. Отношенія его къ А. Н. Радищеву, т. VI, 576—580. Упом. т. VI, 88, 414, 628.

Вороновъ, гр. Мих. Иларіон., государств. канцлеръ, р. 1714 † 1767 г., т. V, 227.

Вороновъ, гр. Мих. Семен., ген. отъ инфантеріи, ген.-адъютантъ, намѣстникъ кавказскій, р. 1781 г., т. V, 31, 432, 434, 437, 440, 442, 446, 448, 454, 661, 667; т. VI, 109, 111, 112, 150, 160, 206, 296, 314, 542, 543, 545.

Вороновъ-Дашковъ, гр. Ив. Илар., дѣйств. тайн. сов., оберъ-церемониймейстеръ, членъ госуд. совѣта, управлявшій 4-ю экспедиціею мин — ства иностр. дѣлъ, р. 1790 † 1854 г., т. VI, 682.

Воротниковъ, воспитанн. театральн. училища 1822 г., т. V, 424.

Врангель, 1854 г., т. V, 447.

Врангель, бар. Елизавета, рожд. бар. Россильовъ, т. V, 403.

Врангель, бар. Фердинандъ Петров., ген.-адъют., адмиралъ и членъ государ. совѣта, † 1870 г. Биографическій очеркъ его, т. V, 389—418. Уп. т. V, 392, 684.

Вревскій, бар. Пав. Александр., ген.-адъютантъ, р. 1810 г., уб. въ Крыму 1855 г. Записка къ нему императора Николая Павловича 1854 г., т. VI, 605—606.

Вреде, шведскій графъ 1830 г., т. VI, 232.

Врюки, П. И. Сообщ. документы, относящіеся до Дябича, Ермолова и Паскевича, т. V, 706; т. VI, 89 и 243.

Вронченко, гр. Фед. Павл., дѣйств. тайн. сов., министръ финансовъ, † 1852 г., т. VI, 206.

Всезоложскій, Никита Всеволодов., камеръ-юнкеръ 1818 г., вносил. дѣйств. стат. сов. и егермейстеръ, т. VI, 304, 306.

Вульфбергъ, учитель швед. языка, т. VI, 231.

Вульфъ, гв. офицеръ, при Павлѣ I т. VI, 96.

Вуддесъ, Іоганнъ, оружейникъ, т. V, 330.

Вурмверъ, т. VI, 347.

Вырубовъ, Петръ Ив., камергеръ, потомъ дѣйств. тайн. совѣтн. и сенаторъ, † 1804 г., т. V, 131.

Высоцкій, Петръ Егоров., т. V, 463.

Вяземская, княгиня, т. V, 696.

Вяземскій, кн. Александръ Алексѣев., дѣйств. тайн. сов. и ген.-прокуроръ, р. 1727 † 1793 г., т. V, 146, 767.

Вяземскій, кн. Петръ Андр., писатель, р. 1792 г., т. VI, 573.

Вязмитиновъ, 1813 г., т. V, 692.

Вятковский, Фед. Фед., гв. поручикъ 1777 г., т. V, 615.

Г.

Габербиръ, музыкантъ 1841 г., т. V, 312.

Габлицъ, писатель, т. V, 661.

Гавриловъ, С. Н. Сообщ. списокъ съ курьезныхъ прошеній штатнаго смотрителя сѣвскихъ училищъ Шелкова, 1829 г., т. VI, 444 — 448.

Гавриилъ, с.-петербургскій митрополитъ 1796 г., т. V, 80, 493.

Гавриилъ, митрополитъ вилниевскій 1817 г. Сообщенія ему цесовищ. Амвросіемъ распоряженія о книгахъ для духовнаго юношества, т. VI, 582.

Гагарина, кн. Анна Петр., рожд. кн. Лопухина, р. 1777 † 1805 г., т. V, 280, 241, 255, 635.

Гагаринъ, князь, т. V, 579.

Гагаринъ, кн. Ив. Алексѣев., дѣйств.

тайн. сов. и штабмейст., р. 1771 † 1832 г., т. VI, 289, 606, 700.

Гагаринъ, кн. Матв. Петр., сибирскій губернаторъ, † 1721 г. Письма его къ А. Д. Меншикову 1708 г., т. V, 917—918. Упом. т. VI, 595.

Гагаринъ, кн. Пав. Павл., членъ государств. сов. и предсѣдат. департ. законовъ, р. 1789 † 1872 г. Некрологъ его, т. V, 518. Упом. т. VI, 71, 72.

Гагаринъ, кн. Серг. Вас., дѣйств. тайн. сов. и штабмейстеръ, † 1782 г., т. V, 772.

Гайднъ, композиторъ, т. V, 426.

Гажикъ-Паша, главнокомандующій турецкой арміей, т. VI, 334.

Галлуа, франц. офиц. 1831 г., т. VI, 37.

Галамизнъ, т. V, 814.

Гамалей, С. А. мартинистъ, другъ и сподвижникъ Н. И. Новикова. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 560—567.

Гамба, (Chevalier de Gamba), авторъ соч. «Voyage dans la Russie méridionale» etc, т. VI, 503.

Гампльтонъ, Томасъ, капитанъ 1704 г., т. V, 908, 910.

Ганнибалъ, Ив. Абрам., строитель гор. Херсона, т. V, 605, 616.

Гарденбергъ, 1813 г., т. V, 692.

Гардинъ, Карлъ-Иоаннъ, швед. поручикъ 1791 г., т. VI, 417.

Гарювенко, воспитатель морск. кадет. корпуса ок. 1815 г., т. V, 391.

Гарновскій, домовладѣлецъ 1841 г., т. V, 318.

Гарновскій, воен. совѣтникъ. Повелѣніе императ. Павла объ отдачѣ его подъ судъ, 1797 г., т. V, 237—238.

Гаррисъ, (лордъ Малмсбѣри), англійск. посланникъ при Екатеринѣ II, т. V, 219.

Гартвицъ, авторъ, соч. «Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ», т. V, 398.

Гаршинъ, генералъ 1818 г., т. V, 533.

Гарцонъ, венеціанскій посланникъ въ Смирнѣ 1782 г., т. V, 618.

Гассанъ-Ханъ, защитникъ Эривани 1828 г., т. VI, 334.

Гаузенъ, Гаспаръ, т. V, 684.

Гаузе, графиня, т. VI, 389.

Гваренги, архитект., академикъ 1815 г., т. V, 168, 174.

Гвидо-Рени, живописецъ, т. V, 544.

Гедесковъ, театральн. цензоръ 1841 г., т. V, 322—323.

Гедесковъ, Мих. Александр., директоръ с.-петерб. театровъ 1841 г., т. V, 322—323.

Гедерштернъ, А. К., дѣйств. стат. сов. 1849 г., т. VI, 71.

Гейденъ, гр. Логияъ Петр. (Людвигъ), адмиралъ, ревельскій воен. губернаторъ и главный командиръ ревельскаго порта, р. 1772 † 1850 г. О побѣдѣ его подъ Навариномъ, т. V, 400.

Гейке, ген.-майоръ 1707 г., т. V, 840.

Гейлицъ, баронъ, статск. сов. прусск. службы, 1777 г., т. V, 615.

Гейкове, генералъ-лейтенантъ 1707 г., т. V, 828.

Геймаръ, бранецъ, генер.-адъютантъ, командовавшій отрядомъ въ польскую кампанію 1831 г., т. VI, 320, 332, 350—355, 366, 367, 372, 373, 375.

Гелертъ, писатель, т. V, 230—231.

Гельгудъ, командиръ пѣхотн. бригады 1831 г., т. VI, 20, 28.

Генрихъ II, король англійскій, т. V, 323.

Генрихъ IV, франц. король, т. V, 602.

Герарди, привратникъ, т. V, 577.

Герасимовъ, Ив., слобожанинъ 1711 г., т. V, 940.

Герлахъ, Георгъ-Карлъ, живописецъ 1803 г., т. V, 543, 579.

Герлахъ, Христина-Альбертина, рожд. Витбергъ, т. V, 579.

Герддорфъ-фонъ, Давидъ, поручикъ 1704 г., т. V, 906.

Герценъ, Александр. Александр., т. VI, 612.

Герценъ, Александръ Иван., писатель (Искандеръ). Родители его, т. VI, 611. Его рожденіе, т. VI, 611. Дѣтскіе годы въ домѣ отца, т. VI, 619—621, 634—639. Характеръ, т. VI, 640. Любознательность, т. VI, 643—644. Отношенія къ отцу, т. VI, 632—634, 637, 638. Замятки его о жизни А. А. и Л. А. Яковлевыхъ и характеръ отца, т. VI, 628—632. О замяткѣ его объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16. По поводу отношеній его

къ Витбергу, т. V, 590—592. Упом. т. V, 531, 544, 554; т. VI, 610, 690, 647.

Герценъ, Егоръ Ив. Отношенія къ нему отца, т. VI, 612. Упом. т. V, 561, 582.

Гессель-Гомбургскій, ландгр. 1736 г., т. V, 800, 801.

Гете, нѣмецкій поэтъ, т. V, 698.

Гивенъ, баронъ, 1715 г., т. V, 885.

Гильдебрандтъ, П. А., т. VI, 464, 467, 684.

Гильфердингъ, Александръ Фед., помощникъ статсъ-секретаря, председатель этнографич. отдѣленія Русскаго Географическаго Общества, предс. Благотв. Слав. Комитета, р. 1831 † 1872 г. Биографическія свѣдѣнія о немъ, обзоръ его дѣятельности и извѣстія о его кончинѣ и погребеніи, т. VI, 452—470, Поправка 606. Воспоминанія крестьянина Касьянова, т. VI, 694—698. Сообщ. свѣдѣнія о Рябининѣ и записанныя со словъ его русскія былинны, т. V, 497—517. Упом. т. VI, 684.

Гильфердингъ, В. Ф., урожд. Ридель, хирургъ А. Ф., т. VI, 455, 468, 697.

Гильфердингъ, Фед. Иван., директоръ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ царства польскаго кн. Паскевичѣ, т. VI, 453.

Гинтеръ, генералъ 1707 г., т. VI, 666.

Гладкій, Ив. Вас., с.-петерб. оберъ-полиціймейстеръ, т. V, 474.

Глинва, Марья Петр., рожд. Иванова, т. V, 316.

Глинка, Мих. Ив., композиторъ, р. 1804 † 1857 г. Письма его къ В. Ф. Ширкову и програмы либретто оперы «Руслакъ и Людмила», т. V, 300—329. О подпискѣ на памятникъ ему, т. V, 330.

Глинка, Федоръ Николаев., писатель. Экспромтъ его Ермолову и отвѣтъ ему М. А. Дмитриева, т. VI, 539—540. Упом. т. V, 775, 779; т. VI, 597, 602.

Глинскій, кн. Вас. Львовичъ, по прозванію Слѣпой, т. V, 272.

Глинскій, кн. Мих. Львов., литовскій вельможа, † 1534 г. Замѣтка о немъ и дума по поводу его Рыбѣва, т. V, 271—275.

Глинъ, англичанинъ, механикъ-напильникъ 1820 г., т. VI, 230.

Глотовъ, Герасимъ, правитель канцеляріи 1711 г., т. V, 938.

Глѣбова, госпожа, т. V, 837.

Глѣбова, Марія Симон., рожд. Гендрикова, вдова Чоголова, т. V, 674.

Глѣбовъ, полковникъ 1777 г., т. V, 614.

Глѣбовъ, Александръ Ив., ген.-крюгсъ-коммиссаръ и ген.-прокуроръ сената, потомъ ген.-аншефъ, р. 1718 † 1790 г. Исторія его возвышенія и паденія, т. V, 674—675. Упом. т. V, 568.

Глѣбовъ, Василій, 1723 г., т. V, 876, 887.

Глѣбовъ, Мих. Ив., окошничій при Петрѣ Великомъ, т. V, 883.

Глѣбовъ, Пав. Ив., т. VI, 289.

Глѣбовъ, Федоръ, 1715 г., т. V, 885.

Гоголь, флигель-адъютантъ 1831 г., т. V, 478.

Гогорь, Никол. Вас., писатель. Отрывки и варианты изъ его поэмы «Мертвья Души», т. V, 87—117. Воспоминанія о немъ Берга, т. V, 118—128. Первое знакомство его съ Щепкинымъ, т. V, 282—283. Мнѣніе о немъ Булгарина, т. V, 481—482. Письмо къ И. И. Сосницкому о постановкѣ «Ревизора», 1846 г., т. VI, 441—444. Упом. т. V, 730; т. VI, 700, 701.

Годефрова, фельдшеръ 1825 г., т. VI, 112, 118.

Годефруа, поручикъ 1824 г., т. V, 357, 377.

Годуновъ, Борисъ, царь, † 1605 г., т. V, 333, т. VI, 687.

Годуновъ, Дмитр. Иван., бояринъ, т. V, 331.

Годуновъ, Федоръ Борисов., царь, † 1605 г., т. V, 333.

Голенищева-Жутузова, Анна Мих., въ замуж. Хитрово, р. 1782 † 1846 г., т. V, 259, 264, 692, 693, 698.

Голенищева-Жутузова, Дарія Илларион. Пожалованіе ей пенсія, 1813 г., т. V, 695.

Голенищева-Жутузова, Дарія Мих., въ замуж. Опочнина, р. 1788 † 1854 г., т. V, 259, 260, 261, 262, 268, 654, 657—660, 688, 690, 693, 697.

Голенищева-Жутузова, Екат. Мих., въ перв. замуж. кн. Кудашева, во 2-мъ—Сарачинская, р. 1787 † 1826 г., т. V, 269, 282, 648, 651, 657, 687, 699, 692, 696.

Голенищева-Жутузова, Елиз. Мих.,

въ 1-мъ замуж. гр. Тизенгаузенъ, а во 2-мъ — Хитрово, р. 1783 † 1839 г., т. V, 259, 260, 262, 264, 466, 651, 657, 689, 695.

Голенищева-Кутузова, Праск. Мих., въ замуж. Толстая, р. 1777 † 1844 г., т. V, 259, 260, 347, 698.

Голенищева-Кутузова-Смоленская, кн. Екат. Ильинич., рожд. Бибилова, род. 1754 † 1824 г. Письма къ ней мужа 1810—1812 гг., т. V, 257—269, 647—660, 687—698. Письма къ ней Г. де-Сталь, 1812—1813 гг., т. V, 698—706. Упом. т. V, 347, 781.

Голенищевъ, Мих. 1715 г., т. V, 884.

Голенищевъ-Кутузовъ, Ив. Логин., адмиралъ, р. 1729 † 1802 г., т. V, 260.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. Мих. Илар., фельдмаршалъ, р. 1745 † 1813 г. Сѣтованія на него Наполеона т. VI, 615. Письма его къ женѣ 1810—1812 гг., т. V, 227—269; 647—660; 687—698. Письма къ нему маршалка Пусловскаго 1813 г., т. VI, 148—149. Отношенія къ Ермолу, т. VI, 479. Характеристика, т. VI, 358. Записка о потомкахъ его, т. V, 346—347. По поводу изданія его бумагъ, т. V, 781—783. Упом. т. V, 149, 182, 252, 700—705; т. VI, 355, 408, 426.

Голенищевъ - Кутузовъ - Толстой, Пав. Матв., ген.-майоръ, р. 1800 г. По поводу заявленія его противъ изданія писемъ кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, т. V, 781—783. Упом. т. V, 347.

Голыновъ, Ив. Ив., писатель. Семлики на соч. его «Дѣявія Петра Великаго», т. V, 857—860, 880. Разсказъ его о свадьбѣ Зотова, князь-папъ, 1715 г., т. V, 881—890.

Голицына, кн. Анаст. Петр., рожд. Прозоровская, р. 1655 † 1729 г., придворная шутиха, т. V, 876, 879.

Голицына, кн. Анна Матв., рожд. Толстая, т. V, 347.

Голицына, кн. Варв. Вас., рожд. Энгельгардтъ, р. 1757 † 1815 г., т. V, 769.

Голицына, кн. Тат. Борис., рожд. кн. Куракина, р. 1696 † 1757 г., т. VI, 560.

Голицынъ, князь 1813 г., т. V, 689, 698.

Голицынъ, кн. Александр. Мих., ген.-фельдмаршалъ, р. 1718 † 1783 г., т. V, 218.

Голицынъ, кн. Александр. Мих., вице-канцлеръ и вице-президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, потомъ оберъ-камергеръ, р. 1728 † 1807 г., т. V, 679. т. VI, 690.

Голицынъ, кн. Александръ Никол., оберъ-прокуроръ синода 1815 г., впоследствии министръ народн. просвѣщ., р. 1773 † 1844 г. Покровительство его А. Л. Витбергу, т. V, 160, 161, 164, 165, 168, 169, 172—174, 177—181, 185, 186, 522, 526, 532. Назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія 1818 г., т. V, 534. Рескриптъ по поводу строенія храма Христа Спасителя 1820 г., т. V, 539. Упом. т. V, 533, 538, 542, 577; т. VI, 45, 102, 137—141.

Голицынъ, кн. Александр. Фед., статсъ-секретарь, членъ государственн. совѣта 1849 г., р. 1796 г., т. V, 71, 80.

Голицынъ, кн. Алексѣй Вас., род. 1832 г., т. VI, 409.

Голицынъ, кн. Борисъ Алексѣевичъ, (во ипеч. Боголюбъ), бояринъ, р. 1654 † 1714 г., т. V, 792.

Голицынъ, кн. Вас. Серг., камергеръ, р. 1792 г., т. VI, 409.

Голицынъ, кн. Дмитрій Алексѣев., 1715 г. Письмо его къ кн. Меншикову, 1704 г., т. V, 913—914. Упом. т. V, 883.

Голицынъ, кн. Дмитр. Влад., ген. отъ кавал., москов. генер.-губернаторъ, род. 1771 † 1844 г. Распоряженія его при встрѣчѣ тѣла императ. Александра I въ Москвѣ, т. VI, 134—135. Упом. т. V, 339, 628; т. VI, 364.

Голицынъ, кн. Дмитрій Мих., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, кievскій губернат. и членъ верховн. тайн. совѣта, р. 1665 † 1738 г., т. V, 935, 937; т. VI, 560.

Голицынъ, кн. М. А., придворн. шутъ 1740 г., т. V, 862.

Голицынъ, кн. Михаилъ, убитъ подъ Ландсбергомъ 1807 г., т. VI, 314.

Голицынъ, кн. Мих. Мих. старшій, фельдмаршалъ, членъ верховн. тайн. совѣта, р. 1674 † 1730 г., т. VI, 560.

Голицынъ, кн. Мих. Мих. младшій, ген.-адмиралъ, р. 1684 † 1764 г., т. V, 793, 796, 797.

Голицыны, кн. Мих. Мих., генер-майоръ, р. 1793 г., т. VI, 409, 606.

Голицыны, кн. Мих. Никол., тайн. сов., ярославскій губернаторъ, р. 1756 † 1827 г., т. VI, 95.

Голицыны, кн. Петръ Алексѣев., сенаторъ, архангельскій губернаторъ, род. 1660 † 1722 г., т. V, 635, 636, 883.

Голицыны, кн. Сергѣй Мих., поочетель московск. университета 1840 г., т. VI, 647.

Голицыны, кн. Серг. Фед., ген. отъ инфантеріи, членъ госуд. совѣта, р. 1748 † 1810 г., т. V, 769.

Голицыны, кн. Юрій Никол., извѣстный учредитель вокальныхъ концертовъ, р. 1823 † 1872 г., т. VI, 684.

Голицыны, кн. Фед. Алексѣев., р. 1668 † 1736 г., т. V, 884.

Головина, госпожа 1715 г., т. V, 887.

Головинъ, генералъ 1846 г., т. V, 439.

Головинъ, Василій, 1715 г., т. V, 886.

Головинъ, Ив. Мих., адмир., † 1738 г., т. V, 900.

Головинъ, Матвѣй Алексѣев., † 1725 г., т. V, 876, 877.

Головинъ, гр. Фед. Алексѣев., бояринъ, фельдмаршалъ, генер.-адмиралъ и президентъ посольскихъ дѣлъ, род. 1650 † 1706 г., т. V, 799, 851, 895, 902, 909, 956.

Головины, ген.-майоры 1713 г., т. V, 796, 885.

Головина, графиня 1715 г., т. V, 887

Головина, Домна Андр., т. V, 798.

Головинъ, гр. Александр. Гаврил. дѣйств. тайн. сов., † 1760 г., т. VI, 560

Головинъ, гр. Гавр. Ив., канцлеръ, р. 1660 † 1734 г. Письмо его 1713 г., т. V, 926—929. Упом. т. V, 794, 798, 799, 801, 882, 883, 888, 935, 944.

Головинъ, В. М., капитанъ, потомъ ген.-интендантъ 1824 г. Путешествіе его вокругъ свѣта, 1816 г., т. V, 394—396. Упом. т. V, 400.

Головцыны, стат. сов. 1797 г., т. V, 237.

Голохвастова, Елиз. Алексѣев., рожд. Явонлева, т. VI, 624, 636, 642, 644, 645.

Голохвастова, Нат. Павл., въ замуж. Шатилова, т. VI, 642, 645.

Голохвастовъ, Дмитр. Павл., внослѣд. тайн. сов. и попечитель московск. университета, † 1849 г. Характеристика его, т. VI, 645—648. Упом. т. VI, 642.

Голохвастовъ, Никол. Павл. Характеристическія замѣтки о немъ, т. VI, 645—646. Упом. т. VI, 642.

Голохвастовъ, Пав. Ив., дѣйств. ст. сов., † 1812 г. Ограбленіе его французами въ 1812 г., т. VI, 613—614, 617. Упом. т. VI, 619, 622, 641.

Гольвель (Holwell), секретарь прусскаго посольства 1707 г., т. V, 812.

Гольцъ, ген.-майоръ 1712 г., т. V, 922.

Гончаровъ, Ив. Ал., писатель, т. V, 417.

Горбуновъ, К., литографъ, т. V, 119, т. VI, 633.

Горбуновъ, Ив. Фед., артистъ. Сообщенія Кулибина къ дѣтямъ 1802 г., т. V, 583—584; 773—774. Дополненія къ «Маюру» Федотова, т. VI, 208. Письмо Гоголя къ Сосницкому о постановкѣ «Ревизора» 1846 г., т. VI, 441—444.

Гордонъ, вице-адмиралъ 1723 г., т. V, 36.

Гордѣевъ, Фед. Горд., ректоръ Акад. Художествъ, скульпторъ, † 1810 г., т. V, 545, 579.

Горъ, ген.-майоръ, нарвскій комендантъ 1704 г., т. V, 798.

Горы, Клеменсъ, оружейникъ, т. V, 330.

Горчаковъ, кн. Алексѣй Ив., адъютантъ кн. Потемкина-Таврическаго, внослѣдствіи воен. министръ, р. 1769 г. Первое представленіе его императр. Екатеринѣ II, т. V, 144. Упом. т. V, 635; т. VI, 410.

Горчаковъ, кн. Анд. Ив., генер. отъ инфантеріи, р. 1776 г. Разказы его: 1) о Суворовѣ, т. VI, 675; 2) о князѣ П. Зубовѣ, т. VI, 676; и 3) о графѣ Платовѣ, т. VI, 677—678. Упом. т. VI, 409.

Горчаковъ, кн. Ив. Ром., генер.-поручикъ, р. 1716 † 1801 г., т. VI, 406, 409.

Горчаковъ, кн. Мих. Дмитр., генер. отъ артиллеріи, ген.-адъютантъ, главнокомандующій южною арміею, намѣстникъ Царства Польск., р. 1790 † 1861 г. Предсмертное письмо къ нему кн. Паскевича-Эриванскаго: мысли по поводу обо-

роны и паденія Севастополя, 1855 г., т. VI, 427—435, 604 — 605. Упом. т. V, 339, 452 — 453; т. VI, 365, 700.

Гослеръ, капитанъ-поручикъ 1715 г., т. V, 886.

Готовцовъ, Павелъ, т. V, 848, 925, 926.

Граббе, ген.-маіоръ, бригадный командиръ 1827 г., т. VI, 258, 259, 260, 348, 351, 354.

Граббе, членъ «Союза Благоденствія», 1821 г., т. VI, 595, 602.

Грабовскій, полковникъ 1777 г., т. V, 615.

Грабовскій, гр. Степанъ Ѳомичъ, ген.-лейт., потомъ дѣйств. тайн. сов., російскаго фисуд. совѣта членъ, статсъ-секретарь Царства Польскаго, р. 1767 † 1847 г., т. V, 385; т. VI, 17, 19, 35.

Граве, подполковникъ 1840 г., т. V, 959, 960.

Граве, Ю. И., жена предъидущаго, т. V, 959.

Гревенбухъ, иностранецъ, т. V, 334.

Грѣвъ, художникъ, т. V, 603.

Грейгъ, адмиралъ. Памятникъ, воздвигнутый ему по повелѣнію Екатерины II, т. V, 388. Упом. т. V, 145.

Грейгъ, адмиралъ 1825 г., т. VI, 113, 114, 150.

Грей, садовникъ и ботаникъ, т. VI, 109.

Грейкольдъ, т. V, 694.

Грековъ, бригадн. адъютантъ 1829 г., т. VI, 200.

Грековъ, командиръ одного изъ казачьихъ полковъ 1831 г., т. VI, 369—370.

Грековъ, ген.-маіоръ, † 1827 г., т. VI, 509, 522, 523.

Грековъ, Михаилъ, маіоръ, т. V, 439.

Гренвилъ, лордъ, т. VI, 628.

Гретбачъ, англ. граверъ, т. V, 959.

Гречъ, Никол. Ив., писатель, т. V, 482.

Грибовскій, М. К. Донесеніе его императору Александру I о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества 1821 г., т. VI, 601 — 602.

Грибовъ, Александръ, камердинеръ А. С. Грибоѣдова, т. V, 428 — 429.

Грибоѣдова, Анаст. Ѳед., т. VI, 204.

Грибоѣдова, Нина Александр., рожд.

кн. Чавчавадзе, † 1857 г., т. VI, 163, 173, 205.

Грибоѣдовъ, Александр. Серг., писатель, † 1829 г. Воспоминанія о немъ П. А. Карамзина, т. V, 423—430. Эпиграмма его на Карамзина, т. V, 766; т. VI, 296. Подробное описаніе трагической смерти его, т. VI, 163 — 207. Упом. т. V, 41; т. VI, 484, 625.

Гриве, лейбъ-медикъ. Пожалованіе ему императ. Павломъ дома, 1799 г., т. V, 256.

Гриве, Елизавета, рожд. Ташесъ, т. V, 256.

Гриве, Юганна, въ замуж. Монсей, т. V, 256.

Гриве, Яковъ, докторъ, р. 1708 † 1763 г., т. V, 256.

Григоровичъ, Вас. Иван., издатель «Журнала изящныхъ искусствъ», потомъ дѣйств. стат. сов., конференцъ-секретарь Академіи Худож. 1829 — 1859 гг., т. V, 531, 578.

Григоровичъ, Софья Ив., рожд. Мартошь, т. V, 578.

Григорьевъ, Апполонъ Александров., литераторъ. Епитафія ему, соч. Щербини, т. V, 155. Упом. т. V, 152.

Григорьевъ Васил., мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Григорьевъ, Г. Г., олонекскій губернаторъ, т. VI, 465.

Григорьевъ, Давидъ, слобожанинъ 1711 г., т. V, 940.

Григорьевъ, Иванъ, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Григорьевъ, Петръ Иван., актеръ и писатель, т. V, 424 — 425.

Григорьевъ, Ѳедоръ, сотскій 1831 г., т. VI, 555 — 558.

Гримъ, Егбертъ, англичанинъ, написавшій книгу о папессѣ Юваннѣ, т. V, 865.

Гротъ, Яв. Карл., академикъ. Статья его: баснописецъ Хемницеръ, т. V, 215—234. Примѣчанія къ баснямъ Хемницера, т. V, 588—594, 609. Упом. т. VI, 288, 406, 686.

Грохольская, Тат. Вас., рожд. кн. Шаховская, т. VI, 698.

Грохольскій, Мих. Григ. Письмо къ

нему св. Дмитрія Ростовскаго, 1709 г., т. VI, 292—293. Упом. т. VI, 698.

Грохольскій, Петръ Мих., дѣйств. стат. сов., военскій вице-губернаторъ 1799 г., т. VI, 698.

Грундъ, датскій посланникъ въ Россіи 1707 г., т. V, 844.

Губинъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 877, 884.

Гудовичъ, гр. Ив. Вас., ген.-фельд-маршалъ, р. 1741 † 1821 г., т. VI, 412.

Гудоновичъ, агентъ 1712 г., т. V, 921—922.

Гудфаль, 1704 г., т. V, 911.

Гуле, садовникъ, т. V, 668, 669.

Гулицъ, Андрей, ген.-маіоръ 1703 г., т. V, 953.

Гуріелъ, ген.-маіоръ, т. V, 465.

Гурзо, полковн. 1827 г., т. VI, 274, 279.

Гурлянда, домовладѣлецъ, т. VI, 212.

Гурьева, Мавра Антип., въ замуж. Якушина, любимая фрейлина императр. Елизаветы Петровны, т. VI, 666.

Гурьевъ, гр. Дмитр. Александр., мин. финансовъ, р. 1751 † 1825 г., т. V, 39, 40, 264, 535, 537, 538, 549, 579, 696; т. VI, 514, 524.

Гуссейтъ-Ага, главный началн. куртицовъ 1827 г., т. VI, 279.

Густавъ III, король шведскій, т. V, 580.

Густавъ-Адольфъ, король шведскій, т. V, 461—462, 537, 615.

Гусятникова, Нат. Ив., т. VI, 223.

Гуфландъ, извѣстный врачъ, т. V, 698.

Гюйонъ, венгерець, т. V, 447—449.

Гюссенъ, баронъ, учено-литературный агентъ русскаго правительства въ царствованіе Петра Великаго, т. VI, 689.

Д.

Давыдовичъ, т. VI, 347.

Даву, франц. маршалъ 1812 г., т. VI, 495.

Давыдова, госпожа, т. VI, 654.

Давыдова, Аглана Антон., рожд. герцогиня де-Грамонъ, во 2-мъ замужествѣ графиня Себастьянъ, т. V, 632, 633.

Давыдова, Александръ Вас., въ замуж. Бѣгичева, т. V, 626, 633.

Давыдова, Анна Андр., рожд. Болочева, т. V, 624.

Давыдова, Анна Вас., рожд. Лихачева, т. V, 625.

Давыдова, Екат. Никол., рожд. гр. Самойлова, въ 1-мъ замуж. Раевская, т. V, 624.

Давыдова, Екат. Никол., рожд. Ермолова, т. V, 625.

Давыдова, Елена Евдокимовна, рожд. Щербинина, т. V, 624.

Давыдова, Мавра Серг., т. V, 133.

Давыдова, Марія Денисовна, въ 1-мъ замуж. Каховская; во 2-мъ — Ермолова, т. V, 624.

Давыдова, Праск. Никол., рожд. Лопухина, т. V, 624.

Давыдова, Софія Никол., рожд. Чиркова, т. V, 636.

Давыдовъ, воспитат. морскаго кадет. корпуса, около 1815 г., т. V, 391.

Давыдовъ, Александръ Львов., генер.-маіоръ, т. V, 632, 634.

Давыдовъ, Вас. Денис., команд. полтав. легко-коннымъ полкомъ, бригадиръ, отецъ партизана, т. V, 624—625.

Давыдовъ, Вас. Денис. Составленный имъ біографическій очеркъ его отца — партизана Д. В. Давыдова, т. V, 624—639. Сообщ. записки своего отца: воспоминавія о польской войнѣ 1831 г., т. VI, 1—38; 309—390. Замѣтки по поводу этихъ записокъ, т. VI, 399—402.

Давыдовъ, Вас. Львов., полковникъ, декабристъ, † 1853 г., т. V, 632, 636, 637.

Давыдовъ, Влад. Денисов., т. V, 624.

Давыдовъ, Денисъ Вас., дѣдъ партизана, т. V, 624.

Давыдовъ, Денисъ Вас., ген.-лейтен. извѣстный партизанъ и поэтъ, род. 1784 † 1839 г. Біографическій очеркъ его, т. V, 624—639. Записки его: воспоминавія о польской войнѣ 1831 г., т. VI, 1—38; 309—390. Эпоха паденія Наполеона и приобрѣтеніе Россією герцогства Варшавскаго, 2. Намѣренія Александра I относительно приобрѣтеннаго края, 2—4. Дѣйствія его въ отношеніи нояковъ, 7—9. Послѣдство, 9—10. Зарожденіе мятежа и приготовленія къ возстанію, 10—15. Замыслы заговорщиковъ, 15—16.

Покушеніе на жизнь цесаревича, 16. Начало матажа и дѣйствія Совѣта правленія, 17—19. Хлопяцкій, 19. Переговоры цесаревича съ депутатами отъ Совѣта правленія, 19—21. Диктаторство Хлопяцкаго, 21—23; 32—34. Отступленіе цесаревича къ Пулавѣ, 23. Дѣйствія цесаревича и его отношенія къ полякамъ, 24—31. Паденіе Хлопяцкаго, 34—36. Составъ польской арміи, 36—37. Засѣданіе сейма и избраніе кн. М. Радзивилла главнокомандующимъ, 37—38. Учрежденіе національнаго правленія, 310. Составъ русской арміи, 310—311. Причины продолжительности войны 1831 г., 311—312; 319—324. Дибичъ—виновникъ этой продолжительности, 312—316. Дибичъ, Ермоловъ и Паскевичъ, 316—317. Взглядъ польскаго крестьянства на возстаніе шляхетства и духовенства, 324—325. Причины равнодушія крестьянъ къ возстанію, 325—327. Обзоръ мѣстъ военныхъ дѣйствій, 327—330. Рапорты Дибича, 330—332. Разборъ его плановъ и дѣйствій, 333—348. Прибытіе составителя записокъ въ главную квартиру, 348. Приемъ отъ главнокомандующаго и графа Толя, 348. Предписаніе Дибича партизану Давыдову, 349. Критическій разборъ этого предписанія, 350—354. Главная квартира въ Шеницѣ, 355—356. Непредставительность Дибича въ сравненіи съ другими русскими полководцами, 356—359. Нерасположеніе императора Николая Павловича къ Ермолову, 359—360; 362. Слухи объ Ермоловѣ въ Петербургѣ 1825 г., 360—361; 364. Опроверженіе Ермолова на доносъ Паскевича, 363—364. Слѣженіе Ермолова 1827 г., 364—365. Сраженіе при Милосѣ 1831 г., 367. Пріѣздъ Давыдова къ отряду, 367—368. Полковникъ Аврець, вполнѣдствіи графъ Аврець-Эльмйтъ, 368—369. Диспозиція войскъ своднаго корпуса, 369—370. Дѣйствія русскихъ и польскихъ войскъ, 370—385. Смерть Дибича, 385. Назначеніе Паскевича главнокомандующимъ, 385. Польская анархія, 385—387. Послѣднія дѣйствія русскихъ и окончаніе войны, 387—390. Замѣтки на приведенныя записки,

т. VI, 399—402. Письмо партизана Давыдова къ гр. Чернышеву 1831 г., т. VI, 403. Письмо его къ графу Толю 1831 г., т. VI, 404—405. Упом. т. V, 778; т. VI, 264, 477, 492, 523.

Давыдовъ, Денисъ Денисов., полковникъ, т. V, 638.

Давыдовъ, Дмитр. Денисов., т. V, 624.

Давыдовъ, Евдокимъ Вас., ген.-майоръ, т. V, 625, 630.

Давыдовъ, Ив. Ив., проф., визитаторъ народныхъ училищъ, вполнѣдствіи директоръ педагогическаго института. Жалоба на него смотрителя сѣвскихъ училищъ. Шелкова, 1829 г., т. VI, 445—446.

Давыдовъ, Левъ Васил., ген.-майоръ † 1848 г., т. V, 625.

Давыдовъ, Левъ Денисов., т. V, 624.

Давыдовъ, Никол. Денисов., т. V, 638.

Давыдовъ, Петръ Львов., гофмейстеръ, † 1842 г., т. V, 632.

Дадашъ-Бекъ, т. VI, 169, 180.

Даль, дѣйств. стат. сов., совѣтникъ таможенныхъ дѣлъ 1780 г. Отношенія его къ А. Н. Радищеву, т. VI, 578—579.

Даль, Влад. Ив., литераторъ, † 1872 г., т. VI, 684.

Дамаскинъ, (Дмитр. Семен. Рудневъ), архіеписк. нижегородскій 1784—1794 г. р. 1737 † 1795 г. Черта характера его, т. V, 139.

Даневскій, авторъ «Исторіи государственнаго совѣта», т. V, 472.

Данилевскій, Г. П. Сообщ. замѣтку по поводу столѣтія со дня рожденія основателя Харьковскаго университета В. Н. Каразина, т. VI, 294—296.

Данилевскій, Николай, авторъ: «Описанія смерти Александра I», т. VI, 158.

Даниловъ, ген.-лейтенантъ 1720-хъ гг., т. VI, 235.

Даниель-Бекъ, султанъ Елиускій, † 1871 г., т. V, 438.

Дарія Арчиловна, мелитивская царевна 1724 г., т. V, 801.

Дарья, служапка, т. VI, 289.

Дасаевъ, капитанъ. Истязаніе и убіеніе его военными поселянами 1831 г., т. VI, 548.

Дашкова, кн. Еватер. Роман., рожд.

гр. Воронцова, р. 1743 † 1810 г. Ея смѣлость, т. V, 130 — 131. Упом. т. V, 241; т. VI, 573.

Дашковъ, 1704 г., т. V, 913, 923.

Двѣрницкій, начальникъ польскихъ войскъ. Дѣйствія его въ польскую кампанію 1831 г., т. VI, 30, 338, 349—354, 366, 369—372, 375—378.

Деаля, Томасъ, оружейникъ, т. V, 331.

Де-Видель, капитанъ, т. V, 942.

Девисъ, архитекторъ, т. V, 174.

Девонширскій, герцогъ, т. V, 540.

Делль, Николай Юсифъ, академикъ 1740 г., т. VI, 689.

Деллинггаузенъ, бар. Ив. Федоровъ, флиг.-адъютантъ, впоследствии ген.-лейт. и ген.-адъютантъ, † 1845 г. Свидѣтельство о немъ Давыдова, т. VI, 380—381.

Делямаръ, провіантмейстеръ морскаго вѣдомства, т. V, 613.

Дембовскій, членъ совѣта временнаго правленія въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 19, 20.

Дембровскій, Кондратій, воспитанникъ театральн. училища, танцоръ, т. VI, 304, 305.

Демидовъ, мичманъ 1816 г., т. V, 394.

Демидовъ, Петръ, гв. прапорщ. 1801 г., т. V, 681.

Демьяновъ, Г. С. Сообщ. списокъ съ пѣсни «Гласъ вопіющаго въ поселеніяхъ», т. VI, 591.

Денгофъ, маршалъ польскихъ конфедератовъ 1707 г., т. V, 821.

Денисовъ, штабсъ-капитанъ. Истязаніе и убіеніе его военными поселянами 1831 г., т. VI, 548.

Денисовъ, Иванъ, 1723 г., т. V, 876

Денферъ, Августъ Ульянов., новгород. губернаторъ 1831 г., т. VI, 233, 554, 555, 557, 558.

Денъ 1-й, ген.-маіоръ, ген.-инженеръ 1831 г., т. VI, 311.

Депрерадовичъ, поручикъ 1827 г., т. VI, 261.

Де-Пуле, М. О. Сообщ. замѣтку о портретѣ Петра Великаго, находящемся въ Полтавѣ, т. V, 958 — 962. Упом. т. V, 787, 790.

Державинъ, Гавр. Романов., писатель.

Пререканія его съ Гарновскимъ, т. V, 237 — 238. Свидѣтельство о немъ Витберга, т. V, 552. Гнѣвъ имп. Павла, т. VI, 89. Упом. т. V, 216, 220, 222, 231, 233; т. VI, 288.

Джафаръ - Були - Ага, полковникъ, т. V, 718, 444.

Джафаръ - Були - Ханъ, пекинскій ханъ 1807 г., т. V, 717.

Джеваховъ, протоерей тифлискаго воен. госпиталя 1827 г. О наградѣ ему, т. VI, 500.

Дзеньковский, польскій генералъ. Дѣйствія его въ кампанію 1831 г., т. VI, 381, 382, 383, 385.

Дибичъ-Забалканскій, гр. Ив. Ив., фельдмаршалъ, р. 1785 † 1831 г. Путешествіе его въ свѣтъ государя внутрь Россіи 1824 г., т. V, 355—373. Путешествіе на югъ Россіи 1825 г., т. VI, 102—147. Поѣздка въ Варшаву 1825 г., т. V, 379—388. Письма къ нему Паскевича 1826 г., т. V, 708—709; т. VI, 41—43. Донесенія императору Николаю по дѣламъ Паскевича и Ермолова 1826—1827 гг., т. VI, 45—57, 64—68, 243—249, 253—255, 257—273, 279. Дѣйствія въ Грузіи и поступки въ отношеніи Ермолова, т. VI, 316—317, 485—487. Письмо Ермолова, т. VI, 43. Представленное Ермоловымъ мнѣніе на счетъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Персіи, т. VI, 249—253. Отвѣтъ Ермолову, т. VI, 253. Письмо къ гр. Толстому, т. VI, 256—257. Назначеніе главнокомандующимъ арміей въ войнѣ съ Польшею 1831 г., т. VI, 311. Характеристика его, т. VI: 312—316. Критическій разборъ его плановъ и дѣйствій во время польской кампаніи, т. VI, 318—220, 330—332, 335—357, 367, 373—385. Непредставительность его въ сравненіи съ другими русскими полководцами, т. VI, 356—357. Упом. т. V, 337, 342, 441, 706; т. VI, 36, 61, 849, 405, 475—477, 480, 514, 523, 530, 531, 699.

Дидло, балетмейстеръ 1816 г. Замѣтки о немъ П. А. Каратыгина, т. VI, 297—303.

Дидло, Карлъ, сынъ предыдущаго, танцовщикъ 1816 г., т. VI, 299.

Дидро, Денисъ, философъ XVIII стол., т. V, 346, 768.

Динжакоецъ, управляющій имѣніями
кн. Голенничева-Кутузова, т. V, 695, 698.

Дмитріева-Мамонова, Анна Иван.,
рожд. Боборыкина, р. 1723 † 1792 г., т. V,
143.

Дмитріевъ, Александръ, камердинеръ,
т. VI, 169.

Дмитріевъ, Ив. Ив., членъ государств.
совѣта, баснописецъ, † 1837 г., т. V, 24,
159, т. VI, 686.

Дмитріевъ, Мих. Александр., писа-
тель. Отвѣтъ его на экспромтъ Ѳ. Н.
Глинки Ермолову, т. VI, 540.

Дмитріевъ, С. А., поручикъ 1831 г.,
т. VI, 549.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александр.
Мать, любящая Екатерина II, р. 1758
† 1803 г., т. V, 14³.

Дмитрій, св. (Туитало), митрополитъ
Ростовскій. Письмо его къ отцу Θεологу,
т. V, 952. Письмо къ М. Г. Грохольскому,
т. VI, 292—293, Упом. т. VI, 698, 699.

Доббертъ-фонъ, медикъ 1825 г., т. VI,
104, 129, 155.

Добрынинъ, Гавр. Ив., р. 1752 † 1824 г.
Ссылка на его записки, т. V, 143.

Добрыньскій, вятскій граждан. губер-
наторъ. Отрѣшеніе его отъ должности
и преданіе суду за злоупотребленія по
управленію Вятской губерніей, 1824 г.,
т. V, 374.

Довъ, (Дау), художникъ-живописецъ,
членъ лондонской и с.-петерб. академіи
художествъ. О портретѣ, написанномъ
имъ съ Ермолова, т. VI, 519—520. Упом.
т. VI, 514.

Дож — ія. Сообщ. письма партизана
Давыдова къ гр. Чернышеву и гр. Толю
1831 г., т. VI, 403—405.

Дождовскій, Александръ, 1715 г.,
т. V, 885.

Долгово-Сабуровъ, полковн., бригад.
командиръ 1826 г., т. V, 712, 713, 722.

Долгорукой, князь 1810 г., т. V, 259,
688.

Долгорукой, князь 1707 г., т. V, 842.

Долгорукой, князь, полковой коман-
диръ 1799 г., т. V, 254.

Долгорукой, кн., ген.-майоръ 1829 г.,
т. VI, 199.

Долгорукой, князь, сенаторъ. Ревизія
его въ Вятѣ, 1824 г., т. V, 374.

Долгорукой, князь Вас. Андр., ген-
лейтен., ген.-адъютантъ, воен. министръ,
потомъ шефъ жандармовъ, р. 1804 г., т. VI,
71, 593.

Долгорукой, кн. Василій Вас., гвард.
майоръ 1777 г., т. V, 615.

Долгорукой, кн. Васил. Влад., ген-
фельдмарш., членъ верховн. тайн. совѣта,
р. 1667 † 1746 г., т. V, 798, 883, 935, 937;
т. VI, 560, 566.

Долгорукой, кн. Влад. Мих., 1704 г.,
т. V, 911.

Долгорукой, кн. Григорій Прохоров.,
1715 г., т. V, 883.

Долгорукой, кн. Григ. Ѳед., дѣйстви-
т. тайн. совѣтн., русскій посолъ въ Польшѣ,
р. 1657 † 1723 г. Письмо его къ барону
П. П. Шафирову 1719 г., т. V, 929. Упом.
т. V, 885; т. VI, 560.

Долгорукой, кн. Илья Андр., ген-
лейтен., ген.-адъютантъ, р. 1797 † 1848 г.,
т. V, 775, 779.

Долгорукой, кн. Мих. Влад., дѣйстви-
т. тайн. сов., членъ верхов. тайн. совѣта,
р. 1667 † 1750 г., т. V, 883.

Долгорукой, кн. Никол. Андр., ген-
отъ кавал., ген.-адъютантъ, полномочный
министръ при персидскомъ дворѣ, р. 1794
† 1847 г., т. VI, 48, 190, 191, 317.

Долгорукой, кн. П. В., издатель «Зап.
Давыдова» въ Лондонѣ, т. V, 639. Упом.
т. V, 463; т. VI, 698.

Долгорукой, кн. Петръ Никол., бри-
гадиръ, 1791 г., т. VI, 410—412, 418—420,
424, 425.

Долгорукой, кн. Петръ Петр., ген-
отъ инфантеріи, московскій губернаторъ,
р. 1744 † 1815 г., т. V, 672.

Долгорукой, кн. Серг. 1812 г., т. V, 656.

Долгорукой, кн. Юрій Влад., генер.
отъ инфантеріи, р. 1740 † 1830 г., т. VI,
407.

Долгорукой, кн. Як. Ѳед., бояринъ,
сенаторъ, р. 1639 † 1720 г., т. V, 850,
851, 883.

Долгорукой-Ерыжскій, кн. Василій
Мих., ген.-аншефъ, москов. главнокоман-
дующій, р. 1722 † 1782 г. Разсказъ о немъ,

т. V, 136, 138. Сожалѣніе о его смерти императрицы Екатерины II, т. V, 138—139. Поступокъ его въ отношеніи гр. З. Г. Чернышева, т. V, 772.

Долеръ, К. X., докторъ, т. VI, 238.

Долинскій, дѣйств. стат. сов. 1831 г., т. VI, 563.

Домауровъ, Мих. Ив., тайн. совѣтникъ, т. V, 686.

Доръ, франц. писатель, т. V, 231.

Доросей, новоспасскій архимандритъ 1724 г., т. V, 801.

Доссъ, Н. Ф., художн. съѣл. портр. Рябинина, т. V, 497.

Дохтуровъ, Дмитр. Серг., генер. отъ инфант., корпусный командиръ 1812 г., † 1816 г., т. VI, 70.

Друзицъ, полковникъ 1826 г., т. VI, 41.

Дружининъ, правитель канцеляріи минист. финансовъ 1819 г., т. V, 536; т. VI, 506.

Дружининъ, А. В., писатель, т. V, 733.

Друцкой-Любецкій, князь Ксаверій Францов., министр. финансовъ въ царствѣ польскомъ, потомъ членъ російск. государственнаго совѣта и дѣйств. тайн. сов., р. 1778 † 1846 г., т. V, 41.

Дубасовъ, Автамовъ 1724 г., т. V, 880, 881.

Дубельтъ, Леонтій Вас., начальникъ штаба корпуса жандармовъ. Письма его къ Булгарину о Н. А. Полевомъ, 1846 г., т. V, 299. Упом. т. V, 317, 318, 323; т. VI, 70, 71.

Дубенскій, учитель 1827 г., т. V, 293, 294.

Дубровинъ, Н. Ѳ., историкъ Кавказа. Примѣчаніе его къ донесеніямъ князя Паскевича, т. VI, 280. Поправка этого примѣчанія, т. VI, 699.

Дудышкинъ, Степ. Семен. Объ изданіи имъ стихотвореній Лермонтова, т. V, 284—286. 291.

Душинскій, губернский секретарь 1836 г., т., VI, 584

Думинъ, Г. А. Сообщ. списковъ «Маюра» Ѳедотова, т. VI, 208.

Дундузовъ-Борсаковъ, князь В. М., 1855 г., т. V, 451, 453.

Дурасовъ, Егоръ Александр., дѣйств.

тайн. сов. и сенаторъ, † 1855 г. Ревизія его въ Ваткѣ, 1824 г., т. V, 374.

Дурново, Мих. Дмитр. Разсказъ его объ императорѣ Павлѣ, т. VI, 90—91.

Дурново, Никол. Дмитр., генер. отъ инфантеріи, † 1816 г. Разсказъ о немъ, т. VI, 90—91.

Дуровъ, Сергѣй участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 74.

Дуровъ, Н. П. Сообщ. солдатскую сказку Ѳ. С. Чернышева, т. V, 970. Описание смерти Александра I, т. VI, 149—162.

Дьякова, Марія Алексѣев., въ замуж. Львова. Дружескія отношенія ея къ Хемницеру, т. V, 222—223.

Дьяковъ, т. V, 695.

Дьяковъ, Алексѣй Аванас., сенаторъ, оберъ-прокуроръ, 1780 г., т. V, 222.

Дыдымовъ, поручикъ 1861 г., т. VI, 598.

Дюбарри, фаворитка Людовика XV, т. V, 602.

Дюмонъ, воспитанница театральнаго училища 1816 г., в послѣд. жена актера Ефремова, т. VI, 302.

Дюръ, Николай Осип., в послѣд. пзвѣстный актеръ и комическій пѣвецъ. Замѣтка о немъ, т. V, 303. Упом. т. V, 430.

Дѣвель, Алексѣй, бургомистръ 1710 г., т. V, 940.

Е.

Евдокія Ѳедоровна, царица, первая жена Петра Великаго, р. 1669 † 1731 г.

Отношенія къ ней Петра и заключеніе ея въ монастырь, т. V, 803. Распоряженія Петра о ея постриженіи, т. VI, 671. Упом. т. VI, 665.

Еврейковъ, подполковн. 1827 г., т. VI, 261.

Европеусъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 74.

Европеусъ, Анна Иван., т. VI, 232.

Европеусъ, Ив. Исаков., докторъ. Воспоминанія его о службѣ въ военномъ поселеніи и объ отношеніяхъ къ гр. Аракчееву, т. VI, 225—241. Письма къ нему графа, т. VI, 241—242. Воспоминанія о бунтѣ военныхъ поселень 1831 г., т. VI, 547—558.

Егорова, Вѣра Иван., рожд. Мартосъ, т. V, 578.

Егоровъ, Алексѣй Егор., профессоръ живописи, р. 1776 † 1851 г., т. V, 532, 578.

Езерскій, депутатъ къ импер. Николаю отъ Варшавскаго временнаго правительства 1831 г., т. VI, 21, 32.

Екатерина I, императрица, т. V, 803, 892, 893, 894.

Екатерина II, императрица. Отношенія ея къ Н. С. Мордвинову, т. V, 37—38. Отправленіе въ Лейпцигъ молодыхъ людей для изученія правовѣдѣнія 1765 г., т. VI, 574. Учрежденіе новаго тарифа, т. VI, 579. Довѣріе къ А. Н. Радищеву, т. VI, 579. Повелѣніе объ именованіи перваго гренадерскаго полка—лейбъ-гренадерскимъ 1775 г., т. V, 247. Покровительство кн. Четвертинскимъ, т. V, 630. Докладъ сената о мѣстѣ для наматника Петру Великому, т. V, 957. Указъ сенату о ссылкѣ Радищева въ Сибирь 1790 г., т. VI, 436—437. Рассказы въ ея царствованія, т. V, 129—147; 457—468; 670—680; 767—772. Упом. т. V, 44, 173, 217, 218, 219, 224, 229, 236, 243, 244, 246, 251, 388, 468, 498, 575, 614, 661, 782; т. VI, 87, 88, 89, 90, 106, 111, 406, 487, 676, 686, 691.

Екатерина Іоанновна, царевна. Письма ея къ В. О. Салтыкову 1723 г., т. VI, 566—567. Упом. т. V, 798; 799; т. VI, 564.

Екатерина Павловна, принцесса Ольденбургская. Посѣщеніе ею Киевопечерскаго монастыря, т. VI, 286.

Евматовъ-Писаревъ, капитанъ-поручикъ. Указъ къ нему Петра Великаго о починкѣ судовъ, т. VI, 668, 669. Упом. т. VI, 665.

Евниковъ, Василій, сержантъ 1707 г., т. VI, 667.

Елагинъ, Ив. Перфильев., оберъ-гофмейстеръ и сенаторъ, писатель, р. 1725 † 1796 г., т. V, 466.

Елена Васильевна, великая княгиня, правительница, жена вел. кн. Василія III, рожд. княж. Глинская, † 1538 г. Отношенія ея къ дядѣ кн. М. Глинскому, т. V, 272.

Елена Павловна, великая княгиня, т. V, 251.

Елизавета Александровна, великая княжна, р. 1806 † 1809 г., т. VI, 285.

Елизавета Алексѣевна (Луиза-Марія-Августа), императрица, р. 1779 † 1826 г. Болѣзнь ея, т. V, 369, 378. Болѣзнь и путешествіе въ Таганрогъ 1825 г., т. VI, 100—103. Пребываніе въ Таганрогѣ, т. VI, 104. Заботливое вниманіе къ ней супруга, т. VI, 109. Болѣзнь его и уходъ за нимъ императрицы, т. VI, 124—127. Кончина императора, т. VI, 128. Самообладаніе государыни, т. VI, 128, 130, 131. Преданность ея Александру, т. VI, 287—288. Рассказъ о ней, т. VI, 676. Упом. т. V, 247; т. VI, 132.

Елизавета Петровна, императрица. Распоряженіе ея о портретѣ Петра Великаго, подаренномъ духовнику его Тимоѣю Надаржинскому, 1753 г., т. V, 956—957. Основаніе лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка 1756 г., т. V, 246. Пожалованіе Глѣбова оберъ-прокуроромъ сената, т. V, 674. Дарить письма Петра I-го фрейлинѣ Гурьеной, т. VI, 666. Упом. т. V, 129, 135, 140, 239, 245, 251, 799—801, 894, т. VI, 693.

Елустафьевъ, Илья, крестьян., т. V, 498, 499.

Еремѣевъ, Иванъ, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 939.

Ермакъ, былина о немъ, т. VI, 702.

Ермолаевъ, вятскій вице-губернаторъ 1824 г., т. V, 374.

Ермолай, попъ, г. VI, 696.

Ермолова, Марія Денис., рожд. Давидова, въ перв. замуж. Каховская, т. VI, 487.

Ермолова, Софія Алексѣев., т. V, 453.

Ермоловъ, Александръ Петров., генпоруч., фаворитъ Екатерины II, р. 1754 † 1836 г., т. V, 138, 140; т. VI, 88.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., генер. отъ артл., членъ гос. совѣта, р. 1777 † 1861 г. Обзоръ его служебной дѣятельности, т. VI, 478—486. Его наружность, нравъ, характеръ и своеобразность, т. VI, 487—490. Московская жизнь его, т. VI, 490. Примѣръ необычайной физическ. силы, т. VI, 490—491. Характеристика его, т. VI,

368 — 360. Донесенія императору Александру 1812 и 1820 гг., т. VI, 493—496; 497 — 498. Письмо къ Араичеву, т. VI, 496 — 497. Предписаніе дистанціонному комиссіонеру, т. VI, 497. Письмо къ кн. П. М. Волконскому, т. VI, 498—499. Генералу Паскевичу, т. VI, 499—500. Дежурному генералу главнаго штаба, т. VI, 500. Отношенія къ Дибичу и Паскевичу, т. VI, 40 — 58; 65 — 69; 243; 316 — 318; 348; 362; 475 — 477. Объ отношеніяхъ къ нему императора Николая, т. VI, 359 — 362. Письмо къ Дибичу, т. VI, 43. Объясненіе о 42-мъ егерскомъ полку, о полковникѣ Реутгѣ, почему крѣпость Шуша не была снабжена провіантомъ и о томъ, какимъ образомъ защита пограничной крѣпости была ввѣрена Изъянскому, т. VI, 58—60. Донесеніе императору Николаю, т. VI, 61 — 64. Представленное Дибичу мѣтвѣе о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Персіи, т. VI, 249 — 253; 255 — 256. Отвѣтъ Дибича, т. VI, 253. Слухи, распространяемые врагами его въ Петербургѣ, т. VI, 360—365. О доносахъ на него Паскевича, т. VI, 385—386. Опроверженіе на доносъ, т. VI, 363—364. Увольненіе отъ службы, т. VI, 267, 272. Предписаніе Бенкендорфу, т. VI, 277 — 278. Причины удаленія съ Кавказа, т. V, 706—726. Воспоминанія о немъ С. И. Храповицкаго, т. VI, 539—542. Письмо къ нему намѣстника кавказскаго Н. Н. Муравьева, 1855 г., т. VI, 542—543. Письмо къ Н. Г. Устрялову по поводу «Исторіи 20-ти-лѣтія царствов. императ. Николая», 1847 г., т. VI, 290—292. Письма къ кн. В. О. Бебутову, 1846—1857 гг., т. V, 431—456. Переписка съ П. А. Кикинымъ 1817—1832 гг., т. VI, 501 — 537. Упом. т. V, 8, 19, 41, 42, 624, 628, 632, 636, 637; т. VI, 243, 244, 258, 259, 261, 268, 280, 324, 377, 382, 492, 544, 606, 699.

Ермоловъ, Викторъ Алексѣев., офиц. 1854 г., сынъ Алек. Петр., т. V, 446, 448.

Ермоловъ, Клавдій Алексѣев., офицеръ 1846 г., сынъ Алексѣя Петр., т. V, 434, 435, 437, 442, 448 — 450; 452 — 454.

Ермоловъ, Н. П., г. VI, 476, 478, 483, 489.

Ермоловъ, Петръ Алексѣев., стат.

совѣтн., † 1832 г. Замятка о немъ, т. VI, 487. Упом. т. V, 624; т. VI, 492.

Ермоловъ, Северъ Алексѣев., офицеръ 1846 г., сынъ Алек. Петр., т. V, 434—438, 440.

Ермоловъ, Петръ Никол., ген.-майоръ, р. 1787 † 1844 г., т. V, 453.

Ермоловъ, Сергій Никол., ген.-майоръ тифлисскій ген.-губернаторъ, впослѣд. ген.-лейтенантъ, † 1856 г., т. V, 441, 442.

Еропкина, Софія Алексѣев. Рѣшеніе ишнер. Павломъ ея процесса съ Олсуфьевою, т. VI, 88.

Еропкинаъ — 1720-хъ гг., т. VI, 564, 565.

Еропкинаъ, Петръ Дмитр., ген.-аншефъ, москов. главнокомандующ., р. 1724 † 1806 г. Безкорыстіе его, т. V, 679—680.

Ершовъ, т. VI, 566.

Ершовъ, Василій. Донесеніе его кн. А. Д. Меншикову по дѣлу о воровствѣ Щукина, 1708 г., т. V, 915—917.

Есиповъ, Г. В. Сообщ. донес. о кладѣ Александра Македонскаго, т. V, 953—956. Повѣстїе Александра I объ обращеніи съ крестьянами 1802 г., т. VI, 281—283.

Ефремовъ, актеръ, т. VI, 302.

Ефремовъ, Петръ Александр., библіографъ. Сообщ. Стих. Рылѣва: думы, сатиру, посланія и юношескія стихотворенія, т. V, 62—67; 270—282; 640—648; 758—766. Сочиненія Лермонтова: стихотворенія, отрывки и письма, т. V, 84, 284 — 296. Замятку объ изд. сочиненій Лермонтова, т. V, 284—285. Стихотвореніе изъ альбома Щербини, т. V, 155 — 156. Примѣчаніе къ замѣткѣ о М. Ѳ. Орловѣ, т. V, 781. Некрологъ А. Н. Аванасьева, т. V, 787—790. Одинъ изъ списковъ: сказки Ѳ. С. Чернышева, т. V, 970. Заграничное изданіе «Майора» Ѳедотова, т. VI, 208, 209. Упом. т. V, 138, 147, 430, 966; т. VI, 438.

Ж.

Ж....., Екат. Вас., рожд. Патерсонъ. Разсказъ ея о посѣщеніи Александромъ I ея отца, т. VI, 145—148.

Жаандръ, Андрей Андр., т. V, 428.

Жахъ-Жахъ. Сообщ. Распоряженіе имп. Елизаветы о портретѣ Петра Великаго, подаренномъ Надаржинскому, т. V.

956—957. Докладъ сената Екатерины II о мѣстѣ для памятника Петру I, т. V, 957—958. Указъ Петра III синоду о соблюденіи правосудія 1762 г., т. VI, 567—568.

Ждановъ, Прохоръ Ив., учитель въ кадет. корпусѣ, т. VI, 289.

Желтухинъ, 1824 г., т. VI, 516.

Жеонловъ, (Jeonlow). Письма его къ кн. А. Д. Меншикову, 1704 г., т. V, 913—914.

Жеребцовъ Петръ Никол., генерал-лейтенантъ, т. VI, 289.

Жеромъ, (Иеронимъ Бонапартъ, братъ Наполеона I), король вестфальскій, т. VI, 611, 628.

Жиларди, Антонъ Рафанлов., архитекторъ, т. V, 529—577.

Жолѣвскій, польскій гетманъ 1610 г., т. V, 334, 337.

Жомини, бар. Генрихъ Вильямов., генерал-адъютантъ, ген. отъ инфантерій, членъ воен. коллегіи, военный писатель, р. 1773 г., т. VI, 6.

Жуковский, ген.-интендантъ 1826 г., т. V, 707; т. VI, 68, 259.

Жуковский, Вас. Андр., поэтъ, р. 1783 † 1852 г. Отрывокъ изъ его стихотв. на рожденіе в. кн. Александра Николаевича, т. V, 419. Упом. т. VI, 573, 582.

Журавно, ротный командиръ 1831 г., т. VI, 549.

Журсавно, баронъ, составившій собраніе историческихъ актовъ, т. V, 341.

Жюль-Жанекъ, француз. журналистъ-критикъ, т. VI, 307.

З.

Заблочкинъ - Десятковский, А. П., статсъ-секретарь 1861 г., т. VI, 455.

Заборовскій, майоръ, 1715 г., т. V, 886.

Забровецкскій, польскій вельможа 1506 г., т. V, 271.

Забѣла, бунчуковый товарищъ, сдѣлавшій доносъ на Мазену въ 1699 году, т. V, 931.

Завадовская, гр. Вѣра Никол., рожд. гр. Апраксина, † 1845 г., т. V, 246.

Завадовская, гр. Тат. Петр., въ замужествѣ Каблукова, т. V, 246.

Завадовскій, Василій, бунчуковый товарищъ, т. V, 245.

Завадовскій, гр. Петръ Вас., дѣйств. тайн. сов., ст.-секретарь Екатерины II, впоследствии мин. народ. просвѣщ. и предсѣдат. департамента законовъ, род. 1738 † 1812 г. Забѣтка о немъ, т. V, 245—246. Упом. т. V, 656; т. VI, 414, 421.

Завьяловъ, Ив. Агапитовъ, крестьянинъ, т. V, 498.

Загряжскій, Никол. Александр., обер-шенкъ, † 1821 г., т. V, 336.

Заккинъ, Иванъ, книгопродавецъ и издатель 1827 года, т. VI, 157, 583, 584.

Заіончекъ, кн. Іосифъ, ген. отъ инфантерій, вице-король Царства Польскаго 1825 г., † 1826 г., т. V, 383, 385.

Закревскій, гр. Арсеній Андр., ген. отъ инфантерій, ген.-адъютантъ, московскій ген.-губернаторъ, р. 1783 г., т. V, 448, 635; т. VI, 502, 513, 514, 518, 528, 530.

Заленскій, издатель «Украинской Старины» 1866 г., т. VI, 295.

Заленскій, Степанъ, портной 1704 г., т. V, 912.

Зальцеръ, ротный командиръ 1831 г., т. VI, 549.

Замойскій, помѣщикъ 1831 г., т. VI, 37.

Замойскій, польскій гетманъ, т. V, 334.

Замойскій, графъ, адъютантъ Хлопицкаго 1831 г., т. VI, 22.

Замятинъ, Александръ Гавр., любимецъ Румянцева-Задунайскаго. Разсказъ о немъ, т. V, 131—132.

Зарембо, лейтенантъ 1834 г., т. V, 405, 406.

Зарифъ - Мустафъ - паша, мушьеръ, предводитель турецкаго корпуса 1854 г., т. V, 432.

Зассъ, генералъ. Побѣда его надъ турками въ 1811 году, т. V, 266.

Засѣкинъ, князь, 1715 г., т. V, 885.

Захаровъ, Яковъ, поварь, т. VI, 169.

Захрисонъ, шведъ, 1798 г., т. V, 243.

Звѣрцовскій, одинъ изъ главѣйшихъ

членовъ польскаго заговора въ 1831 г., т. VI, 16.

Злогостевъ, т. VI, 700.

Злотышская, въ замуж. кн. Голицына, т. V, 635.

Змаевичъ, морской офицеръ, 1715 г., т. V, 886.

Золотарева, Е. Д., въ замуж. Маднева, т. V, 637.

Зотова, гр. Анна Еремѣев., рожден. Пашкова, въ 1-мъ замуж. Стремоухова, въ 3-мъ—Бутурина. Свадьба ея въ 1715 году, т. V, 859—860.

Зотовъ, Вас. Никитичъ, впослед. бригадиръ и ген.-ревизоръ, т. V, 833.

Зотовъ, Григорій, екатеринбург. заводскій правитель. Его знанія по горному дѣлу и разговоръ его съ государемъ, 1824 г., т. V, 366—372.

Зотовъ, Зах. Константиновичъ, т. VI, 425.

Зотовъ, Ив. Никитичъ, т. V, 856, 857, 881, 883.

Зотовъ, Кононъ Никитичъ, капит.-лейт., впослед. контръ-адмиралъ и ген.-экипажмейстеръ флота. † 1742 г. Письмо его къ царю Петру по поводу шутовской свадьбы отца 1715 г., т. V, 857—858. Упом. т. V, 856, 859, 860, 883.

Зотовъ, гр. Никита Моисеев., (князь-напа), первый воспитатель Петра Великаго, потомъ думн. дворянинъ, посолъ въ Крымъ, ген.-президентъ ближней канцелярїи и тайн. совѣтв. Шутки надъ нимъ пара и роль его въ «сумасброднѣйшемъ сборѣ», т. V, 848—856. Шутовская свадьба его въ 1715 г., т. V, 856—860, 881—889. Упом. т. V, 879.

Зотовъ, графъ Никол. Ив., дѣйств. стат. совѣтникъ, т. VI, 108.

Зубовъ, гр. Валерьянъ Александр., ген.-аншефъ и членъ государст. совѣта, р. 1771 † 1804 г. Вражда его съ кн. Потемкинымъ, т. V, 467. Упом. т. V, 214, 240.

Зубовъ, гр. Никол. Александр., оберъ-штаб-лейстеръ, р. 1763 † 1805 г., т. VI, 406, 409.

Зубовъ, кн. Платонъ Александр., ген.-фельдцейхмейстеръ, впослед. генер. отъ

инфантерїи и шефъ перваго кадет. корпуса, р. 1767 † 1822 г. Упом. т. V, 144, 145, 259, 460; т. VI, 406, 411, 415, 418, 424, 425, 676.

Зувъзъ, Д. Павл., т. VI, 1.

Зувъзъ, Петръ Павл. Сообщ. списоки соч. Д. Давыдова: «Воспоминанія о польской кампанїи 1831 года», т. VI, 1.

Зувъзъ, Александръ, губерн. прокуроръ 1800 г., т. VI, 98.

Зурабъ-ханъ, т. VI, 176.

Зуровъ, Эпидифоръ Антиохов., адъютантъ-ротмистръ 1825 г., т. VI, 133.

Зыковъ, П. А., докторъ. Шутка съ нимъ А. П. Ершолова, т. VI, 490—491.

И.

Ибердусовъ, И. А., художникъ. Сообщ. дополненія къ «Маюру» Федотова, т. VI, 208. Упом. т. V, 582.

Ивановъ, тульскій гражд. губернат. Высочайшее распоряженіе къ нему на счетъ ген.-маіора Измайлова 1802 г., т. VI, 649—650.

Ивановъ, Антипъ, цѣловальникъ 1710 года, т. V, 940.

Ивановъ, Дмитр. Иван., живописецъ. О медали, полученной имъ въ 1808 г. за картину «Марса Пасадица», т. V, 159—160. Уп. т. V, 119, 120, 579.

Ивановъ, Ефимъ, камердинеръ, т. VI, 465, 695, 697.

Ивановъ, Ив. Мих., т. V, 953—956.

Ивановъ, Михаилъ, волошанинъ. Извѣщеніе его о кладѣ Александра Македонскаго 1703 г., т. V, 953—956.

Ивановъ, Моисей Мих., т. V, 953—956.

Ивановъ, Никифоръ, сотникъ 1710 г., т. V, 940.

Ивановъ, Оома, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 939.

Иванъ Антоновичъ, императоръ, т. VI, 692.

Игельстромъ, гр. Осипъ Андр., (Оттонъ-Генрихъ), ген.-аншефъ, потомъ ген. отъ инфантерїи, русскій уполномоченный въ Стокгольмъ, потомъ въ Варшаву, р. 1737 † 1823 г., т. VI, 18.

Измайлъ-Ага, начальникъ персид. конницы 1827 г., т. VI, 278, 279.

Измайль-Ханъ, ген.-майоръ, † 1810 г., т. V, 718.

Измайлова, Марія Александр., рожд. Нарышкина, р. 1780 † 1780 г., т. V, 460.

Измайловъ, капитанъ 1715 г., т. V, 886.

Измайловъ, Левъ Дмитр., отстав. ген.-лейтенантъ, тульскій козачникъ. Жестокости его въ отношеніи крестьянъ и судебное разбирательство по этому дѣлу 1827 г., т. VI, 649—664.

Измайловъ, Мих. Львов., приближенный Петра III, впоследствии ген.-лейтен. Отношенія къ нему Екатерины II, т. V, 130.

Измайловъ, Мих. Мих., начальникъ Кременевской экспедиціи 1785 г., вслѣдств. дѣйств. тайн. сов., москов. главнокоманд. р. 1722. † 1800 г. Разсказъ о немъ, т. VI, 87. Упом. т. V, 141, 460.

Ивокинъ, Влад. Степ., профессоръ кievскаго университета. Сообщ. свидѣнія о гр. Н. С. Мордвиновѣ, т. V, 35—43. Примѣчаніе къ мнѣнію Мордвинова относительно Крыма, т. V, 214.

Иловайскій, генер.-майоръ 1827 года, т. VI, 268, 270, 386.

Иловайскій 3-й, ген.-лейтен. 1826 г., т. V, 712.

Иловайскій 4-й, начальникъ артиллеріи гарда 1812 г., т. VI, 617.

Ильинскій, майоръ 1827 г., т. VI, 60, 61.

Ильинскій, Никол. Степан., протоіерей Грузинскаго Андреевскаго собора, вслѣдств. архимандритъ и намѣстникъ Александровеской Лавры, † 1863 г. Разсказъ его о гр. Аракчеевѣ, т. V, 470—472.

Ильинъ, 1812 г., т. V, 267.

Ильченко, П. Н., коллеж. ассесоръ 1849 г., т. VI, 72.

Имамъ-данумъ, т. VI, 203, 204.

Инеховъ, каураль 1710 г., т. VI, 667.

Иностранцевъ, фельдшеръ 1827 г., т. VI, 64.

Инфантъ, Николай. Письмо его къ кн. А. Д. Мещникову, т. V, 906.

Ирванскій 2-й, грузинскій царь, т. VI, 289.

Ирванскій, иркутскій архіепископъ, р.

около 1785 † 1864 г. Резолюція его на отношеніе игумена одного изъ монастырей его епархіи, т. V, 477—478. Отношенія его къ губернатору Лавинскому, т. V, 684.

Искитій, іеромонахъ Палеостровскаго монастыря, т. VI, 694.

Искра, полтав. полковникъ, донесеній на Мазену 1708 г., т. V, 930—931.

Исерицкій, т. V, 314.

Истомкина, знаменитая танцовщица, т. VI, 299.

I.

Іаковъ I-й, король англ., т. VI, 323.

Іоакимъ, старецъ, т. V, 954.

Іоанна, (Гильберта или Ангелина), папесса. Записки о ней, т. V, 865, 869, 890.

Іоаннъ, король шведскій 1572 г., т. VI, 686.

Іоаннъ IV-й Грозный, царь, р. 1530 † 1584 г., т. V, 36, 333, 624, т. VI, 686, 698, 702.

Іоаннъ V-й Алексѣевичъ, царь, рол. 1668 † 1698 г., т. VI, 561, 562, 563.

Іона, митрополитъ, экзархъ Грузіи. Письмо къ нему гр. Паскевича о погребеніи Грибоѣдова, т. VI, 202.

Іорданъ, граверъ, т. VI, 288.

Іосифъ II-й, императоръ германскій. Первое свиданіе его съ Екатериною II въ 1780 г., т. V, 136—137.

К.

Каблуковъ, Влад. Петр., дѣйств. тайный совѣтникъ, т. V, 246.

Кабэ, франц. писатель, т. VI, 76.

Каверъ, генераль 1831 г., т. VI, 375.

Кавецкій, членъ совѣта варшав. временнаго правленія 1831 г., т. VI, 19.

Казаринковъ, Василій, 1715 г., т. V, 885.

Казначеевъ, Софья Александр. Сообщ. свидѣнія объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16.

Казначеевъ, капитанъ 1854 г., т. V, 447, 449.

Казумбежъ, помощникъ полиціймейстера Шушинской крѣпости 1826 г., т. V, 720.

Кайдановъ, участникъ въ дѣлѣ Петраневскаго 1849 г., т. VI, 76, 76.

Кайсаровъ, генералъ 1831 г., т. VI, 381.

Кайсаровъ, Анд. Серг., майоръ, † 1813 г., т. V, 264, 265, 683, 694.

Калачевскій, майоръ 1829 г., т. VI, 169, 191.

Калиостро, извѣстный авантюристъ, т. V, 231.

Кало, Карлъ Ив., камердинеръ сенатора Яковлева, т. VI, 628, 634—636.

Калыдинъ, С., переводчикъ «Разсужденіе о военной наукѣ», т. VI, 584.

Каменискій, гр. Никол. Мих., ген. отъ инфант., главноком. дунайскою арміею, р. 1776 † 1811 г. Болѣзнь его, т. V, 261—263. Упом. т. V, 783; т. VI, 355, 358.

Каминскій, польскій генералъ 1831 г., т. VI, 390.

Каналева, Татьяна, крестьян. дѣвушка, т. VI, 653.

Канницъ, полковникъ, прусскій комиссаръ 1831 г., т. VI, 357.

Канкрикъ, гр. Егоръ Францов., ген. отъ инфант., мин. финансовъ съ 1823—1844 г., † 1845 г., т. V, 41, 244; т. VI, 208, 481.

Канкрикъ, Францъ Ив., ст. сов., внослѣд. дѣйстви. ст. совѣт., † 1816 г. Пожарованіе ему Павломъ I дома, т. V, 243—244.

Кантемиръ, князь, т. V, 243.

Кантемиръ, вн. Антиохъ Дмитр., писатель-сатирикъ, р. 1708 † 1744 г., т. VI, 690.

Кантемиръ, вн. Дмитр. Констант., внукъ молдав. господара, р. 1749 † 1820 г., т. V, 136.

Каннистъ, Вас. Вас., стат. сов., писатель, р. 1756 † 1823 г., т. V, 216, 220, 221, 222, 227, 232, 233, 588, 592, 594, 595, 599, 600, 616, 623.

Каннистъ, Ив. Семен. Сообщ. Анад. Я. К. Гроту бумаги Хемницера, т. V, 216, 586, 612.

Каннистъ, Петръ Вас., т. V, 606, 618.

Кашподистрия, гр. Ив. Ант., рос. ст.-секретарь, потомъ президентъ Грецїи, р. 1776 † 1831 г. Отношенія его къ

А. Л. Витбергу, 1817 г., т. V, 31, 160 Упом. т. VI, 359.

Карабакова, Анаст. Грит., рожд. Екслевская, р. 1731 † 1791 г., т. V, 133.

Карабаковъ, Пав. Фед., археологъ. Историческіе разказы и анекдоты, записанные имъ, т. V, 129—149; 457—468; т. VI, 285—290. Упом. т. V, 37, 603, 675.

Карабаковъ, Фед. Леонт., бригадиръ вице-губернат. полковникъ 1774 г., р. 1758 † 1813 г., т. V, 133, 140.

Каравинъ, Вас. Назаров., р. 1773 † 1842 г. Письмо его къ гр. М. М. Сперанскому, т. V, 82—83. О стихахъ, написанныхъ на него Воейковимъ, т. V, 148—149. Взглядъ на Тавриду, т. V, 661—669. Заявленіе по поводу столѣтїи со дня его рожденїя, т. VI, 294—296.

Каравинъ, Фидельфъ Вас. Сообщ. письмо В. Н. Каравина къ М. М. Сперанскому 1810 г., т. V, 82—83. Взглядъ В. Н. Каравина на Тавриду, т. V, 661—669.

Каравинъ, Никол. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г. Записка объ отношенїяхъ его къ А. Ф. Воейкову, т. V, 147—148. Эпиграмма на него прислана Грибоѣдову, т. V, 766. Упом. т. V, 230, 482; т. VI, 210, 296, 686.

Каравишевъ, т. V, 567.

Каравишевъ, служащ. по горной части 1777 г., т. V, 616.

Каратыгина, Любовь Осипов., рожд. Дюрова, † 1828 г., т. V, 430.

Каратыгинъ, Вас. Андр., т. V, 426.

Каратыгинъ, Петръ Андр., артистъ. Воспоминанія его объ А. С. Грибоѣдовѣ, т. V, 423—430. Записки его: воспоминанія о русскомъ театрѣ во времена Александра I, т. VI, 297—308.

Карбонъ, инженеръ-ген.-майоръ 1817 г. Пререканія его съ Витбергомъ, т. V, 188—192, 528. Упом. т. V, 161, 529.

Карлъ, принцъ Курляндскій, т. V, 799.

Карлъ V, король франц., т. VI, 323.

Карлъ VII, король франц., т. VI, 323.

Карлъ XII, король шведскій, т. V, 520, 794, 853, 996; т. VI, 166.

Карлъ-Густавъ, шведскій король, т. VI, 283.

Кариз-Медовина, маркиграф бахен-дурлахский, т. V, 247.

Карпиолинг-Шикомъ, тайн. сов. и сенаторъ, т. VI, 700.

Каррачч, художникъ, т. V, 602.

Карповъ, полков. командиръ 1827 г., т. VI, 263, 274, 279.

Карповъ, Кононъ, капитанъ 1715 г., т. V, 379, 386.

Карцовъ, тульский гражд. губернаторъ 1827 г., т. VI, 663.

Карчагинъ, цѣловальникъ 1711 г., т. V, 989.

Каръ, Филиппъ Алексѣев., т. V, 679.

Касьяковъ, Ив. Анн., крестьянинъ, цѣв. бывш. Воспоминанія его объ А. Ф. Гильфердингъ, т. VI, 694—698.

Катасановъ, командиръ одного изъ казачьихъ полковъ. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 349, 369, 370, 377, 404.

Катеновъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, 1849 г., т. VI, 75, 77.

Катенинъ, драмат. писатель, т. V, 263.

Каульбарсъ, Карлъ Ив., ген.-поручикъ 1786 г., т. V, 138.

Каховскій, Александръ Мих., генералъ. Забѣтка о немъ, т. VI, 488. Упом. т. VI, 424.

Каховскій, Михаилъ, т. V, 624; т. VI, 487.

Кашевскій, предводитель отряда польскихъ войскъ 1831 г., т. VI, 674.

Кашинъ, Григорій, т. V, 877.

Квинцидъ, генералъ 1831 г., т. VI, 384.

Кембъ-Али-Султанъ, началн. персидской конницы 1829 г., т. VI, 200.

Кейверлингъ, майоръ 1813 г., т. V, 697.

Кейзерлингъ-фонъ, Георгъ-Иоганнъ, представитель короля прусскаго при дворѣ Петра Великаго, 1707 г., † 1711 г. Отношенія его къ дѣвицѣ Монсъ, ходатайство за ея семейство и оскорбленіе его при русскомъ дворѣ, т. V, 803—844.

Кейлеръ, прусскій баронъ 1786 г. Отзвѣ о немъ Екатерины II, т. V, 142.

Кельсievъ, писатель, т. V, 789.

Кеммереръ, Е. А. действ. эк. сов., заведывающій собственными Его Величества библиотеками и арсеналами. Статя его: «Дослѣхи Лжедмитрія I», т. V, 380—334.

Кёне, баронъ. Ссылка на его сочиненіе «Notices sur les sceaux et les armoiries de la Russie», т. V, 338.

Кешенъ, Петръ Ив., стат. совѣт., академикъ 1842 г., т. V, 661.

Кернъ, генералъ, инспекторъ оружейныхъ заводовъ, 1824 г., т. V, 376.

Кетлеръ, офицеръ русской службы 1831 г., т. VI, 389.

Кижина, Марія Ардамон., рожд. Торсукова. Письма къ ней Ермолова, т. VI, 580—533. Упом. т. VI, 491, 503, 524, 525, 527, 528, 534.

Кининъ, Алексій Андр., т. VI, 586.

Кининъ, Петръ Андр., полковникъ и флиг.-адъютантъ 1812 г., влослѣд. статъ-секретарь. Дружба его съ А. П. Ермоловымъ, т. VI, 490, 491, 492. Письма къ нему Ермолова 1817—1832 гг., т. VI, 501—537.

Кингстонъ, графиня, авантюристка 1777 г., т. V, 297, 238.

Киреевъ, командиръ одного изъ казачьихъ полковъ. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 349, 369, 370, 380, 382, 404.

Кирешинъ, полковникъ 1813 г., т. V, 691.

Кирѣевскіе, писатели, т. VI, 466.

Кирѣевскій. О собранныхъ имъ ибс-накъ, т. VI, 596, 702.

Киселевъ, 1715 г., т. V, 884.

Киселевъ, гр. Пав. Дмитр., ген. отъ инфант., ген.-адъютантъ, членъ госуд. совѣта и мнѣ. госуд. имущества; р. 1788 † 1879 г., т. VI, 52.

Китаевъ, управляющій Верхъ-Исетскими заводами 1824 г., т. V, 867.

Кичка, Франца, 1715 г., т. V, 886.

Клауберъ, граверъ, т. VI, 268.

Клейникскель, гр. Петръ Анн., главноуправляющій путами сообщенія. Обращеніе съ нимъ Аракчеева, т. VI, 229. Упом. т. V, 470; т. VI, 232, 233, 240, 561.

Климентъ X, папа римскій, т. V, 889

- Клишкинъ**, купецъ, т. V, 244.
- Кловачевъ**, Степ. Тимое., с.-петербург. вице-губернаторъ, т. VI, 559.
- Клюхаревъ**, членъ «сумазбродѣйшаго собора» при Петрѣ Великомъ, т. V, 877.
- Клодлеръ**, англ. художникъ, написавшій портретъ Петра Великаго въ 1698 г., т. V, 959.
- Кнорингъ**, т. VI, 541.
- Кнутовиъ**, казначей 1715 г., т. V, 885.
- Князевичъ**, Александр. Максимов. Сообщ. Рѣчь Александра I въ первомъ засѣданіи госуд. совѣта 1 января 1810 г., т. V, 472—474. Сатиру на Н. В. Шванвичъ, т. V, 474—475. Распоряженія военно-департаментнаго комитета въ 1848 г., т. V, 784—786.
- Князенинъ**, Як. Борис., писатель, р. 1742 † 1791 г. Высылка его изъ столицы за трагедію «Вадимъ Новгородскій», т. V, 147. Упом. т. VI, 306.
- Кобелевъ**, курьеръ 1711 г., т. VI, 608.
- Кобога**, графъ, австр. комиссаръ 1831 г., т. VI, 357.
- Кобуловъ**, кн., канцеляристъ при русск. посольствѣ въ Персіи, уб. 1829 г., т. VI, 169.
- Кобылинскій**, Дороевъ, драгувъ 1711 г., т. V, 941.
- Ковалева**, классная дама въ театральномъ училищѣ, т. V, 425.
- Ковалевъ**, полковникъ 1827 г., т. VI, 274, 365.
- Ковальскій**, ковенскій уѣздный врачъ 1825 г., т. V, 386.
- Кожина**, Марія Дмитр., рожд. Философова. Наказаніе ея за нескромность въ разговорѣ, т. V, 137—138.
- Кожинъ**, морской офицеръ 1716 г., т. V, 948, 949.
- Кожинъ**, Петръ Никит., тайн. сов., вполнѣд. дѣйств. тайн. сов. Разсказъ о немъ, т. VI, 91.
- Козенцъ**, корабельн. мастеръ 1715 г., т. V, 885.
- Козацкій**, членъ Совѣта варшавск. временнаго правленія 1831 г., т. VI, 17.
- Козичкая**. Объясненіе, представлен-

ное ею внаверт. Пазлу не новоду брака ея дочери съ гр. Лавалемъ, т. VI, 682.

Козирскій, Грег. Вас., статсъ-секретарь, т. V, 672.

Козловскій, кн. Алексѣй Сем., ген.-инуртикъ и сенаторъ. † 1776 г., т. V, 958.

Козловскій, Грег. Матв., президентъ ком.-коллегии. Отношенія его къ племяннику, кн. Потемкину, т. V, 468—465.

Козловскій, Серг. Грег., т. V, 464, 465.

Козловъ, помѣщикъ, т. VI, 653.

Козловъ, Ив. Ив., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, † 1788 г. Разсказы его объ императрицѣ Екатериинѣ II, т. V, 184—186; 674—675; 677—678, 679.

Козлянковъ, В. А., 1791 г., т. VI, 423.

Козманъ, польскій дипломатическій агентъ 1831 г., т. VI, 310.

Ководавлевъ, Осипъ Петр., вполнѣд. мин. внутрен. дѣлъ, † 1819 г., т. VI, 574.

Козыревъ, членъ «сумазбродѣйшаго собора» при Петрѣ Великомъ, т. V, 877.

Кожинъ, директоръ екатеринбургской граняльной фабрики, 1824 г., т. V, 365.

Кожойкинъ, Ив., крестьянинъ, т. V, 499.

Кожоринновъ, домовладѣлецъ, т. V, 580.

Кологривовъ, камергеръ 1815 г., т. V, 164.

Кологривовъ, полковникъ, дивизион. командиръ 1831 г., т. VI, 377, 388.

Кологривовъ, Андр. Семен., генер. отъ кавалеріи, † 1825 г., т. VI, 92.

Коловожьцовъ, баронъ Фед. Мих., сенаторъ, † 1818 г. Шутка надъ нимъ Львова, т. VI, 285—286.

Колонтай, участникъ конфедерации, т. V, 346.

Колтовская, землевладѣлица. Приготовленіе ею торжественной встрѣчи имп. Александру I, 1824 г., т. V, 364—365.

Колтовскій, 1720-хъ гг., т. V, 877.

Кольцовъ-Масальскій, кн. Николай-Андрей Александров., камергеръ, вполнѣдствіи об.-гофмейстеръ, р. 1758 † 1843 г. Разсказъ его объ Екатериинѣ II, т. V, 142.

Кольцовъ-Масальскій, кн. Яковъ Ив., комиссаръ 1711 г., т. V, 939.

Колычовъ, Матвѣй, 1723 г., т. V, 876.

Комаровскій, 1810 г., т. V, 258, 268.

Комаровскій, гр. Евграфъ Ѳедот., ген. отъ инфантеріи, ген.-адъют., командиръ отдѣльн. корпуса внутрен. стражи и сенаторъ, † 1843 г., т. VI, 644.

Коминадо, Лазаріно, оружейникъ, т. V, 330.

Кондратовичъ, писатель и филологъ XVIII стол., т. VI, 690.

Кондрать, отстав. солдатъ, воспріемникъ К. Ѳ. Рыгѣва, т. VI, 603.

Кондожди, Григ. Павл., т. V, 617.

Коноваловъ, Дмитрій, мастеръ, дѣлавшій броню царю Михаилу Ѳедоровичу въ 1616 г., т. V, 334.

Коновницынъ, графъ Петръ, прапорщикъ, декабристъ, † 1830 г., т. VI, 261.

Коновши, декораторъ 1810-хъ годовъ, т. VI, 303.

Консидеранъ, французскій писатель, т. VI, 76.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, т. V, 497.

Константинъ Павловичъ, цесаревичъ. Представленіе имъ войскъ Александру I, 1825 г., т. V, 382. Присутствіе при закрытіи сейма, 1825 г., т. V, 384. Присяга ему и отреченіе его отъ престола, т. VI, 131, 139. Отношенія къ нему поляковъ, т. VI, 10—11. Дѣйствія его во время польскаго возстанія 1831 г., т. VI, 19—21; 23—34. Письмо къ Н. Н. Новосильцеву 1816 г., т. V, 681. Награжденіе А. П. Ермолова, т. VI, 479. Отношенія къ Ермолову, т. VI, 481, 488. Уп. т. VI, 360, 361, 366, 385, 681.

Контъ, принцъ, т. V, 602.

Коргановъ, поручикъ, вполнѣдствіи полковникъ. О доносахъ его на Ермолова, т. V, 441; т. VI, 316, 348, 386. Упом. т. V, 726; т. VI, 39.

Кореневъ, Е. Я. Сообщ. списокъ солдатской сказки Ѳ. С. Чернышева, т. V, 970.

Корицкій, П. Григ. 1791 г., т. VI, 410, 411, 413, 414, 415, 418.

Кормицъ, англійск. докторъ, т. VI, 204.

Корнелъ, франц. писатель, т. V, 614.

Корниловичъ, докторъ 1825 г., т. VI, 108.

Корниловъ, генералъ 1855 г., т. V, 452.

Корниловъ, И. П., бывшій попечит. вилненскаго учебнаго округа, т. V, 889.

Коробчицъ, Софья Андр., помѣщица, т. VI, 700.

Корсаковъ, ген.-маіоръ. Высочайшее повелѣніе о ссылкѣ его въ Саратовъ, 1799 г., т. V, 248.

Корсаковъ, Андрей, 1715 г., т. V, 883, 893.

Корсаковъ, Ив. Никол. Отамъвъ о немъ кн. Орлова, т. V, 136.

Корфъ, графъ Модестъ Андр., авторъ «Жизни гр. Сперанскаго», т. V, 36, 472.

Коса - Медведъ - палла, предводитель турецкаго корпуса 1828 г., т. V, 432.

Коссажовская, графиня, рожд. гр. Лаваль, т. VI, 682.

Костинъ, полковн. донскаго казач. полка 1826 г., т. V, 712.

Костомаровъ, Н. И. Сообщ. «Отвѣтъ Запорожцевъ на письмо турецкаго султана», 1690 г., т. VI, 450—451.

Костюшко, предводитель польскихъ войскъ, т. V, 346; т. VI, 539.

Костыревъ, капитанъ. Опасность его во время бунта воен. поселянъ 1831 г., т. VI, 550—551.

Котлеръ, Іоаннъ, маіоръ, командиръ лейбъ-гвардейскаго полка 1707 г., т. V, 843.

Котляревскій, генер. отъ инфант. 1828 г., т. VI, 61, 268.

Кохановскій, членъ Совѣта варшавскаго временнаго правленія 1831 г., т. VI, 17, 20.

Кохъ, Янъ, 1715 г., т. V, 884.

Коцебу, 1812 г., т. V, 659.

Коцебу, Августъ - Фридрихъ - Фердинандъ, писатель, р. 1761 † 1819 г., т. V, 548; т. VI, 308.

Коцебу, Отто, капитанъ - лейтенантъ, вѣстный путешественникъ, р. 1787 г., т. V, 242.

Коцебу, Пав. Евстаф., генералъ лейт., начальникъ главнаго штаба на Кавказѣ, р. 1802 г., т. VI, 279.

Бочетъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 886.

Бочубей, Вас. Леонтьевъ, малорос. генеральный судья, казначей 1708 г., т. V, 930, 931.

Бочубей, кн. Викторъ Павл., мин. внутрен. дѣлъ, председатель госуд. совѣта и комитета министровъ, наконецъ государств. канцлеръ, р. 1768 † 1834 г., т. V, 38, 243, 541, 542, 549, 579; т. VI, 507.

Бочубей, кн. Елена Павл., рожд. Библикова, вдова кн. Бѣлосельская - Бѣлозерская, т. V, 658.

Божелевъ, об.-шенкъ 1815 г., т. V, 164.

Божелевъ, Александръ Ив., литераторъ т. V, 122.

Божелевъ, Герасимъ, 1715 г., т. V, 885.

Божелевъ, Иродіонъ, 1715 г., т. V, 884.

Божинъ, Ив. Петр., старовѣръ 1831 г., т. VI, 554.

Браббе, ген.-маіоръ 1826 г., т. V, 707.

Брай, Карлъ, содержатель типографіи 1835 г., т. VI, 583, 584.

Брапоткинъ, кн. Ив. Алексѣевъ, эскадрон. командиръ 1800 г., т. V, 625.

Брасиниковъ, унтеръ-офицеръ, начальникъ бунтующихъ военн. поселянъ 1831 г., т. VI, 549, 551.

Брасовскій, Александръ Иванъ, цензоръ 1823 г. Процензурованная имъ книга: «Разсужденіе о военной наукѣ», т. VI, 584—588.

Брасовскій, Аванасій Иванъ, генералъ-лейт. 1827 г., внослѣд. ген. отъ инфант., ген.-адъютантъ, командиръ 1-го пѣхотнаго корпуса, † 1843 г., т. VI, 62, 267, 268, 270, 333, 477.

Брейсъ, Корнелиусъ, вице-адмиралъ 1704 г. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, 1704 г., т. V, 908 — 909. Упом. т. VI, 912.

Брейдъ, бар. Клапріанъ Антонъ, (впослѣд. графъ), ген.-лейт., потомъ генер. отъ кавалеріи, р. 1778 † 1850 г. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 30, 320, 330, 332, 337, 338, 349—354, 368, 369, 370, 371, 375, 376, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 387.

Бречетиниковъ, Мих. Нивит., губернаторъ полоцкій 1774 г., р. въ 1720-хъ гг. † 1793 г. Его справедливость, т. V, 133.

Брефтъ, Андрей, 1715 г., т. V, 884.

Бривцова, домовладѣлица, т. V, 465.

Бричь, винодѣль, т. V, 666.

Броа-де-ла, графъ, т. V, 387.

Бропотовъ, Дмитрій. Сообщ. Замѣтку о годѣ рожденія К. Ф. Рыгѣва, т. VI, 602—604. Упом. т. VI, 438.

Броунъ, Романъ Вас., капитанъ, внослѣд. адмиралъ, † 1841 г. Участіе его въ войнѣ со шведами 1790 г., т. VI 569—572.

Бругликовъ, издатель «Невскаго Зрителя» 1820 г., т. V, 281.

Брувенштернъ, морякъ, т. V, 390.

Брувъ, Александръ Иванъ, адмиралъ, р. 1727 † 1799 г., т. V, 145.

Брузовецкій, генералъ, начальникъ польскихъ войскъ 1831 г., т. VI, 20, 38.

Брыловъ, Ив. Анд., р. 1768 † 1844 г., т. V, 231, 423; т. VI, 7.

Бсеофонтъ, владим. митрополитъ, т. VI, 288.

Будашевъ, кн. Никол. Данил., ген.-маіоръ, † 1813 г. Письма его къ кн. Е. И. Голенщевой - Кутузовой, т. V, 648—656, 659. Упом. т. V, 268, 660, 689, 783.

Будрищевъ, Никита. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, 1704 г., т. V, 914.

Бузьминъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, 1849 г., т. VI, 74, 75.

Бузьминъ, Иванъ, шутъ 1724 г., т. V, 960.

Бузьминъ, Иванъ, крестьянинъ, т. VI, 696.

Бузьминъ, Серг. Матв., писатель. тайн. сов. 1777 г., т. V, 134.

Бузнецовъ, Николай, дворовый Измайлова, т. VI, 655.

Бузнецовъ, командиръ атаманскаго казач. полка 1831 г., т. VI, 366.

Бувольники, братья, т. V, 304.

Бувольникъ, Несторъ Вас., литераторъ, т. V, 296, 306, 313, 314, 321, 322, 323; т. VI, 543.

Булибина, Марія Иванъ., т. V, 583.

Булибинъ, Дмитрій Ив. Письма къ нему отца, т. V, 583 — 584; 773 — 774.

Кулибинъ, Ив. Петр., механикъ-самоучка, р. 1735 † 1818 г. Замятка о немъ и письма его къ дѣтямъ 1802 г., т. V, 582—584, 773—774. Награжденіе его Ея-теріною Ц, т. V, 468.

Кулибинъ, Пав. Иван. Письма къ нему отца, т. V, 583—584, 773—774.

Кулибинъ, Петръ Иван., р. 1802 г., т. V, 583.

Кулибинъ, Сем. Ив. Письма къ нему отца, 1802 г., т. V, 583—584, 773—774.

Кулишъ, П. А., издатель сочиненій Гоголя, т. V, 87, 88; т. VI, 441, 442, 444.

Куманъ, англійскій купецъ, 1825 г., т. V, 387.

Куницынъ, Александръ Петровичъ, дѣйствительный стат. сов., профессоръ, р. 1783 † 1840 г., т. V, 156.

Куницынъ, Степ. Парам., крестьян.. т. VI, 694, 695.

Купреяновъ, воспитатель морскаго корпуса, около 1815 г., т. V, 391.

Купреяновъ, костром. губерн. предводитель дворянства, 1824 г., т. VI, 146.

Куракинъ, кн. Александръ Борис., вице-канцлеръ, р. 1752 † 1818 г. Разсказы о немъ, т. VI, 89, 92. Упом. т. V, 770; т. VI, 560.

Куракинъ, кн. Алексѣй Борис., ген.-прокуроръ, р. 1759 † 1829 г., т. V, 80, 238; т. VI, 108, 137.

Куракинъ, кн. Борисъ Ив. дѣйств. тайн. сов., дипломатъ, р. 1677 † 1727 г. Письмо его къ гр. Б. П. Шереметеву 1712 г., т. V, 924. Выписка изъ письма къ нему кн. М. М. Голицына, 1723 г., т. VI, 560.

Курбатовъ, Алексѣй. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, 1704 г., т. V, 908.

Курбатовъ, П. А., т. V, 572.

Курбатовъ, Петръ, 1715 г., т. V, 885.

Курбскій, кн. Анд. Мих. бояринъ и воевода, р. 1529 г., т. VI, 674.

Курута, гр. Дмитрій Дмитр., ген. отъ инфантеріи, † 1838 г. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 366.

Кустодіевъ, протоіерей. Слово, сказанное имъ по случаю смерти А. Ѳ. Гильфердинга, т. VI, 467.

Кутайсовъ, гр. Ив. Павл., об.-штаб-майстеръ, † 1834 г. О тяжбѣ его съ гр. Салтыковыми за Эмбинскія ловли, 1802 г., т. V, 38. Упом. т. V, 241.

Кутузовъ, Алексѣй Мих., нахъ, отправленный въ Лейпцигъ для изученія правовѣдѣнія 1765 г., впослѣд. капитанъ, т. VI, 574—576.

Кутузовъ, см. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. Илар. Мих.

Кутузовъ, Любимъ, каптенармусъ 1707 г., т. VI, 667.

Кутыгинъ, лейтенантъ 1817 г., т. V, 396.

Кухенрейтеръ, братья, оружейники, т. V, 330.

Кучина, Нат. Петр., рожд. Яковлева, т. VI, 607.

Кучиновскій, польскій помѣщикъ 1831 года, т. VI, 37.

Кучинъ, Алексѣй Петр., т. VI, 609.

Кучинъ, Василій, унт.-офиц. 1846 г. Ходатайство о немъ А. П. Ермолова, т. V, 434, 438.

Кучинъ, Петръ, помѣщикъ, т. VI, 608.

Кушелева, гр. Александръ Григ., въ замуж. кн. Лобанова-Ростовская, т. V, 250.

Кушелева, гр. Любовь Ильинич., рожд. гр. Безбородко, † 1809 г., т. V, 250.

Кушелевъ, гр. Григ. Григ., адмиралъ, вице-презид. адмиралтейцъ-коллегіи, † 1833 года. Замятка о немъ, т. V, 250. Упом. т. V, 38.

Кушелевъ, гр. Григ. Григ. 2-й, ген.-майоръ, членъ воен. совѣта 1846 г., т. V, 250.

Кушелевъ-Безбородко, гр. Александръ Григ., сенаторъ, государ. контролеръ, р. 1800 г., т. V, 250.

Кушель, сѣдлецкій помѣщикъ 1831 г., т. VI, 37.

Кюхельбегеръ, Вильгельмъ Карл., поэтъ, декабристъ, р. 1797 † 1846 года, т. V, 281, 425; т. VI, 262.

Кюхельбегеръ, Мих. Вильгельмов. Сообщ. «Рѣчь императора Николая депутатамъ города Варшавы» 1835 г., т. VI, 391—393.

Л.

Лавкина, Анна Евдокимовна, вдова Карамышева, т. V, 579.

Лавинъ, Александръ Фед., конференцъ-секретарь Академіи Художествъ, издатель «Сіонскаго Вѣстника». Отношенія его къ А. Л. Витбергу, т. V, 160, 166—168, 171, 519—521, 546—548, 552—557, 575. Характеристика его, т. V, 549—551. Упом. т. V, 21, 180, 560, 562, 565, 568.

Лаваль, гр. Александра Григ., рожд. Козицкая, т. VI, 682.

Лаваль, гр. Ив. Степ., дѣйств. тайн. сов., гофмейстеръ, управлявшій 3-ю экспедиціей министерства иностр. дѣлъ, † 1846 г. Свѣдѣнія о немъ, т. VI, 682—683. Упом. т. VI, 679, 681.

Лавинскій, Иркутскій ген.-губернаторъ 1824 г., т. V, 390, 478, 684.

Лавровскій, Н. А., профессоръ харьков. университета, т. VI, 295.

Лавровъ, Яв. Иван., капиталь-лейтенантъ 1782 г., т. V, 606, 619.

Лавръ, священникъ въ новгород. поселеніяхъ 1831 г., т. VI, 558.

Лагаръ, Фридрихъ-Пезаръ, воспитат. вел. кн. Александра и Константина Павловичей, р. 1754 † 1838 г., т. V, 38.

Ладыженскій, адъютантъ при гр. П. А. Толстомъ, 1825 г., т. V, 335.

Лазаринно, Лазаро, оружейникъ, т. V, 380.

Лакіеръ, авторъ «Русской Геральдики», 1853 г., т. V, 333.

Лакіеръ, таганрогскій городской лекарь 1825 г., т. VI, 129.

Лажомъ, историкъ, т. V, 384.

Ламанскій, Влад. Иван., профессоръ петербург. университета, т. VI, 465, 606.

Ламбинъ, П. П. Биографическая о немъ замѣтка, 904—905. Сообщ. бумага кн. А. Д. Меншикова, бар. Шафирова, А. П. Волынскаго, т. V, 906—949.

Ламене, аббатъ, писатель, т. VI, 6.

Лампе, вѣмец. настоятель. Высочайшее повелѣніе о пожалованіи ему земли, 1798 г., т. V, 244—245.

Лампи, художникъ, написавшій портретъ Хемницера, т. V, 611.

Лангермонъ, французъ, участвовавшій въ польскомъ возстаніи 1831 г., т. VI, 37.

Лангъ, (герцогъ Монтебелло), франц. маршалъ, т. VI, 37.

Ланской, Владим. гражданск. губернаторъ. Распоряженіе его о соблюденіи гражданскими чиновниками формы, 1833 г., т. VI, 294.

Ланской, Александръ Дмитр., ген.-поруч., фаворитъ Екатерины II, р. 1758 † 1784 г., т. V, 137—138.

Ланской, Вас. Серг., бывшій правитель герцогства Варшавскаго, 1813—1815 г., потомъ управлявшій министерствомъ внутр. дѣлъ, т. VI, 516.

Ланской, С. Н., убитъ подъ Краоньомъ 1814 г., т. V, 635; т. VI, 402, 403.

Лансонъ, полковой квартирмейстеръ 1707 г., т. V, 832.

Ланчинскій, камергеръ, чрезвычайный посланникъ при царскомъ дворѣ 1738 г., т. V, 801.

Лалкинъ, Иванъ, дворовый Измайлова, подавшій на него жалобу государю 1827 г., т. VI, 655.

Лалтвъ, генералъ 1828 г., т. VI, 333.

Ларионовъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 885.

Ласунскій, Архипъ, капралъ 1711 г., т. V, 938.

Ласунскій, Мих. Ефим., заговорщикъ 1762 г. Ссылка его, т. V, 131.

Латуръ, надворн. совѣтн. Высочайшее повелѣніе о заключеніи его въ Шлюсбургскую крѣпость 1799 г., т. V, 252—253.

Лаудонъ, англичанинъ, т. V, 575, 576.

Лафаетъ, (Gilbert Mathier marquis de Lafayette), р. 1757 † 1834 г., француз. генералъ, т. VI, 6, 7.

Лафонтеъ, франц. баснописецъ, т. V, 230, 231, 232.

Лачиновъ, ординарецъ при кн. Кутузовѣ въ 1812 г., т. V, 267.

Лебедева, въ замуж. Шелихова, т. V, 425.

Лебедевъ, Петръ Семен., писатель, т. V, 733.

Лебрюнъ, франц. художникъ, т. V, 960.

Лебцельтернъ, графиня, рожд. гр. Лаваль, т. VI, 682.

Лебцельтернъ, графъ, австр. посланникъ въ Петербургъ, 1825 г., т. VI, 682.

Левальдъ, баронъ, об.-гофмаршалъ 1738 г., т. V, 799, 888.

Левальдъ 2-й, 1715 г., т. V, 894.

Левада, киевскій протоіерей, 1775 г., т. V, 768.

Левашевъ, Василій Ивановичъ, оберъ-гофмейстеръ, † 1803 г., т. VI, 676. Упом. т. V, 137.

Левшина, Александра Петр., въ замуж. кн. Черкасская, р. 1758 † 1782 г. Привязанность въ ней импер. Екатерины II, т. V, 675—676.

Левшина, Анаст. Иван., въ замуж. Темпризева, т. V, 480.

Лешкина, Анна Ив., рожд. кн. Львова, полковница. Пожалованіе ей импер. Павломъ дома, 1799 г., т. V, 255. Уп. т. V, 479—480.

Лейбницъ, извѣстный нѣмецкій ученый, 1715 г., т. VI, 690.

Лейбонтъ, 1705 г., т. V, 851.

Левенъ (Lekain), франц. актеръ, т. V, 226, 603.

Ле-Елеръ, французъ, писатель по русской исторіи, т. VI, 690.

Лелювель, профессоръ, предсѣдатель яkobинскаго клуба въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 19, 20, 28, 310.

Лелли, Конст. Фед., дѣйств. стат. сов., управляющій дипломатич. канцеляріею намѣстника кавказскаго 1850 г., т. V, 443.

Леманъ, академикъ, извѣстный химикъ, т. V, 220.

Лемма, г-нъ, т. V, 616.

Ленивцевъ, Александр. Александр., т. V, 164.

Леонтьевъ, Алексѣй, 1715 г., т. V, 886.

Леонтьевъ, Степанъ. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову 1704 г., т. V, 914—915.

Леопольдъ, австр. императоръ, т. VI, 422.

Лермонтовъ, Михаил. Юрьев. Его

стихотворенія и отрывки, т. V, 84; 286—293. Письма: а) къ теткѣ 1827 г., т. V, 293—295; б) къ в. кн. Михаилу Павловичу, 1840 г., т. V, 295—296. Упом. т. V, 630, 730.

Лесевидскій, бригадиръ, т. V, 956, 957.

Лесевидскій, Константинъ, полковникъ, т. V, 956.

Лесепъ, москов. оберъ-полицеймейстеръ, назначенный Наполеономъ въ 1812 г., т. VI, 617.

Лефортъ, Францъ Яковл., ген.-адмиралъ, любимецъ Петра Великаго, т. V, 849, 884.

Лешффель-фонъ, секретарь прусскаго посольства при русскомъ дворѣ 1707 г. Депеша его прусскому королю объ обидѣ королевскаго посла кн. Меншиковымъ, т. V, 810—813. Упом. т. V, 829, 840, 843.

Лещинскій, Станиславъ, познанскій воевода, потомъ король польскій, т. V, 921, 922.

Лжедмитрій I. О дослѣдкахъ, найденныхъ въ Парижѣ и приписываемыхъ ему, т. V, 330—334.

Либе, ген.-маіоръ 1813 г., т. V, 688.

Либрехтъ, стат. совѣтникъ, т. V, 255.

Ливенъ, кн. Дарія Христоф., рожд. Бенкендорфъ, † 1857 г., ст.-дама 1828 г., т. V, 252.

Ливенъ, баронъ Отто-Генрихъ, ген.-маіоръ, р. 1726 † 1781 г., т. V, 252.

Ливенъ, кн. Христофоръ Анд., ген.-адъютантъ, ген. отъ инфант., посолъ въ Лондонъ, потомъ членъ госуд. совѣта, р. 1773 † 1838 г., т. V, 252, 703, 704.

Ливенъ, гр. Шарлотта Карл., (внослѣд. княгиня), рожд. Поссе, воспитательница дѣтей императора Павла, р. 1743 † 1828 г., т. V, 252, 460, 697.

Ливронъ-де, бар. К. Франц., ген.-маіоръ. Сообщ. бумаги своего отца, т. V, 773; т. VI, 569—572.

Ливронъ-де, бар. Францъ Иван., генералъ, инспекторъ морскаго корпуса, р. 1765 † 1841 г. Забѣтка о немъ, т. VI, 569. Ордеръ ему о катаньи воспитанницъ Смоленскаго Монастыря 1802 г., т. V, 773. Отчетъ его о военныхъ дѣйствіяхъ

фрегата «Венусъ» въ кампанію 1790 г., т. VI, 569—572. Аттестатъ его, т. VI, 572.

Ливандеръ, поручикъ 1771 г., т. V, 615.

Линденфельдъ, капитанъ, ротный командиръ 1826 г., т. V, 712.

Ландвикъ, бывший редакторъ «Journal de St.-Petersburg», т. VI, 683.

Линъ-де, принцъ, австрійскій фельд-маршалъ, т. V, 672.

Липранди, И. П., генералъ. Записки его: Мнѣніе по дѣлу Петрашевскаго, т. VI, 70—86. Замятки его по поводу писемъ кн. Голеніщева-Кутузова къ женѣ, т. V, 257—258; 268—269. Примѣчанія къ этимъ письмамъ, т. V, 647—659. Замятка о гр. Н. М. Каменскомъ, т. V, 261. Письмо брата 1854 г., т. V, 682—683. Упом. т. V, 783.

Липранди, П. П., генералъ. Письмо его къ брату, 1854 г., т. V, 682—683.

Лисаевичъ, ген.-лейтенантъ, т. VI, 509, 522, 523.

Литвиновъ, докторъ 1831 г., т. VI, 552, 553, 554.

Литве, Фед. Петр., мичманъ 1817 г., вѣнскій графъ, президентъ Академіи Наукъ, т. V, 395, 411.

Лихаревъ, капитанъ, 1715 г., т. V, 886.

Лихаревъ, тульскій помѣщикъ 1827 г., т. VI, 662.

Лихаревъ, Алексѣй Тимое., 1715 г., т. V, 877, 883.

Лихаревъ, Борисъ Ив., 1715 г., т. V, 884.

Лихаревъ, Дмитрій, капитанъ 1715 г., т. V, 886.

Лихачевъ, зять кн. Потемкина, т. V, 463.

Лихачевъ, Петръ Александр., помѣщикъ, т. V, 463.

Лихтъ-фонъ-деръ, секретарь посольства 1707 г., т. V, 825, 831.

Лобановъ, кн. Ив. Ив., р. 1731 † 1791 г., т. V, 769.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Алексѣй Александр., сенаторъ, т. V, 250.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Алексѣй Борис., статсъ-секр., товарищъ мин. внутр. дѣлъ. Сообщ. письмо цесар. Константина

Павловича къ Н. Н. Новосильцеву, 1816 г., т. V, 681—682.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Александр. Ивановичъ, ген.-майоръ, р. 1754 † 1830. т. V, 133, 134.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Ям. Иван. † 1732 г., т. V, 876.

Ловенгильмъ, швед. графъ, т. V, 702.

Ловичъ, кн. Анна, супруга цесаревича Констант. Павловича. Вниманіе къ ней Александра I, т. V, 384.

Логиновъ, книгопродавецъ, 1835 г., т. VI, 583, 584.

Лодеръ, художникъ, т. V, 558.

Ломоносовъ, 1810 г., т. V, 260.

Ломоносовъ, адъют. при ген. Давыдовѣ 1827 г., т. VI, 264.

Ломоносовъ, Мих. Вас., академикъ, р. 1711 † 1765 г. Отрывокъ изъ письма его къ гр. Шувалову по поводу ссоры съ Сумароковымъ, т. V, 335—336. Упом. т. V, 230, 616; т. VI, 687, 690.

Лонгиновъ, Н., статсъ-секрет., 1825 г., т. VI, 104, 128, 129.

Лонгиновъ, Мих. Никол., писатель, т. V, 346; т. VI, 690.

Лопухина, рожд. Хоненева, т. V, 240.

Лопухина, кн. Екат. Никол., рожд. Шетнева, р. 1763 † 1839 г., ст.-дама, 1798 г., т. V, 241.

Лопухина, кн. Праск. Иван., рожд. Левшина, т. V, 241, 480.

Лопухинъ, казужскій гражд. губернаторъ, 1801 г., т. V, 681.

Лопухинъ, Вас. Алексѣев., майоръ, т. V, 240.

Лопухинъ, Ив. Влад., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1756 † 1816 г. Выдержки изъ его записокъ, т. V, 214.

Лопухинъ, кн. Петръ Вас., тайн. сов. и ген.-прокуроръ сената, потомъ предсѣдат. госуд. совѣта и комитета министровъ, р. 1753 † 1827 г. Пожалованіе ему императ. Павломъ дома, т. V, 240. Упом., т. V, 480.

Лосевъ, Иванъ, т. V, 877.

Лосъ, баронъ, 1715 г., т. V, 883.

Лотовъ, Дмитрій, слобожаннѣ 1711 г., т. V, 940.

Лошаревъ, генераль-маіоръ 1831 г., т. VI, 349, 353, 371.

Лубенскій, тайн. сов., сенаторъ, т. V, 344.

Лубиновскій, пензенскій губернаторъ 1824 г., т. V, 481.

Лух-Вланъ, франц. писат., т. VI, 76.

Лукинъ, Александръ, 1715 г., т. V, 886.

Лукинъ, Петръ Мих., гвард. капит. 1774 г. Разсказъ о перехваченномъ имъ извѣстїи о взятїи Пугачева, т. V, 133.

Лурцъ, книгопродав. 1849 г., т. VI, 84.

Лутковский, 1715 г., т. V, 884.

Лутковскіе, гардемарины 1817 г., т. V, 395.

Луцкий, ротный командиръ 1831 г., т. VI, 549.

Лучинъ, казакъ-великанъ, впослед. тамбуръ-мажоръ преображенскаго полка, 1824 г., т. V, 362.

Львова, Анна, т. VI, 654, 663.

Львова, Марїа Алексѣев. Написанный ею эпиграфъ къ баснямъ Хемницера, т. V, 585, 609.

Львовъ, тайн. сов., т. V, 42.

Львовъ, Алексѣй Ѳеодор., директоръ придворной пѣвческой капеллы, т. VI, 226.

Леонтьевъ, В. Н. Сообщ. о пребыванїи Александра I въ Орлѣ, т. VI, 144—145.

Львовъ, Никол. Александр., литераторъ. Отношенїа его къ Хемницеру и письма къ нему послѣдняго, т. V, 215—228, 604, 607, 613, 614, 620.

Львовъ, Н. Л., членъ москов. опекун. совѣта 1819 г., т. V, 538.

Львовъ, кн. Петръ Лукичъ, окольникій 1715 г., т. V, 884.

Львовъ, Сергій Лаврент. Шутка его съ Колокольцовымъ, т. VI, 285.

Львовскій, Владимір. Сообщ. письмо Д. В. Давидова къ А. Д. Ольшескому, т. V, 635—636. Поправка ошибки г. Рачинскаго, т. VI, 402—403.

Лѣвизцевъ, Николай, подпоручикъ корпуса путей сообщ., † 1843 г. Объясненїе, какимъ образомъ къ нему пошла

рукопись записокъ партизана Давидова, т. VI, 1, 399—402.

Любарскій, издатель «Украинской Старины» 1866 г., т. VI, 296.

Любецкій, кн., членъ варшавск. Совѣта правленїа 1831 г., т. VI, 17, 20, 21, 22, 32.

Любомирская, кн. Маргарина, рожд. Рачинская, т. V, 241.

Любомирскій, кн. Іосифъ Мих., тайный совѣтникъ русской службы, р. 1785 г., т. V, 241.

Любомирскій, кн. Мих. Станислав., польскій генер.-лейтенантъ. Повелѣнїе ему выѣхать изъ Петербурга въ 1798 г., т. V, 241.

Людвигъ, придворный лакей 1791 г., т. VI, 412.

Льодовикъ XIV, франц., король, т. VI, 328.

Льодовикъ XV, франц. король, т. V, 602.

Льодовикъ XVI, франц. король, т. V, 242, 602, 698.

Льодовикъ XVIII, франц. король, т. V, 632, 699, т. VI, 505.

Льодовикъ-Филиппъ, король франц., т. VI, 680.

М.

Маэринъ, капитанъ, 1715 г., т. V, 885.
Магалежо, смотритель 1818 г., т. VI, 497.

Магницкій, Мих. Леонт., попечитель казанскаго университета, статсъ-секретарь департ. законовъ 1810—1812 гг., т. V, 82, 149.

Мадатовъ, кн. В. Г., ген.-лейтенантъ 1826 г. Отзыви о немъ Паскевича, Дибича и Ермолова, т. V, 706, 707, 716, 718, 721, 723, 724—726; т. VI, 39—41, 48, 58, 65, 66, 257—260, 268, 270, 477. Отношенїа къ нему кн. Паскевича, т. VI, 699.

Мазаровичъ, рожд. Рибошьеръ, т. VI, 518.

Мазаровичъ, Сем. Иван., генераль, русскій повѣренный въ дѣлахъ при персид. дворѣ, т. V, 719, 720; т. VI, 513, 518, 528, 530.

Мазароли, Францискъ, оружейникъ, т. V, 330.

Мазепа, Иванъ, малоросійскій гетманъ. Письмо его къ кн. Меншикову 1708 г., т. V, 929—931. Загѣтки его, т. V, 931—932. Сатира, найденная въ его бумагахъ, т. V, 932—934. Упом. т. V, 271, 331.

Майдеа, генералъ 1704 г., т. V, 910.

Майковъ, домовладѣлецъ, т. V, 465.

Майковъ, Апполонъ Никол., поэтъ, т. VI, 223.

Майковъ, Вас. Ив., поэтъ, т. V, 616, 622, 770.

Майковъ, Л. Н., авторъ «Сборника народныхъ заклинаній», т. VI, 462.

Майковъ, Влад. Сообщ. преданіе о Сидоркиномъ курганѣ, т. V, 962—965.

Мазаріа, архіепископъ литовскій и виленскій, т. VI, 292, 293.

Мазариусъ, грузинскій полиціймейстеръ 1830-хъ гг., т. VI, 236.

Мазаровъ, прапорщикъ 1829 г., т. VI, 202.

Мазаровъ, Алексій Иван., кабинетъ-секретарь при Петрѣ Великомъ, т. V, 848, 862, 883; т. VI, 564.

Мазаровъ, М. Н., издатель «Московского Вѣстника» 1809 г., т. V, 346.

Мадональдъ, франц. маршалъ 1812 г., т. V, 431, 657, 658, 659, 687.

Мадональдъ, капитанъ 1829 г., т. VI, 173, 193.

Мадональдъ, англійскій посланникъ въ Персію 1829 г. Письмо его къ графу Паскевичу по поводу умерщвленія русскаго посольства, т. VI, 171—174. Письмо о томъ же къ Мирзѣ-Абуль-Хасанъ-хану, т. VI, 192—193. Упом. т. VI, 190, 192.

Маджковичъ, М. А. Стихотвореніе его, т. VI, 224. Упом. т. V, 122.

Магъевъ, А. М., докторъ. Разсказъ его объ Ермоловѣ, т. VI, 491—492.

Малаховъ, докторъ 1811 г., т. V, 263.

Мальбергъ, ординаторъ эриванскаго госпиталя, уб. 1829 г., т. VI, 169.

Мальбрунъ, герцогъ Чурчиль, англійск. полководецъ 1707 г., т. V, 829.

Мальтебрунъ, норвежецъ, авторъ соч. «Le Tableau de la Pologne», т. V, 338.

Мальтицъ, т. VI, 414, 415.

Мальцовъ, Ив. Серг., титул. совѣтъ, секретарь русскаго посольства въ Персію 1828 г., имѣлъ дѣйств. тайн. совѣтъ. Донесеніе его гр. Паскевичу объ умерщвленіи русскаго посольства 1829 г., т. VI, 174—179. Тоже о неказаніи англичанами никакихъ почестей гѣду Грибоѣдова, т. VI, 192. Упом. т. VI, 163, 169, 173, 187, 188, 207.

Малидровъ, Овсисимъ, 1715 г., т. V, 886.

Мамедъ-Мирза, сынъ Аббасъ-Мирзы, т. VI, 200.

Мамедъ-Хусейнъ-ханъ, адъютантъ Аббасъ-Мирзы 1830 г., т. VI, 191.

Мамедъ-шахъ, персидскій шахъ, т. VI, 165, 167, 170.

Мамоновъ, Э. А., нарисовавшій портретъ Н. В. Гоголя, т. V, 120.

Мандерштернъ, генер.-майоръ 1832 г., т. VI, 330, 331, 345, 346.

Манюшевъ, П. Н., штабъ-капитанъ 1830-хъ гг., т. VI, 234.

Мансуровъ, тульскій губерн. предводитель дворянства 1827 г., т. VI, 660.

Мансуровъ, А. П. Сообщ. о цензурствѣ А. И. Красовскаго, т. VI, 584—588.

Манштейнъ, составитель записокъ о Россіи, т. V, 616.

Мануковъ, Фодосей, 1715 г., т. V, 884.

Манучехръ-ханъ, тифлисскаго армянина, впоследствии правитель Испагани, т. VI, 175, 176, 177, 178.

Маржеретъ, иностранецъ, писавшій о самозванцѣ Лжедмитріѣ, т. V, 334.

Марика, горничная, т. VI, 639.

Маринъ, Апполонъ Никифоровичъ, генералъ-лейтенантъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ, т. VI, 673—674. Сообщ. письма и распоряженія Петра Великаго къ Скорнякову-Писареву и Екяматову-Писареву, 1707—1722 гг., т. VI, 665—673.

Маринъ, Никифоръ Мих., одинъ изъ усмирителей пугачевскаго бунта. Загѣтки о немъ, т. VI, 674.

Маринъ, Петръ, размыслъ (инженеръ), участвовавшій въ осадѣ Казани 1552 г., т. VI, 674.

Маринъ, Сергій Никифоров., флигель-адъютантъ императ. Александра Павло-

вича, полковникъ. Замѣтка о немъ, т. VI, 674.

Марія Іоанновна, царица, дочь царя Іоанна V Алексѣевича, т. V, 792.

Марія Павловна, герцогиня Саксенъ-Веймарская, т. V, 368, 378.

Марія Федоровна, императрица. Ходагтайство ея за Гваренги, т. V, 174. Упом. т. V, 399, 544, 782; т. VI, 101, 131, 138.

Марковъ, литераторъ, т. V, 733.

Марковъ, гр. Аркадій Иван., членъ иностранной коллегіи, р. 1747 † 1824 г. Гнѣвъ на него Екатерины II за неудачные переговоры съ Густавомъ Адольфомъ 1796 г., т. V, 462. Рассказъ о немъ, т. VI, 285. Упом. т. V, 647; т. VI, 574.

Мартинъ, Хуанъ, оружейникъ, т. V, 331.

Мартосъ, Ив. Петр., дѣйств. стат. сов., ректоръ Академіи Художествъ, р. 1753 † 1835 г. О составленномъ имъ проектѣ памятника Минину и Пожарскому, т. V, 529—530. Замѣтка о немъ, т. V, 578. Упом. т. V, 531, 532.

Мартыновъ, извѣстный актеръ. Замѣтка о немъ, т. VI, 303.

Маршалъ-фонъ-Виберштейнъ, 1715 г., т. V, 884.

Марса, великая инокиня, (въ мирѣ Ксенія Ивановна), мать царя Михаила Федоровича, † 1631 г., т. VI, 696.

Марса Матвѣевна, рожд. Апраксина, царица, вторая жена царя Теодора Алексѣевича, р. 1664 † 1715 г., т. VI, 686.

Маса-Велъ, персіянинъ, т. V, 718.

Масалинъ, аптекаръ 1831 г., т. VI, 551, 555.

Масковъ, фельдшеръ. Смерть его, 1825 г., т. VI, 118—119.

Масса, Исаакъ, голландецъ, т. V, 340.

Матвѣевъ, гр. Андрей Артам., посоль въ Вѣнѣ. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову 1704 г., т. V, 912 — 913. Упом. т. VI, 690.

Матвѣевъ, Иванъ, т. V, 906.

Матернови, итальян. архитект. 1717 г., т. V, 251.

Маттеи, г-нъ, т. V, 616.

Матюшкина, граф. Анна Алексѣев., рожд. кж. Гагарина, ст.-дама, впослед.

об.-гофмейстерина, р. 1716 † 1804 г., т. V, 680.

Матюшкинъ, т. V, 617.

Матюшкинъ, мичманъ 1820 г., т. V, 396.

Матюшкинъ, ген.-лейт. и гв. маіоръ 1724 г., т. V, 949—951.

Матюшкинъ, гр. Дмитр. Мих., р. 1725 † 1800 г., тайн. сов. и дѣйств. камергеръ, т. V, 680.

Матюшкинъ, Мих. Аван., деньщикъ Петра Великаго, ген.-аншефъ, т. V, 885.

Матюшкинъ, Николай Кирил., маіоръ, т. V, 801.

Махметъ, турецкій паша 1713 г., т. V, 937.

Мацѣевичъ, Л. С. Сообщ. «Распоряженіе о книгахъ для духовн. юношества 1817 г.», т. VI, 582. Списокъ пѣсни «Гласъ вопіющаго въ воен. поселеніяхъ», т. VI, 591.

Мацневъ, 1828 г., т. VI, 533.

Мацѣвичъ, Арсеній, архіепископъ ярославскій, т. VI, 693.

Медемъ-фонъ, 1813 г., т. V, 692.

Мейеръ, закройщ. Повелѣніе Павла I объ освобожденіи его изъ подъ ареста, 1798 г., т. V, 239.

Мейеръ, маіоръ 1777 г., т. V, 615.

Мейеръ, Дмитр. Ив., профессоръ Казанскаго университета, т. VI, 690.

Мелниковъ, князь 1827 г., т. VI, 278, 279.

Мелниковъ, кн. Соломонъ, переводчикъ при русскомъ посольствѣ въ Персіи, уб. 1829 г., т. V, 169, 178.

Мелисоево, Петръ Ив., ген.-аншефъ, директоръ кадетскаго корпуса, † 1797 г. Замѣтка о немъ, т. V, 238—239.

Мельгуновъ, состоящій при Адмиралтействѣ въ 1720-хъ гг., т. V, 893.

Мельгуновъ, Алексѣй Петр., дѣйств. тайн. совѣтъ, ярославскій и вологодскій ген.-губернаторъ, т. VI, 568.

Мельникова, Любовь Ив., рожд. Мартосъ, р. 1800 г., т. V, 578.

Мельниковъ, Авраамъ Иван., профессоръ, потомъ ректоръ архитектуры въ Академіи Художествъ, р. 1784 † 1854 г. Поступокъ его въ отношеніи Витберга, т. V, 161—163; 530—532.

Менчузовъ, адвокатъ, т. V, 320.

Меншикова, вн. Дарья Мих., рожд. Арсеньева, р. 1682 † 1728 г., т. V, 798, 887.

Меншиковъ, вн. Александръ Данил., генералиссимусъ, президентъ воен. коллегіи, сенаторъ, членъ верховн. тайн. совѣта и с.-петербургскій ген.-губернаторъ, р. 1673 † 1729 г. Оскорбленіе имъ прусскаго посла фонъ-Кейзерлинга, т. V, 803—807; 813—823. Извинительное письмо къ Кейзерлингу, т. V, 835—836. Примиреніе, т. V, 838—842. Письма къ нему разныхъ лицъ, 1702 — 1708 гг., т. V, 905—918. Письмо Мазепы, т. V, 929—931. Упом. т. V, 797, 798, 801, 828, 843, 882, 883, 891, 935, 937; т. VI, 595, 670.

Меншиковъ, вн. Александръ Серг., адмиралъ, ген.-адъютантъ, финлянд. ген.-губернаторъ, главнокомандующій войсками въ Крыму и членъ госуд. совѣта, р. 1787 г., т. V, 411, 412, 708, 709, 719, 720, 726; т. VI, 483, 605, 606.

Меншиковъ, Гавриилъ, 1706 г., т. V, 851, 885, 893.

Мерзляковъ, А. Ѡ., профессоръ и поэтъ, т. VI, 573.

Мержуловъ, Петръ Иван., мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Мерлини, генер.-маіоръ 1829 г., т. VI, 200, 201.

Мерлинъ, 1791 г., т. VI, 406, 423.

Мертваго. Смысли на его записки, т. V, 214.

Мерцъ, домовладѣлецъ 1840 г., т. V, 305.

Мерлинъ, Осипъ, т. V, 877.

Меттернихъ, князь, австрійскій дипломатъ, т. VI, 9, 678.

Мехти-Кули-ханъ, ген.-маіоръ 1826 г., т. V, 718.

Мещерскій, князь, гвард. поручикъ 1777 г., т. V, 615.

Мещерскій, князь Егоръ, мичманъ. Объ обидѣхъ, нанесенныхъ ему Волынскимъ, 1724—1725 гг., т. V, 949—951.

Мещерскій, князь Петръ Серг., тайн. совѣтн., впоследъ дѣйств. тайн. совѣтн. и сенаторъ. Распораженіе его за оберъ-прокурора синода объ изытіи изъ про-

дажи книги: «Утреннія и вечернія молитвы» 1835 г., т. VI, 583—584.

Мещерскій, князь М. И., т. VI, 561.

Миниудскій, авторъ соч. «Остатки жизни Полабскихъ славянъ», т. VI, 462.

Миллеръ, органистъ, т. V, 604.

Миллеръ, придворный метръ д'отель 1825 г., т. V, 377; т. VI, 107, 112, 113.

Миллеръ, К. П., докторъ 1830-хъ гг., т. VI, 239.

Миллеръ, Орестъ Ѡед., профессоръ с.-петербургскаго университета, т. VI, 462, 464, 694.

Милоновъ, Мих. Вас., поэтъ. О переводѣ имъ Персевой сатиры, т. V, 282.

Милорадовичъ, гр. Мих. Андр., с.-петербургскій военный губернаторъ, † 1825 г. Взятіе имъ Варшавы 1813 г. т. V, 690. Рассказы о немъ, т. VI, 286—287. Упом. т. V, 425, 540; т. VI, 158, 644.

Милютинъ, Дмитрій Алексѣев., военный министръ и историкъ, т. VI, 408.

Милютинъ, Никол. Алексѣев., членъ госуд. совѣта, извѣстный дѣятель въ Царствѣ Польскомъ, т. V, 518; т. VI, 456, 460.

Мининъ, Козьма, нижегородскій гражданинъ, т. V, 529, 530.

Минихъ, гр. Бурхардъ-Христофоръ, ген.-фельдмаршалъ, р. 1683 † 1767 г., т. V, 130, 131.

Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ, персид. министръ иностр. дѣлъ 1828 г. Письмо къ нему англ. посла Магдональда по поводу умерщвленія русскаго посольства. т. VI, 192—193. Упом. т. VI, 165, 177.

Мирза-Везюргъ, т. VI, 170.

Мирза-Мажсудъ, персидскій комиссаръ, секретарь и переводчикъ Аббасъ-Мирзы 1829 г., т. VI, 187, 189, 198.

Мирза-Месихъ, муджетехидъ, 1828 г., (высшее духовное лицо въ Персіи), т. VI, 177, 178, 181.

Мирза-Муса-ханъ, персiянинъ, т. VI, 170.

Мирза-Мухаммедъ-Али-ханъ, персид. визирь 1828 г., т. VI, 165, 179.

Мирза-Салехъ, чиновникъ особыхъ порученій при Аббасъ-Мирзѣ 1828 г., т. VI, 189, 207.

Мирва-Сулейманъ, персіянинъ, т. VI, 183.

Мирва-Нариманъ, персидскій переводчикъ, т. VI, 182.

Мирва-Фезль-Уллахъ-Мустоуфи, т. VI, 165.

Миріанъ Иракліевичъ, грузинскій царевичъ, сенаторъ, дѣйств. тайн. сов., † 1834 г. Разсказъ о немъ, т. VI, 289—290.

Мирхондъ, персид. историкъ, т. VI, 164.

Митрофановъ, Ѳеодоръ, 1715 г., т. V, 886.

Митусовъ, Григ. Петр., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, † 1871 г., т. V, 138.

Митусовъ, Петръ, тайн. сов., сенаторъ, т. V, 138.

Митусовъ, Степ. Петр., гвард. капитанъ 1796 г., т. VI, 87.

Михаилъ Павловичъ, вел. кн. Письмо къ нему Лермонтова, 1840 г., т. V, 295—296. Встрѣча имъ тѣла императора Александра Павловича въ Царскомъ Селѣ, т. VI, 137. Упом. т. V, 285, 729; т. VI, 361, 536.

Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, р. 1596 † 1645 г., т. V, 180, 334, 544; т. VI, 696.

Михайловскій - Данилевскій, Александръ Иван., ген.-лейтенантъ, писатель, т. V, 639; т. VI, 615.

Михайловъ, купецъ. Анекдотъ о немъ, т. V, 608—609.

Михайловъ, майоръ фельдъегерскаго корпуса 1825 г., т. VI, 119.

Михайловъ, Андр. Алексѣев., профессоръ Акад. Художествъ 1815 г., потомъ ректоръ архитектуры въ Академіи, т. V, 168, 169, 170, 171, 174, 520, 545, 579.

Михайловъ, Николай, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Михельсонъ, крымскій военный губернаторъ 1802 г., т. V, 201.

Михѣевъ, Макаръ, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Мишо, графъ, (де-Боретуръ), генер.-адъютантъ 1827 г., т. VI, 271.

Мищенко, полковникъ 1826 г., т. V, 714.

Могила, Петръ, митрополитъ кіевскій, т. VI, 687.

Можайскій, мичманъ 1815 г.; т. V, 392.

Можайскій, авторъ статьи «Воспоминанія о Ѳеодотовѣ» 1859 г., т. V, 733.

Моисей, викарій новгородскій 1825 г., т. V, 471.

Моллеръ, художникъ, т. V, 120.

Моллеръ, Ѳед. Вас., адмиралъ, морской министръ 1825 г., т. V, 401.

Молоствовъ, Влад. Влад., т. VI, 409.

Молоховскій, членъ Совѣта временнаго правленія въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 19, 23.

Молчановъ, подполковникъ довскаго казач. полка 1826 г., т. V, 712.

Молчановъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 885.

Монахинъ, начальникъ штаба, † 1812 г., т. VI, 70.

Монбелли, (Монбеле), участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 74, 75.

Монсей, Яковъ, лейбъ-медикъ, т. V, 256.

Монсъ, Анна Иван., въ замуж. фонъ-Кейзерлингъ. Отношенія къ ней Петра Великаго и прусскаго посла фонъ-Кейзерлинга, т. V, 803—806.

Монсъ, Владимъ Ив. Ходатайство за него фонъ-Кейзерлинга, 1707 г., т. V, 803, 805. Уп. т. V, 966.

Монферранъ, архитекторъ, строитель Исаіевскаго собора, 1817 г., т. V, 251.

Мордвинова, Вѣра Никол., въ замуж. Столыпина, т. V, 42.

Мордвинова, Генриетта Александр., рожд. Кобле, т. V, 37.

Мордвинова, Над. Никол., т. V, 42.

Мордвинова, Нат. Ив., рожд. Еремѣева, р. 1733 † 1795 г., т. V, 37.

Мордвинова, Нат. Никол., въ замуж. Львова, т. V, 42.

Мордвинова, Ѳ. С., рожд. Муравьева, т. V, 37.

Мордвиновъ, гр. Александръ Александр. Сообщ. бумаги дѣда своего графа Н. С. Мордвинова, т. V, 35—61; 193—214.

Мордвиновъ, Александръ Николаев. т. V, 42.

Мордвиновъ, Александръ Семенов., тайн.

сов., русский поварен. въ Генуѣ и Венеціи, 1781—1785 гг., р. 1753 г., т. V, 37.

Мордвиновъ, Муратъ, помѣщ. 1546 г., родоначальникъ Мордвиновыхъ, т. V, 86.

Мордвиновъ, гр. Николай Семенов. адмиралъ, вице-презид. адмиралтействъ-коллегии и морской министр. р. 1753 † 1845 г. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 35—43. Бумаги его: а) Предложеніе манифеста о трудопоощрительномъ банкѣ, т. V, 43—61. б) Предложеніе комитету по Черноморской коммерціи, т. V, 193—198. в) Мнѣніе относительно Крыма, т. V, 199—214. Упом. т. V, 662.

Мордвиновъ, Петръ Яковл., полковникъ 1794 г., т. V, 137—138.

Мордвиновъ, Семенъ Иван., адмиралъ, членъ адмиралтейцъ-коллегии, р. 1701 † 1777 г. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 36—37.

Мореходовъ, Вас. Яковл., крестьянинъ, т. VI, 694, 695.

Моржовъ, гр. Аркад. Ив., см. Маржовъ, гр. Аркад. Ив.

Морововъ, рязанскій судья 1827 г., т. VI, 661.

Морошкинъ, купецъ, т. VI, 233.

Мортемаръ, герцогъ, франц. посолъ при русскомъ дворѣ, т. VI, 310.

Мортъе, Эдуардъ-Адольфъ-Казниръ-Жозефъ, герцогъ Тревизскій, маршалъ и леръ Франціи, р. 1768 † 1836 г., т. VI, 614—617.

Мостовскій, членъ Совѣта варшавскаго временнаго правленія 1831 г., т. VI, 17, 23.

Моцартъ, композиторъ, т. V, 426.

Моцонновъ, (Моцонловъ?) отставн. полковн. 1797 г. Повелѣніе имп. Павла о надзорѣ за нимъ, т. V, 237.

Мошновъ, художникъ 1822 г., т. VI, 511.

Мстиславскій, князь, т. V, 337.

Мудрова, Софья Алексѣев., т. V, 556, 579.

Мудровъ, Алексѣй Яковл., коллеж. регистраторъ, т. V, 579.

Мудровъ, Матв. Яковл., медикъ, профессоръ москов. университета. Отзывъ о немъ Витберга и замѣтка объ отноше-

ніяхъ его къ А. Ѳ. Лабзину, т. V, 180. Упом. т. V, 186, 187, 526, 527, 560, 565, 568, 579.

Муравьевъ, с.-петербургскій полицій-мейстеръ 1797 г., т. V, 237, 238.

Муравьевъ, лейтенантъ, 1817 г., т. V, 395.

Муравьевъ, полковникъ 1827 г., т. VI, 262, 268, 270, 274, 278, 477.

Муравьевъ, Александръ Никол., декабристъ, иркутскій полицій-мейстеръ 1830 г., т. V, 478; т. VI, 601.

Муравьевъ, гр. Мнх. Никол., генерал-губернаторъ въ западномъ краѣ, т. V, 454, 781.

Муравьевъ, Николай, сенаторъ. т. V, 958.

Муравьевъ, Никол. Ерофѣев., ген.-аншефъ, т. V, 771.

Муравьевъ, Никол. Никол., генер. отъ инфантеріи, ген.-адъютантъ, намѣстникъ кавказскій. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 369, 370, 379, 381. Письмо его къ А. П. Ермолову 1855 г., т. VI, 542—543. Отвѣтъ на это письмо кавказскаго офицера, т. VI, 544—546. Упом. т. V, 432, 452, 454.

Муравьевъ-Апостолъ, П. М., писатель, т. V, 661.

Муравьевъ-Апостолъ, М. И., декабристъ, т. VI, 599.

Муравьевы, декабристы, т. VI, 602.

Мусина-Пушкина, рожд. Савелова, 1715 г., т. V, 887.

Мусинъ-Пушкинъ, извѣстный богачъ, т. VI, 606, 700.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Алексѣй Ив., об.-прокуроръ синода, президентъ с.-петербургск. Академіи Художествъ, потомъ дѣйств. тайн. совѣтн. и сенаторъ, р. 1744 † 1817 г. Разказы его изъ временъ Екатерины II и Павла I, т. V, 142—143; 458—459; 462—463; 674, 677, 770; т. VI, 87—89; 92, 96—97; 676. Упом. т. V, 460, 461.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ Валентинъ Плат., фельдмаршалъ, р. 1735 † 1804 г. Разсказъ о его твердости, т. V, 142—143.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ Иванъ

Алексѣевъ, бояринъ, потомъ дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, † 1729 г., т. V, 877, 883.

Мустафа, ханъ ширванскій 1819 г., т. V, 718; т. VI, 504.

Мустафа-паша, предводитель турецкихъ войскъ 1828 г., т. V, 432.

Мухамедъ-Вели-ханъ, касуминскій авшаръ 1828 г., т. VI, 165, 167.

Мухамедъ IV, турецкій султанъ 1648—1687 гг. Повелѣніе его Запорожцамъ и отвѣтъ Запорожцевъ 1680 г., т. VI, 450—451; 700—701.

Муханова, Натал. Павл., т. V, 344.

Мухановъ, членъ «Всепутѣйшаго собора» 1723 г., т. V, 876.

Мухановъ, Иппатъ Калинычъ, т. V, 342.

Мухановъ, Пав. Александр., членъ госуд. совѣта и предсѣдатель археографической комиссіи, р. 1798 † 1871 г. Сообщ. повелѣнія Павла I с-петербургскимъ губернаторамъ 1797—1799 гг., т. V, 235—256. Разказы изъ временъ императ. Александра I, т. VI, 676—677. Некрологъ его, т. V, 335—345.

Мухановъ, Петръ Александр., декабристъ, † 1854 г., т. V, 335, 336.

Мюнстеръ, издатель «Портретной галереи русскихъ дѣятелей», т. V, 733.

Мюрать, франц. принцъ (Иоachimъ, король неаполитанскій), т. V, 649.

Мясниковы, купцы, т. VI, 682.

Мясоедова, Марія Алек. Разказъ ея объ Екатеринѣ II, т. V, 460.

Мясоедовъ, Никол. Ефимов., дѣйств. тайн. совѣтникъ, р. 1750 † 1825 г. Разказы его объ Екатеринѣ II и генералѣ Шестаковѣ, т. V, 673, 676. Упом. т. V, 672.

Мятлевъ, И. И., 1840 г., т. V, 307.

Н.

Набомовъ, ген.-адъютантъ, 1849 г., т. VI, 71, 72.

Нагасъ, курьеръ, т. V, 945.

Наглинъ, коллеж. совѣтникъ 1825 г., т. VI, 520, 521.

Наги-Ханъ, персид. старшина 1828 г., т. VI, 277.

Нагорскій, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, 1849 г., т. VI, 74.

Надаржинскій, Тимосей Вас., духовникъ Петра Великаго. Распоряженіе о портретѣ, пожалованномъ ему царемъ, т. V, 956—957.

Надаржинскій, Филиппъ, отставной маіоръ. Распоряженіе императрицы о высылкѣ имъ портрета Петра Великаго, 1753 г., т. V, 956—957.

Наджинъ, Г. П. Сообщ. подлин. бумаги Хемвицера, т. V, 585—623. Уп. т. VI, 701.

Назаревъ, Михаилъ, подъячій, т. V, 907.

Назарова, Мавра, крестьянка, т. VI, 694.

Назаръ-Али-ханъ, персид. чиновн. 1828 г., т. VI, 165, 168.

Назимовъ, подполковникъ 1827 г., т. VI, 58.

Назимовъ, Влад. Иван., ген.-адъютантъ, попечитель москов. учебн. округа 1852 г., т. V, 128.

Назоновъ, домовладѣлецъ, т. VI, 222.

Наибъ-султанъ, 1829 г., т. VI, 192.

Най, кораб. мастеръ 1715 г., т. V, 885.

Накашидзе, молодой человекъ 1857 г., т. V, 455.

Наполеонъ I, императоръ французскій, т. V, 19, 20, 242, 269, 386, 447, 559, 647, 648, 650, 652—657, 691, 698, 701, 703, 704; т. VI, 2—5, 19, 37, 38, 285, 287, 310, 314, 320, 341, 342, 344, 347, 369, 378, 390, 398, 433, 478, 479, 541, 614—616, 628, 677.

Нарбокъ (le comte Louis de Narbonne), дипломатъ, адъют. Наполеона въ 1812 г., т. VI, 616.

Наресъ, армянскій архимандритъ 1827 г., т. VI, 44.

Нарышкина, Анна Никит., рожд. Румянцева, р. 1730 † 1820 г., гофмейстерина 1796 г., т. V, 461.

Нарышкина, Марія Антоновна, рожд. кн. Святополь-Четвертинская, р. 1779 † 1854 г. Объ отношеніяхъ къ ней имп. Александра Павловича, т. V, 630—631. Разказъ о ней, т. VI, 677. Упом. т. V, 264, 265, 652, 654.

Нарышкина, Марія Павловна, рожд. Балъ-Полева, р. 1790 † 1793 г., т. V, 769.

Нарышкинъ, Александръ Александр., об.-гофмарш. и сенаторъ, р. 1726 † 1795 г., т. V, 461.

Нарышкинъ, Александръ Львов., об.-гофмарш., об.-камерг., р. 1760 † 1826 г., т. VI, 97, 676.

Нарышкинъ, Дмитрій Львовичъ, об.-камергеръ, р. 1764 † 1838 г., т. V, 630.

Нарышкинъ, Кирилла. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, 1704 г., т. V, 912.

Нарышкинъ, Левъ Александр., об.-штабмейстеръ, р. 1733 † 1799 г., т. V, 139, 140, 222, 232, 651.

Нарышкинъ, Сем. Кирил., об.-егермейстеръ, р. 1710 † 1775 г., т. V, 769.

Насакинъ, правовѣдъ 1765 г., т. VI, 574.

Наскръ, шушинскій татаринъ, т. V, 718.

Насръ-эддинъ, персид. шахъ, т. VI, 164.

Нассаускій, принцъ 1791 г., т. VI, 426

Натъ, Антонъ Ефимов., 1791 г., т. VI, 421.

Натъ, художникъ 1717 г., т. V, 959, 960.

Нащокинъ. Ссылка на его свидѣтельство о свадьбѣ кн. М. А. Голицына, т. V, 862.

Небогатово, Иванъ, подъячій 1713 г., т. V, 937.

Небольсинъ, Вас. Александр., московскій вице-губернаторъ, т. V, 145.

Негейбауръ, бреславльскій крестьянинъ, русскій агентъ 1712 г., т. V, 923.

Нейбауръ, нѣмецкій пасторъ, т. V, 216.

Нейбауръ, воспитатель царевича Алексея Петровича, написавшій брошюру противъ Россіи, т. VI, 690.

Неклюдовъ, генералъ-майоръ 1791 г., т. VI, 423.

Нейдгардтъ, генералъ 1846 г., т. V, 439.

Нейдгардтъ 2-й, ген.-адъютантъ, ген.-квартирмейстеръ при дѣйствующей арміи 1831 г., т. VI, 311, 348.

Нейдгардтъ, адъютантъ при гр. Руманцовѣ-Задунайскомъ, т. V, 771.

Ней (Michel), французскій маршалъ 1812 г., т. V, 654, 657; т. VI, 616.

Нейрейтеръ, Каспаръ, оружейникъ, т. V, 330.

Некверъ, Жакъ, франц. министръ, р. 1732 † 1804 г., т. V, 698, 699.

Неклинскій, Степанъ, 1715 г., т. V, 884.

Неклинскій-Мелецкій, Александръ Юрьев., камергеръ и дѣйств. тайн. сов. при Екатеринѣ II. Его остроуміе, т. V, 675—676.

Неклинскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ, т. VI, 91.

Нелидова, Екат. Ив., р. 1756 † 1837 г., кам.-фрейлина 1797 г. Ходатайство ея о Н. С. Мордвиновѣ, т. V, 38.

Нелидовъ, уфимскій ген.-губернаторъ 1824 г., т. V, 360.

Нелюбохтинъ, Василій, прапорщикъ 1723 г., т. V, 879.

Немировскій, секретаръ гр. Аракчеева. Разказы его о графѣ, т. VI, 589—591.

Неплюевъ, составитель записокъ. Разказъ его о тяжбѣ князь-папы Зотова съ полковник. Блеклимиъ, т. V, 850—851.

Неронова, госпожа 1715 г., т. V, 887.

Нероновъ, Борисъ. Челобитная его о «характерѣ», 1721 г., т. V, 965—966.

Несвицкій, князь, пажъ, посланный за границу для изученія правовѣдѣнія 1765 г., т. VI, 574.

Нессельроде, гр. Карлъ Васильевичъ (Карлъ-Робертъ), государств. канцлеръ, р. 1780 г. Письмо къ нему Аббасъ-Мирзы по поводу убійства русскаго посланника въ Тегеранѣ 1829 г., т. VI, 186—187. Письма по тому же дѣлу отъ гр. Паскевича, т. VI, 188—190, 205—206. Письмо къ гр. Паскевичу, т. VI, 193—195; 198—199. Упом. т. V, 406—408, 786; т. VI, 44, 182, 205, 207, 475, 482, 484.

Нетельгорetzъ-фонъ, бригадиръ 1707 г., т. V, 814, 820, 821.

Нечаевъ, тульск. дворянск. засѣдатель 1827 г., т. VI, 663.

Нечаевъ, Николай, дворовный Исмаилова, подавшій на него жалобу государю 1827 г., т. VI, 655.

Нецловъ, плацъ-полковникъ 1724 г., т. V, 949, 950.

Никитинъ, штабъ-лекаръ 1827 г., т. VI, 659.

Никитинъ, гр. Алексѣй Петр., ген. отъ кавалеріи, инспекторъ резервной кавалеріи, т. VI, 593.

Никифоровъ, Григорій, слобожанинъ 1711 г., т. V, 940.

Никѣла, аббать, т. V, 518.

Николаевъ, полковникъ, командиръ донскаго казачьяго полка 1825 г., т. VI, 104, 122.

Николай Павловичъ, императоръ. Вступленіе его на престолъ и присяга ему, т. VI, 134. Встрѣча имъ тѣла Александра Павловича въ Царскомъ Селѣ, т. VI, 137. Донесенія ему Паскевича, Дибича и Ермолова по дѣламъ Кавказа 1826—1828 гг., т. VI, 43—58; 61—68; 243—249; 253—255; 257—273; 278—279. Отношенія къ Ермолову, т. VI, 359—362. Учрежденіе министерскаго поста при персидскомъ дворѣ 1828 г., т. VI, 169. Письмо Аббасъ-Мирзы по поводу умерщвленія русскаго посольства въ Тегеранѣ 1829 г., т. VI, 185—186. Указъ сенату объ исключеніи князя М. Чарторыжскаго изъ русскаго службѣ, 1831 г., т. VI, 405. Рѣчь депутатамъ города Варшавы при приемѣ ихъ во дворцѣ Лазенки 1835 г., т. VI, 391—393; 678—683. Записка барону Врескому 1854 г., т. VI, 605—606. Мѣвнѣ Тарасова о царствованіи императора, т. VI, 143. Упом. т. V, 42, 366, 406, 432, 475, 476, 518, 532, 578, 580, 624, 628, 959, 969; т. VI, 22, 32, 35, 103, 151, 159, 161, 164, 316, 450, 476, 483, 529.

Николаевъ, Юрій Алексѣевъ, приставъ, подъ надзоромъ котораго находился Суворовъ во время своей ссылки въ деревню. Разказы о немъ, т. V, 768; т. VI, 93.

Никонъ, патриархъ москов., т. VI, 92.

Нивулаевъ, Терентій, мѣщан. 1711 г., т. V, 939.

Нидовъ, т. V, 692.

Ниротъ, 1715 г., т. V, 884.

Новиковъ, подрядчикъ 1791 г., т. V, 423.

Новиковъ, адъютантъ А. П. Ермолова, т. VI, 534.

Новиковъ, Никол. Ивановичъ, армей-

скій поручикъ, глава московскихъ мартинистовъ. Гдѣ въ противъ него императрицы Екатерины II, 1793 г., т. V, 146. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 560—568. Упом. т. V, 338, 549; т. VI, 576, 690.

Новицкая, первая танцовщица 1816 г., т. VI, 299.

Новицкій, Валентинъ. Сообщ. рассказъ о подвигѣ Вержибцаго, т. V, 475—477.

Новицкій, Данила, сержантъ 1707 г., т. VI, 667.

Новоиченковъ, тверской почтмейстеръ 1815 г., т. V, 161.

Новосильцевъ, Никол. Никол., дѣйств. тайн. сов., попечитель виленскаго университета, † 1838 г. Письмо къ нему цесаревича Константина Павловича, 1816 г., т. V, 681—682. Упом. т. V, 38.

Ножанъ, французскій писатель, т. V, 231.

Норовъ, Авраамъ Сергѣевъ, предсѣдатель археографической комиссіи, † 1869 г. Рассказъ его объ Аракчеевѣ, т. V, 472. Упом. т. V, 339.

Носковъ, майоръ 1829 г., т. VI, 201.

Носовичъ, литераторъ, т. V, 462.

Ностицъ, саксонскій генералъ 1813 г., т. V, 691.

Ноульсъ, адмиралъ, начальникъ Дунайской флотиліи 1773 г., т. V, 37.

Нумерсъ, генер., корпусн. командиръ 1770 г., т. VI, 407.

Ньютонъ, англ. ученый, т. V, 37.

Нѣмцевичъ, поэтъ и историкъ, т. V, 270; т. VI, 17, 20.

Нѣщцовъ, Фед. Глѣб., тобольскій губернаторъ 1762 г., т. V, 671.

О.

Ободовскій, Платонъ Григ., писатель 1840 г., т. V, 307.

Оболенская, княгиня, 1715 г., т. V, 887.

Оболенскій, кн. Е. П., декабристъ. Свидѣтельство его о И. Д. Ялушкинѣ, т. VI, 600.

Оболенскій, кн. Мих. Андр., дѣйств. стат. сов. 1860 г., т. V, 879.

Оболенскій, кн. Михаилъ Матв., ком-

натный столикъ 1728 г., т. V, 876, 884.

Обольяниковъ, Петръ Хрисанфовичъ, ген.-прокуроръ, вполѣдствіи генер. отъ инфантерій, † 1841 г. Пожалованіе ему императоромъ Павломъ дома 1799 г. и замѣтка о немъ, т. V, 254 — 255. Упом. т. V, 235, 253; т. VI, 95, 627.

Обрѣзкова, Елиз. Семен., рожд. Волкова, въ 1-мъ замуж. бар. Остенъ, а въ 3-мъ — вн. Хилкова, т. V, 244, 480.

Обрѣзкова, Софья Александр., рожд. кн. Щербатова, т. V, 244, 480.

Обрѣзковъ, адъютантъ 1811 г., т. V, 263, 659, 688.

Обрѣзковъ, Алексій Мих., дѣйств. тайн. сов., резидентъ въ Константинополѣ, т. V, 244.

Обрѣзковъ, Петръ Александровичъ, т. V, 480.

Обрѣзковъ, Петръ Алексѣев., тайн. сов., состоявшій при имп. Павлѣ, † 1814 г., т. V, 244, 480.

Оверъ, А. И., докторъ 1852 г., т. V, 126, 127.

Огаревъ, сенаторъ 1827 г., т. VI, 661.

Огюжскій, Николай, каштелянъ троцкій, надворный подскарбій литов., посолъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ, т. V, 826.

Огюсть (Пуаро), танцовщикъ и балет-мейстеръ 1816 г., т. VI, 300.

Одинцовъ, Евстафій Степ., контръ-адмиралъ 1790 г. Полученіе имъ подарка отъ императрицы Екатерины II, т. V, 145.

Одоевскій, кн., московск. домовладѣлецъ 1812 г., т. VI, 614.

Озеровъ, дѣйств. стат. сов. 1864 г., т. VI, 472.

Ожоловъ, генер.-контролеръ царства польскаго 1820 г., т. VI, 7, 8.

Оксенштиерна, Аксель, швед. дипломатъ, бывшій регентомъ за малолѣтствомъ кор. Христины, † 1854 г., т. V, 587.

Оленикъ, Алексій Никол., президентъ Академіи Художествъ, † 1842 г., т. V, 160, 549, 550; т. VI, 507.

Олешева, Марія Вас., рожд. Суворова, т. VI, 406, 409.

Олешевъ, Алексій Вас., дѣйств. стат. сов., т. VI, 409.

Олеуфьевъ, Адамъ Вас., дѣйств. тайн. совѣтн., статсъ-секретарь и управлявшій собствен. канцелярію императр. Екатерины II, † 1784 г. Разсказъ объ обжорствѣ его, т. V, 670. Упом. т. V, 958.

Олеуфьевъ, Василій Дмитр., оберъ-гофмейстеръ при Петрѣ Великомъ, т. V, 884.

Олеуфьевъ, Дмитр. Адам., стат. сов., т. VI, 374.

Олеуфьевъ, Матвѣй Дмитр., оберъ-гофмейстеръ при Екатеринѣ I, т. V, 884.

Олеуфьевъ, Фед. Яковл., ген.-маіоръ и гв. маіоръ, т. VI, 88.

Ольга Павловна, великая княжна. т. VI, 89.

Ольшескій, А. Д., командиръ бѣло-русскаго гусарск. полка. Письмо къ нему партизана Давыдова 1816 г., т. V, 635—636, 402. Участіе его въ польской войнѣ 1831 г., т. VI, 384, 387, 388.

Ожеро, драгоманъ, т. V, 608.

Ожеръ-паша, командующій турецкими войсками 1855 г., т. V, 452.

Опочининъ, Констан. Фед., т. V, 696, 696, 697, 781, 952.

Опочининъ, Фед. Констан. Сообщ. письма прагѣда своего кн. М. И. Голенничева-Кутузова къ женѣ 1810 — 1812 гг., т. V, 257 — 269; 647 — 660; 687 — 698. Письма Г-жи де-Сталь къ кн. Е. И. Голенничевой-Кутузовой, 1812—1813 гг., т. V, 698—706. Записки гр. Г. П. Чернышева, т. V, 791—802. Письмо св. Димитрія Ростовскаго, т. V, 952. Замѣтка по поводу изданія имъ бумагъ кн. Кутузова, т. V, 781—783. Упом. т. VI, 501.

Опочининъ, Фед. Петр., об.-гофмейстеръ, † 1852 г., т. V, 260, 268, 654, 660, 690, 691, 696, 697, 952.

Опперманъ, графъ Александръ Карл. флиг.-адъютантъ 1827 г., потомъ генер.-маіоръ, т. VI, 43, 386.

Оранскій, принцъ, т. V, 604.

Орбалианъ, кн. Григ. Дмитр., генер.-отъ инфантерій, т. V, 453.

Оржицкій, офицеръ, декабристъ, т. VI, 261, 264.

Орлеанскій, герцогъ, т. V, 602.

Орликъ, кievскій воевода 1711 г., т. V, 935.

Орлова-Чесменская, гр. Анна Алексеевна, р. 1785 † 1848 г., кам.-фрейлина 1817 г., т. V, 624; т. VI, 232, 242, 508.

Орловскій, извѣстный живописецъ, т. V, 546.

Орловъ, офицеръ 1846 г. Ходатайство о немъ А. П. Ермолова, т. V, 433.

Орловъ, гр. Алексій Фед., (впослѣд. князь), ген. отъ кавалеріи, ген.-адъют., предсѣдатель госуд. сов. и комитета министровъ, † 1861 г., т. V, 299, 433, 448, 450; т. VI, 70, 72, 73, 385.

Орловъ, кн. Григ. Григ., ген.-фельдцейхмейстеръ, р. 1734 † 1783 г. Разсказъ о медали, выбитой въ честь его за усмиреніе возмущенія въ Москвѣ 1771 г., т. V, 132. Сожалѣніе, выраженное импер. Екатериною II о его смерти, т. V, 139. Упом. т. V, 130, 136, 236, 468, 678, 770.

Орловъ, Илья, 1715 г., т. V, 885.

Орловъ, Мих. Фед., ген.-маіоръ, декабристъ, † 1842 г. Замятка о немъ по поводу выхода его изъ членовъ тайнаго общества, 1821 г., т. V, 775—781; т. VI, 597—602. Упом. т. V, 637.

Орловъ, Н. М. Замятка его о М. О. Орловѣ, т. V, 775—781; т. VI, 597—602.

Орловъ, Степ. Петр., полковой лекаръ 1820 г. Отношенія его къ гр. Аракчееву, т. VI, 230, 231, 235—239, 242.

Орловъ-Денисовъ, гр. Вас. Вас., ген.-лейт., ген.-адъютантъ, впослѣд. ген. отъ кавалеріи, р. 1780 † 1843 г. Препровожденіе имъ тѣла императора Александра Павловича въ Петербургъ, т. VI, 131—139. Упом. т. VI, 507, 508.

Орловъ-Чесменскій, графъ Алексій Григ., генер.-аншефъ, р. 1735 † 1807 г. Записка къ нему Екатерины II по поводу смерти брата его князя Григорія, т. V, 139. Разсказъ о наказаніи его Павломъ I, т. VI, 89—90. Упом. т. V, 131, 772; т. VI, 413, 415.

Орловы, братья-фавориты. Старанія ихъ помѣшать возвышенію Потемкина, т. V, 465—466. Упом. т. V, 675.

Осипова, П. А., владѣт. села Григорьевскаго, другъ А. С. Пушкина, т. V, 627.

Осиповъ, полковникъ, горный чиновникъ на Уралѣ, 1824 г., т. V, 371.

Осиповъ, Григ. Мих., гвард. офицеръ. 1762 г., впослѣд. д. тайн. сов., т. V, 671.

Осипъ Петровичъ, мундшенкъ, т. V, 135.

Оскаръ, наслѣднй шведскій принцъ. Посѣщеніе имъ военн. поселеній 1830 г., т. VI, 232.

Османъ, турецкій императоръ, т. VI, 451.

Остенъ-Сазенъ, бар. Дмитр. Ерофѣев., ген.-адъют., ген. отъ кавалеріи 1849 г., т. V, 442; т. VI, 331, 334, 372.

Остенъ-Сазенъ, бар. Карлъ Иванов. (впослѣд. графъ), воспитатель вел. кн. Павла Петровича, дѣйств. тайн. сов., р. 1733 † 1808 г., т. VI, 418.

Остенъ-Сазенъ, бар. Фабианъ Вильгельмов., впослѣд. фельдмаршалъ и князь, р. 1752 † 1837 г. Письмо его къ генерал-лиссинусу Суворову 1791 г., т. VI, 416. Письмо къ нему Суворова, т. VI, 424. Упом. т. VI, 418.

Остергарденъ, Михаиль, 1704 г., т. V, 912.

Остерманъ, ген.-маіоръ 1769 г., т. V, 218.

Остерманъ, Андрей Иван. (Генрихъ-Іоаннъ-Фридрихъ), впослѣд. графъ, дѣйств. тайн. совѣтъ., каб.-министръ и ген.-адмиралъ, р. 1686 † 1747 г., т. V, 885.

Остерманъ, гр. Ив. Анд., вице-канцлеръ, потомъ государств. канцлеръ и президентъ коллегіи иностр. дѣлъ, р. 1725 † 1811 г., т. V, 219, 695; т. VI, 94, 425.

Остерманъ-Толстой, гр. Александръ Иванов., генер. отъ инфантеріи, генер.-адъютантъ, т. VI, 541.

Остолоповъ, т. VI, 409.

Островскій, членъ Совѣта временнаго правленія въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 19, 20.

Островскій, Александръ Никол., драматургъ. Мнѣніе Гоголя о его сочиненіяхъ, т. V, 121—122.

Охотниковъ, членъ «Союза Благоденствія» 1821 г., т. VI, 597.

II.

Павелъ Петровичъ, императоръ. Отношенія его къ мартинистамъ, т. V, 549, 563—564. Покровительство В. И. Баженову 1787 г., т. V, 141. Поступокъ въ отношеніи короля Густава-Адольфа 1796 г., т. V, 463. Отношенія къ Н. С. Мордвинову, т. V, 38. Ссылка Ермоловыхъ въ Орловскую деревню, т. VI, 487. Возвращеніе Радишева изъ ссылки, т. VI, 580. Учрежденіе Сиротскаго дома 1797 г., т. V, 245. Повелѣнія с.-петербургскимъ губернаторамъ 1797—1799 гг., т. V, 236—256. Распоряженіе объ изыятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и о замѣнѣ ихъ новыми 1800 г., т. VI, 98. Преданность Аракчеева, т. V, 471—472. Употребленіе золотыхъ медалей, собранныхъ Екатериною II, на украшеніе Михайловскаго замка, т. VI, 676. Разказы изъ царствованія императора, т. VI, 87—97. Упом. т. V, 148, 465, 544, 559, 563, 625, 671, 684, 770, 782, 802; т. VI, 406, 673, 682.

Павлицевъ, Л. Н. Сообщ. списокъ съ письма Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову 1855 г., т. VI, 543.

Павлова, Анна Петр., рожд. Ермолова, т. VI, 501, 508, 524, 530, 532.

Павловъ, инспекторъ 1827 г., т. V, 294.

Павловъ, Алексѣй Александров., камергеръ и синод. об.-прокуроръ, т. VI, 501, 508, 509, 513, 526, 531.

Павловъ, Никол. Филип., литераторъ, т. V, 122.

Павлоцкій, бригадн. адъютантъ 1829 г., т. VI, 200.

Палаузовъ, Спиридонъ Никол., ученый, р. 1819 † 1872 г. Некрологъ его, т. VI, 471—473. Упом. т. V, 682, 684.

Паленъ-фонъ-деръ, гр. Петръ Алексѣев. (Петръ-Людвигъ), генер. отъ кавалеріи, с.-петербург. воен. губернаторъ, попомъ первоприсут. въ коллегіи иностр. дѣлъ и главный директоръ почтъ, р. 1745 † 1826 г. Повелѣнія ему отъ императора Павла 1798—1799 гг., т. V, 240 —

256. Замятка о его службѣ, т. V, 479. Разказъ о его смѣлости, т. VI, 96.

Паленъ-фонъ-деръ, гр. Петръ Петр. генер.-инспекторъ всей кавалеріи, ген.-адъютантъ и членъ госуд. совѣта, † 1864 г. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 330, 331, 372. Упом. т. V, 240.

Паленъ-фонъ-деръ, гр. Юліана Ил. рожд. бар. фонъ-Шенингъ, р. 1763 † 1814 г., т. V, 240.

Палибинъ, т. V, 877.

Палласъ, извѣстный путешественникъ и писатель, т. V, 661.

Пальмъ, участивъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 74, 82.

Пальчиковъ, А. В. Сообщ. бумаги прадѣда своего Филиппа Пальчикова, т. V, 893—902.

Пальчиковъ, Филиппъ Петр. Біографическая замѣтка о немъ, т. V, 893—894. Письма и указы къ нему Петра Великаго, 1717—1724 гг., т. V, 895—902. Упом. т. V, 886.

Панаевъ, Ив. Ив., литераторъ. Шутка на него Щербини, т. V, 157—158.

Панина, Над. Андр., рожд. Ладыженская. Донось ея на заговорщиковъ 1762 г., т. V, 131.

Панинъ, Вас. Алексѣев., коллеж. совѣтникъ, т. V, 131.

Панинъ, гр. Никита Иванов., дѣйств. тайн. сов., первоприсутств. въ коллегіи иностр. дѣлъ, сенаторъ и воспитатель вел. кн. Павла Петровича, р. 1718 † 1783 г. Исторія его возвышенія, т. V, 466. Упом. т. V, 131, 219, 679, 958; т. VI, 425, 568.

Панинъ, гр. Петръ Ив., ген.-аншефъ и сенаторъ, р. 1721 † 1789 г., т. V, 133, 767, 771, 958.

Панератьевъ, генер.-маіоръ 1827 г., т. VI, 268, 270.

Пановъ, Н. И. Сообщ. ордеръ гр. Салтыкова Борчугову, 1801 г., т. V, 681.

Панютинъ, С. Ѳ., камеръ-юнкеръ 1855 г. (нынѣ тайн. сов.). Диктованное ему предсмертное письмо кн. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову, т. VI, 427.

Панюнкскій, славянинъ, т. VI, 454.

Парри, мореплаватель, т. V, 398.
Парротъ, профессоръ 1819 г., т. V, 396.
Парсехъ, армянскій архіерей 1829 г., т. VI, 201.
Парсуновъ, Василій, 1715 г., т. VI, 885.
Паскевичъ-Эриванская, гр. Елизава. Алексѣев., кн. Варшавская, рожд. Грибоѣдова, † 1856 г., т. VI, 680.
Паскевичъ-Эриванскій, гр. Ив. Фёд. кн. Варшавскій, фельдмаршалъ, намѣстникъ Царства Польскаго 1832 г. Его военныя дарованія, т. VI, 476. Отзвѣвъ о немъ императора Николая при отправленіи его въ Грузію 1826 г., т. VI, 362. Отношенія къ А. П. Ермолову 1826—1827 г., т. VI, 40, 47, 48, 51—57, 65—68, 245, 316, 317, 348, 362—365, 385—386, 475, 477, 484—487. Письма отъ Ермолова, 1827 г., т. VI, 499—500. Донесенія императору Николаю по дѣламъ Кавказа, т. V, 706—708, 709—726; т. VI, 43—45, 57—58. Замячанія о 42 егерскомъ полку, о полковникѣ Реуттѣ, и отчего крѣпость Шуша не была снабжена провіантомъ, т. VI, 58—60. Замячанія о томъ, какимъ образомъ защита пограничной крѣпости была ввѣрена Ильинскому, т. VI, 60—61. Письма къ генералу Дибичу, т. V, 708—709; т. VI, 41—43, 69. Назначеніе на мѣсто Ермолова, т. VI, 267. Побѣда надъ персіанами, т. VI, 279. Обстоятельства взятія Эривани, т. VI, 333—334. Донесенія по поводу умерщвленія русскаго посольства въ Персію 1829 г., т. VI, 169—179, 195, 204. Письмо по тому же дѣлу отъ Аббасъ-Мирзы, т. VI, 187—188. Письма о томъ же къ графу Нессельроде, т. VI, 188—190, 196—198. Тоже отъ гр. Нессельроде, т. VI, 193—195. Донесенія Амбургера о препровожденіи тѣла Грибоѣдова въ Тифлисъ, т. VI, 200—202. Письмо къ митрополиту Іонѣ о погребеніи Грибоѣдова, т. VI, 202. Мнѣніе о вознагражденіи вдовы и матери Грибоѣдова, т. VI, 205—206. Отношенія къ кн. В. Г. Мадатову, т. VI, 699. Предсмертное письмо къ кн. М. Д. Горчакову: мысли по поводу оборонъ и паденія Севастополя 1855 г., т. VI, 604—605; 427—435.

Упом. т. V, 339, 432, 433, 441, 444, 452, 682; т. VI, 140, 164, 184, 203, 207, 254, 258, 264, 268—272, 280, 323, 326, 358, 362, 375, 393, 530, 533.

Паскевичъ-Эриванскій, кн. Феодоръ Иванъ, Письмо его въ редакцію, т. VI, 700.

Пассежъ, генераль 1846 г., т. V, 434.

Пассежъ, Вадимъ Васильевъ, писатель, † 1842 г., т. VI, 607, 608.

Пассежъ, В. Вадимовъ, т. VI, 633.

Пассежъ, Петръ Богдановъ, ген.-адъютантъ, могилев. губернаторъ, потомъ ген.-губернаторъ бѣлорусскій 1782 г. Выговоръ ему отъ императр. Екатерины II, т. V, 134. Упом. т. V, 459.

Пассежъ, Татьяна Петр., рожд. Кучина. Записки ея: воспоминанія объ А. И. Герценѣ и семействѣ Яковлевыхъ, т. VI, 607—648. Сообщ. Записки А. Л. Витберга въ подлинномъ спискѣ А. И. Герцена, т. V, 17—32; т. VI, 159—192.

Патерсонъ, Вас. Вас. Посѣщеніе его Александромъ I, 1824 г., т. VI, 145—148.

Патерсонъ, Дмитр. Вас., т. VI, 147.

Патерсонъ, Евгенія Акимовна, рожд. Львова. Принятіе ею у себя Александра I, т. VI, 145—148.

Паткуль, ливонецъ, колесованный шведами въ 1706 г., т. V, 908.

Паулутчи, маркизъ, кавказскій главнокомандующій 1813 г., рижскій воен. генераль-губернаторъ 1825 г., т. V, 387, 431.

Пацъ, генераль, членъ Совѣта временнаго правленія въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 17, 20, 38.

Пашвовъ, Александръ Васил. генер.-майоръ 1831 г., т. VI, 352, 366, 369, 381, 382, 383.

Пашвовъ, Егоръ, 1715 г., т. V, 886.

Пекарскіе, уфимскіе дворяне, т. VI, 690.

Пекарскій, Петръ Петр., дѣйств. ст. сов., академикъ, р. 1828 † 1872 г. Свѣдѣнія о немъ, т. VI, 684—686. Перечень его трудовъ, т. VI, 686—693. Упом. т. VI, 471.

Пелжсъ, капитанъ 1790 г., т. VI, 571.

Пелжсъ, франц. маршалъ, т. V, 453.

Пеннинскій, составитель христоматіи, т. VI, 701.

Перголезе, композиторъ, т. V, 603.

Пережускина, Марія Савишна, любимица Екатерины II, р. 174... † 1826 г. Вниманіе къ ней императрицы, т. V, 142, 145. Разказы ея объ Екатеринѣ, т. V, 460, 670, 674. Упом. т. V, 141; т. VI, 90, 491.

Перле, иностранецъ, т. V, 334.

Перовскій, гр. Вас. Алексѣев., ген. отъ кавалеріи, ген.-адъютантъ, членъ гос. совѣта, оренбургскій и самарскій ген.-губернаторъ, т. V, 412.

Перовскій, гр. Левъ Алексѣев.. дѣйств. тайн. сов., гофмейстеръ, мин. внутрѣн. дѣлъ 1840—1852 гг., потомъ министръ уѣдлово, т. VI, 72, 73.

Петерсоко, генералъ 1777 г., т. V, 615.

Петрашевскій, Мих. Вас., † 7 дек. 1867 г., основ. тайн. общества. Мнѣніе И. П. Липранди по его дѣлу 1849 г., т. VI, 70—86.

Петреусъ, историкъ, т. V, 334.

Петровъ, В. Набросокъ эпиграммы на него Хемницера, т. V, 610. Упом. т. V, 618.

Петровъ, библиотекарь при императр. Екатеринѣ II, т. V, 466.

Петровъ, NN Павловичъ, юнкеръ, 1855 г., т. V, 449.

Петровъ, фельдъегерь 1827 г., т. VI, 266.

Петровъ, А. Н. Сообщ. повелѣніе императ. Александра I объ обращеніи съ солдатами, 1804 г., т. VI, 283—284.

Петровъ, Иванъ, счетчикъ 1711 г., т. V, 939.

Петровъ, Пав. Иван., т. V, 446.

Петровъ, П. Н. Сообщ. примѣчанія къ Запискамъ Витберга, т. V, 159—160, 162, 168—172, 178—181, 183, 519—520, 532, 533, 577—580.

Петровы, пѣвцы, т. V, 304.

Петръ Великій, императоръ. Обь отношеніяхъ его къ Аняѣ Монсъ, т. V, 803. Обь оскорбленіи прусскаго посла фонъ-Кейзерлинга 1707 г., т. V, 803—844. О построенномъ имъ въ 1712 г. Итальянскомъ дворцѣ, т. V, 245. Указъ о строевіяхъ въ Петербургѣ 1715 г., т. V, 953. Распоряженія по кораблестроенію 1717—

1724 г., т. V, 893—902. Преданіе о словахъ, будто бы произнесенныхъ имъ передъ статуей Ришелье 1718 г., т. V, 603. Распоряженіе о вознагражденіи за археологическія находки 1718 г., т. VI, 474. Челобитная Бориса Неронова о характерѣ 1721 г., т. V, 965—966. Шутки и потѣхи Петра Вед, т. V, 845—892. Сподвижникъ его, т. V, 903—951. Легенда о свиданіи его съ атаманомъ Сидоркой, т. V, 963—964. Распоряженіе императ. Елизаветы Петровны о портретѣ Петра, подаренномъ Нарджинскому, т. V, 956—957. О портретѣ его въ Полтавѣ, т. V, 958—962. Докладъ императр. Екатеринѣ II о мѣстѣ для памятника ему, т. V, 957—958. Упом. т. V, 26, 38, 44, 184, 217, 226, 229, 238, 250, 342, 604, 608, 791, 792, 795, 799; т. VI, 103, 166, 561, 563, 688, 690.

Петръ II, императоръ, т. V, 237.

Петръ III, императоръ. Указъ его съноду о соблюденіи правосудія 1762 г., т. VI, 567—568. Упом. т. V, 37, 129, 130, 131, 255, 390, 674; т. VI, 89, 90.

Петръ, наслѣдн. принцъ Курляндскій 1738 г., т. V, 799.

Печатникъ, Г. П., т. VI, 606.

Пизани, т. V, 694.

Пиранъ, визирь туранскій, прославившійся мудростію, т. VI, 166.

Писаревъ, т. V, 692.

Писаревъ, Александр. Александр., ген.-маіоръ, попечитель москов. учебн. округа 1829 г. Прошенія къ нему смотрителя сѣвскихъ училищъ Шелкова, т. VI, 444—447. Предписаніе объ увольненіи Шелкова отъ должности, т. VI, 447—448.

Писаревъ, Александр. Іевличъ, маіоръ 1776 г., т. V, 604.

Писаревъ, Богданъ, 1715 г., т. V, 885.

Писаревъ, Григорій, 1715 г., т. V, 885.

Писарской, Семень, 1715 г., т. V, 885.

Питтъ, англичанка, находившаяся въ качествѣ собесѣдницы при импер. Елизаветѣ Алексѣевнѣ, т. VI, 137, 138.

Пичики, Іоаннъ, оружейникъ, т. V, 330.

Платовъ, гр. Ив. Матв. младшій, полковникъ войска Донскаго. Участіе его въ

польской кампаніи 1831 г., т. VI, 349, 369, 370, 404.

Платовъ, гр. Матв. Ив., ген. отъ кавалеріи, наказной атаманъ войска Донскаго, основатель Новочеркасска, р. 1761 † 1818 г. Участіе его въ битвѣ подъ Бороднымъ 1812 г., т. V, 269. Характеристическіе рассказы о немъ, т. VI, 677—678. Упом. т. V, 656, 689; т. VI, 106, 108, 494.

Платонъ, моск. митрополитъ. Совершеніе ямъ коронованія императора Александра Павловича, т. VI, 676. Рассказы о немъ, т. V, 768.

Племянниковъ, Григорій Ив., сенаторъ 1711 г., т. V, 891.

Плетневъ, Петръ Александр., писатель, т. VI, 443, 444.

Плещеевъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 74, 75.

Плещеевъ, Алексѣй. Эпиграмма его на Щербину и отвѣтъ послѣдняго, т. V, 151.

Плещеевъ, Серг. Ив., дѣйств. тайн. сов., т. V, 685.

Плотникова, воспитанница театральнаго училища, т. VI, 304.

Плохово, генералъ, команд. отрядомъ 1831 г., т. VI, 383, 384.

Погодинъ, Мих. Петр., академикъ. О доставшемся ему портретѣ Н. В. Гоголя, т. V, 119—120. Составленный имъ некрологъ П. А. Муханова, т. V, 335—342. О статьяхъ его объ А. П. Ермоловѣ, т. VI, 475, 490, 500. Упом. т. V, 121, 122, 148, 420.

Подобѣдовъ, 1813 г., т. V, 690.

Подушкинъ, штабсъ-капитанъ, 1799 г., т. V, 254.

Пошарскій, кн. Дмитр. Мих., бояринъ, т. V, 331, 529, 530.

Позняковъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 885.

Полевой, Никол. Алексѣев., издатель «Телеграфа». Замятка объ отношеніяхъ къ нему Булгарина, т. V, 299.

Полякова, 1715 г., т. V, 884.

Полторацкая, Агафоклея Александр., т. V, 139.

Полторацкій, Марко Фед., директоръ пѣвческой капеллы. Рассказъ о посѣще-

ніи его императр. Екатериною II, 1785 г., т. V, 139.

Полънова, т. V, 261.

Полкомаревъ, т. VI, 687.

Пономаревъ, С. И. Сообщ. отрывокъ стихотворенія М. А. Максимовича, т. VI, 224.

Понатовскій, Станиславъ - Августъ, послѣдній польскій король, т. V, 960.

Поповскій, переводчикъ соч. «Опытъ о человѣкѣ», т. VI, 637.

Поповъ, командиръ одного изъ казач. полковъ 1831 г., т. VI, 349, 371.

Поповъ, камердинеръ Екатерины II, т. V, 135.

Поповъ, синафанскій землемъ исправникъ 1827 г., т. VI, 656.

Поповъ, Андрей, авторъ «Описанія хронографовъ», т. VI, 450.

Поповъ, Вас. Петр. Сообщ. биогр. чesкую замѣтку о П. А. Ѳедотовѣ, т. V, 729—733.

Поповъ, Вас. Степ., правит. канцеляри кн. Потемкина-Таврическаго, впоследствии дѣйств. тайн. сов. и предсѣдатель департамента гражд. дѣлъ въ госуд. совѣтѣ, † 1822 г. Высочайшее повелѣніе объ арестѣ его въ 1799 г., т. V, 253—254. Рассказы его: а) о кн. Долгорукомъ-Крымскомъ, т. V, 186; а б) объ императрицѣ Екатеринѣ II, т. V, 461—462. Упом. т. VI, 415.

Поповъ, М., писатель, т. V, 616.

Поповъ, Фед. Ив., кавалергар. ген.-майоръ, т. V, 678.

Порашинъ, т. V, 695.

Порошининъ, Василій, шмицельбург. комендантъ въ 1700-хъ годахъ, т. V, 906.

Потаповъ, рейткнехтъ при Александрѣ I и потомъ камердинеръ импер. Николая, т. VI, 103.

Потапова, Александра Петр., рожд. Грохольская, т. VI, 698.

Потаповъ, ген.-аншефъ, воронежскій намѣстникъ 1774 г., т. VI, 674.

Потаповъ, ген.-адъютантъ. Записка къ нему А. П. Ермолова 1827 г., т. VI, 63.

Потаповъ, Александръ Львовичъ, ген.-адъютантъ, ген.-губерн. Северо-западн. края. Сообщ. письмо св. Дмитрія Ростов-

сваго къ Грохольскому 1709 г., т. VI, 293. Замятку о Грохольскихъ, т. VI, 698—699. Упом. т. VI, 674.

Потаповъ, Левъ, ген.-майоръ, т. VI, 698.

Потемкина, т. V, 887.

Потемкина, Дарія Вас., рожд. Кондрева, вдова Скуратова, р. 1704 † 1780 г. Отношенія къ ней мужа, т. V, 463—464.

Потемкинъ, Александръ Вас., подполковн., смолен. помѣщикъ, р. 1673 † 1746 г. Отношенія его къ семьѣ, т. V, 463—464.

Потемкинъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 884.

Потемкинъ, Мих. Серг., ген.-поручикъ, ген.-кригсъ-комиссаръ, † 1791 г., т. V, 464.

Потемкинъ, гр. Пав. Серг., ген.-аншефъ, кавказск. ген.-губернат., писатель, р. 1748 † 1796 г. О письмѣ его къ И. И. Шувалову въ 1794 г., т. V, 346. Упом. т. V, 464.

Потемкинъ, Сергій Дмитр., секунд-майоръ. Пронски его въ отношеніи Дарьи Вас. Потемкиной, т. V, 464.

Потемкинъ-Тавричѣскій, кн. Григ. Александровичъ, ген.-фельдмаршалъ, р. 1738 † 1791 г. Семейныя свѣдѣнія о немъ, т. V, 463—468. Покровительство его кн. А. И. Горчакову, т. V, 144. Основаніе города Херсона, т. V, 223. Выговоръ отъ императрицы, т. V, 142. Упом. т. V, 37, 39, 130, 138, 142, 219, 237, 253, 462, 479, 638, 661, 671, 672, 678, 769; т. VI, 408, 412, 414, 415, 420, 421.

Потоцкая, гр. Викторія Фелисов., въ 1-мъ замуж. гр. Шуазель-Гуффе, во 2-мъ—Бахметева; р. 1780 † 1827 г., фрейлина 1794 г. Пожалованіе ей императр. Екатериною II жемчуговъ, т. V, 457—458. Упом. т. V, 261.

Потоцкій, гр. Александръ Станиславовичъ, оберъ-штабмейстеръ Россійскаго двора, р. 1776 † 1845 г., т. V, 41.

Потоцкій, гр. Станиславъ, мин. народн. просвѣщенія и духовн. дѣлъ, президентъ сената въ Царствѣ Польскомъ, р. 1752 † 1822 г., т. V, 691.

Потоцкій, гр. Северинъ Осип., дѣйствит. тайн. совѣтникъ, сенаторъ и членъ

государствен. совѣта, р. 1762 † 1829 г., т. V, 18.

Похвоневъ, М. Н. Сообщ. Воспоминанія объ А. П. Ермоловѣ, т. VI, 475—492. Переписку его съ разными лицами. 1812—1851 гг., т. VI, 493—500. Упом. т. VI, 606.

Похвоневъ, Никол. Никол., состоявшій при А. П. Ермоловѣ, т. VI, 509.

Пошманъ, адъютантъ 1818 г., т. V, 533.

Пошманъ, Антонъ, стат. совѣтникъ 1809 г., физикъ и механикъ, т. V, 575, 576.

Пошманъ, С. А., директоръ института законовѣденія 1836 г., т. V, 576.

Прасовья Іоанновна, царев. Псыма ея къ В. Θ. Салтыкову 1723 г., т. VI, 566—567.

Прасовья Федоровна, рожд. Салтыкова, царица, жена царя Іоанна V, р. 1679 † 1723 г. Покровительство ея В. А. Юшкову, т. VI, 562—563. Письма къ брату В. Θ. Салтыкову, т. VI, 563—566. Упом. т. VI, 561.

Пржецлавскій, Осипъ. Сообщ. замятку о маршалѣ Пусловскомъ, т. V, 684—685. Упом. т. VI, 148.

Приваловскій, Юрій, издатель стих. Федотова, «Майоръ», т. VI, 209.

Приклонная, Марѳа Иван., рожд. Булгакова, т. V, 617.

Приклонскій, Вас. Григ., тверской прокуроръ 1782 г., т. V, 617.

Прилучная, воспитанница театральн. училища 1822 г., т. V, 425.

Прозо, гувернантка, т. VI, 639, 643, 644.

Прозоровская, кн. Анна Мих., рожд. кн. Волконская, р. 1747 † 1824 г., статсъ-дама 1801 г., т. VI, 677.

Прозоровскій, кн. Александръ Александровичъ младшій, ген.-фельдмарш., московскій главнокомандующій, р. 1732 † 1809 г. Его прамота, т. V, 145. Упом. т. V, 258, 783.

Прозоровскій, кн. Петръ Ив., бояринъ т. V, 875, 877, 883.

Промоловичъ, Никол. Яковл., † 1857 г., т. V, 88.

Провоповичъ, Теофанъ, новгородскій архіерей, т. VI, 691.

Прокофьевъ, акціонеръ, 1840 г., т. V, 409.

Проссаковъ, крѣпостной, архитект.-самоучка, т. V, 577.

Протасова, Анна Степ., внослѣдствіи графиня, р. 1745 † 1826 г., кам.-фрейлина 1785 г., т. V, 140, 267.

Протасовъ, графъ Николай Александ., оберъ-прокуроръ синода, † 1855 г., т. V, 320.

Протасьевъ, Ѳедоръ 1723 г., т. V, 876.

Протопоповъ, Алексѣй. Прошеніе его о небытіи въ маскарадѣ, 1722 г., т. V, 892.

Протопоповъ, Лаврентій, дьякъ 1713 г., т. V, 928.

Протъ, придворный аптекаръ 1825 г., т. VI, 104, 129.

Прохоровъ, Вас. Александров. О его изданіи: «Христіанскія древности и Археологія», т. V, 491—496.

Проща, камердинеръ Суворова, т. VI, 98, 675.

Прудонъ, писат.-соціалистъ, т. VI, 76.

Птицынъ, Николай, дворовый Имайлова, т. VI, 655, 659.

Пугачевъ, Емельянъ, самозванецъ, т. V, 133.

Пузыревскій, И. А. Сообщ. списокъ съ письма Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову 1855 г., т. VI, 543.

Пулавскій, ксендзъ 1881 г., т. VI, 28, 389.

Пушаревъ, Аркад. Гавр. Сообщ. Распоряженіе объ изыятіи изъ продажи книги «Утреннія и вечернія молитвы», 1836 г., т. VI, 583—584. Пѣсню о Рахчеевѣ, т. VI, 594—596. Судебное дѣло ген.-лейтенанта Имайлова съ крестьянами 1827 г., т. VI, 649—664.

Пусковскій, маршалокъ, дѣйств. ст. сов., словенскій уѣзда. предводит. двор. Забѣтен о немъ, т. V, 684—685; т. VI, 148. Данний имъ обѣдъ императ. Александру Павловичу 1826 г., т. V, 381. Цѣль этого обѣда, т. V, 382. Письма его къ князю Голенщеву-Кутузову 1813 г., т. VI, 148—149.

Пусосенъ, живописецъ, т. V, 160.

Путыловъ, Артѣмій Вас., ген.-лейт. Рѣшеніе императ. Павломъ его процесса, т. VI, 90.

Путята, смолевскій помѣщикъ, т. VI, 289.

Пуффендорфъ, историкъ, т. V, 884.

Пушкина, госпожа 1715 г., т. V, 887.

Пушкинъ, 1841 г., т. V, 814, 819.

Пушкинъ, Александръ Серг., р. 1799 † 1837 г. Наружность его и эяграмма на Дембровскаго, т. VI, 304—306. О подпискѣ на памятникъ ему, т. V, 348. Улом. т. V, 41, 302, 307, 308, 322, 323, 327, 638, 730; т. VI, 114, 200, 296, 299.

Пушкинъ, Ив. Ѳед., окольнич. 1715 г., т. V, 884.

Пушкинъ, Левъ Александр., гв. капитанъ, р. 1723 † 1790 г., т. V, 615.

Пушкина, Анастасія Кондр., рожд. Рыгѣва. Объ изданіи ея Собранія сочиненій К. Ѳ. Рыгѣва, т. V, 270.

Пушкинъ, декабристъ, офицеръ, т. VI, 261.

Пушкинъ, Петръ (Ѳедоръ) Иван., адмиралъ 1790 г., т. V, 145.

Пылай, священникъ 1812 г. Разсказъ о немъ, т. VI, 287.

Пышкинъ, Александръ Никол., авторъ соч. «Очерки общественнаго движенія при императорѣ Александрѣ I», т. V, 36.

Пѣтуховъ, чиновникъ 1825 г., т. VI, 128.

Р.

Работинъ, гр., семиградскій генералъ 1703 г., т. V, 964.

Работинъ, П., леваръ 1825 г., т. VI, 162.

Равинскій, авторъ соч. «Русскіе граверы», т. VI, 692.

Равичъ, драгоманъ, т. V, 617.

Рагодинъ, (Рагоци), князь 1707 г., т. V, 835.

Рагузинскій, Ефимъ, 1710 г., т. VI, 667.

Рагузинскій, гр. Савва (Рагузинскій-Владиславичъ), агентъ Петра Великаго, т. V, 883.

Рагульскій, Ив. Дмитр., т. V, 907.

Радишвилль, княгиня, т. V, 842.

Радежвилль, кн. Антоній-Генрихъ, намѣстникъ велик. герцогства Познанскаго, р. 1775 † 1833 г., т. VI, 38.

Радашвилль, кн. Милаидъ, членъ Совѣта временнаго варшавскаго правленія, главнокомандующій польскими войсками 1831 г., т. VI, 17, 38, 347.

Радищевъ, Александръ Никол., писатель, р. 1749 † 1802 г. Рапортъ изъ иркутскаго намѣстническаго правленія о ссылкѣ его въ Сибирь 1791 г., т. VI, 436—438. О жизни и сочиненіяхъ его, т. VI, 573—581.

Радищевъ, Никол. Александръ. Записка его «О жизни и сочиненіяхъ А. Н. Радищева», т. VI, 573—581.

Радожицкій, бригадн. команд. 1827 г., т. VI, 45.

Радухинъ, казачій полковникъ 1831 г., т. VI, 366, 367.

Раевская, домовладѣлица, т. V, 778.

Раевская, NN Никол., т. VI, 598.

Раевскій, генераль-маіоръ 1829 г. Допосеніе его гр. Паскевичу на счетъ слуховъ объ умерщвленіи русскаго посольства въ Персію, т. VI, 169. Упом. т. VI, 261, 264.

Раевскій, Никол. Никол., герой отечественной войны 1812 г. Замѣтка о немъ, т. V, 778. Упом. т. V, 433, 624, 632, 636, 775; т. VI, 495, 598.

Ракинъ, Стенька, т. V, 965; т. VI, 692.

Разумовская, гр. Елиз. Кирилов., въ замуж. гр. Апраксина, р. 1749 г., фрейлина при Елизаветѣ II, т. V, 466.

Разумовскій, гр. Алексѣй Григор., фельдмаршалъ, т. V, 679, 960.

Разумовскій, гр. Алексѣй Кирилов., мп. народн. просвѣщ. 1815 г. Вниманіе его къ А. Л. Витбергу, т. V, 166, 170—171. Упом. т. V, 160, 161, 169, 769.

Разумовскій, гр. Кирилла Григорьев., малоросс. гетманъ, т. V, 130.

Разумовскій, гр. Левъ Кирил., т. V, 160, 161, 164.

Рахлевичъ, римскій надворн. секрет. 1782 г., т. V, 618.

Ральстонъ. Составленный имъ некрологъ А. Н. Аванасьева, т. V, 787—789.

Рамазаковъ, А. Н., музыantorъ 1852 г. т. V, 128.

Рамза, генераль 1708 г., т. V, 913.

Рангъ, М. М. Сообщ. о пребываніи Александра I въ Костромской губерніи 1824 г. т. VI, 145—148.

Раскинъ, франц. писатель, т. V, 614.

Раскопчина, гр. Енд. Петр., рожд. Сушкова, поэтесса, † 1868 г. Баллада ея «Насильный бракъ», т. V, 296—299. Рассказъ ея о гр. Ф. В. Раскопчинѣ и объ англичанинѣ, т. VI, 678. Упом. т. V, 121, 122.

Раскопчинъ, гр. Фед. Вас., управлявшій коллегією иностр. дѣлъ, потомъ оберъ-камергеръ, ген. отъ инфантеріи, членъ госуд. совѣта, моск. главнокомандующій 1812 г., р. 1765 † 1826 г. Замѣтки о немъ Витберга, т. V, 558—559. Отношенія къ Витбергу, т. V, 19, 21, 22. Рассказъ о посѣщеніи его англичаниномъ, т. VI, 678. Упом. т. V, 160, 285, 479, 551, 557, 579; т. VI, 288, 615.

Рассторгуевъ, екатеринбургскій купецъ-домовладѣлецъ 1824 г., т. V, 365, 869, 871.

Ратчъ, Вас. Фед. Сообщ. письмо къ вельможамъ, правителямъ государства соч. кн. М. М. Щербатова, т. V, 1—15.

Раутенштраухъ, членъ Совѣта временнаго правленія въ Варшавѣ 1831 г. т. VI, 17, 19.

Раухъ, инж.-генераль 1818 г., т. V, 534.

Рафаэль, живописецъ, т. V, 602.

Рахмановъ, инспекторъ театральной школы 1816 г., бывший актеръ. Доброутіе его, т. VI, 301. Упом. т. VI, 300.

Рахмисовъ, А. В. Сообщ. письмо Давыдова къ А. Д. Ольшескому 1816 г. т. V, 635; т. VI, 404.

Реадъ, генераль, извѣстный участникъ севастопольской обороны, т. VI, 490, 481.

Ребрандъ, живописецъ, т. V, 604.

Ребровъ, Алексѣй Фед., коллежскій совѣтникъ, извѣстный на Кавказѣ командиръ—шелководъ 1825 г., т. VI, 520, 521.

Ревельотъ, т. VI, 150.

Рейналь, писатель, т. V, 346.

Рейнгольдъ, придвор. докторъ 1825 г., т. VI, 104, 123, 124, 128, 129, 153.

Рейтъ, гравёръ, т. VI, 520.
Реніе, франц. корпусный командиръ, 1813 г., т. V, 691.
Ренненъ, механикъ, т. V, 603.
Ренне, ген.-лейтенантъ 1707 г., т. V, 817, 819, 821, 833, 839, 842, 918, 920, 922.
Ренненкампфъ, полковникъ 1828 г., т. VI, 189.
Ренцель, ген.-майоръ 1707 г., т. V, 828.
Репкина, кн. Марѳа Яковл., рожд. кн. Лобанова-Ростовская, т. V, 769.
Репкина, княгиня Варвара Алексѣев., урожденная графиня Разумовская, т. V, 959, 960.
Репнинъ, князь, состоящій при адмиралтействѣ въ 1720-хъ гг., т. V, 893.
Репнинъ, кн. Аникита Иван., фельд-маршалъ, президентъ военной коллегии и генер.-губернаторъ ливонскій, р. 1668 † 1726 г., т. V, 792, 793, 834, 877, 883, 926.
Репнинъ, кн. Борисъ Александровичъ, бояринъ, астраханскій воевода, † 1670 г., т. VI, 595.
Репнинъ, кн. Ив. Аникитичъ, полковникъ, р. 1696 † 1737 г. Письмо его къ гр. Б. П. Шереметеву 1717 г., т. V, 925.
Репнинъ, кн. Никол. Вас., ген.-губернаторъ вилен., гродненскій, ливонск. и эстлянд., потомъ ген. фельдмаршалъ и посолъ въ Берлинъ, р. 1734 † 1801 г. Щедрость его, т. V, 767—768. Великодушіе, т. V, 769. Упом. т. V, 131, 467, 959; т. VI, 96, 340, 407, 412—414, 424.
Репнинъ, кн. Петръ Иван., ген.-поручикъ, потомъ оберъ-штабмейстеръ, † 1778 г., т. V, 769.
Репнинъ-Волконскій, кн. Николай Григ., генер. отъ кавалеріи, ген.-адъют., членъ госуд. совѣта, ген.-губернат. королевства Саксонскаго 1813—1814 гг., и ген.-губернаторъ Малороссіи 1816—1834 гг., р. 1778 † 1844 г. Замятка о немъ, т. V, 959—960. Упом. т. VI, 440.
Реуттъ, Іосифъ Антонов., ген.-лейт., членъ совѣта главнаго управленія Закавказскимъ краемъ. Отзывъ о немъ А. П. Ермолова, т. V, 441. Упом. т. V, 708, 724, 725; т. VI, 58—60.
Ржевская (князь - игуменья), Дарья

Гавр., рожд. Соколинна. Письма ея къ Петру Великому, 1708—1717 гг., т. V, 800—892. Упом. т. V, 798, 859, 861, 875, 879, 887.
Ржевскій, Алексѣй Андр., камергеръ, потомъ дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, † 1804 г., т. V, 468, 579.
Ржевскій, Василій, 1723 г., т. V, 876.
Ржевскій, Ив. Ив., 1715 г., т. V, 798, 885, 891.
Рибасъ, Анаст. Ив., рожд. Соколова, т. V, 467.
Рибасъ, Осипъ Иван., вице-адмиралъ 1798 г., † 1800 г., т. V, 38, 241, 467.
Рибопьеръ, Александръ Ив. (впослѣд. графъ), посланникъ въ Царьградъ и Берлинъ, потомъ оберъ-камергеръ и членъ госуд. совѣта, т. VI, 518.
Рибопьеръ, Ив. Александр. (?), флиг.-адъютантъ, потомъ 1799 г. дѣйств. камергеръ. Рассказъ о немъ, т. VI, 92—98.
Ригго, Пѣанинъ, живописецъ, р. 1659 † 1743 г., т. V, 959, 960.
Ридигеръ, Фед. Вас. (впослѣд. графъ), ген. отъ кавал., ген.-адъютантъ, членъ госуд. совѣта, бывшій варшавскій воен. генералъ-губернаторъ, † 1856 г. Отношенія его къ Д. В. Давыдову, т. VI, 384—385. Участіе въ польской кампаніи 1831 г. т. VI, 30, 337, 353, 371, 375—378, 381—383, 387—390, 406.
Рива-Кули, персид. историкъ, т. VI, 164.
Ривордъ, губернаторъ Камчатка 1818 г., т. V, 242.
Ривордъ, адмиралъ, предсѣдат. морскаго ученаго комитета, † 1855 г., т. V, 413.
Римскій-Борсакъ, Алексан. Мих., ген. отъ инфантеріи, ген.-губернаторъ въ Бѣлоруссіи, потомъ въ Вильнѣ, р. 1753 † 1840 г. Рассказъ о немъ, т. VI, 94. Упом. т. V, 143, 577.
Римскій-Борсакъ, Яковъ. Письма его къ кн. А. Д. Меншикову, т. V, 906—907.
Ринальди, архитекторъ 1768 г., т. V, 251.
Рихтеръ, 1812 г., т. V, 657.
Ришелье-дюж-де, основатель Ри-

шельевского лицея, т. V, 603; т. VI, 296, 504.

Ришелье-де, герцогъ Эммануиль, т. VI, 678.

Робертманъ, Екатерина, т. V, 577.

Робеспьеръ, Максимилианъ, р. 1759 † 1794 г., т. VI, 310.

Ровандъ, англійскій банкиръ 1814 г., т. V, 575, 576.

Роде, капитанъ 1715 г., т. V, 885.

Ромерсонъ, лейбъ-медикъ при импер. Екатеринѣ II, т. V, 670, 771.

Рожновъ, издатель «Невскаго Зрителя» 1820 г., т. V, 281.

Розенъ, генералъ 1813 г., т. V, 689.

Розенъ, бар. Григ. Влад., ген. отъ инфантеріи, ген.-адъютантъ, кавказскій ген.-губернаторъ и командиръ отдѣльн. кавказскаго корпуса, р. 1782 † 1841 г. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 22, 320, 330, 350—353, 367, 372—375, 385, 388. Письмо къ нему гр. Симонича о погребеніи русск. погибшихъ въ Тегеранѣ 1829 г., 1836 г., т. VI, 203—204.

Розовъ-Майжовъ, Иванъ, стихотворецъ XVIII стол., т. VI, 690.

Роллеръ, декораторъ 1840 г., т. V, 306, 308.

Романовъ, Никита Иван., бояринъ, т. V, 331; т. VI, 692.

Ромарино, генералъ, начальникъ польскихъ войскъ 1831 г., т. VI, 37, 388.

Ромбергъ, артистъ 1812 г., т. V, 268.

Ромодановская, кн. Анаст. Ѳеодоров., рожд. Салтыкова, † 1736 г., т. V, 879.

Ромодановскій, кн. Ив. Ѳед. (князь-кесарь), дѣйств. тайн. сов., москов. ген.-губернаторъ, † 1730 г. Шутки и потѣхи надъ нимъ Петра Великаго, т. V, 846—850, 852, 861, 862, 874, 879.

Ромодановскій, кн. Ѳед. Юрьевичъ (князь-кесарь), москов. главнокомандующій, † 1717 г. Письмо его къ кн. А. Д. Меньшикову, т. V, 907. Упом. т. V, 846, 847, 849.

Роновъ, т. V, 877.

Роншъ-фонъ-деръ, Христофоръ-Фромгольдъ, генералъ-поручикъ, † 1728 г., т. V, 817.

Рославлавъ, Никол. Ив., ген.-поруч.,

† 1785 г. Смысла его за участіе въ заговорѣ противъ Екатерины II, 1762 г., т. V, 131.

Росси-де. Участіе его въ битвѣ подъ Бородинымъ, т. V, 269.

Ростовцевъ, Яковъ Иван., генералъ-адъютантъ 1849 г., т. VI, 71.

Роттъ, генералъ, корпусн. командиръ 1825 г., т. VI, 122, 523.

Ртищевъ, генералъ, т. VI, 291.

Рубановскій, нахъ, посланный въ Лейпцигъ для изученія правовѣдѣнія, 1765 г., т. VI, 574.

Рубановъ, аудиторъ. Истязаніе его военными поселенцами 1831 г., т. VI, 548—549, 558.

Рубанъ, стихотворецъ, секретарь кн. Потокина, т. V, 229, 467—468.

Рубенсъ, живописецъ, т. V, 602, 615.

Рушицкій, предводитель польскихъ войскъ 1831 г., т. VI, 388.

Румовскій, переводчикъ Эйлера, т. VI, 617.

Румянцова, графиня, т. V, 245.

Румянцова-Задунайская, гр. Екатер. Мих., рожд. кн. Голицына, р. 1725 † 1779 г., т. V, 242, 771.

Румянцевъ, Александръ Иван., деньщикъ Петра Великаго, т. V, 861.

Руманцевъ, гр. Мих. Петр., дѣйств. тайн. сов. и оберъ-шенкль, т. VI, 93.

Руманцевъ, гр. Никол. Петров., об.-гофмейстеръ, дѣйств. тайн. сов., вносѣдствіи мин. иностран. дѣлъ и предсѣдатель государств. совѣта, р. 1755 † 1826 г. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 242—243.

Руманцевъ, Сергій Петр., посланникъ при прусск. дворѣ, † 1838 г., т. V, 680.

Руманцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александр., фельдмаршалъ. Разказы о немъ, т. V, 131, 132, 242, 243, 771. Упом. т. V, 132, 680; т. VI, 576.

Руничъ, Аркадій Павл., членъ комиссіи построенія храма Христа Спасителя, 1820 г., т. V, 539.

Руничъ, Дмитрій Павлов., управляв. почтовою частью въ Москвѣ 1813 г., вносѣд. попечитель с.-петербург. учеб.

наго округа. Отношенія его къ А. Л. Витбергу, т. V, 19, 22, 23. Упом. т. V, 149, 180, 526, 539, 557.

Гунчъ, Павелъ Степ., владимірскій губернаторъ, потомъ сенаторъ, составитель записокъ о пугачевскомъ бунтѣ, р. 1747 † 1825 г., т. V, 133, 526; т. VI, 408.

Руссо, Жанъ-Батистъ, франц. лирическій писатель, р. 1671 † 1741 г., т. V, 616.

Руссо, Жанъ-Жакъ, франц. писатель. р. 1712 † 1778 г., т. V, 346, 368.

Русетъ, грузинъ, т. VI, 169, 178, 180. Рыбинскій, кузьмскій казначей 1707 г., т. V, 821.

Рыбинскыиъ. О собранныхъ имъ былинахъ, т. V, 498, 499; т. VI, 453.

Рыбачевъ, исправникъ 1875 г. Рассказъ его объ Екатеринѣ II, т. V, 139.

Рылъева, Анаст. Матв., т. VI, 603.

Рылъева, Марія Ив., т. VI, 441.

Рылъева, Нат. Мих., т. VI, 603.

Рылъевъ, Кондр. Фед., писатель, декабристъ. Сочиненія его. Думы Волжскій, т. V, 62—65. Глядскій, т. V, 271—275. Смерть Ермака, т. V, 275—277. «Богданъ Хмельницкій», т. V, 277—279. «Видѣніе», т. V, 419—422. «Дмитрій Донской», т. V, 640—642. «Борисъ Годуновъ», т. V, 642—644. «Дмитрій Самозванецъ», т. V, 644—646. «Мстиславъ Удалой», т. V, 760—762. Михаилъ Тверской, т. V, 762—764. Сатира: къ К—му, т. V, 65—66. Къ NN, т. V, 66—67. В. Н. Столыпиной, т. V, 280—281. Отрывки изъ поэмы «Наливайко», т. V, 764—766. Юношескія стихотворенія, т. V, 758—762. Стихотв. «На смерть Байрона» т. VI, 439—440. Замятка о его стихотвореніяхъ, т. VI, 438. Предчувствія его о своей судьбѣ, т. VI, 440—441. Замятка о годѣ его рожденія, т. VI, 602—604. Упом. т. V, 41, 282, 336; т. VI, 701.

Рылъевъ, Мих. Никол., комендантъ города Дрездена 1813 г., т. VI, 440, 441.

Рылъевъ, Никол. Иван. с-петербургскій об.-полиціймейстеръ 1788 г., т. V, 143, 147, 459; т. VI, 415.

Рылъевскій, т. VI, 517.

Рылъевъ, Петръ Ив., писатель, т. VI, 690, 691.

Рышковскій, Г. К. Сообщ. распоряженіе императ. Павла объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и о замѣнѣ ихъ другими, т. VI, 96. Указъ сенату объ исключеніи изъ службы кн. Чарторижскаго 1831 г., т. VI, 405. Рaporтъ иркутскаго намѣстнич. правленія о Радлицевѣ 1791 г., т. VI, 436—438. Распоряженіе владим. гражд. губернатора о соблюденіи чиновниками формы 1833 г., т. VI, 294. Выдержку изъ послужнаго списка академика П. П. Пезароваго, т. VI, 684—685.

Рюкъ, И. Ф., лейбъ-медикъ 1825 г., т. VI, 101, 138.

Рюминъ, откупщикъ, т. VI, 142.

Рыбинскій, Трофимъ Григор., крестьянинъ Олонецкой губ., кѣведъ былинъ, р. 1793 г. Пѣтыи имъ былинн, т. V, 497—517. Упом. т. VI, 463.

Рыванцевъ, артистъ 1830 г., т. V, 424.

С.

Сабанъевъ, Ив. Вас., генералъ, корпус. командиръ 1820-хъ гг., т. V, 778; т. VI, 317, 477.

Саблуковъ, Александръ Александр., сенаторъ и президентъ мануфактуръ-коллегии, вполнѣд. дѣйств. тайн. сов. и членъ государств. совѣта, † 1828 г. Высочайшее повелѣніе о высылкѣ его изъ Петербурга, 1799 г., т. V, 255. Упом., т. V, 480.

Саблуковъ, Никол. Александр., оставившій любопытныя воспоминанія объ импер. Павлѣ, т. V, 480.

Савва, духовникъ Екатерины II. Рассказъ о недовѣрїи къ нему Павла I, т. VI, 87—88.

Саввантовъ, П. И. Сообщ. стихотвореніе Словцова къ Сперанскому т. V, 80—81. Замятки о гр. М. М. Сперанскомъ и гр. Аракчеевѣ, т. V, 469—472.

Савеловъ, Антонъ, 1723 г., т. V, 876.

Савельевъ, секретарь, т. VI, 663.

Савельевъ, этнографъ, т. VI, 702.

Савенковъ, подполк. 1715 г., т. V, 886.

Савтынский, А. А., тайн. совѣтникъ 1849 г., т. VI, 71.

Савоковъ, подполковникъ. Павелѣніе о немъ императ. Павла, 1797 г., т. V, 236.

Савенъ, корпусный командиръ 1824 г., т. V, 481.

Салтыкова, рожд. бар. Шафирова, т. V, 771,

Салтыкова, Анаст. Мих. Рассказы о ней, т. V, 771—772.

Салтыкова, Анна Борис., рожд. вл. Дамгорукая, т. VI, 564.

Салтыкова, Евд. Мих., рожд. кн. Бѣлосельская, т. V, 772.

Салтыковъ, графъ. Ордеръ его ген.-майору Борчугову, 1801 г., т. V, 681.

Салтыковъ, сенаторъ 1827 г., т. VI, 661.

Салтыковъ, Александр. Мих. Замятка о немъ, т. V, 772.

Салтыковъ, Алексѣй Петр., бояринъ 1715 г., т. V, 883.

Салтыковъ, Борисъ Мих. Замятка о немъ, т. V, 772.

Салтыковъ, Вас. Петр., дѣйств. тайн. сов., † 1807 г., т. V, 772.

Салтыковъ, Вас. Ѳед. (впослѣд. графъ) кравчій, дѣйств. тайн. совѣтн., † 1730 г. Письма къ нему сестры его царицы Прасковьи Ѳеодоровны, т. VI, 563 — 566. Письма царевнѣ Екатеринн и Прасковнн Юанновнхъ, т. VI, 566—567. Упом. т. V, 886.

Салтыковъ, Мих. Мих., кравчій и окольничій при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровнѣ, † 1671 г., т. V, 334.

Салтыковъ, Мих. Мих., сенаторъ и президентъ камеръ-коллегии, т. V, 771.

Салтыковъ, гр. Никол. Иван. (впослѣдствн князь), воспитатель вел. кн. Александра и Константина Павловичей, потомъ фельдмаршалъ и председатель госуд. сов. и комитета министровъ, р. 1786 † 1816 г. Письмо къ нему Суворова 1791 г., т. VI, 418. О тѣжбѣ его съ гр. Кутайсовымъ за Эмбинскія ловли, т. V, 38. Упом. т. V, 144, 467; т. VI, 340, 406, 411. 413—416, 418, 420, 421, 424, 425.

Салтыковъ, князь Петръ. О приобрьтеннн въ 1861 году принадлежавшаго ему восточнаго оружія, т. V, 531.

Салтыковъ, Петръ Самуиловичъ, бояринъ, смоленскій губернаторъ. Письмо его къ гр. Б. П. Шереметову, 1712 г., т. V, 924—925.

Салтыковъ, Семенъ Андр., ген.-майоръ и гвард.-майоръ, впослѣд. графъ, генер.-аншефъ, оберъ-гофмейстеръ и москов. генер.-губернаторъ, р. 1672 † 1742 г., т. V, 885.

Салыатовъ, докторъ 1817 г., т. V, 527.

Самаринъ, 1812 г., т. V, 268.

Самаринъ, помѣщикъ, т. VI, 653.

Самаринъ, Ив. Мих., т. VI, 560, 561.

Самаринъ, Мих. Мих., сенаторъ, 1716 г., т. V, 884; т. VI, 559, 560, 672.

Самаринъ, Никол. Мих., т. VI, 559.

Самаринъ, Н. Ѳ. Сообщ. замѣтки о Бутурлиннхъ и Юшковнхъ, т. VI, 559—563.

Самойловъ, гр. Александръ Никол., ген.-прокуроръ и государств. казначей. † 1812 г., т. V, 146, 238, 263; т. VI, 487.

Самойловъ, А. Н., авторъ соч. «Жизнь и дѣяннн кн. Г. А. Потемкина-Гавричскаго», т. V, 463.

Самойловъ, Никол. Борис., тайн. сов. и сенаторъ, т. V, 463.

Самойловъ, Павелъ, дворовый Измайлова, подавшій на него жалобу государю 1827 г., т. VI, 655.

Самое, гр., бывший редакторъ «Journal de St.-Petersbourg», нннѣ дѣйств. стат. сов. и членъ совѣта дѣтскихъ пріютовъ, т. VI, 683.

Сапѣга, польскій князь 1707 г., т. V, 834.

Сарафановъ, крестьянинъ, т. V, 498.

Сарафановъ, Вас. Софроновъ, крестьянинъ, т. V, 498.

Саулдерсъ, художникъ, т. VI, 97.

Сафоновъ, Иванъ. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, 1708 г., т. V, 917.

Сафоновъ, Ѳеодоръ, дѣловальникъ 1711 г., т. V, 940.

Сахаровъ, издатель басенъ Хемницера, т. V, 232.

Свербеева, Екат. Александр., рожд. вл. Щербатова, т. V, 480.

Свербеевъ, Николай, т. VI, 645.

Свиньинъ, Пав. Петр., издатель «Оте-

чественныхъ Записокъ 1824 г., т. V, 144, 518.

Свистуновъ, П. Н., декабристъ. Свидѣтельство его объ И. Д. Якушкинѣ, т. VI, 600. Упом. т. VI, 599.

Связевъ, И. И., дѣйств. стат. сов., академикъ. Сообщ. свѣдѣнія объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16. Упом. т. V, 373.

Святополкъ-Мирскій, кн. Дмитрій, полковникъ тенгисскаго полка (имѣя ген.-адъют.). Отвѣтъ его на письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову 1855 г., т. VI, 544—546.

Себастьянъ, франц. маршалъ 1812 г., т. V, 632, т. VI, 37, 286.

Севаршидзе, князь, полков. командиръ 1827, т. V, 719; т. VI, 274, 277, 279.

Северинъ, Ив. Ив., секретарь посольства 1782 г., т. V, 607, 617, 620.

Сегюръ, гр. француз. посланникъ въ Россію, писатель, т. V, 243.

Селивановскій, содержатель типографіи 1823 г., т. VI, 513.

Селифонтовъ, Н. Н. Сообщ. письмо А. П. Ермолова къ Н. Г. Устрялову, т. VI, 290—292. Списокъ съ повелѣнія турецкаго султана Запорожцамъ 1680 г., т. VI, 450.

Семеновъ, Федоръ, бургомистръ 1711 г., т. V, 940.

Семенова, Нифодора Сем., известная актриса. Замятка о ней, т. VI, 699, 700.

Семенова, Екат. Семен., въ замуж. къ Гагарина, р. 1786 † 1849 г., знаменитая трагическая актриса. Замятки о ней, т. VI, 289, 606. Поправка ошибки о ней, т. VI, 700.

Семень, слуга Гоголя, т. V, 123, 127, 128.

Сенакъ-де-Мельякъ, франц. эмигрантъ 1790 г., т. V, 37.

Сенковский, Осипъ Иванов., (баронъ Брамбеусъ) литераторъ, т. V, 638.

Сенъ-Жульенъ, литераторъ, издатель газеты «Le Furet», т. VI, 683.

Сенъ-Мобанъ, 1812 г., т. V, 267.

Сенъ-Никола, майоръ 1799 г., т. V, 254.

Сенъ-Симонъ, писатель и ученый, т. VI, 76.

Сенюшовъ, Федоръ, подьячій 1711 г., т. V, 940.

Сенявинъ, Алексій Наумовичъ, адмиралъ, т. V, 400.

Сенявинъ, Ив. Іоакимов., капитанъ-поручикъ 1715 г., т. V, 886; т. VI, 672.

Серавскій, польскій генералъ 1831 г., т. VI, 370, 371, 376, 378, 379.

Серапинъ, чиновникъ почтамта 1816 г., т. V, 185.

Серапионъ, кievскій митрополитъ, т. V, 7 68; т. VI, 28.

Серафимъ, с.-петерб. митрополитъ, т. V, 471, 539.

Сербкиновичъ, Б. С. Замятка его объ отношеніяхъ Н. М. Карамзина къ А. О. Воейкову, т. V, 147—149. Сообщ. замятку о П. А. Обресковѣ, т. V, 480.

Серебряковъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 75.

Сергачевскій, т. VI, 164.

Сибирскій, кн. Вас. Фед., ген.-крась-комиссаръ, ген. отъ инфантеріи, потомъ дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ. Замятка о немъ, т. VI, 95.

Сибирякъ, Дмитрій, т. V, 880, 881.

Сибургъ. Высочайшее повелѣніе объ арестѣ его 1799 г., т. V, 253.

Сиверсъ, морской офицеръ 1715 г., т. V, 886.

Сиверсъ, Яковъ Ефимов., (впослѣд. графъ), ген.-поручикъ, намѣстникъ тверской, новгородской и псковской, потомъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, посланникъ въ Польшу и наконецъ глав. начальникъ воспитат. домовъ, † 1808 г., т. V, 134.

Сигизмундъ I, король польскій 1508—1548 гг., т. V, 271, 272.

Сигизмундъ III, король польскій, т. V, 337; т. VI, 451.

Сидорка, атаманъ. Преданіе о немъ, т. V, 962—965.

Сильвестръ, пресвщ. Разсказъ о немъ, т. V, 771.

Симанскій, 1791 г., т. VI, 423.

Симеонъ, священникъ, т. V, 694.

Симоновичъ, графъ, посланникъ въ Персію 1826 г. Письмо его къ барону

Розену о погребеніи русскихъ, погибшихъ въ Тегеранѣ 30 янв. 1829 г., т. VI, 208—204.

Симоновскій, Я. А. Сообщ. отвѣтъ Запорожцевъ турецкому султану Махмету III, т. VI, 700—701.

Симоновскій, Давидъ, т. VI, 701.

Симпсонъ, Георгъ, директоръ Гудзон-байской компании, 1834 г., т. V, 406.

Симсонъ, г-нъ, т. V, 659.

Симчевскій, подполковн., ротн. командиръ 1826 г., т. V, 713.

Синельниковъ, стихотворецъ 1812 г., т. V, 658.

Синявинъ, Феодоръ 1715 г., т. V, 884.

Синявскій, польскій гетманъ 1712 г., т. V, 835, 841, 918, 923.

Сипягинъ, ген.-адъютантъ, дивизион. командиръ 1824 г., т. V, 856; т. VI, 268, 271.

Смавроновъ, гр. Еват. Вас., рожд. Энгельгардтъ, р. 1761 † 1829 г., гофмейстерина 1824 г., т. V, 462.

Смавроновскій, гр. М., сенаторъ, т. V, 958.

Смавроновскій, гр. Пав. Март., тайн. сов., р. 1757 † 1791 г., т. V, 462, 615.

Сворцовъ, Ермолай, 1715 г., т. V, 886.

Сворцовъ, Кузьма Петр., протоколистъ академич. конторы 1811 г., т. V, 568, 569.

Слудевъ, 1715 г., т. V, 883.

Слюпинъ - Шуйскій, кн. Михаилъ Вас., военачальникъ, т. V, 337.

Сморняковъ-Писаревъ, Григ. Григ., капитанъ-поручикъ, начальникъ морской академии, потомъ оберъ-прокуроръ сена-та. Письма и распоряженія къ нему Петра Великаго 1707—1722 гг., т. VI, 665—673.

Сморнадскій, т. VI, 701.

Смржинецкій, командиръ одного изъ польскихъ полковъ 1831 г., т. VI, 20, 28, 38, 372—374, 379, 383.

Скрипичина, т. V, 628.

Слатвинскій, генер. 1831 г., т. VI, 389.

Словцовъ, Петръ А., учитель тобольской и с.-петербургской семинарій, потомъ директоръ гимназій и визитаторъ учебныхъ заведеній въ Сибири, † 1843 г.

Замѣтка о немъ и о дружбѣ его съ гр. Сперанскимъ, т. V, 80. Его сочиненія и стихотвореніе къ Сперанскому, т. V, 81, 469—470.

Слуховъ, Вас. Ив., мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Смирновъ, авторъ соч. «Исторія Троицкой Лаврской семинаріи», т. VI, 688.

Смирной, Никол. Фед., адъютантъ гр. М. И. Платова, т. VI, 677, 678.

Сниткинъ, издатель «Невскаго Зритель», 1820 г., т. V, 281.

Снитъ, Адамъ, извѣстный англ. экономистъ, т. V, 37.

Сноваловъ, уѣздный учитель 1829 г., т. VI, 445, 447.

Собакингъ, Мих. Григ., сенат., 1723 г., т. V, 679, 876.

Собакингъ, Петръ Александров., т. V, 679.

Соболевскій, подполковникъ, управляющій канцелярією военно-цензурн. комитета 1848 г., т. V, 786.

Соболевскій, гр. Валентинъ, предсѣдатель административн. совѣта въ Варшавѣ 1831 г., т. VI, 17, 19.

Собѣссскій, Янъ, кор. пол., т. VI, 422.

Соймонова, Праск. Алексѣев., т. VI, 289.

Соймоновъ, Мих. Феодор., сенаторъ, об.-прокуроръ, директоръ горнаго училища 1773 г., впоследствии попечитель опекунскаго совѣта въ Москвѣ, † 1804 г. Основаніе имъ горнаго училища, т. V, 218. Покровительство Хемницеру, т. V, 219, 602. Причины, побудившія его выйти въ отставку, т. V, 222. Упом. т. V, 605, 613, 614.

Соймоновъ, Никол. Алекс., т. VI, 289.

Соймоновъ, Петръ Александров., т. V, 219; т. VI, 289.

Созовникъ, Алексій Прокоф., окольничій, сторонникъ царевны Софіи, замученный по приказанію Петра, т. V, 875.

Созовникъ, Гавр. Петр., т. V, 875.

Созолинскій, кн. Андрей, 1719 г., т. VI, 672.

Созоловскій, Петръ, мѣщан. 1711 г., т. V, 939.

Созоловъ, авторъ брошюры: «Описа-

ніе закладки храма Христа Спасителя въ Москвѣ въ 1817 г., т. V, 192.

Совѣловъ, капит. 1831 г., т. VI, 558.

Солдатовъ, дѣйств. стат. сов. 1823 г., т. VI, 144.

Соловой, капитанъ 1715 г., т. V, 885,

Соловьевъ, Сергій Мих., историкъ.

Отзывъ его о свадьбѣ Н. М. Зотова въ 1715 г., т. V, 860. Упом. т. V, 845.

Соломбирскіе, братья, т. V, 364.

Соломва, полковникъ 1825 г. т. V, 373, т. VI, 112, 118, 145, 147.

Соломва, генералъ 1824 г., т. V, 356.

Соломоновъ, чернецъ, казненный по подозрѣнію въ доносъ на Мазепу въ 1692 г., т. V, 920.

Солтановъ, майоръ, убитый воен. поселянами 1831 г., т. VI, 554.

Солтыкъ, польскій нунцій. Выписки изъ сочиненія его о польскомъ возстаніи 1831 г., т. VI, 11—17, 33, 326, 393—399. Упом. т. VI, 7, 21, 22, 23, 310.

Сосницкій, Ив. Ив., извѣстн. актеръ. Заѣтка о немъ, т. VI, 303. Письмо къ нему Н. В. Гоголя о постановкѣ «Ревизора», 1846 г., т. VI, 441—444.

Сосновскій, Т. А. Сообщ. письма А. В. Дубельта къ Булгарину и замѣтку объ отношеніяхъ Булгарина къ Н. А. Полевому, т. V, 299. Письмо императора Николая къ бар. Вревскому 1854 г., т. VI, 605—606. Упом. т. V, 297.

Софья Алексѣевна, царевна-правительница, р. 1657 † 1704 г., т. V, 36.

Сперанскій, гр. Мих. Мих., гос. секретарь въ 1810 г., р. 1772 † 1839 г. Отношенія его къ гр. Н. С. Мордвинову, т. V, 39—40. Бумаги его: 1) философскіе отрывки и афоризмы, т. V, 68—79; 6) замѣтки, т. V, 80—81; письмо къ нему В. Н. Каразина, т. V, 82—83. Отзывъ о немъ бар. Ф. П. Врангеля, т. V, 396—397. Посланіе къ нему Словцова, т. V, 469—470. Мнѣніе о немъ Аракчеева, т. V, 470. Упом. т. V, 36, 42; т. VI, 460, 682.

Сталь, генералъ 1822 г., т. VI, 512.

Сталь, баронъ, астрономъ, р. 1790 † 1827 г., т. V, 699.

Сталь-Гольштейнъ, бар. Анна-Луи-

за-Жермена, рожд. Неккеръ, р. 1786 † 1817 г., писательница. Письма ея къ кн. Е. И. Голенцевой-Кутузовой-Смоленской, 1812—1813 гг., т. V, 698—706.

Сталь-Гольштейнъ, баронъ Эрнстъ-Магнусъ, швед. посланникъ въ Парижѣ, † 1802 г., т. V, 698.

Станиславъ (Лещинскій), король польскій, т. V, 812.

Станоушко, грекъ, 1817 г., т. V, 541.

Старикшій, кн. Влад. Андр., т. V, 331.

Старовъ, дѣйств. стат. совѣтъ, архитекторъ 1783 г., т. V, 237; т. VI, 97.

Стасовъ, Вас. Петр., архитекторъ. р. 1769 † 1848 г. Заѣтка и отзывъ о немъ Витберга, т. V, 178—179.

Стасовъ, Влад. Вас. Поясненія его къ письмамъ М. И. Глинка къ Ширкову, т. V, 300—329.

Стверзь, франц. актеръ 1812 г., т. V, 650.

Стелсъ, 1704 г., т. V, 915.

Степановъ, адвокатъ 1841 г., т. V, 319.

Степановъ, Василій, 1715 г., т. V, 885.

Степановъ, Никол. Петр. Сообщ. предсмертное письмо кн. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову: мысли о защитѣ и паденіи Севастополя 1855 г., т. VI, 427—435.

Степановъ, Петръ Александр., ген.-лейтенантъ и комендантъ въ Царскомъ Селѣ, т. V, 300, 315, 318.

Степановы, братья, т. V, 315.

Стефановъ, священникъ троицкаго собора въ Петербургѣ 1797 г., т. V, 289.

Стефанъ, митрополитъ рязанскій, блюститель патриаршаго престола, 1701 г., т. V, 881.

Стефанъ, (Романовскій), архіерей вологодскій, потомъ архіепископъ астраханскій, † 1841 г., т. V, 478.

Столыпина, Вѣра Никол. Посланіе къ ней Рыгѣва, т. V, 280—281.

Столыпинъ, оберъ-прокуроръ сената, современникъ гр. Сперанскаго, т. V, 42.

Строгоновъ, баронъ, т. V, 465.

Строгоновъ, бар. Александр. Серг. гофмаршалъ, р. 1771 † 1815 г., т. V, 771.

Строгоновъ, графъ Александр. Серг.,

оберъ-камергеръ, членъ госуд. совѣта и президентъ академіи художествъ, р. 1734 † 1811 г. Его богатство, т. V, 137. Упом. т. V, 519, 544; т. VI, 97.

Строгоновъ, графъ Пав. Александр., сенаторъ и товарищъ мнн. внутр. дѣлъ, потомъ гон.-лейт. и ген.-адъютантъ, р. 1744 † 1817 г., т. V, 38.

Строгоновъ, гр. Серг. Гряг., ген. отъ кавал., ген.-адъютантъ, сенаторъ, попечитель москов. университета. Его заботы объ усовершенствованіи университета, т. VI, 647.

Строевъ, археологъ, состав. указатели къ русскимъ лѣтописямъ, т. V, 242, 340.

Строевъ, Иванъ, т. V, 876, 877, 884.

Строевъ, П. М. Примѣчаніе его о кн. М. А. Глинскомъ, т. V, 271—272.

Струве, профессоръ 1819 г., т. V, 396.

Стурдза, секретарь гр. Капподистрія 1817 г., т. V, 31.

Стрѣшневъ, «архи-игуменья», т. V, 879, 887.

Стрѣшневъ, Иванъ Иродіон., р. 1665 † 1722 г. т. V, 884.

Стрѣшневъ, Тихонъ Никитичъ. бояринъ и сенаторъ, р. 1649 † 1719 г. Письма его къ кн. А. Д. Меншикову 1704 г., т. V, 906, 908. Упом. т. V, 883.

Суворова, Анна Вас., въ замуж. кн. Горчакова, т. VI, 409.

Суворова, Марія Вас., въ замуж. Олешева, т. VI, 409.

Суворова - Римникская, кн. Александра Александр., т. VI, 409.

Суворова - Римникская, кн. Варв. Аркад., въ 1-мъ замуж. Башмакова, во 2-мъ—кн. Горчакова, т. VI, 409, 606.

Суворова - Римникская, кн. Любовь Александр., въ 1-мъ замуж. кн. Голицына, во 2-мъ—Молодцова, т. VI, 409.

Суворова - Римникская, кн. Марія Аркад., въ замуж. кн. Голицына, т. VI, 409, 606.

Суворова - Римникская, граф. Нат. Александр., въ замуж. гр. Зубова, р. 1775 † 1844 г. Письма къ ней отца 1791 г., т. VI, 424—426. Упом. т. VI, 410—415, 418—422.

Суворова - Римникская, кн. Италій-

ская, рожд. Базилевская, въ 1-мъ замуж. Шиловская, во 2-мъ—гр. Кундалева-Безбородко, р. 1835 † 1862 г., т. VI, 409.

Суворова - Римникская, гр. Варв. Ив. кн. Италійская, рожд. кн. Прозоровская, р. 1750 † 1806 г., т. VI, 408, 409.

Суворова - Римникская, гр. Елена Александр., кн. Италійская, во 2-мъ замуж. кн. Голицына, рожд. Нарышкина, р. 1786 † 1855 г., т. VI, 409.

Суворова - Римникская, гр. Елизавет. Алексѣев., кн. Италійская, рожд. Хмирово, † 1859 г., т. VI, 409.

Суворова - Римникская, гр. Любовь Вас., кн. Италійская, рожд. Ярцова, т. VI, 409.

Суворовъ, Вас. Ив., генер.-аншефъ, сенаторъ, кенигсберг. губернаторъ, 1760 г. р. 1705 † 1776 г., т. VI, 407.

Суворовъ - Римникскій, графъ Александръ Аркад., кн. Италійскій, ген.-адъют., ген. отъ инфант., членъ госуд. совѣта. Сообщ. бумаги своего дѣда генералиссимуса Суворова, т. VI, 407—425. Упом. т. VI, 264, 606.

Суворовъ - Римникскій, графъ Александръ Вас., князь Италійскій, генералиссимусъ, р. 1729 † 1800 г. Объ изданіи его бумагъ, т. VI, 406—407. Краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, т. VI, 407—408. Письма его къ Д. И. Хвостову, т. VI, 410—415, 417—422, 425; къ графу Н. И. Салтыкову, т. VI, 418. Къ П. И. Турчанинову, т. VI, 422—424. Къ бар. Сакену, т. VI, 424. Къ дочери, т. VI, 424—426. Письмо къ нему бар. Сакена, т. VI, 416. О дѣйствіяхъ его въ польскую кампанію 1791 г., т. VI, 340. Разсказы о немъ, т. V, 769—770; т. VI, 93—94, 675. Упом. т. V, 37, 236, 685; т. VI, 338, 341, 342, 344, 356, 357, 539, 673.

Суворовъ - Римникскій, гр. Аркадій Александр., кн. Италійскій, ген.-лейт., ген.-адъютантъ, р. 1780 † 1811 г. Смерть его въ рѣкѣ Римникѣ, т. V, 262. Упом. т. VI, 406, 408; 409.

Суворовъ - Римникскій, гр. Аркадій Александр., кн. Италійскій р. 1833 г., т. VI, 409.

Суворовъ-Риминскій, гр. Констан. Аркад., кн. Италійскій, полковникъ, т. VI, 409.

Сумаронова, госпожа, т. V, 887.

Сумароновъ, Алексан. Петров., писатель, р. 1718 † 1777 г. О ссорѣ его съ Ломоносовымъ, т. V, 335 — 336. Упом. т. V, 229, 239, 661, 767; т. VI, 687.

Сумароновъ, Панкратій Богданов., страпчій съ ключемъ при царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ, т. V, 884.

Суринъ, Петръ Ив., крестьянинъ, т. VI, 696.

Суховановъ, Ив. Онуфр., генер.-адъютантъ, начальникъ артиллеріи 1831 г., т. VI, 811.

Сухомлиновъ, М. И., авторъ изслѣдов. «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи при Александрѣ I,» т. V, 36.

Сухоткинъ, капитанъ 1715 г., т. V, 886.

Сухоткинъ, Як. Ник. Сообщ. акростихъ на Аракчеева, т. VI, 241.

Сулшковъ, Никол. Вас., писатель. Эпиграмма на него, т. V, 153.

Сѣверцовъ. Эпиграмма его на Щербину и отвѣтъ послѣдняго, т. V, 151.

Сѣряковъ, Д. А., академикъ. Награжденный имъ портретъ Рабинина, т. V, 497.

Сюаръ, французъ, участвовавшій въ польскомъ возстаніи 1831 г., т. VI, 37.

Т.

Талызина, Анна Яковл., рожд. Олсуфьева. Рѣшеніе процесса ея съ Еропкиной, т. VI, 88.

Талызинъ, штабъ-ротмистръ, 1827 г., т. VI, 46, 534.

Талызинъ, домовладѣлецъ 1850 г., т. V, 123.

Тарасова, Елиз. Плат., рожд. Граматина, т. VI, 142, 143.

Тарасова, Марія Никол., рожд. княж. Барятинская, † 1871 г. Объ отношеніяхъ къ ней мужа и о смерти ея, т. VI, 99—100.

Тарасова, Надежда Дмитр., т. V, 143.

Тарасовъ, писарь, т. VI, 659.

Тарасовъ, Александр. Дмитр., камергеръ, помощникъ статсъ-секретаря госуд. совѣта, р. 1839 † 1872 г. Некрологъ его, т. VI, 99—100. Сообщ. записки своего отца Д. К. Тарасова, т. V, 355 — 388; т. VI, 100—143.

Тарасовъ, Дм. Клемент., почетн. лейбхирургъ, р. 1792 † 1866 г. Записки его, т. V, 355—388; т. VI, 100—143. Путешествіе Александра I-го внутрь Россіи 1824 г., т. V, 355. Пребываніе въ Пензѣ, 356. Осмотръ сибирской тюрьмы, 357. Пребываніе въ Ставрополѣ и Оренбургѣ, 358. Смотръ оренбургскимъ ирегулярнымъ войскамъ, 358—359. Оренбургскій кушномъ, 359. Семья шотландскаго миссіонера, 359—360. Илецкая-Защита, 360. Городъ Уфа и уфимскіе дома, 361. Путешествіе по Уралу, 361—364. Златоустовскій заводъ, 362 — 364. Казакъ-великанъ Лучинъ, 362. Неудачныя приготовленія Колтовской, 364. Екатеринбургъ и его заводы, 365—372. Заводскій управитель Зотовъ, 366 — 372. Пребываніе въ Пермѣ, 372. Смѣна ватскаго губернатора, 373—374. Пѣніе на клясѣ, 374—376. Импровизированный обѣдъ въ Воровичахъ, 377. Возвращеніе въ Петербургъ, 378. Поѣздка Александра I въ Варшаву 1825 г., 378. Награды врачамъ, 380. Обѣдъ у генерала Пусловскаго, 381. Поѣздка въ Калишъ, 383. Засѣданія сейма, 384. Рѣчь императора по случаю закрытія сейма, 384—385. Городъ Ковно, 385. Рига и Ревель, 387—388. Болѣзнь императрицы и приготовленія къ путешествію въ Таганрогъ, т. VI, 100—101. Выѣздъ изъ Петербурга и предчувствія государя, 102. Императорскій дворецъ въ Таганрогѣ, 103 — 104. Александръ I въ Новочеркасскѣ и Аксаѣ, 105—106. Рыбная ловля въ Ростовѣ, 107. Жизнь въ Таганрогѣ, 107—109. Путешествіе государя по Крыму, 110 — 120. Возвращеніе его въ Таганрогъ и начало болѣзни, 120 — 121. Ходъ болѣзни, 122—124. Опасность и приобщеніе Св. Таянъ, 125—126. Послѣднія минуты, 127. Кончина, 128. Горесть окружающихъ и самообладаніе импера-

трицы, 128. Государственный актъ о кончинѣ Александра I, 129. Бальзамированіе тѣла, 129—130. Присага цесаревичу Константину Павловичу, 131. Слѣдованіе тѣла Александра I изъ Таганрога, 131—133. Народные слухи по поводу кончины императора, 134. Вступленіе печальной процессіи въ Москву, 135. Кучеръ Илья Байковъ, 135. Встрѣча тѣла императоромъ Николаемъ въ Царскомъ-Селѣ, 137. Прощаніе императорской фамиліи съ почанинми, 138—139. Погребеніе, 140—141. Послѣднюю службу составителя записокъ, 141—142. Юбилей его и кончина, 142—143. Упом. т. V, 480, 683, 684; т. VI, 144.

Тарасовъ, Ник. Дмитр., т. VI, 143.

Тарбѣевъ, Петръ, 1715 г., т. V, 884.

Тарсуновъ, Лука, 1715 г., т. V, 885.

Татаринковъ, горный начальникъ уральскаго Златоустовскаго завода 1824 г., т. V, 362, 363.

Татаринковъ, Петръ, 1715 г., т. V, 885.

Татищевъ, Аванасій, прапорщикъ 1723 г., т. V, 879.

Татищевъ, Вас. Никит., тайн. совѣт., ген.-бергъ-атмейстеръ, губернаторъ оренбургскій и астраханскій, р. 1686 † 1760 г., т. VI, 691.

Татищевъ, Дмитр. Павл., об.-камергеръ, членъ гос. совѣта, посланникъ въ Мадридъ, Неаполѣ и Вѣнѣ, род. 1767 † 1845 г., т. V, 364.

Твердышевы, купцы, т. VI, 682.

Тевжелевъ, Рамазанъ, татарскій переводчикъ, 1710 г., т. V, 932.

Телепневъ-Оболенскій, князь, любимецъ правительницы Елены Васильевны, т. V, 272.

Телашова, госпожа, т. VI, 550.

Телешовъ, т. VI, 552.

Телешовъ, Ив. Яковл., учитель, т. V, 148.

Тельфортъ, англ. архитекторъ, т. V, 576.

Темирязевъ, т. V, 480.

Тещковъ, Григ. Никол., писатель, р.

1720 или 1725 † 1779 г. Разсказъ о немъ. т. V, 134—135.

Тережанко, А., авторъ соч. «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи». т. V, 938.

Тибсо, театральнй машинистъ 1816 г. т. VI, 298.

Тивенгаузенъ, гр. Екат. Ив., рожд. Стадельбергъ, т. V, 252.

Тивенгаузенъ, гр. Елиз. Мих., рожд. Голенищева-Кутузова, р. 1783 † 1839 г. т. V, 252.

Тивенгаузенъ, гр. Ив. Андр., дѣйстви. тайн. совѣтн., об.-гофмейстеръ, р. 1745 † 1815 г., т. V, 251—252.

Тивенгаузенъ, гр. Фед. Ив., флигель-адъютантъ, † 1805 г. т. V, 252.

Тиллиевъ, Яганъ, капитанъ 1704 г., т. V, 908.

Тиманъ, графъ, генералъ 1831 г., т. VI, 348, 354, 384.

Тимашевъ, т. V, 877.

Тимашевъ, полковн., команд. оренбург. ирегулярныхъ войскъ, 1824 г., т. V, 358—359.

Тимбаевъ, Касай, юртовскій мурза, т. V, 947.

Тимковскій, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 75.

Тимковскій, Егоръ Фед., извѣстный путешественникъ въ Китай, т. VI, 510, 521.

Тимковскій, Ив., цензоръ 1820 г., т. V, 281.

Тимофеевъ, Сидоръ, мѣщанинъ 1711 г., т. V, 940.

Титловскій, составитель «Дневника» въ XVI стол. т. VI, 451.

Тихменевъ, Александръ Григорьевичъ. Эпиграмма его на Щербяну и отвѣтъ послѣдняго, т. V, 151.

Тихменевъ, Н., авторъ «Историческаго Обзорѣнія Рос.-Амерн. Компаніи». т. V, 408.

Тихонравовъ, Н. С., т. V, 220, 476.

Тихонъ-Задоносій, св., архіепископъ воронежскій, т. VI, 674.

Тихоцкая, госпожа, т. V, 261.

Тихинъ, капитанъ 1715 г., т. V, 885.

Тришинъ 2-й, полковникъ, директоръ госпиталей 1831 г., т. VI, 311.

Толбинъ, В. В., писатель, т. V, 733, 754.

Толочановъ, Константинъ, писмоводитель изъ крѣпостныхъ. Похищеніе изъ завѣщанія П. А. Яковлева, т. VI, 623, 626.

Толстая, Екат. Матв., т. V, 347.

Толстая, Нат. Фед., рожд. Лопухина, т. V, 137.

Толстая, Праск. Мих., рожд. Голенищева-Кутузова, † 1844 г., т. V, 347.

Толстовъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 75, 77, 83.

Толстой, гр. Алексѣй Петров., генералейт., сенаторъ, р. 1798 г. Участіе его въ польской кампаніи 1831 г., т. VI, 379, 380, 381.

Толстой, Гавр. Матв., т. V, 347.

Толстой, Григор. Матв., полковникъ, т. V, 347.

Толстой, гр. Егоръ Петр., ген.-маіоръ, калужскій губернаторъ, оберъ-прокуроръ синода. Отношенія его къ Н. В. Гоголю, т. V, 123—128.

Толстой, Ив. Матв., штабмейстеръ, т. V, 347.

Толстой, Илар. Матв., † 1821 г., т. V, 347.

Толстой, гр. Левъ Никол., писатель. Приписываемая ему пѣснь о Крымской войнѣ 1855 г., т. V, 682.

Толстой, Матвѣй, штабъ-юнкеръ 1724 г., т. V, 950.

Толстой, Матв. Федоровичъ, сенаторъ, † 1816 г., т. V, 347.

Толстой, Никол. Матв., ген.-лейтен. и ген.-адъютантъ, директоръ Чесменской богадѣльни, т. V, 347.

Толстой, гр. Петръ Александр., ген. отъ инфантеріи, начальникъ воен. поселеній и предсѣдатель департамента воен. дѣлъ въ госуд. совѣтѣ, р. 1769 † 1844 г. Письмо къ нему барона Дибича 1827 г., т. VI, 256—257. Упом. т. V, 335; т. VI, 49, 65.

Толстой, гр. Петръ Андр., стрѣлчій полковникъ, посолъ въ Царьградъ, потомъ сенаторъ, дѣйств. тайн. совѣтн., презид. ком.-коллегии и членъ верховн.

тайн. совѣта, р. 1645 † 1729 г., т. V, 861, 883, 920, 946.

Толстой, Юрій Вас., тайн. сов., товарищъ оберъ-прокурора синода, т. V, 481.

Толстой, Фед. Матв., т. V, 347.

Толстой, Фед. Матв., ген.-маіоръ и гвард. маіоръ 1781 г., любящій тещу Екатерины II, т. V, 137—138.

Толстой, Теофиль Матв. Сообщ. замѣтку о потомкахъ кн. Голенищева-Кутузова, т. V, 346—347. Упом. т. V, 300, 969.

Толстиковъ. Его дебютъ въ роли Беверлея, т. VI, 308.

Толь, гр. Карлъ Федор. (Карлъ-Вильгельмъ), генер. отъ инфант., ген.-адъют., впослѣд. главноуправляющій путями сообщеній и публичными зданіями, р. 1777 † 1842 г. Назначеніе его начальникомъ штаба дѣйствующей арміи 1831 г., т. VI, 311. Объ участіи его въ битвѣ подъ Кувлевчею, т. VI, 315. Отношенія къ Д. В. Давыдову, т. VI, 348, 368. Жалобы на него Дибича, т. VI, 385. Письмо къ нему Давыдова, т. VI, 404—405. Упом. т. VI, 375, 377, 378.

Толь, Феликсъ Густав., литераторъ, т. VI, 77, 83.

Тонкачевъ, Сулейманъ, татарскій переводчикъ 1710 г., т. V, 932.

Тончи, Нат. Ив., рожд. кж. Гагарина, р. 1778 † 1832 г., т. VI, 288.

Тончи, Сальваторъ, коллеж. совѣтн., живописецъ, р. 1756 † 1844 г. Острота его, т. VI, 288. Замѣтки о немъ, т. V, 558—559, 580.

Тонѣвъ, курьеръ 1711 г., т. VI, 668.

Тормасовъ, гр. Александръ Петров., ген. отъ кавалеріи, ген.-губернаторъ кіевскій и минскій 1807 г., кавказскій главнокомандующій 1809 г. и москов. воен. ген.-губернаторъ 1816 г. Отношенія его къ Витбергу, т. V, 186—191. Упом. т. V, 431, 530; т. VI, 68, 495.

Торри, маіоръ генеральнаго штаба 1800-хъ гг., т. VI, 314.

Торсузова, Екатер. Вас., т. VI, 532, 537.

Тоузаковъ, 1791 г., т. VI, 412, 413, 415, 416.

Траверсе-де, маркизъ Ив. Иван. (Юаннъ - Францъ), адмиралъ, морской министр, р. 1754 † 1830 г. Посѣщеніе его император. Александромъ Павловичемъ, т. V, 355, 379.

Трегубовъ, офиц. 1712 г., т. V, 921, 923.
Трегубовъ, стреманной 1720-хъ гг., т. VI, 565.

Тредязковскій, Вас. Кирил., стихотворецъ, т. V, 862; т. VI, 687, 691.

Трейденъ, полковникъ 1704 г., т. V, 909.

Трейденъ, поручикъ 1704 г., т. V, 909.
Трепалкинъ, Фед., крестьянинъ, т. V, 499.

Тришлевичъ, пионерный поручикъ 1828 г., т. VI, 333.

Трофимовъ, совѣтникъ тульского губернскаго правленія 1827 г. Поступилъ его по дѣлу помѣщика Измайлова съ крестьянами, т. VI, 657—662.

Троханіатовъ, т. V, 877.

Троциновскій, Дмитрій Прокоф., тайн. совѣтъ и сенаторъ, потомъ членъ госуд. совѣта 1814—1817 гг., † 1829 г., т. V, 676; т. VI, 89, 98, 424, 425.

Трубецкая, кн., рожд. граф. Лаваль, жена декабриста, т. VI, 682.

Трубецкой, кн., правовѣдъ 1765 г., т. VI, 574.

Трубецкой, кн. Никита Юрьев., мѣн. прокуроръ и ген.-фельдмаршалъ, р. 1700 † 1768 г., т. V, 791, 883.

Трубецкой, кн. Сергій Алексѣев., полковникъ, декабристъ, т. VI, 682.

Трушковскій, Н. П., издатель «Мертвыхъ Душъ» въ 1855 г., т. V, 87.

Турбинъ, С. И. Сообщ. списокъ поэмы «Маіоръ», т. V, 729—757. Объ обидахъ, нанесенныхъ Волынскимъ кн. Мещерскому, т. V, 949—951.

Тургеневъ, Як., членъ «всешутѣйшаго собора» при Петрѣ Великомъ, т. V, 877.

Тургеневъ, Александръ Иван., писатель, т. VI, 582.

Тургеневъ, Никол. Ив., д. с. с., помощникъ статсъ-секретаря въ департаментѣ государств. экономіи, декабристъ. Отношенія его къ гр. Н. С. Мордвинову, т. V, 40. Участіе его въ собраніяхъ общества

«Союза благоденствія», т. V, 776, 778; т. VI, 597, 598, 600, 601, 602.

Тургежики, братья, т. VI, 460.

Турчанниковъ, Петръ Ив., генералъ. Письмо къ нему генералиссимуса Суворова, 1791 г., т. VI, 422—424. Упом. т. V, 770; т. VI, 406, 412, 419, 420, 421, 422, 425.

Тухолка, ген.-маіоръ 1826 г., т. V, 714.

Тучковъ, Пав. Алексѣев., ген.-маіоръ 1812 г., потомъ дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. совѣта и предсѣдатель комиссіи прошеній, р. 1776 г., т. VI, 479.

Турекъ, франц. полководецъ, т. VI, 94.

Тютчевъ, Ф. И., знамен. поэтъ, т. V, 337.

У.

Уваровъ, Михаилъ, 1720-хъ гг., т. VI, 565.

Уваровъ, гр. Сергій Сам., дѣйств. тайн. сов., членъ госуд. сов., президентъ Академіи Наукъ и министръ народн. просвѣщенія 1833—1848 гг., т. VI, 295, 687, 688, 690, 691, 692.

Угрюмовъ, профессоръ натуральной живописи 1800 г., т. V, 18, 544.

Угурлу-ханъ, ханъ елизаветпольскій 1827 г., т. V, 717—719.

Угурлу-ханъ 2-й, т. V, 719, 723, 726; т. VI, 41.

Удомъ, ген.-лейт., начальникъ внутрен. стражи въ Симферополѣ 1825 г., т. VI, 111.

Уланъ, ломженскій помѣщикъ 1831 г., т. VI, 37.

Ульскій, чиновникъ, т. VI, 619.

Уминскій, начальникъ польск. войскъ 1831 г., т. VI, 372, 373.

Ураховъ, кн. Мих., прапорщ. 1724 г., т. V, 950.

Урусова, кн. Анна Андр., вдова Муравьева, рожд. Волкова, т. V, 771.

Урусова, кн. Софія Александр., въ замуж. бар. Строгонова, р. 1779 † 1801 г., т. V, 771.

Урусовъ, кн., адъютантъ при гр. П. А. Толстомъ, 1825 г., т. V, 335.

Урусовъ, кн. Александръ Вас., ген.-маіоръ, т. V, 771.

Урусовъ, кн. Григ. Алексѣев., ген.-

поручикъ и потомъ сенаторъ, † 1743 г., т. V, 886.

Урусовъ, кн. Ив. Алексѣев., капитанъ 1724 г., т. V, 949.

Устиновичъ, надворный совѣтникъ 1825 г., т. VI, 520, 521.

Устинова, помѣщица 1818 г., т. VI, 497.

Устиновъ, Анкій, плотникъ, т. VI, 694.

Устряловъ, Никол. Герас., историкъ, † 1870 г. Эпиграмма на него, т. V, 156. Письмо къ нему Ермолова по поводу «Исторіи 20-ти-лѣтія царств. Николая I», 1847 г., т. VI, 290—292. Упом. т. V, 959; т. VI, 671.

Ухтомскій, кн. Ив. Мих., дѣйстви. стат. совѣтн. и нижегород. губернаторъ, р. 1759 † 1829 г. Разсказъ его о Суворовѣ, т. V, 771.

Ушанова, Анна Илар., рожд. Голенничева-Бутузова, р. 1746 † 1813 г., т. V, 263.

Ушанова, гр. Елена Леонтьев., вдова Апраксина, рожд. Кокوشкина, т. V, 800.

Ушанова, С. Г. Сообц. письма А. П. Ермолова къ П. Н. Ушанову, т. VI, 538.

Ушановъ, капитанъ 1713 г., т. V, 796.

Ушановъ, адмиралъ, т. V, 210.

Ушановъ, гр. Анд. Ив., ген.-аншефъ, начальникъ тайн. канцелярнн, † 1747 г., т. V, 799, 800.

Ушановъ, Ив. Степ., 1704 г. Объ его отсылкѣ съ провіан., т. V, 912.

Ушановъ, М., правовѣдъ 1765 г., т. VI, 574.

Ушановъ, Пав. Никол., генер.-адъют. Письма къ нему А. П. Ермолова 1851 г., т. VI, 538.

Ушановъ, Фед. Вас., писатель. Забѣтки о немъ, т. VI, 574, 575, 579. Упом. т. VI, 581.

Ф.

Файо, Фридрихъ. Разсказъ его о кончинѣ императора Александра Павловича, т. VI, 160—161.

Фалей, 1715 г., т. V, 883.

Фальмонетъ, художникъ-вагтель, соорудившій памятникъ Петру Великому, т. V, 958.

Фалѣевъ, купецъ, т. V, 605, 619.

Фарафонтъева, жена смотрителя, т. VI, 229.

Фарафонтъевъ, полковой смотритель 1820 г., т. VI, 229.

Федоровъ, Борисъ Мих., литераторъ, т. V, 148, 149.

Федуловъ, поручикъ, исполняв. должность полиціймейстера въ воен. поселеніи. Убіеніе его военными поселенцами 1831 г., т. VI, 548.

Февк, генералъ русской службы 1831 г., т. VI, 379.

Фельдманъ, Г. А., инженеръ-генералъ 1854 г., т. VI, 605.

Фельдверамъ, адъютантъ при генер. Паскевичѣ 1827 г., т. VI, 264.

Фельдкеръ, А. И. Сообц. замѣтку о предчувствіи К. Ф. Рылѣева, т. VI, 440—441.

Фектъ, 1813 г., т. V, 688.

Фектъ, камергеръ 1831 г., т. VI, 389.

Фекъ, баронъ, историкъ, т. VI, 615.

Фердинандъ. Высочайшее повелѣніе объ арестѣ его, 1798 г., т. V, 244.

Фердинандъ-Вотге, эрцъ-герцогъ, авст. посолъ 1825 г., т. VI, 361.

Фереекъ, гр. Ив. Евстаф., генер. отъ инфантернн, директоръ бухопутн. кадет. корпуса, † 1800 г., т. VI, 539.

Феррара, Андреа, оружейникъ, т. V, 330.

Фехтъ-Али, персид. шахъ 1823 г. Фирманъ его къ Аббаст-Мирѣ по поводу убійства русскаго посольства, т. VI, 182—184. Упом. т. VI, 164, 167, 181, 189, 198, 207.

Фигнеръ, партизанъ 1812 г., т. V, 652, 653, 657, 783.

Филаретъ, (Дроздовъ), москов. митрополитъ. Объясненіе его съ Витбергемъ по поводу проекта строенія храма Христа Спасителя, т. V, 164—165. Упом. т. V, 127, 337; т. VI, 185, 136, 222, 687.

Филатьевъ, Федоръ, бургомистръ 1711 г., т. V, 939.

Филипповъ, участникъ въ дѣлѣ Петра-шевскаго 1849 г., т. VI, 77.

Филипповъ, Василій, 1719 г., т. VI, 672.

Филиппъ - Августъ, король франц., т. VI, 323.

Философовъ, Мпх. Мих., генер. отъ инфантеріи, смоленск. воен. губернаторъ 1800 г. Разсказъ о немъ, т. VI, 94 — 95.

Фицтумъ, графъ, саксонскій посланникъ въ Россіи 1715 г., т. V, 883.

Флажковский, Андрей, мѣщан. 1711 г., т. V, 940.

Фольданъ, господа, т. V, 694.

Фонъ-Визинъ, Денисъ Ив., писатель, р. 1744 † 1792 г. Талантъ его подражать всякому голосу, т. V, 679. Упом. т. V, 228, 230, 730.

Фонъ-Визинъ, члены «Союза Благодѣствія» 1821 г., т. V, 775, 779; т. VI, 597, 601, 602.

Фонъ-дериъ-Ховенъ, И. Р. Сообщ. назначеніе ректору и деканамъ с.-петерб. университета 1849 г., т. VI, 448—450.

Фонъ-дериъ-Ховенъ, Р. И., тифлисовій губернаторъ 1825 г., т. VI, 521.

Фонъ-Трейбутъ, тульскій губернаторъ 1827 г., т. VI, 660.

Фотій, новгородскій архимандритъ 1825 г., т. V, 471; т. VI, 136, 508.

Франклинъ, мореплаватель, т. V, 398.

Францискъ I, король франц., т. VI, 323.

Францъ I, императоръ австр., т. V, 782.

Франчини, Джіовани - Батиста, оружейникъ, т. V, 330.

Фредериксъ, бар. Петръ Андр., ген.-адъют., командиръ л.-гвар. москов. полка, потомъ оберъ-штальмейстеръ, т. V, 708; т. VI, 48, 104, 122, 260, 273.

Фредро, гр., членъ варшав. временнаго Совѣта правленія 1831 г., т. VI, 17, 19.

Фрейгангъ, Анд. Вас., контръ-адмиралъ, т. VI, 606.

Фридебургъ, Г. Б., издатель, т. VI, 686.

Фридрихъ I, король прусскій. Обь отношеніяхъ его къ русскому двору и обь обидѣ посла его Г. I. фонъ-Кейзерлинга, т. V, 803—844.

Фридрихъ II Великій, король прусскій. т. V, 142, 616; т. VI, 341, 342, 344, 541.

Фризенъ - фонъ, Анна Григ., т. VI, 232, 242.

Фризенъ - фонъ, Фел. Карл., генер., бригадный командиръ 1820-хъ гг., т. VI, 232, 234, 235, 236.

Фролова-Вагръева, Елиз. Мих., рожд. Сперянская. Пожертвованныя ею бумаги гр. М. М. Сперанскаго, т. V, 68.

Фроловъ - Вагръевъ, Яковъ Лукичъ, генер.-аншефъ, т. VI, 563.

Фуксъ, Егоръ Борис. Разсказы его о Суворовѣ, т. VI, 93—94. Разсказы о гр. Милорадовичѣ, т. VI, 286 — 287.

Фуль, бар. Карлъ - Людвигъ - Августъ, генералъ, любимецъ Александра I, р. 1767 † 1826 г., т. VI, 314.

Фурриэ, франц. писатель, т. VI, 76.

Х.

Хавскій, Петръ Вас., ученый. Письмо къ нему Булгарина по поводу смерти Гоголя, 1852 г., т. V, 481—482.

Хаджи - Халилъ - ханъ, персид. посланникъ въ Индіи, т. VI, 184.

Хади-бегъ, персид. майоръ 1829 г., т. VI, 179.

Хамкискій, майоръ, полков. адъютантъ 1831 г., т. VI, 557.

Ханкизовъ, контръ-адмиралъ 1790 г., т. VI, 570.

Харадецкій, польскій помѣщикъ 1831 г., т. VI, 37.

Харитонова, Нимфодора, крестьянка, т. VI, 653.

Харитоновъ, екатеринбургскій домовладѣлецъ, т. V, 365.

Харитоновъ, Еремилъ, счетчикъ 1711 г., т. V, 940.

Харламовъ, воспитатель въ морскомъ корпусѣ около 1815 г., т. V, 391.

Хассанъ - ханъ, начальникъ персид. кавалеріи 1827 г., т. VI, 278.

Хвостовъ, Александр. Сем., литераторъ, бывшій посланникомъ въ Царьградѣ при Еваторіѣ II. Эпиграмма на него Хемницера, т. V, 228, 229. Упом. т. V, 220.

Хвостовъ, гр. Дмитр. Иван., об.-прокуроръ синода, потомъ сенаторъ и дѣйств. тайн. сов., р. 1756 † 1835 г. Письма

къ нему генералиссимуса Суворова 1791 г., т. VI, 406—415; 417—422; 425.

Хемницеръ, Андрей Иван., т. V, 616.

Хемницеръ, Вильгельмъ Иванов., т. V, 616.

Хемницеръ, Ив. Ив., баснописецъ, р. 1745 † 1784 г. Биографическія и характеристическія свѣдѣнія о немъ и замѣтки о его басняхъ, т. V, 215—234. Басни и сказки по подлин. его рукоп., т. V, 585—600. Памятная книж. его, т. V, 601—623.

Хемницеръ, Іоаннъ-Адамъ, † 1789 г., т. V, 612.

Хемницеръ, Софія, † 1789 г., т. V, 612.

Херасковъ, Мих. Матв., писатель, р. 1733 † 1807 г. Набросокъ эпиграммы на него Хемницера, т. V, 609.

Хернаниесъ, Севастіанъ, оружейникъ, т. V, 331.

Хилкова, княгиня, 1715 г., т. V, 887.

Хилковъ, кн. Степ. Александр., ген.-лейтен., р. 1786 † 1854 г., т. V, 244.

Хилковъ, князь Юрій Яковл., ген.-маіоръ, новгород. губернаторъ, р. 1661 † 1729 г., т. V, 877, 884.

Хитровъ, Никол. Ѳед., ген.-маіоръ, т. V, 264, 466.

Хитровъ, Ѳед. Александр., гвардіи офицеръ, заговорщикъ 1762 г. Ссылка его, т. V, 131.

Хитровы, Никита и Петръ, 1715 г., т. V, 884.

Хлопницкій. Избраніе его главнокомандующимъ польскими войсками въ 1831 г., т. VI, 19—21. Диктаторство его, т. VI, 21—23, 31—34. Паденіе его, т. VI, 34—36. Упом. т. VI, 17.

Хмельницкій, Никол. Иван., писатель, т. V, 426, 427.

Хмыровъ, Мих. Дмитр. Примѣчанія его къ повелѣніямъ императора Павла, т. V, 235—256. Поправка его примѣчаній, т. V, 479—480. Упом. т. V, 733.

Хованская, кн. Екат. Никит., рожд. Зотова, т. V, 248.

Хованская, кн. Екат. Петр., рожд. Нарышкина, р. 1757 † 1795 г., т. V, 248.

Хованская, кн. Елена Вас., рожд.

Толстая, вдова Дмитріева-Мамонова, т. V, 248.

Хованская, кн. Марія Алексѣев. рожд. Яковлева, † 1847 г., т. VI, 612, 624, 637.

Хованскій, князь, домовладѣлецъ, т. V, 465.

Хованскій, А., редакт. «Филолог. Зап.». Собщ. собраніе писемъ Петра Великаго, т. VI, 666.

Хованскій, кн. Алексѣй Вас., р. 1738 † 1799 г., т. V, 248.

Хованскій, кн. Вас. Алексѣев. дѣйст. стат. совѣтн., об.-прокуроръ синода, р. 1755 † 1830 г. Высочайшее повелѣніе о ссылке его въ Симбирскъ, 1799 г., т. V, 248.

Ховены, см. выше: фонъ-дербъ-Ховены.

Ходзько, польскій ученый, т. V, 338.

Ходіусъ, инженеръ-маіоръ 1817 г., т. V, 188, 189, 190, 191.

Ховревъ-Мирза, персид. принцъ, сынъ Аббасъ-Мирзы, т. VI, 199.

Холоповъ, Егоръ Ив., крестьянинъ, т. VI, 694.

Хомутскій, маіоръ, баталіон. командиръ 1827 г., т. VI, 274.

Хомяковъ, Алексѣй Степ., писатель и славяникъ, т. V, 122; т. VI, 454.

Хоперскій, командиръ одного изъ казачьихъ полковъ 1831 г., т. VI, 369, 382.

Хотинской, Никол. Конст., совѣтникъ посольства въ Парижѣ 1777 г., т. V, 614.

Хотковскій, столоначальникъ департамента с.-петербург. губернскаго правленія 1835 г., т. VI, 584.

Храбрый, Шарменъ, дворовый чело-вѣкъ Измайлова, т. VI, 659, 660.

Храповицкій, Александръ Вас., ст.-секретарь Екатерины II. Ссылка на его записки, т. V, 37. Упом. т. VI, 576.

Храповицкій, С. И. Воспоминанія его объ А. И. Ермоловѣ, т. VI, 539—542.

Храповицкій, Исонъ Семен., участн. въ войнѣ 1812 г., т. V, 633.

Хржановскій, начальникъ одного изъ польскихъ отрядовъ 1831 г., т. VI, 30, 379—381, 383—385.

Хрисанфъ, архимандритъ, ректоръ с.-петербургской духовной семинаріи.

Слово, сказанное имъ при погребеніи А. О. Гильфердинга, т. VI, 468—470.

Христина, швед. королева, т. V, 587.

Христина, королева испанская, т. VI, 498.

Хрулевъ, стат. совѣт., председатель тульского губернскаго правленія, исправлявшій должность губернатора 1827 г. Распоряженія его по дѣлу Измайлова съ крестьянами, т. VI, 656, 657, 663.

Хрущовъ, тульскій дворянскій застѣдатель. Поступки его при изслѣдованіи дѣла ген.-лейт. Измайлова 1827 г., т. VI, 657, 658, 662, 663.

Хрущовъ, Сем. Иван., т. VI, 559.

Хусейнъ-ханъ, сердаръ зриванскій 1828 г., т. VI, 174.

Ц.

Цвѣтковъ, сѣвскій протоіерей 1829 г., т. VI, 445, 447.

Цициановъ, князь, т. VI, 288.

Цицианова, кн. Пав. Дмитр., ген. отъ инфантерій, главнокомандующій Грузіи, астраханск. воен. губернаторъ, р. 1754 † 1806 г. О заслугахъ его, т. V, 715, 716, 717.

Циверъ, 1715 г., т. V, 884.

Ч.

Чаадаевъ, Ив. Ив., стольникъ, † 1680 г., т. VI, 559.

Чаадаевъ, Ив. Ив., окольникій, т. VI, 559.

Чаичкинъ, воспитанникъ театральн. училища 1822 г., т. V, 425.

Чарторыжская, княгиня, т. VI, 23.

Чарторыжскій, кн. Адамъ Адамов., президентъ Совѣта временнаго правленія въ Варшавѣ 1831 г. Участіе его въ польскомъ возстаніи, т. VI, 17, 20, 23, 26, 310. Указъ сенату объ исключеніи его изъ русской службъ 1831 г., т. VI, 405. Упом. т. V, 38.

Чарушкинъ, Д. Я., художникъ. Сообщ. свидѣнія объ А. Л. Витбергѣ, т. V, 16.

Чебышева, госпожа, т. V, 887.

Чебышевъ, Семень, 1715 г., т. V, 885.

Чебышевъ, адъютантъ при кн. П. М. Волконскомъ 1815 г., т. VI, 360.

Чевалкиссал, полковникъ 1831 г., т. VI, 549, 550.

Чевалкискій, полковникъ, командиръ полка короля прусскаго 1830 г., т. VI, 228, 230, 556.

Чевалкискій, И. М., сынъ предъидущаго, т. VI, 225.

Чевкинъ, Данило, 1715 г., т. V, 884.

Чевкинъ, К. В., председатель департамента государств. экономіи 1863 г., т. VI, 455.

Ченалевскій, П. П., вице-президентъ Академіи Художествъ до 1817 г., т. V, 160, 167, 168, 169, 520, 546.

Челищевъ, пажъ, отправленный въ Лейпцигъ для изученія правовѣдѣнія 1765 г., т. VI, 574.

Чемесовъ, комендантъ 1715 г., т. V, 883.

Чепелевъ, Андрей. Письмо его къ кн. А. Д. Меншикову, т. V, 906.

Чередѣевъ, Иванъ, 1715 г., т. V, 884.

Черепановъ, полковникъ 1813 г., т. V, 698.

Чермасовъ, бар. Александръ Иванов., дѣйств. тайн. сов. и президентъ медик. коллегіи. Разсказъ о немъ, т. V, 673.

Чермасовъ, бар. Ив. Антон., дѣйств. стат. совѣт. и кабинетъ-секретарь при Петрѣ Великомъ, потомъ сенаторъ и дѣйствит. тайн. совѣт., † 1752 г., т. V, 673, 894.

Чермасовъ, Терентій Ив., стат. сов., магистрат. судья 1780 г., т. V, 136.

Чермасскій, поручикъ 1704 г., т. V, 911.

Чермасскій, А. Б., 1716 г., т. V, 948.

Чермасскій, кн. Алексій Мих., сибирскій губернаторъ, потомъ дѣйств. тайн. сов. и кабинетъ-министръ, и наконецъ госуд. канцлеръ и президентъ коллегіи иностр. дѣлъ, р. 1680 † 1742 г., т. V, 883, 946, 953.

Чермасскій, кн. Давида Григ., казанскій воевода 1691 г., т. V, 792.

Чермасскій, кн. Петръ Александров., т. V, 675.

Черновъ, Иванъ Потапов., академикъ историч. живописи, † 1817 г., т. V, 554—555.

Черносимостовъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 75.

Чернышова, гр. Авд. Ив., рожд. Ржевская, р. 1693 г., ст.-дама 1730 г., т. V, 798, 802, 887.

Чернышова, Анна Аванасьевна, рожд. Бердяева, т. V, 792.

Чернышова, Анна Григ., въ замуж. кн. Голицына, р. 1724 † 1744 г., т. V, 801.

Чернышова, гр. Екат. Андр., рожд. гр. Ушакова, р. 1715 † 1779 г., т. V, 799—800.

Чернышова, гр. Екат. Григ., въ 1-мъ замуж. Матюшкина, во 2-мъ—Шлемяникова, р. 1715 † 1791 г., т. V, 801.

Чернышова, кн. Елиз. Никол., рожд. гр. Зотова, т. VI, 108.

Чернышова, гр. Нат. Григ., въ замуж. кн. Бѣлосельская, р. 1711 † 1760 г., т. V, 798, 801.

Чернышевъ, 1715 г., т. V, 883.

Чернышевъ, кн. Александръ Иван., ген. отъ кавал., ген.-адъютантъ, военный министръ, предсѣдатель госуд. сов. и комитета министровъ, р. 1786 г. Письмо къ нему партизана Давыдова 1881 г., т. VI, 403. Упом. т. V, 638, 784; т. VI, 7, 106, 106, 108, 128, 129, 507, 508.

Чернышевъ, гр. Григ. Григ., бригадиръ, † 1760 г., т. V, 801, 802.

Чернышевъ, гр. Григ. Петр., генер.-губерн. московскій, р. 1672 † 1746 г. Записки его, т. V, 791—802.

Чернышова, гр. Зах. Григ., генер.-фельдмаршалъ, бѣлорусск. ген.-губернат., потомъ моск. главнокомандующій, р. 1722 † 1784 г. Поступокъ въ отношеніи его кн. В. М. Долгорукова-Крымскаго, т. V, 772. Упом. т. V, 131, 801, 802.

Чернышевъ, гр. Ив. Григ., фельдмаршалъ по флоту, р. 1728 † 1797 г. Представленный ему бар. Ф. И. де-Ливрономъ отчетъ о военныхъ дѣйствіяхъ фрегата «Венусъ» 1790 г., т. VI, 569—572. Упом. т. V, 801, 802.

Чернышова, гр. Петръ Григ., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и посланникъ при разныхъ европ. дворахъ, р. 1712 † 1778 г., т. V, 799—802.

Чернышевъ, Петръ Захаровичъ, полковникъ, † 1689 г., т. V, 792.

Чернышевъ, Фед. Серг., ген.-лейтен. Написанная имъ въ 1835 г. «Солдатская сказка про двухъ царей, русскаго и нѣмецкаго», т. V, 970—980. Биографическія свѣдѣнія о немъ, т. VI, 223—224.

Чертовъ, т. V, 339.

Чертовъ, ген.-маіоръ, т. V, 767.

Четвертинская, кн. Жанета Антонов., въ замуж. Вышнева, † 1854 г., т. V, 631.

Четвертинскій, кн. Борис. Ант., об.-штабмейстеръ, † 1865 г. Объ отношеніяхъ его къ импер. Александру I, т. V, 630—631.

Чеческій, участн. въ войн. 1812 г., т. V 633.

Чириковъ, астрахан. губернаторъ въ 1710-хъ гг., т. V, 946, 947.

Чириковъ, Иванъ, 1723 г., т. V, 876.

Чирковъ, Александръ Александров., ген. отъ инфантеріи 1800 г., т. VI, 94.

Чирковъ, Николай, ген.-маіоръ 1822 г., т. V, 636.

Чистовичъ, Иларіонъ Алексѣевичъ, профессоръ и писатель, т. VI, 688, 691.

Чихачевъ, т. V, 697.

Чичаговъ, вице-адмиралъ, морской министръ 1803 г., т. V, 39.

Чичаговъ, командующій арміею 1812 г., т. V, 647, 655, 656, 657.

Чичаговъ, Вас. Яковл., адмиралъ при Екатеринѣ II, т. V, 248; т. VI, 569.

Чичаговъ, Пав. Вас., контръ-адмир., р. 1765 † 1849 г. Высочайшія повелѣнія 1799 г.: 1) о заключеніи его въ рѣзалинѣ, т. V, 248; 2) объ освобожденіи его, т. V, 250. Свѣдѣнія о немъ, т. V, 248—249.

Чичеринъ, Николай, сенаторъ т. V, 958.

Чумиковъ, Фед. Ив., визитаторъ съ-скихъ училищъ 1820-хъ гг., т. VI, 445.

III.

Шабельскій, ген.-маіоръ, командиръ нижегород. драгун. полка 1826 г., т. V, 712.

Шагишъ-Гирей, крымскій ханъ, т. V, 609.

Шамиль, имамъ кавказскій, т. V, 432, 435, 438.

Шамкинъ, офицеръ жандармскаго корпуса. Слѣдствіе его по дѣлу Льва Имайлова, т. VI, 659.

Шанскій, писарь, т. VI, 659.

Шанскій, Теофилактъ, шутъ Петра Великаго. Свадьба его въ 1702 г., т. V, 849. Упом. т. V, 852.

Шапововъ. П. А., таганрогскій градоначальникъ 1825 г., т. VI, 162.

Шапошниковъ, Петръ Григорьевичъ, участникъ въ дѣлѣ Пеграшевскаго 1849 г., т. VI, 77.

Шарлота - Христина - Софія, жена царевича Алексѣя Петровича, р. 1694 † 1715 г., т. V, 875.

Шартръ-де, герцогъ, т. V, 602.

Шарфъ, ген.-маіоръ 1706 г., т. V, 793.

Шаршановскій, діаконъ 1762 г., т. VI, 568.

Шатиловъ, Н. В., т. VI, 645.

Шафировъ, бар. Петръ Павловичъ, вице-канцлеръ. Экстрактъ изъ писемъ его изъ Константинополя 1712 г., т. V, 918—923. Письмо къ нему кн. Григорія Долгорукаго 1719 г., т. V, 929. Письма Волынскаго, т. V, 941—948. Упом. т. V, 798, 805, 807, 815, 831, 832, 883, 935, 936, 937, 938.

Шахардинъ, инженеръ-маіоръ, 1820 г., т. VI, 230.

Шахматовы, домовладѣльцы 1815 г., т. VI, 156.

Шах-Назаровъ, штабсъ-капитанъ, уб. въ Персіи 1829 г., т. VI, 169, 176.

Шаховской, кн., Александръ Александр., драмат. писат., р. 1777 † 1846 г., т. V, 423, 424, 430; т. VI, 303.

Шаховской, кн., Ив. Леонт., ген. отъ инфант., членъ госуд. совѣта, р. 1777 г., т. VI, 330, 331, 345, 347, 365.

Шаховской, кн., Мих., 1715 г., т. V, 885.

Шванвичъ, Назарета Вас., рожд. Гладкая, игуменья тверскаго Рождественскаго монастыря. Сатира на нее, т. V, 474—475.

Шварцъ, Е. Н. Составленный имъ біографическій очеркъ бар. Ф. П. Врангеля, т. V, 389—418.

Шебаловъ, маіоръ 1827 г., т. VI, 661, 662.

Шебуевъ, Вас. Ковичъ, профессоръ и ректоръ живописи. Замѣтка о немъ, т. V, 160. Упом. т. V, 24.

Шевченко, малорос. поэтъ, т. VI, 77.

Шевыревъ, Степ. Петр., профессоръ москов. унверс., т. V, 87, 118—127, 154, 339.

Шежнъ, Мих. Борис., бояринъ и военоначальникъ, прославившійся защитой Смоленска, казненъ 1634 г., т. V, 337.

Шейнъ, составитель «Сборника писемъ», т. VI, 462.

Шелиховъ, танцоръ, т. V, 425.

Шелковъ, Илья, смотритель училищъ въ городѣ Сѣвскѣ 1829 г. Оригинальныя прошенія его къ попечителю моск. учеб. округа А. А. Писареву, т. VI, 444—447. Предписаніе объ увольненіи его отъ должности, т. VI, 447—448.

Шембевъ, польскій корон. канцлеръ 1707 г., т. V, 821.

Шембевъ, полковникъ 1831 г., т. VI, 20, 37.

Шемязинъ, т. V, 877.

Шеникъ, офицеръ генеральн. штаба 1824 г., т. V, 378.

Шепелевъ, домовладѣлецъ 1815 г., т. V, 181.

Шепелевъ, Дмитр. Андр., об.-гофмаршалъ, † 1759 г., т. V, 800, 884.

Шервудъ, (Вѣрний), офицеръ 1825 г., т. VI, 122.

Шереметевъ, бригадиръ 1724 г., т. V, 950.

Шереметевъ, графъ, домовладѣлецъ 1772 г., т. V, 218.

Шереметевъ, офицеръ 1827 г., т. VI, 264.

Шереметевъ, ген.-маіоръ, партизанъ 1831 г., т. VI, 404.

Шереметевъ, графъ Борисъ Петров., бояринъ и фельдмаршалъ, р. 1652 † 1719 г. Письма къ нему разныхъ лицъ 1712—1717 гг., т. V, 923—925. Письмо его къ царю 1717 г., т. V, 926. Приказъ ему отъ государя о войскахъ въ Польщѣ 1711 г., т. V, 936. Упом. т. V, 792, 793, 927, 834, 928, 935.

Шереметевъ, гр. Петръ Борис., об-камергеръ, р. 1713 † 1788 г., т. V, 958.

Шереметевъ, Ѳеодоръ Петр., боаринъ 1723 г., т. V, 876.

Шестакова, Людмила Иван., рожд. Глинка, т. V, 300.

Шестаковъ, Ѳед. Матв., ген.-майоръ. Разказы о немъ, т. V, 673.

Шетарди-де-ла, маревъ, французск. посланникъ въ Россіи 1740 — 1742 гг., т. VI, 686.

Шешовская, Елена Петр., † 1806 г., т. V, 138.

Шешовская, Марія Степ., въ зам. Митусова, т. V, 138.

Шешовскій, Степ. Ив., тайн. сов. и политич. смѣщикъ, р. 1720 † 1794 г., т. V, 138.

Шилингъ, полковникъ 1831 г., т. VI, 370, 380.

Шиллеръ, нѣмец. писатель, т. V, 699.

Шимаковскій, Никол. Викторов., состоявшій при А. П. Ермоловѣ 1824 г., т. VI, 519.

Шиндлеръ, полковн., команд. одного изъ казач. полковъ 1831 г., т. VI, 331.

Шиндловъ, Василій, 1715 г., т. V, 886.

Шипулинскій, докт. медиц., † 1872 г., т. VI, 684.

Ширай, Михайло, подкоморій, т. V, 246.

Ширингъ, переводчикъ 1710 г., т. V, 932.

Ширинскій-Шижматовъ, кн., воспитатель въ морскомъ корпусѣ об. 1815 г., т. V, 391.

Ширинскій-Шижматовъ, кн. Платонъ Александров., тайн. сов., министр народн. просвѣщ., † 1853 г. Наставленіе его ректору и деканамъ университета 1849 г., т. VI, 448—450.

Ширцова, Александра Григ., рожд. Хитрово. Дружба ея съ М. И. Глинкой, т. V, 300, 303, 306, 307, 312, 315, 316, 317, 319, 321, 323.

Ширцова, Анна Валерьяновна, т. V, 318.

Ширвовъ, В. В. Сообщ. письма М. И. Глинки къ В. Ѳ. Ширвову, т. V, 300—329.

Ширвовъ, Валер. Ѳед., полк. генер. штаба, р. 1805 † 1856 г. Письма къ нему М. И. Глинки, 1840—1841 гг., т. V, 300—329.

Шипшинова, Максимила Петр., игуменья новгородскаго монастыря 1820-хъ гг., т. VI, 231.

Шипшинкъ, стихотворецъ, т. VI, 687.

Шипшинкъ, I. И., составитель біографіи А. П. Волынскаго, т. V, 935, 946.

Шипшовъ, А. Д. Сообщ. письмо Запорожцевъ къ турецкому султану Мухамеду IV, т. VI, 450—451.

Шипшовъ, Александръ Семен., адмиралъ, государств. секретарь въ 1812 г., министр народн. просвѣщ. и духовныхъ дѣлъ въ 1824 г., президентъ академіи и членъ госуд. совѣта, р. 1754 † 1841 г. Отношенія его къ гр. Н. С. Мордвинову, т. V, 41. Упом. т. V, 659, 690 691, 692, 695, 696; т. VI, 618.

Шжукъ, крестьянинъ, т. VI, 633.

Шжуркиа, Марія Вас. (во иноч. Павла) р. 1755 † 1824 г., фрейлина 1769 г., т. V, 474.

Шлейскеръ, докторъ, т. V, 172.

Шлешенбахъ, швед. генер., т. V, 884.

Шлотгауеръ, домовладѣлецъ, т. V, 304.

Шнейдеръ, т. V, 654, 695.

Шодуаръ, купецъ 1810 г., т. V, 259.

Шпажовской, 1715 г., т. V, 886.

Шпигель, камердинеръ польскаго короля Августа, 1712 г., т. V, 922.

Шредеръ, учитель, т. V, 544.

Шредеръ, Никол. Иван., дѣйств. стат. сов., орловскій губернаторъ 1823 г., потомъ губернаторъ рязанскій и наконецъ тайн. сов. и губернаторъ въ Витебскѣ 1831 г. Замятка о службѣ его и о пререканіяхъ съ ген.-губерн. Балашевымъ т. VI, 144—145.

Штедингъ, швед. посланникъ, т. V, 521.

Штедингъ, гр. Куртъ, швед. фельд-маршалъ, р. 1746 † 1836 г., т. V, 580.

Штейнгель, бар. Ѳад. Ѳед. (Фабіанъ) ген.-лейт., финлянд. ген.-губернаторъ и командиръ отдѣльн. финлянд. корпуса вполсѣд. графъ и ген. отъ инфантеріи р. 1762 † 1831 г.; т. VI, 423.

Штейнкъ, саксон. ген.-фельдмаршалъ 1701 г., т. V, 792.

Штелинъ, академикъ, т. V, 396.

Штихлингъ, писатель, т. V, 549.

Штофрегенъ, Бондратій, дѣйств. стат. сов. лейбъ-медикъ. Поѣздка его съ императрицей Елизаветой Алексѣвной въ Таганрогъ, 1821 г., т. V, 101, 104, 121, 123, 124, 128. Упом. т. VI, 141, 151, 153, 160.

Шуазель-Гуфье, графиня, рожд. гр. Тизенгаузенъ, т. VI, 161.

Шуваковъ, гр. Андр. Петр., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и главн. директоръ ассигнаціон. банка, р. 1743 † 1789 г., т. VI, 88, 411.

Шуваковъ, Ив. Иван. оберъ-камергеръ, кураторъ московскаго университета, р. 1727 † 1797 г. О письмѣ къ нему кн. П. С. Потемкина въ 1794 г., т. V, 346. Упом. т. V, 459, 602, 614; т. VI, 687.

Шуваковъ, гр. Петръ Ив., ген.-фельдцейхмейстеръ, р. 1711 † 1762 г. Отрывокъ изъ письма къ нему Ломоносова по поводу ссоры его съ Сумароковымъ, т. V, 335—336. Упом. т. V, 674.

Шугуровъ, М. Ѳ., т. V, 623.

Шуйскій, Василій Ивановичъ, даръ, т. V, 337.

Шульгинъ, с.-петерб. оберъ-полицеймейстеръ. Повѣстка его о кончинѣ императора Александра I, т. VI, 159.

Шумская, Наст. Ѳед., домоправительница Аракчеева. Убіеніе ея, т. VI, 121—122. Упом. т. V, 471; т. VI, 231, 237, 238.

Шумскій, актеръ 1850 г., т. V, 125.

Шумскій, флигель-адъютантъ, т. VI, 231.

Шуппе, домовладѣлецъ 1841 г., т. V, 321.

Шушеринъ, т. V, 877.

Шхелтинъ, морской офицеръ, 1715 г., т. V, 886.

Щ.

Щаповъ, Пав. Вас. Сообщ. письмо Булгарина по поводу смерти Гоголя, 1852 г., т. V, 481—482.

Щелковъ, участникъ въ дѣлѣ Петрашевскаго 1849 г., т. VI, 74.

Щекиничъ, Мих. Сем., артистъ. Пер-

вое знакомство его съ Гоголемъ, т. V, 282—283. Упом. т. V, 121, 125; т. VI, 441.

Щекиничъ, П. М. Разсказъ его о первомъ знакомствѣ Гоголя съ М. С. Щенкинымъ, т. V, 282—283.

Щербатова, княгиня. Высочайшее распоряженіе о запрещеніи ей пріѣзда ко двору и въѣзда въ столицу, 1799 г., т. V, 252.

Щербатова, кн. Марія Павл., рожд. Муханова, т. V, 341, 344.

Щербатовъ, 1704 г., т. V, 911.

Щербатовъ, кн. А. А., дѣйств. стат. сов., т. V, 341, 344.

Щербатовъ, кн. Алексѣй Григ., ген. отъ инфантерій, членъ госуд. совѣта, москов. ген.-губернаторъ съ 1843 г., р. 1777 † 1848 г., т. V, 629.

Щербатовъ, кн. Дмитрій, членъ «сумазброднѣйшаго собора», т. V, 880, 881.

Щербатовъ, кн. Мих. Мих., сенаторъ, исторіографъ, р. 1733 † 1790. Письмо къ вельможамъ, правителямъ государства, т. V, 1—15.

Щербатовъ, кн. Мих. Юрьев., ген.-майоръ, москов. оберъ-комендантъ, потомъ губернаторъ въ Архангельскѣ, р. 1678 † 1788 г., т. V, 885.

Щербатовъ, кн. Осипъ Ив., окольничій, т. V, 884.

Щербатовъ, кн. Пав. Петр., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1762 † 1831 г., т. VI, 98.

Щербатовъ, кн. Юрій Ѳед. (во иноч. Софроній), окольничій и бригадиръ, † 1737 г., т. V, 876, 885.

Щербина, Никол. Ѳед., поэтъ. Стихи изъ его альбома, т. V, 150—158.

Щербинина, Анаст. Мих., рожд. кн. Дашкова. Разсказъ ея о смѣлости матери ея — кн. Ев. Р. Дашковой, т. V, 130—131.

Щербининъ, Евдокимъ, намѣстникъ новороссійскій, т. V, 626.

Щербининъ, Мих. Павл., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, бывшій директоръ канцеляріи намѣстника кавказскаго. Отзвѣ о немъ А. П. Ермолова, т. V, 446.

Щужинъ, 1715 г., т. V, 884.

Щукинъ, Овисимъ, 1708 г., т. V, 915—917.

Э.

Эдуардъ I, король англійскій, т. VI, 323.

Эйлеръ, физикъ, академикъ, т. V, 616, 617; т. VI, 691.

Эйлеръ, Александръ Христофоровичъ, генералъ 1830-хъ гг., т. VI, 234.

Эмартстауенъ, писатель, т. V, 549.

Эксанъ-ханъ, полковникъ 1829 г., т. VI, 200, 201.

Эжункиъ, воспитанникъ театрального училища 1822 г., т. V, 425.

Эльмурза, т. V, 947.

Эльсонъ, архитекторъ 1825 г., т. VI, 150.

Эммануэль, ген.-лейт. 1827 г., т. VI, 55, 257.

Энамолоповъ, переводчикъ 1827 г., т. VI, 60.

Энгельгардтъ, профессоръ 1819 г., т. V, 396, 397.

Энгельгардтъ, Вас. Андр., подполковникъ, т. VI, 463.

Эржстовъ, князь Георгій Евсѣевичъ, ген.-лейт. 1827 г., вполсѣд. ген. отъ инфантеріи, сенаторъ, т. V, 441; т. VI, 67, 268, 270.

Эсманите, Вазиліо, оружейникъ, т. V, 331.

Эссенъ, гр. Петръ Кирил., генер. отъ инфант., оренбургск. ген.-губернаторъ и командиръ оренбургск. корпуса, потомъ с.-петербург. военный ген.-губернаторъ и членъ госуд. совѣта, р. 1772 † 1844 г., т. V, 358, 359, 360.

Ю.

Юдина, Марія Ив., княз., т. VI, 609.

Юдинъ, майоръ 1826 г., т. VI, 89.

Юнд, архитекторъ 1822 г., т. VI, 507.

Юрассовъ, И. П., надворн. сов. 1849 г., т. VI, 72.

Юрьевъ, Федоръ, пѣловальникъ 1711 г., т. V, 940.

Юсупова, княгиня, т. V, 579.

Юсуповъ, кн. Григор. Дмитр., генер.-

майоръ и сенаторъ, вполсѣд. ген.-аншефъ, р. 1876 † 1730 г., т. V, 797, 886.

Юсуповъ, кн. Мих. Дмитр., начальникъ кремлевск. экспедиціи, т. VI, 288.

Юсуповъ, кн. Никол. Борис., посланникъ въ Турнію и сенаторъ, потомъ дѣйств. тайн. сов. и министръ удѣловъ, р. 1751 † 1831 г., т. V, 184; т. VI, 631.

Юшкова, госпожа, т. V, 887.

Юшкова, Аграфена, вдова Вельяминова, т. VI, 562, 563.

Юшкова, Анна Федор., камеръ-фрау импер. Анны Іоанновны, т. VI, 563

Юшкова, Екат. Вас., въ замуж. кн. Мещерская, т. VI, 561.

Юшкова, Ирина Вас., въ замуж. Алексѣева, т. VI, 561.

Юшкова, Праск. Вас., въ замуж. Самарина, р. 1722 † 1789 г., т. VI, 560, 561, 562.

Юшкова, Тат. Мих., т. VI, 560, 561.

Юшкова, Тат. Мих., вдова Фролова-Багрѣва, т. VI, 563.

Юшковъ, Алексѣй Александр., окопчикъ, † 1722 г. Забѣтки о немъ, т. VI, 561—561, Упом. т. V, 877, 884.

Юшковъ, Ив. Алексѣев., т. VI, 562, 563.

Юшковъ, Василій Алексѣев., ближній стольникъ, р. 1877 г., ум. ок. 1735 г. Забѣтки о немъ, т. VI, 560—563.

Я.

Яблоновскій, Янъ-Станиславъ, воевода волынскій и черниворусскій, † 1731 г., т. V, 921—922.

Ягужинскій, Пав. Ивас. 1710 г., вполсѣдствій графъ, ген.-аншефъ и об.-штаб-мейстеръ т. V, 798, 883.

Языковъ, кабинетъ-куррьеръ 1753 г., т. V, 957.

Языковъ, А. П., т. VI, 606.

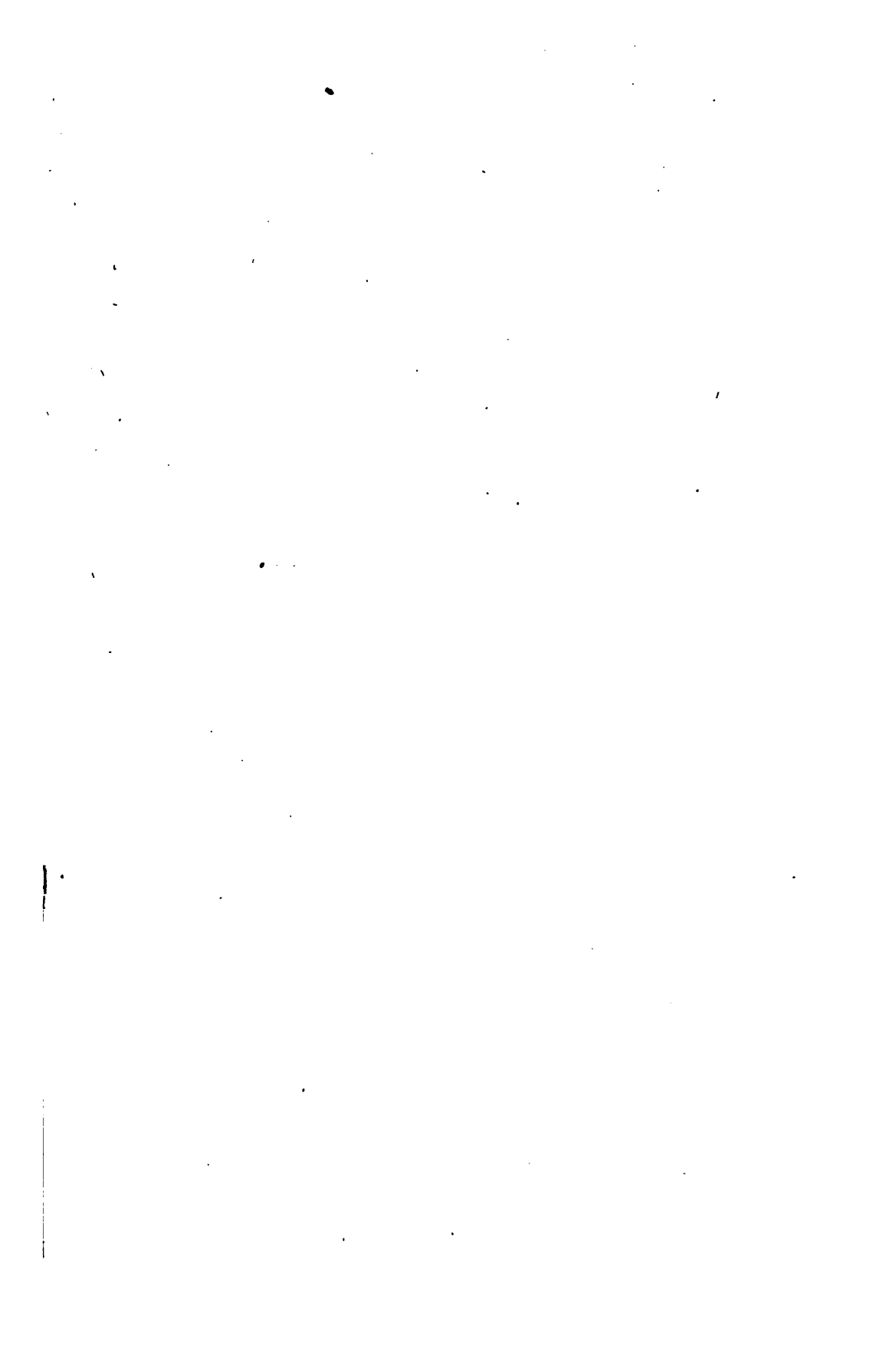
Языковъ, Николай Михайлов., поэтъ, т. V, 128; т. VI, 701.

Языковъ, Платонъ Евграф., владимір. вице-губернаторъ, т. VI, 288.

Языковъ, Семень, 1718 г., т. VI, 671.

Языковъ, Т. П., т. VI, 606.

Яковлева, Екат. Валерьянов., вдова

ОГЛАВЛЕНИЕ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1872 года.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ИЮЛЬ. АВГУСТЪ. СЕНТЯБРЬ. ОКТЯБРЬ. НОЯБРЬ. ДЕКАБРЬ.

ЗАПИСКИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

	СТРАН.
I. Русский театръ при Александрѣ I, воспоминанія П. А. Каратыгина	297
II. Воспоминанія моей жизни, 1792—1856 гг. Записки поч. лейбъ-хирурга Дмитрія Клементьевича Тарасова. Гл. XIV—XVIII. 1825—1856 гг. Сообщ. А. Д. Тарасовъ	99
Приложенія къ «Воспоминаніямъ»: а) Некрологъ А. Д. Тарасова † 1872 г. (99). б) Александръ I въ Орлѣ 1823 г., замѣтка В. Н. Леонтьева. (144); в) Александръ I въ Костромской губерніи 1824 г., замѣтка М. М. Ранга. (145); г) Маршалокъ Пусловскій. Сообщ. В. И. Васильевъ. (148); д) Исторія болѣзни и послѣднихъ минутъ Александра I, переводъ съ франц. рукописи. Сообщ. Н. П. Дуровъ. (149).	
III. Записки партизана Дениса Давыдова: воспоминанія о польской войнѣ 1831 года. Части I и II. Сообщ. В. Д. Давыдовъ	1 и 309
Приложенія: I. Рѣчь императора Николая Павловича депутатамъ города Варшавы при приѣмѣ ихъ во дворцѣ Лазенки 1835 г. Сообщ. А. Н. Яхонтовъ и М. В. Кюхельбекеръ. (391). б) Замѣтки по поводу напечатанія рѣчи Николая I въ 1835 г. Сообщ. баронъ Ф. А. Бюлеръ. (679). II. Дѣйствія польскихъ войскъ въ 1831 г. Сообщ. А. Распоповъ. (393). III. Замѣтки о запискахъ моего отца, партизана. Сообщ. В. Д. Давыдовъ. (399). Поправка. Сообщ. Владиміръ Дыко-*	

- шинъ. (402). IV. Два письма партизана Давыдова. Сообщ. В. Док—ий. (403). V. Указъ сенату о кн. Чарторжскомъ. 6-го октября 1831 г. Сообщ. Г. Е. Рѣпинскій. (405). VI. Поправка опечатки въ «Зап. Давыдова». (296).
- IV. Воспоминанія доктора **И. И. Европеуса**: а) служба въ военныхъ поселеніяхъ и графъ Аракчеевъ. 1820—1826 гг.; б) Бунтъ Новгородскихъ военныхъ поселенъ 1831 г. 225 и 547
- Приложенія: а) Акrostихъ ва Аракчеева. (241). б) Письма гр. Аракчеева въ Европеусу. (241). в) Письмо баронета Вилліе въ гр. Аракчееву. (242).
- V. Воспоминанія **М. Н. Пехвиснева** объ А. П. Ермоловѣ. 475
- VI. Изъ раннихъ лѣтъ, изъ жизни дальней. Воспоминанія **Т. П. Пассоевъ**. 1810—1825 гг. 607

Указы, письма, донесенія, рассказы, замѣтки.

До Петра I.

- I. Султанъ турецкій и запорожцы: грамота султана и отвѣтъ казаковъ. 1680 г. Сообщ. А. Д. Шишковъ и Н. Н. Селифонтовъ, съпримѣч. Н. И. Костомарова. 450
- Отвѣтъ Запорожцевъ султану по другимъ спискамъ. Сообщ. Я. А. Симоновскій, замѣтка Г. П. Надхина. (701).

Царствованіе Петра I.

- II. Письма Петра Великаго къ Григорію Григорьевичу Скорнякову-Писареву. 1707—1722 гг. Сообщ. А. Н. Маринъ 450
- III. Распоряженіе Петра I о вознагражденіи за археологическія находки. 1718 г. Сообщ. П. И. Барановъ. 474
- Исправленіе опечатки. (606).
- IV. Царица Прасковья Ѳеодоровна и ея дочери, царевны Екатерина Іоанновна и Прасковья Іоанновна: письма ихъ къ вѣдчому Вас. Ѳеодор. Салтыкову. 1721—1723 гг. Сообщ. П. И. Барановъ 563
- V. Бутурлины и Юшковы въ царствованіе Петра I. Замѣтки изъ семейнаго архива. Сообщ. Н. Ѳ. Самаринъ. 559

Царствованіе Петра III.

- I. Указъ святѣйшему синоду о соблюденіи правосудія. 26-го марта 1762 г. Сообщ. Ж. Ж. 567

Царствованіе Елисаветы II.

- I. Францъ Ивановичъ де-Ливронъ. Эпизодъ изъ русско-шведской войны. 1790 г. Сообщ. К. Ф. де-Ливронъ. 569
- III. Александръ Васильевичъ Суворовъ, генералиссимусъ російск. войскъ, кн. Италійскій, графъ Рымникскій, 1729—1800 гг.:
- а) Письма его къ роднымъ и знакомымъ. 1791—1792 гг. Сообщ. кн. А. А. Суворовъ, кн. Италійскій, графъ Рымникскій 410
Поправки въ родословіи фамиліи Суворовыхъ. Сообщ. кн. А. А. Суворовъ-Рымникскій. (606).
- б) Анекдоты о Суворовѣ 676

Царствованіе императора Павла.

- I. Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей П. Θ. Карабановымъ о времени съ 1796 по 1801 г. 87
- II. Распоряженіе императора Павла объ изыятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими. 1800 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій 98

Царствованіе императора Александра I.

- I. Объ обращеніи съ крестьянами. Проектъ циркулярнаго секретнаго указа губернаторамъ. 1802 г. Сообщ. Г. В. Есиповъ 281
- II. Объ обращеніи съ солдатами. Указъ генералу Боуру. 1804 г. Сообщ. А. Н. Петровъ 283
- III. Историческіе рассказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей П. Θ. Карабановымъ: о времени 1801—1825 гг. (окончаніе) 284
- IV. Историческіе рассказы и анекдоты, записанные въ разное время разными лицами: о дѣятеляхъ и времени Александра I 676
Поправки. Сообщ. кн. В. Баюшевъ (стр. 606). Исправленіе ошибки кн. Баюшева. Сообщ. Б. М. Федоровъ. (699).
- V. Распоряженіе о книгахъ для духовнаго юношества. 1817 г. Сообщ. Л. С. Мацѣвичъ 582
- VI. Цензоръ А. И. Красовскій. 1823 г. Сообщ. А. П. Мансуровъ 584
- VII. Аракчеевщина: рассказы, стихи и народныя пѣсни о немъ, и объ учрежденныхъ имъ военныхъ поселе-

	СТРАН.
ніяхъ. Сообщ. Г. С. Демянокъ, Л. С. Мацѣвичъ, А. Г. Пупаревъ и И. П. Корниловъ	589
VIII. Съѣздъ членовъ „Союза Благоденствія“ въ Москвѣ. 1821 г. Статья Е. И. Якушкина	597
IX. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ:	
1) Донесенія и письма Ермолова: императору Але- ксандру I, гр. Аравчеву, кн. П. М. Волконскому, генералу Паскевичу и друг. 1812—1820 гг. Сообщ. М. Н. Похвисневъ	493
2) Письмо Ермолова къ дежурному генералу главнаго штаба. Сообщ. Б. М. Ѳедоровъ	500
3) Письма Ермолова къ П. А. Кикину. 1817—1832 гг. Сообщ. кн. П. Д. Волконскій	501
4) Письмо Ермолова къ Н. Г. Устрялову по поводу исторіи двадцати-лѣтія царствованія Николая I. 17-го сентября 1847 г. Сообщ. Н. Н. Сели- фонтовъ	290
5) Письмо Ермолова къ Пав. Ник. Ушакову 1851 г. Сообщ. С. Г. Ушакова	538
6) Знакомство съ Ермоловымъ. Разсказъ С. И. Хра- повицкаго	539
7) Письмо Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову 1855 г. (542). Отвѣтъ кн. Д. Святополъ-Мірскаго. Сообщ. И. А. Пузыревскій и Л. Н. Пав- лицевъ	542 и 544

Царствованіе императора Николая Павловича.

I. Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ на Кавказѣ въ 1826—1827 гг. секретныя донесенія императору Николаю Павловичу и переписка. VI—XXXIX. Сообщ. П. И. Врѣони	39 и 243
Замѣтки по поводу этихъ документовъ: а) Н. Ѳ. Ду- бровина. (280). б) Поправка описки г. Дубровина от- носительно генерала Мадатова. (699). в) Статья М. Н. Похвиснева (см. выше, въ отд. «Воспоминаній»).	
II. Смерть А. С. Грибоѣдова. 1829 г. Изслѣдованіе по подлиннымъ, неизданнымъ документамъ. Составилъ и сообщ. А. П. Берже	163
III. Левъ Измайловъ, генераль-лейтенантъ, Дѣдновскій помѣщикъ. Записка изъ слѣдственнаго о немъ дѣла. 1829 г. Сообщ. А. Г. Пупаревъ	649

	СТРАН.
IV. Смотритель училищъ въ 1829 г. Домеснія Шелкова. Сообщ. О. Н. Гавриловъ	444
V. Распоряженіе о соблюденіи формы гражданскими чиновниками. 1833 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	294
VI. Распоряженіе объ изыятіи изъ продажи книги: „Утреннія и вечернія молитвы“. 1835 г. Сообщ. А. Г. Пунаревъ	583
VII. Записка, представленная въ секретную комиссію, учрежденную по дѣлу Мих. В. Буташевичъ-Петрашевскаго. 1849 г. Сообщ. И. Н. Липранди	70
VIII. Высочайше утвержденная инструкція ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультетовъ, 24 октября 1849 г. Сообщ. Р. И. Фонъ-дербъ-Ховенъ	448
IX. Записка императора Николая Павловича барону Вревскому. 1854 г. Сообщ. Б. Θ. и В. Θ. Булгарини и Т. А. Сосновскій	605
X. Рапортъ о тайномъ обществѣ. Сообщ. С. И. Черепановъ	700

Царствованіе императора Александра II.

Мысли фельдмаршала И. Θ. Паскевича кн. Варшавскаго, графа Эриванскаго объ оборонѣ и паденіи Севастополя. Черновой проектъ письма къ кн. М. Д. Горчакову. 16 сентября 1855 г. Сообщ. Н. П. Степановъ	604 и 427
Заявленіе кн. Θ. И. Паскевича по поводу напечатанія этого документа. (700).	

Исторія русской литературы.

Русскіе писатели XVIII вѣка.

I. Св. Димитрій Ростовскій. Письмо его къ Мих. Григ. Прохольскому. 1709 г. Сообщ. А. Л. Потаповъ	292
Генеалогическое разьясненіе. Сообщ. А. Л. Потаповъ. (698).	
II. Александръ Николаевичъ Радищевъ:	
1) А. П. Радищевъ, біографическій очеркъ, составленный его сыномъ, Н. А. Радищевымъ. Сообщ. кн. П. А. Вяземскій	573
2) Рапортъ иркутскаго намістническаго правленія	

въ правительствующій сенатъ о ссылкѣ Радницка въ Илинскій острогъ. 1791 г. Сообщ. Г. Б. Рѣпинскій	436
---	-----

Русскіе писатели XIX вѣка.

I. Василій Назаровичъ Карзининъ. 1801—1848 гг.: Воззваніе о сооруженіи ему въ Харьковѣ памятника. Сообщ. Г. П. Данилевскій.	294
II. Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ. 1796—1826 гг.: 1) Забѣтки объ изданіи его стихотвореній и о годѣ рожденія Рылѣева. Сообщ. „Любитель Старины“ и Дм. Кропотовъ	438 и 602
2) „На смерть Байрона“, стихотвореніе, приписывае- мое Рылѣеву	439
3) Предчувствія Рылѣева о своей судьбѣ. Забѣтка А. И. Фельзнера	440
III. Николай Васильевичъ Гоголь: Письмо къ И. И. Сосницкому о постановкѣ „Ревизора“. 1846 г. Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ	441
IV. Петръ Андреевичъ Ѳедотовъ: путевъ-поэма „Маіоръ“. Поправки, дополненія и замѣтки о путевъ-поэмѣ „Маіоръ“. Сообщ. Н. В. Бергъ, И. Ѳ. Горбу- новъ, Г. А. Думшинъ, П. А. Ефремовъ и И. А. Ибердусовъ	208
V. Ѳедоръ Сергѣевичъ Чернышевъ (авторъ „Солдат- ской свазки про царей русскаго и нѣмецкаго“). 1805—1869 гг. Біографическая о немъ замѣтка.	223
VI. М. А. Максимовичъ. Отрывокъ изъ его стихотв. Сообщ. Н. П. Барсуковъ.	224
VII. Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ. 1831—1872 гг. 1) Воспоминанія о немъ	452
Дополнительная къ нимъ замѣтка (606).	
2) Встрѣча съ Гильфердингомъ, рассказъ пѣвца бы- линъ, крестьянина Касьянова.	694
VIII. Спиридонъ Николаевичъ Палаузовъ. † 14-го августа 1872 г. Воспоминаніе о немъ А. С. Воронова	471
IX. Петръ Петровичъ Пекарскій, академикъ, докторъ рус- ской исторіи, † 12-го іюля 1872 г. Очеркъ его жизни и перечень трудовъ его по русской исторіи и исто- ріи отечественной литературы	684

	ОТДѢЛ.
X. Апполовъ Никифоровичъ Маринъ, генералъ-лейтенантъ, военный писатель. Свѣдѣнія изъ его биографіи	673
XI. Замѣтка объ эпиграммѣ Пушкина на Карамзина	296

Исторія русскаго искусства.

Академикъ Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ. Замѣтка о немъ Н. В. Берга	223
--	-----

Народная русская словесность.

I. Былина: „Ермакъ Тимофеевичъ“. Сообщ. И. Куприяновъ	702
II. Пѣсни о Рахчеевѣ (см. выше).	

Библиографическій листокъ о новыхъ книгахъ.

1. Дневныя морскія записки, веденныя на кораблѣ «Уриль» во время плаванія его въ Средиземное море съ эскадрою, подъ начальствомъ вице-адмирала Снавина состоящею, Г. М. Мельникова. Спб., 1872 г., in 8°, VIII, IV и 234 стр. Съ гравированнымъ въ Англіи портретомъ автора Часть I (на оберткѣ VII кн. «Русск. Стар.» 1872 г.).
2. Азты, собранныя Кавказскою археографическою комиссіею. Тифлисъ. Тип. Гл. Упр. in magno folio. Томъ I (1866, X и 816); т. II (1868, VI и 1238 стр.); т. III (1869, VI и 760 стр.); т. IV (1870, III и 1015 стр.) Цѣна каждому тому 30 рублей (тамъ-же).
3. Брошюры, изданныя къ юбилею Петра Великаго (тамъ-же).
4. Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. Москва, 1872 г. Томы I и II, стр. 420 и 406; въ 8°. Изданіе Николая и Дмитрія Востряжковыхъ, подъ редакціею Г. В. Ешипова (на оберткѣ VIII кн. «Русск. Стар.» 1872 г.).
5. Сочиненія и переписка Кондратія Ѳеодоровича Рылѣва. Изданіе его дочери, подъ редакціею П. А. Шфрежова. Спб., 1872 г., въ 8°, стр. X и 382. Ц. 2 р. (тамъ-же).
6. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ VIII. Спб., 8°, 1872. LVI, VII, 314, 2, 10, 108, 23, 94, 42 и 37 стр. Ц. 1 р. 50 к. (тамъ-же).
7. Дополненіе къ азтамъ историческимъ. Томъ XII. Изданіе Императорской Археографической комиссіи. Спб., въ листъ, 1872 г. (на оберткѣ IX кн. «Русск. Стар.» 1872 г.).
8. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Изслѣдованіе В. Елючевскаго. М., 1871 (8°, III, 465 и VII). Ц. 2 р. (тамъ-же).
9. Учебная русская хрестоматія съ толкованіями. Составилъ П. Н. Полевой. Часть II (средній возрастъ). Спб., 1872. Тип. Траншеда, 12°, VI, III и 374 стр. Ц. 70 коп. (тамъ-же).
10. Составители Киево-Печерскаго патерика и позднѣйшая его судьба. Историко-литературный очеркъ М. Визторовой. Съ предисловіемъ И. И. Нежрасова. Воронежъ, 1871, 8°, 39 стр. (тамъ-же).

11. Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изданіе Археографической комиссіей. Спб., 1872, 4°. Тип. Ак. Наукъ, XIV, 512 и 63 стр. Ц. 3 р. (на оберткѣ X кн. «Русск. Стар.» 1872 г.).
12. Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи, собранныя и изданныя Петербург. Археографической комиссіей. Томъ VII. Спб., 1872. Тип. Пратца, 4°, VI, 10 н° 398 стр. Ц. 2 р. (тамъ-же).
13. Письма Петра Великаго, хранящіеся въ Имп. Пуб. Библіотеки и описаніе находящихся въ ней рукописей, содержащихъ матеріалы для исторіи его царствованія. Состав. А. Ф. Зычцовымъ. [Спб. Тип. Граншеля, 1872 г. (тамъ-же).
14. Обзорніе книгъ, гравюръ и монетъ времени царствованія Петра Великаго. Состав. Я. Верезинъ-Ширяевъ. Спб., 1872, 12°, X и 80 стр. (тамъ-же).
15. Русская историческая библіотека, издаваемая петербургскою Археографическою комиссіей. Т. I. Спб., 1872, 8°, 2 нон., XIII и 846 столбцевъ. Ц. 2 р. (на оберткѣ XI кн. «Русск. Стар.» 1872 г.).
16. Архивъ Юго-Западной Руси. Часть I. Томъ IV. Кіевъ, 1871, 8°, 4 нон., 100 и 747 стр. Ц. 2 р. (тамъ-же).
17. Архивъ правительствующаго сената. Томъ I. Составилъ П. Варановъ. Спб., Сен. тип. 1872, 8°, XXXI и 167 стр. (тамъ-же).
18. Пособіе для занятій по судебно-гражданской части. Сводъ Законовъ Гражданскихъ, по изданіямъ 1832, 1842 и 1857 годовъ и по продолженіямъ 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 годовъ, и Сборникъ подлинныхъ узаконеній, на которыхъ основаны статьи Свода Законовъ Гражданскихъ, изданія 1857 года. Составилъ Ш. Карновичъ. Книга 1-я: О правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. Книга 2-я: О порядкѣ приобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущество. Спб. 1872 года. Цѣна за обѣ книги 3 р. 50 к. (тамъ-же).
19. О портретахъ Петра Великаго. Изслѣдованіе А. А. Васильчикова. М., 1872, 8°, 126 стр. (на оберткѣ XII кн. «Русск. Стар.» 1872 г.).
20. Провинціальныя труды по областной исторіи и библіографіи (тамъ-же).

Приложенія къ шестому тому «Русской Старины»:

- I. Жизнь и приключенія Андрея Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ. 1738—1795 гг. Томъ третій, части: XVII, XVIII, XIX, XX и XXI. 1774—1784 гг., стр. 417—1214 (съ приложеніемъ, въ текстѣ, четырехъ рисунковъ, исполненныхъ А. Т. Болотовымъ, авторомъ „Записокъ“, и гравированныхъ академикомъ, Его Императорскаго Величества граверомъ, Л. А. Сѣряковымъ. (Одинъ изъ рисунковъ, на стр. 496-й, изображаетъ казнь Емельки Пугачева).
 Это вторая половина третьяго тома «Записокъ Болотова» должна быть выдѣлена изъ книгъ (7-й по 12-ю включительно, 1872 г.), къ которымъ она приложена и переплетена въ одну книгу съ первою половиною (прилож. съ 1-й по 5-ю кн. 1872 г.). Въ концѣ III-го тома помѣщено подробное особое оглавленіе, какъ это сдѣлано при первыхъ двухъ томахъ «Записокъ Болотова».
- II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ матеріалы для русской исторіи или исторіи отечественной словесности.
- III. Алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ „Русской Старинѣ“, въ томахъ V и VI, изд. 1872 г. Состав. Ж. К. Піотровская, подъ наблюденіемъ Е. П. Карновича.

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Записки А. Т. Болотова. 1738—1771 гг., три тома. Спб., 1870—1872 гг., стр. 1002, 1120 и 1220, въ два столбца, съ рисунками въ текстѣ—Болотова, и съ портретомъ его, гравированными академикомъ Л. А. Сбряковымъ. (Приложенія къ «Русск. Стар.» 1870, 1871 и 1872 гг.).

Цѣна, въ отд. изданіи, за три тома 9 руб.

II. Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго, полицій-мейстера—при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генераль-кригсъ-коммисара, затѣмъ генераль-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы, и сенатора при Екатеринѣ II. 1705—1777 гг., Спб. въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. 50 коп.

III. Записки Гавріила Ивановича Добрынина. 1752—1823 гг., три части. Изданіе второе, значительно исправленное и вывѣренное по подлинной рукописи Добрынина. Спб., 1872 г., въ 8-ю д., 380 стр.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

IV. Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія. 1809—1831 гг. Новые рассказы очевидцевъ о бунтѣ военныхъ поселенъ въ 1831 году. Подробный историческій обзоръ учрежденія и внутренняго быта поселенъ. Подлинная переписка гр. Аракчеева. Спб., 1871 г., въ 8-ю д. л.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

V Записки Екатерины Александровны Хвостовой. 1812—1841 гг. Очерки быта высшаго русскаго общества и новыя данныя для біографіи поэта Лермонтова. Спб., 1871 г., въ 8-ю д., 260 стр.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

VI. Состояніе Россіи при Петрѣ Великомъ, сочиненіе капитана Джона Перри, переводъ съ англійскаго, кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ М. И. Семевакаго. Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва, 1872 г., въ 8-ю д., 200 стр.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

О ВЪЯВЛЕНІЯ

I.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу

1-я выпускъ книги:

ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНІЯ О ЖИЗНИ И ДѢЛАХЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Изданіе Вспомогательной Кассы С.-Петербургскихъ
наборщиковъ.

КНИГА СОСТАВЛЕНА ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ СТАРИНА“.

Цѣна 1-го выпуска, на веленовой бумагѣ, съ приложеніями фотографическаго портрета Петра I и снимками съ указа и азбуки, съ поправками на нихъ рукою Петра Великаго. . . 2 р.

На простой бумагѣ, съ приложеніемъ портрета Петра I. 1 -
Книгопродавцамъ дѣлается уступка 20%.

Главный складъ по Большой Садовой, противъ Юсупова сада,
домъ № 49, въ типографіи Балашева.

Контора редакціи «Русской Старины» извѣщаетъ, что поступающія, на нижеслѣдующія изданія, требованія не могутъ быть удовлетворяемы, такъ какъ книги эти разошлись сполна, до послѣдняго экземпляра, а именно: 1) «Русская Старина», изд. 1870 г. (первый годъ); 2) «Русская Старина», изд. 1871 г. (второй годъ). 3) «Записки М. И. Глинки», изд. 1870 г.; 4) «Бунтъ военныхъ поселянъ», изд. 1870 г., и 5) «Дневникъ Іоанна Георга Корба, о бунтѣ и казняхъ стрѣльцовъ въ 1698 — 1699 гг.».

II.

О ПОДПИСКѢ НА 1873 ГОДЪ

НА

ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

въ родѣ «The Illustrated London News», «The Graphic», «Leipziger Illustrirte Zeitung», «Illustration», «Monde Illustré», «Univers Illustré».

Съ 1-го января 1873 года журналъ «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» начнетъ V-й годъ (т.-е. Томы IX и X) своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей программы, будетъ издаваться съ прежнею, со стороны издателя, заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» выходитъ еженедѣльно (т.-е. 52 номера въ годъ), въ форматѣ большого двойнаго листа самой лучшей бумаги и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ 16-ть страницъ, изъ которыхъ половина наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

ПРОГРАММА „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“:

I. Политическій отдѣлъ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ. — II. Внутренніе извѣстія. Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная гѣтопись. — III. Язычная словесность. Повѣсти, рассказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. — IV. Науки и искусства. Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и проч., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п. — V. Прикладная наука и промышленность. Новыя и старыя изобрѣтенія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и проч. — VI. Критика и библиографія. Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная гѣтопись. Обзоръ журналовъ. — VII. Театральный и музыкальный обзоръ. Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. — VIII. Слѣды и новости. Мелкія литературныя, художественныя и ученые извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п. — IX. Фельетонъ. Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр. — X. Юмористическій листокъ. Баррикатуры. — XI. Шахматныя задачи, шарады, ребусы, и т. п. — XII. Частныя объявленія. Съ 1-го января 1873 года въ журналѣ «Всемирная Иллюстрація» начнетъ печататься русскій историческій романъ Нестора Кукольника «Іоаннъ III, собиратель земли русской».

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 12 р. — к.
 Безъ доставки въ Москвѣ . . . 13 > 50 >
 Съ доставкою въ С.-Петербургѣ. 13 > 50 >
 Съ доставкою въ другіе города . 15 > — >

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» представляетъ исторію, географію, путешествія, изящныя искусства, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, политическія событія, войну и проч., и проч., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинкахъ. Каждый томъ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» представляетъ собою роскошный альбомъ и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной; «ИЛЛЮСТРАЦІЯ» необходима всѣмъ и для всѣхъ. По просьбѣ многихъ подписчиковъ, издатель заказалъ роскошныя покрывши для переплета изъ англійскаго колленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрывши для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 руб. 75 коп., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрѣсти эти покрывши для переплетовъ, издатель «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» проситъ обращаться со своими заказами по возможности заблаговременно.

Цѣна первыхъ 8-ми томовъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“.

- 1869 г., т.-е. томы I и II вмѣстѣ — 12 руб., съ пересылкою — 15 руб.
 Переплетенные въ англ., тисненные золотомъ, переплетъ — 16 руб., съ перес.— 19 руб.
 1870 г., т.-е. томы III и IV вмѣстѣ — 12 руб., съ пересылкою — 15 руб.
 Переплетенные въ англ., тисненные золотомъ, переплеты — 16 руб., съ пересылкою 19 руб.
 1871 г., т.-е. томы V и VI вмѣстѣ — 12 руб., съ пересылкою 15 руб.
 Переплетенные въ англ., тисненные золотомъ, переплеты — 16 руб., съ пересылкою 19 руб.
 1872 г., т.-е. томы VII и VIII вмѣстѣ — 12 руб., съ пересылкою 15 руб.
 Переплетенные въ англ., тисненные золотомъ, переплеты — 16 руб., съ пересылкою 19 руб.
 1873 г. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами подписчиками №№ «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» за 1873 г., т.-е. для томовъ IX и X, имѣются уже также роскошныя покрывши для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Главная контора „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, домъ Керова, № 16.

Редакторъ-Издатель «Всемирной Иллюстраціи» ГЕРМАНЪ ГОПФЕ.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ бывш. Загряжскаго; А. Лага, на Кузнецкомъ мосту; Г. Постъ, Ш. Ш. Черемна и друг.

III.

О ПОДПИСКѢ НА 1873 ГОДЪ

НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ МОДНЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССИИ.

Съ 1-го января 1873 года «МОДНЫЙ СВѢТЪ» начнетъ VI-й годъ своего существованія и, не измѣняя ни въ чемъ своей программы, будетъ издаваться съ прежнею, со стороны издателя, заботливостію наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1873 году будетъ выходить также въ двухъ изданіяхъ.

Въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, т.-е. четыре номера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

Болѣе 2,000 политипажныхъ рисунковъ модъ и руководій въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Болѣе 200 выкроекъ на 12-ти большихъ листахъ.

12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.

24 (или 12 для I-го изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими художниками.

Коллекцію рисунковъ: модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА“:

I изданію, съ 12 раскрашенными парижскими картинками:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки . 4 руб. — коп.

> > съ доставкою . 5 > 50 >

Для иногородныхъ 6 > — >

II изданію, съ 24 раскрашенными парижскими картинками:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки . 5 руб. — коп.

> > съ доставкою . 6 > 50 >

Для иногородныхъ 7 > — >

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 р., II-му изданію 6 р. 50 коп.

Издатель «МОДНАГО СВѢТА» ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

Главная контора редакціи «МОДНАГО СВѢТА» находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16:

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: М. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ бывш. Загряжскаго; А. Ламга, на Кузнецкомъ мосту; Г. Постъ, М. М. Черемшнн и друг.

IV.

Приглашеніе пустыннаго успенскаго православнаго церковнаго братства могнаевской епархіи къ принятію участія въ его дѣятельности.

Православные Соотечественники! Учредители православнаго церковнаго братства при пустынскомъ свято-успенскомъ монастырѣ поставили своею задачею: всевозможное содѣйствіе къ распространенію христіанскаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви и утвержденію доброй нравственности и трудолюбія въ крестьянскихъ селеніяхъ могнаевской епархіи, преимущественно же Мстиславскаго уѣзда, и устраненіе всего того, что со стороны враговъ православія и русской народности можетъ пагубно дѣйствовать на нравственность крестьянъ, равно и на хозяйственный или матеріальный ихъ бытъ. Съ этою цѣлю братство, по мѣрѣ средствъ, имѣеть заботиться: о распространеніи по церковно-приходскимъ училищамъ книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго и православно-обличительнаго содержанія, о судьбѣ лицъ, принимающихъ православіе, оказывая имъ возможное покровительство и пособіе, о поддержаніи и благопреуслѣваніи учрежденныхъ при пустынскомъ монастырѣ поселенскаго училища для обученія въ немъ крестьянскихъ мальчиковъ на религіозно-нравственныхъ началахъ, и больницы на случай, если кто изъ посятителей богомольцевъ заболѣеть, и о составленіи при братствѣ бібліотеки изъ книгъ религіозно-нравственныхъ и научнаго содержанія, для безмезднаго чтенія желающимъ.

Но въ этомъ святомъ дѣлѣ развитія внутренней силы православія, въ массѣ здѣшняго русскаго народа и огражденія его нравственности отъ вредныхъ вліяній со стороны латинства и еврейскаго элемента, при отсутствіи собственныхъ средствъ, православное церковное братство при пустынскомъ свято-успенскомъ монастырѣ возлагаетъ надежду свою на высокое патріотическое чувство старшихъ братій своихъ — вѣрныхъ сыновъ великой Россіи, кои всегда съ полною любовію отзывались къ интересамъ своихъ меньшихъ братій, православныхъ чадъ отечественной церкви Христовой, живущихъ на Западной окраинѣ Россіи.

Пустынско-успенское братство твердо вѣритъ, что великій русскій народъ не откажетъ въ своемъ великодушномъ сочувствіи, въ своей нравственной и матеріальной поддержкѣ посильному служенію братства дѣлу православія и христіанской нравственности въ здѣшнихъ мѣстностяхъ противъ напора враждебныхъ вліяній.

Оно обращается къ вамъ, православные соотечественники, съ покорнѣйшею просьбою—принять христіанское участіе въ дѣятельности его, содѣйствуя къ распространенію этой просьбы и между другими лицами, извѣстными вамъ своею ревностію къ православію и русской народности. Изъ устава братства, который наложенъ въ прилагаемой при семъ брошюрѣ, вы можете усмотрѣть, какъ цѣль братства, такъ и планъ дѣйствій его. Всякая лепта усердія, въ чемъ бы она ни состояла, въ денежномъ ли приношеніи, въ пожертвованіи ли книгами, брошюрами и другими вещами, могущими служить цѣлямъ братства, въ трудахъ ли ученыхъ или другихъ какихъ-либо благода-

вѣкъ на пользу братства, послужить средствомъ къ развитію православнаго русскаго населенія и огражденію его отъ пагубныхъ вліяній на его нравственность и матеріальный бытъ, и укрѣпленію въ народѣ истинъ православной вѣры и правилъ христіанской дѣятельности. Жертва вашего усердія принята будетъ братствомъ съ искреннею благодарностію, а имя ваше внесено будетъ въ памятникъ братства для возношенія молитвъ къ престолу Божию за богослуженіемъ въ большомъ соборномъ храмѣ пустынскаго успенскаго монастыря.

Заявленіе ваши братство покорнѣйше проситъ адресовать, на основаніи 17-го пункта устава «въ совѣтъ пустынскаго свято-успенскаго братства, въ городъ Мстиславль, Могилевской губерніи».

Предсѣдатель совѣта братства пустынскаго успенскаго монастыря, настоятель,

Архимандритъ Анатолій.

V.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОБЪ ИЗДАНІИ ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ ВЪ 1873 ГОДУ.

„Христіанское Чтеніе“ будетъ издаваться въ 1873 году по прежней программѣ и въ томъ же объемѣ, какъ въ 1872 г., т.-е. ежемѣсячно книгами отъ 12-ти до 15-ти листовъ. Задача, характеръ и направленіе его достаточно извѣстны редакціи не намѣрена измѣнять ихъ и въ слѣдующемъ году. Въ научномъ отдѣлѣ своего журнала мы надѣемся представить лучшіе въ настоящее время опыты изслѣдованія по разнымъ отраслямъ богословскихъ наукъ, по прежнему руководясь строгою разборчивостію и обращая вниманіе сколько на ученое ихъ достоинство, столько же на близость отношенія ихъ къ современнымъ вопросамъ науки и потребностямъ церковной жизни. Въ особенности намъ желалось бы способствовать разъясненію и научной разработкѣ мало извѣстныхъ, или недостаточно понятыхъ, замѣчательныхъ событій въ исторіи нашей отечественной церкви, преимущественно ближайшаго къ намъ времени. Изслѣдованія касательно исторіи, статистики или современнаго положенія инославныхъ исповѣданій тогда только найдутъ у насъ мѣсто, когда они проливаютъ новый свѣтъ на отношенія западныхъ инославныхъ обществъ къ церкви православной, или служатъ къ объясненію современнаго движенія церковно-религіозной жизни на западѣ въ пользу православія.

Быстрота въ развитіи общественной жизни, характеризующая наше время, возлагаетъ на служителей церкви обязанность относиться къ вопросамъ современности съ особенною живостію и зоркостію, чтобы не утратить надлежащей доли своего вліянія на общество и не остаться позади его. Сознывая это, мы значительно расширили въ своемъ журналѣ отдѣлъ Современнаго Обзоренія и раздѣлили его на двѣ части, изъ которыхъ первая—посвящена обзору текущихъ явленій внутренней жизни нашей отечественной церкви, а вторая обнимаетъ важнѣйшія современныя событія въ средѣ православныхъ церквей на востокѣ, въ кругу вообще славянскихъ церквей и въ жизни инославныхъ религіозныхъ обществъ, насколько все это касается церкви русской.

Редакція считаетъ долгомъ и въ наступающемъ году оправдать то со-

чувствіе и то довѣріе къ своему журналу, которое продолжаетъ высказываться къ нему постоянно болѣе и болѣе со стороны просвѣщеннѣйшей части нашего общества, какъ къ органу духовной литературы, который всегда служилъ лучшимъ выраженіемъ современнаго состоянія у насъ духовнаго образованія.

Подписная цѣна за годовое изданіе: въ С.-Петербургѣ, безъ доставки на домъ, 6 руб., а съ доставкою и пересылкою во всѣ губерніи 7 руб. Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Въ избѣжаніе замедленія въ высылкѣ первыхъ номеровъ журнала, редакція покорнѣйше просить иногородныхъ подписчиковъ не запаздывать своими требованіями и адресовать ихъ исключительно въ редакцію «Христіанскаго чтенія при духовной академіи, въ С.-Петербургѣ, съ точнымъ обозначеніемъ города, или почтовой конторы, въ которую слѣдуетъ доставлять журналъ, а также — званія, имени, отчества и фамиліи подписчика.

Въ редакціи „Христіанскаго Чтенія“ можно получать также: 1) „Христіанское Чтеніе“ за 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846 и 1847 годы. Цѣна за экземпляръ каждаго изъ этихъ годовъ, порознь, назначается 3 руб. безъ пересылки, и 4 руб. съ пересылкою. Выпущивающіе журналъ за всѣ исключенные годы вмѣстѣ (всего за 14 лѣтъ) платятъ и съ пересылкою 36 руб. 2) „Христіанское Чтеніе“ за 1848, 1849, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868 годы. Цѣна за экземпляръ каждаго года 4 руб. безъ пересылки и 5 руб. съ пересылкою. 3) „Христіанское Чтеніе“ за 1850, 1852, 1853, 1854, 1855, 1870, 1871 и 1872 годы. Цѣна за экземпляръ каждаго года 6 руб. безъ пересылки и 7 руб. съ пересылкою. Помѣщены въ „Христіанскомъ Чтеніи“ слѣдующія бесѣды св. Іоанна Златоустаго: а) на книгу Бытія—за 1849 и 1852 годы; б) на книгу Дѣяній святыхъ Апостоловъ—за 1856 и 1857 годы; в) на посланія къ Ефесцамъ и къ Колоссянамъ — за 1858 г.; г) на посланіе къ Солунянамъ, а также на 1-е и 2-е посланія къ Тимоею, на посланіе къ Титу, Филимону и къ Евреямъ — за 1859 годъ. Слѣдующія бесѣды св. Іоанна Златоустаго, напечатанныя въ „Христіанскомъ Чтеніи“ за разные годы, можно получать и отдѣльными книгами по слѣдующимъ цѣнамъ: 4) на Псалмы, два тома. Цѣна 3 руб.; 5) къ Антиохійскому народу. Цѣна 2 руб.; 6) на разные мѣста Св. Писанія, три тома. Цѣна 4 руб. 50 коп.; отдѣльно каждый томъ по 1 руб. 50 коп.; 7) на разные случаи, два тома. Цѣна 3 руб.; 8) на Евангеліе отъ Іоанна, два тома. Цѣна 2 р.; 9) на 1-е посланіе къ Коринфянамъ, два тома. Цѣна 1 руб. 50 коп.; 10) письма св. Іоанна Златоустаго къ разнымъ лицамъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.; 11) Письма преп. Ѳеодора Студита, два тома 2 р. 50 к.; отдѣльно: 1-й томъ—1 р., 2-й — 1 р. 50 к. 12) Церковная исторія Евсевія Памфила. Цѣна 2 руб. 13) Св. подвижницы восточной церкви, сочиненіе преосв. Филарета. Цѣна 1 р. 50 к. 14) Древнія формы символа вѣры православной церкви, или такъ называемые апостольскіе символы, историческое изслѣдованіе профессора И. В. Чельцова. Цѣна 1 р. 25 к. 15) Систематическій указатель къ Христіанскому Чтенію за 1821—1870 гг. Цѣна 75 к. 16) Вновь поступила въ продажу книга: «Каноническое Право» митрополита Андрея Шагуны; переводъ съ нѣмецкаго. Цѣна 2 р. Пересылку всѣхъ означенныхъ отдѣльныхъ изданій редакція принимаетъ на свой счетъ.

Редакторъ «Христіанскаго Чтенія» Профессоръ Иванъ Чельцовъ.

дмирскаго Успенскаго Княгинина двѣячяго монастыря, съ весьма обстоятельною статью почтеннаго редактора.

Такихъ городовъ, какъ Владиміръ, Псковъ, Орелъ, Вяткекъ, Новгородъ, Нижній, и такихъ лицъ, какъ К. Тихоновъ, Евлентьевъ, Пупаревъ, Семеновскій, Богословскій, Гацискій—немного: почти только и есть, что—они! Между тѣмъ, городовъ областныхъ и губернскихъ (съ ихъ статистическими комитетами), вѣдомостей губернскихъ, областныхъ и епархіальныхъ, разныхъ мѣстныхъ вѣстниковъ и телеграфовъ (съ ихъ редакторами)—цѣлыя сотни! Шесть городовъ и шесть лицъ дѣло дѣлають, а остальное громадное большинство, если и производить, то весьма немного. Между тѣмъ, правительство, устроивъ статистическіе комитеты, поставило въ обязанность имъ: заботиться о составленіи подробныхъ описаній губерній и областей, уездныхъ городовъ и отдѣльных мѣстностей въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ, сельско-хозяйственномъ и пр., и издавать эти труды въ свѣтъ (ст. 3); печатать соответственныя статьи въ губернскихъ вѣдомостяхъ (ib.); издавать памятныя книжки и отдѣльныя монографіи, прискивая для сего средства (ib. и прим. къ ст. 21), и даже снаряжать особыя статистическія экспедиціи для мѣстныхъ изслѣдованій (ст. 15). Но, къ сожалѣнію, этотъ прекраснѣйшій законъ такъ и остался прекраснѣйшимъ закономъ, не возбудивъ къ себѣ не только сочувствія, но даже простаго вниманія со стороны большинства нашихъ градоначальниковъ: иначе—чѣмъ же объяснить то обстоятельство, что значительное большинство секретарскихъ и редакторскихъ мѣстъ занято полуграмотными, необразованными чиновниками, даже вопреки закону (ст. 12)? Неужели Россія такъ уже обдѣлена людьми образованными, цѣнящими и любящими свое отечество, что губернаторы во вѣречныхъ имъ губерніяхъ не могли найти даже одного такого человѣка, который отвѣчалъ бы условіямъ статистическаго закона и могъ бы съ честью и успѣхомъ выполнить секретарскую и редакторскую обязанности, столь тѣсно между собою связанныя? Нѣтъ, мы этому никогда не повѣримъ, ибо встрѣчали и знаемъ не одинъ десятокъ почтенныхъ русскихъ людей изъ разныхъ мѣстностей нашего отечества, которые съ готовностью приняли бы предложеніе и не даромъ бы занимали мѣсто секретаря и редактора. Что же касается содержанія, то мнѣшимъ его доходить до 1050 р. (750 секретарскихъ и 300 редакторскихъ); но опытный и сочувствующій дѣлу губернаторъ можетъ разными, совер-

шенно-законными, путями его значительно увеличить. Разъ уже коснувшись этого важнаго и неотложнаго вопроса, считаемъ не лишнимъ упомянуть о слухѣ, что директоромъ центрального статистическаго комитета, П. П. Семеновымъ, выработана, на новыхъ и современныхъ основаніяхъ, проектъ положеній объ устройствѣ статистической части въ губерніяхъ.

Подробнѣе рассмотримъ присланныхъ въ редакцію «Русской Старины» поминутыхъ книгъ и брошюръ, наводитъ насъ на слѣдующія соображенія. Было бы желательно, чтобы секретари губернскихъ статистическихъ комитетовъ и редакторы неофициальной части губернскихъ вѣдомостей, сообщая рѣшились: 1) собрать, чрезъ посредство своихъ неофициальныхъ и частныхъ корреспондентовъ, подробныя свѣдѣнія о правительственныхъ, частныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и проч. архивахъ, рукописныхъ собраніяхъ, отдѣльныхъ документахъ, бібліотекахъ, старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, объ археологическихъ памятникахъ и мѣстностяхъ, о мѣстныхъ старинныхъ родахъ; 2) составленный изъ этихъ свѣдѣній списокъ напечатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ и особыми изъ нихъ оттисками; 3) составить хронологическій указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части вѣдомостей, съ самаго начала ихъ изданія, и напечатать его какъ въ вѣдомостяхъ, такъ и отдѣльно, и 4) доставляемые и собираемые историческіе матеріалы и документы печатать въ вѣдомостяхъ и особо, какъ это сдѣлалъ А. Г. Пупаревъ. Исполненіе этихъ четырехъ пунктовъ весьма легко и затратить не можетъ ни на одну минуту: за то каждый изъ вѣдомостей будетъ приносить съ собою что-либо новое изъ области мѣстной исторіи и бібліографіи. Въ концѣ же концовъ—этотъ трудъ, сначала быть можетъ скучный и мало замѣтный, составитъ (если будетъ исполняться повсемѣстно) величественное зданіе, за сооруженіе котораго всѣ мыслящіе и интересующіеся отечественною исторіею и бібліографіею русскіе люди будутъ глубоко и искренно благодарны. Подобный почтенный трудъ, хотя и исполненный въ провинціи, несомнѣнно повліяетъ на успѣхи русской исторической науки. Полное убѣжденіе въ несомнѣнности этого вліянія и неотложности указаннаго труда—побудило насъ вѣскольکو распространиться и выйти изъ обычныхъ рамокъ, впрочемъ въ той увѣренности, что это наше заявленіе не попадетъ въ умственную пустыню и будетъ сочувственно принято какъ градоначальниками, такъ и секретарями и редакторами мѣстныхъ статистич. комитетовъ и губернскихъ вѣдомостей.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1873 г. четвертый годъ изданія.
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложенія, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главнѣйшій конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ **Александра Федоровича Бабунова** (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ **Ивана Григорьевича Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. **Алексѣева.**

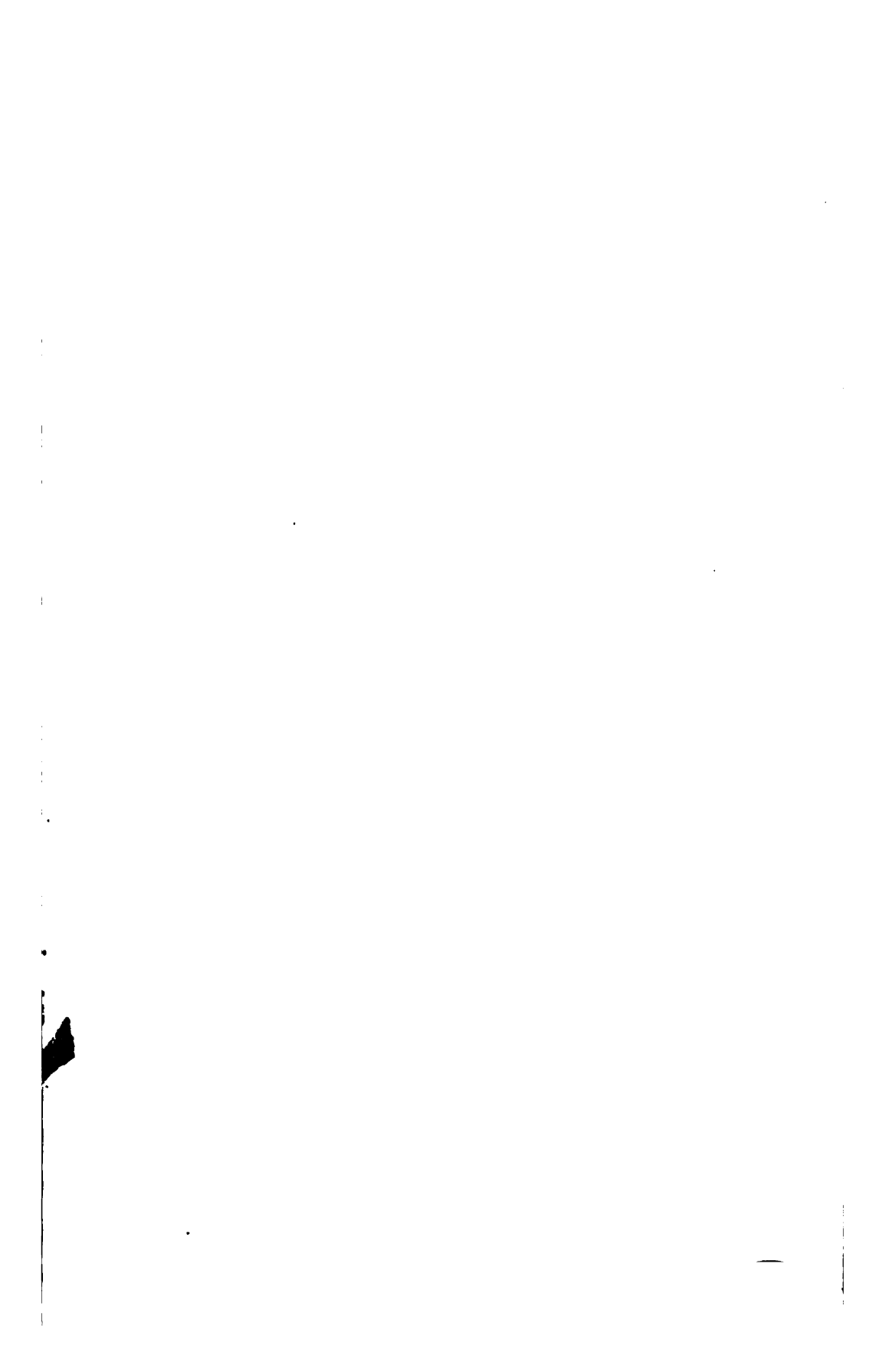
Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса: городского на иногородный — 64 коп., а иногороднаго на городской — 50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у **Спаса-Преображенія, Литейной ч. въ д. Трута, кв. № 12 и въ д. Дисицына.**

Въ послѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны: **Записки Болотова** (томъ IV и послѣдній), **Лагарпа, М. А. Бестужева, Т. П. Пассея**; документы изъ архивовъ кн. **Голицычева-Нутузова, кн. Куракинскихъ, гр. Станьковскаго, кн. Щербатова, свѣтл. кн. А. А. Италійскаго графа Суворова-Рыминскаго, именно:** бумаги относящіяся до его дѣда, генерал-симуса кн. **Суворова**; свѣтл. кн. **П. М. Волконскаго, Шминова, Бахтина**, — записки: гр. **Ф. П. Толстаго, адмир. Колзакана, М. И. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волконскаго, (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевскаго, записки ген. Толя, кн. А. А. Шаховскаго; Москов. театра артистки Никулиной-Косицкой; И. Н. Скобелева, В. К. Нюхельбергера (1831—1841 гг.); генерала Фельшера, ак. жив. **А. В. Ступина (1775—1861 г.), бывш. попеч. Д. П. Рунча; секретно вскрытыя письма въ почтамтѣ 1790—1794 гг.; дневникъ екавера 1818 г. въ Россіи; записки А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ф. Опочинина (о 1831 г.); записки Н. В. Веригина и др. Дѣло Волынскаго; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пикара (1782 г.); письма Екатерины II; письма императоровъ: Павла I, Александра I, цесар. Константина; императ. Елизаветы Алексѣевны; Трощинскаго; гр. Аракчеева; гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; **А. П. Ермолова; мѣтнія гр. Н. С. Мордвинова; разсказъ И. А. Сухозанета о 14 дес. О пребываніи въ ссылкѣ Брауншв. фамиліи; неизданныя бумаги А. С. Грибоѣдова; К. И. Батюшкова (болѣе 50 писемъ), Г. С. Батениова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Рылѣева, Пушкина, статьи В. Н. Назарина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина; П. Н. Щербальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣлова и Н. С. Тихонравова; Г. Н. Геннадіи, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова, проф. Брикнера. Сообщ.: Гр. К. И. Палена, К. С. Сербиновича, кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, А. П. Заблоцкаго, И. Д. Дельнова, акад. А. А. Кукина, Н. Н. Сельфонтова, Ф. И. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Корнилова, К. П. Колзакана, Н. Ф. Крузе, гр. Э. К. Чапскаго, А. П. Чеботарева, Г. И. Рѣпинскаго; И. П. Липранди, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ф. А. Бюлера, М. Ф. Бороздина, Н. П. Дурова, и мн. др.******

Въ составленіи и изданіи „Русской Старинны“ принимаетъ постоянное и непосредственное участіе Членъ С.-Петербургскаго Педагогическаго, Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ и Императорской Археологич. Комиссіи — **М. И. Семевскій.**

1922

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

CANCELLED
7
APR 29 1975
483380

